

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

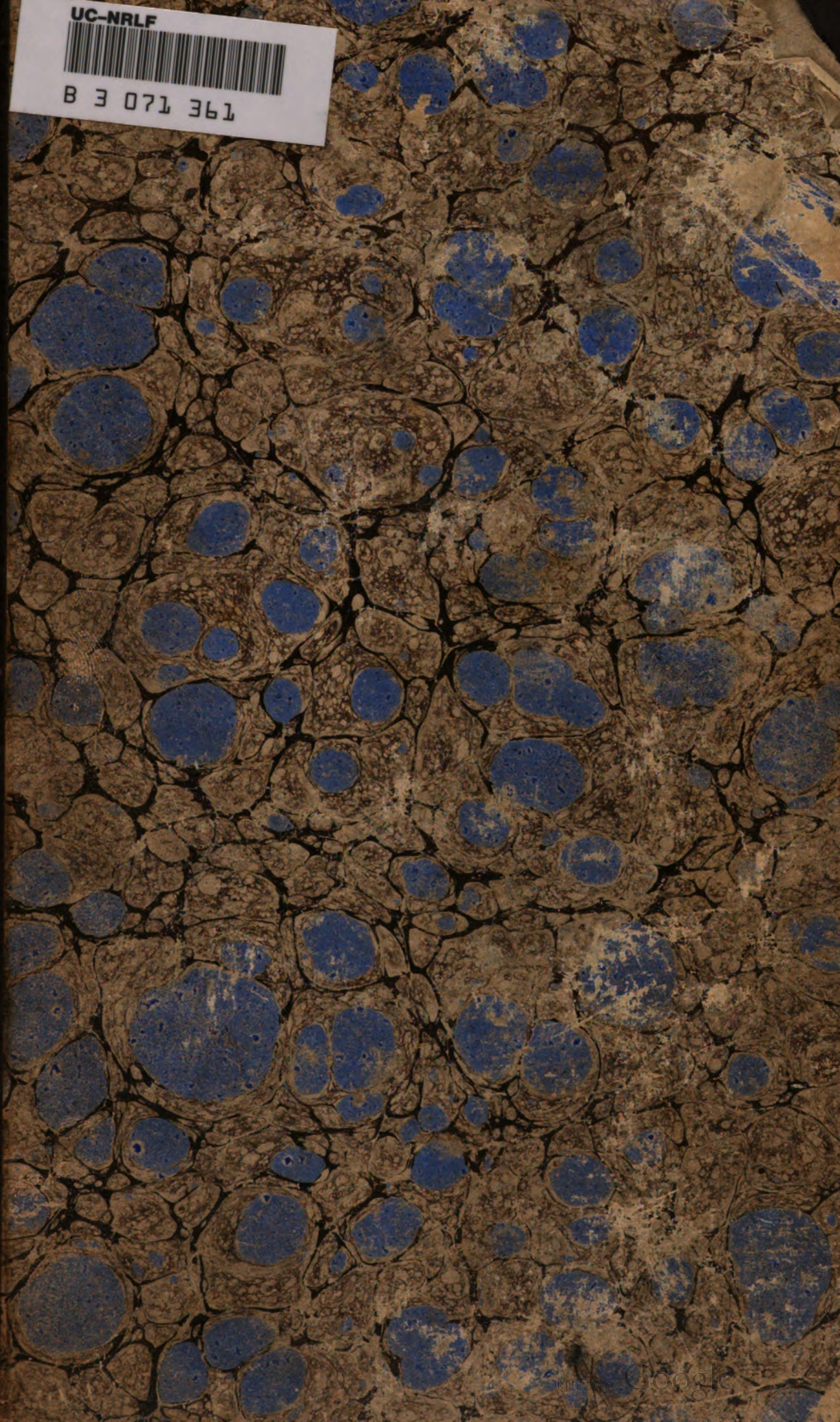
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 071 361

945 Г

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

No _____

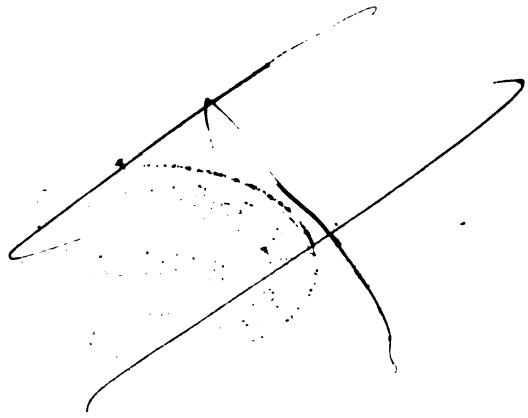
ШКАФЪ 34

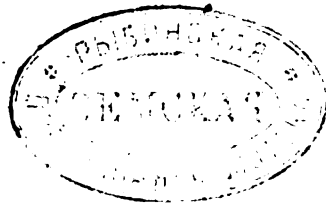
ПОЛКА 3

МЕСТО 20

15/11

8/11

1904.

ОБРАЗОВАНИЕ.

Августъ.

СОДЕРЖАНИЕ № 8.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАФ.

1.	Бабыя доля. Очерки Л. Тычино	1— 25
2.	Въ морѣ. Стихотвореніе Е. Чернобаева	26
3.	„Все бытіе есть жгучее страданіе“. Разказъ Густава Мейринка , перев. съ нѣмецкаго <i>М. Толмачевой</i>	27— 31
4.	* * * Стихотвореніе Л. Василевскаго	32
5.	Съ благотворительной цѣлью. Разказъ О. Руновой	33— 55
6.	* * * Стихотвореніе О. Р. П.	56
7.	Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффуа , перев. съ франц. <i>Е. С.</i> (Продолженіе).	57— 88
8.	Тасжная встрѣча. Разказъ Н. Березина	89—104
9.	Божьи рабы. Очеркъ В. Бруснина	105—115
10.	Памяти А. П. Чехова . Стихотвореніе Е. Чернобаева	116
11.	Семейство Оберлэ. Романъ Рене Базена , перев. съ франц. <i>А. В-ой</i>	117—152

ОТДѢЛЪ II.

12.	Корея и корейцы (Окончаніе) А. Ц.	1— 29
13.	Забытый вопросъ (Просвѣтительныя учрежденія въ нашихъ тюрьмахъ). М. Лесгафтъ	30— 38
14.	Взгляды Н. Г. Помяловскаго на воспитаніе Е. Ельмановой	39— 59
15.	Происхожденіе денегъ. П. Берлина	60— 79
16.	Современныя этическія исканія. Е. Лозинскаго	80—103
17.	Открытое предложеніе введенія рабства въ Россіи (Письмо въ редакцію). И. Бѣлоконскаго	104— 108

ОТДѢЛЪ III

18.	О нашихъ направленіяхъ. (По поводу сборника „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“) Л. Клейнборта	1— 18
19.	Новые матеріалы для характеристики современнаго земства. Н. Юрданскаго	19— 31
20.	ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ . Застой въ промышленности и торговлѣ. Результаты урожая. Убіеніе А. Ф. Андреева въ Аджикентѣ и В. К. фонъ Плеве въ Петербургѣ. Новые законы о печати въ Финляндіи. Пребываніе праха А. П. Чехова въ С.-Петербургѣ. В. Б.	32— 47

Ст 3 стр

ХІІІ.

1904.

ОБРАЗОВАНИЕ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ,
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

и

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ.

№ 8.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія В. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Розданы въ 1904 г.
августъ
Одесса

Дозволина цензурою С-Петербургъ. 23 августа 1904 г.

LOAN STACK

251
035
v. 13:8

СОДЕРЖАНИЕ № 8.

ОТДѢЛЪ I.

1.	Бабыя доля. Очерки Л. Тычина	25
2.	Въ морѣ. Стихотвореніе Е. Чернабаева	26
3.	„Все бытіе есть жгучее страданіе“. Разсказъ Густава Мейринка , перев. съ нѣмецкаго М. Толмачевой	27— 31
4.	* * * Стихотвореніе Л. Василевскаго	32
5.	Съ благотворительной цѣлью. Разсказъ О. Руновой	33— 55
6.	* * * Стихотвореніе О. Р. П.	56
7.	Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффуа , перев. съ франц. Е. С. (Продолженіе).	57— 88
8.	Таежная встрѣча. Разсказъ Н. Березина	89—104
9.	Божьи рабы. Очеркъ В. Брусянина	105—115
10.	Памяти А. П. Чехова . Стихотвореніе Е. Чернабаева	116
11.	Семейство Оберля. Романъ Рене Базена , перев. съ франц. А. В—ой	117—152

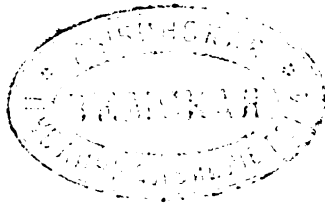
ОТДѢЛЪ II.

12.	Корея и корейцы (Окончаніе) А. Ц.	1— 29
13.	Забитый вопросъ (Просвѣтительныя учрежденія въ нашихъ тюрьмахъ). М. Лесгафтъ	30— 38
14.	Взгляды Н. Г. Помяловскаго на воспитаніе Е. Ельмановой	39— 59
15.	Происхожденіе денегъ. П. Берлина	60— 79
16.	Современныя этическія исканія. Е. Лозинскаго	80—103
17.	Открытое предложеніе введенія рабства въ Россіи (Письмо въ редакцію). И. Бѣлоконскаго	104—108

ОТДѢЛЪ III.

18.	О нашихъ направленіяхъ. (По поводу сборника „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“). Л. Клейнборта	1— 18
19.	Новые матеріалы для характеристики современнаго земства. Н. Юрданскаго	19— 31
20.	ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ . Застой въ промышленности и торговлѣ. Результаты урожая. Убийство А. Ф. Андреева въ Аджикентѣ и В. К.	

- фонъ Плева въ Петербургѣ. Новые законы о печати въ Финляндіи. Пребываніе праха А. П. Чехова въ С.-Петербургѣ. **В. Б.** 32— 47
21. **ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.** Выразители общественнаго мнѣнія.— О національной обособленности евреевъ.— Postscriptum. **А. Изгоева** 48—70
22. **РОДНЫЯ КАРТИНЫ.** О Львѣ Тихомировѣ и его теоріи „мирнаго гнѣнія“ и „полезныхъ кровопусканій“. О гг. Меншиковѣ и Менделѣевѣ и о „всемирномъ размноженіи“ какъ политической программѣ. Какъ поступать съ плѣнными японцами? Мнѣніе по этому вопросу „Московскихъ Вѣдомостей“. О сестрахъ милосердія и г-жѣ Лухмановой. Неосновательные процессы. Провинціальная юстиція. Дѣло Безсалова. Новый способъ пьянства. Война и печать. Мелочи. **Александра Яблоновскаго** 71—95
23. **СО СТОРОНЫ.** Люди-ли матери? (По поводу „Критическихъ замѣтокъ“ г. А. Б. въ журн. „Мірѣ Божій“). „Марья Сергѣевны“ 96—104
24. **ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ.** Электричество въ газахъ (съ 9 рис). **А. Н.** 105—131
25. **НА ЗАПАДѢ.** (Изъ Германіи). Изъ галлерей политическихъ скомороховъ. **Г. Гроссмана** . . . 132—146
26. **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.** 1) К. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ.—В. Ивановъ. Прозрачность.—А. Бѣлый. Золото въ лазури. **Н. Ашешова**. 2) М. Чеховъ. Синій чулокъ. **Н. Ашешова**. 3) Г. Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. **Н. М.**—4) А. Стриндбергъ. Отецъ. **В. Фриче**. 5) Е. Лядкій. **И. А. Гончаровъ**. **С. Ашевскаго**. 6) Н. Биштокъ. Книга мудрости. **А. Налимова**. 7) А. Кони. **Ө. П. Гаазъ**. **Л. Василевскаго**. 8) **Ө. Икономовъ**. Наканунѣ реформъ Петра В. **В. Николаева**. 9) В. Авчинникова. Проституція и проф. **Тарновскій**. **В. Фриче**. 10) Д-ръ А. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ. **Д-ра Д. Никольскаго**. 11) **W. Бонаровскій**. Изъ народной медицины. **Л. Василевскаго**. 12) Изданія „Посредника“ **В. Величкиной**. Книги поступившія въ редакцію 147—176
27. **КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ** 49—64

Бабья доля.

(Очерки).

„Ключи отъ счастья женскаго,
„Отъ нашей вольной волюшки,
„Заброшены, потеряны
„У Бога самаго!“

Некрасовъ.

Въ приѣмной.

Дзѣнь... дзѣнь...—Рѣвкїй, дребезжащїй электрическїй звонокъ прорѣзвалъ тишину.

— Звонокъ! Слышите? Звонокъ! Кто на очереди? Кто?—раздается сразу нѣсколько оживленныхъ женскихъ голосовъ.

— Я, я! Слышу! Иду!—отзывается раздражительный, нетерпѣливый голосъ.

По безкомечному, ярко освѣщенному коридору больничнаго зданїя слышатся легкіе торопливые шаги обладательницы нетерпѣливаго голоса. Она вскочила съ широкой кровати, поставленной тутъ же, въ углу коридора. Соломенные тюфяки, жесткія, скатавшїяся въ комокъ перовня и волосяныя подушки, малеькіе, твердые, какъ дерево, валики въ холщевыхъ наволочкахъ безпорядочно набросаны на этой кровати; на ней же, въ невообразимыхъ позахъ, скорчившись, лежатъ нѣсколько ученицъ повивальнаго искусства, — кто вытянувшись у стѣнки, прижавшись, какъ бы прильнувъ къ ней всѣмъ существомъ, кто—поперекъ кровати, въ ногахъ, сжавшись, закутавшись въ бѣлый хирургическїй халатъ, закинутый на голову,—или вклинившись между двухъ фигуръ, на такомъ узкомъ пространствѣ, что, казалось бы, трудно умѣстить и не толстое полѣно...

И всё онъ спять тревожнымъ, тяжелымъ сномъ, готовая проснуться при звукѣ шаговъ „докторскаго обхода“, чтобы вразсыпную разсвѣяться по коридору, въ родилку, въ ванную, въ патологическую... Или же вскочить отъ дребезжанья звонка, тутъ близко надъ головой,—но это только въ томъ случаѣ, если погруженная въ глубокой сонъ измученнаго долгимъ ожиданіемъ человѣка хранить еще въ своемъ усталомъ мозгу сознание, что она „первая на очереди“. Если же она не „первая“, то греми звонокъ хоть часъ не умолкая, спящая фигура не пошевелится, развѣ только голова ея еще глубже зароется въ подушки.

Торопливо, на - ходу поправляя спутавшуюся прическу, „первая на очереди“ заглянула въ родилку, захватила грубой халатъ изъ желтаго сукна, стоптанныя туфли-шлепанцы и, ни на кого не глядя, не отвѣчая на вопросы, побѣжала внизъ по лѣстницѣ, на которую вела дверь изъ безкомечнаго корридора.

Она бѣжала, ёжась отъ холода, тянувшего по лѣстницѣ, какъ по трубѣ вверхъ изъ открытой внизу входной двери, вздрагивая отъ нервной дрожи, пробѣгающей мучительной струйкой вдоль хребта, стягивающей затылокъ.

Слустившись внизъ и проходя мимо кочегара, она мимоходомъ кинула:

— Пожалуйста, топите, а то опять на ванну воды не хватить!

Кочегаръ, пожилой, широкоплечій мужикъ съ сонливымъ, недовольнымъ лицомъ, густо заросшимъ бородой, со спутанными сѣдыми кудрями, нетерпѣливо отмахнулся:

— Когда это бывало, чтобы воды не хватило? Ишь, вѣдь, скажете!— Огъ сердито почесалъ затылокъ, но все же пошелъ къ печи и поворошилъ дрова...

Въ пріемной, на деревянномъ, окрашенномъ бѣлой краской диванѣ, сидѣла молодая женщина. Симпатичное, довольно красивое лицо, съ выраженіемъ нестерпимой муки въ большихъ ввалившихся глазахъ. Больная вся подалась впередъ, когда на порогѣ показалась фигура въ бѣломъ халатѣ. Въ чертахъ лица отразились вопросъ, ужасъ.

— Давно-ли началось-то?—отрывисто спрашивала вошедшая.

— Второй день мучаюсь, барышня, только сперва не сильно, а теперь такъ худо, мочи нѣтъ!.. Боюсь я... умереть боюсь, барышня; въ первый разъ, вѣдь... Страшно!

— Пустяки,—улыбнулась барышня,— не умрете...— Не бойтесь, голубушка!.. Ну пойдѣте, я васъ посмотрю...—И

она, ласково взявъ большую за локоть, направила ее въ сосѣдную комнату.

Спустя четверть часа дежурная по пріемной акушерка спрашивала слушательницу-пріемницу:

— Что, Михайлова? Берете больную?

— Хочу взять, бабушка, случай интересный!

— Ну берите, берите! Желаю успѣха, да поскорѣе!

И Михайлова, переодѣвъ больную въ больничное бѣлье, накинувъ на ее плечи желтый халатъ, медленно вела по лѣстницѣ свою паціентку, — вела и возмущалась.. возмущалась жестокостью людей, допускающихъ женщинъ въ родовыхъ мукахъ подниматься въ третій этажъ.

— Что, устали? Ну отдохните...—Больная съ тихимъ стономъ припадала головой на плечо барышни и, невыразимо страдая, сжимала ей до боли тонкія пальцы...

— Ну, ничего, еще нѣсколько ступенекъ, всего пять... Ну вотъ! Теперь налѣво, сейчасъ и ляжемъ—легче будетъ!

Въ распахнувшуюся настежь дверь вырвался смѣшанный гулъ. Въ первую минуту трудно было разобрать, какіе звуки преобладали: тутъ были стоны—тихіе, протяжные, стоны нетерпѣливые, переходящіе въ крики, тутъ же слышался и оживленный говоръ молодыхъ женскихъ голосовъ, тихій смѣхъ, шутки, взрывы хохота...

Въ тотъ моментъ, когда больная, сопровождаемая своей „барышней“, вошла въ „родилку“, комната представляла слѣдующую картину: изъ четырехъ кроватей была только одна не занята и, блистая чистотой простыни, привѣтливо предлагала пріютъ вновь прибывшей. На остальныхъ трехъ, подъ сѣрыми казенными одѣялами, вырисовывались некрасивыя фигуры роженицъ, стоны которыхъ поражали при входѣ.

На среднѣй, подъ большой висячей лампой, стоялъ столъ, покрытый сложеннымъ въ нѣсколько разъ одѣяломъ, взятымъ съ незанятой еще кровати. На одѣялѣ прихотливыми группами расположились разноцвѣтные костяные кружечки известной англійской игры, у насъ именуемой „блошками“.

Нѣсколько дѣвицъ, съ блестящими глазами, раскраснѣвшими лицами, тѣснились вокругъ стола.

Одна, очень полная, съ высокой, колыхающеюся отъ смѣха и восторга грудью, восклицала торжествующе:

— Вѣдь, говорила-же я вамъ, что выиграю партію! Вѣдь, говорила! Никто въ мірѣ искуснѣе меня не засаживаетъ „блошекъ“ въ „ведрышко“!

— Ну, положимъ! Не все коту масляница!—слышатся возраженія.

— Посмотримъ, чья-то будетъ слѣдующая партія!

— И не одну еще партію сыграемъ, больныя то наши что то бездѣйствуютъ!—сыплются фразы въ отвѣтъ на хвастливую рѣчь побѣдительницы.

Появленіе Михайловой съ больною на минутку вызываетъ сенсацію:

— Ну что? Взяли?

— Думаете скоро?

— „Зак...“ или „не“?

— Какъ видите, не знаю, „незаконная“!—сразу на всѣ вопросы отвѣчаетъ Михайлова, укладываетъ больную, а сама идетъ въ сосѣднюю комнату готовить ванну.

Пока она, съ градусникомъ въ рукахъ, окруженная облаками пара, исходящаго отъ спущенной горячей воды, возится съ приготовленіемъ, къ ней заглядываетъ нѣсколько лицъ.

— Михайлова, я не расслышала, у васъ законная или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, незаконная!

— Ахъ, какая досада! Вѣдь, вотъ наказанье-то! Придется цѣлыя сутки просидѣть одной въ палатѣ.

Принимающимъ у „незаконныхъ“ всегда завидуютъ, потому, во-первыхъ, что такихъ больныхъ является вдвое больше, почему палата заполняется быстрѣе и дежурства чередуются вполне правильно: въ четырехмѣстной палатѣ два раза въ недѣлю по 12 часовъ, на каждую дежурную, по разу днемъ и ночью, а въ „законной“ палатѣ иной разъ и двое сутокъ подождешь смѣны...

Михайлова понимаетъ эту зависть и старается утѣшить:

— Ну ничего! Можетъ, подъ утро и къ вамъ нагрянутъ...

— Михайлова!—входитъ смазливенькая барышня въ очень модной прическѣ, съ короткими рукавами халата, отороченными широкими кружевными оборками, съ пушистымъ жабо на шеѣ.

— Михайлова, вѣдь, мы съ вами, чего добраго, опять въ одну палату попадемъ?—Голубенькіе глазки смотрятъ заискивающе.

— Ну такъ что-жь?

— Видите-ли, Михайлова, нынче, на этой недѣлѣ у медиковъ концертъ, такъ я думала... Не подежурите ли вы за меня одну смѣну... а тамъ... когда-нибудь я за васъ...

— А можетъ быть, я хочу сама итти къ медикамъ?

— Ну-у вотъ!..—протягиваетъ, надувая губки, барышня,—вѣдь, вы почти нигдѣ не бываете, а тутъ...

— Значить, тѣмъ болѣе мнѣ слѣдуетъ сходить на этотъ концертъ... впрочемъ, это пустяки—можетъ быть, вамъ и не придется въ это время дежурить: вѣдь, очередь пока не извѣстна... Что-жъ говорить?

— Нѣтъ... я такъ, на всякій случай...

— Ахъ, вотъ что! А, вѣдь, вы, иногда умѣете быть предумо-
смотрительной!

— На что это вы намекаете?—вспыхиваетъ барышня.

— Рѣшительно ни на что!

— Нѣтъ ужъ! Я знаю! Это съ вашей стороны... Это... я не знаю, что такое! Какъ назвать! И какъ мнѣ это надоѣло! Скажите, важность какая! Еще понимаю, если бъ я дала больной вмѣсто касторки сулему, карболку, что-нибудь ядовитое, а то просто ложку глицерину... вѣдь, и тягучій такой же! А всѣ глаза колятъ! Конечно, больная-дура виновата... Дрянь какая! Проглотила, а потомъ хвастается, что сладкую касторку приняла!..—капризнымъ голосомъ обиженнаго ребенка ныла барышня.—И къ чему всѣ эти разговоры? Вѣдь, больная не умерла!

— Ваше счастье, что попался глицеринъ,—отозвалась Михайлова,—дали бы.. а впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ, Платовская, я, право, ни на что не намекала... Это ваше дѣло...—И Михайлова снова склонилась надъ ванной, помѣшавшая градусникомъ воду.

Платовская удалилась разгнѣванная.

— Господи, когда же это вода набѣжитъ?—тоскливо думаетъ Михайлова.

— Михайлова, ваша больная что то очень застонала, смотрите, не прозвываете!—На порогѣ остановилась худощавая молодая женщина,—свѣтлые волосы гладко причесаны, лицо не изъ красивыхъ, но доброе, привѣтливое, сѣрые глаза смотреть грустно.

— Спасибо, Пущина, иду, только, если есть время, посмотрите, пожалуйста, за ванной,—холодная вода не перебѣжала бы...

— Хорошо, идите!

Черезъ нѣсколько минутъ больная сидитъ въ ваннѣ, погруженная до шеи, а Михайлова, утомленная бѣготней и хлопотами, присѣла на приступочкѣ, ведущей въ ванну, и заводитъ разговоръ со своей пациенткой. Ванна обыкновенно служитъ связующимъ звеномъ между барышней-пріемщицей и больной. Въ ваннѣ больныя утихаютъ, и въ большинствѣ

случаевъ можно ожидать, что черезъ четверть часа каждая разскажетъ о своемъ семейномъ положеніи, о мужѣ и дѣтяхъ, если она „законная“, или кратко-схематически, и только изрѣдка многорѣчиво, изложитъ свою „исторію“, если она „незаконная“.

Михайлова смотритъ на выставившуюся изъ воды хорошенькую головку большой съ небрежно закрученными на макушкѣ густыми, темными волосами, съ томными усталыми глазами, ввалившимися и отбѣненными длинными рѣсницами, съ чертами тонкими, словно выточенными... Яркій румянецъ такъ выгодно освѣтилъ это лицо, что глазъ оторвать не хочется.

— Вы сюда прямо изъ дому попали?—спрашиваетъ Михайлова.

— Да, барышня, „омъ“ мнѣ комнату отъ хозяйки занимаетъ... Стѣнка у насъ тошечная, а рядомъ студенты живутъ, все слышно, что у насъ, что у нихъ дѣлается... Такъ мнѣ стыдно было, не могу не стонать, и говорю это хозяйкѣ: „Худо мнѣ, пойду въ родильный“... Пошла, посмотрѣли меня—говорятъ, „не скоро еще!“—не приняли... Стояла я потомъ, стояла на улицѣ, домой вернуться не хочется... А все же пришлось... Сколько часовъ промучилась... Наконецъ то, вы ваяли.—Она смолкла на минутку, какъ бы ожидая реплики.

— Ну теперь ужъ не долго!—бодро сказала Михайлова

— Ахъ, хоть бы поскорѣе!—тоскливо вымолвила больная.—Барышня! Извините, что я у васъ спрошу...—несмѣло подвела она глаза на Михайлову.

— Въ чемъ дѣло?—Спрашивайте!

— Ребенокъ то у меня живой?—она замерла, ожидая отвѣта.

— Живъ, живъ, голубушка.

— Жи-въ!—умыло протянула молодая женщина.—Живъ! Ахъ, какъ я молилась, чтобы омъ умеръ, барышня... Вѣдь, сколько отъ него горя мнѣ приключилось... И въ церковь ходила, и свѣчки на камунъ ставила... Грѣхъ это, барышня?—возбужденно спросила она.

— Да, я думаю, что это нехорошо,—отвѣтила Михайлова сухо; въ ней уже исчезало чувство симпатіи, вызванное милосердіемъ паціентки.

— Животное!—раздражительно думаетъ она,—низкія натуры... ничего, ничего человѣческаго! Впрочемъ... эта еще только Бога молить, чтобы ребенокъ умеръ, а другія.

— Куда я съ нимъ дѣнусь? — слышитъ Михайлова жалобный голосъ большой.—На мѣсто съ нимъ не возьмутъ...

Въ воспитательный вотъ... только опять деньги надо платить, а гдѣ я ихъ возьму?.. Опять съ „него“ тянуть? Ужъ сколько я ему стою? И безъ того сидитъ, сидитъ, корпится надъ бумагами, ажно жалко глядѣтъ, иной разъ за полночь...

— А онъ гдѣ служить?—спросила Михайлова, смягченная тономъ большой.

— Въ канцеляріи, барышня, у генерала, у мужа моей барыни. — Михайлова уже знаетъ изъ опроса, что большая „горничная“.

— Сколько-же онъ получаетъ?

— Двадцать рублей за службу, да за вечернія занятія рублей пятнадцать—на двоихъ-то плохо хватаетъ...

— А барыня у васъ хорошая была?—задумчиво спросила Михайлова.

— Барыня-то? Да ничего, хорошая... — Больная вдругъ, какъ-то глубже опустила въ ванну и застонала.

— Что?—тревожно спросила Михайлова. Больная кусала губы и не отвѣчала. Но боль прошла и снова завязалась бесѣда.

— Барыня-то молодая, а баринъ старый, вотъ она и сердится:—„Ты, говорить, жизни мнѣ настоящей не даешь, ты, говорить, молодость мою губишь!“ А онъ ей все руки цѣлуетъ, чего она ни захочетъ—все ей купить, только-бы она никуда безъ него не ходила... дома бы съ нимъ сидѣла. А она плачетъ, жалуется: скучно мнѣ, скучно мнѣ, Маша!—Только, какъ „познакомилась“ я съ „нимъ-то“, и стало это меня тошнить...—(Подробности знакомства больныя обыкновенно обходятъ молчаніемъ. Михайлова знаетъ это и не спрашиваетъ).—Похудѣла я,—продолжала больная,—барыня все ко мнѣ: „Что съ вами, да что съ вами?“ Пришелъ къ нимъ докторъ,—она къ нему: „докторъ, полечитѣ Машу“...—А тотъ посмотрѣлъ, да возьми и скажи баринѣ всю правду... Тутъ и началось мое мученье... Ушелъ докторъ, барыня ко мнѣ въ каморку... Ни жива, ни мертва лежу, къ стѣнкѣ повернулась. Вошла это барыня и говорить: „Ахъ, Маша, Маша, какъ вамъ не стыдно! Что вы со мной сдѣлали? Какъ вы ужасно поступили... Я къ вамъ такъ привыкла, такъ вамъ довѣряла... И кого я теперь съ запиской пошлю? И къ столу въ такомъ видѣ вы подавать не можете... Ахъ, Маша, Маша!.. Да еще Рождество близко, прислугу такъ трудно найти передъ праздниками!“—„Барыня,—говорю,—вѣдь, еще не скоро“... „Не скоро! Не скоро!—барыня ужаси какъ рассердилась,—вы, говорить, милая, съ ума сошли! Я вамъ по-русски говорю,

что мнѣ до вашего поведенія дѣла нѣтъ никакого, но горничную „въ такомъ положеніи“ я, конечно, не могу держать!“

„Барыня, — говорю, — грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ.. Вѣдь, вотъ и вѣй скучаете и записки все пишете Павлу Васильевичу“...—(а Павелъ-то Васильевичъ адвокатъ молодой). Тутъ какъ вскочить моя барыня:—„Ахъ, вы дрянъ этакая! Я съ вами хотѣла добромъ, по-человѣчески, а вы на дерзости! Чтобъ вашего духу тутъ не было! Вонъ, сейчасъ-же вонъ!“—

Дрожитъ вся барыня, красная вся, ногами топаетъ, кричить...—

„Богъ съ вами, говорю, барыня, уйду“...

Больная осѣклась на полусловѣ, вся измѣнившись въ лицѣ, заворочалась въ ваннѣ, и Михайлова поспѣшила перевести Машу въ постель.

Не успѣла она укрыть больную одѣяломъ, какъ дверь родильни широко растворилась, и смѣшанный гулъ мужскихъ голосовъ заставилъ всѣхъ присутствующихъ встрепенуться и немного подтянуться.

Дѣвица съ высокой грудью сдѣлала попытку стащить со стола одѣяло и разбросанныя на немъ разноцвѣтныя „блошки“, но попытка не увѣчалась успѣхомъ: съ легкимъ стукомъ костяшки раскатились по полу, нѣсколько барышень наклонились подбирать ихъ, а одѣяло такъ и осталось сдвинутымъ на сторону...

Вошедшій „ночной обходъ“ состоялъ изъ пяти человѣкъ,—люди разныхъ возрастовъ, несомнѣнно, различныхъ характеровъ, взглядовъ и убѣжденій.

Впереди, нѣсколько отдѣлившись отъ толпы, шелъ высокій стройный, съ грубоватымъ, но на рѣдкость красивымъ лицомъ, очень молодой еще человѣкъ, подающій большія надежды,—старшій врачъ Вадславъ. Крѣпкая, мускулистая фигура, облеченная въ хирургическій халатъ, блистающій бѣлизною, туго накрахмаленный стоячій воротничокъ сорочки подпираетъ подбородокъ, узенькій бѣлый галстухъ. Въ рукѣ пучокъ живыхъ цвѣтовъ, которыми онъ слегка помахиваетъ на ходу. Полудѣтская, блуждающая на губахъ улыбка придаетъ ему отгѣнокъ какой-то безшабашной безпечности.

Вошла эта толпа съ веселымъ говоромъ, съ улыбающимися лицами, и напряженіе, воцарившееся было въ родилкѣ, исчезло моментально.

Вадславъ подошелъ къ столу, замѣтилъ „блошекъ“ и засмѣялся.

— Все въ порядкѣ,—заговорилъ онъ веселымъ, низкимъ голосомъ,—больныя по своимъ мѣстамъ... Приемщицы раз-

звлекаются... Настроение бодрое...—Онъ кидаль эти фразы, ни къ кому не обращаясь, и свободной, не занятой цвѣтами, правой рукой захватилъ большую костьяную плитку, пожалъ ею самый корешокъ розовой „блошки“. Она завилась надъ одѣяломъ и съ легкимъ стукомъ упала въ пустое деревянное ведрышко.

— Ловко?—спросилъ Вадславъ, показывая рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.—Не правда-ли?

Платовская подбѣжала къ нему и запѣла жалобно капризными нотами:

— Ахъ, Михайль Станиславовичъ, насъ Нерикова все обыгрываетъ!—Она смотрѣла на старшаго врача своими голубенькими глазками, придавая имъ особенно сладкое выражение.

— Ну что же? Нерикова у насъ молодець, ей это ничего не стоитъ, она кого нибудь и покрупнѣе „блошки“ въ уголь загонить!

Нерикова, дѣвица-побѣдительница, зардѣлась и сконфужено опустила глаза... Вадславъ отвернулся и хотѣлъ-было итти въ другую сторону, но Платовская такъ и впиалась въ него.

— Михайль Станиславовичъ, Михайль Станиславовичъ, откуда эти цвѣты?

— Цвѣты?—Докторъ небрежно взглянулъ на пучокъ зелени, который машинально вертѣла его лѣвая рука, и прощѣдилъ сквозь зубы.

— Это... котильонные лавры... съ бала сейчасъ... Впрочемъ... съ этой дрянью пора и разстаться!—и онъ швырнулъ цвѣты на деревянное кресло, стоявшее у стола.—Возьмите, если хотите!—крикнулъ онъ Платовской. Та покраснѣла до ушей, но все же скользнула къ креслу и, выбравъ самую красивую розу, заколола ее себѣ въ свѣтлые волосы.

Отъ пучка зелени скоро не осталось и слѣда—подчиненныя-поклонницы разобрали все по цвѣточку. Вадславъ стоялъ возлѣ больной Пуцциной и серьезно, внимательно расспрашивалъ молодую женщину съ печальными глазами.

Возлѣ окна образовалась небольшая группа: два доктора—одинъ молодой, высокій брюнетъ восточнаго типа, другой маленькій, не старыи, но уже успѣвшій облысѣть, блондинъ, въ золотыхъ очкахъ, юркій и угодливый—разговаривали съ дѣвцами-пріемщицами о томъ, о семъ. Коснулись слегка большихъ и наиболѣе интересныхъ событій этой ночи: патологическій случай, окончившійся операціей; затишье, длившееся нѣсколько часовъ, благодаря отсутствію больныхъ; потомъ

коснулись случайнаго морова и вообще погоды. Докторъ восточнаго типа больше молчалъ и наивно улыбался, ворочая своими продолговатыми черными глазами—онъ былъ здѣсь еще новичокъ и стѣснялся большого женскаго общества.

Другой,—тоже недавно поступившій ординаторомъ,—уже успѣлъ вполне освоиться. Онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы сдѣлаться любимымъ и популярнымъ. Нѣсколько десятковъ глазъ, зорко наблюдавшихъ за всякой новинкой, уже успѣли оцѣнить его. При немъ старались высказывать взгляды и мнѣнія, которые было бы особенно желательно довести до свѣдѣнія высшаго начальства.. Когда удаляющіеся шаги доктора Полутонова затихали по безконечному коридору, ему вслѣдъ бросались насмѣшливыя улыбки и презрительнымъ тономъ говорилось:— Ну, побѣжалъ въ дежурную врачей, выболтаеть тамъ все до дна, а потомъ, мешарокомъ, занесеть и намъ мнѣніе оттуда!..

Пока еще его не раскусили,—нѣсколько человѣкъ поддѣлосъ на удочку его прекраснодушія; теперь же съ нимъ держать ухо востро, а многія стараются извлечь изъ него какъ можно больше пользы.

Пока „обходъ“ въ родилкѣ,—разговоръ съ Полутоновымъ будетъ вертѣться на общихъ, мало интересныхъ темахъ, но онъ обязательно, совершенно случайно и неожиданно какъ для себя, такъ и для другихъ, замѣшкается и отстанетъ отъ обхода,—тогда тонъ переменится, зазвучатъ нотки искренности и откровенности, сердце Полутонова переполнится волнами умиленія, онъ будетъ жадно ловить слова, будетъ давать подбадривающія реплики и польется дружеская бесѣда... Авось, изъ этого что-нибудь да выйдетъ!

— Докторъ Старцевъ!—Михайлова подошла къ высокому тонкому, какъ жердь, врачу, вошедшему съ другими и остановившемуся у притолоки. Онъ стоялъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, молча совершая окружающее. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30—32-хъ, съ темно-сѣрыми, серьезными до грусти глазами на умномъ, интеллигентномъ лицѣ, обрамленномъ темной бородкой. Выраженіе скуки и нетерпѣнія залегло въ складкахъ лба и губъ. На обращеніе Михайловой онъ обернулся быстро, чуть чуть вдрогнувъ отъ неожиданности.

— Что угодно?—проронилъ онъ, по привычкѣ нагибаясь, такъ какъ большой ростъ почти всегда требовалъ этого.

— Я хочу попросить васъ, докторъ, осмотрѣть мою больную. Провѣрки хочется. Взгляните, мнѣ кажется, случай интересный, трудный. Я вамъ такъ вѣрю...—смущаясь, тихо гово-

рила Михайлова:—у ней... И она изложила доктору результатъ своего изслѣдованія.

Старцевъ слабо улыбулся на ея фразу о довѣрии, отмахнувшись, какъ отъ мухи, затѣмъ опять склонилъ голову и слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ.—Такъ, такъ...—изрѣдка ромялъ онъ.

На одной изъ кроватей стоить молоденькая женщина. На глазахъ слезы, щеки раскраснѣлись, волосы разметались по подушкѣ. Воздѣ нея, на краю кровати, сидитъ пятый членъ „обхода“—докторъ Петровъ, человекъ маленькаго роста, тѣлодушный, типа закудалаго раскольника, съ изможденнымъ блѣднымъ лицомъ, съ бородой безъ всякаго поползновенія курчавиться, жиденькой, клинообразной и съ глазами распятаго Христа.

— Не кричите, не кричите!—говоритъ онъ нервнымъ, доходящимъ до дрожи голосомъ.—Да не кричите-же! Вѣдь, я вамъ не дѣлаю больно... Не кричите! Да скажите же ей, чтобы она не кричала!..—обращается онъ къ окружающимъ, а тѣ съ трудомъ сдерживаютъ смѣхъ.

— Баринъ!—слышится съ сосѣдней кровати вразумительный отпоръ,—попробовалъ бы ты, батюшка, самъ, такъ не сталъ бы говорить: не кричи да не кричи... Вамъ то хорошо... а каково нашей сестрѣ...

Петровъ поднимаетъ на нее страдальческіе глаза, смотритъ съ недоумѣніемъ нѣсколько секундъ, затѣмъ обращается къ больной и тѣмъ же жалобнымъ голосомъ восклицаетъ: „Ахъ, не кричите! Да не кричите же, голубушка!“

Онъ не выноситъ женскихъ криковъ и слезъ, и во все время своей акушерско-гинекологической практики,—время, охватывающее промежутокъ въ полтора десятка лѣтъ,—два слова: „не кричите!“ повторяетъ ежеминутно, лишь только передъ нимъ является больная, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя и не думаетъ возвышать голоса.

Но вотъ „обходъ“, совершивъ свою миссію, удаляется изъ родилки.

Полутоновъ на этотъ разъ не замѣшкался, а пошелъ съ другими, но, выйдя въ коридоръ, увидѣлъ у окна дѣвицу пріемщицу, только что явившуюся и ожидающую очереди. Не въ примѣръ другимъ врачамъ, не подающимъ руки своимъ подчиненнымъ, онъ любезно пожимаетъ руки какъ хорошенькимъ, такъ и некрасивымъ барышнямъ. Замѣтивъ Щеглову, онъ поздоровался съ ней и спросилъ, которая она на очереди?—Пока та отвѣтила, „обходъ“ повернулъ по коридору налѣво и скрылся.

Вокругъ Полутонова собралась пѣлая толпа.

Но ушелъ Полутоновъ, и стихло въ родилкѣ... Только стоны да мучительные крики прерываютъ тишину.

За окномъ морозъ трескучій, всѣ окна задушило наморозью, блеститъ она и переливается, освѣщенная электрическимъ фанаремъ съ противоположной стороны улицы.

Пущина стоитъ у окна и, безсознательно слѣдя за красивой игрой льдистыхъ искорокъ, видитъ дальше этого окна, дальше предѣловъ, доступныхъ зрѣнію... Видитъ она свое прошлое. Короткая, но мучительная жизнь. Молодая женщина такъ углубилась въ воспоминанія, что не слышитъ голоса своей больной. А та давно уже зоветъ ее.

— Послушайте, послушайте! Мнѣ худо, очень худо! Послушайте!—звенить со слезами почти дѣтскій умоляющій голосокъ.—Послушайте же.—Пущина встрепелась.

— Что?—наклонилась она къ больной.

— Плохо мнѣ, дайте руку, пожалуйста, дайте! Пока вы тутъ, близко-близко, точно легче мнѣ!—Пущина улыбнулась больной, присѣла на краешекъ кровати, вложила свою руку въ руку больной и, не замѣчая судорожныхъ, вызываемыхъ нестерпимой болью пожатій, снова отдалась воспоминаньямъ.

Пущина росла въ богатой семьѣ. Жизнь текла сплошнымъ праздникомъ, какъ жизнь многихъ дѣвушекъ-барышень, которыхъ ничто еще не натолкнуло на раздумье... О ней заботились, воспитывали, какъ умѣли, наряжали и обучали, чему принято обучать, любили и ласкали... Любили и ласкали, быть можетъ, больше, чѣмъ слѣдовало, потому что связывали ее по рукамъ и ногамъ, лишая ее совершенно возможности проявлять свою волю и индивидуальность.

Такъ длилось до 18-ти лѣтъ, продлилось бы, несомнѣнно, и дольше—отпечаталась бы жизнь по извѣстному шаблону: выдали бы ее замужъ по вкусу родителей, семейная жизнь втянула бы ее, пошли бы дѣти, пришлось бы ихъ воспитывать, и повторилась бы она исторію своей матери,—обыкновенную, мирную и... скучную... Но суждено было иначе.

Пущина пѣла. Пѣла, когда пѣлось, какъ птица небесная, выражая звуками и радость, и безпричинную грусть. Въ семьѣ ея голосъ любили, но совершенно не цѣнили.

Однажды, на журфиксѣ у знакомыхъ, ей пришлось пѣть въ присутствіи иностраннаго профессора пѣнія. Онъ восхитился и осыпалъ похвалами молодую дѣвушку. Честолюбіе заговорило въ ней. Впервые она проявила характеръ, пройдя

массу семейныхъ бурь, и добилась поступленія въ консерваторію.

Тамъ она сразу выдвинулась, передъ ней благоговѣли—ея бархатный контраalto покорялъ злобу и зависть.

Но тамъ же она познакомилась съ ученикомъ консерваторіи, подающимъ большія надежды скрипачомъ.

Познакомилась—и увлеклась, увлеклась горячо, беззаветно, не разсуждая.

Дома ея заявленіе о желаніи стать женою скрипача было встрѣчено сильнымъ отпоромъ, но снова Пушчина проявила свою волю и, не взирая на слезы, стоны и проклятія, пошла за любимымъ человѣкомъ.

И потекла жизнь безумно-счастливая и мучительная. Нужда, чуть не доходящая до нищеты, угнетала и терзала ихъ.

Но они любили и были полны надеждъ. Контральто все болѣе и болѣе входило въ силу. Пушиной сулили громкую славу, и у ней кружилась голова...

Въ одну морозную вѣтряную ночь молодая женщина жестоко простудилась.

Черезъ три недѣли она поднялась съ постели, но дифтеритъ унесъ ея голосъ.

Она долго не рѣшалась взять какую-нибудь музыкальную ноту, когда-же проба не удалась, Пушиной показалось, что жизнь оборвалась...

Странная, томительная жизнь потекла съ тѣхъ поръ. Разбилась вдребезги еще одна надежда: успѣхи мужа-скрипача оставились—онъ оказался посредственностью... Ради куска хлѣба ему пришлось поступить въ оркестръ одного изъ театровъ.

Часто онъ возвращался поздно ночью, безъ копейки денегъ, пьяный, жалкій, грубый, но все еще любимый несчастной женщиной. Онъ накидывался на нее съ проклятiami, онъ упрекалъ ее въ томъ, что она разбила, загубила его жизнь... Она молча сносила его упреки. Но когда мужъ переходилъ въ другой тонъ, когда онъ въ безумной, быть можетъ, и пьяной тоскѣ ломалъ надъ ней руки, называлъ ее своимъ померкнувшимъ свѣточемъ, разбитымъ кумиромъ, когда онъ молилъ ее поднять его изъ той грязи, въ которой онъ тонетъ,—она рыдала, рыдала отчаянно, не находя просвѣта, не умѣя найти его...

Но дни и ночи одиночества и раздумья умудрили Пушчину,—она стала искать работы. Полученныя ею знанія были мало куда пригодны. Усталая, измученная душа жаждала живого полезнаго дѣла—продавать за прилавкомъ, корпѣть

надъ счетными книгами она не чувствовала себя въ силахъ. Медицинская дѣятельность улыбалась ей, но отсутствіе ценза не позволило отдаться болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ акушерство.

Продавъ и заложивъ, что возможно, Пущина поступила на курсы и стала горячо и жадно учиться, стала работать, не покладывая рукъ.

Въ концѣ перваго курса молодая женщина почувствовала, что должна сдѣлаться матерью. Имѣть ребенка было ея давнишнею мечтой, въ немъ она видѣла цѣль жизни, въ него жаждала вложить душу—и вотъ это счастье пришло!

Она была такъ рада, что не задумывалась надъ тѣмъ, что новый членъ семьи еще больше обездолжитъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, она чувствовала, что свѣтлый лучъ озарилъ ея жизнь, она знала, что теперь есть для кого трудиться.

Пришлось только на время отложить практическія занятія, да экзамены перенести на осень.

Она здѣсь и рожала на курсахъ.

Ребенокъ—славный, здоровый мальчикъ,—стоилъ ей громадныхъ страданій, но чѣмъ больше она мучилась, тѣмъ дороже ей становился сынишка.

Трудно было найти болѣе счастливую мать. Но ея мальчикъ умеръ черезъ мѣсяць отъ мозговыхъ явленій...

Кому, зачѣмъ понадобилась эта смерть? Кто и по какому праву отнялъ у ней это сокровище—надежду всей будущей жизни? Ребенокъ удерживалъ отца отъ пьяныхъ оргій, онъ привязывалъ къ дому этого слабохарактернаго человѣка; онъ заставилъ засвѣтиться радостью печальныя очи матери.

Какъ безумно рыдала она надъ маленькимъ потемнѣвшимъ трупикомъ, который уже гаяло тлѣніе и черезъ нѣсколько часовъ возьметъ могила, жестокая черная яма, ни за какую цѣну не возвращающая разъ ею взятаго...

Но какъ близко теперь Пущиной горе всякаго, какъ понятно! Какъ искренне, всей душой рвется она на первый мучительный стонъ, полная жажды облегчить, помочь, приласкать...

Спитъ Платовская, свернувшись клубочкомъ на выкрашенномъ въ бѣлую краску диванчикѣ, и снится ей ярко освѣщенный балыйнй залъ.

Она танцуетъ, съ обычною граціей, модный танецъ „chaconne“ съ ней въ парѣ — докторъ Вадславъ, самъ старшій врачъ; онъ говоритъ ей такія пріятныя вещи, что у ней щеки горятъ, и сердце такъ и прыгаетъ отъ счастья. Только вотъ

все завертѣлось у ней въ глазахъ, все перевернулось... Залъ уже больше не залъ, а большая шикарная пріемная ея собственнаго пріюта, который она мечтала открыть по окончаніи курсовъ... Хорошіи пріютъ. И какъ много секретныхъ больныхъ, а главное, онѣ такъ хорошо платятъ! Денегъ у ней много, много, она какъ сыръ въ маслѣ катается и живетъ, охъ, какъ живетъ!

И Платовская сладко улыбается во снѣ.

Дремлетъ и Нерикова на жесткой табуреткѣ. Ея большая крѣпко спитъ,—очевидно, боли утихли.

Нерикова прислонилась головой къ подушкѣ роженицы и въ полудремотѣ мечтаетъ,—мечтаетъ о томъ, какъ бы побольше извлечь выгоды изъ своего настоящаго положенія. А положеніе, мадо сознаться, довольно удачное...

До 30-ти лѣтъ прожила она одиноко. Замужъ выйти ей не удалось, несмотря на миловидную наружность, но она сумѣла помириться со своей пачальной участью, сумѣла сохранить свѣжесть, бодрость и неисчерпаемую веселость...

Съ годъ тому назадъ, Нерикова познакомилась съ профессоромъ того заведенія, въ которомъ теперь проходятъ премудрость повивальнаго искусства...

Скучно ей бывало дома въ часы, когда ея властелинъ читалъ лекціи; она трогательно жаловалась ему на свою тоску, и онъ указалъ ей путь почти ни на минуту не разлучаться—самой поступить на курсы.

И Нерикова сладко мечтаетъ и будетъ мечтать, пока больная нечеловѣческимъ стономъ не оторветъ ее отъ радужныхъ картинъ; тогда, раздраженная, она наклонится къ больной и прошепчетъ такъ, чтобы никто, кромѣ роженицы, не слыхалъ:—Ну, милая, молчите, молчите, терпѣнья ни на грошъ...

Больная Михайловой, нервная и возбужденная, мечется по кровати, не находя себѣ мѣста, не даетъ покоя и своей барышнѣ, мучится этимъ, волнуется и чуть не плачетъ.

Михайлову охватываетъ страшная слабость, и она съ ужасомъ думаетъ, что если сейчасъ ее позовутъ, откуда взять силу?

— Дзѣнь... дзѣнь... — Одинъ за другимъ почти безъ промежутка раздаются въ коридорѣ звонки изъ пріемной.

Явились сразу двѣ больныя.

Въ родилкѣ всѣ оживились, въ коридорѣ повскакивали съ кроватей, и двѣ первыя на очереди помчались внизъ, захвативъ одна халатъ, другая туфли: то и другое имѣлось въ одномъ экземплярѣ.

Вскорѣ онѣ вернулись одна за другой, съ нѣкоторымъ промежуткомъ, необходимымъ для возвращенія внизъ халата и туфель, а дѣвушка - бѣльевщица захопотала, устраивая ложа больнымъ.

У Платовской сильно забеспокоилась больная.

Дали звонокъ дежурной бабушкѣ по родилкѣ: Платовская была изъ первокурсницъ, которыя не работаютъ еще самостоятельно.

Бабушка не явилась. Звонки стали чаще, тревожиѣе, а бабушка Лапкина не идетъ, и не идетъ.

— Михайлова, голубушка, ваша больная еще не скоро, сходите къ бабушкѣ! — взмолилась Платовская. Михайлова колебалась.

— Да ужъ сходите, Михайлова, я посмотрю за вашей больной, — отозвалась Пущина.

— Ну хорошо!

На нижней площадкѣ лѣстницы, среди широколиственныхъ латаній, въ полумракѣ рисуется изящная группа.

Очаровательный красавецъ-докторъ Вадславъ любезничаетъ съ „бабушкой“ Лапкиной.

Бабушка Лапкина не красива: ея только-только смазливенькое личико не носитъ отпечатка интеллигентности, но зато она обладаетъ высокой стройной фигурой, съ широкими плечами и съ томенькой гибкой таліей. И одѣвается оно на рѣдкость изысканно. Хирургическій халатъ изъ тонкаго, какъ паутинка, батиста, богато отдѣланный кружевами и прошивками, ловко охватываетъ это красивое тѣло. Подъ паутинкой халата сквозить бумажное платье всегда самаго нѣжнаго цвѣта: голубого, розоваго или зеленаго... (Бумажныя платья здѣсь обязательны).

Лапкина безумно влюблена въ Вадслава, — это знаютъ всѣ, и всякій считаетъ своимъ долгомъ мучить ее намеками и поддразниваньями.

Вадславъ принимаетъ ея любовь, какъ должное, и не прочь иногда скрасить въ ея обществѣ тоскливые часы бездѣйствія въ ночи дежурствъ.

Михайлова, перегнувшись черезъ перила, увидала ихъ группу, увидѣла, поняла и отшатнулась, чтобы не дать себя замѣтить.

— Паша! — громко обратилась она къ идущей мимо коридорной дѣвушкѣ.

— Паша, вы не видѣли „бабушку“ Лапкину?

— А чортъ знаетъ, гдѣ ее носить, — грубо и зло отозвалась вопрошаемая.

Вадславъ поймалъ вопросъ своимъ чуткимъ ухомъ.

— Иди...—грубовато оттолкнулъ онъ дѣвушку; та все еще не могла оторваться отъ него.

— Иди же! Вѣдь, роженицы не ждутъ,—совсѣмъ ужъ грубо пробурчала докторъ, поднимаясь съ окна и закуривая папироску; она пошла, не оглядываясь, затыкая шпильки въ растрепавшуюся, замысловатую прическу...

— Кажется, вы меня ищете?—поднявшись на верхнюю площадку, обратилась „бабушка“ Лапкина къ Михайловой.— Что случилось?

— У Платовской больная рождаетъ.

— Только то?—усмѣхнулась Лапкина.— При чемъ же тутъ я?

— Но, вѣдь, Платовская первокурсница...

— Ахъ, да...—протянула Лапкина и съ живостью прибавила:—а все-таки меня удивляетъ, что вы не можете обойтись безъ меня; когда я была слушательницей-приемщицей второго курса, мнѣ доставляло удовольствіе помогать младшимъ, и я по возможности не безпокоила „бабушекъ“... Теперь вотъ возись... такъ спать хочется,—вяло, слегка потягиваясь, докончила свою рѣчь Лапкина.

Она была очень лѣнива, всѣ это знали, и съ особеннымъ наслажденіемъ безпокоили ее, часто давая ей звонки безъ всякой необходимости. Она же всегда зѣвала, потягивалась, ворчала, всячески стараясь показать свой протестъ, но волей-неволей шла на усиленный зовъ.

По родилкѣ мечется Платовская—ея больная должна вотъ-вотъ разрѣшиться, а она забыла заблаговременно взять у бѣльевщицы пеленки, теперь же послѣдняя исчезла неизвѣстно куда, а такимъ образомъ она исчезаетъ всякій часъ и на цѣлый часъ. Платовская въ отчаяніи, что ребенка принять не во что, хоть халать съ себя снимаи.

Тѣ же, что успѣли запастись пеленками, оказались поистинѣ трудолюбивыми муравьями и по мольбѣ Платовской даютъ ей только разумные совѣты на будущее время.

Почти одновременно повадилось бѣлье еще для двоихъ. Бѣльевщица необходима; всѣ, кто свободенъ, носятся въ поискахъ по лѣстницамъ и коридорамъ.

Но вотъ, совершенно самостоятельно, заспанная и сердитая, является бѣглянка и, торгуясь за каждую простыню, за каждую пеленку, начинаетъ одѣлать нуждающихся.

У приемщицъ являются затрудненія, нуженъ докторъ. Даютъ звонокъ въ дежурную. Оттуда не спѣшать. Даютъ другой. Нѣсколько минутъ ожиданія...

На порогъ показались Старцевъ и Вадславъ.

Послѣдній остановился, окинулъ взглядомъ суетливую толпу, схватилъ ухомъ отчаянные крики больныхъ и усмѣхнулся:

— Всѣ мѣста заняты! Машина въ ходу... Ну, пошла писать губернія!

«Незаконная» палата.

Въ просторной четырехмѣстной палатѣ царить полумракъ. Чадащій, зловонный, бензиновый мочникъ ветхозавѣтной конструкціи бросаетъ косыя колеблющіяся тѣни на блѣдныя осунувшіяся лица родильницъ.

На первой кровати отъ двери, по правой сторонѣ, вытянувшись подъ сѣрымъ казеннымъ одѣяломъ, неподвижно лежитъ Маша, больная Михайловой.

Трудно узнать въ этихъ обострившихся чертахъ еще недавно хорошенькое, хотя и страдающее, но полное жизни личико Маши; теперь оно кажется холоднымъ мертвымъ барельефомъ съ выраженіемъ суровымъ, презрительнымъ, почти отталкивающимъ.

Маша не спитъ, хотя и лежитъ съ закрытыми глазами. Голова у ней мучительно болитъ, дрожь ледяной струйкой нѣтъ-нѣтъ пробѣгаетъ по тѣлу... Одна только тоскливая навойливая мысль сверлитъ мозгъ:

— Родился?! Зачѣмъ? Зачѣмъ родился? Зачѣмъ?

Ей было такъ хорошо, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ трудныхъ, мучительныхъ родовъ, она лежала на спинѣ, съ вытянутыми ногами, съ радостнымъ сознаніемъ, что боли кончились и больше не возвратятся... Она обводила усталыми, но счастливыми глазами всю суетящуюся публику и ей хотѣлось засмѣяться...

Въ эту минуту къ ней склонилось печальное, ласковое и нѣжное лицо „барышни“ Пущиной.

— Какой у васъ славный, здоровенькій мальчугашка!..— слышитъ Маша привѣтливый голосъ, но эти слова горячимъ свинцомъ залили ея сердце.

— Сынъ? Родился? Зачѣмъ онъ родился? — сверкнула мысль, и съ лица радостное выраженіе, губы сурово сжались. Кто-то поднесъ ей ребенка, она сердито отвернулась отъ него.

— Кому онъ нуженъ?— думаетъ Маша.—И гадкій какой! Красный, сморщенный, пищить... Что съ нимъ дѣлать, куда его дѣвать?... Ахъ, хоть-бы заснуть!..

Маша открывает глаза и неприязненнымъ взоромъ обводитъ всю палату.

При неровномъ, колеблющемся свѣтѣ ночника она видитъ вытянутыя подъ одѣялами фигуры, обостренныя профили изжелта-сѣрыхъ или бѣлыхъ, какъ известка, лицъ; у всѣхъ суровое, почти злое выраженіе. Возлѣ двухъ большихъ стоятъ желѣзныя дѣтскія кровати на высокихъ ножкахъ, такая же кровать и у ней съ лѣвой стороны; Маша сердито отвернулась отъ нея.

У одной изъ большихъ нѣтъ дѣтской кровати, и родильница эта не такъ неподвижна, какъ другія, по временамъ она начинаетъ метаться, вскакиваетъ. Къ ней то и дѣло подходитъ „барышня“ Пущина, дежурная на остатокъ ночи. Она склоняется къ больной, кладетъ ей на лобъ свою длинную блѣдную руку, говоритъ ей что то шопотомъ, потомъ теплѣе укрываетъ одѣяломъ, оправляетъ постель и возвращается къ своему жесткому деревянному дивану, къ которому на ночь придвинуть столъ, обыкновенно стоящій между двухъ оконъ. Она забирается съ ногами на свое твердое ложе. Къ утру въ палатѣ становится холодно и какъ-то особенно неуютно.

Пущина беретъ книгу, дѣлаетъ попытку читать, но не можетъ: голова болитъ, въ глазахъ двоится отъ усталости и тусклаго мельканья ночника, все тѣло ноетъ. Хорошо бы заснуть! Но не только уснуть, но даже задремать она считаетъ себя въ правѣ — въ первую ночь съ больными нужно быть очень бдительной! Мало-ли что можетъ случиться?

Пущину очень тревожитъ беспокойная больная: ей необходимо неподвижное горизонтальное положеніе, а она мечется, не находя себѣ мѣста.

Это уже не молодая женщина. Она родила внѣ заведенія. Привезли ее почти безъ чувствъ—понадобилась операція.

Все время она молчала, даже стонала мало, несмотря на нестерпимую боль, лишь глаза выражали терпѣливую муку замученнаго животнаго; такое выраженіе встрѣчается только у женщинъ истерзанныхъ, запуганныхъ...

Теперь у нея поднялась температура, — очевидно, 3 дня послѣ родовъ, проведенныя ею безъ медицинской помощи, въ грязи темнаго затхлаго угла, не прошли ей даромъ.

Пущина къ ней подошла и, сама стараясь побороть сонъ, заговорила съ ней: „Отчего вы не спите? Вамъ нужно лежать смирно, иначе вы разболѣтесъ хуже“. Больная глухо застонала и стала жаловаться на бессонницу и тяжелыя мысли. Мало-по-малу они разговорились, и Пущина, сознавъ

безполезность своихъ уговоровъ, сама неволью стала прислушиваться къ отрывочнымъ, полубезсвязнымъ признаніямъ больной, задавала ей вопросы и, наконецъ, узнала всю исторію несчастной женщины, которая глубоко взволновала ее. Одна изъ обыденныхъ, но неизмѣнно драматическихъ исторій...

Женщину эту звали Евдокіей Стукиной. Ей уже шель 40-ой годъ и рожала она въ седьмой разъ. Послѣдній ребенокъ родился мертвымъ, какъ, впрочемъ,—узнала Пущина—и почти всѣ предыдущіе: въ живыхъ ни одного не было у нея.

Евдокія была родомъ изъ дальняго уѣзда Новгородской губерніи. Она рано осталась круглой сиротой и взята была въ домъ своей теткой. Послѣдняя сама-то горе мыкала—мужикъ у ней былъ хоть и работающій, да несчастнѣйшій, неудачливый: за что ни возьмется—все изъ рукъ валится, и запивалъ часомъ...

Ребятишекъ уйма цѣлая. На своихъ то хлѣба не хватало, иной разъ зиму цѣлую впроголодь жили, а тутъ еще племянница навязалась—лишній ротъ!

Съ перваго дня Дунька въ теткиной семьѣ врагомъ стала. Сколько пиньковъ, брани, окриковъ, попрековъ сколько! Вспомнить страшно! Не видала она привѣтливой улыбки, не слыхала ласковаго слова. Кому только не лѣнь было, всякій толкалъ да шпынялъ дѣвчонку!

Поднялась Дуся, выросла, заневѣстилась. Худая, невзрачная, и не разъ пришлось ей выслушивать мелестные отганы: „Ну и дѣвка! Ни кожи, ни рожи“.

Время шло. Всѣ ея двоюродныя сестры и подруги-сверстницы пристроились: замужъ повыходили, а она все у дяди съ теткой на шеѣ сидитъ,—добро бы еще была хорошая работница, а то хвораѣ!

Добрые люди направили Дуню въ городъ. Нашла она себѣ мѣсто одной прислугой.

Прогнали Дуню съ мѣста за разбитую вещь. Опять она на улицѣ, опять голодъ, холодъ, безработица. Наконецъ, поступила на фабрику и пріютилась въ одномъ изъ многочелюдныхъ, кишацихъ, какъ муравейникъ, „угловъ“.

Послѣ тяжелаго трудового дня приходила бѣдная дѣвушка въ свой „уголь“, утомленная до оупѣнія, безъ всякаго интереса къ окружающему, безъ желанія посудачить съ сосѣдками, перекинуться двусмысленной шуткой съ кѣмъ либо изъ сосѣдей-угловиковъ.

Въ углахъ ее не любятъ за хмурый видъ и молчали-

вость... Ишь, бирюкь!—говорят про нее, а ей и дѣла нѣтъ—пришла съ фабрики, легла на свое жесткое грязное ложе, отвернулась къ стѣнкѣ—лежить и думаеть... А что она думаеть? Спросите. Отвѣтитъ не скоро... А думаеть Дуня о деревнѣ: хотъ топно было и тамъ, но были тамъ пашни, огородъ, лѣсъ—все это родное, незамѣтное въ то время, а теперь, когла ушло невозвратно, стало дорого, мило и близко, близко до боли...

Побѣжала бы она сейчасъ безъ оглядки изъ этихъ душныхъ тѣсныхъ „угловъ“ туда на просторъ, въ деревню, посмотрѣла бы на тетку съ дядей, на сестерь... Чай, поди, обрадуются и ей постылой,—все же, вѣдь, родная... Войдетъ она въ избу, всѣ, всѣ къ ней навстрѣчу кинутся: „Дунька! Дуняшка! Откедова ты, родимая? Совсѣмъ пріѣхала?“—наперебой всѣ спрашиваютъ...

Чуетъ ея сердце, больно чуетъ, нельзя имъ сказать, что совсѣмъ пріѣхала—испугаются, подумаютъ: опять она имъ на шею сядетъ...

— Нѣтъ!—говоритъ,—на побывку...—А сама подарки всѣмъ вынетъ и разложитъ... И видитъ она, какъ всѣ рады... видеть и сладко замираетъ измученное одинокое сердце... Грезилъ всѣмъ „этимъ“ Дуня, сама не давала себѣ точнаго отчета, какъ все это могло случиться. Только думалось все... да мечты не сбывались. Прожила Авдотья до 30-ти лѣтъ, нигдѣ ни въ чемъ не видя проблеска. Тяжелый фабричный трудъ до времени состарилъ ее.

Ни въ комъ, ни въ чемъ она не видала сочувствія, да и не искала его.

Томительно тянулась жизнь, и протянулась бы такъ до могилы, еслибъ не случай.

Какъ то разъ, вечеромъ, возвращалась Авдотья съ фабрики своей обычной, усталой, тяжелой походкой, не взглядывая на встрѣчныхъ и обгоявшихъ ее, сторонясь отъ злыхъ шутниковъ.

Вдругъ кто-то догналъ ее и не прошелъ мимо, а поровнявшись, заговорилъ ласково:

— Авдотьюшка, слышь, Авдотьюшка! Вѣдь, мы-то съ тобой никакъ земляки будемъ?—Дѣвушка посмотрѣла на него по обыкновенію тупо, исподлобья... По голосу уже она узнала его: Прохоръ, рабочій съ той же фабрики, гдѣ она бьется изо дня въ день... Каждый день она съ нимъ встрѣчалась и не обращала на него ни малѣйшаго вниманія.

На вопросъ Прохора она отвѣтила неохотно:

— А ты самъ-то откедова будешь?

— Мы-то?—переспросилъ мужикъ.—Ми—скіе будемъ, — онъ назвалъ волость и село.

Авдотья сразу оживилась:

— А и впрямь земляки, Прохорущка! И по селу-то суди! А давно ли ты изъ нашего-то мѣста, родимый?

— Постой... когда же? Никакъ больше году будетъ...—соображалъ землякъ.

— Больше году?.. А она-то и счетъ потеряла годамъ.

Авдотья засыпала Прохора вопросами, тотъ отвѣчалъ ей ласково и обстоятельно: отрадно было ей слушать его. Она забыла прошлыя обиды и невзгоды, заслоненныя еще болѣе тяжелыми впечатлѣніями настоящаго, и почувствовала въ тихомъ смиренномъ мужикѣ это созданное мечтою прошлое.

И самъ Прохоръ, за годъ успѣвшій стоскаться и по дому, и по хозяйству, и по семьѣ, отвыкшій было среди фабричнаго люда отъ своего деревенскаго обихода, искренне обрадовался „землячкѣ“.

И вотъ они шли и говорили, говорили безъ умолку, какъ будто спѣша выложить другъ передъ другомъ за много дней скопившійся запасъ мыслей и чувствъ.

Незамѣтно дошли земляки до Прохоровой улицы, а тамъ и до дому, въ которомъ онъ жилъ. Это былъ одинъ изъ огромныхъ сумрачныхъ петербургскихъ домовъ, съ грязными вонючими лѣстницами, узкимъ темнымъ дворомъ, домъ, биткомъ набитый сѣрымъ фабричнымъ людомъ.

Прохоръ зарабатывалъ значительно больше Авдотьи и занималъ не уголь, а маленькую комнату, хотя темную и сырую, но все же отдѣльную.

Дошли земляки до этого дома, и стало жалко расставаться.

Прохоръ посмотрѣлъ исподлобья на собесѣдницу и немѣло позвалъ ее къ себѣ „чай пить“...

Не отдавая себѣ отчета, Авдотья пошла за нимъ...

Съ этого вечера Авдотья часто не возвращалась съ работы домой, а шла въ Прохорову каморку.

Въ „углахъ“ это замѣтили очень скоро, прослѣдили, куда она ходитъ, и не стало дѣвкѣ житья отъ насмѣшекъ и издѣвательства.

Авдотья упорно молчала, пролеживая все свободное время, отвернувшись отъ всѣхъ, лицомъ къ стѣнѣ.

Запуганная, всѣми нелюбимая, забытая, заброшенная, она вся точно оттаяла, отошла, согрѣлась отъ неожиданно выпавшей на ея долю Прохоровой ласки, и привязалась она къ нему всѣмъ своимъ наболѣвшимъ одинокимъ сердцемъ,—

такъ привязывается бродячая уличная собака къ пріютившему ее хозяину.

Ради того, чтобы угодить Прохору, Авдотья шла на жертвы, на лишенія; получая свой недѣльный заработокъ, она платила только за „уголь“, а почти все остальное тратила на подарки земляку, она несла ему табакъ, сахаръ, чай, пестрые платки, цвѣтные пояски, кисеты,—сама же жила впроголодь, отказывая себѣ во всемъ.

Прохоръ принималъ подношенія, какъ должное.

Послѣ перваго вечера онъ больше не звалъ къ себѣ Авдотью. Она шла сама, виновато остаиваясь каждый разъ на порогѣ, какъ бы ожидая приглашенія и, не дождавшись его, несмѣло входила и, молча, словно выжидая чего-то, присаживалась на краешекъ табуретки.

Вначалѣ Авдотья не мѣшала, не претила Прохору, даже какъ будто скрашивала его одиночество, напоминала деревню, къ которой онъ все же вѣчно тяготѣлъ, какъ волкъ къ лѣсу...

Только на фабрикѣ товарищи Прохора вскорѣ провѣдали о посѣщеніяхъ его Авдотьей. Посыпались грубыя циничныя шутки. Разъ-два отшутился Прохоръ, потомъ огрызался на непрошенныхъ шутниковъ, а придя домой и заставъ въ своей каморкѣ Авдотью, злобно прогналъ ее прочь.

Она не заплакала, не упрекнула обидчика, только съ недоумѣніемъ, широко открытыми, виноватыми глазами посмотрѣла на него, съежилась вся и, не проронивъ ни слова, ушла,—даже дверь не стукнула, затворяясь за ней...

У Прохора засосало что то въ груди: не то жалость, не то что то другое, непонятное, необъяснимое; но мужикъ онъ былъ обстоятельный, высоко ставилъ общественное мнѣніе, многимъ готовъ былъ поступиться ради него—и не вернулъ Авдотью. Нѣсколько дней она не приходила къ земляку. Онъ мелькомъ видѣлъ ее, работавшую на фабрикѣ, угрюмую, не поднимающую глазъ.

Придя домой, дѣвушка по обыкновенію легла на свою кровать лицомъ къ стѣнѣ. Первый вечеръ она не плакала, лежала какъ окаменѣвшая, ощущая въ груди что то постороннее, холодное, мѣшающее ей дышать и думать. Во второй вечеръ она заплакала; тихо, но неудержимо катились слезы. Она плакала, какъ будто кто-то умеръ у ней; она плакала, оплакивая свое коротенькое немудрое счастье, этотъ внезапный проблескъ личной жизни. Нѣсколько вечеровъ она проплакала, а потомъ не выдержала и пошла въ знакомую каморку.

Прохоръ былъ дома и, завидя Авдотью, весь побагровѣлъ отъ жестокой внутренней борьбы двухъ чувствъ: радости, вспыхнувшей въ немъ при видѣ пришедшей, и досады, даже злобы на себя за это чувство.

Нѣскольکو минутъ Дуня стояла на порогѣ и ждала, а Прохоръ смотрѣлъ на нее сурово и злобно.

Ему хотѣлось сказать:—войди, Авдотьюшка!—Но онъ затопалъ ногами и неистово закричалъ:

— Пошла! Пшла вошь, окаянная!—Она тупо улыбулась и не ушла. Тогда Прохоръ, окончательно озвѣрѣвъ, кинулся къ двери, повернулъ ключъ, вырвалъ его изъ скважины, какъ ураганъ, бросился къ лампѣ, погасилъ чадающее пламя и въ темнотѣ, схвативъ Авдотью за волосы, сталъ нещадно наносить ей удары. Сквозь дикія ругательства и проклятiя слышались несвязные упреки:

— Отрамила! Въ глаза изъ-за тебя плюютъ... Ишь!.. Лѣзеть еще!.. Потаскушка! Вошь, проклятая, чтобъ духу твоего не было!

Авдотья тихо стояла.

— Шш... Чортово отродье! Нишкни! Услышать, что ты тутъ... Засмѣютъ!..—Онъ швырнулъ ее на полъ, пнулъ ногой и вдругъ почувствовалъ, какъ двѣ руки обвились вокругъ его разутыхъ ногъ, а мокрое отъ слезъ лицо прильнуло къ нимъ...

Съ тѣхъ поръ Авдотья, крадучись, стала чуть не каждый вечеръ приходитъ къ своему возлюбленному, а Прохоръ, впустивъ ее, гасилъ огонь и вынималъ изъ скважины ключъ, чтобы нельзя было и заподозрить, что онъ дома и не одинъ...

Но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Надъ ними часто трумили, издѣвались.

Въ такіе дни Прохоръ приходилъ злой,—билъ Авдотью. Часто, чтобы заглушить чувство досады и стыда, выпивалъ лишній шкаликъ и, охмелѣвъ, за что-то клялъ Авдотью или лѣзъ цѣловаться и плакалъ пьяными слезами... И Авдотья плала и плакала съ нимъ.

Такъ тянулась эта исторiя до того дня, когда Авдотѣ пришелъ часъ рожать. Ее отвели въ участокъ—оттуда въ родильный прiютъ. Пролежала она долго. Выписалась одна, такъ какъ ребенокъ родился мертвый. Вернувшись на фабрику, Дуня ужъ не нашла Прохора, ей сказали, что уѣхалъ на родину.

Сильно затосковала Авдотья. Съ горя попробовала выпить. Съ двухъ-трехъ стаканчиковъ полегчало на сердцѣ... И потомъ пошло, пошло...

Съ тѣхъ поръ Авдотью часто видѣли пьяную, истерзанную, валяющуюся въ грязи, гуляющую въ кабакахъ.

Годы шли, и рѣдкій изъ нихъ не приходилось Авдотѣ лежать въ родильномъ, только дѣти рожались все мертвыя и недоношенныя...

Врядъ ли она помнила имена отцовъ всѣхъ своихъ дѣтей... Она помнила только, что ее били, били постоянно, нещадно, били подчасъ смертнымъ боемъ, до безчувствія... За что? Она не понимала, не сознавала. Они ее били, гнали, и все же она шла къ своимъ тиранамъ...

И вотъ лежитъ Авдотья въ жару и бредить; бредить Прохоромъ и тѣми другими, что брали себѣ право бить ее. Они наступаютъ на нее со сжатыми кулаками, сверкаютъ налившимися кровью глазами, цѣлуютъ ее всѣ, щиплютъ, толкаютъ, бьютъ, дико хохочутъ, страшно ругаются, наклоняются надъ ней, и несчастная, спасаясь отъ ихъ призраковъ, тревожно мечется по кровати...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Тычино.

Въ морѣ.

Взволновалось снова море,
И помчали стаи волнъ
На темнѣющемъ просторѣ
Въ даль туманную мой челнъ.
Расправляетъ крылья туча,
Застилая небеса;
Плещутъ волны, и могуча
Моря дикая краса.
Съ гуломъ, шумомъ ходятъ волны;
Громъ огни—и вновь темно.
Взрывы бури мощи полны,
Сердце радости полно.
Бодрой пѣсней бурѣ вторя,
Я несусь надъ бездной водъ,
И звучитъ мнѣ изъ-за моря
Все слышнѣйшій призывъ: впередъ!

В. Чернобаевъ.

«Все бытіе есть жгучее страданіе».

Разсказъ Густава Мейринка.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Толмачевой.

Въ 6 часовъ было уже совершенно темно въ камерахъ заключенія при мѣстномъ судѣ. Свѣчей зажигать не разрѣшается, а вечеръ былъ зимній, туманный и беззвѣздный.

Надзиратель съ тяжелой связкой ключей въ рукахъ подходилъ по очереди къ каждой двери, желая убѣдиться въ томъ, что желѣзные засовы уже вдѣты, и въ послѣдній разъ направлялъ свѣтъ своего фонаря въ маленькія рѣшетчатныя дверныя отверстія камеръ—это была его обязанность.— Смолкли, наконецъ, его шаги, и скорбная тишина водворилась среди всѣхъ этихъ несчастныхъ, лишенныхъ свободы. Въ каждой изъ этихъ безотрадныхъ камеръ помѣщалось по четыре человѣка, которые спали на деревянныхъ скамьяхъ.

Старый Юргенъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ вверхъ по направленію къ маленькому тюремному окошку, которое бѣлѣло въ темнотѣ точно матовый шаръ.—Онъ считалъ медленные удары фальшиво звучаваго башеннаго колокола и думалъ о томъ, что ему завтрасказать присяжнымъ, и оправдаютъ-ли его.

Чувство негодованія и дикой злобы противъ тѣхъ, которые такъ долго держали его въ заключеніи, несмотря на полную его невинность,—въ первыя недѣли преслѣдовало его даже во снѣ, и часто хотѣлось ему кричать отъ отчаянія.

Но толстыя стѣны и тѣсная камера—меньше пяти шаговъ въ длину—гонять страданіе внутрь и не даютъ ему проявляться; человѣкъ только упрется въ стѣну лбомъ или

заберется на деревянную скамью, чтобъ сквозь рѣшетку темницы увидать кусочекъ голубого неба.

Эти чувства уже потухали въ немъ, и другія заботы, которыхъ не знаетъ свободный человѣкъ, угнетали его.

Оправдаютъ его завтра или осудятъ—вопросъ этотъ уже не волновалъ его теперь такъ, какъ раньше.—Онъ былъ подъ судомъ. Значитъ, въ будущемъ ему предстояло просить милостыню или крась.

А если его осудятъ, онъ повѣсится... при первомъ-же удобномъ случаѣ... Тогда исполнится сонъ, который онъ видѣлъ въ первую ночь въ этихъ проклятыхъ стѣнахъ.

Три его товарища по заключенію уже давно спали: надеждъ которыя бы заставляли ихъ бодрствовать, у нихъ не было, сонъ же сокращаетъ время заключенія. Но ему не спалось. Предъ нимъ рисовалось его мрачное будущее, и печальныя картины прошлаго проносились въ его памяти. Вначалѣ когда онъ еще сидѣлъ вмѣстѣ съ подслѣдственными, и пок у него еще было нѣсколько крейцеровъ, онъ иной разъ могъ купить себѣ колбасы, молока, огарокъ свѣчки. Но потомъ его посадили вмѣстѣ съ осужденными—ради удобства,—а въ этихъ камерахъ скоро наступаетъ ночь—также и на душѣ.

Весь долгій день сидитъ человѣкъ и думаетъ, упершись локтями въ колѣни. Лишь изрѣдка его прервутъ, когда сторожъ откроетъ дверь и арестантъ молча внесетъ кувшинъ съ водой или жестяную кастрюлю съ варенымъ горохомъ.

Тогда онъ часами ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, кѣмъ могло быть совершенно убійство, и все яснѣе ему становилось, что убійца былъ не кто иной, какъ его братъ.—Не даромъ онъ исчезъ такъ бесслѣдно.

И снова онъ сталъ думать о томъ, что будетъ завтра на судѣ, и объ адвокатѣ, который его защищаетъ.

Онъ не особенно рассчитывалъ на него: адвокатъ всегда былъ такой разсѣянный, почти не слушалъ, что Юргенъ ему говорилъ, а когда входилъ судебный слѣдователь, онъ пресмыкался передъ нимъ, какъ только возможно.—Но, должно быть, это ужъ всегда такъ бываетъ.

Юргенъ еще издали слышалъ стукъ колесъ экипажа, который всегда въ этотъ часъ проѣзжалъ мимо зданія суда.— Кто бы это могъ ѣхать въ немъ? Врачъ?.. А можетъ быть, чиновникъ... Какъ громко стучали копыта о мостовую

Присяжные оправдали Юргена... по недостатку уликъ... и вотъ онъ въ послѣдній разъ спустился въ свою камеру.

Три арестанта тупо смотрѣли, какъ онъ дрожащими

руками приправлялъ къ рубашкѣ старый всротникъ и надѣвалъ свою помошенную, тожкую лѣтнюю пару, которую принесть ему надзиратель. Юргень съ проклятіемъ швырнулъ подъ лавку арестантскую одежду, въ которой онъ страдалъ восемь мѣсяцевъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ канцелярію, которая была у воротъ,—тюремный начальникъ записалъ что-то себѣ въ книгу и выпустилъ его на свободу.

Какъ странно все ему показалось на улицѣ: слѣпашіе люди, которые могутъ идти, куда хотятъ, считая, что иначе и быть не можетъ, и ледамой вѣтеръ, который чуть не сбиль его съ ногъ.

Отъ слабости ему пришлось прислониться къ дереву, и взглядъ его упалъ на выгравированную на камнѣ надпись надъ воротами:

„Nemesis bonorum custos“.—Что-бы это могло значить?

Холодъ утомилъ его; дрожа, дотащился онъ до скамейки въ паркѣ и заснулъ въ полуобморочномъ состояніи.

Онъ проснулся въ больницѣ: ему ампутировали лѣвую ногу, которая у него отмерзла...

Изъ Россіи пришли на его имя 200 гульденовъ,—должно быть, отъ его брата, который, вѣроятно, чувствовалъ угрызёніе совѣсти. Юргень нанялъ за дешевую плату подвалъ и сталъ продавать пѣвчихъ птицъ.

Жилъ онъ бѣдно и одиноко, спалъ за деревянной перегородкой въ своей жалкой лавчонкѣ.

Когда крестьянскія дѣти приходили по утрамъ въ городъ, онъ за нѣсколько крейцеровъ скупалъ у нихъ маленькихъ птицъ, которыхъ они ловили въ силки и петли, и запиралъ ихъ въ грязныя клѣтки вмѣстѣ съ другими.

Къ желѣзному крюку, вбитому на срединѣ потолка, были прикрѣплены четыре веревки, и на нихъ спускалась внизъ старая доска, на которой скорчившись, сидѣла шелудивая обезьяна. Юргень получилъ ее отъ своего сосѣда, старьевщика, въ обмѣнъ за птицу.

У слѣпого окошка ежедневно останавливались школьники и часами глазѣли на обезьяну, которая безпокойно металась и, ворча, скалила зубы, если какой-нибудь покупатель открывалъ дверь.

Послѣ часу обыкновенно никто больше не приходилъ, и тогда старикъ садился на табуретку, печально смотрѣлъ на свою деревянную ногу и думалъ, что-то теперь дѣлаютъ арестанты и судебный слѣдователь, и попрежнему-ли адвокатъ прыгаетъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ.

Когда затѣмъ проходили мимо полицейскій, жившіи по близости, ему такъ и хотѣлось вскочить и хватить его нѣсколько разъ желѣзнымъ засовомъ по спящъ.

О, Господи! Хоть бы народъ, наконецъ, возсталъ и поубивалъ этихъ негодяевъ, которые ловятъ бѣднягъ и наказываютъ ихъ за такія дѣла, которыя сами они съ удовольствіемъ втайнѣ продѣлываютъ...

У стѣнъ въ нѣсколько рядовъ стояли клѣтки, поставленныя одна на другую почти до самаго потолка, и маленькія птички начинали биться, когда къ нимъ подходили слишкомъ близко.—Многія сидѣли печально и неподвижно, и на другое утро, съ закрытыми глазами лежали мертвыя на спящъ.

Тогда Юргенъ небрежно выбрасывалъ ихъ въ помойное ведро: вѣдь, онѣ недорого стоили, да и перья у нихъ были некрасивы, потому что это были пѣвчія птицы.

Въ лавкѣ никогда не было совершенно тихо, постоянно слышалось царапанье и тихій пискъ, но старикъ ничего не слыхалъ: онъ слишкомъ привыкъ къ этимъ звукамъ.—И неприятный гнилостный запахъ пересталъ на него дѣйствовать...

Однажды студентъ купилъ у него сороку. Когда покупатель ушелъ, Юргенъ, который въ этотъ день былъ какъ-то особенно настроенъ, замѣтилъ, что онъ забылъ книгу.

Хотя книга была написана по-нѣмецки — переводъ съ индійскаго, какъ значилось въ заглавіи—онъ все же очень мало изъ нея поаялъ, и только качалъ головой. — Только одинъ стихъ онъ много разъ перечитывалъ шопотомъ, потому что онъ настраивалъ его особенно грустно:

Все бытіе есть жгучее страданіе...

Кто понимаетъ это,

Тому скоро надобѣдаетъ жизнь, полная страданій.

Вотъ путь къ просвѣтленію!

Когда затѣмъ взгляды его упали на всѣхъ этихъ маленькихъ плѣшниковъ, которые печально сидѣли въ тѣсныхъ клѣткахъ, сердце его сжалось, и онъ почувствовалъ себя тоже птицей, тоскующей объ утраченныхъ нивахъ.

Глубокая скорбь овладѣла его душой, такъ что слезы показались изъ глазъ. — Юргенъ перемѣнилъ птицамъ воду и насыпалъ имъ свѣжаго корма, что онъ обыкновенно дѣлалъ только по утрамъ.

Какъ забытыя сказки его ранней юности, припомнились

ему зеленые, шумящие лѣса, освѣщенные золотистымъ сіяніемъ солнца...

Какая-то дама въ сопровожденіи слуги, несшаго нѣсколькихъ соловьевъ, прервала его воспоминашя.

— Я купила у васъ этихъ птицъ,—сказала она,—но такъ какъ онѣ слишкомъ рѣдко поютъ, вы должны мнѣ ихъ ослѣпить.

— Что? Ослѣпить?—пробормоталъ старикъ.

— Да, ослѣпить. Глаза выколоть, или выжечь, или какъ тамъ это дѣлается. Вы птицѣй торговецъ, и должны это лучше знать. Не бѣда, если при этомъ нѣкоторыя околѣютъ, вы мнѣ ихъ замѣните другими. Да поскорѣй пришлите мнѣ ихъ. Вѣдь, вы знаете мой адресъ?—Прощайте.

Юргень послѣ того долго думалъ и не ложился спать.

Всю ночь просидѣлъ онъ на табуреткѣ и даже не всталъ, когда въ окно къ нему постучалъ сосѣдъ, — старьевщикъ. Послѣдняго удивило, что лавка такъ долго остается незапертой.

Юргень слышалъ въ темнотѣ, какъ въ клѣткахъ бились птички, и у него было ощущеніе, будто маленькія, мягкія крылышки били ему по сердцу, прося выпустить ихъ.

Когда начало свѣтать, онъ раскрылъ дверь, пошелъ безъ шляпы на пустынную базарную площадь и долго смотрѣлъ на пробуждающееся небо.

Затѣмъ онъ спокойно вернулся въ свою лавку и медленно раскрылъ всѣ клѣтки, одну за другой. Если птица не сразу вылетала, онъ бралъ ее въ руки и вынималъ изъ клѣтки.

Маленькіе соловьи, чижики и красношейки стали летать вокругъ въ старомъ подвалѣ, но Юргень, улыбаясь, открылъ дверь и выпустилъ ихъ на свободу, на воздушную, божественную свободу...

Онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ виду, и думалъ о зеленыхъ, шумящихъ лѣсахъ, залитыхъ золотистымъ солнечнымъ свѣтомъ...

Онъ отвязалъ обезьянку и снялъ спускавшуюся съ потолка доску, освободивъ большой желѣзный крюкъ.

Онъ привязалъ къ крюку веревку, сдѣлавъ на ней петлю, и надѣлъ себѣ петлю на шею...

Еще разъ припомнился ему стихъ изъ книги студента, и затѣмъ онъ оттолкнулъ деревянной ногой скамейку, на которой стоялъ.

.....

* * *

Я видѣлъ сонъ: жужжали шумно пчелы,
На крылышкахъ игралъ горячій лучъ,
И трудъ улья, невидный и тяжелый,
Быль неустаненъ и кипучъ.
За сотомъ—сотъ, за крѣпостью—другая,
За рядомъ зданій—новый рядъ...
Жужжанье пчелъ звенѣло несмолкая
И сладокъ былъ медвяный ароматъ...
И спилось мнѣ—свободны были пчелы...
И въ полутьмѣ изъ узкихъ галлерей
Кипучій трудъ былъ—свѣтлый и веселый,
Свободный—и ничей!

Л. М. Василевскій.

Съ благотворительной цѣлью.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ калитку одного изъ старыхъ домовъ на Дегтярной вошелъ молодой человѣкъ въ поношенномъ ватномъ пальто, бывшемъ когда-то коричневымъ, но отъ времени получившемъ красноватый оттѣнокъ. Войдя подъ сводчатыя, грязныя ворота, онъ остановился, сдѣлалъ нервѣжительный шагъ назадъ, передвинулъ раза два со лба на затылокъ и обратно сильно облѣзшую каракулевою шапку и, сгорбившись, вялой, медленной походкой направился къ одной изъ многочисленныхъ дверей задняго двора, зиявшихъ, какъ раскрытыя, черныя пасти чудовищъ.

На узкой, осклизлой лѣстницѣ изъ выщербленнаго сѣраго камня, во впадинахъ котораго стояла слякоть, было почти совершенно темно. Площадки заставлены были какими-то ведрами, кадушками. Двери нѣкоторыхъ квартиръ были наглухо заперты и покрыты густой сѣтью пыли и паутины. Молодой человѣкъ шелъ по лѣстницѣ, безпрестанно спотыкаясь о невидимыя препятствія и громко посылая къ чорту—онъ самъ хорошенько не зналъ, кого именно—вѣроятно, все окружающее. Такъ дошелъ онъ до самой верхней площадки, тускло освѣщенной сѣрымъ, арестантскимъ свѣтомъ изъ высокаго, пыльнаго окошечка, и остановился передъ дверью, обитой разлѣзшимся, изъѣденнымъ молью войлокомъ, на которомъ болтались кое-гдѣ куски изодранной, дешевой клеенки.

На одной половинѣ дверей булавкой была приколота узенькая визитная карточка съ желтымъ пятномъ посерединѣ: Александръ Ивановичъ Половьевъ.

Когда Александръ Ивановичъ бывалъ доволенъ и веселъ, онъ не замѣчалъ звука своего звонка; зато въ грустныхъ минуты своей жизни, — а ихъ было не мало, — онъ всякій разъ болѣзненно ежился, когда раздавался этотъ рѣзкій, немолчимый звонъ. Ему такъ и мерещилось что-то страшное, скучное, сѣрое, заживо погребенное. Никто не шелъ открывать. Александръ Ивановичъ нетерпѣливо дернулъ звонокъ еще разъ. Подъ чьей-то торопливой рукой упалъ, загремѣвъ, крючокъ, и изъ отворенной двери волной хлынулъ отчаянный, закатывающійся дѣтскій плачь. Отъ вошедшаго Александра Ивановича сердито отошла молодая женщина, почти дѣвочка, съ худымъ, безкровнымъ лицомъ и спутанными, черными волосами, жена его, Людмила Кирилловна. Пока мужъ раздѣвался въ совершенно темной, крохотной прихожей, она, стоя у дверей кухни, съ отчаяннымъ, измученнымъ лицомъ укачивала шестимѣсячнаго ребенка и говорила вполголоса, раздражаясь и стараясь сдержаться:

— Зачѣмъ такъ звонить? Я самый малѣйшій звукъ слышу. Нельзя было. Костя засыпалъ. Онъ такой нервный... такъ пугается... Тутъ супъ ушелъ...

При звукахъ ея голоса изъ противоположной кухни комнаты раздался жалобный, капризный крикъ.

— Займи ты его, ради Бога, — простонала Людмила Кирилловна съ ужасомъ. — Только что этотъ началъ успокаиваться.

Александръ Ивановичъ молча вошелъ въ комнату, раздѣленную аркой на двое. Изъ этой единственной комнаты и состояла квартира Полозьевыхъ.

Отъ только что вытопленной, круглой желѣзной печки несло жаромъ и жирной гарью, но въ трехъ шагахъ отъ нея было уже холодно, и воздухъ пропитанъ былъ тяжелымъ, слежавшимся запахомъ сырости. По стѣнамъ мокли желтыя пятна съ фіолетовымъ отливомъ, около печи покрытыя чернымъ, чешуйчатымъ налетомъ. Ситцевая, сѣрая занавѣсъ, отдѣляющая одну половину комнаты отъ другой, захватанная чьими то жирными руками, вѣские стулья съ Александровскаго рынка, два грубыхъ стола. Ни горшечка цвѣтовъ, ни занавѣсочки на окнахъ. Посрединѣ пола на малиновомъ, байковомъ, слинявшемъ одѣялѣ сидѣлъ полуторагодовалый мальчикъ Шура, пухлый, блѣдножелтый съ некрасивымъ, даже непріятнымъ лицомъ, и, поднявъ голову вверхъ и широко раскрывъ ротъ съ двумя торчащими впередъ острыми зубками, кричалъ отчаянно, упорно, одной капризой, непрерывающейся нотой.

Александръ Ивановичъ присѣлъ передъ ребенкомъ на

корточки, уговаривая его замолчать. Онъ то стучалъ передъ Шурой камфоркой самовара о полъ, то щелкалъ пальцами, то прищмокивалъ губами, то умолялъ ребенка посмотрѣть на хорошенькую - хорошенькую картинку или на диковинную птичку, которая вотъ-вотъ сейчасъ вылетитъ изъ окошка.

Шура не умолкала и даже не обращала вниманія на то, что, стараясь перекричать его, говорилъ отецъ.

— Я вотъ тебя, негоднаго мальчишку!—прошипѣлъ Александръ Ивановичъ и протянулъ руку, чтобы ударить ребенка, но во время опомнился и, порывисто вставъ съ полу, ушелъ за перегородку. Тамъ онъ взялъ изъ футляра дешевую, двадцатирублевую скрипку и началъ ее настраивать. Съ этой скрипкой онъ разучивалъ свои партіи — партіи лирическаго тенора.

Шура заплакалъ еще сильнѣе, съ истерическимъ надрывомъ, захлебываясь. Никто не обращалъ на него вниманія, и онъ неожиданно замолчалъ,—должно быть, выбился изъ силъ и свалился на одѣяло.

Александръ Ивановичъ положилъ скрипку въ футляръ и сѣлъ на кровать, глубоко задыхая и машинально пошевеливая носкомъ штиблета стертый войлочекъ около кровати, изображавшій когда-то цвѣты.

Немного погодя, къ нему вошла жена съ заснувшимъ ребенкомъ на рукахъ, съ боязливымъ, затихшимъ выраженіемъ лица.

— Шурка несчастный такъ на полу и заснулъ,—прошептала она однимъ дыханіемъ.—Я думаю, лучше ужъ его не тревожить.

По лицу мужа, по его позѣ, темнымъ инстинктивнымъ путемъ, которымъ она понимала его мысли раньше, чѣмъ онъ ихъ высказывалъ, Людмила Кирилловна уже знала, что Александръ Ивановичъ потерпѣлъ неудачу. Все-таки она подошла къ нему, сѣла рядомъ и тихо спросила:

— Ну что, какъ?

— Какъ?—переспросилъ мужъ.—Да мерзость вездѣ одна. Графиня эта будто бы за границей. Врутъ или правду говорить, не знаю. Я хотѣлъ-было отъ Немироцкаго карточку отдать, да раздумалъ... Разорвалъ ее гдѣ-то тамъ, на Сергѣевской... Ну... у Альбовскаго былъ. Посмотрѣлъ на меня такъ странно. А я, говорить, не думалъ, чтобы вамъ не хватало той стипендіи, которую я для васъ выхлопоталъ. Обѣщалъ все-таки тамъ... въ концертѣ какомъ-то... Трудно, говорить, теперь за плату. Всѣ поютъ даромъ... люди съ име-

нами. Я, говорить, про васъ въ одномъ обществѣ недавно рассказывалъ...

Александръ Ивановичъ говорилъ равнодушнымъ, усталымъ голосомъ. Нога его все шевелила войлокъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Люда, мы ужасно много проживаемъ. Тридцать пять стипендіи, 25 отъ твоихъ родныхъ, 25 отъ моихъ—это 85! Какъ же чиновники съ семьей живутъ на 50—60 рублей?

— Я не знаю, Саша. Трудно, кажется, быть экономнѣй, чѣмъ я. Одна квартира безъ дровъ 22 р. Мясо—17 коп. грудника. Костю тоже нельзя плохимъ молокомъ поить. Тебѣ тоже нельзя ходить оборваннымъ.

— И все это на шею, на шею! И твоимъ надо отдать долгъ, и моимъ... Вошь, лѣтомъ занялъ у Окопешникова 50 руб. Когда ты хворала, у тетки взялъ полтораosta. У Лузгиныхъ восемьдесятъ,—пересчитывалъ Полозьевъ съ выраженіемъ лица человѣка, впервые сознающаго свое безвыходное положеніе.

— Дядѣ Леонтью 85,—тихонько сказала Людмила Кирилловна.

— Вотъ видишь. А тутъ опять ищи, унижайся, хлопочи, занимай! Неужели нельзя обойтись? Ну—продать что-нибудь? А Альбовскому сколько я задолжалъ... Это ужасъ, ужасъ!

Людмила Кирилловна молчала. Ничего нельзя было ни продать, ни заложить. Шутя, она иногда называла себя министромъ финансовъ. Она уже замѣнила свою мѣдную посуду жестяной, хорошемякія платья, сшитыя къ свадьбѣ, дешевой шевіотовой юбкой, пухъ въ подушкахъ драгымъ перомъ... Двѣ зимы въ Петербургѣ. Какъ долги показались онѣ ей!.. Какъ часто вспоминался ей родной городъ, дешевизна провизіи, сто рублей жалованья, которые получалъ Александръ Ивановичъ, какъ младшій контролеръ акцизнаго округа.

— Что же ты отчаиваешься, Саша,—заговорила она черезъ минуту.—Велики ли наши долги? Мы выплатимъ ихъ очень скоро, какъ только ты получишь ангажементъ. Вѣдь, до окончанія курса тебѣ осталось какихъ-нибудь полгода. Намъ только бы этотъ мѣсяць поребиться.. Не хворала бы я,—свели бы концы съ концами... Я такъ ужъ стараюсь. Карьеру вотъ отпустила... Одной тяжело...

— Но какъ мы переберемся, какъ?—перебилъ Александръ Ивановичъ трагическимъ шопотомъ.—О, опять набатъ этотъ противный... Хоть бы тряпкой ты его обвязала. Иди встрѣчай. Старшій дворникъ это.

Александръ Ивановичъ не ошибся. За дверью стоялъ, съ большой коричневой съ пятнами книгой въ рукахъ, присадистый мужчина съ очень маленькими глазками и пухлыми щеками,—старшій дворникъ. Одѣтъ онъ былъ въ поддевку и въ синій картузь.

— Ахъ, Маркель Филипповичъ, войдите!—привѣтливо заговорила Людмила Кирилловна.

— Что жъ, войти можно,—отвѣтилъ дворникъ, снимая резиновыя калоши.—Денежки съ васъ получить,—добавилъ онъ, садясь на стулъ и съ отгѣнкомъ презрительнаго сожалѣнія осматривая стѣны, скна и спящаго на полу Шуру.

— Ахъ, Маркель Филипповичъ, я попрошу васъ подождать, совсѣмъ, совсѣмъ немного подождать... день или два. Мы получимъ и сейчасъ же отдадимъ. Я вчера видѣла въ мясной вашего племянника. Онъ, говорятъ, у васъ женится? Такой славный молодой человѣкъ... Онъ все заходилъ къ моей Катеринѣ...

— Балуется, обнаковенно,—лѣниво промямлилъ дворникъ, еще разъ посмотрѣлъ кругомъ и, какъ будто рѣшивъ, что съ людьми, живущими въ такой обстановкѣ, какъ Полозевы, много разговаривать не стоитъ, прибавилъ, тяжело вставая со стула:

— Положеніе у нашего хозяина извѣстное. Пять дежъ послѣ срока—выселятъ. Затѣмъ, прощайте.

Людмила Кирилловна заперла за нимъ двери и вернулась за перегородку къ мужу.

— Зачѣмъ ты сънимъ... такъ?..—страдальчески наморщивъ лобъ, произнесъ Александръ Ивановичъ и не договорилъ.

Жена пристально и быстро взглянула въ его лицо. И раньше всегда была нехватка въ деньгахъ, унизительные займы, любезные разговоры съ дворниками, съ хозяевами мясной, мелочной... Онъ obtупѣлся, привыкъ къ этому. Неужели на него такъ дурно подѣйствовало то, къ чему онъ еще не прибѣгалъ: визитъ съ карточкой профессора къ графинѣ К., извѣстной меломанкѣ и покровительницѣ талантовъ, и просьба о матеріальной помощи у своего профессора, взявшагося учить пѣть его безъ денегъ и года два тому назадъ пророчившаго ему блестящую карьеру... Нѣтъ, тутъ, должно быть, не то, и она, какъ всегда, знаетъ, что именно.

Пересѣвъ дальше отъ мужа и быстро сшивая на рукахъ маленькую коленкорovou рубашечку, она, какъ бы случайно, заговорила о новыхъ разучиваемыхъ имъ партіяхъ, об оперѣ, о лирическихъ тенорахъ, о томъ, насколько голосъ Александра Ивановича лучше, чище, выше всѣхъ тѣхъ го-

лосовъ, которые она когда-либо слыхала, попадая иногда въ оперу на консерваторскіе билеты.

Людмила Кирилловна уходила въ кухню, опять приходила, покрыла Шуру старой кофтой и все говорила объ одномъ и томъ же.

Александръ Ивановичъ слушалъ ее сначала неохотно, насмѣшливо усмѣхаясь одиными губами. Но она такъ тонко понимала все, что относилось къ его голосу и къ голосу другихъ, такъ умѣло выдѣляла то, что онъ дѣйствительно считалъ въ себѣ хорошимъ, что онъ, наконецъ, былъ тронуть.

— Тоска на меня напала... апатія какая-то,—заговорилъ онъ медленно, опустивъ голову.—Къ землѣ пригнетаетъ нужда эта проклятая... Опять просить, унижаться... Я не могу этого больше... не могу... Вотъ дядя Алексѣй на послѣднее письмо мнѣ даже не отвѣтилъ,—не вѣритъ ужъ больше въ меня... И не къ кому обратиться. Товарищи? Почти у всѣхъ просилъ. А эти двое, да Агрюнина—жирные, нахальные, закормленные... къ нимъ не подойду. Вотъ двадцати пяти рублей не могу достать, за квартиру заплатить... И зачѣмъ бьюсь? Изъ-за чего? Развѣ опера такое ужъ нужное для человѣчества дѣло? Вообще что-то не такъ... не то... не то. Я, когда въ акцизные чиновники поступалъ для того, чтобы какъ-нибудь жить, чувствовалъ себя такъ плохо—ну, думаю, временно... Теперь это. Хвалили... Альбовскій взялся учить даромъ... А развѣ это нужно? Тратятся колоссальныя суммы, хористовъ задергиваютъ до полусмерти, собираютъ съ публики тысячи,—а чего достигаютъ? Костромскіе мужички въ красныхъ балахонахъ, которые около ногъ такъ и болтаются, это, видите-ль, римляне. Зачѣмъ это? Кому нужно? А я чувствую, что отравленъ этой немужной вещью.

Людмила Кирилловна молчала, пораженная скорбнымъ, рыдающимъ голосомъ мужа. Сказать, что опера—важное, нужное дѣло, она тоже не могла. Ей самой такъ часто и такъ настойчиво приходили въ голову совсѣмъ противоположныя мысли...

— И мой голосъ... Я ошибся въ своемъ голосѣ.

— О, что ты, Саша! Нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула Людмила Кирилловна испуганнымъ, звенящимъ голосомъ.—Твой голосъ! Да онъ лучше всѣхъ, всѣхъ! Твой голосъ...

Ей вспомнилась лѣтняя, теплая, звѣздная ночь, та ночь, когда, казалось, и звѣзды, и темный лѣсъ, и смутно бѣлѣвшіяся поля, и вѣтеръ, приносившій ароматы созрѣвшихъ хлѣббовъ,—колебались вмѣстѣ съ ней въ волнахъ неземного,

непереносимаго восторга. Она схватила руку мужа и горячо поцѣловала ее.

Александръ Ивановичъ тихою рукою оттялъ свою руку и, прикрывая глаза, крѣпко прижалъ ее ко лбу.

— Нѣтъ, нѣтъ, Людмила,—зашепталъ онъ, и всякое слово его словно рвалось изъ глубины переполненнаго отчаяніемъ сердца.— Не надо... я не вѣрю... Я въ самого себя пересталъ вѣрить. Если бы, дѣйствительно, у меня былъ такой голосъ, его замѣтили бы, на него обратили бы вниманіе... Я бьюсь, какъ рыба о ледъ, и одинъ... одинъ... Вонъ тотъ антрепренеръ говорилъ мнѣ лѣтомъ: „Идите ко мнѣ сразу на 500 руб. Бросьте, не оканчивайте у Альбовскаго. На что вамъ это свидѣтельство?“ А я теперь боюсь сказать объ этомъ кому-нибудь... Ты не знаешь... Третьяго дня на si bémol у меня голосъ сорвался. Альбовскій только брови на меня поднялъ... А я весь потный сдѣлался съ головы и до ногъ. А вдругъ голосъ совсѣмъ пропадетъ? Убито два лучшихъ года жизни... Что я знаю, что умѣю? Куда пойду? Помнишь, какъ я пѣлъ лѣтомъ въ концертѣ, въ Самарѣ,—и послѣ этого потерять голосъ?!

— Да вотъ глупости!—сердито перебила Людмила Кирилловна.— Не потерялъ ты голоса! Поѣзжай прямо въ Москву постомъ на пробу. На что тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, Альбовскій?

— Ахъ, брось... Не тѣ, не то... Онъ все съ Агрюшиной. Готовить ее къ дебюту... Голосъ его, обращеніе со мной— все измѣнилось...

Колокольчикъ опять зазвонилъ рѣзко и шумно, какъ будто предостерегая окружающихъ отъ какого то несчастья.

— Кто это еще тамъ?—испуганно перебилъ самого себя Александръ Ивановичъ.— Если кто-нибудь изъ товарищей— не надо... Впрочемъ, ради Бога, Людмила, переговори сама.

На площадкѣ лѣстницы стояли двѣ дамы, обѣ уже немолодыя, но не прикрашенные, въ шляпахъ изъ гагачьяго пуха и въ длинныхъ темныхъ пальто—гейша.

— Александръ Ивановичъ Полозьевъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь,—отвѣтила оторопѣвшая Людмила Кирилловна неувѣренно.

— Пожалуйста, скажите ему... Мы устраиваемъ концертъ въ пользу „Общества гигиеническихъ развлеченій“ и пріѣхали пригласить его пѣть.

Людмила Кирилловна торопливо кинулась въ залу, подхватила спящаго Шуру на руки и прошептала, почти выталкивая мужа изъ-за перегородки:

— Иди, иди. Это къ тебѣ, насчетъ концерта. Вотъ, можетъ быть, и помощь...

Одна изъ дамъ была очень высокая, съ крупнымъ, горбатымъ носомъ и расчесанными на прямой рядъ темными волосами. Другая—пониже, въ пенсахъ, съ сухимъ, озабоченнымъ выраженіемъ лица.

Высокая играла, очевидно, роль руководительницы переговоровъ. Крѣпко тряхнувъ руку Александра Ивановича, она сейчасъ же приступила къ цѣли своего посѣщенія.

— Кузьмина. Можетъ быть, слышали мою фамилію. А это—Пецгольдъ. Мы устраиваемъ концертъ въ пользу „Общества гигиеническихъ развлеченій“. Цѣль очень хорошая... И мы надѣемся, вы не откажетесь у насъ пѣть.

— Я не знаю... отчего же?—промолвилъ Полозьевъ.—Но... только...

— Ахъ, благодарю васъ. Это очень пріятно. Я такъ много лестнаго слышала о вашемъ голосѣ... У насъ прекрасный составъ. Виолончелистъ... окончилъ курсъ пражской консерваторіи, извѣстный рассказчикъ Петровскій, актеръ, былъ инженеромъ путей сообщенія, пианистка Березова, всемірная извѣстность, скрипачъ Игнатовичъ, вы должны его знать. Онъ въ прошломъ году окончилъ консерваторію... пѣвица... мелодекламация... чтеніе. Мы просимъ васъ во второе отдѣленіе.

— Да, но видите-ль... я желалъ бы вознагражденіе...

— О, молодой человекъ, что вы! Не надо быть такимъ... такимъ недобримъ. Не берите примѣра съ вашихъ московскихъ собратьевъ. Такая хорошая цѣль! Какъ же вы?!

— Теперь очень трудно устраивать концерты,—заговорила Пецгольдъ строгимъ, не допускающимъ возраженія голосомъ.—И такъ мы уже должны заплатить двоимъ: аккомпаниатору Врублевскому 25... видите, какой у васъ будетъ чудный аккомпаниаторъ. Рассказчику Петровскому пятьдесятъ. Это ужъ у нихъ рѣх-рѣхе. Зала, освѣщеніе, рабочимъ, нарядъ полиціи, цвѣты, угощеніе артистамъ. Не знаю, что мы дадимъ обществу.

— Вотъ и я хотѣлъ бы... я иначе не могу...—вставилъ Александръ Ивановичъ весь красный.—Такъ же, какъ и Врублевскому.

— О, неужели? Мы посмотримъ, увидимъ. Если хорошій сборъ... Вы пришлите намъ не позже завтрашняго дня о томъ, что именно вы будете пѣть. Надо, чтобы программа утверждена была градоначальникомъ. Мы пришлемъ вамъ афиши. Не упрямитесь. *Cela vous rosega. Публика у насъ—fine fleur...* Послѣ нашего концерта вы сразу сдѣлаетесь зна-

менитостью... Итакъ: l'affaire est baclée, n'est pas?

— Да... но какъ же?

— Не безпокойтесь. Мы пришлемъ за вами карету въ 10 часовъ, къ началу второго отдѣленія. Репетировать вамъ, конечно, не нужно. Врублевскій такой аккомпаниаторъ... Настоящій артистъ... Тысячу разъ благодаримъ васъ заранѣе.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ разговоръ Альбовскаго и тѣ мысли, которыя онъ самъ высказывалъ.

— Надѣюсь, балалаечниковъ у васъ не будетъ?—спросилъ онъ надменнымъ тономъ, долгое время спустя стыдомъ рѣзавшимъ его сердце при воспоминаніи.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Что вы!—Кузьмина замахала руками.— Развѣ мы не знаемъ?

Надѣвая въ передней калоши, она все еще говорила:

— Въ этотъ мѣсяцъ я устраиваю третій концертъ и это, замѣтите, безъ всякой особенной поддержки. Мелодекламируетъ у насъ Ангельтъ. Начинаетъ входить въ извѣстность... И въ газетахъ будетъ напечатано о концертѣ, непременно. Въ „Новостяхъ“, а можетъ быть, и еще гдѣ-нибудь. Будетъ напечатано, не безпокойтесь. До свиданья. Благодарю васъ, благодарю.

Александръ Ивановичъ затворилъ за посѣтительницами двери и прошелъ за занавѣску къ женѣ. Она сидѣла на кровати съ Шурой на рукахъ и, какъ только мужъ приподнял занавѣску, озабоченно прошептала:

— Ну, что же, Саша, ты уговорился съ ними? Онѣ тоже даютъ тебѣ двадцать пять, какъ Врублевскому?

— Я, право, не знаю. Да, вѣроятно, дадутъ. Я, кажется, выразился довольно опредѣленно. Я думаю, онѣ видѣли, въ какой обстановкѣ мы живемъ. Да, вѣдь, что же? Я сказалъ ей.

Говоря, онъ быстро перебиралъ свои ноты, сложенные въ углу на деревянномъ ящикѣ изъ-подъ сѣраго мыла и уже чувствовалъ холодъ и судороги въ челюстяхъ, которые испытываютъ почти всѣ артисты, когда въ ихъ воображеніи встаетъ поднятая занавѣсъ и море головъ внизу.

— Люда, у насъ сколько есть денегъ?

— Около трехъ рублей.

— Мой бѣлый галстухъ чистъ? И перчатки? Отлично. Но все-таки ты дай мнѣ рубль. Я съѣзжу на конкѣ къ Югансему. Куплю арію изъ Лакмѣ. Мнѣ хочется ее снѣть, а у меня нѣтъ.

Въ моткомъ магазинѣ Александръ Ивановичъ долго думалъ, сколько ему купить экземпляровъ аріи. Сначала купилъ одинъ, потомъ раздумалъ, вернулся и взялъ еще одинъ.

Весь вечеръ онъ мучился мыслью, что выбрать ему для своего концерта, хотѣлъ взять арію Синодала, арію князя изъ Русалки, только что купленную арію изъ Лакмэ; наконецъ, рѣшилъ пѣть серенаду изъ Забавы Путятишны, и какъ только послалъ письмо Кузьминой съ извѣщеніемъ о своемъ выборѣ, такъ и началъ горько раскаиваться въ томъ, что выбралъ такъ неудачно и неумѣло.

Мелькая по комнатѣ, какъ тѣнь, и убаюкивая Костю, Людмила Кирилловна нѣсколько разъ тревожно возвращалась къ интересовавшему ее больше всего вопросу.

— Нѣтъ, ты расскажи мнѣ хорошенько, какъ онѣ тебѣ сказали? Утвердительно... или какъ? Какой вообще былъ разговоръ?

— Да, очевидно, онѣ согласились. Я сказалъ: такъ же, какъ и Врублевскому.

— Вотъ хорошо бы... за квартиру отдали бы, а на два рубля протянули бы какъ-нибудь, пока папа не вышлетъ.

Встрѣтивъ на другой день на дворѣ старшаго дворника, Людмила Кирилловна весело крикнула ему:

— Маркель Филиппычъ! Послѣ завтра деньги отдамъ за квартиру. Мужъ получить за концертъ.

— Дай Богъ!—промычалъ Маркель Филиппычъ, на ходу, безучастно.

Въ день концерта Александръ Ивановичъ былъ готовъ съ 8 часовъ вечера. Людмила Кирилловна взглянула на него и почувствовала, какъ прорастаетъ чѣмъ-то жгучимъ, давно какъ будто прошедшимъ, то сложное чувство пониманія и безконечной жалости, безконечнаго сознанія общности интересовъ, которое она испытывала къ мужу. Такимъ красивымъ и таинственнымъ казался онъ ей, когда еще гимназистомъ, съ преувеличенной любезностью раскланивался съ ней, дѣвчонкой; такимъ пріѣхалъ уволенный за студенческую исторію изъ университета—его родные всѣ плакали, а онъ хохоталъ; такимъ бывалъ онъ по вечерамъ въ веселые, загородные пикники, и такимъ, знала она, снѣ будетъ въ то жуткое, страшное и чудное время, когда онъ завоюетъ міръ, и толпа будетъ привѣтствовать его восторженными, жадными рукоплесканіями...

Время тянулось для Александра Ивановича невозможно долго, онъ то пробовалъ прохаживаться, то начиналъ читать завалавшуюся у него чью-то книжку журнала, то грѣлъ около желѣзной печки свои холодныя ноги. Мысленно онъ пѣлъ свою арію отъ начала до конца. Ему захотѣлось еще разъ пропѣть ее громко. Онъ всталъ около двери, попра-

вилъ галстухъ и взялъ начальное до. Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе горломъ, какъ будто бы глоталъ какую-то очень большую вещь, и опять взялъ то же до.

— Люда, Люда!—вскрикнулъ онъ.—Люда... у меня голосъ пропалъ.

— Ну вотъ, возразила Людмила Кирилловна смѣющимся голосомъ.—Въ Самарѣ то же самое было.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ про Самару, концертъ, и сердце стукнуло у него отъ прилива горделиваго, бѣшено счастливаго чувства. Тогда онъ будто бы стоялъ высоко надъ всѣми. Эти всѣ копошились у ногъ его и знали, что онъ, Александръ Ивановичъ,—особенный, необыкновенный, отмѣченный божественнымъ перстомъ. И вдругъ ему стало холодно. Онъ вспомнилъ, что черезъ часъ выступить передъ избранной петербургской публикой и что голосъ у него пропалъ... пропалъ совсѣмъ безслѣдно.

Оглушительно громкій звонокъ возвѣстилъ о прибытіи распорядителей. Ихъ было двое. Студентъ-путеецъ въ просторномъ мушдрѣ, щегольски причесанный, и тонкій молодой человѣкъ, лысый, въ сюртукѣ до колѣнъ и съ Адамовой головой въ узелькомъ, пестромъ галстухѣ.

Александръ Ивановичъ связалъ ноты тесемочкой, накинулъ пальто. Идя по лѣстницѣ и по двору, распорядители все время старались занять „артиста“ разговорами на злобы дня. Онъ едва отвѣчалъ имъ. Инженеръ ловко отворилъ передъ нимъ дверцы огромной кареты, вскочилъ самъ, вѣжливо пропустивъ товарища, и пара измученныхъ, окутанныхъ паромъ лошадей, потащила колыхающийся экипажъ по грязной, темной улицѣ.

Несмотря на сильный морозъ, городъ утопалъ въ туманѣ. Дымный, плотный, онъ спускался отъ самаго неба легко разрываемой, непрозрачной стѣною. На главныхъ улицахъ стукъ саней, отчаянные звонки комокъ, протяжные, пѣвучіе свистки автомобилей, человѣческіе голоса—сливались въ угрожающій хаосъ звуковъ. Электрическіе фонари желтѣли, не отбрасывая лучей, и паръ отъ извозчичьихъ лошадей, тѣсно бѣгущихъ другъ за другомъ въ обѣ стороны, инеемъ осѣдалъ на сбруѣ и кафтамахъ извозчиковъ. Огромныя окна магазиновъ неожиданно и уродливо освѣщали ныряющіе изъ тумана и въ ту же секунду пропадающія человѣческія фигуры. Карета, казалось Александру Ивановичу, вѣхла безъ конца, и тоскливое чувство одиночества и отчужденности все сильнѣе и сильнѣе проникало въ душу молодого человѣка. Теперь ужъ ему ничего не хотѣлось: ни пѣть,

ни знакомиться съ знаменитой пианисткой Березовой, ни дышать, ни жить, ни обладать голосомъ лучшимъ, чѣмъ у всѣхъ знаменитыхъ теноровъ вмѣстѣ.

Наконецъ, пріѣхали. Антрактъ только что начался. Распорядители провели Александра Ивановича какими то окольными путями за кулисы, а оттуда узенькимъ коридоромъ въ „артистическую“.

За длиннымъ, сервированнымъ серебромъ и хрусталемъ столомъ, подъ яркой электрической лампой, председательствовала Кузьмина. Около нея, исполняя порученія, вѣтлся третій, необыкновенно юркій распорядитель, студентъ университета, съ огромными, торчащими впередъ воротничками, въ мундирѣ, съ тоненькой шпагой у бока и бѣлобрысой физиономіей съ закрученными въ стрѣлочку усами.

Александрю Ивановичу прежде всего бросился въ носъ раздражающій, острый запахъ соленыхъ закусокъ, фруктовъ и дорогого рому. Онъ подумалъ, что здѣсь на столѣ есть, навѣрное, свѣжая икра съ зеленымъ лукомъ и почувствовалъ нестерпимый, увлажняющій языкъ, аппетитъ человѣка, цѣлый мѣсяцъ питавшагося только супомъ съ кускомъ вареной говядины. Кузьмина сейчасъ же встала и познакомила вновь прибывшаго съ окружающими. Вотъ аккомпаниаторъ Врублевскій, красивый, какъ гондольеръ на картинахъ русскихъ художниковъ, съ томными, полузакрытыми глазами, въ безукоризненно спитомъ фракѣ и богато вышитой гладью бѣлой и твердой, какъ алебастръ, рубашкѣ съ сверкающими на ней бриллиантовыми запонками. Знаменитая пианистка Березова, тоже только что пріѣхавшая съ юркимъ распорядителемъ, въ необыкновенно эффектномъ розовомъ платьѣ съ обнаженными грудью и шеей, покрытыми какимъ-то составомъ, дѣлающимъ тѣло похожимъ на фарфоръ. Березова снимала перчатки и небрежно протянула Александрю Ивановичу два пальца, даже не поднимая глазъ, подведенныхъ и рѣзко выдѣлявшихся на обрзгломъ, надменномъ лицѣ. Мало ли кого представляли ей на благотворительныхъ концертахъ! Мелодекламаторша Ангельтъ, толстая, высокая съ беспокойными, черными глазками на красномъ лицѣ, затянутая въ голубое платье. Скрипачъ Игнатовичъ, виолончелистъ Воиначекъ, еще какой то молодой человѣкъ, двѣ барышни, барыни, нѣсколько человѣкъ въ сюртукахъ.

— Не угодно ли вамъ скушать бутербротъ!—сладко освѣдомилась Кузьмина.

И оттого, что Александрю Ивановичу до боли, до безумія

хотѣлось съѣсть бутербротъ съ жирнымъ, тающимъ балыкомъ, онъ отказался коротко и очень твердо.

— Да, да... передъ пѣніемъ не слѣдуетъ,—согласилась Кузьмина и, какъ будто дирижируя невидимымъ оркестромъ, добавила:

— Можетъ быть, поговорите съ monsieur Врублевскимъ?

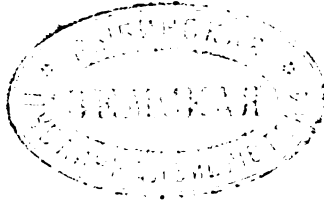
Александръ Ивановичъ всталъ, взявъ свои ноты и, опершись одной рукой на столъ, обратился къ Врублевскому:

— Вотъ это,—говорилъ онъ, перелистывая.—Вотъ тутъ я дѣлаю затяжку... А это быстро.. Ну, а если на bis, то вотъ... Мы съ вами ни разу не репетировали. Собственно говоря, такъ бы не слѣдовало.. Тутъ вотъ еще изъ Лакмэ. Да это я напрасно и взялъ.. Этого, навѣрное, не придется.

— Сыграемъ, все сыграемъ, не изнуряйтесь,—отвѣчала Врублевскій лѣнливо, едва-едва поднимая на пѣвца свои темные, иѣжные глаза красавца мужчины. Александръ Ивановичъ повернулся итти на свое мѣсто и столкнулся лицомъ къ лицу съ Пецгольдъ, другой, пріѣзжавшей къ нему устройтельницей концерта. Она смотрѣла на него сквозь пенсне, стараясь выдавить на своихъ плоскихъ, безкровныхъ губахъ подобіе улыбки, и держала на тарелочкѣ очищенный апельсинъ съ влажно пахучей кожицей, вырѣзанной на подобіе листьевъ.

Полозовъ взялъ апельсинъ и, медленно проглатывая одинъ кусочекъ за другимъ, съ любопытствомъ началъ присматриваться къ окружающимъ. Большинство изъ присутствовавшихъ исполнителей молчало. Молодежькая ученица профессорши Заггетти въ черномъ, глубоко открытомъ платьѣ, съ расчесанными на-бокъ взбитыми волосами, сидѣла блѣдная, съ застывшимъ выраженіемъ тоски и стыда въ глазахъ. Въ арии королевы изъ Гугенотъ она сбилась съ тона, пропустила нѣсколько тактовъ и кое какъ кончила, благодаря только помощи Врублевскаго, настойчиво подававшего нужную ноту. На жидкіе аплодисменты она не вышла и никто за кулисами особенно не настаивалъ, чтобы она биссировала свой номеръ. Ей смертельно хотѣлось уѣхать, а она нарочно сидѣла, чтобы показать, что все происшедшее не такъ ужъ сильно на нее подѣйствовало, и даже заговаривала съ віолончелистомъ Вондрачкомъ, сутуловатымъ, суровымъ молодымъ человѣкомъ, съ безбородымъ лицомъ съ выдавшимися скулами и цѣлой копшой грязно бѣлокурыхъ волосъ на головѣ. Вондрачекъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему мало хлопали. Мысленно онъ называлъ и публику, и концертантовъ свиньями въ апельсинахъ

	фонъ Плева въ Петербургѣ. Новые законы о печати въ Финляндіи. Пребываніе праха А. П. Чехова въ С.-Петербургѣ. В. Б.	32— 47
21.	ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. Выразители общественнаго мнѣнія.— О національной обособленности евреевъ.— Postscriptum. А. Изгоева	48—70
22.	РОДНЫЯ КАРТИНЫ. О Львѣ Тихомировѣ и его теоріи „мирнаго гнѣнія“ и полезныхъ кровопусканій“. О гг. Меншиковѣ и Менделѣевѣ и о „всемирномъ размноженіи“ какъ политической программѣ. Какъ поступать съ плѣнными японцами? Мнѣніе по этому вопросу „Московскихъ Вѣдомостей“. О сестрахъ милосердія и г-жѣ Лухмановой. Неосновательные процессы. Провинціальная юстиція. Дѣло Безсалова. Новый способъ пьянства. Война и печать. Мелочи. Александра Яблоновскаго	71—95
23.	СО СТОРОНЫ. Люди-ли матери? (По поводу „Критическихъ замѣтокъ“ г. А. В. въ журн. „Міръ Божій“). „ Марьи Сергѣевны “	96—104
24.	ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ. Электричество въ газахъ (съ 9 рис). А. Н.	105—131
25.	НА ЗАПАДѢ. (Изъ Германіи). Изъ галлерей политическихъ скомороховъ. Г. Гроссмана	132—146
26.	КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. 1) К. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ.—В. Ивановъ. Прозрачность.—А. Бѣлый. Золото въ лазури. Н. Ашешова . 2) М. Чеховъ. Синій чулокъ. Н. Ашешова . 3) Г. Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Н. М. —4) А. Стриндбергъ. Отецъ. В. Фриче . 5) Е. Ляцкій. И. А. Гончаровъ. С. Ашевскаго . 6) Н. Бинштокъ. Книга мудрости. А. Налимова . 7) А. Кони. Ө. П. Гаазъ. Л. Василевскаго . 8) Ө. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра В. В. Николаева . 9) В. Авчинникова. Проституція и проф. Тарновскій. В. Фриче . 10) Д-ръ А. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ. Д-ра Д. Никольскаго . 11) W. Бонаровскій. Изъ народной медицины. Л. Василевскаго . 12) Изданія „Посредника“ В. Величкной. Книги поступившія въ редакцію	147—176
27.	КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ	49—64

Бабья доля.

(Очерки).

„Ключи отъ счастья женскаго,
„Отъ нашей вольной волюшки,
„Заброшены, потеряны
„У Бога самого!“

Некрасовъ.

Въ приѣмной.

Дзѣнь... дзѣнь...—Рѣзкій, дребезжащій электрической звонокъ прорѣзалъ тишину.

— Звонокъ! Слышите? Звонокъ! Кто на очереди? Кто?—раздается сразу нѣсколько оживленныхъ женскихъ голосовъ.

— Я, я! Слышу! Иду!—отзывается раздражительный, нетерпѣливый голосъ.

По безконечному, ярко освѣщенному коридору больничнаго зданія слышатся легкіе торопливые шаги обладательницы нетерпѣливаго голоса. Она вскочила съ широкой кровати, поставленной тутъ же, въ углу коридора. Соломенные тюфяки, жесткія, скатавшіяся въ комокъ перовыя и волосяныя подушки, маленькіе, твердые, какъ дерево, валики въ холщевыхъ наволочкахъ безпорядочно набросаны на этой кровати; на ней же, въ невообразимыхъ позахъ, скорчившись, лежатъ нѣсколько ученицъ повивальнаго искусства,—кто вытянувшись у стѣнки, прижавшись, какъ бы прильнувъ къ ней всѣмъ существомъ, кто—доперекъ кровати, въ ногахъ, сжавшись, закутавшись въ бѣлый хирургическій халатъ, закинутый на голову,—или вклинившись между двухъ фигуръ, на такомъ узкомъ пространствѣ, что, казалось бы, трудно умѣстить и не толстое полѣно...

И всё онъ спять тревожнымъ, тяжелымъ сномъ, готовая проснуться при звукѣ шаговъ „докторскаго обхода“, чтобы вразсыпную разсѣяться по коридору, въ родилку, въ ванну, въ патологическую... Или же вскочить отъ дребезжанья звонка, тутъ близко надъ головой,—но это только въ томъ случаѣ, если погруженная въ глубокой сонъ измученнаго долгимъ ожиданіемъ человѣка хранить еще въ своемъ усталомъ мозгу сознание, что она „первая на очереди“. Если же она не „первая“, то греми звонокъ хоть часъ не умолкая, спящая фигура не пошевелится, развѣ только голова ея еще глубже зароется въ подушки.

Торопливо, на ходу поправляя спутавшуюся прическу, „первая на очереди“ заглянула въ родилку, захватила грубый халатъ изъ желтаго сукна, стоптанныя туфли-шлепанцы и, ни на кого не глядя, не отвѣчая на вопросы, побѣжала внизъ по лѣстницѣ, на которую вела дверь изъ безкомечнаго коридора.

Она бѣжала, ёжась отъ холода, тянушаго по лѣстницѣ, какъ по трубѣ вверхъ изъ открытой внизу входной двери, вздрагивая отъ нервной дрожи, пробѣгающей мучительной струйкой вдоль хребта, стягивающей затылокъ.

Сдустившись внизъ и проходя мимо кочегара, она мимоходомъ кинула:

— Пожалуйста, топите, а то опять на ванну воды не хватить!

Кочегаръ, пожилой, широкоплечій мужикъ съ сонливымъ, недовольнымъ лицомъ, густо заросшимъ бородой, со спутанными сѣдыми кудрями, нетерпѣливо отмахнулся:

— Когда это бывало, чтобы воды не хватило? Ишь, вѣдь, скажете!—Огъ сердито почесалъ затылокъ, но все же подошелъ къ печи и поворошилъ дрова...

Въ пріемной, на деревянномъ, окрашенномъ бѣлой краской диванѣ, сидѣла молодая женщина. Симпатичное, довольно красивое лицо, съ выраженіемъ нестерпимой муки въ большихъ ввалившихся глазахъ. Больная вся подалась впередъ, когда на порогѣ показалась фигура въ бѣломъ халатѣ. Въ чертахъ лица отразились вопросъ, ужасъ..

— Давно-ли началось-то?—отрывисто спрашивала вошедшая.

— Второй день мучаюсь, барышня, только сперва не сильно, а теперь такъ худо, мочи нѣтъ!.. Боюсь я... умереть боюсь, барышня; въ первый разъ, вѣдь... Страшно!

— Пустяки,—улыбнулась барышня,— не умрете...— Не бойтесь, голубушка!.. Ну пойдете, я васъ посмотрю...—И

она, ласково взявъ больную за локоть, направила ее въ соседнюю комнату.

Спустя четверть часа дежурная по приёмной акушерка спрашивала слушательницу-приемщицу:

— Что, Михайлова? Берете больную?

— Хочу взять, бабушка, случай интересный!

— Ну берите, берите! Желаю успѣха, да поскорѣе!

И Михайлова, переодѣвъ больную въ больничное бѣлье, накинувъ на ее плечи желтый халатъ, медленно взяла по лѣстницѣ свою паціентку, — вела и возмущалась... возмущалась жестокостью людей, допускающихъ женщинъ въ родовыхъ мукахъ подниматься въ третій этажъ.

— Что, устали? Ну отдохните...— Больная съ тихимъ стономъ припадала головой на плечо барышни и, невыразимо страдая, сжимала ей до боли тонкія пальцы...

— Ну, ничего, еще нѣсколько ступенекъ, всего пять... Ну вотъ! Теперь налѣво, сейчасъ и ляжемъ—легче будетъ!

Въ распахнувшуюся настежь дверь вырвался смѣшанный гулъ. Въ первую минуту трудно было разобрать, какіе звуки преобладали: тутъ были стоны—тихіе, протяжные, стоны нетерпѣливые, переходящіе въ крики, тутъ же слышался и оживленный говоръ молодыхъ женскихъ голосовъ, тихій смѣхъ, шутки, взрывы хохота...

Въ тотъ моментъ, когда больная, сопровождаемая своей „барышней“, вошла въ „родилку“, комната представляла слѣдующую картину: изъ четырехъ кроватей была только одна не занята и, блистая чистотой простыни, привѣтливо предлагала пріютъ вновь прибывшей. На остальныхъ трехъ, подъ сѣрыми казенными одѣялами, вырисовывались красивыя фигуры роженицъ, стоны которыхъ поражали при входѣ.

На среднѣ, подъ большой висячей лампой, стоялъ столъ, покрытый сложеннымъ въ нѣсколько разъ одѣяломъ, взятымъ съ незанятой еще кровати. На одѣялѣ прихотливыми группами расположились разноцвѣтные костяные кружечки известной англійской игры, у насъ именуемой „блошками“.

Нѣсколько дѣвицъ, съ блестящими глазами, раскраснѣвшими лицами, тѣснились вокругъ стола.

Одна, очень полная, съ высокой, колышавшеюся отъ смѣха и восторга грудью, восклицала торжествующе:

— Вѣдь, говорила-же я вамъ, что выиграю партію! Вѣдь, говорила! Никто въ мірѣ искусѣе меня не засаживаетъ „блошекъ“ въ „ведрышко“!

— Ну, положим! Не все коту масляница!—слышатся возраженія.

— Посмотримъ, чья-то будетъ слѣдующая партія!

— И не одну еще партію сыграемъ, больныя то наши что то бездѣйствуютъ!—сыплются фразы въ отвѣтъ на хвастливую рѣчь побѣдительницы.

Появленіе Михайловой съ больноі на минутку вызываетъ сенсацію:

— Ну что? Взяли?

— Думаете скоро?

— „Зак...“ или „не“?

— Какъ видите, не знаю, „незаконная“!—сразу на всѣ вопросы отвѣчаетъ Михайлова, укладываетъ больную, а сама идетъ въ сосѣднюю комнату готовить ванну.

Пока она, съ градусникомъ въ рукахъ, окруженная облаками пара, исходящаго отъ спущенной горячей воды, возится съ приготовленіемъ, къ ней заглядываетъ нѣсколько лицъ.

— Михайлова, я не разслышала, у васъ законная или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, незаконная!

— Ахъ, какая досада! Вѣдь, вотъ наказанье-то! Придется цѣлыя сутки просидѣть одной въ палатѣ.

Принимающимъ у „незаконныхъ“ всегда завидуютъ, потому, во-первыхъ, что такихъ больныхъ является вдвое больше, почему палата заполняется быстрѣе и дежурства чередуются вполне правильно: въ четырехмѣстной палатѣ два раза въ недѣлю по 12 часовъ, на каждук дежурную, по разу днемъ и ночью, а въ „законной“ палатѣ иной разъ и двое сутокъ подождешь смѣны...

Михайлова понимаетъ эту зависть и старается утѣшить:

— Ну ничего! Можетъ, подъ утро и къ вамъ нагрянуть...

— Михайлова!— входитъ смазливенькая барышня въ очень модной прическѣ, съ короткими рукавами халата, отороченными широкими кружевными оборками, съ пушистымъ жабо на шеѣ.

— Михайлова, вѣдь, мы съ вами, чего добраго, опять въ одну палату попадемъ?—Голубенькіе глазки смотрятъ заискивающе.

— Ну такъ что-жь?

— Видите-ли, Михайлова, иныче, на этой недѣлѣ у медиковъ концертъ, такъ я думала... Не подежурите ли вы за меня одну смѣну... а тамъ... когда-нибудь я за васъ...

— А можетъ быть, я хочу сама итти къ медикамъ?

— Ну-у вотъ!..—протягиваетъ, надувая губки, барышня,—вѣдь, вы почти нигдѣ не бываете, а тутъ...

— Значить, тѣмъ болѣе мнѣ слѣдуетъ сходить на этотъ концертъ... впрочемъ, это пустяки—можетъ быть, вамъ и не придется въ это время дежурить: вѣдь, очередь пока не извѣстна... Что-жъ говорить?

— Нѣтъ... я такъ, на всякій случай...

— Ахъ, вотъ что! А, вѣдь, вы, иногда умѣете быть предусмотрительной!

— На что это вы намекаете?—вспыхиваетъ барышня.

— Рѣшительно ни на что!

— Нѣтъ ужъ! Я знаю! Это съ вашей стороны... Это... я не знаю, что такое! Какъ назвать! И какъ мнѣ это надоѣло! Скажите, важность какая! Еще понимаю, если бъ я дала больной вмѣсто касторки сулему, карболку, что-нибудь ядовитое, а то просто лажку глицерину... вѣдь, и тягучій такой же! А всѣ глаза колятъ! Конечно, больная-дура виновата... Дрянъ какая! Проглотила, а потомъ хвастается, что сладкую касторку приняла!..—капризнымъ голосомъ обиженнаго ребенка ныла барышня.—И къ чему всѣ эти разговоры? Вѣдь, больная не умерла!

— Ваше счастье, что попался глицеринъ,—отозвалась Михайлова,—дали бы.. а впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ, Платовская, я, право, ни на что не намекала... Это ваше дѣло...—И Михайлова снова склонилась надъ ванной, помѣшивая градусникомъ воду.

Платовская удалилась разгнѣванная.

— Господи, когда же это вода набѣжить?—тоскливо думаетъ Михайлова.

— Михайлова, ваша больная что то очень застонала, смотрите, не прозѣвайте!—На порогѣ остановилась худощавая молодая женщина,—свѣтлые волосы гладко причесаны, лицо не изъ красивыхъ, но доброе, привѣтливое, сѣрые глаза смотреть грустно.

— Спасибо, Пущина, иду, только, если есть время, посмотрите, пожалуйста, за ванной,—холодная вода не перебѣжала бы...

— Хорошо, идите!

Черезъ нѣсколько минутъ больная сидитъ въ ваннѣ, погруженная до шеи, а Михайлова, утомленная бѣготней и хлопотами, присѣла на приступочкѣ, ведущей въ ванну, и заводитъ разговоръ со своей пациенткой. Ванна обыкновенно служитъ связующимъ звеномъ между барышней-пріемщицей и больной. Въ ваннѣ больныя утихаютъ, и въ большинствѣ

случаевъ можно ожидать, что черезъ четверть часа каждая разскажетъ о своемъ семейномъ положеніи, о мужѣ и дѣтяхъ, если она „законная“, или кратко-схематически, и только изрѣдка многорѣчиво, изложить свою „исторію“, если она „незаконная“.

Михайлова смотритъ на выставившуюся изъ воды хорошенькую головку большою съ небрежно закрученными на макушкѣ густыми, темными волосами, съ томными усталыми глазами, ввалившимися и отѣненными длинными рѣсницами, съ чертами тонкими, словно выточенными... Яркій румянецъ такъ выгодно освѣтилъ это лицо, что глазъ оторвать не хочется.

— Вы сюда прямо изъ дому попали?—спрашиваетъ Михайлова.

— Да, барышня, „омъ“ мнѣ комнату отъ хозяйки наймаютъ... Стѣнка у насъ тошенькая, а рядомъ студенты живутъ, все слышно, что у насъ, что у нихъ дѣлается... Такъ мнѣ стыдно было, не могу не стонать, и говорю это хозяйкѣ: „Худо мнѣ, пойду въ родильный“... Пошла, посмотрѣли меня—говорятъ, „не скоро еще!“—не приняли... Стояла я потомъ, стояла на улицѣ, домой вернуться не хочется... А все же пришлось... Сколько часовъ промучилась... Наконецъ то, вы взяли.—Она смолкла на минутку, какъ бы ожидая реплики.

— Ну теперь ужъ не долго!—бодро сказала Михайлова.

— Ахъ, хоть бы поскорѣе!—тоскливо вымолвила больная.—Барышня! Извините, что я у васъ спрошу...—несмѣло подняла она глаза на Михайлову.

— Въ чемъ дѣло?—Спрашивайте!

— Ребенокъ то у меня живой?—она замерла, ожидая отвѣта.

— Живъ, живъ, голубушка.

— Жи-въ!—умыло протянула молодая женщина.—Живъ! Ахъ, какъ я молилась, чтобы омъ умеръ, барышня... Вѣдь, сколько отъ него горя мнѣ приключилось... И въ церковь ходила, и свѣчки на каунъ ставила... Грѣхъ это, барышня?—возбужденно спросила она.

— Да, я думаю, что это нехорошо,—отвѣтила Михайлова сухо; въ ней уже исчезало чувство симпатіи, вызванное милостивостью пациентки.

— Животное!—раздражительно думаетъ она,—низкія натуры... ничего, ничего человѣческаго! Впрочемъ... эта еще только Бога молить, чтобы ребенокъ умеръ, а другія..

— Куда я съ нимъ дѣнусь? — слышитъ Михайлова жалобный голосъ больнои.—На мѣсто съ нимъ не возьмутъ...

Въ воспитательный вотъ... только опять деньги мадо платить, а гдѣ я ихъ возьму?.. Опять съ „него“ тянуть? Ужъ сколько я ему стою? И безъ того сидить, сидить, корпиться надъ бумагами, ажно жалко глядѣть, иной разъ за полночь...

— А онъ гдѣ служить?—спросила Михайлова, смягченная тономъ большой.

— Въ канцеляріи, барышня, у генерала, у мужа моей барыни. — Михайлова уже знаетъ изъ опроса, что большая „горничная“.

— Сколько-же онъ получаетъ?

— Двадцать рублей за службу, да за вечернія занятія рублей пятнадцать—на двоихъ-то плохо хватаетъ...

— А барыня у васъ хорошая была?—задумчиво спросила Михайлова.

— Барыня-то? Да ничего, хорошая... — Больная вдругъ, какъ-то глубже опустила въ ванну и застонала.

— Что?—тревожно спросила Михайлова. Больная кусала губы и не отвѣчала. Но боль прошла и снова завязалась бесѣда.

— Барыня-то молодая, а баринъ старый, вотъ она и сердится:—„Ты, говорить, жизни мнѣ настоящей не даешь, ты, говорить, молодость мою губишь!“ А онъ ей все ручки цѣлуетъ, чего она ни захочетъ—все ей купить, только-бы она никуда безъ него не ходила... дома бы съ нимъ сидѣла. А она плачетъ, жалуется: скучно мнѣ, скучно мнѣ, Маша!—Только, какъ „познакомилась“ я съ „нимъ-то“, и стало это меня тошнить...—(Подробности знакомства больныя обыкновенно обходятъ молчаніемъ. Михайлова знаетъ это и не спрашиваетъ).—Похудѣла я,—продолжала больная,—барыня все ко мнѣ: „Что съ вами, да что съ вами?“ Пришелъ къ нимъ докторъ,—она къ нему: „докторъ, положите Машу“...—А тотъ посмотрѣлъ, да возьми и скажи барынѣ всю правду... Тутъ и началось мое мученье... Ушелъ докторъ, барыня ко мнѣ въ каморку... Ни жива, ни мертва лежу, къ стѣнкѣ повернулась. Вошла это барыня и говорить: „Ахъ, Маша, Маша, какъ вамъ не стыдно! Что вы со мной сдѣлали? Какъ вы ужасно поступили... Я къ вамъ такъ привыкла, такъ вамъ довѣряла... И кого я теперь съ запиской пошлю? И къ столу въ такомъ видѣ вы подавать не можете... Ахъ, Маша, Маша!.. Да еще Рождество близко, прислугу такъ трудно найти передъ праздниками!“—„Барыня,—говору,—вѣдь, еще не скоро“... „Не скоро! Не скоро!—барыня ужаси какъ разсердилась,—вы, говорить, милая, съ ума сопли! Я вамъ по-русски говорю,

что мнѣ до вашего поведенія дѣла нѣтъ никакого, но горничную „въ такомъ положеніи“ я, конечно, не могу держать!“ „Барыня, — говорю, — грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ.. Вѣдь, вотъ и вы скучаете и записки все пишете Павлу Васильевичу“...—(а Павелъ-то Васильевичъ адвокатъ молодой). Тутъ какъ вскочить моя барыня:—„Ахъ, вы дрянъ этакая! Я съ вами хотѣла добромъ, по-человѣчески, а вы на дерзости! Чтобъ вашего духу тутъ не было! Вонъ, сейчасъ-же вонъ!“ — Дрожить вся барыня, красная вся, ногами топаеть, кричить... — „Богъ съ вами, говорю, барыня, уйду“...

Больная осѣклась на полусловѣ, вся измѣнившись въ лицѣ, заворочалась въ ваннѣ, и Михайлова поспѣшила перенести Машу въ постель.

Не успѣла она укрыть больную одѣяломъ, какъ дверь родильни широко растворилась, и смѣшанный гулъ мужскихъ голосовъ заставилъ всѣхъ присутствующихъ встрепенуться и немного подтянуться.

Дѣвица съ высокой грудью сдѣлала попытку стащить со стола одѣяло и разбросанныя на немъ разноцвѣтныя „блошки“, но попытка не увѣчилась успѣхомъ: съ легкимъ стукомъ костяшки раскатились по полу, нѣсколько барышень наклонились подбирать ихъ, а одѣяло такъ и осталось сдвинутымъ на сторону...

Вошедшій „ночной обходъ“ состоялъ изъ пяти человѣкъ,—люди разныхъ возрастовъ, несомнѣнно, различныхъ характеровъ, взглядовъ и убѣжденій.

Впереди, нѣсколько отдѣлившись отъ толпы, шелъ высокій стройный, съ грубоватымъ, но на рѣдкость красивымъ лицомъ, очень молодой еще человѣкъ, подающій большія надежды,—старшій врачъ Вадславъ. Крѣпкая, мускулистая фигура, облеченная въ хирургическій халатъ, блистающій бѣлизною, туго накрахмаленный стоящій воротничокъ сорочки подпираетъ подбородокъ, узенькій бѣлый галстухъ. Въ рукѣ пучокъ живыхъ цвѣтовъ, которыми онъ слегка помахиваетъ на ходу. Полудѣтская, блуждающая на губахъ улыбка придаетъ ему отгѣнокъ какой-то безшабашной безпечности.

Вошла эта толпа съ веселымъ говоромъ, съ улыбающимися лицами, и напряженіе, воцарившееся было въ родилкѣ, исчезло моментально.

Вадславъ подошелъ къ столу, замѣтилъ „блошекъ“ и засмѣялся.

— Все въ порядкѣ,—заговорилъ онъ веселымъ, низкимъ голосомъ,—больныя по своимъ мѣстамъ... Приемщицы раз-

влекаются... Настроение бодрое...—Онъ кидаль эти фразы, ни къ кому не обращаясь, и свободной, не занятой цвѣтами, правой рукой захватилъ большую костяную плитку, пожалъ ею самый корешокъ розовой „блочки“. Она взвилась надъ одѣяломъ и съ легкимъ стукомъ упала въ пустое деревянное ведрышко.

— Ловко?—спросилъ Вадславъ, показывая рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.—Не правда-ли?

Платовская подбѣжала къ нему и заплѣла жалобно капризными нотами:

— Ахъ, Михайлъ Станиславовичъ, насъ Нерикова все обыгрываетъ!—Она смотрѣла на старшаго врача своими голубенькими глазками, придавая имъ особенно сладкое выражение.

— Ну что же? Нерикова у насъ молодець, ей это ничего не стоитъ, она кого нибудь и покрупнѣе „блочки“ въ уголь загонить!

Нерикова, дѣвица-побѣдительница, зардѣлась и сконфужено опустила глаза... Вадславъ отвернулся и хотѣлъ-было итти въ другую сторону, но Платовская такъ и впиалась въ него.

— Михайлъ Станиславовичъ, Михайлъ Станиславовичъ, откуда эти цвѣты?

— Цвѣты?—Докторъ небрежно взглянулъ на пучокъ зелени, который машинально вертѣла его лѣвая рука, и процѣдилъ сквозь зубы.

— Это... котильонные лавры... съ бала сейчасъ... Впрочемъ... съ этой дрянью пора и разстаться!—и онъ швырнулъ цвѣты на деревянное кресло, стоявшее у стола.—Возьмите, если хотите!—крикнулъ онъ Платовской. Та покраснѣла до ушей, но все же скользнула къ креслу и, выбравъ самую красивую розу, заколола ее себѣ въ свѣтлыя волосы.

Отъ пучка зелени скоро не осталось и слѣда—подчиненныя-поклонницы разобрали все по цвѣточку. Вадславъ стоялъ возлѣ больной Пуцциной и серьезно, внимательно расспрашивалъ молодую женщину съ печальными глазами.

Возлѣ окна образовалась небольшая группа: два доктора—одинъ молодой, высокій брюнетъ восточнаго типа, другой маленькій, не старыи, но уже успѣвшій облысѣть, блондинъ, въ золотыхъ очкахъ, юркій и угодливый—разговаривали съ дѣвцами-пріемщицами о томъ, о семъ. Коснулись слегка больныхъ и наиболѣе интересныхъ событій этой ночи: патологическій случай, окончившійся операціей; затишье, длившееся нѣсколько часовъ, благодаря отсутствію больныхъ; потомъ

коснулись случайнаго мороза и вообще погоды. Докторъ восточнаго типа больше молчалъ и наивно улыбался, ворочая своими продолговатыми черными глазами—онъ былъ здѣсь еще новичокъ и стѣснялся большого женскаго общества.

Другой,—тоже недавно поступившій ординаторомъ,—уже успѣлъ вполне освоиться. Онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы сдѣлаться любимымъ и популярнымъ. Нѣсколько десятковъ глазъ, зорко наблюдавшихъ за всякой новинкой, уже успѣли оцѣнить его. При немъ старались высказывать взгляды и мнѣнія, которые было бы особенно желательно довести до свѣдѣнія высшаго начальства.. Когда удаляющіеся шаги доктора Полутонова затихали по безконечному коридору, ему вслѣдъ бросались насмѣшливыя улыбки и презрительнымъ тономъ говорилось:— Ну, побѣжалъ въ дежурную врачей, выболтаешь тамъ все до дна, а потомъ, немарокомъ, занесешь и намъ мнѣніе оттуда!..

Пока еще его не раскусили,—нѣсколько человекъ поддѣлосъ на удочку его прекраснодушія; теперь же съ нимъ держать ухо востро, а многія стараются извлечь изъ него какъ можно больше пользы.

Пока „обходъ“ въ родилкѣ,—разговоръ съ Полутоновымъ будетъ вертѣться на общихъ, мало интересныхъ темахъ, но онъ обязательно, совершенно случайно и неожиданно какъ для себя, такъ и для другихъ, замѣшкается и отстанетъ отъ обхода,—тогда тонъ перемѣнится, зазвучатъ нотки искренности и откровенности, сердце Полутонова переполнится волнами умиленія, онъ будетъ жадно ловить слова, будетъ давать подбадривающія реплики и полетѣетъ дружеская бесѣда... Авось, изъ этого что-нибудь да выйдетъ!

— Докторъ Старцевъ!—Михайлова подошла къ высокому тонкому, какъ жердь, врачу, вошедшему съ другими и оставившемуся у притолоки. Онъ стоялъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, молча созерцая окружающее. Это былъ человекъ лѣтъ 30—32-хъ, съ темно-сѣрыми, серьезными до грусти глазами на умномъ, интеллигентномъ лицѣ, обрамленномъ темной бородкой. Выраженіе скуки и нетерпѣнія залегло въ складкахъ лба и губъ. На обращеніе Михайловой онъ обернулся быстро, чуть чуть вдрогнувъ отъ неожиданности.

— Что угодно?—проронилъ онъ, по привычкѣ нагибаясь, такъ какъ большой ростъ почти всегда требовалъ этого.

— Я хочу попросить васъ, докторъ, осмотрѣть мою больную. Провѣрки хочется. Взгляните, мнѣ кажется, случай интересный, трудный. Я вамъ такъ вѣрю...—смущаясь, тихо гово-

рила Михайлова:—у ней... И она изложила доктору результаты своего изслѣдованія.

Старцевъ слабо улыбнулся на ея фразу о довѣрїи, отмахнувшись, какъ отъ мухи, затѣмъ опять склонилъ голову и слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ.—Такъ, такъ...—нѣрѣдка ромялъ онъ.

На одной изъ кроватей стоитъ молоденькая женщина. На глазахъ слезы, щеки покраснѣлись, волосы размѣтались по подушкѣ. Возлѣ нея, на краю кровати, сидитъ пятый членъ „обхода“—докторъ Петровъ, человекъ маленькаго роста, тщедушный, типа захудалаго раскольника, съ изможденнымъ блѣднымъ лицомъ, съ бородой безъ всякаго пополазованія курчавиться, жиденькой, клинообразной и съ глазами распятаго Христа.

— Не кричите, не кричите!—говоритъ онъ нервнымъ, доходящимъ до дрожи голосомъ.—Да не кричите-же! Вѣдь, я вамъ не дѣлаю больно... Не кричите! Да скажите же ей, чтобы она не кричала!..—обращается онъ къ окружающимъ, а тѣ съ трудомъ сдерживаютъ смѣхъ.

— Баринъ!—слышится съ сосѣдней кровати вразумительный отпоръ,—попробовалъ бы ты, батюшка, самъ, такъ не сталъ бы говорить: не кричи да не кричи... Вамъ то хорошо... а каково нашей сестрѣ...

Петровъ поднимаетъ на нее страдальческіе глаза, смотритъ съ недоумѣніемъ нѣсколько секундъ, затѣмъ обращается къ больной и тѣмъ же жалобнымъ голосомъ восклицаетъ: „Ахъ, не кричите! Да не кричите же, голубушка!“

Онъ не выноситъ женскихъ криковъ и слезъ, и во все время своей акушерско-гинекологической практики,—время, охватывающее промежутокъ въ полтора десятка лѣтъ,—два слова: „не кричите!“ повторяетъ ежеминутно, лишь только передъ нимъ является больная, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя и не думаетъ возвышать голоса.

Но вотъ „обходъ“, совершивъ свою миссію, удаляется изъ родилки.

Полутоновъ на этотъ разъ не замѣшклся, а пошелъ съ другими, но, выйдя въ коридоръ, увидѣлъ у окна дѣвицу прїемщицу, только что явившуюся и ожидающую очереди. Не въ примѣръ другимъ врачамъ, не подающимъ руки своимъ подчиненнымъ, онъ любезно пожимаетъ руки какъ хорошему, такъ и некрасивымъ барышнямъ. Замѣтивъ Щеглову, онъ поздоровался съ ней и спросилъ, которая она на очереди?—Пока та отвѣтила, „обходъ“ повернулъ по коридору налѣво и скрылся.

Вокругъ Полутонова собралась цѣлая толпа.

Но ушелъ Полутоновъ, и стихло въ родилкѣ... Только стоны да мучительные крики прерываютъ тишину.

За окномъ морозъ трескучій, всё окна задушило наморозью, блеститъ она и переливается, освѣщенная электрическимъ фанаремъ съ противоположной стороны улицы.

Пущина стоитъ у окна и, безсознательно слѣдя за красивой игрой льдистыхъ искорокъ, видитъ дальше этого окна, дальше предѣловъ, доступныхъ зрѣнію... Видитъ она свое прошлое. Короткая, но мучительная жизнь. Молодая женщина такъ углубилась въ воспоминанія, что не слышитъ голоса своей больной. А та давно уже зоветъ ее.

— Послушайте, послушайте! Мнѣ худо, очень худо! Послушайте!—звенить со слезами почти дѣтскій умоляющій голосокъ.—Послушайте же.—Пущина встрепелась.

— Что?—наклонулась она къ больной.

— Плохо мнѣ, дайте руку, пожалуйста, дайте! Пока вы тутъ, близко-близко, точно легче мнѣ!—Пущина улыбнулась больной, присѣла на краешекъ кровати, вложила свою руку въ руку больной и, не замѣчая судорожныхъ, вызываемыхъ нестерпимой болью пожатій, снова отдалась воспоминаньямъ.

Пущина росла въ богатой семьѣ. Жизнь текла сплошнымъ праздникомъ, какъ жизнь многихъ дѣвушекъ-барышень, которыхъ ничто еще не натолкнуло на раздумье... О ней заботились, воспитывали, какъ умѣли, наряжали и обучали, чему принято обучать, любили и ласкали... Любили и ласкали, быть можетъ, больше, чѣмъ слѣдовало, потому что связывали ее по рукамъ и ногамъ, лишая ее совершенно возможности проявлять свою волю и индивидуальность.

Такъ длилось до 18-ти лѣтъ, продлилось бы, несомнѣнно, и дольше—отпечаталась бы жизнь по извѣстному шаблону: выдали бы ее замужъ по вкусу родителей, семейная жизнь втянула бы ее, пошли бы дѣти, пришлось бы ихъ воспитывать, и повторила бы она исторію своей матери,—обыкновенную, мирную и... скучную... Но суждено было иначе.

Пущина пѣла. Пѣла, когда пѣлось, какъ птица небесная, выражая звуками и радость, и безпричинную грусть. Въ семьѣ ея голоса любили, но совершенно не цѣнили.

Однажды, на журфиксѣ у знакомыхъ, ей пришлось пѣть въ присутствіи иностраннаго профессора пѣнія. Онъ восхитился и осыпалъ похвалами молодую дѣвушку. Честолюбіе заговорило въ ней. Впервые она проявила характеръ, пройдя

массу семейныхъ бурь, и добилась поступленія въ консерваторію.

Тамъ она сразу выдвинулась, передъ ней благоговѣли—ея бархатный контраalto покорялъ злобу и зависть.

Но тамъ же она познакомилась съ ученикомъ консерваторіи, подающимъ большія надежды скрипачомъ.

Познакомилась—и увлеклась, увлеклась горячо, безза-вѣтно, не разсуждая.

Дома ея заявленіе о желаніи стать женою скрипача было встрѣчено сильнымъ отпоромъ, но снова Пуццина проявила свою волю и, не взирая на слезы, стоны и проклятія, пошла за любимымъ человѣкомъ.

И потекла жизнь безумно-счастливая и мучительная. Нужда, чуть не доходящая до нищеты, угнетала и терзала ихъ.

Но они любили и были полны надеждъ. Контральто все болѣе и болѣе входило въ силу. Пуцциной сулили громкую славу, и у ней кружилась голова...

Въ одну морозную вѣтряную ночь молодая женщина жестоко простудилась.

Черезъ три недѣли она поднялась съ постели, но дифтеритъ унесъ ея голосъ.

Она долго не рѣшалась взять какую-нибудь музыкаль-ную ноту, когда-же проба не удалась, Пуцциной показалось, что жизнь оборвалась...

Странная, томительная жизнь потекла съ тѣхъ поръ. Разбилась вдребезги еще одна надежда: успѣхи мужа-скрипача остановились—онъ оказался посредственностью... Ради куска хлѣба ему пришлось поступить въ оркестръ одного изъ театровъ.

Часто онъ возвращался поздно ночью, безъ копейки денегъ, пьяный, жалкій, грубый, но все еще любимый несчастной женщиной. Онъ накидывался на нее съ проклятiami, онъ упрекалъ ее въ томъ, что она разбила, загубила его жизнь... Она молча сносила его упреки. Но когда мужъ переходилъ въ другой тонъ, когда онъ въ безумной, быть можетъ, и пьяной тоскѣ ломалъ надъ ней руки, называлъ ее своимъ померкнувшимъ свѣточемъ, разбитымъ кумиромъ, когда онъ молилъ ее поднять его изъ той грязи, въ которой онъ тонетъ,—она рыдала, рыдала отчаянно, не находя просвѣта, не умѣя найти его...

Но дни и ночи одиночества и раздумья умудрили Пуццину,—она стала искать работы. Полученныя ею знанія были мало куда пригодны. Усталая, измученная душа жаждала живого полезнаго дѣла—продавать за прилавкомъ, корпѣть

надъ счетными книгами она не чувствовала себя въ силахъ. Медицинская дѣятельность улыбалась ей, но отсутствіе ценза не позволило отдаться болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ акушерство.

Продавъ и заложивъ, что возможно, Пущина поступила на курсы и стала горячо и жадно учиться, стала работать, не покладывая рукъ.

Въ концѣ перваго курса молодая женщина почувствовала, что должна сдѣлаться матерью. Имѣть ребенка было ея давнишнею мечтой, въ немъ она видѣла цѣль жизни, въ него жаждала вложить душу—и вотъ это счастье пришло!

Она была такъ рада, что не задумывалась надъ тѣмъ, что новый членъ семьи еще больше обездолитъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, она чувствовала, что свѣтлый лучъ озарилъ ея жизнь, она знала, что теперь есть для кого трудиться.

Пришлось только на время отложить практическія занятія, да экзамены перенести на осень.

Она адѣсь и рожала на курсахъ.

Ребенокъ—славный, здоровый мальчикъ,—стоилъ ей громадныхъ страданій, но чѣмъ больше она мучилась, тѣмъ дороже ей становился сынишка.

Трудно было найти болѣе счастливую мать. Но ея мальчикъ умеръ черезъ мѣсяць отъ мозговыхъ явленій...

Кому, зачѣмъ понадобилась эта смерть? Кто и по какому праву отнялъ у ней это сокровище—надежду всей будущей жизни? Ребенокъ удерживалъ отца отъ пьяныхъ оргій, онъ привязывалъ къ дому этого слабохарактернаго человѣка; онъ заставилъ засвѣтиться радостью печальныя очи матери.

Какъ безумно рыдала она надъ маленькимъ потемнѣвшимъ трупикомъ, который уже гаяло тлѣніе и черезъ нѣсколько часовъ возьметъ могила, жестокая черная яма, ни за какую цѣну не возвращающая развѣ ею взятаго...

Но какъ близко теперь Пущиной горе всякаго, какъ понятно! Какъ искренне, всей душой рвется она на первый мучительный стонъ, полная жажды облегчить, помочь, приласкать...

Спать Платовская, свернувшись клубочкомъ на выкрашенномъ въ бѣлую краску диванчикѣ, и снится ей ярко освѣщенный бальный залъ.

Она тацуетъ, съ обычною граціей, модный тамецъ „chaconne“ съ ней въ парѣ — докторъ Вадславъ, самъ старшій врачъ; онъ говоритъ ей такія пріятныя вещи, что у ней щеки горятъ, и сердце такъ и прыгаетъ отъ счастья. Только вотъ

все завертѣлось у ней въ глазахъ, все перевернулось... Заль уже больше не заль, а большая шикарная приѣмная ея собственнаго приюта, который она мечтала открыть по окончаніи курсовъ... Хорошій приютъ. И какъ много секретныхъ больныхъ, а главное, онѣ такъ хорошо платятъ! Денегъ у ней много, много, она какъ сыръ въ маслѣ катается и живетъ, охъ, какъ живетъ!

И Платовская сладко улыбается во снѣ.

Дремлетъ и Нерикова на жесткой табуреткѣ. Ея большая крѣпко спитъ,—очевидно, боли утихли.

Нерикова прислонилась головой къ подушкѣ роженицы и въ полудремотѣ мечтаетъ,—мечтаетъ о томъ, какъ бы побольше извлечь выгоды изъ своего настоящаго положенія. А положеніе, надо сознаться, довольно удачное...

До 30-ти лѣтъ прожила она одиноко. Замужъ выйти ей не удалось, несмотря на миловидную наружность, но она сумѣла помириться со своей печальной участью, сумѣла сохранить свѣжесть, бодрость и неисчерпаемую веселость...

Съ годъ тому назадъ, Нерикова познакомилась съ профессоромъ того заведенія, въ которомъ теперь проходятъ премудрость повивальнаго искусства...

Скучно ей бывало дома въ часы, когда ея властелинъ читалъ лекціи; она трогательно жаловалась ему на свою тоску, и онъ указалъ ей путь почти ни на минуту не разлучаться—самою поступить на курсы.

И Нерикова сладко мечтаетъ и будетъ мечтать, пока больная нечеловѣческимъ стономъ не оторветъ ее отъ радужныхъ картинъ; тогда, раздраженная, она наклонится къ большой и прошипитъ такъ, чтобы никто, кромѣ роженицы, не слышалъ:—Ну, милая, молчите, молчите, терпѣнья ни на грошъ...

Больная Михайловой, нервная и возбужденная, мечется по кровати, не находя себѣ мѣста, не даетъ покоя и своей барышнѣ, мучится этимъ, волнуется и чуть не плачетъ.

Михайлову охватываетъ страшная слабость, и она съ ужасомъ думаетъ, что если сейчасъ ее позовутъ, откуда взять силу?

— Дзень... дзень... — Одинъ за другимъ почти безъ промежутка раздаются въ коридоръ звонки изъ приѣмной.

Явились сразу двѣ больныя.

Въ родилкѣ всѣ оживились, въ коридорѣ повскакивали съ кроватей, и двѣ первыя на очереди помчались внизъ, захвативъ одна халатъ, другая туфли: то и другое имѣлось въ одномъ экземплярѣ.

Вскорѣ онѣ вернулись одна за другой, съ нѣкоторымъ промежуткомъ, необходимымъ для возвращенія внизъ халата и туфель, а дѣвушка - бѣльщица захопотала, устраивая ложа больнымъ.

У Платовской сильно забеспокоилась больная.

Дали звонокъ дежурной бабушкѣ по родилкѣ: Платовская была изъ первокурсницъ, которыя не работаютъ еще самостоятельно.

Бабушка не явилась. Звонки стали чаще, тревожиѣе, а бабушка Лапкина не идетъ, и не идетъ.

— Михайлова, голубушка, ваша больная еще не скоро, сходите къ бабушкѣ! — взмолилась Платовская. Михайлова колебалась.

— Да ужъ сходите, Михайлова, я посмотрю за вашей большой, — отозвалась Пушина.

— Ну хорошо!

На нижней площадкѣ лѣстницы, среди широколиственныхъ латаній, въ полумракѣ рисуется изящная группа.

Очаровательный красавецъ-докторъ Вадславъ любезничаетъ съ „бабушкой“ Лапкиной.

Бабушка Лапкина не красива: ея только-только смазливенькое личико не носитъ отпечатка интеллигентности, но зато она обладаетъ высокой стройной фигурой, съ широкими плечами и съ тоженькой гибкой таліей. И одѣвается оно на рѣдкость изысканно. Хирургическій халатъ изъ тонкаго, какъ паутинка, батиста, богато отдѣланный кружевами и прошивками, ловко охватываетъ это красивое тѣло. Подъ паутинкой халата сквозить бумажное платье всегда самаго нѣжнаго цвѣта: голубого, розоваго или зеленаго... (Бумажныя платья здѣсь обязательны).

Лапкина безумно влюблена въ Вадслава, — это знаютъ всѣ, и всякій считаетъ своимъ долгомъ мучить ее намеками и поддразниваньями.

Вадславъ принимаетъ ея любовь, какъ должное, и не прочь иногда скрасить въ ея обществѣ тоскливые часы бездѣйствія въ ночи дежурствъ.

Михайлова, перегнувшись черезъ перила, увидала ихъ группу, увидѣла, поняла и отшатнулась, чтобы не дать себя замѣтить.

— Паша! — громко обратилась она къ идущей мимо коридорной дѣвушкѣ.

— Паша, вы не видѣли „бабушку“ Лапкину?

— А чортъ знаетъ, гдѣ ее носить, — грубо и зло отозвалась вопрошаемая.

Вадславъ поймалъ вопросъ своимъ чуткимъ ухомъ.

— Иди...—грубовато оттолкнулъ омъ дѣвушку; та все еще не могла оторваться отъ него.

— Иди же! Вѣдь, рожеицы не ждуть,—совсѣмъ ужъ грубо пробурчалъ докторъ, поднимаясь съ окна и закуривая папирску; она пошла, не оглядываясь, затыкая шпильки въ растрепавшуюся, замысловатую прическу...

— Кажется, вы меня ищите?—поднявшись на верхнюю площадку, обратилась „бабушка“ Лапкина къ Михайловой.— Что случилось?

— У Платовской больная рожаешь.

— Только то?—усмѣхнулась Лапкина.— При чемъ же тутъ я?

— Но, вѣдь, Платовская первокурсница...

— Ахъ, да...—протянула Лапкина и съ живостью прибавила:—а все-таки меня удивляетъ, что вы не можете обойтись безъ меня; когда я была слушательницей-приемщицей второго курса, мнѣ доставляло удовольствіе помогать младшимъ, и я по возможности не беспокоила „бабушекъ“... Теперь вотъ возись... такъ спать хочется,—вяло, слегка потягиваясь, окончила свою рѣчь Лапкина.

Она была очень лѣнива, всѣ это знали, и съ особеннымъ наслажденіемъ беспокоили ее, часто давая ей звонки безъ всякой необходимости. Она же всегда зѣвала, потягивалась, ворчала, всячески стараясь показать свой протестъ, но волей-неволей шла на усиленный зовъ.

По родилкѣ мечется Платовская—ея больная должна вотъ-вотъ разрѣшиться, а она забыла заблаговременно взять у бѣльевщицы пеленки, теперь же послѣдняя исчезла неизвѣстно куда, а такимъ образомъ она исчезаетъ всякій часъ и на цѣлый часъ. Платовская въ отчаяніи, что ребенка приять не во что, хотъ халать съ себя снимаѣ.

Тѣ же, что успѣли запастись пеленками, оказались истиннѣ трудолюбивыми муравьями и по мольбѣ Платовской даютъ ей только разумные совѣты на будущее время.

Почти одновременно повадилось бѣлье еще для двоихъ. Бѣльевщица необходима; всѣ, кто свободенъ, носятся въ поискахъ по лѣстницамъ и коридорамъ.

Но вотъ, совершенно самостоятельно, заспанная и сердитая, является бѣглянка и, торгуясь за каждую простыню, за каждую пеленку, начинаетъ одѣлать нуждающихся.

У приемщицъ являются затрудненія, ну...
Даютъ звонокъ въ дежурную. Оттуда...
другой. Нѣсколько минутъ ожиданія...

На порогъ показались Старцовъ и Вадславъ.

Послѣдній остановился, окинулъ взглядомъ суетливую толпу, схватилъ ухомъ отчаянные крики больныхъ и усмѣхнулся:

— Всѣ мѣста заняты! Машина въ ходу... Ну, пошла писать губернія!

«Незаконная» палата.

Въ просторной четырехмѣстной палатѣ царить полумракъ. Чадащій, зловонный, бензиновый жочникъ ветхозавѣтной конструкціи бросаетъ косыя колеблющіяся тѣни на блѣдныя осунувшіяся лица родильницъ.

На первой кровати отъ двери, по правой сторонѣ, вытянувшись подъ сѣрымъ казеннымъ одѣяломъ, неподвижно лежитъ Маша, больная Михайловой.

Трудно узнать въ этихъ обострившихся чертахъ еще недавно хорошенькое, хотя и страдающее, но полное жизни личико Маши; теперь оно кажется холоднымъ мертвымъ барельефомъ съ выраженіемъ суровымъ, презрительнымъ, почти отталкивающимъ.

Маша не спитъ, хотя и лежитъ съ закрытыми глазами. Голова у ней мучительно болитъ, дрожь ледяной струйкой вѣтъ-нѣтъ пробѣгаетъ по тѣлу... Одна только тоскливая навойливая мысль сверлитъ мозгъ:

— Родился?! Зачѣмъ? Зачѣмъ родился? Зачѣмъ?

Ей было такъ хорошо, когда, спустя нѣсколько минутъ послѣ трудныхъ, мучительныхъ родовъ, она лежала на спинѣ, съ вытянутыми ногами, съ радостнымъ сознаніемъ, что боли кончились и больше не возвратятся... Она обводила усталыми, но счастливыми глазами всю суетящуюся публику и ей хотѣлось засмѣяться...

Въ эту минуту къ ней склонилось печальное, ласковое и нѣжное лицо „барышни“ Пуцциной.

— Какой у васъ славный, здоровенькій мальчугашка!..— слышитъ Маша привѣтливый голосъ, но эти слова горячимъ свиномъ залили ея сердце.

— Сынъ? Родился? Зачѣмъ онъ родился? — сверкнула мысль, и сбѣжало съ лица радостное выраженіе, губы сурово сжались. Кто-то поднесъ ей ребенка, она сердито отвернулась отъ него.

— Кому онъ нуженъ?— думаетъ Маша.—И гадкій какой! Красный, сморщенный, пищить... Что съ нимъ дѣлать, куда его дѣвать?... Ахъ, хоть-бы заснуть!..

Маша открывает глаза и неприязненнымъ взоромъ обводитъ всю палату.

При неровномъ, колеблющемся свѣтѣ ночника она видитъ вытянутыя подъ одѣялами фигуры, обостренные профили изжелта-сѣрыхъ или бѣлыхъ, какъ известка, лицъ; у всѣхъ суровое, почти злое выраженіе. Возлѣ двухъ большихъ стоятъ желѣзныя дѣтскія кровати на высокихъ ножкахъ, такая же кровать и у ней съ лѣвой стороны; Маша сердито отвернулась отъ нея.

У одной изъ большихъ нѣтъ дѣтской кровати, и родильница эта не такъ неподвижна, какъ другія, по временамъ она начинаетъ метаться, вскакиваетъ. Къ ней то и дѣло подходить „барышня“ Пущина, дежурная на остатокъ ночи. Она склоняется къ больной, кладетъ ей на лобъ свою длинную блѣдную руку, говоритъ ей что то шопотомъ, потомъ теплѣе укрываетъ одѣяломъ, оправляетъ постель и возвращается къ своему жесткому деревянному дивану, къ которому на ночь придвинуть столъ, обыкновенно стоящій между двухъ оконъ. Она забирается съ ногами на свое твердое ложе. Къ утру въ палатѣ становится холодно и какъ-то особенно неуютно.

Пущина беретъ книгу, дѣлаетъ попытку читать, но не можетъ: голова болитъ, въ глазахъ двоится отъ усталости и тусклаго мельканья ночника, все тѣло ноетъ. Хорошо бы заснуть! Но не только уснуть, но даже задремать она считаетъ себя въ правѣ — въ первую ночь съ больными нужно быть очень бдительной! Мало-ли что можетъ случиться?

Пущину очень тревожитъ безпокойная больная: ей необходимо неподвижное горизонтальное положеніе, а она мечется, не находя себѣ мѣста.

Это уже не молодая женщина. Она родила внѣ заведенія. Привезли ее почти безъ чувствъ—понадобилась операція.

Все время она молчала, даже стонала мало, несмотря на нестерпимую боль, лишь глаза выражали терпѣливую муку замученнаго животнаго; такое выраженіе встрѣчается только у женщинъ истерзанныхъ, запуганныхъ...

Теперь у нея поднялась температура, — очевидно, 3 дня послѣ родовъ, проведенные ею безъ медицинской помощи, въ грязи темнаго затхлаго угла, не прошли ей даромъ.

Пущина къ ней подошла и, сама стараясь побороть сонъ, заговорила съ ней: „Отчего вы не спите? Вамъ нужно лежать смирно, иначе вы разболѣетесь хуже“. Больная глухо застонала и стала жаловаться на бессонницу и тяжелыя мысли. Мало-по-малу они разговорились, и Пущина, сознавъ

безполезность своихъ уговоровъ, сама невольно стала прислушиваться къ отрывочнымъ, полубеасвязнымъ признаніямъ большой, задавала ей вопросы и, наконецъ, узнала всю исторію несчастной женщины, которая глубоко взволновала ее. Одна изъ обиденныхъ, но неизмѣнно драматическихъ исторій...

Женщину эту звали Евдокіей Стукимой. Ей уже шелъ 40-ой годъ и рожала она въ седьмой разъ. Послѣдній ребенокъ родился мертвымъ, какъ, впрочемъ,—узнала Пущина—и почти всѣ предыдущіе: въ живыхъ ни одного не было у нея.

Евдокія была родомъ изъ дальняго уѣзда Новгородской губерніи. Она рано осталась круглой сиротой и взята была въ домъ своей теткой. Послѣдняя сама-то горе мыкала—мужикъ у ней былъ хоть и работающій, да несчастнейшій, неудачливый: за что ни возьмется—все изъ рукъ валится, и запивалъ часомъ...

Ребятишекъ уйма цѣлая. На своихъ то хлѣба не хватало, иной разъ зиму цѣлую впроголодь жили, а тутъ еще племянница навязалась—лишній ротъ!

Съ перваго дня Дунька въ теткиной семьѣ врагомъ стала. Сколько пиньковъ, брани, окриковъ, попрековъ сколько! Вспомнить страшно! Не видала она привѣтливой улыбки, не слыхала ласковаго слова. Кому только не лѣнь было, всякій толкалъ да шпынялъ дѣвчонку!

Поднялась Дуся, выросла, заневѣстилась. Худая, невзрачная, и не разъ пришлось ей выслушивать мелестные отаны: „Ну и дѣвка! Ни кожи, ни рожи“.

Время шло. Всѣ ея двоюродныя сестры и подруги-сверстницы пристроились: замужъ повыходили, а она все у дяди съ теткой на шеѣ сидитъ,—добро бы еще была хорошая работница, а то хвораѣ!

Добрые люди направили Дуню въ городъ. Нашла она себѣ мѣсто одной прислугой.

Прогнали Дуню съ мѣста за разбитую вещь. Опять она на улицѣ, опять голодъ, холодъ, безработица. Наконецъ, поступила на фабрику и пріютилась въ одномъ изъ многолюдныхъ, кишачихъ, какъ муравейникъ, „угловъ“.

Послѣ тяжелаго трудового дня приходила бѣдная дѣвушка въ свой „уголъ“, утомленная до отупѣнія, безъ всякаго интереса къ окружающему, безъ желанія посудачить съ сосѣдками, перекинуться двусмысленной шуткой съ кѣмъ либо изъ сосѣдей-угловиковъ.

Въ углахъ ее не любаѣ за хмурый видъ и молчали-

вость... Ишь, бирюкъ!—говорять про нее, а ей и дѣла нѣтъ—пришла съ фабрики, легла на свое жесткое гремяное ложе, отвернулась къ стѣнкѣ—лежить и думаетъ... А что она думаетъ? Спросите. Отвѣтить не скоро... А думаетъ Дуня о деревнѣ: хоть тошно было и тамъ, но были тамъ пашни, огородъ, лѣсъ—все это родное, незамѣтное въ то время, а теперь, когда ушло невозвратно, стало дорого, мило и близко, близко до боли...

Побѣжала бы она сейчасъ безъ оглядки изъ этихъ душныхъ тѣсныхъ „угловъ“ туда на просторъ, въ деревню, посмотрѣла бы на тетку съ дядей, на сестеръ... Чай, поди, обрадуются и ей постылой,—все же, вѣдь, родная... Войдетъ она въ избу, всѣ, всѣ къ ней навстрѣчу кинутся: „Дунька! Дуняшка! Откедова ты, родимая? Совсѣмъ пріѣхала?“—наперебой всѣ спрашиваютъ...

Чуетъ ея сердце, больно чуетъ, нельзя имъ сказать, что совсѣмъ пріѣхала—испугаются, подумаютъ: опять она имъ на шею сядетъ...

— Нѣтъ!—говорить,—на побывку...—А сама подарки всѣмъ вынетъ и разложитъ... И видитъ она, какъ всѣ рады... видитъ и сладко замираетъ измученное одинокое сердце... Грѣшила всѣмъ „этимъ“ Дуня, сама не давала себѣ точнаго отчета, какъ все это могло случиться. Только думалось все... да мечты не сбывались. Прожила Авдотья до 30-ти лѣтъ, нигдѣ ни въ чемъ не видя проблеска. Тяжелый фабричный трудъ до времени состарилъ ее.

Ни въ комъ, ни въ чемъ она не видала сочувствія, да и не искала его.

Томительно тянулась жизнь, и протянулась бы такъ до могилы, еслибъ не случай.

Какъ то разъ, вечеромъ, возвращалась Авдотья съ фабрики своей обычной, усталой, тяжелой походкой, не взглядывая на встрѣчныхъ и обгонявшихъ ее, сторонясь отъ злыхъ шутниковъ.

Вдругъ кто-то догналъ ее и не прошелъ мимо, а, поровнявшись, заговорилъ ласково:

— Авдотьюшка, слышь, Авдотьюшка! Вѣдь, мы-то съ тобой никакъ земляки будемъ?—Дѣвушка посмотрѣла на него по обыкновенію тупо, исподлобья... По голосу уже она узнала его: Прохоръ, рабочій съ той же фабрики, гдѣ она бьетса изо дня въ день... Каждый день она съ нимъ встрѣчалась и не обращала на него ни малѣйшаго вниманія.

На вопросъ Прохора она отвѣтила неохотно:

— А ты самъ-то откедова будешь?

— Мы-то?—переспросилъ мужикъ.—Ми—скіе будемъ, — онъ назвалъ волость и село.

Авдотья сразу оживилась:

— А и впрямь земляки, Прохорухка! И по селу-то суди! А давно ли ты изъ нашего-то мѣста, родимый?

— Постой... когда же? Никакъ больше году будетъ...—соображалъ землякъ.

— Больше году?.. А она-то и счетъ потеряла годамъ.

Авдотья засыпала Прохора вопросами, тотъ отвѣчалъ ей ласково и обстоятельно: отрадно было ей слушать его. Она забыла прошлыя обиды и невзгоды, заслоненныя еще болѣе тяжелыми впечатлѣніями настоящаго, и почувствовала въ тихомъ смиренномъ мужикѣ это созданное мечтою прошлое.

И самъ Прохоръ, за годъ успѣвшій стосковаться и по дому, и по хозяйству, и по семьѣ, отвыкшій было среди фабричнаго люда отъ своего деревенскаго обихода, искренне обрадовался „землячкѣ“.

И вотъ они шли и говорили, говорили безъ умолку, какъ будто спѣша выложить другъ передъ другомъ за много дней скопившійся запасъ мыслей и чувствъ.

Незамѣтно дошли земляки до Прохоровой улицы, а тамъ и до дому, въ которомъ онъ жилъ. Это былъ одинъ изъ огромныхъ сумрачныхъ петербургскихъ домовъ, съ грязными вонючими лѣстницами, узкимъ темнымъ дворомъ, домъ, биткомъ набитый сѣрымъ фабричнымъ людомъ.

Прохоръ зарабатывалъ значительно больше Авдотьи и занималъ не уголь, а маленькую комнату, хотя темную и сырую, но все же отдѣльную.

Дошли земляки до этого дома, и стало жалко расставаться.

Прохоръ посмотрѣлъ исподлобья на собесѣдницу и не смѣло позвалъ ее къ себѣ „чай пить“...

Не отдавая себѣ отчета, Авдотья пошла за нимъ...

Съ этого вечера Авдотья часто не возвращалась съ работы домой, а шла въ Прохорову каморку.

Въ „углахъ“ это замѣтили очень скоро, прослѣдили, куда она ходитъ, и не стало дѣвкѣ житья отъ насмѣшекъ и издѣвательства.

Авдотья упорно молчала, пролеживая все свободное время, отвернувшись отъ всѣхъ, лицомъ къ стѣнѣ.

Запуганная, всѣми нелюбимая, забитая, заброшенная, она вся точно оттаяла, отошла, согрѣлась отъ неожиданно выпавшей на ея долю Прохоровой ласки, и привязалась она къ нему всѣмъ своимъ наболѣвшимъ одинокимъ сердцемъ,—

такъ привязывается бродячая уличная собака къ пріютившему ее хозяину.

Ради того, чтобы угодить Прохору, Авдотья шла на жертвы, на лишенія; получая свой недѣльный заработокъ, она платила только за „уголь“, а почти все остальное тратила на подарки земляку, она несла ему табакъ, сахаръ, чай, пестрые платки, цвѣтные пояски, кисеты,—сама же жила впроголодь, отказывая себѣ во всемъ.

Прохоръ принималъ подношенія, какъ должное.

Послѣ перваго вечера онъ больше не звалъ къ себѣ Авдотью. Она шла сама, виновато остаиваясь каждый разъ на порогѣ, какъ бы ожидая приглашенія и, не дождавшись его, несмѣло входила и, молча, словно выжидая чего-то, присаживалась на краешекъ табуретки.

Вначалѣ Авдотья не мѣшала, не претила Прохору, даже какъ будто скрашивала его одиночество, напоминала деревню, къ которой онъ все же вѣчно тяготѣлъ, какъ волкъ къ лѣсу...

Только на фабрикѣ товарищи Прохора вскорѣ провѣдали о посѣщеніяхъ его Авдотьей. Посыпались грубыя циничныя шутки. Разъ-два отшутился Прохоръ, потомъ огрызался на непрошенныхъ шутниковъ, а придя домой и заставъ въ своей каморкѣ Авдотью, злобно прогналъ ее прочь.

Она не заплакала, не упрекнула обидчика, только съ недоумѣніемъ, широко открытыми, виноватыми глазами посмотрѣла на него, съежилась вся и, не проронивъ ни слова, ушла,—даже дверь не стукнула, затворилась за ней...

У Прохора засосало что то въ груди: не то жалость, не то что то другое, непомятое, необъяснимое; но мужикъ онъ былъ обстоятельный, высоко ставилъ общественное мнѣніе, многимъ готовъ былъ поступиться ради него—и не вернулъ Авдотьи. Нѣсколько дней она не приходила къ земляку. Онъ мелькомъ видѣлъ ее, работавшую на фабрикѣ, угрюмую, не поднимавшую глазъ.

Придя домой, дѣвушка по обыкновенію легла на свою кровать лицомъ къ стѣнѣ. Первый вечеръ она не плакала, лежала какъ окаменѣвшая, ощущая въ груди что то постороннее, холодное, мѣшающее ей дышать и думать. Во второй вечеръ она заплакала; тихо, но неудержимо катились слезы. Она плакала, какъ будто кто-то умеръ у ней; она плакала, оплакивая свое коротенькое немудреное счастье, этотъ внезапный проблескъ личной жизни. Нѣсколько вечеровъ она проплакала, а потомъ не выдержала и пошла въ знакомую каморку.

Прохоръ былъ дома и, завидя Авдотью, весь побагровѣлъ отъ жестокой внутренней борьбы двухъ чувствъ: радости, вспыхнувшей въ немъ при видѣ пришедшей, и досады, даже злобы на себя за это чувство.

Нѣсколько минутъ Дуня стояла на порогѣ и ждала, а Прохоръ смотрѣлъ на нее сурово и злобно.

Ему хотѣлось сказать:—войди, Авдотьюшка!—Но онъ затопалъ ногами и неистово закричалъ:

— Пошла! Пшла вошь, окаянная!—Она тупо улыбулась и не ушла. Тогда Прохоръ, окончательно оавѣривъ, кинулся къ двери, повернулъ ключъ, вырвалъ его изъ скважины, какъ ураганъ, бросился къ лампѣ, погасилъ чадающее пламя и въ темнотѣ, схвативъ Авдотью за волосы, сталъ нещадно наносить ей удары. Сквозь дикія ругательства и проклятiя слышались несвязные упреки:

— Отрамила! Въ глаза изъ-за тебя плюютъ... Ишь!.. Лѣзеть еще!.. Потаскушка! Вошь, проклятая, чтобъ духу твоего не было!

Авдотья тихо стояла.

— Шш... Чортово отродье! Нишкии! Услышать, что ты тутъ... Засмѣютъ!..—Онъ швырнулъ ее на полъ, пнулъ ногой и вдругъ почувствовалъ, какъ двѣ руки обвились вокругъ его разутыхъ ногъ, а мокрое отъ слезъ лицо прильнуло къ нимъ...

Съ тѣхъ поръ Авдотья, крадучись, стала чуть не каждый вечеръ приходитъ къ своему возлюбленному, а Прохоръ, впустивъ ее, гасилъ огонь и вынималъ изъ скважины ключъ, чтобы нельзя было и заподозрить, что онъ дома и не одинъ...

Но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Надъ ними часто трунили, издѣвались.

Въ такіе дни Прохоръ приходилъ злой,—билъ Авдотью. Часто, чтобы заглушить чувство досады и стыда, выпивалъ лишній шкаликъ и, охмелѣвъ, за что-то клялъ Авдотью или лѣзъ цѣловаться и плакалъ пьяными слезами... И Авдотья плала и плакала съ нимъ.

Такъ тянулась эта исторiя до того дня, когда Авдотѣ пришелъ часъ рожать. Ее отвели въ участокъ—оттуда въ родильный прiютъ. Пролежала она долго. Выписалась одна, такъ какъ ребенокъ родился мертвый. Вернувшись на фабрику, Дуня ужъ не нашла Прохора, ей сказали, что уѣхалъ на родину.

Сильно затосковала Авдотья. Съ горя попробовала выпить. Съ двухъ-трехъ стаканчиковъ полегчало на сердцѣ... И потомъ пошло, пошло...

Съ тѣхъ поръ Авдотью часто видѣли пьяную, истерзанную, валяющуюся въ грязи, гуляющую въ кабакахъ.

Годы шли, и рѣдкій изъ нихъ не приходилось Авдотѣ лежать въ родильномъ, только дѣти рожались все мертвыя и недоношенныя...

Врядъ ли она помнила имена отцовъ всѣхъ своихъ дѣтей... Она помнила только, что ее били, били постоянно, нещадно, били подчасъ смертнымъ боемъ, до безчувствія... За что? Она не понимала, не сознавала. Они ее били, гнали, и все же она шла къ своимъ тиранамъ...

И вотъ лежитъ Авдотья въ жару и бредить; бредить Прохоромъ и тѣми другими, что брали себѣ право бить ее. Они наступаютъ на нее со сжатыми кулаками, сверкаютъ налившимися кровью глазами, цѣлуютъ ее всѣ, щиплютъ, толкаютъ, бьютъ, дико хохочутъ, страшно ругаются, наклоняются надъ ней, и несчастная, спасаясь отъ ихъ призраковъ, тревожно мечется по кровати...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Тычино.

Въ морѣ.

Взволновалось снова море,
И помчали стаи волнъ
На темнѣющемъ просторѣ
Въ даль туманную мой челнъ.
Расправляетъ крылья туча,
Застывая небеса;
Плещутъ волны, и могуча
Моря дикая краса.
Съ гуломъ, шумомъ ходятъ волны;
Громъ огни—и вновь темно. .
Взрывы бури мощи полны,
Сердце радости полно.
Бодрой пѣсней бурѣ вторя,
Я несусь надъ бездной водъ,
И звучитъ мнѣ изъ-за моря
Все слышнѣйшій призывъ: впередъ!

В. Чернобаевъ.

«Все бытіе есть жгучее страданіе».

Разсказъ Густава Мейринка.

Переводъ съ нѣмецкаго М. Толмачевой.

Въ 6 часовъ было уже совершенно темно въ камерахъ заключенія при мѣстномъ судѣ. Свѣчей зажигать не разрѣшается, а вечеръ былъ зимній, туманный и беззвѣдный.

Надзиратель съ тяжелой связкой ключей въ рукахъ подходилъ по очереди къ каждой двери, желая убѣдиться въ томъ, что желѣзные засовы уже вдѣты, и въ послѣдній разъ направлялъ свѣтъ своего фонаря въ маленькія рѣшетчатыя дверныя отверстія камеръ—это была его обязанность.— Смолкли, наконецъ, его шаги, и скорбная тишина водворилась среди всѣхъ этихъ несчастныхъ, лишенныхъ свободы. Въ каждой изъ этихъ безотрадныхъ камеръ помѣщалось по четыре человѣка, которые спали на деревянныхъ скамьяхъ.

Старый Юргенъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ вверхъ по направленію къ маленькому тюремному окошку, которое бѣлѣло въ темнотѣ точно матовый шаръ.—Онъ считалъ медленные удары фальшиво звучаваго башеннаго колокола и думалъ о томъ, что ему завтрасказать присяжнымъ, и оправдаютъ-ли его.

Чувство негодованія и дикой злобы противъ тѣхъ, которые такъ долго держали его въ заключеніи, несмотря на полную его невинность,—въ первыя недѣли преслѣдовало его даже во снѣ, и часто хотѣлось ему кричать отъ отчаянія.

Но толстыя стѣны и тѣсная камера—меньше пяти шаговъ въ длину—гонять страданіе внутрь и не даютъ ему проявляться; человѣкъ только упрется въ стѣну лбомъ или

взберется на деревянную скамью, чтобъ сквозь рѣшетку темницы увидать кусочекъ голубого неба.

Эти чувства уже потухали въ немъ, и другія заботы, которыхъ не знаетъ свободный человѣкъ, угнетали его.

Оправдаютъ его завтра или осудятъ—вопросъ этотъ уже не волновалъ его теперь такъ, какъ раньше.—Онъ былъ подъ судомъ. Значитъ, въ будущемъ ему предстояло просить милостыню или красть.

А если его осудятъ, онъ повѣсится... при первомъ-же удобномъ случаѣ... Тогда исполнится сонъ, который онъ видѣлъ въ первую ночь въ этихъ проклятыхъ стѣнахъ.

Три его товарища по заключенію уже давно опали: надеждъ которыя бы заставляли ихъ бодрствовать, у нихъ не было, сонъ же сокращаетъ время заключенія. Но ему не спалось. Предъ нимъ рисовалось его мрачное будущее, и печальныя картины прошлаго пронеслись въ его памяти. Вначалѣ когда онъ еще сидѣлъ вмѣстѣ съ подслѣдственными, и пок у него еще было нѣсколько крейцеровъ, онъ иной разъ могъ купить себѣ колбасы, молока, огарокъ свѣчки. Но потомъ его посадили вмѣстѣ съ осужденными—ради удобства,—а въ этихъ камерахъ скоро наступаетъ ночь—также и на душѣ.

Весь долгій день сидитъ человѣкъ и думаетъ, упершись локтями въ колѣни. Лишь изрѣдка его прервутъ, когда сторожъ откроетъ дверь и арестантъ молча внесетъ кувшинъ съ водой или жестяную кастрюлю съ варенымъ горохомъ.

Тогда онъ часами ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, кѣмъ могло быть совершенно убійство, и все яснѣе ему становилось, что убійца былъ некто иной, какъ его братъ.—Не даромъ онъ исчезъ такъ безслѣдно.

И снова онъ сталъ думать о томъ, что будетъ завтра на судѣ, и объ адвокатѣ, который его защищаетъ.

Онъ не особенно рассчитывалъ на него: адвокатъ всегда былъ такой разсѣянный, почти не слушалъ, что Юргенъ ему говорилъ, а когда входилъ судебный слѣдователь, онъ пресмыкался передъ нимъ, какъ только возможно.—Но, должно быть, это ужъ всегда такъ бываетъ.

Юргенъ еще издали слышалъ стукъ колесъ экипажа, который всегда въ этотъ часъ проѣзжалъ мимо зданія суда.— Кто бы это могъ ѣхать въ немъ? Врачъ?.. А можетъ быть, чиновникъ... Какъ громко стучали копыта о мостовую

Присяжные оправдали Юргена... по недостатку уликъ... и вотъ онъ въ послѣдній разъ спустился въ свою камеру.

Три арестанта тупо смотрѣли, какъ онъ дрожащими

руками приправлялъ къ рубашкѣ старый воротникъ и надѣвалъ свою поношенную, тожкую лѣтнюю пару, которую принесъ ему надзиратель. Юргенъ съ проклятіемъ швырнулъ подъ лавку арестантскую одежду, въ которой онъ страдалъ восемь мѣсяцевъ. Затѣмъ онъ пошелъ въ канцелярію, которая была у воротъ,—тюремный начальникъ записалъ что-то себѣ въ книгу и выпустилъ его на свободу.

Какъ странно все ему показалось на улицѣ: спѣшашіе люди, которые могутъ идти, куда хотятъ, считая, что иначе и быть не можетъ, и ледяной вѣтеръ, который чуть не сбилъ его съ ногъ.

Отъ слабости ему пришлось прислониться къ дереву, и взгляды его упали на выгравированную на камнѣ надпись надъ воротами:

„Nemesis bonorum custos“.—Что-бы это могло значить?

Холодъ утомилъ его; дрожа, дотащился онъ до скамейки въ паркѣ и заснулъ въ полуобморочномъ состояніи.

Онъ проснулся въ больницѣ: ему ампутировали лѣвую ногу, которая у него отмерзла...

Изъ Россіи пришли на его имя 200 гульденовъ,—должно быть, отъ его брата, который, вѣроятно, чувствовалъ угрызёніе совѣсти. Юргенъ нанялъ за дешевую плату подвалъ и сталъ продавать пѣвчихъ птицъ.

Жилъ онъ бѣдно и одиноко, спалъ за деревянной перегородкой въ своей жалкой лавчонкѣ.

Когда крестьянскія дѣти приходили по утрамъ въ городъ, онъ за нѣсколько крейцеровъ скупалъ у нихъ маленькихъ птицъ, которыхъ они ловили въ силки и петли, и забиралъ ихъ въ грязныя клѣтки вмѣстѣ съ другими.

Къ желѣзному крюку, вбитому на срединѣ потолка, были прикрѣплены четыре веревки, и на нихъ спускалась внизъ старая доска, на которой скорчившись, сидѣла шелудивая обезьяна. Юргенъ получилъ ее отъ своего сосѣда, старьевщика, въ обмѣнъ за птицу.

У слѣпого окошка ежедневно останавливались школьники и часами глядѣли на обезьяну, которая безпокойно металась и, ворча, скалила зубы, если какой-нибудь покупатель открывалъ дверь.

Послѣ часу обыкновенно никто больше не приходилъ, и тогда старикъ садился на табуретку, печально смотрѣлъ на свою деревянную ногу и думалъ, что-то теперь дѣлаютъ арестанты и судебный слѣдователь, и попрежнему-ли адвокатъ прыгаетъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ.

Когда затѣмъ проходилъ мимо полицейскій, жившій по близости, ему такъ и хотѣлось вскочить и хватить его нѣсколько разъ желѣзнымъ засовомъ по спинѣ.

О, Господи! Хотѣ бы народъ, наконецъ, возсталъ и поубивалъ этихъ негодяевъ, которые ловятъ бѣднягъ и наказываютъ ихъ за такія дѣла, которыя сами они съ удовольствіемъ втайнѣ продѣлываютъ...

У стѣнъ въ нѣсколько рядовъ стояли клѣтки, поставленныя одна на другую почти до самаго потолка, и маленькія птички начинали биться, когда къ нимъ подходили слишкомъ близко.—Многія сидѣли печально и неподвижно, и на другое утро, съ закрытыми глазами лежали мертвыя на спинѣ.

Тогда Юргенъ небрежно выбрасывалъ ихъ въ помойное ведро: вѣдь, онѣ недорого стоили, да и перья у нихъ были некрасивы, потому что это были пѣвчія птицы.

Въ лавкѣ никогда же было совершенно тихо, постоянно слышалось царапанье и тихій пискъ, но старикъ ничего не слыхалъ: онъ слишкомъ привыкъ къ этимъ звукамъ.—И неприятный гнилостный запахъ пересталъ на него дѣйствовать...

Однажды студентъ купилъ у него сороку. Когда покупатель ушелъ, Юргенъ, который въ этотъ день былъ какъ-то особенно настроенъ, замѣтилъ, что онъ забылъ книгу.

Хотя книга была написана по-нѣмецки — переводъ съ индійскаго, какъ значилось въ заглавіи—онъ все же очень мало изъ нея помялъ, и только качалъ головой. — Только одинъ стихъ онъ много разъ перечитывалъ шопотомъ, потому что онъ настраивалъ его особенно грустно:

Все бытіе есть жгучее страданіе...

Кто понимаетъ это,

Тому скоро надоѣдаетъ жизнь, полная страданій.

Вотъ путь къ просвѣтленію!

Когда затѣмъ взглялъ его упалъ на всѣхъ этихъ маленькихъ плѣшниковъ, которые печально сидѣли въ тѣсныхъ клѣткахъ, сердце его сжалось, и онъ почувствовалъ себя тоже птицей, тоскующей объ утраченныхъ нивахъ.

Глубокая скорбь овладѣла его душой, такъ что слезы показались изъ глазъ. — Юргенъ перемѣнилъ птицамъ воду и насыпалъ имъ свѣжаго корма, что онъ обыкновенно дѣлалъ только по утрамъ.

Какъ забытыя сказки его ранней юности, припомнились

ему зеленые, шумящiе лѣса, освѣщенные золотистымъ сиянiемъ солнца...

Какая-то дама въ сопровожденiи слуги, несшаго нѣсколькихъ соловьевъ, прервала его воспоминанiя.

— Я купила у васъ этихъ птицъ,—сказала она,—но такъ какъ онѣ слишкомъ рѣдко поютъ, вы должны мнѣ ихъ ослѣпить.

— Что? Ослѣпить?—пробормоталъ старикъ.

— Да, ослѣпить. Глаза выколоть, или выжечь, или какъ тамъ это дѣлается. Вы птичiй торговецъ, и должны это лучше знать. Не бѣда, если при этомъ нѣкоторыя ослѣвуютъ, вы мнѣ ихъ замѣните другими. Да поскорѣй пришлите мнѣ ихъ. Вѣдь, вы знаете мой адресъ?—Прощайте.

Юргенъ послѣ того долго думалъ и не ложился спать.

Всю ночь просидѣлъ онъ на табуреткѣ и даже не всталъ, когда въ окно къ нему постучалъ сосѣдъ, — старьевщикъ. Послѣдняго удивило, что лавка такъ долго остается незапертой.

Юргенъ слышалъ въ темнотѣ, какъ въ клѣткахъ бились птички, и у него было ощущенiе, будто маленькiя, мягкiя крылышки били ему по сердцу, прося выпустить ихъ.

Когда начало свѣтать, онъ раскрылъ дверь, пошелъ безъ шляпы на пустынную базарную площадь и долго смотрѣлъ на пробуждающееся небо.

Затѣмъ онъ спокойно вернулся въ свою лавку и медленно раскрылъ всѣ клѣтки, одну за другой. Если птица не сразу вылетала, онъ бралъ ее въ руки и вынималъ изъ клѣтки.

Маленькiе соловьи, чижики и красношейки стали летать вокругъ въ старомъ подвалѣ, но Юргенъ, улыбаясь, открылъ дверь и выпустилъ ихъ на свободу, на воздушную, божественную свободу...

Онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ виду, и думалъ о зеленыхъ, шумящихъ лѣсахъ, залитыхъ золотистымъ солнечнымъ свѣтомъ...

Онъ отвязалъ обезьяну и снялъ спускавшуюся съ потолка доску, освободивъ большой желѣзный крюкъ.

Онъ привязалъ къ крюку веревку, сдѣлавъ на ней петлю, и надѣлъ себѣ петлю на шею...

Еще разъ припомнилъ ему стихъ изъ книги студента, и затѣмъ онъ оттолкнулъ деревянной ногой скамейку, на которой стоялъ.

.....

* * *

Я видѣлъ сонъ: жужжали шумно пчелы,
На крылышкахъ игралъ горячій лучъ,
И трудъ улья, невидный и тяжелый,
Былъ неустаненъ и кипучъ.
За сотомъ—сотъ, за крѣпостью—другая,
За рядомъ зданій—новый рядъ...
Жужжанье пчелъ звенѣло несмолкая
И сладокъ былъ медвяный ароматъ...
И снилось мнѣ—свободны были пчелы...
И въ полутьмѣ изъ узкихъ галлерей
Кипучій трудъ былъ—свѣтлый и веселый,
Свободный—и ничей!

Л. М. Василевскій.

Съ благотворительной цѣлью.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ калитку одного изъ старыхъ домовъ на Дегтярной вошелъ молодой человѣкъ въ поношенномъ ватномъ пальто, бывшемъ когда-то коричневымъ, но отъ времени получившемъ красноватый оттѣнокъ. Войдя подъ сводчатая, грязныя ворота, онъ остановился, сдѣлалъ нерѣшительный шагъ назадъ, передвинулъ раза два со лба на затылокъ и обратно сильно облѣзшую каракулеву шапку и, сгорбившись, вялой, медленной походкой направился къ одной изъ многочисленныхъ дверей задняго двора, зиявшихъ, какъ раскрытыя, черныя пасти чудовищъ.

На узкой, осклизлой лѣстницѣ изъ выщербленнаго сѣраго камня, во впадинахъ котораго стояла слякоть, было почти совершенно темно. Площадки заставлены были какими-то ведрами, кадушками. Двери нѣкоторыхъ квартиръ были наглухо заперты и покрыты густой сѣтью пыли и паутины. Молодой человѣкъ шелъ по лѣстницѣ, безпрестанно спотыкаясь о невидимыя препятствія и громко посылая къ чорту—онъ самъ хорошенько не зналъ, кого именно—вѣроятно, все окружающее. Такъ дошелъ онъ до самой верхней площадки, тускло освѣщенной сѣрымъ, арестантскимъ свѣтомъ изъ высокаго, пыльнаго окошечка, и остановился передъ дверью, обитой разлѣзшимся, изъѣденнымъ молью войлокомъ, на которомъ болтались кое-гдѣ куски изодранной, дешевой клеенки.

На одной половинѣ дверей булавкой была приколота узенькая визитная карточка съ желтымъ пятномъ посрединѣ: Александръ Ивановичъ Половьевъ.

Когда Александръ Ивановичъ бывалъ доволенъ и весель, онъ не замѣчалъ звука своего звонка; зато въ грустныхъ минуты своей жизни, — а ихъ было не мало, — онъ всякій разъ болѣзненно ежился, когда раздавался этотъ рѣзкій, немолчимый звонъ. Ему такъ и мерещилось что-то страшное, скучное, сѣрое, заживо погребенное. Никто не шелъ открывать. Александръ Ивановичъ нетерпѣливо дернулъ звонокъ еще разъ. Подъ чьей-то торопливой рукой упалъ, загремѣвъ, крючокъ, и изъ отворенной двери волной хлынулъ отчаянный, закатывающийся дѣтскій плачь. Отъ вошедшаго Александра Ивановича сердито отошла молодая женщина, почти дѣвочка, съ худымъ, безкровнымъ лицомъ и спутанными, черными волосами, жена его, Людмила Кирилловна. Пока мужъ раздѣвался въ совершенно темной, крохотной прихожей, она, стоя у дверей кухни, съ отчаяннымъ, измученнымъ лицомъ укачивала шестимѣсячнаго ребеночка и говорила вполголоса, раздражаясь и стараясь сдержаться:

— Зачѣмъ такъ звонить? Я самый малѣйшій звукъ слышу. Нельзя было. Костя засыпалъ. Онъ такой нервный... такъ пугается... Тутъ супъ ушелъ...

При звукахъ ея голоса изъ противоположной кухни комнаты раздавался жалобный, капризный крикъ.

— Займи ты его, ради Бога, — простонала Людмила Кирилловна съ ужасомъ. — Только что этотъ началъ успокаиваться.

Александръ Ивановичъ молча вошелъ въ комнату, раздѣленную аркой на-двое. Изъ этой единственной комнаты и состояла квартира Полозевыхъ.

Отъ только что вытопленной, круглой желѣзной печи несло жаромъ и жирной гарью, но въ трехъ шагахъ отъ нея было уже холодно, и воздухъ пропитанъ былъ тяжелымъ, слежавшимся запахомъ сырости. По стѣнамъ мокли желтыя пятна съ фіолетовымъ отливомъ, около печи покрытыя чернымъ, чешуйчатымъ налетомъ. Ситцевая, сѣрая занавѣсъ, отдѣляющая одну половину комнаты отъ другой, захватанная чьими то жирными руками, вѣнские стулья съ Александровскаго рынка, два грубыхъ стола. Ни горшечка цвѣтовъ, ни занавѣсочки на окнахъ. Посрединѣ пола на малиновомъ, байковомъ, слинявшемъ одѣялѣ сидѣлъ полуторагодовалый мальчикъ Шура, пухлый, блѣдножелтый съ некрасивымъ, даже непріятнымъ лицомъ, и, поднявъ голову кверху и широко раскрывъ ротъ съ двумя торчащими вперед острыми зубками, кричалъ отчаянно, упорно, одной капризной, непрерывающейся нотой.

Александръ Ивановичъ присѣлъ передъ ребенкомъ на

корточки, уговаривая его замолчать. Онъ то стучалъ передъ Шурой камфоркой самовара о полъ, то щелкалъ пальцами, то причмокивалъ губами, то умолялъ ребенка посмотрѣть на хорошенькую - хорошенькую картинку или на диковинную птичку, которая вотъ-вотъ сейчасъ вылетитъ изъ окошка.

Шура не умолкала и даже не обращала вниманія на то, что, стараясь перекричать его, говорилъ отецъ.

— Я вотъ тебя, негоднаго мальчишку!—прошипѣлъ Александръ Ивановичъ и протянулъ руку, чтобы ударить ребенка, но во время опомнился и, порывисто вставъ съ полу, ушелъ за перегородку. Тамъ онъ взялъ изъ футляра дешевую, двадцатирублевую скрипку и началъ ее настраивать. Съ этой скрипкой онъ разучивалъ свои партіи — партіи лирическаго тенора.

Шура заплакалъ еще сильнѣе, съ истерическимъ надрывомъ, захлебываясь. Никто не обращалъ на него вниманія, и онъ неожиданно замолчалъ, — должно быть, выбился изъ силъ и свалился на одѣяло.

Александръ Ивановичъ положилъ скрипку въ футляръ и сѣлъ на кровать, глубоко вздыхая и машинально пошевеливая носкомъ штиблета стертый войлочекъ около кровати, изображавшій когда-то цвѣты.

Немного погодя, къ нему вошла жена съ заснувшимъ ребенкомъ на рукахъ, съ боязливымъ, затихшимъ выраженіемъ лица.

— Шурка несчастный такъ на полу и заснулъ, — прошептала она однимъ дыханіемъ. — Я думаю, лучше ужъ его не тревожить.

По лицу мужа, по его позѣ, темнымъ инстинктивнымъ путемъ, которымъ она понимала его мысли раньше, чѣмъ онъ ихъ высказывалъ, Людмила Кирилловна уже знала, что Александръ Ивановичъ потерпѣлъ неудачу. Все-таки она подошла къ нему, сѣла рядомъ и тихо спросила:

— Ну что, какъ?

— Какъ?—переспросилъ мужъ. — Да мерзость вездѣ одна. Графиня эта будто бы за границей. Врутъ или правду говорить, не знаю. Я хотѣлъ-было отъ Немировича карточку отдать, да раздумалъ... Разорвалъ ее гдѣ-то тамъ, на Сергѣевской... Ну... у Альбовскаго былъ. Посмотрѣлъ на меня такъ странно. А я, говорить, не думалъ, чтобы вамъ не хватало той стинешди, которую я для васъ выхлопоталъ. Обѣщала все-таки тамъ... въ концертѣ какомъ-то... Трудно, говорить, теперь за плату. Всѣ поютъ даромъ... люди съ име-

нами. Я, говорить, про васъ въ одномъ обществѣ недавно разсказывалъ...

Александръ Ивановичъ говорилъ равнодушнымъ, усталымъ голосомъ. Нога его все шевелила войлокъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, Люда, мы ужасно много проживаемъ. Тридцать пять стипендіи, 25 отъ твоихъ родныхъ, 25 отъ моихъ—это 85! Какъ же чиновники съ семьей жить на 50—60 рублей?

— Я не знаю, Саша. Трудно, кажется, быть экономикѣй, чѣмъ я. Одна квартира безъ дровъ 22 р. Мясо—17 коп. грудника. Костю тоже нельзя плохимъ молокомъ поить. Тебѣ тоже нельзя ходить оборваннымъ.

— И все это на шею, на шею! И твоимъ надо отдать долгъ, и моимъ... Вотъ, лѣтомъ занялъ у Окопешникова 50 руб. Когда ты хворала, у тетки взялъ полтораста. У Лузгиныхъ восемьдесятъ,—пересчитывалъ Полозьевъ съ выраженіемъ лица человѣка, впервые сознающаго свое безвыходное положеніе.

— Дядѣ Леонтью 85,—тихонько сказала Людмила Кирилловна.

— Вотъ видишь. А тутъ опять ищи, умижайся, хлопочи, занимай! Неужели нельзя обойтись? Ну—продать что-нибудь? А Альбовскому сколько я задолжалъ... Это ужасъ, ужасъ!

Людмила Кирилловна молчала. Ничего нельзя было ни продать, ни заложить. Шутя, она иногда называла себя министромъ финансовъ. Она уже замѣнила свою мѣдную посуду жестяной, хорошемякія платья, сшитыя къ свадьбѣ, дешевой швейцотовой юбкой, пухъ въ подушкахъ драгнымъ перомъ... Двѣ зимы въ Петербургѣ. Какъ долги показались онѣ ей!.. Какъ часто вспоминался ей родной городъ, дешевизна провизіи, сто рублей жалованья, которые получалъ Александръ Ивановичъ, какъ младшій контролеръ акцизнаго округа.

— Что же ты отчаиваешься, Саша,—заговорила она черезъ минуту.—Велики ли наши долги? Мы выплатимъ ихъ очень скоро, какъ только ты получишь ангажементъ. Вѣдь, до окончанія курса тебѣ осталось какихъ-нибудь полгода. Намъ только бы этотъ мѣсяць поребиться.. Не хворала бы я,—свели бы концы съ концами... Я такъ ужъ стараюсь. Катерину вотъ отпустила... Одной тяжело...

— Но какъ мы переберемся, какъ?—перебилъ Александръ Ивановичъ трагическимъ шопотомъ.—О, опять набатъ этотъ противный... Хоть бы тряпкой ты его обвязала. Иди встрѣчай. Старшій дворникъ это.

Александръ Ивановичъ не ошибся. За дверью стоялъ, съ большой коричневой съ пятнами книгой въ рукахъ, присидистый мужчина съ очень маленькими глазками и пухлыми щеками,—старшій дворникъ. Одѣтъ онъ былъ въ поддевку и въ синій картузь.

— Ахъ, Маркель Филипповичъ, войдите!—привѣтливо заговорила Людмила Кирилловна.

— Что жъ, войти можно,—отвѣтили дворникъ, снимая резиновыя калоши.—Денежки съ васъ получить,—добавилъ онъ, садясь на стулъ и съ отгнкомъ презрительнаго сожалѣнія осматривая стѣны, скна и спящаго на полу Шуру.

— Ахъ, Маркель Филипповичъ, я попрошу васъ подождать, совсѣмъ, совсѣмъ немного подождать... день или два. Мы получимъ и сейчасъ же отдадимъ. Я вчера видѣла въ мясной вашего племянника. Онъ, говорятъ, у васъ женится? Такой славный молодой человѣкъ... Онъ все заходилъ къ моей Катеринѣ...

— Балуется, обнаковенно,—лѣниво промямлилъ дворникъ, еще разъ посмотрѣлъ кругомъ и, какъ будто рѣшивъ, что съ людьми, живущими въ такой обстановкѣ, какъ Полозевы, много разговаривать не стоитъ, прибавилъ, тяжело вставая со стула:

— Положеніе у нашего хозяина извѣстное. Пять день послѣ срока—выселятъ. Затѣмъ, прощайте.

Людмила Кирилловна заперла за нимъ двери и вернулась за перегородку къ мужу.

— Зачѣмъ ты съ нимъ... такъ?..—страдальчески наморщивъ лобъ, произнесъ Александръ Ивановичъ и не договорилъ.

Жена пристально и быстро взглянула въ его лицо. И раньше всегда была нехватка въ деньгахъ, унижительные займы, любезные разговоры съ дворниками, съ хозяевами мясной, мелочной... Онъ obtупѣлся, привыкъ къ этому. Неужели на него такъ дурно подѣйствовало то, къ чему онъ еще не прибѣгалъ: визитъ съ карточкой профессора къ графинѣ К., извѣстной меломанкѣ и покровительницѣ талантовъ, и просьба о матеріальной помощи у своего профессора, взявшагося учить пѣть его безъ денегъ и года два тому назадъ пророчившаго ему блестящую карьеру... Нѣтъ, тутъ, должно быть, не то, и она, какъ всегда, знаетъ, что именно.

Пересѣвъ дальше отъ мужа и быстро сшивая на рукахъ маленькую коленкоровую рубашечку, она, какъ бы случайно, заговорила о новыхъ разучиваемыхъ имъ партіяхъ, объ оперѣ, о лирическихъ тенорахъ, о томъ, насколько голосъ Александра Ивановича лучше, чище, выше всѣхъ тѣхъ го-

лосовъ, которые она когда-либо слыхала, попадая иногда въ оперу на консерваторскіе билеты.

Людмила Кирилловна уходила въ кухню, опять приходила, покрыла Шуру старой кофтой и все говорила объ одномъ и томъ же.

Александръ Ивановичъ слушалъ ее сначала неохотно, насмѣшливо усмѣхаясь одними губами. Но она такъ тонко понимала все, что относилось къ его голосу и къ голосу другихъ, такъ умѣло выдѣляла то, что онъ дѣйствительно считалъ въ себѣ хорошимъ, что онъ, наконецъ, былъ тронуть.

— Тоска на меня напала... апатія какая-то,—заговорилъ онъ медленно, опустивъ голову.—Къ землѣ пригнетаетъ нужда эта проклятая... Опять просить, унижаться... Я не могу этого больше... не могу... Вотъ дядя Алексѣй на послѣднее письмо мнѣ даже не отвѣтилъ,—не вѣрить ужъ больше въ меня... И не къ кому обратиться. Товарищи? Почти у всѣхъ просилъ. А эти двое, да Агрюнина—жирные, нахальные, закормленные... къ нимъ не подойду. Вотъ двадцати пяти рублей не могу достать, за квартиру заплатить... И зачѣмъ бьюсь? Изъ-за чего? Развѣ опера такое ужъ нужное для человѣчества дѣло? Вообще что-то не такъ... не то... не то. Я, когда въ акцизные чиновники поступалъ для того, чтобы какъ-нибудь жить, чувствовалъ себя такъ плохо—ну, думаю, временно... Теперь это. Хвалили... Альбовскій взялся учить даромъ... А развѣ это нужно? Тратятся колоссальныя суммы, хористовъ задерживаютъ до полусмерти, собираютъ съ публики тысячи,—а чего достигаютъ? Костромскіе мужички въ красивыхъ балахонахъ, которые около ногъ такъ и болтаются, это, видите-ль, римляне. Зачѣмъ это? Кому нужно? А я чувствую, что отравленъ этой ненужной вещью.

Людмила Кирилловна молчала, пораженная скорбнымъ, рыдающимъ голосомъ мужа. Сказать, что опера—важное, нужное дѣло, она тоже не могла. Ей самой такъ часто и такъ настойчиво приходили въ голову совсѣмъ противоположныя мысли...

— И мой голосъ... Я ошибся въ своемъ голосѣ.

— О, что ты, Саша! Нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула Людмила Кирилловна испуганнымъ, звенящимъ голосомъ.—Твой голосъ! Да онъ лучше всѣхъ, всѣхъ! Твой голосъ...

Ей вспомнилась лѣтняя, теплая, звѣздная ночь, та ночь, когда, казалось, и звѣзды, и темный лѣсъ, и смутно бѣлѣвшіяся поля, и вѣтеръ, приносившій ароматы созрѣвшихъ хлѣбовъ,—колебались вмѣстѣ съ ней въ волнахъ неземного,

непережосимаго восторга. Она схватила руку мужа и горячо поцѣловала ее.

Александръ Ивановичъ тихонько отнялъ свою руку и, прикрывая глаза, крѣпко прижалъ ее ко лбу.

— Нѣтъ, нѣтъ, Людмила,—зашепталъ онъ, и всякое слово его словно рвалось изъ глубины переполненнаго отчаяніемъ сердца.— Не надо... я не вѣрю... Я въ самого себя пересталъ вѣрить. Если бы, дѣйствительно, у меня былъ такой голосъ, его замѣтили бы, на него обратили бы вниманіе... Я бьюсь, какъ рыба о ледъ, и одинъ... одинъ... Вонъ тотъ антрепренеръ говорилъ мнѣ лѣтомъ: „Идите ко мнѣ сразу на 500 руб. Бросьте, не окончивайте у Альбовскаго. На что вамъ это свидѣтельство?“ А я теперь боюсь сказать объ этомъ кому-нибудь... Ты не знаешь... Третьяго дня на si bémol у меня голосъ сорвался. Альбовскій только брови на меня поднималъ... А я весь потный сдѣлался съ головы и до ногъ. А вдругъ голосъ совсѣмъ пропадетъ? Убито два лучшихъ года жизни... Что я знаю, что умѣю? Куда пойду? Помнишь, какъ я пѣлъ лѣтомъ въ концертѣ, въ Самарѣ,—и послѣ этого потерять голосъ?!

— Да вотъ глупости!—сердито перебила Людмила Кирилловна.— Не потерялъ ты голоса! Поѣзжай прямо въ Москву постомъ на пробу. На что тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, Альбовскій?

— Ахъ, брось... Не то, не то... Онъ все съ Агрюшиной. Готовить ее къ дебюту... Голосъ его, обращеніе со мной— все измѣнилось...

Колокольчикъ опять зазвонилъ рѣзко и шумло, какъ будто предостерегая окружающихъ отъ какого то несчастья.

— Кто это еще тамъ?—испуганно перебилъ самого себя Александръ Ивановичъ.— Если кто-нибудь изъ товарищей— не надо... Впрочемъ, ради Бога, Людмила, переговоры сама.

На площадкѣ лѣстницы стояли двѣ дамы, обѣ уже немолдыя, но не прикрашенныя, въ шляпахъ изъ гагачьяго пуха и въ длинныхъ темныхъ пальто—гейша.

— Александръ Ивановичъ Полозьевъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь,—отвѣтила оторопѣвшая Людмила Кирилловна неувѣренно.

— Пожалуйста, скажите ему... Мы устраиваемъ концертъ въ пользу „Общества гигиеническихъ развлеченій“ и пріѣхали пригласить его пѣть.

Людмила Кирилловна торопливо кинулась въ залу, подхватила спящаго Шуру на руки и прошептала, почти выталакивая мужа изъ-за перегородки:

— Иди, иди. Это къ тебѣ, насчетъ концерта. Вотъ, можетъ быть, и помощь...

Одна изъ дамъ была очень высокая, съ крупнымъ, горбатымъ носомъ и расчесанными на прямой рядъ темными волосами. Другая—пониже, въ пенсаэ, съ сухимъ, озабоченнымъ выраженіемъ лица.

Высокая играла, очевидно, роль руководительницы переговоровъ. Крѣпко тряхнувъ руку Александра Ивановича, она сейчасъ же приступила къ цѣли своего посѣщенія.

— Кузьмина. Можетъ быть, слышали мою фамилію. А это—Пецгольдъ. Мы устраиваемъ концертъ въ пользу „Общества гигиеническихъ развлеченій“. Цѣль очень хорошая... И мы надѣемся, вы не откажетесь у насъ пѣть.

— Я не знаю... отчего же?—промолвилъ Полозовъ.—Но... только...

— Ахъ, благодарю васъ. Это очень пріятно. Я такъ много лестнаго слышала о вашемъ голосѣ... У насъ прекрасный составъ. Виолончелистъ... окончилъ курсъ пражской консерваторіи, извѣстный рассказчикъ Петровскій, актеръ, былъ инженеромъ путей сообщенія, пианистка Березова, всемірная извѣстность, скрипачъ Игнатовичъ, вы должны его знать. Онъ въ прошломъ году окончилъ консерваторію... пѣвица... мелодекламация... чтеніе. Мы просимъ васъ во второе отдѣленіе.

— Да, но видите-ль... я желалъ бы вознагражденіе...

— О, молодой человекъ, что вы! Не надо быть такимъ... такимъ недобримъ. Не берите примѣра съ вашихъ московскихъ собратій. Такая хорошая цѣль! Какъ же вы?!

— Теперь очень трудно устраивать концерты,—заговорила Пецгольдъ строгимъ, не допускающимъ возраженія голосомъ.—И такъ мы уже должны заплатить двоимъ: аккомпаниатору Врублевскому 25... видите, какой у васъ будетъ чудный аккомпаниаторъ. Рассказчику Петровскому пятьдесятъ. Это ужъ у нихъ рѣх-лѣхе. Зала, освѣщеніе, рабочимъ, нарядъ полиціи, цвѣты, угощеніе артистамъ. Не знаю, что мы дадимъ обществу.

— Вотъ и я хотѣлъ бы... я иначе не могу...—вставилъ Александръ Ивановичъ весь красный.—Такъ же, какъ и Врублевскому.

— О, неужели? Мы посмотримъ, увидимъ. Если хорошей сборъ... Вы пришлите намъ не позже завтрашняго дня о томъ, что именно вы будете пѣть. Надо, чтобы программа утверждена была градоначальникомъ. Мы пришлемъ вамъ афиши. Не упрямитесь. *Cela vous resera. Публика у насъ—fine fleur...* Послѣ нашего концерта вы сразу сдѣлаетесь зна-

менитостью... Итакъ: l'affaire est baclée, n'est pas?

— Да... но какъ же?

— Не безпокойтесь. Мы пришлемъ за вами карету въ 10 часовъ, къ началу второго отдѣленія. Репетировать вамъ, конечно, не нужно. Врублевскій такой аккомпаниаторъ... Настоящій артистъ... Тысячу разъ благодаримъ васъ заранѣе.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ разговоръ Альбовскаго и тѣ мысли, которыя онъ самъ высказывалъ.

— Надѣюсь, балалаечниковъ у васъ не будетъ?—спросилъ онъ надменнымъ тономъ, долгое время спустя стыдомъ рѣзавшимъ его сердце при воспоминаніи.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Что вы!—Кузьмина замахала руками.— Развѣ мы не знаемъ?

Надѣвая въ передней калоши, она все еще говорила:

— Въ этотъ мѣсяцъ я устраиваю третій концертъ и это, замѣтьте, безъ всякой особенной поддержки. Мелодекламируютъ у насъ Ангельтъ. Начинаетъ входить въ извѣстность... И въ газетахъ будетъ напечатано о концертѣ, непременно. Въ „Новостяхъ“, а можетъ быть, и еще гдѣ-нибудь. Будетъ напечатано, не безпокойтесь. До свиданья. Благодарю васъ, благодарю.

Александръ Ивановичъ затворилъ за посѣтительницами двери и прошелъ за занавѣску къ женѣ. Она сидѣла на кровати съ Шурой на рукахъ и, какъ только мужъ приподнял занавѣску, озабоченно прошептала:

— Ну, что же, Саша, ты уговорился съ ними? Онѣ тоже даютъ тебѣ двадцать пять, какъ Врублевскому?

— Я, право, не знаю. Да, вѣроятно, дадутъ. Я, кажется, выразился довольно опредѣленно. Я думаю, онѣ видѣли, въ какой обстановкѣ мы живемъ. Да, вѣдь, что же? Я сказалъ ей.

Говоря, онъ быстро перебиралъ свои ноты, сложеныя въ углу на деревянномъ ящикѣ изъ-подъ сѣраго мыла и уже чувствовалъ холодъ и судороги въ челюстяхъ, которые испытываютъ почти всѣ артисты, когда въ ихъ воображеніи встаетъ поднятая занавѣсъ и море головъ внизу.

— Люда, у насъ сколько есть денегъ?

— Около трехъ рублей.

— Мой бѣлый галстухъ чистъ? И перчатки? Отлично. Но все-таки ты дай мнѣ рубль. Я сѣзжу на конкѣ къ Иогансену. Куплю арію изъ Лакма. Мнѣ хочется ее сѣть, а у меня нѣтъ.

Въ потномъ магазинѣ Александръ Ивановичъ долго думалъ, сколько ему купить экземпляровъ аріи. Сначала купилъ одинъ, потомъ раздумалъ, вернулся и взялъ еще одинъ.

Весь вечеръ онъ мучился мыслью, что выбрать ему для своего концерта, хотѣлъ взять арію Синодала, арію князя изъ Русалки, только что купленную арію изъ Лакмэ; наконецъ, рѣшилъ пѣть серенаду изъ Забавы Путятишны, и какъ только послалъ письмо Кузьминой съ извѣщеніемъ о своемъ выборѣ, такъ и началъ горько раскаиваться въ томъ, что выбралъ такъ неудачно и неумѣло.

Мелькая по комнатѣ, какъ тѣнь, и убаюкивая Костю, Людмила Кирилловна нѣсколько разъ тревожно возвращалась къ интересовавшему ее больше всего вопросу.

— Нѣтъ, ты расскажи мнѣ хорошенько, какъ онѣ тебѣ сказали? Утвердительно... или какъ? Какой вообще былъ разговоръ?

— Да, очевидно, онѣ согласились. Я сказалъ: такъ же, какъ и Врублевскому.

— Вотъ хорошо бы... за квартиру отдали бы, а на два рубля протянули бы какъ-нибудь, пока папа не вышлетъ.

Встрѣтивъ на другой день на дворѣ старшаго дворника, Людмила Кирилловна весело крикнула ему:

— Маркель Филиппычъ! Послѣ завтра деньги отдамъ за квартиру. Мужъ получить за концертъ.

— Дай Богъ!—промычалъ Маркель Филиппычъ, на ходу, безучастно.

Въ день концерта Александръ Ивановичъ былъ готовъ съ 8 часовъ вечера. Людмила Кирилловна взглянула на него и почувствовала, какъ прорастаетъ чѣмъ-то жгучимъ, давно какъ будто прошедшимъ, то сложное чувство пониманія и безконечной жалости, безконечнаго сознанія общности интересовъ, которое она испытывала къ мужу. Такимъ красивымъ и таинственнымъ казался онъ ей, когда еще гимназистомъ, съ преувеличенной любезностью раскланивался съ ней, дѣвчонкой; такимъ пріѣхалъ уволенный за студенческую исторію изъ университета—его родные все плакали, а онъ хохоталъ; такимъ бывалъ онъ по вечерамъ въ веселые, загородные пикники, и такимъ, знала она, снѣ будетъ въ то жуткое, страшное и чудное время, когда онъ завоюетъ міръ, и толпа будетъ привѣтствовать его восторженными, жадными рукоплесканіями...

Время тянулось для Александра Ивановича невозможно долго, онъ то пробовалъ прохаживаться, то начиналъ читать завалѣвшуюся у него чью-то книжку журнала, то грѣлъ около желѣзной печки свои холодныя ноги. Мысленно онъ пѣлъ свою арію отъ начала до конца. Ему захотѣлось еще разъ пропѣть ее громко. Онъ всталъ около двери, попра-

вилъ галстухъ и взялъ начальное do. Потомъ онъ сдѣлалъ движеніе горломъ, какъ будто бы глоталъ какую-то очень большую вещь, и опять взялъ то же do.

— Люда, Люда!—вскрикнулъ онъ.—Люда... у меня голосъ пропалъ.

— Ну вотъ, возразила Людмила Кирилловна смѣющимся голосомъ.—Въ Самарѣ то же самое было.

Александръ Ивановичъ вспомнилъ про Самару, концертъ, и сердце стукнуло у него отъ прилива горделиваго, бѣшено счастливаго чувства. Тогда онъ будто бы стоялъ высоко надъ всѣми. Эти всѣ копошились у ногъ его и знали, что онъ, Александръ Ивановичъ,—особенный, необыкновенный, отмѣченный божественнымъ перстомъ. И вдругъ ему стало холодно. Онъ вспомнилъ, что черезъ часъ выступить передъ избранной петербургской публикой и что голосъ у него пропалъ... пропалъ совсѣмъ безслѣдно.

Оглушительно громкій звонокъ возвѣстилъ о прибытіи распорядителей. Ихъ было двое. Студентъ-путеецъ въ просторномъ мундирѣ, щегольски причесанный, и тонкій молодой человекъ, лысый, въ сюртукѣ до колѣнъ и съ Адамовой головой въ узенькомъ, пестромъ галстухѣ.

Александръ Ивановичъ связалъ ноты тесемочкой, накинулъ пальто. Идя по лѣстницѣ и по двору, распорядители все время старались занять „артиста“ разговорами на злобы дня. Онъ едва отвѣчалъ имъ. Инженеръ ловко отворилъ передъ нимъ дверцы огромной кареты, вскочилъ самъ, вѣжливо пропустивъ товарища, и пара измученныхъ, окутанныхъ паромъ лошадей, потащила колыхающийся экипажъ по грязной, темной улицѣ.

Несмотря на сильный морозъ, городъ утопалъ въ туманѣ. Дымный, плотный, онъ спускался отъ самаго неба легко разрываемой, непрозрачной стѣною. На главныхъ улицахъ стукъ саней, отчаянные звонки конокъ, протяжные, пѣвучіе свистки автомобилей, человѣческіе голоса—сливались въ угрожающій хаосъ звуковъ. Электрическіе фонари желтѣли, не отбрасывая лучей, и паръ отъ извозчичьихъ лошадей, тѣсно бѣгущихъ другъ за другомъ въ обѣ стороны, имеемъ осѣдалъ на сбруѣ и кафтанахъ извозчиковъ. Огромныя окна магазиновъ неожиданно и уродливо освѣщали ныряющіе изъ тумана и въ ту же секунду пропадающія человѣческія фигуры. Карета, казалось Александру Ивановичу, ѣхала безъ конца, и тоскливое чувство одиночества и отчужденности все сильнѣе и сильнѣе проникало въ душу молодого человека. Теперь ужъ ему ничего не хотѣлось: ни пѣть,

ни знакомиться съ знаменитой пианисткой Березовой, ни дышать, ни жить, ни обладать голосомъ лучшимъ, чѣмъ у всѣхъ знаменитыхъ теноровъ вмѣстѣ.

Наконецъ, пріѣхали. Антрактъ только что начался. Распо­рядители провели Александра Ивановича какими то окол­ными путями за кулисы, а оттуда узенькимъ коридоромъ въ „артистическую“.

За длиннымъ, сервированнымъ серебромъ и хрусталемъ столомъ, подъ яркой электрической лампой, председа­тельствовала Кузьмина. Около нея, исполняя порученія, вер­тѣлся третій, необыкновенно юркій распорядитель, студентъ университета, съ огромными, торчащими впередъ воротнич­ками, въ мундирѣ, съ тоненькой шпагой у бока и бѣлобры­сой физиономіей съ закрученными въ стрѣлочку усиками.

Александру Ивановичу прежде всего бросился въ носъ раздражающій, острый запахъ соленыхъ закусокъ, фруктовъ и дорогого рому. Онъ подумаль, что здѣсь на столѣ есть, навѣрное, свѣжая икра съ зеленымъ лукомъ и почувство­валъ нестерпимый, увлажняющій языкъ, аппетитъ человѣка, цѣлый мѣсяцъ питавшагося только супомъ съ кускомъ ва­реной говядины. Кузьмина сейчасъ же встала и познакомила вновь прибывшаго съ окружающими. Вотъ аккомпаниаторъ Врублевскій, красивый, какъ гондольеръ на картинахъ рус­скихъ художниковъ, съ томными, полузакрытыми глазами, въ безукоризненно спитомъ фракѣ и богато вышитой гладью бѣлой и твердой, какъ алебастръ, рубашкѣ съ сверкающими на ней брилліантовыми запожками. Знаменитая пианистка Березова, тоже только что пріѣхавшая съ юркимъ распоря­дителемъ, въ необыкновенно эффектномъ розовомъ платьѣ съ обнаженными грудью и шеей, покрытыми какимъ-то со­ставомъ, дѣлающимъ тѣло похожимъ на фарфоръ. Березова снимала перчатки и небрежно протянула Александру Ива­новичу два пальца, даже не поднимая глазъ, подведенныхъ и рѣзко выдѣлявшихся на обрюзгомъ, надменномъ лицѣ. Мало ли кого представляли ей на благотворительныхъ кон­цертахъ! Мелодекламаторша Ангельтъ, толстая, высокая съ безпокойными, черными глазками на красномъ лицѣ, за­тянутая въ голубое платье. Скрипачъ Игнатовичъ, віолон­челистъ Воидрачскъ, еще какой то молодой человѣкъ, двѣ барышни, барыни, нѣсколько человѣкъ въ сюртукахъ.

— Не угодно ли вамъ скушать бутербротъ!—сладко освѣ­домилась Кузьмина.

И оттого, что Александру Ивановичу до боли, до безумія

хотѣлось съѣсть бутербротъ съ жирнымъ, тающимъ балыкомъ, онъ отказался коротко и очемъ твердо.

— Да, да... передъ пѣніемъ не слѣдуетъ,—согласилась Кузьмина и, какъ будто дирижируя невидимымъ оркестромъ, добавила:

— Можетъ быть, поговорите съ monsieur Врублевскимъ?

Александръ Ивановичъ всталъ, взявъ свои ноты и, опершись одной рукой на столъ, обратился къ Врублевскому:

— Вотъ это,—говорилъ онъ, перелистывая.—Вотъ тутъ я дѣлаю затяжку... А это быстро.. Ну, а если на bis, то вотъ... Мы съ вами ни разу не репетировали. Собственно говоря, такъ бы не слѣдовало.. Тутъ вотъ еще изъ Лакмэ. Да это я напрасно и взялъ.. Этого, навѣрное, не придется.

— Сыграемъ, все сыграемъ, не изнурайтесь,—отвѣчала Врублевскій лѣнливо, едва-едва поднимая на пѣвца свои темные, иѣжные глаза красавца мужчини. Александръ Ивановичъ повернулся итти на свое мѣсто и столкнулся лицомъ къ лицу съ Пецгольдъ, другой, прѣзжавшей къ нему устроительницей концерта. Она смотрѣла на него сквозь пелену, стараясь выдать на своихъ плоскихъ, безкровныхъ губахъ подобіе улыбки, и держала на тарелочкѣ очищенный апельсинъ съ влажно пахучей кожицей, вырѣзанной на подобіе листьевъ.

Полозовъ взялъ апельсинъ и, медленно проглатывая одинъ кусочекъ за другимъ, съ любопытствомъ началъ приглядываться къ окружающимъ. Большинство изъ присутствовавшихъ исполнителей молчало. Молоденькая ученица профессорши Загетти въ черномъ, глубоко открытомъ платьѣ, съ расчесанными на-бокъ завитыми волосами, сидѣла блѣдная, съ застывшимъ выраженіемъ тоски и стыда въ глазахъ. Въ аріи королевы изъ Гугенотъ она сбилась съ тона, пропустила нѣсколько тактовъ и кое какъ кончила, благодаря только помощи Врублевскаго, настойчиво подававшего нужную ноту. На жидкіе аплодисменты она не вышла и никто за кулисами особенно не настаивалъ, чтобы она биссировала свой номеръ. Ей смертельно хотѣлось уѣхать, а она нарочно сидѣла, чтобы показать, что все прошедшее не такъ ужъ сильно на нее подѣйствовало, и даже заговаривала съ віолончелистомъ Вондрачкомъ, сутуловатымъ, суровымъ молодымъ человекомъ, съ безбородымъ лицомъ съ выдавшимися скулами и цѣлой копной грязно бѣлокурыхъ волосъ на головѣ. Вондрачекъ былъ недоволенъ тѣмъ, что ему мало хлопали. Мысленно онъ называлъ и публику, и концертантовъ свиными въ апельсинахъ

и не уѣжалъ лишь для того, чтобы прослушать всѣ номера, и потомъ въ письмѣ на родину выставить въ настоящемъ свѣтѣ „русскую музыку“ и „русское общество“. Только мелодекламаторша Ангельтъ безпрестанно заговаривала съ Березовой, лѣниво кушавшей кофе съ буше.

— А знаете, Полина Александровна, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано про васъ, что вы пѣли на вечерѣ у горняковъ. Такъ и написано было: „чудно пѣла господа Березова“.

— На самомъ дѣлѣ?—отозвалась Березова,—прожевывая кусочекъ.—Про меня иногда такъ пишутъ. Пропѣла на рояли серенаду Грига...

— Ахъ, да, въ этомъ смыслѣ? Конечно, ужъ вы настолько извѣстны, что странно было бы...

— Я еѹ недѣлю каждый день концертирую,—сказала Березова, помолчавъ и не обращаясь ни къ кому. Ангельтъ сейчасъ же подхватила ея слова.

— Да, да, я знаю, читала. Вы и въ „Россійскомъ Сходбищѣ“ въ четвергъ играли?

— Играла.

— Да, я слышала. Съ выдающимся успѣхомъ. А какъ вы тамъ играли? Почему?

— Княгиня меня просила.

— Княгиня!

— А васъ она не приглашала мелодекламировать?

— Нѣтъ... Я очень бы хотѣла.. Конечно, я не навязываюсь... Но если бы меня пригласили...

Березова ничего не сказала, и Ангельтъ черезъ секунду опять заговорила первая:

— Полина Александровна! Это у васъ на груди подарокъ принца?

— Да.

— Прелесть какая!—вздохнула Ангельтъ, не сводя глазъ съ искрящейся брилліантовой эмѣйки, прищипливавшей на груди пианистки газовое, пышное шу.

Въ голосѣ Ангельтъ слышалось столько нескрываемой зависти, что Березова удостоила улыбку и произнесла:

— Хотите, я рекомендую васъ княгинѣ?

— Ахъ, вы очень обяжете меня... Я, конечно, никому не навязываюсь, но если бы меня пригласили...

— Я скажу княгинѣ... она напишетъ вамъ приглашеніе...

Гдѣ-то далеко раздавался звонокъ, потомъ еще разъ—позже.

— Однако, ужъ два звонка,—сказалъ Кунцъ.

Въ груди Александра Ивановича похолодѣло. Онъ глубоко передохнулъ и торопливо взглянулъ на программу, хотя отлично зналъ, что поеть третьимъ. Кузьмина достала корзинку съ бутоньерками и любезно помогла Березовой и Ангельтъ приколоть къ груди по длинной гирляндочкѣ изъ розъ, резеды и хризантемъ. Остальные исполнители и посторонняя публика, имѣвшая доступъ въ артистическую, поспѣшно докачивали свои стаканы чая и шли за кулисы. Александръ Ивановичъ пошелъ вслѣдъ за другими. За кулисами было тѣсно: стояли какія-то горничныя, мужики въ рубашкахъ и жилеткахъ и неизвѣстнаго званія челоувѣкъ со свѣтлыми пуговицами, но безъ погонь, „чивъ отъ помѣщенія“, какъ объяснилъ на вопросъ Вондрачева одинъ изъ распорядителей. За спущенной занавѣсью слышался смутный гулъ усаживавшейся публики. Еще звонокъ—и вотъ уже двѣ барышни въ свѣтлыхъ туалетахъ бойко играютъ подъ все еще продолжающійся шумъ и шарканье ногами, танцы Брамса... вмѣстѣ съ страхомъ, съ тоской, съ неувѣренностью, Александромъ Ивановичемъ овладѣвало чисто физическое недомоганіе. Онъ вышелъ изъ-за кулисъ, гдѣ негдѣ было сѣсть, и ушелъ въ артистическую. Тамъ просидѣлъ онъ лишь десять минутъ, такувшихъ безконечно долго и въ послѣднюю секунду вдругъ промелькнувшихъ какъ молнія. Ему нужно было о чемъ-то подумать, повторить, и онъ ничего не успѣлъ!..

Въ артистическую вбѣжали съ сіяющими лицами барышни, игравшія въ четыре руки. Александръ Ивановичъ быстро поднялся навстрѣчу имъ и, столкнувшись въ дверяхъ, прошелъ за кулисы. На него зашипали. Ангельтъ скрипучимъ, неподвижнымъ голосомъ, которому она тщетно старалась придать мѣжность и пѣвучесть, докладывала публикѣ о томъ, что:

„Дышала ночь восторгомъ сладострастья..
Я васъ ждала съ безумной жадной счастья,
Я васъ ждала и млѣла у окна“.

Александръ Ивановичъ мысленно повторялъ свою арію, урывками, перескакивая черезъ нѣсколько тактовъ, возвращаясь назадъ, находя, что именно самыя-то трудныя мѣста и казались ему легкими. Онъ не слыхалъ ни рукоплесканій публики, ни того, какъ Ангельтъ, красная, запыхавшаяся, вновь завела своимъ скрипучимъ голосомъ рѣчь о какой то ели, унизанной росой, и очнулся только тогда, когда мелодекламаторша проговорила надъ его ухомъ сердитымъ шопотомъ:

— Идите, что же вы? Вашъ номеръ. Я больше не намѣрена.

— Проходите,—сказалъ Полозьевъ замирающимъ шопотомъ Врублевскому.

— Нѣтъ-съ, ужъ проходите вы,—возразилъ тотъ съ поклономъ.—Такъ ужъ изстари водится: артисты впередъ, аккомпаниаторъ сзади.

Александръ Ивановичъ вздохнулъ разъ, другой, потрогалъ себя за правую щеку, болѣзненно сводимую нервной судорогой, и, нахмуривъ брови, рѣшительно запалгалъ на сцену. Сѣрое сукно на полу, рояль, декорація лѣса кругомъ... Александръ Ивановичъ зналъ, что не нужно смотрѣть на публику, но не удержался и посмотрѣлъ. Въ глаза ему метнулось чье-то роскошное, голубое платье съ мѣхомъ и золотыми блестками, шитый мундиръ, молодая дѣвушка въ бѣломъ. Александръ Ивановичъ чувствовалъ, какъ у него пропадаютъ послѣднія силы, послѣдній голосъ. Была одна секунда, когда онъ готовъ былъ все бросить и убѣжать со сцены... Мысленно тысячу разъ онъ проклиналъ ту секунду, когда далъ свое согласіе на участіе въ концертѣ... А Врублевскій уже проигралъ прелюдію и настойчиво подавалъ тонъ. И вотъ, повинаясь этому призыву, Полозьевъ запѣлъ. Раздался слабый, дрожащій, придушенный звукъ, показавшійся Александру Ивановичу совершенно чужимъ, незнакомымъ. За этимъ звукомъ послѣдовалъ другой такой-же. Александръ Ивановичъ сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе и полной грудью взялъ третью ноту, высокое sol... Если бы голосъ у него сорвался, онъ не могъ бы продолжать пѣть. Но sol прозвучало мягко и полно. Какъ оживаетъ очнувшійся послѣ обморока, такъ ожилъ скованный голосъ пѣвца, зазвенѣлъ силой, страстью, сладкой тоской, нѣгой молодой любви и ожидающа. Александръ Ивановичъ не слушалъ и слышалъ аккомпаниментъ, смотрѣлъ въ залъ и не видѣлъ отдѣльныхъ лицъ. Тамъ, внизу, была лишь толпа, и онъ зналъ, что она прислушивается къ каждому звуку его голоса, и сердце его билось ненасытной радостью отъ этого сознанія. Онъ зналъ, что, когда онъ кончитъ, а Врублевскій доиграетъ свои нѣсколько тактовъ одинъ, то послѣ краткой, жуткой тишины раздастся, какъ всплескъ волны, первое рукоплесканіе, и, какъ залпъ изъ сотни ружей, оглушительно грянетъ вслѣдъ за нимъ громъ, гдѣ аплодисменты и крики сольются въ одинъ оглушительный, опьяняющій аккордъ...

Въ публикѣ хлопали даже дамы, въ заднихъ рядахъ стучали стульями. Александръ Ивановичъ вышелъ, поклонился

и, когда рукоплесканія стихли, запѣлъ романсъ... Онъ пѣлъ и думалъ, лихорадочно быстро думалъ; образы и мысли вспыхивали въ его головѣ, какъ ракеты въ темную ночь. Онъ чувствовалъ приливъ необыкновенныхъ, творческихъ силъ. Какъ зарница, вспыхнула въ его головѣ мысль, что онъ не такъ поетъ слова:

„Все это было бы смѣшно“...

И онъ спѣлъ ихъ по-новому и самъ почувствовалъ, какъ хорошо это вышло. Публика шумно выражала одобреніе. За кулисами Врублевскій жалъ Александру Ивановичу руку. Кузьмина съ материнской нежностью толкала его къ сценѣ.

— Да, идите же, идите!—говорилъ Врублевскій.—Вѣдь, у васъ есть арія изъ Лакмѣ. Положимъ, на bis велика... да все равно. Берите другой экземпляръ въ руки. Не надо? Отлично.

Грубо намалеванный лѣсъ, толпа внизу, двери въ отдаленіи подъ красными портъерами, бѣлыя съ золотомъ стѣны исчезали изъ глазъ Александра Ивановича. Онъ видѣлъ кругомъ себя дивный, тропическій пейзажъ, огромныя, колеблющіяся тростники, древній храмъ, посвященный таинственному, чуждому богу. Онъ слышалъ журчаніе священныхъ водъ. Онъ любилъ недосыгаемую дѣвушку трагической, необыкновенной любовью, въ сравненіи съ которой чувство его къ Людмилѣ Кирилловнѣ, даже тогда, когда она была невѣстой, представлялось робкой, жалкой пародіей на любовь.

Ему пришлось повторить арію Лакмѣ... За эти минуты можно было отдать жизнь.

— Скажите имъ, скажите, что я уѣхалъ,—говорилъ онъ Кузьминой, сіяя радостной, дѣтской улыбкой и сбѣгая по лѣсенкѣ.

Въ узенькомъ коридорѣ ему загородила дорогу одна изъ сидѣвшихъ въ артистической дамъ.

— Прекрасно, удивительно!—заговорила она.—Сколько настроенія! О, вы наша будущая... что я говорю?—настоящая знаменитость. Пойте у насъ. Я васъ прошу, 27 мая. Благоотворительный вечеръ въ пользу „Общества обученія бѣдныхъ дѣвочекъ музыкѣ“... Что же? Я могу рассчитывать?

— Двадцать седьмого? Пожалуй... Я согласенъ...

— Ахъ, благодарю васъ, благодарю. Такъ я буду увѣрена. Вы позволите мнѣ передать дѣтямъ, какое ихъ ждетъ наслажденіе?

Пока игралъ скрипачъ, дама все время разговаривала съ Александромъ Ивановичемъ, спрашивала его о вѣученихъ имъ партіяхъ, о системѣ Альбовскаго, о томъ, въ какихъ концертахъ онъ участвовалъ.

Когда заиграла Березова, дама ушла.

— Нельзя же... Березова... надо послушать,—проговорила она, какъ будто извиняясь.

Александръ Ивановичъ прошелъ въ артистическую. Кузьмина было уже тамъ и торопила Куица:

— Ну же, скорѣй! Я думала, вы готовы.

— Но я же не могу ѣхать за Петровскимъ, Марья Федоровна! Вы забыли, что я долженъ отвѣсти Березову.

— Ахъ, Боже мой, правда! Ну пусть эти ѣдутъ.

Мелькомъ она взглянула на Александра Ивановича и какъ-то казенно проговорила:

— Чудесно, чудесно пѣли. Нашъ второй Собиновъ.

Александръ Ивановичъ отошелъ къ столу, и ему стало скучно и тяжело. Минуты, когда онъ пѣлъ на сценѣ, казались далекими, почти не бывшими. Никто изъ артистовъ, кромѣ Врублевскаго, не поздравилъ его съ успѣхомъ, не выразилъ своего удовольствія его пѣніемъ. Онъ нуждался въ похвалахъ, какъ въ воздухѣ. Онъ лишь раздражили его воображеніе. И на смѣну восторженнаго настроенія, почти счастья, въ головѣ его всплыла и стала дышащая обидой и холодомъ мысль: „скорѣй надо получить деньги и ѣхать домой“. Онъ готовъ уже былъ подойти къ Кузьминой и потребовать у нея свои двадцать пять рублей. Въ ту секунду, когда онъ собрался это сдѣлать, въ артистическую вошла Березова: она уѣзжала. Всѣ столпились около нея. Ангельтъ помогала ей укрыть голыя плечи лебяжьей *sortie-de-bal* и съ волненіемъ спрашивала:

— А если княгиня пригласитъ меня мелодекламировать въ „Россійскомъ Сходбищѣ“, то какъ... что мнѣ?

— А! Вы сейчасъ же сдѣлайте ей визитъ. Скажите: „я получила приглашеніе, ну и т. д. д.“

Кузьмина жала руку знаменитой пѣвицѣ чуть не со слезами.

— Вы будете писать въ газетахъ?—обратилась Ангельтъ къ распорядителю въ штатскомъ.—Не забудьте упомянуть, что играла Березова. И вотъ (она понизила голосъ) виолончелистъ. Онъ очень хорошо игралъ. Вы отмѣтите. Я вамъ совѣтую. Очень хорошо. Публика просто не поняла.

Петровскій все же ѣхалъ. Оставался только одинъ номеръ, трио. Кузьмина умоляла Ангельтъ итти и еще мелодекла-

мировать сверхъ программы. Та, наконецъ, согласилась. Побѣжали аннонсировать. За кулисами и въ артистической бѣгали, волновались, суетились... Наконецъ, прѣхалъ и Петровский. Какъ только онъ вошелъ, бритый, съ мягкими, толстыми губами, съ мягкимъ, длиннымъ носомъ и необыкновенно подвижными, лицевыми мускулами, такъ всѣ съ улыбками бросились къ нему навстрѣчу. Кузьмина рекомендовала ему присутствовавшихъ. Онъ всѣмъ первый подавалъ свою большую, мягкую руку. Въ артистическую быстро вошелъ проводившій Березову Куицъ и бросился къ Петровскому.

Тотъ съ удивленіемъ поднялъ на студента свои большіе свѣтлые глаза, опущенные свѣтлыми, длинными рѣсницами — Куицъ младшій. Имѣлъ счастье познакомиться съ вами у Федотовыхъ. Куицъ младшій.

— А у Федотовыхъ... помню, — проговорилъ Петровский, смотря на затѣйливую прическу студента, тономъ, изобличавшимъ, что онъ ровно ничего не помнитъ, и протягивая студенту руку.

Тотъ такъ и подался впередъ, обхватилъ пальцы артиста обѣими руками и на нѣсколько мгновеній замеръ въ восторженно-почтительной позѣ.

Слушать Петровскаго пошелъ и Александръ Ивановичъ. Артистъ только вышелъ на сцену, гдѣ онъ чувствовалъ себя привольнѣй, чѣмъ дома, только сказалъ нѣсколько словъ, шевельнулъ лѣвой бровью, и въ публикѣ уже раздался дружный одобрителный хохотъ. Черезъ нѣкоторое время смѣялась вся зала и только самъ рассказчикъ оставался непоколебимо серьезнымъ. Послѣ двухъ рассказовъ въ залѣ неистовствовали. Молодежь столпилась у эстрады, молоденькія барышни хлопали и кричали „браво“, чьи-то веселые голоса настойчиво требовали исполненія любимаго рассказа.

Александръ Ивановичъ хохоталъ вмѣстѣ съ другими и вмѣстѣ съ другими толкалъ Петровскаго на сцену, когда тотъ хотѣлъ уйти за кулисы.

Наконецъ, герой вечера рѣшительнымъ шагомъ направился въ артистическую. За нимъ хлынули всѣ остальные.

Кузьмина поспѣшно наливала стакашъ чаю.

— Вамъ можно предложить коньяку?—освѣдомилась она умильно.

Обыкновенно Петровский выходилъ на вызовы публики до шести разъ. На этотъ разъ онъ вышелъ только четыре, а потому находилъ умѣстнымъ еще немного посмѣшить публику, находящуюся въ артистической.

— Впустите, матушка, впустите мнѣ ложечку. Вѣдь, я на третьемъ вечерѣ нынче играю. Мы артисты—всѣ пьяницы,—и, замѣтивъ, что глаза присутствовавшихъ обратились на Врублевскаго, по слухамъ никогда даже не пробовавшаго вина, Петровскій добавилъ съ неподражаемой интонаціей:

— Врублевскій?! Алкоголикъ.

— Интересная штука вышла вчера въ Дворянскомъ,—продолжалъ смѣ, громко прихлебывая чай.—Музыканты для танцевъ не пришли... Распорядительницы туда-сюда... растерялись (Петровскій изобразилъ на своемъ лицѣ, какъ онѣ растерялись). Вызывать другихъ поодно. Вѣдь, они изъ казармъ должны пѣхтурой отправляться. Вдругъ на входный билетъ за рубль является нѣмчикъ потанцовать. Воротики—вотъ. Очень важно, очень солидно. Нѣлокуръ. Часы съ золотымъ цѣпью. Двѣ бойкенькія распорядительши (билетъ продавали) и говорятъ: Ахъ, вотъ нѣмецъ, они всѣ хорошо играютъ.—А тутъ кто-то этого нѣмца называетъ: „Карль Ивановичъ!“ Одна-то бабенка и подскакиваетъ: „Вы—Карль Ивановичъ?“ „О, ja, das bin ich!“ „Можетъ быть, сыграете намъ что нибудь?“ „Попашюста“. И цѣлый вечеръ до трехъ часовъ имъ игралъ лезгинки и па-де-каты. И рубль за это заплатилъ.

Александръ Ивановичъ слушалъ смѣхъ окружающихъ. Все время онъ колебался между сомнѣніемъ и надеждой. Мучительный стыдъ за то, что онъ сидитъ, а не уважаетъ, грызъ его и еще темнѣе сгущалъ горечь какой-то плохо выясненной, но огромной обиды.

— Можетъ быть, вамъ еще стаканчикъ?—пропѣла Кузьмина, когда нѣсколько улегся взрывъ веселости, возбужденный разговоромъ Петровскаго.

— Нѣтъ, я уже на походѣ,—возразилъ рассказчикъ, выразительно взглянувъ на распорядительницу.

— А правда, вы имитируете, какъ Агапова романсы поеть? Ну представьте... Ну, ради Бога,—пристала одна изъ барышень, игравшихъ въ четыре руки на рояли.

— Да не могу представить—не умѣю!—простоналъ Петровскій совершенно ей въ томъ.

Кузьмина строго взглянула на барышню и съ миндальной улыбкой поднесла Петровскому гофрированную бумажную кармашочку изъ-подъ конфетъ.

Александръ Ивановичъ видѣлъ, какъ она положила туда нѣсколько большихъ золотыхъ. Петровскій ловко захватилъ ладонью кармашочку, небрежно положилъ ее въ карманъ и сейчасъ же началъ прощаться. За нимъ потянулись и дру-

гіе. Изъ залы доносились бойкіе ввизгивающіе звуки „Rom-radour“. Въ дверяхъ артистической показался „чизъ отъ помѣщенія“ и официальнымъ, деревяннымъ тономъ произнесъ:

— Черезъ четверть часа артистическая закрывается.

Пецгольдъ начала собирать, считать и укладывать серебро.

— Мое дѣло, кажется, кончено,—замѣтила Кузьмина, ни къ кому не обращаясь и вставая.

У Александра Ивановича захолохнуло на сердцѣ и нижняя челюсть задрожала, какъ передъ выходомъ. Кузьмина просталась и всѣхъ благодарила за что-нибудь.

— Чудно пѣли... великолѣпно!—сказала она, протягивая руку Александру Ивановичу.—Благодарю васъ. Надѣюсь, не откажетесь и впередъ.

— Вы забыли... отдать мнѣ деньги...—проговорилъ Полозьевъ шопотомъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Деньги? Но какія?—отвѣтила Кузьмина довольно громко.—Вѣдь, вы обѣщались пѣть даромъ. Нѣтъ, молодой человѣкъ, пожалуйте насъ. И такъ выручка будетъ у насъ ничтожная.

Она повернулась и пошла къ двери. Александръ Ивановичъ, ни съ кѣмъ не прощаясь, согнувшись, какъ послѣ жестокаго удара, пошелъ вслѣдъ за ней. Распорядитель въ мундирѣ нижемернаго студента кинулся его провожать, Александръ Ивановичъ глянулъ на него съ ненавистью.

Дойдя до половины коридора, онъ вспомнилъ, что забылъ свою шапку въ артистической. Приходилось ворочаться. Въ дверяхъ съ нимъ столкнулась дама, членъ общества обученія бѣдныхъ дѣвочекъ музыкѣ.

— Я вотъ что долженъ вамъ сказать,—выговорилъ Александръ Ивановичъ почти неожиданно для самого себя.—Предупредить. Меньше, какъ за двадцать пять рублей, я не буду пѣть на вашемъ вечерѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! У насъ столько расходовъ по устройству вечера. Мы не можемъ позволить себѣ приглашать много платныхъ исполнителей. Какъ же мнѣ сказали, что вы поете даромъ?

— Это недоразумѣніе... обманъ.

— Въ такомъ случаѣ—извините.

— О, безкошечно обрадованъ.

Когда Александръ Ивановичъ проходилъ обратно, дама съ негодованіемъ говорила какому-то господину въ николаевской шинели и бобровой шапкѣ:

— Мы же доставляемъ имъ случай выдвинуть себя, быть замѣченными. Nous les lançons. Конечно, настоящая зна-

менитость, какъ Березова, не зайнется о платѣ. Петровскій? Но, вѣдь, Петровскаго публика требуетъ. А это что?

Путеецъ проводилъ Полозьева до подъѣзда и десять разъ повторилъ дорогой:

— Извозчикъ № 9034. Извозчику заплачено. Кареты уже всѣ, простите. Извозчикъ № 9034.

Опять морозныя, пустынные, слабо освѣщенныя улицы. Кое-гдѣ пѣшеходы, изрѣдка встрѣтятся извозчикъ.

Александръ Ивановичъ сидѣлъ, согнувшись въ своемъ вытертомъ, холодномъ пальто. Ему казалось, что жизнь для него уже вся кончена. Онъ лежитъ глубоко на днѣ въ темной ямѣ, окруженной непреступными, голыми стѣнами. Гдѣ-то наверху идетъ и мимо проходить шумная, жизнерадостная молодость, блестящая, буйная, могучая жизнь, а онъ лежитъ глубоко внизу, раздавленный, погибшій...

Сами вѣхали въ узкіи, длинный переулокъ. Огромные дома стояли всѣ темные, зловѣще чернѣли на нихъ ряды оконъ. Вверху виденъ былъ только узкій длинный кусокъ облачнаго, сѣраго неба. Какой-то скорчившійся человѣкъ безнадежно медленно шелъ по тротуару. Далеко отдавался стукъ его кожаныхъ калошъ, и Александру Ивановичу представлялось, что это онъ, онъ самъ, голодный, съ острой болью одиночества въ груди, всѣмъ чуждый, идетъ мимо глухихъ, неумолимыхъ домовъ по уходящему въ мракъ узкому, безкомечному переулку...

Дворникъ, что-то ворча и тяжело громыхая запоромъ, отперъ Александру Ивановичу дверцу калитки. Полозьевъ сунулъ ему десять копеекъ.

Людмила Кирилловна отворила дверь, взглянула на лицо мужа и сразу поняла все происшедшее. Ежась отъ холода, она поставила лампочку, съ которой выбѣжала, на столъ, и, взявъ на руки плакавшаго Костю, тихонько присѣла съ нимъ на своей кровати.

Александръ Ивановичъ молча, медленно, съ безучастнымъ выраженіемъ лица раздѣлся и молча легъ въ сырую простыню жесткой постели.

Людмила Кирилловна не выдержала. Въ сердцѣ ея еще теплилась какая-то смутная надежда.

— Какъ прошелъ концертъ? Успѣшно?—спросила она робко.

— Четыре раза вызывали, отвѣтилъ Александръ Ивановичъ не сразу, тусклымъ, равнодушнымъ голосомъ.

— А деньги?

— Деньги? Вотъ истратилъ твой рубль на ноты. Послѣдшя десять копеекъ отдалъ дворнику.

Людмила Кирилловна ничего больше не сказала. За Костей началъ плакать Шура. Она разрывалась, уговаривая одного, перемѣняя и качивая другого.

Александръ Ивановичъ лежалъ, подсунувъ руки подъ голову, и смотрѣлъ на нее злыми, холодными, глазами. Онъ ненавидѣлъ себя, не умѣющаго пробиться въ люди и сдѣлаться, какъ его товарищи, знаменитостью еще на ученической скамьѣ, ненавидѣлъ Альбовскаго, ненавидѣлъ воровчающуюся около него истощенную, безобразную женщину, ненавидѣлъ противныхъ, душно пахнущихъ уродцевъ, отравившихъ ему жизнь. Развѣ не они, эта женщина и эти отвратительные уродцы, испортили ему всю жизнь, убили въ другихъ уваженіе къ нему, а въ немъ самомъ убили вѣру въ себя, сдѣлали изъ него, свободнаго, гордаго, таламтливаго—какое-то жалкое, пресмыкающееся существо, живущее подачками разныхъ тетусекъ, уже переставшихъ вѣрить въ его будущія славу и богатство и со вздохомъ выбрасывающихъ ему, какъ назойливой собачонкѣ, жалкую милостыню...

Минутами онъ вспоминалъ, какъ онъ пѣлъ, аплодисменты, чей-то молодой голосъ, кричавшій „браво“, и жизнь горячими толчками приликала къ сердцу, но не давала ему ни забвенья, ни счастья.

— О, если бы только я... О, когда я...—думалъ онъ, замирая отъ обиды и ненависти.

Въ комнатѣ стоялъ тяжелый запахъ отъ дешевой лампы и грязныхъ пеленокъ; стѣны дышали удушливой сыростью. Минуты ползали другъ за другомъ безкомечныя, холодныя, отравленныя...

О. П. Рунова.

* * *

Какъ часто снится мнѣ нашъ милый, старый домъ,
Сіяющій въ лучахъ багрянаго заката,
Аллея темная надъ дремлющимъ прудомъ,
Тайнственнымъ молчаніемъ объята...
Я вновь сюда пришла, какъ въ прежніе года,
Бродить въ тиши задумчиваго сада,
Блестить какъ зеркало, средь зелени вода,
Цвѣтеть сирень надъ старою оградой,
Сіяетъ ласково глубокой сводъ небесъ,
И тонетъ взоръ въ лазоревомъ просторѣ...
А тамъ въ дали темнѣетъ синій боръ,
И золотая рожь колышется какъ море...
Но лишь проснуса я—и вновь въ тиши ночной
Гнетущая тоска больную давить грудь...
О, родина! къ тебѣ стремлюсь я всею душой,
Я жажду ласкъ твоихъ, мнѣ нуженъ твой покой,
Чтобъ прошлое забыть и сердцемъ отдохнуть!

О. Р.—П.

УРОКИ ЖИЗНИ.

Романъ Гюстава Жеффруа.

(Продолженіе).

Татуированная женщина.

Вскорѣ нашли трупъ женщины въ мансардѣ одного отеля по улицѣ Куртиль, въ темной и холодной комнатѣ безъ окна и камина, куда свѣтъ проникалъ лишь черезъ продѣланна въ крышѣ два, поднимающіяся вверхъ, окошечка. Хозяинъ обыкновенно не обращаетъ никакого вниманія на то, что происходитъ въ подобной конурѣ, за которую платится всегда впередъ по недѣлю или поденно. Жильцовъ онъ беретъ безъ разбору, — всякаго, кто явится. Никакихъ свѣдѣній не потребовали и отъ человѣка, который сказалъ, что онъ останется на двѣ недѣли, и записалъ такъ свое имя, возрастъ и занятіе въ домовой книгѣ: Эрнестъ Дюфуръ, 42 лѣтъ, ломовой извозчикъ. Онъ уплатилъ деньги впередъ, и никто въ теченіе двухъ недѣль не обращалъ на него вниманія. По прошествіи этого срока, вдругъ почувствовали зловонный запахъ, пробивавшійся сквозь щели плохо сбитой двери; туда вошли, и на кровати увидѣли уже полуразложившееся обнаженное тѣло женщины съ почернѣвшимъ лицомъ и шеей, съ зеленоватымъ налетомъ на губахъ и глазахъ.

Платье исчезло, въ бокалѣ осталась серьга изъ накладного золота, тѣло разложилось настолько, что нельзя было найти слѣды насилія, на лѣвой рукѣ зіяла широкая рана. Таковы детали драмы, разыгравшейся въ самой обыкновенной и жалкой обстановкѣ. Убитая — дѣвушка двадцати лѣтъ съ мозолистыми руками — была удушена, можетъ быть, задушена подушкой, которую она разорвала зубами. Въ протоколѣ полиціи такъ

были записаны ея примѣты: ростъ 1 метръ 54 с., брови и волосы свѣло-каштановые, уши маленькія, зубы выдавшіеся впередъ.

То обстоятельство, что на лѣвой рукѣ жертвы была рана, дало возможность установить ея личность. Сперва думали, что это слѣдъ отъ пластыря или отъ укусовъ голодныхъ крысъ, потомъ предположили, что рана была сдѣлана намѣренно съ цѣлью уничтожить одну особую примѣту на тѣлѣ убитой. Догадка оказалась вѣрной. Когда пришла сестра убитой, она заявила, что на этомъ мѣстѣ покойная дѣйствительно согласилась, по просьбѣ одного любовника, выжечь себѣ знакъ на память объ ихъ связи. По ея словамъ, на рукѣ былъ вытатуированъ розовыми, голубыми, красными и зелеными чернилами тонкій рисунокъ: вѣночекъ изъ переплетенныхъ лавровыхъ листьевъ, а надъ нимъ голубокъ съ письмомъ въ клювъ и надпись: «Эмиль, я твоя на вѣки!» Внизу было имя татуированной женщины: Берта Сантье. Эмиль, машинистъ, устроилъ Берту на отдѣльной квартирѣ, и она выразила ему свою признательность тѣмъ, что подверглась татуировкѣ, разрисованной артистомъ квартала. Какія-то примитивныя чувства и нравы дикарей проявились въ этомъ символѣ. Такъ, стоитъ только въ Парижѣ отвлечься отъ внѣшняго лоска и проникнуть подъ наслоеніе, образуемое формальными законами и условной моралью, какъ выплываютъ на поверхность многочисленныя переживанія старинныхъ обычаевъ. Эти изображенія, часто встрѣчающіяся на груди, спинахъ, рукахъ и ногахъ столькихъ людей, представляютъ собою одну изъ поразительныхъ чертъ сходства современнаго человѣка съ обитателемъ французской земли въ ту эпоху, когда она еще была вся покрыта лѣсами и болотами, племенами, которыхъ не знали еще одежды и главнымъ оружіемъ которыхъ былъ лукъ. И даже приемы татуирования и психологическая основа его не измѣнились. Одиавковыми уколами разрисовываются разныя эмблемы и на бѣлой, и на черной, и на желтой кожѣ. Тѣ же приемы надрѣза наблюдаются у туземцевъ Индіи, у жителей Сандвичевыхъ острововъ и Зеландіи и у обитательницы Бельвильскаго квартала. Подобно воину, который на своемъ лицѣ отмѣчалъ знаки своихъ побѣдъ, современная женщина вырѣзываетъ на рукѣ вензель своего любовника, ни единымъ звукомъ не обнаруживая испытываемаго ею страданія. Перенести стоически боль—для нея особая честь. Она страстно жаждетъ носить на своемъ тѣлѣ знакъ отказа отъ своей личности,—и она клеймитъ себя неизгладимымъ клеймомъ, становится собственностью другого, словно древніе рабы

и воины, которые вырѣзывали на тѣлѣ имя своего властелина, военнаго вождя или божества своей родины.

Объ убійствѣ этой татуированной женщины ведутся разговоры на улицѣ въ долгія сумерки августовскаго вечера. Во всю длину улицы, жители Бельвиля, и среди нихъ семья Помье, сидятъ у дверей домовъ или на краю тротуаровъ.

— Къ счастью, убійца арестованъ.

— Это итальянецъ, его зовутъ Горело.

— Вотъ негодяи эти итальянцы!

— Онъ вырѣзалъ ей кинжаломъ кусокъ тѣла на рукѣ, чтобы уничтожить слѣды татуировки. Это прямо ужасно!

— Они всегда имѣютъ при себѣ кинжалы.

— И женщины тоже, — припѣвляють ихъ къ подвязкамъ.

— Вовсе нѣтъ! Это не итальянки, а испанки.

— Ну, доложу вамъ, не мало таки удвился бы тотъ, кому пришла бы охота пощупать такую за икры! — шутить завитой блондинѣ.

— А, знаете, онъ убійство-то совершилъ не для грабежа.

— А зачѣмъ же? — спрашиваютъ сразу нѣсколько голосовъ.

— Да онъ ревновалъ ее за эту самую татуировку...

— Ну, вотъ ужъ скажетъ!

— Увѣряю васъ, что такъ. Онъ самъ заявилъ это слѣдователю. Опъ хотѣлъ уничтожить память о предшественникѣ... А у самого тоже было выжжено на лѣвой рукѣ изображеніе: женская голова и цвѣтокъ.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ разстегиваютъ рубашки на груди и засучиваютъ рукава. Отставные солдаты, моряки и бывшіе любовники — всѣ татуированы; у однихъ военные атрибуты: сабли, пушки, крѣпости, названія сраженій и кораблей; у другихъ — имена женщинъ или сердце, пронзенное стрѣлой.

Селина тоже засучила рукавъ. На полной рукѣ съ пухлой кистью не было ничего, — только нѣжная бѣлизна юности и красиво переплетающіяся голубыя жилки. Всѣ размѣялись.

— Хочешь, я сведу тебя къ артисту, — сказалъ завитой блондинѣ.

— Пойду одна или съ кѣмъ захочу, — вызывающе отвѣчаетъ она. — Гдѣ онъ живетъ?

Снова раздается общій смѣхъ въ расположившейся передъ дверью группѣ. Всѣ добродушно и двусмысленно подражаютъ Селину. Она все больше возбуждается и сердится. Недовольные родители добиваются, наконецъ, того, что она умолкаетъ. Сесиль сидитъ рядомъ съ матерью, крѣпко прижавшись къ ней. Она не смѣется, но улыбается и широко раскрытыми

глазами всматривается въ блѣдную ночь, стараясь увидѣть, понять и разгадать, почему мужчины и женщины хотятъ принадлежать другъ другу и вѣрять въ слова, навсегда вырѣзанныя на живомъ тѣлѣ, и почему они убиваютъ другъ друга, чтобы уничтожить то, что такимъ образомъ написано.

Мать чувствуетъ ея безпокойство и любопытство и тихо поводитъ рукою по ея волосамъ и лицу, ласкаетъ и успокаиваетъ ее, и Сесиль цѣлуетъ эту добрую нѣжную руку, перестаетъ думать о татуированной женщинѣ и уже начинаетъ дремать, какъ рассказы о новыхъ приключеніяхъ будятъ ее.

— Да, итальянцы—подлецы!—утверждаетъ тотъ-же рѣшительный голосъ.

— Вы не читали въ газетахъ объ этомъ Фарнери, грязномъ сутенерѣ?..

И онъ рассказываетъ, какъ Фарнери, любовникъ Финеты, увидѣлъ, что какой-то кліентъ уплатилъ дѣвушкѣ фальшивой монетой въ двадцать су. И вотъ онъ бросается вслѣдъ за нимъ, догоняетъ его на поворотѣ улицы и нѣсколькими ударами укладываетъ его на мѣстѣ.

— Не одни только итальянцы... всѣ сутенеры негодяи,—заявляетъ благоразумный голосъ.—Помните, что продѣлалъ сутенеръ Марсленъ на площади Моберъ?

И Сесиль вся содрогается, слушая рассказъ о новомъ преступленіи.

Бретонка.

Этотъ Марсленъ, прогуливаясь съ шестью собутыльниками, такими-же «рантье», какъ онъ самъ, побился объ закладъ, что бросить въ Сену дѣвушку Алину Франсуазу Лего, извѣстную подъ кличкой «Бретонка». Ставкой былъ стаканъ смѣси горячаго кофе съ ромомъ и абсентомъ. Сказано—сдѣлано. Вечеромъ онъ подходитъ къ Франсуазѣ, которая разсѣянно всматривала кліентовъ, прогуливаясь вдоль перилъ набережной Сень-Миселя. Онъ, ни слова не говоря, схватываетъ ее подъ мышки, сильнымъ движеніемъ приподнимаетъ ее на воздухъ и бросаетъ въ Сену. Затѣмъ онъ идетъ получить свой выигрышъ, принимая поздравленія товарищей, которые, не торгуясь, заплатили пари, и возвращается къ рѣкѣ въ тотъ самый моментъ, когда вытаскиваютъ трупъ Бретонки, умершей, не зная, за что.

Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу Сесиль отъ жестокости этого чудовища, потомъ она снова дрожитъ, но уже отъ другого безконечно пріятнаго чувства, вызывающаго слезы на ея дѣтскіе глаза, когда рассказчикъ передаетъ черточку нѣжности,

внезапно проявившуюся въ этомъ печальномъ мѣрѣ нищеты, порока и преступленія.

Одна изъ подругъ проститутки, Марія, тоже проститутка, подошла къ мертвой, которую только что положили на землю, наклонилась и поцѣловала ее. Вслѣдъ за этимъ поцѣлуемъ безконечной доброты и состраданія, которымъ эта отверженная почтила трупъ, Марія почувствовала ударъ ножомъ въ затылокъ, легкій ударъ предостереженія, причинившій ничтожную царапину и вызвавшій капельку крови, и въ то же время надъ ея ухомъ раздался хриплый голосъ негодяя. «Знай, если ты будешь болтать, я устрою тебѣ такую-же ванну, какъ Бретонкѣ». И дѣйствительно, это случилось десять мѣсяцевъ тому назадъ, и цѣлыхъ десять мѣсяцевъ понадобилось, чтобы Марсленъ былъ, наконецъ, арестованъ.

Но драма, которая произвела на Сесиль особенно потрясающее впечатлѣніе, послѣ которой кошмары долго тревожили ея дѣтскій сонъ и которая сдѣлала ее осторожной на всю жизнь, была драма, героемъ которой былъ нѣкто Жозефъ Леруа.

Жозефъ Леруа.

Это былъ настоящій убійца. Только для того, чтобы вытащить девять франковъ изъ-подъ изголовья спавшей мадамъ Пьеръ, онъ не задумался перерѣзать ей горло. Хотѣлъ-ли онъ дѣйствительно совершить убійство для воровства? Это не со всѣмъ установлено. Скорѣе онъ совершилъ это ради самого удовольствія сдѣлать кровавый надрѣзъ въ спокойно лежавшемъ предъ нимъ тѣлѣ, оживленномъ ровными и мѣрными движеніями дыханія. Онъ убилъ только для того, чтобы убить, потому что онъ любитъ мучить живое тѣло, терзать и рѣзать его, потому что онъ любитъ причинять боль. Простой прирожденный воръ предпринялъ-бы рядъ хитрыхъ предосторожностей. Онъ заглушилъ-бы шаги, затаилъ-бы дыханіе, осторожно просунулъ-бы руку, чтобы вытащить изъ-подъ убогой подушки монеты въ сто и двадцать су. Леруа ничего подобнаго не дѣлалъ. Ему мѣшала эта голова добраться до денегъ, — онъ попытался ее отрѣзать. Онъ былъ рожденъ убійцей, безсознательнымъ и жестокимъ.

Леруа шестнадцать лѣтъ. Его мать умерла. Отецъ, тяжело больной, лежитъ въ госпиталѣ. Сосѣди по меблированнымъ комнатамъ, жалкій столяръ и его жена, сжалились надъ мальчишкой и взяли его къ себѣ на время болѣзни отца. У нихъ есть свой трехлѣтній ребенокъ, но это ничего, — они взяли на свое попеченіе и этого сухопараго парня — ужъ очень его жалко

было! Они приютили его у себя, въ улицѣ Бельвилъ, наняли для него маленькую комнату подлѣ своей, кормили и одѣвали его.

Эту-то самую мадамъ Пьеръ, свою благодѣтельницу, Жозефъ Леруа, взятый на попеченіе, хотѣлъ зарѣзать однимъ утромъ, когда мужъ ушелъ на работу. Если это ему не удалось, то лишь потому, что ножъ былъ тупой, что раненая закричала, и сбѣжались люди. Ему удалось выбраться изъ комнаты, проскользнуть черезъ собравшуюся толпу и выйти на улицу. Къ полудню полицейскіе агенты арестовали его неподалеку отъ дома, гдѣ стонала и истекала кровью мадамъ Пьеръ.

На допросѣ, совершившій свой первый опытъ убійца въ грубыхъ выраженіяхъ заявилъ, что имъ овладѣло страшное желаніе убить, какой-то зудъ убійства, и онъ жалѣетъ только объ одномъ—что не нанесъ несчастной женщинѣ второго удара. На предложенный ему обычный вопросъ, не раскаивается ли онъ въ содѣянномъ, онъ отвѣтилъ, что ему на это плевать. Шестнадцатилѣтній мозгъ явно изуродованъ, и жажда жестокости была у него неизлечимой болѣзнью. Несмотря на цинизмъ и живость, въ немъ сразу бросилось въ глаза полное отсутствіе ума. Жозефъ Леруа родился съ уже извращенными кровавыми инстинктами. Уже въ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ холодную жестокость, и тогда уже онъ былъ ловкій палачъ, мучившій насѣкомыхъ, домашнихъ животныхъ, дѣтей моложе его, извергъ съ наивнымъ взглядомъ и розовыми щеками. Его лицо съ бархатистымъ тонкимъ пушкомъ носило маску невинности, свѣтлые глаза отражали жизнь, не видя и не зная ея, ротъ тигренка радостно смѣялся при видѣ крови, при столахъ жертвъ. И вотъ такое существо, движимое лишь одними инстинктами, вступаетъ въ жизнь въ обстановкѣ современной цивилизаціи, и оно дѣйствуетъ, какъ дикая кровожадная кошка, по праву захватывающая испуганныя жертвы на скалахъ или подъ деревьями въ лѣсу. Леруа таитъ въ себѣ душу, столь же опасную, какъ сосѣдство хищнаго звѣря.

Юношей онъ уже не довольствуется увѣченіемъ собакъ, птицъ или лягушекъ. Ему хочется заставить кричать подъ ножомъ живыхъ людей. Первой попавшейся ему жертвой была сострадательная женщина, подобравшая его. Тѣмъ хуже. Его не останавливаетъ видъ крѣпко спящей отъ усталости труженицы-хозяйки, которая такъ заботится о немъ; онъ подкрадывается какъ звѣрь, выходящій изъ засады, и съ тупымъ бѣшенствомъ кидается на нее.

Прелестная кондитерша.

Но картины нравовъ разнообразны, и среди нихъ есть и такія, что будятъ хитрость въ Сесиль и вызываютъ улыбку на ея устахъ. Въ промежуткѣ между двумя драмами разыгрывается комедія.

Улица Бельвиль—длинная, широкая, извилистая, просторная, настоящая улица предмѣстья, предназначенная для большой толпы. Однако, утромъ едва можно пройти по ней,—такъ загромождаютъ ее телѣжки съ товарами. Несмотря на множество магазиновъ, переполненныхъ всякаго рода съѣстными продуктами и имѣющихъ много покупателей, колбасники, мясники, зеленщики, бакалейщики, молочники — всѣ эти странствующие торговцы имѣютъ своихъ кліентовъ, и каждый изъ нихъ торгуетъ.

Послѣ полудня улица успокаивается. Въ каждой лавкѣ приводятъ въ порядокъ выставку товаровъ, опустошенную утренней продажей, снова пополняютъ ее для вечерней продажи, начинающейся съ пяти часовъ. Ручныя телѣжки стоятъ въ сараяхъ на смежныхъ улицахъ; ихъ хозяева отдыхаютъ. Торговки сидятъ по кабачкамъ, играютъ въ карты, попивая кофе, или дремлютъ однимъ глазомъ въ ожиданіи, когда хозяйки выйдутъ за покупками къ ужину. Телѣжки на это время оставляются на улицѣ, но торговки зорко присматриваютъ за ними изъ кабаковъ. Время отъ времени онѣ выходятъ освѣжить товаръ, придать ему болѣе привлекательный видъ. Одна посмотреть жабры и зрачки у своей рыбы; другой показалось, что ея капуста немного завяла, и она живо отрываетъ два-три листа, и капуста снова пріобрѣтаетъ такой видъ, точно она сейчасъ только сорвана съ грядки. Надо и на салатъ посмотреть, растрепать его, вытащить снизу морковь и положить ее наверхъ, то же нужно продѣлать съ козельцомъ; въ пять часовъ телѣжки въѣзжаютъ такъ же гордо, какъ и утромъ, среди оглушительной трескотни покупательницъ.

Такова обстановка, гдѣ царствуетъ прекрасная кондитерша.

Изъ всѣхъ магазиновъ улицы ея магазинъ самый привлекательный.

За зеркальнымъ стекломъ лежатъ поджаренные пирожки, большіе бріюши, украшенные искусственной розой или изображеніемъ сегодняшняго святого, громадныя савойскіе пироги, фруктовыя пирожныя съ симметрично разложенными кусочками яблокъ, абрикосовъ и клубники, сочныя бабы съ ромомъ, величественныя торты съ кремомъ, похожіе на плоскогорія, покрытыя снѣгомъ.

Степанъ Яковлевъ.

Передъ дверью на столѣ заботливо равставлены блюда съ бордосскими раками, съ телятиной, шпигованной свинымъ саломъ, миски съ потрохами, жаренныя куры, облитыя соусомъ, омары, приготовленные по американски, лангусты, разрѣзанные на ломтики на цѣльномъ панцирѣ черепахи, заливное изъ фазановъ, рагу изъ бекасовъ,—все ждетъ покупателей, все сжарено, готово для ѣды.

Когда покупатель входитъ въ магазинъ, ему сразу бросаются въ глаза массы пирожныхъ, которыя отражаются въ зеркалахъ. На всѣхъ полочкахъ лежатъ они, симметрично разложенныя,— всевозможныхъ сортовъ и на всякій вкусъ, отъ строгихъ сахарей до «сладострастныхъ колодцевъ любви». Лакомка входитъ, закусываетъ, затѣмъ подходитъ къ прилавку уплатить.

— Ахъ, какое чудное пирожное!—воскликаетъ онъ, но тутъ же замѣчаетъ, что это чудное пирожное, самое лучшее въ лавкѣ, дѣйствительно прекрасное пирожное, если угодно, но что еще лучше—эта неподвижная красавица, которая удастаетъ чуточку оживиться, чтобы принять слѣдующія ей деньги.

Ему тогда становится совѣстно, что онъ такъ мало съѣлъ. Побезпокоить такую прекрасную руку такой красавицы, чтобы уплатить ей два су! Онъ бы охотно продолжалъ заказывать, но не смѣетъ, рѣшаетъ зайти въ другой разъ и раскланивается, въ смущеніи не сразу находя дверь. Но прелестная кондитерша не отвѣчаетъ на поклонъ. Она уже приняла прежнюю живописную позу и безстрастно сидитъ за мраморнымъ прилавкомъ, передъ зеркаломъ, между вазами съ вареньемъ и ликерами, бѣлая и розовая, какъ кремъ, который стоялъ бы рядомъ съ клубничнымъ тортомъ. Въ хорошую погоду она рано утромъ выходитъ и возвращается къ тому времени, когда начинается продажа. Послѣ обѣда, въ часы отдыха, она сидитъ, выправившись на стулѣ, даже не поводя глазами, безъ улыбки, и убиваетъ время за вязаньемъ какого-нибудь мелкаго кружевца, едва передвигая пальцами.

Она, дѣйствительно, великолѣпна. Подъ изящной шеей съ полнымъ подбородкомъ поднимается пышная высокая грудь, корсажъ изъ блестящаго шелка облегаетъ и плотно стягиваетъ ея тонкую, какъ у осы, талию. Бѣлокурая, высокая, въ мѣру плотная, въ полномъ расцвѣтѣ линий и формъ, съ здоровымъ цвѣтомъ лица, съ сознаниемъ своей красоты, королева пирожныхъ привлекаетъ восторженные взоры мужчинъ; исушаетъ отъ зависти женщинъ и совсѣмъ сводитъ съ ума всѣхъ сосѣднихъ лавочниковъ.

Правду сказать, эта слава квартала не пользуется любовью

его обитателей. Она не старается искупить свою красоту уссленной любезностью.

Она, правда, продает свои пирожки, но дѣлаетъ это съ такимъ видомъ, будто она ихъ продаетъ только потому, что вотъ они лежатъ здѣсь, и люди хотятъ покупать ихъ. Она этимъ не интересуется, она думаетъ совсѣмъ о другомъ и выдаетъ сдачу, глядя куда-то въ сторону. Злые языки пересушиваютъ ея равнодушіе и разсѣянность и сочиняютъ цѣлыя легенды насчетъ прекрасной пирожницы. Какія-то нелѣпыя, возмутительныя исторіи! Она ничего о нихъ не знаетъ, да и не хочетъ знать ничего. Что ей за дѣло, — ей лишь бы красивой быть! Она хочетъ знать только одно — что она красива.

Всякаго рода шутки продѣлывали надъ нею: посылали смѣшные подарки, — она даже не смотрѣла на нихъ; писали записочки, — она ихъ не читала. Теперь стали передавать другъ другу по секрету, что у нея нѣтъ одной груди, а другіе утверждаютъ, что у нея цѣлыхъ три. Послушать все, что говорятъ о ней на улицѣ, у воротъ домовъ, когда стемнѣетъ, можно было бы подумать, что эта женщина, живущая среди крема и пирожныхъ, какой-то необыкновенный феноменъ, ярмарочное чудо.

Говорятъ также, что ея магазинъ не имѣетъ постоянныхъ покупателей, и что всѣ сосѣди избѣгаютъ его. У нея покупаютъ лишь случайные прохожіе, которые ничего не знаютъ. Женщины заявляютъ, что не слѣдуетъ ничего покупать у особы легкаго поведенія, а мужчины находятъ, что она, дѣйствительно, красива, но пироги у нея плохіе.

Все это простая выдумка. Не подлежитъ сомнѣнію, что кондитерша торгуетъ хорошо. Въ дѣйствительности, всѣ покупаютъ у нея, какъ тѣ, что распространяютъ про нее всякіе слухи, такъ и остальные: женщины, чтобы узнать тайну ея красоты, мужчины, чтобы сразу усладить вкусъ и зрѣніе. Съѣсть пирожное и смотрѣть на кондитершу, которая не обращаетъ на васъ никакого вниманія, думая о чемъ-то другомъ — самая пріятная минута отдыха.

Вѣрно, однако, то, что прекрасная пирожница не всегда держитъ себя такъ чопорно и высокомерно, какъ въ своей кондитерской.

Три, четыре раза въ годъ она куда-то исчезаетъ.

Куда уходитъ она? Гдѣ она тогда?

Совсѣмъ недалеко. Она не выходитъ изъ своего квартала.

Но она дѣйствительно покидаетъ семейный очагъ и кондитерскую. Пирожныя все-же продолжаютъ находить сбытъ, правда, не въ прежнемъ количествѣ, но этого достаточно, чтобы покры-

вать расходы на помещеніе. Въ магазинѣ все остается попрежнему. Только на мѣстѣ хозяйки сидитъ временная приказчица. Да какой-нибудь разочарованный покупатель освѣдомится о хозяйкѣ — вотъ и вся перемяна.

Иногда она проходитъ мимо своего дома. Случается, что она посмотритъ на свою лавку, а иногда и глаза не подниметъ и даже если взглянетъ, то съ такимъ видомъ, точно и не узнаетъ ея. Если бы она не была пресыщена пирожными, она бы, навѣрное, зашла полакомиться и равнодушно заплатила бы своей временной замѣстительницѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней такого отсутствія она снова появляется на своемъ мѣстѣ и кончаетъ начатое или начинаетъ новое кружево. Никому она ничего не говоритъ, и никто ей ничего не говоритъ.

Ея мужъ, — ибо таковой у нея имѣется, — всегда въ бѣломъ, точно клоунъ въ дѣтскомъ театрѣ, принимаетъ свою жену Коломбину такъ же, какъ перенимаютъ съ удовольствіемъ торговое заведеніе, которое знаютъ хорошо и которое даетъ вѣрный доходъ. И никогда при этомъ не произносится ни одного слова ни о послѣдней отлучкѣ, ни о сегодняшнемъ возвращеніи, ни о будущемъ исчезновеніи.

Въ общемъ, если часты отлучки, то столь же часты и возвращенія.

Герцоги, князья, сосѣдъ изъ противоположнаго дома, сапожникъ слѣва, торговецъ каштанами справа — всѣ, повидимому, удаивались чести обладать ею въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Всѣ они возвращались къ своимъ обычнымъ занятіямъ одновременно съ кондитершей. А князья покидали кварталъ.

И ни одинъ изъ нихъ не просвѣтилъ любопытныхъ насчетъ физическихъ уродствъ, приписанныхъ ей злыми языками. Но торговка жаренымъ картофелемъ сообщила всѣмъ ключъ этой тайны. Она, шестидесятипятилѣтняя старуха, безобразная, какъ «первая женщина», увѣряла всѣхъ и каждого, что прекрасная пирожница холодна, какъ мраморъ ея прилавка.

Недалеко отъ прекрасной кондитерши жила торговка дичью.

Торговка дичью.

Съ пяти часовъ утра во всякое время года торговка дичью отправлялась на Центральный рынокъ въ телѣжкѣ, запряженной старой клячей. Возвращается она къ восьми часамъ безъ малѣйшей усталости. Въ продолженіе двадцати лѣтъ она исполняетъ эту тяжелую работу, ѣздитъ этой дорогой и возвра-

щается, почти всегда имѣя счастливый и довольный видъ. Повезло ей на рынкѣ — она предвкушаетъ хороший доходъ къ вечеру. Въ другой разъ она возвращается съ нѣсколько угрюмымъ видомъ. Но это мимолетное настроеніе скоро исчезаетъ. Правда, цѣны поднялись сравнительно съ вчерашними, дичь вздорожала. Но это не бѣда, — товаръ хорошъ, — и передъ глазами торговли уже рисуются щедрые покупатели, которые помогутъ ей наверстать вечеромъ утреннее повышение цѣны.

Двадцать лѣтъ тому назадъ она открыла въ Бельвилѣ большой магазинъ дичи, гдѣ закупаютъ всѣ лакомки квартала. Людямъ занятымъ она продаетъ куски жареной дичи, кухаркамъ изъ богатыхъ домовъ — свѣжихъ каплуновъ и жирныхъ пулярокъ.

Она совсѣмъ не имѣетъ вида привлекательной и пріятливой лавочницы. Это настоящій мужчина. Высокая, костлявая, съ усами и ртомъ, какъ у стараго сержанта, курящаго трубку или жующаго табакъ, съ длинными руками, хитрыми, маленькими глазами настоорожившейся крысы или продувнаго плутоватаго продавца, съ вывернутыми впередъ ушами, какъ у дикаго кабана, котораго каждый торговецъ жареной живностью считаетъ за честь повѣсить у дверей. Одѣвается она въ балахонъ изъ чернаго кашемира, а грудь ея такъ же плоска, какъ и спина.

Она была вдовой, но теперь она уже не вдова. Въ одинъ прекрасный день, уже сорока лѣтъ, она вышла замужъ за своего четвертаго приказчика, двадцатичетырехлѣтняго парня, краснощекаго, небольшого роста, съ утинымъ лицомъ, круглыми вращающимися глазами и выпяченнымъ впередъ, на подобіе клюва, ртомъ. Изъ приказчика онъ сдѣлался хозяиномъ.

Онъ былъ лѣнтяемъ и такимъ остался. Дни проводилъ онъ въ сосѣднемъ трактирѣ со случайными собутыльниками. Онъ возвращался всегда навеселѣ, надоѣдалъ покупателямъ, женѣ и приказчикамъ. Тогда хозяйка тихонько брала его за руку:

— Оставь, миленькій, пойдѣ поспать, — ты усталъ!

Когда же онъ не былъ утомленъ, онъ во всѣхъ углахъ и закоулкахъ приставалъ къ горничнымъ, и жена его сама этимъ забавлялась, называя его «большой ребенокъ».

Когда жена бывала занята покупателями, и ему хотѣлось удачно продать что-нибудь, онъ начиналъ шутить съ покупательницами: курица въ его рукахъ была уже не курицей; на его языкѣ она обращалась въ крылышки, ножки и т. д. самой покупательницы; онъ пускался на рискованныя галантныя сравненія, такъ покатываясь со смѣху, что весь становился краснымъ.

За столомъ прислуживала жена. Лучшій кусокъ оставлялся для «милаго мальчика». Для него покупалось особое вино и англійскій хлѣбецъ. Его ложка, вилка и кольцо для салфетки были серебряныя—подарки жены въ дни рожденія. Онъ смаковалъ трюфели изъ своего магазина; отборныя фазаны и куропатки были къ его услугамъ, лишь только онъ выражалъ это желаніе.

Однажды онъ такъ напился, что поджегъ домъ, опрокинувъ лампу. Начали съ того, что спасли его. Его прежде всего, а послѣ ужъ дичь и живность. На улицѣ онъ разразился раздражающимъ душу плачемъ.

— Не плачь, мальчикъ! — утѣшала его жена. — Стоитъ-ли убиваться изъ-за такихъ пустяковъ! Мы еще и не то съ тобою наживемъ!

Благодаря прибытію пожарной команды, все, дѣйствительно, кончилось пустяками; магазинъ былъ скоро приведенъ въ порядокъ, и страховое общество уплатило убытки.

«Мальчикъ» перевезъ къ себѣ отца, мать, двухъ братьевъ, трехъ сестеръ и двухъ дѣтей покойнаго брата. Вся семья поселилась у него. Отецъ объѣдался и пьянствовалъ съ сыномъ, мать кричала на свою пожилую неувѣстку, сестры спали съ приказчиками, братья со служанками, да имъ и нечего было больше дѣлать, такъ какъ они не знали никакого ремесла и, слѣдовательно, были безъ работы. Дѣти покойнаго брата всегда ползали среди отбросовъ, потроховъ, перьевъ и кроличьихъ шкуръ. По цѣлымъ днямъ стояла въ домѣ невѣроятная грязь.

Хозяйка не унывала въ этой суматохѣ и хвастала повсюду, что мужъ ее очень любитъ. Она рожала каждый годъ и сама подсмѣивалась надъ собою. Она въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ перецеголяла многихъ молоденькихъ.

Къ счастью, она была трудолюбива, работала за десятерыхъ и даже больше. Скупая къ себѣ, настойчивая съ покупателями, она позволяла себѣ единственное удовольствіе — имѣть дѣтей, единственный отдыхъ — необходимые восемь дней послѣ родовъ, да и тутъ она старалась урвать для работы. Когда кто нибудь замѣчалъ, что ей, должно быть, трудно содержать такую большую семью, она вспоминала, что она христіанка, и, складывая губы сердечкомъ, отвѣчала:

— Богъ благословляетъ многочисленныя семейства!

Однажды одна изъ служанокъ сказала ей, что она беременна отъ ея мужа, и такъ какъ онъ отказывается дать ей обѣщанныя на роды деньги, то она рѣшила обратиться къ ней.

— Вы, однако, смѣлая, милая моя, — отвѣтила торговка, — и прямо сказать, порядочная свинья! А что касается моего мужа,

то онъ хозяинъ дома и въ правѣ дѣлать все, что ему угодно.

Это показываетъ, что она любитъ своего мужа, какъ большаго ребенка, отъ котораго она имѣетъ каждый годъ еще болѣе маленькихъ ребятъ.

— Почему же она такая? — спрашиваетъ Сесиль.

— Очень просто, — отвѣчаетъ Селина, — потому что онъ у нея въ крови!...

Прекрасный часовщикъ.

Небольшая улочка, узкая и короткая, не ведетъ на большую улицу предмѣстья. Она теряется среди массы ей подобныхъ и на ней всего десятокъ домовъ. Она совсѣмъ пустынная. Нужно жить въ ней, чтобы попасть на нее, или безцѣльно бродить по кварталу, чтобы замѣтить самое существованіе этого зародыша улицы.

На десятокъ домовъ только двѣ лавки, и этого достаточно, даже слишкомъ достаточно для такой ничтожной, заброшенной улицы.

Одну изъ этихъ лавочекъ занимаетъ зеленщикъ, торгующій фруктами и всякими овощами: капустой, картофелемъ, старымъ сыромъ и консервами. Когда какая-нибудь хозяйка съ этой улочки очень торопится и не имѣетъ времени побѣжать на большую улицу купить на телѣжкахъ, или на расположенномъ на бульварѣ рынкѣ, она покоряется судьбѣ и заходитъ къ зеленщику взять порой сыру или сардинокъ.

Другая лавочка всегда «отдается въ наемъ». Нѣсколько разъ являлись мелкіе торговцы попытать счастья и постараться удачно повернуть колесо судьбы. Тщетныя попытки! Къ концу трехъ мѣсяцевъ ставни опять закрыты, и лавочка снова «отдается въ наемъ».

Однако, въ одинъ прекрасный день заснувшая лавочка какъ бы проснулась. Она дышетъ, вздыхаетъ, улыбается, прихорашивается. Маляръ, напѣвая вполголоса однообразную безконечную пѣсенку:

Это любовникъ А,
 Это любовникъ А,
 Это любовникъ Аманда,

— красить наружную сторону въ черный цвѣтъ, оживляетъ этотъ трауръ желтыми полосками, затѣмъ, взобравшись на дѣсенку, начинаетъ распѣвать весь свой репертуаръ.

Онъ затягиваетъ патріотическія пѣсни:

Спите, солдаты, спите спокойно!
 Зорко слѣдя и настороживъ ухо,

Кто-то тамъ бодрствуетъ за васъ,—
 Это одинокій часовой!

Потомъ слѣдуютъ романсы:

По тропинкамъ, полнымъ упоенья,
 Пойдемъ тихонько вмѣстѣ,
 Я хочу преподнести тебѣ, милая,
 Первый букетъ сирени!

И, распѣвая свои пѣсенки, онъ выводитъ вычурную надпись надъ дверью: «часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ».

По мѣрѣ того, какъ рука тенора вырисовываетъ золоченныя линіи, сосѣдки, сидя у оконъ, называютъ буквы, складываютъ слоги, и едва надпись сдѣлана, онъ уже преисполненъ благодарности тому, кому пришла счастливая мысль оживить улицу такимъ прекраснымъ магазиномъ и торговать такимъ благороднымъ товаромъ.

Прохожіе и лавочники изъ сосѣднихъ улицъ, которые пришли узвать, въ чемъ дѣло, важно и иронически покачиваютъ головой.

— Еще одинъ, — думаютъ они про себя или говорятъ вслухъ, — который прогоритъ здѣсь.

На другой день утромъ за маленькимъ прилавкомъ изъ чернаго дерева, который одновременно служилъ и рабочимъ столомъ, появился самъ мастеръ.

Онъ блондинъ, съ нафабранными усами, съ прической à la Carouf, изящный, какъ предметъ его торговли,—о, такой изящный!

И тотчасъ же начали приходять заказчики. Въ первый же день онъ покорилъ свою улицу, а въ слѣдующіе дни къ нему стали переходить и сосѣднія. Не прошло и мѣсяца, какъ на полкахъ у него выстроились рядами отданные въ починку стѣнные часы, каминные, карманные, съ кукушкой, будильники. Можно было подумать, что какая-то эпидемія объявилась на всѣ инструменты, измѣряющіе время,—сразу всѣ испортились. Въ то же время вошли очень въ моду брошки, серьги, крестики, сердечки. Только ихъ и желаютъ преподнести въ дни именинъ и рожденій.

Часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ по горло занятъ. Если такъ пойдетъ дальше (а это будетъ непременно), то черезъ два мѣсяца онъ возьметъ постояннаго помощника. А самъ онъ будетъ ходить за матеріаломъ въ оптовые магазины, посѣщать заказчиковъ, заводить часы на дому, показывать новыя драгоценности, которыя произведутъ фуроръ. Онъ назначитъ опредѣленные часы для приема въ магазинѣ.

И все, въ самомъ дѣлѣ, такъ и сбылось. Въ магазинѣ онъ только отъ четырехъ до семи. Онъ уже работаетъ не только на свою улицу, а на весь кварталъ. Онъ покупаетъ старое серебро и золото. Красивыя старинныя вещи, фамилныя драгоценности, прекрасныя подержанныя приборы, въ которыхъ дѣти и старики ѣли первый и послѣдній супъ, передѣлываетъ онъ въ модныя бездѣлушки. Онъ гордится своей работой, и заказчики въ восторгѣ отъ него.

Теперь всѣ хозяйки въ кварталѣ экономятъ на всемъ, чтобы свои сбереженія отнести къ красивому часовщику. Онъ больше не хотятъ получать въ подарокъ на новый годъ ни вязаннаго покрывала на кровать, ни зеркальнаго шкапа, ни висячей лампы. Нѣтъ, только драгоценную вещь, хотя бы самую вычурную и безвкусную, но купленную непременно у новаго часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастера.

Хозяйки у него нѣтъ. Этотъ красивый парень холостъ, и поэтому въ четыре часа дня жительницы квартала ему приносятъ на закуску немного колбасы, свиного сала, «полученнаго оттуда, гдѣ свинья была заколота», фруктовъ, вина, полученныхъ тоже изъ деревни—отъ бабушки или тетушки подносительницы.

Ему даже комнату убираютъ даромъ,—нужно, вѣдь, чтобы у него былъ порядокъ.

И такъ онъ живетъ, почти безъ расходовъ, починаетъ часы, продаетъ золотыя вещи по умѣреннымъ цѣнамъ, которыя ему приносятъ, однако, порядочный доходъ. И все идетъ ему впрокъ,—никакихъ убытковъ у него не можетъ быть.

Тишина маленькой улицы и благополучіе часового мастера нарушались иногда ссорю двухъ ревнивыхъ женщинъ, которыя предъ его магазиномъ выкладывали другъ другу «всю правду». Но часовщикъ любитъ только тогда стеченіе народа, когда видитъ и слышитъ восторгъ по поводу своего послѣдняго творенія. Когда же поднимается «шумъ», онъ появляется на порогѣ магазина, и тотчасъ-же диапазонъ ссоры понижается, голоса удаляются, глухо доносятся издалека и, наконецъ, терются гдѣ-нибудь въ коридорѣ сосѣднихъ домовъ.

Вскорѣ произошла, однако, первая тревога. Пронесся слухъ, будто онъ взялъ Селину въ любовницы. Однажды вечеромъ видѣли молодую дѣвушку въ сильномъ возбужденіи, прильнувшую лицомъ къ окну магазина. Въ другой разъ она пришла купить за десять су серебряное колечко съ синимъ камнемъ. Съ веселымъ смѣхомъ красивый часовщикъ самъ надѣлъ его ей на палецъ. Потомъ стали увѣрять, что они вмѣстѣ прогуливались и танцовали въ *Elisée Ménilmontant*; наконецъ, на дру-

гой день их увидѣли на углу улицы и затѣмъ потеряли ихъ слѣдъ.

— Неужели это правда?

— Вы себя представить не можете, что это за потаскушка!

— Бѣдная мать!

— А онъ? У него такой серьезный видъ!

Во всемъ кварталѣ раздавались эти восклицанія. И магазинъ сразу опустѣлъ, — ни одной заказчицы. Красивый часовщикъ понялъ, что его покупатели не потерпятъ столь легкомысленнаго поведенія, и сдѣлался осторожнѣе, переставъ совсѣмъ по вечерамъ выходить изъ дому. Мало-по-малу, однако, часть капризныхъ заказчицъ вернулась къ нему.

Вдругъ кварталъ опять взволновался. Новость пролетѣла въ воздухъ и, скользя по поверхности, проникла въ коридоры, въ помѣщенія привратниковъ и поднялась въ верхніе этажи, заставивъ учащенно забиться сердца отъ перваго этажа до мансарды. А когда слухъ о ней подтвердился, то произошло нѣчто такое, что можно сравнить лишь съ землетрясеніемъ, отъ котораго дрожать дома и мостовыя.

Кто-то, — неизвѣстно, кто именно, должно быть, то же самое лицо, которое встрѣтило красиваго парня съ Селиной, — увѣряя, что ему сказали, будто часовщикъ хочетъ жениться.

Послѣ перваго сотрясенія отъ неожиданной вѣсти наступило какое-то зловѣщее затишье, точно ожидался похороны, а не свадьба.

Въ два дня магазинъ снова опустѣлъ и опять перестали толпиться у его дверей; зеленщикъ съ противоположной стороны началъ даже пошучивать, сидя среди своего картофеля временъ Пармантье и допотопныхъ сардинокъ.

Часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ хотѣлъ пощупать пульсъ своихъ покупательницъ. Всюду его встрѣчали запертыя двери и ледяныя лица. Ни у кого ни малѣйшаго желанія купить старинный крестикъ или колечко для невѣсты.

Красивый парень сейчасъ же понялъ молчаливый урокъ и испугался такого враждебнаго отношенія. Жениться значило для него идти на вѣрное разореніе, прогнать покупателей, остаться съ товаромъ на рукахъ, а вслѣдъ за этимъ появились бы опротестованные векселя и полный крахъ.

Онъ тотчасъ-же круто измѣнилъ фронтъ.

— Да это не больше, какъ выдумка завистливыхъ лавочниковъ, — сталъ онъ заявлять своимъ покупательницамъ, встрѣчая ихъ на улицѣ.

И улица снова свободно вздохнула.

Тотчасъ-же покупательницы вернулись къ своему любимцу,

часы опять начали портиться, всё́мъ снова захотѣлось имѣть кольца на пальцахъ или ожерелья на шеяхъ.

— Знаете,—говорили онѣ,—это была сплетня. Ему хотѣли подставить ногу. Впрочемъ, такому красавцу всегда всё завидуютъ.

И снова стали мирно собираться у магазина посмотреть, какъ работаетъ всеобщій любимецъ. На лицо его падаетъ отраженіе стоящихъ у окна разноцвѣтныхъ бокаловъ съ водой. Съ лупой въ глазу онъ приводитъ въ движеніе карманные и стѣнные часы, а свободнымъ глазомъ посматриваетъ искоса на группу, любующуюся имъ.

Если красивый часовщикъ вздумаетъ когда-либо жениться, ему слѣдуетъ заранее обезпечить себя.

Любовь законная, такъ же, какъ и незаконная, даже еще скорѣе, чѣмъ незаконная, ему безусловно воспрещена.

— Вотъ еще! Стала бы я ихъ слушаться, будь я на его мѣстѣ!—кричитъ Селина съ бѣшенствомъ.

— Онъ долженъ сидѣть за своей витриной,—говоритъ Сесиль, которой такъ весело отъ этой комедіи, точно бы она побывала въ театрѣ.

З а е м ѣ.

Много другихъ странныхъ типовъ было въ предѣлахъ, гдѣ жили Помье, на ихъ улицѣ и въ ихъ домѣ: игроки на скачкахъ, маниаки лотерей, завсегдатая сберегательныхъ кассъ, подписчики на займы, бережливые и скупые.

Какъ-то вечеромъ Селина рассказала, что дядя Шодронъ, которому иногда давали изношенные башмаки или кусокъ хлѣба, стоитъ въ очереди подлѣ меріи, чтобы подписаться на заемъ парижскаго муниципалитета. Вѣвъ себя отъ изумленія старикъ Помье пошелъ самъ посмотреть, взявъ съ собою Сесиль, чтобы она тѣмъ временемъ погуляла съ нимъ. Оказалось, что Селина сказала правду. Онъ увидѣлъ стараго Шодрона въ толпѣ людей, которые пришли простоять всю ночь въ ожиданіи, когда дверь кассы, точно театральнй занавѣсъ, откроется передъ народомъ, переполненнымъ надеждами. Были въ толпѣ и такіе, что только занимали мѣста и были лишь представителями богатыхъ. Но многіе стояли тамъ за свой собственный счетъ,

дядя Шодронъ былъ изъ числа послѣднихъ. Между тѣмъ видъ и у него, и у другихъ былъ такой, что онъ вызывалъ мысль о нищетѣ, нуждѣ, благотворительности, чѣмъ о сбереженіяхъ, деньгахъ, капиталѣ, доходѣ. Скорѣе можно было подумать, что эти люди собрались у двери казармы или ресторана, ожидая раздачи порцій дарового супа.

Надъ изнуренными безпокойными лицами виднѣется надпись полицейскаго поста, устроеннаго въ меріи: «Помощь раненымъ»,—ироническая вывѣска для всей этой толпы искалѣченныхъ жизнью и неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ. Однако, это все же рантѣе и жаждущіе ренты.

Страсть дѣлать сбереженія и выгодно ихъ помѣщать овладѣваетъ многими бѣдняками. Они урѣзываютъ себя въ самомъ необходимомъ, прибѣгаютъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ, избобрѣтаютъ всякія лишенія, пока наступитъ желанный день, когда они, простоявъ на ногахъ часть ночи и дня, смогутъ обмѣнять трудовыя деньги на кусокъ бумаги, сулящій большіе проценты и крупный выигрышъ.

На слѣдующій день дядя Шодронъ пришелъ къ Помье.

— Ну, дѣдушка Шодронъ,—говоритъ Помье,—вчера я видѣлъ тебя у меріи. Такъ ты теперь стѣль рантѣе? Сколько же ты взялъ облигацій?

— О, только одну четверть! И у меня не осталось ни одного су...

— Вотъ оно какъ! Ты бы насъ всѣхъ хорошимъ ужиномъ угостилъ сегодня, а вмѣсто того въ мерію деньги относишь. Но, признайся — осталось еще что-нибудь въ карманѣ? Пойди же, угости ужиномъ!

— Клянусь тебѣ, ни одного су не осталось, даже поужинать не на что.

— Оставь его въ покоѣ,—вмѣшалась жена,—каждый дѣлаетъ, что хочетъ, или, вѣрнѣе, что можетъ. Такъ вамъ таки, въ самомъ дѣлѣ, не на что поѣсть, дядя Шодронъ? Садитесь поближе къ печкѣ, я вамъ сейчасъ приготовлю чашку супа.

— Такъ, такъ, Марія, поднеси ему супу: онъ еще прибежитъ и купить другую четверть облигацій, — добродушно насмѣшливо говоритъ Помье.— Да прибавь-ка еще стаканъ вина нашему бѣдовому рантѣе. И я съ нимъ выпью за компанію!..

Л о т е р е я .

Привратница г-жа Бенаръ точно также искала счастья въ случайностяхъ игры и черпала силы въ иллюзіяхъ. Никто не слѣдилъ съ такой страстностью за лотереями, какъ она. Вооружившись очками, она постоянно роется въ газетахъ, каждую свободную минуту она бѣжитъ въ табачную лавочку, увѣшанную бѣлыми и голубыми билетами, либо разсматриваетъ красующіяся всюду на стѣнахъ афиши, грубо заманивающія числами съ четырьмя и пятью нулями, пестрящія золотыми и серебряными фейерверками, въ которыхъ сверкаютъ выигрыши.

въ пятьдесятъ и сто тысячъ франковъ. Съ обширностью этихъ надеждъ можно сравнить лишь скромность риска. Кто желаетъ получить полмилліона за двадцать су? Кто хочетъ въ мгновеніе ока произвести феерическую перемѣну въ своемъ положеніи? Кто хочетъ сразу перейти отъ посредственности и нищеты къ пышной жизни, въ которой всѣ желанія превращаются въ дѣйствительность?

Конечно, г-жа Бенаръ этого хотѣла. Она вѣрила въ талисманъ и покупала его въ видѣ занумерованнаго клочка печатной гербовой бумажки. Именно для нея сверкали милліоны, для нея создавались благотворительныя учрежденія, организовывались національныя предпріятія. Проспектъ, сулящій за двадцать су сто тысячъ франковъ, рассчитанъ на рабочаго, который съ утра до вечера работаетъ, не присѣдая, въ шумной мастерской съ ея оглушительнымъ ревомъ паровыхъ свистковъ и визгомъ машинъ, или на лѣсахъ, гдѣ пронизываетъ вѣтеръ и голову напекаетъ солнце,—рассчитанъ на конторщика, который въ притупляющей обстановкѣ своей скучной и безконечной работы мечтаетъ объотдыхѣ,—на молодую дѣвушку, желающую выйти замужъ,—на женщину, которой не на что кормить дѣтей. Проспектъ рассчитанъ и на старую привратницу, которая живетъ въ комнаткѣ величиною съ шкапъ и присматриваетъ за своимъ рагу, съ рыжимъ котомъ на колѣняхъ.

Въ этой маленькой узенькой комнатѣ съ визкимъ потолкомъ сіялъ одинъ лучъ надежды, была одна только возможность улучшить тяжелую долю. Г-жа Бенаръ никогда не думала о томъ, что такое въ дѣйствительности сто тысячъ франковъ, ни о томъ, что сдѣлала бы она съ такой суммой, если-бы она свалилась ей съ неба въ супъ или въ рагу изъ баранины. Она даже ни на минуту не останавливалась на мысли, что имѣетъ только одну милліонную или одну десятимилліонную долю шанса на выигрышъ. Она заботилась только, чтобы не упустить случая и насколько возможно увеличить сумму выигрыша. Она взяла бы не одинъ, а два, пять, десять билетовъ, если бы только была въ состояніи. Она сама себя облагаетъ такимъ налогомъ, какой только можетъ вынести, и подвергаетъ себя всякимъ лишеніямъ, чтобы уловить счастливое мгновеніе и овладѣть столь желаннымъ богатствомъ. Богатство остается вдали и тамъ ослѣпительно сіяетъ яркой звѣздой, но обладаніе лотерейнымъ билетомъ даетъ ей всю сладость мечты. Цѣлые дни и мѣсяцы, до самаго розыгрыша, она воображаетъ себя обладательницей вождѣльнаго перваго выигрыша. Ея существо какъ бы раздваивается, и теперь мечты и восторгъ слагаютъ реальную жизнь. Постоянно жалуясь на свою долю, она

свободно, ничѣмъ не сдерживаемая, строить свое будущее. Правда, горько пробужденіе на другой день послѣ тиража, когда она, смотря и пересматривая выигрышные номера, не находитъ среди нихъ своего, и тогда она испытываетъ разочарованіе и тоску. Но это лишь на одно мгновеніе. Вѣра ея слишкомъ крѣпка. Она откладываетъ осуществленіе своихъ надеждъ до слѣдующаго тиража и снова начинаетъ жить своей постоянной мечтой.

С к а ч к и.

Но забавнѣе всѣхъ былъ Патерно, жившій въ томъ же домѣ и служившій во время осады Парижа въ одномъ батальонѣ національной гвардіи со старикомъ Помье. Патерно, который не находилъ словъ, чтобы достаточно высмѣивать страсть привратницы къ лотерейнымъ билетамъ, самъ былъ фанатикомъ скачекъ. Здравомыслящій для другихъ, но слѣпой для самого себя, онъ сохранилъ съ конца имперіи, осады и коммуны убѣжденія, которыя высказывалъ со всѣмъ пыломъ, когда нужно было раскритиковать сосѣда, и забывалъ въ то время, когда самому себѣ слѣдовало прочесть нотацію.

— Да, — краснорѣчиво доказывалъ онъ, — полагаться на счастье лотерейнаго билета — это чистѣйшій эгоизмъ. О, да, это куда легче, чѣмъ заодно съ другими бороться за преобразование общества! Всякъ за себя! А послѣ меня хоть потопись!.. Я не говорю ужъ о томъ, что это глупо, что ваши двадцать су пойдутъ въ карманы кучки дѣльцовъ, которые такимъ образомъ наживаютъ миллионы, чтобы потомъ своимъ богатствомъ васъ же давить. Повѣрь мнѣ, старина Помье, въ табачную лавку входи только затѣмъ, чтобы закурить трубку. Если бы ты захотѣлъ затѣять лотерею съ товарищами, чтобы поставить фабрику на товарищескихъ началахъ, тебѣ бы, навѣрно, не разрѣшили. Спрячь же твои двадцать су, слѣлай на нихъ, что хочешь, купи хоть куклу твоей дѣвчонкѣ или распей бутылочку со мною, — это куда выгоднѣе!

И послѣ такой блестящей рѣчи Патерно отпраплялся играть на скачкахъ.

— Это вовсе не одно и то же, дядя Помье — объяснял краснорѣчивый рабочій. — Пари — это трудъ. Лошадь — она, вѣдь, существуетъ. Это своего рода промышленность или торговля какая-нибудь. Ставить деньги на лошадь, — это все равно, что я, напримѣръ, производилъ или скупалъ бы что-нибудь съ тѣмъ, чтобы потомъ перепродать. Понимаешь, дядя Помье?..

Дядя Помье не очень хорошо понималъ, хотя въ одномъ

пунктъ Патерно былъ правъ: скачки, дѣйствительно, были для него трудомъ. Онъ всегда среди той толпы, что штурмомъ беретъ кареты, фэтонны, шарабаны, повозки, вагоны, среди тысячъ и тысячъ людей, то серьезныхъ, озабоченныхъ и мрачныхъ, то лихорадочно смѣющихся, которые съ искаженными лицами, поглощенные идее fixe бѣгутъ на скаковое поле, точно на поле битвы.

При видѣ этой толпы, бѣгущей въ одномъ направленіи, торопящейся скорѣе прибыть на мѣсто, можно подумать, что это манифестанты, очень дисциплинированные, стойкіе, мирно выражающіе самое твердое рѣшеніе, самую непреклонную волю. Но зачѣмъ собрались они? Куда они спѣшатъ? У нихъ нѣтъ ни знаменъ, ни флаговъ съ ярко написанными лозунгами горячо желаемой реформы. Собрались ли они, чтобы торжественно привѣтствовать идею или почтить въ годовщину смерти какого нибудь великаго человѣка? Къ могилѣ какого ученаго, поэта или государственнаго мужа спѣшатъ они? Идутъ ли они навстрѣчу народному оратору или побѣдоносному генералу? Порою они передаютъ другъ другу записочки, на которыхъ написаны пароли, или обмѣниваются короткими фразами, въ которыхъ звучатъ славныя выразительныя имена: Баяръ, Верцингеториксъ, Альбионъ. Особенно часто слышно имя Альбионъ. Повидимому, толпа горитъ ненавистью къ Англіи.

Вотъ какъ этотъ живой народъ съ героическимъ прошлымъ, съ бурной исторіей, употребляетъ свои познанія на азартную игру и спекуляціи коннозаводчиковъ, подъ предлогомъ улучшения конской породы.

Скачки, происходящія обыкновенно по воскресеньямъ, заполняютъ всю недѣлю и служатъ предметомъ разговоровъ въ общественныхъ мѣстахъ, дома, въ мастерскихъ, въ кофейняхъ, кабачкахъ, на улицѣ и въ убогой квартиркѣ рабочаго. Всюду провозносятся имена лошадей, отовсюду заработанныя упорнымъ трудомъ серебряныя монеты уходятъ туда, къ заманчивому полю скачекъ, гдѣ несутся голопомъ изящныя, красивыя животныя, ставшія идолами цѣлаго города.

Патерно постепенно пріучается, такимъ образомъ, рассчитывать на то, что перепадетъ отъ спорта, а потомъ его ослѣпляютъ нѣсколько значительныхъ выигрышей и короткіе промежутки, когда ему везетъ въ игрѣ. Теперь онъ убѣжденъ, что нашелъ лучшее средство времяпрепровожденія и самое справедливое вознагражденіе за трудъ. Онъ дошелъ до того, что свое присутствіе на скачкахъ рассматриваетъ, какъ единственное занятіе, отнынѣ достойное его особы. Подобно привратницѣ онъ сдѣлался страстнымъ игрокомъ, который живетъ лишь

лихорадочной игрой, и напрасно, вернувшись со скачекъ въ Anteuil или Longchamp, онъ съ высоты своего величія бросаетъ презрительные взоры на г-жу Бенаръ, занятую переключиваніемъ билетовъ и взвѣшиваніемъ шансовъ на выигрышъ. Онъ вполне уподобился ей.

Свадьба.

Самая веселая и пріятная сцена, разыгравшаяся передъ Сесиль—была свадьба Юліи, дочери прачки, которая жила въ переулкѣ Ронсъ, выходящемъ на улицу Аманде. Юлія училась вмѣстѣ съ Селиной въ школѣ и, до сихъ поръ оставаясь подругой съ обѣими сестрами, не преминула пригласить ихъ на вѣнчанье и на свадебный обѣдъ. Послѣ нѣкотораго колебанія мать согласилась доставить дочерямъ столь желанное удовольствіе.

Въ эту субботу Селина и Сесиль добрый часъ караулили появленіе кареты и пристально всматривались горящими отъ нетерпѣнія глазами въ шумѣвшую даль пробуждающейся улицы. Наконецъ, большой фургонъ, запряженный тройкой сильныхъ лошадей, съ разодѣтымъ кучеромъ, остановился передъ домомъ. Обѣ дѣвушки живо спустились внизъ, едва отвѣчая на послѣднія наставленія матери.

У воротъ уже стояла толпа, узкій коридоръ былъ запруженъ кумушками, жаждавшими полюбоваться бальными туалетами барышень, отправлявшихся на свадьбу. На обѣихъ сестрахъ были легкія изъ темно-синяго съ бѣлыми горошинами фуляра платья и бѣлыя соломенные шляпы съ гирляндой розъ. Хотя онѣ были совершенно одинаково одѣты, костюмъ Селины, казался болѣе моднымъ, болѣе наряднымъ, благодаря тамъ и сямъ пришитой кружевной отдѣлкѣ. Видно было, что она собралась на свадьбу. Сесиль же имѣла скорѣе видъ дѣвочки, которая идетъ на школьный актъ за наградой.

Быстро прошли онѣ мимо любопытной толпы и взобрались въ повозку, сопровождаемая привѣтами и восклицаніями. Селина, кокетливая и тщеславная, какъ всегда, желала показать публикѣ, что ея туалетъ снизу такъ же безукоризненъ, какъ и сверху, и гордо приподняла, болѣе, чѣмъ быслѣдовало, волну юбокъ, и изъ подъ нихъ показались тонкія круглыя ножки, гладко обтянутыя красивыми чулками.

— Стройная дѣвушка,—сказала одна изъ кумушекъ,—и бѣдовая же!

Изъ своего окна мать смотрѣла на отъѣздъ дочерей. Ея глаза встрѣтились съ Сесиль. Селина же торжествовала и не

замѣчала никого, кромѣ самой себя, уносясь въ шарабанѣ, точно въ триумфальной колесницѣ. Кучеръ то и дѣло щелкалъ бичомъ. Лошади бѣжали ровной рысью. Сестры были однѣ въ экипажѣ. Наканунѣ у невѣсты было рѣшено, что сперва заѣдутъ за ними въ ихъ улицу Бельвиль.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила Селина.

— Къ г-жѣ Фрикэ, на Chaussée-Ménilmontant.

Вскорѣ экипажъ остановился передъ скромнымъ домомъ. Ждали довольно долго; наконецъ, вышла дама въ сѣрыхъ и лиловыхъ перьяхъ, затаенная, точно въ кирассу, въ шелковое сѣрое платье, украшенное стальнымъ бисеромъ. Длинная золотая цѣпочка обвивала ея шею и грудь. Она нацѣпила на себя, по случаю торжества, всѣ свои драгоценности—оправленные въ золото гранаты, кольца, браслеты, серьги и брошки. Она привѣтливо улыбнулась молодымъ дѣвушкамъ и, въ качествѣ воспитанной особы, первая привѣтствовала ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Намъ суждено провести вмѣстѣ сегодняшній день... Здравствуйте, барышни!

— Здравствуйте, сударыня, — отвѣтили обѣ дѣвушки въ одинъ голосъ.

— Вы видѣли вчера невѣсту? Какая прелестная дѣвушка! Я бываю у ея матери уже лѣтъ двадцать, да и отца ея знаю. Это очень почтенные люди, и они вполне заслуживаютъ то счастье, которое имъ выпало... Что вы скажете о моей шляпѣ? Это одна изъ моихъ жиличекъ помогла мнѣ ее выбрать. Я находила, что шляпа для меня немного молода. Она же мнѣ сказала: «Ну что-жъ, г-жа Фрикэ, рано еще вамъ въ пятьдесятъ девять лѣтъ въ старухи записываться!»

— Это сама хозяйка дома, — шепнула на ухо Сесиль восхищенная Селина.

— Или привратница, — пробормотала болѣе недовѣрчивая Сесиль.

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было утверждать съ увѣренностью. Мода царить въ предмѣстьяхъ, какъ и повсюду, и всѣ женщины одинаково наряжаются, — какъ ихъ распознать? Повозка покатила дальше по улицѣ Делетръ и остановилась передъ винной лавкой. Маленькая женщина, розовая, круглая, точно куколка, съ вздернутымъ носикомъ, съ колышущейся, какъ желатинъ, грудью, едва осмѣливаясь пошевелинуться въ вышитомъ шелковомъ платьѣ, взошла въ шарабанъ. Бархатная шляпа à la Рембрандтъ съ длиннымъ чернымъ перомъ отгнѣняла ея лицо. Руки были затянуты въ бѣлыя перчатки безъ одинаго пятнышка. Кучеръ хотѣлъ тронуться.

— Подождите!— сказала она съ сильнымъ овернскимъ акцентомъ,— мой мужъ запираетъ лавку, онъ сейчасъ придетъ... Эй! Шантаньякъ, тебя ждутъ дамы.

Повернувъ послѣдній разъ ключъ въ замкъ и бросивъ послѣдній взглядъ на ставни, Шантаньякъ сѣлъ рядомъ съ женою. Въ скюртукѣ, въ цилиндрѣ, съ гладко выбритой верхней губой и черной бородкой подъ подбородкомъ и золотыми серьгами въ ушахъ, онъ имѣлъ видъ челоуѣка скрытнаго, не произносилъ ни слова и, видимо, чувствовалъ тебя неловко въ праздничномъ одѣяніи. Жена безпрестанно наклонялась къ нему и, шепелявя, довольно громко говорила:

— Я очень рада, Шантаньякъ, что сегодня такая хорошая погода,— намъ, вѣдь, такъ рѣдко приходится выѣзжать!..

Наконецъ, экипажъ вѣхалъ черезъ улицу Аманде въ глухой переулочекъ Ронсъ. Тамъ-то жила невѣста. Лотки зеленщицъ загораживали проходъ. Что дѣлать? Но люди изъ народа всегда помогаютъ другъ другу, когда нужно повеселиться, и телѣжки переѣхали на другія мѣста. Всѣ сосѣди высунулись въ окна. Предстояло видѣть такое зрѣлище, какъ свадебный поѣздъ, а, помимо того, и невѣста была симпатична. Она родилась въ этомъ переулкѣ, ее знали ребенкомъ и видѣли, какъ она постепенно подрастала; она поэтому почти въ такой же мѣрѣ принадлежала кварталу, какъ и своей матери. Это была дѣвушка хорошаго поведенія, трудолюбивая, и ее любили больше, чѣмъ мать, потому что она не была крикуней и сплетницей, какъ грубая прачка, огромная и крѣпкая, какъ ярмарочный атлетъ, съ крикливымъ голосомъ, сварливая и драчливая.

Если ея мать не любили, то зато уважали, потому что ее боялись. Ей уступили мѣсто, какъ только она показала изъ своей прачешной, съ видомъ старой королевы карнавала, сохранившей свое прежнее величіе.

— А гдѣ ваша дочь?

— Ну ее! Все еще возится тамъ со своими тряпками!

Никто не осмѣливался пикнуть, опасаясь, чтобы она не истолковала какъ-нибудь вкривь его словъ. Она влѣзла въ повозку, приняла привѣтствія отъ Селины и Сесиль, приглашенныхъ ея дочерью, внимательно осмотрѣла Фрикэ и Шантаньяковъ,— съ ними она не была знакома; ихъ пригласилъ женихъ, и они жили на другой улицѣ. Подлѣ нея помѣстился мужъ ея, старый и крѣпкій лакей изъ кафе.

— Отецъ, садись вотъ здѣсь, — сказала она ему, — садись же! Ты имѣешь такое же право на это мѣсто, какъ и другіе.

Другіе—это была «сторона» жениха, и она такъ таращила

на нихъ глаза, что имъ становилось страшно. Ея приглашенные тоже постепенно приходили—рабочіе, работницы, приказчики, лавочники. Слышались возгласы: «Милый!.. Милая!.. Дорогая моя!.. Кроликъ!..»

Послѣдней явилась женщина съ плоскимъ, какъ тарелка, профилемъ. Въ толпѣ называли ее «волчонкомъ». Она казалась общимъ баловнемъ.

— А Жасминъ?.. Гдѣ твой Жасминъ?..

Всѣ женщины освѣдомлялись объ ея Жасминѣ.

Г-жа Фрикэ, хотя не была изъ того же «общества», вѣжливо намекнула, что жасминъ можно будетъ найти у первой цвѣточницы. «Сторона неvěсты» презрительно посмотрѣла на нее. Она поняла, что не попала въ тонъ.

— Вотъ онъ! вотъ онъ!..

Въ ту же минуту на подножку вспорхнулъ толстый блондинъ, не въ мѣру расфранченный, съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Жасминъ, толстячокъ Жасминъ! Сокровище мое! Мой любимчикъ!—раздавались женскіе голоса.— Сюда, сюда, подлѣ меня!

Его разрывали на части. Жасминъ усѣлся возлѣ незнакомой ему г-жи Шантаньякъ, которая, очевидно, была въ его вкусѣ.

— Ахъ! Жасминъ обидѣлъ насъ!—хныкали женщины.

А Жасминъ ухмылялся въ свой тройной подбородокъ.

— Ты не ревнуешь, что твой мужъ ухаживаетъ за незнакомой тебѣ женщиной?

— Ну, вотъ еще! Вѣдь, сегодня—свадьба!.. И мнѣ наплевать,—все равно вечеромъ онъ опять со мною будетъ.

Благодаря Жасмину, ледъ растаялъ, и всѣ перестали отличать «сторону» жениха отъ «стороны» неvěсты. Скоро всѣ сблизились между собою.

— Невѣста! Невѣста! — стали выкрикивать мѣрнымъ тактомъ.

— Чортъ возьми, она никогда не соберется,—крикнула мать, вытирая крупныя капли пота.

— Никакъ не можетъ наговориться со своимъ женихомъ и друзьями!.. Отецъ, пойдика посмотри.

Наконецъ, показалась неvěста. Она была красива: здоровая простая дѣвушка съ ясными карими глазами, наивными, но рѣшительными. Хотя ей было всего двадцать лѣтъ, но ей можно было дать всѣ двадцать пять. Она вступала въ жизнь, точно выходила на улицу, уже зная ее. Трудъ и заботы были ей знакомы. Она выглядѣла женщиной, вполне созрѣвшей для материнства. Несмотря на мягкія черты лица, въ углахъ рта

лежала складка горечи, лицо дышало разсудительностью, и видно было, что она ко всему относилась критически и чисто женски умѣла отбиваться отъ нападеній.

— Да здравствуетъ невѣста!

Она поднялась на шарабанъ и заняла предложенное ей почетное мѣсто, а женихъ сѣлъ рядомъ. Онъ ничѣмъ не выдѣлялся; это былъ обыкновенный миловидный молодой рабочий, на которомъ трудъ уже наложилъ свой отпечатокъ.

Когда экипажъ тронулся, еще разъ раздалось то же привѣтствіе:

— Да здравствуетъ невѣста!

Рысью направились къ меріи. Но не отѣхали и двѣсти метровъ, какъ всѣхъ начала мучить жажда. Первой стала жаловаться мать невѣсты.

— У меня въ глотѣѣ пересохло!—сказала она.

Муки жажды овладѣли всѣми. Остановились передъ кабакомъ. Приглашенные остались на мѣстахъ. Вино и стаканы подали въ экипажъ. Одна только невѣста отказалась; она никогда не пила ничего, кромѣ воды.

— Мокрая курица,—сказала мать,—или, вѣрнѣе,—утка... Не удивительно, что у тебя такія блѣдныя губы.

Женихъ выпилъ свою долю. Въ меріи, совсѣмъ новымъ зданіи на площади Пиренеевъ, собралась довольно большая толпа. Только первые ряды могли слышать слова мера и два «да». Всѣ прошли мимо молодыхъ, поздравляя ихъ, и бросились на противоположную сторону улицы въ ресторанъ выпить за здоровье новобрачныхъ. Возліянія могли бы длиться долго; тѣ, что были больше другихъ навеселѣ, начинали уже декламировать и пѣть и нужно было нѣкоторыхъ силой отвести къ дамамъ, которыя уже сидѣли въ экипажѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣли на этихъ гостей, не умѣющихъ прилично вести себя въ обществѣ.

Изъ меріи поѣхали въ церковь. Послѣ мера въ трехцвѣтномъ шарфѣ, обрядъ долженъ былъ закончить священникъ въ стихарѣ и эпитрахили. Онъ не скоро пришелъ. Поднялся смѣхъ, шутки.

— Тсс... вотъ онъ!

Священникъ быстро прошелъ черезъ всю церковь, вошелъ въ маленькій придѣлъ съ правой стороны, посвященный Св. Севастьяну, гдѣ стояла статуя мученика изъ выкрашеннаго гипса, пронзенная дротиками. Обрядъ окончился быстро: священнику нужно было переходить изъ придѣла въ придѣлъ, чтобы благословить скромныя брачныя пары, ожидавшія тамъ согласія церкви на ихъ союзъ. Нѣсколько фразъ по-латыни, сборъ де-

негъ на серебряномъ блюдѣ, нѣсколько ударовъ жезломъ церковнаго сторожа въ полъ—вотъ и церемонія. Все было окончено. Теперь въ ресторанъ. Было двѣнадцать часовъ.

На этотъ разъ размѣстились въ экипажахъ, какъ хотѣли: всѣ уже успѣли перезнакомиться. Тѣмъ не менѣе всѣ дамы хотѣли сидѣть подлѣ Жасмина. Его маленькіе сѣрые глазки, большой животъ, крупное сложеніе, увѣренность, съ которою онъ говорилъ, подмигивая глазомъ, что «онъ-то знаетъ толкъ», завоевали всѣ сердца. Пришлось вмѣшаться самой невѣстѣ, чтобы водворить порядокъ. Тѣ, кому пришлось уступить, жалобно вздыхали, охали, стонали, точно ягята, разлученные съ матерью. Онѣ утѣшались, осыпая ласками хоть жену Жасмина, которая имъ владѣла.

Такъ подѣхали къ ресторану, на которомъ красовалась вывѣска «Сто тысячъ приборовъ». Въ праздничной залѣ, передъ громаднымъ столомъ, началось всеобщее лобзаніе. Неумолчно раздавались замѣчанія относительно туалетовъ, красоты невѣсты, симпатичнаго вида и порядочности жениха. Дамы спросили у лакея, гдѣ можно «вымыть руки». Въ узенькомъ закоулкѣ, гдѣ пахло камфорой, онѣ пудрили лица жирной пудрой съ мускуснымъ запахомъ, вбивали волосы, подтягивали подвязки, все время дѣлая другъ другу комплименты относительно вкуса ихъ туалетовъ.

Селина, безъ сомнѣнія, была самая привлекательная, но она не совсѣмъ еще была довольна своимъ лицомъ; поэтому она зажгла спичку, потушила ее, заострила пальцами обуглившіяся кончикъ и, подойдя къ зеркалу, подвела глаза и почернила брови и рѣсницы. Затѣмъ въ ходъ былъ пущенъ красный карандашъ, которымъ она осторожно провела по рту, оживила двумя мазками краску губъ и спрятала футлярчикъ въ карманъ. Наконецъ, пуховка смягчила рѣзкость краски.

— Экая шельма! — говорили дамы.

Съ видомъ полного удовлетворенія Селина хлопнула себя по бедрамъ и выпрямила талію, чтобы показать, что она во всѣхъ отношеніяхъ хороша... Госпожа Фрика, которая не умѣла сдержатъ своего восторга, громко восхищалась дѣвушкой, выразивъ это въ слѣдующемъ заключеніи:

— Ахъ, моя прелесть, вамъ только ренты не хватаетъ.

Ни малѣйшаго украшенія не было на длинномъ столѣ; даже букетъ живыхъ цвѣтовъ не оживлялъ его. Ничего, кромѣ бѣлыхъ цвѣтовъ въ голубой хрустальной вазочкѣ, которая подавалась въ ресторанѣ для букетовъ всѣхъ невѣстъ. Грубые тарелки и толстые стаканы были разставлены для этихъ наивныхъ людей, которые гораздо вкуснѣе обѣдали у себя дома,

но для которыхъ одна мысль о томъ, что они на свадьбѣ, была уже большимъ удовольствіемъ. Сардинки, ломтики колбасы, редиска—какъ все это было красиво! А рыба поданная порціями, съ какимъ то сѣроватымъ соусомъ! Нѣкоторые рискнули попросить вторую порцію, но больше не оказалось. Мать невѣсты жаловалась, что вина разливали очень скупо, и велѣла позвать хозяина, но онъ счелъ благоразумнымъ не явиться.

Время отъ времени невѣста поднимала глаза на жениха который сидѣлъ противъ нея. Ея славные глаза выражали счастье новой жизни: не будетъ больше пощечинъ, грубо наносимыхъ материнской рукой, то слишкомъ ласковой, то слишкомъ сердитой. Упреки и крики женщины, ревновавшей своего красиваго мужа, переходили иногда въ истеричныя грубости. Отецъ Юліи былъ ласковъ съ нею, но передъ своей бѣшеной мегерой онъ робѣлъ. Теперь Юлія избавится отъ всего этого и не будетъ уже плакать отъ огорченій по цѣлымъ днямъ. Конечно, трудно будетъ справиться вначалѣ съ хозяйствомъ, но, вѣдь, эти трудности всѣмъ приходится переживать! Были бы только работа да здоровье, дѣтки и хорошій мужъ у нея, благо-разумной и экономной работницы — вотъ ея мечта; разбогатѣть, правда, отъ этого нельзя, но, по крайней мѣрѣ, концы съ концами можно сводить.

Онъ тоже временами посматривалъ на нее съ улыбкой, но никакихъ думъ о будущемъ не приходило ему въ голову; въ немъ пробуждалось только вождельніе новобрачнаго, ожидающаго ночи. Всѣ расчеты на эту женщину, необходимую въ его рабочей жизни, онъ произвелъ раньше, чѣмъ сдѣлать ей предложеніе. Завтрашній день слишкомъ скоро принесетъ свои скорби; незачѣмъ думать о нихъ уже теперь.

Сесиль наблюдала. Она не принимала участія ни въ болтовнѣ, ни въ весельѣ. Ее учили тому, что всѣ мужчины и женщины— ея братья и сестры, но она догадывалась, что не всѣ ихъ отношенія были братскими. И съ какими разнообразными отношеніями ей приходилось сталкиваться! Она видѣла, что невѣста стремится отвѣдать счастья, но мужъ врядъ-ли способенъ слѣдовать за нею, и въ молодой головкѣ рождается мысль, что сама судьба беретъ на себя заботу распределять людей и что большинство изъ нихъ принимаетъ свою участь безъ разсужденія, безъ всякаго желанія.

На жаркое была подана роскошная, золотистая, вкусно за-жаренная баранина. Появленіе ея всѣ громко привѣтствовали. Когда всѣ ею полюбовались, она была возвращена лакеямъ, которые ее разрѣзали и роздали приглашеннымъ по куску блѣдно-синеватаго мяса, чуть теплаго и бевкуснаго; къ счастью, въ при-

дачу былъ салатъ, сильно приправленный чеснокомъ. Потомъ послѣдовалъ сыръ и пирожныя, кофе и графины съ ликерами. Шумъ разростался. Всѣ гости стали пѣть по очереди: романсы, куплеты изъ оперетокъ, грустныя мелодіи, двусмысленныя пѣсенки. Г-жа Фрикэ плакала, вспоминая свою молодость, и качала въ тактъ головой. Другія расчувствовались отъ томныхъ романсовъ, иные же стали развязнѣе отъ двусмысленныхъ куплетовъ. Сесиль спѣла пѣсенку пастушки, которую она когда-то выучила въ школѣ. Селина же съ большой претензіей напѣвала, покачивая шеей и бедрами, слова плавнаго вальса, производившаго фуроръ въ предмѣстьѣ. Послѣ пѣнія почти всѣ накиннулись на Жасмина. Затѣмъ женщины придумывали обмѣниваться своими мужьями для невинныхъ игръ, заканчивающихся долгими поцѣлуями «взасось». Глаза, казалось, смѣялись лишь для того, чтобы скрыть внутреннее волненіе. Если кто-нибудь переступалъ границу, благоразумные призывали его къ порядку и призывали въ свидѣтели жену слишкомъ ласкаемаго мужа. Сесиль усѣлась въ углу. Селина съ интересомъ и жадностью слѣдила за игрой, въ которой ей очень хотѣлось принять участіе.

Наступилъ часъ отъѣзда; подали шарабанъ. Мужчины пожимали руки прислуживавшимъ имъ лакеямъ; хозяинъ пришелъ проводить гостей. Ему пришлось выслушать упреки матери невѣсты, которая жаловалась на недостатокъ вина за обѣдомъ, стоившимъ три франка съ человѣка. Однако, компанія была все-же достаточно на-веселѣ.

Лошади лѣниво бѣжали. Всѣ голоса смѣшались въ одинъ олушительный крикъ. Всю дорогу вдоль внѣшнихъ бульваровъ шутили и смѣялись; женщины посылали поцѣлуи какому-то встрѣчному красивому brunetu, мужчины приглашали блондинку, переходившую черезъ улицу. Наконецъ, подѣхали къ воротамъ Булонскаго лѣса. Веселье не знало границъ. Это былъ настоящій праздникъ...

Камло вскакивали на подножки экипажа, предлагая за два су бѣлыя и золотыя розетки съ миртою по серединѣ; всѣмъ захотѣлось имѣть эти розетки—эмблему сближенія. На аллеѣ Акацій встрѣтился точно такой же свадебный поѣздъ. Съ общаго согласія, остановились, всѣ слѣзли на землю, поздравляли другъ друга, знакомились, мѣнялись розетками. Барскіе экипажи слѣдовали другъ за другомъ съ медленностью похоронной процессіи. Затѣмъ показалась карета, запряженная парой великолѣпныхъ, горячихъ лошадей, которыми управлялъ кучеръ съ двойнымъ подбородкомъ, державшій кнутъ съ бѣлымъ букетикомъ и бантикомъ изъ бѣлыхъ лентъ.

— Вотъ еще одна невѣста! Какая шикарная!

И сидѣвшіе въ шарабанѣ стали бросать розетки въ открытое окно кареты. Обѣ невѣсты, охваченныя однимъ чувствомъ женской гордости, смѣрили другъ друга быстрымъ взглядомъ, сравнивая себя.

— О, какъ она красива! — заголосили всѣ. — А экипажъ! Браво, невѣста!

Но шикарная невѣста отвернулась со смущеннымъ видомъ, а ея мужъ шумно захлопнулъ окно.

— Вишь ты, какой спѣсивый! Есть чѣмъ чваниться — подумаешь! — кричалъ какой-то голосъ.

— Смотрите, смотрите, еще одна... Однако, сколько ихъ сегодня! Да здравствуетъ невѣста!

Но эту невѣсту нельзя было разсмотрѣть; вся закутанная въ фату, она сидѣла въ глубинѣ кареты. Ея мужу, веселому, живнерадостному человѣку, эта встрѣча показалась забавной и онъ захотѣлъ позабавиться. Обтянутой въ бѣлую перчатку рукой онъ покровительственно махалъ этимъ простымъ людямъ, которые воображали, что ихъ привѣтствуетъ въ Булонскомъ лѣсу важный господинъ.

Шарабанъ переѣхалъ мостъ Сень-Клу. Опять захотѣлось выпить. Къ большимъ ресторанамъ не подѣвжали, а пошли отыскивать кабачокъ. Одни пили за стойкой, другіе за столиками. Тѣ, что были на-веселѣ, дѣлали видъ, что хотятъ сами наливать себѣ и могутъ обойтись безъ услугъ хояина.

— Нѣтъ, господа, этакъ черезъ недѣлю пришлось бы закрыть лавочку.

Вошли въ паркъ. Подъ навѣсомъ одного ресторана, раскинутымъ на открытомъ воздухѣ, пили настойки «для аппетита» подъ звуки оркестра музыки. «Свадьба» побѣжала къ музыкантамъ. Въ одинъ мигъ дамы выбрали кавалеровъ. Передъ толпой, сидѣвшей за столиками, среди пыльной дороги, безъ тѣни, вальсировали пары. Онѣ никогда не думали о такой удачной находкѣ! Оркестръ, и настоящій!.. За танцами слѣдовала прогулка по парку. Стали собирать букеты. Самый простенькій цвѣточекъ имѣлъ свою прелесть для нихъ, привыкшихъ къ мостовой Парижа. Потомъ завладѣли каруселью съ деревянными лошадками. Энтузіазмъ дошелъ до апогея. Гости бѣшено завертѣлись, воображая себя на чистокровныхъ рыскахъ, несущихся по лѣсу.

Всему приходитъ конецъ, — къ заходу солнца надо было вернуться. Въ концѣ Chaussée de Ménilmontant всѣ разстались, общая другъ другу снова увидѣться и никогда не забывать другъ друга: на всю жизнь сдѣлались друзьями. Селину и Се-

силъ, какъ и всѣхъ гостей, отвезли домой въ экипажѣ, а новобрачные подъ руку отправились на квартиру, гдѣ должна начаться для нихъ скромная, но глубокая драма жизни.

Послѣ свадьбы.

Сесиль увидѣла Юлію только два года спустя, въ одинъ день, когда она хотѣла, какъ и ея подруги, подарить своей хозяйкѣ, г-жѣ Боссъ, горшокъ цвѣтовъ по случаю дня ея рожденія. Что сегодня день ея святой, можно было видѣть по ея имени Луиза, четко выведенному мѣломъ на грифельныхъ доскахъ у дверей цвѣточныхъ магазиновъ, и цвѣтамъ, наполнявшимъ телѣжки и кіоски и предлагавшимся прохожимъ. Многія безработныя, вовсе не цвѣточницы по профессіи, покупали этотъ товаръ на скопленные или взятые займы нѣсколько су.

Сесиль искала самыхъ свѣжихъ цвѣтовъ и облюбовала горшокъ вервены. Глаза ея вопросительно посмотрѣли на цвѣточницу.

— Да это Юлія! Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ видите, Сесиль!

— Значить, вы уже не прачка?

— Нѣтъ, я попрежнему прачка. Но въ прачешной не всегда работа есть. Конкуренція сильная, и кліенты такъ часто мѣняютъ квартиры. Многіе скряжничаютъ, плохо платятъ или вовсе не платятъ... Я купила маленькое прачешное заведеніе, но такъ трудно за него выплачивать, особенно когда мой мужъ безъ работы, а это часто бываетъ...

— Бѣдная Юлія! Вотъ ужъ два года я васъ не видѣла. Вы простите, пожалуйста, что я не пришла къ вамъ послѣ свадьбы. Я теперь тоже очень занята; ухажу изъ мастерской поздно. Когда можно, я работаю часъ или два сверхсрочныхъ, за которые даютъ особую плату. По воскресеньямъ у насъ общая уборка, и у меня едва хватаетъ времени что-нибудь пошить для себя.

— Ахъ, не такъ живешь, какъ хочется, — не такъ-ли, Сесиль? Въ праздникъ мой мужъ встаетъ рано, идетъ на главный рынокъ купить мнѣ цвѣтовъ. Когда нѣтъ дождя, торговля идетъ хорошо. Я зарабатываю вдвое больше, чѣмъ работая у себя дома, а Августу въ одинъ день удается получить больше, чѣмъ за недѣлю работы у переплетчика, которая вообще не много приноситъ.

— А онъ не вмѣстѣ съ вами продаетъ?

— Нѣтъ, онъ торгуетъ тутъ неподалеку, на внѣшнемъ

бульварѣ. Онъ беретъ на себя вазоны—ихъ тяжело носить, зато они больше приносятъ.

— Что же, вы счастливы въ семейной жизни, Юлія?—спросила съ участіемъ дѣвушка.

— Да, Августъ хорошій человекъ и очень любитъ меня. Онъ работающій, но мало быть хорошимъ работникомъ, нужна еще работа. Теперь столько рабочихъ стекается въ Парижъ отовсюду! Я научила его моему прачешному ремеслу. И вотъ, когда у него нѣтъ работы, онъ мнѣ помогаетъ. Онъ стираетъ крупное бѣлье, и мы вмѣстѣ гладимъ.

— Есть у васъ дѣти?

— Одинъ ребенокъ! И такой славный! Теперь онъ у моей свекрови.

— А ваша мать?

— Мы съ ней поссорились. Она приходила ко мнѣ и изъ-за пустяковъ дѣлала сцены. Однажды она меня избивала, точно бы я еще была у нея; Августъ взялъ ее за плечи и вытолкалъ вонъ.

— Она всегда была злая?

— Не злая, а нервная, но отъ этого не легче.

— Вы выглядите хорошо, Юлія! Вы окрѣпли.

— Это ужъ не по моей винѣ. Я столько горя испытала!.. У насъ раньше, до этого, былъ ребенокъ — тоже мальчикъ. Онъ умеръ, какъ только родился: акушерка не присмотрѣла... Это было намъ очень тяжело... Мы такъ радовались ему. Я уже все приготовила для него. Г-жа Фрикэ—вы помните ее?—подарила мнѣ много бѣлья, которое она получила отъ одной своей жилички. Не новое, конечно, но съ кружевами. И мамаша, которая должна была быть его крестной, подарила мнѣ прекрасное платье изъ бѣлаго кашемира, все обшито тесьмой... Бѣдный малютка... Когда я попросила, чтобы мнѣ его показали, то не захотѣли, потому что онъ былъ мертвый, но я все же положила его на кровать подлѣ себя, и онъ пролежалъ до тѣхъ поръ, пока его взяли, чтобы отвезти на кладбище. Когда принесли гробикъ, положили на мою хорошенькую подушечку, одѣли въ то платье, которое онъ долженъ былъ надѣть на свое крещеніе, и понесли его,—и никто изъ насъ не могъ пойти проводить его: мужъ долженъ былъ за меня работать, пока я лежала.

— Бѣдная Юлія! Но теперь у васъ другой есть?

— Да! И вылитый портретъ перваго; можно подумать, что это тотъ же самый!

— Можетъ быть, Юлія!

И Сесиль ушла, унося свой горшокъ вервены.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Таежная встрѣча.

РАЗСКАЗЪ.

Въ тѣсной и грязной горницѣ старой покосившейся избушки сидѣло у окна двое мужчинъ. Одинъ, хозяинъ, представлялъ собою сутулаго человѣка въ блузѣ и поршняхъ, съ короткими включенными волосами. На лицѣ его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ произвело сильное опустошеніе въ видѣ грубыхъ морщинъ, мѣшковъ подъ глазами и малиноваго налета на всѣхъ выдающихся частяхъ физиономіи; бритый подбородокъ, щетиnistые усы и вольное отношеніе къ предрассудкамъ указывали на то, что хозяинъ хаты долго теръ солдатскую лямку. Другой былъ молодой, въ грязной коломажковой блузѣ и высокихъ сапогахъ, прохожій, по фамиліи Черновъ, а по занятію—исключенный за безпорядки съ четвертаго курса горнаго института студентъ. Онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу на лавкѣ у низкаго окна и задумчиво крутилъ усъ, покусывая его кончикъ. Веселыя мухи съ громкимъ жужжаніемъ летали мимо его носа, уносясь со свойственнымъ имъ извилистымъ полетомъ изъ душной горницы на прохладный ночной просторъ улицы.

Чернова занесла въ эту труппу нелегкая. Какой то предприниматель изъ новыхъ, задумавшій разрабатывать въ сѣверной части Зауралья руду, да золотыя россыпи, далъ ему мѣсто. Этотъ аферистъ сидѣлъ въ Петербургѣ, манималъ служащихъ и распускалъ слухи о своихъ затѣяхъ, рассчитывая найти простоватыхъ людей съ капиталомъ. Черновъ, не имѣя разрѣшенія жить въ столицѣ, оставшись безо всякихъ средствъ, съ радостью ухватился за предложенное мѣсто, получилъ отъ афериста малую толику денегъ на дорогу и, долго не думая, махнулъ на край свѣта. Теперь ему приходилось раскаиваться. Рудники и россыпи сущест-

вовали только на словахъ, т. е. была и руда, было и золото, но все въ такомъ количествѣ, что не оправдывало возлагаемыхъ на то ожиданій. На мѣстѣ были подряженныя рабочіе, кое какіе служащіе, но такъ какъ ни самъ аферистъ, ни обѣщавшій управляющій не являлись и скоро перестали даже выплачивать жалованье и выдавать провіантъ, то люди стали разбредаться. Черновъ тоже ждалъ, ждалъ и, убѣдившись, наконецъ, что дѣло—табакъ, тронулся въ дорогу. Сегодня онъ добрался пѣшкомъ до Всеволодскаго, захудалаго селенія, въ которомъ когда то существовалъ заводъ, но оскудѣніе руды прекратило его дѣятельность, и разрушившіеся остатки его зданій и трубы живописно рисовались чернымъ силуэтомъ на фонѣ темнаго неба. Пришелъ Черновъ поздно, къ ночи, почевать его никто не пускалъ, пока онъ не набрелъ на избушку Миронова. Отставной солдатъ выдалъ виды на своемъ вѣку и радушно распахнулъ ему скрипучую дверь своего обиталища.

На столѣ стоялъ потухшій самоваръ, крышка молока, валялась краюха хлѣба, и плылъ въ кривомъ подсвѣчникѣ сальный огарокъ, который солдатъ торжественно зажегъ послѣ того, какъ долго ковырялъ гвоздемъ въ повеленѣвшемъ шамдалѣ.

— Эту дорогу я знаю, ты мнѣ расскажи другую, которая черезъ Уралъ,—прервалъ молчаніе Черновъ.

— Другой дороги нѣту. Тропа есть, это точно, да заросла,—отвѣтилъ хозяинъ хриплымъ голосомъ, и обрѣзгое лицо его съ глубокими морщинами поперекъ лба показалось въ эту минуту Чернову похожимъ на морду стараго и добродушнаго отъ дряхлости мопса.

— Тесины ¹⁾ есть, поди тоже заросли,—продолжалъ солдатъ.—Наши тутъ недалече ходятъ, на покосы, а насквозь то рѣдко кому случается. Годовъ пять или поболѣ будетъ, пошелъ одинъ, такъ заблудился; нашли его: лежитъ въ лѣсу—кости да топоръ только и остались. Второе дѣло—медвѣдь, да ишло монѣшнимъ лѣтомъ бѣглые шляются, сказывали намедни ребята, видѣли,—золото, што ли, въ тайгѣ мочтъ. Таперя рассуди, какъ одному иттить. Одинъ не пойдешь, а пойдешь—пропадешь. Опять, ежели проводника, такъ сичасъ покосъ, не поидеть никто, за деньги не поидеть.

Денегъ у Чернова почти не было.

— Вотъ что, милый, все таки ты мнѣ дорогу расскажи,

¹⁾ Мѣтки на деревьяхъ.

точно расскажи. У меня карта есть и матка ¹⁾ есть, такъ что я не рассчитываю заблудиться. Насчетъ бѣглыхъ—наплевать, много ихъ въ нашемъ мѣстѣ шляется.

— Какъ знаешь. На меня не пеняй,—буркнулъ солдатъ.

Черновъ досталъ изъ кармана записную книжку съ карандашомъ и карту Пермской губерніи, протертую на углахъ отъ долгаго ношенія въ карманѣ, а Мироновъ принялся рассказывать дорогу. Молодой человѣкъ записывалъ поворотки, рѣчки, камни ²⁾, угоры ³⁾, про которые толковалъ старый солдатъ, и тщательно чертилъ планъ дороги.

— Сколько верстъ до Кутимскаго заводу?

— А кто е знаетъ. Кто говоритъ сорокъ, а кто и всѣ сто. Какъ на Кутимъ рѣчку выдешь, дѣло твое въ шляпѣ—тамо дорога есть до самаго заводу... Мотри—человѣка увидишь, не пали заразъ: тутъ наши ходять.

— Зачѣмъ палить? Напередъ окликнемъ.

Покурили еще трубки и стали ложиться спать. Хозяинъ залѣзъ на печь, Черновъ улегся на полу.

Утромъ Черновъ сталъ собираться. Взялъ десять фунтовъ хлѣба, 2 фунта крупы, купилъ въ лавкѣ масла, соли, спичекъ. Солдатъ продалъ ему за 40 копеекъ старый топоръ и вывелъ на дорогу.

— Мотри, до Шарпа рѣчки дойдешь, тутъ поворотка влѣво, мимо камня прямо черезъ Уралъ. У Шарпа палашъ есть почевать можно

— Ладно! Прощай!

Черновъ пошелъ, а солдатъ постоялъ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и поплелся домой. У сосѣда онъ купилъ на оставшныя Черновымъ деньги водки и знатно выпилъ со своей сожительницей, необыкновенно губастой бабой съ сильно вдавленнымъ и усыпаннымъ веснушками переносьемъ, которое еще болѣе усиливало злой блескъ ея черныхъ глазъ.

— Мотри, парень-то, больно смѣлъ, какъ бы не пропалъ и съ картой съ твоей, и съ маткой!—бурчалъ солдатъ на печи, пока не заснулъ сномъ праведника.

Черновъ между тѣмъ врѣзался въ тайгу.

Нѣкоторое время съ угоровъ, надъ вершинами елей и сосенъ открывался видъ на покинутое имъ селеніе, съ его сѣрой деревянной церковью и грудой старыхъ избъ. Навстрѣчу попадались деревенскія коровы, и на дорогѣ былъ

¹⁾ Компасъ.

²⁾ Вершины горъ.

³⁾ Холмы и подъемы.

замѣтенъ телѣжный слѣдъ. Скоро эти признаки людского поселенія пропали, и угрюмая тайга приняла одинокаго путника въ свои мохнатя объятія. Еле замѣтная тропа вилась по мху и спутанной травѣ между высокихъ сосенъ и кедровъ, съ важной задумчивостью махавшихъ своими лапами-вѣтвями. Иногда тропа выползала на кочковатое болото, поросшее высокой мокрой травой, мырала затѣмъ въ мелкій березякъ, гдѣ всякій слѣдъ ея терялся въ чащѣ кустиковъ и стволовъ. Тогда Черновъ останавливался и бродилъ, высматривая на старыхъ стволахъ тесины. Если ихъ не было видно, онъ возвращался назадъ, заходилъ вправо, влѣво, смотрѣлъ на компасъ, пока, цѣной долгихъ блужданій и сомнѣній, не находилъ пропавшую дорогу. Въ лѣсной тишинѣ только и раздавался, что грузный звукъ его торопливыхъ шаговъ и шелковистый шорохъ хвои, которую мягко шевелилъ набѣгавшій верховой вѣтерокъ.

Мѣшокъ съ вещами и припасами, двустволка и заткнутый позади топоръ составляли почтенный грузъ, но Черновъ не унывалъ и шелъ бодро почти весь день. Дневной зной и гуча вившихся позади комаровъ изрядно допекали его, а когда онъ усталъ, къ этимъ мучителямъ стали присоединяться черныя мысли. Угрюмый лѣсъ, межъ стволовъ котораго въ чащѣ кустарника невидимо нарастали тѣни ночи, навѣвалъ непривычную жуть.

„Чортъ его дери, размышлялъ Черновъ на ходу: воѣмемъ крайній случай, скажемъ, до заводу 100 верстъ. Положимъ на день 25 верстъ. Въ этомъ разѣ я могу отмахать путику въ четыре дня. Припасу хватитъ на шесть дней. Если, слѣдственно, я потеряю тропу, то могу потерять на отысканіе ея два дня. Но такъ какъ экспериментально доказано, что человѣкъ безъ пищи не теряетъ силъ вовсе еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, то... опасность заблудиться устраняется. Остается встрѣча съ медвѣдемъ или съ бѣглыми. Сіе, однако, мало вѣроятно. Впрочемъ, на всякій случай зарядимъ мушкетъ“.

Подъ громаднымъ кедромъ онъ свалилъ мѣшокъ на мягкій мохъ, развязалъ и вынулъ патроны. Осмотрѣвъ затѣмъ револьверъ, Черновъ сузилъ его поближе въ карманъ.

„Теперь, что касается его превосходительства Михалъ Михалыча Топтыгина, то мы готовы встрѣтить его съ честью“!— подумалъ Черновъ. Обругавъ липшихъ со всѣхъ сторонъ комаровъ, онъ взвалилъ мѣшокъ на плечи и тронулся дальше. Не прошелъ Черновъ и сотни шаговъ, какъ въ сторонѣ въ кустахъ черники что-то страшно-захлопало, и боль-

шая сѣрая птица, тяжело вспорхнувъ, усѣлась на вершину ближней березы. Отъ внезапнаго испуга сердце Чернова застопорилось, но, сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ осторожно скинулъ ружье, завелъ курокъ и ударилъ по птицѣ.

„Вотъ, думалъ Черновъ, подбирая трепетавшуюся глухарку: теперь можно заблудиться еще на день или два!“

Добыча несказанно обрадовала его, и только когда онъ привѣсилъ тяжелую птицу къ мѣшку, то поморщился отъ прибавившагося груза.

Къ ночи Черновъ добрался до рѣчки, но шалаша не нашелъ и принужденъ былъ замочевать въ сыромъ оврагѣ. Ночной мракъ заволокъ лѣсъ, придавъ его молчанію что-то таинственно страшное. Казалось, точно кто-то громадный и невѣдомый наполнилъ собою темную чащу, залегъ въ ней въ зловѣщей тишинѣ и молчалъ съ какой-то страшной неизвѣстной цѣлью; въ ужасѣ передъ нимъ неподвижно вытянулись стволы деревьевъ, замерли ихъ вѣтки и листья. Только ручей журчалъ по глыбамъ камня, но его скоро не стало видно, потому что надъ водой разостлался сырой козодный туманъ.

Чернову было жутко въ одиночествѣ, но онъ старался ободрить себя, нарубилъ дровъ, развелъ яркій костеръ, ошипалъ, выпотрошилъ и сварилъ птицу, а закусивъ и выпивъ чаю, завернулся въ одѣяло и прикурнулъ на сырой землѣ. Ночью онъ просыпался отъ холода, подкидывалъ въ костеръ дровъ и чутко дремалъ. Раю утромъ онъ снова пустился дальше, но весь день плелся черезъ силу, мучимый жарой, комарами, ужасной дорогой, тяжелымъ грузомъ. Каждый часъ Черновъ отдыхалъ подъ защитой дымокура, который разводилъ изъ гнилушекъ, и разъ не замѣтилъ, какъ уснулъ и проспалъ два часа.

Онъ зорко высматривалъ примѣты, свѣрялся съ компасомъ, и ему казалось, что онъ идетъ правильно. Но отчего же такъ долго нѣтъ рѣчекъ, про которыя толковалъ ему хозяинъ? „Сперва тебѣ будетъ Шовельташъ малый, а потомъ большой“, вспоминалъ Черновъ его слова. Рѣдкій лѣсъ на болотѣ окружалъ его со всѣхъ сторонъ, стройные кедры подымали свои мохнатые вершины тамъ и сямъ изъ зелени молодыхъ березъ. Незримая взору вода пропитывала почву, но мога не вязла въ ней, потому что подъ толстымъ слоемъ травы и мха всюду лежалъ камень. Вскорѣ Черновъ совсемъ выбился изъ силъ. Въ отчаяньи онъ не зналъ, что дѣлать—не вернуться-ли, молъ, назадъ? Въ воздухѣ парило, бѣловатая мгла висѣла надъ землей, и все кругомъ было

безмолвно. Отдохнувъ немного, Черновъ пошелъ таки дальше, спотыкаясь о скрытые подо мхомъ камни. Жажда сильно томила его, но вода виднѣлась только на днѣ выжатыхъ имъ слѣдовъ. Вдругъ Черновъ остановился—передъ нимъ, скрытый высокой травой, беззвучно бѣжалъ ручеекъ, и обмытые камешки весело сквозили на его мелкомъ днѣ. Черновъ напился съ жадностью и хотѣлъ-было стать здѣсь на приваль, но мѣсто было неуютно и мокро. „Если это Малый Шевельташъ“,—подумалъ онъ, свѣрившись по компасу:—„то Большой недалеко“. Бросивъ поклажу, Черновъ прошелъ дальше съ однимъ ружьемъ и, дѣйствительно, въ полуверстѣ наткнулся на большую рѣчку, которая бѣжала среди грудъ сѣро-чернаго песка, показавшагося Чернову золотоноснымъ. Онъ перетащилъ сюда мѣшокъ и мигомъ устроился, т. е. нарубилъ дровъ, развелъ огонь и плотно пообѣдалъ остатками глухарки и кашей, которую сварилъ въ котелкѣ.

Между тѣмъ погода намѣнилась. Небо заволокло тучами, сталъ малетать вихрь, и вдали загрохотало. Приближалась гроза съ ливнемъ. Предстояло промокнуть вмѣстѣ съ вещами, но Черновъ схватилъ топоръ и, несмотря на усталость, принялся рубить вѣтки съ елокъ. Обчистивъ нѣсколько молодыхъ березъ, онъ пригнулъ стволы ихъ, спуталъ концами, такъ что образовался остовъ шалаша и быстро утыкалъ его еловыми вѣтвями. Едва путникъ успѣлъ укрыться въ это убѣжище, какъ налетѣла гроза съ сильнымъ вѣтромъ. Тайга зашумѣла, загудѣла, замахала вершинами и вѣтвями своими; въ отвѣтъ грохотавшему небу со всѣхъ сторонъ раздавался сухой, звонкій трескъ падавшаго сухостоя. Казалось, могучій великанъ шагаль по тайгѣ, ступая по лѣсу, какъ по травѣ, и крушилъ вѣковныя лиственницы и кедры. Но гроза такъ же быстро умчалась, какъ набѣжала. Выбравшись изъ шалаша, Черновъ принялся мыть на рѣчкѣ котелокъ изъ-подъ каши. Взмучивая песокъ, онъ размышлялъ, не заключается ли въ немъ золото, какъ вдругъ слуха его коснулся шорохъ и трескъ вѣтвей. Черновъ привсталъ и оглянулся на шумъ: въ тридцати шагахъ выше него, рѣчку переходили трое: впереди шелъ громадный лохматый, безъ шапки, мужчина съ топоромъ, заткнутымъ на спицѣ за веревочный поясъ, который поддерживалъ сѣрый халатъ. За нимъ шелъ оборванецъ въ лаптяхъ и въ арестантской шапкѣ; третій, маленькій, черный, былъ всѣхъ ниже и оборваннѣе, онъ ступалъ по песку босыми ногами и сильно прихрамывалъ. У всѣхъ были мѣшочки при поясѣ или за спи-

шой. Черновъ и эти люди увидали другъ грута въ одно время. „Бѣглые!“ какъ молнія, сверкнула въ головѣ Чернова мысль, и сердце его сильно забилося, ноги ослабли. Однако, онъ опомнился и, нагнувшись, схватилъ ружье, съ которымъ онъ не разставался ни на шагъ.

Неизвѣстные люди стояли и глядѣли на Чернова одно мгновенье. Затѣмъ они стали переговариваться, средній хрипло засмѣялся и показалъ Чернову кулакъ, и всѣ, какъ прежде, гусемъ, перешли рѣчку и скрылись въ кустахъ.

Черновъ зорко слѣдилъ за ними, прислушиваясь къ шороху шаговъ, пока все не затихло кругомъ. „Скверно!—подумалъ онъ.—Теперь они выслѣдятъ, что я одинъ, и не миковать выслѣживанія и засады“. Потомъ онъ началъ соображать, какъ быть: до наступленія темноты оставалось еще часа два. Шалашъ его стоялъ въ маленькой роищѣ на мысу и отдѣлялся отъ лѣса болотистой прогалиной, поросшей низкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, съ другой стороны бѣжала рѣчка, обмелѣвшая отъ лѣтнихъ жаровъ. Такимъ образомъ, къ шалашу трудно было подползти незамѣченнымъ. Затѣмъ у Чернова было оружіе, у тѣхъ одинъ топоръ. Но Черновъ боялся, боялся, что отъ усталости и отъ проведенной почти безъ сна предыдущей ночи онъ задремлетъ у огня и въ такомъ видѣ станетъ легкой жертвой этой шайки, очевидно, бѣглыхъ бродягъ, которыхъ должны были соблазнять его оружіе, вещи и припасы. „Чай, поди голодны, какъ волки—что въ тайгѣ добудешь безъ ружья“,—думалъ Черновъ. „Если не тронуть въ эту ночь, то пойдутъ слѣдомъ, замучатъ меня безсонницей и тревогой, и все равно: пойду ли я впередъ или назадъ. А стрѣлять въ нихъ первому, какъ завидѣлъ и догадался, что за птицы... хм! Палить въ людей...“—и Чернову вспомнилось циничное и звѣрское отношеніе мѣстныхъ жителей къ бѣглымъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти подстрѣливаютъ ихъ, ловятъ и представляютъ по начальству. Бѣглые въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются либо на пролетѣ изъ Сибири въ Россію, либо бѣжавшіе изъ мѣстныхъ тюремъ. Они рыскаютъ вдоль дорогъ, пока не удастся ограбить какого-нибудь прохожаго изъ пришлыхъ рабочихъ или богомольца, съ цѣлью воспользоваться его одеждой и паспортомъ. Снявъ „висячее“, какъ называютъ мѣстные люди одежду, и забравъ паспортъ, бѣглый сразу становится на законное положеніе и пробирается куда-нибудь на отдаленный приискъ или заводъ, запибааетъ деньгу и нерѣдко выбирается на добрую дорогу. Главное для него—„вольная“ одежда.

Облачившись въ нее, онъ смѣло ходить по дорогамъ, ночуетъ, воруетъ припасы; приставъ гдѣ-нибудь къ кучкѣ рабочихъ, свиснетъ на ночлегъ паспортъ, а если раздобылся деньгами, поработавъ на прискѣ, гдѣ приказчикъ не смотритъ на паспорта, то покупаетъ его у замотавшагося прохожаго. „Вотъ тебѣ цѣлковый (два, пять или сколько тамъ придется), а ты заяви—потерялъ или украли“.

Раздумывая, какъ быть, Черновъ пришелъ къ заключенію, что ежели эти бѣглые замыслили обобратъ и прикончить его, то ему выгодиѣе принять сраженіе, какъ можно раньше. Онъ рѣшилъ оставить огонь горѣть у шалаша, а самому укрыться въ чащѣ кустарника по ту сторону рѣчки и наблюдать, что будетъ. Самое трудное заключалось въ томъ, чтобы выполнить задуманный маневръ незамѣтно, потому что бродяги могли все время слѣдить за нимъ, скрытые чащей тайги. „Или они пошли своей дорогой, рѣшивъ оставить меня въ покоѣ“, думалъ Черновъ: „или они замыслили покушеніе. Только два случая и возможны. Въ послѣднемъ случаѣ столкновеніе неизбѣжно, и чѣмъ раньше оно произойдетъ, тѣмъ лучше. Фу, чортъ! придется стрѣлять, и еще неизвѣстно, кто кого. Скверно! Скверно!“

Черновъ сидѣлъ у огня, пока не стемнѣло вовсе. Онъ чутко прислушивался, и, можетъ быть, то была игра встревоженнаго воображенія, но ему нѣсколько разъ почудилось, что не все спокойно въ тайгѣ. Оставивъ вещи въ шалашѣ, Черновъ забралъ оружіе и топоръ, перешелъ безъ шума рѣчку и потихомьку залегъ въ кустарникъ, устроившись такъ, чтобы ему было видно шалашъ и огонь. Ночь была темная и холодная. Черновъ страшно зябъ на сырой и холодной землѣ, несмотря на теплую куртку и одѣяло, которымъ обернулъ полтуловища до пояса. Но опасеніе, что онъ задремлетъ, покинуло его, потому что волновавшая его тревога отогнала всякій сонъ. Ночь ползала для Чернова среди холода и напряженной тревоги. Онъ не рѣшался закурить трубки и, если двигался, перемѣняя положеніе тѣла, то осторожно, стараясь не ворошить хвороста. Скоро яркій костеръ, горѣвшій у шалаша, сталъ догорать. Пламя, озарявшее прежде уголокъ рожи и рѣчку, опало и изрѣдка вспыхивало длинными языками, на мгновеніе освѣщая окрестность. Но вотъ огонь потухъ, на мѣстѣ его мерцала теперь груда угольевъ, которая одна только и была замѣтна въ непроницаемомъ мракѣ. Черновъ лежалъ и слушалъ. Но все было тихо кругомъ, только иногда доносился сверху слабый трескъ и шорохъ—это падала подгнившая сухая

вѣтка съ вершины лиственницы. Понемногу тревога, которая мучила Чернова, напрягая его душевныя силы, нѣсколько улеглась, и онъ сталъ думать объ этихъ людяхъ вѣтъ закона, которые спятъ теперь гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса, мучимые холодомъ и голодомъ. Мысли незамѣтно перешли въ дрему, и Черновъ забылся...

Вдругъ онъ очнулся и поднялъ голову съ кочки, возлѣ которой лежалъ, уткнувшись въ мохъ носомъ. Нѣсколько мгновений онъ не понималъ ничего, пока глаза его не остановились на чемъ-то, двигавшемся въ мутномъ мракѣ еле занимавшагося утра. Возлѣ шалаша шевелились трое бродягъ. Маленькій черный стоялъ на колѣняхъ у мѣшка и готовился развязать его, лохматый великанъ, съ топоромъ въ правой рукѣ, и другой, въ круглой арестантской шапкѣ въ видѣ барета, разглядывали слѣды на пескѣ, переговариваясь вполголоса и тревожно озирая мѣстность. Бродяга въ шапкѣ тыкалъ въ свѣжій слѣдъ сапоговъ Чернова пальцемъ и что-то шепталъ товарищу.

Сердце Чернова страшно забилося. „Вотъ оно! Вотъ оно!“ подумалъ онъ. Справившись съ собой, онъ потихоньку размоталъ одѣяло, стѣснявшее ноги, и взглянулъ передъ собой. Оба бѣглыхъ медленно двигались впередъ и были теперь по сю сторону рѣчки—въ пятнадцати шагахъ отъ Чернова. Въ моментъ, когда онъ поднялъ голову, оба глянули впередъ, и взоры ихъ, прозявъ сѣть листьевъ, уперлись какъ разъ въ очи Чернова. Мгновение Черновъ видѣлъ только пару сѣрыхъ острыхъ глазъ, взоры которыхъ впились въ него, какъ двѣ невидимыхъ стальныхъ проволоки. Все, что случилось затѣмъ, заняло самое короткое время и произошло помимо воли людей. Лохматый бродяга съ топоромъ въ рукѣ ринулся впередъ, товарищъ его рванулся за нимъ, Черновъ вскочилъ, инстинктивно взвелъ курокъ и приложился. Два выстрѣла страшно треснули, ударивъ по лѣсной тишинѣ, и звукъ ихъ, шипя, покотился по тайгѣ. Черновъ стоялъ, расширивъ отъ ужаса глаза—лохматый великанъ лежалъ, рухнувъ на песокъ ничкомъ, раскинувъ руки; товарищъ его присѣлъ возлѣ на песокъ, раскинувъ ротъ, и держался правой рукой за лѣвое плечо; изъ сѣраго рукава свѣсившейся руки выползала струя крови и растекалась по блѣдной кисти. Черный бродяга, оставшійся позади, прихрамывая, продирался сквозь кусты, улѣпывая въ сторону.

— Стой! Не трону!—крикнулъ Черновъ, но тотъ уже скрылся въ чащѣ.

* * *

Какъ часто снится мнѣ нашъ милый, старый домъ,
Сіяющій въ лучахъ багрянаго заката,
Аллея темная надъ дремлющимъ прудомъ,
Таинственнымъ молчаніемъ объята...
Я вновь сюда пришла, какъ въ прежніе года,
Бродить въ тиши задумчиваго сада,
Блестить какъ зеркало, средь зелени вода,
Цвѣтеть сирень надъ старою оградой,
Сіяетъ ласково глубокій сводъ небесъ,
И тонетъ взоръ въ лазоревомъ просторѣ...
А тамъ въ дали темнѣетъ синій боръ,
И золотая рожь колышется какъ море...
Но лишь проснуся я—и вновь въ тиши ночной
Гнетущая тоска больную давитъ грудь...
О, родина! къ тебѣ стремлюсь я всей душой,
Я жажду ласкъ твоихъ, мнѣ нуженъ твой покой,
Чтобъ прошлое забыть и сердцемъ отдохнуть!

О. Р.—П.

УРОКИ ЖИЗНИ.

Романъ Гюстава Жеффуа.

(Продолженіе).

Татуированная женщина.

Вскорѣ нашли трупъ женщины въ мансардѣ одного отеля по улицѣ Куртиль, въ темной и холодной комнатѣ безъ окна и камина, куда свѣтъ проникалъ лишь черезъ продѣланна въ крышѣ два, поднимающіяся вверхъ, окошечка. Хозяинъ обыкновенно не обращаетъ никакого вниманія на то, что происходитъ въ подобной конурѣ, за которую платится всегда впередъ по недѣлю или по денно. Жильцовъ онъ беретъ безъ разбору, — всякаго, кто явится. Никакихъ свѣдѣній не потребовали и отъ человѣка, который сказалъ, что онъ останется на двѣ недѣли, и записалъ такъ свое имя, возрастъ и занятіе въ домовой книгѣ: Эрнестъ Дюфуръ, 42 лѣтъ, ломовой извозчикъ. Онъ уплатилъ деньги впередъ, и никто въ теченіе двухъ недѣль не обращалъ на него вниманія. По прошествіи этого срока, вдругъ почувствовали зловонный запахъ, пробивавшійся сквозь щели плохо сбитой двери; туда вошли, и на кровати увидѣли уже полуразложившееся обнаженное тѣло женщины съ почернѣвшимъ лицомъ и шеей, съ зеленоватымъ налетомъ на губахъ и глазахъ.

Платье исчезло, въ бокалѣ осталась серьга изъ накладного золота, тѣло разложилось настолько, что нельзя было найти слѣды насилія, на лѣвой рукѣ зіяла широкая рана. Таковы детали драмы, разыгравшейся въ самой обыденной и жалкой обстановкѣ. Убитая — дѣвушка двадцати лѣтъ съ мозолистыми руками — была удушена, можетъ быть, задушена подушкой, которую она разорвала зубами. Въ протоколѣ полиціи такъ

были записаны ея примѣты: ростъ 1 метръ 54 с., брови и волосы свѣло-каштановые, уши маленькія, зубы выдавшіеся впередъ.

То обстоятельство, что на лѣвой рукѣ жертвы была рана, дало возможность установить ея личность. Сперва думали, что это слѣдъ отъ пластыря или отъ укусовъ голодныхъ крысъ, потомъ предположили, что рана была сдѣлана намѣренно съ цѣлью уничтожить одну особую примѣту на тѣлѣ убитой. Догадка оказалась вѣрной. Когда пришла сестра убитой, она заявила, что на этомъ мѣстѣ покойная дѣйствительно согласилась, по просьбѣ одного любовника, выжечь себѣ знакъ на память объ ихъ связи. По ея словамъ, на рукѣ былъ вытатуированъ розовыми, голубыми, красными и зелеными чернилами тонкій рисунокъ: вѣночекъ изъ переплетенныхъ лавровыхъ листьевъ, а надъ нимъ голубокъ съ письмомъ въ клювѣ и надпись: «Эмиль, я твоя на вѣки!» Внизу было имя татуированной женщины: Берта Сантье. Эмиль, машинистъ, устроилъ Бертѣ на отдѣльной квартирѣ, и она выразила ему свою признательность тѣмъ, что подверглась татуировкѣ, разрисованной артистомъ квартала. Какія-то примитивныя чувства и нравы дикарей проявились въ этомъ символѣ. Такъ, стоитъ только въ Парижѣ отвлечься отъ вѣшняка лоска и проникнуть подъ наслоеніе, образуемое формальными законами и условной моралью, какъ выплываютъ на поверхность многочисленныя переживанія старинныхъ обычаевъ. Эти изображенія, часто встрѣчающіяся на груди, спинѣхъ, рукахъ и ногахъ столькихъ людей, представляютъ собою одну изъ поразительныхъ чертъ сходства современнаго человѣка съ обитателемъ французской земли въ ту эпоху, когда она еще была вся покрыта лѣсами и болотами, племенами, которыя не знали еще одежды и главнымъ оружіемъ которыхъ былъ лукъ. И даже приемы татуирования и психологическая основа его не измѣнились. Одиавковыми уколами разрисовываются разныя эмблемы и на бѣлой, и на черной, и на желтой кожѣ. Тѣ же приемы надрѣза наблюдаются у туземцевъ Индіи, у жителей Сандвичевыхъ острововъ и Зеландіи и у обитательницы Бельвилскаго квартала. Подобно воину, который на своемъ лицѣ отмѣчалъ знаки своихъ побѣдъ, современная женщина вырѣзываетъ на рукѣ вензель своего любовника, ни единымъ звукомъ не обнаруживая испытываемаго ею страданія. Перенести стоически боль—для нея особая честь. Она страстно жаждетъ носить на своемъ тѣлѣ знакъ отказа отъ своей личности,—и она клеймитъ себя неизгладимымъ клеймомъ, становится собственностью другого, словно древніе рабы

и воины, которые вырѣзывали на тѣлѣ имя своего властелина, военного вождя или божества своей родины.

Объ убійствѣ этой татуированной женщины ведутся разговоры на улицѣ въ долгія сумерки августовскаго вечера. Во всю длину улицы, жители Бельвиля, и среди нихъ семья Помье, сидятъ у дверей домовъ или на краю тротуаровъ.

— Къ счастью, убійца арестованъ.

— Это итальянецъ, его зовутъ Горело.

— Вотъ негодяи эти итальянцы!

— Онъ вырѣзалъ ей кинжаломъ кусокъ тѣла на рукѣ, чтобы уничтожить слѣды татуировки. Это прямо ужасно!

— Они всегда имѣютъ при себѣ кинжалы.

— И женщины тоже,—прицѣпляютъ ихъ къ подвязкамъ.

— Вовсе нѣтъ! Это не итальянки, а испанки.

— Ну, доложу вамъ, не мало таки удвился бы тотъ, кому пришла бы охота пощупать такую за икры!—шутить завитой блондинѣ.

— А, знаете, онъ убійство-то совершилъ не для грабежа.

— А зачѣмъ же?—спрашиваютъ сразу нѣсколько голосовъ.

— Да онъ ревновалъ ее за эту самую татуировку...

— Ну, вотъ ужъ скажетъ!

— Увѣряю васъ, что такъ. Онъ самъ заявилъ это слѣдователю. Онъ хотѣлъ уничтожить память о предшественникѣ... А у самого тоже было выжжено на лѣвой рукѣ изображение: женская голова и цвѣтокъ.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ разстегиваютъ рубашки на груди и засучиваютъ рукава. Отставные солдаты, моряки и бывшіе любовники—всѣ татуированы; у однихъ военные атрибуты: сабли, пушки, крѣпости, названія сраженій и кораблей; у другихъ—имена женщинъ или сердце, пронзенное стрѣлой.

Селина тоже засучила рукавъ. На полной рукѣ съ пухлой кистью не было ничего,—только нѣжная бѣлизна юности и красиво переплетающіяся голубыя жилки. Всѣ разсмѣялись.

— Хочешь, я сведу тебя къ артисту, — сказалъ завитой блондинѣ.

— Пойду одна или съ кѣмъ захочу, — вызывающе отвѣчаетъ она.—Гдѣ онъ живетъ?

Снова раздается общій смѣхъ въ расположившейся передъ дверью группѣ. Всѣ добродушно и двусмысленно подраживаютъ Селину. Она все больше возбуждается и сердится. Недовольные родители добиваются, наконецъ, того, что она умолкаетъ. Сесиль сидитъ рядомъ съ матерью, крѣпко прижавшись къ ней. Она не смѣется, но улыбается и широко раскрытыми

глазами всматривается въ блѣдную ночь, стараясь увидѣть, понять и разгадать, почему мужчины и женщины хотятъ принадлежать другъ другу и вѣрять въ слова, навсегда вырѣзанныя на живомъ тѣлѣ, и почему они убиваютъ другъ друга, чтобы уничтожить то, что такимъ образомъ написано.

Мать чувствуетъ ея безпокойство и любопытство и тихо поводитъ рукою по ея волосамъ и лицу, ласкаетъ и успокаиваетъ ее, и Сесиль цѣлуетъ эту добрую нѣжную руку, перестаетъ думать о татуированной женщинѣ и уже начинаетъ дремать, какъ рассказы о новыхъ приключеніяхъ будятъ ее.

— Да, итальянцы—подлецы!—утверждаетъ тотъ-же рѣшительный голосъ.

— Вы не читали въ газетахъ объ этомъ Фарнери, грязномъ сутенерѣ?..

И онъ рассказываетъ, какъ Фарнери, любовникъ Финеты, увидѣлъ, что какой-то кліентъ уплатилъ дѣвушкѣ фальшивой монетой въ двадцать су. И вотъ онъ бросается вслѣдъ за нимъ, догоняетъ его на поворотѣ улицы и нѣсколькими ударами укладываетъ его на мѣстѣ.

— Не одни только итальянцы... всѣ сутенеры негодяи,—заявляетъ благоразумный голосъ.—Помните, что продѣлалъ сутенеръ Марслень на площади Моберъ?

И Сесиль вся содрогается, слушая рассказъ о новомъ преступленіи.

Бретонка.

Этотъ Марслень, прогуливаясь съ шестью собутыльниками, такими-же «рантье», какъ онъ самъ, побился объ закладъ, что бросить въ Сену дѣвушку Алину Франсуазу Лето, известную подъ кличкой «Бретонка». Ставкой былъ стаканъ смѣси горячаго кофе съ ромомъ и абсентомъ. Сказано—сдѣлано. Вечеромъ онъ подходитъ къ Франсуазѣ, которая разсѣянно всматривала кліентовъ, прогуливаясь вдоль перилъ набережной Сень-Мишеля. Онъ, ни слова не говоря, схватываетъ ее подъ мышки, сильнымъ движеніемъ приподнимаетъ ее на воздухъ и бросаетъ въ Сену. Затѣмъ онъ идетъ получить свой выигрышъ, принимая поздравленія товарищей, которые, не торгуясь, заплатили пари, и возвращается къ рѣкѣ въ тотъ самый моментъ, когда вытаскиваютъ трупъ Бретонки, умершей, не зная, за что.

Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу Сесиль отъ жестокости этого чудовища, потому что она снова дрожитъ, но уже отъ другого безконечно пріятнаго чувства, вызывающаго слезы на ея дѣтскіе глазки, когда рассказчикъ передаетъ черточку нѣжности,

внезапно проявившуюся въ этомъ печальномъ мiрѣ нищеты, порока и преступленія.

Одна изъ подругъ проститутки, Марія, тоже проститутка, подошла къ мертвой, которую только что положили на землю, наклонилась и поцѣловала ее. Вслѣдъ за этимъ поцѣлуемъ безконечной доброты и состраданія, которымъ эта отверженная почтила трупъ, Марія почувствовала ударъ ножомъ въ затылокъ, легкой ударъ предостереженія, причинившій ничтожную царапину и вызвавшій капельку крови, и въ то же время надъ ея ухомъ раздался хриплый голосъ негодяя. «Знай, если ты будешь болтать, я устрою тебѣ такую-же ванну, какъ Бретонкѣ». И дѣйствительно, это случилось десять мѣсяцевъ тому назадъ, и цѣлыхъ десять мѣсяцевъ понадобилось, чтобы Марсленъ былъ, наконецъ, арестованъ.

Но драма, которая произвела на Сесиль особенно потрясающее впечатлѣнiе, послѣ которой кошмары долго тревожили ея дѣтскій сонъ и которая сдѣлала ее осторожной на всю жизнь, была драма, героемъ которой былъ нѣкто Жозефъ Леруа.

Жозефъ Леруа.

Это былъ настоящій убійца. Только для того, чтобы вытащить девять франковъ изъ-подъ изголовья спавшей мадамъ Пьеръ, онъ не задумался перерѣзать ей горло. Хотѣлъ-ли онъ дѣйствительно совершить убійство для воровства? Это не совсѣмъ установлено. Скорѣе онъ совершилъ это ради самого удовольствія сдѣлать кровавый надрѣзъ въ спокойно лежавшемъ предъ нимъ тѣлѣ, оживленномъ ровными и мѣрными движеніями дыханія. Онъ убилъ только для того, чтобы убить, потому что онъ любитъ мучить живое тѣло, терзать и рѣзать его, потому что онъ любитъ причинять боль. Простой прирожденный воръ предпринялъ-бы рядъ хитрыхъ предосторожностей. Онъ заглушилъ-бы шаги, затаилъ-бы дыханіе, осторожно просунулъ-бы руку, чтобы вытащить изъ-подъ убогой подушки монеты въ сто и двадцать су. Леруа ничего подобнаго не дѣлалъ. Ему мѣшала эта голова добраться до денегъ,—онъ попытался ее отрѣзать. Онъ былъ рожденъ убійцей, безсознательнымъ и жестокимъ.

Леруа шестнадцать лѣтъ. Его мать умерла. Отецъ, тяжело больной, лежитъ въ госпиталѣ. Сосѣди по меблированнымъ комнатамъ, жалкій столяръ и его жена, сжалились надъ мальчишкой и взяли его къ себѣ на время болѣзни отца. У нихъ есть свой трехлѣтній ребенокъ, но это ничего,—они взяли на свое попеченіе и этого сухопарого парня—ужь очень его жалко

было! Они приютили его у себя, въ улицѣ Бельвиль, наняли для него маленькую комнату подлѣ своей, кормили и одѣвали его.

Эту-то самую мадамъ Пьеръ, свою благодѣтельницу, Жозефъ Леруа, взятый на попеченіе, хотѣлъ зарѣзать однимъ утромъ, когда мужъ ушелъ на работу. Если это ему не удалось, то лишь потому, что ножъ былъ тупой, что раненая закричала, и сбѣжались люди. Ему удалось выбраться изъ комнаты, проскользнуть черезъ собравшуюся толпу и выйти на улицу. Къ полудню полицейскіе агенты арестовали его неподалеку отъ дома, гдѣ стонала и истекала кровью мадамъ Пьеръ.

На допросѣ, совершившій свой первый опытъ убійца въ грубыхъ выраженіяхъ заявилъ, что имъ овладѣло страшное желаніе убить, какой-то зудъ убійства, и онъ жалѣетъ только объ одномъ—что не нанесъ несчастной женщинѣ второго удара. На предложенный ему обычный вопросъ, не раскаивается ли онъ въ содѣянномъ, онъ отвѣтилъ, что ему на это плевать. Шестнадцатилѣтній мозгъ явно изуродованъ, и жажда жестокости была у него неизлечимой болѣзью. Несмотря на цинизмъ и живость, въ немъ сразу бросилось въ глаза полное отсутствіе ума. Жозефъ Леруа родился съ уже извращенными кровавыми инстинктами. Уже въ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ холодную жестокость, и тогда уже онъ былъ ловкій палачъ, мучившій насѣкомыхъ, домашнихъ животныхъ, дѣтей моложе его, извергъ съ наивнымъ взглядомъ и розовыми щеками. Его лицо съ бархатистымъ тонкимъ пушкомъ носило маску невинности, свѣтлые глаза отражали жизнь, не видя и не зная ея, ротъ тигренка радостно смѣялся при видѣ крови, при столахъ жертвъ. И вотъ такое существо, движимое лишь одними инстинктами, вступаетъ въ жизнь въ обстановкѣ современной цивилизаціи, и оно дѣйствуетъ, какъ дикая кровожадная кошка, по праву захватывающая испуганныя жертвы на скалахъ или подъ деревьями въ лѣсу. Леруа таитъ въ себѣ душу, столь же опасную, какъ сосѣдство хищнаго звѣря.

Юношей онъ уже не довольствуется увѣченіемъ собакъ, птицъ или лягушекъ. Ему хочется заставить кричать подъ ножомъ живыхъ людей. Первой попавшейся ему жертвой была сострадательная женщина, подобравшая его. Тѣмъ хуже. Его не останавливаетъ видъ крѣпко спящей отъ усталости труженицы-хозяйки, которая такъ заботится о немъ; онъ подкрадывается какъ звѣрь, выходящій изъ засады, и съ тупымъ бѣшенствомъ кидается на нее.

Прелестная кондитерша.

Но картины нравовъ разнообразны, и среди нихъ есть и такія, что будятъ хитрость въ Сесиль и вызываютъ улыбку на ея устахъ. Въ промежуткѣ между двумя драмами разыгрывается комедія.

Улица Бельвиль—длинная, широкая, извилистая, просторная, настоящая улица предмѣстья, предназначенная для большой толпы. Однако, утромъ едва можно пройти по ней,—такъ загромождаютъ ее телѣжки съ товарами. Несмотря на множество магазиновъ, переполненныхъ всякаго рода съѣстными продуктами и имѣющихъ много покупателей, колбасники, мясники, зеленщики, бакалейщики, молочники — всѣ эти странствующие торговцы имѣютъ своихъ кліентовъ, и каждый изъ нихъ торгуетъ.

Послѣ полудня улица успокаивается. Въ каждой лавкѣ приводятъ въ порядокъ выставку товаровъ, опустошенную утренней продажей, снова пополняютъ ее для вечерней продажи, начинающейся съ пяти часовъ. Ручныя телѣжки стоятъ въ сараяхъ на смежныхъ улицахъ; ихъ хозяева отдыхаютъ. Торговки сидятъ по кабачкамъ, играютъ въ карты, попивая кофе, или дремлютъ однимъ глазомъ въ ожиданіи, когда хозяйки выйдутъ за покупками къ ужину. Телѣжки на это время оставляются на улицѣ, но торговки зорко присматриваютъ за ними изъ кабаковъ. Время отъ времени онѣ выходятъ освѣжить товаръ, придать ему болѣе привлекательный видъ. Одна посмотреть жабры и зрачки у своей рыбы; другой показалось, что ея капуста немного завяла, и она живо отрываетъ два-три листа, и капуста снова пріобрѣтаетъ такой видъ, точно она сейчасъ только сорвана съ грядки. Надо и на салатъ посмотреть, растрепать его, вытащить снизу морковь и положить ее наверхъ, то же нужно продѣлать съ козельцомъ; въ пять часовъ телѣжки вѣвзаютъ такъ же гордо, какъ и утромъ, среди оглушительной трескотни покупательницъ.

Такова обстановка, гдѣ царствуетъ прекрасная кондитерша.

Изъ всѣхъ магазиновъ улицы ея магазинъ самый привлекательный.

За зеркальнымъ стекломъ лежатъ поджаренные пирожки, большіе бриоши, украшенные искусственной розой или изображеніемъ сегодняшняго святого, громадные савойскіе пироги, фруктовыя пирожныя съ симметрично разложенными кусочками яблокъ, абрикосовъ и клубники, сочныя бабы съ ромомъ, величественные торты съ кремомъ, похожіе на плоскогорія, покрытыя снѣгомъ.

С. М. Ф. С. М.

Передъ дверью на столѣ заботливо разставлены блюда съ бордосскими раками, съ телятиной, шпигованной свинымъ саломъ, миски съ потрохами, жареныя куры, облитыя соусомъ, омары, приготовленные по американски, лангусты, разрѣзанные на ломтики на цѣльномъ панцирѣ черепахи, заливное изъ фавановъ, рагу изъ бекасовъ,—все ждетъ покупателей, все сжарено, готово для ѣды.

Когда покупатель входитъ въ магазинъ, ему сразу бросаются въ глаза массы пирожныхъ, которыя отражаются въ зеркалахъ. На всѣхъ полочкахъ лежатъ они, симметрично разложенныя,— всевозможныхъ сортовъ и на всякій вкусъ, отъ строгихъ сухарей до «сладострастныхъ колодцевъ любви». Лакомка входитъ, закусываетъ, затѣмъ подходитъ къ прилавку уплатить.

— Ахъ, какое чудное пирожное!—воскликаетъ онъ, но тутъ же замѣчаетъ, что это чудное пирожное, самое лучшее въ лавкѣ, дѣйствительно прекрасное пирожное, если угодно, но что еще лучше—эта неподвижная красавица, которая удостоиваетъ чуточку оживиться, чтобы принять слѣдующыя ей деньги.

Ему тогда становится совѣстно, что онъ такъ мало съѣлъ. Побеспокоить такую прекрасную руку такой красавицы, чтобы уплатить ей два су! Онъ бы охотно продолжалъ заказывать, но не смѣетъ, рѣшаетъ зайти въ другой разъ и раскланивается, въ смущеніи не сразу находя дверь. Но прелестная кондитерша не отвѣчаетъ на поклонъ. Она уже приняла прежнюю живописную позу и безстрастно сидитъ за мраморнымъ прилавкомъ, передъ зеркаломъ, между вазами съ вареньемъ и ликерами, бѣлая и розовая, какъ кремъ, который стоялъ бы рядомъ съ клубничнымъ тортомъ. Въ хорошую погоду она рано утромъ выходитъ и возвращается къ тому времени, когда начинается продажа. Послѣ обѣда, въ часы отдыха, она сидитъ, выправившись на стулѣ, даже не поводя глазами, безъ улыбки, и убиваетъ время за вязаньемъ какого-нибудь мелкаго кружевца, едва передвигая пальцами.

Она, дѣйствительно, великолѣпна. Подъ изящной шейю съ полнымъ подбородкомъ поднимается пышная высокая грудь, корсажъ изъ блестящаго шелка облегаетъ и плотно стягиваетъ ея тонкую, какъ у осы, талию. Бѣлокурая, высокая, въ мѣру плотная, въ полномъ расцвѣтѣ линій и формъ, съ здоровымъ цвѣтомъ лица, съ сознаниемъ своей красоты, королева пирожныхъ привлекаетъ восторженные взоры мужчинъ; иссушаетъ отъ зависти женщинъ и совсѣмъ сводитъ съ ума всѣхъ сосѣднихъ лавочниковъ.

Правду сказать, эта слава квартала не пользуется любовью

его обитателей. Она не старается искупить свою красоту усиленной любезностью.

Она, правда, продает свои пирожки, но дѣлаетъ это съ такимъ видомъ, будто она ихъ продаетъ только потому, что вотъ они лежатъ здѣсь, и люди хотятъ покупать ихъ. Она этимъ не интересуется, она думаетъ совсѣмъ о другомъ и выдаетъ сдачу, глядя куда-то въ сторону. Злые языки пересуживаютъ ея равнодушіе и рассѣянность и сочиняютъ цѣлыя легенды насчетъ прекрасной пирожницы. Какія-то нелѣпныя, возмутительныя исторіи! Она ничего о нихъ не знаетъ, да и не хочетъ знать ничего. Что ей за дѣло, — ей лишь бы красивой быть! Она хочетъ знать только одно — что она красива.

Всякаго рода шутки продѣлывали надъ нею: посылали смѣшные подарки, — она даже не смотрѣла на нихъ; писали записочки, — она ихъ не читала. Теперь стали передавать другъ другу по секрету, что у нея нѣтъ одной груди, а другіе утверждаютъ, что у нея цѣлыхъ три. Послушать все, что говорятъ о ней на улицѣ, у воротъ домовъ, когда стемнѣетъ, можно было бы подумать, что эта женщина, живущая среди крема и пирожныхъ, какой-то необыкновенный феноменъ, ярмарочное чудо.

Говорятъ также, что ея магазинъ не имѣетъ постоянныхъ покупателей, и что всѣ сосѣди избѣгаютъ его. У нея покупаютъ лишь случайные прохожіе, которые ничего не знаютъ. Женщины заявляютъ, что не слѣдуетъ ничего покупать у особы легкаго поведенія, а мужчины находятъ, что она, дѣйствительно, красива, но пироги у нея плохіе.

Все это простые выдумки. Не подлежитъ сомнѣнію, что кондитерша торгуетъ хорошо. Въ дѣйствительности, всѣ покупаютъ у нея, какъ гдѣ, что распространяютъ про нее всякіе слухи, такъ и остальные: женщины, чтобы узнать тайну ея красоты, мужчины, чтобы сразу усладить вкусъ и зрѣніе. Съѣсть пирожное и смотрѣть на кондитершу, которая не обращаетъ на васъ никакого вниманія, думая о чемъ-то другомъ — самая пріятная минута отдыха.

Вѣрно, однако, то, что прекрасная пирожница не всегда держитъ себя такъ чопорно и высокомерно, какъ въ своей кондитерской.

Три, четыре раза въ годъ она куда-то исчезаетъ.

Куда уходитъ она? Гдѣ она тогда?

Совсѣмъ недалеко. Она не выходитъ изъ своего квартала.

Но она дѣйствительно покидаетъ семейный очагъ и кондитерскую. Пирожныя все-же продолжаютъ находить сбытъ, правда, не въ прежнемъ количествѣ, но этого достаточно, чтобы покры-

вать расходы на помещеніе. Въ магазинѣ все остается попрежнему. Только на мѣстѣ хозяйки сидитъ временная приказчица. Да какой-нибудь разочарованный покупатель освѣдомится о хозяйкѣ — вотъ и вся переменна.

Иногда она проходитъ мимо своего дома. Случается, что она посмотритъ на свою лавку, а иногда и глаза не подниметъ и даже если взглянетъ, то съ такимъ видомъ, точно и не узнаетъ ея. Если бы она не была пресыщена пирожными, она бы, навѣрное, зашла полакомиться и равнодушно заплатила бы своей временной замѣстительницѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней такого отсутствія она снова появляется на своемъ мѣстѣ и кончаетъ начатое или начинаетъ новое кружево. Никому она ничего не говорить, и никто ей ничего не говорить.

Ея мужъ,—ибо таковой у нея имѣется,—всегда въ бѣломъ, точно клоунъ въ дѣтскомъ театрѣ, принимаетъ свою жену Коломбину такъ же, какъ перенимаютъ съ удовольствіемъ торговое заведеніе, которое знаютъ хорошо и которое даетъ вѣрный доходъ. И никогда при этомъ не произносится ни одного слова ни о послѣдней отлучкѣ, ни о сегодняшнемъ возвращеніи, ни о будущемъ исчезновеніи.

Въ общемъ, если часты отлучки, то столь же часты и возвращенія.

Герцоги, князья, сосѣдъ изъ противоположнаго дома, сапожникъ слѣва, торговецъ каштанами справа—всѣ, повидимому, удаивались чести обладать ею въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Всѣ они возвращались къ своимъ обычнымъ занятіямъ одновременно съ кондитершей. А князья покидали кварталъ.

И ни одинъ изъ нихъ не просвѣтилъ любопытныхъ насчетъ физическихъ уродствъ, приписанныхъ ей злыми языками. Но торговецъ жаренымъ картофелемъ сообщила всѣмъ ключъ этой тайны. Она, шестидесятипятилѣтняя старуха, безобразная, какъ «первая женщина», увѣряла всѣхъ и каждого, что прекрасная пирожница холодна, какъ мраморъ ея прилавка.

Недалеко отъ прекрасной кондитерши жила торговка дичью.

Торговка дичью.

Съ пяти часовъ утра во всякое время года торговка дичью отправлялась на Центральный рынокъ въ телѣжкѣ, запряженной старой клячей. Возвращается она къ восьми часамъ безъ малѣйшей усталости. Въ продолженіе двадцати лѣтъ она исполняетъ эту тяжелую работу, ѣздитъ этой дорогой и возвра-

щается, почти всегда имѣя счастливый и довольный видъ. Повезло ей на рынкѣ — она предвкушаетъ хороший доходъ къ вечеру. Въ другой разъ она возвращается съ нѣсколько угрюмымъ видомъ. Но это мимолетное настроеніе скоро исчезаетъ. Правда, цѣны поднялись сравнительно съ вчерашними, дичь вздорожала. Но это не бѣда, — товаръ хорошъ, — и передъ глазами торговли уже рисуются щедрые покупатели, которые поможутъ ей наверстать вечеромъ утреннее повышеніе цѣны.

Двадцать лѣтъ тому назадъ она открыла въ Бельвилѣ большой магазинъ дичи, гдѣ закупаютъ всѣ лакомки квартала. Людямъ занятымъ она продаетъ куски жареной дичи, кухаркамъ изъ богатыхъ домовъ — свѣжихъ каплуновъ и жирныхъ пулярокъ.

Она совсѣмъ не имѣетъ вида привлекательной и пріятливой лавочницы. Это настоящій мужчина. Высокая, костлявая, съ усами и ртомъ, какъ у стараго сержанта, курящаго трубку или жующаго табакъ, съ длинными руками, хитрыми, маленькими глазами насторожившейся крысы или продувнаго плутватаго продавца, съ вывернутыми впередъ ушами, какъ у дикаго кабана, котораго каждый торговецъ жареной живностью считаетъ за честь повѣсить у дверей. Одѣвается она въ балахонъ изъ чернаго кашемира, а грудь ея такъ же плоска, какъ и спина.

Она была вдовой, но теперь она уже не вдова. Въ одинъ прекрасный день, уже сорока лѣтъ, она вышла замужъ за своего четвертаго приказчика, двадцатичетырехлѣтняго парня, краснощекаго, небольшого роста, съ утинымъ лицомъ, круглыми вращающимися глазами и выпяченнымъ впередъ, на подобіе клюва, ртомъ. Изъ приказчика онъ сдѣлался хозяиномъ.

Онъ былъ лѣнтяемъ и такимъ остался. Дни проводилъ онъ въ сосѣднемъ трактирѣ со случайными собутыльниками. Онъ возвращался всегда навеселѣ, надоѣдалъ покупателямъ, женѣ и приказчикамъ. Тогда хозяйка тихонько брала его за руку:

— Оставь, миленькій, пойдѣ поспать, — ты усталъ!

Когда же онъ не былъ утомленъ, онъ во всѣхъ углахъ и закоулкахъ приставалъ къ горничнымъ, и жена его сама этимъ забавлялась, называя его «большой ребенокъ».

Когда жена бывала занята покупателями, и ему хотѣлось удачно продать что-нибудь, онъ начиналъ шутить съ покупательницами: курица въ его рукахъ была уже не курицей; на его языкѣ она обращалась въ крылышки, ножки и т. д. самой покупательницы; онъ пускался на рискованныя галантныя сравненія, такъ покатываясь со смѣху, что весь становился краснымъ.

За столомъ прислуживала жена. Лучшій кусокъ оставлялся для «милаго мальчика». Для него покупалось особое вино и англійскій хлѣбецъ. Его ложка, вилка и кольцо для салфетки были серебряныя—подарки жены въ дни рожденія. Онъ смаковалъ трюфели изъ своего магазина; отборные фазаны и куропатки были къ его услугамъ, лишь только онъ выражалъ это желаніе.

Однажды онъ такъ напился, что поджегъ домъ, опрокинувъ лампу. Начали съ того, что спасли его. Его прежде всего, а послѣ ужъ дичь и живность. На улицѣ онъ разразился раздрающимъ душу плачемъ.

— Не плачь, мальчикъ! — утѣшала его жена. — Стоятъ-ли убиваться изъ-за такихъ пустяковъ! Мы еще и не то съ тобою наживемъ!

Благодаря прибытію пожарной команды, все, дѣйствительно, кончилось пустяками; магазинъ былъ скоро приведенъ въ порядокъ, и страховое общество уплатило убытки.

«Мальчикъ» перевезъ къ себѣ отца, мать, двухъ братьевъ, трехъ сестеръ и двухъ дѣтей покойнаго брата. Вся семья поселилась у него. Отецъ объѣдался и пьянствовалъ съ сыномъ, мать кричала на свою пожилую невѣстку, сестры спали съ приказчиками, братья со служанками, да имъ и нечего было больше дѣлать, такъ какъ они не знали никакого ремесла и, слѣдовательно, были безъ работы. Дѣти покойнаго брата всегда ползали среди отбросовъ, потроховъ, перьевъ и кроличьихъ шкуръ. По цѣлымъ днямъ стояла въ домѣ невѣроятная грязь.

Хозяйка не унывала въ этой суматохѣ и хвастала повсюду, что мужъ ее очень любитъ. Она рожала каждый годъ и сама подсмѣивалась надъ собою. Она въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ перепоголяла многихъ молоденькихъ.

Къ счастью, она была трудолюбива, работала за десятерыхъ и даже больше. Скупая къ себѣ, настойчивая съ покупателями, она позволяла себѣ единственное удовольствіе — имѣть дѣтей, единственный отдыхъ — необходимые восемь дней послѣ родовъ, да и тутъ она старалась урвать для работы. Когда кто нибудь замѣчалъ, что ей, должно быть, трудно содержать такую большую семью, она вспоминала, что она христіанка, и, складывая губы сердечкомъ, отвѣчала:

— Богъ благословляетъ многочисленныя семейства!

Однажды одна изъ служанокъ сказала ей, что она беременна отъ ея мужа, и такъ какъ онъ отказывается дать ей обѣщанныя на роды деньги, то она рѣшила обратиться къ ней.

— Вы, однако, смѣлая, милая моя, — отвѣтила торговка, — и прямо сказать, порядочная свинья! А что касается моего мужа,

то онъ хозяинъ дома и въ правѣ дѣлать все, что ему угодно.

Это показываетъ, что она любитъ своего мужа, какъ большого ребенка, отъ котораго она имѣетъ каждый годъ еще болѣе маленькихъ ребятъ.

— Почему же она такая? — спрашиваетъ Сесиль.

— Очень просто, — отвѣчаетъ Селина, — потому что онъ у нея въ крови!...

Прекрасный часовщикъ.

Небольшая улочка, узкая и короткая, не ведетъ на большую улицу предмѣстья. Она теряется среди массы ей подобныхъ и на ней всего десятокъ домовъ. Она совсѣмъ пустынная. Нужно жить въ ней, чтобы попасть на нее, или безцѣльно бродить по кварталу, чтобы замѣтить самое существованіе этого зародыша улицы.

На десятокъ домовъ только двѣ лавки, и этого достаточно, даже слишкомъ достаточно для такой ничтожной, заброшенной улицы.

Одну изъ этихъ лавочекъ занимаетъ зеленщикъ, торгующій фруктами и всякими овощами: капустой, картофелемъ, старымъ сыромъ и консервами. Когда какая-нибудь хозяйка съ этой улочки очень торопится и не имѣетъ времени побѣжать на большую улицу купить на телѣжкахъ, или на расположенномъ на бульварѣ рынкѣ, она покоряется судьбѣ и заходитъ къ зеленщику взять порой сыру или сардинокъ.

Другая лавочка всегда «отдается въ наемъ». Нѣсколько разъ являлись мелкіе торговцы попытать счастья и постараться удачно повернуть колесо судьбы. Тщетныя попытки! Къ концу трехъ мѣсяцевъ ставни опять закрыты, и лавочка снова «отдается въ наемъ».

Однако, въ одинъ прекрасный день заснувшая лавочка какъ бы проснулась. Она дышетъ, вздыхаетъ, улыбается, прихорашивается. Маляръ, напѣвая вполголоса однообразную безконечную пѣсенку:

Это любовникъ А,
 Это любовникъ А,
 Это любовникъ Аманда,

— красить наружную сторону въ черный цвѣтъ, оживляетъ этотъ трауръ желтыми полосками, затѣмъ, взобравшись на лѣсенку, начинаетъ распѣвать весь свой репертуаръ.

Онъ затягиваетъ патріотическія пѣсни:

Спите, солдаты, спите спокойно!
 Зорко слѣдя и настороживъ ухо,

Кто-то тамъ бодрствуетъ за васъ,—
Это одинокій часовой!

Потомъ слѣдуютъ романсы:

По тропинкамъ, полнымъ упоенья,
Пойдемъ тихонько вмѣстѣ,
Я хочу преподнести тебѣ, милая,
Первый букетъ сирени!

И, распѣвая свои пѣсенки, онъ выводитъ вычурную надпись надъ дверью: «часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ».

По мѣрѣ того, какъ рука тенора вырисовываетъ золоченныя линіи, сосѣдки, сидя у оконъ, называютъ буквы, складываютъ слоги, и едва надпись сдѣлана, онъ уже преисполненъ благодарности тому, кому пришла счастливая мысль оживить улицу такимъ прекраснымъ магазиномъ и торговать такимъ благороднымъ товаромъ.

Прохожіе и лавочники изъ сосѣднихъ улицъ, которые пришли узнать, въ чемъ дѣло, важно и иронически покачиваютъ головой.

— Еще одинъ, — думаютъ они про себя или говорятъ вслухъ, — который прогоритъ здѣсь.

На другой день утромъ за маленькимъ прилавкомъ изъ чернаго дерева, который одновременно служилъ и рабочимъ столомъ, появился самъ мастеръ.

Онъ блондинъ, съ нафабреными усами, съ прической à la Carou!, изящный, какъ предметъ его торговли, — о, такой изящный!

И тотчасъ же начали приходять заказчики. Въ первый же день онъ покорилъ свою улицу, а въ слѣдующіе дни къ нему стали переходить и сосѣднія. Не прошло и мѣсяца, какъ на полкахъ у него выстроились рядами отданные въ починку стѣнные часы, каминные, карманные, съ кукушкой, будильники. Можно было подумать, что какая-то эпидемія объявилась на всѣ инструменты, измѣряющіе время, — сразу всѣ испортились. Въ то же время вошли очень въ моду брошки, серьги, крестики, сердечки. Только ихъ и желаютъ преподнести въ дни именинъ и рожденій.

Часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ по горло занятъ. Если такъ пойдетъ дальше (а это будетъ непременно), то черезъ два мѣсяца онъ возьметъ постоянного помощника. А самъ онъ будетъ ходить за матеріаломъ въ оптовые магазины, посѣщать заказчиковъ, заводить часы на дому, показывать новыя драгоценности, которыя произведутъ фуроръ. Онъ назначитъ опредѣленные часы для приема въ магазинѣ.

И все, въ самомъ дѣлѣ, такъ и сбылось. Въ магазинѣ онъ только отъ четырехъ до семи. Онъ уже работаетъ не только на свою улицу, а на весь кварталъ. Онъ покупаетъ старое серебро и золото. Красивыя старинныя вещи, фамилыныя драгоценности, прекрасныя подержанныя приборы, въ которыхъ дѣти и старики ѣли первый и послѣдній супъ, передѣлываетъ онъ въ модныя бездѣлушки. Онъ гордится своей работой, и заказчики въ восторгѣ отъ него.

Теперь всѣ хозяйки въ кварталѣ экономятъ на всемъ, чтобы свои сбереженія отнести къ красивому часовщику. Онъ больше не хотятъ получать въ подарокъ на новый годъ ни вязаннаго покрывала на кровать, ни зеркальнаго шкапа, ни висячей лампы. Нѣтъ, только драгоценную вещь, хотя бы самую вычурную и безвкусную, но купленную непременно у новаго часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастера.

Хозяйки у него нѣтъ. Этотъ красивый парень холостъ, и поэтому въ четыре часа дня жительницы квартала ему приносятъ на закуску немного колбасы, свиного сала, «полученнаго оттуда, гдѣ свинья была заколота», фруктовъ, вина, полученныхъ тоже изъ деревни—отъ бабушки или тетюшки подносительницы.

Ему даже комнату убираютъ даромъ,—нужно, вѣдь, чтобы у него былъ порядокъ.

И такъ онъ живетъ, почти безъ расходовъ, починаетъ часы, продаетъ золотыя вещи по умѣреннымъ цѣнамъ, которыя ему приносятъ, однако, порядочный доходъ. И все идетъ ему впрокъ,—никакихъ убытковъ у него не можетъ быть.

Тишина маленькой улицы и благополучіе часового мастера нарушались иногда ссоюю двухъ ревнивыхъ женщинъ, которыя предъ его магазиномъ выкладывали другъ другу «всю правду». Но часовщикъ любитъ только тогда стеченіе народа, когда видитъ и слышитъ восторгъ по поводу своего послѣдняго творенія. Когда же поднимается «шумъ», онъ появляется на порогѣ магазина, и тотчасъ-же діапозонъ ссоры понижается, голоса удаляются, глухо доносятся издалека и, наконецъ, терются гдѣ-нибудь въ коридорѣ сосѣднихъ домовъ.

Вскорѣ произошла, однако, первая тревога. Пронесся слухъ, будто онъ взялъ Селину въ любовницы. Однажды вечеромъ видѣли молодую дѣвушку въ сильномъ возбужденіи, прильнувшую лицомъ къ окну магазина. Въ другой разъ она пришла купить за десять су серебряное колечко съ синимъ камнемъ. Съ веселымъ смѣхомъ красивый часовщикъ самъ надѣлъ его ей на палецъ. Потомъ стали увѣрять, что они вмѣстѣ прогуливались и танцовали въ *Elisée Ménilmontant*; наконецъ, на дру-

гой день их увидѣли на углу улицы и затѣмъ потеряли ихъ слѣдъ.

— Неужели это правда?

— Вы себѣ представить не можете, что это за потаскушка!

— Бѣдная мать!

— А онъ? У него такой серьезный видъ!

Во всемъ кварталѣ раздавались эти восклицанія. И магазинъ сразу опустѣлъ, — ни одной заказчицы. Красивый часовщикъ понялъ, что его покупатели не потерпятъ столь легкомысленнаго поведенія, и сдѣлался осторожнѣе, переставъ совсѣмъ по вечерамъ выходить изъ дому. Мало-по-малу, однако, часть капризныхъ заказчицъ вернулась къ нему.

Вдругъ кварталъ опять взволновался. Новость пролетѣла въ воздухъ и, скользя по поверхности, проникла въ коридоры, въ помѣщенія привратниковъ и поднялась въ верхніе этажи, заставивъ учащенно забиться сердца отъ перваго этажа до мансарды. А когда слухъ о ней подтвердился, то произошло нѣчто такое, что можно сравнить лишь съ землетрясеніемъ, отъ котораго дрожать дома и мостовыя.

Кто-то, — неизвѣстно, кто именно, должно быть, то же самое лицо, которое встрѣтило красиваго парня съ Селиной, — увѣряя, что ему сказали, будто часовщикъ хочетъ жениться.

Послѣ перваго сотрясенія отъ неожиданной вѣсти наступило какое-то зловѣщее затишье, точно ожидались похороны, а не свадьба.

Въ два дня магазинъ снова опустѣлъ и опять перестали толпиться у его дверей; зеленщикъ съ противоположной стороны началъ даже пошучивать, сидя среди своего картофеля времямъ Пармантье и допотопныхъ сардинокъ.

Часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ хотѣлъ пощупать пульсъ своихъ покупательницъ. Всюду его встрѣчали запертыя двери и ледяныя лица. Ни у кого ни малѣйшаго желанія купить старинный крестикъ или колечко для невѣсты.

Красивый парень сейчасъ же понялъ молчаливый урокъ и испугался такого враждебнаго отношенія. Жениться значило для него идти на вѣрное разореніе, прогнать покупателей, остаться съ товаромъ на рукахъ, а вслѣдъ за этимъ появились бы опротестованные векселя и полный крахъ.

Онъ тотчасъ-же круто измѣнилъ фронтъ.

— Да это не больше, какъ выдумка завистливыхъ лавочниковъ, — сталъ онъ заявлять своимъ покупательницамъ, встрѣчая ихъ на улицѣ.

И улица снова свободно вздохнула.

Тотчасъ-же покупательницы вернулись къ своему любимцу,

часы опять начали портиться, всё́мъ снова захотѣлось имѣть кольца на пальцахъ или ожерелья на шеяхъ.

— Знаете,—говорили онѣ,—это была сплетня. Ему хотѣли подставить ногу. Впрочемъ, такому красавцу всегда всё завидуютъ.

И снова стали мирно собираться у магазина посмотреть, какъ работаетъ всеобщій любимецъ. На лицо его падаетъ отраженіе стоящихъ у окна разноцвѣтныхъ бокаловъ съ водой. Съ лупой въ глазу онъ приводитъ въ движеніе карманные и стѣнные часы, а свободнымъ глазомъ посматриваетъ искоса на группу, любующуюся имъ.

Если красивый часовщикъ вздумаетъ когда-либо жениться, ему слѣдуетъ заранѣе обезпечить себя.

Любовь законная, такъ же, какъ и незаконная, даже еще скорѣе, чѣмъ незаконная, ему безусловно воспрещена.

— Вотъ еще! Стала бы я ихъ слушаться, будь я на его мѣстѣ!—кричитъ Селина съ бѣшенствомъ.

— Онъ долженъ сидѣть за своей витриной,—говоритъ Сесиль, которой такъ весело отъ этой комедіи, точно бы она побывала въ театрѣ.

З а м ъ.

Много другихъ странныхъ типовъ было въ предѣлахъ, гдѣ жили Помье, на ихъ улицѣ и въ ихъ домѣ: игроки на скачкахъ, маніаки лотерей, завсегдатаи сберегательныхъ кассъ, подписчики на займы, бережливые и скупые.

Какъ-то вечеромъ Селина рассказала, что дядя Шодронъ, которому иногда давали изношенные башмаки или кусокъ хлѣба, стоитъ въ очереди подлѣ меріи, чтобы подписаться на заемъ парижскаго муниципалитета. Внѣ себя отъ взумленія старикъ Помье пошелъ самъ посмотреть, взявъ съ собою Сесиль, чтобы она тѣмъ временемъ погуляла съ нимъ. Оказалось, что Селина сказала правду. Онъ увидѣлъ стараго Шодрона въ толпѣ людей, которые пришли простоять всю ночь въ ожиданіи, когда дверь кассы, точно театральнй занавѣсъ, откроется передъ народомъ, переполненнымъ надеждами. Были въ толпѣ и такіе, что только занимали мѣста и были лишь представителями богатыхъ. Но многіе стояли тамъ за свой собственный счетъ,

дядя Шодронъ былъ изъ числа послѣднихъ. Между тѣмъ видъ и у него, и у другихъ былъ такой, что онъ вызывалъ мысль о нищетѣ, нуждѣ, благотворительности, чѣмъ о сбереженіяхъ, деньгахъ, капиталѣ, доходѣ. Скорѣе можно было подумать, что эти люди собрались у двери казармы или ресторана, ожидая раздачи порціи дарового супа.

Надъ изнуренными безпокойными лицами виднѣется надпись полицейскаго поста, устроеннаго въ меріи: «Помощь раненымъ», — ироническая вывѣска для всей этой толпы искалѣченныхъ жизнью и неувѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ. Однако, это все же рантѣе и жаждущіе ренты.

Страсть дѣлать сбереженія и выгодно ихъ помѣщать овладѣваетъ многими бѣдняками. Они урѣзываютъ себя въ самомъ необходимомъ, прибѣгаютъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ, избобрѣтаютъ всякія лишенія, пока наступитъ желанный день, когда они, простоявъ на ногахъ часть ночи и дня, смогутъ обмѣнять трудовыя деньги на кусокъ бумаги, сулящій большіе проценты и крупный выигрышъ.

На слѣдующій день дядя Шодронъ пришелъ къ Помье.

— Ну, дѣдушка Шодронъ, — говоритъ Помье, — вчера я видѣлъ тебя у меріи. Такъ ты теперь сталъ рантѣе? Сколько же ты взялъ облигацій?

— О, только одну четверть! И у меня не осталось ни одного су...

— Вотъ оно какъ! Ты бы насъ всѣхъ хорошимъ ужиномъ угостилъ сегодня, а вмѣсто того въ мерію деньги относишь. Но, признайся — осталось еще что-нибудь въ карманѣ? Пойди же, угости ужиномъ!

— Клянусь тебѣ, ни одного су не осталось, даже поужинать не на что.

— Оставь его въ покоѣ, — вмѣшалась жена, — каждый дѣлаетъ, что хочетъ, или, вѣрнѣе, что можетъ. Такъ вамъ таки, въ самомъ дѣлѣ, не на что поѣсть, дядя Шодронъ? Садитесь поближе къ печкѣ, я вамъ сейчасъ приготовлю чашку супа.

— Такъ, такъ, Марія, поднеси ему супу: онъ еще прибежитъ и купитъ другую четверть облигаціи, — добродушно насмѣшливо говоритъ Помье. — Да прибавь-ка еще стаканъ вина нашему бѣдовому рантѣе. И я съ нимъ выпью за компанію!..

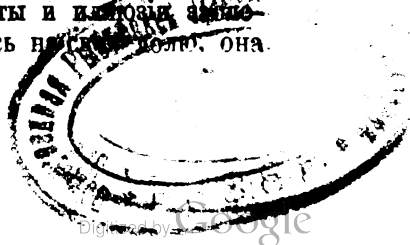
Л о т е р е я .

Привратница г-жа Бенаръ точно также искала счастья въ случайностяхъ игры и черпала силы въ иллюзіяхъ. Никто не слѣдиль съ такой страстностью за лотереями, какъ она. Вооружившись очками, она постоянно роется въ газетахъ, каждую свободную минуту она бѣжитъ въ табачную лавочку, увѣшанную бѣлыми и голубыми билетами, либо разсматриваетъ красующіяся всюду на стѣнахъ афиши, грубо заманивающія числами съ четырьмя и пятью нулями, пестрящія золотыми и серебряными фейерверками, въ которыхъ сверкаютъ выигрыши

въ пятьдесятъ и сто тысячъ франковъ. Съ обширностью этихъ надеждъ можно сравнить лишь скромность риска. Кто желаетъ получить полмилліона за двадцать су? Кто хочетъ въ мгновение ока произвести феерическую перемѣну въ своемъ положеніи? Кто хочетъ сразу перейти отъ посредственности и нищеты къ пышной жизни, въ которой всѣ желанія превращаются въ дѣйствительность?

Конечно, г-жа Бенаръ этого хотѣла. Она вѣрила въ талисманъ и покупала его въ видѣ занумерованнаго клочка печатной гербовой бумажки. Именно для нея сверкали милліоны, для нея создавались благотворительныя учрежденія, организовывались національныя предпріятія. Проспектъ, сулящій за двадцать су сто тысячъ франковъ, рассчитанъ на рабочаго, который съ утра до вечера работаетъ, не присѣдая, въ шумной мастерской съ ея оглушительнымъ ревомъ паровыхъ свистковъ и визгомъ машинъ, или на дѣсахъ, гдѣ пронизываетъ вѣтеръ и голову напекаетъ солнце, — рассчитанъ на конторщика, который въ притупляющей обстановкѣ своей скучной и безконечной работы мечтаетъ объ отдыхѣ, — на молодую дѣвушку, желающую выйти замужъ, — на женщину, которой не на что кормить дѣтей. Проспектъ рассчитанъ и на старую привратницу, которая живетъ въ комнаткѣ величиною съ шкафъ и присматриваетъ за своимъ рагу, съ рыжимъ котомъ на колѣняхъ.

Въ этой маленькой узенькой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ сіялъ одинъ лучъ надежды, была одна только возможность улучшить тяжелую долю. Г-жа Бенаръ никогда не думала о томъ, что такое въ дѣйствительности сто тысячъ франковъ, ни о томъ, что сдѣлала бы она съ такой суммой, если-бы она свалилась ей съ неба въ супъ или въ рагу изъ баранины. Она даже ни на минуту не останавливалась на мысли, что имѣеть только одну милліонную или одну десятиллионную долю шанса на выигрышъ. Она заботилась только, чтобы не упустить случая и насколько возможно увеличить сумму выигрыша. Она взяла бы не одинъ, а два, пять, десять билетовъ, если бы только была въ состояніи. Она сама себя облагаетъ такимъ налогомъ, какой только можетъ вынести, и подвергаетъ себя всякимъ лишеніямъ, чтобы уловить счастливое мгновеніе и овладѣть столь желаннымъ богатствомъ. Богатство остается вдали и тамъ ослѣпительно сіяетъ яркой звѣздой, но обладаніе лотерейнымъ билетомъ даетъ ей всю сладость мечты. Цѣлые дни и мѣсяцы, до самаго розыгрыша, она воображаетъ себя обладательницей вожделѣннаго перваго выигрыша. Ея существо какъ бы раздваивается, и теперь мечты и вѣтви жизни плетуть реальную жизнь. Постоянно жалуясь на свою долю, она

свободно, ничѣмъ не сдерживаемая, строить свое будущее. Правда, горько пробужденіе на другой день послѣ тиража, когда она, смотря и пересматривая выигрышные номера, не находитъ среди нихъ своего, и тогда она испытываетъ разочарованіе и тоску. Но это лишь на одно мгновеніе. Вѣра ея слишкомъ крѣпка. Она откладываетъ осуществленіе своихъ надеждъ до слѣдующаго тиража и снова начинаетъ жить своей постоянной мечтой.

С к а ч к и.

Но забавнѣе всѣхъ былъ Патерно, жившій въ томъ же домѣ и служившій во время осады Парижа въ одномъ батальонѣ національной гвардіи со старикомъ Помье. Патерно, который не находилъ словъ, чтобы достаточно высмѣивать страсть привратницы къ лотерейнымъ билетамъ, самъ былъ фанатикомъ скачекъ. Здравомыслящій для другихъ, но слѣпой для самого себя, онъ сохранилъ съ конца имперіи, осады и коммуны убѣжденія, которыя высказывалъ со всѣмъ пыломъ, когда нужно было раскритиковать сосѣда, и забывалъ въ то время, когда самому себѣ слѣдовало прочесть нотацію.

— Да, — краснорѣчиво доказывалъ онъ, — полагаться на счастье лотерейнаго билета — это чистѣйшій эгоизмъ. О, да, это куда легче, чѣмъ заодно съ другими бороться за преобразование общества! Всякъ за себя! А послѣ меня хоть потопь!.. Я не говорю ужъ о томъ, что это глупо, что ваши двадцать су пойдутъ въ карманы кучки дѣльцовъ, которые такимъ образомъ наживаются миллионы, чтобы потомъ своими богатствомъ васъ же давить. Повѣрь мнѣ, старина Помье, въ табачную лавку входи только затѣмъ, чтобы закурить трубку. Если бы ты захотѣлъ затѣять лотерею съ товарищами, чтобы поставить фабрику на товарищескихъ началахъ, тебѣ бы, навѣрно, не разрѣшили. Спрячь же твои двадцать су, слѣнай на нихъ, что хочешь, купи хоть куклу твоей дѣвчонкѣ или распей бутылочку со мною, — это куда выгоднѣе!

И послѣ такой блестящей рѣчи Патерно отправлялся играть на скачкахъ.

— Это вовсе не одно и то же, дядя Помье — объяснялъ краснорѣчивый рабочій. — Пари — это трудъ. Лошадь — она, вѣдь, существуетъ. Это своего рода промышленность или торговля какая-нибудь. Ставить деньги на лошадь, — это все равно, что я, напримѣръ, производилъ или скупалъ бы что-нибудь съ тѣмъ, чтобы потомъ перепродать. Понимаешь, дядя Помье?..

Дядя Помье не очень хорошо понималъ, хотя въ одномъ

пунктъ Патерно былъ правъ: скачки, дѣйствительно, были для него трудомъ. Онъ всегда среди той толпы, что штурмомъ беретъ кареты, фаэтоны, шарабаны, повозки, вагоны, среди тысячъ и тысячъ людей, то серьезныхъ, озабоченныхъ и мрачныхъ, то лихорадочно смѣющихся, которые съ искаженными лицами, поглощенные *idée fixe* бѣгутъ на скаковое поле, точно на поле битвы.

При видѣ этой толпы, бѣгущей въ одномъ направленіи, торопящейся скорѣе прибыть на мѣсто, можно подумать, что это манифестанты, очень дисциплинированные, стойкіе, мирно выражающіе самое твердое рѣшеніе, самую непреклонную волю. Но зачѣмъ собрались они? Куда они спѣшать? У нихъ нѣтъ ни знаменъ, ни флаговъ съ ярко написанными лозунгами горячо желаемой реформы. Собрались ли они, чтобы торжественно привѣтствовать идею или почтить въ годовщину смерти какого нибудь великаго человѣка? Къ могилѣ какого ученаго, поэта или государственнаго мужа спѣшать они? Идутъ ли они навстрѣчу народному оратору или побѣдоносному генералу? Порою они передаютъ другъ другу записочки, на которыхъ написаны пароли, или обмѣниваются короткими фразами, въ которыхъ звучатъ славныя выразительныя имена: Баяръ, Верцингеториксъ, Альбионъ. Особенно часто слышно имя Альбионъ. Повидимому, толпа горитъ ненавистью къ Англіи.

Вотъ какъ этотъ живой народъ съ героическимъ прошлымъ, съ бурной исторіей, употребляетъ свои познанія на азартную игру и спекуляціи коннозаводчиковъ, подъ предлогомъ улучшенія конской породы.

Скачки, происходящія обыкновенно по воскресеньямъ, заполняютъ всю недѣлю и служатъ предметомъ разговоровъ въ общественныхъ мѣстахъ, дома, въ мастерскихъ, въ кофейняхъ, кабакахъ, на улицѣ и въ убогой квартирѣ рабочаго. Всюду проносятся имена лошадей, отовсюду заработанныя упорнымъ трудомъ серебряныя монеты уходятъ туда, къ заманчивому полю скачекъ, гдѣ несутся голопомъ изящныя, красивыя животныя, ставшія идолами цѣлаго города.

Патерно постепенно пріучается, такимъ образомъ, рассчитывать на то, что перепадетъ отъ спорта, а потомъ его ослѣпляютъ нѣсколько значительныхъ выигрышей и короткіе промежутки, когда ему везетъ въ игрѣ. Теперь онъ убѣжденъ, что нашелъ лучшее средство времяпрепровожденія и самое справедливое вознагражденіе за трудъ. Онъ дошелъ до того, что свое присутствіе на скачкахъ разсматриваетъ, какъ единственное занятіе, отнынѣ достойное его особы. Подобно привратницѣ онъ сдѣлался страстнымъ игрокомъ, который живетъ лишь

лихорадочной игрой, и напрасно, вернувшись со скачекъ въ Auteuil или Longchamp, онъ съ высоты своего величія бросаетъ презрительные взоры на г-жу Бенаръ, занятую переключиваніемъ билетовъ и взвѣшиваніемъ шансовъ на выигрышъ. Онъ вполне уподобился ей.

Свадьба.

Самая веселая и пріятная сцена, разыгравшаяся передъ Сесиль—была свадьба Юліи, дочери прачки, которая жила въ переулкѣ Ронсъ, выходящемъ на улицу Аманде. Юлія училась вмѣстѣ съ Селиной въ школѣ и, до сихъ поръ оставаясь подругой съ обѣими сестрами, не преминула пригласить ихъ на вѣнчанье и на свадебный обѣдъ. Послѣ нѣкотораго колебанія мать согласилась доставить дочерямъ столь желанное удовольствіе.

Въ эту субботу Селина и Сесиль добрый часъ караулили появленіе кареты и пристально всматривались горящими отъ нетерпѣнія глазами въ шумѣвшую даль пробуждающейся улицы. Наконецъ, большой фургонъ, запряженный тройкой сильныхъ лошадей, съ разодѣтымъ кучеромъ, остановился передъ домомъ. Обѣ дѣвушки живо спустились внизъ, едва отвѣчая на послѣднія наставленія матери.

У воротъ уже стояла толпа, узкій коридоръ былъ запруженъ кумушками, жаждавшими полюбоваться бальными туалетами барышень, отправлявшихся на свадьбу. На обѣихъ сестрахъ были легкія изъ темно-синяго съ бѣлыми горошинами фуляра платья и бѣлыя соломенные шляпы съ гирляндой розъ. Хотя онѣ были совершенно одинаково одѣты, костюмъ Селины, казался болѣе моднымъ, болѣе наряднымъ, благодаря тамъ и сямъ пришитой кружевной отдѣлкѣ. Видно было, что она собралась на свадьбу. Сесиль же имѣла скорѣе видъ дѣвочки, которая идетъ на школьный актъ за наградой.

Быстро прошли онѣ мимо любопытной толпы и взобрались въ повозку, сопровождаемая привѣтами и восклицаніями. Селина, кокетливая и тщеславная, какъ всегда, желала показать публикѣ, что ея туалетъ снизу такъ же безукоризненъ, какъ и сверху, и гордо приподняла, болѣе, чѣмъ быслѣдовало, волну юбокъ, и изъ подъ нихъ показались тонкія круглыя ножки, гладко обтянутыя красивыми чулками.

— Стройная дѣвушка,—сказала одна изъ кумушекъ,—и бѣдовая же!

Изъ своего окна мать смотрѣла на отъѣздъ дочерей. Ея глаза встрѣтились съ Сесиль. Селина же торжествовала и не

замѣчала никого, кромѣ самой себя, уносясь въ шарабанѣ, точно въ триумфальной колесницѣ. Кучеръ то и дѣло щелкалъ бичомъ. Лошади бѣжали ровной рысью. Сестры были однѣ въ экипажѣ. Наканунѣ у невѣсты было рѣшено, что сперва заѣдутъ за ними въ ихъ улицу Бельвиль.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила Селина.

— Къ г-жѣ Фрикэ, на Chaussée-Ménilmontant.

Вскорѣ экипажъ остановился передъ скромнымъ домомъ. Ждали довольно долго; наконецъ, вышла дама въ сѣрыхъ и лиловыхъ перьяхъ, затянутая, точно въ кирассу, въ шелковое сѣрое платье, украшенное стальнымъ бисеромъ. Длинная золотая цѣпочка обвивала ея шею и грудь. Она нацѣпила на себя, по случаю торжества, всѣ свои драгоценности—оправленные въ золото гранаты, кольца, браслеты, серьги и брошки. Она привѣтливо улыбнулась молодымъ дѣвушкамъ и, въ качествѣ воспитанной особы, первая привѣтствовала ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Намъ суждено провести вмѣстѣ сегодняшній день... Здравствуйте, барышни!

— Здравствуйте, сударыня, — отвѣтили обѣ дѣвушки въ одинъ голосъ.

— Вы видѣли вчера невѣсту? Какая прелестная дѣвушка! Я бываю у ея матери уже лѣтъ двадцать, да и отца ея знаю. Это очень почтенные люди, и они вполне заслуживаютъ то счастье, которое имъ выпало... Что вы скажете о моей шляпѣ? Это одна изъ моихъ жиличекъ помогла мнѣ ее выбрать. Я находила, что шляпа для меня немного молода. Она же мнѣ сказала: «Ну что-жъ, г-жа Фрикэ, рано еще вамъ въ пятьдесятъ девять лѣтъ въ старухи записываться!»

— Это сама хозяйка дома, — шепнула на ухо Сесиль восхищенная Селина.

— Или привратница, — пробормотала болѣе недовѣрчивая Сесиль.

И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было утверждать съ увѣренностью. Мода царитъ въ предмѣстьяхъ, какъ и повсюду, и всѣ женщины одинаково наряжаются, — какъ ихъ распознать? Повозка покатила дальше по улицѣ Делетръ и остановилась передъ винной лавкой. Маленькая женщина, розовая, круглая, точно куколка, съ вздернутымъ носикомъ, съ колышущейся, какъ желатинъ, грудью, едва осмѣливаясь пошевелинуться въ вышитомъ шелковомъ платьѣ, взошла въ шарабанъ. Бархатная шляпа à la Рембрандтъ съ длиннымъ чернымъ перомъ отгнѣняла ея лицо. Руки были затянуты въ бѣлыя перчатки безъ одинаго пятнышка. Кучеръ хотѣлъ тронуться.

— Подождите!— сказала она съ сильнымъ овернскимъ акцентомъ,— мой мужъ запираетъ лавку, онъ сейчасъ придетъ... Эй! Шантаньякъ, тебя ждутъ дамы.

Повернувъ послѣдній разъ ключъ въ замкъ и бросивъ послѣдній взглядъ на ставни, Шантаньякъ сѣлъ рядомъ съ женою. Въ скюртукъ, въ цилиндръ, съ гладко выбритой верхней губой и черной бородкой подъ подбородкомъ и золотыми серьгами въ ушахъ, онъ имѣлъ видъ челоуѣка скрытнаго, не произносилъ ни слова и, видимо, чувствовалъ тебя неловко въ правдивномъ одѣянiи. Жена безпрестанно наклонялась къ нему и, шепелявя, довольно громко говорила:

— Я очень рада, Шантаньякъ, что сегодня такая хорошая погода,— намъ, вѣдь, такъ рѣдко приходится выѣзжать!..

Наконецъ, экипажъ вѣхалъ черезъ улицу Аманде въ глухой переулочекъ Ронсъ. Тамъ-то жила невѣста. Лотки зеленщицъ загораживали проходъ. Что дѣлать? Но люди изъ народа всегда помогаютъ другъ другу, когда нужно повеселиться, и телѣжки переѣхали на другія мѣста. Всѣ сосѣди высунулись въ окна. Предстояло видѣть такое зрѣлище, какъ свадебный поѣздъ, а, помимо того, и невѣста была симпатична. Она родилась въ этомъ переулкѣ, ее знали ребенкомъ и видѣли, какъ она постепенно подростала; она поэтому почти въ такой же мѣрѣ принадлежала кварталу, какъ и своей матери. Это была дѣвушка хорошаго поведенiя, трудолюбивая, и ее любили больше, чѣмъ мать, потому что она не была крикуней и сплетницей, какъ грубая прачка, огромная и крѣпкая, какъ ярмарочный атлетъ, съ крикливымъ голосомъ, сварливая и драчливая.

Если ея мать не любили, то зато уважали, потому что ее боялись. Ей уступили мѣсто, какъ только она показалась изъ своей прачешной, съ видомъ старой королевы карнавала, сохранившей свое прежнее величiе.

— А гдѣ ваша дочь?

— Ну ее! Все еще возится тамъ со своими тряпками!

Никто не осмѣливался пикнуть, опасаясь, чтобы она не истолковала какъ-нибудь вкривь его словъ. Она влѣзла въ повозку, приняла привѣтствiя отъ Селины и Сесиль, приглашенныхъ ея дочерью, внимательно осмотрѣла Фрикэ и Шантаньяковъ,— съ ними она не была знакома; ихъ пригласилъ женихъ, и они жили на другой улицѣ. Подлѣ нея помѣстился мужъ ея, старый и крѣпкiй лакей изъ кафе.

— Отецъ, садись вотъ здѣсь,— сказала она ему,— садись же! Ты имѣешь такое же право на это мѣсто, какъ и другiе.

Другiе—это была «сторона» жениха, и она такъ таращила.

на нихъ глаза, что имъ становилось страшно. Ея приглашенныя тоже постепенно приходили—рабочіе, работницы, приказчики, лавочники. Слышались возгласы: «Милый!.. Милая!.. Дорогая моя!.. Кроликъ!..»

Послѣдней явилась женщина съ плоскимъ, какъ тарелка, профилемъ. Въ толпѣ называли ее «волчонкомъ». Она казалась общимъ баловнемъ.

— А Жасминъ?.. Гдѣ твой Жасминъ?..

Всѣ женщины осведомлялись объ ея Жасминѣ.

Г-жа Фрика, хотя не была изъ того же «общества», вѣжливо намекнула, что жасминъ можно будетъ найти у первой цвѣточницы. «Сторона невѣсты» презрительно посмотрѣла на нее. Она поняла, что не попала въ тонъ.

— Вотъ онъ! вотъ онъ!..

Въ ту же минуту на подножку вспорхнулъ толстый блондинъ, не въ мѣру расфранченный, съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Жасминъ, толстячокъ Жасминъ! Сокровище мое! Мой любимчикъ!—равдавались женскіе голоса.—Сюда, сюда, подлѣ меня!

Его разрывали на части. Жасминъ усѣлся возлѣ незнакомой ему г-жи Шантаньякъ, которая, очевидно, была въ его вкусѣ.

— Ахъ! Жасминъ обидѣлъ насъ!—хныкали женщины.

А Жасминъ ухмылялся въ свой тройной подбородокъ.

— Ты не ревнуешь, что твой мужъ ухаживаетъ за незнакомой тебѣ женщиной?

— Ну, вотъ еще! Вѣдь, сегодня—свадьба!.. И мнѣ наплевать,—все равно вечеромъ онъ опять со мною будетъ.

Благодаря Жасмину, ледъ растаялъ, и всѣ перестали отличать «сторону» жениха отъ «сторону» невѣсты. Скоро всѣ сблизились между собою.

— Невѣста! Невѣста! — стали выкрикивать мѣрнымъ тактомъ.

— Чортъ возьми, она никогда не соберется,—крикнула мать, вытирая крупныя капли пота.

— Никакъ не можетъ наговориться со своимъ женихомъ и друзьями!.. Отецъ, пойдѣ-ка посмотри.

Наконецъ, показалась невѣста. Она была красива: здоровая простая дѣвушка съ ясными карими глазами, наивными, но рѣшительными. Хотя ей было всего двадцать лѣтъ, но ей можно было дать всѣ двадцать пять. Она вступала въ жизнь, точно выходила на улицу, уже зная ее. Трудъ и заботы были ей знакомы. Она выглядѣла женщиной, вполне созрѣвшей для материнства. Несмотря на мягкія черты лица, въ углахъ рта

лежала складка горечи, лицо дышало разсудительностью, и видно было, что она ко всему относилась критически и чисто женски умѣла отбиваться отъ нападеній.

— Да здравствуетъ невѣста!

Она поднялась на шарабанъ и заняла предложенное ей почетное мѣсто, а женихъ сѣлъ рядомъ. Онъ ничѣмъ не выдѣлялся; это былъ обыкновенный миловидный молодой рабочий, на которомъ трудъ уже наложилъ свой отпечатокъ.

Когда экипажъ тронулся, еще разъ раздалось то же привѣтствіе:

— Да здравствуетъ невѣста!

Рысью направились къ меріи. Но не отѣхали и двѣсти метровъ, какъ всѣхъ начала мучить жажда. Первой стала жаловаться мать невѣсты.

— У меня въ глоткѣ пересохло!—сказала она.

Муки жажды овладѣли всѣми. Остановились передъ кабакомъ. Приглашенные остались на мѣстахъ. Вино и стаканы подали въ экипажъ. Одна только невѣста отказалась; она никогда не пила ничего, кромѣ воды.

— Мокрая курица,—сказала мать,—или, вѣрнѣе,—утка... Не удивительно, что у тебя такія блѣдныя губы.

Женихъ выпилъ свою долю. Въ меріи, совсѣмъ новомъ зданіи на площади Пиренеевъ, собралась довольно большая толпа. Только первые ряды могли слышать слова мера и два «да». Всѣ прошли мимо молодыхъ, поздравляя ихъ, и бросились на противоположную сторону улицы въ ресторанъ выпить за здоровье новобрачныхъ. Возліянія могли бы длиться долго; тѣ, что были больше другихъ навеселѣ, начинали уже декламировать и пѣть и нужно было нѣкоторыхъ силой отвести къ дамамъ, которыя уже сидѣли въ экипажѣ и съ сожалѣніемъ смотрѣли на этихъ гостей, не умѣющихъ прилично вести себя въ обществѣ.

Изъ меріи поѣхали въ церковь. Послѣ мера въ трехцвѣтномъ шарфѣ, обрядъ долженъ былъ закончить священникъ въ стихарѣ и эпитрахили. Онъ не скоро пришелъ. Поднялся смѣхъ, шутки.

— Тсс... вотъ онъ!

Священникъ быстро прошелъ черезъ всю церковь, вошелъ въ маленькій придѣлъ съ правой стороны, посвященный Св. Севастьяну, гдѣ стояла статуя мученика изъ выкрашеннаго гипса, пронзенная дротиками. Обрядъ окончился быстро: священнику нужно было переходить изъ придѣла въ придѣлъ, чтобы благословить скромныя брачныя пары, ожидавшія тамъ согласія церкви на ихъ союзъ. Нѣсколько фразъ по-латыни, сборъ де-

негъ на серебряномъ блюдѣ, нѣсколько ударовъ жезломъ церковнаго сторожа въ полъ—вотъ и церемонія. Все было окончено. Теперь въ ресторанъ. Было двѣнадцать часовъ.

На этотъ разъ размѣстились въ экипажахъ, какъ хотѣли: всѣ уже успѣли перезнакомиться. Тѣмъ не менѣе всѣ дамы хотѣли сидѣть подлѣ Жасмина. Его маленькіе сѣрые глазки, большой животъ, крупное сложеніе, увѣренность, съ которою онъ говорилъ, подмигивая глазомъ, что «онъ-то знаетъ толкъ», завоевали всѣ сердца. Пришлось вмѣшаться самой невѣстѣ, чтобы водворить порядокъ. Тѣ, кому пришлось уступить, жалобно вздыхали, охали, стонали, точно ягнята, разлученные съ матерью. Онѣ утѣшались, осыпая ласками хоть жену Жасмина, которая имъ владѣла.

Такъ подѣхали къ ресторану, на которомъ красовалась вывѣска «Сто тысячъ приборовъ». Въ праздничной залѣ, передъ громаднымъ столомъ, началось всеобщее лобзаніе. Неумолчно раздавались замѣчанія относительно туалетовъ, красоты невѣсты, симпатичнаго вида и порядочности жениха. Дамы спросили у лакея, гдѣ можно «вымыть руки». Въ узенькомъ закоулкѣ, гдѣ пахло камфорой, онѣ пудрили лица жирной пудрой съ мускуснымъ запахомъ, взбивали волосы, подтягивали подвязки, все время дѣлая другъ другу комплименты относительно вкуса ихъ туалетовъ.

Селина, безъ сомнѣнія, была самая привлекательная, но она не совсѣмъ еще была довольна своимъ лицомъ; поэтому она зажгла спичку, потушила ее, заострила пальцами обуглившіяся кончикъ и, подойдя къ зеркалу, подвела глаза и почернила брови и рѣсницы. Затѣмъ въ ходъ былъ пущенъ красный карандашъ, которымъ она осторожно провела по рту, оживила двумя мазками краску губъ и спрятала футлярчикъ въ карманъ. Наконецъ, пуховка смягчила рѣзкость краски.

— Экая шельма! — говорили дамы.

Съ видомъ полного удовлетворенія Селина хлопнула себя по бедрамъ и выпрямила талию, чтобы показать, что она во всѣхъ отношеніяхъ хороша... Госпожа Фрика, которая не умѣла сдерживать своего восторга, громко восхищалась дѣвушкой, развивъ это въ слѣдующемъ заключеніи:

— Ахъ, моя прелесть, вамъ только ренты не хватаетъ.

Ни малѣйшаго украшенія не было на длинномъ столѣ; даже букетъ живыхъ цвѣтовъ не оживлялъ его. Ничего, кромѣ бѣлыхъ цвѣтовъ въ голубой хрустальной вазочкѣ, которая подавалась въ ресторанѣ для букетовъ всѣхъ невѣстъ. Грубыя тарелки и толстые стаканы были разставлены для этихъ наивныхъ людей, которые гораздо вкуснѣе обѣдали у себя дома,

но для которыхъ одна мысль о томъ, что они на свадьбѣ, была уже большимъ удовольствіемъ. Сардинки, ломтики колбасы, редиска—какъ все это было красиво! А рыба поданная порціями, съ какимъ то сѣроватымъ соусомъ! Нѣкоторые рискнули попросить вторую порцію, но больше не оказалось. Мать невѣсты жаловалась, что вина разливали очень скупю, и велѣла позвать ховяина, но онъ счелъ благоразумнымъ не явиться.

Время отъ времени невѣста поднимала глаза на жениха который сидѣлъ противъ нея. Ея славные глаза выражали счастье новой жизни: не будетъ больше пощечинъ, грубо наносимыхъ материнской рукой, то слишкомъ ласковой, то слишкомъ сердитой. Упреки и крики женщины, ревновавшей своего красиваго мужа, переходили иногда въ истеричныя грубости. Отецъ Юліи былъ ласковъ съ нею, но передъ своей бѣшеной мегерой онъ робѣлъ. Теперь Юлія избавится отъ всего этого и не будетъ уже плакать отъ огорченій по пѣлымъ днямъ. Конечно, трудно будетъ справиться вначалѣ съ хозяйствомъ, но, вѣдь, эти трудности всѣмъ приходится переживать! Были бы только работа да здоровье, дѣтки и хорошій мужъ у нея, благо-разумной и экономной работницы — вотъ ея мечта; разбогатѣть, правда, отъ этого нельзя, но, по крайней мѣрѣ, концы съ концами можно сводить.

Онъ тоже временами посматривалъ на нее съ улыбкой, но никакихъ думъ о будущемъ не приходило ему въ голову; въ немъ пробуждалось только вождельніе новобрачнаго, ожидающаго ночи. Всѣ расчеты на эту женщину, необходимую въ его рабочей жизни, онъ произвелъ раньше, чѣмъ сдѣлать ей предложеніе. Завтрашній день слишкомъ скоро принесетъ свои скорби; незачѣмъ думать о нихъ уже теперь.

Сесиль наблюдала. Она не принимала участія ни въ болтовнѣ, ни въ весельѣ. Ее учили тому, что всѣ мужчины и женщины—ея братья и сестры, но она догадывалась, что не всѣ ихъ отношенія были братскими. И съ какими разнообразными отношеніями ей приходилось сталкиваться! Она видѣла, что невѣста стремится отвѣдать счастья, но мужъ врядъ-ли способенъ слѣдовать за нею, и въ молодой головкѣ рождается мысль, что сама судьба беретъ на себя заботу распредѣлять людей и что большинство изъ нихъ принимаетъ свою участь безъ разсужденія, безъ всякаго желанія.

На жаркое была подана роскошная, золотистая, вкусно за-жаренная баранина. Появленіе ея всѣ громко привѣтствовали. Когда всѣ ею полюбовались, она была возвращена лакеямъ, которые ее разрѣзали и роздали приглашеннымъ по куску блѣдно-синеватаго мяса, чуть теплаго и безвкуснаго; къ счастью, въ при-

дачу былъ салатъ, сильно приправленный чеснокомъ. Потомъ послѣдовалъ сыръ и пирожныя, кофе и графины съ ликерами. Шумъ разростался. Всѣ гости стали гѣть по очереди: романсы, куплеты изъ оперетокъ, грустныя мелодіи, двусмысленныя пѣсенки. Г-жа Фрикэ плакала, вспоминая свою молодость, и качала въ тактъ головой. Другія расчувствовались отъ томныхъ романсовъ, иные же стали развязнѣе отъ двусмысленныхъ куплетовъ. Сесиль спѣла пѣсенку пастушки, которую она когда-то выучила въ школѣ. Селина же съ большою претензіей нагѣвала, покачивая шейю и бедрами, слова плавнаго вальса, производившаго фуроръ въ предмѣстьѣ. Послѣ пѣнія почти всѣ накиннулись на Жасмина. Затѣмъ женщины придумывали обвиняться своими мужьями для невинныхъ игръ, заканчивающихся долгими поцѣлуями «взасось». Глаза, казалось, смѣялись лишь для того, чтобы скрыть внутреннее волненіе. Если кто-нибудь переступалъ границу, благоразумные призывали его къ порядку и призывали въ свидѣтели жену слишкомъ ласкаемаго мужа. Сесиль усѣлась въ углу. Селина съ интересомъ и жадностью слѣдила за игрой, въ которой ей очень хотѣлось принять участіе.

Наступилъ часъ отъѣзда; подали шарабанъ. Мужчины пожимали руки прислуживавшимъ имъ лакеямъ; хозяинъ пришелъ проводить гостей. Ему пришлось выслушать упреки матери невѣсты, которая жаловалась на недостатокъ вина за обѣдомъ, стоившимъ три франка съ человѣка. Однако, компанія была все-же достаточно на-веселѣ.

Лошади лѣниво бѣжали. Всѣ голоса смѣшались въ одинъ олушительный крикъ. Всю дорогу вдоль внѣшнихъ бульваровъ шутили и смѣялись; женщины послали поцѣлуи какому-то встрѣчному красивому брюнету, мужчины приглашали блондинку, переходившую черезъ улицу. Наконецъ, подѣхали къ воротамъ Булонскаго лѣса. Веселье не знало границъ. Это былъ настоящій праздникъ...

Камло вскакивали на подножки экипажа, предлагая за два су бѣлыя и золотыя розетки съ миртою по серединѣ; всѣмъ захотѣлось имѣть эти розетки—эмблему сближенія. На аллеѣ Акацій встрѣтился точно такой же свадебный поѣздъ. Съ общаго согласія, остановились, всѣ слѣзли на землю, поздравляли другъ друга, знакомились, мѣнялись розетками. Барскіе экипажи слѣдовали другъ за другомъ съ медленностью похоронной процессіи. Затѣмъ показалась карета, запряженная паркою великолѣпныхъ, горячихъ лошадей, которыми управлялъ кучеръ съ двойнымъ подбородкомъ, державшій кнутъ съ бѣлымъ букетикомъ и бантикомъ изъ бѣлыхъ лентъ.

— Вотъ еще одна невѣста! Какая шикарная!

И сидѣвшіе въ шарабанѣ стали бросать розетки въ открытое окно кареты. Обѣ невѣсты, охваченныя однимъ чувствомъ женской гордости, смѣрили другъ друга быстрымъ взглядомъ, сравнивая себя.

— О, какъ она красива! — заголосили всѣ. — А экипажъ! Bravo, невѣста!

Но шикарная невѣста отвернулась со смущеннымъ видомъ, а ея мужъ шумно захлопнулъ окно.

— Вишь ты, какой спѣсивый! Есть чѣмъ чваниться — подумаешь! — кричалъ какой-то голосъ.

— Смотрите, смотрите, еще одна... Однако, сколько ихъ сегодня! Да здравствуетъ невѣста!

Но эту невѣсту нельзя было разсмотрѣть; вся закутанная въ фату, она сидѣла въ глубинѣ кареты. Ея мужу, веселому, жизнерадостному человѣку, эта встрѣча показалась забавной и онъ захотѣлъ позабавиться. Обтянутой въ бѣлую перчатку рукой онъ покровительственно махалъ этимъ простымъ людямъ, которые воображали, что ихъ привѣтствуетъ въ Булонскомъ лѣсу важный господинъ.

Шарабанъ переѣхалъ мостъ Сень-Клу. Опять захотѣлось выпить. Къ большимъ ресторанамъ не подѣвзжали, а пошли отыскивать кабачокъ. Одни пили за стойкой, другіе за столиками. Тѣ, что были на-веселѣ, дѣлали видъ, что хотятъ сами наливать себѣ и могутъ обойтись безъ услугъ хозяина.

— Нѣтъ, господа, этакъ черезъ недѣлю пришлось бы закрыть лавочку.

Вошли въ паркъ. Подъ навѣсомъ одного ресторана, раскинутымъ на открытомъ воздухѣ, пили настойки «для аппетита» подъ звуки оркестра музыки. «Свадьба» побѣжала къ музыкантамъ. Въ одинъ мигъ дамы выбрали кавалеровъ. Передъ толпой, сидѣвшей за столиками, среди пыльной дороги, безъ тѣни, вальсировали пары. Онѣ никогда не думали о такой удачной находкѣ! Оркестръ, и настоящій!.. За танцами слѣдовала прогулка по парку. Стали собирать букеты. Самый простенькій цвѣточекъ имѣлъ свою прелесть для нихъ, привыкшихъ къ мостовой Парижа. Потомъ завладѣли каруселью съ деревянными лошадами. Энтузіазмъ дошелъ до апогея. Гости бѣшено завертѣлись, воображая себя на чистокровныхъ рыскахъ, несущихся по лѣсу.

Всему приходитъ конецъ, — къ заходу солнца надо было вернуться. Въ концѣ Chaussée de Ménilmontant всѣ разстались, общая другъ другу снова увидѣться и никогда не забывать другъ друга: на всю жизнь сдѣлались друзьями. Селину и Се-

силь, какъ и всѣхъ гостей, отвезли домой въ экипажѣ, а новобрачные подъ руку отправились на квартиру, гдѣ должна начаться для нихъ скромная, но глубокая драма жизни.

Послѣ свадьбы.

Сесиль увидѣла Юлію только два года спустя, въ одинъ день, когда она хотѣла, какъ и ея подруги, подарить своей хозяйкѣ, г-жѣ Боссъ, горшокъ цвѣтовъ по случаю дня ея рожденія. Что сегодня день ея святой, можно было видѣть по ея имени Луиза, четко выведенному мѣломъ на грифельныхъ доскахъ у дверей цвѣточныхъ магазиновъ, и цвѣтамъ, наполнявшимъ телѣжки и кіоски и предлагавшимся прохожимъ. Многія безработныя, вовсе не цвѣточницы по профессіи, покупали этотъ товаръ на скопленные или взятые взаймы нѣсколько су.

Сесиль искала самыхъ свѣжихъ цвѣтовъ и облюбовала горшокъ вервены. Глаза ея вопросительно посмотрѣли на цвѣточницу.

— Да это Юлія! Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ видите, Сесиль!

— Значить, вы уже не прачка?

— Нѣтъ, я попрежнему прачка. Но въ прачешной не всегда работа есть. Конкуренція сильная, и кліенты такъ часто мѣняютъ квартиры. Многіе скряжничаютъ, плохо платятъ или вовсе не платятъ... Я купила маленькое прачешное заведеніе, но такъ трудно за него выплачивать, особенно когда мой мужъ безъ работы, а это часто бываетъ...

— Бѣдная Юлія! Вотъ ужъ два года я васъ не видѣла. Вы простите, пожалуйста, что я не пришла къ вамъ послѣ свадьбы. Я теперь тоже очень занята; ухажу изъ мастерской поздно. Когда можно, я работаю часъ или два сверхсрочныхъ, за которые даютъ особую плату. По воскресеньямъ у насъ общая уборка, и у меня едва хватаетъ времени что-нибудь пошить для себя.

— Ахъ, не такъ живешь, какъ хочется, — не такъ-ли, Сесиль? Въ праздникъ мой мужъ встаетъ рано, идетъ на главный рынокъ купить мнѣ цвѣтовъ. Когда нѣтъ дождя, торговля идетъ хорошо. Я зарабатываю вдвое больше, чѣмъ работая у себя дома, а Августу въ одинъ день удастся получить больше, чѣмъ за недѣлю работы у переплетчика, которая вообще не много приноситъ.

— А онъ не вмѣстѣ съ вами продаетъ?

— Нѣтъ, онъ торгуетъ тутъ неподалеку, на внѣшнемъ

будьварѣ. Онъ беретъ на себя вазоны—ихъ тяжело носить, зато они больше приносятъ.

— Что же, вы счастливы въ семейной жизни, Юлія?— спросила съ участіемъ дѣвушка.

— Да, Августъ хорошій человекъ и очень любитъ меня. Онъ работающій, но мало быть хорошимъ работникомъ, нужна еще работа. Теперь столько рабочихъ стекается въ Парижъ отовсюду! Я научила его моему прачешному ремеслу. И вотъ, когда у него нѣтъ работы, онъ мнѣ помогаетъ. Онъ стираетъ крупное бѣлье, и мы вмѣстѣ гладимъ.

— Есть у васъ дѣти?

— Одинъ ребенокъ! И такой славный! Теперь онъ у моей свекрови.

— А ваша мать?

— Мы съ ней поссорались. Она приходила ко мнѣ и изъ-за пустяковъ дѣлала сцены. Однажды она меня избила, точно бы я еще была у нея; Августъ взялъ ее за плечи и вытолкалъ вонъ.

— Она всегда была злая?

— Не злая, а нервная, но отъ этого не легче.

— Вы выглядите хорошо, Юлія! Вы окрѣпли.

— Это ужъ не по моей винѣ. Я столько горя испытала!.. У насъ раньше, до этого, былъ ребенокъ — тоже мальчикъ. Онъ умеръ, какъ только родился: акушерка не присмотрѣла... Это было намъ очень тяжело... Мы такъ радовались ему. Я уже все приготовила для него. Г-жа Фрикэ—вы помните ее?— подарила мнѣ много бѣлья, которое она получила отъ одной своей жилищки. Не новое, конечно, но съ кружевами. И мамаша, которая должна была быть его крестной, подарила мнѣ прекрасное платье изъ бѣлаго кашемира, все обшито тесьмой... Бѣдный малютка... Когда я попросила, чтобы мнѣ его показали, то не захотѣли, потому что онъ былъ мертвый, но я все же положила его на кровать подлѣ себя, и онъ пролежалъ до тѣхъ поръ, пока его взяли, чтобы отвезти на кладбище. Когда принесли гробикъ, положили на мою хорошенькую подушечку, одѣли въ то платьице, которое онъ долженъ былъ надѣть на свое крещеніе, и понесли его,—и никто изъ насъ не могъ пойти проводить его: мужъ долженъ былъ за меня работать, пока я лежала.

— Бѣдная Юлія! Но теперь у васъ другой есть?

— Да! И вылитый портретъ перваго; можно подумать, что это тотъ же самый!

— Можетъ быть, Юлія!

И Сесиль ушла, унося свой горшокъ вервены.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Таежная встрѣча.

РАЗСКАЗЪ.

Въ тѣсной и грязной горницѣ старой покосившейся избушки сидѣло у окна двое мужчинъ. Одинъ, хозяинъ, представлялъ собою сутулаго человѣка въ блузѣ и поршняхъ, съ короткими включенными волосами. На лицѣ его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ произвело сильное опустошеніе въ видѣ грубыхъ морщинъ, мѣшковъ подъ глазами и малимоваго налета на всѣхъ выдающихся частяхъ фізіономіи; бритый подбородокъ, щетинистые усы и вольное отношеніе къ предразсудкамъ указывали на то, что хозяинъ хаты долго теръ солдатскую лямку. Другой былъ молодой, въ грязной коломянковой блузѣ и высокихъ сапогахъ, прохожій, по фамиліи Черновъ, а по занятію—исключенный за безпорядки съ четвертаго курса горнаго института студентъ. Онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу на лавкѣ у низкаго окна и задумчиво крутилъ усъ, покусывая его кончикъ. Веселыя мухи съ громкимъ жужжаніемъ летали мимо его носа, уносясь со свойственнымъ имъ извилистымъ полетомъ изъ душной горницы на прохладный ночной просторъ улицы.

Чернова занесла въ эту труппу нелегкая. Какой то предприниматель изъ новыхъ, задумавшій разрабатывать въ сѣверной части Зауралья руду, да золотыя россыпи, далъ ему мѣсто. Этотъ аферистъ сидѣлъ въ Петербургѣ, нанималъ служащихъ и распускалъ слухи о своихъ затѣяхъ, рассчитывая найти простоватыхъ людей съ капиталомъ. Черновъ, не имѣя разрѣшенія жить въ столицѣ, оставшись безъ всякихъ средствъ, съ радостью ухватился за предложенное мѣсто, получилъ отъ афериста малую толику денегъ на дорогу и, долго не думая, махнулъ на край свѣта. Теперь ему приходилось раскаиваться. Рудники и россыпи существ-

вовали только па словахъ, т. е. была и руда, было и золото, но все въ такомъ количествѣ, что не оправдывало возлагаемыхъ на то ожиданій. На мѣстѣ были подряженные рабочіе, кое какіе служащіе, но такъ какъ ни самъ аферистъ, ни обѣщанный управляющій не являлись и скоро перестали даже выплачивать жалованье и выдавать провіантъ, то люди стали разбредаться. Черновъ тоже ждалъ, ждалъ и, убѣдившись, наконецъ, что дѣло—табакъ, тронулся въ дорогу. Сегодня онъ добрался пѣшкомъ до Всеволодскаго, захудалаго селенія, въ которомъ когда то существовалъ заводъ, но оскудѣніе руды прекратило его дѣятельность, и разрушившіеся остатки его аданій и трубъ живописно рисовались чернымъ силуэтомъ на фонѣ темного неба. Пришелъ Черновъ поздно, къ ночи, мочевать его никто не пускалъ, пока онъ не набрелъ на бабушку Миронова. Отставной солдатъ видаль виды на своемъ вѣку и радушно распахнулъ ему скрипучую дверь своего обиталища.

На столѣ стоялъ потухшій самоваръ, кричка молока, валялась краюха хлѣба, и плыль въ кривомъ подсвѣчникѣ сальный огарокъ, который солдатъ торжественно зажегъ послѣ того, какъ долго ковырялъ гвоздемъ въ позеленѣвшемъ шамдалѣ.

— Эту дорогу я знаю, ты мнѣ Расскажи другую, которая черезъ Уралъ,—прервалъ молчаніе Черновъ.

— Другой дороги нѣту. Тропа есть, это точно, да заросла,—отвѣтилъ хозяинъ хриплымъ голосомъ, и обрызгное лицо его съ глубокими морщинами поперекъ лба показалось въ эту минуту Чернову похожимъ на морду стараго и добродушнаго отъ дряхлости мопса.

— Тесины ¹⁾ есть, поди тоже заросли,—продолжалъ солдатъ.—Наши тутъ недалече ходять, на покосы, а насквозь то рѣдко кому случается. Годовъ пять или поболѣ будетъ, пошелъ одинъ, такъ заблудился; нашли его: лежить въ лѣсу—кости да топоръ только и остались. Второе дѣло—медвѣдь, да ишло нонѣшнимъ лѣтомъ бѣглые шляются, сказывали намедни ребята, видѣли,—золото, што ли, въ тайгѣ моютъ. Тапера рассуди, какъ одному итти. Одинъ не пойдешь, а пойдешь—пропадешь. Опять, ежели проводника, такъ сичасъ покось, не пойдетъ никто, за деньги не пойдетъ.

Денегъ у Чернова почти не было.

— Вотъ что, милый, все таки ты мнѣ дорогу Расскажи,

¹⁾ Мѣтки на деревьяхъ.

точно расскажи. У меня карта есть и matka ¹⁾ есть, такъ что я не разсчитываю заблудиться. Насчетъ бѣглыхъ—наплевать, много ихъ въ нашемъ мѣстѣ шляется.

— Какъ знаешь. На меня не пеняй,—буркнулъ солдатъ.

Черновъ досталъ изъ кармана записную книжку съ карандашомъ и карту Пермской губерніи, протертую на углахъ отъ долгаго ношенія въ карманѣ, а Мироновъ принялся разсказывать дорогу. Молодой человѣкъ записывалъ поворотки, рѣчки, камни ²⁾, угоры ³⁾, про которые толковалъ старый солдатъ, и тщательно чертилъ планъ дороги.

— Сколько верстъ до Кутимскаго заводу?

— А кто е знаетъ. Кто говоритъ сорокъ, а кто и всѣ сто. Какъ на Кутимъ рѣчку выдешь, дѣло твое въ шляпѣ—тамо дорога есть до самаго заводу... Мотри—человѣка увидишь, не пали заразъ: тутъ наши ходять.

— Зачѣмъ палить? Напередъ окликнемъ.

Похурили еще трубки и стали ложиться спать. Хозяинъ залѣзъ на печь, Черновъ улегся на полу.

Утромъ Черновъ сталъ собираться. Взялъ десять фунтовъ хлѣба, 2 фунта крупы, купилъ въ лавкѣ масла, соли, спичекъ. Солдатъ продалъ ему за 40 копеекъ старый топоръ и вывелъ на дорогу.

— Мотри, до Шарпа рѣчки дойдешь, тутъ поворотка влѣво, мимо камня прямо черезъ Ураль. У Шарпа шалашъ есть ночевать можно

— Ладно! Прощай!

Черновъ пошелъ, а солдатъ постоялъ, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и поплелся домой. У сосѣда онъ купилъ на оставленныя Черновымъ деньги водки и анатю выпилъ со своей сожительницей, необыкновенно губастой бабой съ сильно вдавленнымъ и усыпаннымъ веснушками переносьемъ, которое еще болѣе усиливало злой блескъ ея черныхъ глазъ.

— Мотри, парень-то, больно смѣлъ, какъ бы не пропалъ и съ картой съ твоей, и съ маткой!—бурчалъ солдатъ на печи, пока не заснулъ сномъ праведника.

Черновъ между тѣмъ врѣзался въ тайгу.

Нѣкоторое время съ угоровъ, надъ вершинами елей и сосенъ открывался видъ на покинутое имъ селеніе, съ его сѣрой деревянной церковью и грудой старыхъ избъ. На встрѣчу попадались деревенскія коровы, и на дорогѣ былъ

¹⁾ Компасъ.

²⁾ Вершины горъ.

³⁾ Холмы и подъемы.

замѣтенъ телѣжный слѣдъ. Скоро эти признаки людского поселенія пропали, и угрюмая тайга приняла одиокаго путника въ свои мохнатя объятія. Еле замѣтная тропа вилась по мху и спутанной травѣ между высокихъ сосенъ и кедровъ, съ важной задумчивостью махавшихъ своими лапами-вѣтвями. Иногда тропа выползала на кочковатое болото, поросшее высокой мокрой травой, ширяла затѣмъ въ мелкій березнякъ, гдѣ всякій слѣдъ ея терялся въ чащѣ кустиковъ и стволовъ. Тогда Черновъ останавливался и бродилъ, высматривая на старыхъ стволахъ тесины. Если ихъ не было видно, онъ возвращался назадъ, заходилъ вправо, влево, смотрѣлъ на компасъ, пока, цѣной долгихъ блужданій и сомнѣній, не находилъ пропавшую дорогу. Въ лѣсной тишинѣ только и раздавался, что грузный звукъ его торопливыхъ шаговъ и шелковистый шорохъ хвои, которую мягко шевелилъ набѣгавшій верховой вѣтерокъ.

Мѣшокъ съ вещами и припасами, двустволка и заткнутый позади топоръ составляли почтенный грузъ, но Черновъ не унывалъ и шелъ бодро почти весь день. Дневной зной и гуча вившихся позади комаровъ изрядно допекали его, а когда онъ усталъ, къ этимъ мучителямъ стали присоединяться черныя мысли. Угрюмый лѣсъ, межъ стволовъ котораго въ чащѣ кустарника невидимо нарастали тѣни ночи, навѣвалъ непривычную жуть.

„Чортъ его деря, размышлялъ Черновъ на ходу: возьмемъ крайній случай, скажемъ, до заводу 100 верстъ. Положимъ на день 25 верстъ. Въ этомъ разѣ я могу отмахать путику въ четыре дня. Припасу хватитъ на шесть дней. Если, слѣдственно, я потеряю тропу, то могу потерять на отысканіе ея два дня. Но такъ какъ экспериментально доказано, что человекъ безъ пищи не теряетъ силъ вовсе еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, то... опасность заблудиться устранивается. Остается встрѣча съ медвѣдемъ или съ бѣглыми. Сіе, однако, мало вѣроятно. Впрочемъ, на всякій случай зарядимъ мушкетъ“.

Подъ громаднымъ кедромъ онъ свалилъ мѣшокъ на мягкій мохъ, развязалъ и вынулъ патроны. Осмотрѣвъ затѣмъ револьверъ, Черновъ сунулъ его поближе въ карманъ.

„Теперь, что касается его превосходительства Михалъ Михалыча Топтыгина, то мы готовы встрѣтить его съ честью!“— подумалъ Черновъ. Обругавъ липшихъ со всѣхъ сторонъ комаровъ, онъ завалилъ мѣшокъ на плечи и тронулся дальше. Не прошелъ Черновъ и сотни шаговъ, какъ въ сторонѣ въ кустахъ черныки что-то страшно захолопало, и боль-

шая сѣрая птица, тяжело вспорхнувъ, усѣлась на вершину ближней березы. Отъ внезапнаго испуга сердце Чернова застопорилось, но, сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ осторожно скинулъ ружье, завелъ курокъ и ударилъ по птицѣ.

„Вотъ, думалъ Черновъ, подбирая трепетавшуюся глущарку: теперь можно заблудиться еще на день или два!“

Добыча несказанно обрадовала его, и только когда онъ привѣсилъ тяжелую птицу къ мѣшку, то поморщился отъ прибавившагося груза.

Къ ночи Черновъ добрался до рѣчки, но шалаша не нашелъ и принужденъ былъ замочевать въ сыромъ оврагѣ. Ночной мракъ заволокъ лѣсъ, придавъ его молчалию что-то таинственно страшное. Казалось, точно кто-то громадный и невѣдомый наполнилъ собою темную чащу, залегъ въ ней въ зловѣщей тишинѣ и молчалъ съ какой-то страшной неизвѣстной цѣлью; въ ужасѣ передъ нимъ неподвижно вытянулись стволы деревьевъ, замерли ихъ вѣтви и листья. Только ручей журчалъ по глыбамъ камня, но его скоро не стало видно, потому что надъ водой разостлался сырой холодный туманъ.

Чернову было жутко въ одиночествѣ, но онъ старался ободрить себя, нарубилъ дровъ, развелъ яркій костеръ, ошипалъ, выпотрошилъ и сварилъ птицу, а закусивъ и выпивъ чаю, завернулся въ одѣяло и прикурнулъ на сырой землѣ. Ночью онъ просыпался отъ холода, подкидывалъ въ костеръ дровъ и чутко дремалъ. Раю утромъ онъ снова пустился дальше, но весь день плелся черезъ силу, мучимый жарой, комарами, ужасной дорогой, тяжелымъ грузомъ. Каждый часъ Черновъ отдыхалъ подъ защитой дымокура, который разводилъ изъ гнилушекъ, и разъ не замѣтилъ, какъ уснулъ и проспалъ два часа.

Онъ зорко высматривалъ примѣты, свѣрялся съ компасомъ, и ему казалось, что онъ идетъ правильно. Но отчего же такъ долго нѣтъ рѣчекъ, про которыя толковалъ ему хозяинъ? „Сперва тебѣ будетъ Шовельтагъ малый, а потомъ большой“, вспоминалъ Черновъ его слова. Рѣдкій лѣсъ на болотѣ окружалъ его со всѣхъ сторонъ, стройные кедровые деревья свои мохнатые вершины тамъ и сямъ изъ зелени молодыхъ березъ. Незримая вверху вода пропитывала почву, но нога не вязла въ ней, потому что подъ тонкимъ слоемъ травы и мха всюду лежалъ камень. Вскорѣ Черновъ совсемъ выбился изъ силъ. Въ отчаяннн онъ не зналъ, что дѣлать—не вернуться-ли, молъ, назадъ? Въ воздухѣ парило, бѣловатая мгла висѣла надъ землей, и все кругомъ было

безмолвно. Отдохнув немного, Черновъ пошелъ таки дальше, спотыкаясь о скрытые подо мхомъ камни. Жажда сильно томила его, но вода видѣлась только на днѣ выжатыхъ имъ слѣдовъ. Вдругъ Черновъ остановился—передъ нимъ, скрытый высокой травой, беззвучно бѣжалъ ручеекъ, и обмытые камешки весело сквозили на его мелкомъ днѣ. Черновъ напился съ жадностью и хотѣлъ-было стать здѣсь на приваль, но мѣсто было неуютно и мокро. „Если это Малый Шевельтанъ“,—подумалъ онъ, свѣрившись по компасу:—„то Большой недалеко“. Бросивъ поклажу, Черновъ прошелъ дальше съ однимъ ружьемъ и, дѣйствительно, въ полуверстѣ наткнулся на большую рѣчку, которая бѣжала среди грудъ сѣро-чернаго песка, показавшагося Чернову золотоноснымъ. Онъ перетащилъ сюда мѣшокъ и мигомъ устроился, т. е. нарубилъ дровъ, развелъ огонь и плотно пообѣдалъ остатками глухарки и кашей, которую сварилъ въ котелкѣ.

Между тѣмъ погода измѣнилась. Небо заволкло тучами, сталъ налетать вихрь, и вдали загрохотало. Приближалась гроза съ ливнемъ. Предстояло промокнуть вмѣстѣ съ вещами, но Черновъ схватилъ топоръ и, несмотря на усталость, принялся рубить вѣтки съ елокъ. Обчистивъ нѣсколько молодыхъ березъ, онъ пригнулъ стволы ихъ, спуталъ концами, такъ что образовался остовъ шалаша и быстро утыкалъ его еловыми вѣтвями. Едва путникъ успѣлъ укрыться въ это убѣжище, какъ налетѣла гроза съ сильнымъ вѣтромъ. Тайга зашумѣла, загудѣла, замахала вершинами и вѣтвями своими; въ отвѣтъ грохотавшему небу со всѣхъ сторонъ раздавался сухой, звонкій трескъ падавшаго сухостоя. Казалось, могучій великанъ шагаль по тайгѣ, ступая по лѣсу, какъ по травѣ, и крушилъ вѣковыя лиственницы и кедры. Но гроза такъ же быстро умчалась, какъ набѣжала. Выбравшись изъ шалаша, Черновъ принялся мыть на рѣчкѣ котелокъ изъ-подъ каши. Вмучивая песокъ, онъ размышлялъ, не заключается ли въ немъ золото, какъ вдругъ слуха его коснулся шорохъ и трескъ вѣтвей. Черновъ привсталъ и оглянулся на шумъ: въ тридцати шагахъ выше него, рѣчку переходили трое: впереди шелъ громадный лохматый, безъ шапки, мужчина съ топоромъ, заткнутымъ на спицѣ за веревочный поясъ, который поддерживалъ сѣрый халатъ. За нимъ шелъ оборванецъ въ лаптяхъ и въ арестантской шапкѣ; третій, маленькій, черный, былъ всѣхъ ниже и оборваннѣе, онъ ступалъ по песку босыми ногами и сильно прихрамывалъ. У всѣхъ были мѣшочки при поясѣ или за спи-

ной. Черновъ и эти люди увидали другъ друга въ одно время. „Бѣглые!“ какъ молнія, сверкнула въ головѣ Чернова мысль, и сердце его сильно забилось, ноги ослабли. Однако, онъ опомнился и, нагнувшись, схватилъ ружье, съ которымъ онъ не разставался ни на шагъ.

Ненавѣстные люди стояли и глядѣли на Чернова одно мгновенье. Затѣмъ они стали переговариваться, средній хрипло засмѣялся и показалъ Чернову кулакъ, и всѣ, какъ прежде, гусемъ, перешли рѣчку и скрылись въ кустахъ.

Черновъ зорко слѣдилъ за ними, прислушиваясь къ шороху шаговъ, пока все не затихло кругомъ. „Скверно!—подумалъ онъ.—Теперь они выслѣдятъ, что я одинъ, и не миновать выслѣживанія и засады“. Потомъ онъ началъ соображать, какъ быть: до наступленія темноты оставалось еще часа два. Шалашъ его стоялъ въ маленькой рощицѣ на мысу и отдѣлялся отъ лѣса болотистой прогалиной, поросшей низкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, съ другой стороны бѣжала рѣчка, обмелѣвшая отъ лѣтнихъ жаровъ. Такимъ образомъ, къ шалашу трудно было подползти незамѣченнымъ. Затѣмъ у Чернова было оружіе, у тѣхъ одинъ топоръ. Но Черновъ боялся, боялся, что отъ усталости и отъ проведенной почти безъ сна предыдущей ночи онъ задремлетъ у огня и въ такомъ видѣ станетъ легкой жертвой этой шайки, очевидно, бѣглыхъ бродягъ, которыхъ должны были соблазнять его оружіе, вещи и припасы. „Чай, поди голодны, какъ волки—что въ тайгѣ добудешь безъ ружья“,—думалъ Черновъ. „Если не тронуть въ эту ночь, то пойдутъ слѣдомъ, замучатъ меня безсонницей и тревогой, и все равно: пойду ли я впередъ или назадъ. А стрѣлять въ нихъ первому, какъ завидѣлъ и догадался, что за птицы... хм! Палить въ людей...“—и Чернову вспомнилось циничное и звѣрское отношеніе мѣстныхъ жителей къ бѣглымъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти подстрѣливаютъ ихъ, ловятъ и представляютъ по начальству. Бѣглые въ этихъ мѣстахъ встрѣчаются либо на пролетѣ изъ Сибири въ Россію, либо бѣжавшіе изъ мѣстныхъ тюремъ. Они рыскаютъ вдоль дорогъ, пока не удастся ограбить какого-нибудь прохожаго изъ пришлыхъ рабочихъ или богомольца, съ цѣлью воспользоваться его одеждой и паспортомъ. Снявъ „висячее“, какъ называютъ мѣстные люди одежду, и забравъ паспортъ, бѣглый сразу становится на законное положеніе и пробирается куда-нибудь на отдаленный прискъ или заводъ, запибаеть деньгу и нерѣдко выбирается на добрую дорогу. Главное для него—„вольная“ одежда.

Облачившись въ нее, онъ смѣло ходитъ по дорогамъ, ночуетъ, воруетъ припасы; приставъ гдѣ-нибудь къ кучкѣ рабочихъ, свиснетъ на ночлегъ паспортъ, а если раздобылся деньгами, поработавъ на приискѣ, гдѣ приказчикъ не смотритъ на паспорта, то покупаетъ его у замотавшагося прохожаго. „Вотъ тебѣ цѣлковый (два, пять или сколько тамъ придется), а ты заяви—потерялъ или украли“.

Раздумывая, какъ быть, Черновъ пришелъ къ заключенію, что ежели эти бѣглецы замыслили обогнать и прикончить его, то ему выгоднѣе принять сраженіе, какъ можно раньше. Онъ рѣшилъ оставить огонь горѣть у шалаша, а самому укрыться въ чащѣ кустарника по ту сторону рѣчки и наблюдать, что будетъ. Самое трудное заключалось въ томъ, чтобы выполнить задуманный маневръ незамѣтно, потому что бродяги могли все время слѣдить за нимъ, скрытые чащей тайги. „Или они пошли своей дорогой, рѣшивъ оставить меня въ покоѣ“, думалъ Черновъ: „или они замыслили покушеніе. Только два случая и возможны. Въ послѣднемъ случаѣ столкновение неизбежно, и чѣмъ раньше оно произойдетъ, тѣмъ лучше. Фу, чортъ! придется стрѣлять, и еще неизвѣстно, кто кого. Скверно! Скверно!“

Черновъ сидѣлъ у огня, пока не стемнѣло вовсе. Онъ чутко прислушивался, и, можетъ быть, то была игра встревоженнаго воображенія, но ему нѣсколько разъ почудилось, что не все спокойно въ тайгѣ. Оставивъ вещи въ шалашѣ, Черновъ забралъ оружіе и топоръ, перешелъ безъ шума рѣчку и потихоньку залегъ въ кустарникъ, устроившись такъ, чтобы ему было видно шалашъ и огонь. Ночь была темная и холодная. Черновъ страшно зябъ на сырой и холодной землѣ, несмотря на теплую куртку и одѣяло, которымъ обернулъ полтуловища до пояса. Но опасеніе, что онъ задремлетъ, покинуло его, потому что волновавшая его тревога отогнала всякій сонъ. Ночь ползла для Чернова среди холода и напряженной тревоги. Онъ не рѣшался закурить трубки и, если двигался, перемѣняя положеніе тѣла, то осторожно, стараясь не ворошить хвороста. Скоро яркій костеръ, горѣвшій у шалаша, сталъ догорать. Пламя, озарявшее прежде уголокъ рожи и рѣчку, опало и изрѣдка вспыхивало длинными языками, на мгновеніе освѣщая окрестность. Но вотъ огонь потухъ, на мѣстѣ его мерцала теперь грудa угольевъ, которая одна только и была замѣтна въ непроицаемомъ мракѣ. Черновъ лежалъ и слушалъ. Но все было тихо кругомъ, только иногда доносился сверху слабый трескъ и шорохъ—это падала подгнившая сухая

вѣтка съ вершины лиственницы. Понемногу тревога, которая мучила Чернова, напрягая его душевныя силы, нѣсколько улеглась, и онъ сталъ думать объ этихъ людяхъ вѣтъ закона, которые спятъ теперь гдѣ-нибудь въ чащѣ лѣса, мучимые холодомъ и голодомъ. Мысли незамѣтно перешли въ дрему, и Черновъ забылся...

Вдругъ онъ очнулся и поднялъ голову съ кочки, возлѣ которой лежалъ, уткнувшись въ мохъ носомъ. Нѣсколько мгновений онъ не понималъ ничего, пока глаза его не остановились на чемъ-то, двигавшемся въ мутномъ мракѣ еле занимавшагося утра. Возлѣ шалаша шевелилось трое бродягъ. Маленькій черный стоялъ на колѣняхъ у мѣшка и готовился развязать его, лохматый великанъ, съ топоромъ въ правой рукѣ, и другой, въ круглой арестантской шапкѣ въ видѣ барета, разглядывали слѣды на пескѣ, переговариваясь вполголоса и тревожно озирая мѣстность. Бродяга въ шапкѣ тыкалъ въ свѣжій слѣдъ сапоговъ Чернова пальцемъ и что-то шепталъ товарищу.

Сердце Чернова страшно забилося. „Вотъ оно! Вотъ оно!“ подумалъ онъ. Справившись съ собой, онъ потихоньку размоталъ одѣяло, стѣснявшее ноги, и взглянулъ передъ собой. Оба бѣглыхъ медленно двигались впередъ и были теперь по сю сторону рѣчки—въ пятнадцати шагахъ отъ Чернова. Въ моментъ, когда онъ подвѣялъ голову, оба глянули впередъ, и взоры ихъ, пронзивъ сѣть листьевъ, уперлись какъ разъ въ очи Чернова. Мгновение Черновъ видѣлъ только пару сѣрыхъ острыхъ глазъ, взоры которыхъ впились въ него, какъ двѣ невидимыхъ стальныхъ проволоки. Все, что случилось затѣмъ, заняло самое короткое время и произошло помимо воли людей. Лохматый бродяга съ топоромъ въ рукѣ ринулся впередъ, товарищъ его рванулся за нимъ, Черновъ вскочилъ, инстинктивно взвелъ курокъ и приложился. Два выстрѣла страшно треснули, ударивъ по лѣсной тишинѣ, и звукъ ихъ, шипя, покатился по тайгѣ. Черновъ стоялъ, расширивъ отъ ужаса глаза—лохматый великанъ лежалъ, рухнувъ на песокъ ничкомъ, раскинувъ руки; товарищъ его присѣлъ возлѣ на песокъ, раскинувъ ротъ, и держался правой рукой за лѣвое плечо; изъ сѣраго рукава свѣсившейся руки выползала струя крови и растекалась по блѣдной кисти. Черный бродяга, оставшійся позади, прихрамывая, продирался сквозь кусты, улѣпетывая въ сторону.

— Стой! Не трону!—крикнулъ Черновъ, но тотъ уже скрылся въ чащѣ.

— Ахъ, вы, сугины дѣти, что вы надѣлали!—обратился Черновъ къ раненому. Онъ самъ страшно дрожалъ отъ волненія и ужаса. Раненый застоналъ и сталъ покачиваться, не мѣняя сидячей позы. Черновъ отставилъ разряженное ружье къ березкѣ и подошелъ къ нему. Онъ осторожно подобралъ топоръ, который вывалился изъ рукъ убитого и лежалъ, врѣзавшись лезвеемъ въ сырой песокъ, отнесъ его на берегъ и вернулъ назадъ.

— У тебя ножъ есть, подавай сюда!—обратился онъ къ раненому.

— Нѣтъ ножа-те! О-хо-хо!—стоналъ тотъ.

— Ну, не вой! Я тебя, должно быть, дробью полыхнулъ. Сымай халатъ, осмотрю руку.

Бродяга сталъ распутывать здоровой рукой поясокъ, а Черновъ подошелъ къ убитому. Трупъ лежалъ въ прежнемъ положеніи, опершись концами обутыхъ въ лапти ногъ во взрытый песокъ. Черновъ съ трудомъ повернулъ его, преодолевая ужасъ отъ прикосновенія къ теплomu и мягкому, но уже мертвому тѣлу, и увидѣлъ большое свѣжее пятно крови, смочившей сѣрый халатъ на груди. Глаза были открыты, стеклянныя, ротъ неприятно разинутъ, конецъ носа, бровь и борода—въ крупинкахъ приставшаго песка. Нѣсколько крови было и на землѣ.

— Готовъ!—прошепталъ Черновъ, убѣдившись, что пуля попала въ грудь и, должно быть, задѣла сердце.—Хорошо, что сразу, безъ мученій!—и онъ пошелъ къ раненому.

Тотъ уже спустилъ арестантскій халатъ съ голаго тѣла, но не могъ вынуть раненой руки изъ рукава. Черновъ помогъ ему. Вся рука была залита кровью, которая сочилась изъ нѣсколькихъ маленькихъ ранокъ. Черновъ вытащилъ изъ своего мѣшка гигроскопическую вату и йодоформированную марлю, притащилъ въ чайникъ воды и, убѣдившись, что бродяга безоруженъ, обмылъ рану, нащупалъ и выдавилъ изъ подъ кожи дробины и, какъ умѣлъ, перевязалъ руку. Бродяга продолжалъ охать.

— Но, будетъ, не опасно!—сказалъ Черновъ, кончивъ работу.

Онъ самъ чувствовалъ сильное изнеможеніе.

Осмотрѣвъ бѣгло вещи и убѣдившись, что ничего не пропало, Черновъ припряталъ оружіе и принялся хлопотать у огня. Бродяга перетащился туда же и сѣлъ, прислонясь къ стволу березки. Это былъ рослый мужикъ съ курчавой, бѣлокурой бородкой и мало выразительными сѣро-голубыми

глазами, сильно худой и потѣмнѣвшій въ лицѣ, должно быть, отъ голода и лишней.

Кромѣ сѣраго халата и шапки, на немъ были зѣрые грязные порты, на ногахъ сильно стоптанные лапти. Онъ совсѣмъ палъ духомъ и неподвижно сидѣлъ, слегка покурясь, и по временамъ сильно дрожалъ отъ холода.

Между тѣмъ совсѣмъ раасвѣло, взошло солнце, и розовые лучи его заиграли по кривымъ верхушкамъ лиственницъ. Пока кипѣла каша, Черновъ нарѣзалъ вѣтокъ и прикрылъ ими трупъ несчастнаго бродяги.

— Гдѣ-жъ товарищъ твой? Чай, голоденъ? Покличь его, скажи—не трону! обратился Черновъ къ неподвижно сидѣвшему и слѣдившему за его хлопотами бродягъ.

— Какъ не голоденъ, баринъ, давно не ѣли. Сергулька! О-ѣ-е!. Подъ сюда-а-а! Не тро о-нетъ! Сергунька-а! Слышь!

Сергунька не откликнулся и появился на рѣчкѣ лишь послѣ повторныхъ окликашій и увѣреній. Онъ робко приблизился, сильно прихрамывая на правую ногу, и сѣлъ рядомъ съ товарищемъ.

— У тебя что, ножъ есть?—спросилъ Черновъ.

— Чего?

— Ножъ у тя баринъ спрашиваетъ!—толкнулъ его первый бродяга.

Сергунька, молодой и чернявый, съ большимъ родимымъ пятномъ на правомъ вискѣ возлѣ черныхъ жидкихъ волосъ, которые спутанными косичками падали на самые глаза, поморгалъ, поглядѣлъ нерѣшительно и вытащилъ изъ-за пазухи подобіе ножа съ самодѣльной ручкой.

— Что-жъ, теперь по начальству представлять?—спросилъ Сергунька товарища. Тотъ молчалъ.

Убравъ конфискованный ножъ, Черновъ, пока варилась каша, принялся разспрашивать бродягъ. Тѣ угрюмо отмалчивались.

— Почему ты хромаешь?—спросилъ онъ Сергуньку. Сергунька вмѣсто отвѣта засучилъ штанину, и Черновъ увидалъ красное вспухшее колѣно и большуюгноившуюся рану.

— Натеръ!—сказалъ Сергунька. Черновъ промылъ и забинтовалъ ее, а пока онъ возился съ этимъ, Сергунька съ недоумѣніемъ смотрѣлъ и помогалъ ему.

Между тѣмъ сварилась каша, вскипѣлъ чайникъ. Черновъ вынулъ каравай хлѣба, отрѣзалъ два большихъ ломтя и предложилъ своимъ плѣнникамъ. Бродяги жадно накинулись на хлѣбъ и чуть не давились имъ. Черновъ пока ѣлъ кашу. Но аппетита у него не было. Когда ложка освободи-

лась, онъ предоставилъ бродягамъ кончать кашу, а самъ принялся за чай. Бродяги ѣли попеременно, выскобливъ котелокъ до-чиста. Потомъ Сергунька поднялся и пошелъ мыть его на рѣчку. Когда освободилась кружка, бродяги принялись за чай и пили его долго, вскипятивъ еще чайникъ. Языки ихъ развязались теперь.

— По начальству будешь представлять?— спросилъ Чернова бѣлокурый.

— Это зачѣмъ?

Бродяга молчалъ, Сергунька тоже.

— Откуда вы, расскажите-ка?

— Мы, баринъ, изъ Новаго острога убѣгли, Сергунька, да я.

— А тотъ?

— Того не знаемъ, на дорогѣ присталъ.

— Какъ же вы убѣжали?

— Очень просто. У насъ положеніе—дрова рубимъ на заводы. Вывели насъ партію, двадцать человекъ, роздали топоры, надзирателей двое. Хоша они и при оружьи, да гдѣ-жъ въ лѣсу усмотришь. Кто хочетъ, тотъ и бѣжитъ. Отошелъ въ сторону, схоронился за кусты и драло въ лѣсъ и съ топоромъ. Я свой захватилъ, Сергунька тотъ такъ побѣжалъ. Насъ въ тотъ разъ, должно, человекъ семь убѣгло.

— Какой же вамъ резонъ бѣжать?

— Работать много заставляютъ, кормятъ гораздъ плохо, а какъ вывести въ лѣсъ, и захочется погулять на волѣ. Завидишь, что товарищъ побѣгъ, ну и самъ безо всякаго разсужденія побѣжишь. Другой погуляетъ часа два, ягодъ наберетъ и назадъ; надзиратель ругается, а онъ—я де, Иванъ Кондратьичъ, заблудился. Надзиратель радъ, что хоть одинъ вернулся и молчитъ. А мы вотъ вовсе ушли. Послѣ въ лѣсу съ Сергунькой сошлись, а потомъ у дороги того встрѣтили. Позарился онъ на то, што у меня топоръ, подговорилъ вмѣстѣ ходить. „Я, говоритъ, изъ Сибири, всѣходы и выходы знаю, со мной не пропадете. Обязательно, говоритъ, надо, проѣжающаго ограбить“. Вотъ мы ушли лѣсомъ впередъ, должно, верста за пятьдесятъ, потому што въ тѣ мѣста становой съ урядникомъ прикатилъ. Схоронились мы у тракта, который въ Верхотурье, и ждемъ. Къ ночи, слышимъ, ѣдетъ кто-то съ колокольцами; Баринъ какой то на тройкѣ прытко катитъ. Пропустили этого. Слышимъ, еще ѣдетъ. Посмотрѣлъ этотъ сибирскій варнакъ—„ну, ребята, подходящее дѣло, баринъ какой-то съ барыней; ящикъ одинъ, пара лошадей“. Стали они подѣзжать, барыня спитъ, баринъ тоже носомъ клевѣтъ.

Вышли мы, сибирскій нашъ пріятель лошадей оставивъ.— Стой, молъ! Барыня какъ закричитъ, замечется, баринъ въ карманъ полѣзъ за пистолетомъ. Обробѣли мы съ Сергунькой, а тотъ запустилъ топоромъ въ ямщика, да мимо самаго уха. Баринъ изъ пистолета чикъ-чикъ!—не палить его ли-вольверъ. Тутъ ямщикъ какъ ударилъ по лошадямъ, и помчались. Ужъ и ругалъ насъ съ Сергунькой сибирскій пріятель! „Сволочь, говоритъ, вы, чего рты-то поразѣвали!“ А мы съ Сергунькой говоримъ:—„обирать согласны, а душегубить не хотимъ“. Обобрали мы тутъ одного мужичка—только и было у него, что хлѣбъ да лапти. Потомъ, думаемъ, дѣло плохо. Обскажете баринъ на станціи, ловить станутъ, надо въ лѣсъ. Ушли и заплутались, никакъ седьмья сутки бродимъ, одной ягодой питались. Сергунька колѣно стеръ, не знали, какъ и выбраться. Вотъ тутъ мы на твою милость и напоролись. Испугались мы спервоначалу. Обязательно, думаемъ, по насъ погоня. Схоромились тутъ неподалеку, а сибирскій то Иванъ и говоритъ: „Вы, ребя, лежите, я пойду попохоаю“. Пришелъ въ скорости и говоритъ: „Шутъ его знаетъ, кто такой, вещи при немъ хорошія, словно будто баринъ... Обязательно, говоритъ, надо его того“... Мы съ Сергунькой заробѣли... А онъ: „ежели вы такъ, я васъ обоихъ укокошу“. Обождали мы время и стали подходить. Она кака штука то вышла!

— Какъ же ты давеча говорилъ: душегубить не согласны, а на меня съ тѣмъ полѣзъ?—замѣтилъ Черновъ.—Не попади я, вѣдь, вы бы меня уходили!

— Ужъ это какъ есть! То баринъ въ расчетъ возьмите, што мы ровно какъ звѣри, наголодались, наголодались. На-счетъ бѣглыхъ у здѣшняго народа тоже какое положеніе? Какъ завидять нашего брата, безо всякаго разсужденія па-леть.

Чернову жалко было этихъ несчастныхъ.

— За что васъ въ острогъ посадили?

— Мѣдь на заводъ воровали.

— Зачѣмъ же воровали?

— Всѣ воруютъ, кои въ рѣдкость попадаютъ.

Помолчали.

— Што-жь, баринъ, по начальству насъ съ Сергунькой представлять будешь?—спросилъ бѣлокурый бродяга.

— Это дѣло не мое, ежели хотите, ступайте къ началь-ству сами.

— Это намъ не рука, какъ думаешь, Сергунька?—Сер-гунька робко улыбнулся.

— По моему,—продолжалъ Черновъ,—вамъ теперь одна дорога, на дальніе прииски, гдѣ паспортовъ не спрашиваютъ. Вотъ хоть на Преображенскій, а тамъ, что Богъ дастъ, живите, худыми дѣлами не занимайтесь.

— Надо намъ, ребята, этого похоронить,—сказалъ спустя нѣсколько времени Черновъ.—Вотъ вамъ по топору, выкопайте подлѣ рѣчки могилу, гдѣ способѣе.

Вскорѣ бродяги принялись за работу, а Черновъ подошелъ къ трупу убитаго. Онъ отвернулъ ногой накрывавшій его листвякъ, присѣлъ и сталъ смотрѣть на покойника. Это былъ богатырскаго сложенія человѣкъ, на видъ лѣтъ сорока. Лохматые, спутанные волосы, густыя сросшіяся брови, рѣзкія морщины на лбу и поперекъ переносья, затертая грязью, и впалые глаза—все обличало энергичнаго и пожизнаго среди житейскихъ тревоженій человѣка. Трупъ уже заочевѣлъ, края губъ, усы и борода были запачканы кровью, которая медленно сочилась изъ рта. Двѣ большія, Богъ вѣсть откуда взявшіяся, синія мухи съ назойливо-наглѣмъ жужжаньемъ носились надъ лицомъ и садились по временамъ на кровь. Чернову было гадко на душѣ, ему казалось, что лапки мухъ должны щекотать мертвеца. Онъ какъ бы ощущалъ это прикосновеніе на себѣ и содрогался. Гадкія мысли, какъ эти мухи, ползали по его душѣ и неприятно щекотали совѣсть.

Между тѣмъ бродяги, хотя одинъ былъ какъ бы безъ руки, другой безъ ноги, приготовили мелкую могилу. Черновъ съ ихъ помощью приволокъ трупъ къ ней. Импровизированные могильщики сняли съ покойника лишнюю одежду, уложили его въ яму, засыпали жидкимъ слоемъ земли и накрыли дерномъ. Черновъ взялъ топоръ и пошелъ рубить ему крестъ. Онъ отыскалъ молодую березку, у которой двѣ вѣтки отходили отъ ствола почти подъ прямымъ угломъ, срубилъ ее, обчистилъ, заострилъ конецъ и вбилъ это подобіе креста, похожее на сѣнныя вилы, въ головы покойника.

„Requiescat in pace!“ прошепталъ Черновъ и вернулся къ шалашу.

Неприятная тоска, сожалѣніе и гадливость мучили его душу. Онъ молчалъ.

Бродяги тоже помалкивали.

Черновъ вынулъ изъ мѣшка нитки, иголку и маленькія ножницы.

— Чѣмъ такъ сидѣть, скройте себѣ одежду. Въ арестантской недалеко уйдете!—сказалъ онъ.

Бродяги принялись за дѣло, при чемъ Сергунька обнаружилъ таланты портного.

Черновъ курить трубку и слѣдилъ за ихъ работой, помогая совѣтами.

— А вы, баринъ, изъ какихъ будете?

— Инженеръ горный.

— Развѣдку дѣлаете?

— Нѣтъ, безъ мѣста остался, иду на Кутимскій заводъ.

— Такъ на нашемъ положеніи значить!

— Въ этомъ родѣ.

Чернова удивляло, что трагическое происшествіе этой ночи, казалось, не оставило никакого слѣда на обоихъ его собесѣдникахъ.

— Вамъ товарища не жаль?

— Чего?

— Я говорю, не жаль вамъ товарища?

Бѣлокурый бродяга помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Озорной больно былъ. Кабы не ты, его въ другомъ мѣстѣ пришибли бы. Кто его знаетъ, можетъ, у него не одно дѣло на душѣ. Бухвостилъ онъ много. „Я, говоритъ, съ каторги, съ Сакалина острова“. Видно, этакъ на руду писано. У насъ здѣсь убивства много. Каждый мужикъ моровить стрѣльнуть бѣглаго, и за грѣхъ не почитаетъ.

Въ полдень опять ѣли кашу и пили чай. Затѣмъ Черновъ собрался въ путь. Онъ отдѣлилъ своимъ сотрапезникамъ половину хлѣба, возвратилъ имъ топоръ, ножъ, да въ коробокъ спичекъ и рубль денегъ; потомъ перевязалъ имъ еще разъ рамы, убѣдившись, что огнестрѣльная рама дробью въ плечо пустяки, и рассказалъ дорогу, которой пришелъ. Бродяги брали вещи съ видомъ какого-то недоумѣнія.

Черновъ вскинулъ мѣшокъ на плечи, застегнулъ крючки, зарядилъ ружье.

— Ну, прощайте, братцы!—сказалъ онъ.

Тѣ стояли молча.

— Баринъ!

— Чего?

— Прости ты насъ, милый баринъ, окаянныхъ!

Бѣлокурый бродяга бухнулся на колѣни и отбилъ земной поклонъ.

Сергунька скроилъ губы ижицей.

Когда бродяга откатнулся назадъ, Черновъ увидаль на его глазахъ слезы. Ему самому захотѣлось плакать.

— Вотъ вы у меня прощенья просите, а я человѣка у билъ,—заговорилъ Черновъ низкимъ голосомъ.

Бродяги не слушали его, бѣлокурый лепеталъ:

— Баринъ, милый, дай тебѣ Господи, милая душа, баринъ...

— Прощайте, братцы, живите лучше!

Черновъ пошелъ, вволюванный прощаньемъ. Онъ долго брелъ, бессознательно высматривая тропу по тесинамъ, часто спотыкаясь и путаясь въ низкомъ кустарникѣ. Разныя чувства и мысли волновали и угнетали его, слезы часто застилали глаза. Черезъ два дня онъ благополучно вынырнулъ изъ тайги по ту сторону Урала, доплелся до Кутимскаго завода и вскорѣ достигъ Перми, гдѣ нащелъ знакомыхъ. Начальству онъ не счелъ нужнымъ заявлять объ этомъ происшествіи, не любилъ рассказывать о немъ и близкимъ людямъ. Часто потомъ, особенно въ дорогѣ, ему припоминалось—страшный трескъ, бѣлый пороховой дымъ, плывущій по воздуху, надъ рѣчкой, и трупъ бродяги со стеклянными взоромъ и окровавленными губами.

Н. Березинъ.

Божьи рабы.

(Очеркъ).

Третій день я живу въ кордонѣ лѣсника Парфена и чувствую себя прекрасно вдаль отъ шумнаго города. Я умышленно не взялъ съ собою ни одной книги и ни одного клочка газетной бумаги, пестрые столбцы которой надоѣли мнѣ своими пестрыми фактами изъ будничной скучной жизни.

Я люблю Парфена и его уединенный лѣсной уголокъ!

Старикъ одинокъ, всегда задумчивъ, иногда отчего-то печаленъ, и тогда его тихая медлительная рѣчь успокаиваетъ меня, мятущагося и одинокаго... Иногда добродушная, почти дѣтская улыбка сгоняетъ суровую думу съ его морщинистаго лица, съ сѣдой широкой бородой, крупнымъ носомъ, большимъ лбомъ и съ сѣрыми глазами,—и я слушаю его разсужденія на злобу дня, его дня, лѣснаго, не богатаго событіями, и отъ этого, быть можетъ, умиротворяющаго и усталую душу рассказчика, и безпокойную душу слушателя.

Парфенъ живетъ на отдаленной границѣ громадной лѣсной дачи. Отъ его хаты до господской экономіи больше двадцати верстъ, до ближайшей башкирскаго деревушки—верстъ пятнадцать.

Трехъокольная ветхая хатка, гдѣ обитаетъ лѣсникъ, приютилась на лѣсной вырубкѣ. Съ трехъ сторонъ ее окружаетъ сосновый боръ; саженьяхъ въ тридцати мимо оконъ тянется полотно желѣзной дороги, а влѣво, въ полуверстѣ, на пригоркѣ, видѣется желѣзнодорожная будка, гдѣ живетъ ближайшій сосѣдь Парфена—желѣзнодорожный сторожъ, рыжій грубый солдатъ, котораго лѣсникъ недолюбливаетъ и называетъ „стоеросовой дубиной“.

За полотномъ дороги разстилается ровная и привольная степь. Это—башкирская степь, застланная ровнымъ ковромъ травъ, пахучихъ цвѣтовъ и ковыля, отъ котораго степь становится похожей на кисейное море. Прямо, далеко, виднѣется конецъ степи, очерченной ровной гранью на горизонтѣ, налѣво, въ сизой дымкѣ, обрисовываются пологіе холмики, а направо тянется безконечная равнина, куда уходитъ желѣзнодорожная насыпь съ двумя линиями блестящихъ на солнцѣ рельсъ и съ рядомъ телеграфныхъ столбовъ съ тонкими отвисшими проволоками...

Айруманская степь имѣетъ свою печальную исторію. Лѣтъ 20—25 тому назадъ, когда производилось размежеваніе башкирскихъ земель, населеніе забунтовалось. Въ степь были вызваны войска—пѣхота и двѣ казачьи сотни—и съ ихъ прибытіемъ началось усмиреніе. Башкиры смирились быстро, и за послѣдніе годы въ степи спокойно, и только Парфенъ, лѣсникъ Айруманской лѣсной дачи, жалуется на ближайшихъ сосѣдей, которые иногда забираются въ лѣсъ, рубя дрова, дерутъ лыки или собираютъ грибы и ягоды. Мелкіе судебные процессы только и остались отъ бывшихъ бунтовъ.

Иногда я выхожу къ полотну дороги, усаживаюсь на каменную стѣнку моста, переброшеннаго черезъ ручей, и смотрю въ даль, поджидая поѣздъ.

Далеко на голубоватомъ фонѣ неба образуется клубъ дыма, точно отдаленное бѣлое облако. Пройдетъ нѣсколько минутъ, и рельсы отзовутся какимъ-то неяснымъ отдаленнымъ гуломъ, гдѣ то чуть слышно пронесется свистокъ паровоза и смолкнетъ, словно затерявшись въ широкой пустынной степи. Громяхая и пыхтя, пронесется мимо меня поѣздъ, мелькнувъ окнами вагоновъ, въ которыхъ смотрятъ пассажиры, и меня обдастъ гарью сѣраго дыма. Пройдетъ минутъ десять, и снова слышится ровный отдаленный гулъ, а потомъ опять воступитъ тишина: ровно шумитъ лѣсная хвоя, а степь безмолвна... На душѣ тихо и спокойно...

Потомъ вернется изъ лѣса Парфенъ, привѣтливо поздоровается со мною, улыбнется и что-нибудь расскажетъ изъ событий своего „лѣсного“ дня.

Сегодня Парфенъ вернулся угрюмымъ и молчаливымъ. Не говоря ни слова, усѣлись мы съ нимъ за столикомъ въ полисадникъ и стали пить чай. Со всѣхъ сторонъ насъ окружали пахучія цвѣтуція вишни и яблоки, узорной и частой зеленой кисеей висѣли надъ головами вѣтви рябины, пахло дымкомъ изъ самоварной трубы; около улья, пріотившагося

у плетня огорода, жужжали хлопотливыя пчелы, вернувшись изъ степи послѣ работы на цвѣтахъ и травахъ...

— Опять сегодня Абдрахманка съ своими сынами по лѣсу бродилъ,—наконецъ, началъ онъ, прерывая мрачное молчаніе.

— Какой Абдрахманка?..

— Тутъ одинъ звѣрь есть!.. Ничего я съ нимъ подѣлать не могу: зайдетъ въ лѣсъ и три сына съ нимъ. Надерутъ лыкъ, дровъ нарубятъ и уйдутъ. А увидишь—и смолчишь и не пикнешь, потому—боязно. Съ ружьями да съ топорами они ходятъ, а смотреть—глаза горять!.. Слово волки какіе голодные...

— Кто же они?

— Да вотъ изъ Училлей, деревушка башкирская тутъ въ лугахъ... Разбойники страшные. „Нашъ, говорятъ, лѣсъ!“ да и только... А гдѣ онъ ихъ то? Казенный землемѣръ приѣзжалъ, обрѣзалъ землю, столбы поставилъ, ямъ накопалъ. Опять же и баринъ то нашъ во всѣ суды ходилъ насчетъ этого лѣса, и во всѣхъ судахъ ему присудили и лѣсъ, и луга, а они все своимъ зовутъ. Просто бѣда съ ними, не слажу! Хочу проситься въ другой участокъ, потому—тутъ надо молодыхъ лѣсниковъ, бойкихъ, а я—что! Старъ ужъ съ ними воевать-то!..

— Ай-ай, Парфень! Старый служака, на войнѣ побывалъ а башкиръ боишься!—посмѣялся я надъ старикомъ.—Вѣдь, у тебя тоже ружье есть!

— Война—другое дѣло!—немного помолчавъ, проговорилъ онъ.—На войнѣ самъ Господь велитъ убивать врага и супостата, а здѣсь на міру изъ-за лѣса или изъ-за дровъ... грѣха на душу взять не могу... Нечего, не могу! Такъ и барину, и лѣсничему Николаю Ивамычу скажу, пушай хоть со службы совсѣмъ увольняютъ.

— И на войнѣ не Богъ велитъ убивать, а люди!—противорѣчу я, но моя сентенція никакого впечатлѣнія не производитъ на Парфена.

Онъ молча пьетъ чай и по-временамъ поглядываетъ на небо, гдѣ опустившееся за горизонтъ солнышко золотитъ края пушистыхъ легкихъ облаковъ. На лицѣ Парфена выраженіе сосредоточенной думы и какой-то тихой неразъяснимой грусти. Я началъ-было спрашивать его объ Абдрахманкѣ и его дѣятельности въ качествѣ лѣсовора, но Парфень, видимо, избѣгалъ говорить на эту тему и дѣлалъ видъ, что не слышитъ меня.

Покончивъ съ чаемъ, онъ снесъ въ избушку самоваръ, чайную посуду и остатки отъ нашего ужина. Скоро въ

крайнемъ оконцѣ избы замерцалъ блѣдно-красный огонекъ. Это Парфенъ затеплилъ лампаду и началъ молиться. Его вечерняя молитва всегда отличается нѣкоторой торжественностью. Молится онъ долго, медленно и размашисто крестится и кланяется низко, перегибая старческую спину.

Зная, что въ молитвенный часъ Парфену нельзя мѣшать, я вышелъ на полотно дороги, усѣлся на знакомую мнѣ каменную стѣну желѣзнодорожнаго моста и посмотрѣлъ въ даль степи.

Картина степи значительно измѣнилась въ сравненіи съ тѣмъ, что было часъ тому назадъ. Заря разлилась по небу шире, но ея фожъ поблѣднѣлъ, окраины облаковъ потухли, да и самые облака потемнѣли и расплылись по небу причудливымъ караваномъ. Надъ степью поднялась сизоватая дымка, въ лощинахъ за клубился сѣдоватый туманъ. Тихой грустью вѣяло отъ этой пустынной и безлюдной степи.

Я рассмотрѣлъ вдали на полотнѣ дороги темную точку. Сначала я подумалъ, что это желѣзнодорожный сторожъ вышелъ осматривать свой участокъ, но скоро убѣдился, что по насыпи идетъ какой-то запоздалый одинокій путникъ.

По насыпи ко мнѣ приближался высокій сѣдой старикъ въ длинномъ подрясникѣ, покрытомъ пылью, и въ порывѣвшей скуфейкѣ на головѣ. За плечами его была холщевая сумка въ видѣ ранца, къ ремнямъ сумки были привязаны жестяной чайникъ и сапоги. Въ рукахъ старикъ держалъ длинную палку съ деревяннымъ набалдашникомъ. Быстро ступая босыми ногами по песку насыпи, онъ, наконецъ, остановился, не снимая съ головы скуфейки, поклонился и не громко спросилъ:

— До деревни-то, вѣрно, не близко, господинъ?..

Я сказалъ.

— Иду я... Знакомыя все мѣста-то, а не узнаю... Да и такъ то боязно что то: нехристь кругомъ... Вотъ второй день иду и ни одного православнаго храма не встрѣтилъ, все дхнія мечети...

Онъ стоялъ около меня, осматривалъ избу лѣсника, лѣсъ, насыпь, степь и какъ будто ждалъ, когда я пригласю его остаться, но я молчалъ, рассматривая его высокую фигуру. Лицо его вдругъ прояснилось и самъ онъ встрепенулся.

— Лампа-адка! — протянулъ онъ, замѣта мерцавшій въ оконцѣ огонекъ, и, не говоря ни слова, спустился съ насыпи и направился въ избушку. — Здѣсь, вѣрно, лѣсникъ живетъ, — добавилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ путь къ избушкѣ.

Подойдя къ невысокому крылечку, старикъ постучалъ въ дверь сѣней своей длинной палкой и замеръ въ ожиданіи. Парфенъ, очевидно, молился и не слышалъ стука. Странникъ звякнулъ щеколдой двери, и его фигура исчезла.

Я поднялся и пошелъ вдоль насыпи, ступая по шпаламъ и всматриваясь въ даль степи, которая съ каждой минутой темнѣла и темнѣла въ вечернемъ сумракѣ. Заря совсѣмъ уже потухла, и только блѣдно-розовая полоска напоминала о ея пожаращѣ. Направо стоялъ лѣсъ, еще больше потемнѣвшій и замолкшій, налево разстилалась степь, а надъ головою висѣло темно-голубое безоблачное небо и одинокая яркая звѣздочка загорѣлась на всей ея необозримой пустыни.

Когда, вернувшись съ прогулки, я вошелъ въ избу, на столѣ горѣла лампочка со стекломъ, засиженнымъ мухами, а подъ образами попрежнему мерцала лампада. Парфенъ сидѣлъ на обручкѣ дерева передъ печью, около которой стоялъ шумящій самоваръ, а странникъ помѣщался у стола. Свое полукафтаные онъ разстегнулъ, и изъ-подъ него виднѣлось бѣлое холщевое бѣлье. Скуфейки на его головѣ не было, и сѣдые растрепавшіеся волосы спускались съ макушки головы къ вискамъ и на уши и обрамляли большой залысившійся лобъ. Не обративъ особеннаго вниманія на меня, онъ только искоса посмотрѣлъ въ мою сторону и, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ лица, продолжалъ:

— Опять же въ тѣхъ святыхъ мѣстахъ не мало нехристей, а глаголь Божій не замолкаетъ. Смирились они, нехристи-то, уступили православнымъ людямъ...

Изягая подробно путь отъ Аеона, странникъ, не повышая тона, называлъ невѣдомые Парфену города и страны, рассказавъ о морскомъ путешествіи, говорилъ о Константинополѣ—и лѣсникъ слушалъ рассказы гостя въ глубокомъ молчаніи.

Когда вскипѣлъ самоваръ, Парфенъ перенесъ его на столъ, гдѣ уже были приготовлены посуда, хлѣбъ, молоко и масло, и пригласилъ меня „откупать чай съ Божьимъ человѣкомъ“.

Черезъ полчаса мы съ Парфеномъ пили чай и въ молчаніи слушали рассказчика. Лѣсникъ былъ внимателемъ, какъ никогда. Рѣчь странника, повидимому, произвела на него глубокое впечатлѣніе. Понявъ свою роль, странникъ, въ свою очередь, вдохновился; порою въ голосъ его слыша-

лись проникновенныя нотки, а когда голосъ его смолкалъ — слышались глубокіе вздохи.

Иногда странникъ какъ будто забывалъ о томъ, что говорилъ четверть часа тому назадъ и невольно повторялся. Вниманіе Парфена отъ этого не ослабѣвало, меня же, напротивъ, повторенія и длинноты рѣчи рассказчика утомляли.

И только, когда странникъ заговорилъ о скитахъ раскольниковъ, гдѣ ему также пришлось побывать, — мое вниманіе было вновь затруто.

— Удивительной жизни эти люди!.. Живутъ какъ будто и по-нашему, а въ Бога не вѣруютъ... А посмотришь на ихъ жизнь — праведная эта жизнь, справедливая...

Странникъ говорилъ какимъ-то особенно таинственнымъ голосомъ, какъ будто онъ опасался высказать истинное впечатлѣніе, съ которымъ онъ оставилъ расколыничьи скиты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему хотѣлось рассказать намъ о новой праведной жизни.

— Да только... вишь ты... ушелъ я отъ нихъ... стали меня въ свою вѣру совращать. Ничего такъ то не дѣлаютъ: слушай, молъ, только наши проповѣди, а тамъ, какъ знаешь... Подумалъ-подумалъ я, да и пошелъ въ Кіевъ, къ святымъ угодникамъ, а то поживи я еще у нихъ съ недѣлку — навѣрное, по гробъ бы не оставилъ ихъ... На старости-то лѣтъ какъ будто и не хорошо мѣнять прежнюю вѣру...

Я поблагодарилъ лѣсника за чай, прошелъ въ уголь къ двери, гдѣ для меня на широкой скамьѣ была приготовлена постель изъ свѣжаго сѣна, прикрытаго простыней, — и легъ, заложивъ руки за голову. Тускло горѣвшая лампочка отбрасывала въ уголь избы широкоую и неуклюжую тѣнь самовара, и эта тѣнь предупредительно ложилась на мою постель, отъ которой пахло цвѣтами и травами привольной степи.

Прислушиваясь къ монотонному голосу странника, я начиналъ дремать, только теперь чувствуя усталость въ ногахъ.

Голосъ странника также какъ будто упалъ; его узкіе впавшіе глаза сощурились, и самъ онъ весь сгорбился. Немного спустя онъ смолкъ, широкимъ взмахомъ руки перекрестилъ себя нѣсколько разъ, поблагодарилъ Парфена за угощеніе и отвалился спиною къ стѣнкѣ.

— А вотъ у насъ тутъ и церквей-то близко нѣтъ! — началъ, наконецъ, Парфемъ, все время молчавшій. — Верстъ тридцать до села Рождествена, тамъ и церковь есть, и батюшка живетъ...

— Знаю я хорошо село Рождествено, — глухо проговорилъ странникъ.—Наша Ермиловка верстахъ въ пяти отъ него, по тракту.

— А-а!.. Такъ ты, значить, здѣшній?—изумился Парфень.

— Здѣшній, коренной здѣшній, и родился въ Ермиловкѣ и у тамошняго барина въ людской грамотѣ выучился... Давно это было, еще до воли.

Парфень все еще продолжалъ удивляться открытію, какъ будто не въ состояніи переварить мысли, что этотъ старикъ, побывавшій въ далекихъ странахъ, жилъ когда-то недалеко отъ его лѣсной избушки.

— Съ этой науки-то и душу свою загубилъ,—глухо продолжалъ странникъ.—Мальчишкой то я смышленнымъ былъ, грамоту скоро усвоилъ, а тамъ и отъ крестьянской работы отшатнулся. Держалъ меня баринъ при своей конторѣ и по письменной части приспособилъ, и сталъ я разныя книги и записи вести. Вышла воля, баринъ то вдругъ и умеръ, а имѣніе его дѣтки промежь себя раздѣлили. И пошелъ я тутъ ходить по чужимъ людямъ! Все больше по письменной части... Тутъ женился, дѣти пошли, а потомъ Господь въ одинъ годъ и жему прибралъ, и дѣтки за нею въ лоно Авраамово переселились... Остался я опять одинъ и съ горя-то пить сталъ, да развратомъ заниматься, а потомъ и вышло такъ, что двѣ души загубилъ...

Онъ смолкъ, потупивъ глаза и скрестивъ на груди по локоть обнаженные руки. Парфень сидѣлъ, не шелохнувшись, и, видимо, былъ сильно подавленъ неожиданнымъ признаніемъ собесѣдника. Какое-то неловкое чувство стѣсняло и меня, и я почему то старался казаться заснувшимъ.

— Да ты, можетъ, думаешь, что я изъ за какой своей корысти души-то чловѣческія загубилъ? — снова началъ странникъ и подмывъ на Парфена глаза.—Не думай этого!.. Все со мною бывало—и пилъ, и церковь православную забывалъ, и за чужими женками бѣгалъ, а что бы рѣшиться на этакое дѣло — во мнѣ такой злости отродясь не было... Своего барина я защищалъ, исправника... Лѣтъ двадцать или двадцать пять тому назадъ по всему уѣзду нашему были башкирскіе бунты. Служилъ я въ то время у исправника въ писцахъ. Вотъ какъ-то по-осени, въ одной дачѣ—Соугаровская называется, версть семьдесятъ отсюда, — въ одной дачѣ межовалъ землемѣръ, а башкиры подняли бунтъ. Вызвали на мѣсто бунта исправника, и я съ нимъ поѣхалъ, онъ всегда меня съ собою возилъ: сидишь на козлахъ и ѣдешь!.. Ну, вотъ, поѣхали мы въ лѣсъ, десятскіе, сотскіе

и такъ разные люди съ нами съ дубинами да съ ружьями... Пріѣзжаемъ на межу, а ихъ тысячи человекъ, бабы и ребята съ ними, орутъ по-своему! Сталь исправникъ уговаривать бунтовщиковъ, да ничего изъ этого не выходитъ, стоятъ на своемъ: „Не пустимъ землемѣра на межу, да все тутъ!“ Вижу, исправникъ начинаетъ горячиться. Отозвалъ онъ меня такъ шаговъ на пять въ сторону, да и говоритъ: „Проберись, говоритъ, до ручья-то, да призови-ка команду-то“. Пошелъ я по дорожкѣ въ лѣсъ, отошелъ шаговъ сто, а за мною человекъ пять съ дубьемъ да съ ружьями! Оробѣлъ я, пустился было бѣжать къ своимъ, а ноги не слушаются. Вспомнилъ я тутъ, что въ карманѣ то у меня шестипульный револьверъ, всталъ я такъ то, вытянулъ впередъ руки съ револьверомъ и жду, что будетъ... Подбѣгаютъ они ко мнѣ, глаза горять, бормочатъ что-то по-своему. Тутъ, вижу, одинъ высокій паренъ замѣтилъ, что я съ револьверомъ, ринулся на меня со всѣхъ ногъ, да и хватъ по головѣ здоровой палкой. Не помню тутъ я, какъ и собачку дернулъ—выстрѣлилъ. Отступили башкиры, стоятъ и призываютъ своихъ. Смотрю—бѣгутъ ко мнѣ и исправникъ съ десятскими, и наши мужики съ другой стороны... Тутъ и пошла у насъ война! Вижу, башкиры смели на-земь исправника, да по головѣ, по головѣ его же собственной шашкой. Ринулся я впередъ, да и прямо въ упоръ — баць! баць! сперва одного башкира, потомъ другого... Дальше ужъ ничего не помню, только въ селѣ и очнулся. Смотрю — рука у меня на перевязи, грудь болитъ, да и въ спину словно колъ вставленъ. Приходятъ въ избу какіе-то начальники и офицеры, спрашиваютъ, какъ и что со мною. Тутъ-то я только и узналъ, что убилъ двухъ человекъ наповаль! Понимаю я хорошо, что не ради своей корысти загубилъ людей, а исправника защищалъ: присягу исполнялъ, а все таки, сколько тепѣрь лѣтъ прошло, а не могу грѣха этого замолить! Не проститъ мнѣ великій Богъ моего злодѣянія, не проститъ! Двѣ души человѣческія загубилъ. По святымъ мѣстамъ больше двадцати лѣтъ хожу, постъ и молитву на себя налагаю, а душа моя болитъ и болитъ по грѣхѣ...

Онъ снова потупилъ глаза и казался глубоко задумавшимся. Я посмотрѣлъ на его лицо, залитое блѣдностью, и оно показалось мнѣ страдальческимъ.

Миролюбивый и богомольный Парфенъ, видимо, глубоко проникся покаяннымъ настроеніемъ своего собесѣдника, и на его лицѣ ясно отпечаталось выраженіе состраданія и глубокой вѣры въ кару Бога, который никогда не проститъ

страннику грѣха, сколько бы онъ ни скитался по оватымъ мѣстамъ и сколько бы ни просилъ прощенія.

— Такъ то вотъ, добрый человѣкъ, живемъ мы, грѣшимъ, а приходятъ старые годы—о грѣхѣ вспоминаемъ, да и молимся за свою душеньку...

Голосъ странника дрогнулъ и оборвался. Минуту спустя онъ продолжалъ:

— А все потому грѣшимъ мы, что съ малыхъ лѣтъ не Богу единому служимъ, а діаволу повинемся: захочетъ онъ, и на злобу подтолкнетъ, и въ развратъ втянетъ, и на преступленіе направитъ...

— Діаволу... діаволу,—поддакивалъ и Парфенъ.

— Когда барщина была,—началъ снова странникъ,—барамъ служилъ, въ діавольскихъ ихъ книгахъ отмѣтки объ оброкахъ на своихъ же ближнихъ братій дѣлалъ, потомъ по судамъ таскался, бумаги разныя переписывалъ и все отмѣчалъ, въ чемъ мои ближніе провинились, а тутъ и вонъ до чего дошелъ—двѣ душеньки загубилъ... Нехристи они башкиры, а все же—души въ нихъ, и передъ истиннымъ Богомъ и за нихъ отвѣтъ держать надо!.. Господи! Господи!..

И, какъ эхо, Парфенъ такъ же чуть слышно прошепталъ: „Господи!..“

— Богу единому мы должны служить, а не человѣку! Единому ему должны повиноваться, а не человѣку! Истинному Богу!—началъ въ волненіи странникъ:—и что бы тебѣ человѣкъ не приказывалъ—подумай сначала: угодное Богу дѣло, или грѣхъ!.. Передъ однимъ Богомъ мы рабы, а не передъ человѣкомъ... Да... Божьи рабы! Божьи!.. И не должны повиноваться человѣку, если онъ отъ злобы или грѣха хочетъ и тебя ввести въ грѣхъ!..

Подавленный возгласомъ странника, Парфенъ сидѣлъ съ глазами, устремленными на тусклый образъ, залитый красноватымъ пламенемъ лампы, и молчалъ.

Они долго сидѣли, не смотря другъ на друга, не шевелясь и, казалось, не дыша передъ силою и величіемъ той истины, которую только что произнесъ странникъ.

Первымъ очнулся отъ оцѣпенѣнія Парфенъ. Не слѣша поднялся онъ съ табурета, убралъ самоваръ на лавку, сдвинулъ чайную посуду и хлѣбъ къ одному углу стола и не громко проианесъ:

—На кровати вотъ адѣсь и ложись, божій человѣкъ!—обратился онъ къ страннику.

Тотъ молча вскинулъ на него глаза и поднялся. Искося посмотрѣвъ въ мою сторону, какъ будто о чемъ то сообра-

жая, онъ подошелъ къ Парфену и шепнулъ ему что то на ухо. Парфенъ также покосился на меня, придвинулся къ столу и потушилъ лампу. Внутренность избы потонула въ блѣдно-красномъ свѣтѣ лампы.

Странникъ снялъ съ себя полукафтанье, умылъ руки, досталъ изъ сумки четки съ звонко постукивающими косточками и, опустившись у лавки на колѣни, началъ молиться. Лѣсникъ прошелъ въ сѣни, приперъ дверь, потомъ снова вернулся въ избу и, умывъ руки, также опустился на колѣни по другую сторону стола и немного ближе къ печи.

Я молча лежалъ на сѣнѣ, боясь пошевелинуться, и смотрѣлъ на молящихся. Странникъ молился съ какой то торжественной медленностью въ движеніяхъ. Крестился онъ рѣдко, кланяясь образу, пригибалъ голову до самаго пола и, продолжая шептать какую-то молитву, оставался въ этомъ положеніи на нѣсколько секундъ. Выпрямляя спину и нѣсколько закидывая голову назадъ, онъ пристально всматривался въ ликъ потемнѣвшаго образа, перебиралъ косточки четокъ, снова крестился и снова припадалъ головою къ полу. Парфенъ также усердно молился и, казалось мнѣ, старался подражать каждому движенію и жесту странника.

По полу, на стѣнѣ и на печкѣ скользили тѣни молящихся, отброшенные свѣтомъ лампы, въ избѣ слышался молитвенный шопотъ и шорохъ четокъ въ рукахъ странника.

Лицо странника я не могъ разсмотрѣть, потому что онъ стоялъ ко мнѣ спиной, лицо же Парфена я все время наблюдалъ внимательно и старался разгадать, какія мысли отразились на немъ въ торжественную минуту молитвы. Оно словно состарѣлось на нѣсколько лѣтъ, похудѣло и осунулось. Въ его глазахъ, казалось мнѣ, глубоко запало выраженіе тоски и горя. Вѣроятно, въ эту рѣдкую минуту онъ перебиралъ въ памяти подробности своей жизни и каялся въ грѣхахъ. Можетъ быть, онъ сознавалъ теперь грѣховность своей роли въ качествѣ лѣсника, вынужденнаго преслѣдовать сосѣднихъ башкиръ за каждую вазанку дровъ или за лукошко грибовъ и ягодъ. Можетъ быть, ему вспомнились его военные походы на далекихъ и угрюмыхъ Балканахъ. Можетъ быть, онъ также загубилъ человѣческую душу, оправдывая свое поведеніе тогда и только теперь сознавая свой неисправимый грѣхъ передъ Богомъ.

Странникъ совершенно опредѣленно выражалъ свою философію жизни; онъ отрицалъ рабство передъ человѣкомъ, противопоставляя ему рабство Божіе; онъ отрицаетъ волю

себѣ подобнаго надъ собою, противопоставляя волю Бога надъ всѣмъ живымъ. Изъ всѣхъ испытаній своего служебнаго прошлаго онъ сдѣлалъ этотъ одинъ опредѣленный выводъ, утверждая, что никто изъ людей не можетъ повелѣвать и никто же изъ людей не долженъ ни служить, ни повиноваться другому, кто бы онъ ни былъ!..

Всю жизнь служили старики людямъ, состоя у нихъ покориными рабами, и только въ концѣ жизни, у гробовой доски, поняли, что они—божьи рабы, но не рабы человѣка, кто бы онъ ни былъ!

Вас. Брусняннѣ.

Памяти А. П. Чехова.

Какъ другъ, склонившись къ изголовью
Безвольемъ страждущихъ людей,
Шепталъ онъ съ нѣжною любовью
Мечты о блескѣ лучшихъ дней.
Когда повѣяло ненастьемъ,
И блекли грезы, какъ цвѣты,—
Онъ звалъ на поиски за счастьемъ,
За жизнью, полной красоты.
Подъ гнетомъ тяжкаго недуга,
Горя въ мучительномъ огнѣ,
Онъ согрѣвалъ насъ лаской друга
И свѣтлой сказкой о веснѣ...
А тьма все шире облежала
Нѣмой просторъ родной земли,
И тихо сказка отзвучала,
Какъ сонъ растаяла вдали.
И онъ угасъ, съ тоскою зная,
Какъ далека еще весна...
Оплачь его, страна родная,
Осиротѣвшая страна!

Е. Чернобаевъ.

Семейство Оберлэ.

РОМАНЪ РЕНЭ БАЗЕНА.

Переводъ съ французскаго А. В—ой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Февральская ночь въ Вогезахъ.

Надъ рейнскимъ туманомъ поднималась луна. Въ эту минуту на тропинкѣ, спускающейся съ Вогезъ, показался человекъ; это былъ страстный охотникъ, страстный любитель прогулокъ, отъ зоркихъ глазъ котораго ничто не ускользало.

Онъ увидѣлъ луну въ просвѣтѣ высокихъ деревьевъ и сейчасъ-же вошелъ въ тѣнь сосенъ. Но одного этого бѣглаго взгляда, который онъ бросилъ кругомъ, переходя черезъ поляну, было достаточно, чтобы напомнить ему о красотѣ той природы, среди которой онъ жилъ. Онъ вадрогнулъ отъ наслажденія. На дворѣ было холодно и спокойно. Легкій туманъ поднимался надъ оврагами; въ немъ не чувствовался еще ароматъ жожкиля и лѣсной земляники, но былъ другой ароматъ, которому нѣтъ названія и который слышится въ немъ во всякое время года,—запахъ смолы, сухихъ листьевъ травы, начинающей зеленѣть, старой коры, сквозь которую пробивается молодая, и дыханіе вѣчнаго цвѣтка лѣсового,—лѣсного мха. Путникъ глубоко вдохнулъ въ себя этотъ любимый имъ запахъ; онъ, открывъ ротъ, пилъ его жадными глотками въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и, какъ онъ ни привыкъ къ красотѣ этого ночного праздника лѣса, къ сіянію неба, къ аромату земли, ко всему этому таинственному содраганію молчаливой жизни,—онъ не могъ не восклик-

жутъ вполголоса: „Браво, зима! Браво, Воегезы! Они не могли васъ испортить!“ И, положивъ свою палку подъ мышку, чтобы еще меньше шумѣть по песку и сосновымъ игламъ, онъ пошелъ дальше по тропинкѣ, поворачивающей то вправо, то влѣво; потомъ, повернувъ голову, сказалъ:

— Иди осторожиѣе, Фидель, мой добрый другъ; здѣсь кругомъ все такъ прекрасно!

Въ трехъ шагахъ отъ него шла сухопарая охотничья собака на высокихъ ногахъ, съ узкой мордой, какъ у борзой; она казалась теперь совсѣмъ сѣрой, но была при дневномъ свѣтѣ рыжевато-коричневая съ длинной мягкой шерстью, обрисовывающей линію ея лапъ, живота и хвоста. Доброе животное какъ-будто поняло своего господина, потому что продолжало итти вслѣдъ за нимъ такъ-же тихо, какъ и луна, скользившая по верхушкамъ сосенъ.

Вскорѣ свѣтъ луны проникъ въ лѣсъ черезъ вѣтви деревьевъ; онъ разбилъ мѣстами тѣнь на мелкіе куски, мѣстами совсѣмъ прогналъ ее на широкое пространство, скользнулъ вдоль склоновъ горъ, залилъ стволы деревьевъ или осыпалъ ихъ блестящими точками, и изъ этихъ деревьевъ и этого свѣта, холоднаго, неопредѣленнаго и голубого, создалась картина новаго лѣса, незнакомаго для дня. Это было внезапное, волшебное и быстрое превращеніе. Для него было достаточно десять минутъ. И даже легкій порохъ не предвѣщалъ его. Ульрихъ Билеръ продолжалъ спускаться, проикнутый все возрастающимъ въ немъ волненіемъ; онъ наклонялся по временамъ, чтобы лучше видѣть молодня деревца, нагибался надъ оврагами и шелъ съ бьющимся сердцемъ, весь насторожѣ, какъ дикая коза, которая осторожно оставляетъ свою пещеру, чтобы итти на пастбище.

Этотъ путникъ, энтузіастъ и молодой душой, не былъ молодъ по годамъ. Ульриху Билеръ, котораго вездѣ кругомъ называли просто господинъ Ульрихъ, было 60 лѣтъ, что было видно по его бородѣ и волосамъ, почти бѣлымъ отъ сѣдины; но и въ юные годы въ немъ было больше молодости, чѣмъ обыкновенно бываетъ у людей, какъ бываетъ въ нѣкоторыхъ больше храбрости или больше красоты,—и до сихъ поръ еще въ немъ осталось что-то отъ этой страстной молодости. Онъ жилъ посреди гора св. Одоли, какъ разъ на высотѣ 400 метровъ, въ простомъ домѣ, построенномъ безъ всякой архитектуры и стоящемъ почти одиноко среди непринлежащихъ Билеру земель, если не считать луга по склону горъ, на которомъ стоялъ домъ, и совсѣмъ маленькаго фруктоваго сада, періодически погибавшаго каж-

дую суровую зиму. Ульрихъ Билеръ остался вѣрнѣ этому дому, унаслѣдованному имъ отъ отца; отецъ купилъ его, чтобъ проводить въ немъ только лѣто, но Ульрихъ Билеръ жилъ въ немъ одиноко круглый годъ, хотя въ равнинѣ у него было довольно много и друзей, и земель. Онъ не былъ нелюдимымъ, но не любилъ жить открыто. Его имя окружалъ ореолъ чего-то легендарнаго. Рассказывали, что во время войны 1870 г. онъ сражался все время въ серебряной каскѣ, на верху которой развѣвались, въ видѣ гривы, волосы женщины. Никто не могъ сказать, чтобъ это было исторически вѣрно. Но добрыхъ двадцать человекъ изъ жителей равнины Эльзаса могли подтвердить зато, что не знали среди французскихъ драгунъ другого такого неутомимаго всадника, такого смѣлаго развѣдчика, такого кѣжанаго и забывающаго о собственномъ страданіи товарища въ нуждѣ, какъ г. Ульрихъ, владѣлецъ Хейденбруха на горѣ св. Одилиі.

Онъ остался французомъ послѣ завоеванія Эльзаса. Въ этомъ было его счастье, но это было и причиной многихъ для него непріятностей, которыя онъ старался или устранить, или терпѣливо перенести въ благодарность за ту милость, которую ему дѣлали нѣмцы, позволяя свободно дышать роднымъ воздухомъ Эльзаса. Онъ сумѣлъ сохранить свое достоинство въ этой грустной рсли побѣжденнаго, котораго терпятъ и за которымъ слѣдятъ. Онъ не позволялъ себѣ никакой уступки, которая-бы показала, что онъ забылъ дорогую Францію, но и никакого вызова, никакой бесполезной демонстраціи. Г. Ульрихъ много путешествовалъ по Вогезамъ, гдѣ ему принадлежали тамъ и самыя части лѣса; онъ самъ завѣдывалъ ими. Его лѣса были извѣстны, какъ одни изъ наилучше сбереженныхъ въ Нижнемъ Эльзасѣ. Онъ жилъ замкнуто, въ продолженіе уже 30 лѣтъ нося трауръ, но жилъ съ комфортомъ и любилъ изысканную жизнь. Тѣ немногія лица, французы или эльзасцы, которые переступали порогъ его дома, говорили о томъ, какъ гостепріименъ хозяинъ, и какъ онъ умѣетъ принять гостей. Особенно его любили крестьяне,—тѣ, что сражались вмѣстѣ съ нимъ,—и даже сыновья ихъ всегда приподнимали шляпу, когда г. Ульрихъ показывался около ихъ виноградника или люцерны. Его узнавали издали по его стройной и тонкой фигурѣ и по привычкѣ носить постоянно платье изъ легкихъ матерій, которыя онъ покупалъ въ Парижѣ и выбиралъ неизмѣнно темныхъ цвѣтовъ, начиная съ темно-коричневаго орѣховаго и кончая свѣтлымъ коричневымъ цвѣтомъ дуба. Сидя,

холенная бородка удлиняла его безкровное лицо почти безъ морщинъ; губы охотно складывались въ улыбку; носъ съ тонкой выпуклой косточкой указывалъ въ немъ породу; сѣрые глаза, снисходительные и умные, сразу принимали высокомерное, недовѣрчивое выраженіе, когда при немъ заговаривали объ Эльзасѣ. А широкій лобъ придавалъ что-то задумчивое и мечтательное лицу это боевого человѣка и казался еще больше отъ рѣдѣющихъ уже на вискахъ, но еще густыхъ, жесткихъ и коротко остриженныхъ волосъ.

Итакъ, въ этотъ вечеръ г. Ульрихъ только что вернулся съ осмотра рубки лѣса въ долину Брука, и его прислуга никакъ не ожидала, что онъ еще разъ выйдетъ изъ дому, какъ вдругъ послѣ обѣда онъ обратился къ своей горничной, старой Лизѣ, служившей за столомъ: „Мой племянникъ Жанъ долженъ былъ вернуться сегодня вечеромъ въ Альсхеймъ, и, конечно, если бы я подождать до завтра, то увидѣлъ-бы его у себя, но я предпочитаю увидѣться съ нимъ еще сегодня у него въ домѣ. И потому уйду. Оставь ключъ подъ дверью и иди спать“. Онъ сейчасъ-же свистнулъ Фиделя, ввѣлъ палку и сталъ спускаться по тропинкѣ, входившей въ лѣсъ въ 50 шагахъ отъ Хейденбруха.

На г. Ульрихъ былъ, по обыкновенію, темный китель и брюки цвѣта *feuille morte* и бархатная шапочка. Онъ шелъ быстро, и меньше, чѣмъ черезъ полчаса, дошелъ до мѣста, гдѣ тропинка соединялась съ болѣе широкой аллеей, прорубленной для гуляющихъ и паломниковъ монастыря св. Одилии. На эту дорогу указывается обыкновенно въ путеводителяхъ, потому что на протяженіи ста метровъ она идетъ надъ потокомъ, протекающимъ ниже въ равнинѣ черезъ деревню Альсхеймъ; особенно же потому, что при входѣ въ оврагъ, въ углу, образуемомъ двумя сходящимися склонами горы, видна съ нея, какъ на ладони, часть Эльзаса, деревни, поля, луга, вдали неясная серебряная полоса Рейна и горы Шварцвальда, голубья, какъ ленъ, и круглая, какъ фестоны. Несмотря на ночь, закрывающую видъ, г. Ульрихъ, войдя въ аллею, посмотрѣлъ по привычкѣ въ ту сторону, но увидѣлъ только треугольникъ цвѣта стали въ неясномъ ночномъ освѣщеніи; вверху его блестѣли настоящія звѣзды, а внизу блестящія точки такой-же величины, но слегка затуманенныя и окруженныя кольцомъ тумана,—это были лампы и свѣчи въ домахъ деревни Альсхеймъ. Путникъ вспомнилъ о своемъ племянникѣ, котораго долженъ былъ сейчасъ прижать къ своей груди, и спросилъ себя: „Кого я увижу? Чѣмъ сталъ онъ послѣ трехъ лѣтъ отсутствія и трехъ лѣтъ вѣтчины?“

Это была остановка лишь на минуту. Г. Ульрихъ перешелъ аллею и, желая сократить путь, вошелъ подъ тѣнь высокнхъ буковъ, круто спускавшнхся опять къ сосновому лѣсу, черезъ который проходила прежняя дорога. Немного сухнхъ листьевъ дрожало еще на нижннхъ вѣткахъ деревьевъ, но большинство нхъ уже осыпалось на листья прошлаго года, покрывавшіе сплошь всю землю; тонкіе, какъ шелкъ, и совсѣмъ блѣдные, они походили на чрезвычайно гладко вымощенныя золотистыя плиты; стволы деревьевъ, поросшіе мхомъ, стояли правильно, какъ колонны, а вершины нхъ высоко-высоко соединялись своими тонкими вѣтками, образуя прозрачный сводъ, сквозь который свободно проходилъ свѣтъ. Мѣстами кусты нарушали гармонию лнній. А въ ста метрахъ внизъ высокая изгородь зеленыхъ деревьевъ казалась толстой стѣной вокругъ какого-нибудь стараго монастыря въ развалинахъ.

Вдругъ г. Ульрихъ услышалъ впереди, въ соснахъ, къ которымъ онъ направлялся, шумъ, настолько легкій, что другой его бы и не замѣтилъ. Это былъ шумъ катящагося по склону камня; камень катился все быстрѣе и быстрѣе, наталкиваясь по пути на препятствія и не останавливаясь. Потомъ шумъ сталъ затихать и кончился негромкимъ, но яснымъ звукомъ паденія о каменистое дно оврага, гдѣ онъ и разбился. Все стало, было, опять тихо въ лѣсу, когда второй камень, гораздо меньшій по размѣру, судя по производимому имъ шуму, началъ тоже катиться въ темнотѣ. Въ ту же минуту собака оцетинилась и подошла съ ворчаніемъ къ своему господину.

— Молчи, Фидель,—сказалъ тотъ,—не надо, чтобы они меня видѣли.

Г. Ульрихъ спрятался за стволъ одного изъ буковъ, понимая, что это живое существо поднимается по лѣсной дорогѣ, и догадываясь, кто-бы это могъ быть. И дѣйствительно, раздирая темноту черной стѣны сосенъ, показалась сперва голова, двѣ переднія ноги и, наконецъ, все тѣло лошади. Быстрое, прерывистое дыханіе вырывалось изъ ея ноздрей и клубилось бѣлымъ паромъ въ ночномъ воздухѣ. Животное дѣлало замѣтное усиліе, чтобы подняться по слишкомъ крутому склону; мускулы ея были напряжены, ноги согнуты крючкомъ, животъ почти ползъ по землѣ, но она поднималась хотя и порывистыми скачками, но почти безъ шума, опуская ноги въ мягкій мохъ и густую растительность почвы и задѣвая только за листья, которые катились по склону горы одинъ за другимъ, напоминая журчаніе воды. Наклонясь

къ ея шеѣ и держа свое копьѣ почти горизонтально, какъ будто чуя вблизи врага, сидѣлъ на лошади всадникъ въ свѣтло-синемъ мундирѣ. Его дыханіе смѣшивалось съ дыханіемъ лошади въ холодномъ воздухѣ. Они съ силой рванулись впередъ, словно боролись съ врагомъ. Г. Ульрихъ разсмотрѣлъ желтые шнурки, нашитые на мундиръ, черные сапоги на темныхъ рейтузахъ, прямую саблю и узналъ кавалериста изъ рейнскаго гусарскаго полка, стоявшаго въ Страсбургѣ; онъ разглядѣлъ и желтаго орла, обозначающаго чинъ унтеръ-офицера, на блестящемъ то бѣлыми, то черными точками копьѣ, а подъ плоской фуражкой безусое, налитое кровью лицо, все въ поту, безпокойные и злобные рыжеватые глаза, постоянно поворачивающіеся вправо, и назвали вполголоса имя Готтфрида Хамма, сына полицейскаго комиссара въ Обернэ и кузнецъ въ полку рейнскихъ гусаръ. Всадникъ проѣхалъ, задѣвъ дерево, за которымъ прятался г. Ульрихъ; тѣнь отъ его тѣла и лошади скользнула по ногамъ эльзасца и по окружавшему его мху; въ воздухѣ пронесся запахъ пота и кожаной уздечки. Въ ту минуту, какъ онъ проѣзжалъ мимо дерева, онъ еще разъ повернулъ голову направо. Г. Ульрихъ посмотрѣлъ по тому-же направленію, какъ разъ вдоль буковаго лѣса: въ 30 метрахъ онъ увидѣлъ второго всадника, поднимающагося по той же линіи, что и первый,—затѣмъ третьяго, казавшагося неопредѣленнымъ сѣрымъ силуэтомъ среди колоннъ деревьевъ, и еще дальше по движенію тѣней онъ угадалъ еще другихъ солдатъ, другихъ лошадей, карабкающихся на гору. Вдругъ, въ глубинѣ лѣса блеснуло что-то, словно свѣтящійся червякъ. Это былъ сигналъ. Всѣ солдаты тотчасъ-же сдѣлали полуборотъ направо, и ставъ въ линію, молча, не произнося ни одного слова, продолжали свой таинственный маневръ.

Тѣни колебались еще съ минуту въ глубинѣ чащи; шорохъ задѣтыхъ и катящихся листьевъ все уменьшался,—затѣмъ онъ совсѣмъ прекратился, и ночь опять стала казаться безмолвной и безлюдной.

— Опасный, опасный противникъ!—сказалъ вполголоса г. Ульрихъ,—они упражняются и ночью, и днемъ. Навѣрное, тамъ внизу, на тропинкѣ стоялъ офицеръ. Это на него они всѣ смотрѣли. Онъ поднялъ свою саблю, заблестѣвшую подъ луной, и ближайшіе солдаты ее увидѣли. Всѣ сразу повернули. Какъ мало они производили шуму! Но я все-таки закончилъ бы съ двумя, если-бы это было въ военное время.

Потомъ, замѣтивъ, что собака, поднявъ морду и шевеля хвостомъ, смотритъ на него теперь спокойно, сказалъ:

— Да, да, они ушли. Ты ихъ не любишь такъ же, какъ и я...

Онъ подождалъ итти впередъ, пока не убѣдился, что гусары не вернутся въ его сторону. Онъ не любилъ встрѣчаться съ нѣмецкими солдатами. Онъ страдалъ отъ этихъ встрѣчъ въ своей мрачной гордости побѣжденнаго, въ своей вѣрности Франціи, въ своей любви къ ней, любви, постоянно ожидающей со страхомъ новой войны, время которой, къ его удивленію, все еще не наступало и не наступало. Ему приходилось порой дѣлать большой крюкъ, чтобы не встрѣчаться на дорогѣ съ войсками. И зачѣмъ это эти гусары сейчасъ помѣшали его спуску въ Альсхеймъ? Опять у нихъ маневры, опять ихъ мысли упорно обращаются къ западу; опять это хищное животное, ловкое, хитрое, бродитъ по вершинамъ Вогезовъ и смотритъ, не пора ли спуститься...

Г. Ульрихъ продолжалъ свой путь по буковому лѣсу, никакъ опустивъ голову и полный грустныхъ воспоминаній; чтобы эти воспоминанія ожили, достаточно было одного слова, и даже меньше того,—вѣдь, въ нихъ была вся молодость этого человѣка, готовая каждую минуту встать изъ прошлаго!.. Онъ тоже старался не шумѣть, не пускалъ собаку впередъ и не отвѣчалъ ей лаской, когда она терлась мордой о его опущенную руку, какъ будто хотѣла сказать: „Что съ вами? Вѣдь, они уже ушли“. Черезъ четверть часа, повернувъ на прежнюю широкую дорогу на краю буковаго лѣса, онъ дошелъ до опушки. Вѣтеръ сталъ холоднѣе и рѣзче и пробѣгалъ по срубленнымъ дубамъ и кустарникамъ, росшимъ на краю равнины. Г. Ульрихъ остановился, прислушался вправо и, недовольно пожавъ плечами, сказалъ:

— Такъ они и вернутся! Никто ихъ не услышитъ! Ну, не будемъ о нихъ думать, а пойдемъ скорѣй поздороваться съ Жаномъ Оберлэ!

Г. Ульрихъ сошелъ съ послѣдняго пригорка. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ оставилъ за собой молодня деревья и кустарники, закрывающіе, какъ экраномъ, видъ на равнину. Все небо открылось, и внизу прямо передъ нимъ, и направо, и налѣво показалось что-то болѣе нѣжнаго и туманнаго голубого цвѣта, чѣмъ небо: земля Эльзаса. Съ земли поднимался, какъ ночная жатва, запахъ вспаханныхъ полей и мокрой отъ росы травы. Его разносилъ холодный вѣтеръ, обычный гость этой равнины и товарищъ Рейна въ его странствіяхъ. Ничего нельзя было рассмотреть среди тѣни,

въ которой спалъ Эльзасъ; только въ ста метрахъ были видны очертанія тѣсно скученныхъ крышъ вокругъ круглой выси и кончающейся остриемъ сѣрой колокольни. Это была деревня Альсхеймъ. Г. Ульрихъ ускорилъ шаги, дошелъ до потока, мимо котораго онъ уже проходилъ въ горахъ, и превратившагося здѣсь въ быстрый ручей, и, пройдя его, увидѣлъ выдѣляющийся среди облаженныхъ деревьевъ парка первый домъ Альсхейма, принадлежавшій семьѣ Оберлэ.

Этотъ домъ стоялъ направо отъ дороги и отдѣлялся отъ нея сперва бѣлой стѣной и потомъ ручьемъ; искусственно углубленный ручей протекалъ черезъ всю усадьбу и снабжалъ необходимою водой машины лѣсопильнаго завода. Г. Ульрихъ вошелъ черезъ кованную желѣзную рѣшетку, выходившую на дорогу, прошелъ мостъ и домикъ привратника и, оставляя направо лѣсной дворъ съ кучей дровъ, торчащихъ крестообразно досокъ, шестовъ и сараевъ, взялъ влѣво по аллеѣ, огибавшей высокія деревья и поляну; онъ приблизился къ крыльцу двухъэтажнаго дома съ мезониномъ изъ краснаго Савернакаго камня построеннаго въ половинѣ прошлаго столѣтія. Былъ девятый часъ вечера. Г. Ульрихъ быстро поднялся въ первый этажъ и постучалъ въ дверь одной изъ комнатъ.

Молодой голосъ отвѣтилъ ему:

— Войдите!

Онъ не успѣлъ снять своей охотничьей шапочки, какъ его племянникъ, Жанъ Оберлэ, обнялъ его, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ, говоря:

— Здравствуйте, дядя Ульрихъ! Ахъ, какъ я радъ! Какая это у васъ была прекрасная мысль!

— Ну, пусти меня! Здравствуй, мой Жанъ! Ты только что пріѣхалъ?

— Сегодня въ три часа дня. Я бы непременно былъ у васъ завтра, вы знаете?

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Но не могъ удержаться. Меня тянуло спуститься съ горы и повидаться съ тобой. Три года, что я тебя не видѣлъ, Жанъ! Дай на тебя посмотреть!

— На здоровье!—отвѣтилъ, смѣясь, молодой человекъ.— Я перемѣнился?

Онъ подвинулъ дядѣ кожаное кресло, а самъ сѣлъ напротивъ на диванъ, покрытый чехломъ и стоящій у стѣны. Между ними стоялъ рабочій столъ, на которомъ горѣла маленькая металлическая, чеканной работы, керосиновая лампочка. Сквозь открытыя занавѣси окна видѣлся неподвиж-

ный и безлюдный парк, залитый луной. Г. Ульрихъ вглядывался въ Жана Оберлэ съ нѣжнымъ и гордымъ любопытствомъ. Жанъ еще выросъ, сталъ даже немного выше дяди. Черты его солиднаго лица сдѣлались опредѣленнѣе и тверже. Темные каштановые усы стали гуще; движенія— совершенно свободны, какъ у человѣка, привыкшаго бывать въ обществѣ. Его можно было принять за южанина, благодаря чисто-итальянской блѣдности его безбородога лица, его глазамъ, окруженнымъ тѣнью, темнымъ волосамъ, раздѣленнымъ боковымъ проборомъ, губамъ, тоже блѣднымъ и показывающимъ, когда онъ говорилъ или смѣялся, рядъ прекрасныхъ, здоровыхъ, прозрачныхъ зубовъ. Но нѣкоторыя черты выдавали въ немъ эльзаса: широкія скулы, глаза того-же зеленого цвѣта, что и лѣса Вогезъ, и квадратный подбородокъ эльзасскихъ крестьянъ изъ равнины. Въ немъ было вообще что-то, напоминавшее этихъ крестьянъ, потому что прадедъ его былъ простымъ землепашцемъ; у него было также ихъ крѣпкое тѣлосложеніе. А по молодому взгляду, обращенному къ нему, дядя угадалъ, что Жанъ Оберлэ, теперь 24-лѣтній юноша, остался въ нравственномъ отношеніи почти тѣмъ-же, какимъ онъ его зналъ и раньше.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія,—ты все тотъ-же, ты сталъ только взрослымъ человѣкомъ. Я боялся болѣе крупныхъ перемѣнъ.

— А почему?

— Потому что, мой милый, нѣкоторыя путешествія служатъ труднымъ испытаніемъ, особенно въ твои годы... Но, прежде всего, откуда именно ты теперь пріѣхалъ?

— Изъ Берлина, гдѣ я держалъ мой „Referendar-Examen“.

Дядя какъ-то отрывисто засмѣялся, но сейчасъ-же подавилъ свой смѣхъ.

— Назовемъ это экзаменомъ на доктора правъ, если позволишь.

— Охотно позволяю, милый дядя.

— Ну такъ дай мнѣ болѣе точныя и новыя подробности о себѣ, потому что ужъ больше года, какъ твой дипломъ у тебя въ карманѣ. Что ты дѣлалъ потомъ?

— Очень просто. Предыдущій годъ я провелъ въ Берлинѣ, какъ вы знаете, и кончилъ тамъ свое юридическое образованіе. Послѣдній годъ былъ помощникомъ у присяжнаго повѣреннаго до августа мѣсяца. Потомъ отправился путешествовать; былъ въ Богеміи, Венгріи, Кroatіи и даже на Кавказѣ съ разрѣшенія отца. Я на это употребилъ

6 мѣсяцевъ; потомъ опять проѣхалъ черезъ Берлинъ, чтобы захватить свой студенческій багажъ и сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ, и вотъ я—дома..

— Въ самомъ дѣлѣ, твой отецъ... Я не спросилъ тебя, такъ торопился съ тобой увидѣться... Онъ здоровъ?

— Его нѣтъ дома.

— Какъ, онъ долженъ былъ отлучиться изъ дому въ день твоего пріѣзда?

Жанъ Оберле отвѣтилъ немного съ горечью:

— Онъ долженъ былъ присутствовать на парадномъ обѣдѣ у совѣтника фонъ-Ботера. Онъ увезъ и сестру. Кажется, тамъ большой вечеръ.

Наступило небольшое молчаніе. Оба собесѣдника перестали смѣяться. Они почувствовали, какъ между ними встаетъ тотъ роковой вопросъ, готовый всплыть послѣ каждыхъ трехъ минутъ разговора, вопросъ, раздражающій, неумолимый и неизбѣжный, который соединяетъ людей или навсегда ихъ разъединяетъ и лежитъ въ глубинѣ всѣхъ общественныхъ отношеній, въ вопросахъ чести, во всѣхъ притѣвленіяхъ и новыхъ законахъ,—тотъ вопросъ, что уже тридцать лѣтъ заставляетъ быть насторожѣ вооруженную Европу.

— Я обѣдалъ одинъ,—опять началъ Жанъ,—т. е. съ дѣдомъ.

— Его, обѣднугу, едва ли можно считать. Онъ все такой же подавленный, больной?

— Но голова у него совсѣмъ свѣжая, увѣряю васъ.

Наступило опять молчаніе, послѣ котораго г. Ульрихъ спросилъ нервнѣе:

— А сестра, моя сестра? Твоя мать? Она съ ними?

Молодой человѣкъ молча кивнулъ головой.

Г. Ульриху такъ мучительно больно было это слышать, что отвернулъ глаза, чтобы не показать того страданія, что они выражали. Онъ поднялъ ихъ случайно на висѣвшую на стѣнѣ акварель Шпиндлера, изображающую прекрасныхъ молодыхъ эльзасокъ, качающихся на качеляхъ, но сейчасъ же перемесъ ихъ на племянника и, смотря ему прямо въ глаза, сказалъ голосомъ, надруснутымъ отъ волненія:

— А ты?.. Ты обѣдалъ бы у совѣтника фонъ-Ботера... такъ интимно, какъ они, съ этими нѣмцами... Ты не захотѣлъ итти съ родителями?

— Нѣтъ.

Отвѣтъ прозвучалъ отчетливо, просто. Но г. Ульрихъ не нашель въ немъ тѣхъ объясненій, которыхъ искалъ. Да, Жанъ Оберле сталъ теперь взрослымъ человѣкомъ. Онъ от-

казывается порицать своих родителей, высказывать свое мнѣніе, обвиняя другихъ. Дядя продолжалъ съ тѣмъ же ироническимъ оттѣнкомъ въ голосъ:

— Однако, племянникъ, мнѣ всю прошлую зиму прожужжали уши о твоихъ успѣхахъ въ Берлинѣ; меня не щадили, я зналъ, что ты тамъ танцуешь съ нашими бѣлокурными неприятелиницами; мнѣ называли даже имена...

— О, ради Бога, — сказалъ Жанъ серьезно, — не будемъ говорить легко объ этихъ вопросахъ, какъ люди, не смѣющие смотрѣть имъ прямо въ глаза и высказать свое мнѣніе. Мнѣ дали воспитаніе, не такое, какъ вамъ, дядя, — нѣмецкое воспитаніе. Но это не мѣшаетъ мнѣ нѣжно любить нашу страну... напротивъ.

Г. Ульрихъ протянулъ руку черезъ столъ и сжалъ руку Жана.

— Тѣмъ лучше! — сказалъ онъ.

— Вы сомнѣвались въ этомъ?

— Я не сомнѣвался, дитя мое, я не зналъ; я вижу вокругъ столько тяжелаго... столько поколебавшихся убѣжденій!

— Доказательство того, что я люблю нашу Эльзасъ — это мое рѣшеніе жить въ Альсхеймѣ!

— Какъ! — воскликнулъ удивленно г. Ульрихъ, — ты отказываешься поступить на нѣмецкую службу, какъ того хочетъ твой отецъ? Это важно, мой другъ, ты противишься его честолюбивымъ планамъ. Ты былъ его надеждой въ будущемъ... Онъ знаетъ это?

— Онъ догадывается, но мы еще объ этомъ не говорили. Я не успѣлъ послѣ моего пріѣзда.

— Что же ты собираешься дѣлать?

Молодая улыбка опять показалась на губахъ Жана Оберлэ.

— Рубить лѣсъ, какъ отецъ, какъ дѣдушка Филиппъ; жить среди васъ. Когда я послѣ экзамена отправился путешествовать по Германіи и Австріи, то въ значительной мѣрѣ для того, чтобы изучить лѣсное хозяйство, лѣсопильни, заводы въ родѣ нашего... Вы плачете?

— Не то, что плачу...

Г. Ульрихъ не плакалъ, но долженъ былъ провести рукой по влажнымъ рѣсницамъ.

— Еслибъ я плакалъ, то отъ радости, мой дорогой мальчикъ... о, отъ искренней и большой радости!.. Видѣть, что я люблю больше всего на свѣтѣ... сохранить тебя среди насъ... видѣть, что ты рѣшился не принимать службы и почестей отъ притѣснителей нашей родины... Да, это

прекрасный сонъ, о которомъ я не смѣлъ болѣе мечтать... Только, откровенно говоря, я не могу объяснить себѣ... Я удивляюсь... Почему ты не похожъ на своего отца, на Люсьенну, которые такъ открыто съ ними... примирились? Ты былъ въ университетѣ въ Мюнхенѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ, въ Берлинѣ; ты только что проведъ четыре года въ Германіи, не говоря о тѣхъ, когда ты учился въ коллегіи. Какъ же ты не сдѣлался нѣмцемъ?

— Во мнѣ менѣе нѣмецкаго, чѣмъ въ васъ.

— Значить, совершенно нѣтъ.

— Меньше, чѣмъ въ васъ, потому, что я лучше знаю нѣмцевъ. Я сужу о нихъ по сравненію.

— Ну?

— Они стоятъ ниже насъ.

— Чортъ возьми, ты меня радуешь! Здѣсь только и слышишь противоположное. Особенно во Франціи, — они становятся неизякаемы, когда начнутъ восхвалять своихъ побѣдителей 1870 г.

Молодой человѣкъ, котораго заражало волженіе г. Ульриха, пересталъ опираться о спинку дивана и наклонился впередъ, съ лицомъ, освѣщеннымъ лампой, отчего еще ярче загорѣлись его зеленые глаза.

— Не заблуждайтесь, дядя Ульрихъ: я не ненавижу нѣмцевъ, и этимъ отличаюсь отъ васъ. Я даже люблюсь ими часто, потому что у нихъ есть прекрасныя стороны. У меня есть среди нихъ товарищи, которыхъ я очень уважаю; будутъ и другіе. Я принадлежу къ другому поколѣнію, которое не видѣло того, что вы видѣли, и живетъ иначе. Я не былъ побѣжденъ..

— Счастливецъ!

— Только, чѣмъ ближе я ихъ знаю, тѣмъ болѣе чувствую себя имъ чуждымъ, принадлежащимъ къ другой расѣ, съ другимъ идеаломъ, въ которомъ для нихъ нѣтъ мѣста, который я считаю высшимъ, и, самъ не знаю почему, называю Франціей.

— Bravo, мой Жанъ! Bravo!

Бывшій драгунскій офицеръ тоже наклонился впередъ, весь блѣдный, такъ что обоихъ мужчинъ раздѣлялъ только столъ.

— То, что я называю Франціей, дядя, то, что я ношу въ сердцѣ, какъ дорогую мечту—это страна, гдѣ царить свобода мысли.

— Да!

— Свобода слова...

— Именно!

— Гдѣ люди умѣютъ смѣяться такъ беззаботно..

— Какъ ты угадываешь!

— Гдѣ чувства у людей безконечно разнообразны — это страна, прелестная какъ любимая женщина, что-то въ родѣ Эльзаса, но еще прекраснѣе!

Они встали оба. Г. Ульрихъ привлекъ къ себѣ племянника и прижалъ къ своему сердцу эту горячую голову.

— Французъ!—сказалъ онъ,—французъ до мозга твоихъ костей и въ каждой каплѣ твоей крови! Мой бѣдный дорогой мальчикъ!

Молодой человекъ продолжалъ говорить, все еще приложивъ голову къ плечу счтарика:

— Вотъ почему я не хочу жить тѣмъ, по ту сторону Рейна, и буду жить здѣсь.

— Тогда я правъ, говоря: бѣдный мальчикъ!—отвѣтилъ г. Ульрихъ.—Все намѣнилось, увы!.. даже здѣсь въ твоемъ домѣ... Ты будешь страдать, мой Жанъ, съ твоей натурой... Я все теперь понимаю, все...

Потомъ, отпустивъ племянника, сказалъ:

— Какъ я радъ, что пришелъ сегодня вечеромъ!.. Сядь тутъ рядомъ со мной... У насъ есть столько рассказать другъ другу!.. Мой Жанъ! Мой Жанъ!

Они сѣли рядомъ на диванъ, оба счастливые. Г. Ульрихъ приводилъ въ порядокъ свою остроконечную бороду, за которой всегда ухаживалъ; онъ оправлялся отъ своего волненія и говорилъ:

— Знаешь-ли ты, что, говоря о Франціи такъ, какъ мы съ тобой говорили, мы совершили проступокъ, который я совершаю всегда съ такимъ удовольствіемъ. Это не позволено... Если-бы мы были на улицѣ и насъ услышалъ Хаммъ, то наше дѣло было-бы въ шляпѣ: составили-бы протоколъ.

— Я его встрѣтилъ сегодня днемъ.

— А я видѣлъ сына его только что въ лѣсу. Онъ унтеръ-офицеръ рейнскихъ гусаръ... въ твоемъ будущемъ полку... Это не карета подъѣхала?

— Нѣтъ.

— Послушай-ка!

Они стали прислушиваться, смотря черезъ окно на паркъ, освѣщенный высокой и полной луной, на лужайку въ видѣ лиры съ ея двумя бѣлыми аллеями, на группы деревьевъ и тамъ вдали на черепичныя крыши лѣсопильнаго завода. Все было тихо; только около плотины завода ручей произ-

водилъ свой монотонный шумъ, который, казалось, то приближался, то удалялся, смотря по силѣ и направленію вѣтра, начинавшаго все свѣжѣть и дувшаго теперь съ сѣверо-востока, „съ паперти собора“, какъ говорилъ дядя Ульрихъ, думая о Страсбургѣ.

— Нѣтъ, вы видите,—сказалъ Жанъ Оберлэ прислушавшись,—это шумъ плотины. Отецъ приказалъ кучеру ждать ихъ съ поѣдомъ въ Мальсхеймѣ въ половинѣ двѣнадцатаго. У насъ есть еще время поболтать.

У нихъ было время, и они имъ воспользовались. Они стали говорить тихо, не торопясь и не смущаясь, какъ люди, понявшіе, что они сходятся въ главномъ и потому не боятся касаться другихъ, неважныхъ вопросовъ. Они говорили о томъ, что Жану предстоитъ отбывать годовую воинскую повинность, что ему позволили отложить срокъ ея до его двадцати четырехъ лѣтъ; говорили о новой жизни, которую онъ начнетъ съ 1-го октября, о квартирѣ, которую онъ хотѣлъ нанять въ Страсбургѣ, чтобы имѣть возможность прѣзжать каждое воскресенье въ Альсхеймъ. При этомъ дорогое имя дяди и племянникъ пустились въ воспоминанія, связанные съ ихъ родиной, съ Альсхеймомъ, монастыремъ св. Одили, Хейдебрухомъ, стоящимъ въ лѣсу, съ Обернэ, Саверной, гдѣ у дяди были лѣса, съ Гебвиллеромъ, гдѣ жили его родные. Они выхваляли въ своихъ воспоминаніяхъ весь Эльзасъ. Они понимали другъ друга. Заложивъ ногу на ногу, они курили, сидя на двухъ концахъ дивана и, давъ волю своимъ разговорамъ, часто смѣялись. Бесѣда ихъ такъ затянулась, что кукушка на часахъ, висѣвшихъ надъ дверью, прокричала уже полночь.

— Только-бы мы не разбудили твоего дѣда?—спросилъ г. Ульрихъ, вставая и указывая на стѣну, отдѣляющую комнату молодого человѣка отъ комнаты больного.

— Нѣтъ—сказалъ Жанъ.—Онъ почти не спитъ теперь. Я увѣренъ, что онъ радъ, что слышалъ, какъ я смѣялся. Такъ какъ всѣ наши уѣхали въ пять часовъ, то я добрую часть вечера провелъ съ нимъ и наблюдалъ за нимъ. Онъ слышитъ и понимаетъ все. Я увѣренъ, онъ узналъ вашу голосъ и, можетъ быть, даже схватилъ смыслъ нѣкоторыхъ словъ...

— Это доставило-бы ему удовольствіе, дитя мое. Онъ принадлежитъ къ тому старому Эльзасу, который вамъ кажется легендарнымъ, и къ которому я и себя причисляю, хоть я и гораздо моложе г. Оберлэ. Этотъ Эльзасъ былъ чисто французскимъ, и ни одинъ человѣкъ того времени не изъ-

мѣнилъ себѣ. Посмотри на своего дѣда, посмотри на стараго Бастіана. Мы—то поколѣніе, которое страдало. Всѣ мы,—герои страданія. Твой отецъ—смиренія.

— А я?

Дядя Ульрихъ пристально посмотрѣлъ на молодого человека своими зоркими глазами и сказалъ:

— Ты, ты—герой легенды!

И они оба хотѣли улыбнуться, и не могли, какъ будто это слово было слишкомъ вѣрно для обыкновеннаго человѣческаго сужденія,—какъ будто они почувствовали, что сама судьба была здѣсь, въ этой комнатѣ, и невидимо повторяла имъ обоимъ въ глубинѣ ихъ сердца: „Да, это правда, вотъ этотъ изъ васъ герой легенды“.

Ихъ охватило смущеніе, какъ бы отъ присутствія этой вѣчной тайны жизни. Оно скоро прошло. Г. Ульрихъ протянулъ руку племяннику съ большимъ значеніемъ, чѣмъ это бы сдѣлать, если бы не сказалъ того слова, о которомъ теперь не жалѣлъ, но которое не могло забыться.

— До свиданія, мой дорогой Жанъ. Я ужъ лучше не буду ждать зятя; я не знаю, какъ держать себя теперь передъ нимъ. Все, что ты сказалъ мнѣ, стѣснило-бы меня... Пожелай ему отъ меня доброй ночи. Я возвращусь къ себѣ въ лѣсъ при лучшемъ свѣтѣ!.. Жаль, что нѣтъ съ собой ружья, чтобы подстрѣлить пару тетеревовъ въ нашихъ соснахъ!..

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ по ковру коридора, направляясь къ лѣстницѣ.

— Дядя,—сказалъ совсѣмъ тихо Жанъ,—если-бы вы зашли къ дѣдушкѣ. Я увѣренъ, что онъ былъ-бы радъ. Онъ, навѣрное, не спитъ.

Дядя Ульрихъ, шедшій впереди, остановился и вернулся въ коридоръ. Жанъ повернулъ ручку двери, около которой они стояли, вошелъ первый въ комнату и сказалъ громко:

— Дѣдушка, я вамъ привелъ гостя: дядя Ульрихъ хотѣлъ повидаться съ вами.

Они очутились въ полутьмѣ большой комнаты; шторы въ ней были спущены, и только въ глубинѣ ея, налѣво, между закрытымъ окномъ и кроватью, занимающей уголъ, горѣлъ ночникъ изъ прозрачнаго фарфора; въ небольшомъ кругу свѣта отъ ночника лежали на ночномъ столикѣ мѣдное распятіе и золотые часы—единственные блестящіе предметы въ комнатѣ. На кровати скорѣй сидѣлъ, чѣмъ лежалъ, старикъ въ курткѣ изъ сѣрой крученой шерсти; его спина и голова

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкой шишурокъ отъ звонка, окаймляющійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберле дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тѣ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулася ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкой шишурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Оберлэ...

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпгли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сомъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на кощѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій пижурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывающаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказала г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказала мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлоземскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкой шишурокъ отъ звонка, окаймляющійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберле дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер...

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, альзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпгли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сомъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказала г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказала мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣбжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на кощѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шмурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо анавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер...

лэ, вашъ вѣкъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно перемѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлинѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказала г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказала мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шнурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберле дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попрачныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобы быть лучше слышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выгляли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господиъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя топчика заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сомъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозекскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающей на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатились по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шишурокъ отъ звонка, окачивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альс-хеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысъвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителямъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вѣукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, альвасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпгли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господишъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночкика заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозешскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающей на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шнурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жакъ Оберле дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жакъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тѣ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно перемѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, альзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шпурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромою, доходилъ до середины кровати. Тотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер...

тѣ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жакъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлинѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя очага заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жакъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жакъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкой шпурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромою, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсхеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителямъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тѣ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жакъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя очага заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жакъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жакъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкій шнурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромою, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсхеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вѣжъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жакъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно перемѣнила положеніе, чтобы видѣть вѣжа.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлинѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жакъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозскому лѣсу, какъ Жакъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жакъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій пижурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Оберлэ...

тэ, вашъ вѣжъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть вѣжъ.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлинѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ вѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкій шнурокъ отъ звонка, окамчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберле дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывающаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Бидеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпгли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкой шишурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше слышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер...

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жамъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господимъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сохъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жамъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жамъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ вѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій пижурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсхаймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него смѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя кочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулъ ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозекскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газомъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шнурокъ отъ звонка, оканчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жамъ Оберле дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жамъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

лэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ вась, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выгляди безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урловскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шпурокъ отъ звонка, оканчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жамъ Оберлэ дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка, — бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ. — вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жамъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

лѣ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозекскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкий шпурокъ отъ звонка, оканчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жамъ Оберлэ дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывающаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жамъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

лѣ, вашѣ вмукъ и я... Онѣ славный юноша, вашѣ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-мѣнила положеніе, чтобы видѣть ввука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онѣ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберлѣ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулъ ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онѣ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онѣ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозекскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Обернѣ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газомъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шпурокъ отъ звонка, окачивающійся бахромою, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберле дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывающаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно перемѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урловскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣвжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкий шнурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жакъ Оберле дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попрачныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жакъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вмукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозекскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣбжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газомъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкий шнурокъ отъ звонка, оканчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жамъ Оберле дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывающаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жамъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вмукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозекскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкій шпурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромою, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альс-хеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него смѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше слышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вѣвкъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно перемѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберне. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающей на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ повѣда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что посланной простыней. Широкій шнурокъ отъ звонка, окачивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жакъ Оберле дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсгеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія попранныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жакъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобъ не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберле, наклоняясь немного, чтобъ быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выгляли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господишъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя ночника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулъ ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающій на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкий шпурокъ отъ звонка, окачивающійся бахромою, доходилъ до середины кровати. Тотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшего столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, пока-зывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альс-хеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправленныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ.—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинистое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тэ, вашъ вжукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно пере-
мѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они выпгли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господимъ Оберлэ; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя мочника заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы итти пѣшкомъ, — сказала г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказала мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урлозешскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберлэ. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшалъ, никого не будилъ. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подъѣзжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

— Ахъ, вы, сугины дѣти, что вы надѣлали!—обратился Черновъ къ раненому. Онъ самъ страшно дрожалъ отъ волненія и ужаса. Раненый застоналъ и сталъ покачиваться, не мѣняя сидячей позы. Черновъ оставилъ разряженное ружье къ бережкѣ и подошелъ къ нему. Онъ осторожно подобралъ топоръ, который вывалился изъ рукъ убитаго и лежалъ, врѣзавшись лезвеемъ въ сырой песокъ, отнесъ его на берегъ и вернулъ назадъ.

— У тебя ножъ есть, подавай сюда!—обратился онъ къ раненому.

— Нѣтъ ножа-те! О-хо-хо!—стоналъ тотъ.

— Ну, не вой! Я тебя, должно быть, дробью полыхнулъ. Сймай халатъ, осмотрю руку.

Бродяга сталъ распутывать здоровой рукой поясокъ, а Черновъ подошелъ къ убитому. Трупъ лежалъ въ прежнемъ положеніи, опершись концами обутыхъ въ лапти ногъ во взрытый песокъ. Черновъ съ трудомъ повернулъ его, преодолевая ужасъ отъ прикосновенія къ теплomu и мягкому, но уже мертвому тѣлу, и увидѣлъ большое свѣжее пятно крови, смочившей сѣрый халатъ на груди. Глаза были открыты, стекляшны, ротъ неприятно разинуть, конецъ носа, бровь и борода—въ крупинкахъ приставшаго песка. Нѣсколько крови было и на землѣ.

— Готовъ!—прошепталъ Черновъ, убѣдившись, что пуля попала въ грудь и, должно быть, задѣла сердце.—Хорошо, что сразу, безъ мученій!—и онъ пошелъ къ раненому.

Тотъ уже спустилъ арестантскій халатъ съ голога тѣла, но не могъ вынуть раненой руки изъ рукава. Черновъ помогъ ему. Вся рука была залита кровью, которая сочилась изъ нѣсколькихъ маленькихъ рамокъ. Черновъ вытащилъ изъ своего мѣшка гигроскопическую вату и йодоформированную марлю, притащилъ въ чайникъ воды и, убѣдившись, что бродяга безоруженъ, обмылъ рану, нащупалъ и выдавилъ изъ подъ кожи дробины и, какъ умѣлъ, перевязалъ руку. Бродяга продолжалъ охать.

— Но, будетъ, не опасно!—сказалъ Черновъ, кончивъ работу.

Онъ самъ чувствовалъ сильное изнеможеніе.

Осмотрѣвъ бѣгло вещи и убѣдившись, что ничего не пропало, Черновъ припряталъ оружіе и принялся хлопотать у огня. Бродяга перетасился туда же и сѣлъ, прислонясь къ стволу березки. Это былъ рослый мужикъ съ курчавой, бѣлокурой бородкой и мало выразительными сѣро-голубыми

глазами, сильно худой и потемнѣвшій въ лицѣ, должно быть, отъ голода и лишеній.

Кромѣ сѣраго халата и шапки, на немъ были зѣрныя грязныя порты, на ногахъ сильно стоптанныя лапти. Онъ совсѣмъ палъ духомъ и неподвижно сидѣлъ, слегка пожураясь, и по временамъ сильно дрожалъ отъ холода.

Между тѣмъ совсѣмъ разсвѣло, взошло солнце, и розовые лучи его заиграли по кривымъ верхушкамъ лиственницъ. Пока кипѣла каша, Черновъ нарѣзалъ вѣтокъ и прикрылъ ими трупъ несчастнаго бродяги.

— Гдѣ-жъ товарищъ твой? Чай, голодець? Покличь его, скажи—не трону! обратился Черновъ къ неподвижно сидѣвшему и слѣдившему за его хлопотами бродягъ.

— Какъ не голодець, баринъ, давно не ѣли. Сергулька! О-ѣ-е! Подъ сюда-а-а! Не тро о-нетъ! Сергунька-а! Слышь!

Сергунька не откликнулся и появился на рѣчкѣ лишь послѣ повторныхъ окликаній и увѣреній. Онъ робко приблизился, сильно прихрамывая на правую ногу, и сѣлъ рядомъ съ товарищемъ.

— У тебя что, ножъ есть?—спросилъ Черновъ.

— Чего?

— Ножъ у тя баринъ спрашиваетъ!—толкнулъ его первый бродяга.

Сергунька, молодой и чернявый, съ большимъ родимымъ пятномъ на правомъ вискѣ возлѣ черныхъ жидкихъ волосъ, которые спутанными косичками падали на самые глаза, поморгаль, поглядѣлъ нерѣшительно и вытацилъ изъ-за пазухи подобіе ножа съ самодѣльной ручкой.

— Что-жъ, теперь по начальству представлять?—спросилъ Сергунька товарища. Тотъ молчалъ.

Убравъ конфискованный ножъ, Черновъ, пока варилась каша, принялся разспрашивать бродягъ. Тѣ угрюмо отмалчивались.

— Почему ты хромаешь?—спросилъ онъ Сергуньку. Сергунька вмѣсто отвѣта засучилъ штанину, и Черновъ увидалъ красное вспухшее колѣно и большуюгноившуюся рану.

— Натеръ!—сказалъ Сергунька. Черновъ промылъ и забинтовалъ ее, а пока онъ возился съ этимъ, Сергунька съ недоумѣніемъ смотрѣлъ и помогалъ ему.

Между тѣмъ сварилась каша, вскипѣлъ чайникъ. Черновъ вынулъ каравай хлѣба, отрѣзалъ два большихъ ломтя и предложилъ своимъ плѣшникамъ. Бродяги жадно накинулись на хлѣбъ и чуть не давились имъ. Черновъ пока ѣлъ кашу. Но аппетита у него не было. Когда ложка освободи-

лась, онъ предоставилъ бродягамъ кончать кашу, а самъ принялся за чай. Бродяги ѣли попеременно, выскобливъ котелокъ до-чиста. Потомъ Сергумька поднялся и пошелъ мыть его на рѣчку. Когда освободилась кружка, бродяги принялись за чай и пили его долго, вскипятивъ еще чайникъ. Языки ихъ развязались теперь.

— По начальству будешь представлять?—спросилъ Чернова бѣлокурый.

— Это зачѣмъ?

Бродяга молчалъ, Сергумька тоже.

— Откуда вы, расскажите-ка?

— Мы, баринъ, изъ Новаго острога убѣгли, Сергумька, да я.

— А тотъ?

— Того не знаемъ, на дорогѣ присталъ.

— Какъ же вы убѣжали?

— Очень просто. У насъ положеніе—дрова рубимъ на заводы. Вывели насъ партію, двадцать человѣкъ, роздали топоры, надзирателей двое. Хоша они и при оружіи, да гдѣ-жъ въ лѣсу усмотришь. Кто хочетъ, тотъ и бѣжитъ. Отошелъ въ сторону, схоронился за кусты и драго въ лѣсъ и съ топоромъ. Я свой захватилъ, Сергумька тотъ такъ побѣжалъ. Насъ въ тотъ разъ, должно, человѣкъ семь убѣгло.

— Какой же вамъ резонъ бѣжать?

— Работать много заставляють, кормятъ гораздъ плохо, а какъ вывести въ лѣсъ, и захочется погулять на волѣ. Завидишь, что товарищъ побѣгъ, ну и самъ безо всякаго разсужденія побѣжишь. Другой погуляетъ часа два, ягодъ наберетъ и назадъ; надзиратель ругается, а онъ—я де, Иванъ Кондратьичъ, заблудился. Надзиратель радъ, что хоть одинъ вернулъ и молчитъ. А мы вотъ вовсе ушли. Послѣ въ лѣсъ съ Сергумькой сошлись, а потомъ у дороги того встрѣтили. Позарился онъ на то, што у меня топоръ, подговорилъ вмѣстѣ ходить. „Я, говоритъ, изъ Сибири, всѣ ходы и выходы знаю, со мной не пропадете. Обязательно, говоритъ, надо, проѣзжающаго ограбить“. Вотъ мы ушли лѣсомъ впередъ, должно, верстъ за пятьдесятъ, потому што въ тѣ мѣста становой съ урядникомъ прикатилъ. Схоронились мы у тракта, который въ Верхотурье, и ждемъ. Къ ночи, слышимъ, ѣдетъ кто-то съ колокольцами; Баринъ какой то на тройкѣ прытко катитъ. Пропустили этого. Слышимъ, еще ѣдетъ. Посмотрѣлъ этотъ сибирскій варнакъ—„ну, ребята, подходящее дѣло, баринъ какой-то съ барыней; ямщикъ одинъ, пара лошадей“. Стали они подѣзжать, барыня спитъ, баринъ тоже носомъ клюетъ.

Вышли мы, сибирскій нашъ пріятель лошадей оставивъ.— Стой, молъ! Барыня какъ закричитъ, замечется, баринъ въ карманъ полѣзъ за пистолетомъ. Обробѣли мы съ Сергунькой, а тотъ запустилъ топоромъ въ ямщика, да мимо самаго уха. Баринъ изъ пистолета чикъ-чикъ!—не палить его ли-вольверъ. Тутъ ямщикъ какъ ударилъ по лошадямъ, и помчались. Ужъ и ругалъ насъ съ Сергунькой сибирскій пріятель! „Сволочь, говорить, вы, чего рта-то поразѣвали!“ А мы съ Сергунькой говоримъ:—„обирать согласны, а душегубить не хотимъ“. Обобрали мы тутъ одного мужичка—только и было у него, что хлѣбъ да лапти. Потомъ, думаемъ, дѣло плохо. Обскажетъ баринъ на станціи, ловить станутъ, надо въ лѣсъ. Ушли и заплутались, никакъ седьмыя сутки бродимъ, одной ягодой питались. Сергунька колѣно стеръ, не знали, какъ и выбраться. Вотъ тутъ мы на твою милость и напоролись. Испугались мы спервоначалу. Обязательно, думаемъ, по насъ погоня. Схоронились тутъ неподалеку, а сибирскій то Иванъ и говоритъ: „Вы, ребя, лежите, я пойду помюхаю“. Пришелъ въ скорости и говоритъ: „Шутъ его знаетъ, кто такой, вещи при немъ хорошія, словно будто баринъ... Обязательно, говорить, надо его того“... Мы съ Сергунькой заробѣли... А онъ: „ежели вы такъ, я васъ обоихъ укокошу“. Обождали мы время и стали подходить. Вова кака штука то вышла!

— Какъ же ты давеча говорилъ: душегубить не согласны, а на меня съ тѣмъ полѣзъ?—замѣтилъ Черновъ.—Не попади я, вѣдь, вы бы меня уходили!

— Ужъ это какъ есть! То баринъ въ расчетъ возьмите, што мы ровно какъ звѣри, наголодались, наголодались. На-счетъ бѣглыхъ у адѣшняго народа тоже какое положеніе? Какъ завидять нашего брата, безо всякаго разсужденія палить.

Чернову жалко было этихъ несчастныхъ.

— За что васъ въ острогъ посадили?

— Мѣдь на заводъ воровали.

— Зачѣмъ же воровали?

— Все воруютъ, кои въ рѣдкость попадаютъ.

Помолчали.

— Што-жь, баринъ, по начальству насъ съ Сергунькой представлять будешь?—спросилъ бѣлокурый бродяга.

— Это дѣло не мое, ежели хотите, ступайте къ начальству сами.

— Это намъ не рука, какъ думаешь, Сергунька?—Сергунька робко улыбнулся.

— По моему,—продолжалъ Черновъ,—вамъ теперь одна дорога, на дальніе прииски, гдѣ паспортъ не спрашиваютъ. Вотъ хоть на Преображенскій, а тамъ, что Богъ дастъ, живите, худыми дѣлами не занимайтесь.

— Надо намъ, ребята, этого похоронить,—сказалъ спустя нѣсколько времени Черновъ.—Вотъ вамъ по топору, выкопайте подлѣ рѣчки могилу, гдѣ способѣе.

Вскорѣ бродяги принялись за работу, а Черновъ подошелъ къ трупцу убитаго. Онъ отвернулъ ногой накрывавшій его листвякъ, присѣлъ и сталъ смотрѣть на покойника. Это былъ богатырскаго сложенія человекъ, на видъ лѣтъ сорока. Лохматые, спутанные волосы, густыя сросшіяся брови, рѣзкія морщины на лбу и поперекъ переносья, затертая грязью, и впалые глаза—все обличало энергичнаго и пожившаго среди житейскихъ тревоженій человека. Трупъ уже заочевѣлъ, края губъ, усы и борода были запачканы кровью, которая медленно сочилась изъ рта. Двѣ большія, Богъ вѣсть откуда ваявшіяся, синія мухи съ назойливо-наглѣмъ жужжаньемъ носились надъ лицомъ и садились по временамъ на кровь. Чернову было гадко на душѣ, ему казалось, что лапки мухъ должны щекотать мертвеца. Онъ какъ бы ощущалъ это прикосновеніе на себѣ и содрогался. Гадкія мысли, какъ эти мухи, ползали по его душѣ и неприятно щекотали совѣсть.

Между тѣмъ бродяги, хотя одинъ былъ какъ бы безъ руки, другой безъ ноги, приготовили мелкую могилу. Черновъ съ ихъ помощью приволокъ трупъ къ ней. Импровизированные могильщики сняли съ покойника лишнюю одежду, уложили его въ яму, засыпали жидкимъ слоемъ земли и накрыли дерномъ. Черновъ взялъ топоръ и пошелъ рубить ему крестъ. Онъ отыскалъ молодую березку, у которой двѣ вѣтки отходили отъ ствола почти подъ прямымъ угломъ, срубилъ ее, обчистилъ, заострилъ конецъ и вбилъ это подобіе креста, похожее на сѣнные вилы, въ головы покойника.

„Requiescat in pacem!“ прошепталъ Черновъ и вернулся къ шалашу.

Неприятная тоска, сожалѣніе и гадливость мучили его душу. Онъ молчалъ.

Бродяги тоже помалкивали.

Черновъ вынулъ изъ мѣшка нитки, иголку и маленькія ножницы.

— Чѣмъ такъ сидѣть, скройте себѣ одежду. Въ арестантской медалеко уйдете!—сказалъ онъ.

Бродяги принялись за дѣло, при чемъ Сергунька обнаружилъ таланты портного.

Черновъ курить трубку и слѣдилъ за ихъ работой, помогая совѣтами.

— А вы, баринъ, изъ какихъ будете?

— Ижемеръ горный.

— Развѣдку дѣлаете?

— Нѣтъ, безъ мѣста остался, иду на Кутимскій заводъ.

— Такъ на нашемъ положеніи значить!

— Въ этомъ родѣ.

Чернова удивляло, что трагическое происшествіе этой ночи, казалось, не оставило никакого слѣда на обоихъ его собесѣдникахъ.

— Вамъ товарища не жаль?

— Чего?

— Я говорю, не жаль вамъ товарища?

Бѣлокурый бродяга помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Озорной больно былъ. Кабы не ты, его въ другомъ мѣстѣ пришибли бы. Кто его знаетъ, можетъ, у него не одно дѣло на душѣ. Бухвостилъ онъ много. „Я, говорить, съ каторги, съ Сакалина острова“. Видно, такъ на роду писано. У насъ здѣсь убивства много. Каждый мужикъ моровить стрѣльнуть бѣлаго, и за грѣхъ не почитаетъ.

Въ полдень опять ѣли кашу и пили чай. Затѣмъ Черновъ собрался въ путь. Онъ отдѣлилъ своимъ сотрапезникамъ половину хлѣба, возвратилъ имъ топоръ, ножъ, да въ коробокъ спичекъ и рубль денегъ; потомъ перевязалъ имъ еще разъ рамы, убѣдившись, что огнестрѣльная рама дробью въ плечо пустяки, и рассказалъ дорогу, которой пришелъ. Бродяги брали вещи съ видомъ какого-то недоумѣнія.

Черновъ вскинулъ мѣшокъ на плечи, застегнулъ крючки, зарядилъ ружье.

— Ну, прощайте, братцы!—сказалъ онъ.

Тѣ стояли молча.

— Баринъ!

— Чего?

— Прости ты насъ, милый баринъ, окаянныхъ!

Бѣлокурый бродяга бухнулся на колѣни и отбилъ земной поклонъ.

Сергунька скроилъ губы ижицей.

Когда бродяга откачнулся назадъ, Черновъ увидаль на его глазахъ слезы. Ему самому захотѣлось плакать.

— Вотъ вы у меня прощенья просите, а я человѣка у билъ,—заговорилъ Черновъ низкимъ голосомъ.

Бродяги не слушали его, бѣлокурый лепеталъ:

— Баринъ, милый, дай тебѣ Господи, милая душа, баринъ...

— Прощайте, братцы, живите лучше!

Черновъ пошелъ, взовлнованный прощаньемъ. Онъ долго брелъ, бессознательно высматривая тропу по тесинамъ, часто спотыкаясь и путаясь въ низкомъ кустарникѣ. Разныя чувства и мысли волновали и угнетали его, слезы часто застилали глаза. Черезъ два дня онъ благополучно вынырнулъ изъ тайги по ту сторону Урала, доплелся до Кутимскаго завода и вскорѣ достигъ Перми, гдѣ нашелъ знакомыхъ. Начальству онъ не счелъ нужнымъ заявлять объ этомъ происшествіи, не любилъ рассказывать о немъ и близкимъ людямъ. Часто потомъ, особенно въ дорогѣ, ему припоминалось—страшный трескъ, бѣлый пороховой дымъ, плывущій по воздуху, надъ рѣчкой, и трупъ бродяги со стеклянными взоромъ и окровавленными губами.

Н. Березинъ.

Божьи рабы.

(Очеркъ).

Третій день я живу въ кордонѣ лѣсника Парфена и чувствую себя прекрасно вдаль отъ шумнаго города. Я умышленно не взялъ съ собою ни одной книги и ни одного клочка газетной бумаги, пестрые столбцы которой надоѣли мнѣ своими пестрыми фактами изъ будничной скучной жизни.

Я люблю Парфена и его уединенный лѣсной уголокъ!

Старикъ одинокъ, всегда задумчивъ, иногда отчего-то печаленъ, и тогда его тихая медлительная рѣчь успокаиваетъ меня, мятущагося и одинокаго... Иногда добродушная, почти дѣтская улыбка сгоняетъ суровую думу съ его морщинистаго лица, съ сѣдой широкой бородой, крупнымъ носомъ, большимъ лбомъ и съ свѣрыми глазами,—и я слушаю его разсужденія на злобу дня, его дня, лѣснаго, не богатаго событіями, и отъ этого, быть можетъ, умиротворяющаго и усталую душу разсказчика, и безпокойную душу слушателя.

Парфенъ живетъ на отдаленной границѣ громадной лѣсной дачи. Отъ его хаты до господской экономіи больше двадцати верстъ, до ближайшей башкирской деревушки—верстъ пятнадцать.

Трехъоконная ветхая хатка, гдѣ обитаетъ лѣсникъ, пріютилась на лѣсной вырубкѣ. Съ трехъ сторонъ ее окружаетъ сосновый боръ; саженьяхъ въ тридцати мимо оконъ тянется полотно желѣзной дороги, а влѣво, въ полуверстѣ, на пригоркѣ, виднѣтся желѣзнодорожная будка, гдѣ живетъ ближайшій сосѣдь Парфена—желѣзнодорожный сторожъ, рыжій грубый солдатъ, котораго лѣсникъ недолюбливаетъ и называетъ „стоеросовой дубиной“.

За полотномъ дороги разстилается ровная и привольная степь. Это—башкирская степь, застланная ровнымъ ковромъ травъ, пахучихъ цвѣтовъ и ковыля, отъ котораго степь становится похожей на кисейное море. Прямо, далеко, виднѣется конецъ степи, очерченной ровной гранью на горизонтѣ, налѣво, въ сизой дымкѣ, обрисовываются пологіе холмики, а направо тянется безконечная равнина, куда уходитъ желѣзнодорожная насыпь съ двумя линиями блестящихъ на солнцѣ рельсъ и съ рядомъ телеграфныхъ столбовъ съ тонкими отвисшими проволоками..

Айруманская степь имѣетъ свою печальную исторію. Лѣтъ 20—25 тому назадъ, когда производилось размежеваніе башкирскихъ земель, населеніе забунтовалось. Въ степь были вызваны войска—цѣхота и двѣ казачьи сотни—и съ ихъ прибытіемъ началось усмиреніе. Башкиры смирились быстро, и за послѣдніе годы въ степи спокойно, и только Парфенъ, лѣсникъ Айруманской лѣсной дачи, жалуется на ближайшихъ сосѣдей, которые иногда забираются въ лѣсъ, рубятъ дрова, дерутъ лыки или собираютъ грибы и ягоды. Мелкіе судебные процессы только и остались отъ бывшихъ бунтовъ.

Иногда я выхожу къ полотну дороги, усаживаюсь на каменную стѣнку моста, переброшеннаго черезъ ручей, и смотрю въ даль, поджидая поѣздъ.

Далеко на голубоватомъ фонѣ неба образуется клубъ дыма, точно отдаленное бѣлое облако. Пройдетъ нѣсколько минутъ, и рельсы отзовутся какимъ-то неяснымъ отдаленнымъ гуломъ, гдѣ то чуть слышно пронесется свистокъ паровоза и смолкнетъ, словно затерявшись въ широкой пустынной степи. Громыхая и пыхта, пронесется мимо меня поѣздъ, мелькнувъ окнами вагоновъ, въ которыхъ смотрятъ пассажиры, и меня обдастъ гарью сѣраго дыма. Пройдетъ минутъ десять, и снова слышится ровный отдаленный гулъ, а потомъ опять наступитъ тишина: ровно шумитъ лѣсная хвоя, а степь безмолвна... На душѣ тихо и спокойно...

Потомъ вернется изъ лѣса Парфенъ, привѣтливо поздоровается со мною, улыбнется и что-нибудь расскажетъ изъ событій своего „лѣсного“ дня.

Сегодня Парфенъ вернулся угрюмымъ и молчаливымъ. Не говоря ни слова, усѣлись мы съ нимъ за столикомъ въ полисадникѣ и стали пить чай. Со всѣхъ сторонъ насъ окружали пахучія цвѣтуція вишни и яблоки, узорной и частой зеленой кисеей висѣли надъ головами вѣтви рябины, пахло дымкомъ изъ самоварной трубы; около улья, пріотившагося

у плетня огорода, жужжали хлопотливыя пчелы, вернувшись изъ степи послѣ работы на цвѣтахъ и травахъ...

— Опять сегодня Абдрахманка съ своими сынами по лѣсу бродилъ,—наконецъ, началъ онъ, прерывая мрачное молчаніе.

— Какой Абдрахманка?..

— Тутъ одинъ звѣрь есть!.. Ничего я съ нимъ подѣлать не могу: зайдетъ въ лѣсъ и три сына съ нимъ. Надерутъ лыкъ, дровъ нарубяютъ и уйдутъ. А увидишь—и смолчишь и не пикнешь, потому—боязно. Съ ружьями да съ топорами они ходять, а смотрять—глаза горять... Словно волки какіе голодные...

— Кто же они?

— Да вотъ изъ Училлей, деревушка башкирская тутъ въ лугахъ... Разбойники страшные. „Нашъ, говорятъ, лѣсъ!“ да и только... А гдѣ онъ ихъ то? Казенный землемѣръ приѣзжалъ, обрѣзалъ землю, столбы поставилъ, ямъ накопалъ. Опять же и баринъ то нашъ во всѣ суды ходилъ насчетъ этого лѣса, и во всѣхъ судахъ ему присудили и лѣсъ, и луга, а они все своимъ зовутъ. Просто бѣда съ ними, не слажу! Хочу проситься въ другой участокъ, потому—тутъ надо молодыхъ лѣсниковъ, бойкихъ, а я—что! Старъ ужъ съ ними воевать-то!..

— Ай-ай, Парфень! Старый служака, на войнѣ побывалъ а башкирь боишься!—посмѣялся я надъ старикомъ.—Вѣдь, у тебя тоже ружье есть!

— Война—другое дѣло!—немного помолчавъ, проговорилъ онъ.—На войнѣ самъ Господь велить убивать врага и супостата, а здѣсь на міру изъ-за лѣса или изъ-за дровъ... грѣха на душу взять не могу... Нечего, не могу! Такъ и барину, и лѣсничему Николаю Иванычу скажу, пушай хоть со службы совсѣмъ увольняютъ.

— И на войнѣ не Богъ велить убивать, а люди!—противорѣчу я, но моя сентенція никакого впечатлѣнія не производитъ на Парфена.

Онъ молча пьетъ чай и по-временамъ поглядываетъ на небо, гдѣ опустившееся за горизонтъ солнышко золотитъ края пушистыхъ легкихъ облаковъ. На лицѣ Парфена выраженіе сосредоточенной думы и какой-то тихой неразъяснимой грусти. Я началъ было спрашивать его объ Абдрахманкѣ и его дѣятельности въ качествѣ лѣсовора, но Парфень, видимо, избѣгалъ говорить на эту тему и дѣлалъ видъ, что не слышитъ меня.

Покончивъ съ чаемъ, онъ снесъ въ избушку самоваръ, чайную посуду и остатки отъ нашего ужина. Скоро въ

крайнемъ оконцѣ избы замерцалъ блѣдно-красный огонекъ. Это Парфенъ затѣпилъ лампаду и началъ молиться. Его вечерняя молитва всегда отличается нѣкоторой торжественностью. Молится онъ долго, медленно и размашисто престится и кланяется ниako, перегибая старческу ю спину.

Зная, что въ молитвенный часъ Парфену нельзя мѣшать, я вышелъ на полотно дороги, усѣлся на знакомую мнѣ каменную стѣну желѣзнодорожнаго моста и посмотрѣлъ въ даль степи.

Картина степи значительно измѣнилась въ сравненіи съ тѣмъ, что было часъ тому назадъ. Заря разлилась по небу шире, но ея фонъ поблѣднѣлъ, окраины облаковъ потухли, да и самыя облака потемнѣли и расплылись по небу причудливымъ караваномъ. Надъ степью поднялась низоватая дымка, въ лощинахъ за клубился сѣдоватый туманъ. Тихой грустью вѣяло отъ этой пустынной и безлюдной степи.

Я рассмотрѣлъ вдали на полотнѣ дороги темную точку. Сначала я подумалъ, что это желѣзнодорожный сторожъ вышелъ осматривать свой участокъ, но скоро убѣдился, что по насыпи идетъ какой-то запоздалый одинокій путникъ.

По насыпи ко мнѣ приближался высокій сѣдой старикъ въ длинномъ подрясникѣ, покрытомъ пылью, и въ порывѣвшей скуфейкѣ на головѣ. За плечами его была холщевая сумка въ видѣ ранца, къ ремнямъ сумки были привязаны жестяной чайникъ и сапоги. Въ рукахъ старикъ держалъ длинную палку съ деревяннымъ набалдашникомъ. Быстро ступая босыми ногами по песку насыпи, онъ, наконецъ, остановился, не снимая съ головы скуфейки, поклонился и не громко сирсиль:

— До деревни-то, вѣрно, не близко, господишъ?..

Я сказалъ.

— Иду я... Знакомыя все мѣста-то, а не узнаю... Да и такъ то боязно что то: нехристь кругомъ... Вотъ второй день иду и ни одного православнаго храма не встрѣтилъ, все дхмія мечети...

Онъ стоялъ около меня, осматривалъ избу лѣсника, лѣсъ, насыпь, степь и какъ будто ждалъ, когда я пригласю его остаться, но я молчалъ, рассматривая его высокую фигуру. Лицо его вдругъ прояснилось и самъ онъ встрепенулся.

— Лампа-адка! — протянулъ онъ, замѣтя мерцавшій въ оконцѣ огонекъ, и, не говоря ни слова, спустился съ насыпи и направился въ избушку. — Здѣсь, вѣрно, лѣсникъ живетъ, — добавилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжилъ путь къ избушкѣ:

Подойдя къ невысокому крылечку, старикъ постучалъ въ дверь сѣней своей длинной палкой и замеръ въ ожиданіи. Парфенъ, очевидно, молился и не слышалъ стука. Странникъ звякнулъ щеколдой двери, и его фигура исчезла.

Я поднялся и пошелъ вдоль насыпи, ступая по шпаламъ и всматриваясь въ даль степи, которая съ каждой минутой темнѣла и темнѣла въ вечернемъ сумракѣ. Заря совсѣмъ уже потухла, и только блѣдно-розовая полоска напоминала о ея пожаращѣ. Направо стоялъ лѣсъ, еще больше потемнѣвшій и замолкшій, налево разстилалась степь, а надъ головою висѣло темно-голубое безоблачное небо и одинокая яркая звѣздочка загорѣлась на всей ея необозримой пустынѣ.

Когда, вернувшись съ прогулки, я вошелъ въ избу, на столѣ горѣла лампочка со стекломъ, засиженнымъ мухами, а подъ образами попрежнему мерцала лампада. Парфенъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева передъ печью, около которой стоялъ шумящій самоваръ, а странникъ помѣщался у стола. Свое полукафтаные онъ растегнулъ, и изъ-подъ него видѣлось бѣлое холщевое бѣлье. Скуфейки на его головѣ не было, и сѣдые растрепавшіеся волосы спускались съ макушки головы къ вискамъ и на уши и обрамляли большой залысившійся лобъ. Не обративъ особеннаго вниманія на меня, онъ только искоса посмотрѣлъ въ мою сторону и, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ лица, продолжалъ:

— Опять же въ тѣхъ святыхъ мѣстахъ не мало нехристей, а глаголъ Божій не замолкаетъ. Смирились они, нехристи-то, уступили православнымъ людямъ...

Издавая подробно путь отъ Аеона, странникъ, не повышая тона, называлъ невѣдомые Парфену города и страны, рассказавъ о морскомъ путешествіи, говорилъ о Константинополѣ—и лѣсникъ слушалъ рассказы гостя въ глубокомъ молчаніи.

Когда вскипѣлъ самоваръ, Парфенъ перенесъ его на столъ, гдѣ уже были приготовлены посуда, хлѣбъ, молоко и масло, и пригласилъ меня „откушать чаю съ Божьимъ человѣкомъ“.

Черезъ полчаса мы съ Парфеномъ пили чай и въ молчаніи слушали рассказчика. Лѣсникъ былъ внимателемъ, какъ никогда. Рѣчь странника, повидимому, произвела на него глубокое впечатлѣніе. Понявъ свою роль, странникъ, въ свою очередь, вдохновился; порою въ голосъ его слыша-

лись проникновенныя нотки, а когда голосъ его смолкалъ — слышались глубокие вздохи.

Иногда странникъ какъ будто забывалъ о томъ, что говорилъ четверть часа тому назадъ и невольно повторялся. Вниманіе Парфена отъ этого не ослабѣвало, меня же, напротивъ, повторенія и длинноты рѣчи рассказчика утомляли.

И только, когда странникъ заговорилъ о скитахъ раскольниковъ, гдѣ ему также пришлось побывать, — мое вниманіе было вновь затронуто.

— Удивительной жизни эти люди!.. Живутъ какъ будто и по-нашему, а въ Бога не вѣруютъ... А посмотришь на ихъ жизнь — праведная эта жизнь, справедливая...

Странникъ говорилъ какимъ-то особенно таинственнымъ голосомъ, какъ будто онъ опасался высказать истинное впечатлѣніе, съ которымъ онъ оставилъ раскольничьи скиты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему хотѣлось рассказать намъ о новой праведной жизни.

— Да только.. вишь ты... ушелъ я отъ нихъ... стали меня въ свою вѣру совращать. Ничего такъ то не дѣлаютъ: слушай, молъ, только наши проповѣди, а тамъ, какъ знаешь... Подумалъ-подумалъ я, да и пошелъ въ Кіевъ, къ святымъ угодушкамъ, а то поживи я еще у нихъ съ медѣлку — навѣрное, по гробъ бы не оставилъ ихъ... На старости-то лѣтъ какъ будто и не хорошо мѣнять прежнюю вѣру...

Я поблагодарилъ лѣсника за чай, прошелъ въ уголъ къ двери, гдѣ для меня на широкой скамьѣ была приготовлена постель изъ свѣжаго сѣна, прикрытаго простыней, — и легъ, заложивъ руки за голову. Тускло горѣвшая лампочка отбрасывала въ уголъ избы широкую и неуклюжую тѣнь самовара, и эта тѣнь предупредительно ложилась на мою постель, отъ которой пахло цвѣтами и травами привольной степи.

Прислушиваясь къ монотонному голосу странника, я начиналъ дремать, только теперь чувствуя усталость въ ногахъ.

Голосъ странника также какъ будто упалъ; его узкіе впавшіе глаза сощурились, и самъ онъ весь сгорбился. Немного спустя онъ смолкъ, широкимъ взмахомъ руки перекрестилъ себя нѣсколько разъ, поблагодарилъ Парфена за угощеніе и отвалился спиною къ стѣнкѣ.

— А вотъ у насъ тутъ и церквей-то близко нѣтъ! — началъ, наконецъ, Парфемъ, все время молчавшій. — Верстъ тридцать до села Рождествена, тамъ и церковь есть, и ба-тюшка живетъ...

— Знаю я хорошо село Рождествено, — глухо проговорилъ странникъ.—Наша Ермиловка верстахъ въ пяти отъ него, по тракту.

— А-а!.. Такъ ты, значить, здѣшній?—изумился Парфень.

— Здѣшній, коренной здѣшній, и родился въ Ермиловкѣ и у тамошняго барина въ людской грамотѣ выучился... Давно это было, еще до воли.

Парфень все еще продолжалъ удивляться открытію, какъ будто не въ состояніи переварить мысли, что этотъ старикъ, побывавшій въ далекихъ странахъ, жилъ когда-то недалеко отъ его лѣсной избушки.

— Съ этой науки-то и душу свою загубилъ,—глухо продолжалъ странникъ.—Мальчишкой то я смышленнымъ былъ, грамоту скоро усвоилъ, а тамъ и отъ крестьянской работы отшатнулся. Держалъ меня баринъ при своей конторѣ и по письменной части приспособилъ, и сталъ я разныя книги и записи вести. Вышла воля, баринъ то вдругъ и умеръ, а имѣніе его дѣлки промежъ себя раздѣлили. И пошелъ я тутъ ходить по чужимъ людямъ! Все больше по письменной части... Тутъ женился, дѣти пошли, а потомъ Господь въ одинъ годъ и жему прибралъ, и дѣтки за нею въ лоно Авраамово переселились... Остался я опять одинъ и съ горя-то пить сталъ, да развратомъ заниматься, а потомъ и вышло такъ, что двѣ души загубилъ...

Онъ смолкъ, потупивъ глаза и скрестивъ на груди по локоть обнаженные руки. Парфень сидѣлъ, не шелохнувшись, и, видимо, былъ сильно подавленъ неожиданнымъ признаніемъ собесѣдника. Какое-то неловкое чувство стѣсняло и меня, и я почему то старался казаться заснувшимъ.

— Да ты, можетъ, думаешь, что я изъ за какой своей корысти души-то человѣческія загубилъ? — снова началъ странникъ и подмывалъ на Парфена глаза.—Не думай этого!.. Все со мною бывало—и пилъ, и церковь православную забывалъ, и за чужими женками бѣгалъ, а что бы рѣшиться на этакое дѣло — во мѣ такой злости отродясь не было... Своего барина я защищалъ, исправника... Лѣтъ двадцать или двадцать пять тому назадъ по всему уѣзду нашему были башкирскіе бунты. Служилъ я въ то время у исправника въ писцахъ. Вотъ какъ-то по-осени, въ одной дачѣ—Соугаровская называется, верстъ семьдесятъ отсюда, — въ одной дачѣ межевалъ землемѣръ, а башкиры подняли бунтъ. Вызвали на мѣсто бунта исправника, и я съ нимъ поѣхалъ, онъ всегда меня съ собою возилъ: сидишь на козлахъ и ѣдешь!.. Ну, вотъ, поѣхали мы въ лѣсъ, десятскіе, сотскіе

и такъ разные люди съ нами съ дубинами да съ ружьями... Приѣзжаемъ на межу, а ихъ тысячи человекъ, бабы и ребята съ нами, орутъ по-своему! Сталь исправникъ уговаривать бунтовщиковъ, да ничего изъ этого не выходитъ, стоять на своемъ: „Не пустимъ землемѣра на межу, да все тутъ!“ Вижу, исправникъ начинаетъ горячиться. Отозвалъ онъ меня такъ шаговъ на пять въ сторону, да и говоритъ: „Проберись, говоритъ, до ручья-то, да призови-ка команду-то“. Пошелъ я по дорожкѣ въ лѣсъ, отошелъ шаговъ сто, а за мною человекъ пять съ дубьемъ да съ ружьями! Оробѣлъ я, пустился было бѣжать къ своимъ, а ноги не слушаются. Вспомнилъ я тутъ, что въ карманѣ то у меня шестипульный револьверъ, всталъ я такъ то, вытянулъ впередъ руки съ револьверомъ и жду, что будетъ... Подбѣгаютъ они ко мнѣ, глаза горятъ, бормочатъ что-то по-своему. Тутъ, вижу, одинъ высокій паренъ замѣтилъ, что я съ револьверомъ, ринулся на меня со всѣхъ ногъ, да и хватъ по головѣ здоровой палкой. Не помню тутъ я, какъ и собачку дернулъ—выстрѣлилъ. Отступили башкиры, стоятъ и призываютъ своихъ. Смотрю—бѣгутъ ко мнѣ и исправникъ съ десятскими, и наши мужики съ другой стороны... Тутъ и пошла у насъ война! Вижу, башкиры смели на-земь исправника, да по головѣ, по головѣ его же собственной пашкой. Ринулся я впередъ, да и прямо въ упоръ — бацъ! бацъ! сперва одного башкира, потомъ другого... Дальше ужъ ничего не помню, только въ селѣ и очулся. Смотрю — рука у меня на перевязи, грудь болитъ, да и въ спину словно колъ вставленъ. Приходятъ въ избу какіе-то начальники и офицеры, спрашиваютъ, какъ и что со мною. Тутъ-то я только и узналъ, что убилъ двухъ человекъ наповаль! Понимаю я хорошо, что не ради своей корысти загубилъ людей, а исправника защищалъ: присягу исполнялъ, а все таки, сколько тепѣрь лѣтъ прошло, а не могу грѣха этого замолить! Не простить мнѣ великій Богъ моего злодѣянія, не простить! Двѣ души человѣческія загубилъ. По святымъ мѣстамъ больше двадцати лѣтъ хожу, постъ и молитву на себя налагаю, а душа моя болитъ и болитъ по грѣхъ...

. Онъ снова потупилъ глаза и казался глубоко задумавшимся. Я посмотрѣлъ на его лицо, залитое блѣдностью, и оно показалось мнѣ страдальческимъ.

Миролюбивый и богомольный Парфенъ, видимо, глубоко проникся покаяннымъ настроеніемъ своего собесѣдника, и на его лицѣ ясно отпечаталось выраженіе состраданія и глубокой вѣры въ кару Бога, который никогда не проститъ!

страннику грѣха, сколько бы онъ ни скитался по святымъ мѣстамъ и сколько бы ни просилъ прощенья.

— Такъ то вотъ, добрый человѣкъ, живемъ мы, грѣшимъ, а приходятъ старые годы—о грѣхѣ вспоминаемъ, да и молимся за свою душевѣрку...

Голосъ странника дрогнулъ и оборвался. Минуту спустя онъ продолжалъ:

— А все потому грѣшимъ мы, что съ малыхъ лѣтъ не Богу единому служимъ, а дѣволу повинемся: захочетъ онъ, и на злобу подтолкнетъ, и въ развратъ втянетъ, и на преступленіе направить...

— Дѣволу... дѣволу,—поддакивалъ и Парфенъ.

— Когда барщина была,—началъ снова странникъ,—барамъ служилъ, въ дѣвольскихъ ихъ книгахъ отмѣтки объ оброкѣ на овоихъ же ближнихъ братіи дѣлалъ, потомъ по судамъ таскался, бумаги разныя переписывалъ и все отмѣчалъ, въ чемъ мои ближніе провинились, а тутъ и вонъ до чего дошелъ—двѣ душевѣрки загубилъ... Нехристи они башкиры, а все же—души въ нихъ, и передъ истиннымъ Богомъ и за нихъ отвѣтъ держать надо!.. Господи! Господи!..

И, какъ эхо, Парфенъ такъ же чуть слышно прошепталъ: „Господи!..“

— Богу единому мы должны служить, а не человѣку! Единому ему должны повиноваться, а не человѣку! Истинному Богу!—началъ въ волненіи странникъ:—и что бы тебѣ человѣкъ не приказывалъ—подумай сначала: угодное Богу дѣло, или грѣхъ!.. Передъ однимъ Богомъ мы рабы, а не передъ человѣкомъ... Да... Божьи рабы! Божьи!.. И не должны повиноваться человѣку, если онъ отъ злобы или грѣха хочетъ и тебя ввести въ грѣхъ!..

Подавленный возгласомъ странника, Парфенъ сидѣлъ съ глазами, устремленными на тусклый образъ, залитый красноватымъ пламенемъ лампы, и молчалъ.

Они долго сидѣли, не смотря другъ на друга, не шевелясь и, казалось, не дыша передъ силою и величіемъ той истины, которую только что произнесъ странникъ.

Первымъ очнулся отъ оцѣпенѣнія Парфенъ. Не спѣша поднялся онъ съ табурета, убралъ самоваръ на лавку, сдвинулъ чайную посуду и хлѣбъ къ одному углу стола и не громко произнесъ:

— На кровати вотъ здѣсь и ложись, божій человѣкъ!—обратился онъ къ страннику.

Тотъ молча вскинулъ на него глаза и поднялся. Искоса посмотрѣвъ въ мою сторону, какъ будто о чемъ то сообра-

жая, онъ подошелъ къ Парфену и шепнулъ ему что то на ухо. Парфенъ также покосился на меня, придвинулся къ столу и потушилъ лампу. Внутренность избы потонула въ блѣдно-красномъ свѣтѣ лампы.

Странникъ снялъ съ себя полукафтаны, умылъ руки, досталъ изъ сумки четки съ звонко постукивающими косточками и, опустившись у лавки на колѣни, началъ молиться. Лѣсникъ прошелъ въ сѣни, приперъ дверь, потомъ снова вернулся въ избу и, умывъ руки, также опустился на колѣни по другую сторону стола и немного ближе къ печи.

Я молча лежалъ на сѣнѣ, боясь пошевелинуться, и смотрѣлъ на молящихся. Странникъ молился съ какой то торжественной медленностью въ движеніяхъ. Крестился онъ рѣдко, кланяясь образу, пригибалъ голову до самаго пола и, продолжая шептать какую-то молитву, оставался въ этомъ положеніи на нѣсколько секундъ. Выпрямляя спину и нѣсколько закидывая голову назадъ, онъ пристально всматривался въ ликъ потемнѣвшаго образа, перебиралъ косточки четокъ, снова крестился и снова припадалъ головою къ полу. Парфенъ также усердно молился и, казалось мнѣ, старался подражать каждому движенію и жесту странника.

По полу, на сѣнѣ и на печкѣ скользили тѣни молящихся, отброшенные свѣтомъ лампы, въ избѣ слышался молитвенный шопотъ и шорохъ четокъ въ рукахъ странника.

Лицо странника я не могъ разсмотрѣть, потому что онъ стоялъ ко мнѣ спиною, лицо же Парфена я все время наблюдалъ внимательно и старался разгадать, какія мысли отразились на немъ въ торжественную минуту молитвы. Оно словно состарѣлось на нѣсколько лѣтъ, похудѣло и осунулось. Въ его глазахъ, казалось мнѣ, глубоко запало выраженіе тоски и горя. Вѣроятно, въ эту рѣдкую минуту онъ перебиралъ въ памяти подробности своей жизни и каялся въ грѣхахъ. Можетъ быть, онъ сознавалъ теперь грѣховность своей роли въ качествѣ лѣсника, вынужденнаго преслѣдовать сосѣднихъ башкиръ за каждую вязанку дровъ или за лукошко грибовъ и ягодъ. Можетъ быть, ему вспомнились его военные походы на далекихъ и угрюмыхъ Балканахъ. Можетъ быть, онъ также загубилъ человѣческую душу, оправдывая свое поведеніе тогда и только теперь сознавая свой неисправимый грѣхъ передъ Богомъ.

Странникъ совершенно опредѣленно выражалъ свою философію жизни; онъ отрицалъ рабство передъ человѣкомъ, противопоставляя ему рабство Божіе; онъ отрицаетъ волю

себѣ подобнаго надѣ собою, противопоставляя волю Бога надѣ всѣмъ живымъ. Изъ всѣхъ испытаній своего служебнаго прошлаго онъ сдѣлалъ этотъ одинъ определенный выводъ, утверждая, что никто изъ людей не можетъ повелѣвать и никто же изъ людей не долженъ ни служить, ни повиноваться другому, кто бы онъ ни былъ!..

Всю жизнь служили старики людямъ, состоя у нихъ покорными рабами, и только въ концѣ жизни, у гробовой доски, поняли, что они—божьи рабы, но не рабы человѣка, кто бы онъ ни былъ!

Вас. Брусянинъ.

Памяти А. П. Чехова.

Какъ другъ, склонившись къ изголовью
Безвольемъ страждущихъ людей,
Шепталъ онъ съ нѣжною любовью
Мечты о блескѣ лучшихъ дней.
Когда повѣяло ненастьемъ,
И блекли грезы, какъ цвѣты,—
Онъ звалъ на поиски за счастьемъ,
За жизнью, полной красоты.
Подъ гнетомъ тяжкаго недуга,
Горя въ мучительномъ огнѣ,
Онъ согрѣвалъ насъ лаской друга
И свѣтлой сказкой о веснѣ...
А тьма все шире облежала
Нѣмой просторъ родной земли,
И тихо сказка отзвучала,
Какъ сонъ растаяла вдали.
И онъ угасъ, съ тоскою зная,
Какъ далека еще весна...
Оплачь его, страна родная,
Осиротѣвшая страна!

Е. Чернобаевъ.

Семейство Оберлэ.

РОМАНЪ РЕНЭ ВАЗЕНА.

Переводъ съ французскаго А. В—ой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Февральская ночь въ Вогезахъ.

Надъ рейнскимъ туманомъ поднималась луна. Въ эту минуту на тропикѣ, спускающейся съ Вогезъ, показался человекъ; это былъ страстный охотникъ, страстный любитель прогулокъ, отъ зоркихъ глазъ котораго ничто не ускользало.

Онъ увидѣлъ луну въ просвѣтѣ высокихъ деревьевъ и сейчасъ-же вошелъ въ тѣнь сосенъ. Но одного этого бѣглаго взгляда, который онъ бросилъ кругомъ, переходя черезъ поляну, было достаточно, чтобы напомнить ему о красотѣ той природы, среди которой онъ жилъ. Онъ вадрогнулъ отъ наслажденія. На дворѣ было холодно и спокойно. Легкій туманъ поднимался надъ оврагами; въ немъ не чувствовался еще ароматъ жонкиля и лѣсной земляники, но былъ другой ароматъ, которому нѣтъ названія и который слышится въ немъ во всякое время года,—запахъ смолы, сухихъ листьевъ травы, начинающей зеленѣть, старой коры, сквозь которую пробивается молодая, и дыханіе вѣчнаго цвѣтка лѣсового,—лѣсного мха. Путникъ глубоко вдохнулъ въ себя этотъ любимый имъ запахъ; онъ, открывъ ротъ, пилъ его жадными глотками въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ и, какъ онъ ни привыкъ къ красотѣ этого ночного праздника лѣса, къ сіянію неба, къ аромату земли, ко всему этому таинственному содраганію молчаливой жизни,—онъ не могъ не восклик-

нута вполголоса: „Браво, зима! Браво, Воевы! Они не могли васъ испортить!“ И, положивъ свою палку подъ мышку, чтобы еще меньше шумѣть по песку и сосновымъ игламъ, онъ пошелъ дальше по тропинкѣ, поворачивающей то вправо, то влѣво; потомъ, повернувъ голову, сказалъ:

— Иди осторожиѣе, Фидель, мой добрый другъ; адѣсь кругомъ все такъ прекрасно!

Въ трехъ шагахъ отъ него шла сухопарая охотничья собака на высокихъ ногахъ, съ узкой мордой, какъ у борзой; она казалась теперь совсѣмъ сѣрой, но была при дневномъ свѣтѣ рыжевато-коричневая съ длинной мягкой шерстью, обрисовывающей линію ея лапъ, живота и хвоста. Доброе животное какъ-будто поняло своего господина, потому что продолжало идти вслѣдъ за нимъ такъ-же тихо, какъ и луна, скользящая по верхушкамъ сосенъ.

Вскорѣ свѣтъ луны проникъ въ лѣсъ черезъ вѣтви деревьевъ; онъ разбилъ мѣстами тѣнь на мелкіе куски, мѣстами совсѣмъ прогналъ ее на широкое пространство, скользя вдоль склоновъ горъ, залилъ стволы деревьевъ или осыпалъ ихъ блестящими точками, и изъ этихъ деревьевъ и этого свѣта, холоднаго, неопредѣленнаго и голубого, создавалась картина новаго лѣса, незнакомаго для дня. Это было внезапное, волшебное и быстрое превращеніе. Для него было достаточно десять минутъ. И даже легкій шорохъ не предвѣщалъ его. Ульрихъ Билеръ продолжалъ спускаться, проикнутый все возрастающимъ въ немъ волненіемъ; онъ наклонялся по временамъ, чтобы лучше видѣть молодыя деревца, нагибался надъ оврагами и шелъ съ бьющимся сердцемъ, весь насторожѣ, какъ дикая коза, которая осторожно оставляетъ свою пещеру, чтобы идти на пастбище.

Этотъ путникъ, энтузіастъ и молодой душой, не былъ молодъ по годамъ. Ульриху Билеру, котораго вездѣ кругомъ называли просто господиномъ Ульрихъ, было 60 лѣтъ, что было видно по его бородѣ и волосамъ, почти бѣлымъ отъ сѣдины; но и въ юные годы въ немъ было больше молодости, чѣмъ обыкновенно бываетъ у людей, какъ бываетъ въ нѣкоторыхъ больше храбрости или больше красоты,—и до сихъ поръ еще въ немъ осталось что-то отъ этой страстной молодости. Онъ жилъ посрединѣ горы св. Одолиа, какъ разъ на высотѣ 400 метровъ, въ простомъ домѣ, построенномъ безъ всякой архитектуры и стоящемъ почти одиноко среди непринлежащихъ Билеру земель, если не считать луга по склону горъ, на которомъ стоялъ домъ, и совсѣмъ маленькаго фруктоваго сада, періодически погибавшаго каж-

дую суровую зиму. Ульрихъ Билеръ остался вѣрнѣе этому дому, унаслѣдованному имъ отъ отца; отецъ купилъ его, чтобъ проводить въ немъ только лѣто, но Ульрихъ Билеръ жилъ въ немъ одиноко круглый годъ, хотя въ равнинѣ у него было довольно много и друзей, и земель. Онъ не былъ нелюдимымъ, но не любилъ жить открыто. Его имя окружалъ ореолъ чего-то легендарнаго. Рассказывали, что во время войны 1870 г. онъ сражался все время въ серебряной каскѣ, на верху которой развѣвались, въ видѣ гривы, волосы женщины. Никто не могъ сказать, чтобъ это было исторически вѣрно. Но добрыхъ двадцать человѣкъ изъ жителей равнины Эльзаса могли подтвердить зато, что не знали среди французскихъ драгунъ другого такого неутомимаго всадника, такого смѣлаго развѣдчика, такого нѣжнаго и забывающаго о собственномъ страданіи товарища въ нуждѣ, какъ г. Ульрихъ, владѣлецъ Хейденбруха на горѣ св. Одилии.

Онъ остался французомъ послѣ завоеванія Эльзаса. Въ этомъ было его счастье, но это было и причиной многихъ для него неприятностей, которыя онъ старался или устранить, или терпѣливо пережести въ благодарность за ту милость, которую ему дѣлали нѣмцы, позволяя свободно дышать роднымъ воздухомъ Эльзаса. Онъ сумѣлъ сохранить свое достоинство въ этой грустной рели побѣжденнаго, котораго терпятъ и за которымъ слѣдятъ. Онъ не позволялъ себѣ никакой уступки, которая-бы показала, что онъ забылъ дорогу Франціи, но и никакого вызова, никакой бесполезной демонстраціи. Г. Ульрихъ много путешествовалъ по Вогезамъ, гдѣ ему принадлежали тамъ и сямъ части лѣса; онъ самъ завѣдывалъ ими. Его лѣса были извѣстны, какъ одни изъ наилучше сбереженныхъ въ Нижнемъ Эльзасѣ. Онъ жилъ замкнуто, въ продолженіе уже 30 лѣтъ нося трауръ, но жилъ съ комфортомъ и любилъ изысканную жизнь. Тѣ немногія лица, французы или эльзасцы, которые переступали порогъ его дома, говорили о томъ, какъ гостепріименъ хозяинъ, и какъ онъ умѣетъ принять гостей. Особенно его любили крестьяне,—тѣ, что сражались вмѣстѣ съ нимъ,—и даже сыновья ихъ всегда приподнимали шляпу, когда г. Ульрихъ показывался около ихъ виноградника или люцерны. Его узнавали издали по его стройной и тонкой фигурѣ и по привычкѣ носить постоянно платье изъ легкихъ матерій, которыя онъ покупалъ въ Парижѣ и выбиралъ неизмѣнно темныхъ цвѣтовъ, начиная съ темно-коричневаго орѣховаго и кончая свѣтлымъ коричневымъ цвѣтомъ дуба. Сидра,

холенная бородка удлиняла его безкровное лицо почти без морщинъ; губы охотно складывались въ улыбку; носъ съ тонкой выпуклой косточкой указывалъ въ немъ породу; сѣрые глаза, снисходительные и умные, сразу принимали высокомерное, недовѣрчивое выраженіе, когда при немъ заговаривали объ Эльзасѣ. А широкій лобъ придавалъ что-то задумчивое и мечтательное лицу это боевого человѣка и казался еще больше отъ рѣдѣющихъ уже на вискахъ, но еще густыхъ, жесткихъ и коротко остриженныхъ волосъ.

Итакъ, въ этотъ вечеръ г. Ульрихъ только что вернулся съ осмотра рубки лѣса въ долину Брука, и его прислуга никакъ не ожидала, что онъ еще разъ выйдетъ изъ дому, какъ вдругъ послѣ обѣда онъ обратился къ своей горничной, старой Лизѣ, служившей за столомъ: „Мой племянникъ Жанъ долженъ былъ вернуться сегодня вечеромъ въ Альсхеймъ, и, конечно, если бы я подождалъ до завтра, то увидѣлъ-бы его у себя, но я предпочитаю увидѣться съ нимъ еще сегодня у него въ домѣ. И потому уйду. Оставь ключъ подъ дверью и иди спать“. Онъ сейчасъ-же свистнулъ Фишера, взялъ палку и сталъ спускаться по тропинкѣ, входившей въ лѣсъ въ 50 шагахъ отъ Хейденбруха.

На г. Ульрихъ былъ, по обыкновенію, темный китель и брюки цвѣта *feuille morte* и бархатная папочка. Онъ шелъ быстро, и меньше, чѣмъ черезъ полчаса, дошелъ до мѣста, гдѣ тропинка соединялась съ болѣе широкой аллеей, прорубленной для гуляющихъ и паломниковъ монастыря св. Одилии. На эту дорогу указывается обыкновенно въ путеводителяхъ, потому что на протяженіи ста метровъ она идетъ надъ потокомъ, протекающимъ ниже въ равнинѣ черезъ деревню Альсхеймъ; особенно же потому, что при входѣ въ оврагъ, въ углу, образуемомъ двумя сходящимися склонами горы, видна съ нея, какъ на ладони, часть Эльзаса, деревни, поля, луга, вдаль неясная серебряная полоса Рейна и горы Шварцвальда, голубья, какъ лѣтъ, и круглая, какъ фестоны. Несмотря на ночь, закрывающую видъ, г. Ульрихъ, войдя въ аллею, посмотрѣлъ по привычкѣ въ ту сторону, но увидѣлъ только треугольникъ цвѣта стали въ неясномъ ночномъ освѣщеніи; вверху его блестѣли настоящія звѣзды, а внизу блестящія точки такой-же величины, но слегка затуманенныя и окруженныя кольцомъ тумана,—это были лампы и свѣчи въ домахъ деревни Альсхеймъ. Путникъ вспомнилъ о своемъ племянникѣ, котораго долженъ былъ сейчасъ прижать къ своей груди, и спросилъ себя: „Кого я увижу? Чѣмъ сталъ онъ послѣ трехъ лѣтъ отсутствія и трехъ лѣтъ иѣметчины?“

Это была остановка лишь на минуту. Г. Ульрихъ перешелъ аллею и, желая сократить путь, вошелъ подъ тѣнь высокыхъ буквъ, круто спускавшихся опять къ сосновому лѣсу, черезъ который проходила прежняя дорога. Немного сухихъ листьевъ дрожало еще на нижнихъ вѣткахъ деревьевъ, но большинство ихъ уже осыпалось на листья прошлаго года, покрывавшіе сплошь всю землю; тонкіе, какъ шелкъ, и совсѣмъ блѣдные, они походили на чрезвычайно гладко вымощенные золотистыя плиты; стволы деревьевъ, поросшіе мхомъ, стояли правильно, какъ колонны, а вершины ихъ высоко-высоко соединялись своими тонкими вѣтками, образуя прозрачный сводъ, сквозь который свободно проходилъ свѣтъ. Мѣстами кусты нарушали гармонию линий. А въ ста метрахъ внизъ высокая изгородь зеленыхъ деревьевъ казалась толстой стѣной вокругъ какого-нибудь стараго монастыря въ развалинахъ.

Вдругъ г. Ульрихъ услышалъ впереди, въ соснахъ, къ которымъ онъ направлялся, шумъ, настолько легкій, что другой его бы и не замѣтилъ. Это былъ шумъ катящагося по склону камня; камень катился все быстрѣе и быстрѣе, наталкиваясь по пути на препятствія и не останавливаясь. Потомъ шумъ сталъ затихать и кончился негромкимъ, но яснымъ звукомъ паденія о каменное дно оврага, гдѣ онъ и разбился. Все стало, было, опять тихо въ лѣсу, когда второй камень, гораздо меньшій по размѣру, судя по производимому имъ шуму, началъ тоже катиться въ темнотѣ. Въ ту же минуту собака оцетинилась и подошла съ ворчаніемъ къ своему господину.

— Молчи, Фидель,—сказалъ тотъ,—не надо, чтобы они меня видѣли.

Г. Ульрихъ спрятался за стволъ одного изъ буквъ, понимая, что это живое существо поднимается по лѣсной дорогѣ, и догадываясь, кто-бы это могъ быть. И дѣйствительно, раздирая темноту черной стѣны сосенъ, показалась сперва голова, двѣ переднія ноги и, наконецъ, все тѣло лошади. Быстрое, прерывистое дыханіе вырывалось изъ ея ноздрей и клубилось бѣлымъ паромъ въ ночномъ воздухѣ. Животное дѣлало замѣтное усиліе, чтобы подняться по слишкомъ крутому склону; мускулы ея были напряжены, ноги согнуты крючкомъ, животъ почти ползъ по землѣ, но она поднималась хотя и порывистыми скачками, но почти безъ шума, опуская ноги въ мягкій мохъ и густую растительность почвы и задвывая только за листья, которые катились по склону горы одинъ за другимъ, напоминая журчаніе воды. Наклонясь

къ ея шеѣ и держа свое копьѣ почти горизонтально, какъ будто чуя вблизи врага, сидѣлъ на лошади всадникъ въ свѣтло-синемъ мундирѣ. Его дыханіе смѣшивалось съ дыханіемъ лошади въ холодномъ воздухѣ. Они съ силой рванулись впередъ, словно боролись съ врагомъ. Г. Ульрихъ разсматрѣлъ желтые шнурки, нашитые на мундирѣ, черные сапоги на темныхъ рейтузахъ, прямую саблю и узналъ кавалериста изъ рейнскаго гусарскаго полка, стоявшаго въ Страсбургѣ; онъ разглядѣлъ и желтаго орла, обозначающаго чинъ унтеръ-офицера, на блестящемъ то бѣлыми, то черными точками копьѣ, а подъ плоской фуражкой безусое, налитое кровью лицо, все въ поту, безпокойные и злобные рыжеватые глаза, постоянно поварачивающіеся вправо, и назвалъ вполголоса имя Готтфрида Хамма, сына полицейскаго комиссара въ Обернэ и кузнеца въ полку рейнскихъ гусаръ. Всадникъ проѣхалъ, задѣвъ дерево, за которымъ прятался г. Ульрихъ; тѣнь отъ его тѣла и лошади скользнула по ногамъ эльзасца и по окружавшему его мху; въ воздухѣ пронесся запахъ пота и кожаной уздечки. Въ ту минуту, какъ онъ проѣзжалъ мимо дерева, онъ еще разъ повернулъ голову направо. Г. Ульрихъ посмотрѣлъ по тому-же направленію, какъ разъ вдоль буковаго лѣса: въ 30 метрахъ онъ увидѣлъ второго всадника, поднимающагося по той же линіи, что и первый,—затѣмъ третьяго, казавшагося неопредѣленнымъ сѣрымъ силуэтомъ среди колоннъ деревьевъ, и еще дальше по движенію тѣней онъ угадалъ еще другихъ солдатъ, другихъ лошадей, карабкающихся на гору. Вдругъ, въ глубинѣ лѣса блеснуло что-то, словно свѣтящійся червякъ. Это былъ сигналъ. Всѣ солдаты тотчасъ-же сдѣлали полуоборотъ направо, и, ставъ въ линію, молча, не произнося ни одного слова, продолжали свой таинственный маневръ.

Тѣни колебались еще съ минуту въ глубинѣ чащи; шорохъ задѣтыхъ и катящихся листьевъ все уменьшался,—затѣмъ онъ совсѣмъ прекратился, и ночь опять стала казаться безмолвной и безлюдной.

— Опасный, опасный противникъ!—сказалъ вполголоса г. Ульрихъ,—они упражняются и ночью, и днемъ. Навѣрное, тамъ внизу, на тропинкѣ стоялъ офицеръ. Это на него они всѣ смотрѣли. Онъ поднялъ свою саблю, заблестѣвшую подъ луной, и ближайшіе солдаты ее увидѣли. Всѣ сразу повернули. Какъ мало они производили шуму! Но я все-таки кончилъ бы съ двумя, если-бы это было въ военное время.

Потомъ, замѣтивъ, что собака, поднявъ морду и шевеля хвостомъ, смотритъ на него теперь спокойно, сказалъ:

— Да, да, они ушли. Ты ихъ не любишь такъ же, какъ и я...

Онъ подождалъ итти впередъ, пока не убѣдился, что гусары не вернутся въ его сторону. Онъ не любилъ встрѣчаться съ нѣмецкими солдатами. Онъ страдалъ отъ этихъ встрѣчъ въ своей мрачной гордости побѣжденнаго, въ своей вѣрности Франціи, въ своей любви къ ней, любви, постоянно ожидающей со страхомъ новой войны, время которой, къ его удивленію, все еще не наступало и не наступало. Ему приходилось порой дѣлать большой крюкъ, чтобы не встрѣчаться на дорогѣ съ войсками. И зачѣмъ это эти гусары сейчасъ помѣшали его спуску въ Альсхеймъ? Опять у нихъ маневры, опять ихъ мысли упорно обращаются къ западу; опять это хищное животное, ловкое, хитрое, бродитъ по вершинамъ Вогезовъ и смотритъ, не пора ли спуститься...

Г. Ульрихъ продолжалъ свой путь по буковому лѣсу, низко опустивъ голову и полный грустныхъ воспоминаній; чтобы эти воспоминанія ожили, достаточно было одного слова, и даже меньше того,—вѣдь, въ нихъ была вся молодость этого человѣка, готовая каждую минуту встать изъ прошлаго!.. Онъ тоже старался не шумѣть, не пускалъ собаку впередъ и не отвѣчалъ ей лаской, когда она терлась мордой о его опущенную руку, какъ будто хотѣла сказать: „Что съ вами? Вѣдь, они уже ушли“. Черезъ четверть часа, повернувъ на прежнюю широкую дорогу на краю буковаго лѣса, онъ дошелъ до опушки. Вѣтеръ сталъ холоднѣе и рѣзче и пробѣгалъ по срубленнымъ дубамъ и кустарникамъ, росшимъ на краю равнины. Г. Ульрихъ остановился, прислушался вправо и, недовольно пожавъ плечами, сказалъ:

— Такъ они и вернутся! Никто ихъ не услышитъ! Ну, не будемъ о нихъ думать, а пойдемъ скорѣй поздороваться съ Жаномъ Оберлэ!

Г. Ульрихъ сошелъ съ послѣдняго пригорка. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ оставилъ за собой молодя деревца и кустарники, закрывающіе, какъ экраномъ, видъ на равнину. Все небо открылось, и внизу прямо передъ нимъ, и направо, и налево показалось что-то болѣе нѣжнаго и туманнаго голубого цвѣта, чѣмъ небо: земля Эльзаса. Съ земли поднимался, какъ ночная жатва, запахъ вспаханныхъ полей и мокрой отъ росы травы. Его разносилъ холодный вѣтеръ, обычный гость этой равнины и товарищъ Рейна въ его странствіяхъ. Ничего нельзя было рассмотреть среди тѣни.

въ которой спалъ Эльзасъ; только въ ста метрахъ были видны очертанія тѣсно скученныхъ крышъ вокругъ круглой внизу и кончающейся остриемъ сѣрой колокольни. Это была деревня Альсхеймъ. Г. Ульрихъ ускорилъ шаги, дошелъ до потока, мимо котораго онъ уже проходилъ въ горахъ, и превратившагося здѣсь въ быстрый ручей, и, пройдя его, увидѣлъ выдѣляющийся среди обнаженныхъ деревьевъ парка первый домъ Альсхейма, принадлежавшій семьѣ Оберлэ.

Этотъ домъ стоялъ направо отъ дороги и отдѣлялся отъ нея сперва бѣлой стѣной и потомъ ручьемъ; искусственно углубленный ручей протекалъ черезъ всю усадьбу и снабжалъ необходимою водою машины лѣсопильнаго завода. Г. Ульрихъ вошелъ черезъ кованую желѣзную рѣшетку, выходившую на дорогу, прошелъ мостъ и домикъ привратника и, оставляя направо лѣсной дворъ съ кучей дровъ, торчащихъ крестообразно досокъ, шестовъ и сараевъ, взялъ влѣво по аллеѣ, огибавшей высокія деревья и поляну; онъ приблизился къ крыльцу двухъэтажнаго дома съ мезониномъ изъ краснаго Савернскаго камня построеннаго въ половинѣ прошлаго столѣтія. Былъ девятый часъ вечера. Г. Ульрихъ быстро поднялся въ первый этажъ и постучалъ въ дверь одной изъ комнатъ.

Молодой голосъ отвѣтилъ ему:

— Войдите!

Онъ не успѣлъ снять своей охотничьей шапочки, какъ его племянникъ, Жанъ Оберлэ, обнялъ его, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ, говоря:

— Здравствуйте, дядя Ульрихъ! Ахъ, какъ я радъ! Какая это у васъ была прекрасная мысль!

— Ну, пусти меня! Здравствуй, мой Жанъ! Ты только что пріѣхалъ?

— Сегодня въ три часа дня. Я бы непременно былъ у васъ завтра, вы знаете?

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. Но не могъ удержаться. Меня тянуло спуститься съ горы и повидаться съ тобой. Три года, что я тебя не видѣлъ, Жанъ! Дай на тебя посмотреть!

— На здоровье!—отвѣтилъ, смѣясь, молодой человѣкъ.— Я перемѣнился?

Онъ подвинулъ дядѣ кожаное кресло, а самъ сѣлъ напротивъ на диванъ, покрытый чехломъ и стоящій у стѣны. Между ними стоялъ рабочій столъ, на которомъ горѣла маленькая металлическая, чеканной работы, керосиновая лампочка. Сквозь открытыя занавѣси окна видѣлся неподвиж-

ный и безлюдный паркъ, залитый луной. Г. Ульрихъ вглядывался въ Жана Оберле съ нѣжнымъ и гордымъ любопытствомъ. Жанъ еще выросъ, сталъ даже немного выше дяди. Черты его солиднаго лица сдѣлались опредѣленнѣе и тверже. Темные каштановые усы стали гуще; движенія—совершенно свободны, какъ у человѣка, привыкшаго бывать въ обществѣ. Его можно было принять за южанина, благодаря чисто-итальянской блѣдности его безбородаго лица, его глазамъ, окруженнымъ тѣнью, темнымъ волосамъ, раздѣленнымъ боковымъ проборомъ, губамъ, тоже блѣднымъ и показывающимъ, когда онъ говорилъ или смѣялся, рядъ прекрасныхъ, здоровыхъ, прозрачныхъ зубовъ. Но нѣкоторыя черты выдавали въ немъ эльзасца: широкія скулы, глаза того-же зеленого цвѣта, что и лѣса Вогезъ, и квадратный подбородокъ эльзасскихъ крестьянъ изъ равнины. Въ немъ было вообще что-то, напоминавшее этихъ крестьянъ, потому что прадедъ его былъ простымъ землепашцемъ; у него было также ихъ крѣпкое тѣлосложеніе. А по молодому взгляду, обращенному къ нему, дядя угадалъ, что Жанъ Оберле, теперь 24-лѣтній юноша, остался въ нравственномъ отношеніи почти тѣмъ-же, какимъ онъ его зналъ и раньше.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія,—ты все тотъ-же, ты сталъ только взрослымъ человѣкомъ. Я боялся болѣе крупныхъ перемѣнъ.

— А почему?

— Потому что, мой милый, нѣкоторыя путешествія служатъ труднымъ испытаніемъ, особенно въ твои годы... Но, прежде всего, откуда именно ты теперь пріѣхалъ?

— Изъ Берлина, гдѣ я держалъ мой „Referendar-Examen“.

Дядя какъ-то отрывисто засмѣялся, но сейчасъ-же подавилъ свой смѣхъ.

— Назовемъ это экзаменомъ на доктора правъ, если позволишь.

— Охотно позволяю, милый дядя.

— Ну такъ дай мнѣ болѣе точныя и новыя подробности о себѣ, потому что ужъ больше года, какъ твой дипломъ у тебя въ карманѣ. Что ты дѣлалъ потомъ?

— Очень просто. Предыдущій годъ я провелъ въ Берлинѣ, какъ вы знаете, и кончилъ тамъ свое юридическое образованіе. Послѣдній годъ былъ помощникомъ у присяжнаго повѣреннаго до августа мѣсяца. Потомъ отправился путешествовать; былъ въ Богеміи, Венгріи, Кroatіи и даже на Кавказѣ съ разрѣшенія отца. Я на это употребилъ

6 мѣсяцевъ; потомъ опять проѣхалъ черезъ Берлинъ, чтобы захватить свой студенческій багажъ и сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ, и вотъ я—дома...

— Въ самомъ дѣлѣ, твой отецъ... Я не спросилъ тебя, такъ торопился съ тобой увидѣться... Онъ здоровъ?

— Его нѣтъ дома.

— Какъ, онъ долженъ былъ отлучиться изъ дому въ день твоего пріѣзда?

Жанъ Оберле отвѣтилъ немного съ горечью:

— Онъ долженъ былъ присутствовать на парадномъ обѣдѣ у совѣтника фонъ-Ботера. Онъ увезъ и сестру. Кажется, тамъ большой вечеръ.

Наступило небольшое молчаніе. Оба собесѣдника перестали смѣяться. Они почувствовали, какъ между ними встаетъ тотъ роковой вопросъ, готовый всплыть послѣ каждаго трехъ минутъ разговора, вопросъ, раздражающій, неумолимый и неизбѣжный, который соединяетъ людей или навсегда ихъ разъединяетъ и лежитъ въ глубинѣ всѣхъ общественныхъ отношеній, въ вопросахъ чести, во всѣхъ притѣсненіяхъ и новыхъ законахъ,—тотъ вопросъ, что уже тридцать лѣтъ заставляетъ быть насторожѣ вооруженную Европу.

— Я обѣдалъ одинъ,—опять началъ Жанъ,—т. е. съ дѣдомъ.

— Его, обѣднику, едва ли можно считать. Онъ все такой же подавленный, больной?

— Но голова у него совсѣмъ свѣжая, увѣряю васъ.

Наступило опять молчаніе, послѣ котораго г. Ульрихъ спросилъ нерѣшительно:

— А сестра, моя сестра? Твоя мать? Она съ ними?

Молодой человѣкъ молча кивнулъ головой.

Г. Ульриху такъ мучительно больно было это слышать, что отвернулъ глаза, чтобы не показать того страданія, что они выражали. Онъ поднялъ ихъ случайно на висѣвшую на стѣнѣ акварель Шпиндлера, изображающую прекрасныхъ молодыхъ эльзасокъ, качающихся на качеляхъ, но сейчасъ же перемесъ ихъ на племянника и, смотря ему прямо въ глаза, сказалъ голосомъ, надреснутымъ отъ волненія:

— А ты?.. Ты обѣдалъ бы у совѣтника фонъ-Ботера... такъ интимно, какъ они, съ этими нѣмцами... Ты не захотѣлъ итти съ родителями?

— Нѣтъ.

Отвѣтъ прозвучалъ отчетливо, просто. Но г. Ульрихъ не нашель въ немъ тѣхъ объясненій, которыхъ искалъ. Да, Жанъ Оберле сталъ теперь взрослымъ человѣкомъ. Онъ от-

называется порицать своихъ родителей, высказывать свое мнѣніе, обвиняя другихъ. Дядя продолжалъ съ тѣмъ же ироническимъ отгѣвомъ въ голосъ:

— Однако, племянникъ, мнѣ всю прошлую зиму прожужжали уши о твоихъ успѣхахъ въ Берлинѣ; меня не щадили, я зналъ, что ты тамъ тащешь съ нашими бѣлокурными непріятельницами; мнѣ называли даже имена...

— О, ради Бога, — сказалъ Жанъ серьезно, — не будемъ говорить легко объ этихъ вопросахъ, какъ люди, не смѣющие смотрѣть имъ прямо въ глаза и высказать свое мнѣніе. Мнѣ дали воспитаніе, не такое, какъ вамъ, дядя, — нѣмецкое воспитаніе. Но это не мѣшаетъ мнѣ нѣжно любить нашу страну... напротивъ.

Г. Ульрихъ протянулъ руку черезъ столъ и сжалъ руку Жана.

— Тѣмъ лучше! — сказалъ онъ.

— Вы сомнѣвались въ этомъ?

— Я не сомнѣвался, дитя мое, я не зналъ; я вижу вокругъ столько тяжелаго... столько поколебавшихся убѣжденій!

— Доказательство того, что я люблю нашу Эльзасъ — это мое рѣшеніе жить въ Альскеймѣ!

— Какъ! — воскликнулъ удивленно г. Ульрихъ, — ты отказываешься поступить на нѣмецкую службу, какъ того хочетъ твой отецъ? Это важно, мой другъ, ты противишься его честолюбивымъ планамъ. Ты былъ его надеждой въ будущемъ... Онъ знаетъ это?

— Онъ догадывается, но мы еще объ этомъ не говорили. Я не успѣлъ послѣ моего пріѣзда.

— Что же ты собираешься дѣлать?

Молодая улыбка опять показалась на губахъ Жана Оберлэ.

— Рубить лѣсъ, какъ отецъ, какъ дѣдушка Филиппъ; жить среди васъ. Когда я послѣ экзамена отправился путешествовать по Германіи и Австріи, то въ значительной мѣрѣ для того, чтобы изучить лѣсное хозяйство, лѣсопильни, заводы въ родѣ нашего... Вы плачете?

— Не то, что плачу...

Г. Ульрихъ не плакалъ, но долженъ былъ провести рукой по влажнымъ рѣсницамъ.

— Еслибъ я плакалъ, то отъ радости, мой дорогой мальчикъ... о, отъ искренней и большой радости!.. Видѣть, что я люблю больше всего на свѣтѣ... сохранить тебя среди насъ... видѣть, что ты рѣшился не принимать службы и почестей отъ притѣснителей нашей родины... Да, это

прекрасный сонъ, о которомъ я не смѣлъ болѣе мечтать... Только, откровенно говоря, я не могу объяснить себѣ... Я удивленъ... Почему ты не похожъ на своего отца, на Люсьенну, которые такъ открыто съ ними... примирились? Ты былъ въ университетѣ въ Мюнхенѣ, Воннѣ, Гейдельбергѣ, въ Берлигѣ; ты только что провелъ четыре года въ Германіи, не говоря о тѣхъ, когда ты учился въ коллегіи. Какъ же ты не сдѣлался нѣмцемъ?

— Во мнѣ менѣе нѣмецкаго, чѣмъ въ васъ.

— Значить, совершенно нѣтъ.

— Меньше, чѣмъ въ васъ, потому, что я лучше знаю нѣмцевъ. Я сужу о нихъ по сравненію.

— Ну?

— Они стоятъ ниже насъ.

— Чортъ возьми, ты меня радуешь! Здѣсь только и слышишь противоположное. Особенно во Франціи, — они становятся неизсякаемы, когда начнутъ восхвалять своихъ побѣдителей 1870 г.

Молодой человѣкъ, котораго заражало волненіе г. Ульриха, пересталъ опираться о спинку дивана и наклонился впередъ, съ лицомъ, освѣщеннымъ лампой, отчего еще ярче загорѣлись его зеленые глаза.

— Не заблуждайтесь, дядя Ульрихъ: я не ненавижу нѣмцевъ, и этимъ отличаюсь отъ васъ. Я даже люблюсь ими часто, потому что у нихъ есть прекрасныя стороны. У меня есть среди нихъ товарищи, которыхъ я очень уважаю; будутъ и другіе. Я принадлежу къ другому поколѣнію, которое не видѣло того, что вы видѣли, и живетъ иначе. Я не былъ побѣжденъ!..

— Счастливецъ!

— Только, чѣмъ ближе я ихъ знаю, тѣмъ болѣе чувствую себя имъ чуждымъ, принадлежащимъ къ другой расѣ, съ другимъ идеаломъ, въ которомъ для нихъ нѣтъ мѣста, который я считаю высшимъ, и, самъ не знаю почему, называю Франціей.

— Bravo, мой Жанъ! Bravo!

Бывшій драгунскій офицеръ тоже наклонился впередъ, весь блѣдный, такъ что обоихъ мужчинъ раздѣлялъ только столъ.

— То, что я называю Франціей, дядя, то, что я пишу въ сердцѣ, какъ дорогую мечту — это страна, гдѣ царитъ свобода мысли.

— Да!

— Свобода слова...

— Именно!

— Гдѣ люди умѣютъ смѣяться такъ беззаботно..

— Какъ ты угадываешь!

— Гдѣ чувства у людей безконечно разнообразны — это страна, прелестная какъ любимая женщина, что-то въ родѣ Эльзаса, но еще прекраснѣе!

Они встали оба. Г. Ульрихъ привлекъ къ себѣ племянника и прижалъ къ своему сердцу эту горячую голову.

— Французъ!—сказалъ онъ,—французъ до мозга твоихъ костей и въ каждой каплѣ твоей крови! Мой бѣдный дорогой мальчикъ!

Молодой человекъ продолжалъ говорить, все еще прилонивъ голову къ плечу счтарика:

— Вотъ почему я не хочу жить тѣмъ, по ту сторону Рейна, и буду жить здѣсь.

— Тогда я правъ, говоря: бѣдный мальчикъ!—отвѣтилъ г. Ульрихъ.—Все измѣнилось, увы!.. даже здѣсь въ твоемъ домѣ.. Ты будешь страдать, мой Жанъ, съ твоей натурой... Я все теперь понимаю, все...

Потомъ, отпустивъ племянника, сказалъ:

— Какъ я радъ, что пришелъ сегодня вечеромъ!.. Сядь тутъ рядомъ со мной... У насъ есть столько рассказать другъ другу!.. Мой Жанъ! Мой Жанъ!

Они сѣли рядомъ на диванъ, оба счастливые. Г. Ульрихъ приводилъ въ порядокъ свою остроконечную бороду, за которой всегда ухаживалъ; онъ оправлялся отъ своего волненія и говорилъ:

— Знаешь-ли ты, что, говоря о Франціи такъ, какъ мы съ тобой говорили, мы совершили проступокъ, который я совершаю всегда съ такимъ удовольствіемъ. Это не позволено... Если-бы мы были на улицѣ и насъ услышалъ Хаммъ, то наше дѣло было-бы въ шляпѣ: составили-бы протоколъ.

— Я его встрѣтилъ сегодня днемъ.

— А я видѣлъ сына его только что въ лѣсу. Онъ унтеръ-офицеръ рейнскихъ гусаръ... въ твоемъ будущемъ полку... Это не карета подѣхала?

— Нѣтъ.

— Послушай-ка!

Они стали прислушиваться, смотря черезъ окно на паркъ, освѣщенный высокой и полной луной, на лужайку въ видѣ лиры съ ея двумя бѣлыми аллеями, на группы деревьевъ и тамъ вдали на черепичныя крыши лѣсопильнаго завода. Все было тихо; только около плотины завода ручей произ-

водилъ свой монотонный шумъ, который, казалось, то приближался, то удалялся, смотря по силѣ и направленію вѣтра, начинавшаго все свѣжѣть и дувшаго теперь съ сѣверо-востока, „съ паперти собора“, какъ говорилъ дядя Ульрихъ, думая о Страсбургѣ.

— Нѣтъ, вы видите,—сказалъ Жанъ Оберлэ прислушавшись,—это шумъ плотины. Отецъ приказалъ кучеру ждать ихъ съ поѣздомъ въ Мальсхеймъ въ половинѣ двѣнадцатаго. У насъ есть еще время поболтать.

У нихъ было время, и они имъ воспользовались. Они стали говорить тихо, не торопясь и не смущаясь, какъ люди, понявшіе, что они сходятся въ главномъ и потому не боятся касаться другихъ, неважныхъ вопросовъ. Они говорили о томъ, что Жану предстоитъ отбывать годовую воинскую повинность, что ему позволили отложить срокъ ея до его двадцати четырехъ лѣтъ; говорили о новой жизни, которую онъ начнетъ съ 1-го октября, о квартирѣ, которую онъ хотѣлъ нанять въ Страсбургѣ, чтобы имѣть возможность прѣзжать каждое воскресенье въ Альсхеймъ. При этомъ дорогомъ имени дядя и племянникъ пустились въ воспоминанія, связанные съ ихъ родиной, съ Альсхеймомъ, монастыремъ св. Одилии, Хейдебрухомъ, стоящимъ въ лѣсу, съ Обернэ, Саверной, гдѣ у дяди были лѣса, съ Гебвиллеромъ, гдѣ жили его родные. Они вызывали въ своихъ воспоминаніяхъ весь Эльзасъ. Они понимали другъ друга. Заложивъ ногу на ногу, они курили, сидя на двухъ концахъ дивана и, давъ волю своимъ разговорамъ, часто смѣялись. Бесѣда ихъ такъ затянулась, что кукушка на часахъ, висѣвшихъ надъ дверью, прокричала уже полночь.

— Только-бы мы не разбудили твоего дѣда?—спросилъ г. Ульрихъ, вставая и указывая на стѣну, отдѣляющую комнату молодого человѣка отъ комнаты больного.

— Нѣтъ—сказалъ Жанъ.—Онъ почти не спитъ теперь. Я увѣренъ, что онъ радъ, что слышалъ, какъ я смѣялся. Такъ какъ всѣ наши уѣхали въ пять часовъ, то я добрую часть вечера провелъ съ нимъ и наблюдалъ за нимъ. Онъ слышитъ и понимаетъ все. Я увѣренъ, онъ узналъ вашу голосъ и, можетъ быть, даже схватилъ смыслъ нѣкоторыхъ словъ...

— Это доставило-бы ему удовольствіе, дитя мое. Онъ принадлежитъ къ тому старому Эльзасу, который вамъ кажется легендарнымъ, и къ которому я и себя причисляю, хоть я и гораздо моложе г. Оберлэ. Этотъ Эльзасъ былъ чисто французскимъ, и ни одинъ человѣкъ того времени не из-

мѣнили себѣ. Посмотри на своего дѣда, посмотри на стараго Бастіана. Мы—то поколѣніе, которое страдало. Всѣ мы,—герои страданія. Твой отецъ—смиренія.

— А я?

Дядя Ульрихъ пристально посмотрѣлъ на молодого человека своими зоркими глазами и сказалъ:

— Ты, ты—герой легенды!

И они оба хотѣли улыбнуться, и не могли, какъ будто это слово было слишкомъ вѣрно для обыкновеннаго человѣческаго сужденія,—какъ будто они почувствовали, что сама судьба была здѣсь, въ этой комнатѣ, и невидимо повторяла имъ обоимъ въ глубинѣ ихъ сердца: „Да, это правда, вотъ этотъ изъ васъ герой легенды“.

Ихъ охватило смущеніе, какъ бы отъ присутствія этой вѣчной тайны жизни. Оно скоро прошло. Г. Ульрихъ протянулъ руку племяннику съ большаго значеніемъ, чѣмъ это-бы сдѣлать, если бы не сказалъ того слова, о которомъ теперь не жалѣлъ, но которое не могло забыться.

— До свиданія, мой дорогой Жанъ. Я ужь лучше не буду ждать зятя; я не знаю, какъ держать себя теперь передъ нимъ. Все, что ты сказалъ мнѣ, стѣснило-бы меня.. Пожелай ему отъ меня доброй ночи. Я возвращусь къ себѣ въ лѣсъ при лучшемъ свѣтѣ!.. Жиль, что нѣтъ съ собой ружья, чтобы подстрѣлить пару тетеревовъ въ нашихъ соснахъ!..

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ по ковру коридора, направляясь къ лѣстницѣ.

— Дядя,—сказалъ совсѣмъ тихо Жанъ,—если-бы вы зашли къ дѣдушкѣ. Я увѣренъ, что онъ былъ-бы радъ. Онъ, навѣрное, не спитъ.

Дядя Ульрихъ, шедшій впереди, остановился и вернулся въ коридоръ. Жанъ повернулъ ручку двери, около которой они стояли, вошелъ первый въ комнату и сказалъ громко:

— Дѣдушка, я вамъ привелъ гостя: дядя Ульрихъ хотѣлъ повидаться съ вами.

Они очутились въ полутьмѣ большой комнаты; шторы въ ней были спущены, и только въ глубинѣ ея, налѣво, между закрытымъ окномъ и кроватью, занимающей уголъ, горѣлъ ночникъ изъ прозрачнаго фарфора; въ небольшомъ кругу свѣта отъ ночника лежали на ночномъ столикѣ мѣдное распятіе и золотые часы—единственные блестящіе предметы въ комнатѣ. На кровати скорѣй сидѣлъ, чѣмъ лежалъ, старикъ въ курткѣ изъ сѣрой крученой шерсти; его спина и голова

опирались на подушки; руки были покрыты свѣжей, только что постланной простыней. Широкий шмурокъ отъ звонка, окаймчивающійся бахромой, доходилъ до середины кровати. Этотъ спящій, или, напротивъ, бодрствующій старикъ былъ почти калѣка. Жизнь уходила въ немъ все болѣе и болѣе внутрь. Онъ ходилъ и двигался съ трудомъ. Онъ никогда не говорилъ. Подъ блѣдными полными щеками ротъ его открывался только, чтобы ѣсть и произносить три слова — три крика—всегда одни и тѣ-же: „Ѣсть! Пить! Уходи прочь!“ Отъ старческой дряхлости крѣпкая челюсть этого человѣка, когда-то командовавшаго столькими людьми, теперь какъ-то отвисла. Г. Ульрихъ и Жанъ Оберлэ дошли до середины комнаты, а онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, показывавшаго, что онъ замѣчаетъ ихъ присутствіе. И, однако, эта грустная развалина человѣка была когда-то тѣмъ самымъ борцомъ, который основалъ лѣсопильный заводъ въ Альсхеймѣ, поднялся надъ положеніемъ мелкаго сельскаго землевладѣльца, былъ депутатомъ оппозиціи въ Рейхстагѣ, гдѣ громкій голосъ его всѣ слышали, когда онъ требовалъ отъ кн. Бисмарка возвращенія поправныхъ правъ и справедливости для Эльзаса. Весь прежній умъ горѣлъ въ немъ еще, какъ огонь, освѣщавшій въ эту ночь комнату, но наружно онъ никогда не проявлялся. И сколько людей и предметовъ проходило передъ нимъ въ этомъ не прекращающемся для него снѣ! Вся жизнь этого человѣка, такъ хорошо знавшаго свой Эльзасъ, исходившаго его во всѣхъ направленіяхъ, пиршаго его бѣлое вино за столомъ и богатаго, и бѣдняка,—бывшаго и путешественникомъ, и купцомъ, и лѣсопромышленникомъ, и патриотомъ,—вся жизнь его проходила теперь лишь въ видѣніяхъ прошлаго!.. И Ульрихъ Билеръ и Жанъ видѣли передъ собой только облысѣвшую голову, морщинастое опустившееся лицо съ тяжелыми вѣками, между которыми мерцалъ, какъ дробинка въ неподвижномъ отверстіи бубенчика, — медленный и грустный взглядъ!

Однако, обоимъ посѣтителемъ показалось, что этотъ взглядъ останавливается на нихъ съ необычной благосклонностью. Они молчали, чтобы не прерывать мысли старца, мысли, которую они никогда не узнаютъ. Потомъ дядя Ульрихъ подошелъ къ кровати и, опустивъ руку на плечо Филиппа Оберлэ, наклоняясь немного, чтобы быть лучше разслышаннымъ и ближе встрѣтиться со взглядомъ этихъ съ трудомъ поднимающихся къ нему глазъ, сказалъ:

— Мы только что долго бесѣдовали, господинъ Обер-

тѣ, вашъ внукъ и я... Онъ славный юноша, вашъ Жанъ!

Движеніемъ всего торса голова старика медленно перемѣнила положеніе, чтобы видѣть внука.

— Славный юноша,—повторилъ г. Ульрихъ,—его не испортило пребываніе въ Берлигѣ. Онъ остался достойнымъ васъ, эльзасцемъ, патриотомъ... Вы должны гордиться имъ.

Несмотря на слабое освѣщеніе комнаты, дядѣ Ульриху и Жану показалось, что на лицѣ старика появилась улыбка, какъ отвѣтъ этой еще молодой души.

Они вышли безъ шума, говоря:

— Покойной ночи, господинъ Оберле; покойной ночи, дѣдушка!

Пламя очага заколебалось, передвинуло тѣни и свѣтъ; дверь закрылась, и въ эту комнату, куда послѣ заката солнца долеталъ только бой часовъ съ колокольни Альсхейма, опять вернулся ея непрерывный сонъ.

Дядя Ульрихъ разстался съ племянникомъ на крыльцѣ. Ночь стала морозной, лужайки бѣлѣли отъ инея.

— Прекрасная погода, чтобы идти пѣшкомъ,—сказалъ г. Ульрихъ;—я жду тебя съ Хейденбрухъ.

Онъ свистнулъ собаку и, лаская ея огненно-рыжую морду, сказалъ ей:

— Веди ты меня теперь, потому что самъ я буду всю дорогу мечтать о томъ, что сказалъ мнѣ мой Жанъ!

Онъ едва отошелъ на нѣсколько сотъ метровъ, и шумъ его шаговъ еще слышался на дорогѣ, поднимающейся къ Урловенскому лѣсу, какъ Жанъ услышалъ среди ночной тишины шумъ колесъ со стороны Оберле. Стукъ копытъ по каменистой почвѣ звучалъ въ воздухѣ, словно свистъ бича, этотъ шумъ раздавался среди мирной деревенской тишины; никому не мѣшало, никого не будило. Фидель, яростно лающий на опушкѣ лѣса, имѣлъ, очевидно, другія причины бросаться на кого-то и подавать голосъ... Жанъ слушалъ, какъ подѣбжаетъ карета. Стукъ колесъ вскорѣ сталъ слабѣе, почти затихъ: это экипажъ въѣхалъ въ улицы Альсхейма или на аллею среди его фруктовыхъ садовъ, дѣлавшихъ изъ Альсхейма лѣтомъ сплошной букетъ яблокъ, вишенъ и орѣшниковъ. Потомъ колеса вдругъ опять застучали отчетливо, какъ шумъ поѣзда, выѣзжающаго изъ туннеля. Песокъ заскрипѣлъ на концѣ аллеи; двѣ блестящія точки фонарей сдѣлали поворотъ и покатались по парку; газонъ, кусты, низъ стволовъ деревьевъ на мгновеніе выплывали изъ тѣни и такъ-же быстро въ ней исчезали,—

и карета остановилась передъ домомъ. Жанъ, стоявшій наверху подъѣзда, быстро сбѣжалъ и створилъ дверцы. Молодая дѣвушка съ розовымъ и разгоряченнымъ лицомъ сейчасъ же вышла изъ кареты; она была вся въ бѣломъ, въ бѣломъ шарфѣ, въ бѣлой шерстяной накидкѣ, въ бѣлыхъ башмакахъ. Проходя мимо Жана, она наклонилась къ нему и едва коснулась губами его лба, полуоткрывъ свой усталый ротикъ:

— Покойнись вочи, милый братъ! — И, поднимая юбку мягкимъ колеблющимся движеніемъ, съ глазами, уже смыкающимися отъ сна, она поднялась по ступенямъ и исчезла въ передней.

— Добрый вечеръ, другъ мой, — сказалъ повелительный мужской голосъ; — ты ждалъ насъ; напрасно... Иди-же скорѣе, Мошика. Лошади очень разгорячены... Августъ, вы дадите имъ завтра двѣнадцать литровъ и сведете ихъ въ кузницу... Ты бы лучше сдѣлалъ, Жанъ, если-бъ поѣхалъ съ нами. Было очень интересно. Г. фонъ-Вотеръ два раза спрашивалъ о тебѣ.

Человѣкъ, говорившій такъ со всѣми сразу, успѣлъ уже выйти изъ экипажа, пожать руку Жана, повернуться въ сторону г-жи Оберле, сидящей еще въ глубинѣ кареты, подняться на крыльцо и окинуть взглядомъ зватока двухъ черныхъ породистыхъ, совсѣмъ замыленныхъ лошадей. Сѣдые бакенбарды, окаймлявшіе его солидное полное лицо, растегнутое лѣтнее пальто, жилетъ, крахмальная рубашка, на которой блестяло три рейнскіе камушка, рука съ жестомъ оратора—все это было видно, впрочемъ, лишь одно мгновенье. Высказавъ свое мѣненіе и приказанія, Жозефъ Оберле, какъ бдительный хозяинъ, никогда ничего не забывавшій, быстро поднялъ свой двойной подбородокъ и сталъ пристально всматриваться за ограду, гдѣ лежали грудями срубленныхъ деревьевъ. Убѣдившись, что ни откуда не угрожаетъ пожаръ, и никто не бродитъ вокругъ лѣсопильнаго завода, онъ живо черезъ двѣ ступеньки поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ домъ. Сынъ ничего ему не отвѣтилъ. Онъ помогъ г-жѣ Оберле выйти изъ кареты, взялъ отъ нея вѣрвь и перчатки: „Вы не очень устали, моя милая мама?“ Дорогие глаза улыбнулись ему, тожкія губы ея довольно большого, но изящно очерченнаго рта открылись, чтобы сказать: „Не очень, но эти выѣзды уже не для моихъ лѣтъ, мой дорогой. У тебя старая мать“. Она опиралась на руку сына, скорѣй изъ материнской гордости, чѣмъ отъ усталости; ея улыбка была безконечно грустна, и, казалось, она спраши-

вала у Жана, взглядывая на него на каждой ступенькѣ: „Ты простишь меня за то, что я была тамъ? Я не могла поступить иначе. Я страдала“. На ней было черное атласное платье; въ еще черныхъ волосахъ ея блестяли брилліанты, на шеѣ было боа чернубурой лисицы. Жанъ находилъ, что она похожа на королеву въ несчастіѣ; онъ любовался изящной походкой и красивой посадкой головы этой эльзаски стариннаго рода и съ гордостью чувствовалъ себя ея сыномъ. Онъ шелъ съ ней вѣдь руку, прижимаясь къ ней и оставившая ее почти на каждой ступени.

— Мама, я провелъ чудный вечеръ... Онъ былъ бы восхитительный, если-бъ и вы были тутъ... Представьте себѣ, что дядя Ульрихъ пришелъ въ половинѣ девятаго и ушелъ только что, въ полночь...

Длиныя тонкія губы г-жи Оберлэ улыбнулись меланхолично, и она сказала:

— Онъ никогда не остается такъ долго для насъ. Онъ уходитъ отъ насъ...

— Вы хотите сказать, что онъ уходилъ. Я верну его вамъ.

— Ахъ, молодость, молодость, если бы ты видѣла, какъ я, все то, что уходитъ...

Она остановилась въ свою очередь, посмотрѣла на сына, на котораго не успѣла еще наглядѣться за день, улыбнулась веселѣе.

— Ты любишь его, моего брата?

— Еще безконечно больше, чѣмъ раньше. Я какъ-будто только теперь понялъ его.

— Ты былъ слишкомъ молодъ прежде.

— Мы столько болтали, можете себѣ только представить! Мы съ нимъ согласны во всемъ.

Въ полутьмѣ лѣстницы нѣжныя материнскіе глаза вглядывались въ глаза сына.

— Во всемъ?—спросила она.

— Да, мама, во всемъ.

Они дошли до послѣдней ступени. Она приложила палецъ къ губамъ, вынула свою руку изъ руки сына. Они стояли передъ дверью ея комнаты, напротивъ комнаты Филиппа Оберлэ. Жанъ поцѣловалъ ее, отступилъ немного, опять подошелъ къ ней и еще разъ прижалъ ее молча къ своей груди.

Потомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вглубь коридора и еще разъ посмотрѣлъ на эту женщину, всю въ черномъ, къ которой такъ естественно шелъ трауръ, — такую

простую, съ блѣдными опущенными руками, съ такими твердыми чертами лица и съ такимъ нѣжнымъ взглядомъ.

Онъ прошепталъ весело:

— Св. Моника Оберле, помолитесь о насъ.

Казалось, она не разслышала. Но она продолжала стоять, опустивъ руку на ручку двери, пока Жанъ, медленно подвигавшійся вглубь темнаго коридора лицомъ къ ней, могъ еще ее видѣть.

Онъ вошелъ къ себѣ въ комнату съ радостнымъ сердцемъ, полный мыслей, пришедшихъ ему на умъ за этотъ вечеръ и теперь всплывающихъ передъ нимъ среди ночной тишины. Чувствуя, что онъ сейчасъ не заснетъ, онъ открылъ окно. Холодный вѣтеръ, дувшій съ сѣверо-востока, стихалъ. Туманъ разсѣялся. Изъ окна его комнаты за широкой поднимающейся вверхъ полосой воздѣланныхъ полей видѣлся лѣсъ, по которому всю ночь перебѣгали тѣни, до самой вершины горъ; а надъ ними поднималась мѣстами остроконечная верхушка сосны и, разрывая плавную линію очертанія горы, казалась, уходила подъ самыя звѣзды. Жанъ старался угадать мѣсто, гдѣ стоитъ домъ дяди Ульриха. Передъ нимъ опять всталъ обрѣзъ дяди, — какъ вдругъ раздалось пѣніе на опушкѣ лѣса. Дрожь удовольствія прошла по нервамъ молодого человѣка, страстнаго музыканта. Голоса были прекрасныя, молодые, вѣрные. Ихъ было, навѣрное, болѣе двадцати вмѣстѣ, можетъ быть, тридцать или пятьдесятъ. Онъ не могъ разобрать словъ издалека. Ихъ пѣсня звучала среди ночи, какъ органъ, и горделивый темпъ ея далеко разносился вѣтромъ по Эльзасу. Потомъ три слова отчетливо дошли до слуха Жана. Онъ пожалъ плечами, разсердившись на себя за то, что не понялъ сразу этого пѣнія: это былъ хоръ возвращающихся съ маневровъ нѣмецкихъ солдатъ, тѣхъ рейнскихъ гусаръ, съ которыми встрѣтился, спускаясь съ горы Ульрихъ Билеръ. Они пѣли по своему обыкновенію, потому что хотѣли разогнать сонъ, и потому, что въ пѣснѣ ихъ восхвалялось заветное слово: родина. Топотъ копытъ казался неяснымъ аккомпаниментомъ цымбалъ подъ эту мелодію. Слова такъ и шеслись, такъ и дрожали въ воздухѣ:

Stimmt an mit hellem hohem Klang,
Stimmt an das Lied der Lieder,
Des Vaterlandes Hochgesang,
Das Waldthal hall es wieder...
Пойте яснымъ громкимъ голосомъ,
Пойте пѣсню изъ пѣсенъ,

Чтобы эхо долины повторило
 Великую пѣсню въ честь родины!
 Это тебѣ, родина старыхъ бардовъ,
 Тебѣ, родина чести,
 Тебѣ, свободная, непобѣдимая страна
 Мы себя вновь посвящаемъ...

Жанъ Оберлэ хотѣлъ бы остановить эту пѣсню. Сколько разъ, однако, онъ слышалъ, какъ ее пѣли солдаты во всѣхъ провинціяхъ Германіи? Почему-же ему было такъ грустно слышать ее теперь? Почему слова ея мучительно проникали ему въ душу, хоть онъ ихъ давно зналъ и могъ сказать наизусть? Они смолкли въ двухстахъ метрахъ отъ мѣстечка. Только топотъ копытъ все приближался и несся надъ Альсхеймомъ.

Жанъ Оберлэ наклонился, чтобы видѣть, какъ солдаты пройдутъ по улицѣ. Онъ могъ ихъ видѣть черезъ широкое отверстіе, пробитое въ оградѣ парка и задѣланное рѣшеткой. Они казались неясной движущейся массой въ коричневой пыли, которую вѣтеръ относилъ назадъ и пригибалъ къ землѣ, какъ ости ржи къ колобу. Нельзя было различить ни людей, ни лошадей. Жанъ думалъ съ внутренней, все возрастающей грустью: „Какъ ихъ много!“ Въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ они вызвали въ умѣ представленіе о силѣ, но безъ немедленнаго ея примѣненія. Тамъ не было видно врага. Они были силой, служившей къ возвеличенію Германской имперіи. Жанъ Оберлэ любовался даже много разъ блестящими рядами полковъ и страшнымъ могуществомъ человѣка, командующаго столькими людьми. Но здѣсь, на границѣ, на землѣ, гдѣ еще не была смыта кровь послѣдней войны,—здѣсь были воспоминанія, слишкомъ ясно указывающія, кому угрожали эти солдаты, и противъ кого они хотѣли идти. Видъ ихъ и шумъ, который они производили, заставляли думать о недавней рѣзвѣ, о смерти, объ ужасномъ, все еще не снятомъ траурѣ. Они проходили среди домовъ деревни. Шумъ эскадрона, людей, животныхъ ударялъ въ окна. Казалось, всѣ спали въ домахъ. Ни солдаты, ни начальники ихъ ничего не замѣтили. Но не въ одномъ домѣ мать проснулась и выпрямилась, вся дрожа, въ своей постели; не одинъ мужчина сжалъ кулаки и проклялъ своихъ побѣдителей. Одинъ Богъ видѣлъ эту драму. Они проѣхали. Когда тѣнь отъ послѣдняго эскадрона исчезла съ дороги, Жану Оберлэ показалось, что въ опускающейся на землю пыли, между двумя столбами рѣшетки стоитъ всадникъ, повернувшись лицомъ къ ихъ дому. Отказывалась-ли его лошадь

итти впередъ? Нѣтъ. Она стояла спокойно. Это былъ офицеръ. На груди его блеснуло что-то золотое, нашитое въ нѣсколько рядовъ. Онъ не двигался, ловко сидя въ сѣдлѣ, высокой, конечно, молодой, и смотрѣлъ впередъ. Это продолжалось минуту. Потомъ онъ опустил саблю, которую держалъ въ рукѣ, и, поклонившись, пришпорилъ коня и поскакалъ дальше. Эта сцена пронеслась такъ быстро, что Жанъ могъ думать, все это—лишь игра его воображенія, но галопъ лошади, догоняющей полкъ, ясно раздавался по деревнѣ.

— Какая-нибудь шутка въ тевтонскомъ вкусѣ, подумалъ онъ; у этого офицера, должно быть, своя манера показать, что ему нравится нашъ домъ. Покорнѣйше его благодарю.

Полкъ уже вышелъ изъ деревни и исчезалъ въ широкой равнинѣ. Сонъ вернулся въ дома. Вѣтеръ дулъ по направленію къ зеленымъ Вогезамъ. Вдали уже, съ другой стороны, неслось опять, какъ религіозный гимнъ, пѣніе нѣмецкихъ солдатъ, воспѣвавшихъ по дорогѣ въ Страсбургъ свою нѣмецкую родину.

II. Экзамень.

На другой день было уже довольно поздно, когда Жанъ Оберле сошелъ внизъ изъ своей комнаты и показался на крыльцѣ, построенномъ изъ краснаго Саверискаго камня, какъ и весь домъ; двѣ лѣстницы широкими ступенями спустились съ крыльца въ паркъ. На Жанѣ былъ его любимый охотничій костюмъ, который онъ надѣвалъ для прогулокъ; черныя ботфорты, синіе шерстяные брюки и куртка и на головѣ мягкая фетровая шляпа, къ лентѣ которой онъ приколотъ перышко тетерева.

— Гдѣ отецъ?

Садовникъ, стригшій лужайку, отвѣтилъ ему:

— Баринъ въ конторѣ лѣсопильни.

Жанъ Оберле поднялъ глаза, и первое, что онъ увидѣлъ, были Вогезы, одѣтые въ сосновые лѣса, съ полосами снѣга въ оврагахъ и низкими быстрыми облаками, закрывающими ихъ верхушки. Онъ залюбовался ими. Потомъ онъ перевелъ глаза на послѣдніе склоны горъ, на виноградники, луга, какъ бы для того, чтобы восстановить въ своей памяти всѣ подробности этой мѣстности, куда онъ возвращался послѣ долгаго отсутствія, и возвращался, чтобы ужъ никогда больше ее не покинуть;—онъ остановилъ взглядъ на красной крышѣ и на трубахъ лѣсопильни. Направо, около ручья Альсхейма, возвышалось строеніе, гдѣ стояли турбины, а ближе къ нему на лѣсномъ дворѣ пріютился заводъ, и лежали кучи всевоз-

можныхъ деревьевъ, бревна, доски, обломки, возвышающіеся огромными пирамидами и кубами надъ аллеями и деревьями парка въ двухстахъ шагахъ отъ дома. Бѣлый паръ вырывался въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ крыши лѣсопильни, и, какъ тѣ облака въ вышинѣ, опускался къ землѣ.

Молодой человѣкъ взялъ влѣво, прошелъ паркъ, когда то развитый по плану Филиппа Оберле, и начинающій теперь разрастаться свободнѣе и красивѣе, и, повернувъ мимо лежавшихъ кучами дубовъ, ивъ и сосенъ, постучалъ въ крайнюю дверь длиннаго строенія.

Онъ вошелъ въ стеклянный павильонъ, служившій отцу рабочимъ кабинетомъ. Тотъ читалъ письма, полученные съ утренней почтой. Увидя сына, онъ сейчасъ-же положилъ бумаги на столъ и сдѣлалъ жестъ, какъ бы говоря: „Я ждалъ тебя, садись“, и подвинулъ свое кресло въ сторону сына:

— Ну, мой милый, что ты мнѣ скажешь?

Жозефъ Оберле былъ самгвиническій, подвижной и властный человѣкъ. Своими бритыми губами, короткими бакенбардами, всегда изысканно корректнымъ костюмомъ, свободнымъ жестомъ и разговоромъ онъ походилъ, по мнѣнію многихъ, на типъ „старого французскаго судьи“. Но онъ не былъ судьей, и въ этомъ была ошибка судьбы, столкнувшей его противъ воли съ дороги, по которой онъ, было, и пошелъ, и которая должна была привести его рано или поздно къ значительному посту по судебному или другому вѣдомству. Его отецъ и родоначальникъ ихъ семьи, Филиппъ Оберле, вышедшій изъ крестьянской землевладѣльческой семьи, основалъ въ 1850 году механическую лѣсопильню въ Альсгеймѣ; она въ скоромъ времени стала процвѣтать. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже былъ богачомъ и пользовался большимъ авторитетомъ и любовью среди эльзасцевъ, потому что не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы добиться этой любви, и не подозрѣвая, что черезъ нѣсколько лѣтъ ему придется воспользоваться своимъ вліяніемъ на служеніе Эльзасу.

Сынъ его Жозефъ не избѣжалъ честолюбивой мечты, общей всему молодому поколѣнію во время Второй Имперіи: сдѣлать чиновничью карьеру. Его подготовило къ этому воспитаніе. Съ раннихъ лѣтъ удаленный изъ Эльзаса, онъ учился восемь лѣтъ въ лицей Людовика Великаго, потомъ былъ студентомъ на юридическомъ факультетѣ и въ двадцать два года былъ прикомандированъ къ префекту Шарантье; въ это время разразилась война. Задержанный въ продолженіе

нѣсколькихъ мѣсяцевъ начальникомъ, который, думая угодить своему другу, крупному эльзасскому коммерсанту, прятать его сына за стѣнами префектуры Ангулема,—онъ, наконецъ, поступилъ, по своей просьбѣ, въ армию на Луарѣ, гдѣ ему пришлось дѣлать громадныя переходы, много отступать, очень страдать отъ холода и, хотя изрѣдка, но храбро драться. Когда война кончилась, онъ долженъ былъ рѣшить свою судьбу.

Если-бы онъ слѣдовалъ только личному вкусу, то остался-бы французомъ и продолжалъ свою карьеру чиновника, потому что любилъ власть и мало разсуждалъ о тѣхъ приказаніяхъ, которыя получалъ свыше и долженъ былъ передавать другимъ. Но отецъ звалъ его въ Эльзасъ. Онъ умолялъ его не бросать начатаго имъ и удачно развивающагося дѣла. Онъ говорилъ: „Мой заводъ сталъ нѣмецкимъ, благодаря ихъ завоеванію. Я не могу допустить, чтобъ погибъ единственный источникъ моего благосостоянія и всего твоего будущаго. Я ненавижу нѣмцевъ, но выбираю единственный путь, чтобъ съ пользой продолжать свою жизнь: я былъ французомъ,—теперь буду эльзасцемъ. Сдѣлай такъ-же. Я надѣюсь, что это не надолго“.

Жозефъ Оберле послушался отца съ истиннымъ отвращеніемъ въ душѣ, отвращеніемъ къ необходимости подчиняться закону побѣдителей, къ этой глухой жизни въ деревнѣ Альсхеймъ, затерявшейся у подножія Вогезъ. Онъ даже сдѣлалъ за это время много неосторожностей и на словахъ, и на дѣлѣ, и жалѣлъ о нихъ теперь, потому что завоеваніе Эльзаса оставалось въ прежней силѣ, могущество Германіи еще увеличилось, и молодой человекъ, вступившій въ товарищество къ отцу и ставшій во главѣ завода, чувствовалъ, какъ ихъ затягиваетъ петля администраціи, подобной французской, но болѣе придирчивой, суровой, умѣющей заставлять себя слушать. Онъ видѣлъ вездѣ вокругъ себя, что всѣ нѣмцы, безъ исключенія, готовы притѣснять его: и жандармы, и судьи, и чиновники, и служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ, съ которыми ему приходилось ежедневно имѣть дѣло, въ управленіи желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей, въ лѣсномъ вѣдомствѣ, въ таможенѣ. Недоброжелательство, которое онъ встрѣчалъ вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ нѣмецкой администраціи, несмотря на то, что онъ самъ теперь сталъ нѣмецкимъ подданнымъ, еще усилилось и сталъ прямо угрожать всему дому Оберле, когда въ 1874 г. Филиппъ Оберле, оставивъ на рукахъ сына управленіе лѣсопильнымъ заводомъ, уступилъ настояніямъ своей несча-

стной брошенной родины и сдѣлался представителемъ ея интересовъ въ Рейхстагъ и однимъ изъ оппозиціонныхъ депутатовъ Эльзаса.

Жозефъ Оберле усталъ бороться и ждать лучшаго; отецъ его былъ далеко, такъ какъ проводилъ часть зимы въ Берлинѣ,—и горькій опытъ мало-по-малу измѣнилъ взгляды молодого лѣсопромышленника. Жажда борьбы за себя и за другихъ все уменьшалась въ немъ. Онъ видѣлъ, что анти-германскія демонстраціи становятся все рѣже и осторожнѣе среди эльзасскихъ крестьянъ. Онъ почти не вель дѣлать съ Франціей; не принималъ у себя больше французовъ, даже нужныхъ для него, даже—купцовъ. Франція, такая близкая по разстоянію, сдѣлалась далекой страной,—между ней и Эльзасомъ выросла стѣна, сквозь которую ничто не проходило, ни путешественники, ни товары. И въ газетахъ тоже онъ видѣлъ, что хозяева Франціи бросили Эльзасъ на произволь судьбы подъ предлогомъ благоразумія и политической выдержки.

Черезъ десять лѣтъ въ Жозефѣ Оберле истощился совершенно безслѣдно весь запасъ протеста противъ установившагося правительства. Онъ примирился. Его бракъ съ Моникой Билеръ, заключенный по желанію стараго страстнаго патріота, голосовавшаго въ Рейхстагѣ противъ кн. Бисмарка, ничего не измѣнилъ въ новомъ образѣ мыслей Жозефа Оберле, образѣ мыслей, сперва тайномъ, потомъ заподозрѣнномъ другими, потомъ извѣстномъ другимъ, потомъ извѣстнымъ для всѣхъ и, наконецъ, возмутительно афишированнымъ имъ самимъ. Онъ сталъ давать нѣмцамъ всевозможныя льготы, онъ не зналъ мѣры. Это была даже болѣе, чѣмъ покорность нѣмецкому правительству. Помощники мастеровъ на заводѣ, старые французскіе солдаты, поклонники Филиппа Оберле и товарищи его въ борьбѣ противъ германизаціи Эльзаса, съ трудомъ переносили новое настроеніе своего хозяина и бранили его. Одинъ изъ нихъ разъ вышелъ изъ себя и сказалъ ему: „Вы думаете, велика честь работать на такого ренегата, какъ вы?“ Ему отказали отъ мѣста. Сейчасъ-же всѣ товарищи стали на его сторону, хлопотали, переговаривались, угрожали стачкой. „Ну и устраивайте вашу стачку, воскликнулъ хозяинъ; я буду въ восторгѣ; вы—немадежныя головы,—я замѣню васъ нѣмцами“. Они не повѣрили его угрозѣ, но онъ выполнилъ ее черезъ нѣкоторое время въ новую критическую минуту; онъ не хотѣлъ казаться слабымъ и боялся этого больше, чѣмъ быть несправедливымъ; онъ рассчитывалъ выиграть отъ замѣны легко.

забастовывающихъ эльзасцевъ болѣе дисциплинированными и уживчивыми нѣмцами изъ Бадена и Вюртемберга. Такимъ образомъ обновилась треть всѣхъ рабочихъ завода.

Маленькая нѣмецкая колонія поселилась на сѣверѣ Альсхайма въ домахъ, построенныхъ хозяиномъ, и оставшіеся на заводѣ эльзасцы должны были смириться передъ роковымъ вопросомъ о насущномъ хлѣбѣ. Это произошло въ 1882 г. Черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ узнали, что г. Оберле отсылаетъ сына изъ Эльзаса и помѣщаетъ его въ Баваріи въ Мюнхенскую гимназію. Онъ удалилъ также и свою дочь Люсьенну и поручилъ ее начальницѣ самаго чистокровнаго нѣмецкаго пансіона въ Баденъ-Баденѣ, пансіона Мюнднеръ. Общественное мнѣніе особенно возмущалось этими послѣдними мѣрами. Оно возмущалось его недовѣріемъ къ воспитанію и вліянію Эльзаса. Оно жалѣло г-жу Оберле, разлученную съ сыномъ и лишенную даже права воспитывать свою дочь, какъ будто она не была этого достойна. Отецъ возражалъ тѣмъ, кто порицалъ его: „Это для ихъ-же пользы. Я испортилъ свою жизнь. Я не хочу, чтобы и они испортили свою. Они выберутъ себѣ дорогу позже, когда сами сдѣлаютъ сравненіе. Но я не хочу, чтобы они противъ своей воли были сразу зачислены, обозначены и офиціально занесены въ списокъ эльзасскихъ паріевъ“. Онъ прибавлялъ иногда: „Развѣ вы не понимаете, что я хочу избавить своихъ дѣтей отъ тѣхъ жертвъ, которыя самъ приношу. Я жертвую собою. Не это не значитъ, что я не страдаю“.

Онъ дѣйствительно страдалъ и тѣмъ сильнѣе, что такъ безконечно трудно было добиться довѣрія у нѣмецкаго правительства. Награда за столько усилій съ его стороны не была завидна. Чиновники, правда, начинали заискивать въ немъ и приглашать его къ себѣ; но это было для нихъ самихъ важной побѣдой въ Эльзасѣ, которой они и гордились передъ своимъ начальствомъ. Жозефъ Оберле чувствовалъ, что за нимъ зорко слѣдятъ, осыпая его въ то-же время предупредительностью и приглашеніями. Онъ видѣлъ въ нихъ жерѣшительность, почти незамаскированное недовѣріе, другой разъ даже рѣзко высказываемое ему прямо въ глаза. Можно ли вполнѣ довѣрять ему? Не безъ задней-ли мысли онъ перешелъ на сторону нѣмцевъ? Достаточно-ли онъ преклоняется передъ нѣмецкимъ гениемъ, нѣмецкой горгою, передъ будущію Германіи? Надо было такъ низко преклоняться, и передъ столькими вещами!

Но отвѣтъ на всѣ эти вопросы становился для него все благопріятнѣе. Этому помогло его открытое желаніе опредѣ-

лить своего сына, Жана, на нѣмецкую службу и систематическое изгнаніе его изъ Эльзаса, которому онъ подвергалъ молодого человѣка. Когда тотъ кончилъ курсъ въ классической гимназійи и съ успѣхомъ выдержалъ выпускной экзаменъ въ 1895 г., онъ отправилъ его въ Мюнхенскій университетъ на юридическій факультетъ; на второмъ курсѣ Жанъ слушалъ лекціи въ Боннѣ и Гейдельбергѣ и кончилъ курсъ въ Берлинѣ, гдѣ и держалъ свой экзаменъ на доктора правъ. Наконецъ, послѣ года занятій у адвоката и послѣ длиннаго путешествія за-границей, молодой человѣкъ возвратился домой, чтобы отдохнуть и потомъ поступить на годъ на военную службу. Правда, отецъ выдержалъ до конца свою систему. Въ первые студенческіе годы даже во время каникулъ Жанъ все свободное время употреблялъ на путешествія, не считая нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ семьѣ. Послѣдніе же годы онъ совсѣмъ не показывался въ Альсгеймѣ.

Правительство уже не сомнѣвалось въ Жозефѣ Оберлэ. Впрочемъ, главное препятствіе къ открытому сближенію его съ эльзасскими чиновниками уже не существовало. Старый депутатъ оппозиціи, захваченный болѣзнію, съ тѣхъ поръ не покидавшей его, сошелъ въ 1890 г. съ политической арены. Съ этого года на сына его посыпались улыбки, обѣщанія и милости. Жозефъ Оберлэ видѣлъ какъ расширились его дѣла въ прирейнскихъ провинціяхъ и даже и по ту сторону Рейна, насколько рѣже стали составлять протоколы противъ него и его служащихъ при малѣйшемъ нарушеніи закона, — видѣлъ предупредительность мелкихъ чиновниковъ, прежде наиболѣе дерзкихъ, — легкость, съ которой онъ добивался рѣшенія спорныхъ вопросовъ въ судѣ, получалъ разрѣшенія, обходилъ законъ во многихъ пунктахъ, и всѣ эти признаки и еще много другихъ показывали ему, что духъ нѣмецкаго правительства, которымъ были проникнуты чиновники на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, не былъ болѣе ему враждебенъ. Ему давали и положительныя обѣщанія. Въ то время, какъ хорошенькая, умная, привлекательная Люсьенна, вышедшая изъ пансіона Мюдмеръ, танцевала въ нѣмецкихъ гостиницахъ Страсбурга, отецъ ея говорилъ съ представителями имперіи. Одинъ изъ нихъ, префектъ Страсбурга, графъ фонъ-Кассевитцъ, дѣйствуя, вѣроятно по указаніямъ свѣше, далъ понять Жозефу Оберлэ, что правительство не будетъ недовольно, если увидитъ его депутатомъ одного изъ округовъ Эльзаса, и не откажетъ въ

своей поддержкѣ сыну бывшаго депутата оппозиціонной партіи.

Это обѣщаніе преисполнило радостью Жозефа Оберле. Въ немъ проснулось честолюбіе; прежде ему такъ скупно платили за то, что онъ жертвовалъ своимъ самолюбіемъ, дружбой, воспоминаніями. Это обѣщаніе придало ему новыя силы; оно дало ясную цѣль этому прирожденному человѣку власти, честолюбію котораго обстоятельство не давали прежде хода. Г. Оберле видѣлъ въ этомъ обѣщаніи свое оправданіе, хоть и не рѣшался самъ себѣ въ этомъ признаться. Онъ говорилъ себѣ, что только благодаря своему терпѣнію, прерѣнію къ утопіямъ, и такту,—онъ могъ надѣяться теперь на будущность для себя самого, на участіе въ общественной жизни,—роль, которую онъ предназначалъ прежде только для сына. Это будетъ отвѣтомъ на всѣ сомнѣнія его совѣсти; этимъ онъ оплатитъ всѣмъ тѣмъ крестьянамъ, которые наносили ему молчаливое оскорбленіе, забывая узнавать его при встрѣчѣ,—всѣмъ тѣмъ жителямъ Страсбурга или Альсхайма, которые едва ему кланялись или и совсѣмъ не кланялись.

Итакъ, онъ собирался встрѣтить сына иначе, чѣмъ онъ это бы сдѣлалъ раньше. Теперь, когда онъ былъ увѣренъ въ благосклонности правительства Эльзасъ-Лотарингіи лично къ себѣ, онъ уже не настаивалъ на томъ, чтобы сынъ буквально исполнилъ предназначенный для него образъ дѣйствій. Жанъ уже сослужилъ свою службу отцу, какъ теперь ее ему служила Люсьенна. И теперь его участіе въ планахъ отца было не бесполезно, но уже не было необходимо, и отецъ, предупрежденный нѣкоторыми намеками и недомолвками въ письмахъ сына изъ Берлина, не чувствовалъ уже того гнѣва при мысли, что сынъ не пойдетъ по дорогѣ, такъ старательно для него приготовленной, не поступитъ на службу по судебному вѣдомству, и его занятія у адвоката, и его экзаменъ пропадутъ даромъ.

Вотъ, что думалъ этотъ узкій убѣжденный эгоистъ, въ то время, какъ поджидалъ сына. Онъ увидѣлъ Жана, когда тотъ подходилъ къ его кабинету черезъ паркъ. Г. Оберле выстроилъ себѣ въ конторѣ лѣсопильнаго завода родъ клѣтки или наблюдательнаго пункта на кораблѣ, откуда могъ видѣть сразу все, что происходило вокругъ. Одно окно выходило на лѣсной дворъ и позволяло ему наблюдать за рабочими, занятыми нагрузкой или переноской дровъ; изъ другого окна, состоявшаго изъ двойной стеклянной рамы, видны были конторщики, сидящіе вдоль стѣны въ комнатахъ въ родѣ

кабинета хозяина, и изъ третьяго или, вѣрнѣе, черезъ стеклянную стѣну, отдѣлявшую кабинетъ отъ мастерской, онъ видѣлъ всю громадную залу, гдѣ всевозможныя машины, вращающіяся на ремняхъ пилы, зубчатая, буравчатая, строгающія колеса пилили, рубили, полировали стволы деревьевъ, которые къ нимъ подвозили въ тачкахъ. Въ самомъ-же кабинетѣ все указывало на любовь хозяина къ свѣтлымъ цвѣтамъ, всякимъ усовершенствованіямъ, новымъ изобрѣтеніямъ, хрупкимъ на видъ предметамъ: низкіе, выкрашенные въ водянистый зеленый цвѣтъ пуштры, электрическія лампочки въ видѣ фіалокъ,—на мѣдной доскѣ надъ столомъ расположенныя рядами кнопки звонковъ, телефоновъ, въ углу пишущая машина и вездѣ легкіе сѣдые стулья.

Увидя сына, онъ повернулся къ окну, выходящему въ паркъ. Скрестивъ ноги и опустивъ правый локоть на письменный столъ, онъ съ любопытствомъ разсматривалъ этого высокаго и красиваго стройнаго молодого человѣка, своего сына, садившагося около него,—и улыбался. Если бы кто-нибудь увидѣлъ, какъ онъ облокотился на спинку стула и улыбнулся своей чувственной дерзкой улыбкой,—увидѣлъ его полное, обрамленное сѣдыми бакенбардами лицо и этотъ жестъ руки, дотрагивающейся до лица и играющей шнуркомъ ринсе-пез,—то сейчасъ-бы понялъ, какъ ошибались всѣ тѣ, кто принималъ Жозефа Оберле за типъ судьи. Глаза его, немного прищуренныя отъ яркаго свѣта, были слишкомъ живы и жестки и выдавали въ немъ ловкаго дѣльца. Они противорѣчили его машинальной улыбкѣ. Въ нихъ не было никакого интереса ни къ наукѣ, ни къ обществу, ни къ дѣтямъ: они просто—какъ лоцманъ на кораблѣ—выискивали себѣ дорогу, по которой было-бы удобнѣе пройти. Онъ не успѣлъ спросить сына: „Что ты мнѣ скажешь?“ какъ сейчасъ же прибавилъ:

— Ты говорилъ сегодня съ матерью?

— Нѣтъ.

— Съ Люсьенной?

— Тоже нѣтъ. Я только что вышелъ изъ своей комнаты.

— Это и лучше. Лучше, если мы вдвоемъ (безъ помѣхи поговоримъ о нашихъ планахъ. Я позволилъ тебѣ вернуться сюда и пожить здѣсь именно для того, чтобы мы могли поговорить о твоемъ будущемъ. Во-первыхъ, ты въ октябрѣ поступаешь въ солдаты, съ твердымъ намѣреніемъ, не правда ли?—онъ подчеркнулъ эти слова,—выйти офицеромъ въ запасъ?..

Жанъ, неподвижный, выпрямился на стулѣ и, смотря

отцу прямо въ глаза, отвѣтилъ ему съ тою милою серьезностью, съ какою молодые люди говорятъ о своемъ будущемъ, и стараясь вложить въ свой отвѣтъ не совсѣмъ свойственную ему сдержанность и точность:

— Да, отецъ, это мое намѣреніе.

— Итакъ, первый пунктъ рѣшенъ. А потомъ? Ты видѣлъ свѣтъ. Ты знаешь народъ, среди котораго призванъ жить!— Знаешь-ли ты, что твои шансы поступить на службу въ Германію значительно повысились, потому что мое личное положеніе въ Эльзасѣ стало лучше?

— Я это знаю.

— Ты знаешь также, что я никогда не измѣнялъ своему желанію, чтобы ты пошелъ по судебному вѣдомству: это была бы и моя карьера, если бы обстоятельства не оказались сильнѣе моей воли.

И какъ будто одно это слово вдругъ подняло все властолюбіе этого человѣка, глаза г. Оберлэ пристально, повелительно, какъ цѣпкіе когти, впились въ лицо сына; онъ пересталъ играть своимъ ринсе-нез и сказалъ быстро:

— Въ твоихъ послѣднихъ письмахъ чувствовалось какое-то колебаніе. Отвѣчай мнѣ. Ты хочешь быть судьей?

Жанъ Оберлэ поблѣднѣлъ немного и отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Отецъ наклонился впередъ, какъ будто хотѣлъ встать, и, не спуская глазъ съ сына, вавѣшивая про себя его нравственную силу, спросилъ:

— Чиновникомъ?

— Тоже нѣтъ. Ничего officialнаго.

— Такъ что твое юридическое образованіе...

— Безполезно.

— Потому что...

— Потому что мнѣ не по душѣ духъ нѣмцевъ,—сказалъ молодой человѣкъ, стараясь сдержать свой голосъ.

Г. Оберлэ не ожидалъ этого отвѣта. Это было полное отреченіе. Онъ вадрогнулъ и инстинктивно оглянулся въ мастерскую, чтобы видѣть, не слышалъ-ли кто этихъ словъ. Онъ встрѣтился глазами съ нѣсколькими рабочими, которые, думая, что хозяинъ наблюдаетъ за ихъ работой, сейчасъ же отвернулись. Г. Оберлэ повернулся къ сыну. Имъ овладѣло бѣшенство. Но онъ понималъ, что долженъ сдерживать себя. Боясь, что его выдаетъ дрожь въ рукахъ, онъ крѣпко стиснулъ ручки кресла и, наклонясь впередъ, какъ и прежде, вглядывался въ сына, въ его позу, въ его костюмъ и выраженіе лица; онъ, казалось, изучалъ этого молодого

человѣка, который такъ рѣшительно высказалъ свои убѣжденія, что это очень походило на осужденіе всего поведенія отца. Послѣ минуты молчанія онъ сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Кто вооружилъ тебя противъ меня? Твоя мать?

— Да никто!—воскликнулъ съ живостью Жанъ Оберлэ.— Я ничего не имѣю противъ васъ, ничего. Почему вы такъ понимаете мои слова? Я просто говорю, что мнѣ не по душѣ духъ нѣмцевъ. Это результатъ долгаго сравненія и только.

Жозефъ Оберлэ понялъ, что слишкомъ выдалъ себя. Онъ сдержался и принялъ то холодное, проническое выраженіе лица, подѣ которымъ всегда пряталъ свои настоящія чувства.

— Такъ если ты отказываешься отъ этой 'карьеры, ты выбралъ, значитъ, другую?

— Да, конечно, съ вашего позволенія.

— Какую?

— Вашу. Не заблуждайтесь насчетъ того, что я вамъ только что сказалъ. Я десять лѣтъ мирно прожилъ исключительно среди нѣмцевъ. Я знаю, чего мнѣ это стоило. Вы спрашиваете меня, что я вынесъ изъ личнаго опыта: ну, такъ я скажу вамъ, что у меня недостаточно покладистый, недостаточно счастливый, если хотите, характеръ, чтобы продолжать жить съ ними и стать нѣмецкимъ чиновникомъ. Я увѣренъ, что мнѣ пришлось бы часто не понимать ихъ и поступать противъ ихъ воли. Мое рѣшеніе непоколебимо. И, наоборотъ, ваше дѣло мнѣ нравится.

— Ты думаешь, что коммерсантъ здѣсь независимъ?

— Нѣтъ. Но онъ независимѣ другихъ. Я учился въ университетѣ, чтобы не отказаться необдуманно отъ дороги, предназначенной мнѣ вами. Но я воспользовался своими путешествіями, которыя совершалъ ежегодно... по вашему... предложенію...

— По моему приказанію, хочешь ты сказать. Это правда, и я объясню тебѣ свои причины.

— Я воспользовался ими, чтобы изучить лѣсопромышленность вездѣ, гдѣ только могъ, въ Германіи, въ Австріи, на Кавказѣ. Я не такой новичокъ въ этихъ вопросахъ, какъ вы могли-бы думать. И я хочу жить въ Альсхеймѣ. Позвольте вы мнѣ это?

Отецъ отвѣтилъ не сразу. Онъ пробовалъ на сынѣ обычный пріемъ, который всегда пускалъ въ ходъ, когда къ нему приходили по важному дѣлу. Онъ молчалъ, когда отъ него

ждали рѣшительное слово. Если собесѣдникъ смущенно отворачивался, чтобы избѣжать его тяжелого пристального взгляда, или если онъ снова начиналъ свои объясненія, то Жозефъ Оберле отбросилъ его къ слабой, низшей породѣ людей. Жанъ выдержалъ взглядъ отца и не произнесъ ни слова.

Г. Оберле былъ этому радъ въ душѣ. Онъ понималъ, что передъ нимъ совершенно сложившійся человѣкъ съ рѣшительнымъ и, вѣроятно, непоколебимымъ умомъ. Онъ иногда встрѣчалъ такихъ людей, и въ душѣ цѣнилъ независимость ихъ духа и боялся ея. Съ быстротой, свойственной его воображенію и темпераменту, онъ живо представилъ себѣ Жана во главѣ завода въ Альсхеймѣ и отца Жана, Жозефа Оберле, засѣдающимъ въ Рейхстагѣ, принятымъ у финансистовъ, сановниковъ, представителей власти въ Германіи. Онъ умѣлъ извлекать выгоду и изъ своихъ неудачъ, какъ извлекалъ ее при паденіи цѣнъ на лѣсъ. Его умилила эта новая картина. Онъ не только не вспылить, но даже пересталъ улыбаться своей иронической улыбкой. Широкимъ жестомъ руки онъ указалъ сыну на громадную мастерскую, гдѣ съ глухимъ шумомъ, отъ котораго слегка дрожали стекла, стальные ножи машинъ безостановочно вонзались въ сердце старыхъ вогезскихъ деревьевъ, и сказалъ съ добродушнымъ укоромъ въ голосъ:

— Такъ и быть, дитя мое. Это доставитъ радость моему отцу, твоей матери и Ульриху. Я согласенъ, чтобы ты въ одномъ пунктѣ былъ заодно съ ними противъ меня, но только въ одномъ пунктѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я не позволилъ-бы тебѣ отказаться отъ карьеры, которую считалъ для тебя наилучшей; она вывела бы всѣхъ насъ изъ затрудненій, тяжесть которыхъ ты не можешь теперь измѣрить. Въ то время ты не могъ бы думать только о себѣ. И кромѣ того, я находилъ, что мое дѣло еще слишкомъ непрочное и рискованное, чтобы передать его тебѣ. Теперь это измѣнилось. Наше дѣло расширилось. Жизнь стала терпимой и для меня, и для васъ всѣхъ, благодаря моимъ стараніямъ и, можетъ быть, и жертвамъ, которыя вы недостаточно цѣните. Я вижу, что у нашего завода есть теперь будущность. Ты хочешь наследовать мнѣ,—я открываю тебѣ двери сейчасъ. Ты поучишься дѣлу на практикѣ, въ продолженіе тѣхъ семи мѣсяцевъ, что тебѣ остаются до твоего поступленія въ полкъ. Да, я согласенъ, но подъ однимъ условіемъ...

— Какимъ?

— Ты не будешь заниматься политикой.

— Я и не люблю ее.

— Ахъ, извини, пожалуйста, — живо перебилъ его г. Оберлэ, — надо, что бымы ясно понимали другъ друга, не правда-ли? Я и не думаю, чтобъ ты занимался политикой ради личныхъ честолюбивыхъ плановъ; ты слишкомъ молодъ, да и не созданъ для этого. И не это я тебѣ запрещаю. Я запрещаю тебѣ играть въ эльзасскій шовинизмъ, повторять, на каждомъ шагу: „Франція! Франція!“, носить подъ жилетомъ трехцвѣтный кушакъ, подражать эльзасскимъ студентамъ изъ Страсбурга, которые при встрѣчѣ другъ съ другомъ насвистываютъ на ухо полиціи шесть нотъ изъ Марсельезы: „Становитесь въ ряды!“ Я не хочу всѣхъ этихъ глупостей, этого мелкаго бравировація и крупной опасности для тебя, мой милый! Эти манифестаціи невозможны для насъ, купцовъ, работающихъ на нѣмецкой землѣ. Онѣ противорѣчатъ нашимъ усиліямъ и нашимъ интересамъ, потому что не Франція покупаетъ у насъ. Она очень далеко, твоя Франція, другъ мой; она болѣе чѣмъ въ двухъ стахъ лье отсюда, судя, по крайней мѣрѣ, по тому, какъ мало шуму, движенія и денегъ приходитъ къ намъ оттуда. Помни это! Ты становишься по своей волѣ нѣмецкимъ коммерсантомъ: если ты повернешь нѣмцамъ спину, ты пропадешь. Думай, что хочешь, объ исторіи своей родины, о ея прошломъ, настоящемъ. Я не знаю твоихъ убѣжденій насчетъ всего этого. Я могу только угадывать, чѣмъ станутъ они въ такомъ отсталомъ обществѣ, какъ у насъ въ Альсхеймѣ. Но что бы ты ни думалъ, умѣй молчать, или устраивай свою жизнь въ другомъ мѣстѣ.

На губахъ Жама показалась улыбка, хотя]верхъ лица все оставался твердымъ и серьезнымъ.

— Вы спрашиваете себя, должно быть, что я думаю о Франціи?

— Ну?

— Я люблю ее.

— Ты ее не знаешь.

— Я внимательно читалъ ея исторію и литературу, и я сравнивалъ,—вотъ и все. Этого достаточно, чтобы отгадать многое, когда самъ по происхожденію принадлежишь къ той-же расѣ. Я не знаю ея иначе, это правда: вы приняли къ тому свои мѣры...

— Ты хорошо говоришь, хоть въ твоихъ словахъ и есть, можетъ быть, что-то оскорбительное...

— Нисколько.

— Да, я принялъ свои мѣры, чтобы освободить тебя и твою сестру отъ этого духа вражды, который съ первыхъ-же вашихъ шаговъ испортилъ-бы вамъ жизнь сдѣлалъ бы васъ недовольными, безсильными, нищими, какихъ такъ много въ Эльзасѣ, и которые не приносятъ никакой пользы ни ему, ни Франціи, ни себѣ самимъ, и только напрасно на каждомъ шагу раздражаютъ Германію. Я не жалѣю, что ты навелъ меня на объясненія о томъ воспитаніи, что я вамъ далъ, и былъ въ полномъ правѣ дать. Я хотѣлъ спасти васъ отъ тяжелаго испытанія, черезъ которое самъ прошелъ и о которомъ только что говорилъ: отъ неудачной жизни. Была и другая причина. Ахъ, я знаю, меня и въ этомъ не найдутъ правымъ. И въ собственной семьѣ я самъ себя долженъ хвалить. Дитя мое, я не даромъ воспитывался во Франціи, принадлежу къ ней по происхожденію и умѣю цѣнить ея культуру...

Онъ остановился на минуту, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвела на Жана эта фраза, и ничего не увидѣлъ: лицо Жана оставалось безстрастнымъ; это было, очевидно, человѣкъ съ желѣзной волей. Непреодолимая потребность оправдаться заставила продолжать г. Оберле.

— Ты знаешь, какъ здѣсь косо смотрятъ на французскій языкъ, мой дорогой Жанъ. Въ Баваріи ты могъ получить лучшее знаніе французской литературы и исторіи, нежели въ Страсбургѣ. Я могъ хлопотать, чтобы тебѣ давали добавочные уроки французскаго языка, и это не вредило тебѣ въ глазахъ твоихъ учителей. Въ Эльзасѣ-же или ты, или я, но мы пострадали-бы за это. Вотъ все, что руководило мною. Собственный опытъ подскажетъ тебѣ, былъ-ли я правъ. Во всякомъ случаѣ я поступалъ съ спокойною совѣстью и для твоего блага.

— Дорогой отецъ,—сказалъ Жанъ,—я не имѣю права судить васъ. Все, что я могу сказать вамъ, это то, что благодаря своему воспитанію, если я и не преклоняюсь чрезмѣрно передъ нѣмецкой цивилизаціей, то привыкъ зато жить съ нѣмцами. И я увѣренъ, что сумѣю ужиться съ ними и здѣсь.

Отецъ приподнял брови, какъ будто хотѣлъ сказать: „Не знаю“.

— У меня до сихъ поръ не было ни одного врага среди нѣмцевъ, и мнѣ кажется, что и съ моими убѣжденіями можно управлять лѣсопильнымъ заводомъ въ завоеванной провинціи.

— Надѣюсь,—сказалъ просто г. Оберле.

— Итакъ, вы принимаете меня къ себѣ? Я поступаю къ вамъ?

Вмѣсто отвѣта хозяинъ завода нажалъ кнопку электрическаго звонка.

По ступенямъ лѣстницы, отдѣляющей мастерскую отъ наблюдательнаго пункта хозяина, подъялся человекъ, и въ полуоткрытой двери — тамбурѣ показалась бѣлокурая квадратная борода, длинные волосы и два блестящія, какъ драгоценные камни, синіе глаза.

— Вильгельмъ,—сказалъ хозяинъ по-нѣмецки,—вы познакомите сына съ нашимъ заводомъ и объясните ему, какія закупки мы сдѣлали за послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Съ завтрашняго дня онъ будетъ ходить вмѣстѣ съ вами на рубки лѣса для нашего завода.

Дверь закрылась.

Молодой, воодушевленный, изящный Жанъ Оберле стоялъ передъ отцомъ. Онъ протянулъ ему руку и сказалъ, весь блѣдный отъ радости:

— Вотъ и я что-нибудь значу въ Эльзасѣ! Какъ я вамъ благодаренъ!

Отецъ пожалъ руку сына съ немного неискреннимъ жаромъ. Онъ думалъ: „Это живой портретъ матери! Это ея умъ, ея выраженія, ея энтузіазмъ!“ Онъ прибавилъ вслухъ:

— Ты видишь, дитя мое, у меня только одна цѣль сдѣлать васъ счастливыми. Она всегда была у меня. Я соглашаюсь на то, что ты не пойдешь по той карьерѣ, о которой я мечталъ для тебя. Постарайся-же теперь понять наше положеніе, какъ его понимаетъ твоя сестра...

Жанъ вышелъ, и отецъ черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ за нимъ. Но въ то время, какъ отецъ торопился домой, чтобы разсказать Люсьениѣ, единственной повѣренной его тайнъ, о своемъ разговорѣ съ сыномъ, Жанъ прошелъ влѣво по лѣсному двору мимо домика привратника и направился къ лѣсу. Но онъ пошелъ недалеко, такъ какъ вскорѣ надо было возвращаться домой къ завтраку.

По дорогѣ, поднимающейся въ гору, онъ дошелъ до виноградниковъ Альскейма, тянувшихся за совсѣмъ обнаженными полями хмеля; только мѣстами на нихъ торчали собранныя въ кучу жерди. На душѣ Жана было свѣтло и радостно. При входѣ въ одинъ изъ знакомыхъ ему еще съ дѣтства виноградниковъ, гдѣ въ далекіе-далекіе дни онъ самъ когда-то собиралъ виноградъ, онъ поднялся на пригорокъ, поднимающійся надъ дорогой и полями. И несмотря на слабое грустное освѣщеніе, несмотря на тучи и вѣтеръ

родной Эльзасъ показался ему прекраснымъ, божественно прекраснымъ. Передъ нимъ разстилалась широкая равнина, такая ровная, что издали ее можно было принять за лужайку съ рѣзкими полосами травы и пашни. Молодая рожь, овесъ, люцерны заполняли своей мѣжной зеленью разстояніе между деревьями на протяженіи цѣлыхъ лье; — деревья, круглыя, одинокія и теперь совсѣмъ прозрачныя, походили на сухой чертополохъ. Подгоняемая сѣвернымъ вѣтромъ, коегдѣ летали вороны, высккивая вновь засѣянное поле. Все произрастало въ мирѣ. Жанъ Оберле поднялъ руки и протянулъ ихъ впередъ, какъ-будто хотѣлъ обнять все это пространство, которое тянулось отъ Оберна, видѣвшагося за послѣдними холмами налѣво, до Барра направо, на половину закрытаго густой массой сосенъ, спускающихся съ горъ: „Я люблю тебя, Эльзасъ, и возвращаюсь къ тебѣ!“ сказалъ онъ. Онъ посмотрѣлъ на деревню Альскеймъ, на домъ изъ простого камня, видѣвшійся тамъ внизу, и который былъ его роднымъ домомъ, — потомъ повернулся въ другую сторону, гдѣ за кучей домиковъ рабочихъ завода видѣлись высокія деревья, выступающія мысомъ въ полѣ; аллея заканчивалась группой обнаженныхъ сѣрыхъ деревьевъ, между которыми выдѣлялась на половину скрытая крыша. Глаза Жана надолго остановились на этомъ жилищѣ. Онъ сказалъ: „Здравствуй, Эльзаска! Если-бъ мнѣ позволили любить тебя! Какъ было бы хорошо жить здѣсь, вмѣстѣ съ тобою!“

Онъ очнулся, услышавъ звонокъ изъ дома Оберле, призывающій къ завтраку; звукъ его казался здѣсь такимъ слабымъ и жалкимъ и терялся въ безконечности громадной равнины; а вѣтеръ разносилъ его надъ полями Альскейма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Корея и корейцы.

(Окончаніе).

(По книгѣ англійской писательницы Изабеллы Вэрдъ Бишопъ „Корея и ея сосѣди“).

Общей національной религіи въ Корей нѣтъ. Хотя конфуціанство и считается официальной религіей, но его придерживаются лишь немногіе, принадлежащіе къ образованному классу. Буддизмъ когда-то былъ распространенъ по всей странѣ. Но 300 лѣтъ назадъ буддійскимъ священникамъ было запрещено жить въ городахъ и строить въ нихъ храмы, и съ тѣхъ поръ буддизмъ сосредоточился въ монастыряхъ, построенныхъ на горахъ и въ лѣсахъ, вдали отъ большихъ дорогъ.

Народной массѣ обѣ эти религіи чужды, и отъ буддизма остались одни грубыя суевѣрія, смѣшавшіяся съ суевѣріями корейцевъ.

Въ корейскихъ городахъ нѣтъ ни храмовъ, ни жрецовъ; въ домахъ нѣтъ божницъ.

Во время празднествъ не несутъ въ торжественной процессіи *микоши*, или идоловъ.

Брачный и похоронный обряды не требуютъ благословенія священнодѣйствующаго лица: нѣтъ ни религіозныхъ обрядовъ, ни священныхъ книгъ.

Извѣстные обряды, освященные не религіей, а обычаемъ, соблюдаются корейцами изъ страха передъ безтѣлесными существами, созданными ихъ фантазіей и большею частью олицетворяющими таинственныя силы природы.

Можно не безъ основанія предположить, что корейскія вѣрованія имѣютъ чужеземное происхожденіе и родственны шаманизму сѣверной Азіи.

Изъ буддійскихъ монастырей и храмовъ достойны вниманія слѣдующіе.

По теченію рѣки Хана, около Хан-канго находится буддійскій храмъ, посвященный дракону. Тутъ же на лѣвомъ берегу Хана низкой

каменной стѣной обнесено то мѣсто, на которое спустилась женщина-драконъ въ царствованіе послѣдней династіи.

Около Ый-чжу, въ окруженной лѣсомъ долинѣ есть нѣсколько храмовъ, украшенныхъ скульптурой, монастырскія строенія и 500-лѣтній колоколь, увѣнчанный переплетающимися драконами и украшенный по сторонамъ нѣсколькими медальонами прекрасно-исполненнаго смѣлаго рисунка.

Изъ 45 монастырей и небольшихъ кумиренъ, построенныхъ на Алмазной горѣ, самый замѣчательный Чанг-ан-Са по древности и богатству отдѣлки.

Въ одномъ изъ храмовъ-кумиренъ, носящемъ названіе „Залъ четырехъ мудрецовъ“, можно видѣть три статуи, изображающія Будду въ разныхъ созерцательныхъ позахъ, и дивной китайской работы картину, вышитую шелками и золотомъ, изображающую Будду съ его учениками. Этой картинѣ монахи приписываютъ древность четырнадцати столѣтій.

Въ монастырѣ, построенномъ возлѣ храма, монахи встаютъ въ четыре часа пополудни, раздается звонъ колокола, цимбаловъ и гонговъ, и поются гимны Буддѣ. Тутъ же множество готовящихся въ священники мальчиковъ-сиротъ, исполняющихъ обязанности прислужниковъ.

Въ П'айо-ун-Са, на рѣкѣ Чанг-ан-Са, вновь перестроился монастырь. Онъ выкрашенъ яркими красками и украшенъ лѣпными работами самихъ монаховъ.

Правила во всѣхъ этихъ монастыряхъ требуютъ безусловнаго вегетаріанизма, даже молоко и яйца запрещены. Монахи большей частью набираются изъ сиротъ или дѣтей, которыхъ родители отдаютъ изъ-за своей бѣдности; немногіе идутъ по призванію, другіе спасаются въ монастыряхъ отъ кредиторовъ, иные ищутъ въ нихъ пріютъ для покоя и лѣни. Монахи необразованны и суевѣрны и часто говорятъ санскритскія и тибетскія молитвенныя фразы, не понимая ихъ значенія.

Одного священника, который цѣлый день пѣлъ „На Му Ами Табу“, передвигая послѣ каждаго 10 разъ бусинку на своихъ четкахъ, спросили, что значатъ эти слова.

— Просто буквы, — отвѣчалъ онъ, — они не имѣютъ никакого значенія, но если вы будете повторять ихъ много разъ, то скорѣе попадете на небо.

Корейцы считаютъ монаховъ Алмазной горы очень распущенными, но нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они очень радушны и гостепримны, очень милосердны къ старикамъ и несчастнымъ, находящимъ у нихъ тихое убѣжище.

По поводу основанія монастыря Юм-чом-Са разсказывается слѣдующая легенда. Когда 53 священника пришли въ Корею для распространенія буддизма, они, достигнувъ этого мѣста, утомились и сѣли у колодца подъ сѣнью широко-вѣтвистаго дерева. Вдругъ изъ колодца вышли три дракона и завязали съ буддистами борьбу, во время которой вызвали сильный вѣтеръ, вырвавшій

дерево съ корнемъ; тогда каждый изъ буддистовъ положилъ на одинъ изъ корней дерева изображеніе Будды, обративъ его такимъ образомъ въ жертвенникъ. Наконецъ, священники побѣдили драконовъ, загнали ихъ снова въ колодезь, на который сложили кучу камней, чтобы они не могли выйти; затѣмъ основали здѣсь монастырь и построили храмъ надъ мѣстомъ, гдѣ были погребены драконы.

Пользуется извѣстностью еще одинъ монастырь, Сѣк-ванг-Са въ Нам-Санѣ; онъ воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ 517 лѣтъ тому назадъ первый король нынѣ царствующей династіи, Атай-Чжо, получилъ свыше повелѣніе царствовать, благодаря которому его потомки и правятъ страной до сего времени.

Памятниками ранняго буддизма считаются *мироки*—два колоссальные бюста, около 35 футовъ вышиною, высѣченные изъ твердой скалистой породы. Одинъ изъ нихъ изображенъ въ круглой шляпѣ, другой въ четырехъугольной. Предполагаютъ, что они олицетворяютъ собой мужскія и женскія стихіи природы.

Благодаря дѣятельности различныхъ христіанскихъ миссій, въ Корей распространяется христіанство, и теперь насчитывается до 45.000 корейцевъ-христіанъ различныхъ вѣроисповѣданій. Есть даже нѣсколько священниковъ изъ корейцевъ, окончившихъ семинарію въ Сеулѣ.

Мужчины носятъ бѣлую одежду и высокую шляпу, которая—увеличиваетъ ихъ ростъ; зимняя ихъ одежда—бѣлая бумажная съ широкими рукавами, широкими панталонами и соками—все это стеганное; сверхъ черныхъ стеганныхъ шляпъ съ спускающимися съ боковъ полосами, обшитыми чернымъ мѣхомъ, надѣваются еще высокія широкополая шляпы изъ конскаго волоса, съ такими же тесьмами, завязанными подъ подбородкомъ; общій видъ производитъ странное впечатлѣніе. Дѣти полунагіе или совершенно голые.

Женщины носятъ одежду мужскаго покроя, зеленого шелка, съ воротомъ, застегнутымъ подъ глазами, и длинными широкими рукавами, ниспадающими отъ ушей.

Женщины-простолюдинки грубы и невоспитанны и совершенно лишены граціи, присущей женщинамъ соответствующихъ классовъ въ Японіи, или добродушія китаянки. Одѣты онѣ очень грязно, какъ будто бы мужчины исключительно имѣютъ право пользоваться трудами ихъ стирки, которая продолжается долго еще ночью.

Около каждого ручейка сидятъ на плоскихъ камняхъ прачки и мочатъ одежду въ водѣ, или, туго свернувъ ее, кладутъ на каменные плиты и колотятъ плоскими вальками, вываривши сначала въ щелокѣ, приготовленномъ изъ древесной золы; выбѣленная на солнцѣ, слегка накрахмаленная рисовымъ крахмаломъ, выбитая на деревянномъ цилиндрѣ въ теченіе довольно продолжительнаго времени короткими ударами круглыхъ дубинокъ, бѣлая бумажная матерія принимаетъ видъ бѣлаго матоваго атласа и отличается ослѣпительной бѣлизной. Ношеніе мужчинами бѣлаго

платья вообще, а въ особенности бѣлаго стеганнаго—зимой, доставляетъ непрерывную тяжелую работу женщинамъ. Одежда для каждой стирки распарывается и затѣмъ шивается вновь. Кромѣ того, простыя корейскія женщины шьютъ одежду на всю семью, варятъ, очищаютъ рисъ отъ шелухи и толкутъ его тяжелыми толкачами въ ступкѣ, носятъ на базаръ тяжелыя ноши на головѣ, приносятъ воду, работаютъ въ болѣе удаленныхъ округахъ на полѣ, встаютъ рано, ложатся поздно, прядутъ и текутъ и имѣютъ много дѣтей, которыхъ кормятъ до трехъ лѣтъ.

Простолюдинка не пользуется никакими удовольствіями — она невольница до тѣхъ поръ, пока не свалитъ часть своей неволи на невѣсту. Въ 30 лѣтъ ей можно уже дать 50. Ея мысли отъ повседневныхъ работъ отвлекаются развѣ умилоствленіемъ демоновъ, что тоже лежитъ на ея обязанности.

Безусловное затворничество — это неизмѣнное правило въ высшихъ классахъ; женщины имѣютъ свои комнаты и дворы, куда не выходятъ окна мужскихъ покоевъ. Посѣтитель не долженъ справляться о женщинахъ, живущихъ въ домѣ; вопросъ о ихъ здоровьи былъ бы нарушеніемъ этикета, и вѣжливостъ составляетъ игнорировать ихъ существованіе. Женщины не получаютъ никакого образованія и во всѣхъ классахъ на нихъ смотрятъ какъ на существа низшія.

Затворничество женщинъ было введено 500 лѣтъ назадъ нынѣ царствующей династіей во время страшной испорченности нравовъ, въ огражденіе семьи,—не отъ того, чтобы мужья не довѣряли своимъ женамъ, какъ откровенно выразился одинъ кореецъ, но потому, что они не довѣряли другъ другу—и съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ безнравственность въ высшихъ классахъ достигала и достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ затворничества женщинъ дѣйствуетъ обычай, который сильнѣе закона. Женщины низшаго класса выходятъ на работу, женщины же средняго и высшаго классовъ могутъ выходить только ночью, хорошо закрытыя покрываломъ, или, въ случаѣ крайней необходимости, въ плотно закрытыхъ носилкахъ,

Въ Сеулѣ въ 8 часовъ вечера звонитъ Великій Колоколъ — сигналъ, по которому мужчины возвращаются по домамъ, а женщины, въ сопровожденіи слугъ, несущихъ фонари, выходятъ погулять; прогулка продолжается до 12 часовъ ночи, когда снова по звону колокола женщины возвращаются, и мужчинамъ разрѣшается выходить.

По словамъ Дамгета, отцы убивали дочерей, мужья—женъ, женщины кончали самоубійствомъ, если чужой мужчина нечаянно или съ цѣлью дотрагивался до ихъ рукъ.

Исполнители закона не смѣютъ входить въ женскіе покои; знатный человѣкъ, скрывающійся въ комнатахъ жены, можетъ быть взятъ только въ томъ случаѣ, если обвиняется въ возмущеніи.

Послѣ 7 лѣтъ мальчики и дѣвочки разлучаются; послѣдніе подлежатъ самому строгому затворничеству и видятъ до свадьбы только отца и братьевъ, а послѣ свадьбы сюда включаются еще ближайшіе родственники мужа. И женщины не жалуются на этотъ вѣковой обычай.

Наложничество существуетъ, но не пользуется почетомъ; потому что наложницъ исключается изъ какихъ либо общественныхъ должностей. По закону, кореецъ—строгий единопенецъ и, въ случаѣ вторичнаго брака вдовца, дѣти отъ перваго брака пользуются преимуществами передъ дѣтьми отъ втораго. Корейская женщина, по природѣ интриганка, имѣетъ прямое и непосредственное вліяніе въ семьѣ, какъ мать и свекровь, а также при заключеніи браковъ. Ея права немногочисленны и основаны больше на обычаяхъ, чѣмъ на законѣ; въ настоящее время она имѣетъ право вторичнаго замужества, невступленія въ бракъ до 16 лѣтъ, запрещенія наложницамъ мужа жить въ одномъ домѣ съ ней. Но развестись съ мужемъ она не можетъ—супружеская вѣрность, символомъ которой служить гусь, обязательна только для женщинъ. Мужъ можетъ отказаться отъ нея по 7 причинамъ: неизлечимая болѣзнь, воровство, бездѣтность, невѣрность, ревность, несогласія съ его родителями, сварливый характеръ; достаточно одной изъ этихъ причинъ, чтобы отправить жену въ домъ ея отца. Надзоръ за дѣтьми принадлежитъ матерямъ. Семейной жизни нѣтъ; у корейца есть домъ, но не очагъ, общихъ интересовъ у супруговъ не существуетъ, мужъ живетъ своей особой жизнью, ищетъ удовольствій среди друзей и увеселеній, и брачныя отношенія вполне опредѣляются словами одного знатнаго корейца: „мы женимся на своихъ женахъ, но любимъ своихъ наложницъ“.

Корейцы ѣдятъ все: свинину, говядину, рыбу сырую, сушеную и соленую, внутренности животныхъ, птицъ и дичь, не откидывая ничего; куры жарятся съ головой, когтями и внутренностями. Рыбаки часто ѣдятъ рыбу, только что снявъ ее съ удочки и только омочивъ въ соусъ изъ краснаго перца. Въ известное время года существуетъ большой спросъ на собакъ. Пшеница, ячмень, маисъ, просо, овесъ, картофель, бобы, горохъ, рисъ, редиска, рѣпа, травы и безконечное число сортовъ листьевъ и корней, водоросли, морскіе раки, тѣсто, приготовленное изъ муки, сахара и растительнаго масла, *киши*, родъ вермишеля изъ муки и ячнаго бѣлка, приготовляемаго въ теченіе ноября всѣмъ женскимъ населеніемъ средняго и низшаго классовъ (изъ него варятся супы, похлебки); сушеные перисмоны, пироги изъ съѣдобныхъ оснковыхъ шишекъ и меду, муки, сахару и кунжутныхъ сѣмянъ, лукъ, чеснокъ, луковицы лилій, орѣхи. Приправой служатъ: кунжутное масло, уксусъ, соя и другіе соусы съ острымъ непріятнымъ запахомъ, основой которымъ служитъ гвинейскій перецъ и перебродившіе испорченные бобы. Мужчины ѣдятъ, конечно, лучше женщинъ; послѣдніе ѣдятъ *когда какъ*, до-

вольствуясь сстатками послѣ своихъ владыкъ. Кушанья подаются мужчинамъ на маленькихъ круглыхъ столикахъ темнаго дерева вышиною въ нѣсколько дюймовъ; такой столикъ дается каждому. Рисъ — главная принадлежность ѣды и подается въ большомъ кубкѣ; но, кромѣ этого, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, подается еще нѣсколько глазированныхъ глиняныхъ сосудовъ съ острыми блюдами и довольно вкусными приправами.

Благодаря способу убоя скота, мясо имѣетъ непривлекательный видъ. Корейскій мясникъ разрѣзываетъ горло быку и затыкаетъ рану втулкой; затѣмъ бьетъ его обухомъ топора по крупу до тѣхъ поръ, пока животное не околѣетъ. Это продолжается около часу. Благодаря этому кровь остается внутри, а мясо увеличивается въ вѣсѣ, приобрѣтая въ то же время свойственный ему неприятный цвѣтъ.

Бракъ, похороны и заклинанія демоновъ—составляютъ выдающіяся черты корейской жизни.

Кореецъ до свадьбы—ничто. День свадьбы—это вступленіе въ зрѣлые годы и шагъ впередъ по социальной лѣстницѣ. Юноша съ длинными волосами, раздѣленными по срединѣ и заплетенными свади въ косу, въ короткой подпоясанной одеждѣ, слоняющійся, какъ будто не находя себѣ нигдѣ мѣста, несмотря на то, что онъ уже вполне взрослый, и обыкновенно принимаемый иностранцами за дѣвушку, совершенно преобразуется послѣ брака; онъ получаетъ тонзуру, а длинные волосы, окружающіе ее, собираются на макушкѣ въ узелъ¹⁾. Ему одѣваютъ *манг-кунъ*—

¹⁾ Въ началѣ 1896 года вся Корея была охвачена волненіемъ, происходили довольно серьезныя возмущенія, показавшія, какъ глубоко коренится въ народѣ обычай „пунг-кокъ“; причиной возмущенія былъ королевскій эдиктъ отъ 30 дек. 1895 г., уничтожающій знаменитый корейскій головной узелъ. Корейцы, въ общемъ, спокойно перенесли ненавистную власть японцевъ, убійство королевы, заключеніе короля, не вынесли посягательства на свой головной уборъ; темянной узелъ для корейца важнѣе, чѣмъ коса для китайца. Въ немъ олицетворяются и соединяются въ умѣ корейца понятія о національности, древности (по однимъ слухамъ—5 столѣтій, по другимъ—2 тысячелѣтій) и происходящей отъ нея священности, вступленія въ зрѣлый возрастъ въ социальномъ и легальномъ отношеніяхъ, даже если онъ по лѣтамъ еще дитя, прибавленіе двухъ именъ къ его прежней фамиліи, именъ, которыми его впредь называютъ и которые записываются послѣ его смерти на поминальныхъ дощечкахъ; съ нимъ связаны бракъ и обычай почитанія предковъ; даже съ пожилымъ корейцемъ, не носящимъ темянного узла, каждый можетъ обращаться, какъ съ безыменнымъ, безответнымъ мальчикомъ. Въ подобныхъ, впрочемъ, очень рѣдкихъ случаяхъ (1 на 100) кореецъ, во вѣбжаніе всеобщаго презрѣнія, старается сколотить сумму, достаточную, чтобы заплатить за церемонію „узла“ и за манг-кунъ, шляпу и длинную одежду, надѣваемыя послѣ церемоніи. Кореецъ безъ „узла“ получаетъ прозвище „получеловѣка“.

Общее народное убѣжденіе обвиняло японцевъ въ уничтоженіи головнаго узла; народное негодованіе вылилось въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ японцевъ, окончившееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійствами; отецъ, у котораго два сына сняли „узелъ“, подчинившись декрету, съ горя отравился. Въ Чун-Чхонѣ, гдѣ губернаторъ хотѣлъ силою привести въ исполненіе королевскій эдиктъ, онъ былъ убитъ со всѣмъ сво-

шапку безъ донышка или же сѣтку изъ конскаго волоса, безъ которой послѣ этого онъ не показывается. Онъ носитъ черную шляпу и длинную широкую одежду, и его неловкая походка приобретаетъ полную достоинства плавность. Его товарищи-юноши теперь ниже его. Его имя принимаетъ послѣ себя нарашеніе, означающее „господинъ“. Обращаясь къ нему, должны его титуловать,—словомъ, изъ ничего онъ превращается въ самостоятельное лицо, получаетъ право гражданства.

Церемонія устройства „темяного узла“ заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ обычаевъ страны.

Происходитъ она, какъ сказано выше, большею частью наканунѣ свадьбы. Къ этому времени готовится мужская одежда, шляпа „манг-кунъ“, и пр., въ зависимости отъ средствъ семьи. Астролога просятъ назначить счастливый для церемоніи день ¹⁾ и часъ, а также страну горизонта, куда долженъ быть устремленъ взоръ главнаго лица во время церемоніи. Вознагражденіе астрологу дается очень значительное, а потому бѣдняки призываютъ для рѣшенія этого важнаго вопроса знахаря-слѣппа.

Въ назначенное время собирается вся семья. Друзья не приглашаются. Распорядителемъ церемоніи долженъ быть человекъ, обладающій счастьемъ, богатствомъ и извѣстнымъ числомъ сыновей; если родной отецъ не отвѣчаетъ этимъ условіямъ, его замѣняетъ болѣе счастливый старый другъ.

Юношу, вступающаго въ жизнь, сажаютъ на полъ посреди комнаты, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы онъ сидѣлъ лицомъ къ указанной астрологомъ странѣ горизонта,—иначе съ этого дня его будутъ преслѣдовать несчастія.

Съ большой торжественностью распорядитель церемоніи расплетаетъ молодому человеку косу и выбриваетъ ему на макушкѣ кружокъ трехъ дюймовъ въ діаметрѣ, собираетъ къ этому мѣсту остальные волосы и туго скручиваетъ ихъ въ узелъ длиною отъ 2½ до 4 дюймовъ, связывая шнурами такъ, чтобы онъ стоялъ въ видѣ рога слегка впередъ.

Послѣ этого на голову надѣвается „манг-кунъ“, плотно прилегающая ко лбу волосяная сѣтчатая шапка безъ донышка, скорѣе повязка, которая стягивается настолько туго, что оставляетъ на лбу рубцы на всю жизнь, и часто вызываетъ вначалѣ головныя боли.

имъ штатомъ, а городъ былъ занятъ возмущившимся народомъ. Снявшіе „темяной узелъ“ боялись выйти изъ Сеула, такъ какъ въ провинціяхъ народъ умерщвлялъ всѣхъ, исполнившихъ королевскій приказъ.

Дѣла шли все хуже до 11 февраля 1896 г., когда, послѣ убійства японцами королевы, королю удалось, наконецъ, бѣжать изъ дворца и укрыться въ русскомъ посольствѣ. Вскорѣ послѣ этого король, чувствовавшій себя теперь въ безопасности отъ японцевъ, издалъ новый эдиктъ, разрѣшавшій ношеніе „темяного узла“.

¹⁾ Дни недѣли носятъ названія, заимствованныя у японцевъ: день Солнца (воскресенье), день Луны, день Огня, день Воды, день Древа, день Металла и день Земли.

Сверхъ манг-куна надѣваютъ волосяную шляпу, завязываютъ ея тесемки, затѣмъ юношѣ одѣваютъ длинную широкую одежду, и онъ встаетъ, преобразованный въ мужчину.

Новоиспеченный мужчина кланяется каждому изъ своихъ родственниковъ поочередно, по старшинству, становясь на колѣни, и кладя руки ладонями на землю. При поклонѣ онъ касается лбомъ своихъ рукъ. Послѣ этого онъ приноситъ жертвоприношенія, состоящія изъ пищи и плодовъ, передъ таблицами предковъ, зажигаетъ свѣчи въ высокихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, стоящихъ по обѣ стороны сосудовъ съ приношеніями, и, низко кланяясь, увѣдомляетъ предковъ о происшедшемъ важномъ событіи.

Затѣмъ онъ посѣщаетъ друзей своей семьи, а вечеромъ для нихъ устраивается пиршество въ домѣ отца юноши.

Головной узелъ часто украшается бусой изъ янтаря или бирюзы; молодые щеголи носятъ дорогіе черепаховые гребни.

Для выраженія почтенія кореецъ остается съ покрытой головой; поэтому, разъ надѣвъ волосяную шляпу, онъ снимаетъ ее развѣ только въ обществѣ самыхъ близкихъ друзей.

Легкая волосяная шляпа (вѣсомъ въ три лота) портится отъ дождя, мнется очень легко; благодаря этому, она составляетъ предметъ особой заботливости корейца, который, выходя изъ дому, всегда несетъ для нея въ рукавѣ складной бумажный непромокаемый футляръ, а въ дорогу укладываетъ ее въ деревянный, нарядно украшенный ящикъ.

Послѣ церемоніи „темяннаго узла“ кореецъ приступаетъ къ церемоніи брачнаго обряда.

Дѣвушка, выходя замужъ, выполняетъ только свое „предназначеніе“. Дѣвство существуетъ исключительно въ буддійскихъ монастыряхъ, гдѣ монахини не пользуются репутаціей святости.

Изъ затворничества въ домѣ отца женщина переходитъ въ затворничество въ домѣ свекра.

Бракъ устраивается отцами безъ согласія и взаимной склонности брачующихся.

Плохой тотъ отецъ, который не женилъ сына до двадцатилѣтняго возраста. Обыкновенное время для вступленія мужчины въ бракъ—17—18 лѣтъ. Дѣвочку могутъ выдать замужъ совсѣмъ ребенкомъ, если боятся упустить желательную партію, но до 16 лѣтъ она избавлена отъ супружескихъ обязанностей.

Съ другой стороны, и мальчиковъ 10 и 12 лѣтъ женятъ, если родители находятъ бракъ выгоднымъ; желтыя шапки, розовыя и голубыя одежды и напускная важность этихъ молодыхъ мужей представляютъ любопытное зрѣлище.

До свадьбы идутъ переговоры; женихъ не платитъ за невѣсту; за ней денегъ также не дается, но ее снабжаютъ большимъ приданнымъ, уложеннымъ въ свадебный сундукъ съ бронзовыми украшеніями; обрученія нѣтъ, и послѣ взаимнаго соглашенія родителей свадьба можетъ быть отложена на недѣли и мѣсяцы.

Наканунъ свадьбы отецъ жениха посылаетъ родъ свадебнаго контракта отцу невѣсты, который молча принимаетъ его; невѣстъ присылается два куса шелковой матеріи, изъ которой должно быть шито свадебное платье.

Нѣсколько человекъ съ пестрыми шелковыми фонарями несутъ этотъ подарокъ невѣстѣ; на дорогѣ ихъ встрѣчаютъ съ факелами люди изъ дома отца невѣсты, завязывается борьба, иногда оканчивающаяся серьезными увѣчьями; если будетъ побѣждена партія жениха—значить, ему предстоятъ неудачи, если партія невѣсты—ей предстоитъ горе.

Въ ночь передъ бракомъ родители жениха и невѣсты приносятъ жертвы у себя дома передъ табличками предковъ, которыми сообщаютъ о наступающемъ событіи.

Въ благопріятный день, назначенный колдуномъ, за часъ до полудня, женихъ верхомъ въ парадной одеждѣ выѣзжаетъ изъ дома отца. Ему предшествуютъ два человека; одинъ изъ нихъ несетъ бѣлый зонтикъ, другой, одѣтый въ красное,—гуся, символъ супружеской вѣрности; его сопровождаютъ нѣсколько человекъ съ незажженными красными фонарями, нѣсколько слугъ и женатый братъ, а за нимъиномъ такового—отецъ. Подъѣхавъ къ дому невѣсты, онъ беретъ гуся изъ рукъ несшаго его, вноситъ въ домъ и кладетъ на столъ.

Двѣ женщины, нанятыя для церемоніи, выводятъ невѣсту на веранду, или эстраду, и ставятъ лицомъ къ лицу противъ жениха, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него при громадномъ стеченіи гостей; теперь женихъ въ первый разъ видитъ свою будущую жену, которая могла раньше видѣть его въ какую-нибудь щелку. Лицо невѣсты сплошь наудрено бѣлой пудрой, съ красными пятнами, и ея вѣки склеены клейкимъ веществомъ. По знаку сопровождающихъ ее женщинъ она отвѣшиваетъ два поклона своему будущему господину, онъ отвѣчаетъ ей четырьмя поклонами—въ этомъ состоитъ главный обрядъ, дѣлающій бракъ законнымъ; послѣ этого, если онъ откажется отъ нея, то не можетъ жениться на другой. Прочность брачныхъ узъ вполне признана въ Корей, хотя мужъ можетъ имѣть незаконныхъ связей, сколько ему будетъ угодно. Затѣмъ жениху дается чаша съ виномъ, онъ отпиваетъ изъ нея и передаетъ ее невѣстѣ, которая должна только омочить губы.

Послѣ этого въ домѣ ставится столъ съ изысканными блюдами передъ новобрачнымъ, который ѣстъ умѣренно и затѣмъ веселится со своими друзьями въ мужскихъ покояхъ, между тѣмъ какъ новобрачную уводятъ въ женскія комнаты. По мѣрѣ прібытія гостей передъ каждымъ ставится столъ съ угощеніемъ; каждый такой столъ обходится отъ 5 до 6 іенъ, и самая дешевая свадьба обходится въ 75 іенъ, такъ что большое число дочерей—истинное несчастье для корейца.

Послѣ обѣда новобрачный возвращается въ отцовскій домъ, а черезъ нѣсколько времени туда же приносятъ въ совершенно

закрытых носилкахъ новобрачную, закутанную въ массу брачныхъ одеждъ, и все еще со склеенными вѣками, въ сопровожденіи вышеупомянутыхъ двухъ женщинъ, нѣсколькихъ наемныхъ дѣвушекъ и мужчинъ съ фонарями: все это пестро, съ преобладаніемъ краснаго цвѣта.

Ее встрѣчаютъ свекоръ и свекровь, которымъ она молча отвѣшиваетъ четыре поклона; ее снова относятъ въ ея родной домъ, расклеиваютъ вѣки и смываютъ пудру съ лица; около пяти часовъ приходитъ ея мужъ, но на слѣдующее утро возвращается въ домъ отца; эти переходы взадъ и впередъ длятся три дня, послѣ чего новобрачная уже въ простыхъ носилкахъ безъ всякихъ украшеній приносится въ свой будущій домъ, гдѣ ей отводится одна или двѣ комнаты въ женскомъ отдѣленіи.

Имя, данное ей родителями, отбрасывается, и съ тѣхъ поръ ее знаютъ только какъ „жену такого-то“ или „мать такого-то“; мужъ зоветъ ее словомъ „уави“, что значитъ „смотри сюда“, — прекрасная иллюстрація отношеній жены къ мужу.

Молчаніе—первый долгъ жены. Новобрачная въ продолженіе всего дня свадьбы должна быть нѣма, и неподвижна какъ статуя; если она произнесетъ слово или даже сдѣлаетъ движеніе, ее подымутъ на смѣхъ. Молчаніе обязательно даже въ ея собственной комнатѣ, несмотря на усилія мужа заставить ее грубостями, насмѣшками, ласками нарушить его. Иногда проходятъ мѣсяцы, и мужъ не знаетъ голоса своей жены, свекоръ же годами можетъ не слышать его.

У жены—опредѣленныя обязанности по отношенію къ мужу; у мужа—никакихъ; онъ долженъ обращаться съ женой съ вѣншими знаками величайшаго почтенія, но надъ нимъ стали бы насмѣхаться, если бы онъ оказалъ ей любовь.

Въ высшихъ классахъ новобрачный спустя три-четыре дня послѣ свадьбы оставляетъ жену, чтобы показать ей свое равнодушіе; поступить иначе было бы неприлично. Въ низшихъ классахъ, въ случаѣ несогласій жены со свекровью, мужъ бьетъ ее жестоко; но въ высшихъ классахъ обычай запрещаетъ бить жену, а потому, если ему станетъ не въ мочь, и жена, кромѣ домашнихъ раздоровъ, еще провинится въ невѣрности, онъ ее ведетъ къ мандарину, который, предварительно избивъ ее, передаетъ ее какому-нибудь подчиненному. Женщины благородныхъ классовъ занимаются кухней, шитьемъ, вышиваніемъ, чтеніемъ легкой литературы на Эн-муи, дѣтьми; если жена очень скучаетъ, ей разрѣшается пригласить актеровъ и смотрѣть въ щелку на ихъ представленія.

Материнство улучшаетъ положеніе женщины; рожденіе дѣвочки не вызываетъ радости, но рожденіе сына первенца празднуется, и послѣ того, какъ ему дано имя, его мать называютъ „мать такого-то“.

Первый шагъ сына первенца вызываетъ особую радость. Корей-

скія дѣти усыпляются безъ люлекъ легкимъ похлопываніемъ по животу.

Между игрушками, въ общемъ, очень пестро-раскрашенными, встрѣчаются обезьяны, собаки и тигры на колесахъ, солдаты въ европейскихъ мундирахъ, носилки для мандариновъ, зонтики съ красными кистями, шляпы съ каймой; игрушки большею частью приспособлены для мальчиковъ; дѣвочки въ загонѣ, а потому для нихъ игрушекъ не выдумываютъ.

Когда мужчина или женщина заболѣваетъ, призывается *му-тангъ* или колдунья, чтобы заклинаніями изгнать духа, причинившаго болѣзнь. Если это не удается, и смерть дѣлается очевидной, то, въ случаѣ болѣзни мужчины, удаляются всѣ женщины, исключая самыхъ ближайшихъ родственницъ, если больна женщина, то, удаляются всѣ мужчины, исключая мужа, отца и братьевъ.

Послѣ смерти трупъ растираютъ, въ особенности на сочлененіяхъ, и, когда онъ станетъ гибкимъ, его покрываютъ чистой простыней и кладутъ на три дня на доску, на которой нарисованы красками семь звѣздъ. Эта доска сжигается у могилы. „Звѣздная доска“, какъ ее называютъ,—выраженіе, смягчающее понятіе о смерти,—соотвѣтствуетъ нашему выраженію „могила“. За эти три дня приготавливаются похоронныя одежды изъ хорошей матеріи краснаго, голубого и желтаго цвѣта. Въ случаѣ смерти бѣдняка похороны откладываются на три дня, человѣка средняго состоянія—на 9 дней, знатнаго—на три мѣсяца, члена царской фамиліи на 9 мѣсяцевъ, но этотъ періодъ можетъ быть произвольно продленъ или сокращенъ королемъ.

У человѣка три души. Послѣ смерти одна живетъ въ дощечкѣ (на которой записано имя и званіе покойнаго), одна въ могилѣ, одна въ Неизвѣстномъ.

При послѣднемъ вздохѣ царствуетъ полная тишина. Нижняя одежда умершаго снимается слугой, который машетъ ею въ воздухъ и громко зоветъ усопшаго по имени, между тѣмъ какъ всѣ родные и друзья громко плачутъ. Черезъ нѣсколько времени платье забрасывается на крышу. На трупъ временно надѣвается одежда, и его связываютъ кругомъ груди такъ туго, что переламываются ключицы—это считается счастливымъ предзнаменованіемъ. Послѣ этихъ послѣднихъ услугъ за дверь выносятся столъ, на него ставятся три кубка съ рисомъ и тыквы, а около него—три пары соломенныхъ сандалій. Рисъ и сандалии предназначаются для трехъ „*сачжа*“, или чиновниковъ, которые приходятъ, чтобы вести одну изъ душъ къ „Десяти Судьямъ“; тыквы разбиваются, башмаки сжигаются, и рисъ выбрасывается черезъ полчаса послѣ смерти. Одна изъ душъ схватывается слугами „Десяти Судей“ и относится въ Неизвѣстное, гдѣ эти судьи, которые черезъ посредство шпионовъ отлично знаютъ всѣ дѣла человѣка, либо отправляютъ ее въ „хорошее мѣсто“, либо присуждаютъ ее итти въ одинъ изъ безчисленныхъ адовъ.

Гробъ удлинненный; если похороны откладываются на долгое

время, его герметически замазывают нѣсколькими слоями лака. До похоронъ ежедневно поднимается плачь три раза въ день въ время ѣды. Съ землегадателемъ совѣтуются о выборѣ мѣста для могилы и платятъ ему сообразно средствамъ семьи; землегадатель, посредствомъ долгаго изученія, знаетъ всѣ хорошія и дурныя силы, скрытыя въ землѣ; счастливое мѣсто приноситъ чины, богатство и много сыновей сыновьямъ и внукамъ покойнаго и должно-быть выбрано по возможности на южномъ склонѣ холма; землегадатель также назначаетъ благопріятный день для похоронъ.

Для богатыхъ людей могила съ каменнымъ жертвенникомъ готовится заранее, для бѣдняка—въ минуту прибытія процессіи.

Могилы большей частью устраниваются на холмахъ подъ сѣнью *pinus sinensis* и содержатся весьма тщательно не столько изъ любви къ предкамъ, сколько изъ боязни, чтобы духъ умершихъ не нанесъ вреда потомкамъ.

Небольшая прелестная роща въ пустынныхъ окрестностяхъ Сеула обязана своимъ происхожденіемъ королевскимъ могиламъ и могиламъ богатыхъ людей. Вокругъ могилы члена королевской фамиліи всегда большое пустое пространство. Могилы принцевъ и богатыхъ людей представляютъ обширное возвышеніе, покрытое травой и часто обнесенное массивной каменной оградой, при чемъ спереди холмъ срѣзанъ въ видѣ терассы, а сзади вырѣзанъ въ видѣ подковы. Передъ могилой ставится каменный жертвенникъ и каменные свѣтильники, а у подошвы холма строится родъ небольшого храма; въ немъ сохраняются дощечки, на которыхъ написано имя и званіе умершаго.

Къ королевскимъ могиламъ ведетъ рядъ гигантскихъ каменныхъ фигуръ, изображающихъ священника, воина въ полномъ вооруженіи, слугу, пони и овцу (?). Бѣдняки покоятся подъ травяными холмиками на маленькихъ платформахъ, о которыхъ тщательно заботятся. Счастливое мѣсто для могилы всегда указывается знахаремъ-землегадателемъ.

Обыкновенно хоронятъ въ сумерки при многочисленныхъ разноцвѣтныхъ фонаряхъ; но простыхъ иногда хоронятъ и днемъ; впереди несутъ четыре барабана и дудку, на которой, безконечно повторяя, играютъ веселый мотивъ въ аккомпаниментъ веселому напѣву, затѣмъ слѣдуетъ катафалкъ, если можно такъ назвать ярко раскрашенное сооруженіе съ балдахиномъ, середина котораго украшена гирляндой искусственныхъ цвѣтовъ; бѣлая корейская одежда перекинута сверху поперекъ катафалка; четыре палки съ яркими флагами на четырехъ углахъ и бамбуковые стебли, обвитые цвѣтами, образуютъ носилки, на которыхъ несутъ это сооруженіе 8 человекъ въ остроконечныхъ желтыхъ шапкахъ, убранныхъ голубыми и бѣлыми цвѣтами. Букеты такихъ же цвѣтовъ разбросаны по катафалку, покрытому флагами изъ пестрой кисеи. Главный родственникъ слѣдуетъ одѣтый въ траурное платье, съ

зонтикообразной шляпой около 4 футовъ въ діаметръ на головѣ, держа передъ лицомъ волосяной экранъ за двѣ бамбуковыя ручки. Его окружаютъ мужчины въ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами; нѣкоторые пятятся передъ нимъ и поютъ.

По обычаю, они должны постараться разсмѣшить огорченнаго комичными тѣлодвиженіями и остроумными замѣчаніями.

Траурное платье—изъ конопляной ткани, соломеннаго цвѣта, и вышеописанная громадная шляпа, которая настолько скрываетъ лицо, что экранъ почти излишенъ; трауръ по отцѣ носится три года, что тяжело сказывается на придворныхъ, т. е. носящему трауръ входъ во дворецъ не дозволяется. Между обычаями чисто китайскаго происхожденія любопытенъ обычай одѣвать умирающаго, когда наступленіе смерти уже близко, въ лучшія одежды. Бѣдняки погребаются безъ гроба, обернутые въ солому, и несутъ ихъ двое человекъ на носилкахъ, при чемъ трупъ скрывается подъ кружками, покрытыми бумагой.

Г-жѣ Бишоппъ пришлось присутствовать при похоронахъ женщины. Японскій отрядъ, встрѣтившійся съ ними, раздѣлился по обѣ стороны дороги, чтобы пропустить процессію, при чемъ люди, поравнявшись съ покойникомъ, обнажили голову. Похороны производили скорѣе веселое, чѣмъ грустное впечатлѣніе: шедшіе впереди два человекъ, несшіе шелковые флажки, объявляли, что хоронятъ жену такого-то; затѣмъ шелъ, пятясь назадъ, человекъ съ безчисленнымъ числомъ пестрыхъ лентъ, спускавшійся съ шляпы; онъ звонилъ въ большой колоколъ, сопровождая звонъ неблагозвучнымъ пѣніемъ; 12 человекъ несли на платформѣ гробъ подъ балдахиномъ на четырехъ столбахъ, скрытыхъ яркими занавѣсами; за гробомъ слѣдовало много мужчинъ въ траурѣ, человекъ съ какимъ-то музыкальнымъ инструментомъ, столомъ и ящиками съ пищей; ни у кого не было печальнаго вида. На балдахинѣ было изображеніе двухъ мнеческихъ птицъ, похожихъ на феникса. Балдахинъ и занавѣсы были яркихъ цвѣтовъ и украшены множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ.

Въ другой погребальной процессіи спереди веселаго катафалка былъ крестъ съ распростертыми драконами на выступахъ и четырьмя пестрыми птицами, на подобіе фазановъ, сверхъ балдахина.

Послѣ погребенія и устройства насыпи надъ гробомъ, дѣлается возліаніе виномъ, и общество приступаетъ къ жертвоприношенію и пиршеству. На каменный жертвенникъ или, если его нѣтъ, на маленькіе столы кладутъ сушеную рыбу и вино. Родственники становятся лицомъ къ могилѣ и 5 разъ прстираются на землѣ, повторяя изреченіе, выражающее пожеланіе мира духу усопшаго. За могилой такія же церемоніи совершаются относительно духа горы, хозяина мѣста, которому поручается душа покойника. Вино выливается, а рыба раздается слугамъ; ни одинъ священникъ не принимаетъ участія въ церемоніалахъ при смерти

и похоронахъ. Теперь уже двѣ души пристроены—одна у Неизвѣстнаго, другая у Горнаго духа.

Въ процессіи всегда несутъ крытыя носилки съ „таблицей предковъ“ умершаго и его именемъ; это кусокъ блага дерева, вдѣланный въ раму. Часть надписи сдѣлана дома, но дополняется она на могилѣ; послѣ похоронъ ее несутъ домой при такой точно обстановкѣ, при которой поѣхалъ бы покойникъ, если бы былъ живъ, такъ какъ третья душа возвращается въ домъ вмѣстѣ съ провожатыми и вселяется въ эту табличку, которую помѣщаютъ въ пустую комнату на черной лакированный стулъ передъ чернымъ лакированнымъ столомъ, на который ставятся новыя приношенія: хлѣбъ, вино, вареное мясо, вермишелевый супъ, запахомъ которыхъ пятается духъ; родственники снова простираются 5 разъ, послѣ чего съѣдаютъ приношенія въ сосѣдней комнатѣ.

Иногда, согласно существующему обычаю, друзья покойнаго усыпаютъ путь погребальной процессіи бумажными деньгами.

Въ періодъ между смертью и погребеніемъ соблюдается безусловное молчаніе и принимаются только посѣтители, которые приходятъ выразить свое соболѣзнованіе и хвалить добродѣтели покойнаго; разговоръ на обыденныя темы заставить бы умершаго ворочаться въ гробу и вообще обезпокоилъ бы его.

Слуги бдительно сторожатъ кошекъ, такъ какъ считается страшнымъ несчастіемъ, если кошка перепрыгнетъ черезъ трупъ, который можетъ отъ этого даже встать. Кошки не пользуются расположеніемъ корейцевъ.

Когда тѣло вынесено изъ дому, сюда входятъ двѣ или три *му-тангъ*, т. е. колдуньи съ музыкальными инструментами и другими принадлежностями своего ремесла. Черезъ извѣстный промежутокъ времени одна изъ нихъ вдохновляется духомъ умершаго и въ точности воспроизводитъ его, до малѣйшихъ отѣнковъ передавая его манеры, движенія, разговоръ. Она рассказываетъ его жизнь отъ I-го лица ед. чис.; если онъ былъ дурнымъ человѣкомъ, то рассказываетъ его дурныя поступки, даже не подозрѣваемые сосѣдами; если хорошимъ, то очень скромно перечисляетъ его добродѣтели; наконецъ, она кланяется, торжественно прощается съ присутствующими и удаляется.

Послѣ того, какъ табличка относится въ храмъ предковъ, и періодъ траура конченъ, приношенія въ часовѣ дѣлаются разъ въ мѣсяць и въ годовщину смерти всѣми потомками вмѣстѣ; и эти поминанія обязательны для предковъ за 5 поколѣній.

Вдова носитъ трауръ всю жизнь, и, если у нея нѣтъ сына, соблюдаетъ всѣ требованія почитанія предковъ.

Кур-донгъ—древняя религиозная церемонія, которая теперь уже отживаетъ свой вѣкъ. Это процессія, устроенная для сопровожденія короля, когда онъ отправляется приносить жертвы въ храмъ предковъ своей династіи. Въ обыкновенное время ко-

роль не показывался своимъ подданнымъ, которымъ даже запрещалось произносить его имя; онъ жилъ затворникомъ въ своемъ дворцѣ, охраняемый 1.000 тѣлохранителями, и не имѣлъ никакого представленія не только о своей странѣ, но и о своей столицѣ. Кур-донгъ представлялъ для подданныхъ единственный случай лицезрѣть своего повелителя; поэтому ко дню этой церемоніи толпы народа стекались въ столицу и въ благоговѣйномъ молчаніи стояли по пути процессіи. Многіе совершали трех- и четырехдневный путь, чтобы присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. На этотъ день переносныя палатки для торговли на Южной улицѣ снимаются, по бокамъ вставляются въ землю на разстояніи 20 ярдовъ другъ отъ друга факелы въ 10 ф. вышины; эти факелы зажигаютъ, чтобы освѣтить путь короля, когда онъ возвращается по совершеніи жертвоприношенія. Ряды зрителей, наводняющихъ Южную улицу, сдерживаются полицейскими скороходами, которые безъ милосердія колотятъ своими дубинками каждого, выдвигнушагося изъ строя. Мужчины въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ и черныхъ волосяныхъ шляпахъ, женатыя мальчиши ¹⁾ въ розовой одеждѣ и желтой шляпѣ, простолюдинки въ зеленыхъ и дѣти въ красныхъ, зеленыхъ, розовыхъ и лиловыхъ одеждахъ представляютъ пеструю красивую картину; несмотря на громадное стеченіе народа (иногда бываетъ до 150/т. чел.), едва слышится глухое жужжаніе отъ разговоровъ.

Въ назначенный часъ выстрѣлъ изъ ружья даетъ знать о началѣ торжества. Сотни кули посыпаютъ середину улицы краснымъ пескомъ: король не долженъ ступать на землю, по которой проходили его подданные. Эскадроны кавалеріи на пони, которыхъ ведутъ кули, становятся вдоль улицы. На опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга проносятъ на палкахъ четырехугольные ящики, наполненные оперенными стрѣлами, и вдоль улицы пробѣгаютъ люди съ торчащими въ воротѣ одежды стрѣлами, дѣлая видъ, что они убѣгаютъ отъ новыхъ стрѣлъ. У чиновниковъ на спинѣ или на груди, или же на той и на другой, сверхъ роскошныхъ платьевъ, висятъ атласные квадраты, вышитые узорами, изображающими птицъ и животныхъ: журавль—символь гражданской службы, тигръ—военной; числомъ птицъ или звѣрей на квадратѣ вполнѣ опредѣляется служебное положеніе чиновника.

Отъ времени до времени проходятъ люди, потрясая палками, на которыхъ свободно навѣшаны стальные кольца; сталкиваясь, эти кольца производятъ громкій и рѣзкій металлическій звукъ. Слуги сопровождающіе мандариновъ, издаютъ въ унисонъ особенный крикъ; сначала онъ звучитъ какъ *чжи*, потомъ нота повышается и берется три раза *си*, затѣмъ снова ниже поется *чжи*.

Интересно шествіе барабанщиковъ идущихъ неправильными рядами во всю ширину улицы; барабаны имѣютъ видъ кубка,

¹⁾ См. Брачныя обычаи.

положенного горизонтально; пальцы почти скрываются въ широкихъ рукавахъ одежды.

Въ тактъ шага правая рука барабанщика съ палочкой подымается надъ головой, затѣмъ лѣвая, потомъ опускаются обѣ, почти касаясь барабана, но не производя ни малѣйшаго звука. Затѣмъ обѣ руки поднимаются разомъ и опускаются опять беззвучно. Наконецъ, палочки скрещиваются и въ теченіе двухъ шаговъ медленно поднимаются и также медленно опускаются, производя глухой звукъ. Эта процедура повторяется во все время шествія процессіи.

Солдаты, обыкновенно въ подпоясанныхъ чернымъ поясомъ грязныхъ одеждахъ, съ истертыми „соками“¹⁾ и широкими панталонами складываютъ свое оружіе кучами въ сосѣдней улицѣ.

Рысью проносятся крытыя черныя и цвѣтныя носилки. Сотни дворцовыхъ слугъ въ верхнихъ одеждахъ коричневаго цвѣта, съ широкими рукавами, и нижнихъ голубыхъ, привязанныхъ ниже колѣна красными лентами, въ твердыхъ черныхъ шляпахъ съ тяжелыми вѣерообразно расположенными плюмажами изъ павлиньихъ перьевъ, ѣдутъ на пони, возсѣдая на высокихъ сѣдлахъ яркихъ цвѣтовъ; ихъ лошадей ведутъ кули. Важныя должностныя лица движутся или на носилкахъ, или верхомъ въ сопровожденіи 20—30 нарядно одѣтыхъ приближенныхъ, изъ которыхъ каждый несетъ шелковое знамя съ написанной на немъ фамиліей своего господина. Одежды этихъ сановниковъ великолѣпны: черныя высокія шляпы, съ длинными шнурами, на которыхъ нанизаны янтарныя бусы, съ длинными красными кистями, спускающимися на спину, и тяжелыми черными страусовыми перьями, ниспадающими на лобъ; голубая шелковая верхняя одежда, расходящаяся на спинѣ, отъ пояса; нижняя оранжеваго шелка; широчайшіе красные панталоны, привязанные подъ шиколоткой бантами небесно голубыхъ лентъ; потоки лентъ спускаются отъ шеи и пояса. У каждаго черезъ плечо небольшое шелковое знамя съ его титуломъ, написаннымъ красными китайскими буквами, а въ рукѣ служебный жезль, также украшенный потоками богатыхъ лентъ. Рукава въ верхней своей части оранжевые, въ нижней—красные, — очень широкіе.

Красивые гладкіе сѣрые или въ сѣрыхъ яблокахъ пони роскошно убраны. Ихъ голова украшена голубыми, красными и желтыми шарами и увѣнчана большими помпонами краснаго шелка. Уздечка изъ краснаго шелка; сѣдла, въ одинъ футъ вышиной, покрыты ярко зеленымъ чепракомъ съ серебряными тисненіями; крупъ покрытъ бѣлымъ шелкомъ, а спереди вышитые золотомъ нагрудники. Великолѣпный всадникъ, взобравшись съ помощью слугъ на это возвышеніе, стоитъ на стременахъ, не доходящихъ даже до половины боковъ пони, держась лѣвой рукой за дужку, устроенную съ этой цѣлью на сгибѣ сѣдла. При

¹⁾ Обувь, родъ штиблетъ.

такимъ способѣ ѣзды, конечно, нѣтъ возможности управлять лошадей: ее ведутъ слуги; другіе идутъ съ обѣихъ сторонъ пони, придерживая всадника за ноги.

За савонниками слѣдуютъ знаменосцы съ большими развѣвающимися по вѣтру шелковыми знаменами, древки которыхъ украшены пучкомъ фазаньихъ перьевъ. За ними—королевскій поварь съ огромной свитой, дворцовые слуги, барабанщики, флейтисты, скачущіе въ галопъ курьеры съ торчащими изъ ворота стрѣлами; тутъ же идутъ пони, нагруженные подушками, лакированными ящиками, провизіей, кухонными принадлежностями, курительными приборами; а далѣе—стрѣлки изъ луковъ и свободно идущіе солдаты съ ружьями. Такъ проходятъ тысяча людей, но это только вступленіе.

Ружейный выстрѣлъ, звонъ Великаго Колокола и громкіе звуки трубъ и флейтъ возвѣщаютъ о выходѣ изъ дворца короля. Кавалерія, расположенная напротивъ, встрѣчаетъ его, поворачивая къ нему лошадей хвостомъ. Снова летятъ курьеры со стрѣлами въ одеждѣ.

Королевской процессіи предшествуетъ великолѣпно одѣтый „генералъ авангарда“, поддерживаемый на сѣдлѣ слугами, въ сопровожденіи толпы подчиненныхъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою свиту; за нимъ слѣдуютъ солдаты, люди съ ящиками стрѣлъ и тяжелыми шелковыми знаменами съ фазаньими перьями на концѣ древка; ряды слугъ въ голубыхъ зеленыхъ газовыхъ платьяхъ сверхъ бѣлыхъ чехловъ, вельможи, каждый со свитой своихъ знаменосцевъ, ряды королевскихъ знаменосцевъ, несущихъ желтыя и голубыя знамена съ королевскимъ гербомъ, кавалеристы въ золотыхъ (имитация) каскахъ, охотники на тигровъ, въ высокихъ коническихъ суконныхъ шляпахъ и широкой темносиней одеждѣ, съ длинными ружьями.

Послѣ небольшого промежутка слѣдуетъ министръ иностранныхъ дѣлъ, возсѣдающій на черномъ креслѣ, убранномъ леопардовыми шкурами; кресло стоитъ на черной платформѣ, укрѣпленной на двухъ стойкахъ, придѣланныхъ къ черному колесу; платформу несутъ 8 человекъ на вышинѣ 8 футовъ надъ землей.

Еще солдаты, знаменосцы, барабанщики, потомъ начальникъ евнуховъ, роскошно одѣтый, съ громадной свитой и множествомъ слугъ, опять дворцовые слуги, кавалеристы; у однихъ ноги висятъ чуть не до земли, у другихъ еле доходятъ до половины боковъ лошади. Лошадей, на которыхъ сидятъ офицеры, ведутъ кули.

Затѣмъ идутъ пѣшіе солдаты съ безчисленными знаменами, генералы, придворные чины, государственные дѣятели, одни въ красныхъ шляпахъ съ черными перьями, другіе въ широкихъ волосяныхъ шляпахъ съ торчащими крыльями, третьи въ широкихъ митрахъ, украшенныхъ полосками, блестящими, какъ золото.

Еще солдаты. Пробѣгаютъ два скорохода, раздающіе своими дубинками удары направо и налѣво. Барабанщики немилосердно

бьютъ въ свои барабаны, флейты пищать. Еще сановники съ волшебной свитой въ свѣтло-зеленыхъ и голубыхъ шелковыхъ гавовыхъ одеждахъ; личные слуги короля въ желтомъ; съ бамбуковыми шляпами, украшенными розетками; королевскіе знаменосцы съ королевскимъ знаменемъ: извивающимся дракономъ на желтомъ полѣ,—еще флаги и солдаты. Затѣмъ несутъ эмблему королевскаго достоинства — гигантскій красный шелковый зонтикъ, и странную раму изъ камней. Опять вельможи, солдаты, музыканты, и, наконецъ, королевскія носилки; первыя, обитыя краснымъ шелкомъ,—пустыя,—мѣра, вызванная предположеніемъ, что въ случаѣ покушенія на жизнь императора, ударъ будетъ направленъ сюда. Передъ ними несутъ громадный трезубецъ, за ними, на чудныхъ красныхъ лакированныхъ носилкахъ, обитыхъ краснымъ шелкомъ, богато украшенныхъ шелковыми шнурами и кистями, 40 носильщиковъ въ красной одеждѣ высоко несутъ самого короля, съ достоинствомъ подвигающагося среди безмолвной толпы. Число вельможъ кажется неистощимымъ, такъ какъ за королемъ снова идутъ сановники въ роскошныхъ костюмахъ съ шапками, украшенными краснымъ бархатомъ, павлиньими перьями и низками янтарныхъ бусъ. За вельможами слѣдуютъ снова барабанщики, пѣхота въ панцряхъ, усѣянныхъ иглами, „генералъ арьергарда“ въ сіяющей каскѣ и богатомъ голубомъ и красномъ съ золотомъ мундирѣ. Процессію заключаютъ солдаты со своими длинными ружьями.

Поздно вечеромъ король съ помпой возвращается при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ и голубыхъ и рововыхъ фонариковъ, качающихся на концахъ пикъ и штыковъ.

Такая процессія стоитъ 25.000 іенъ и тяжело ложится на государственннй бюджетъ.

По понятіямъ корейцевъ, земля, воздухъ, вода,—все населено демонами; они вездѣ—въ тѣнистомъ деревѣ, въ темномъ ущельѣ, въ хрустальномъ ручьѣ, на вершинѣ горы, на зеленѣющихъ склонахъ, въ долинахъ, на мирныхъ нивахъ, въ лѣсу, въ оверахъ и рѣкахъ, на берегахъ, при дорогѣ, на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ, на каждой крышѣ, на потолкѣ, въ очагѣ, въ каждомъ кангѣ¹⁾, въ каждомъ брусѣ, въ трубѣ, подъ каждымъ навѣсомъ, въ жилой комнатѣ, въ кухнѣ — на каждой полкѣ и въ каждомъ горшкѣ,—всюду стараются они вредить человѣку.

Стоитъ ему выйти изъ дому, какъ тысячи билліоновъ демоновъ окружаютъ его спереди, свади, съ боковъ, сверху.

Вѣра въ духовъ держитъ корейца въ постоянномъ страхѣ, такъ какъ малѣйшій его промахъ вызываетъ безпощадное мщеніе съ ихъ стороны.

Легіонъ духовъ, по понятіямъ корейцевъ, населяющихъ міръ, дѣлится на два разряда.

¹⁾ Кирпичная платформа, устланная маттами, согрѣваемая снизу трубами,—мѣсто для сна и сидѣнія зимой.

Къ первому разряду принадлежатъ самостоятельныя духи, невидимые враги человѣка, всегда готовые вредить ему, и души людей, умершихъ въ бѣдности и горѣ. Послѣдніе—голодные, не одѣтые, дрожащіе отъ холода, насылаютъ страшныя бѣдствія на тѣхъ, кто не позаботится объ удовлетвореніи ихъ нуждъ.

Во второмъ разрядѣ числятся болѣе добродушныя и самостоятельныя духи и души людей добрыхъ или умершихъ въ богатствѣ. Но и они очень капризны и легко оскорбляются. Однако, благодаря заклинаніямъ и жертвоприношеніямъ, они могутъ помочь людямъ въ достиженіи ихъ желаній и въ отвращеніи пагубныхъ дѣйствій злыхъ духовъ.

Корейскій демонизмъ представляетъ собою соединеніе корейскихъ суевѣрій съ испорченнымъ буддизмомъ и китайскими мифологическими легендами. Опытъ ихъ классификаціи былъ сдѣланъ мистеромъ Джонсомъ и докторомъ Ландисомъ. Предлагаемъ здѣсь выдержку изъ ихъ труда.

О-банг-чан-кунь. Этихъ духовъ пять. Они завѣдываютъ востокомъ, западомъ, сѣверомъ, югомъ и серединой неба. При входѣ во многія деревни стоятъ ихъ изображенія въ видѣ украшеннаго соломенными шнурами и кистями столба, верхушка котораго высѣчена въ видѣ отвратительнаго человѣческаго лица. Духи эти считаются покровителями поселянъ, которые приносятъ имъ въ даръ рисъ и плоды.

Шин-чанги. Ихъ 80.000, и каждый изъ нихъ начальствуетъ надъ цѣлой толпой духовъ, наполняющихъ землю и воздухъ. Въ центральной Корей часто встрѣчаются посвященные имъ жертвенники съ изображеніемъ гигантскаго, пестро раскрашеннаго воина и надписью: „Я—Духъ, живу здѣсь“.

Тон-гоби наиболѣе извѣстны изъ всѣхъ демоновъ. Ихъ боятся и ненавидятъ. Предполагаютъ, что они произошли отъ душъ людей, погибшихъ внезапной или насильственной смертью. Изъ-за нихъ часто люди покидаютъ свои дома и строятъ себѣ новыя. Ихъ фетишами могутъ быть такія вещи, какъ, напр., шляпа ма-пу (слуги) или платье писмоводителя изъ йамена, обратившееся въ лохмотья отъ грязи и ветхости, спрятанныя подъ маленькой соломенной палаткой. Они часто, подобно нашимъ домовымъ, устраиваютъ хозяевамъ дома разныя каверзы: то засунутъ крышки желѣзныхъ котловъ въ середину котла, то хлопаютъ цѣлую ночь дверьми и окнами такъ, что, казалось бы, все должно быть разбито, а къ утру нѣтъ слѣда ихъ работы.

Нечистые духи—*Сач-жемъ*, всегда ищущіе случая повредить людямъ.

Сан-шин-Районъ—горныя духи. Имъ жертвенники ставятся подъ тѣню большихъ деревьевъ, при чемъ особенно счастливымъ камнемъ для жертвенника считается плоская плита. Они покровительствуютъ произрастанію жень-шеня, а потому въ большомъ уваженіи. Какъ покровитель охотниковъ на оленей, духъ этой категоріи изображается въ видѣ суроваго старца въ чинов-

ничьей одеждѣ, ѣдущаго верхомъ на тигрѣ. Кругомъ его жертвенники стоятъ жертвенники его гарему, съ изображенными на нихъ женщинами-демонами, очень часто японками.

Тигрѣ, въ огромномъ числѣ водящійся въ сѣверной и центральной Корей, считается вѣрнымъ слугою горныхъ духовъ, которые насылаютъ его на то селеніе, противъ котораго почему-либо разгнѣвались.

Если дровосѣкъ не броситъ первую ложку риса изъ своего кубка горному духу, то ему навѣрно предстоитъ опасное паденіе или тяжелое пораненіе. Вообще эти демоны очень капризны и умиловлять ихъ надо постомъ, частымъ омовеніемъ и отшельничествомъ.

Видѣть во снѣ горнаго духа или его приспѣшника, тигра, считается очень хорошимъ предзнаменованіемъ.

Лонг-шынн, или демоны драконы,—духи водѣ. Для нихъ жертвенниковъ не строится, но устраиваются очень дорогія церемоніи на водѣ и берегахъ рѣкъ, во время которыхъ приносятся жертвы за упокоеніе душъ утопленниковъ.

Наиболѣе бросающееся въ глаза—почитаніе *Сонг-Вхоанг-Данъ* (жертвенникъ Святого Принца), большого корейскаго жертвенника, грубо сложеннаго изъ камней подъ тѣнью дерева, на вѣтвяхъ котораго навѣшаны куски бумаги, тряпки, мѣшечки рису, старая одежда, соломенные башмаки. Предполагаютъ, что *Сонг-Вхоанг-Данъ* посѣщается различными демонами.

Если какая нибудь птица или звѣрь уничтожатъ насѣкомыхъ, вредящихъ посѣву, имъ также воздвигается жертвенникъ, на которомъ размалевываютъ яркими красками изображеніе птицы или животнаго.

Два духа, *То-ти-чи-Шинъ* и *Чон-Шинъ* считаются мѣстными духами и занимаютъ склоны холмовъ. Имъ совершаютъ поклоненіе и приношенія во время похоронъ. Въ Сеулѣ Чон-Шину строится жертвенникъ изъ глины или цемента, въ который вдѣлывается его изображеніе; въ деревняхъ же ставится подъ деревомъ его фетишь—соломенная палатка надъ старыми башмаками. Въ честь его справляются празднества каждые три года.

Домашніе духи: *Сонг-чжу*, старшій изъ домовыхъ духовъ—его фетишь состоитъ изъ столькихъ листовъ бумаги и бумажнаго мѣшка со столькими ложками рису, сколько лѣтъ дому.

Ти-чжу—другой великій демонъ, но о немъ очень мало извѣстно. Приношенія ему дѣлаются внѣ дома 1-го, 2-го, 3-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. Его фетишь—снопъ соломы, пустой въ серединѣ, поставленный на трехъ палкахъ; иногда вмѣсто этого ставится цвѣточный горшокъ съ нѣсколькими зернами рису.

Он-чжу—духъ кухни; его фетишь—кусокъ бумаги или платя, прибитаго надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ готовится пища.

Это три домовыхъ духа, но есть духи семьи; изъ нихъ важнѣйшій *Чо-Уангъ*, духъ съ созвѣздія Большой Медвѣдицы, поль-

звующійся большою популярностію; ему ставится жертвенник около домової стѣны, а его фетишь—тыква, наполненная до-скутьями и бумагой.

Ти-чжу № 2—приносящій семьѣ счастье. Его фетишь—со-ломенная палатка трехъ футовъ вышины надъ цвѣточнымъ горш-комъ съ рисомъ, покрытымъ бумагой и камнемъ.

Величайшій и древнѣйшій изъ семейныхъ демоновъ *Чю-Сюкь*, дѣдъ *Сан-Чин-чю-Сюка*—демона рожденій, дарующаго потомство. Фетишь послѣдняго передается отъ отца къ сыну—это трой-ственный демонъ, и корейскія женщины, слыша о Христіанской Троицѣ говорили, что Она вполне понятна имъ, благодаря Сан-Чину. Онъ покровительствуетъ дѣтямъ до четырехлѣтняго воз-раста; онъ запрещаетъ простолюдинкамъ-матерямъ выходить въ теченіе 21 дня послѣ рожденія ребенка, а благороднымъ мате-рямъ въ теченіе 100 дней, и въ это время ни мать, ни дитя не должны видѣть солнечнаго луча.

Па-муль—демонъ богатства—тотъ же Маммона; ему покло-няются въ амбарѣ. Его фетишь,—сосудъ изъ тѣста, поставленный на два изукрашенныхъ мѣшка съ рисомъ.

Каль-митъ завѣдываетъ внѣшнимъ счастьемъ семьи—его фе-тишь вдѣланъ надъ воротами и состоитъ изъ всякаго старья, старыхъ соломенныхъ башмаковъ, иѣсколькихъ кешъ и тростнико-ваго платья.

На выступахъ королевскихъ строеній и на городскихъ воро-тахъ стоятъ ряды бронзовыхъ или китайскаго фарфора фигуръ съ цѣлью предохраненія отъ злыхъ духовъ. На перекресткахъ дорогъ часто лежитъ кусокъ дерева, обработанный въ видѣ мы-шеловки съ заткнутымъ отверстіемъ, черезъ который прохожіе стараются переступить со всею осторожностію.

Мужчины „образованныхъ“ классовъ ограничиваются почита-ніемъ предковъ, смѣясь надъ жертвенниками, тряпками, рисо-выми мѣшечками и другими атрибутами почитанія духовъ, но необразованный народъ и женщины, начиная съ царскаго дворца и кончая послѣдней хижиной, находятъ въ полной власти бо-лѣе чѣмъ 15-ти-вѣкового культа.

Демонизмъ или шаманизмъ господствуетъ въ Азіи преиму-щественно среди Самоѣдовъ, Остяковъ и др., а также среди племенъ, населяющихъ холмистую страну на юго-западной границѣ Китая. Названіе *шаманъ* одинаково употребляется для мужчины и для женщины, имѣющихъ непосредственныя сношенія съ духами, или имѣющихъ власть пріобрѣсти ихъ благоволеніе или устранить ихъ злое вліяніе разными магическими обрядами, чарами, пѣснями, испѣвать болѣзни заклинаніями, предсказывать будущее, объяснять сны.

Корейскій шаманизмъ мягче сѣверо-азиатскаго, вѣроятно, подъ вліяніемъ буддизма; хотя почитаемые духи и не всегда злы, но они враждебны человѣку, капризны и мстительны. Шаманы не составляютъ особой корпораціи, но на практикѣ они игра-

ють роль жрецовъ. Есть предположеніе, что въ отдаленныя времена демонизмъ сопровождался человѣческими жертвами.

Теперь существуетъ два класса шамановъ: *Пан-су* и *Му-тангъ*.

Пан-су—слѣпые знахари; и счастливы родители, у которыхъ сынъ слѣпой: онъ всегда хорошо зарабатываетъ для нихъ и поддерживаетъ ихъ на старости лѣтъ.

Пан-су раньше пользовались большимъ почетомъ; но при послѣдней династіи потеряли свое высокое положеніе. Главные *Пан-су* носятъ официальное названіе отъ правительства *Чампанъ* и *Сеунг-чжи*. *Пан-су* образуютъ мѣстное общество и строятъ на собственные средства сборные дома. Главная контора корпораціи *Пан-су* построена въ Сеулѣ правительствомъ и содержится на его счетъ.

Въ братство допускаются, повидимому, только тѣ, которые представляютъ доказательства своего знанія шаманскихъ традицій, мудрости и обычаевъ, которымъ народъ приписываетъ четырехтысячелѣтнюю древность.

Неофитъ долженъ изучить „существованіе, природу и могущество демоновъ, ихъ отношенія къ людямъ, дѣйствія заклинаній, благодаря магическимъ обрядамъ, и сущности прорицаній“. Онъ долженъ размышлять „объ обычаяхъ, привычкахъ и слабостяхъ каждаго класса корейскаго общества, чтобы умѣть обращаться со всеми клиентами“. Легкое знакомство съ конфуціанствомъ должно дать ученый оттѣнокъ его рѣчи, и, въ особенности, онъ долженъ изучить методы вызыванія, заклинанія, очарованія, волшебныхъ чаръ, порицанія и приготовленія амулетовъ.

Колдуны неизмѣнно призываются для выбора мѣста для постройки дома, устройства могилы, при составленіи нѣкоторыхъ договоровъ, во время общественныхъ несчастій, болѣзней, при рожденіи дѣтей, свадьбахъ, покупкахъ земли.

Въ танцахъ, жестикуляціяхъ и вообще всѣхъ приемахъ шамановъ непременно долженъ быть экстазъ, и барабанъ играетъ въ нихъ большую роль. Вознагражденіе шаманамъ полагается очень высокое; предполагаютъ, что шаманизмъ обходится Корей ежегодно въ 2¹/₂ милл. долларовъ.

Корейцы приписываютъ всякую болѣзнь, неудачу, потерю власти и богатства и т. п. вліянію духовъ; предполагается, что *Пан-су*, одержимый сильнымъ демономъ, надъ которымъ имѣетъ власть, можетъ магическими обрядами уничтожить это вліяніе.

Вотъ, напр., обрядъ изгнанія болѣзни. Онъ дѣлится на четыре отдѣла или стадіи.

1. Прибывъ въ домъ, *Пан-су* бросаетъ изъ магической черепаховой шкатулки нѣсколько горстей ея содержимаго, чтобы узнать, какой именно духъ причинилъ болѣзнь; послѣ этого онъ назначаетъ счастливый часъ для его изгнанія и приготовляетъ все для этой операціи.

2. Теперь надо приобрести власть надъ духомъ. Пан-су вооружается дубовой или сосновой палкой длиною около 1½ фута, передаетъ ее одному изъ присутствующихъ, прося держать ее вертикально на очень твердомъ камнѣ; тогда онъ начинаетъ говорить магическія формулы, пока палка не станетъ колебаться и, наконецъ, танцовать на камнѣ — слѣдствіе того, что духъ вселился въ нее. Затѣмъ начинается допросъ, чтобы узнать причину болѣзни и удостовѣриться, дѣйствительно ли вызванъ тотъ духъ, который былъ опредѣленъ колдуномъ; самое слабое движеніе палки означаетъ—*да*, между тѣмъ какъ *нѣтъ* выражается полнымъ покоемъ. Послѣ этого, духа приглашаютъ уйти добровольно; если же онъ отказывается, Пан-су приступаетъ къ его изгнанію.

3. Въ третьей стадіи должны принимать участіе приближенные духи Пан-су. Одинъ изъ присутствующихъ держитъ на столѣ вертикально палочку, сдѣланную изъ восточной вѣтви персиковаго дерева, которое обладаетъ особенной способностью изгонять демоновъ. Пан су снова произноситъ заклинанія, вслѣдствіе чего палка начинаетъ двигаться, несмотря на всѣ усилія удержать ее. Вызванъ *Чанг-гунъ*, духъ, котораго просятъ оказать содѣйствіе. Чанг-гунъ обѣщаетъ поймать злого духа, *Чанг-куна*, и, послѣ нѣкоторыхъ приготовленій и жертвоприношеній, его просятъ исполнить обѣщанное. Человѣкъ, держащій палочку, выбрасывается изъ дому сверхъестественной силой на то мѣсто, гдѣ находится Чанг-кунъ, котораго, по предположенію присутствующихъ, Чанг-гунъ немедленно схватываетъ, а человѣка приводятъ снова въ домъ.

4. На полъ ставится бутылка съ широкимъ горлышкомъ, а около нея кусокъ бумаги съ именемъ нечистаго духа, которое узнали изъ предыдущихъ переговоровъ. Пан су касается магической палочкой бумаги, она немедленно прыгаетъ въ бутылку, которую плотно закупориваютъ и зарываютъ на склонѣ холма или на перекресткѣ.

Этотъ родъ заклинанія продолжается иногда нѣсколько дней въ тѣхъ семьяхъ, которыя въ состояніи заплатить за это; за нимъ слѣдуетъ другое, подъ названіемъ „Умиротвореніе,“ занимающее цѣлую ночь; нужно успокоить домашнихъ демоновъ, обезпеченныхъ предыдущимъ заклинаніемъ, и очистить домъ.

Орудіями заклинанія Пан-су въ разныхъ его стадіяхъ служатъ то барабанъ, то цимбалы, то магическая шкатулка, то палка или нѣсколько магическихъ палочекъ.

Шаманы говорятъ, что многія чары и формулы заимствованы ими у буддистовъ, которые, въ свою очередь, увѣряютъ, что почитаніе демоновъ существовало въ Корей задолго до введенія буддизма и, какъ на остатокъ древняго ритуала этого почитанія, указываютъ на обычай, распространенный по всей Корей, приносить на каменныхъ жертвенникахъ на вершинѣ холмовъ въ жертву духамъ-хранителямъ свиней, а иногда овецъ, передъ посѣвомъ и послѣ жатвы, а также въ случаѣ засухи или другого

бѣдствія. Жертвоприношеніе совершается начальникомъ округа отъ имени короля и по формѣ совершенно походитъ на жертвоприношеніе *Хананимъ* (Господину Неба).

Обыкновеннымъ людямъ опасно произносить заклинанія шамановъ; только существуетъ одно, произносимое въ случаѣ крайности, совершенно безопасное для всеобщаго обращенія; оно состоитъ изъ 56 буквъ, которыя должны произноситься съ начала, потомъ съ конца и съ середины, и называется „Двадцативосьмизвѣздная формула“¹⁾.

Прорицаніе—второй даръ Пан-су; опять посредствомъ обрядовъ, извѣстныхъ ему одному, онъ предсказываетъ будущее, опредѣляетъ гороскопъ, „четыре столпа человѣческой будущности,“—т. е. часъ, день, мѣсяцъ и годъ его рожденія, совмѣстно влияющіе на судьбу человѣка; въ этомъ гороскопѣ вся тайна человѣческой жизни; составленіе гороскопа—вѣнецъ прорицательной мудрости.

Если въ гороскопѣ получается стрѣла, предвѣщающая несчастье, Пан-су исправляетъ это, произведя заклинанія надъ лукомъ, сдѣланнымъ изъ персиковаго дерева, изъ котораго въ то же время спускаетъ стрѣлы, приготовленныя изъ какого-то корня, въ „незапрещенное мѣсто“.

Главная обязанность Пан-су—составить гороскопъ жениха и невѣсты и назначить счастливый для брака день, въ противномъ случаѣ демоны разстроютъ счастье молодыхъ.

Вспомогательными приспособленіями при прорицаніи служатъ „жабы ящики“ или шкатулки въ видѣ кости (игральной). Жабій ящикъ устроенъ въ видѣ черепахи съ движущимся губамъ; въ немъ лежатъ три кеша, надъ которыми Пан-су произноситъ очень древнее обращеніе; его можно приблизительно передать въ такихъ словахъ: „Всѣ вы, люди, признайте правду символическихъ сообщеній.“ Монеты подбрасываются три раза, и по ихъ сочетанію выводится предсказаніе.

Другое орудіе прорицанія—бамбуковая или желѣзная полая палка, затѣнутая съ обѣихъ концовъ, при чемъ на одномъ концѣ оставлено отверстіе, достаточное для прохода тоненькихъ бамбуковыхъ полосокъ, заключенныхъ въ ней; подобныя палки можно видѣть на безчисленныхъ китайскихъ жертвенникахъ. На каждой полоскѣ 8 зарубокъ; онѣ служатъ символомъ нѣкоторыхъ знаковъ на прорицательномъ столѣ *Хо-нэ*, которому уже 3.000 лѣтъ и которому вѣрятъ повсемѣстно въ Китаѣ.

Большая вѣра придаетъ амулетамъ, приготовленнымъ Пан-су. Они обыкновенно представляютъ изъ себя изображенія насекомыхъ или китайскія буквы и дѣлаются изъ дерева, сожженного молніей. Такому дереву приписывается особенно чудотворительная сила.

¹⁾ Въ китайской книгѣ Шу-кинъ говорится о 28 созвѣздіяхъ или звѣздныхъ обитателяхъ—это обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на родственность китайскихъ и корейскихъ вѣрованій.

Второй и большій разрядъ шамановъ— „*Му-танги*“; это женщины-знахарки, и хотя есть среди нихъ мужчины *Пан-су-му*, но при исполненіи своихъ обязанностей они надѣваютъ женское платье. Му-танги болѣе распространены, чѣмъ Пан-су, и не требуютъ такого образованія; достаточно имъ немного познакомиться съ магическими дѣйствіями и услышать „зовъ“ духа. Послѣ этого „зова“ демонъ вселяется въ женщину и составляетъ какъ бы ея двойникъ; этотъ демонъ приводитъ съ собой легіонъ другихъ демоновъ,—вотъ почему Му-танги имѣютъ важный титулъ *Ман-шинъ*, т. е. легіонъ духовъ. Повинуясь зову, женщина бросаетъ родителей, мужа, дѣтей и уходитъ одна. Съ этого времени она занимаетъ странное положеніе — въ ней нуждаются и ее зовутъ повсемѣстно, но она не составляетъ члена общества, она выброшена изъ него.

Разница между Пан-су и Му-тангами та, что первые имѣютъ власть не только изгнать, но даже зарыть духа въ землю, Му-танги же только упрасиваютъ, умоляютъ духовъ.

Обязанности Му-тангъ несравненно многочисленнѣе обязанностей Пан-су; главнымъ ея дѣйствіемъ можно считать „Котъ“, т. е. умиротвореніе и умоленіе демоновъ, которыя дѣлятся на случайныя и періодическія; послѣднія составляютъ особыя частныя или общественныя празднества. Общественный праздникъ, совершающійся 1 разъ въ три года, устраивается цѣлымъ селеніемъ, или же для празднованія его соединяются нѣсколько домовъ; продолжается онъ 3—4 дня. Онъ устраивается въ честь духа-хранителя мѣстности и состоитъ изъ жертвоприношеній, поклоненія, просьбъ и возсыланія благодарности. Поселяне избираютъ изъ своей среды двухъ человѣкъ, которые должны взять на себя всѣ хлопоты по устройству празднества. Они назначаютъ и собираютъ ту сумму, которую каждый долженъ внести. Они приглашаютъ Му-тангъ и готовятъ все необходимое для торжества.

День празднества долженъ быть назначенъ прорицателемъ, и знахари должны въ теченіе семи дней до наступленія этого дня часто купаться и воздерживаться отъ мясной пищи.

Въ день, назначенный для празднества, ярко украшенная палатка ставится около жертвенника, посвященнаго демону, и совершаются жертвоприношенія въ то время, какъ Му-тангъ играетъ на инструментахъ, танцуетъ и выдѣлываетъ разныя тѣлодвиженія; въ это время духи вселяются въ нее, и она говоритъ пророчанія, называемыя *Конг-су-Па-та*. Знахаркѣ приносятъ кубки сырого рису съ просьбой предсказать будущее на 3 года. Обыкновенно въ этотъ праздникъ въ кубокъ кладутъ трубочку изъ очень тонкой бѣлой бумаги, которую зажигаетъ съ верхняго конца Му-тангъ, произнося во все время ея горѣнія магическія слова; если, по достиженіи края кубка, бумага продолжаетъ горѣть внутри его — это не къ добру; если же взлетаетъ на воздухъ — это хорошее предзнаменованіе.

Частный праздник — *Чоль-мури-Кюмъ* устраивается семьей разъ въ два или три года для благодаренія домашнихъ демоновъ и испрошенія у нихъ дальнѣйшихъ милостей; онъ требуетъ такихъ расходовъ, отъ которыхъ семья иногда не можетъ оправиться въ теченіе цѣлаго года. Приносятъ въ жертву свинью, нанимаютъ Му-тангъ, фетиши демоновъ очищаются и обновляются. Во время заклинаній въ Му-тангъ воплощается либо домашній духъ, либо духъ одного изъ предковъ.

Услуги Му-тангъ требуются при обрядѣ очищенія послѣ родовъ, или смерти, или какого-нибудь другого обстоятельства, вводящаго въ домъ нечистыхъ духовъ, изгоняющихъ добрыхъ демоновъ дома. Тогда срѣзываютъ сосновую вѣтку съ *восточной* стороны дома — и добрые духи возвращаются; главный демонъ-хранитель — *Монт-гари* призывается заклинаніями Му-тангъ и убѣждается не покидать своего мѣстопробыванія, а нечистый духъ изгоняется; при этомъ часто брызгаютъ чистой водой и бьютъ въ барабанъ.

Какъ ни низко положеніе женщинъ вообще, но Му-танги, благодаря вѣрѣ въ ихъ сверхъестественный даръ, пользуются полнымъ довѣріемъ корейцевъ, которые обращаются къ нимъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ; Му-танги получаютъ отвѣтъ на свои запросы или непосредственно отъ демона, или черезъ магическую палочку, сдѣланную изъ орѣхового дерева, или посредствомъ риса. Палочка увѣнчана кружкомъ колокольчиковъ, и Му-тангъ въ ихъ звонѣ слышитъ голосъ демона; зерна риса бросаютъ на столъ и по ихъ сочетанію предсказываютъ будущее.

Часто дѣтей продаютъ демонамъ, преимущественно сыновей, такъ какъ о дочеряхъ не стоитъ заботиться. Это приноситъ богатство и долгую жизнь проданному. День продажи назначается знахаркой, и мальчикъ „посвящается“ демону извѣстными обрядами, послѣ чего имя демона составляетъ часть имени ребенка, а демону приносятся жертвы и совершается поклоненіе каждое 15-е число 1-го луннаго мѣсяца и 3-е число 3-го луннаго мѣсяца.

Нерѣдко ребенка продаютъ самой Му-тангъ, которая принимаетъ его съ разрѣшенія своего демона; тогда она беретъ отъ родителей рисовый кубокъ, ложку и кусокъ бумажной одежды, на которой надписывается договоръ о продажѣ ребенка, и кладетъ все это у себя въ домъ, въ комнату, посвященной ея демону; хотя ребенокъ живетъ съ его родителями, но зоветъ знахарку *Шинъ* и считается ея сыномъ.

Домашній добрый духъ приноситъ здоровье и счастье, но не всегда можетъ избавить отъ болѣзни, и выходитъ изъ дому при входѣ въ него нечистаго духа. Му-тангъ должна вернуть его. Для этого она обертываетъ дубовую палку большимъ листомъ бумаги и, держа ее вертикально, идетъ на поиски духа; въ томъ мѣстѣ, гдѣ она находитъ его, палка потрясается такъ сильно, что никакими человѣческими силами не удержатъ ея.

Тогда Му-тангъ возвращается вмѣстѣ съ нимъ въ домъ, гдѣ его привѣтствуетъ съ изъявленіями живѣйшей радости. Въ бумагу, которой была обернута палка, завертывается нѣсколько кешъ, затѣмъ пропитываютъ ее виномъ и бросаютъ ею въ какую нибудь балку въ домѣ, къ которой она пристаётъ. Съ этого времени демонъ водворяется на этомъ мѣстѣ. Церемонія обходится очень дорого.

Демонъ оспы „Мама“, по имени котораго называется самая болѣзнь, явился, по убѣжденію корейцевъ, изъ южнаго Китая въ Корею на 1000 лѣтъ; его не изгоняютъ, не зарываютъ, но встрѣчаютъ съ самыми большими знаками почета. Зовутъ Му-тангъ и устраиваютъ пиръ, чтобы почтить его; если у сосѣдей есть дѣти, не болѣвшіе этой болѣзью, ихъ не удаляютъ, чтобы разсерженный „Мама“ не поступилъ съ ними жестоко. На 12-й день опасность считается миновавшей, снова призывается Му-тангъ и устраивается прощальный обѣдъ; готовится маленькая деревянная лошадь, нагружается мѣшочками денегъ и пищи для путешествія демона, съ нимъ горячо и почтительно прощаются и провожаютъ съ лучшими пожеланіями.

Происхожденію Му-тангъ приписывается древность въ 4.000 лѣтъ. 500 лѣтъ тому назадъ онѣ были изгнаны изъ Сеула, и теперь ихъ жилища находятся за городомъ.

Женщина не бываетъ Му-тангъ отъ рожденія; передъ призваніемъ она заболѣваетъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и ей представляются драконы, радуги, персиковыя деревья въ цвѣту, вооруженные воины, превращающіеся въ звѣрей; подъ вліяніемъ этихъ видѣній она дѣлается почти безумной и начинаетъ пророчать.

Тогда она сообщаетъ семьѣ, что посланники Неба, Земли и Молніи извѣстили ее, что она должна обратиться въ Му-тангъ; если родные попробуютъ удержать ее, ея болѣзнь часто имѣетъ смертельный исходъ.

Какъ только ее отпускаютъ родные, она немедленно идетъ въ пустую комнату и наполняетъ ее цвѣтами—это ея приношеніе демонамъ. Платье и инструменты она беретъ отъ раньше умершей Му-тангъ; она выгоняетъ злыхъ духовъ изъ дома того, кто передалъ ей требуемыя вещи, пишетъ его имя на дощечкѣ, которую ставитъ въ маленькой комнаткѣ, и призываетъ благословеніе на этотъ домъ на три года.

Му-тангъ должна имѣть нѣсколько одеждъ,—изъ нихъ нѣкоторыя очень дорогія, барабанъ въ формѣ часового стекла четырехъ футовъ длиной, мѣдныя цимбалы, мѣдную палочку съ висащими на мѣдныхъ цѣпочкахъ звонками, куски шелковой матеріи и бумаги, которые порхаютъ вокругъ нея во время ея танцевъ, вѣера, зонтики, палочки, изображенія людей и животныхъ, желѣзные и мѣдные гонги, пару корзинокъ цилиндрической формы для парашаня; послѣднія, главнымъ образомъ, употребляются при излеченіи холеры, приписываемой крысамъ, забравшимся въ

желудокъ человѣку. Царапанье этими корзинами напоминаетъ звукъ царапанья котовъ, который долженъ испугать и выгнать грызуновъ.

Приготовляясь къ заклинанію, Му-танги должны поститься отъ трехъ дней до одного мѣсяца, воздерживаясь отъ мясной и рыбной пищи. Передъ самымъ заклинаніемъ Му-тангъ бросаетъ въ воду пепелъ и, обходя кругомъ дома, кропитъ сначала этой, а потомъ чистой водой.

Невозможно сказать, насколько великъ самообманъ Му-тангъ. Въ одномъ изъ ихъ танцевъ при заклинаніи „демона семейства Ии“, одного изъ злѣйшихъ и могущественнѣйшихъ духовъ демонской іерархіи, онъ доходитъ до такой степени неистовства, что падаютъ на землю съ пѣной у рта, и нерѣдко смерть является слѣдствіемъ ихъ чрезмернаго возбужденія.

Демонъ семейства ии—это духъ одного возмущившагося принца царской крови, и единственная цѣль его существованія вредить всѣмъ, кого онъ ни встрѣтитъ.

Бываютъ случаи, когда мужчина женится на Му-тангъ, но на него смотрятъ съ презрѣніемъ, такъ какъ явно, что онъ рассчитываетъ жить на заработки жены.

Корейцы не имѣютъ слова для обозначенія слова демонизма или шаманизма. Единственная фраза, выражающая ихъ вѣру въ демоновъ,—„Кур-синъ уи хан-нанъ Кѳъ“ (поклоненіе духамъ). Буддизмъ на корейскомъ языкѣ—Пульто, конфуціанство—Йуто, но слогъ *то*, означающій доктрину, не прибавляется къ демонизму.

Правднованіе Нового Года тѣсно связано съ суевѣріями корейцевъ и ихъ вѣрованіемъ въ духовъ.

Въ ночь подъ Новый Годъ на крышахъ домовъ ставятся расщепленныя палки со вложенными въ нихъ кругами красной и бѣлой бумаги, и тѣ, которыхъ колдуны предостерегали о наступающихъ несчастіяхъ, просятъ луну отстранить ихъ.

Въ день Нового Года выносятъ на улицу старательно собранные за цѣлый годъ волосы, остающіеся послѣ стрижки и расчесыванія всей семьи, и сжигаютъ ихъ въ битой посудѣ: это мѣшаетъ нѣкоторымъ демонамъ проникнуть въ домъ въ теченіе слѣдующаго года.

На улицу выбрасываются грубыя соломенные куклы съ нѣсколькими кешами внутри: всѣ невзгоды семьи, выбросившей такую куклу, передаются тому, кто ее подыметъ.

На бумагѣ рисуютъ различныя изображенія, подписываютъ подъ ними всѣ свои тѣлесныя и душевныя невзгоды и даютъ мальчику съжечь эту бумагу.

Очень странный новогодній обычай состоитъ въ томъ, что мужчины, женщины и дѣти до полуночи ходятъ по мостамъ; каждый долженъ перейти мостъ столько разъ, сколько ему лѣтъ—это спасаетъ отъ болѣзни ногъ на весь слѣдующій годъ.

За нѣсколько дней до наступленія Нового Года дворцовые евнухи поютъ призыванія, размахивая въ то же время зажженными факелами; это даетъ хорошій урожай въ соотвѣтствующее время года.

Съ утра посѣщаютъ могилы и всей семьей совершаютъ жертвоприношенія изъ пищи передъ табличками предковъ. Народъ масами накупаеъ орѣхи, грызетъ ихъ и, подержавъ зерно во рту, выплевываетъ, чтобы предотвратить лѣтнія болѣзни. Мужчины стараются узнать количество дождя, которое выпадетъ въ каждый мѣсяцъ; для этого разрѣзываютъ бамбуковую палку пополамъ, вкладываютъ въ нее 12 бобовъ, по числу мѣсяцевъ въ году, другъ около друга, закрываютъ и слегка связываютъ обѣ половинки; затѣмъ палка опускается на ночь въ колодезь. Утромъ ихъ разсматриваютъ, придавая вращательное движеніе; сообразно ихъ утолщенію будетъ больше или меньше дождя; набухшій бобъ предвѣщаетъ засуху въ соответствующемъ мѣсяцѣ. Утромъ въ этотъ день не кормятъ собакъ, чтобы предохранить ихъ отъ паденія лѣтнихъ мухъ.

Если въ какой-нибудь семьѣ въ теченіе года родился мальчикъ, то съ дома его родителей въ день Новаго Года вывѣшиваются днемъ на палкахъ бумажныя рыбы, а ночью—зажженные фонарики. Вечеромъ жгутъ свѣчи и слѣдятъ, сгораютъ ли онѣ вполнѣ, или же часть остается негорѣвшей; въ первомъ случаѣ ребенокъ будетъ жить долго, во второмъ—не такъ долго, смотря по величинѣ недогорѣвшаго куска.

Кромѣ Му-тангъ есть еще женщины, пользующіяся свободой—это танцовщицы; онѣ во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ японскихъ гейшъ и содержатся на счетъ корейской казны. Особенно славятся красотой и образованіемъ танцовщицы изъ Фай-онг-йанга. Бѣдные люди, обремененные множествомъ сыновей, часто отдаютъ одного изъ нихъ внукомъ во дворецъ, дочерей же отдаютъ въ танцовщицы; онѣ съ ранняго дѣтства получаютъ такое образованіе и воспитаніе, котораго лишены остальные женщины. Ихъ учатъ играть на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть, танцовать, читать, декламировать, писать, исполнять ручныя изящныя работы. Ихъ назначеніе—улаждать досуги мужчинъ; поэтому отъ нихъ требуются такія совершенства, которыхъ кореецъ и не подумаетъ искать въ своей женѣ. Онѣ одѣты очень красиво и, благодаря свободѣ, пріобрѣтаютъ непринужденныя и граціозныя манеры. Ихъ танцы состоятъ, главнымъ образомъ, какъ вообще на Востоцѣ, въ принятіи красивыхъ позъ, не представляющихъ, по свидѣтельству иностранцевъ, видѣвшихъ ихъ, ничего неприличнаго.

Начиная самыми простыми чиновниками, которые въ состояніи заплатить за эту роскошь, вездѣ присутствіе танцовщицъ считается лучшимъ развлеченіемъ для гостей.

Однако, въ то время, какъ въ Японіи гейши нерѣдко выходятъ замужъ за знатныхъ людей, ни одинъ кореецъ и не подумаетъ оказать такой чести танцовщицѣ, хотя многіе изъ нихъ совершенно забрасываютъ своихъ женъ, благодаря этимъ красавицамъ, которыхъ на ряду съ Му-тангами называютъ въ корейской сказкѣ „Отплата короля ласточекъ“ однимъ изъ „10 проклятій страны.“

А. Ц.

Забытый вопросъ.

(Просвѣтительныя учрежденія въ нашихъ тюрьмахъ).

I.

Есть уголокъ общественной жизни въ Россіи — изображеніе его можно найти не въ одномъ произведеніи нашей художественной литературы, — который менѣе всего отмѣченъ культурнымъ движеніемъ послѣднихъ десятилѣтій. Это — тюрьма.

Мы коснемся одной лишь стороны вопроса — тюремной школы.

Вездѣ, за исключеніемъ, конечно, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи государствъ, существуютъ законы объ обязательномъ устройствѣ тюремныхъ школъ. Правда, программа этихъ школъ не отличается широтою; она ограничивается обыкновенно сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ знаній — обученіемъ грамотѣ и четырьмя дѣйствіямъ ариметики. Можно, однако, указать страны, гдѣ просвѣщеніе въ тюрьмахъ поставлено иначе. Въ Швейцаріи заключенныхъ знакомятъ съ географіей и исторіей жизни великихъ людей. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки они обучаются всѣмъ наукамъ гимназическаго курса, начиная съ алгебры и геометріи и кончая философіей, политикой и законовѣдѣніемъ. При каждой школѣ имѣется учитель, даже нѣсколько учителей; на примѣръ, учительскій персоналъ одной изъ американскихъ тюремъ состоитъ изъ главнаго учителя, учителя, учителя гимнастики и двухъ „conferenciers“ овъ.

Въ Россіи же вопросъ этотъ даже не ставился до сихъ поръ. Между тѣмъ, именно въ Россіи тюремная школа имѣетъ особенно важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ прежде всего, изъ кого состоитъ сѣрая масса тюремныхъ арестантовъ?

„При ближайшемъ ознакомленіи съ краткосрочными преступниками, отбывающими наказаніе въ Петербургской Одиной Тюрмѣ, нельзя не убѣдиться, что главный контингентъ тюремнаго населенія составляютъ пришлые неграмотные крестьяне сто-

личной и сосѣднихъ съ столичною губерній. Этотъ элементъ образовывается изъ остатковъ свободнаго отъ земельной работы мѣстнаго крестьянскаго населенія; грамотные и болѣе расторопные успѣваютъ пристроиться на ближайшихъ къ мѣстамъ ихъ осѣлости фабрикахъ и заводахъ, а остальная излишняя безграмотная чернорабочая масса стремится къ большимъ центрамъ на заработки, не подозревая того, что безграмотный людъ въ городѣ—обуза, что отсутствіе грамотности въ человѣкѣ лишаетъ его возможности въ городѣ получить мѣсто не только какого-нибудь артельщика, но даже младшаго дворника, сторожа и т. п. Затѣмъ машина съ невѣроятной быстротой всюду замѣняетъ, гдѣ только возможно, живую рабочую силу. Послѣ всего этого что же остается пришлому чернорабочему крестьянину? Да почти ничего! Случайныя поденныя работы, а за недостаткомъ ихъ—преступленіе¹⁾“. Къ такому выводу приходитъ авторъ интереснаго очерка о Петербургской Одиной Тюрьмѣ, помѣщеннаго въ одномъ изъ номеровъ „Тюремнаго Вѣстника“ за 1903 г. Не менѣе любопытны данныя учительницы воскресной школы при Харьковской женской тюрьмѣ, Л. И. Дашкевичъ: оказывается, изъ 76 ученицъ ея школы лишь 26 имѣли родныхъ; остальные—круглыя сироты, брошенныя на произволъ судьбы. Всѣ онѣ съ самыхъ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ или работали въ мастерскихъ, или жили по „мѣстамъ“. Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется официальныхъ данныхъ, бросающихъ свѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Но если мы обратимся къ „Мертвому Дому“ Достоевскаго, „Изъ міра отверженныхъ“ Мельшина и „Сахалину“ г. Дорошевича—картина будетъ довольно полная...

Итакъ, что же мы видимъ? За рѣдкими исключеніями, арстантскія массы вербуются изъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, изъ тѣхъ именно слоевъ, которые почти не затронуты ни школьнымъ, ни вѣтшкольнымъ просвѣщеніемъ.

Мы не будемъ повторять здѣсь всѣмъ извѣстныхъ истинъ о недостаткѣ у насъ низшихъ школъ, о томъ, какъ далека Россія отъ идеала всеобщаго обученія... По проценту грамотности, она занимаетъ чуть ли не послѣднее мѣсто въ ряду цивилизованныхъ государствъ. Между тѣмъ, экономическое развитіе Россіи идетъ быстрымъ шагомъ впередъ: Россія вступаетъ въ мѣстныя сношенія въ Европѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ потребность въ грамотѣ, въ знаніи. Каждому извѣстно, какъ велика жажда знанія, стремленіе разобратся въ вопросахъ усложняющейся жизни именно у бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Тюремная школа, такимъ образомъ, приобрѣтаетъ у насъ особое значеніе: она явилась бы необходимымъ дополненіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

¹⁾ „Тюремный Вѣстникъ“ 1903 г. № 6, стр. 276.

II.

Имѣющаяся у насъ литература, посвященная вопросу тюремнаго просвѣщенія, крайне скудна. Она исчерпывается нѣсколькими корреспонденціями и двумя-тремя статейками. Скудны и тѣ начинанія, которыя были сдѣланы въ области тюремнаго просвѣщенія. Въ нашемъ законодательствѣ не имѣется даже указаній на обязательное устройство школъ при тюрьмахъ. Есть въ сводѣ законовъ указаніе на то, что тюремные комитеты и отдѣленія обязаны заботиться о „нравственномъ исправленіи“ заключенныхъ подъ стражу; но заботы о „нравственномъ исправленіи“ арестантовъ ограничиваются церковнымъ воздѣйствіемъ. Дѣло же обученія арестантовъ грамотѣ, ознакомленія ихъ съ элементарными начатками знанія всецѣло находится въ рукахъ частной инициативы.

Первая попытка устройства тюремной школы, относящаяся къ шестидесятымъ годамъ, была сдѣлана богатымъ помѣщикомъ, А. Н. Карамзинымъ. Но основанная имъ школа просуществовала недолго: лишь одну зиму. Прошло болѣе трехъ десятилѣтій, прежде чѣмъ неудавшаяся попытка Карамзина нашла продолжателей. Тюремныя школы стали вновь появляться въ половинѣ девяностыхъ годовъ. Въ настоящее время онѣ существуютъ во многихъ городахъ Россіи.

Устроителями школъ являются добровольцы изъ интеллигенціи—большей частью учителя, учительницы, присяжные повѣренные и проч.; въ нѣкоторыхъ городахъ—мѣстные комитеты грамотности, общества попечительства о тюрьмахъ¹⁾, даже церковный причтъ. Такъ, при Красноярской тюрьмѣ въ 1902 г. была устроена школа тюремнымъ церковнымъ причтомъ, при школѣ—чтенія и библіотека. При Могилевской тюрьмѣ школа устроена ректоромъ мѣстной семинаріи и представляетъ собою отдѣленіе образцовой школы при послѣдней. Занятія въ школѣ ведетъ безвозмездно учитель образцовой школы; книги и учебныя пособия доставляются Епархіальнымъ Совѣтомъ. Но это исключительные случаи; главными инициаторами являются все-таки частныя лица, мѣстные благотворительныя общества, иногда даже общества попеченія о народной трезвости оказываютъ школамъ денежную поддержку. Правда, иногда инициатива исходитъ отъ тюремной администраціи; но это опять исключенія... Такъ, въ февралѣ 1902 года тюремной администраціей была устроена школа для арестантовъ при Петербургской Одинокной Тюрьмѣ. При школѣ имѣется особый учитель. Курсъ проходитъ въ два мѣсяца и заключаетъ въ себѣ обученіе чтенію, письму и четыремъ дѣйствіямъ ариметики. Всѣ учащіеся раздѣляются на два класса—классъ безграмотныхъ и классъ малограмотныхъ Школу

1) Напримѣръ, школа грамоты при кременецкомъ тюремномъ замкѣ.

обязательно посѣщаютъ всё, поступающіе въ тюрьму на срокъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, о томъ, какъ поставлено дѣло въ школахъ, не имѣется никакихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ это первая попытка тюремной администраціи взять дѣло тюремнаго обученія въ свои руки.

Естественно, тюремныя школы въ Россіи, при такихъ условіяхъ, насчитываются единицами и обставлены крайне неудовлетворительно. Устройство школъ носить характеръ случайный, благотворительный. Нашлись въ городѣ добрые люди—устроили школу; не нашлись—тюрьма остается безъ школы. Особенно даетъ себя чувствовать недостатокъ средствъ, ограниченность учительскаго персонала. Учителями тюремныхъ школъ являются, большей частью, устроители ихъ—мѣстная трудящаяся интеллигенція, учителя, учительницы, отдающіе школы своей досугъ. Ученики-арестанты, между тѣмъ, представляютъ матеріалъ въ высшей степени разнокалиберный: тутъ собрались лица различныхъ возрастовъ, различной степени воспримчивости, различныхъ степеней развитія; одни совершенно безграмотны, другіе кое-какъ слагаютъ слоги, третьи читаютъ, но не умѣютъ писать, наконецъ, четвертые и читаютъ, и пишутъ и т. д. Ихъ нельзя не разбивать на много группъ. „Если строго придерживаться распредѣленія ихъ (арестантовъ) по группамъ, пишетъ г. Дубовенко ¹⁾, то каждаго ученика пришлось бы считать за отдѣльную группу и заниматься съ нимъ отдѣльно“. Такая разнородность сильно затрудняетъ занятія, требуетъ распредѣленія труда между нѣсколькими учителями. Мы не говоримъ уже о томъ, что многіе арестанты остаются въ тюрьмѣ сравнительно недолго, слѣдовательно, необходимо, чтобы занятія были какъ можно болѣе частыми. Всѣмъ этимъ требованіямъ, при всемирвеніи, не можетъ удовлетворить школа, устроенная только частными средствами. Безъ сомнѣнія, въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ находится тюремная администрація. Но ею, какъ мы видѣли, на этомъ поприщѣ сдѣлано крайне мало...

Что касается программы, тюремныя школы, конечно, не идутъ дальше школъ грамоты. Занятія происходятъ обыкновенно разъ или два въ недѣлю, часто въ помѣщеніяхъ, совершенно не приспособленныхъ для этой цѣли. Въ школахъ обыкновенно сообщаются лишь самыя элементарныя знанія—чтеніе, письмо, четыре дѣйствія ариметики. Мало того, въ корреспонденціяхъ о школахъ сплошь и рядомъ приходится слышать указанія на то, что занятія не могутъ идти регулярно: ученики постоянно отвлекаются отъ работы. „Характеръ занятій не былъ регулярнымъ, пишутъ о тюремной школѣ при красноярскомъ тюремномъ замкѣ ²⁾, такъ какъ многіе изъ учащихся часто отвлекались под-

¹⁾ Гр. Дубовенко.—Просвѣтительныя учрежденія въ нашихъ тюрьмахъ. „Общее Дѣло“, вып. I, стр. 229.

²⁾ Тюремный Вѣстникъ 1902 г.

рядами на различныя работы, нѣкоторые отъивались на допросы и т. под.“ Конечно, при урегулированномъ законномъ порядкѣ существованія школъ такого рода помѣха не могла бы имѣть мѣста.

Сравнительно чаще устраиваются при тюрьмахъ воскресныя чтенія и библіотеки. И тѣ, и другія, при тѣхъ своеобразныхъ условіяхъ, съ которыми приходится считаться въ стѣнахъ тюрьмы, имѣютъ для заключенныхъ еще большее значеніе, чѣмъ школы. Воскресныя чтенія, книги, получаемыя изъ тюремной библіотеки, доступны болѣе широкому кругу арестантовъ, нежели школа. Арестантъ, въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ занятой. Весь день онъ занятъ работой, тяжелымъ физическимъ трудомъ. На занятія онъ является усталый, а то и совсѣмъ не успѣваетъ притти на урокъ. Кромѣ того, не каждый арестантъ оказывается способнымъ къ тому умственному напряженію, которое обыкновенно требуется для усвоенія взрослымъ человѣкомъ чтенія и письма. Между тѣмъ праздничныя чтенія, не требуя особаго напряжения, доставляютъ арестанту не только нѣкоторую пищу для ума, но и извѣстное развлеченіе. Также и библіотеки.

Къ сожалѣнію, какъ воскресныя чтенія, такъ и библіотеки официально обставлены не лучше школьныхъ занятій. Правда, почти при каждой тюрьмѣ, въ видахъ религіозно-нравственнаго совершенствованія заключенныхъ, устраиваются тюремнымъ начальствомъ и духовенствомъ библіотеки. Въ этихъ библіотекахъ имѣется обыкновенно только Евангеліе, нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, но и тѣ неохотно выдаются арестантамъ изъ опасенія, какъ-бы послѣдніе не изорвали и не затеряли книги. Библіотеки эти далеко не удовлетворяютъ запросамъ читателей-арестантовъ. Даже въ Петербургской Одиной Тюрьмѣ, обставленной въ этомъ отношеніи сравнительно лучше другихъ тюремъ, библіотека не выдерживаетъ критики. „Въ тюрьмѣ существуетъ небольшая библіотека“, пишетъ г. Ник-нскій въ „Правѣ“¹⁾, „но ею завѣдуетъ надзиратель изъ нижнихъ чиновъ, компетентность котораго болѣе чѣмъ сомнительна. Кромѣ того, выборъ книгъ мало отвѣчаетъ просвѣтительнымъ цѣлямъ“. Что касается воскресныхъ чтеній, то они сводятся къ религіозно-нравственнымъ собесѣдованіямъ. Но и эти послѣднія устраиваются очень рѣдко.

Частная инициатива проявилась и въ этой области. Частными лицами при нѣсколькихъ тюрьмахъ устроены библіотеки, ведутся чтенія. Благодаря имъ, въ нѣкоторыхъ городахъ воскресныя чтенія арестантамъ поставлены сравнительно широко. Остановимся здѣсь на организаціи воскресныхъ чтеній при Нижегородской тюрьмѣ. Въ февралѣ 1901 г. нижегородскій губернаторъ поручилъ наблюденіе за веденіемъ чтеній при тюрьмѣ помощнику присяжнаго повѣреннаго, К. И. Мидовидову. Чтенія происходили по воскресеньямъ и праздникамъ; за весь годъ ихъ состоялось 58.

¹⁾ Право, 1903 г.

За это время былъ прочитанъ довольно подробный курсъ русской исторіи, нѣсколько книгъ религіозно-нравственнаго содержания, а также слѣдующія книги: „О гробѣ“ Животовскаго, біографіи Гоголя и Никитина, „Моленіе о чашѣ“ Апухтина, „Сигналъ“ Гаршина, „Заколдованное мѣсто“, „Пропавшая грамота“, „Тарась Вульба“—Гоголя, „Мальчишъ у Христа на елкѣ“ Достоевскаго, „Старый звонарь“ Короленко, „Бѣжинъ дугъ“ Тургенева, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ Л. Толстого и мн. др. Чтенія сопровождались туманными картинами. На чтеніяхъ присутствовало отъ 110 до 179 человѣкъ. Изъ прочитаннаго больше всего понравились: Андерсена — „Новое платье короля“, Гоголя — „Тарась Вульба“, „Сорочинская ярмарка“, Никитина — „Бурлакъ“ и „Выѣздъ ямщика“. Чтенія велись также и на женскомъ отдѣленіи. Слушательницъ бывало человѣкъ 15—40. Особеннымъ успѣхомъ у арестантовъ пользовались рассказы „жалостливые“, такъ, сильное впечатлѣніе произвели: „Галя“ Шмидта, „Мальчишъ у Христа на елкѣ“ Достоевскаго, „Старый звонарь“ Короленко, „Христіанка“ Надсона и „Грѣшница“ А. Толстого. Отношеніе у арестантовъ къ чтеніямъ наблюдалось прекрасное, особенно примѣрно вели себя арестантки.

Большимъ успѣхомъ у заключенныхъ пользуются, между прочимъ, юридическія бесѣды. Онѣ имѣютъ особое практическое значеніе, знакомя арестанта въ общихъ чертахъ съ русскими законами, судебными и административными порядками, съ которыми ему приходится непосредственно сталкиваться. Опытъ бесѣды былъ сдѣланъ въ мартѣ 1903 г. при Иркутскомъ тюремномъ замкѣ. „Лекторъ, членъ мѣстной судебной палаты Н. И. Раевскій, по опыту зная безпомощность подсудимыхъ въ юридическихъ дѣлахъ, поставилъ себѣ задачей притти подсудимымъ на помощь. Надо видѣть то глубокое вниманіе, съ которымъ толпа въ 150—200 человѣкъ слушаетъ, затаявъ дыханіе, вполне ясное, толковое и, можно сказать, картинное изложеніе порядка уголовного судопроизводства; надо слышать дружный гулъ благодарности со стороны арестантовъ и просьбы ихъ пожаловать на слѣдующее чтеніе, чтобы понять, какъ велика потребность въ такихъ свѣдѣніяхъ среди тюремнаго люда! Сплоть и рядомъ бываетъ, что послѣ чтенія слушатели обращаются къ почтенному лектору для выясненія различныхъ вопросовъ чисто личнаго свойства, вызванныхъ чтеніемъ, и лекторъ не отказываетъ въ своихъ объясненіяхъ, чѣмъ еще больше закрѣпляетъ интересъ сѣрой братіи къ юридическимъ чтеніямъ“¹⁾.

О томъ, какое впечатлѣніе чтенія производятъ на арестантовъ, можно судить по слѣдующей корреспонденціи о чтеніяхъ въ Житомірской тюрьмѣ, заимствуемой нами изъ вышецитированной статьи г. Дубовенко. „Чтобы судить поистинѣ о выдающемся успѣхѣ тюремныхъ чтеній, надо видѣть радостныя лица

1) Тюремный Вѣстникъ 1903 г. стр. 469.

заключенныхъ, когда они сѣрой массой, торопливой походкой, гремя цѣпями, усаживаются на нары въ камерѣ, избранной для чтенія! Надо чувствовать (видѣть нельзя—темно въ камерѣ) тотъ восторгъ, какимъ охватывается эта сѣрая масса, когда герой разсказа вышель побѣдителемъ („Пожарный“), или покажалъ себя дѣйствительно героемъ („Сигналъ“). Надо слышать искренность голосовъ, благодарящихъ васъ за принесенное нравственное наслажденіе сѣрой, обездоленной, несчастной толпѣ. Прочитавный разсказъ даетъ заключеннымъ тему для разговоровъ на цѣлую недѣлю“... ¹⁾.

Перейдемъ къ книгѣ. „Успѣхъ моей маленькой бібліотеки превзошелъ всякія ожиданія“, пишетъ г. Дубовенко ²⁾: „не было ни одного грамотнаго арестанта, который не бралъ бы книгъ, причѣмъ чтецы не удовлетворялись одиночнымъ чтеніемъ, а читали вслухъ для всей камеры. Если до моего прихода книги были прочитаны, то заключенные сами мѣнялись между собой“. Это и понятно. Для арестанта, разлученнаго съ жизнью, книга представляетъ единственное развлеченіе. Благодаря же крайней матеріальной необезпеченности, арестанты не имѣютъ возможности приобрѣтать собственныя книги: бібліотека является единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно получить книгу. Интересно отмѣтить: у арестантовъ не пользуются успѣхомъ тѣ книги, которыя затрогиваютъ наболѣвшія струны души, напримеръ, „Горѣ“ Чехова, „Упустишь огонь—не потушишь“ Л. Толстого, „Антонъ Горемыка“ Григоровича и т. п. Особенно же любимы книжки Л. Толстого—„Чѣмъ люди живы“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Жестокій мужъ“ Гаршина и др. У женщинъ-арестантокъ самая любимая—„Русалка“ Пушкина, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“ Л. Толстого; послѣднюю онѣ перечитываютъ по 5 разъ и болѣе: она не выходитъ изъ рукъ. Въ общемъ, объ успѣхѣ бібліотекъ и чтеній можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, приводимымъ Л. И. Дашкевичъ: въ теченіе года при ея школѣ было 124 чтенія, 3,910 носѣдній; книгъ въ бібліотекѣ было 620, выдачъ—3,565. Большинство корреспондентовъ, между прочимъ, утверждаетъ, что арестанты, вопреки опасеніямъ тюремнаго начальства, обращаются съ книгами очень бережно и затѣрываютъ ихъ сравнительно рѣдко.

Итакъ, насколько плохо поставлено у насъ дѣло тюремнаго просвѣщенія, въ частности тюремная школа, настолько же велика потребность въ немъ. Явленіе вполне естественное, если принять во вниманіе, съ одной стороны, неудовлетворительную постановку начальнаго образованія, съ другой—все растущую, недѣлнмымъ усложняющуюся условій жизни, потребность въ знаніи. Корреспонденціи о тюремныхъ школахъ указываютъ на большую

¹⁾ Общее дѣло, в. I, стр. 218.

²⁾ Общее дѣло, в. I, стр. 232.

отзывчивость арестантовъ. Школы никогда не пустуютъ, несмотря на то, что заключенные заняты посторонними работами и имѣютъ свободное время только для отдыха. Вотъ что пишутъ о занятіяхъ съ арестантами въ Лубенской тюрьмѣ. „Желаніе учиться у многихъ было сильнѣйшее, они преодолевали трудности и приходили довольные, что, наконецъ, добились. Ихъ отношеніе увлекало и другихъ. Нѣкоторые приходили съ опредѣленнымъ запросомъ: научиться писать, чтобы самому писать письмо, научиться считать на счетахъ, чтобы понимать, какъ считаетъ лавочникъ; приходили грамотные съ желаніемъ изучить географію, русскую исторію; такихъ школа удовлетворить не могла, и преподаватели только совѣтовали брать имѣющіяся по этимъ отдѣламъ книги изъ тюремной библіотеки. Отношеніе учащихся къ преподавательницамъ было самое лучшее, они какъ бы берегли „своихъ барышень“ и никогда не было услышано ни одного грубаго слова или ругательства въ отношеніяхъ заключенныхъ другъ къ другу. Благодарность выражалась за всякую малость, и всячески заключенные старались выразить ее и свое вниманіе. Отсутствіе учительницы всегда огорчало“¹⁾.

III.

Отчего же тюремныя школы, чтенія и библіотеки представляютъ грустную картину?

Главнымъ недостаткомъ является случайный характеръ тюремно-просвѣтительнаго дѣла, господство частнаго почина, который, конечно, сильно ограниченъ. Дѣятельность частныхъ лицъ на поприщѣ устройства тюремныхъ школъ, чтеній и библіотекъ стѣснена всевозможными формальностями и условностями. Разрѣшеніе устроить школу, испрашиваемое у мѣстнаго начальства, встрѣчаетъ со стороны этого послѣдняго массу препятствій.

Надо ли говорить—чтобы просвѣтительное дѣло въ тюрьмахъ приняло болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый характеръ, необходимо кореннымъ образомъ измѣнить этотъ порядокъ. Первымъ требованіемъ для того, чтобы дѣло стало на ноги, является *обязательность* устройства при тюрьмахъ школъ, чтеній и библіотекъ съ разнообразнымъ и содержательнымъ подборомъ книгъ. Самое устройство школъ должно изъ рукъ частныхъ лицъ перейти къ спеціально завѣдующимъ тюремно-просвѣтительнымъ дѣломъ общественнымъ учрежденіямъ. Последнія должны располагать достаточнымъ количествомъ матеріальныхъ средствъ, чтобы снабжать школы учебными пособиями и книгами, создать болѣе удобную и приспособленную обстановку для занятій, имѣть возможность для каждой школы содержать особаго учителя.

Роль такихъ учрежденій могло бы взять на себя общество попечительное о тюрьмахъ. Но что представляетъ изъ себя это

¹⁾ Тюр. Вѣст. 1903 г., № 4, стр. 342.

общество? Губернскіе комитеты и уѣздныя отдѣленія общества распоряжаются суммами, отпускаемыми на содержаніе арестантовъ. Они заботятся также и о нравственномъ исправленіи заключенныхъ и завѣдуютъ различными учрежденіями тюремно-благотворительнаго характера. Кое-гдѣ тюремные комитеты взяли даже за устройство тюремныхъ школъ; но это — исключенія. Тюремные комитеты, въ лицѣ своихъ директоровъ, напротивъ того, тормазятъ тюремно-просвѣтительное дѣло. Обыкновенно дѣятельность комитетовъ ограничивается благотворительностью въ узкомъ смыслѣ слова. Самое „членство“ носитъ характеръ почетнаго званія и не связываетъ членовъ никакими определенными обязанностями. При такомъ положеніи вещей трудно ожидать отъ тюремныхъ комитетовъ большой активности. Для того, чтобы дѣятельность комитетовъ въ дѣлѣ тюремно-просвѣтительныхъ начинаній приняла желательный характеръ, необходимо измѣнить и составъ, и характеръ самихъ комитетовъ, носящихъ узко-благотворительный, бюрократическій обликъ. Только при условіи обязательности, отвѣтственности передъ обществомъ, дѣятельность комитетовъ утратить почетно-благотворительный характеръ и станетъ соответствующей насущнымъ нуждамъ заключенныхъ.

Въ настоящее же время, пока не удовлетворены основныя условія правильной постановки тюремно-просвѣтительнаго дѣла, очень важно, чтобы на помощь отдѣльнымъ начинаніямъ пришли земства, города, частныя благотворительныя общества. И тѣ, и другія, и третьи могутъ съ гораздо большимъ успѣхомъ поставить дѣло, нежели частныя лица. Земства могли бы оказать не только денежную поддержку тюремнымъ школамъ. Они могли бы, напримѣръ, помочь имъ доставкой книгъ, волшебныхъ фонарей, различныхъ учебныхъ пособій и проч.

М. Лесгафтъ.

Взгляды Н. Г. Помяловскаго на воспитаніе.

С ообщеніе, прочитанное въ засѣданіи Новгородскаго Педагогическаго кружка 18-го октября 1903 г.).

5-го октября исполнилось 40 лѣтъ со дня смерти Николая Герасимовича Помяловскаго, одного изъ важнѣйшихъ и талантливейшихъ писателей 60-хъ годовъ.

Помяловскій и „*Очерки бурсы*“—неразрывно встаютъ въ нашей памяти, и это страшное слово *бурса* съ представленіемъ чего то грязнаго, циничнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ приниженаго, забитаго, рисуется и автора непривлекательными красками; намъ представляется мрачный бурсакъ, ожесточенный, грубый, застѣнчивый въ обществѣ, съ неуклюжими манерами, семинарскимъ акцентомъ на *о*, и ко всему этому безпробудный пьяница, такъ какъ изъ біографіи знаемъ, что онъ пилъ и погибъ отъ запоя.

Но таковъ ли былъ въ дѣйствительности авторъ знаменитыхъ „*Очерковъ бурсы*“?

По словамъ современниковъ, это былъ удивительный человекъ. „Въ тѣ періоды, когда онъ переставалъ пить, онъ былъ желаннымъ гостемъ во всякомъ обществѣ; онъ бывалъ въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ того времени, и въ обществѣ былъ блестящимъ собесѣдникомъ; рѣчь его была жива, остроумна, но всегда сдержанна; смѣхъ его—искренній, молодой смѣхъ—не рѣзалъ уха, а заражалъ всѣхъ веселостью. Самая наружность Помяловскаго невольно привлекала къ нему; его густые русые волосы отъ природы закидывались назадъ надо лбомъ и дѣлали лицо его открытымъ и смѣлымъ, а голубовато-сѣрые глаза отражали дѣтски безхитростное и любящее сердце. Кто встрѣчался съ нимъ въ его свѣтлыя минуты, тотъ не могъ не поддаться обаянію его привлекательной личности“, — такъ говорятъ люди, близко знавшіе писателя.

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворами, или въ занятіяхъ рыбной ловлей съ взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, слыхнулъ и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, рѣдвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высъченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шёлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя труппы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совоѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недожинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, рѣдвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отравленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя труппы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этого крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неюжинный талантъ педагогическій. Надо напомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата дѣльными недѣльями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всемія ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: дероговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятomъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали среду чиновничью, обособленную отъ остального міра, среду, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вулокъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недооцененный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всею учить ся сынова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогдѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали среду чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, среду, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогдѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвораю, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сьнова?— Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шёлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я спльно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя труппы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Буколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самаго Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большаго таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александроневской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангренны въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей пѣры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вулокъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, рѣдвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всемія ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вулокъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недоуменный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сьнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шёлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали среду чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, среду, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недооцененный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, рѣдвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостепривно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, рѣдвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шёлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвoroй, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александрo-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Писмо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвораю, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороною!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шалъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотола безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали среду чиновничью, обособленную отъ остального міра, среду, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотола міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недожимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвораю, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостепріимно распахнутыми въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шёлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали среду чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, среду, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разnochинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сникъ и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей доголѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему доголѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей различнѣйшѣ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвoroй, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александрo-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогдѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогдѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, стѣснившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвoroй, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александрo-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высъченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и продадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми ведълями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отравленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александроневской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сникъ и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимся въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и продавалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми ведѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отравленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослуживъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущныя вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александроневской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сникъ и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высъченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимся въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущныя вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо напомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвораю, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александроневской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сникъ и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юшу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимся въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо напомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ создавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей доколѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему доколѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо напомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александровской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ чагирены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сьнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и продавалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми ведълями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущныя вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писателяскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неподлинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвора, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, слыхая и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вулокъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юмшу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосался въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александроневской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сьезнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, силлся и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую выѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослуживъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: денеговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, силлся и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотождь безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотождь міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосался въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самаго Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятomъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосался въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотола безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: drogовизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотола міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сьезнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: денеговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сынова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бursы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бursы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сънова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писателяскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неподражаемый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотогдѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: денеговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотогдѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы?—Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова?—Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми ведѣльями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: денеговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы?—Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова?—Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, въ которыхъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотождь безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дероговизма, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотождь міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сънова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужить великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужила великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вукотъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сьнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя труппы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ непоужинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпѣть отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣворой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизнь, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, нигуда не годна и надо всему учиться сьнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата дѣльными ведѣльями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослуживъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дѣроговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ неодолимый талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей различнѣе 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизни! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвора, или въ занятіяхъ рыбной ловлей съ взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, спился и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сынова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотошъ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотошъ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколы“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недожинанный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такіа крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвораю, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, сыпся и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высѣченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сынова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнутыми въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волновавшія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающей жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шелъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей доколѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему доколѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На дне“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недожинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей разночинцевъ 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтвораю, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александроневской Лаврѣ; оттуда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей перы человеческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую влюбленъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосался въ него съ молокомъ матери.— Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники человѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шель къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:— „Володя, спаси меня! Я спльно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всеми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя трущобы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ отерили въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотождь безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остального міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы свѣдятся къ пяти слѣдующимъ: drogовизна, служба, свадьба, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотождь міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этого крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недожинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

платья вообще, а въ особенности бѣлаго стеганнаго—зимой, доставляетъ непрерывную тяжелую работу женщинамъ. Одежда для каждой стирки распарывается и затѣмъ сшивается вновь. Кромѣ того, простыя корейскія женщины шьютъ одежду на всю семью, варятъ, очищаютъ рисъ отъ шелухи и толкутъ его тяжелыми толкачами въ ступѣхъ, носятъ на базаръ тяжелыя ноши на головѣ, приносятъ воду, работаютъ въ болѣе удаленныхъ округахъ на полѣ, встаютъ рано, ложатся поздно, прядутъ и ткутъ и имѣютъ много дѣтей, которыхъ кормятъ до трехъ лѣтъ.

Простолюдинка не пользуется никакими удовольствіями — она невольница до тѣхъ поръ, пока не свалятъ часть своей неволи на невѣстку. Въ 30 лѣтъ ей можно уже дать 50. Ея мысли отъ повседневныхъ работъ отвлекаются развѣ умилоствленіемъ демоновъ, что тоже лежитъ на ея обязанности.

Безусловное затворничество — это неизмѣнное правило въ высшихъ классахъ; женщины имѣютъ свои комнаты и дворы, куда не выходятъ окна мужскихъ покоевъ. Посѣтитель не долженъ справляться о женщинахъ, живущихъ въ домѣ; вопросъ о ихъ здоровьи былъ бы нарушеніемъ этикета, и вѣжливость заставляетъ игнорировать ихъ существованіе. Женщины не получаютъ никакого образованія и во всѣхъ классахъ на нихъ смотрятъ какъ на существа низшія.

Затворничество женщинъ было введено 500 лѣтъ назадъ нынѣ царствующей династіей во время страшной испорченности нравовъ, въ огражденіе семьи,—не отъ того, чтобы мужья не довѣряли своимъ женамъ, какъ откровенно выразился одинъ кореецъ, но потому, что они не довѣряли другъ другу—и съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ безвѣрность въ высшихъ классахъ достигала и достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ затворничества женщинъ дѣйствуетъ обычай, который сильнѣе закона. Женщины низшаго класса выходятъ на работу, женщины же средняго и высшаго классовъ могутъ выходить только ночью, хорошо закрытыя покрываломъ, или, въ случаѣ крайней необходимости, въ плотно закрытыхъ носилкахъ,

Въ Сеулѣ въ 8 часовъ вечера звонитъ Великій Колоколъ — сигналъ, по которому мужчины возвращаются по домамъ, а женщины, въ сопровожденіи слугъ, несущихъ фонари, выходятъ погулять; прогулка продолжается до 12 часовъ ночи, когда снова по звону колокола женщины возвращаются, и мужчинамъ разрѣшается выходить.

По словамъ Дамгета, отцы убивали дочерей, мужья—женъ, женщины кончали самоубійствомъ, если чужой мужчина нечаянно или съ цѣлью дотрагивался до ихъ рукъ.

Исполнители закона не смѣютъ входить въ женскіе покои; знатный человѣкъ, скрывающійся въ комнатахъ жены, можетъ быть ввѣтъ только въ томъ случаѣ, если обвиняется въ возмущеніи.

Послѣ 7 лѣтъ мальчики и дѣвочки разлучаются; послѣднія подлежатъ самому строгому затворничеству и видятъ до свадьбы только отца и братьевъ, а послѣ свадьбы сюда включаются еще ближайшіе родственники мужа. И женщины не жалуется на этотъ вѣковой обычай.

Наложничество существуетъ, но не пользуется почетомъ; по-томство наложницъ исключается изъ какихъ либо общественныхъ должностей. По закону, кореецъ—строгий единоженецъ и, въ случаѣ вторичнаго брака вдовца, дѣти отъ перваго брака пользуются преимуществами передъ дѣтьми отъ втораго. Корейская женщина, по природѣ интриганка, имѣетъ прямое и непосредственное вліяніе въ семьѣ, какъ мать и свекровь, а также при заключеніи браковъ. Ея права немногочисленны и основаны больше на обычай, чѣмъ на законъ; въ настоящее время она имѣетъ право вторичнаго замужества, невступленія въ бракъ до 16 лѣтъ, запрещенія наложницамъ мужа жить въ одномъ домѣ съ ней. Но развестись съ мужемъ она не можетъ—супружеская вѣрность, символомъ которой служить гусь, обязательна только для женщинъ. Мужъ можетъ отказаться отъ нея по 7 причинамъ: неизлечимая болѣзнь, воровство, бездѣтность, невѣрность, ревность, несогласія съ его родителями, сварливый характеръ; достаточно одной изъ этихъ причинъ, чтобы отправить жену въ домъ ея отца. Надзоръ за дѣтьми принадлежитъ матерямъ. Семейной жизни нѣтъ; у корейца есть домъ, но не очагъ, общихъ интересовъ у супруговъ не существуетъ, мужъ живетъ своей особой жизнью, ищетъ удовольствій среди друзей и увеселеній, и брачныя отношенія вполне опредѣляются словами одного знатнаго корейца: „мы женимся на своихъ женахъ, но любимъ своихъ наложницъ“.

Корейцы ѣдятъ все: свинину, говядину, рыбу сырую, сушеную и соленую, внутренности животныхъ, птицъ и дичь, не откидывая ничего; куры жарятся съ головой, когтями и внутренностями. Рыбаки часто ѣдятъ рыбу, только что снявъ ее съ удочки и только омочивъ въ соусъ изъ краснаго перца. Въ известное время года существуетъ большой спросъ на собакъ. Пшеница, ячмень, маисъ, просо, овесъ, картофель, бобы, горохъ, рисъ, редиска, рѣпа, травы и безконечное число сортовъ листьевъ и корней, водоросли, морскіе раки, тѣсто, приготовленное изъ муки, сахара и растительнаго масла, *кимчи*, родъ вермишели изъ муки и яичнаго бѣлка, приготовляемаго въ теченіе ноября всѣмъ женскимъ населеніемъ средняго и низшаго классовъ (изъ него варятся супы, похлебки); сушеные персимоны, пироги изъ съѣдобныхъ основныхъ шишекъ и меду, муки, сахару и кунжутныхъ сѣмянъ, лукъ, чеснокъ, луковицы лилій, орѣхи. Приправой служатъ: кунжутное масло, уксусъ, соя и другіе соусы съ острымъ непріятнымъ запахомъ, основой которымъ служитъ гвинеискій перецъ и перебродившіе испорченные бобы. Мужчины ѣдятъ, конечно, лучше женщинъ; послѣднія ѣдятъ *какъ*, до-

вольствуясь остатками послѣ своихъ владыкъ. Кушанья подаются мужчинамъ на маленькихъ круглыхъ столикахъ темнаго дерева вышиною въ нѣсколько дюймовъ; такой столикъ дается каждому. Рисъ — главная принадлежность ѣды и подается въ большомъ кубкѣ; но, кромѣ этого, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, подается еще нѣсколько глазированныхъ глиняныхъ сосудовъ съ острыми блюдами и довольно вкусными приправами.

Благодаря способу убоя скота, мясо имѣетъ непривлекательный видъ. Корейскій мясникъ разрѣзываетъ горло быку и затываетъ рану втулкой; затѣмъ бьетъ его обухомъ топора по крупу до тѣхъ поръ, пока животное не околѣетъ. Это продолжается около часу. Благодаря этому кровь остается внутри, а мясо увеличивается въ вѣсѣ, приобрятая въ то же время свойственный ему неприятный цвѣтъ.

Бракъ, похороны и заклинанія демоновъ—составляютъ выдающіяся черты корейской жизни.

Корсець до свадьбы—ничто. День свадьбы—это вступленіе въ зрѣлые годы и шагъ впередъ по социальнѣй лѣстницѣ. Юноша съ длинными волосами, раздѣленными по срединѣ и заплетенными свади въ косу, въ короткой подпоясанной одеждѣ, слоняющійся, какъ будто не находя себѣ нигдѣ мѣста, несмотря на то, что онъ уже вполне взрослый, и обыкновенно принимаемый иностранцами за дѣвушку, совершенно преобразуется послѣ брака; онъ получаетъ тонзуру, а длинные волоса, окружающіе ее, собираются на макушкѣ въ узелъ¹⁾. Ему одѣваютъ *манг-кунъ*—

¹⁾ Въ началѣ 1896 года вся Корея была охвачена волненіемъ, происходили довольно серьезныя возмущенія, показавшія, какъ глубоко коренится въ народѣ обычай „пунг-кокъ“; причиною возмущенія былъ королевскій эдиктъ отъ 30 дек. 1895 г., уничтожающій знаменитый корейскій головной узелъ. Корейцы, въ общемъ, спокойно перенесли ненавистную власть японцевъ, убійство королевы, заключеніе короля, не вынесли посягательства на свой головной уборъ; темяной узелъ для корейца важнѣе, чѣмъ коса для китайца. Въ немъ олицетворяются и соединяются въ умѣ корейца понятія о національности, древности (по однимъ слухамъ—5 столѣтій, по другимъ—2 тысячелѣтій) и происходящей отъ нея священности, вступленія въ зрѣлый возрастъ въ социальномъ и легальномъ отношеніяхъ, даже если онъ по лѣтамъ еще дитя, прибавленіе двухъ именъ къ его прежней фамиліи, именъ, которыми его впредь называютъ и которые записываются послѣ его смерти на поминальныхъ дощечкахъ; съ нимъ связаны бракъ и обычай почитанія предковъ; даже съ пожилымъ корейцемъ, не носящимъ темяного узла, каждый можетъ обращаться, какъ съ безыменнымъ, безотвѣтнымъ мальчикомъ. Въ подобныхъ, впрочемъ, очень рѣдкихъ случаяхъ (1 на 100) корсець, во избѣжаніе всеобщаго презрѣнія, старается сколотить сумму, достаточную, чтобы заплатить за церемонію „узла“ и за манг-кунъ, шляпу и длинную одежду, надѣваемыя послѣ церемоніи. Корсець бевъ „узла“ получаетъ прозвище „получеловѣка“.

Общее народное убѣжденіе обвиняло японцевъ въ уничтоженіи головнаго узла; народное негодованіе вылилось въ враждебныхъ дѣйствійхъ противъ японцевъ, окончившееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійствами; отецъ, у котораго два сына сняли „узелъ“, подчинившись декрету, съ горя отравился. Въ Чун-Чхонѣ, гдѣ губернаторъ хотѣлъ силою привести въ исполненіе королевскій эдиктъ, ошъ былъ убитъ со всѣмъ ево-

шапку безъ донышка или же сѣтку изъ конскаго волоса, безъ которой послѣ этого онъ не показывается. Онъ носитъ черную шляпу и длинную широкую одежду, и его неловкая походка приобретаетъ полную достоинства плавность. Его товарищи-юноши теперь ниже его. Его имя принимаетъ послѣ себя нарращеніе, означающее „господинъ“. Обращаясь къ нему, должны его титуловать,— словомъ, изъ ничего онъ превращается въ самостоятельное лицо, получаетъ право гражданства.

Церемонія устройства „темнаго узла“ заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ обычаевъ страны.

Происходитъ она, какъ сказано выше, большею частью наканунѣ свадьбы. Къ этому времени изготовляется мужская одежда, шляпа „манг-кунъ“, и пр., въ зависимости отъ средствъ семьи. Астролога просятъ назначить счастливый для церемоніи день ¹⁾ и часъ, а также страну горизонта, куда долженъ быть устремленъ взоръ главнаго лица во время церемоніи. Вознагражденіе астрологу дается очень значительное, а потому бѣдняки призываютъ для рѣшенія этого важнаго вопроса знахаря-слѣпца.

Въ назначенное время собирается вся семья. Друзья не приглашаются. Распорядителемъ церемоніи долженъ быть человекъ, обладающій счастьемъ, богатствомъ и извѣстнымъ числомъ сыновей; если родной отецъ не отвѣчаетъ этимъ условіямъ, его замѣняетъ болѣе счастливый старый другъ.

Юношу, вступающаго въ жизнь, сажаютъ на полъ посреди комнаты, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы онъ сидѣлъ лицомъ къ указанной астрологомъ странѣ горизонта,—иначе съ этого дня его будутъ преслѣдовать несчастія.

Съ большой торжественностью распорядитель церемоніи расплетаетъ молодому человеку косу и выбриваетъ ему на макушкѣ кружокъ трехъ дюймовъ въ діаметрѣ, собираетъ къ этому мѣсту остальные волоса и туго скручиваетъ ихъ въ узелъ длиною отъ 2 1/2 до 4 дюймовъ, связывая шнурками такъ, чтобы онъ стоялъ въ видѣ рога слегка впередь.

Послѣ этого на голову надѣвается „манг-кунъ“, плотно прилегающая ко лбу волосяная сѣтччатая шапка безъ донышка, скорѣе повязка, которая стягивается настолько туго, что оставляетъ на лбу рубцы на всю жизнь, и часто вызываетъ вначалѣ головныя боли.

имъ штатомъ, а городъ былъ занятъ возмущившимся народомъ. Снявшіе „темнаго узла“ боялись выйти изъ Сеула, такъ какъ въ провинціяхъ народъ умерщвлялъ всѣхъ, исполнившихъ королевскій приказъ.

Дѣла шли все хуже до 11 февраля 1896 г., когда, послѣ убійства японцами королевы, королю удалось, наконецъ, бѣжать изъ дворца и укрыться въ русскомъ посольствѣ. Вскорѣ послѣ этого король, чувствовавшій себя теперь въ безопасности отъ японцевъ, издалъ новый эдиктъ, разрѣшавшій ношеніе „темнаго узла“.

¹⁾ Дни недѣли носятъ названія, заимствованныя у японцевъ: день Солнца (воскресенье), день Луны, день Огня, день Воды, день Древа, день Металла и день Земли.

Сверхъ манг-куна надѣвають волосяную шляпу, завязываютъ ея тесемки, затѣмъ юношѣ одѣвають длинную широкую одежду, и онъ встаетъ, преобразованный въ мужчину.

Новоиспеченный мужчина кланяется каждому изъ своихъ родственниковъ поочередно, по старшинству, становясь на колѣни, и кладя руки ладонями на землю. При поклонѣ онъ касается лбомъ своихъ рукъ. Послѣ этого онъ приноситъ жертвоприношенія, состоящія изъ пищи и плодовъ, передъ таблицами предковъ, зажигаетъ свѣчи въ высокихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ, стоящихъ по обѣ стороны сосудовъ съ приношеніями, и, низко кланяясь, увѣдомляетъ предковъ о происшедшемъ важномъ событіи.

Затѣмъ онъ посѣщаетъ друзей своей семьи, а вечеромъ для нихъ устраивается пиршество въ домѣ отца юноши.

Головной узелъ часто украшается бусой изъ янтаря или бирюзы; молодые щеголи носятъ дорогіе черепаховые гребни.

Для выраженія почтенія кореецъ остается съ покрытой головой; поэтому, разъ надѣвъ волосяную шляпу, онъ снимаетъ ее развѣ только въ обществѣ самыхъ близкихъ друзей.

Легкая волосяная шляпа (вѣсомъ въ три лота) портится отъ дождя, мнется очень легко; благодаря этому, она составляетъ предметъ особой заботливости корейца, который, выходя изъ дому, всегда несетъ для нея въ рукавѣ складной бумажный непромокаемый футляръ, а въ дорогу укладываетъ ее въ деревянный, нарядно украшенный ящикъ.

Послѣ церемоніи „темнаго узла“ кореецъ приступаетъ къ церемоніи брачнаго обряда.

Дѣвушка, выходя замужъ, выполняетъ только свое „предназначеніе“. Дѣвство существуетъ исключительно въ буддійскихъ монастыряхъ, гдѣ монахини не пользуются репутаціей святости.

Изъ затворничества въ домѣ отца женщина переходитъ въ затворничество въ домѣ свекра.

Бракъ устраивается отцами безъ согласія и взаимной склонности брачующихся.

Плохой тотъ отецъ, который не женилъ сына до двадцатилѣтняго возраста. Обыкновенное время для вступленія мужчины въ бракъ—17—18 лѣтъ. Дѣвочку могутъ выдать замужъ совсѣмъ ребенкомъ, если боятся упустить желательную партію, но до 16 лѣтъ она избавлена отъ супружескихъ обязанностей.

Съ другой стороны, и мальчиковъ 10 и 12 лѣтъ женятъ, если родители находятъ бракъ выгоднымъ; желтыя шапки, розовыя и голубыя одежды и напускная важность этихъ молодыхъ мужей представляютъ любопытное зрѣлище.

До свадьбы идутъ переговоры; женихъ не платитъ за невѣсту; за ней денегъ также не дается, но ее снабжаютъ большимъ приданнымъ, уложеннымъ въ свадебный сундукъ съ бронзовыми украшеніями; обрученія нѣтъ, и послѣ взаимнаго соглашенія родителей свадьба можетъ быть отложена на недѣли и мѣсяцы.

Наканунъ свадьбы отецъ жениха посылаетъ родъ свадебнаго контракта отцу невѣсты, который молча принимаетъ его; невѣстъ присылается два куска шелковой материн, изъ которой должно быть шито свадебное платье.

Нѣсколько человекъ съ пестрыми шелковыми фонарями несутъ этотъ подарокъ невѣстѣ; на дорогѣ ихъ встрѣчаютъ съ факелами люди изъ дома отца невѣсты, завязывается борьба, иногда оканчивающаяся серьезными увѣчьями; если будетъ побѣждена партія жениха—значить, ему предстоятъ неудачи, если партія невѣсты—ей предстоитъ горе.

Въ ночь передъ бракомъ родители жениха и невѣсты приносятъ жертвы у себя дома передъ табличками предковъ, которыми сообщаютъ о наступающемъ событіи.

Въ благоприятный день, назначенный колдуномъ, за часъ до полудня, женихъ верхомъ въ парадной одеждѣ выѣзжаетъ изъ дома отца. Ему предшествуютъ два человекъ; одинъ изъ нихъ несетъ бѣлый зонтикъ, другой, одѣтый въ красное,—гуся, символъ супружеской вѣрности; его сопровождаютъ нѣсколько человекъ съ незажженными красными фонарями, нѣсколько слугъ и женатый братъ, а за неимѣніемъ такового—отецъ. Подѣхавъ къ дому невѣсты, онъ беретъ гуся изъ рукъ несшаго его, вносить въ домъ и кладетъ на столъ.

Двѣ женщины, нанятыя для церемоніи, выводятъ невѣсту на веранду, или эстраду, и ставятъ лицомъ къ лицу противъ жениха, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него при громадномъ стеченіи гостей; теперь женихъ въ первый разъ видитъ свою будущую жену, которая могла раньше видѣть его въ какую-нибудь щелку. Лицо невѣсты сплошь наудрено бѣлой пудрой, съ красными пятнами, и ея вѣки склеены клейкимъ веществомъ. По знаку сопровождающихъ ее женщинъ она отвѣшиваетъ два поклона своему будущему господину, онъ отвѣчаетъ ей четырьмя поклонами—въ этомъ состоитъ главный обрядъ, дѣлающій бракъ законнымъ; послѣ этого, если онъ откажется отъ нея, то не можетъ жениться на другой. Прочность брачныхъ узъ вполнѣ признана въ Корей, хотя мужъ можетъ имѣть незаконныхъ связей, сколько ему будетъ угодно. Затѣмъ жениху дается чаша съ виномъ, онъ отпиваетъ изъ нея и передаетъ ее невѣстѣ, которая должна только омочить губы.

Послѣ этого въ домъ ставится столъ съ изысканными блюдами передъ новобрачнымъ, который ѣстъ умеренно и затѣмъ веселится со своими друзьями въ мужскихъ покояхъ, между тѣмъ какъ новобрачную уводятъ въ женскія комнаты. По мѣрѣ прибытія гостей передъ каждымъ ставится столъ съ угощеніемъ; каждый такой столъ обходится отъ 5 до 6 іенъ, и самая дешевая свадьба обходится въ 75 іенъ, такъ что большое число дочерей—истинное несчастье для корейца.

Послѣ обѣда новобрачный возвращается въ отцовскій домъ, а черезъ нѣсколько времени туда же приносятъ въ совершенно

закрытых носилкахъ новобрачную, закутанную въ массу брачныхъ одеждъ, и все еще со склееными вѣками, въ сопровожденіи вышеупомянутыхъ двухъ женщинъ, нѣсколькихъ наемныхъ дѣвушекъ и мужчинъ съ фонарями: все это пестро, съ преобладаніемъ краснаго цвѣта.

Ее встрѣчаютъ свекоръ и свекровь, которымъ она молча отвѣшиваетъ четыре поклона; ее снова относятъ въ ея родной домъ, расклеиваютъ вѣки и смываютъ пудру съ лица; около пяти часовъ приходитъ ея мужъ, но на слѣдующее утро возвращается въ домъ отца; эти переходы взадъ и впередъ длятся три дня, послѣ чего новобрачная уже въ простыхъ носилкахъ безъ всякихъ украшеній приносится въ свой будущій домъ, гдѣ ей отводится одна или двѣ комнаты въ женскомъ отдѣленіи.

Имя, данное ей родителями, отбрасывается, и съ тѣхъ поръ ее знаютъ только какъ „жену такого-то“ или „мать такого-то“; мужъ зоветъ ее словомъ „уави“, что значитъ „смотри сюда“,—прекрасная иллюстрація отношеній жены къ мужу.

Молчаніе—первый долгъ жены. Новобрачная въ продолженіе всего дня свадьбы должна быть нѣма, и неподвижна какъ статуя; если она произнесетъ слово или даже сдѣлаетъ движеніе, ее подымутъ на смѣхъ. Молчаніе обязательно даже въ ея собственной комнатѣ, несмотря на усилія мужа заставить ее грубостями, насмѣшками, ласками нарушить его. Иногда проходятъ мѣсяцы, и мужъ не знаетъ голоса своей жены, свекоръ же годами можетъ не слышать его.

У жены—опредѣленныя обязанности по отношенію къ мужу; у мужа—никакихъ; онъ долженъ обращаться съ женой съ внѣшними знаками величайшаго почтенія, но надъ нимъ стали бы насмѣхаться, если бы онъ оказалъ ей любовь.

Въ высшихъ классахъ новобрачный спустя три-четыре дня послѣ свадьбы оставляетъ жену, чтобы показать ей свое равнодушіе; поступить иначе было бы неприлично. Въ низшихъ классахъ, въ случаѣ несогласій жены со свекровью, мужъ бьетъ ее жестоко; но въ высшихъ классахъ обычай запрещаетъ бить жену, а потому, если ему станетъ не въ мочь, и жена, кромѣ домашнихъ раздоровъ, еще провинится въ невѣрности, онъ ее ведетъ къ мандарину, который, предварительно избивъ ее, передаетъ ее какому-нибудь подчиненному. Женщины благородныхъ классовъ занимаются кухней, питьемъ, вышиваніемъ, чтеніемъ легкой литературы на Эн-мунѣ, дѣтьми; если жена очень скучаетъ, ей разрѣшается пригласить актеровъ и смотрѣть въ щелку на ихъ представленія.

Материнство улучшаетъ положеніе женщины; рожденіе дѣвочки не вызываетъ радости, но рожденіе сына первенца празднуется, и послѣ того, какъ ему дано имя, его мать называютъ „мать такого-то“.

Первый шагъ сына первенца вызываетъ особую радость. Корей-

скія дѣти усыпляются безъ люлекъ легкимъ похлопываніемъ по животу.

Между игрушками, въ общемъ, очень пестро-раскрашенными, встрѣчаются обезьяны, собаки и тигры на колесахъ, солдаты въ европейскихъ мундирахъ, носилки для мандариновъ, зонтики съ красными кистями, шляпы съ каймой; игрушки большею частью приспособлены для мальчиковъ; дѣвочки въ загоны, а потому для нихъ игрушекъ не выдумываютъ.

Когда мужчина или женщина заболѣваетъ, призывается *му-тангъ* или колдунья, чтобы заклинаніями изгнать духа, причинившаго болѣзнь. Если это не удается, и смерть дѣлается очевидной, то, въ случаѣ болѣзни мужчины, удаляются всѣ женщины, исключая самыхъ ближайшихъ родственницъ, если больна женщина, то, удаляются всѣ мужчины, исключая мужа, отца и братьевъ.

Послѣ смерти трупъ растираютъ, въ особенности на сочлененіяхъ, и, когда онъ станетъ гибкимъ, его покрываютъ чистой простыней и кладутъ на три дня на доску, на которой нарисованы красками семь звѣздъ. Эта доска сжигается у могилы. „Звѣздная доска“, какъ ее называютъ,—выраженіе, смягчающее понятіе о смерти,—соотвѣтствуетъ нашему выраженію „могила“. За эти три дня приготавливаются похоронныя одежды изъ хорошей матеріи краснаго, голубого и желтаго цвѣта. Въ случаѣ смерти бѣдняка похороны откладываются на три дня, человѣка средняго состоянія—на 9 дней, знатнаго—на три мѣсяца, члена царской фамиліи на 9 мѣсяцевъ, но этотъ періодъ можетъ быть произвольно продленъ или сокращенъ королемъ.

У человѣка три души. Послѣ смерти одна живетъ въ дощечкѣ (на которой записано имя и званіе покойнаго), одна въ могилѣ, одна въ Неизвѣстномъ.

При послѣднемъ вздохѣ царствуетъ полная тишина. Нижняя одежда умершаго снимается слугой, который машетъ ею въ воздухъ и громко зоветъ усопшаго по имени, между тѣмъ какъ всѣ родные и друзья громко плачутъ. Черезъ нѣсколько времени платье забрасывается на крышу. На трупъ временно надѣвается одежда, и его связываютъ кругомъ груди такъ туго, что переламываются ключицы—это считается счастливымъ предзнаменованіемъ. Послѣ этихъ послѣднихъ услугъ за дверь выносятся столъ, на него ставятся три кубка съ рисомъ и тыквы, а около него—три пары соломенныхъ сандалій. Рисъ и сандалии предназначаются для трехъ „сачжа“, или чиновниковъ, которые приходятъ, чтобы вести одну изъ душъ къ „Десяти Судьямъ“; тыквы разбиваются, башмаки сжигаются, и рисъ выбрасывается черезъ полчаса послѣ смерти. Одна изъ душъ схватывается слугами „Десяти Судей“ и относится въ Неизвѣстное, гдѣ эти судьи, которые черезъ посредство шпионовъ отлично знаютъ всѣ дѣла человѣка, либо отправляютъ ее въ „хорошее мѣсто“, либо приговариваютъ ее идти въ одинъ изъ безчисленныхъ адовъ.

Гробъ удлинненный; если похороны откладываются на долгое

время, его герметически замазывают нѣсколькими слоями лака. До похоронъ ежедневно поднимается плачь три раза въ день въ время ѣды. Съ землегадателемъ совѣтуются о выборѣ мѣста для могилы и платятъ ему сообразно средствамъ семьи; землегадатель, посредствомъ долгаго изученія, знаетъ всѣ хорошія и дурныя силы, скрытыя въ землѣ; счастливое мѣсто приноситъ чины, богатство и много сыновей сыновьямъ и внукамъ покойнаго и должно-быть выбрано по возможности на южномъ склонѣ холма; землегадатель также назначаетъ благопріятный день для похоронъ.

Для богатыхъ людей могила съ каменнымъ жертвенникомъ готовится заранее, для бѣдняка—въ минуту прибытія процессіи.

Могилы большей частью устраиваются на холмахъ подѣ сѣнью *pinus sinensis* и содержатся весьма тщательно не столько изъ любви къ предкамъ, сколько изъ боязни, чтобы духъ умершихъ не нанесъ вреда потомкамъ.

Небольшая прелестная роща въ пустынныхъ окрестностяхъ Сеула обязана своимъ происхожденіемъ королевскимъ могиламъ и могиламъ богатыхъ людей. Вокругъ могилы члена королевской фамиліи всегда большое пустое пространство. Могилы принцевъ и богатыхъ людей представляютъ обширное возвышеніе, покрытое травой и часто обнесенное массивной каменной оградой, при чемъ спереди холмъ срѣзанъ въ видѣ терассы, а сзади вырѣзанъ въ видѣ подковы. Передъ могилой ставится каменный жертвенникъ и каменные свѣтильники, а у подошвы холма строится родъ небольшого храма; въ немъ сохраняются дощечки, на которыхъ написано имя и званіе умершаго.

Къ королевскимъ могиламъ ведетъ рядъ гигантскихъ каменныхъ фигуръ, изображающихъ священника, воина въ полномъ вооруженіи, слугу, пони и овцу (?). Бѣдняки покоятся подѣ травяными холмиками на маленькихъ платформахъ, о которыхъ тщательно заботятся. Счастливое мѣсто для могилы всегда указывается знахаремъ-землегадателемъ.

Обыкновенно хоронятъ въ сумерки при многочисленныхъ разноцвѣтныхъ фонаряхъ; но простыхъ иногда хоронятъ и днемъ; впереди несутъ четыре барабана и дудку, на которой, безконечно повторяя, играютъ веселый мотивъ въ аккомпаниментъ веселому напѣву, затѣмъ слѣдуетъ катафалкъ, если можно такъ назвать ярко раскрашенное сооруженіе съ балдахиномъ, середина котораго украшена гирляндой искусственныхъ цвѣтовъ; бѣлая корейская одежда перекинута сверху поперекъ катафалка; четыре палки съ яркими флагами на четырехъ углахъ и бамбуковые стебли, обвитые цвѣтами, образуютъ носилки, на которыхъ несутъ это сооруженіе 8 человекъ въ остроконечныхъ желтыхъ шапкахъ, украшенныхъ голубыми и бѣлыми цвѣтами. Букеты такихъ же цвѣтовъ разбросаны по катафалку, покрытому флагами изъ пестрой кисеи. Главный родственникъ слѣдуетъ одѣтый въ траурное платье, съ

зонтикообразной шляпой около 4 футовъ въ діаметрѣ на головѣ, держа передъ лицомъ волосяной экранъ за двѣ бамбуковыя ручки. Его окружаютъ мужчины въ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами; нѣкоторые пятятся передъ нимъ и поютъ.

По обычаю, они должны постараться разсмѣшить огорченного комичными тѣлодвиженіями и остроумными замѣчаніями.

Траурное платье—изъ конопляной ткани, соломеннаго цвѣта, и вышеописанная громадная шляпа, которая настолько скрываетъ лицо, что экранъ почти излишенъ; трауръ по отцѣ носится три года, что тяжело сказывается на придворныхъ, т. е. носящему трауръ входъ во дворецъ не дозволяется. Между обычаями чисто китайскаго происхожденія любопытенъ обычай одѣвать умирающаго, когда наступленіе смерти уже близко, въ лучшія одежды. Бѣдняки погребаются безъ гроба, обернутые въ солому, и несутъ ихъ двое человекъ на носилкахъ, при чемъ трупъ скрывается подъ кружками, покрытыми бумагой.

Г-жѣ Бишопъ пришлось присутствовать при похоронахъ женщины. Японскій отрядъ, встрѣтившійся съ ними, раздѣлился по обѣ стороны дороги, чтобы пропустить процессію, при чемъ люди, поравнявшись съ покойникомъ, обнажили голову. Похороны производили скорѣе веселое, чѣмъ грустное впечатлѣніе: шедшіе впереди два человекъ, несшіе шелковые флажки, объявляли, что хоронятъ жену такого-то; затѣмъ шелъ, пятясь назадъ, человекъ съ безчисленнымъ числомъ пестрыхъ лентъ, спускавшихся съ шляпы; онъ звонилъ въ большой колоколъ, сопровождая звонъ неблагозвучнымъ пѣніемъ; 12 человекъ несли на платформѣ гробъ подъ балдахиномъ на четырехъ столбахъ, скрытыхъ яркими занавѣсами; за гробомъ слѣдовало много мужчинъ въ траурѣ, человекъ съ какимъ-то музыкальнымъ инструментомъ, столомъ и ящиками съ пищей; ни у кого не было печальнаго вида. На балдахинѣ было изображеніе двухъ мифическихъ птицъ, похожихъ на феникса. Балдахинъ и занавѣси были яркихъ цвѣтовъ и украшены множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ.

Въ другой погребальной процессіи спереди веселаго катафалка былъ крестъ съ распростертыми драконами на выступахъ и четырьмя пестрыми птицами, на подобіе фазановъ, сверхъ балдахина.

Послѣ погребенія и устройства насыпи надъ гробомъ, дѣлается возліаніе виномъ, и общество приступаетъ къ жертвоприношенію и пиршеству. На каменный жертвенникъ или, если его нѣтъ, на маленькіе столы кладутъ сушеную рыбу и вино. Родственники становятся лицомъ къ могилѣ и 5 разъ прсстираются на землѣ, повторяя изреченіе, выражающее пожеланіе мира духу усопшаго. За могилой такія же церемоніи совершаются относительно духа горы, хозяина мѣста, которому поручается душа покойника. Вино выливается, а рыба раздается слугамъ; ни одинъ священникъ не принимаетъ участія въ церемоніалахъ при смерти

и похоронахъ. Теперь уже двѣ души пристроены—одна у Неизвѣстнаго, другая у Горнаго духа.

Въ процессіи всегда несутъ крытыя носилки съ „таблицей предковъ“ умершаго и его именемъ; это кусокъ бѣлаго дерева, вѣданный въ раму. Часть надписи сдѣлана дома, но дополняется она на могилѣ; послѣ похоронъ ее несутъ домой при такой точно обстановкѣ, при которой поѣхалъ бы покойникъ, если бы былъ живъ, такъ какъ третья душа возвращается въ домъ вмѣстѣ съ провожатыми и всеяется въ эту табличку, которую помѣщаютъ въ пустую комнату на черной лакированный стулъ передъ чернымъ лакированнымъ столомъ, на который ставятъ новыя приношенія: хлѣбъ, вино, вареное мясо, вермишелевый супъ, запахомъ которыхъ питается духъ; родственники снова простираются 5 разъ, послѣ чего сѣдаютъ приношенія въ сосѣдней комнатѣ.

Иногда, согласно существующему обычаю, друзья покойнаго усыпаютъ путь погребальной процессіи бумажными деньгами.

Въ періодъ между смертью и погребеніемъ соблюдается безусловное молчаніе и принимаются только посѣтители, которые приходятъ выразить свое соболѣзнованіе и хвалить добродѣтели покойнаго; разговоръ на обыденныя темы заставить бы умершаго ворочаться въ гробу и вообще обезпокоить бы его.

Слуги бдительно сторожатъ кошекъ, такъ какъ считается страшнымъ несчастіемъ, если кошка перепрыгнетъ черезъ трупъ, который можетъ отъ этого даже встать. Кошки не пользуются расположеніемъ корейцевъ.

Когда тѣло вынесено изъ дому, сюда входятъ двѣ или три *му-тангъ*, т. е. колдуньи съ музыкальными инструментами и другими принадлежностями своего ремесла. Черезъ извѣстный промежутокъ времени одна изъ нихъ вдохновляется духомъ умершаго и въ точности воспроизводитъ его, до малѣйшихъ отѣнковъ передавая его манеры, движенія, разговоръ. Она рассказываетъ его жизнь отъ I-го лица ед. чис.; если онъ былъ дурнымъ человѣкомъ, то рассказываетъ его дурныя поступки, даже не подозрѣваемые сосѣдами; если хорошимъ, то очень скромно перечисляетъ его добродѣтели; наконецъ, она кланяется, торжественно прощается съ присутствующими и удаляется.

Послѣ того, какъ табличка относится въ храмъ предковъ, и періодъ траура конченъ, приношенія въ часовнѣ дѣлаются разъ въ мѣсяцъ и въ годовщину смерти всѣми потомками вмѣстѣ; и эти поминанія обязательны для предковъ за 5 поколѣній.

Вдова носитъ трауръ всю жизнь, и, если у нея нѣтъ сына, соблюдаетъ всѣ требованія почитанія предковъ.

Кур-донгъ—древняя религиозная церемонія, которая теперь уже отживааетъ свой вѣкъ. Это процессія, устраивавшаяся для сопровожденія короля, когда онъ отправлялся приносить жертвы въ храмъ предковъ своей династіи. Въ обыкновенное время ко-

роль не показывался своимъ подданнымъ, которымъ даже запрещалось произносить его имя; онъ жилъ затворникомъ въ своемъ дворцѣ, охраняемый 1.000 тѣлохранителями, и не имѣлъ никакого представленія не только о своей странѣ, но и о своей столицѣ. Кур-донгъ представлялъ для подданныхъ единственный случай лицедрѣть своего повелителя; поэтому ко дню этой церемоніи толпы народа стекались въ столицу и въ благоговѣйномъ молчаніи стояли по пути процессіи. Многіе совершали трехъ-и четырехдневный путь, чтобы присутствовать при этомъ зрѣлищѣ. На этотъ день переносныя палатки для торговли на Южной улицѣ снимаются, по бокамъ вставляются въ землю на разстояніи 20 ярдовъ другъ отъ друга факелы въ 10 ф. вышины; эти факелы зажигаются, чтобы освѣтить путь короля, когда онъ возвращается по совершеніи жертвоприношенія. Ряды зрителей, наводящихъ Южную улицу, сдерживаются полицейскими скороходами, которые безъ милосердія колотятъ своими дубинками каждого, выдвинувшагося изъ строя. Мужчины въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ и черныхъ волосяныхъ шляпахъ, женатыя мальчики ¹⁾ въ розовой одеждѣ и желтой шляпѣ, простолюдинки въ зеленыхъ и дѣти въ красныхъ, зеленыхъ, розовыхъ и лиловыхъ одеждахъ представляютъ пеструю красивую картину; несмотря на громадное стеченіе народа (иногда бываетъ до 150/т. чел.), едва слышится глухое жужжаніе отъ разговоровъ.

Въ назначенный часъ выстрѣлъ изъ ружья даетъ знать о началѣ торжества. Сотни кули посыпаютъ середину улицы краснымъ пескомъ: король не долженъ ступать на землю, по которой проходили его подданные. Эскадроны кавалеріи на пони, которыхъ ведутъ кули, становятся вдоль улицы. На опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга проносятъ на палкахъ четырехъугольные ящики, наполненные оперенными стрѣлами, и вдоль улицы пробѣгаютъ люди съ торчащими въ воротѣ одежды стрѣлами, дѣлая видъ, что они убѣгаютъ отъ новыхъ стрѣлъ. У чиновниковъ на спинѣ или на груди, или же натою и надругой, сверхъ роскошныхъ платьевъ, висятъ атласные квадраты, вышитые узорами, изображающими птицъ и животныхъ: журавль—символь гражданской службы, тигръ—военной; числомъ птицъ или звѣрей на квадратѣ вполне опредѣляется служебное положеніе чиновника.

Отъ времени до времени проходятъ люди, потрясая палками, на которыхъ свободно навѣшаны стальные кольца; сталкиваясь, эти кольца производятъ громкій и рѣзкій металлическій звукъ. Слуги сопровождающіе мандариновъ, издаютъ въ унисонъ особенный крикъ; сначала онъ звучитъ какъ *чжи*, потомъ нота повышается и берется три раза *си*, затѣмъ снова ниже поется *чжи*.

Интересно шествіе барабанщиковъ идущихъ неправильными рядами во всю ширину улицы; барабаны имѣютъ видъ кубка,

¹⁾ См. Врачныя обычаи.

положеннаго горизонтально; пальцы почти скрываются въ широкихъ рукавахъ одежды.

Въ тактъ шага правая рука барабанщика съ палочкой подымается надъ головою, затѣмъ лѣвая, потомъ опускаются обѣ, почти касаясь барабана, но не производя ни малѣйшаго звука. Затѣмъ обѣ руки поднимаются разомъ и опускаются опять беззвучно. Наконецъ, палочки скрещиваются и въ теченіе двухъ шаговъ медленно поднимаются и также медленно опускаются, производя глухой звукъ. Эта процедура повторяется во все время шествія процессіи.

Солдаты, обыкновенно въ подпоясанныхъ чернымъ поясомъ грязныхъ одеждахъ, съ истертыми „соками“¹⁾ и широкими панталонами складываютъ свое оружіе кучами въ сосѣдней улицѣ.

Рысье пронесется крытыя черныя и цвѣтныя носилки. Сотни дворцовыхъ слугъ въ верхнихъ одеждахъ коричневаго цвѣта, съ широкими рукавами, и нижнихъ голубыхъ, привязанныхъ ниже коленъ красными лентами, въ твердыхъ черныхъ шляпахъ съ тяжелыми вѣерообразно расположенными плюмажами изъ павлиньихъ перьевъ, ѣдутъ на пони, воссѣдая на высокихъ сѣдлахъ яркихъ цвѣтовъ; ихъ лошадей ведутъ кули. Важныя должностныя лица движутся или на носилкахъ, или верхомъ въ сопровожденіи 20—30 нарядно одѣтыхъ приближенныхъ, изъ которыхъ каждый несетъ шелковое знамя съ написанной на немъ фамиліей своего господина. Одежды этихъ сановниковъ великолѣпны: черныя высокія шляпы, съ длинными шнурами, на которыхъ наизаны ятарныя бусы, съ длинными красными кистями, спускающимися на спину, и тяжелыми черными страусовыми перьями, ниспадающими на лобъ; голубая шелковая верхняя одежда, расходящаяся на спинѣ, отъ пояса; нижняяя оранжеваго шелка; широчайшіе красные панталоны, привязанные подъ щиколоткой бантами небесно голубыхъ лентъ; потоки лентъ спускаются отъ шеи и пояса. У каждаго черезъ плечо небольшое шелковое знамя съ его титуломъ, написаннымъ красными китайскими буквами, а въ рукѣ служебный жезль, также украшенный потоками богатыхъ лентъ. Рукава въ верхней своей части оранжевые, въ нижней—красные, — очень широкіе.

Красивые гладкіе сѣрые или въ сѣрыхъ яблокахъ пони роскошно убраны. Ихъ голова украшена голубыми, красными и желтыми шарами и увѣнчана большими помпонами краснаго шелка. Уздечки изъ краснаго шелка; сѣдла, въ одинъ футъ вышиной, покрыты ярко зеленымъ чепракомъ съ серебряными тисненіями; крупъ покрытъ бѣлымъ шелкомъ, а спереди вышитые золотомъ нагрудники. Великолѣпный всадникъ, взобравшись съ помощью слугъ на это возвышеніе, стоитъ на стременахъ, не доходящихъ даже до половины боковъ пони, держась лѣвой рукой за дужку, устроенную съ этой цѣлью на сгибѣ сѣдла. При

¹⁾ Обувь, родъ штиблетъ.

такимъ способъ вѣды, конечно, нѣтъ возможности управлять лошадей: ее ведутъ слуги; другіе идутъ съ обѣихъ сторонъ пони, придерживая всадника за ноги.

За сановниками слѣдуютъ знаменосцы съ большими развѣвающимися по вѣтру шелковыми знаменами, древки которыхъ украшены пучкомъ фазаньихъ перьевъ. За ними—королевскій поварь съ огромной свитой, дворцовые слуги, барабанщики, флейтисты, скачущіе въ галопъ курьеры съ торчащими изъ ворота стрѣлами; тутъ же идутъ пони, нагруженные подушками, лакированными ящиками, провизіей, кухонными принадлежностями, курительными приборами; а далѣе—стрѣлки изъ луковъ и свободно идущіе солдаты съ ружьями. Такъ проходятъ тысяча людей, но это только вступленіе.

Ружейный выстрѣлъ, звонъ Великаго Колокола и громкіе звуки трубъ и флейтъ возвѣщаютъ о выходѣ изъ дворца короля. Кавалерія, расположенная напротивъ, встрѣчаетъ его, поворачивая къ нему лошадей хвостомъ. Снова летятъ курьеры со стрѣлами въ одеждѣ.

Королевской процессіи предшествуетъ великолѣпно одѣтый „генералъ авангарда“, поддерживаемый на сѣдлѣ слугами, въ сопровожденіи толпы подчиненныхъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою свиту; за нимъ слѣдуютъ солдаты, люди съ ящиками стрѣлъ и тяжелыми шелковыми знаменами съ фазаньими перьями на концѣ древка; ряды слугъ въ голубыхъ зеленыхъ газовыхъ платьяхъ сверхъ бѣлыхъ чехловъ, вельможи, каждый со свитой своихъ знаменосцевъ, ряды королевскихъ знаменосцевъ, несущихъ желтыя и голубыя знамена съ королевскимъ гербомъ, кавалеристы въ золотыхъ (имитация) каскахъ, охотники на тигровъ, въ высокыхъ коническихъ суконныхъ шляпахъ и широкой темносиней одеждѣ, съ длинными ружьями.

Послѣ небольшого промежутка слѣдуетъ министръ иностранныхъ дѣлъ, воссѣдающій на черномъ креслѣ, убранномъ леопардовыми шкурами; кресло стоитъ на черной платформѣ, укрѣпленной на двухъ стойкахъ, придѣланныхъ къ черному колесу; платформу несутъ 8 человекъ на вышинѣ 8 футовъ надъ землей.

Еще солдаты, знаменосцы, барабанщики, потомъ начальникъ евнуховъ, роскошно одѣтый, съ громадной свитой и множествомъ слугъ, опять дворцовые слуги, кавалеристы; у однихъ ноги видятъ чуть не до земли, у другихъ еле доходятъ до половины боковъ лошади. Лошадей, на которыхъ сидятъ офицеры, ведутъ кули.

Затѣмъ идутъ пѣшіе солдаты съ безчисленными знаменами, генералы, придворные чины, государственные дѣятели, одни въ красныхъ шляпахъ съ черными перьями, другіе въ широкихъ волосняныхъ шляпахъ съ торчащими крыльями, третьи въ широкихъ митрахъ, украшенныхъ полосками, блестящими, какъ золото.

Еще солдаты. Пробѣгаютъ два скорохода, раздающіе своими дубинками удары направо и налево. Барабанщики немилосердно

бьютъ въ свои барабаны, флейты пищать. Еще сановники съ волшебной свитой въ свѣтло-зеленыхъ и голубыхъ шелковыхъ газовыхъ одеждахъ; личные слуги короля въ желтомъ, съ бамбуковыми шляпами, украшенными розетками; королевскіе знаменосцы съ королевскимъ знаменемъ: извивающимся дракономъ на желтомъ полѣ,—еще флаги и солдаты. Затѣмъ несутъ эмблему королевскаго достоинства—гигантскій красный шелковый зонтикъ, и странную раму изъ камней. Опять вельможи, солдаты, музыканты, и, наконецъ, королевскія носилки; первыя, обитыя краснымъ шелкомъ,—пустыя,—мѣра, вызванная предположеніемъ, что въ случаѣ покушенія на жизнь императора, ударъ будетъ направленъ сюда. Передъ ними несутъ громадный трезубецъ, за ними, на чудныхъ красныхъ лакированныхъ носилкахъ, обитыхъ краснымъ шелкомъ, богато украшенныхъ шелковыми шнурами и кистями, 40 носильщиковъ въ красной одеждѣ высоко несутъ самого короля, съ достоинствомъ подвигающагося среди безмолвной толпы. Число вельможъ кажется неистощимымъ, такъ какъ за королемъ снова идутъ сановники въ роскошныхъ костюмахъ съ шапками, украшенными краснымъ бархатомъ, павлиньими перьями и низкими янтарныхъ бусъ. За вельможами слѣдуютъ снова барабанщики, пѣхота въ панцыряхъ, усѣянныхъ иглами, „генераль арьергарда“ въ сіяющей каскѣ и богатомъ голубомъ и красномъ съ золотомъ мундирѣ. Процессію заключаютъ солдаты со своими длинными ружьями.

Поздно вечеромъ король съ помпой возвращается при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ и голубыхъ и розовыхъ фонариковъ, качающихся на концахъ пикъ и штыковъ.

Такая процессія стоитъ 25.000 іенъ и тяжело ложится на государственннй бюджетъ.

По понятіямъ корейцевъ, земля, воздухъ, вода,—все населено демонами; они вездѣ—въ тѣнистомъ деревѣ, въ темномъ ущельѣ, въ хрустальномъ ручьѣ, на вершинѣ горы, на зеленѣющихъ склонахъ, въ долинахъ, на мирныхъ нивахъ, въ лѣсу, въ озерахъ и рѣкахъ, на берегахъ, при дорогѣ, на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ, на каждой крышѣ, на потолкѣ, въ очагѣ, въ каждомъ кангѣ¹⁾, въ каждомъ брусѣ, въ трубѣ, подъ каждымъ навѣсомъ, въ жилой комнатѣ, въ кухнѣ—на каждой полкѣ и въ каждомъ горшкѣ,—всюду стараются они вредить человѣку.

Стоитъ ему выйти изъ дому, какъ тысячи билліоновъ демоновъ окружаютъ его спереди, свади, съ боковъ, сверху.

Вѣра въ духовъ держитъ корейца въ постоянномъ страхѣ, такъ какъ малѣйшій его промахъ вызываетъ беспощадное мщеніе съ ихъ стороны.

Легионъ духовъ, по понятіямъ корейцевъ, населяющихъ міръ, дѣлится на два разряда.

¹⁾ Кирпичная платформа, устланная маттами, согрѣваемая снизу трубами,—мѣсто для сна и сидѣнія зимой.

Къ первому разряду принадлежатъ самостоятельныя духи, невидимые враги человѣка, всегда готовые вредить ему, и души людей, умершихъ въ бѣдности и горѣ. Послѣдніе—голодные, не одѣтые, дрожащіе отъ холода, насылаютъ страшныя бѣдствія на тѣхъ, кто не позаботится объ удовлетвореніи ихъ нуждъ.

Во второмъ разрядѣ числятся болѣе добродушныя и самостоятельныя духи и души людей добрыхъ или умершихъ въ богатствѣ. Но и они очень капризны и легко оскорбляются. Однако, благодаря заклинаніямъ и жертвоприношеніямъ, они могутъ помочь людямъ въ достиженіи ихъ желаній и въ отвращеніи пагубныхъ дѣйствій злыхъ духовъ.

Корейскій демонизмъ представляетъ собою соединеніе корейскихъ суевѣрій съ испорченнымъ буддизмомъ и китайскими мифологическими легендами. Опытъ ихъ классификаціи былъ сдѣланъ мистеромъ Джонсомъ и д-ромъ Ландисомъ. Предлагаемъ здѣсь выдержку изъ ихъ труда.

О-банг-чан-кунь. Этихъ духовъ пять. Они завѣдываютъ востокомъ, западомъ, сѣверомъ, югомъ и серединой неба. При входѣ во многія деревни стоятъ ихъ изображенія въ видѣ украшеннаго соломенными шнурами и кистями столба, верхушка котораго высѣчена въ видѣ отвратительнаго человѣческаго лица. Духи эти считаются покровителями поселянъ, которые приносятъ имъ въ даръ рисъ и плоды.

Шин-чанги. Ихъ 80.000, и каждый изъ нихъ начальствуетъ надъ цѣлою толпой духовъ, наполняющихъ землю и воздухъ. Въ центральной Корей часто встрѣчаются посвященные имъ жертвенники съ изображеніемъ гигантскаго, пестро раскрашеннаго воина и надписью: „Я—Духъ, живу здѣсь“.

Тон-гоби наиболѣе извѣстны изъ всѣхъ демон^{овъ}. Ихъ боятся и ненавидятъ. Предполагаютъ, что они произошли отъ душъ людей, погибшихъ внезапно или насильственной смертью. Изъ-за нихъ часто люди покидаютъ свои дома и строятъ себѣ новыя. Ихъ фетишами могутъ быть такія вещи, какъ, напр., шляпа ма-пу (слуги) или платье писмоводителя изъ Ямена, обратившееся въ лохмотья отъ грязи и ветхости, спрятанныя подъ маленькой соломенной палаткой. Они часто, подобно нашимъ домовымъ, устраиваютъ хозяевамъ дома разныя каверзы: то засунуть крышки желѣзныхъ котловъ въ середину котла, то хлопаютъ цѣлую ночь дверьми и окнами такъ, что, казалось бы, все должно быть разбито, а къ утру нѣтъ слѣда ихъ работы.

Нечистые духи—*Сач-жемъ*, всегда ищущіе случая повредить людямъ.

Сан-шин-Районъ—горные духи. Имъ жертвенники ставятся подъ тѣнью большихъ деревьевъ, при чемъ особенно счастливымъ камнемъ для жертвенника считается плоская плита. Они покровительствуютъ произрастанію жень-шеня, а потому въ большомъ уваженіи. Какъ покровитель охотниковъ на оленей, духъ этой категоріи изображается въ видѣ суроваго старца въ чинов-

ничьей одеждѣ, ѣдущаго верхомъ на тигрѣ. Кругомъ его жертвенника стоятъ жертвенники его гарему, съ изображенными на нихъ женщинами-демонами, очень часто японками.

Тигрь, въ огромномъ числѣ водящійся въ сѣверной и центральной Корей, считается вѣрнымъ слугою горныхъ духовъ, которые насылаютъ его на то селеніе, противъ котораго почему-либо разгнѣвались.

Если дровосѣкъ не броситъ первую ложку риса изъ своего кубка горному духу, то ему навѣрно предстоитъ опасное паденіе или тяжелое пораненіе. Вообще эти демоны очень капризны и умилостивлять ихъ надо постомъ, частымъ омовеніемъ и отшельничествомъ.

Видѣть во снѣ горнаго духа или его приспѣшника, тигра, считается очень хорошимъ предзнаменованіемъ.

Лонг-шинъ, или демоны драконы,—духи водъ. Для нихъ жертвенниковъ не строится, но устраиваются очень дорогія церемоніи на водѣ и берегахъ рѣкъ, во время которыхъ приносятся жертвы за упокоеніе душъ утопленниковъ.

Наиболѣе бросающееся въ глаза—почитаніе *Сонг-Вхоанг-Данъ* (жертвенникъ Святого Принца), большого корейскаго жертвенника, грубо сложеннаго изъ камней подъ тѣнью дерева, на вѣтвяхъ котораго навѣшаны куски бумаги, тряпки, мѣшечки рису, старая одежда, соломенные башмаки. Предполагаютъ, что *Сонг-Вхоанг-Данъ* посѣщается различными демонами.

Если какая нибудь птица или звѣрь уничтожатъ насѣкомыхъ, вредящихъ посѣву, имъ также воздвигается жертвенникъ, на которомъ размалевываютъ яркими красками изображеніе птицы или животнаго.

Два духа, *То-ти-чи-Шинъ* и *Чон-Шинъ* считаются мѣстными духами и занимаютъ склоны холмовъ. Имъ совершаютъ поклоненіе и приношенія во время похоронъ. Въ Сеулѣ Чон-Шину строится жертвенникъ изъ глины или цемента, въ который вдѣлывается его изображеніе; въ деревняхъ же ставится подъ деревомъ его фетишь—соломенная палатка надъ старыми башмаками. Въ честь его справляются празднества каждые три года.

Домашніе духи: *Сонг-чжу*, старшій изъ домовыхъ духовъ—его фетишь состоитъ изъ столькихъ листовъ бумаги и бумажнаго мѣшка со столькими ложками рису, сколько лѣтъ дому.

Ти-чжу—другой великій демонъ, но о немъ очень мало извѣстно. Приношенія ему дѣлаются внѣ дома 1-го, 2-го, 3-го и 15-го числа каждаго мѣсяца. Его фетишь—снопъ соломы, пустой въ серединѣ, поставленный на трехъ палкахъ; иногда вмѣсто этого ставится цѣточный горшокъ съ нѣсколькими зернами рису.

Оп-чжу—духъ кухни; его фетишь—кусокъ бумаги или платя, прибитаго надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ готовится пища.

Эти три домовыхъ духа, но есть духи семьи; изъ нихъ важнѣйшій *Чо-Уангъ*, духъ съ созвѣздія Большой Медвѣдицы, поль-

звующійся большою популярностію; ему ставится жертвенникъ около домової стѣны, а его фетишъ—тыква, наполненная лоскутками и бумагой.

Ти-чжу № 2—приносящій семьѣ счастье. Его фетишъ—соломённая палатка трехъ футовъ вышины надъ двѣточнымъ горшкомъ съ рисомъ, покрытымъ бумагой и камнемъ.

Величайшій и древнѣйшій изъ семейныхъ демоновъ *Чюи-Сюжъ*, дѣдъ *Сан-Чин-чюи-Сюка*—демона рожденій, дарующаго потомство. Фетишъ послѣдняго передается отъ отца къ сыну—это тройственный демонъ, и корейскія женщины, слыша о Христіанской Троицѣ говорили, что Она вполне понятна имъ, благодаря Сан-Чину. Онъ покровительствуетъ дѣтямъ до четырехлѣтняго возраста; онъ запрещаетъ простолюдинкамъ-матерямъ выходить въ теченіе 21 дня послѣ рожденія ребенка, а благороднымъ матерямъ въ теченіе 100 дней, и въ это время ни мать, ни дитя не должны видѣть солнечнаго луча.

Па-муль—демонъ богатства—тотъ же Маммона; ему поклоняются въ амбарѣ. Его фетишъ,—сосудъ изъ тѣста, поставленный на два изукрашенныхъ мѣшка съ рисомъ.

Каль-митъ завѣдываетъ внѣшнимъ счастьемъ семьи—его фетишъ вдѣланъ надъ воротами и состоитъ изъ всякаго старья, старыхъ соломенныхъ башмаковъ, нѣсколькихъ кешъ и тростниковаго платя.

На выступахъ королевскихъ строеній и на городскихъ воротахъ стоятъ ряды бронзовыхъ или китайскаго фарфора фигуръ съ цѣлью предохраненія отъ злыхъ духовъ. На перекресткахъ дорогъ часто лежитъ кусокъ дерева, обработанный въ видѣ мышеловки съ заткнутымъ отверстиемъ, черезъ который прохожіе стараются переступить со всею осторожностію.

Мужчины „образованныхъ“ классовъ ограничиваются почитаніемъ предковъ, смѣясь надъ жертвенниками, тряпками, рисовыми мѣшечками и другими атрибутами почитанія духовъ, но необразованный народъ и женщины, начиная съ царскаго дворца и кончая послѣдней хижиной, находятся въ полной власти болѣе чѣмъ 15-ти-вѣковаго культа.

Демонизмъ или шаманизмъ господствуетъ въ Азіи преимущественно среди Самоѣдовъ, Остяковъ и др., а также среди племенъ, населяющихъ холмистую страну на юго-западной границѣ Китая. Названіе *шаманъ* одинаково употребляется для мужчины и для женщины, имѣющихъ непосредственныя сношенія съ духами, или имѣющихъ власть пріобрѣсти ихъ благоволеніе или устранить ихъ злое вліяніе разными магическими обрядами, чарами, пѣснями, испѣлять болѣзни заклинаніями, предсказывать будущее, объяснять сны.

Корейскій шаманизмъ мягче сѣверо-азиатскаго, вѣроятно, подъ вліяніемъ буддизма; хотя почитаемые духи и не всегда злы, но они враждебны человѣку, капризны и мстительны. Шаманы не составляютъ особой корпораціи, но на практикѣ они игра-

ють роль жрецовъ. Есть предположеніе, что въ отдаленныя времена демонизмъ сопровождался человѣческими жертвами.

Теперь существуетъ два класса шамановъ: *Пан-су* и *Му-тангъ*.

Пан-су—слѣпые знахари; и счастливы родители, у которыхъ сынъ слѣпой: онъ всегда хорошо заработаетъ для нихъ и подержитъ ихъ на старости лѣтъ.

Пан-су раньше пользовались большимъ почетомъ; но при послѣдней династїи потеряли свое высокое положеніе. Главные *Пан-су* носятъ официальное названіе отъ правительства *Чам-панъ* и *Сеунг-чжи*. *Пан-су* образуютъ мѣстное общество и строятъ на собственные средства сборные дома. Главная контора корпораціи *Пан-су* построена въ Сеулѣ правительствомъ и содержится на его счетъ.

Въ братство допускаются, повидимому, только тѣ, которые представляютъ доказательства своего знанія шаманскихъ традицій, мудрости и обычаевъ, которымъ народъ приписываетъ четырёхтысячелѣтнюю древность.

Неофитъ долженъ изучать „существованіе, природу и могущество демоновъ, ихъ отношенія къ людямъ, дѣйствія заклинаній, благодаря магическимъ обрядамъ, и сущность прорипаній“. Онъ долженъ размышлять „объ обычаяхъ, привычкахъ и слабостяхъ каждаго класса корейскаго общества, чтобы умѣть обращаться со с ними клиентами“. Легкое знакомство съ конфуціанствомъ должно дать ученый отбѣнокъ его рѣчи, и, въ особенности, онъ долженъ изучать методы вызванія, заклинанія, очарованія, волшебныхъ чаръ, порицанія и приготовленія амулетовъ.

Колдуны неизмѣнно призываются для выбора мѣста для постройки дома, устройства могилы, при составленіи нѣкоторыхъ договоровъ, во время общественныхъ несчастій, болѣзней, при рожденіи дѣтей, свадьбахъ, покупкахъ земли.

Въ танцахъ, жестикующіяхъ и вообще всѣхъ приемахъ шамановъ неизмѣнно долженъ быть экстазъ, и барабанъ играетъ въ нихъ большую роль. Вознагражденіе шаманамъ полагается очень высокое; предполагаютъ, что шаманизмъ обходится Корей ежегодно въ 2¹/₂ милл. долларовъ.

Корейцы приписываютъ всякую болѣзнь, неудачу, потерю власти и богатства и т. п. вліянію духовъ; предполагается, что *Пан-су*, одержимый сильнымъ демономъ, надъ которымъ имѣетъ власть, можетъ магическими обрядами уничтожить это вліяніе.

Вотъ, напр., обрядъ изгнанія болѣзни. Онъ дѣлится на четыре отдѣла или стадїи.

1. Прибывъ въ домъ, *Пан-су* бросаетъ изъ магической черепаховой шкатулки нѣсколько горстей ея содержимаго, чтобы узнать, какой именно духъ причинилъ болѣзнь; послѣ этого онъ назначаетъ счастливый часъ для его изгнанія и приготовляетъ все для этой операціи.

2. Теперь надо приобрести власть надъ духомъ. Пан-су вооружается дубовой или сосновой палкой длиною около $1\frac{1}{2}$ фута, передаетъ ее одному изъ присутствующихъ, прося держать ее вертикально на очень твердомъ камнѣ; тогда онъ начинаетъ говорить магическія формулы, пока палка не станетъ колебаться и, наконецъ, танцовать на камнѣ — слѣдствіе того, что духъ вселился въ нее. Затѣмъ начинается допросъ, чтобы узнать причину болѣзни и удостовѣриться, дѣйствительно ли вызванъ тотъ духъ, который былъ опредѣленъ колдуномъ; самое слабое движеніе палки означаетъ—*да*, между тѣмъ какъ *нѣтъ* выражается полнымъ покоемъ. Послѣ этого, духа приглашаютъ уйти добровольно; если же онъ отказывается, Пан-су приступаетъ къ его изгнанію.

3. Въ третьей стадіи должны принимать участіе приближенные духи Пан-су. Одинъ изъ присутствующихъ держитъ на столѣ вертикально палочку, сдѣланную изъ восточной вѣтви персиковаго дерева, которое обладаетъ особенной способностью изгонять демоновъ. Пан су снова произноситъ заклинанія, вслѣдствіе чего палка начинаетъ двигаться, несмотря на всѣ усилія удержать ее. Вызванъ *Чанг-гунъ*, духъ, котораго просятъ оказать содѣйствіе. *Чанг-гунъ* обѣщаетъ поймать злого духа, *Чанг-куна*, и, послѣ нѣкоторыхъ приготовленій и жертвоприношеній, его просятъ исполнить обѣщанное. Человѣкъ, держащій палочку, выбрасывается изъ дому сверхъестественной силой на то мѣсто, гдѣ находится *Чанг-кунъ*, котораго, по предположенію присутствующихъ, *Чанг-гунъ* немедленно схватываетъ, а человѣка приводятъ снова въ домъ.

4. На полъ ставится бутылка съ широкимъ горлышкомъ, а около нея кусокъ бумаги съ именемъ нечистаго духа, которое узнали изъ предыдущихъ переговоровъ. Пан су касается магической палочкой бумаги, она немедленно прыгаетъ въ бутылку, которую плотно закупориваютъ и зарываютъ на склонѣ холма или на перекресткѣ.

Этотъ родъ заклинанія продолжается иногда нѣсколько дней въ тѣхъ семьяхъ, которыя въ состояніи заплатить за это; за нимъ слѣдуетъ другое, подъ названіемъ „Умиротвореніе,“ занимающее цѣлую ночь; нужно успокоить домашнихъ демоновъ, обезпеченныхъ предыдущимъ заклинаніемъ, и очистить домъ.

Орудіями заклинанія Пан-су въ разныхъ его стадіяхъ служатъ то барабанъ, то цимбалы, то магическая шкатулка, то палка или нѣсколько магическихъ палочекъ.

Шаманы говорятъ, что многія чары и формулы заимствованы ими у буддистовъ, которые въ свою очередь, увѣряютъ, что почитаніе демоновъ существовало въ Корей задолго до введенія буддизма и, какъ на остатокъ древняго ритуала этого почитанія, указываютъ на обычай, распространенный по всей Корей, приносить на каменныхъ жертвенникахъ на вершинѣ холмовъ въ жертву духамъ-хранителямъ свиней, а иногда овецъ, передъ посѣвомъ и послѣ жатвы, а также въ случаѣ засухи или другого

бѣдствія. Жертвоприношеніе совершается начальникомъ округа отъ имени короля и по формѣ совершенно походитъ на жертвоприношеніе *Хананимъ* (Господину Неба).

Обыкновеннымъ людямъ опасно произносить заклинанія шамановъ; только существуетъ одно, произносимое въ случаѣ крайности, совершенно безопасное для всеобщаго обращенія; оно состоитъ изъ 56 буквъ, которыя должны произноситься съ начала, потомъ съ конца и съ середины, и называется „Двадцативосьмизвѣздная формула“¹⁾.

Прорицаніе—второй даръ Пан-су; опять посредствомъ обрядовъ, извѣстныхъ ему одному, онъ предсказываетъ будущее, опредѣляетъ гороскопъ, „четыре столпа человѣческой будущности,“—т. е. часъ, день, мѣсяцъ и годъ его рожденія, совместно влияющіе на судьбу человѣка; въ этомъ гороскопѣ вся тайна человѣческой жизни; составленіе гороскопа—вѣнецъ прорицательной мудрости.

Если въ гороскопѣ получается стрѣла, предвѣщающая несчастье, Пан-су исправляетъ это, произведя заклинанія надъ лукомъ, сдѣланнымъ изъ персиковаго дерева, изъ котораго въ то же время спускаетъ стрѣлы, приготовленныя изъ какого-то корня, въ „незапрещенное мѣсто“.

Главная обязанность Пан-су—составить гороскопъ жениха и невѣсты и назначить счастливый для брака день, въ противномъ случаѣ демоны разстроятъ счастье молодыхъ.

Вспомогательными приспособленіями при прорицаніи служатъ „жабы ящички“ или шкатулки въ видѣ кости (игральной). Жабій ящикъ устроенъ въ видѣ черепахи съ движущимся губамъ; въ немъ лежатъ три вѣши, надъ которыми Пан-су произноситъ очень древнее обращеніе; его можно приблизительно передать въ такихъ словахъ: „Всѣ вы, люди, признайте правду символическихъ сообщеній.“ Монеты подбрасываются три раза, и по ихъ сочетанію выводится предсказаніе.

Другое орудіе прорицанія—бамбуковая или желѣзная полая палка, ваткнутая съ обоихъ концовъ, при чемъ на одномъ концѣ оставлено отверстіе, достаточное для прохода тоненькихъ бамбуковыхъ полосокъ, заключенныхъ въ ней; подобныя палки можно видѣть на безчисленныхъ китайскихъ жертвенникахъ. На каждой полоскѣ 8 зарубокъ; онѣ служатъ символомъ нѣкоторыхъ знаковъ на прорицательномъ столѣ *Хо-нэ*, которому уже 3.000 лѣтъ и которому вѣрятъ повсемѣстно въ Китаѣ.

Большая вѣра придается амулетамъ, приготовленнымъ Пан-су. Они обыкновенно представляютъ изъ себя изображенія насекомыхъ или китайскія буквы и дѣлаются изъ дерева, сожженнаго молніей. Такому дереву приписывается особенно чудодѣйственная сила.

¹⁾ Въ китайской книгѣ Шу-кинъ говорится о 28 созвѣздіяхъ или звѣздныхъ обителяхъ—это обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на родственность китайскихъ и корейскихъ вѣрованій.

Второй и большой разрядъ шамановъ—„*Му-танги*“; это женщины-знахарки, и хотя есть среди нихъ мужчины *Пак-су-му*, но при исполненіи своихъ обязанностей они надѣваютъ женское платье. Му-танги болѣе распространены, чѣмъ Пан-су, и не требуютъ такого образованія; достаточно имъ немного познакомиться съ магическими дѣйствіями и услышать „зовъ“ духа. Послѣ этого „зова“ демонъ вселяется въ женщину и составляетъ какъ бы ея двойникъ; этотъ демонъ приводитъ съ собой легіонъ другихъ демоновъ,—вотъ почему Му-танги имѣютъ важный титулъ *Ман-шинъ*, т. е. легіонъ духовъ. Повинуясь зову, женщина бросаетъ родителей, мужа, дѣтей и уходитъ одна. Съ этого времени она занимаетъ странное положеніе — въ ней нуждаются и ее зовутъ повсемѣстно, но она не составляетъ члена общества, она выброшена изъ него.

Разница между Пан-су и Му-тангами та, что первые имѣютъ власть не только изгнать, но даже зарыть духа въ землю, Му-танги же только упрашиваютъ, умиляютъ духовъ.

Обязанности Му-тангъ несравненно многочисленнѣе обязанностей Пан-су; главнымъ ея дѣйствіемъ можно считать „Кѣтъ“, т. е. умиротвореніе и умиловленіе демоновъ, которыя дѣлятся на случайныя и періодическія; послѣднія составляютъ особыя частныя или общественныя празднества. Общественный праздникъ, совершающійся 1 разъ въ три года, устраивается цѣлымъ селеніемъ, или же для празднованія его соединяются нѣсколько домовъ; продолжается онъ 3—4 дня. Онъ устраивается въ честь духа-хранителя мѣстности и состоитъ изъ жертвоприношеній, поклоненія, просьбъ и возсыланія благодарности. Поселяне набираютъ изъ своей среды двухъ человекъ, которые должны взять на себя всѣ хлопоты по устройству празднества. Они назначаютъ и собираютъ ту сумму, которую каждый долженъ внести. Они приглашаютъ Му-тангъ и готовятъ все необходимое для торжества.

День празднества долженъ быть назначенъ прорицателемъ, и знахари должны въ теченіе семи дней до наступленія этого дня часто купаться и воздерживаться отъ мясной пищи.

Въ день, назначенный для празднества, ярко украшенная палатка ставится около жертвенника, посвященнаго демону, и совершаются жертвоприношенія въ то время, какъ Му-тангъ играетъ на инструментахъ, танцуетъ и выдѣлываетъ разныя тѣлодвиженія; въ это время духи вселяются въ нее, и она говоритъ прорицанія, называемыя *Конг-су-На-та*. Знахаркѣ приносятъ кубки сырого рису съ просьбой предсказать будущее на 3 года. Обыкновенно въ этотъ праздникъ въ кубокъ кладутъ трубочку изъ очень тонкой бѣлой бумаги, которую зажигаетъ съ верхняго конца Му-тангъ, пронося во все время ея горнія магическія слова; если, по достиженіи края кубка, бумага продолжаетъ горѣть внутри его — это не къ добру; если же взлетаетъ на воздухъ—это хорошее предзнаменованіе.

Частный праздник — *Чоль-мури-Котъ* устраивается семьей разъ въ два или три года для благодаренія домашнихъ демоновъ и испрошенія у нихъ дальнѣйшихъ милостей; онъ требуетъ такихъ расходовъ, отъ которыхъ семья иногда не можетъ оправиться въ теченіе цѣлаго года. Приносятъ въ жертву свинью, нанимаютъ Му-тангъ, фетиши демоновъ очищаются и обновляются. Во время заклинаній въ Му-тангъ воплощается либо домашній духъ, либо духъ одного изъ предковъ.

Услуги Му-тангъ требуются при обрядѣ очищенія послѣ родовъ, или смерти, или какого-нибудь другого обстоятельства, вводящаго въ домъ нечистыхъ духовъ, изгоняющихъ добрыхъ демоновъ дома. Тогда срѣзываютъ основную вѣтку съ *восточной* стороны дома — и добрые духи возвращаются; главный демонъ-хранитель — *Монт-гари* призывается заклинаніями Му-тангъ и убѣждается не покидать своего мѣстопробыванія, а нечистый духъ изгоняется; при этомъ часто брызгаютъ чистой водой и бьютъ въ барабанъ.

Какъ ни низко положеніе женщинъ вообще, но Му-танги, благодаря вѣрѣ въ ихъ сверхъестественный даръ, пользуются полнымъ довѣріемъ корейцевъ, которые обращаются къ нимъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ; Му-танги получаютъ отвѣтъ на свои запросы или непосредственно отъ демона, или черезъ магическую палочку, сдѣланную изъ орѣховаго дерева, или посредствомъ риса. Палочка увѣнчана кружкомъ колокольчиковъ, и Му-тангъ въ ихъ звонѣ слышитъ голосъ демона; зерна риса бросаютъ на столъ и по ихъ сочетанію предсказываютъ будущее.

Часто дѣтей продаютъ демонамъ, преимущественно сыновей, такъ какъ о дочеряхъ не стоитъ заботиться. Это приноситъ богатство и долгую жизнь проданному. День продажи назначается знахаркой, и мальчикъ „посвящается“ демону извѣстными обрядами, послѣ чего имя демона составляетъ часть имени ребенка, а демону приносятся жертвы и совершается поклоненіе каждое 15-е число 1-го луннаго мѣсяца и 3-е число 3-го луннаго мѣсяца.

Нерѣдко ребенка продаютъ самой Му-тангъ, которая принимаетъ его съ разрѣшенія своего демона; тогда она беретъ отъ родителей рисовый кубокъ, ложку и кусокъ бумажной одежды, на которой надписывается договоръ о продажѣ ребенка, и кладетъ все это у себя въ домѣ, въ комнатѣ, посвященной ея демону; хотя ребенокъ живетъ съ его родителями, но зоветъ знахарку *Шинъ* и считается ея сыномъ.

Домашній добрый духъ приноситъ здоровье и счастье, но не всегда можетъ избавить отъ болѣзни, и выходитъ изъ дому при входѣ въ него нечистаго духа. Му-тангъ должна вернуть его. Для этого она обертываетъ дубовую палку большимъ листомъ бумаги и, держа ее вертикально, идетъ на поиски духа; въ томъ мѣстѣ, гдѣ она находитъ его, палка потрясается такъ сильно, что никакими человѣческими силами не удержатъ ея.

Тогда Му-тангъ возвращается вмѣстѣ съ нимъ въ домъ, гдѣ его привѣтствуетъ съ изъявленіями живѣйшей радости. Въ бумагу, которой была обернута палка, завертывается нѣсколько кешъ, затѣмъ пропитываютъ ее виномъ и бросаютъ ея въ какую нибудь балку въ домѣ, къ которой она пристаётъ. Съ этого времени демонъ водворяется на этомъ мѣстѣ. Церемонія обходится очень дорого.

Демонъ оспы „Мама“, по имени котораго называется самая болѣзнь, явился, по убѣжденію корейцевъ, изъ южнаго Китая въ Корею на 1000 лѣтъ; его не изгоняютъ, не зарываютъ, но встрѣчаютъ съ самыми большими знаками почета. Зовутъ Му-тангъ и устраиваютъ пиръ, чтобы почтить его; если у сосѣдей есть дѣти, не болѣвшіе этой болѣзью, ихъ не удаляютъ, чтобы разсерженный „Мама“ не поступилъ съ ними жестоко. На 12-й день опасности считается миновавшей, снова призывается Му-тангъ и устраивается прощальный обѣдъ; готовится маленькая деревянная лошадь, нагружается мѣшочками денегъ и пищи для путешествія демона, съ нимъ горячо и почтительно прощаются и провожаютъ съ лучшими пожеланіями.

Происхожденію Му-тангъ приписывается древность въ 4.000 лѣтъ. 500 лѣтъ тому назадъ онъ были изгнаны изъ Сеула, и теперь ихъ жилища находятся за городомъ.

Женщина не бываетъ Му-тангъ отъ рожденія; передъ призваніемъ она заболѣваетъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и ей представляются драконы, радуги, персиковыя деревья въ пѣту, вооруженные воины, превращающіеся въ звѣрей; подъ вліяніемъ этихъ видѣній она дѣлается почти безумной и начинаетъ проричать.

Тогда она сообщаетъ семьѣ, что посланники Неба, Земли и Молнии извѣстили ее, что она должна обратиться въ Му-тангъ; если родные попробуютъ удержать ее, ея болѣзнь часто имѣетъ смертельный исходъ.

Какъ только ее отпускаютъ родные, она немедленно идетъ въ пустую комнату и наполняетъ ее цвѣтами—это ея приношеніе демонамъ. Платье и инструменты она беретъ отъ раньше умершей Му-тангъ; она выгоняетъ злыхъ духовъ изъ дома того, кто передалъ ей требуемыя вещи, пишетъ его имя на дощечкѣ, которую ставитъ въ маленькой комнаткѣ, и призываетъ благословеніе на этотъ домъ на три года.

Му-тангъ должна имѣть нѣсколько одежды,—изъ нихъ нѣкоторыя очень дорогія, барабанъ въ формѣ часового стекла четырехъ футовъ длиной, мѣдныя цимбалы, мѣдную палочку съ висящими на мѣдныхъ цѣпочкахъ звонками, куски шелковой матеріи и бумаги, которые порхаютъ вокругъ нея во время ея танцевъ, вѣера, зонтики, палочки, изображенія людей и животныхъ, желѣзные и мѣдные гонги, пару корзинокъ цилиндрической формы для парapanья; послѣднія, главнымъ образомъ, употребляются при излеченіи холеры, приписываемой крысамъ, забравшимся въ

желудокъ человѣку. Царапанье этими корзинами напоминаетъ звукъ царапанья котовъ, который долженъ испугать и выгнать грызуновъ.

Приготовляясь къ заклинанію, Му-танги должны поститься отъ трехъ дней до одного мѣсяца, воздерживаясь отъ мясной и рыбной пищи. Передъ самымъ заклинаніемъ Му-тангъ бросаетъ въ воду пепель и, обходя кругомъ дома, кропитъ сначала этой, а потомъ чистой водой.

Невозможно сказать, насколько великъ самообманъ Му-тангъ. Въ одномъ изъ ихъ танцевъ при заклинаніи „демона семейства Ии“, одного изъ злѣйшихъ и могущественнѣйшихъ духовъ демонской іерархіи, онъ доходитъ до такой степени неистовства, что падаютъ на землю съ пѣной у рта, и нерѣдко смерть является слѣдствіемъ ихъ чрезмѣрнаго возбужденія.

Демонъ семейства ии—это духъ одного возмутившагося принца царской крови, и единственная цѣль его существованія вредить всѣмъ, кого онъ ни встрѣтитъ.

Бываютъ случаи, когда мужчина женится на Му-тангъ, но на него смотрятъ съ презрѣніемъ, такъ какъ явно, что онъ рассчитываетъ жить на заработки жены.

Корейцы не имѣютъ слова для обозначенія слова демонизма или шаманизма. Единственная фраза, выражающая ихъ вѣру въ демоновъ,—„Кур-синъ уи хан-нанъ Кѣтъ“ (поклоненіе духамъ). Буддизмъ на корейскомъ языкѣ—Путьто, конфуціанство—Йуто, но слогъ *то*, означающій доктрину, не прибавляется къ демонизму.

Празднованіе Нового Года тѣсно связано съ суевѣріями корейцевъ и ихъ вѣрованіемъ въ духовъ.

Въ ночь подъ Новый Годъ на крышахъ домовъ ставятся расщепленныя палки со вложенными въ нихъ кругами красной и бѣлой бумаги, и тѣ, которыхъ колдуны предостерегали о наступающихъ несчастіяхъ, просятъ луну отстранить ихъ.

Въ день Нового Года выносятъ на улицу старательно собранные за цѣлый годъ волосы, остающіеся послѣ стрижки и расчесыванія всей семьи, и сжигаютъ ихъ въ битой посудѣ: это мѣшаетъ нѣкоторымъ демонамъ проникнуть въ домъ въ теченіе слѣдующаго года.

На улицу выбрасываются грубыя соломенные куклы съ нѣсколькими кешами внутри: всѣ невзгоды семьи, выбросившей такую куклу, передаются тому, кто ее подыметъ.

На бумагахъ рисуютъ различныя изображенія, подписываютъ подъ ними всѣ свои тѣлесныя и душевныя невзгоды и даютъ мальчику съжечь эту бумагу.

Очень странный новогодній обычай состоитъ въ томъ, что мужчины, женщины и дѣти до полуночи ходятъ по мостамъ; каждый долженъ перейти мостъ столько разъ, сколько ему лѣтъ—это спасаетъ отъ болѣзни ногъ на весь слѣдующій годъ.

За нѣсколько дней до наступленія Нового Года дворцовые евнухи поютъ призыванія, размахивая въ то же время зажженными факелами; это даетъ хорошій урожай въ соотвѣтствующее время года.

Съ утра посѣщаютъ могилы и всей семьей совершаютъ жертвоприношенія изъ пищи передъ табличками предковъ. Народъ масами накупаетъ орѣхи, грызетъ ихъ и, подержавъ зерно во рту, выплевываетъ, чтобы предотвратить лѣтнія болѣзни. Мужчины стараются узнать количество дождя, которое выпадетъ въ каждый мѣсяць; для этого разрѣзываютъ бамбуковую палку пополамъ, вкладываютъ въ нее 12 бобовъ, по числу мѣсяцевъ въ году, другъ около друга, закрываютъ и слегка связываютъ обѣ половинки; затѣмъ палка опускается на ночь въ колодезь. Утромъ ихъ разсматриваютъ, придавая вращательное движеніе; сообразно ихъ утолщенію будетъ больше или меньше дождя; не разбухшій бобъ предвѣщаетъ засуху въ соответствующемъ мѣсяцѣ. Утромъ въ этотъ день не кормятъ собакъ, чтобы предохранить ихъ отъ нападенія лѣтнихъ мухъ.

Если въ какой-нибудь семьѣ въ теченіе года родился мальчикъ, то съ дома его родителей въ день Новаго Года вывѣшиваются днемъ на палкахъ бумажныя рыбы, а ночью—зажженные фонарики. Вечеромъ жгутъ свѣчи и слѣдятъ, сгораютъ ли онѣ вполнѣ, или же часть остается негорѣвшей; въ первомъ случаѣ ребенокъ будетъ жить долго, во второмъ—не такъ долго, смотря по величинѣ недогорѣвшаго куска.

Кромѣ Му-тангъ есть еще женщины, пользующіяся свободой—это танцовщицы; онѣ во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ японскихъ гейшъ и содержатся на счетъ корейской казны. Особенно славятся красотой и образованіемъ танцовщицы изъ Фай-онг-йанга. Бѣдные люди, обремененные множествомъ сыновей, часто отдаютъ одного изъ нихъ евнухомъ во дворецъ, дочерей же отдаютъ въ танцовщицы; онѣ съ ранняго дѣтства получаютъ такое образованіе и воспитаніе, котораго лишены остальные женщины. Ихъ учатъ играть на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть, танцевать, читать, декламировать, писать, исполнять ручныя изящныя работы. Ихъ назначеніе—улаждать досуги мужчинъ; поэтому отъ нихъ требуются такія совершенства, которыхъ кореецъ и не подумаетъ искать въ своей женѣ. Онѣ одѣты очень красиво и, благодаря свободѣ, пріобрѣтаютъ непринужденныя и граціозныя манеры. Ихъ танцы состоятъ, главнымъ образомъ, какъ вообще на Востоцѣ, въ принятіи красивыхъ позъ, не представляющихъ, по свидѣтельству иностранцевъ, видѣвшихъ ихъ, ничего неприличнаго.

Начиная самыми простыми чиновниками, которые въ состояніи заплатить за эту роскошь, вездѣ присутствіе танцовщицъ считается лучшимъ развлеченіемъ для гостей.

Однако, въ то время, какъ въ Японіи гейши нерѣдко выходятъ замужъ за знатныхъ людей, ни одинъ кореецъ и не подумаетъ оказать такой чести танцовщицѣ, хотя многие изъ нихъ совершенно забрасываютъ своихъ женъ, благодаря этимъ красавицамъ, которыхъ на ряду съ Му-тангами называютъ въ корейской сказкѣ „Отплата короля ласточекъ“ однимъ изъ „10 проклятій страны.“

А. Ц.

Забытый вопросъ.

(Просвѣтительныя учрежденія въ нашихъ тюрьмахъ).

I.

Есть уголокъ общественной жизни въ Россіи — изображеніе его можно найти не въ одномъ произведеніи нашей художественной литературы, — который менѣе всего отмѣченъ культурнымъ движеніемъ послѣднихъ десятилѣтій. Это — тюрьма.

Мы коснемся одной лишь стороны вопроса — тюремной школы.

Вездѣ, за исключеніемъ, конечно, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи государствъ, существуютъ законы объ обязательномъ устройствѣ тюремныхъ школъ. Правда, программа этихъ школъ не отличается широтою; она ограничивается обыкновенно сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ знаній — обученіемъ грамотѣ и четырьмя дѣйствіямъ ариметики. Можно, однако, указать страны, гдѣ просвѣщеніе въ тюрьмахъ поставлено иначе. Въ Швейцаріи заключенныхъ знакомятъ съ географіей и исторіей жизни великихъ людей. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки они обучаются всѣмъ наукамъ гимназическаго курса, начиная съ алгебры и геометріи и кончая философій, политикой и законовѣдѣніемъ. При каждой школѣ имѣется учитель, даже нѣсколько учителей; напимѣръ, учительскій персоналъ одной изъ американскихъ тюремъ состоитъ изъ главнаго учителя, учителя гимнастики и двухъ „confegenciars“ овъ.

Въ Россіи же вопросъ этотъ даже не ставился до сихъ поръ. Между тѣмъ, именно въ Россіи тюремная школа имѣетъ особенно важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ прежде всего, изъ кого состоитъ сѣрая масса тюремныхъ арестантовъ?

„При ближайшемъ ознакомленіи съ краткосрочными преступниками, отбывающими наказаніе въ Петербургской Одиной Тюрьмѣ, нельзя не убѣдиться, что главный контингентъ тюремнаго населенія составляютъ пришлые неграмотные крестьяне сто-

личной и сосѣднихъ съ столичною губерніей. Этотъ элементъ образовывается изъ остатковъ свободнаго отъ земельной работы мѣстнаго крестьянскаго населенія; грамотные и болѣе расторопные успѣваютъ пристроиться на ближайшихъ къ мѣстамъ ихъ осѣлости фабрикахъ и заводахъ, а остальная излишняя безграмотная чернорабочая масса стремится къ большимъ центрамъ на заработки, не подовѣвая того, что безграмотный людъ въ городѣ—обуза, что отсутствіе грамотности въ человѣкѣ лишаетъ его возможности въ городѣ получить мѣсто не только какого-нибудь артельщика, но даже младшаго дворника, сторожа и т. п. Затѣмъ машина съ невѣроятной быстротой всюду замѣняетъ, гдѣ только возможно, живую рабочую силу. Послѣ всего этого что же остается пришлому чернорабочему крестьянину? Да почти ничего! Случайныя поденныя работы, а за недостаткомъ ихъ—преступленіе¹⁾“. Къ такому выводу приходитъ авторъ интереснаго очерка о Петербургской Одиночной Тюрьмѣ, помѣщеннаго въ одномъ изъ номеровъ „Тюремнаго Вѣстника“ за 1903 г. Не менѣе любопытны данныя учительницы воскресной школы при Харьковской женской тюрьмѣ, Л. И. Дашкевичъ: оказывается, изъ 76 ученицъ ея школы лишь 26 имѣли родныхъ; остальные—круглыя сироты, брошенныя на произволъ судьбы. Всѣ онѣ съ самыхъ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ или работали въ мастерскихъ, или жили по „мѣстамъ“. Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется официальныхъ данныхъ, бросающихъ свѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Но если мы обратимся къ „Мертвому Дому“ Достоевскаго, „Изъ міра отверженныхъ“ Мельшина и „Сахалину“ г. Дорошевича—картина будетъ довольно полная...

Итакъ, что же мы видимъ? За рѣдкими исключеніями, арестантскія массы вербуются изъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, изъ тѣхъ именно слоевъ, которые почти не затронуты ни школьнымъ, ни вѣшкольнымъ просвѣщеніемъ.

Мы не будемъ повторять здѣсь всѣмъ извѣстныхъ истинъ о недостаткѣ у насъ низшихъ школъ, о томъ, какъ далека Россія отъ идеала всеобщаго обученія... По проценту грамотности, она занимаетъ чуть ли не послѣднее мѣсто въ ряду цивилизованныхъ государствъ. Между тѣмъ, экономическое развитіе Россіи идетъ быстрымъ шагомъ впередъ: Россія вступаетъ въ мѣстныя сношенія въ Европѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ потребность въ грамотѣ, въ знаніи. Каждому извѣстно, какъ велика жажда знанія, стремленіе разобратся въ вопросахъ усложняющейся жизни именно у бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Тюремная школа, такимъ образомъ, приобретаетъ у насъ особое значеніе: она явилась бы необходимымъ дополненіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

1) „Тюремный Вѣстникъ“ 1903 г. № 6, стр. 276.

II.

Имѣющаяся у насъ литература, посвященная вопросу тюремнаго просвѣщенія, крайне скудна. Она исчерпывается нѣсколькими корреспонденціями и двумя-тремя статейками. Скудны и тѣ начинанія, которыя были сдѣланы въ области тюремнаго просвѣщенія. Въ нашемъ законодательствѣ не имѣется даже указаній на обязательное устройство школъ при тюрьмахъ. Есть въ сводѣ законовъ указаніе на то, что тюремные комитеты и отдѣленія обязаны заботиться о „нравственномъ исправленіи“ заключенныхъ подъ стражу; но заботы о „нравственномъ исправленіи“ арестантовъ ограничиваются церковнымъ воздѣйствіемъ. Дѣло же обученія арестантовъ грамотѣ, ознакомленія ихъ съ элементарными начатками знанія всецѣло находится въ рукахъ частной инициативы.

Первая попытка устройства тюремной школы, относящаяся къ шестидесятымъ годамъ, была сдѣлана богатымъ помѣщикомъ, А. Н. Карамзинымъ. Но основанная имъ школа просуществовала недолго: лишь одну зиму. Прошло болѣе трехъ десятилѣтій, прежде чѣмъ неудавшаяся попытка Карамзина нашла продолжателей. Тюремныя школы стали вновь появляться въ половинѣ девяностыхъ годовъ. Въ настоящее время онѣ существуютъ во многихъ городахъ Россіи.

Устроителями школъ являются добровольцы изъ интеллигенціи—большей частью учителя, учительницы, присяжные повѣренные и проч.; въ нѣкоторыхъ городахъ—мѣстные комитеты грамотности, общества попечительства о тюрьмахъ¹⁾, даже церковный причтъ. Такъ, при Красноярской тюрьмѣ въ 1902 г. была устроена школа тюремнымъ церковнымъ причтомъ, при школѣ—чтенія и библіотека. При Могилевской тюрьмѣ школа устроена ректоромъ мѣстной семинаріи и представляетъ собою отдѣленіе образцовой школы при послѣдней. Занятія въ школѣ ведетъ безвозмездно учитель образцовой школы; книги и учебныя пособія доставляются Епархіальнымъ Совѣтомъ. Но это исключительные случаи; главными инициаторами являются все-таки частныя лица, мѣстныя благотворительныя общества, иногда даже общества попеченія о народной трезвости оказываютъ школамъ денежную поддержку. Правда, иногда инициатива исходитъ отъ тюремной администраціи; но это опять исключенія... Такъ, въ февралѣ 1902 года тюремной администраціей была устроена школа для арестантовъ при Петербургской Одиной Тюрьмѣ. При школѣ имѣется особый учитель. Курсъ проходитъ въ два мѣсяца и заключается въ себѣ обученіе чтенію, письму и четыремъ дѣйствіямъ ариметики. Всѣ учащіеся раздѣляются на два класса—классъ безграмотныхъ и классъ малограмотныхъ Школу

¹⁾ Напримѣръ, школа грамоты при кремнецкомъ тюремномъ замкѣ.

обязательно посѣщаютъ всё, поступающіе въ тюрьму на срокъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, о томъ, какъ поставлено дѣло въ школахъ, не имѣется никакихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ это первая попытка тюремной администраціи взять дѣло тюремнаго обученія въ свои руки.

Естественно, тюремныя школы въ Россіи, при такихъ условіяхъ, насчитываются единицами и обставлены крайне неудовлетворительно. Устройство школъ носить характеръ случайный, благотворительный. Нашлись въ городѣ добрые люди—устроили школу; не нашлись—тюрьма остается безъ школы. Особенно даетъ себя чувствовать недостатокъ средствъ, ограниченность учительскаго персонала. Учителями тюремныхъ школъ являются, большей частью, устроители ихъ—мѣстная трудящаяся интеллигенція, учителя, учительницы, отдающіе школы своей досугъ. Ученики-арестанты, между тѣмъ, представляютъ матеріалъ въ высшей степени разнокалиберный: тутъ собрались лица различныхъ возрастовъ, различной степени воспримчивости, различныхъ степеней развитія; одни совершенно безграмотны, другіе кое-какъ слагаютъ слоги, третьи читаютъ, но не умѣютъ писать, наконецъ, четвертые и читаютъ, и пишутъ и т. д. Ихъ нельзя не разбивать на много группъ. „Если строго придерживаться распредѣленія ихъ (арестантовъ) по группамъ, пишетъ г. Дубовенко¹⁾, то каждаго ученика пришлось бы считать за отдѣльную группу и заниматься съ нимъ отдѣльно“. Такая разновальберность сильно затрудняетъ занятія, требуетъ распредѣленія труда между нѣсколькими учителями. Мы не говоримъ уже о томъ, что многіе арестанты остаются въ тюрьмѣ сравнительно недолго, слѣдовательно, необходимо, чтобы занятія были какъ можно болѣе частыми. Всѣмъ этимъ требованіямъ, при всеобщемъ рвеніи, не можетъ удовлетворить школа, устроенная только частными средствами. Безъ сомнѣнія, въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ находится тюремная администрація. Но ею, какъ мы видѣли, на этомъ поприщѣ сдѣлано крайне мало...

Что касается программы, тюремныя школы, конечно, не идутъ дальше школъ грамоты. Занятія происходятъ обыкновенно развѣ или два въ недѣлю, часто въ помѣщеніяхъ, совершенно не приспособленныхъ для этой цѣли. Въ школахъ обыкновенно сообщаются лишь самыя элементарныя знанія—чтеніе, письмо, четыре дѣйствія арифметики. Мало того, въ корреспонденціяхъ о школахъ слышшь и рядомъ приходится слышать указанія на то, что занятія не могутъ идти регулярно: ученики постоянно отвлекаются отъ работы. „Характеръ занятій не былъ регулярнымъ, пишутъ о тюремной школѣ при красноярскомъ тюремномъ замкѣ²⁾, такъ какъ многіе изъ учащихса часто отвлекались под-

¹⁾ Гр. Дубовенко.—Просвѣтительныя учрежденія въ нашихъ тюрьмахъ. „Общее Дѣло“, вып. I, стр. 229.

²⁾ Тюремный Вѣстникъ 1902 г.

рядами на различныя работы, нѣкоторые отъивались на допросы и т. под.“ Конечно, при урегулированномъ законномъ порядкѣ существованія школъ такого рода помѣха не могла бы имѣть мѣста.

Сравнительно чаще устраиваются при тюрьмахъ воскресныя чтенія и библіотеки. И тѣ, и другія, при тѣхъ своеобразныхъ условіяхъ, съ которыми приходится считаться въ стѣнахъ тюрьмы, имѣютъ для заключенныхъ еще большее значеніе, чѣмъ школы. Воскресныя чтенія, книги, получаемыя изъ тюремной библіотеки, доступны болѣе широкому кругу арестантовъ, нежели школа. Арестантъ, въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ занятой. Весь день онъ занятъ работой, тяжелымъ физическимъ трудомъ. На занятія онъ является усталый, а то и совсѣмъ не успѣваетъ притти на урокъ. Кромѣ того, не каждый арестантъ оказывается способнымъ къ тому умственному напряженію, которое обыкновенно требуется для усвоенія взрослымъ человѣкомъ чтенія и письма. Между тѣмъ праздничныя чтенія, не требуя особаго напряженія, доставляютъ арестанту не только нѣкоторую пищу для ума, но и извѣстное развлеченіе. Также и библіотеки.

Къ сожалѣнію, какъ воскресныя чтенія, такъ и библіотеки офиціально обставлены не лучше школьныхъ занятій. Правда, почти при каждой тюрьмѣ, въ видахъ религіозно-нравственнаго совершенствованія заключенныхъ, устраиваются тюремнымъ начальствомъ и духовенствомъ библіотеки. Въ этихъ библіотекахъ имѣется обыкновенно только Евангеліе, нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, но и тѣ неохотно выдаются арестантамъ изъ опасенія, какъ-бы послѣдніе не изорвали и не затеряли книги. Библіотеки эти далеко не удовлетворяютъ запросамъ читателей-арестантовъ. Даже въ Петербургской Одиной Тюрьмѣ, обставленной въ этомъ отношеніи сравнительно лучше другихъ тюремъ, библіотека не выдерживаетъ критики. „Въ тюрьмѣ существуетъ небольшая библіотека“, пишетъ г. Ник-нскій въ „Правѣ“¹⁾, „но ею завѣдуетъ надзиратель изъ нижнихъ чиновъ, компетентность котораго болѣе чѣмъ сомнительна. Кромѣ того, выборъ книгъ мало отвѣчаетъ просвѣтительнымъ цѣлямъ“. Что касается воскресныхъ чтеній, то они сводятся къ религіозно-нравственнымъ собесѣдованіямъ. Но и эти послѣднія устраиваются очень рѣдко.

Частная инициатива проявилась и въ этой области. Частными лицами при нѣсколькихъ тюрьмахъ устроены библіотеки, ведутся чтенія. Благодаря имъ, въ нѣкоторыхъ городахъ воскресныя чтенія арестантамъ поставлены сравнительно широко. Основанъ здѣсь на организаціи воскресныхъ чтеній при Нижегородской тюрьмѣ. Въ февралѣ 1901 г. нижегородскій губернаторъ поручилъ наблюденіе за веденіемъ чтеній при тюрьмѣ помощнику присяжнаго повѣреннаго, К. И. Миловидову. Чтенія происходили по воскресеньямъ и праздникамъ; за весь годъ ихъ состоялось 58.

1) Право, 1903 г.

За это время былъ прочитанъ довольно подробный курсъ русской исторіи, нѣсколько книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, а также слѣдующія книги: „О гроузѣ“ Животовскаго, біографіи Гоголя и Никитина, „Моленіе о чашѣ“ Апухтина, „Сигналъ“ Гаршина, „Заколдованное мѣсто“, „Пропавшая грамота“, „Тарасъ Бульба“—Гоголя, „Мальчикъ у Христа на елкѣ“ Достоевскаго, „Старый звонарь“ Короленко, „Бѣжинъ лугъ“ Тургенева, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ Л. Толстого и мн. др. Чтенія сопровождались туманными картинами. На чтеніяхъ присутствовало отъ 110 до 179 человѣкъ. Изъ прочитаннаго больше всего понравились: Андерсена — „Новое платье короля“, Гоголя — „Тарасъ Бульба“, „Сорочинская ярмарка“, Никитина — „Бурлакъ“ и „Выѣздъ ямщика“. Чтенія велись также и на женскомъ отдѣленіи. Слушательницъ бывало человѣкъ 15—40. Особеннымъ успѣхомъ у арестантокъ пользовались рассказы „жалостливыя“; такъ, сильное впечатлѣніе произвели: „Галя“ Шмидта, „Мальчикъ у Христа на елкѣ“ Достоевскаго, „Старый звонарь“ Короленко, „Христіанка“ Надсона и „Грѣшница“ А. Толстого. Отношеніе у арестантовъ къ чтеніямъ наблюдалось прекрасное, особенно примѣрно вели себя арестантки.

Большимъ успѣхомъ у заключенныхъ пользуются, между прочимъ, юридическія бесѣды. Онѣ имѣютъ особое практическое значеніе, знакомя арестанта въ общихъ чертахъ съ русскими законами, судебными и административными порядками, съ которыми ему приходится непосредственно сталкиваться. Опытъ бесѣды былъ сдѣланъ въ мартѣ 1903 г. при Иркутскомъ тюремномъ замкѣ. „Лекторъ, членъ мѣстной судебной палаты Н. И. Раевскій, по опыту зная беспомощность подсудимыхъ въ юридическихъ дѣлахъ, поставилъ себѣ задачею притти подсудимымъ на помощь. Надо видѣть то глубокое вниманіе, съ которымъ толпа въ 150—200 человѣкъ слушаетъ, затаявъ дыханіе, вполне ясное, толковое и, можно сказать, картинное изложеніе порядка уголовного судопроизводства; надо слышать дружный гулъ благодарности со стороны арестантовъ и просьбы ихъ пожаловать на слѣдующее чтеніе, чтобы понять, какъ велика потребность въ такихъ свѣдѣніяхъ среди тюремнаго люда! Сплошь и рядомъ бываетъ, что послѣ чтенія слушатели обращаются къ почтенному лектору для выясненія различныхъ вопросовъ чисто личнаго свойства, вызванныхъ чтеніемъ, и лекторъ не отказываетъ въ своихъ объясненіяхъ, чѣмъ еще больше закрѣпляетъ интересъ сѣрой братіи къ юридическимъ чтеніямъ“¹⁾.

О томъ, какое впечатлѣніе чтенія производятъ на арестантовъ, можно судить по слѣдующей корреспонденціи о чтеніяхъ въ Житомирской тюрьмѣ, заимствуемой нами изъ вышецитированной статьи г. Дубовенко. „Чтобы судить поистинѣ о выдающемся успѣхѣ тюремныхъ чтеній, надо видѣть радостныя лица

1) Тюремный Вѣстникъ 1903 г. стр. 469.

заклученныхъ, когда они сѣрой массой, торопливой походкой, гремя цѣпами, усаживаются на нары въ камерѣ, избранной для чтенія! Надо чувствовать (видѣть нельзя—темно въ камерѣ) тотъ восторгъ, какимъ охватывается эта сѣрая масса, когда герой разсказа вышелъ побѣдителемъ („Пожарный“), или показалъ себя дѣйствительно героемъ („Сигналь“). Надо слышать искренность голосовъ, благодарящихъ насъ за принесенное нравственное наслажденіе сѣрой, обездоленной, несчастной толпѣ. Прочитанный разсказъ даетъ заключеннымъ тему для разговоровъ на цѣлую недѣлю...¹⁾

Перейдемъ къ книгѣ. „Успѣхъ моей маленькой бібліотеки превзошелъ всякія ожиданія“, пишетъ г. Дубовенко²⁾: „не было ни одного грамотнаго арестанта, который не бралъ бы книгъ, причемъ чтецы не удовлетворялись одиночнымъ чтеніемъ, а читали вслухъ для всей камеры. Если до моего прихода книги были прочтаны, то заключенные сами мѣнялись между собой“. Это и понятно. Для арестанта, разлученнаго съ жизнью, книга представляетъ единственное развлеченіе. Благодаря же крайней матеріальной необезпеченности, арестанты не имѣютъ возможности приобрѣтать собственныя книги: бібліотека является единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно получить книгу. Интересно отмѣтить: у арестантовъ не пользуются успѣхомъ тѣ книги, которыя затрогиваютъ наболѣвшія струны души, напримеръ, „Горе“ Чехова, „Упустишь огонь—не потушишь“ Л. Толстого, „Антонъ Горемыка“ Григоровича и т. п. Особенно же любимы книжки Л. Толстого—„Чѣмъ люди живы“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Жестокій мужъ“ Гаршина и др. У женщинъ-арестантокъ самыя любимыя—„Русалка“ Пушкина, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“ Л. Толстого; послѣднюю онѣ перечитываютъ по 5 разъ и болѣе: она не выходитъ изъ рукъ. Въ общемъ, объ успѣхѣ бібліотекъ и чтеній можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, приводимымъ Л. И. Дашкевичъ: въ теченіе года при ея школѣ было 124 чтенія, 3,910 посѣщеній; книгъ въ бібліотекѣ было 620, выдачъ—3,565. Большинство корреспондентовъ, между прочимъ, утверждаетъ, что арестанты, вопреки опасеніямъ тюремнаго начальства, обращаются съ книгами очень бережно и затѣриваютъ ихъ сравнительно рѣдко.

Итакъ, насколько плохо поставлено у насъ дѣло тюремнаго просвѣщенія, въ частности тюремная школа, настолько же велика потребность въ немъ. Явленіе вполнѣ естественное, если принять во вниманіе, съ одной стороны, неудовлетворительную постановку начальнаго образованія, съ другой—все растущую, подъ вліяніемъ усложняющихся условій жизни, потребность въ знаніи. Корреспонденціи о тюремныхъ школахъ указываютъ на большую

¹⁾ Общее дѣло, в. I, стр. 218.

²⁾ Общее дѣло, в. I, стр. 232.

отзывчивость арестантовъ. Школы никогда не пустуютъ, несмотря на то, что заключенные заняты посторонними работами и имѣютъ свободное время только для отдыха. Вотъ что пишутъ о занятіяхъ съ арестантами въ Лубенской тюрьмѣ. „Желаніе учиться у многихъ было сильнѣйшее, они преодолевали трудности и приходили довольные, что, наконецъ, добились. Ихъ отношеніе увлекало и другихъ. Нѣкоторые приходили съ опредѣленнымъ запросомъ: научиться писать, чтобы самому писать письмо, научиться считать на счетахъ, чтобы понимать, какъ считаетъ лавочникъ; приходили грамотные съ желаніемъ изучить географію, русскую исторію; такихъ школа удовлетворить не могла, и преподаватели только совѣтовали брать имѣющіяся по этимъ отдѣламъ книги изъ тюремной библіотеки. Отношеніе учащихся къ преподавательницамъ было самое лучшее, они какъ бы берегли „своихъ барышень“ и никогда не было услышано ни одного грубого слова или ругательства въ отношеніяхъ заключенныхъ другъ къ другу. Благодарность выражалась за всякую малость, и всѣчески заключенные старались выразить ее и свое вниманіе. Отсутствіе учительницы всегда огорчало“¹⁾.

III.

Отчего же тюремныя школы, чтенія и библіотеки представляютъ грустную картину?

Главнымъ недостаткомъ является случайный характеръ тюремно-просвѣтительнаго дѣла, господство частнаго почина, который, конечно, сильно ограниченъ. Дѣятельность частныхъ лицъ на поприщѣ устройства тюремныхъ школъ, чтеній и библіотекъ стѣснена всевозможными формальностями и условностями. Разрѣшеніе устроить школу, испрашиваемое у мѣстнаго начальства, встрѣчаетъ со стороны этого послѣдняго массу препятствій.

Надо ли говорить—чтобы просвѣтительное дѣло въ тюрьмахъ приняло болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый характеръ, необходимо кореннымъ образомъ измѣнить этотъ порядокъ. Первымъ требованіемъ для того, чтобы дѣло стало на ноги, является *обязательность* устройства при тюрьмахъ школъ, чтеній и библіотекъ съ разнообразнымъ и содержательнымъ подборомъ книгъ. Самое устройство школъ должно изъ рукъ частныхъ лицъ перейти къ специально завѣдующимъ тюремно-просвѣтительнымъ дѣломъ общественнымъ учрежденіямъ. Послѣднія должны располагать достаточнымъ количествомъ матеріальныхъ средствъ, чтобы снабжать школы учебными пособиями и книгами, создать болѣе удобную и приспособленную обстановку для занятій, имѣть возможность для каждой школы содержать особаго учителя.

Роль такихъ учрежденій могло бы взять на себя общество попечительное о тюрьмахъ. Но что представляетъ изъ себя это

¹⁾ Тюр. Вѣст. 1903 г., № 4, стр. 342.

общество? Губернскіе комитеты и уѣздныя отдѣленія общества распоряжаются суммами, отпускаемыми на содержаніе арестантовъ. Они заботятся также и о нравственномъ исправленіи заключенныхъ и завѣдуютъ различными учреждениями тюремно-благотворительнаго характера. Кое-гдѣ тюремные комитеты взялись даже за устройство тюремныхъ школъ; но это — исключенія. Тюремные комитеты, въ лицѣ своихъ директоровъ, напротивъ того, тормазятъ тюремно-просвѣтительное дѣло. Обыкновенно дѣятельность комитетовъ ограничивается благоутворительностью въ узкомъ смыслѣ слова. Самое „членство“ носитъ характеръ почетнаго званія и не связываетъ членовъ никакими опредѣленными обязанностями. При такомъ положеніи вещей трудно ожидать отъ тюремныхъ комитетовъ большой активности. Для того, чтобы дѣятельность комитетовъ въ дѣлѣ тюремно-просвѣтительныхъ начинаній приняла желательный характеръ, необходимо измѣнить и составъ, и характеръ самихъ комитетовъ, носящихъ узко-благотворительный, бюрократическій обликъ. Только при условіи обязательности, ответственности передъ обществомъ, дѣятельность комитетовъ утратить почетно-благотворительный характеръ и станетъ соответствующей насущнымъ нуждамъ заключенныхъ.

Въ настоящее же время, пока не удовлетворены основныя условія правильной постановки тюремно-просвѣтительнаго дѣла, очень важно, чтобы на помощь отдѣльнымъ начинаніямъ пришли земства, города, частныя благотворительныя общества. И тѣ, и другія, и третьи могутъ съ гораздо большимъ успѣхомъ поставить дѣло, нежели частныя лица. Земства могли бы оказать не только денежную поддержку тюремнымъ школамъ. Они могли бы, на примѣръ, помочь имъ доставкой книгъ, волшебныхъ фонарей, различныхъ учебныхъ пособій и проч.

М. Лесгафъ.

Взгляды Н. Г. Помяловскаго на воспитаніе.

С ообщеніе, прочитанное въ засѣданіи Новгородскаго Педагогическаго кружка 18-го октября 1903 г.).

5-го октября исполнилось 40 лѣтъ со дня смерти Николая Герасимовича Помяловскаго, одного изъ важнѣйшихъ и талантливейшихъ писателей 60-хъ годовъ.

Помяловскій и „*Очерки бурсы*“—неразрывно встаютъ въ нашей памяти, и это страшное слово *бурсы* съ представленіемъ чего то грязнаго, циничнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ приниженнаго, забитаго, рисуется и автора непривлекательными красками; намъ представляется мрачный бурсакъ, ожесточенный, грубый, застѣнчивый въ обществѣ, съ неуклюжими манерами, семинарскимъ акцентомъ на *о*, и ко всему этому безпробудный пьяница, такъ какъ изъ біографіи знаемъ, что онъ пилъ и погибъ отъ запоя.

Но таковъ ли былъ въ дѣйствительности авторъ знаменитыхъ „*Очерковъ бурсы*“?

По словамъ современниковъ, это былъ удивительный чловѣкъ. „Въ тѣ періоды, когда онъ переставалъ пить, онъ былъ желаннымъ гостемъ во всякомъ обществѣ; онъ бывалъ въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ того времени, и въ обществѣ былъ блестящимъ собесѣдникомъ; рѣчь его была жива, остроумна, но всегда сдержанна; смѣхъ его—искренній, молодой смѣхъ—не рѣвалъ уха, а заражалъ воѣхъ веселостью. Самая наружность Помяловскаго невольнo привлекала къ нему; его густые русые волосы отъ природы закидывались назадъ лбомъ и дѣлали лицо его открытымъ и смѣлымъ, а голубовато-сѣрые глаза отражали дѣтски безхитрое и любящее сердце. Кто встрѣчался съ нимъ въ его свѣтлыя минуты, тотъ не могъ не поддаться обаянію его привлекательной личности“, — такъ говорятъ люди, близко знавшіе писателя.

Влекла къ нему неотразимо, подчиняла себѣ всѣхъ его чуткая отзывчивая душа, умъ, пониманіе окружающихъ условий жизни, его нѣжное, гуманное отношеніе ко всему, что терпитъ отъ насилія, грубости и безправія.—Эти то отличительныя свойства его таланта и натуры и выдвинули Помяловскаго изъ ряда писателей различнѣе 60-хъ годовъ, въ числѣ которыхъ мы видимъ такія крупныя имена, какъ Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай Успенскій и др. Самымъ крупнымъ талантомъ изъ нихъ обладалъ Н. Г. Помяловскій.

Припомнимъ вкратцѣ его біографію; какъ бѣдна и несложна внѣшними событіями его жизнь! Родился онъ въ Петербургѣ, на Малой Охтѣ, въ семьѣ дьякона кладбищенской церкви; дѣтство до 8 лѣтъ провелъ дома, пользуясь свободой и проводя большую часть времени на улицѣ въ играхъ и дракахъ съ уличной дѣтворадой, или въ занятіяхъ рыбной ловлей со взрослыми; на девятомъ году попалъ онъ въ духовное училище при Александро-Невской Лаврѣ; отсюда перешелъ въ семинарію и, пробывъ, въ общей сложности, въ обоихъ заведеніяхъ 14 лѣтъ, вышелъ и по общепринятому правилу долженъ былъ жениться, получить за невѣстой приходъ и сдѣлаться въ селѣ дьякономъ или священникомъ. Но Помяловскій свернулъ съ проторенной дороги семинариста, выбралъ себѣ дорогу литературную и, проживъ самостоятельной жизнью всего 5 лѣтъ, изъ которыхъ только 2 года занимался литературнымъ трудомъ, скончался и умеръ отъ гангрены въ больницѣ Военно-Медицинской Академіи, всего 28 лѣтъ отъ роду, и похороненъ на бѣдномъ Мало-Охтенскомъ кладбищѣ; на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ онъ провелъ свое беззаботное, хотя и бѣдное дѣтство.

Правда, не сложна по фактамъ его жизни, но какая страшная внутренняя драма скрывается за этой внѣшней стороной!

Что долженъ былъ пережить этотъ рѣзвый, умный ребенокъ, выросшій на свободѣ, въ теченіе тѣхъ 14 лѣтъ лучшей поры человѣческой жизни, когда дитя превращается въ юношу, когда весь міръ такъ свѣтелъ и прекрасенъ, а для него этотъ міръ заключался въ стѣнахъ бурсы? — Что долженъ былъ чувствовать этотъ 22-лѣтній, молодой, одаренный громаднымъ талантомъ семинаристъ, когда, наконецъ, раздвинулись стѣны бурсы, и онъ очутился въ этомъ прекрасномъ незнакомомъ ему мірѣ; когда онъ увидѣлъ, что вся бурсацкая наука, за которую высъченъ онъ былъ въ своей alma mater не менѣе 400 разъ, никуда не годна и надо всему учиться сызнова? — Какъ голодный на пищу, набросился онъ на новую науку, открывшуюся ему за дверями университета, гостеприимно распахнувшимися въ тѣ великіе 60-ые годы для всякаго жаждущаго образованія. И эта наука такъ легко усваивалась имъ, эти новыя живыя идеи, волнованія тогдашнее общество, такъ быстро воспринимались его свѣтлымъ умомъ, что казалось, онъ выросъ среди нихъ, что идеалы, къ которымъ стремилось все лучшее

общество, какъ бы всосались въ него съ молокомъ матери. — Богато одаренная натура, талантъ, умъ—влекли его къ знакомству съ окружающею жизнью, къ проникновенію въ тайники челоуѣческой души. Онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что долженъ сказать обществу свое грозное слово о тѣхъ людяхъ, которыхъ общество это не знаетъ, жизни которыхъ не подозрѣваетъ, и онъ шёлъ къ подонкамъ и отребьямъ петербургскаго населенія и пропадалъ въ разныхъ притонахъ нищеты и разврата цѣлыми недѣлями. Какую нравственную муку переживалъ онъ, когда, знакомясь въ этихъ притонахъ съ самыми несчастными, загубленными созданіями, изучая ихъ, онъ поддавался своему несчастному недугу, начиналъ пить, сливался съ ихъ жизнью, и въ минуты отрезвленія писалъ своему брату:—„Володя, спаси меня! Я сильно пью! Возьми меня отсюда!“

Талантъ его, который не могли загубить ни бурса, со всѣми ея ужасами, ни безобразная жизнь, порывами увлекавшая его въ самыя страшныя труппы, сослужилъ великую службу русскому обществу.

„Очерки бурсы“ открыли въ свое время русской интеллигенціи невѣдомое ей дотолѣ безобразное воспитаніе, даваемое дѣтямъ духовныхъ лицъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи.

Повѣсти „Молотовъ“ и „Мѣщанское счастье“ показали средѣ чиновничью, обособленную отъ остальнаго міра, средѣ, въ которой всѣ насущные вопросы сводятся къ пяти слѣдующимъ: дороговизна, служба, свадьбы, болѣзни, дѣти и, верхъ жизненныхъ удовольствій—карты.

Неоконченный романъ „Братъ и сестра“, широко задуманный писателемъ, долженъ былъ ввести читателя въ совсѣмъ особый, незнакомый ему дотолѣ міръ отверженныхъ, загубленныхъ жизнью людей, тѣхъ подонковъ общества, которыхъ такъ ярко изобразилъ въ настоящее время М. Горькій въ своихъ драматическихъ картинахъ—„На днѣ“.

Въ маленькихъ очеркахъ „Данилушка“, „Андрей Федоровичъ Чебановъ“, „Вуколъ“ Помяловскій въ художественныхъ образахъ задѣлъ самыя существенныя вопросы воспитанія.

Не вдаваясь въ оцѣнку литературной дѣятельности Помяловскаго, не разбирая причинъ, сгубившихъ такъ рано этотъ крупный талантъ, остановимся на той сторонѣ его дѣятельности и его таланта, которая ставитъ Помяловскаго совсѣмъ особо отъ всѣхъ писателей его времени, а именно на его кратковременной педагогической дѣятельности въ качествѣ учителя, на изображеніи въ его произведеніяхъ разныхъ системъ воспитанія и на взглядахъ самого Помяловскаго на это воспитаніе.

Помимо большого таланта писательскаго, Н. Г. Помяловскій обнаружилъ недюжинный талантъ педагогическій. Надо припомнить, что Помяловскій вступилъ въ жизнь въ то время, когда въ разгарѣ движенія общественной мысли на ряду съ другими важными вопросами стоялъ и вопросъ педагогическій; когда ру-

пились старыя системы воспитанія, когда отупляющая долбня уступала мѣсто разумному изученію преподаваемаго предмета. Помяловскаго подхватила общая волна педагогическаго движенія, и онъ въ 1860 году съ компаніей товарищей студентовъ поступилъ преподавателемъ въ воскресную школу на Шлиссельбургскомъ трактѣ, и здѣсь необыкновеннымъ преподавательскимъ талантомъ обратилъ на себя общее вниманіе. Купцы-основатели школы, преподаватели, лица, наблюдающія за школой—все оставались около кружка его учениковъ и съ изумленіемъ прислушивались къ оригинальнымъ, совершенно новымъ по приемамъ, занятіямъ молодого учителя.

Особенное вниманіе обращалъ онъ на учениковъ малоспособныхъ, съ любовью занимался ими, примѣнялъ въ занятіяхъ съ ними разные приемы преподаванія и добивался того, что ученики его научались читать и писать.

— Наше дѣло,—говорилъ онъ,—научить ихъ только грамотѣ, и одно это будетъ уже имѣть важныя послѣдствія. Выучивъ одного, я выучу уже все его поколѣніе, потому что грамотный отецъ не потерпитъ безграмотныхъ дѣтей, а грамотный человекъ самъ найдетъ себѣ дорогу въ жизни.

Воскресная школа была большая; въ ней было до 800 учениковъ и около 70 преподавателей; въ школѣ устраивались педагогическія собранія, совѣщанія, и Помяловскій былъ душой ихъ. Онъ мечталъ о томъ времени, когда все воскресныя школы соединятся между собою, заведутъ отдѣльный листокъ, гдѣ будутъ печататься разные замѣчательные факты изъ жизни и дѣятельности этихъ школъ, будутъ разбираться приемы преподаванія; мечталъ о томъ, что наиболѣе полезныя и интересныя книги будутъ прочитываться сообща, изъ нихъ будутъ дѣлаться выборки и компиляціи для чтенія народу, составится народная бібліотека и т. д.

Болѣе робкихъ новичковъ въ дѣлѣ преподаванія онъ ободрялъ, поддерживалъ въ нихъ энергію, и на общихъ собраніяхъ въ рѣчахъ его всегда звучалъ призывъ къ общей работѣ на широкой нивѣ народнаго образованія; онъ говорилъ, что преподаватель долженъ энергично браться за дѣло, знакомиться съ разными методами преподаванія и примѣнять новые. Самъ онъ на одномъ изъ собраній прочелъ рефератъ, въ которомъ излагалъ свой взглядъ на обязанности преподавателя, на школу и ея будущее.

Но, какъ извѣстно, расцвѣтъ педагогическаго движенія длился не долго: уже въ июлѣ 1862 г. все воскресныя школы были закрыты, и мечтамъ горячаго энтузіаста не суждено было сбыться.

Преподаваніе Н. Г. Помяловскаго въ воскресной школѣ открывало ему новую дорогу—педагогическую. На одномъ изъ его уроковъ присутствовалъ наблюдатель за школой, членъ отъ министерства Тимеевъ, и, увлеченный его талантливымъ преподаваніемъ, указалъ на него инспектору Смольнаго института К. Д.

Ушинскому, какъ на замѣчательнаго учителя. Ушинскій предложилъ молодому человѣку мѣсто преподавателя русскаго языка на такъ называемой Александровской половинѣ Смольнаго института для благородныхъ дѣвицъ. Помяловскій согласился, далъ пробный урокъ, который сошелъ блистательно, и инспекторъ радовался, что нашелъ себѣ такого помощника. Но не долга была эта радость: институтскіе порядки, которыхъ не могъ сломить и самъ просвѣщенный инспекторъ, такъ не понравились Помяловскому, что онъ, давъ еще одинъ урокъ, рѣшительно заявилъ инспектору, что при такихъ условіяхъ заниматься не можетъ; онъ потребовалъ, чтобы ученицы не имѣли въ рукахъ книги для чтенія, а передавали бы разсказъ на слѣдующемъ урокѣ съ его словъ, что легко было дѣлать послѣ его разъясненій. На третьемъ урокѣ оказалось вновь, что ученицы получили на руки книги и вызубрили урокъ отъ слова до слова. Это окончательно вывело изъ себя учителя, и третій урокъ его былъ и послѣднимъ казеннымъ урокомъ въ его жизни: въ институтъ Помяловскій больше не пошелъ и предпочелъ лучше зарабатывать гроши перепиской бумагъ, чѣмъ калѣчить дѣтскій умъ долбежкой и получать за это солидное вознагражденіе. Всю силу любви своей къ дѣтямъ изливалъ онъ на маленькаго брата, котораго не позволилъ отдать въ бурсу, искалѣчившую его самого, училъ, развивалъ его и воспитывалъ.

Отказавшись отъ педагогики, такъ сказать, на практикѣ, не сдѣлавшись учителемъ, Помяловскій тѣмъ горячѣе высказывалъ свои взгляды на воспитаніе въ своихъ сочиненіяхъ. Мы не найдемъ ни одного произведенія у Помяловскаго, гдѣ не задѣвался бы имъ вопросъ этотъ въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Знаменитые педагоги, его современники, писали горячія, одушевленные статьи о воспитаніи и образованіи; Помяловскій давалъ художественные образчики этого воспитанія и въ произведеніяхъ своихъ нерѣдко всего нѣсколькими штрихами рисовалъ такіе яркіе образы забытыхъ, изуродованныхъ, озлобленныхъ дѣтей, что они какъ призраки встаютъ передъ нашими глазами, когда мы касаемся вопросовъ воспитанія.

И на писательскую дорогу Помяловскій выступилъ педагогическо-психологическимъ этюдомъ *Вуколь*, который и былъ напечатанъ въ „Журналѣ для воспитанія“—Чуминова.

Обратимся же теперь къ самимъ произведеніямъ Помяловскаго и возьмемъ изъ нихъ то, что относится къ вопросамъ воспитанія.

Остановимся прежде всего на его знаменитыхъ „Очеркахъ бурсы“.

Когда Помяловскій развернулъ передъ читателями картину бурсацкой жизни, правдиво и честно отнесся къ своей задачѣ открыть обществу глаза на творящіяся за стѣнами бурсы педагогическія безобразія, лучшая часть общества была подавлена, пристыжена и не могла опомниться отъ изумленія. Какъ, тутъ, божь

о бокъ, рядомъ, душать схоластической наукой, угнетаютъ физически, вродуютъ нравственно сотни дѣтей и юношей, а оно, это общество, ничего не знаетъ и не задумывается надъ участіемъ тѣхъ, кто заключенъ за стѣны учебнаго заведенія? И это было, дѣйствительно, ужасно; вѣдь, бурса, описанная Помяловскимъ, была Петербургское учебное заведеніе; вѣдь это было духовное училище и семинарія при Александро-Невской Лаврѣ, въ столицѣ, въ центрѣ просвѣщенія, а не гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, и не въ отдаленныя времена, а тогда же, въ 40-е и 50-е годы, когда воспитывался самъ авторъ. Общество заволновалось, и имя Помяловскаго, который своимъ талантомъ послужилъ раскрытію такой страшной язвы, какъ общественное воспитаніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи,—сразу завоевало себѣ мѣсто въ рядахъ лучшихъ людей того времени.

Всмотримся же поближе въ жизнь этой бурсы, посмотримъ, каковы тамъ порядки, начальство, сами ученики.

Въ бурсѣ приходящихъ не было; всѣ учащіеся, числомъ до 500, помѣщались въ нѣсколькихъ зданіяхъ на одномъ дворѣ, въ домахъ старинной постройки, оставшихся еще со временъ Петра I и очень рѣдко ремонтируемыхъ. Авторъ сразу вводитъ насъ въ неприглядную обстановку бурсы. „Огромная комната, вмѣщающая въ себѣ второуѣдный классъ училища, носитъ характеръ казенщины, выражающей полное отсутствіе домовитости и пріюта. Стѣны, съ промерзшими насквозь углами, грязны, — въ чернобурныхъ полосахъ и пятнахъ, въ плѣсени и ржавчинѣ; потолокъ подпертъ деревянными столбами, потому что онъ давно погнулся и безъ опорокъ гровитъ паденіемъ; полъ въ зимнее время посыпался пескомъ либо опилками; иначе на немъ была бы постоянная грязь и слякоть отъ снѣгу, приносимаго учениками на сапогахъ съ улицы. Въ пять оконъ, съ пувырчатными и зеленоватыми стеклами, пробивается мало свѣта. Вонь и копоть въ классѣ: воздухъ мозглый, какой то прогорѣлый, сырой и холодный. Парты, классная доска, столъ и стулъ для учителя; на табуретѣ ведро воды для жаждущихъ, и тутъ же за печкой вѣшалка съ шубами, шинелями, халатами бурсаковъ — это обстановка класса“. И вотъ въ такой обстановкѣ проходили годы ученья; во время занятій вечеромъ на всю эту комнату, вмѣщавшую больше 100 человекъ, полагалась одна масляная лампа въ три рожка; въ часы же отдыха послѣ дневныхъ занятій освѣщенія не полагалось вовсе—начальство экономило. Можно себѣ представить, какимъ дикимъ забавамъ и играмъ предавались *дети* въ возрастѣ отъ 8 до 20 лѣтъ, когда они собирались сюда въ количествѣ до 200 человекъ и оставались въ абсолютной темнотѣ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ! Экономило начальство и на дровахъ: въ спальняхъ печей не топили по ведлямъ, отъ промерзшихъ стѣнъ и печей несло сыростью и бурсами на ночь покрывались всѣми своими лохмотьями, чтобъ какъ-нибудь согрѣться. Не считалось начальство и съ желуд-

ками и аппетитомъ питомцевъ: хлѣбная мука мѣшалась съ мякиной, говядина въ щахъ бывала такова, что даже голодъ не могъ заставить ѣсть ее; въ супѣ попадались бѣловатые червячки, въ кашѣ—нечистоты мышей; да и этой то пищи не давалось вволю; только и кормились бурсаки тѣмъ, что присылали или привозили имъ изъ дому. Экономію соблюдало начальство, лишая учениковъ обѣда и въ видѣ наказанія. Прозинившихся въ училищѣ бывало до 100 человѣкъ сразу и лишить такое количество молодыхъ желудковъ пищи на одинъ день составляло порядочное сбереженіе, что было на руку начальству.

Голодъ—было уже второстепенное наказаніе въ бурсѣ. Какъ педагогическая мѣра, прежде всего тамъ царилъ порка, самая жестокая и беспощадная, а слѣдомъ за ней всевозможныя физическія истязанія.

Отъ кого же зависѣли эти порядки? Во главѣ бурсы стоялъ начальникъ, который все дѣло правленія вручалъ инспектору; во времена, описываемыя Помяловскимъ, инспекторъ былъ настоящій звѣрь по натурѣ, получившій за свой ростъ, силу и „семипущечный“, по выраженію бурсаковъ, бась—прозвище медвѣды. Онъ былъ грозой не только учащихъ, но и учащихся. Его желѣзная воля и деспотизмъ давали полный просторъ всякимъ беззаконіямъ; главный принципъ своей власти онъ выражалъ слѣдующими словами: „Если ты *стоишь*, а начальство говорить тебѣ, что ты *сидишь*, то, значитъ, ты сидишь, а не стоишь“. Этотъ инспекторъ привязанность къ родному дому ставилъ ученику въ преступленіе, на томъ основаніи, что „желающій быть дома, стало быть, не желаетъ быть въ школѣ, значитъ, и ненавидитъ науку и нравственность, проводимыя въ ней“.

А что это была за наука, могли ли ученики любить ее и кто были учителя, вколачивающіе эту науку въ головы учениковъ—мы сейчасъ увидимъ.

Главное основаніе педагогической системы въ бурсѣ была долбня, долбня ужасающая и мертвящая. Она проникала въ кости и кровь ученика. Пропустить букву, переставить слово—считалось преступленіемъ. Ученики, сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смысла: „стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... потомъ, потомъ... постигли, стигли, стигли... постигли, стигли...“ Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ норъ, пока на-вѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика „стыдъ и срамъ“. При такой страшной отупляющей долбнѣ ученики старшихъ классовъ должны были дѣлать *возраженія*. Эти возраженія было нѣчто чудовищное, насилующее юношескій умъ, и ученики до боли въ вискахъ напрягали голову, когда приходилось разрѣшать вопросы педагоговъ-философовъ. Не было ничего удивительнаго, когда задавались такія темы: что такое сущность? Что такое цѣлое? Что чему предшествуетъ: вѣра любви или любовь вѣрѣ? Сущность духа подлежитъ ли въ загробной жизни мертвенному

состоянію? Учителя любили доказывать, что человекъ есть существо безсмертное, одаренное свободно-разумной душой, царь вселенной—и, вѣроятно, въ доказательство своихъ мыслей, пороли тутъ же этого царя вселенной, когда это свободно-разумное существо не могло доказать по логикѣ своего безсмертія. Но, надо правду сказать, эти разсужденія и возраженія считались роскошью въ семинарской наукѣ и давались рѣдко; надъ всѣмъ царяла всепоглощающая долбня. Въ большинствѣ случаевъ уроки не объяснялись—это тоже была роскошь для бурсака; отмѣчалось въ книгѣ ногтемъ отъ „этихъ до этихъ“, и дѣло сдѣлано. Что же, кромѣ отвращенія, могла внушить такая наука ученику?

Въ лицѣ учителей Лобова, Долбежина, Батьки, Краснова и Ливанова Помяловскій далъ такую характеристику педагогическаго персонала бурсы, что жутко становится при одномъ воспоминаніи о томъ времени. Первые три были представителями педагогическаго террора; долбня и зубрежь были идеаломъ ихъ преподаванія, а всевозможныя истязанія физическія—необходимое педагогическое средство, безъ котораго обойтись было нельзя.

Вотъ въ такой-то храмъ науки, съ такими-то ея жрецами, и вступалъ здоровый, любознательный мальчикъ, привезенный часто въ этотъ разсадникъ просвѣщенія за сотни верстъ. Дѣленія по возрастамъ въ бурсѣ не наблюдалось; на ряду съ 10-лѣтними ребятишками сидѣли въ классѣ 20-лѣтніе парни, и это было немудрено, когда при прохожденіи бурсацкой науки въ младшихъ классахъ просиживали по 14 лѣтъ—время, казалось бы, достаточное для подготовки къ какому угодно магистерскому экзамену.

Мы уже видѣли, что за наука была въ бурсѣ и какими способами преподавали ее, каковы были педагоги и ихъ отношеніе къ ученикамъ; посмотримъ, что встрѣчалъ новичокъ въ средѣ товарищей.

Приводилъ родитель въ бурсу своего сына и оставлялъ его тамъ, снабдивъ кое-какимъ платьемъ и нѣсколькими грошами, и, тихонько вздыхая, уходилъ домой, давъ наставленіе учиться хорошенько, твердя въ то же время—трудна, охъ, трудна наука!

Въ очеркѣ „*Бытны и спасенныя бурсы*“ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является бурсакъ, по прозвищу Карасъ; въ этомъ Карасѣ Помяловскій изобразилъ самого себя, и тѣмъ интереснѣе прослѣдить жизнь его въ томъ учебномъ заведеніи, которое впоследствии писатель не называлъ иначе, какъ „проклятая бурса“, и не могъ вспоминать безъ ненависти. Претерпѣвъ въ первые дни пребыванія въ бурсѣ побои, пинки, щипки отъ товарищей и весьма солидную порку отъ начальства, онъ показалъ, что можетъ стать настоящимъ бурсакомъ, а когда первый силачъ въ бурсѣ заявилъ, что всякій, обидѣвшій Караса, будетъ имѣть дѣло съ нимъ—ученики оставили новичка въ покоѣ и приняли его въ товарищество. Какими же качествами долженъ былъ обладать ребенокъ или

юноша, чтобъ стать настоящимъ бурсакомъ и товарищемъ? Товарищество—была крайне оригинальная корпорація со своими законами, идеалами, обычаями, взаимными отношеніями, и представляло собою силу. Какъ ни старалось начальство сломить эту силу, какихъ насилій ни творило оно надъ личностью ученика—достигало оно совершенно противоположныхъ результатовъ: товарищество только крѣпло и выливалось въ дикія формы, вполне понятныя при царившемъ всюду деспотизмѣ. Начальство отдавало первокурсниковъ во власть тѣхъ, кто не смогъ перешагнуть первой ступени и, оставшись въ томъ же классѣ, оказывался второкурсникомъ; оно учредило особыя должности—авдиторовъ, сѣкундаторовъ, цензоровъ и т. д., и эти должности могли занимать только второкурсные. Начальство надѣялось создать себѣ такимъ образомъ помощниковъ, облекая властью учениковъ и нарушая, такимъ образомъ, самыя главныя основы разумнаго товарищества отдачей власти надъ учениками въ руки такихъ же учениковъ. Но этотъ начальственный деспотизмъ только сближалъ между собой учениковъ, и болѣе благородныя натуры, хотя и дичавшія совершенно въ бурсацкой обстановкѣ, вмѣсто того, чтобъ стать близкими людьми къ начальству, становились его врагами. Власть свою надъ товарищами они обращали во вредъ тому же начальству. Въ товариществѣ выработались правила своей особой этики: надуть товарищество было преступленіе, надуть начальство—подвигъ и добродѣтель. „Было три сферы,—говорить Помяловскій,—которыя по нравственному отношенію къ нимъ бурсака были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера—товарищество; вторая—общество, т. е. все, что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной, особенно когда дѣло велось ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести; позволялось красть только съѣдобное; поэтому обокрасть лавочника, разносчика, сидѣльца уличнаго — ничего, а украсть, хотя бы на сторонѣ, деньги, одежду и тому подобное считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья сфера—начальство; ученики гадили ему злорадно и съ мстью. Уважались товариществомъ „отпѣтые“ бурсаки, которые науками не занимались, порки не боялись, передъ начальствомъ не трусили; доблестными качествами считались—физическая сила, выносливость въ хмельныхъ напиткахъ и готовность на всякія отчаянныя предпріятія. И, какъ ни странно, при всей дикости нравовъ, бурсакамъ были доступны и эстетическія наслажденія—товарищество уважало людей съ хорошимъ голосомъ, берегло ихъ отъ разныхъ напастей, выручало изъ бѣды. Стройное пѣніе, духовный концертъ, вдругъ составившійся среди гама и бѣснованія, наступавшаго въ буроѣ въ промежутки между занятіями,—заставлялъ умолять этотъ шумъ, и торжественное „на рѣкахъ вавилонскихъ“ раздавалось тамъ, гдѣ только что шли звѣрскія игры, и умиляло сердца слушателей“. Значить, было же что-то въ серд-

пахъ этихъ озвѣрѣлыхъ бурсаковъ, что дѣлало ихъ на время людьми! Глубоко въ душѣ даже „отпѣтыхъ“ бурсаковъ дрожали и нѣжныя струны любви къ родному дому, къ семьѣ, но бурсацкая этика не позволяла выставлять эти чувства на показъ, называя ихъ телячьими нѣжностями и подвергая осмѣянію; настоящій бурсакъ таилъ эти чувства въ себѣ и только гдѣ-нибудь въ уголкѣ, украдкой повѣрялъ свои завѣтныя думы кучкѣ „дурачковъ“ — робкихъ, забытыхъ, оглупѣвшихъ отъ вѣчныхъ побоевъ учениковъ; съ ними можно было отвести душу, поговорить о родныхъ и милыхъ сердцу, не боясь съ ихъ стороны насмѣшекъ. Такихъ дураковъ рисуетъ Помяловскій въ четвертомъ очеркѣ бурсы въ лицѣ добродушнаго, глупаго бурсака—Петра Тетеры.

Порядки бурсы породили фискаловъ: не выносилъ какой-нибудь нѣженка ежедневныхъ истязаній—и прибѣгалъ къ наушничеству; надо было задобрить взятками и высшее начальство, и своихъ же второкурсныхъ цензоровъ, сѣкундаторовъ и другихъ властей, а денегъ не было,—и выросло новое зло среди товарищей— ростовщичество.

Товарищество не считало порокомъ воровство, порчу чужихъ вещей, сплетню — если все это совершалось по отношенію къ начальству; въ своей же средѣ это не допускалось, и расправа товарищей съ ворами, ростовщиками, взяточниками, доносчиками была коротка и жестока и совершалась нерѣдко такъ ловко и тайно отъ начальства, что никакая порка не заставляла выдать виноватыхъ.

Вступивъ въ такую-то среду, новичокъ, окрещенный пинками, щипками, побоями, получившій какое-нибудь прозвище, долженъ былъ приниматься за науку; вѣдь, за тѣмъ и отдали его сюда, чтобы онъ выучился и сталъ человѣкомъ.

Какъ же смотрѣло товарищество на науку, стремилось ли оно къ ней? Отвѣтомъ на это можетъ служить пѣсня, сложенная бурсаками и переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе:

Сколь блаженны тѣ народы,
Коиѣ крѣпкія природы
Не знали нашихъ мукъ,
Не вѣдали наукъ!

Настоящій бурсакъ и стремился къ тому, чтобы не „вѣдать этихъ наукъ“; натуры слабыя, подавленные, боявшіяся наказаній и способныя къ долбнѣ, становились зубрилами, долбежниками; все же, что было послѣдствіемъ, все, въ комъ крѣпло преврѣніе къ ровнѣ, кто обтерпѣлся въ жестокихъ наказаніяхъ и протестовалъ противъ долбни—все становилось „отпѣтымъ“ и перекочевывали въ Камчатку, на заднія парты, гдѣ и занимались всѣмъ, чѣмъ вздумается, только не наукой. Но неужели же все эти камчатники были совсѣмъ неспособны къ воспріятію науки? Нѣтъ, даже въ той формѣ, въ какой она подносилась въ бурсѣ, эти здоро-

вья головы могли переварить ее,—но они не хотѣли; временами они начинали учиться, но чтобъ только позлить то же начальство; давали нѣкоторое время прекрасные отвѣты, но, сдѣлавъ свое дѣло, доводя до бѣшенства учителя, который видѣлъ, что ученикъ можетъ учиться, но не хочетъ, бросали занятія и, получивъ за свои подвиги достаточное возмездіе, снова отправлялись въ Камчатку опять надъ партами или играть въ костяшки во время урока. Одуравъ отъ скуки, отпѣтые лѣтяи иногда начинали интересоваться наукой, но интересъ падалъ такъ же быстро, какъ и возникалъ. Поступокъ Караса съ ариметикой Куминского показываетъ на такіе порывы еще не совсѣмъ заботой природы.

Но, какъ ни дико было товарищество, какъ ни странны были его законы, только оно одно и могло еще спасти бурсака отъ окончательной гибели нравственной и умственной застою; въ эту темную среду все же западали лучи свѣта, приносимые извнѣ, и бурсаки, не потерявшіе окончательно способности понимать что-либо, тянулись къ этому свѣту и старались другъ въ другѣ найти поддержку своимъ стремленіямъ къ развитію—и въ этомъ сказывалась хорошая сторона товарищества.

Мы уже видѣли, что начальство мало заботилось о томъ, какъ проводили питомцы бурсы свободные часы между уроками; такъ-же мало думало оно объ ученикахъ и тогда, когда оставляло ихъ за наказаніе въ ненавистныхъ стѣнахъ бурсы на праздники и предоставляло развлекаться самимъ, и бурсаки развлекались: устраивалась товарищеская попойка, азартная игра въ карты или костяшки, и тѣмъ охотнѣе предавались бурсаки этимъ занятіямъ, что они строго преслѣдовались начальствомъ, и здѣсь товарищество видѣло возможность нагадить начальству.

До чего же доводила учениковъ такая жизнь въ бурсѣ? Выведенные Помяловскимъ типы бурсаковъ говорятъ объ этомъ.—Талантливаго, одареннаго большимъ умомъ и сильной волей Аксютку бурса довела до воровства, и ему одна дорога дальше—на каторгу; Тавлю—натуру подлую, трусливую—до ростовщичества; оильную, честную, но дикую натуру Гороблагодатскаго бурса изломала, исковеркала, не направила ни на что доброе и ожесточила; нѣжнаго балованнаго мальчика Семенова довела до ябедничества, фискальства; Азинусъ—сирота, не имѣвшій ни денегъ, ни покровителей, изолгался окончательно, вѣчно что-нибудь мѣнялъ, продавалъ, покупалъ, обыгрывалъ въ карты; за этими образчиками бурсацкаго воспитанія тянется цѣлый рядъ личностей испорченныхъ, прѣниженныхъ, отупѣвшихъ отъ науки и порки. И всѣ эти продукты бурсы, по выходѣ изъ нея, шли на дьяконскія, священническія мѣста и несли свои пороки въ темную народную среду, куда должны бы были нести свѣтъ просвѣщенія, какъ духовные пастыри!

Не одно бурсацкое воспитаніе изобразилъ Помяловскій въ своихъ сочиненіяхъ; онъ показалъ, какъ уродуютъ дѣтей—дѣвочки въ благородныхъ пансіонахъ.

Надя Дорогова, въ повѣсти *Молотовъ*—воспитывалась въ институтѣ. Авторъ выводитъ ее уже взрослой дѣвушкой, живущей въ семьѣ по окончаніи курса въ институтѣ. Но вспоминаетъ ли она, живя дома, тѣхъ людей, среди которыхъ она провела 7 лѣтъ, то заведеніе, гдѣ училась, развивалась, то время, когда зарождались у ней первыя серьезныя мысли?—Эти 7 лѣтъ прошли для нея почти безслѣдно и не оставили хорошаго воспоминанія; правда, она получила тамъ образованіе, какого дома ей не дали бы, но къ чему ей это образованіе, дало ли оно ей возможность жить самостоятельно, развиваться умственно дальше? Образованіе это не дало ей ровно ничего; наука, жизнь, отношенія между учащими и учащимися были ложны. Отъ опрятныхъ, высокыхъ комнатъ, чистыхъ постелей, учебныхъ картъ вѣяло такой же казенщиной, какъ и отъ промозглыхъ стѣнъ бурсы; не было тамъ сѣкундаторовъ и цензоровъ, которымъ надо было давать взятки, но были классныя дамы, надзирательницы, которыя подъ видомъ филантропическихъ затѣй выманивали у дѣвочки вещи и деньги, а тотъ, кто ничего не давалъ, подвергался преслѣдованію, и если дѣвочки за ея проступки не грозило тѣлесное наказаніе, то не менѣе чувствительны были придирки, выговоры и такое страшное наказаніе, какого не было даже въ ужасной бурсѣ: вмѣсто порки и карцера—лазаретъ, а въ лазаретѣ сумасшедшая рубашка, которую надѣвали на провинившуюся, завязывали длинныя рукава на спинѣ и клали въ такомъ видѣ на постель; въ лазаретѣ здоровыхъ морили почти голодомъ, а если и это наказаніе не могло сломить строптивую натуру, и дѣвочка не хотѣла учиться или слушаться, то ее отдѣляли совсѣмъ въ особую комнату, никто къ ней не ходилъ, на уроки ее не пускали, на поведеніе ея не обращали вниманія. Это была своего рода Камчатка, но еще ужаснѣе бурсацкой, мѣсть начальства за непокорность утонченнѣе, чѣмъ тамъ; дѣвочки дичали, отвыкали отъ общества подругъ и нерѣдко по полугоду несли такія наказанія. Здѣсь не было даже товарищества, которое было въ бурсѣ; тамъ члены товарищества крѣпко стояли другъ за друга, и въ этомъ была ихъ сила; здѣсь же каждый былъ предоставленъ самому себѣ, и боролся за свою свободу и самостоятельность въ одиночку; борьба была неравна, и если не выбрасывали изъ стѣнъ института воспитанницу раньше срока, то, сломивъ ея упрямство и лѣнь, начальство добивалось своего, и до конца курса доходили чаще всего блѣдныя, анемичныя, худенькія дѣвушки, въ которыхъ убита была всякая энергія, всякое желаніе бороться съ неблагопріятными условіями жизни; институтъ не давалъ имъ ничего: ни знаній научныхъ (здѣсь была тоже долбня), ни знанія жизни и людскихъ отношеній и отнималъ даже послѣднее благо—здоровье.

Обрисовавъ такъ ярко воспитаніе, получаемое въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, Помяловскій далъ намъ образчики и воспитанія домашняго. Небольшой очеркъ *Андрей Федоровичъ Че-*

бановъ—яркая картина того дикаго, можно сказать, воспитанія, когда изъ ребенка хотять вылѣпить челоуѣка по заранѣе начертанному плану. Этотъ очеркъ переноситъ насъ въ богатую, барскую семью, гдѣ Андриуша—единственный сынъ и къ его услугамъ три учителя: французъ, нѣмецъ и русскій. Первая роль отведена французу; онъ даетъ тонъ всему воспитанію. Ребенокъ до 12 лѣтъ жилъ съ родителями за границей, видѣлъ много городовъ и чужихъ странъ, и, по мнѣнію француза, изъ него современемъ долженъ выйти дипломатъ; такая карьера нравилась маменькѣ, и она охотно вѣрила французу, внушая и сыну, что ему уже готова дорога, и 12-лѣтній дипломатъ либеральничалъ, рассуждалъ свободно обо всемъ. Русскій учитель, кандидатъ университета, Лѣсниковъ, былъ приглашенъ для обученія его русскому языку и знакомству его съ родиной, уже когда мальчику минуло 12 лѣтъ, и тутъ-то ему пришлось столкнуться съ величайшимъ зломъ въ воспитаніи—съ той педагогической системой, по которой ребенокъ долженъ всему учиться шутя, чтобы знанія давались ему легко; по системѣ этой ребенку, незамѣтно для него самого, вкладываютъ заданный урокъ въ голову путемъ всевозможныхъ пособій, по ней ему вовсе не приходится работать своей головой, шевелить своими мозгами. Никакихъ насилій въ воспитаніи, конечно, не допускалось: не говоря уже о тѣлесныхъ наказаніяхъ, не позволялись ни выговоры, ни внушенія, развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ въ самой деликатной формѣ. Но и безъ наказаній ребенокъ учился всегда хорошо и велъ себя прекрасно: онъ былъ опутанъ такой сѣтью, сплетенной изъ педагогическихъ теорій, такъ заранѣе рассчитанъ былъ каждый шагъ, такъ много работали за него нѣмецъ и французъ, что ему легко было учиться и приятно слушаться.

Эта педагогія такъ же обезличивала ребенка, какъ и жестокость бурса, лишала его и въ будущемъ проявленія своей личности и, несмотря на массу сообщаемыхъ свѣдѣній, дѣлала поверхностно образованнымъ; до истиннаго разумнаго воспитанія было далеко и при этой системѣ.

А вотъ еще образчикъ домашняго воспитанія, гдѣ также проводится извѣстная система, гдѣ также уродуется дѣтская природа.—Мать Елены Павловны, въ романѣ *Братъ и Сестра*, задалась цѣлью воспитать изъ дочери женщину обыкновенную, такую, которая не имѣла бы никакихъ стремленій, нигдѣ и никогда не проявляла бы своихъ личныхъ качествъ, не была бы эксцентрична, а поступала бы всегда такъ, какъ принято во свѣтѣ, и какъ дѣлаютъ всѣ; только тогда дочь ея будетъ счастлива, и все, что мѣшало этому счастью, мать заботливо отстраняла. Живую натуру дѣвочки она хотѣла втиснуть въ рамки, приучала ее проводить день по программѣ, ни на шагъ не отступая отъ развѣ заведеннаго порядка. Она устраивала надъ взрослой уже дочерью разные эксперименты, возила ее въ гости, гдѣ завѣдомо дѣвушка было скучно, но по педагогической системѣ матери

Леночка не только не должна была показывать, что ей скучно, а и въ дѣйствительности не скучала бы, такъ какъ она должна была находить удовольствіе въ сознаніи, что она держитъ себя прилично.—Но педагогическіе эксперименты не удавались: живая натура не укладывалась въ рамки,—дѣвушка страдала и не находила выхода изъ опутывающей ее жи.

Домашнее-же воспитаніе рисуетъ Помяловскій и въ семьѣ чиновника Переварова, куда герой романа (*Братъ и Сестра*) Потесинъ поступаетъ домашнимъ учителемъ. Тутъ тоже идетъ ломка: мать умерла и одинъ отецъ занимается воспитаніемъ дѣтей, при чемъ дочерямъ онъ даетъ особенное полумужское воспитаніе, ведетъ его крайне безалаберно, съ окриками и вспышками. Онъ недалеко ушелъ отъ дьячка Ивана Ивановича, въ *Данилушкинѣ*, въ воззрѣніяхъ на ребенка, какъ на свою собственность, съ которою можно поступать, какъ вздумается; онъ отецъ, значить, его право съчь дѣтей, но у него есть своя особая воспитательная система. „Дочерей я не съку и не бью, потому что онѣ бабы, а сыновей деру, и то только до 16 лѣтъ; какъ 16 лѣтъ стукнетъ которому—довольно; умень—благодарю Бога; глупъ—убирайся къ чорту!“—такъ знакомитъ господинъ Переваровъ со своими взглядами на воспитаніе учителя своихъ дѣтей.

Галерею дѣтскихъ типовъ и разныхъ системъ воспитанія закончимъ однимъ изъ лучшихъ произведеній Помяловскаго—очеркомъ *Вуколь*. Въ немъ авторъ высказалъ такъ много любви къ заброшенному одинокому ребенку, такъ умѣло разобрался въ душевномъ его состояніи, что одинъ этотъ очеркъ показываетъ, какъ писатель горячо относился къ вопросамъ воспитанія и какъ беспощадно осуждалъ всѣ условія, въ которыхъ дѣтская душа и умъ глохли, и изъ обыкновеннаго добраго, неглупаго ребенка выходило недѣтски озлобленное существо.

Вуколь, добрый неглупый мальчикъ, изъ любящей атмосферы семьи попадаетъ послѣ смерти родителей къ дядѣ Семену Ивановичу, черствому, безсердечному старому холостяку. Для дяди ребенокъ только обуза, онъ не обращаетъ на него никакого вниманія. Вуколь растетъ въ полномъ одиночествѣ; ни братьевъ, ни сверстниковъ у него, и даже старая любимая няня удалена и не съ кѣмъ ему отвести душу, не съ кѣмъ подѣлиться своими думами и дѣтскими печалами. Дядюшкѣ Гаврилычъ, бывшій бурсакъ,—единственный его наставникъ; отупляющая долбня—наука; всевозможныя наказанія—педагогическія мѣры къ уразумѣнію этой науки и исправленію характера. Новая система воспитанія дѣлаетъ свое дѣло: Вуколь глупѣетъ, лицо его теряетъ всякое выраженіе; съ полнымъ безстрастіемъ и апатіей исполняетъ онъ приказанія дяди, даже тѣ, которыя клонятся къ его наказанію. Одного не испыталъ еще Вуколь—порки, страшно боялся ея и терпѣлъ всѣ придирки дяди. Но всему бываетъ предѣлъ, насталъ онъ и покорности Вукола, и самъ дядя струсилъ передъ „звѣ-

ренишемъ“. Вукола выпороли по приказу дяди и, когда ребенокъ впервые вынесъ это позорное наказаніе, въ немъ произошла мгновенно перемена; изъ кроткаго и невлюбиваго сдѣлался дикъ и мстителенъ и рѣшилъ отплатить дядѣ; вошелъ въ кабинетъ и ударилъ дядю толстой палкой по головѣ. — „Да, это я, это я,—говорилъ Вуколъ изумленному дядѣ, — это я, и еще ударъ!—И тебя ударю, о, какъ ударю!“ со злобнымъ наслажденіемъ твердилъ онъ оторопѣвшему Гаврилычу, когда тотъ велъ его въ комнату послѣ вторичной жестокой экзекуціи, послѣдовавшей послѣ происшествія съ дядей. И этотъ испугъ его мучителей, эта боязнь взрослыхъ людей передъ палкой десятилѣтняго ребенка, дали ему понять, что только страхъ, животный страхъ передъ ударомъ съ его стороны удерживаетъ ихъ отъ новыхъ истязаній, и онъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы оградить свою безопасность. Къ тупости Вукола присоединяется еще злость, по убѣжденію дяди, и онъ старается поскорѣ отдѣлаться отъ „звѣреныша“ и отдаетъ его въ гимназію. Что можетъ сдѣлать одно ласковое слово съ такимъ запуганнымъ ребенкомъ, писатель показалъ намъ въ послѣднихъ строкахъ очерка, которыя нѣсколько сглаживаютъ его тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Вуколъ попадаетъ къ гуманному директору, который, разгадавъ душевное состояніе горько плачущаго мальчика, говоритъ ему:— не бойся, мой другъ, здѣсь тебя будутъ любить; и заставляетъ вырваться изъ души изстрадавшагося ребенка недѣтское признаніе:— „мнѣ не жалко дядю, здѣсь, можетъ быть, меня полюбятъ, а дома всѣ ненавидѣли, говорили, что я глупъ и уродъ“.

Занималъ Помяловскаго вопросъ и о воспитаніи дѣтей въ тѣхъ слояхъ общества, которые ютятся въ притонахъ разврата и нищеты. Въ неоконченномъ романѣ *Братъ и сестра* мы встрѣчаемъ сценки изъ дѣтской жизни, находимъ намѣченными отдѣльныя главы, въ которыхъ авторъ намѣревался коснуться дѣтской жизни и рассмотреть ее со всѣхъ сторонъ. Такъ, подъ заголовкомъ — *Дѣтское населеніе большой квартиры* мы читаемъ слѣдующее: „сюда войдутъ всѣ сословныя, семейныя, религіозныя, общественныя, сказочныя стороны дѣтской жизни; ихъ увеселенія, проказы, вражда и скандалы, отношенія къ родителямъ, старшимъ, къ наукамъ и проч. Здѣсь свое товарищество, игры, преданія, законы, обычаи, предпріятія, судьи, фискалы, общественное мнѣніе. Должно уловить въ дѣтяхъ большой квартиры тишескія лица, здѣсь только и встрѣчающіяся“.

Эта выписка показываетъ, какой громадный запасъ наблюдений надъ дѣтьми былъ у писателя и какую бы картину дѣтской жизни среди подонковъ общества могъ дать онъ при своемъ талантѣ.

Припоминая, такимъ образомъ, содержаніе большинства произведеній Помяловскаго, мы видимъ, какую широкую картину

воспитанія общественнаго, домашняго въ разныхъ слояхъ общества и по разнымъ системамъ нарисовалъ онъ. Въ произведеніяхъ своихъ Помяловскій отразилъ тотъ педагогическій строй, который или царилъ въ то время въ обществѣ, или только что еще намѣчался, и мы видимъ, что авторъ не относится объективно къ изображаемымъ имъ явленіямъ; написанными образами онъ горячо и страстно протестуетъ противъ безобразныхъ системъ воспитанія и говоритъ намъ:—„смотрите, вотъ что дѣлаютъ неумѣлые педагоги изъ вѣрренныхъ имъ дѣтей!“

Относясь такъ критически къ существующимъ системамъ воспитанія и образованія, писатель долженъ былъ имѣть и свои личные опредѣленные взгляды на воспитаніе дѣтей, на отношеніе къ нимъ родителей и учителей, на положеніе ребенка въ семьѣ, въ школѣ. Внимательно прослѣдивъ за мыслями автора, высказываемыми имъ прямо во многихъ произведеніяхъ, мы можемъ свести ихъ въ нѣкоторую систему, которая покажетъ намъ глубину пониманія писателемъ души ребенка и серьезнаго отношенія къ такому важному общественному вопросу, какъ воспитаніе.

Касаясь семейной жизни и воспитанія домашняго, Помяловскій говоритъ, что *впечатлѣнія дѣтства* играютъ важную роль въ жизни человѣка и кладутъ отпечатокъ на всю его жизнь. Напрасно, говоритъ онъ, воспитатели не хотятъ понять, что и ребенокъ имѣетъ настоящее и прошедшее въ жизни, не хотятъ приноровиться къ нему, забываютъ то время, когда сами были дѣтьми, забываютъ свои младенческія радости и печали, забываютъ первую часть своей жизни. „Первые шаги въ жизни глубоко запечатлѣваются въ дѣтской памяти“, и нѣжный дѣтскій возрастъ надо оберегать и не забывать, что „ребенокъ уже маленькій человѣкъ, со своими запросами отъ жизни и своими правами на нее, какъ отдѣльной личности“. Вотъ это то право личности родители часто забываютъ и подавляютъ проявленіе ея въ самомъ младенчествѣ. „Что случилось бы съ Данилкой — спрашиваетъ писатель—еслибъ въ семьѣ дьячка Ивана Ивановича было полное отреченіе правъ дитяти?“ И отвѣчаетъ себѣ:—„Изъ него вышло бы забытое, несчастное существо, или страшно бѣснующійся негодяя“.

Семейной обстановкѣ писатель придаетъ также большее значеніе. Рисую добрый день въ семьѣ дьячка Помяловскій говоритъ: „Тихіе, мирные вечера въ добромъ семействѣ, когда въ воздухѣ вѣетъ благодать и кротость—это поэзія семейной жизни; это чудные часы, послѣ которыхъ не остается ни утомленія, ни пустоты въ душѣ. Въ такія минуты ребенокъ, утомившись игрой, положить голову на руку; взоръ его углубленъ, и не угадать—сознаетъ ли онъ себя, или не сознаетъ“. Въ дурной же день, всецѣло зависящій въ семьѣ отъ настроенія главы семейства, дѣти, какъ младшіе члены семьи, страдаютъ больше всѣхъ. Не въ духѣ Игнатъ Васильевичъ Дороговъ (Молотовъ), и дѣти

не знаютъ, что имъ дѣлать: они боятся двигаться, шалить, не знаютъ, какъ вести себя; дозволенное въ другое время—запрещается теперь, безъ всякой видимой и понятной ребенку причины, умное считается глупымъ, за что въ другое время хвалять—теперь наказываютъ, и ребенокъ теряется и недоумѣваетъ: да что же это такое? Какъ же, накопецъ, вести себя?

Важное значеніе въ воспитаніи домашнемъ придаетъ писатель *примѣру* и показываетъ вліяніе примѣра въ художественныхъ образахъ. Отецъ Данилы говорилъ: „хочу такъ“!—и дѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ, вопреки всему, и часто недоумѣвалъ:—„откуда это у Данилки упрямство? въ кого онъ выдался?“ „париль“ его за это упрямство, не замѣчая, что Данилка учится упорству у него же; на ребенка гораздо больше вліяетъ примѣръ отца, ставившаго свое *хочу* выше всего, его собственные поступки, а не порка и словесныя внушенія.—Такъ же печалился о сынѣ Федѣ и Игнатъ Васильевичъ Дороговъ и не хотѣлъ понять, что Федины „мнѣ такъ хочется“ и „не хочу“—отголосокъ его же собственныхъ поступковъ. Примѣръ добраго вліянія на ребенка поведенія окружающихъ видимъ мы въ младенческомъ воспитаніи Вукола, гдѣ мирная жизнь, ласковое отношеніе матери и няни къ нему самому и окружающимъ возбуждало въ немъ чувство добра и послушаніе. При такихъ примѣрахъ Вуколъ не находилъ удовольствія обрывать крылья бабочкамъ, водить жука на ниткѣ, топить котятъ или разорять птичьи гнѣзда.

Вся обстановка семейной жизни, окружающая ребенка, вліяетъ на его умственное развитіе. Часто родители не придають значенія тѣмъ мелочамъ, которыя, въ сущности, кладутъ свой отпечатокъ на умъ и душу ребенка. „Богъ знаетъ, говоритъ писатель, какое вліяніе имѣетъ на ребенка глупая рожа няньки, грязная соска, визгъ и слезы братьевъ и сестеръ и тому подобныя обстоятельства“. „Умнымъ человѣкомъ сдѣлать нельзя, а глупымъ всегда можно—добавляетъ онъ дальше.—Я думаю, глупымъ дѣлаетъ человѣка не Богъ, а люди же; я думаю, человѣкъ начинаетъ глупѣть въ люлькѣ и глупѣетъ до гроба, отъ отца, матери, няньки, глупыхъ сказокъ, глупаго баловства, и еще глупѣйшей строгости, отъ товарищей, учителей, и т. п.“

Говоря объ умственномъ и нравственномъ развитіи ребенка, писатель горячо стоитъ за *свободу и самостоятельность*, которыя ребенка не портятъ, а способствуютъ его развитію. Это не та свобода, при которой для ребенка не существуетъ никакихъ ограниченій его воли, когда его прихотямъ и фантазіямъ нѣтъ границъ, когда его не сдерживаютъ никакія правила; это та мѣра свободы и самостоятельности, при которой ребенокъ сознаетъ, что онъ членъ общества; сначала это общество для него—его родная семья, потомъ школа, онъ сознаетъ, что на немъ лежатъ извѣстныя обязанности, но что у него есть также и свои права на уваженіе его личности и труда. И когда эти права нарушаются, ребенокъ страдаетъ и нерѣдко страданія его кладутъ отпечатокъ

на всю жизнь. „Мы, взрослые люди, на дѣтское горе смотримъ легко,—говоритъ Помяловскій.—Развѣ можетъ ребенокъ серьезно страдать?—разумѣется, большинство читателей отвѣтитъ—нѣтъ. Между тѣмъ бываютъ дѣтскія печали, глубокія и сильныя; печали, за которыя человекъ не можетъ простить и тогда, когда станетъ взрослымъ“. И часто печали эти дѣти изливаютъ только передъ Богомъ, такъ какъ люди—родители, воспитатели, старшіе члены семьи не поймутъ дѣтскаго горя, а то еще хуже—поднимутъ на смѣхъ. Содержаніе молитвы обиженнаго ребенка чаще всего безпредметное, неопредѣленное; онъ не можетъ рѣшить своихъ сомнѣній; въ душѣ его поднимаются вопросы: отчего люди злы? отчего слабаго всегда тѣснятъ и даютъ болѣе сильныя? Неразрѣшенныя сомнѣнія часто ведутъ къ тому, что сердечный любящій ребенокъ обращается въ угрюмаго, озлобленнаго ненавистника всѣхъ. И окружающіе думаютъ и удивляются: откуда у него эта ненависть?—„Всѣ увѣрены, говоритъ писатель, что дѣтство самый счастливый, самый невинный, самый радостный періодъ жизни, но это ложь; при системѣ нашего воспитанія это самый опасный періодъ, въ который легко развратиться и погибнуть“.

Переходя къ образованію, даваемому дѣтямъ дома и въ учебныхъ заведеніяхъ, Помяловскій видитъ прежде всего зло въ тѣхъ приемахъ преподаванія, которые употребляютъ неумѣлые педагоги. По его глубокому убѣжденію, *не можетъ быть дѣтей неспособныхъ хотя бы къ самому ограниченному элементарному образованію*; это убѣжденіе Помяловскій проводилъ и въ жизнь, примѣняя разные способы обученія въ воскресной школѣ, и успѣвалъ тамъ, гдѣ другія въ безсиліи опускали руки и отставали. „Я увѣренъ, говоритъ онъ, что попугай—животное безтолковое, но и его можно учить; что же сказать о ребенкѣ, что сказать о неспособныхъ дѣтяхъ? Дѣльное преподаваніе должно уничтожить самое понятіе о безтолковости дѣтей. Глухихъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ нынѣ учатъ и выучиваютъ, а у насъ сотнями исключаютъ здоровыхъ изъ училищъ, какъ неспособныхъ“.

Испытавъ на себѣ весь ужасъ безтолковой, отупляющей умъ долбины по книгѣ, безъ какихъ-либо разумныхъ разъясненій, писатель готовъ видѣть въ общеніи съ природою единственный путь къ пріобрѣтенію знаній. Онъ говоритъ, что главный учитель и воспитатель ребенка—окружающая его природа. *Этому общенію съ природою онъ придаетъ громадное значеніе. Возможность жить близко къ природѣ была счастливою стороною воспитанія Данилушки.*—„Никакой учебникъ, никакая ботаника и зоологія не научатъ тому, что онъ теперь въ одинъ день замѣтитъ въ лѣсахъ и на водахъ. Не выѣжая изъ деревни, онъ зналъ больше всякаго городского мальчика, окруженнаго нѣжными гувернантками, учебниками, глобусами, картинами и другими лицами и препаратами воспитанія. Никому учебникъ не говорилъ такъ много, какъ Данилѣ говорила мать-природа“. Ему не пре-

подавали по рецептамъ сначала ариметику и грамматику, потомъ средне-учебныя науки. Онъ всему учился сразу — и логика, и практическая философія, и вѣра, и сельское хозяйство, и географія на 30 верстъ въ окружности, и право, насколько оно извѣстно въ деревнѣ—все ему извѣстно, все черпаетъ онъ не изъ мертвыхъ книгъ, а прямо изъ жизни, изъ природы. И зато навѣки останется въ сердцѣ его все, что онъ почерпнулъ изъ этого естественнаго источника. И какими жалкими и ненужными рисуется писатель путешествія Андруши Чебанова, не знакомившія его ни съ бытомъ, ни съ природой чужихъ государствъ, по которымъ онъ, въ сопровожденіи наставниковъ, нѣмца и француза, проѣзжалъ по желѣзной дорогѣ. Быстро перелетая изъ города въ городъ, не останавливаясь нигдѣ надолго, онъ пріобрѣлъ только дурную привычку къ невнимательности и верхоглядству.

Придавая большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія, какъ мы видѣли, самостоятельности и свободѣ, писатель могъ относиться только отрицательно и къ *предвзятымъ теоріямъ воспитанія*, гдѣ воля ребенка ничего не значить, гдѣ съ желаніями его не справляются, а ведетъ его воспитатель туда, куда хочетъ.— „Дитя, — говорятъ воспитатели, — молодое деревцо, можно гнуть его въ какую угодно сторону; дитя — воскъ мягкій, которому можно придать какую угодно форму; дитя—листъ чистой бумаги, на которомъ, что взбрѣдетъ воспитателю въ голову, то и пиши“. „Природу, добавляетъ Помяловскій дальше, — можно изувѣчить усиленною и искусственною дрессировкою, сдѣлать, напр., изъ литератора по призванію—торговца, изъ пастора по призванію—канатнаго плясуна, но когда человекъ почувствуетъ, что его сдѣлали, а не онъ сдѣлался, тогда онъ либо сброситъ съ себя оковы, либо впадетъ въ тоску и апатію“.

Ставя такъ высоко свободу личности, Помяловскій, конечно, не могъ мириться и съ *системой наказаній*, царившей и въ семьяхъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ. Испытавъ на себѣ всю гнусность тѣлесныхъ наказаній, онъ высказываетъ страстный протестъ противъ всякаго рода наказаній, унижающихъ человѣческое достоинство. Онъ показываетъ намъ, какъ различно дѣйствуетъ розга на дѣтей, какъ легко переноситъ побои Данилушка, какъ страшно отражается первая порка на Вуколѣ, какъ туло и равнодушно переносятъ ее обтерпѣвшіеся бурсаки. И нигдѣ эта порка не дѣйствуетъ вразумительно. „Пора бы, кажется, убѣдиться, что ребенокъ, котораго розга не исправляетъ, обладаетъ такой натурой, для которой сильно только нравственное возбужденіе, что онъ можетъ только дѣйствовать по высшимъ причинамъ, а не по страху“, — говоритъ Помяловскій, объясняя, почему розги безслѣдно отскакивали отъ Данилушки, который послѣ „паренья“, какъ встрепанный, принимался за прежнія шалости и проказы. И во что же выливается природный характеръ ребенка, когда онъ, подъ вліяніемъ постоянныхъ истязаній, привыкаетъ къ физической боли, смѣется надъ ней и спокойно ложится подъ розги?

Упорство, дикое, ничѣмъ несокрушимое упорство вырабатывается вмѣсто сильнаго характера, какъ видимъ мы на выведенныхъ писателемъ продуктахъ бурсацкаго воспитанія.

Не одиѣ розги считаетъ Помяловскій постыднымъ и бессмысленнымъ наказаніемъ; лишеніе обѣда, отпуска домой на праздники изъ учебнаго заведенія—такое же насиліе надъ ребенкомъ, какъ и тѣлесное наказаніе.—„Скоро-ли,—говоритъ онъ, господа педагоги убѣдятся, что голодный ученикъ такъ же дикъ и негоденъ для науки, какъ обѣвшійся?“ Гуманное сердечное отношеніе къ ребенку прежде всего—рекомендуетъ онъ родителямъ и воспитателямъ. Гуманный педагогъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ; наказанія же и лишеніе свободы—этого драгоценнаго дара человѣческаго существованія, только оттолкнуть отъ него ребенка.—„Не понимаютъ педагоги и понимать не хотятъ,—говоритъ писатель,—что они, когда запрещаютъ человѣку, въ видѣ наказанія, переступить порогъ отцовскаго дома, то этимъ самымъ вгоняютъ его въ тоску, скуку и апатію; подвигаютъ на скандалы разнаго рода, поселяютъ къ уроку или нравственному правилу, за которое штрафуютъ и шельмуютъ, полное отвращеніе, лицемерное исполненіе и страсть къ запрещенному поступку. Неужели такіе плоды въ видахъ здравой педагогіи?—Кромѣ того, чѣмъ виноваты отецъ и мать, когда они во время праздника, по приговору педагоговъ, не видятъ въ своей семьѣ сына, часто любимаго, часто единственнаго? За что братья и сестры лишаются свиданія со своимъ братомъ? За что ихъ-то наказываютъ педагоги? Воскресный день во многихъ семействахъ одинъ только и есть свободный день въ недѣлю—къ чему же онъ туманится печалью по сынѣ или братѣ? Портить чужой праздникъ никто не имѣетъ права; это дѣло нечестное, несправедливое. И неужели отецъ и мать, если они любятъ своего сына, меньше могутъ имѣть на него вліянія, чѣмъ черствый педагогъ?“

Товарищество въ учебномъ заведеніи—это великая сила для воспитанія чувства общественности, но, къ сожалѣнію, начальство рѣдко пользуется имъ для высокихъ цѣлей воспитанія, а чаще злоупотребляетъ товарищескими отношеніями между учениками для цѣлей анти-педагогическихъ, создавая около себя любимцевъ, и отдавая въ ихъ руки власть надъ ихъ же товарищами. Въ хорошемъ, крѣпко сплоченномъ товариществѣ, одушевленномъ общей идеей постоять другъ за друга, Помяловскій видитъ залогъ крѣпости и устойчивости въ будущемъ общественныхъ взглядовъ и направленій.

И только при этихъ условіяхъ: гуманности воспитателя, свободѣ, самостоятельности отдѣльной личности, уваженіи правъ этой личности, разумномъ товариществѣ—можетъ развиваться умственно и нравственно ребенокъ и юноша въ учебномъ заведеніи и выйти изъ него человѣкомъ.

Вотъ мысли о воспитаніи этого писателя, не присяжнаго

педагога, писателя, котораго нерѣдко называютъ грубымъ реалистомъ.—Мы видимъ, какъ хорошо изучилъ онъ душу ребенка и какъ идеально смотритъ на назначеніе педагога.—Развѣ не можемъ мы назвать мысли его о воспитаніи передовыми и до сихъ поръ?—Не то же ли самое слышимъ мы и теперь, почти столѣтія спустя, изъ устъ нашихъ лучшихъ педагоговъ? Не тому ли же учатъ они съ кафедръ своихъ слушателей, готовящихся итти по той же дорогѣ? Не тѣ же ли мысли высказываются въ педагогическихъ статьяхъ?

Художественные образы, созданные Помяловскимъ, подтверждаютъ его мысли и говорятъ сами за себя.—За 40 лѣтъ, истекшихъ со дня его смерти, отошли, конечно, въ область минувшаго всѣ ужасы бурсацкаго и пансіонскаго воспитанія; долбя уступила мѣсто разумному преподаванію, но можемъ ли мы сказать съ чистой совѣстью, что совершенно свободны отъ прежнихъ основъ воспитанія и теперь, несмотря на то, что великіе наши педагоги—Пироговъ и Ушинскій—еще 50 лѣтъ тому назадъ разрушали эти основы?—Существуетъ ли и теперь полное довѣріе между учащими и учащимися, смотреть ли на ребенка, какъ на самостоятельную личность въ школѣ? Не слышимъ ли мы и теперь иногда, что въ школахъ ставятъ на колѣни, оставляютъ безъ обѣда и безъ отпуска, признавая цѣлесообразность и полезность этихъ наказаній? Да и самая долбя,—не находитъ ли еще себѣ мѣста въ преподаваніи педагоговъ, не вполне освободившихся отъ прежней рутинѣ?—А въ семьяхъ нашихъ не то же ли отрицаніе прагмъ дитяти, какъ самостоятельной единицы въ семьѣ, не то же ли небрежное отношеніе къ его запросамъ и нуждамъ?

Заканчивая знакомство наше со взглядами Помяловскаго на воспитаніе, мы должны сказать, что критика существовавшихъ тогда системъ воспитанія, занимающая видное мѣсто въ его произведеніяхъ,—одна изъ важнѣйшихъ услугъ этого писателя передъ обществомъ.—Помяловскій не изъ тѣхъ писателей, у которыхъ можно учиться манерѣ письма и искать наслажденія исключительно художественнаго. Мѣстами языкъ его не обработанъ, тяжелъ; самъ онъ говорилъ про себя:—„языкъ-то у меня больно тяжелый; пишу, точно бревнами ворочаю“.—Не техника и не манера письма дорога и цѣнна въ его произведеніяхъ, а его отношеніе къ жизни, анализъ души ребенка и взрослого и та глубокая гуманность, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ его немногочисленные и не всегда законченныя произведенія.

Тотъ, кто берется за воспитаніе ребенка, пусть прочтетъ сочиненія Николая Герасимовича Помяловскаго и у него поучится той широкой гуманности, безъ которой немислимо никакое воспитаніе.

Е. Ельманова.

Происхожденіе денегъ.

Чрезвычайно сложные и запутанные экономическіе факты и отношенія окружающей насъ среды только тогда станутъ намъ ясными и понятными, когда мы установимъ ихъ генезисъ, сведемъ ихъ къ тѣмъ простымъ первичнымъ условіямъ и отношеніямъ, на почвѣ которыхъ они появились и развились. Въ особенности приходится это сказать о деньгахъ. Чрезвычайно сложная и крупная роль, выполняемая деньгами въ современномъ хозяйственномъ строѣ, необычайно сложный механизмъ денежнаго обращенія остаются для насъ непонятными, порождая суевѣрныя экономическія теоріи, приписывающія деньгамъ чудодѣйственную силу творить народное богатство, до тѣхъ поръ, пока путемъ генезиса мы не совлечемъ съ нихъ историческія наслоенія многихъ вѣковъ.

И только внимательно прослѣживая постепенный ходъ образованія денегъ, только восстанавливая тѣ первичныя условія, на почвѣ которыхъ, или точнѣе, какъ мы увидимъ ниже, на почвѣ разложенія которыхъ впервые появилась потребность въ деньгахъ, и условія ихъ образованія, только путемъ выясненія генезиса денегъ, установленія ихъ рудиментарныхъ формъ мы впервые получаемъ возможность совлечь съ денегъ ихъ современную таинственную оболочку и разложить сложный механизмъ современнаго денежнаго обращенія на его основныя и элементарныя составныя силы.

Только подобному историческому методу изученія мы обязаны тѣмъ, что на мѣсто туманныхъ метафизическихъ теорій денегъ, теорій, приписывавшихъ деньгамъ таинственныя чудодѣйственныя силы, были выяснены тѣ реальныя общественныя отношенія людей въ процессѣ производства средствъ существованія, на почвѣ развитія которыхъ создавалась потребность въ деньгахъ и шла ихъ дальнѣйшая эволюція.

Подобная историко-реалистическая или эволюціонная точка зрѣнія на экономическія отношенія явилась завоеваніемъ сравни-

тельно недавняго времени. Только съ развитіемъ социальнаго движенія въ жизни и эволюціоннаго міросозерцанія въ наукѣ, экономисты покинули воззрѣніе на буржуазное хозяйство, какъ на нѣчто, данное природой, существующее нынѣ, прино и во вѣки вѣковъ. Экономистамъ классической школы эволюціонная точка зрѣнія была чужда. Правда, порою и они любили „иллюстрировать“ свои абстрактныя теоріи примѣрами изъ жизни дикарей. Но при этомъ дикари выступали у нихъ заправскими лондонскими капиталистами, хозяйничающими по всѣмъ правиламъ просвѣщеннаго буржуазнаго хозяйства.

Классикамъ-экономистамъ тѣ или иные экономическія отношенія представлялись вытекающими не изъ смѣняющихся формъ организаціи людей въ процессѣ производства, а изъ „природы“ человѣка, изъ его неотчуждаемыхъ естественныхъ свойствъ. При такомъ взглядѣ, и голый дикарь, и просвѣщенный мореплатель восемнадцатаго вѣка являлись „по существу“, по своей хозяйственной психологіи и по своимъ хозяйственнымъ приѣмамъ совершенно одинаковыми лицами—дикарь создавался по образу и подобию англичанина XVIII вѣка.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться изученіемъ быта дикарей съ цѣлью выясненія отправныхъ пунктовъ въ хозяйственномъ развитіи общества, съ цѣлью выясненія процесса измѣненія хозяйственныхъ формъ и такимъ путемъ, исходя изъ первичныхъ простѣйшихъ элементовъ хозяйственной жизни, прослѣдить ихъ постепенное измѣненіе и усложненіе вплоть до современнаго фазиса хозяйственнаго развитія, вмѣсто всего этого, классики-экономисты поступили какъ разъ наоборотъ и ретроспективно перенесли на жизнь первобытныхъ людей воззрѣнія и отношенія людей восемнадцатаго вѣка.

Распространеніе эволюціоннаго міросозерцанія и обогащеніе науки этнографическимъ матеріаломъ низвергли эту наивную точку зрѣнія и заставили взглянуть на дикаря, устранивъ призму европейскихъ воззрѣній и учреждений.

Научное изученіе дѣйствительныхъ экономическихъ условий, въ которыхъ жили и живутъ дикари, заставило признать въ дикарѣ совсѣмъ иное хозяйственное существо, чѣмъ въ современномъ человѣкѣ: „природа“ хозяйствующаго человѣка оказалась измѣнчивой.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это же изученіе раскрыло передъ нами зародышевыя простыя формы окружающихъ насъ сложныхъ и запутанныхъ экономическихъ явленій, давъ намъ возможность понять и эти послѣднія.

Это же изученіе экономического быта доисторическихъ народностей доставляетъ намъ любопытнѣйшія рудиментарныя формы современныхъ денегъ и тѣ общественныя отношенія людей въ процессѣ производства, которыя породили экономическую необходимость появленія денегъ.

Изучая хозяйственную жизнь дикарей и останавливаясь на

возможно болѣе раннихъ ступеняхъ развитія этой жизни, доступныхъ научному изученію, мы прежде всего встрѣчаемъ дикарей, которые совсѣмъ не знали денегъ даже въ самомъ рудиментарномъ ихъ видѣ.

Подобное отсутствіе денегъ не представитъ для насъ рѣшительно ничего удивительнаго послѣ того, какъ мы вспомнимъ, что цѣлымъ рядомъ ученыхъ работъ было выяснено, что исходной точкой въ развитіи человѣческаго общежитія служилъ не индивидуалистическій, а коммунистическій хозяйственный строй.

Уже на зарѣ своего развитія человѣкъ понялъ, что самъ другъ съ помощью своихъ убогихъ орудій и оружія онъ не можетъ успѣшно бороться съ окружающими его со всѣхъ сторонъ враждебными силами природы и животнаго міра, и онъ вступилъ въ союзъ, въ сотрудничество съ собою подобными. Онъ объединился въ группы, въ которыхъ были замирены всякія внутреннія разногласія, всякая внутренняя борьба, организовавъ эти группы на коммунистическихъ началахъ. При этомъ коммунистическое общество дикарей на раннихъ ступеняхъ его развитія отличалось чрезвычайно слабымъ развитіемъ раздѣленія труда, представляя собою сплошное, безъ социальной дифференцировки общество.

Этотъ первобытный коммунизмъ, выросшій на почвѣ технической слабости человѣка, возмѣститъ которую могло только дружное объединеніе въ сотрудничающія группы, сильно способствовало широкому развитію гостепріимства, являвшагося какъ бы единственною возможностью выдержать жестокою борьбу за существованіе при той крайней убогости техники дикаря, которая дѣлала добычу крайне непостоянной, случайной и взаимную помощь—какъ бы видомъ предусмотрительнаго взаимнаго страхованія.

Вотъ что мы читаемъ, напр., у Крашеникова о камчадалахъ:

„Если кому-либо изъ камчадаловъ нужна вещь, которая есть у сосѣда, онъ идетъ къ нему, хотя, быть можетъ, вовсе его не знаетъ, и излагаетъ свою потребность безъ всякихъ церемоній. Подчиняясь обычаямъ страны, владѣлецъ даетъ ему все, что онъ у него проситъ. Въ случаѣ нужды послѣдній возвращаетъ просителю визитъ и, въ свою очередь, беретъ у него, что требуется; такимъ образомъ, всякій имѣетъ все, что ему нужно“.

О каффрахъ Дѣне (Döhne, „Das Kafferland“) рассказываетъ, что если къ нимъ кто либо придетъ голоднымъ, то даже изъ самаго жалкаго обѣда удѣляется каждому ровно доля, кусокъ мяса переходитъ изъ рта въ ротъ; каждый кусокъ даютъ пробовать каждому, при чемъ каждый благодаритъ за то, что получилъ. Когда убиваютъ штуку скота, то созываются всѣ сосѣди, и мясо съѣдается сообща, что въ случаѣ большого стеченія ѣдаковъ совершается зачастую въ одинъ день. Кто бьетъ скотъ только для себя и самъ съѣдаетъ его, того они называютъ воромъ, ибо и воры украденное мясо съѣдаютъ тайкомъ. Чужеземцы всегда находятъ у каффровъ пріютъ, и путешественники, зная, что они

повсюду встрѣтятъ самое широкое гостепрѣимство, не берутъ съ собою большихъ запасовъ.

Эренрейхъ пишетъ о ботокудахъ, что у нихъ „господствуетъ строжайшій коммунизмъ. Добыча дѣлится между всѣми членами орды, равно какъ и получаемые ими подарки, хотя бы при этомъ каждому отдѣльному члену пришлось получить самую незначительную долю“.

Объ эскимосахъ Ключакъ пишетъ: „До тѣхъ поръ, пока въ лагерѣ находится хоть одинъ кусокъ мяса, онъ принадлежитъ всѣмъ, и при его дѣлежѣ принимаются въ соображеніе всѣ, а особенно больные и бездѣтныя вдовы“.

Когда у индѣйцевъ племени Омага было въ изобиліи хлѣба, а у индѣйцевъ племени Понка хлѣба было очень мало, то первые радушно дѣлились своимъ хлѣбомъ со вторыми. Когда извѣстные нѣмецкіе путешественники братья Зараины давали кому-нибудь изъ ведовъ серебряную монету, то ведь показывалъ топоромъ, что онъ долженъ ее разрубить на равныя части, чтобы подѣлиться поровну со всѣми остальными, а потому просилъ дать ему монету и для остальныхъ.

Какъ сообщаетъ Бреттъ, индѣйцы строго соблюдаютъ гостепрѣимство, всякаго иноземца они принимаютъ радушнымъ образомъ, предлагаютъ ему въ изобиліи пищу, любимые напитки. У камчадаловъ, по свидѣтельству Добея, хозяева соперничаютъ между собою въ оказаніи гостепрѣимства. Русскій путешественникъ Сарычевъ рассказываетъ, что „камчадалы принимали насъ въ своихъ жилищахъ весьма дружелюбно и угощали съ большою сердечностью. Они дарили намъ куропатокъ, рыбу, ягоды, корни въ большомъ количествѣ“.

Извѣстный путешественникъ Винтербаттомъ говоритъ, что при своихъ многократныхъ путешествіяхъ по западной Африкѣ онъ не можетъ вспомнить ни одного случая, когда бы, прійдя въ деревню дикарей голоднымъ и усталымъ, онъ не встрѣтилъ бы самаго радушнаго гостепрѣимства. Тотчасъ же разстилали ковры и приглашали его отдохнуть и закусить. Ему предлагали или прямо присоединиться къ общей трапезѣ, или заказать себѣ свои любимыя блюда ¹⁾.

Подобныхъ примѣровъ можно легко привести цѣлыя сотни, но мы полагаемъ, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобы составить себѣ общее представленіе о коммунистическомъ строѣ общества дикарей.

При господствѣ подобнаго коммунистическаго строя дикари, благодаря своей технической безпомощности, дѣлавшей ихъ жалкой игрушкой въ капризныхъ рукахъ стихійныхъ силъ природы, нерѣдко испытывали сильный голодъ, сильныя матеріальныя лишеныя, но они не знали соціальнаго неравенства.

¹⁾ Ср. Н. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры стр. 141.

Ихъ социальный бытъ былъ, такъ сказать, сплошнымъ, не дифференцированнымъ. Они хозяйничали всѣмъ обществомъ, всякая добыча составляла достояніе всего общества и поровну дѣлилась между его членами. Раздѣленіе труда у низшихъ племенъ почти совсѣмъ не существовало, общественныя должности еще не дифференцировались въ отдѣльную касту, не занимающуюся производительнымъ трудомъ, всѣ въ предѣлахъ даннаго общества были равны по своему общественному положенію, были равными дольщиками.

Не трудно убѣдиться, что подобное коммунистическое общество дикарей не могло знать хозяйственнаго обмѣна продуктовъ, а стало быть, и не чувствовало никакой нужды и въ орудіи обмѣна—деньгахъ.

Первые путешественники, изслѣдовавшіе Африку, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что туземцы не имѣли никакого понятія объ обмѣнѣ. При господствѣ коммунистическаго натурального хозяйства, когда весьма несложныя нужды удовлетворялись собственнымъ трудомъ, когда не существовало раздѣленіе труда, не могъ, конечно, существовать и обмѣнъ продуктовъ.

И еще въ 1887 г. Эренрейхъ¹⁾ и фонъ-денъ-Штейненъ²⁾ отмѣтили отсутствіе всякаго обмѣна у бразильскихъ индѣйцевъ.

Но, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ развитія техники труда, давшей просторъ росту населенія, росту потребностей и росту социальной дифференціаціи, произошло постепенное разложеніе коммунистическаго хозяйства и возникновеніе частной собственности, и на этой-то почвѣ начинается прочно развиваться обмѣнъ. Новыя экономическія отношенія наступаютъ, конечно, не сразу, а кусками и частями, разрушая старый и складывая новый общественный строй.

Подъ воздѣйствіемъ пзмѣнившихся и усложнившихся техническихъ приѣмовъ начинается постепенно развиваться въ нѣдрахъ коммунистическаго индивидуалистическаго хозяйства. Появляется частная собственность, распространяясь на все растущій кругъ предметовъ. Складывается и крѣпнеть инстинктъ собственника, вступающій въ борьбу съ унаслѣдованнымъ инстинктомъ коммуниста, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше первый инстинктъ обуздываетъ и вытѣсняетъ второй. Частная, индивидуальная собственность, выросшая на улучшенной технику добыванія средствъ существованія, сдѣлала матеріальное положеніе дикаря болѣе обезпеченнымъ, менѣе зависящимъ отъ случайностей, и тѣмъ самымъ ослабила его зависимость отъ всего остальнаго племени. Она дала ему, далѣе, возможность удержать въ своихъ рукахъ извѣстную долю добытыхъ имъ предметовъ и, такимъ образомъ, открыла путь къ возможности накопленія богатства и тѣмъ самымъ возникновенія социальныхъ неравенствъ.

¹⁾ Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens. s. 53.

²⁾ Unter den Naturvölkern Central-Brasiliens, стр. 287, изд. II-ое.

Подъ напоромъ всѣхъ этихъ условій, коммунистическіе инстинкты дикаря становятся въ противорѣчіе съ новой соціальной средой, и постепенно коммунистическій инстинктъ, помогавшій ориентироваться въ окружающихъ условіяхъ съ наиболѣе возможною для себя выгодой, становится пережиткомъ, затрудняющимъ приспособленіе къ новой средѣ.

Параллельно съ процессомъ образованія частной собственности шло, вызываясь тѣми же измѣненіями въ технику труда, процессъ разложенія первобытнаго сплошного быта, процессъ его дифференціаціи, его расщепленія на различные общественные слои. На ряду съ появленіемъ, подъ вліяніемъ частной собственности, соціальныхъ неравенствъ, обособившихъ бѣдныхъ и богатыхъ, шло еще раздѣленіе труда, его специализація и выдѣленіе общественныхъ должностей.

При первобытномъ коммунистическомъ строѣ раздѣленіе труда если и существовало, то въ самомъ зачаточномъ видѣ (если не считать раздѣленія труда между мужчинами и женщинами), съ разложеніемъ же коммунистическаго строя, подъ вліяніемъ усложнившихся условій техники, это раздѣленіе труда начинаетъ расти, образуя рудиментарныя формы профессій, ремеслъ, должностей.

Въ то же самое время все болѣе выдѣляются, получая все болѣе широкія полномочія и все болѣе узкій специализованный кругъ дѣятельности, начальники и жрецы.

Такимъ путемъ расчлененіе однороднаго, сплошного коммунистическаго общества дикарей ведетъ къ обособленію все растущей группы людей, отчасти совсѣмъ не занимающихся производительнымъ матеріальнымъ трудомъ (начальники, жрецы), а отчасти хотя и занимающихся производительнымъ трудомъ, но, благодаря специализаціи этого труда, не могущихъ удовлетворить продуктами своего труда всѣ свои, къ тому же усложнившіяся, потребности. Эта группа лицъ начинаетъ предъявлять опредѣленный и растущій спросъ на продукты труда другихъ людей.

Начальнической и жреческой спросъ носитъ принудительный характеръ и выражается въ формѣ приношеній, дани, штрафовъ, всяческихъ поборовъ и т. д. Возникнувшая частная собственность даетъ возможность начальникамъ и, въ особенности, жрецамъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ большія богатства, изъ всяческихъ продуктовъ. Но, сосредоточивая эти богатства, начальники, жрецы и частныя лица стараются, конечно, избѣгать предметы, легко портящіеся, громоздкіе или, въ ихъ глазахъ, малоцѣнные. Они начинаютъ требовать или предъявлять спросъ на опредѣленные продукты и въ повышеніи или пониженіи количества именно этихъ предметовъ требовать вознагражденія за свои различныя услуги. Этими условіями вырастаютъ зародышевыя формы регулярнаго обмѣна.

Такъ какъ въ силу природныхъ условій нѣкоторые продукты, пользующіеся спросомъ, не могутъ быть изготовлены или добыты даннымъ племенемъ, а могутъ быть получены лишь у другихъ

племенъ путемъ обмена, то постепенно начинаетъ складываться междуплеменная торговля. Съ этою цѣлью устраиваются рынки—нейтральное мѣсто, въ которомъ замираны всѣ ссоры и раздоры племенъ. Всѣ желающіе вступить въ обменъ продуктовъ сходятся на эти рынки, принося съ собою мѣха, слоновую кость, глиняную посуду, ткани и т. д. Естественно, что каждое племя заявляетъ наибольшій спросъ на тѣ продукты другого племени, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ оно само не можетъ добыть или произвести. Данное же племя, видя, что данные продукты пользуются наибольшимъ спросомъ, и что именно за данные продукты оно можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ вымѣнять все, что ему нужно, начинаетъ съ особеннымъ усердіемъ сосредоточиваться на изготовленіи или добываніи этихъ продуктовъ. Это кладетъ начало междуплеменному раздѣленію производства.

Итакъ, мы видимъ, что на почвѣ разложенія первобытнаго коммунистическаго хозяйства появляется растущій спросъ на продукты труда другихъ людей, и на этой почвѣ возникаетъ обменъ. На первыхъ порахъ развитія этотъ обменъ движется въ старыхъ формахъ подарковъ, сначала преобразуя внутренней смыслъ этихъ формъ, а затѣмъ лишь обрасывая и ихъ оболочку, форму.

Прежде всего гостепримство и широко распространенная система даренія подарковъ все болѣе проникается экономическимъ принципомъ равноцѣнности даримыхъ и получаемыхъ въ подарокъ предметовъ. Оказывая и получая гостепримство, дикари начинаютъ все болѣе слѣдить за тѣмъ, чтобы обѣ стороны получили одинаковую выгоду, чтобы воспользовавшійся какою-либо услугою членъ племени отплатилъ, въ свою очередь, такою же услугою.

„У племени диегери, рассказываетъ К. Бюхеръ, въ центральной Африкѣ, мужчина или женщина, въ благодарность за сдѣланный имъ подарокъ, дарятъ, въ свою очередь, просимый предметъ или исполняютъ какую-либо работу. Тотъ, кому сдѣлали подарокъ, называется ютчинъ, и пока онъ не вознаградитъ за этотъ подарокъ, онъ носитъ на шеѣ веревку“¹⁾.

„Подарки, дѣлаемые гостямъ,—пишетъ нѣмецкій путешественникъ Штаудингеръ,—предоставляютъ недурной обычай, зачастую очень желательный. Но всякій разъ, прощаясь болѣе или менѣе большимъ городомъ, получаешь вещи, которыя яко бы даются въ знакъ уваженія бѣлымъ, на самомъ же дѣлѣ ихъ дарятъ въ расчетъ на щедрость европейца, отъ котораго они, въ свою очередь, ждутъ втрое или вчетверо болѣе. Я даже убѣжденъ, что многія бѣдныя женщины сами сначала прибрѣтаютъ подносимую ими въ подарокъ курицу, чтобы заработать съ помощью подобныхъ подарковъ“²⁾.

1) Ср. К. Бюхеръ. Хозяйство у первобытныхъ народовъ „Науч. Об.“ 1900 г. № 2 стр. 29.

2) Staudinger. Im Herzen der Haussaländer 2 Auf. S. 216.

Такимъ путемъ въ коммунистическую систему широко распространенаго гостеприимства и даренія начинаютъ все болѣе проникать, разлагая ее, индивидуалистическіе принципы мѣншого хозяйства. Соображеніе хозяйственного расчета начинается все въ большей степени регулировать социальна-экономическія взаимоотношенія людей, требуя, чтобы эти отношенія опирались на эквивалентность оказываемыхъ и получаемыхъ услугъ и подарковъ, требуя, чтобы затраченныя усилія или вещь были соотвѣтствующимъ образомъ вознаграждены.

Крѣпнущее на развалинахъ коммунистическаго хозяйства, хозяйство индивидуалистическое съ его принципомъ частной собственности вело къ развитію хозяйственного обмѣна продуктовъ. Всѣ тѣ продукты, которые по природнымъ или социальнымъ условіямъ не могли изготовляться даннымъ лицомъ или даннымъ племенемъ, вымѣнивались у другого лица или другого племени въ обмѣнъ на другіе равноцѣнные продукты.

На первыхъ порахъ число предметовъ, вступающихъ въ обмѣнъ, было очень невелико. Потребности были крайне слабо развиты и удовлетворялись въ большинствѣ случаевъ продуктами собственнаго труда. Количество предметовъ, приобретаемыхъ путемъ обмѣна, было крайне невелико, благодаря чему цѣнность этихъ предметовъ по отношенію къ другимъ предметамъ устанавливалась точно и прочно. Если какой-нибудь охотничій народъ вымѣнивалъ на дичь и мѣхъ порохъ и бусы, то для него не представляло особеннаго труда установить относительную цѣнность тѣхъ и другихъ предметовъ; это дѣлалось само собою, автоматически—извѣстное количество пушины приравнявалось извѣстному количеству бусъ, и эта пропорція, закрѣпленная практикой, ложилась всѣми принимаемой основой обмѣна.

Но постепенно, по мѣрѣ роста населенія, сталкивавшаго данное племя съ новыми климатическими условіями и новыми племенами, что будило новыя потребности и давало новыя средства ихъ удовлетворенія, по мѣрѣ роста раздѣленія труда въ данномъ племени, что вело къ спеціализаціи на одной какой-либо отрасли производства и къ нуждѣ въ продуктахъ всѣхъ другихъ отраслей, по мѣрѣ всего этого, росло количество продуктовъ, которые приобретались не путемъ собственнаго труда, а путемъ обмѣна.

Большое количество и растущее разнообразіе продуктовъ, втягивавшихся въ процессъ обмѣна, дѣлало чрезвычайно затруднительнымъ непосредственный обмѣнъ продукта на продуктъ съ установленіемъ между ними точной и постоянной мѣншовой пропорціи. Пока приходилось мѣхъ обмѣнивать на бусы, и только на бусы, то установленіе подобной пропорціи не представляло затрудненій, но эти затрудненія стали чрезвычайно осложнять и запутывать актъ обмѣна, когда приходилось уже на мѣхъ вымѣнивать и бусы, и порохъ, и одежду, и водку, дичь обмѣнивать на кусокъ матеріи и за этотъ же кусокъ матеріи давать и мѣхъ.

Эта пестрота предметовъ, вступающихъ въ обмѣнъ, оконча-

тельно спутывала умъ дикаря, превращая актъ обмѣна въ крайне длительную и мучительную процедуру.

„Мелкій земледѣлецъ,—разсказываетъ Н. Зиберъ, разъ въ недѣлю приносящій свою пшеницу на рынокъ Кукова, ни въ коемъ случаѣ не хочетъ брать платы раковинами и рѣдко согласится взять талеръ; поэтому лицо, желающее купить пшеницу, если имѣеть только талеръ; должно прежде всего размѣнять талеры на раковины или купить раковины; потомъ за раковины оно должно купить „культу“ или рубашку; и послѣ цѣлаго ряда сдѣлокъ оно можетъ привести къ успѣшному концу покупку хлѣба, будь это пшеница, мансъ или рисъ. Утомленіе, испытываемое отъ этого рода мѣны, такъ велико, что Бартъ часто видѣлъ своихъ слугъ, возвращающихся съ рынка въ состояніи крайняго истощенія силъ“¹⁾.

Аналогичный разсказъ находимъ мы у Камерона:

„Забавно было видѣть,—разсказываетъ онъ,—какъ мнѣ пришлось расплачиваться за нанятую лодку на рынкѣ въ Ковелѣ, на берегу Танганайки. Агентъ Санда требовалъ отъ меня уплаты слоновой костью, но ея у меня не было. Узнаю, что у Магомета Ибнъ-Салиба есть слоновая кость, и онъ согласенъ вымѣнять ее на сукно, но отъ этого было не легче, такъ какъ у меня не было сукна. Наконецъ, узнаю, что у Магомета Ибнъ-Гариба есть сукно, которое онъ готовъ обмѣнять на проволоку. Къ счастью, проволока у меня оказалась, и я далъ Магомету Ибнъ-Гарибу требуемое количество мѣдной проволоки, онъ, въ свою очередь, передалъ Магомету Ибнъ-Салибу соответствующее количество сукна, а этотъ послѣдній далъ агенту Санда требуемую имъ слоновую кость. Только послѣ всего этого я получилъ отъ послѣдняго право воспользоваться лодкою“²⁾.

Добрицгоферъ разсказываетъ, что, если испанской женщицѣ нужно было въ колоніяхъ купить свѣчи, то она должна была посылать въ туземную лавку цѣлую корзину съ шерстью, табакомъ, парагвайскимъ чаемъ, сахаромъ и солью. Продавецъ свѣчей выбиралъ изъ этого, что ему нужно, и давалъ взаменъ свѣчи“³⁾.

Эти факты превосходно показываютъ, какъ постепенно назрѣвала потребность въ общемъ измѣрителѣ всѣхъ цѣнностей—деньгахъ, и въ какое затруднительное положеніе становились племена съ довольно развитымъ обмѣномъ, но еще не дошедшія до выработки орудія обмѣна—денегъ.

Чрезвычайно любопытно, что постепенное назрѣваніе потребности въ общемъ мѣрилѣ—деньгахъ, шло параллельно съ общимъ развитіемъ абстрактныхъ понятій. Какъ извѣстно, одною изъ характернѣйшихъ чертъ ума дикаря является отсутствіе способ-

¹⁾ Ср. Н. Зиберъ. I. с. 390.

²⁾ Cameron. Quer durch Afrika. Leipzig 1877. T. I., стр. 211. Цитир. у Зибера.

³⁾ Dobritzhofer. Geschichte der Abiponer, т. I, стр. 274.

ности къ образованію общихъ понятій. Мышленіе дикаря конкретно и предметно. Это ясно видно изъ языка дикаря, отличающагося отсутствіемъ общихъ отвлеченныхъ понятій и крайнею конкретностью употребляемыхъ имъ опредѣленій. Даже у такихъ сравнительно развитыхъ дикарей, какъ полинезійцы острововъ Товарищества, существуютъ отдѣльныя слова для обозначенія „хвоста собаки“, „хвоста быка“, „хвоста птицы“, но совершенно нѣтъ слова, соотвѣтствующаго нашему отвлеченному понятію „хвостъ“. Гальтонъ рассказываетъ, что „дамарець никогда не обобщаетъ“, что „дамарець, знающій въ совершенствѣ дорогу отъ А къ В и затѣмъ отъ В къ С, не имѣетъ никакого понятія о прямой дорогѣ отъ А къ С, у него нѣтъ общаго плана своей страны, а лишь безконечное число мѣстныхъ подробностей“.

Такимъ образомъ, наша аксіома, что двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою, совершенно еще чужда и непонятна дикарю, а посему ему, конечно еще совершенно чужда идея о деньгахъ, какъ объ общемъ эквивалентѣ. Мѣновое отношеніе между двумя различными предметами дикарь безъ особеннаго труда устанавливаетъ на основаніи повторяющейся практики. Онъ знаетъ, что опредѣленное количество слоновой кости онъ долженъ отдать, чтобы получить въ обмѣнъ опредѣленное количество ткани, онъ знаетъ также, какое количество ткани онъ долженъ отдать, чтобы получить въ обмѣнъ опредѣленное количество сушеннаго мяса. Онъ знаетъ мѣновую пропорцію—воплнѣ, конечно, субъективную,—между слоновю костью и тканью, между тканью и сушенымъ мясомъ, но предложите ему непосредственно обмѣнять мѣновую единицу сушеннаго мяса, и онъ будетъ поставленъ втупикъ и ни за что не пойдетъ на обмѣнъ—наша аксіома: двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою—совершенно чужда уму дикаря.

Англійскій изслѣдователь Мантейро рассказываетъ, что въ Англїи при покупкѣ слоновой кости можно пользоваться въ качествѣ денегъ лишь пороховъ и оружіемъ. Бетчуанцы, по словамъ Лихтенштейна, продаютъ скотъ лишь за желѣзо, а свои плащи—лишь за скотъ. Даяки обмѣниваютъ свои священные горшки лишь за золото или рабовъ. По словамъ Небута, племя Ндаква въ верховьяхъ Убанги обмѣниваетъ маниоку исключительно на опредѣленный родъ матеріи, но для обмѣна на другіе пищевые продукты эта матерія оказывается уже нѣдѣствительной, и необходимо для ихъ пріобрѣтенія отдать въ обмѣнъ ракушки, жемчугъ, свинецъ и т. д. Въ западной Африкѣ золото отнюдь не служитъ всеобщимъ орудіемъ обмѣна. Такъ, напр., въ области бамбука никогда не обмѣниваютъ за золото ни стеклянныхъ бусъ, ни табаку, ни кореньевъ или воды, отдавая все это лишь въ обмѣнъ за различные пищевые продукты, золото же прѣнимаютъ лишь въ обмѣнъ за одежду, соль или янтарь.

Въ Австраліи, рассказываетъ Шурцъ, одно племя вымѣниваетъ съдобные коренья на рыбу, а другое племя вымѣниваетъ

щиты на пояса. Когда первое племя наловитъ много рыбы, то оно можетъ получить въ обмѣнъ много съѣдобныхъ корней, но, сколько бы рыбы и корней оно ни имѣло, не можетъ вымѣнять ни одного щита, такъ какъ обладатели щитовъ отдають ихъ лишь въ обмѣнъ за пояса ¹⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, что дикарь чрезвычайно туго и медленно приучается къ составленію общаго понятія о деньгахъ. На первыхъ порахъ у дикаря представленіе о деньгахъ является простою конкретною пропорціею конкретнаго мѣноваго отношенія лишь между двумя продуктами.

Подобныя представленія слагаются чисто конкретнымъ образомъ, закрѣпляясь обычаемъ и памятью. Собственно говоря, деньгами подобный продуктъ, обмѣнивающийся всегда на опредѣленный продуктъ, мы можемъ назвать только потому, что этимъ продуктомъ дикари начинаютъ актъ обмѣна и путемъ сложнаго и утомительнаго перевода мѣновой цѣнности этого продукта на цѣнность цѣлаго ряда другихъ продуктовъ они, наконецъ, добиваются до нужнаго имъ продукта.

Установленіе же исходной мѣновой пропорціи между двумя продуктами происходитъ чисто случайно. По словамъ Келлера, европейскіе матросы въ устьяхъ Нила покупаютъ водящихся тамъ сѣрыхъ попугаевъ въ обмѣнъ за свои красныя рубахи, и такимъ путемъ у дикарей сложилось прочное убѣжденіе, что мѣриломъ цѣнности сѣраго попугая служитъ красная рубаха европейскаго матроса.

Постепенно и туго служащій деньгами товаръ сбрасываетъ свою конкретную предметную форму и становится общимъ мѣрителемъ.

Какъ сообщаетъ Шурцъ, индѣйцы въ области Миссури обмѣнивали сначала товары на ножи, постепенно они пришли къ установленію слѣдующей пропорціи:

2 ножа = парѣ брюкъ.

2 ножа = парѣ брюкъ = одному одѣялу.

2 ножа = парѣ брюкъ = одному одѣялу = одному ружью.

2 ножа и одно ружье = одной лошади.

2 ножа и одна лошадь = шалашу.

2 ножа и одинъ шалашъ = женщинѣ ²⁾.

На этомъ примѣрѣ можно отлично прослѣдить, какъ трудно и постепенно дикарь освобождался отъ конкретнаго представленія о деньгахъ, и какъ онъ вырабатывалъ абстрактное представленіе о нихъ, какъ объ общемъ эквивалентѣ.

Можно бы заполнить толстые фоліанты однимъ сухимъ перечисленіемъ безконечно разнообразныхъ предметовъ, которые избиралъ первобытный человѣкъ въ поискахъ за денежнымъ това-

¹⁾ Ср. H. Schurtz. Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Weimar 1898, стр. 82.

²⁾ Ibid. стр. 157.

ромъ. Въ роли денегъ выступали въ томъ или иномъ мѣстѣ, у того или иного народа, всѣ предметы, употреблявшіеся людьми для украшенія или потребления.

Въ Гвиней роль денегъ выполняютъ ровныя полосы матеріи, которыя въ случаѣ надобности могутъ сшиваться въ платье. У абисинцевъ деньгами служатъ куски соли, у аттековъ—зерна какао. Въ Новой Помераніи роль денегъ выполняютъ раковины, наннванныя на шнуры изъ волоконъ, на сѣверѣ Новыхъ Гебридовъ—узкія длинныя цыновки, которыя цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ старѣе и закопченнѣе. На о-вѣ Фиджи деньгами служатъ высоко цѣнные зубы кашалота, а на Соломоновыхъ островахъ связки изъ зубовъ дельфина. На Санте-Кругѣ въ качествѣ денегъ обращаются перья красныхъ попугаевъ, а на Банковскихъ островахъ—перья, растущія около глазъ курицы. Въ Микронезіи деньгами служатъ камни, стеклянные и фарфоровые черепки, кусочки эмали и буры.

Чрезвычайно широко распространены въ качествѣ денегъ, дажѣ, раковины и среди нихъ въ особенности т. н. каури и Сургаса монета, небольшая ракушка въ 2—3 сантиметра длиною, добываемая въ Индійскомъ океанѣ. Въ Африкѣ эти каури назывались на шнуры, по сорока каури въ каждомъ, 50 такихъ шнурковъ или 2.000 каури составляли — „голову каури“, 10 головъ или 2.000 каури—мѣшокъ, 3 головы или 6.000 каури—долларъ. На зап. берегу Африки молодая женщина покупалась за 60—100 тысячъ каури, а старая—за 2.000. Еще не такъ давно каури выполняли функцію денегъ на верхнемъ Нилѣ, по окраинамъ Сахары и т. д., откуда лишь недавно были вытѣснены талерами Маріи Терезіи и стеклянными бусами, введенными европейцами и начавшими функционировать въ качествѣ денегъ.

На Каролинскихъ островахъ деньги состоятъ изъ камней въ десять пудовъ вѣсомъ. Эти громадныя камни служатъ какъ бы воплощеніемъ богатства и власти, и не имѣя на практикѣ никакого экономическаго значенія, они, однако, придаютъ ихъ обладателю почетъ и уваженіе. На Борнео дажкѣ употребляютъ въ качествѣ цѣнныхъ денегъ старыя китайскія фарфоровыя вазы.

На Филиппинскихъ островахъ въ качествѣ денегъ употреблялся рисъ. Во время своего путешествія по Монголіи, Пржевальскій расплачивался за все кирпичнымъ чаемъ. За барана онъ платилъ 12—15 кирпичей чая, за верблюда 120—150, за китайскую трубку 2—3.

Наконецъ, въ качествѣ денегъ фигурируетъ порохъ и даже лекарственныя снадобья.

Весьма значительную роль въ качествѣ денегъ играли, а у многихъ народовъ и понынѣ еще играютъ, мѣха, скоть и рабы.

Въ области Гудсонова залива въ Сѣв. Америкѣ еще и теперь единицу цѣнности составляетъ шкура бобра, а у сѣв. инородцевъ Сибири до послѣдняго времени единицей цѣнности былъ соболь.

Наконецъ, какъ извѣстно, у древнихъ славянъ мѣховыя деньги пользовались очень широкимъ распространениемъ. „Какъ товаръ, имѣющій вѣрный сбытъ, пишетъ г. Аристовъ, мѣха ходили какъ деньги, мѣхами брали штрафы, платили за проѣздъ и пошлины торговыя, за сорокоустъ священникамъ, даже въ церковь приносятъ дѣлали веверицами“¹⁾. Изъ этихъ мѣховъ-денегъ самымъ употребительнымъ въ древней Руси былъ мѣхъ куницы. Къ куницѣ или кунѣ приравнявались всѣ другіе мѣха. „Славяне россійскіе, говоритъ Карамзинъ, цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, куняцъ и бѣлокъ: слово куны означало деньги“.

Особенно же важное историческое значеніе въ роли денегъ имѣлъ скотъ. Самое латинское названіе денегъ: *rescisia* происходитъ отъ слова *rescis*—скотъ, какъ и русское слово „товаръ“ отъ тюркскаго слова, означающаго скотъ. Въ готскомъ языкѣ *faihu*, въ англо-саксонскомъ—*feoh* одновременно означаетъ и скотъ, и деньги. Въ Иліадѣ Гомера еще ясно видны слѣды употребленія скота въ качествѣ денегъ: рабыня оцѣнивается здѣсь въ 4 быка, а жертвенный треножникъ—въ одинъ.

Наконецъ, еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ скотъ играетъ роль монеты; наша торговля съ Монголіей ведется рогатымъ скотомъ, который затѣмъ приходится гнать въ ближайшіе города и обмѣнивать тамъ на серебро.

Чтобы закончить этотъ поневолѣ затянувшійся перечень разнообразнаго рода денегъ, мы должны упомянуть еще о живыхъ людяхъ, рабахъ, служившихъ деньгами. У туземцевъ Африки, рассказываетъ Ризардъ Андре, на вопросъ: „Сколько стоитъ эта лошадь?“—вы зачастую получаете отвѣтъ:—„Три плѣнника“.—„А быкъ?“—„Поль-плѣнника“. Плѣнникъ не разрубается, конечно, пополамъ, но въ качествѣ поль-плѣнника шель больной и немощный. Самой крупной монетой служатъ здѣсь красивый, здоровый юноша или цвѣтущая красивая дѣвушка²⁾.

Даже у одного и того же народа въ одно и то же время функционируютъ самыя различныя виды денегъ. Напр., на Палаузскихъ островахъ насчитываютъ 7 родовъ денегъ: 1) бракъ или баракъ, представляющій самый цѣнный видъ денегъ. Эти деньги изготовляются изъ обожженной глины, въ формѣ согнутой призмы съ нѣсколько выпуклыми плоскостями, блестящими, какъ стекло. Этотъ видъ денегъ чрезвычайно рѣдокъ и дорогъ, цѣнность его равняется приблизительно 7 тысячамъ руб., вслѣдствіе чего деньги эти фактически не находятся въ обращеніи; 2) вторымъ родомъ денегъ служитъ пангунгау или бунгау—красный, отшлифованный камень; 3) роль болѣе мелкой монеты выполняетъ какобукундъ или колебукудъ—агатъ опредѣленной формы, и т. д.

Изъ сдѣланнаго нами пестраго перечня предметовъ, высту-

1) Ср. Аристовъ. Промышленность древней Руси, стр. 145.

2) R. Andree. Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Stuttgart 1878 г. Стр. 225.

павшихъ въ роли денегъ, мы видимъ, что деньгами служили самыя различныя вещи, вплоть до ядовъ и человѣческихъ череповъ.

Такъ какъ деньги, какъ это мы увидимъ ниже, избирались изъ предметовъ, въ силу мѣстныхъ условій игравшихъ крупную хозяйственную роль, то естественно, что, по мѣрѣ того, какъ мѣнялись условія жизни даннаго племени, параллельно съ этимъ мѣнялись и предметы, выполнявшіе роль денегъ. У какого-нибудь охотническаго народа, или у народа, находящагося въ оживленныхъ экономическихъ отношеніяхъ съ охотническимъ народомъ, роль денегъ естественно выполняли мѣхъ, пушнина, но, по мѣрѣ того, какъ звѣрь изводился, падалъ звѣроловный промыселъ, по мѣрѣ того, какъ народъ переходилъ, роль денегъ отъ мѣха переходила уже къ скоту. Однако, новый видъ денегъ никогда не вытѣснялъ старый и нѣкоторое время они продолжали существовать рядомъ.

У Гомера, напр., въ роли денегъ мы одновременно встрѣчаемъ и рогагыи скотъ, и металлы:

Прочіе мужи Ахейскіе мѣной вино покупали:
Тѣ за звенящую мѣдь, за сѣдое желѣзо мѣняли,
Тѣ за воловьи кожи, или за воловъ круторогихъ,
Тѣ за своихъ полоненныхъ. (Переводъ Гнѣдича).

Не меньшую пестроту денежныхъ формъ представляетъ и древній Римъ. Древнѣйшіе юридическіе штрафы выражаются въ извѣстномъ количествѣ овецъ и коровъ, но затѣмъ постепенно начинаетъ играть растущую роль мѣдь (*aes*, отсюда *aes-timare* — оцѣнивать). На первыхъ порахъ куски мѣди, циркулировавшіе въ качествѣ денегъ, безформенны, вслѣдствіе чего при каждомъ мѣновомъ актѣ ихъ необходимо взвѣшивать, но затѣмъ начинается чеканка мѣдныхъ монетъ опредѣлительнаго вѣса, съ наложеніемъ государственной печати (*aes signatum*). На печати этой сначала изображается корова, овца или свинья и лишь въ 451 до Р. X. подобныя изображенія скота смѣняются изображеніемъ достоинства монеты.

Наконецъ, и въ исторіи Россіи намъ извѣстны періоды, такъ сказать, денежнаго междуцарствія, когда новый видъ денежнаго товара, появившійся благодаря новымъ условіямъ экономическаго быта, не успѣвалъ вытѣснить прежнія формы денегъ. По мѣрѣ разложенія натурального хозяйства въ древней Руси и развитія новыхъ формъ экономическаго быта, старыя мѣховыя деньги исчезали и въ XVII вѣкѣ онѣ уже давно вышли изъ употребленія. Но когда при Петрѣ I въ 1663 году была произведена денежная реформа и правительство отъ мѣдныхъ денегъ перешло къ серебрянымъ, то вслѣдствіе недостатка размѣнной монеты стали разсѣкать на куски серебряную монету и, наконецъ, снова появились исчезнувшія нѣсколько вѣковъ тому назадъ кожаныя деньги и 11 марта 1706 г. Петръ I принужденъ былъ издать указъ, „чтобы въ городахъ за уменьшеніемъ серебряныхъ денегъ, копейекъ не сѣкли и кожными и иными жеребьями не торговали“¹⁾.

Мы познакомили читателя, въ общихъ, конечно, чертахъ, съ тѣми условіями появленія денегъ, которыя появились по мѣрѣ разложенія коммунистическаго быта, мы дали, затѣмъ, общее описаніе внѣшнихъ формъ, которыя создавалъ и оставлялъ первобытный человѣкъ въ поискахъ за общимъ эквивалентомъ. Выборъ этихъ до чрезвычайности пестрыхъ формъ, на первый взглядъ, кажется совершенно случайнымъ, произвольнымъ, совершенно лишеннымъ какой бы то ни было закономерности.

Чрезвычайная пестрота денежныхъ формъ отвлекаетъ наше вниманіе отъ того закономернаго процесса постепеннаго образованія абстрактнаго понятія о деньгахъ, которое за ними скрывается.

Кажущійся совершенно произвольнымъ выборъ денежной формы на самомъ дѣлѣ былъ обусловленъ цѣлымъ рядомъ объективныхъ факторовъ.

Здѣсь прежде всего необходимо отличать, какъ это и дѣлаетъ недавно умершій антропологъ Шурцъ въ своей книгѣ „Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes“ (Weimar 1898), деньги, служащія для внутренняго обращенія, какъ орудіе обмена между членами даннаго общества, и деньги, служащія для внѣшняго обмена, какъ орудіе обмена между двумя обществами.

Естественно, что, такъ сказать, внутреннія деньги состояли изъ того предмета, который у даннаго народа раньше сдѣлался объектомъ частной собственности и затѣмъ объектомъ торговли, а внѣшнія деньги—изъ того продукта, который въ силу тѣхъ или иныхъ условій данный народъ не могъ ни добыть, ни изготовить и долженъ былъ вымѣнивать у другого народа.

При этомъ уже первобытные народы сдѣлали первые шаги къ тому, чтобы деньги не легко было воспроизводить. Для этого въ качествѣ денегъ выбираются, конечно, безсознательно, тѣ продукты, которые трудно добыть въ данной мѣстности. Напр., на Соломоновыхъ островахъ туземцы пользуются въ качествѣ денегъ ракушками, но при этомъ они пользуются не своими, очень изобильными, ракушками, а особымъ видомъ ракушекъ, привозимыхъ съ другихъ острововъ. Въ свою очередь, они свои ракушки вывозятъ на другіе острова, гдѣ онѣ и обращаются въ качествѣ денегъ. И на Нигерѣ туземцы усердно занимаются собираніемъ и нанизываніемъ ракушекъ каури, вывозимыхъ въ Бонни, гдѣ туземцы пользуются ими въ качествѣ денегъ.

Дикари завѣщали намъ и первые шаги къ установленію денежной системы. Напр., дикари о-ва Изабеллы, по словамъ англійскаго путешественника Кука, пользовались въ качествѣ денегъ кокосовымъ орѣхомъ, на который они и вымѣнивали немногіе нужные имъ продукты. Познакомившись съ привозимымъ имъ табакомъ и почувствовавъ къ нему страсть, туземцы превратили этотъ табакъ въ свои внѣшнія деньги. Такимъ путемъ у

¹⁾ Ср. В. Святловскій. „Примитивныя деньги“ и „Эволюція древне-русскихъ денежныхъ системъ“. „Нар. Хоз.“ 1902 г. кн. II стр. 9.

нихъ появился двойной денежный счетъ: на кокосовые орѣхи и на табакъ. На основаніи долгой практики они сумѣли выработать цѣлую денежную систему, по которой и переводили кокосовые орѣхи въ единицы табаку и наоборотъ. Получилась такая таблица ¹⁾:

10 кокосовыхъ орѣховъ=ниткѣ бѣлыхъ ракушекъ или пачкѣ табаку.

10 нитокъ бѣлыхъ ракушекъ=ниткѣ красныхъ ракушекъ=зубу собаки.

10 нитокъ красныхъ ракушекъ=50 зубамъ дельфина и т. д.

Съ помощью подобной таблицы, гдѣ для облегченія счета все приведено къ цифрѣ 10 (по числу пальцевъ рукъ), дикари и производили весь свой несложный обмѣнъ.

Что же касается выраженія большей или меньшей цѣны продукта въ колебаніяхъ единицъ даннаго денежнаго товара, то съ этою цѣлю деньги, по большей части, навязывались на нитки и по длинѣ нитки и выражалась величина цѣны. Напр., у папуасовъ въ роли денегъ выступаютъ плетенки. „Эти плетенки, рассказываетъ Летурно, готовятся въ Папуазіи женщинами, или членами семьи, или специально нанятыми для этого работницами. Онѣ длинны и узки, обыкновенно складываются нѣсколько разъ и сообразно съ этимъ опредѣляется ихъ стоимость: плетенка складывающаяся 20 разъ стоитъ, напр., ровно въ два раза больше, чѣмъ плетенка складывающаяся всего 10 разъ“ ²⁾.

На первыхъ порахъ измѣреніе величины цѣны продукта совершается дикарями до-нельзя наивно, основываясь на чисто внѣшнемъ измѣреніи—напр., за кучку риса даютъ совершенно равную по величинѣ кучку ракушекъ—денегъ, или, какъ это дѣлаютъ туземцы ново-британскихъ острововъ, попросту измѣряютъ ниткой, на которой названы деньги, величину предмета и отдаютъ за этотъ предметъ нитку денегъ, равную ему по величинѣ.

Но подобное грубое установленіе цѣны скоро исчезаетъ, смѣняясь болѣе или менѣе тщательно установленной таблицей мѣновыхъ пропорцій, съ образцами которой мы уже познакомились.

Наконецъ, дикари уже, какъ мы это отчасти видѣли выше, научились различать ходкую разнѣочную монету отъ крупныхъ денежныхъ единицъ. Какъ сообщаетъ Земперъ, въ Айбунитѣ на Палаускихъ островахъ даже сложилась на этотъ счетъ очень интересная легенда.

„Однажды, гласитъ легенда, пришла лодка, пассажиры которой, семь различныхъ родовъ денегъ, отправились со своего острова Нгарутта въ поиски новыхъ земель. Они долго плавали по океану, не достигая цѣли своихъ желаній, наконецъ, они приплыли сюда, на Палау. Въ гавани, Бракъ (бракъ—родъ самыхъ крупныхъ денегъ у туземцевъ), который въ качествѣ самаго знатнаго

¹⁾ Ср. N. Schurtz. Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Weimar 1898. Стр. 158.

²⁾ Ср. Ш. Летурно. Эволюція торговли. С.-Пб. 1899. Стр. 22.

лица, лежалъ, растянувшись на площадкѣ лодки, приказалъ слѣдующему за нимъ по чину Пангунгау (болѣе мелкая монета. П. Б.) выйти на берегъ и осмотрѣть островъ. Пангунгау, столь-же лѣнивый, какъ и его начальникъ, отдалъ то же приказаніе своему ближайшему подчиненному — Кульбукубу (еще болѣе мелкая монета туземцевъ), тотъ тоже отдалъ приказаніе Кульдакру (еще болѣе мелкая монета), а этотъ, въ свою очередь, Клуку, пока не пошелъ, наконецъ, многострадальный Оделонгъ (самая мелкая монета о-ва), которому уже некого было послати. Но онъ пошелъ и не вернулся. Черезъ нѣкоторое время Бракъ повторилъ свое приказаніе, Аделлаберъ пошелъ и не вернулся... Такъ продолжалось дѣло до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Бракъ остался покинутымъ своими простыми и знатными слугами. Тогда онъ самъ пошелъ за ними, но и ему понравился нашъ городъ. Всѣ семеро они остались здѣсь и продолжали вести прежній образъ жизни. Бракъ только и дѣлалъ что ѣлъ и спалъ; высшій посылалъ стоящаго за нимъ, и такъ и идетъ дѣло.“

Исслѣдованіе дальнѣйшей эволюціи денегъ выходитъ изъ рамокъ этого очерка, цѣли котораго выяснить *зародышевыя* формы денегъ. Повидимому, дикари очень рано и независимо отъ европейцевъ начали пользоваться металлическими деньгами, но во всякомъ случаѣ металлическія деньги являются болѣе позднимъ шагомъ въ развитіи денежнаго эквивалента, и потому мы этотъ шагъ не станемъ прослѣживать. Намъ остается теперь лишь остановиться на вопросѣ—на какіе теоретическіе выводы упомочивается разобранный нами выше этнографическій матеріалъ и какая изъ существующихъ политико-экономическихъ теорій происхожденія денегъ находитъ въ немъ свое подтвержденіе. Такихъ теорій существуетъ много множество, но почти всѣ онѣ представляютъ измѣненіе, варіацію двухъ стройныхъ и цѣльныхъ теорій—теоріи Маркса и теоріи Менгера-Джевонса.

„Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктѣвъ, говоритъ Марксъ, каждый товаръ представляетъ собою непосредственное средство обмѣна для своего владѣльца, а для не-владѣльца—эквивалентъ, но лишь постольку, поскольку онъ является для него потребительною цѣнностью. Предметъ обмѣна, слѣдовательно, не получаетъ еще никакой формы цѣнности, независимой отъ его собственной потребительною цѣнности, т. е. отъ индивидуальной потребности лицъ, совершающихъ обмѣнъ. Необходимость этой формы развивается только съ возрастаніемъ числа и разнообразія вступающихъ въ мѣнговую процессъ товаровъ. Задача возникаетъ одновременно съ средствами ея разрѣшенія. Оборотъ, въ которомъ товаровладѣльцы обмѣниваютъ и сравниваютъ свои собственные предметы съ другими предметами, никогда не совершается безъ того, чтобы различные товары различныхъ товаровладѣльцевъ не обмѣнивались и не сравнивались въ качествѣ цѣнностей внутри даннаго оборота съ однимъ и тѣмъ же третьимъ товаромъ. Такой третій товаръ, становясь эквивалентомъ для раз-

личныхъ товаровъ, непосредственно, хотя и въ тѣсныхъ границахъ, пріобрѣтаетъ всеобщую или эквивалентную форму. Эта всеобщая эквивалентная форма рождается и исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ общественнымъ соприкосновеніемъ, которое вызвало ее къ жизни. Поперемѣнно и бѣгло она пріурочивается то къ одному, то къ другому товару. Но, съ развитіемъ товарнаго обмѣна, они связываются исключительно съ однимъ особеннымъ товаромъ или кристаллизуются въ денежную форму. Какому именно товару она присваивается — сначала является дѣломъ случая. Но, въ общемъ, рѣшающее значеніе принадлежитъ двумъ обстоятельствамъ. Денежная форма присваивается или наиболѣе важнымъ предметамъ ввоза, или дѣйствительно суть первыя естественныя формы обнаруженія мѣновой дѣйности туземныхъ продуктовъ, или такому предмету потребления, который составляетъ главный элементъ туземнаго движимаго богатства, напр., скоту. Кочевые народы первые развиваютъ денежную форму, потому что все ихъ богатство заключается въ движимой, а слѣдовательно, въ непосредственно поддающейся отчужденію формѣ, и еще — потому, что ихъ образъ жизни приводитъ ихъ въ постоянное соприкосновеніе съ другими общественными союзами и, такимъ образомъ, наталкиваетъ на обмѣнъ продуктовъ. Люди прежнихъ временъ часто превращали себѣ подобныхъ, во образъ рабовъ, въ первоначальный денежный матеріалъ, но никогда они не дѣлали этого съ землею. Такое отношеніе къ землѣ могло возникнуть лишь въ развитомъ уже буржуазномъ обществѣ“¹⁾.

Мы изложимъ теперь сущность возрѣвній Менгера, чтобы перейти затѣмъ къ подведенію общихъ теоретическихъ итоговъ. Менгеръ пишетъ:

„По мѣрѣ возрастанія мѣстнаго обмѣна благъ и по мѣрѣ все растущей заботы объ обезпеченіи себѣ на долгое время впередъ удовлетворенія спроса, собственный хозяйственный интересъ долженъ былъ cadaго научить стремленію вымѣнять свой не пользующійся широкимъ сбытомъ продуктъ на такой продуктъ, который пользуется не только сильнымъ мѣстнымъ спросомъ, но и легко можетъ быть всегда обмѣненъ въ предѣлахъ обширнаго времени и пространства, т. е. такой продуктъ, стоимость, способность къ перевозкѣ и сохраненію котораго гарантируютъ его обладателю привилегированное положеніе въ опредѣленіи дѣлъ не только въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ, но и въ предѣлахъ обширнаго времени и пространства“²⁾. Возникновеніе денегъ явилось, по Менгеру, „неизбѣжнымъ результатомъ индивидуальных стремленій отдѣльныхъ членовъ общества и постепеннаго развитія ихъ пониманія различныхъ способностей различныхъ благъ къ сбыту“.

Но что это за различная способность различныхъ благъ къ

1) Ср. К. Марксъ. Капиталъ Т. I-й, пер. подъ ред. П. Струве. стр. 49.

2) Ср. статью Менгера въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ стр. 733.

сбыту? Менгеръ такъ смотритъ на вопросъ:—Продукты, которые обмѣнивалъ дикарь, были уже подчинены колебанію цѣнъ и даже известному перепроизводству (!). Но въ это же самое время иные товары, благодаря ихъ качествамъ, ихъ рѣдкости, благодаря всеобщему на нихъ спросу, не подчинялись дѣйствию колебанія цѣнъ и затрудненія въ сбытѣ. Естественно, что всѣ старались запасаться именно этими товарами, всѣ старались свои товары, цѣна которыхъ зависѣла отъ случайностей, и сбытъ которыхъ былъ тѣсно ограниченъ мѣстнымъ рынкомъ, обмѣнивать на эти товары, пользующіея повсюду и всегда прочнымъ спросомъ и не знающіе колебанія цѣнъ. Вотъ эти товары, продукты и положили, по теоріи австрійскаго экономиста, первое начало деньгамъ ²⁾.

Съ отвлеченной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія мотивациі хозяйственныхъ чувствъ человѣка, рассуждающаго по всѣмъ правиламъ экономической науки, теорія Менгера о происхожденіи денегъ кажется вполне послѣдовательнымъ и стройнымъ построеніемъ. Но какъ только мы подойдемъ къ этой теоріи съ этнографическими фактами въ рукахъ, то мы легко усмотримъ въ ней всѣ особыя примѣты теоріи предѣльной полезности—раціонализмъ, надъисторичность, субъективизмъ. Въ началѣ этого очерка мы уже отмѣтили, что политическая экономія одѣлала громадный шагъ впередъ, порвавъ съ абстрактностью и неисторичностью классиковъ-экономистовъ, разсматривавшихъ всѣ стадіи экономической эволюціи черезъ призму экономическихъ отношеній своей эпохи. Менгеръ снова впадаетъ въ эту же самую роковую ошибку въ своей мотивациі хозяйственнаго поведенія дикарей, всегда ставя вмѣсто дикаря европейца XIX вѣка, къ тому же хорошо изучившаго курсъ политической экономіи теоретика предѣльной полезности. Лотцъ справедливо иронически замѣчаетъ, что на самомъ дѣлѣ дикарь „еще не изучилъ теорію предѣльной полезности, когда онъ уже пришелъ къ установленію денегъ“ ²⁾.

Тѣ психологическіе мотивы, которые, по мнѣнію Менгера, повели къ установленію денегъ, были на самомъ дѣлѣ совершенно непонятны и чужды дикарю. Никакихъ тѣхъ „затрудненій въ сбытѣ“ и промышленныхъ кризисовъ, въ которыхъ Менгеръ видитъ причину возникновенія денегъ, первобытное общество не знало и знать не могло. Проведенный нами этнографическій матеріалъ достаточно показываетъ, что деньги возникли не какъ результатъ психологическихъ разсужденій одиноко хозяйствующаго дикаря, какъ это утверждаетъ Менгеръ, а какъ результатъ разложенія первобытнаго хозяйственнаго коммунизма. Такимъ

¹⁾ Кромѣ указанной статьи въ „Handwörterbuch“, срав. также „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre“. Wien. 1871. Стр. 233 и сл. и „Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften“ etc. Leipzig 1883 Стр. 174.

²⁾ Cp. W. Lotz I. Die Lehre vom Ursprunge des Geldes въ „Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie“. Dritte Folge Bd. VII (LXII). Стр. 347.

образомъ, число предметовъ, надъ выборомъ которыхъ при актѣ обмена могъ сомнѣваться и колебаться нашъ первобытный дикарь, было на первыхъ порахъ крайне ограничено;—частная собственность—а общею собственностью отдѣльный дикарь, надъ которымъ только и оперируетъ Менгеръ, распоряжаться не могъ—охватывала въ первобытное время незначительное количество предметовъ. Да и къ тому же и самая эта мотивация совершенно идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о дикарѣ. А мы знаемъ, что дикарь отличается своею крайнею импульсивностью, неспособностью сдерживать свои желанія, что онъ, не наученный „цивилизацией“, совершенно не способенъ сдерживать свои желанія и уже меньше всего способенъ насковозъ проникнуться тѣмъ тонкимъ и дальновиднымъ хозяйственнымъ расчетомъ, который навязываетъ ему Менгеръ. Менгеръ, вѣдь, находитъ, что деньги появились благодаря тому, что дикарь проникся пониманіемъ несравненно большей выгоды тѣхъ продуктовъ, которымъ обезпеченъ широкій сбытъ и которые свободны отъ колебанія цѣнъ. Но подобнаго рода пониманіе совершенно недоступно дикарю, совершенно противорѣчитъ всей его психикѣ. Богатый этнографическій матеріалъ, собранный путешественниками, показываетъ, что вся теорія Менгера о происхожденіи денегъ построена на зыбучемъ пескѣ атомистической теоріи, берущей челоуѣка совершенно изолированнымъ отъ общественныхъ связей и противопоставляющей его экономической жизни, о которой онъ всегда послѣдовательно рассуждаетъ, вѣтшившая всѣ различныя соображенія и доводы чувства и разсудка.

Если, такимъ образомъ, обращаясь къ этнографіи за отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи денегъ, мы принуждены избрать исходной точкой анализа разлагающееся коммунистическое общество, то Менгеръ, наоборотъ, избираетъ исходной точкой анализа душу атома-дикаря, въ которой происходитъ бореніе различныхъ влеченій, вѣнчающееся побѣдой влеченія наиболее разумнаго. Напротивъ того, теорія происхожденія денегъ, развитая Марксомъ въ приведенныхъ нами выше строкахъ, находится въ подиомѣ согласіи съ результатами, добытыми по данному вопросу этнографіей, и тѣми методами, какими этнографія эти результаты добыла. Дикарю не навязываются здѣсь всѣ тѣ сложные психологическіе мотивы, которые только можетъ придумать современный ученый, представивъ себя передъ лицомъ тѣхъ хозяйственныхъ явленій, передъ которыми стоялъ дикарь, а, наоборотъ, исследуются эти условія, опредѣлившія и психику дикаря, и его хозяйственное поведеніе.

П. Берлинь.

Современныя этическія исканія.

I.

Моральное междуцарствіе.

„— Видалъ ты гѣ стаи птицъ, которыя прилетаютъ сюда зимою изъ мрака сѣвера? Знаешь ты, чего онѣ ищутъ въ Египтъ?”

„— Знаю. Тепла и свѣта.

„— Души людей тоже ищутъ тепла, которое есть не что иное, какъ любовь, и свѣта, который есть не что иное, какъ правда. Но птицы знаютъ, куда имъ летѣть за своимъ благомъ, а души летаютъ, по бездорожью, въ грусти и тревогъ“...

(Г. Сенкевичъ: „*Пойдемъ за ними*“).

Такой пессимистическій мотивъ звучалъ въ большинствѣ художественныхъ и философскихъ произведеній „конца вѣка“ и придавалъ всей личной и даже общественной жизни культурныхъ классовъ какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи, какой-то безнадежно-мрачный оттѣнокъ меланхоліи и нравственнаго декаданса. Не малую роль въ такомъ настроеніи играли, разумѣется, общественно-политическія условія жизни европейскихъ странъ, кое-какія несбывшіяся надежды, разбитыя иллюзіи. Во Франціи, на примѣръ, усиленію и распространенію пессимизма въ обществѣ не мало поспособствовали такія событія, какъ франко-прусская война. Физическія и нравственныя силы націи были истощены до самой крайней степени, и на всей поверхности соціальной жизни стали задавать тонъ грустные герои первыхъ романовъ Бурже, да еще самодовольные и рафинированные циники Мориса Барреса. Нѣчто подобное переживали и мы въ, печальной памяти, восьмидесятые годы, когда молодыя поколѣнія вступали въ жизнь уже съ надломленными крыльями, съ парализованной энергіей. Но, какъ ни велико

было само по себѣ вліяніе общественно-политическихъ событій на развитіе и распространіе пессимизма въ культурномъ обществѣ, нравственное недожоганіе послѣдняго, продолжающееся и до сихъ поръ, зависѣло и отъ причинъ чисто идейнаго характера, а именно: *отъ глубокаго кризиса и конечнаго разложенія моральныхъ оогматовъ и воззрѣній, завѣщанныхъ намъ предшествовавшими поколѣніями*. Въ существованіи такого кризиса теперь не сомнѣвается уже никто, но немногіе еще уразумѣли всю огромную серьезность совершающейся нынѣ во всѣхъ культурныхъ странахъ нравственной эволюціи и всю ея мучительную остроту. Казалось-бы, кто, какъ не девятнадцатый вѣкъ, въ особенности его первая половина, завѣщаль намъ большее количество отвлеченныхъ философскихъ и моральныхъ системъ, назумляющихъ cadaго своей стройностью и глубиной мысли, слоимъ могущественнымъ идеальнымъ размахомъ и оригинальностью? Надъ разрѣшеніемъ моральныхъ проблемъ работали величайшіе представители теоретической мысли: Кантъ, Фихте, Гегель, Дж. Ст. Милль, Шопенгауеръ, Спенсеръ, не говоря уже о болѣе второстепенныхъ, но не менѣе оригинальныхъ мыслителяхъ, посвящавшихъ свои труды тому же предмету. За этими лицами слѣдуютъ безконечныя и пестрыя фаланги популяризаторовъ и интерпретовъ, профессоровъ философіи, публицистовъ, создавшихъ общими усиліями грандіозную и необозримую литературу по одной только морали, способную, казалось бы, своимъ, хотя бы и чисто книжнымъ, вліяніемъ исцѣлить всѣ наши язвы и создать царство правды и справедливости. Разсматриваемый съ такой количественной стороны, девятнадцатый вѣкъ по-истинѣ можетъ быть названъ вѣкомъ „этическимъ“, и обнаружившіяся въ его концѣ моральная растерянность и потеря нравственного смысла жизни являются повтому совершенной неожиданностью и кажутся, повидимому, несбъяснимыми. Въ конечномъ результатѣ такого вѣковаго этическаго, такъ сказать, движенія мы не только не замѣчаемъ вокругъ себя болѣе чистыхъ нравовъ,—что, впрочемъ, легко можно было бы объяснить,—но мы не видимъ также, чтобы и нравственное *сознаніе* культурныхъ классовъ, воспитанное на всей этой этической литературѣ, обнаруживало состояніе особенной просвѣтленности и духовнаго довольства. Въ дѣйствительности, наоборотъ, мы замѣчаемъ небывалый еще духовный голодъ и слышимъ отовсюду мольбы о помощи. Еще Левинчъ у Льва Толстого замѣтилъ: „Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь—жить нельзя. А *знать* этого я не могу, слѣдовательно, нельзя жить“.

Въ художественной литературѣ конца вѣка такія жалобы стали раздаваться все чаще и громче и служили лишь эхомъ такой же моральной растерянности въ сферѣ теоретической мысли. „Если насъ интересуешь—читаемъ мы, напр., въ „*Вопросахъ философіи и психологій*“—теоретическій вопросъ о томъ, какъ произошли нравственные ощущенія въ человѣческой душѣ, какъ

генетически развивались понятія о добрѣ и злѣ у разныхъ народовъ и при различныхъ условіяхъ, какіе законы управленія этимъ развитіемъ, мы въ современной этикѣ для его рѣшенія найдемъ много хорошо изслѣдованныхъ данныхъ. Но если намъ нужно укрѣпить и оправдать поколебленную вѣру въ высшія требованія добра и правды,—*къ ней бесполезно обращаться*¹⁾. Въ самыя послѣдніе годы начинаютъ раздаваться какъ будто иные, менѣе безнадежныя, голоса, приглашающіе насъ къ реставрированію кое-какихъ старыхъ авторитетовъ, къ возвращенію вспять къ старымъ традиціямъ. Но эти новые голоса и призывы лишь усилили общую идейную растерянность нашего времени и, не вдохнувъ въ культурное общество новыхъ силъ и надеждъ, еще болѣе обнаружили его нравственное безсиліе и безплодіе. Новая проповѣдь старыхъ словъ вызываетъ въ однихъ недоувѣріе, въ другихъ—пронію и насмѣшку, но, въ общемъ, безслѣдно проносится по поверхности общественной жизни, подобно мѣди звенящей, кимвалу брядающему. Истинныхъ, „настоящихъ“ нравственныхъ идеаловъ и принциповъ личнаго поведенія въ старыхъ этическихъ доктринахъ искать „бесполезно“, какими бы славными именами онѣ ни прикрывались и какъ бы велико историческое ихъ значеніе ни было: таково преобладающее, хотя и не всегда откровенно высказываемое, мнѣніе большинства современныхъ писателей, пережившихъ мучительный этический кризисъ послѣднихъ десятилѣтій. Безпощадная критика, радикальная и небывавшая еще по своей смѣлости „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ не оставили нетронутой ни одной нравственной доктрины минувшаго столѣтія, подкопавшись подъ самыя когда-то святыя догматы, разрушивъ самыя, казалось, прочныя „устоя“. А такихъ доктринъ было въ девятнадцатомъ столѣтіи не мало. Утилитарная доктрина англійской школы Бентама-Милля, идея абсолютнаго долга Канта, этический универсализмъ Гегеля, альтруистическая мораль Фейербаха, „разумный эгоизмъ“ Писарева, народническая идея „долга народу“, и т. д., всѣ эти теоріи создавались и приобрѣтали большую или меньшую извѣстность, находили большій или меньшій кругъ адептовъ, съ тѣмъ, чтобы превратиться для болѣе позднихъ поколѣній въ свѣтъ негрѣющій, въ наборъ словъ безъ смысла и живого, „дѣйствительнаго“ духа. Всѣ онѣ, казалось, такъ ясно и убѣдительно указывали истинный путь жизни, такъ глубоко и вѣрно объясняли ея смыслъ, такъ просто отвѣчали на вопросы: „что я такое“ и „зачѣмъ я здѣсь“!

Возьмемъ, напримѣръ, *утилитарную доктрину* англійской школы, формулированную впервые въ извѣстномъ трудѣ Бентама: „*Введеніе въ начала нравственности и законодательства*“ (1780 г.), но дополненную и развитую впоследствии Миллемъ. На вѣчный

¹⁾ См. „Положеніе этической задачи въ современной философіи“, Л. Лопаткина. „Ж. Фил. и Псих.“ кн. II).

вопросъ: что дѣлать? она прямо и неукоснительно отвѣчала: „*Живи такъ, чтобы твое поведеніе содѣйствовало наибольшему счастью наибольшаго числа людей*“. Но понятіе о счастіи крайне субъективно и само нуждается въ нравственномъ мѣрилѣ. Счастье есть не что иное, какъ ощущеніе, сопровождающее удовлетвореніе человѣческихъ стремленій и потребностей; оно все зависитъ отъ послѣднихъ. Но не всѣ же стремленія и потребности человѣка или „большинства“ могутъ быть поставлены на одну доску, хотя бы ужъ потому, что многія изъ нихъ противорѣчатъ одно другому и требуютъ отъ насъ нравственной оцѣнки. Итакъ, счастье большинства само нуждается въ нравственномъ, критеріи, который, очевидно, въ „счастіи“ заключаться уже не можетъ. Утилитаризмъ Милля пытался выйти изъ этого затрудненія требованіемъ отдавать предпочтеніе тѣмъ благамъ, которыя дарятъ человѣку большимъ счастіемъ, въ смыслѣ продолжительности и качества наслажденія. „Безспорно,—говорить этотъ мыслитель,—что человѣкъ, равно испытавшій два удовольствія и равно способный цѣнить и пользоваться обоими, отдастъ всегда (?) предпочтеніе тому изъ нихъ, которое удовлетворяетъ высшимъ его потребностямъ. Ради своего счастья онъ найдетъ, что лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольною свиньею, недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ“... Но, не говоря уже о томъ, что далеко не всегда и не всякій, вкусившій высшее и низшее наслажденіе, станетъ предпочитать первое второму, спрашивается: что можемъ мы сказать всѣмъ тѣмъ, кто не способенъ „цѣнить и пользоваться обоими“ и кто, трезво взвѣсивъ при данныхъ условіяхъ своей неприглядной жизни всѣ шансы „продолжительности“ и „силы“ наслажденія, пускается во всѣ нелегкія, не останавливаясь даже предъ преступленіемъ?

„Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Маколей,—можно убѣдить, напр., вора въ ошибочности его расчета?—Васъ могутъ поймать.—„Безъ сомнѣнія“.—Васъ могутъ повѣсить года черезъ два.—„Я ожидаю, что меня повѣсятъ черезъ годъ“.—Въ такомъ случаѣ, почему же вы избрали такой беззаконный образъ жизни?—„Да просто потому, что я предпочитаю пожить одинъ годъ съ большими деньгами и при этомъ хорошо одѣваться, хорошо ѣсть и пить, безпрепятственно веселиться и ни въ чемъ не отказывать себѣ, чѣмъ бить камни на дорогѣ или сидѣть вонлѣ ткацкаго станка съ увѣренностью, что доживешь до старости. Мнѣ такъ нравится. Довольны ли вы моимъ отвѣтомъ?“ И дѣйствительно, какъ доказать этому обездоленному, что его рѣшеніе не совпадаетъ съ запутанными указаніями утилитарной бухгалтеріи и что, оставаясь честнымъ человѣкомъ, онъ достигъ бы „счастья“ одной или двумя степенями больше? Скорѣе всего онъ еще убѣдитъ насъ, что избранный путь „нравственнѣе“, ибо способенъ дать ему большую сумму счастья, чѣмъ вѣчный, бессмысленный трудъ съ голодомъ и униженіями. Если утилитарная этика въ дѣйствительности обрабатывается

въ простое указаніе наиболѣе расчетливаго образа дѣйствія личности, и даже само служеніе счастью бблшинства разсматривается лишь какъ якобы самое расчетливое служеніе самому себѣ, то тутъ мы имѣемъ дѣло, очевидно, не съ исконной нравственностью, а просто съ практической бухгалтеріей эгоизма, верховный принципъ которой гласитъ: руководись въ твоихъ поступкахъ мотивами личнаго счастья и увеличивай его всѣми мѣрами, хотя бы и въ ущербъ счастью бблшинства. Впрочемъ, вопросъ о мотивахъ личнаго поведенія не играетъ въ утилитарной доктринѣ никакой роли. „Моралисты утилитарной школы,—говоритъ Милль,—ушли дальше всѣхъ въ утвержденіи того, что побужденія не играютъ никакой роли въ нравственности поступка. Тотъ, кто вытаскиваетъ утопающаго изъ воды, поступаетъ нравственно хорошо, по какому бы мотиву онъ ни дѣйствовалъ,—по чувству ли долга, или въ ожиданіи награды“. На что ему возражали: „неужели одинаково виновны и тотъ врачъ, который отравилъ своего пациента сознательно и намѣренно, и тотъ, который сдѣлалъ это по ошибкѣ или невѣжеству?“

Но такихъ редуцій „ad absurdum“ можно созершить не мало надъ утилитарной доктриной, которая, при всей своей кажущейся положительности, страдаетъ *полнымъ отсутствіемъ нравственнаго элемента* въ своей „этикѣ“. На вопросы: что я такое и зачѣмъ я здѣсь—она не даетъ отвѣтовъ иныхъ, чѣмъ тѣ, которые всегда подсказывалъ намъ эгоизмъ, но которые совершенно не рѣшаютъ моральной проблемы. Изъ того, что люди желаютъ счастья, еще не слѣдуетъ, что они *обязаны* его желать, что въ этомъ желаніи заключается ихъ моральный долгъ. *Ab esse ad posse valet consequentia*,—гласитъ логическое правило,—т. е. отъ наличности какого-либо факта мы вправѣ логически заключать не болѣе, какъ къ его возможности. Чтобы придать факту характеръ морально-должнаго, необходимо санкционировать его какой-либо высшей идеей, отъ согласія съ которой онъ лишь и становится „нравственнымъ“. Но такой идеи во всей утилитарной доктринѣ искать было бы бесполезно: выше индивидуальнаго счастья духовный взоръ ея адептовъ не проникаетъ.

„Мы избрѣли счастье, — говорятъ послѣдніе люди, — и мигають“... 1).

1) Извѣстныя слова Ницше въ его: „Also sprach Zarathustra“... Мы проникаемъ глубокимъ изумленіемъ всякій разъ, когда намъ случается перечитывать запоздалыя хвалы утилитаризму со стороны одного изъ послѣднихъ могиканъ этой доктрины въ русской литературѣ, Н. К. Михайловскаго. Мы не понимаемъ, какъ послѣ полнаго банкротства утилитарной этики, явившейся наиболѣе яркимъ выраженіемъ буржуазной идеологии и заслужившей уже не разъ названіе „лаичной морали“, можно еще писать такіа, напр., строки въ ея защиту, которыми мы находимъ въ статьѣ этого писателя „*Что такое счастье?*“: „Выгодное положеніе утилитаризма состоитъ въ томъ, что онъ обладаетъ аксіомой, истиной, бесспорной до безсодержательности... *Счастье есть критерій нравственности — это истина несомнѣнная!*“ истина даже не этическая, а психологическая,

Совершенно иное, повидимому, рѣшеніе моральной проблемы далъ культурному человѣчеству Им. Кантъ въ своей „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“ (1785) и другихъ, болѣе позднихъ сочиненіяхъ. Здѣсь нравственные запросы и исканія человѣческой души, казалось, нашли свое истинное выраженіе и очутились ближе всего къ своему удовлетворенію. У Канта ясно, во всей ихъ принципиальной чистотѣ, поставлены два коренные вопроса этики. Первый: *что должно дѣлать*, чтобы быть нравственнымъ, или, каковъ основной принципъ, предписываемый этикою для индивидуальнаго поведения? Второй: *почему должно поступать нравственно*, или иначе, въ чемъ заключается источникъ обязательности морали, гдѣ черпаетъ она свою императивную силу?

Мы только что видѣли, что утилитарная доктрина даетъ на оба эти вопроса отвѣты неудовлетворительные, послѣ которыхъ можно сказать устами Фауста:

„Da steh ich nun, ich armer Thor,
Und bin so klug als wie zuvor“.

Правда, и у утилитаристовъ можно найти кое-какія указанія на совѣсть, какъ на чувство, составляющее важнѣйшую опору нравственности и дающее ей принудительную силу. Но изъ анализа этого внутренняго чувства, который мы находимъ въ этой доктринѣ, оказывается, что корень его чисто эгоистическій, ибо совѣсть сложилась исторически на почвѣ личнаго утилитарнаго расчета и съ помощью обманнаго закона ассоціаціи идей. Выходитъ какъ-то такъ, что въ своей основѣ совѣсть есть не что иное, какъ лживое и крайне двусмысленное чувство, способное импонировать лишь наивнымъ простакамъ, не прошедшимъ утилитарной выучки.

Совсѣмъ иное отношеніе къ морали мы находимъ у Кенигсбергскаго философа. Нравственный законъ, по Канту, отнюдь не является продуктомъ долгаго историческаго опыта человѣчества, а еще менѣе однимъ изъ слѣдствій личнаго расчета и иллюзорной ассоціаціи идей, отождествляющей личные интересы съ общимъ благомъ. Нѣтъ, нравственный законъ предшествуетъ всякому чувственному опыту и дается человѣчеству, такъ сказать, а priori

даже, быть можетъ, физиологическая. *И естъ усилія противниковъ утилитаризма должны о нее разбитыся.* Трудности для утилитаризма лежатъ не въ этой аксіомѣ, а въ оцѣнѣ различныхъ видовъ счастья, въ ихъ градаціи, въ уясненіи того кульминаціоннаго пункта счастья, къ которому для насъ обязательно(?) стремиться, жертвуя низшими ступенями... Противъ такихъ категорическихъ утвержденій нашего уважаемаго писателя мы ограничимся лишь ссылкой на его же собственные слова изъ статьи его о *Ничие*, а именно: „Нынѣ часто можно встрѣтить гордую увѣренность, что мы обладаемъ, наконецъ, „научной этикой“. Это никакъ нельзя, однако, разумѣть въ томъ смыслѣ, что мы имеемъ твердый, опредѣленный... критерій различенія добра и зла.. То, что обыкновенно называется научной этикой, есть, главнымъ образомъ, исторія и психологія нравственности“... („Русское Бог.“ 1894 г. кн. 11 и 12).

являясь необходимымъ элементомъ нашего трансцендентальнаго (т. е. апіорнаго) сознанія. Подобно тому, какъ въ этомъ сознаніи, т. е. въ категоріяхъ и формахъ человѣческаго мышленія, мы находимъ верховный и якобы „единственно возможный“ объективный критерій правды-истины, такъ же точно въ присущемъ тому же сознанію апіорномъ моральномъ законѣ или „категорическомъ императивѣ“ кроется и объективный критерій правды-справедливости. Повелительный голосъ этого закона (*ты долженъ!*) стоитъ на стражѣ нашихъ нравственныхъ поступковъ, являясь въ то же время ихъ верховной санкціей. Источникъ обязательности и необходимости морали черпается, такимъ образомъ, не изъ соображеній индивидуальнаго счастья и личнаго расчета, равно не изъ стремленій и чувствъ чисто-соціального характера, а изъ безстрастнаго и безпристрастнаго категорическаго императива, не нуждающагося въ резонахъ и въ оправданіи. Наши личные побужденія и мотивы не имѣютъ никакой цѣны, съ точки зрѣнія кантовой морали, будь то даже побужденія самаго безкорыстнаго характера. Все различіе между нравственнымъ и безнравственнымъ поступкомъ лежитъ не въ области мотивовъ, руководившихъ ими, а въ одномъ лишь подчиненіи или неподчиненіи голосу апіорнаго моральнаго закона. Даже болѣе,—нашъ нравственный поступокъ, совершенный согласно велѣнію категорическаго императива долга, тѣмъ болѣе выигрываетъ въ цѣнѣ, чѣмъ *меньше склонности мы къ нему имѣли*, т. е. чѣмъ болѣе затрудненіи намъ пришлось при этомъ преодолѣть. Принесеніе пользы обществу, служеніе счастью большинства, даже полное самоотверженіе благу ближняго не являются еще, поэтому, сами по себѣ нравственною дѣятельностью. Надо, чтобы все это имѣло мѣсто не изъ любви къ ближнимъ, не подъ вліяніемъ внутренняго чувства симпатіи и альтруизма, а изъ одного лишь подчиненія долгу ¹⁾).

Но спрашивается: *что же именно повелѣваетъ и отерывааетъ намъ апіорный нравственный законъ Канта, претендующій на такой деспотическій авторитетъ и столь безапелляціонную принудительную силу?* Очевидно, что одной императивной, но безсодержательной формулой: „*ты долженъ*“ не можетъ быть рѣшена моральная проблема, и что поэтому при всей апіорности категорическаго императива ему необходимо все же дать какое-нибудь *содержаніе*, безъ котораго не мыслима никакая нравственность. Правда, это содержаніе, по Канту, не должно быть почерпнуто изъ чувственаго опыта, которому оно логически предшествуетъ, и должно носить исключительно трансценденталь-

¹⁾ Относящіяся сюда мѣста можно встрѣтить какъ въ „Критикѣ практическаго разума“, такъ и въ вышеупомянутомъ уже сочиненіи Канта: „*Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*“. Нѣсколько позже то же самое развивалъ и *Фихте*: *Den Trieben der Sympathie, des Mitleids, der Menschenliebe zufolge zu handeln ist schlechthin nicht moralisch, sondern insofern gegen die Moral*... („*System der Sittenlehre*“, S. 199 и др.).

ный или формальный характеръ; но какой ни есть компасъ для нравственной ориентировки въ этомъ обширномъ мірѣ опыта оно все же должно намъ дать. И дѣйствительно, Кантъ формулировалъ свой нравственный законъ слѣдующимъ образомъ: „*Поступай такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ всеобщаго законодательства*“. Производный отсюда принципъ гласитъ: „*Въ порядкѣ цѣлей человекъ, а вмѣстѣ съ нимъ и каждое разумное существо, какъ носитель нравственнаго закона, есть самоцѣль, а потому поступай такъ, чтобы какъ ты самъ, такъ и личность всякаго другого не были для тебя никогда однимъ лишь средствомъ, но всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлью*“...

Такова, въ своей основѣ, пресловутая этика знаменитаго германскаго философа, къ „возвращенію“ къ которой такъ энергично и горячо въ послѣдніе годы приглашаютъ насъ нѣкоторые философы и публицисты. И дѣйствительно, казалось бы, чего же лучше. Абсолютный нравственный законъ былъ, наконецъ, найденъ, объективное мѣрило добра и зла открыто, основные принципы поведения ясно и сжато сформулированы, даже снабжены принудительной силой верховной санкціи, и оставалось лишь, не мудрствуя лукаво, принять ихъ къ свѣдѣнію и осуществлять по мѣрѣ возможности въ грѣшномъ мірѣ межчеловѣческихъ отношеній. Но не тутъ-то было. Не прошло и полустолѣтія, какъ на абсолютную нравственность Им. Канта посыпались со всѣхъ сторонъ жестокіе удары, и человѣческая мысль пустилась въ поиски новыхъ истинъ. Еще у Фихте и, въ особенности, у Гегеля замѣчается реакція противъ индивидуалистическаго духа кантовой морали. Человѣческая личность, по мнѣнію Фихте, должна смотреть какъ на себя, такъ и на другихъ не какъ на самоцѣли, а какъ на *орудіе* нравственнаго закона: „*Ich bin nur Instrument, blosses Werkzeug des Sittengesetzes, schlechthin nicht Zweck*“. У Гегеля личность уже совсѣмъ теряетъ самодовлѣющій характеръ, являясь лишь служебной частью всеобщей мировой идеи, единственнаго творца нравственности ¹⁾. Но всѣ эти поправки

¹⁾ У насъ, въ Россіи, сочиненія Канта переводятся и популяризируются, къ сожалѣнію, гораздо старательнѣе, чѣмъ сочиненія Гегеля. Меньше всего выяснено отношеніе этого послѣдняго философа къ кантовой гносеологіи и этикѣ. Гегель не могъ не выступить, съ самаго же начала своей дѣятельности, горячимъ противникомъ какъ той, такъ и другой. Ему были ненавистны и кантовскій дуализмъ, и „*die kantische gedankenlose Inkonsequenz*“, и субъективный догматизмъ, и даже кантовская „варварская терминологія“. Въ „*Феноменологіи духа*“ Гегеля можно найти настоящій діалектическій турниръ между этимъ философомъ и абсолютнымъ нравственнымъ закономъ Канта (см. нѣм. ориг. 2-te Aufl. S. 449—460). Не мало ироническихъ замѣчаній по адресу кантовой этики мы находимъ также въ XV т. его сочиненій („*Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*“ Berlin, 1836, стр. 551—619): нравственный законъ Канта,—говоритъ онъ,—„не даетъ намъ отвѣта на то, что должно быть конечной цѣлью“ человѣческой жизни, онъ пусть и формаленъ,—„холодный долгъ является чѣмъ-то въ родѣ послѣдняго неперевареннаго кома

и нововведенія были не болѣе, какъ прелиминаріями къ той коренной переоцѣнкѣ всѣхъ моральныхъ цѣнностей, къ тому глубокому кризису морали, какіе наступили къ концу первой половины истекшаго столѣтія. Усилившееся къ тому времени вліяніе позитивизма и матеріализма въ нравственной и общей философіи подорвало въ корнѣ всю гегелевскую метафизику, а вмѣстѣ съ ней и обнаружившуюся въ этикѣ тенденцію къ универсализму. Этикѣ опять пришлось спуститься съ безграничныхъ мировыхъ сферъ на прозаическую землю и здѣсь искать себѣ гдѣ-нибудь пристанища. Передовая мысль поворачивается спиной не только къ гегелевскому универсализму, но и къ этическому формализму Канта. Въ первыхъ рядахъ этой мысли мы находимъ самую разношерстную компанію, начиная съ Фейербаха и Шопенгауера и кончая Максомъ Штирнеромъ, Энгельсомъ и Марксомъ. Рядомъ съ попытками новаго обоснованія морали мы замѣчаемъ въ болѣе радикальныхъ кругахъ того времени рѣзко выраженное антиморальное движеніе, отрицательное отношеніе къ философскому идеализму и нравственной идеологіи вообще.

Въ частности, противъ нравственной доктрины Канта былъ выдвинутъ цѣлый рядъ соображеній какъ формальнаго, такъ и принципиальнаго характера, авторомъ которыхъ былъ, главнымъ образомъ, извѣстный философъ пессимизма, Артуръ Шопенгауеръ ¹⁾. Впослѣдствіи къ нему присоединились: Вильгельмъ Вундтъ, Альфредъ Фуллье и... Фридрихъ Ницше.

Первое возраженіе, — правда, чисто формальнаго, хотя и весьма существеннаго характера, — состоитъ въ томъ, что нравственный законъ Канта, претендующій на апіорное, т. е. внѣопытное происхожденіе, — подобно категоріямъ и формамъ нашего теоретическаго разума, — черпающій въ этомъ свою объективную и принудительную силу, въ дѣйствительности не имѣетъ никакого права на такое притязаніе: онъ всецѣло покоится на предположеніи о существованіи не только дѣйствующаго субъекта, носителя самого закона, но и множества другихъ подобныхъ же существъ, которыя могутъ быть намъ извѣстны изъ одного лишь чувственнаго опыта. Значитъ, нравственный законъ данъ намъ не *до* опыта, а *послѣ* него, и, слѣдовательно, теряетъ, вмѣстѣ со своею апіорностью, свою трансцендентальную необходимость и безусловную обязательность. Къ тому же, существуетъ большая разница между апіорными законами или формами нашего теоретическаго разума, имѣющими по-истинѣ безусловный и принудительный характеръ, ибо внѣ ихъ мы не въ состояніи воспринимать дѣйствительность, и якобы апіорнымъ закономъ нашего

(у Гегеля собственно: *Klotz* вмѣсто *Kloss*) въ желудкѣ“, „отравленіемъ, ниспосланнымъ разуму“, и, въ концѣ концовъ, вся кантова этика не идетъ дальше „одной пустой болтовни о морали“ (*es bleibt bei diesem Gerede von Moralität stehen*“ (S. 593).

¹⁾ „Ueber die Grundlage der Moral“, Werke III Band (Reclam's Univers.-Bibliothek).

практическаго разума, лишеннымъ всякой принудительной силы и крайне рѣдко осуществляемымъ въ дѣйствительности.

Но допустимъ, что категорическій императивъ Канта и на самомъ дѣлѣ имѣетъ апріорный или трансцендентальный характеръ, обладающій принудительной и безапелляціонной силой, и посмотримъ, что собственно должно означать выраженное имъ правило: „поступай такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ всеобщаго законодательства“? Требуется ли это правило отъ насъ какихъ-либо *положительныхъ* дѣйствій на пользу ближнихъ, или только исполненія стараго-престарога юридическаго правила: *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*, т. е. не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь. Кантъ самъ, вѣдь, говоритъ: „принципомъ всеобщаго законодательства“... Это же юридическое правило покоится на чистомъ эгоистическомъ расчетѣ и проникнуто духомъ обыкновеннаго коммерческаго *do ut des*. Того, что принято считать моралью, тутъ нѣтъ еще и слѣда. Если бы вся человѣческая нравственность исчерпывалась однимъ только подчиненіемъ этому закону, наша жизнь не знала бы ни симпатіи, ни состраданія ни безкорыстныхъ услугъ, ни самоотверженія. Тѣмъ болѣе, что второе правило кантовой морали нисколько не измѣняетъ перваго. „Какъ твоя собственная, такъ и чужая личность,—гласитъ оно,—должны быть для тебя не только средствомъ, но и цѣлью“; другими словами—уважай всегда въ другихъ человѣческую личность и не обращай ихъ въ одно лишь орудіе твоихъ желаній! Принципъ, несомнѣнно, превосходный и либеральный, несомнѣстимый съ рабствомъ и безправіемъ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ социальныхъ группъ. Но это принципъ опять-таки юридическій или, если хотите, политическій, но отнюдь не этический, требующій отъ каждаго изъ насъ чего-то иного еще, кромѣ „братства, равенства и свободы“. Къ сожалѣнію, этого „иного“ нравственная доктрина Канта намъ не даетъ, рекомендуя намъ лишь умѣренно и аккуратно пользоваться нашими законными правами, отнюдь не нарушая при этомъ правъ другихъ.

Но мало того. При ближайшемъ разсмотрѣніи апріорнаго нравственнаго закона Канта и при чтеніи тѣхъ комментаріевъ, какими онъ его сопровождаетъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ этическихъ трактатовъ, оказывается уже съ полною очевидностью, что все трансцендентальное величіе категорическаго императива основано лишь на недоразумѣніи. Въ дѣйствительности императивъ этотъ носитъ самый земной, условный и эгоистическій характеръ, обращая всю, повидимому, столь величественную и безкорыстную мораль Канта въ самую умѣренную утилитарную идеологию либеральнаго буржуа. Въ *дословномъ* переводѣ верховный нравственный законъ Канта гласитъ слѣдующимъ образомъ: „Поступай лишь согласно такому правилу, относительно котораго ты *можешь бы желать* (*von der du wollen kannst*), чтобы оно было всеобщимъ закономъ для всѣхъ разумныхъ существъ“. Но спраши-

вается: *что именно могу я желать и чего нѣтъ?* Въ самомъ этомъ законѣ отвѣта мы не находимъ, зато мы получаемъ его отъ самого Канта въ дальнѣйшемъ изложеніи его доктрины: „Очевидно,—говоритъ онъ,—что я не могу желать, чтобы, напр., ложь или обманъ были всеобщимъ закономъ, такъ какъ иначе мнѣ самому стали бы платить той же монетой“... Силлогизмъ безспорный и убѣдительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и эгоизмъ его очевиденъ.—Я не могу причинять другимъ зла, ибо первый же пострадаю отъ этого,—мотивъ узко-утилитарный, какой можно встрѣтить лишь у Бентама и противъ котораго можно выдвинуть тѣ же возраженія, какія мы уже привели въ своемъ мѣстѣ выше. А подобныхъ же мотивировокъ своего нравственного закона у Канта можно встрѣтить на каждомъ шагу, и мы опускаемъ ихъ краткости ради. „Лишь слѣдуя такому закону,—говоритъ далѣе Кантъ,—наша воля никогда не очутится въ противорѣчій съ самой собой“, т. е. не встрѣтитъ со стороны внѣшней среды чувствительнаго отпора своему слишкомъ уже разыгравшемуся эгоизму. Но для осуществленія такого закона вполне достаточно наличности прочнаго *правового порядка*, представляющаго собою равнодѣйствующую индивидуальнымъ волю и содѣйствующаго разумному компромиссу эгоистическихъ интересовъ. *Do ut des*, тебѣ немножко—мнѣ немножко, рубль за рубль, и „свободный договоръ“ заключенъ. При чемъ тутъ нравственность и зачѣмъ тутъ она? Тутъ все можетъ обойтись безъ „сантиментальныхъ увлеченій“ и крайностей, столь ненавистныхъ буржуазной психологіи¹⁾. Тѣмъ болѣе, что вышеназванный „абсолютный“ моральный законъ можетъ импонировать развѣ лишь социальнымъ слабымъ и беззащитнымъ, а не сильнымъ и могущественнымъ, которыхъ, какъ извѣстнаго героя драмы Островскаго, не только никто не обидитъ, но которые „сами всякаго обидятъ“, и притомъ—безнаказанно и безвозмездно. Воля сильныхъ, такимъ образомъ, отнюдь не очутилась бы въ противорѣчій съ самой собой, если бы желала стать исключеніемъ изъ общаго правила, что, впрочемъ, вовсе не помѣшало бы имъ съ тѣмъ болѣе рвеніемъ рекомендовать это правило всей остальной массѣ...

Итакъ, внѣчувственный и апіорный, объективный и вѣчный нравственный законъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается самою вульгарною мѣщанскою моралью, находящейся въ самомъ близкомъ духовномъ родствѣ съ узкимъ буржуазнымъ утилитаризмомъ англійской школы. Но кантовой морали не чужды утилитарныя соображенія еще болѣе сомнительнаго свойства. Ея абсолютный императивъ долга, чуждый, повидимому, всякому эвдаимонизму и призванный эмансипировать нашу нравственную

¹⁾ Правъ поэтому Георгъ Гегель, когда въ своей критикѣ кантовой морали замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „*Was moralisch ist, oder an ein System des sich verwirklichenden Geistes wird nicht gedacht... Der moralische Wille bleibt so nur ein Sollen*“... (XV Band, стр. 593).

жизнь отъ всякаго расчета личной или коллективной пользы, сулить намъ въ концѣ концовъ не болѣе, не менѣе, какъ вѣчно блаженство въ мірѣ нуменовъ. Даже тѣ маленькія добродѣтели, которыя предписываются человѣку кантовой моралью, нуждаются, очевидно, въ поощреніи, и приманка, изобрѣтаемая ею съ этой цѣлью, является дѣйствительно соблазнительной, хотя и не-сколько неоригинальной. Эта мораль,—говоритъ Шопенгауеръ,—всепѣло поκειται „auf versteckten theologischen Voraussetzungen“. Да и иначе, по его мнѣнію, не могло быть: старый теологическій духъ проникаетъ кантову мораль съ начала и до конца. Уже одно признаніе какого-то абсолютнаго и апіорнаго, безконтрольнаго и деспотическаго императива, вѣчно повелѣвающаго намъ: *ты долженъ!* является подражаніемъ декалогу. Между тѣмъ, самъ Кантъ принужденъ сознаться, что не всѣмъ и всякому присушь этотъ внутренній голосъ, и что поэтому всеобщаго значенія онъ имѣть не можетъ. Если мы дерзновенно попытаемся спросить: *ты долженъ* я долженъ? то въ отвѣтъ услышимъ предостереженіе Фихте, что такихъ вопросовъ задавать не разрѣшается, „ибо это могло бы нанести ущербъ достоинству и абсолютности самого закона“. Шопенгауеръ выражаетъ, кромѣ того, большое сомнѣніе относительно дѣйствительности „принудительной силы“ абсолютнаго императива, которому онъ приписываетъ въ общемъ хаосъ жизненныхъ страстей и интересовъ такое же вліяніе, какое могла бы имѣть „кислородная струя при тушеніи пожара“. Отсюда и возникла передъ Кантомъ необходимость обусловить свой нравственный законъ извѣстными тремя „постулатами практическаго разума“ и обѣщаніемъ безконечнаго блаженства въ загробномъ мірѣ. Но такое развѣнчаніе безусловности этого закона и контрабандное внесеніе въ его сферу эвдаимонизма (хотя бы и трансцендентнаго) есть не что иное, какъ — выражаясь словами самого же Канта — „эвгазія (т. е. тихая смерть) всякой морали“¹⁾.

Особенно яростнымъ нападкамъ подверглась, однако, та часть Кантовой морали, гдѣ нравственная цѣнность признается лишь за поступками, совершенными изъ-за одного только повиновенія долгу, а не подъ вліяніемъ чувствъ или аффектовъ. Кантъ—говоритъ В. Вундтъ—отрицаетъ за эмоціальной стороной человѣческой природы всякое моральное значеніе и считаетъ человѣка тѣмъ болѣе добродѣтельнымъ, чѣмъ менѣе у него внутренней, сердечной склонности къ добродѣтели, если только онъ все же повиноватся своему долгу.—Это апофеозъ безсердечности!—воскли-

1) По этому поводу справедливо замѣтилъ впоследствии другой философъ пессимизма, Эдуардъ фонъ-Гартманъ, что „wäre es wirklich die Aufgabe der Religion, uns die künftige Glückseligkeit zu verheissen, so wäre die Religion eine eudämonistische Verunreinigung der Moral und müsste vom moralischen Standpunkte aus verworfen und bekämpft werden.“ („Zur Geschichte und Begründung des Pessimismus“. IV: Kant als Vater des modernen Pessimismus).

цаютъ съ своей стороны Шопенгауеръ:—это—оскорбленіе всякаго истиннаго нравственнаго чувства! Противъ такого безтактнаго нравственнаго педантизма выступилъ еще Шиллеръ въ двухъ своихъ мѣткихъ эпиграммахъ, озаглавленныхъ: „*Ugrissenia societatis*“ и „*Rѣшеніе*“¹⁾. „Ближайшимъ поводомъ къ нимъ—замѣчаютъ Шопенгауеръ—послужили, кажется, нѣкоторыя какъ разъ подходящія сюда мѣста изъ „Критики практическаго разума“, какъ, напр.: „Образъ мыслей, предписывающій человѣку слѣдовать нравственному закону, долженъ быть проводимъ въ жизнь во имя долга, а не въ силу добровольной склонности или непредписаннаго, по собственной охотѣ, предпринятаго рѣшенія“... Итакъ, приказаніе должно быть! Что за рабская мораль!“—восклицаютъ съ своей стороны Шопенгауеръ²⁾.

Но больше всего досталось Канту отъ Фридриха Ницше. „Кантъ—говоритъ онъ въ своемъ „Антихристѣ“—есть продуктъ нѣмецкаго декаданса, а его мораль и категорическій императивъ „опасны для жизни“ (*lebensgefährlich*). „Добродѣтель изъ-за одного лишь респекта передъ понятіемъ „добродѣтель“, какъ того хотѣлъ Кантъ, вредна“. Добродѣтель, „долгъ“, „добро an sich“ добро, носящее характеръ безличности и всеобщей обязательности—все это мозговые фантомы, въ которыхъ выражается закатъ, конечное изнеможеніе жизни, кенигсбергская китайщина. Ничто такъ не губитъ глубже и внутреннѣе, какъ всякій бевличный долгъ, всякое принесеніе жертвы Молоху абстракціи. И какъ это въ категорическомъ императивѣ Канта не почувствовали чего-то, что угрожаетъ жизни!.. Одинъ лишь истиннѣе теологовъ взялъ его подъ свою защиту!.. Дѣяніе, къ которому принуждаетъ насъ истиннѣе жизни, имѣть въ удовольствіи своемъ доказательство того, что оно правое дѣяніе: а тотъ нигилистъ съ христіанско-догматическими потрохами понималъ удовольствіе, какъ *возраженіе*... Но что разрушаетъ скорѣе, какъ не—работать, мыслить, чувствовать безъ внутренней необходимости, безъ глубоко-личнаго призванія, безъ наслажденія, какъ автоматъ „долга“? Вѣдь, это прямой рецептъ къ декадансу, даже къ идиотизму... Кантъ и сдѣлался идиотомъ. И это былъ современникъ Гёте! Это паучье отродье слыло за *нѣмецкаго* философа,—слыветъ еще и теперь!.. Въ заключеніе пытался Кантъ еще обосно-

1) Вотъ эти эпиграммы, находящіяся другъ съ другомъ въ логической связи:

1) *Gewissensscrupel.*

„Gerne dien'ich den Freunden, doch thü'ich es leider mit Neigung,
„Und so warnet es mir oft, dass ich nicht tugendhaft bin“.

2) *Entscheidung.*

„Da ist kein anderer Rath, du musst suchen, sie zu verachten,
„Und mit Abscheu alsdann thun, wie die Pflicht dir gebet“...“

2) См. еще пространную критику кантовой морали у Альфр. Фуллера: „*Critique des systèmes de morale contemporains*“, р. 127—248. Эта книга существуетъ, кажется, въ русскомъ переводѣ.

вать научно (verwissenschaftlichen) свои постулаты „практическаго разума“: онъ спеціально изобрѣлъ особый разумъ на тотъ случай, когда о разумѣ не надо думать, а именно, когда провозносится возвышенное требованіе—„ты долженъ“...

Мы привели здѣсь дословно эту холерически-гнѣвную выходку Ницше противъ Канта, такъ какъ хотѣли обратить вниманіе читателя на отношеніе къ кантовой морали со стороны одного изъ рѣшительнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ „переоцѣнителей всѣхъ цѣнностей“,—нравственныхъ въ особенности. Фридрихъ Ницше нѣкоторыми частями своихъ твореній можетъ быть по справедливости названъ однимъ изъ геніальнѣйшихъ вождей современной передовой мысли, выразителемъ ея борьбы противъ вѣковѣчныхъ предрассудковъ и ея завѣтнѣйшихъ исканій. Не давая намъ, за самыми незначительными исключеніями, никакихъ положительныхъ идеаловъ и даже отворачиваясь отъ тѣхъ, которыми только и жива наша нищенски-убогая общественная жизнь, Ницше, съ другой стороны, осмѣлился поднять свой „молотъ“ противъ такихъ авторитетовъ (исторіи и отвлеченной мысли), съ которыми принято было кокетничать даже въ средѣ самыхъ „ортодоксальныхъ“ современныхъ радикаловъ, обвиняющихъ этого философа-поэта въ „буржуазности“. Реакціонеръ въ одномъ отношеніи, революціонеръ въ другомъ, этотъ—по нашему мнѣнію—„деклассированный“ (dégasiné), этотъ непризнанный „своимъ“ ни однимъ изъ современныхъ взаимно-борющихся классовъ, сыгралъ выдающуюся роль въ глубокомъ кризисѣ и эволюціи современной этики, расчистивъ почву отъ всевозможныхъ закоренѣлыхъ предрассудковъ и недоразумѣній. „Мнѣ принадлежитъ не завтра, а послѣзавтра“,—говорилъ Ницше, и въ этомъ его заблужденіе. Будущее отвернется отъ него точно такъ-же, какъ и онъ отвернулся отъ него, бросая камнями на лучшихъ его сегодняшнихъ работниковъ. Будущее будетъ принадлежать ему столь же мало, сколь мало оно будетъ имѣть общаго съ тѣми мертвымъ уже и сегодня „интеллектуально-моральнымъ“ и прочимъ индивидуализмомъ, гальванизировать который такъ бесплодно стараются—зачастую просто лишь по недоразумѣнію—нѣкоторые, даже передовые, современные мыслители и публицисты. Но въ колоссальной отрицательной работѣ *сегодняшняго* дня голосу Ницше принадлежитъ свое почетное мѣсто въ общемъ хорѣ, хотя бы ужъ за его коренную и обстоятельную переоцѣнку тѣхъ моральныхъ цѣнностей, которыя мы получили по наслѣдству, съ одной стороны, отъ древняго римско-іудейскаго Lumpenproletariat'a, съ другой—отъ болѣе близкаго къ намъ tiers-état, т. е. отъ мыслителей и идеологовъ либеральной европейской буржуазіи. Съ этой точки зрѣнія, и вышеприведенное мѣсто изъ Ницше противъ Канта получаетъ для насъ особенное, *симптоматическое* значеніе и смыслъ. Свою не-буржуазность Ницше, какъ нельзя лучше, доказалъ своей какой-то дикой и яростно-непримиримой ненавистью къ буржуазнымъ (какъ и къ феодально-средневѣковымъ) мораль-

нынѣ цѣнностямъ. Правда, его собственныя отчаянныя попытки и усилія вырваться изъ оковъ мертвшаго индивидуализма и найти себѣ внѣ самодовлѣющей „личности-самоцѣли“, — этого божка традиціонной идеологии, — какую-либо точку опоры и конечный идеалъ — окончились, можно сказать, ничѣмъ. Выше и *онъ* индивидуальнаго, человѣческаго я его гениально-проницательный, но заблудшій въ своемъ направленіи духовный взоръ не могъ открыть ничего больше, кромѣ идеальнаго, грядущаго сверхчеловѣка. „Нѣтъ, — говорилъ онъ, — человѣкъ не можетъ быть конечной или самоцѣлью“; наоборотъ, „человѣкъ есть нѣчто, что должно быть превзойдено“, онъ есть не болѣе, какъ „мостъ“ къ чему-то высшему и лучшему, въ чемъ и кроется весь смыслъ и все оправданіе нашей жизни. Но что такое, въ дѣйствительности, этотъ „*Uebergangensch*“, какъ не то же индивидуальное, человеческое я, достигшее болѣе высокой ступени своего развитія и самодовольно на ней застывшее? Ибо о томъ, чтобы и сверхчеловѣкъ былъ, въ свою очередь, „мостомъ“ къ чему-то еще болѣе высокому, Ницше нигдѣ не заикается. Даже болѣе: тѣ конкретныя черты, какими онъ тамъ и сямъ надѣляетъ своего идола, и тѣ социальныя условія, при которыхъ онъ считаетъ возможнымъ его существованіе и торжество, отрываютъ передъ нами, во всей наготѣ, его „слишкомъ человѣчскій“ образъ, являющійся скорѣе угрозой, чѣмъ идеаломъ, какъ индивидуальнаго, такъ и социальнаго развитія. Къ этому субъекту можно съ такимъ же правомъ, какъ и къ носителямъ идеи *третьяго* сословія, примѣнить знаменитое пророчество самого Ницше о томъ, что „придетъ время, когда человѣкъ не сможетъ бросить стрѣлу своей тоски *за пределы* *человѣка*, и тетива его лука разучится натягиваться“.

Шопенгауеръ еще раньше Ницше пытался разгадать *mysterium magnum* нравственной проблемы и дать ей анти-индивидуалистическое обоснованіе, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, и эта попытка не дала никакихъ положительныхъ результатовъ, — наоборотъ, закончилась крайне пессимистическимъ аккордомъ. — Да, говорилъ Шопенгауеръ, человѣческая воля подчиняется *закону*, и притомъ неукоснительно и неизбежно, но этотъ законъ, его существованіе можно строго доказать, онъ ненарушимъ, не знаетъ исключеній, и принудительная сила его гораздо болѣе категорическаго императива Канта. Это — *законъ мотивации*. Мотивы, которыми подчиняется наша воля, бываютъ самые разнообразныя, но ихъ всѣхъ можно свести къ двумъ лишь категориямъ: 1) мотивы корыстныя, эгонистическія, и 2) мотивы безкорыстныя, альтруистическія. Критерій нравственности слѣдуетъ поэтому искать лишь въ этой сферѣ. Нравственнымъ мы будемъ называть тотъ поступокъ, который вытекаетъ изъ альтруистическихъ мотивовъ, хотя бы въ его результатахъ оказался почему либо и вредъ для ближняго. И, наоборотъ, безнравственнымъ является всякій поступокъ, руководимый корыстной цѣлью, хотя бы онъ и оказался полезнымъ другимъ людямъ. Но чѣмъ объясняется и

оправдывается существованіе такихъ не-эгоистическихъ мотивовъ, въ чемъ ихъ логически-принудительная сила? Почему одна личность должна жертвовать собой для другой или другихъ и становиться, такимъ образомъ, орудіемъ, хотя бы сознательнымъ и добровольнымъ, чужого счастья и постороннихъ интересовъ?

По справедливому замѣчанію Шопенгауера, эти послѣдніе вопросы затрагиваютъ самую „святую святыхъ“ и „великую тайну“ этики, разгадывать которую хотя и страшно трудно (*entsetzlich schwer*), но не невозможно и крайне необходимо. И дѣйствительно Шопенгауеръ, съ своей стороны, сдѣлалъ великій шагъ къ уразумѣнію нравственныхъ основъ человѣческой жизни и къ освобожденію ихъ отъ индивидуализма. Но сама нравственная проблема и имъ рѣшена не была, или, по крайней мѣрѣ, его рѣшеніе не удовлетворило передовой мысли, не успокоило тревожной совѣсти. Въ защиту корысти и эгоизма—говоритъ Шопенгауеръ—можно привести лишь доводы, заимствованные изъ чисто-поверхностнаго, *эмпирическаго* міросозерцанія, знающаго лишь простую механическую сумму индивидовъ, обособленныхъ другъ отъ друга въ пространствѣ и самодовлѣющихъ по своимъ цѣлямъ. Каждый самъ по себѣ и для себя, а весь остальной міръ одно сплошное и безразличное *не-я*, существующее лишь для того, чтобы служить орудіемъ индивидуальныхъ, якобы „единственно-реальныхъ“ цѣлей и интересовъ. Но такой взглядъ крайне поверхностенъ и наивенъ. Одни лишь чувственные данныя не въ состояніи дать намъ понятіе объ истинной природѣ личности, о внутреннемъ существѣ человѣческаго *я*. Послѣднее познаетъ себя только какъ явленіе, и его объективная сущность остается ему, такимъ образомъ, неизвѣстной. Но спрашивается: на чемъ покоится всякая множественность и количественное разнообразіе существъ? Исключительно на формахъ нашего воспріятія—времени и пространствѣ, являющихся важнѣйшимъ *principium individuationis*, скрывающимъ отъ насъ *субстанціальное единство* всего сущаго, лишь манифестирующее себя въ видѣ множественности. Это міровоззрѣніе мы находимъ уже въ индійскихъ упанишадахъ, въ ученіи элеатской школы, у сожженнаго за него Джордано Бруно, у Спинозы: оно уничтожаетъ различіе между *я* и *не-я*, представляющее собою не что иное, какъ обманъ чувствъ, миражъ, или по-индусски „*майя*“, и даетъ теоретическое оправданіе самоотверженію и добру. Состраданіе, любовь къ людямъ и даже ко всему живому вообще, безкорыстіе и самоотверженіе объясняются простотвѣмъ, что все, въ сущности, *едино* и солидарно. Эгоизмъ близорукъ, вульгаренъ и убогъ; альтруизмъ ближе къ метафизической природѣ вещей, онъ ясновидящъ, великъ и силенъ. Въ душѣ высоконравственной личности всегда звучитъ голосъ всеобщаго, вѣчнаго, едино-реальнаго, диктующаго ей правила любви и самоотверженія. Но въ основѣ любви лежитъ состраданіе, жалость ко всему живому, обреченному на вѣчное страданіе. Сущность міра есть воля, безпокойная и не-

утомимая, по самой своей природѣ, обрекающая все существующее на вѣчное, неутѣшимое страданіе. Отсюда вытекаетъ и верховная максима личнаго поведенія: „Verneine den Willen zum Leben“, т. е. *отрицай волю къ жизни*. Естественнымъ послѣдствіемъ такого принципа является безусловное самоотверженіе и аскетизмъ. Шопенгауеръ съ умиленіемъ перечисляетъ требованія индусской этики, предписывающей каждому: любовь къ ближнему вплоть до полнаго самоотреченія, любовь не только къ людямъ, но и къ животнымъ, благотворительность, доходящую до отдачи своего послѣдняго дневнаго заработка; безграничное терпѣніе по отношенію ко всякимъ оскорбителямъ; воздаяніе зла, какъ бы ужасно оно ни было, добромъ; добровольное и радостное вынесеніе всяческаго позора, воздержаніе отъ животной пищи; строгое цѣломудріе и отказъ отъ всякихъ удовольствій; отреченіе отъ собственности, жилища и родныхъ, полное одиночество, проводимое въ сосредоточенномъ созерцаніи, съ эпитиміями и самостязаніями, полное умерщвленіе воли, не останавливающееся передъ добровольной смертью съ голоду или намѣренной встрѣчей съ крокодилами и т. д. ¹⁾

Такимъ образомъ, послѣднее слово и конечная цѣль Шопенгауеровской этики есть *Нирванна*, т. е. полное уничтоженіе всякой жизни, а следовательно, и нравственности. Такое рѣшеніе нравственной проблемы могло отвѣчать настроенію духовно отжившей общественной силы, потерявшей уже вѣру въ будущее, но никогда не было въ состояніи послужить отправнымъ моментомъ ни коренной реформы морали, ни этического обоснованія новыхъ социальныхъ алкавій и надеждъ. Правда, и Шопенгауеръ, подобно Ницше, пытался, было, найти выходъ изъ мертвящаго буржуазнаго индивидуализма въ какомъ-либо сверхличномъ принципѣ, внѣ самодовлѣющаго и самоцѣльнаго я, обожествленнаго кантовой этикой. Въ *principium individuationis* онъ уже нашелъ, было, коренное теоретическое недоразумѣніе всякаго индивидуализма и эгоизма, препятствующихъ человѣческой личности познать и почувствовать себя органической частью чего-то цѣлаго, въ которомъ одномъ она должна видѣть свою конечную цѣль, свой смыслъ и законъ. Но—увы!—давая индивиду одной рукой прибрежище и опору въ чемъ-то великомъ, сверхъ-индивидуальномъ и общемъ, Шопенгауеръ тутъ же другой рукой низвергаетъ это общее съ его пьедестала, провознося противъ него проклятія и требуя отъ насъ „отвращенія (Abscheu) къ тому существу, выраженіемъ котораго мы являемся, т. е. къ воли жить, этой основной сущности нашего плачевнаго міра“. При такихъ условіяхъ, и приглашенія его „любить ближняго“ оставляютъ насъ равнодушными, ибо что же на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ любить намъ въ этомъ „ближнемъ“, если его метафизическая сущ-

¹⁾ См. „Die Welt als Wille u. Sorstellung“, Univ. Bibl., S. 481—498, а также „Die Grundprobleme der Ethik“, B. III, S. 645—652.

ность есть не что иное, какъ та же воля жить, противъ которой вся мораль Шопенгауера объявляетъ войну не на жизнь, а на смерть. Не даромъ такъ часто повторяетъ этотъ философъ, что „alle Liebe ist Mitleid“, и въ *состраданіи*, ко всѣмъ и ко всему на свѣтѣ, усматриваетъ основной мотивъ моральныхъ дѣяній. „Истинное, чистое содержаніе морали“ онъ формулируетъ слѣдующимъ положеніемъ: „*Neminem laede, imo omnes quantum potes juva*“, т. е. никому не вреди и помогай каждому, сколько можешь. Тутъ мы имѣемъ все нравственное безразличіе буддистской морали. *Никому* не вреди, даже крокодилу, который грозитъ сожрать тебя или близкаго тебѣ; помогай, по мѣрѣ твоихъ силъ, *каждому*, даже самому заклятому врагу правды и справедливости! Все и всѣ достойны нашего состраданія, ибо все является одинаково-несчастной жертвой универсальнаго начала сего міра—*воли жить*...

Неудивительно, что и отъ этой морали отвернулось все, что только есть живого и сильнаго въ человѣчествѣ. Въ Фридрихъ Ницше и эта мораль нашла себѣ самаго яростнаго и непримиримаго противника. Какъ ни любилъ онъ въ первый періодъ своего развитія этого великаго буддиста культурнаго Запада, все же онъ совѣтовалъ намъ искать „новыхъ философовъ, способныхъ дать начало противоположной моральной оцѣнкѣ“. „Есть апостолы смерти,—писалъ по этому поводу Ницше,—и земля полна людьми, которымъ нужна проповѣдь отвращенія къ жизни. Они охотно желали бы быть мертвыми, и мы должны одобрить волю ихъ. Будемъ же остерегаться, чтобы не воскресить этихъ мертвыхъ и не повредить эти живые гробы!“...

Но передовая мысль истекшаго столѣтія отвернулась не только отъ пессимистической морали *состраданія*, провозглашенной или, вѣрнѣе, реставрированной Шопенгауеромъ, но и отъ другой, почти одновременно съ ней возникшей морали чистаго *альтруизма* или „туизма“, горячимъ апостоломъ которой явился жизнерадостный позитивистъ Фейербахъ. Буржуазная идеологія сдѣлала еще разъ попытку самопреодоленія и излеченія себя отъ наследственнаго порока—индивидуализма, но съ тѣмъ лишь, чтобы, истощивъ свои послѣднія силы, еще рѣшительнѣе отрѣшиться отъ всего сверхъ-индивидуальнаго, общественаго и универсальнаго и впасть въ состояніе эготического *delirium tremens*. Фейербахъ стоитъ въ началѣ этого недолгаго процесса, Максъ Штирнеръ въ его концѣ. Фейербахъ думалъ найти спасеніе отъ самодовлѣющаго, бесплоднаго и пустого я въ чужой личности или въ ты. „Der Mensch ist dem Menschen das höchste Wesen“, говоритъ Фейербахъ, формулируя этими словами основной принципъ чистой альтруистической морали. Мы говоримъ „чистой“, ибо исторія знаетъ и нечистый альтруизмъ, предписывавшій любовь къ ближнимъ, какъ средство достиженія *собственнаго* же вѣчнаго блаженства, являющагося здѣсь, такимъ образомъ, истинной конечной цѣлью. Альтруистическая мораль

Фейербаха не могла имѣть съ этой теологической моралью ничего общаго, хотя бы ужъ по тому одному, что Фейербахъ былъ позитивистъ и не могъ прельщать личность перспективами вѣчнаго блаженства. Нѣтъ, чистый или истинный альтруизмъ не признаетъ никакихъ личныхъ цѣлей: его конечная цѣль это *ты*, индивидуальныя интересы всякой другой личности, *но не моей*. Такимъ образомъ, Фейербахъ отрицалъ нравственную законность однихъ лишь *личныхъ* интересовъ, но не *индивидуальныхъ*, и тѣмъ самымъ попалъ въ очевидное, совершенно непримиримое, внутреннее противорѣчіе, *contradictio in adjecto*. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, если мое личное счастье не имѣетъ, съ точки зрѣнія альтруистической морали, никакой цѣны, то спрашивается: почему же чужое личное счастье не только можетъ, но и должно быть конечной цѣлью моей нравственной дѣятельности? Чѣмъ чужое счастье выше и лучше моего? Неужели лишь тѣмъ однимъ, что оно *чужое*, хотя бы въ дѣйствительности оно, можетъ быть, и было тѣмъ „счастьемъ свиньи“, о которомъ говоритъ въ своей этикѣ Дж. Ст. Милль? Если интересы моего я не имѣютъ моральной санкціи и должны быть принесены въ жертву „ближнему“, то спрашивается: по какому праву и въ силу какой логики интересы чужого я не только нравственно-довлѣющи, но и еще могутъ притязать на мое полное самоотверженіе?.. Но еще большее внутреннее противорѣчіе получается на практикѣ. Если я обязанъ жертвовать собою ради интересовъ своего ближняго и пожелаю привести эту обязанность въ исполненіе, то тѣмъ самымъ покушусь на его собственную нравственность, ибо и этотъ ближній, вѣдь, хочетъ быть альтруистичнымъ, т. е. ничего не хочетъ „для себя“, а тѣмъ болѣе не пожелаетъ для себя и моего самоотверженія. Онъ самъ хочетъ и рѣшилъ принести жертву, а не принимать ея отъ другихъ. Навязывая ему мою жертву, я лишь отягчаю его нравственную совѣсть и торможу и безъ того ужъ не легкое дѣло моральнаго самосовершенствованія. Одинъ лишь заядлый эгоистъ приметъ съ горячностью мои и чужія жертвы, но тогда стоитъ ли навязывать нравственности столь сомнительную и прямо-таки безнравственную миссію — потворствовать и служить человѣческому эгоизму? Но допустимъ, что такихъ эгоистовъ не найдется, и что всѣ станутъ альтруистически самоотвергаться ради своихъ ближнихъ, ничего не желая для себя и все для другихъ. Въ результатѣ получится, что никому нельзя будетъ поступать нравственно и приносить жертвы, ибо никто не захочетъ принять этихъ жертвъ и служенія себя со стороны „ближнихъ“. Всѣ я будутъ горѣть жаждою принести себя въ жертву чужому счастью, но не найдется ни одного *ты*, которое согласилось бы на такую жертву. И тогда каждый *по-неволѣ* станетъ служить лишь *самому себѣ*, своему я, и весь міръ погрузится въ безнравственность — *вслѣдствіе торжества нравственности*, и притомъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда нравственный идеалъ альтруистической морали оказался бы вполне осуществленнымъ!

Къ такому фатальному *reductio ad absurdum* приводитъ всякій „туизмъ“, всякая альтруистическая нравственность. Она полна внутреннихъ противорѣчій и недоразумѣній, на которыя указалъ, между прочимъ, все тотъ же Фридрихъ Ницше, когда онъ писалъ въ своемъ „Also sprach Zarathustra“:

„Вы жметесь къ ближнему, и есть у васъ красивыя названія для этого; но я насковъ вижу ваше „бескорытіе“. Ты старше, чѣмъ я; ты объявлено святымъ, но не я: такъ жметя человекъ къ ближнему... „Ближній“ хвалитъ бескорытіе потому, что извлекаетъ изъ него выгоду. Если-бы ближній былъ бескорытенъ, онъ отклонялъ бы отъ себя чужой ущербъ. Мотивы этой морали находятся въ противорѣчій съ ея принципомъ.

„Выше, чѣмъ любовь къ ближнему, есть любовь къ дальнему и грядущему; выше еще, чѣмъ любовь къ людямъ, считаю я любовь къ призракамъ.—Вотъ этотъ призракъ, что мерцаетъ предъ тобою, братъ мой, прекраснѣе, чѣмъ ты; почему ты не пожертвуешь ему своимъ мясомъ и своими костями? Будущее и дальнее да будетъ причиною твоего сегодня... Братья мои, любовь къ ближнимъ я не проповѣдую вамъ: я совѣтую вамъ любовь къ дальнимъ“... ¹⁾.

Въ лицѣ Фейербаха альтруизмъ имѣлъ самаго славнаго апостола, но и послѣдняго. Послѣдовательнѣйшій и смѣлѣйшій апостолъ индивидуализма, Каспаръ Шмидтъ (онъ же Максъ Штирнеръ) подвергъ его самому жестокому остракизму во имя все

¹⁾ „Самоубійственность“ послѣдовательнаго альтруизма доказываетъ также и недавно скончавшійся Гербертъ Спенсеръ въ своемъ трактатѣ о нравственности: „Здѣсь требуется, — говоритъ онъ, между прочимъ, — совершенно невозможная комбинація нравственныхъ свойствъ. Согласно гипотезѣ, каждый такъ мало думаетъ о себѣ и такъ много о другихъ, что охотно жертвуетъ своими собственными удовольствіями для доставленія удовольствій другимъ. Но если эта черта характера оказывается свойственной всѣмъ и каждому, и если дѣятельность всѣхъ и cadaгда находится въ постоянномъ согласіи съ нею, то въ такомъ случаѣ мы должны представлять дѣло такъ, что каждый оказывается адѣсь не только жертвователемъ, но и принимающимъ чужихъ жертвъ. Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать чистый альтруизмъ возможнымъ для всѣхъ безъ исключенія, каждый долженъ быть вмѣстѣ и чрезвычайно неэгоистичнымъ, и чрезвычайно эгоистичнымъ. Какъ жертвователю, онъ долженъ не думать о себѣ, какъ получатель, онъ долженъ не думать о другихъ. Очевидно, что для этого требуется совершенно немислимая душевная организація“... Заключение, которое дѣлаетъ отсюда Герб. Спенсеръ, является самымъ откровеннымъ *profession de foi* буржуазной морали: „Слѣдовательно,—пишетъ онъ,—эгоизмъ и альтруизмъ равносущны (co-essential), а необходимость компромисса между ними доказана съ достаточной очевидностью. Мы вынуждены признать, что свое собственное благополучіе имѣетъ права, которыя должны уважать каждый“ и т. д., и т. д., словомъ: другимъ помогай и себя не забывай!.. На нашемъ протонародномъ языкѣ такая „мораль“ давно уже нашла свое истинное выраженіе въ извѣстной поговоркѣ: „Совѣсть соблоти и капиталъ пріобрѣсти“. Такова, но Спенсеру, не только уже возможная, но и наиболѣе идеальная „комбинація нравственныхъ свойствъ“...

того же самоцѣльнаго и самодовлѣющаго я, но ужъ на сей разъ выступившаго во всей своей нравственной наготѣ. Штирнеровское я это даже не тотъ „верховный индивидуумъ, отъ нравственности правовъ освобожденный, автономный, сверхнравственный“ и т. д., о которомъ мечталъ Ницше. Нѣтъ, это просто послѣдній и наиболѣе чистый, ибо наиболѣе послѣдовательный, продуктъ буржуазной идеологii, съ ея индивидуализмомъ и субъективизмомъ въ этикѣ, съ ея апіоризмомъ и солипсизмомъ въ философіи. Единственно реальна, достовѣрна и всеобъемлющая—моя собственная личность; все остальное сомнительно, иллюзорно, не болѣе, какъ абстракція, Spuk. Абстракція не только „общество“, „человѣчество“, или тамъ какая-то еще болѣе универсальная всеобщность; нѣтъ, абстракція даже самъ этотъ „ближній“, служить которому приглашаетъ насъ альтруистическая этика. Если общество и человѣчество не болѣе, какъ механически связанная сумма индивидовъ, если религія и ея образы не болѣе какъ „призраки“, а весь необъятный міръ, въ сущности, продуктъ творческихъ особенностей моего я, то и „долгой все то, что не касается меня лишь одного“. „Вы думаете, — говоритъ Штирнеръ, — что мое личное дѣло должно быть, по крайней мѣрѣ, „хорошимъ дѣломъ“? Но что хорошо, что худо? И то, и другое не имѣетъ для меня ровно никакого смысла. Mir geht nichts über mich!“ Во имя своего я Штирнеръ отрицаетъ не только религію, но и мораль, не только конституціонное государство, но даже и самую совершенную демократію, не только коммунизмъ, но и всяческіе налоги, ибо и послѣдніе-де наносятъ ущербъ собственности, а Штирнеръ хочетъ имѣть во что бы то ни стало „всю свою собственность“, свою абсолютную собственность...

Но отъ Фейербаха, — точнѣе, отъ его морали, — отвернулись не только отживающія силы, но и новыя, нарождающіяся. Марксъ и Энгельсъ, какъ мы увидимъ ниже, не приняли альтруистической морали, несмотря на большое вліяніе на нихъ, оказанное этимъ философомъ. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „*Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen Philosophie*“ Энгельсъ не мало иронизируетъ надъ своимъ былымъ учителемъ за его альтруистическую „любовь къ ближнему“, „эту старую погудку, всеобщій примиряющій хмель (ein allgemeiner Verböhnungsdusel), благодаря которому исчезъ изъ фейербаховской философіи послѣдній остатокъ революціоннаго настроенія“. Повднѣйшіе трактаты по этикѣ и попытки построенія новыхъ моральныхъ системъ не только не взяли подъ свою защиту альтруистической системы морали, но, наоборотъ, добились ея, такъ сказать, окончательнаго вниманія, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ извѣстная „Этика“ Вильгельма Вундта. „Если мое собственное я, — читаемъ мы тамъ на стр. 497 (второго нѣм. изданія), — не есть конечная цѣль нравственности, то непонятно, почему другое я должно быть таковою. Равнымъ образомъ, не иначе обстоитъ дѣло, если мы имѣемъ въ виду не одного, а мно-

гихъ отдѣльныхъ субъектовъ. Изъ однихъ лишь нулей нельзя составить никакой величины. Если индивидуальное чувство счастья не имѣетъ никакой моральной цѣны, то не имѣетъ его и чувство счастья многихъ или всѣхъ“. Далѣе, Вундтъ справедливо замѣчаетъ, что альтруистическая любовь къ ближнимъ можетъ во многихъ случаяхъ оказаться прямо-таки вредной обществу, ибо для нея всѣ равны, всѣ—ближніе, подобно тому, какъ мы это уже видѣли на примѣрѣ буддійской морали. „Альтруизмъ,—говоритъ онъ,—подобно вульгарному эгоизму, очень часто ведетъ къ эксплуатаціи болѣе общихъ интересовъ въ угоду индивидуальнымъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе ограниченнымъ цѣлямъ“. Эти слова невольно напоминаютъ подобный же приговоръ надъ альтруизмомъ, сдѣланнымъ Ницше: „Die Ferneren sind es, welche eure Liebe zum Nächsten bezahlen“, т. е. „за вашу любовь къ ближнему приходится отплачиваться дальнимъ“. И почему? Да просто потому, что альтруизмъ, страдающій обычной близорукостью индивидуализма, изъ-за деревьевъ не замѣчаетъ лѣса, изъ-за индивидуальныхъ интересовъ — *общественнаго блага*, которое далеко не всегда совпадаетъ съ субъективными интересами или „счастьемъ“ такъ наз. „ближняго“, даже большинства „ближнихъ“, а наоборотъ — сплошь и рядомъ имъ противорѣчить, сливаясь скорѣе ужъ съ интересами „дальнихъ“ и „грядущихъ“...

Какъ бы тамъ, однако, ни, было, но подводя итоги всему сказанному выше объ этическихъ системахъ первой половины истекшаго столѣтія, мы приходимъ къ крайне печальнымъ выводамъ. Всѣ, даже самыя гениальныя, попытки индивидуалистической идеологіи и буржуазной мысли создать прочную и удовлетворительную систему нравственности закончились полнѣйшей неудачей, и сами эти системы рушились, какъ карточные домики, подъ первымъ дуновеньемъ критики. Во всю вторую половину того же вѣка мы не замѣчаемъ уже болѣе ни одной, хоть сколько-нибудь оригинальной и выдающейся изъ ряда попытки созданія новой нравственной системы, хотя мы и находимъ въ этомъ періодѣ цѣлый рядъ крайне цѣнныхъ трудовъ по этикѣ, начиная съ Герберта Спенсера и кончая Вундтомъ. Оставляя въ сторонѣ такіе труды, посвященные преимущественно или исключительно *эволюціи морали*, во всѣхъ остальныхъ мы находимъ или безцѣльное повтореніе стараго, или самый безпардонный электизмъ и оппортунизмъ мысли, доходящій даже до стремленія примирить евангельскую мораль съ Ницше (см. модную теперь „*Систему нравственнаго сознанія*“ Людвигъ Вольтмана). Болѣе адровые слои буржуазіи и такъ наз. интеллигенція стали пробавляться въ своей жизни и дѣятельности всяческими этическими „суррогатами“, довольствоваться половинчатыми рѣшеніями или успокаиваться на компромиссахъ, не выдерживающихъ критики. Таковы были, напр., переходящія увлеченія русской интеллигенціи писаревской моралью „разумнаго эгоизма“ или народнической

моралью „уплаты долга народу“, нашедшую свое краснорѣчивое выраженіе въ соотвѣтственной литературѣ семидесятыхъ годовъ. Увлекалась наша интеллигенція немножко и утилитаризмомъ, преклонялась при случаѣ и предъ альтруистической моралью, но, въ общемъ, руководилась въ своей жизни не столько опредѣленными этическими взглядами, сколько здоровыми и сильными социальными инстинктами, ставившими ее нерѣдко даже въ противорѣчіе съ исповѣдуемой ею на словахъ моралью, какъ бы подтверждая этимъ извѣстные слова изъ „Фауста“:

„Человѣкъ во тьмѣ идетъ порою,
„Но истину въ душѣ предвидитъ онъ“...

Что касается огромнаго большинства европейскихъ культурныхъ классовъ и зажиточной буржуазіи, то тутъ можно было наблюдать лишь ярко выраженный процессъ нравственнаго декаданса и отреченія отъ всякихъ вѣрованій и принциповъ. Историческая роль этихъ слоевъ общества была сыграна, и они тщетно взмахивали крыльями и металась отъ одного моднаго „евангелія“ къ другому, — нравственнаго выздоровленія и возрожденія отъ этого не воспользовало. Въ извѣстномъ романѣ Генриха Сенкевича: „Безъ догмата“, какъ нельзя лучше изображенъ этотъ мучительный процессъ духовнаго безсилія и нравственнаго разложенія культурныхъ классовъ, обнаружившійся съ особенной яркостью къ пресловутому „концу вѣка“. „Новѣйшій продуктъ подходящей къ концу эпохи, — читаемъ мы въ этомъ романѣ, — это изъанализировавшіеся скептики и историки, въ чьихъ душахъ великое ничто, а въ крови великій неврозъ“. „Нашъ скептицизмъ — заявляетъ главный герой романа (Плошовскій) — не открытое отрицаніе: это скорѣе болѣзненное и мучительное подворѣніе, что, можетъ быть, ничего нѣтъ; это густая мгла, которая окружаетъ нашу голову и закрываетъ свѣтъ отъ нашихъ глазъ“... Но Плошовскій еще одинъ изъ лучшихъ; несмотря на свое кажущееся самодовольство, онъ боленъ неизлѣчимой и неутишливой грустью, доходящей порою до глухого, но крайняго отчаянья. „Ахъ, если-бъ я зналъ, — восклицаетъ онъ напр. въ одну изъ такихъ минутъ, — что какой-нибудь мой взглядъ, какое-нибудь убѣжденіе, какое-нибудь правило устоитъ противъ завтрашняго и послѣзавтрашняго дуновения скептицизма, я ухватился бы за него обѣими руками, создалъ бы изъ него свою религію и поплылъ бы на всѣхъ парусахъ; при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, вмѣсто того, чтобы блуждать во мракѣ и пустотѣ“. Въ этомъ отношеніи Плошовскій напоминаетъ намъ отчасти разочарованныхъ, самотеразующихъ и пессимистическихъ героевъ, выведенныхъ Полемъ Вурже въ своихъ романахъ перваго періода. Всѣ они хотѣли бы во что-то вѣрить, отдаться всею душою чему-то высшему, святому, найти какой-либо „догматъ“ или хоть бы какое-нибудь твердое правило поведенія, но это хотѣніе ихъ такъ и остается неосуществленнымъ. И было бы несправедливо бросать

въ нихъ за это камнемъ. Виною этому являются, съ одной стороны, общія условія существованія той среды, къ которой принадлежать эти „герои“, съ другой—то именно *моральное междуцарствіе*, тотъ всеобщій кризисъ нравственныхъ принциповъ и идеаловъ, который мы вкратцѣ охарактеризовали выше. Не однимъ лишь Плосовскимъ бываетъ трудно въ настоящее время найти такое „правило“, которое способно было бы устоять „противъ завтрашняго и послѣзавтрашняго дуновения скептицизма“, ибо такихъ твердыхъ и опредѣленныхъ правилъ и критеріевъ добра и зла наше время еще не выработало и не знаетъ. Мы всѣ толчемся растерянные по пыльнымъ развалинамъ буржуазной и другой, еще болѣе старой и отжившей, идеологій; въ нетерпѣливыхъ поискахъ „невѣдомаго бога“ реставрируемъ попутно старыхъ, съ тѣмъ, чтобы измѣнить имъ на другой же день, и радуемся, если живое, непосредственное чувство впрягаетъ насъ въ полезное общественное дѣло, спасающее насъ отъ мучительной и изнуряющей рефлексіи. Но это не означаетъ еще того, что рефлексія эта, сама по себѣ, бесполезна и незаконна. Современный моральный кризисъ долженъ же, наконецъ, разрѣшиться какимъ-либо положительнымъ рѣшеніемъ нравственной проблемы, и надъ истрепаннымъ хламомъ буржуазной идеологій — восіять какой-либо новый идеалъ. Но для этого необходима упорная работа мысли, необходимы критика и рефлексія. Половинчатыми рѣшеніями или непосредственнымъ моральнымъ чувствомъ нельзя надолго утолить нравственное сознаніе ни отдѣльныхъ лицъ, ни цѣлыхъ жизнеспособныхъ социальныхъ группъ. „Истинно-разумная жизнь,—можно здѣсь сказать устами стараго профессора изъ „Скучной исторіи“ Ант. Чехова,—невозможна безъ господства высшей, объединяющей идеи, т. е. религій, которая буквально и значить „объединеніе“...“ Девятнадцатый вѣкъ не далъ намъ такой идеи, хотя мы и обязаны ему грандіозной подготовительной работой и драгоцѣннѣйшимъ строительнымъ матеріаломъ. Но мы не знаемъ пока не только того, какъ обосновать наши нравственныя требованія, но и истиннаго, положительнаго *содержанія* этихъ послѣднихъ. Всѣ старыя заповѣди и нормы рухнули; даже „любовь къ ближнему“ и „счастье большинства“ не устояли предъ разрушительнымъ напоромъ критической работы мысли. Спрашивается: кого же мы должны теперь любить и во имя чего собою жертвовать? гдѣ найти руководящій принципъ для поведенія и въ чемъ искать верховный нравственный идеалъ? Ни я, ни ты, ни *сверхчеловѣкъ*, ни „постулаты практическаго разума“ конечной цѣлью нашей моральной дѣятельности уже быть не могутъ. Остается, значить, искать этой цѣли въ чемъ-либо другомъ, внѣ тѣснаго и заколдованнаго круга индивидуалистической идеологій, застрявшей въ безвыходныхъ внутреннихъ противорѣчійхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Е. Лозинскій.

Открытое предложеніе введенія рабства въ Россіи.

(Письмо въ редакцію).

Въ маѣ текущаго года въ Курскѣ, въ типографіи братьевъ Н. и И. Ваниныхъ, съ дозволенія московской цензуры, отпечатана брошюра неизвѣстнаго автора, озаглавленная „*Китай и мы*“.

Можно смѣло сказать, что съ момента образованія русскаго языка и до дня выпуска въ свѣтъ названной брошюры, онъ, русскій языкъ, еще ни разу не утилизовался для выраженія такихъ гнусныхъ мыслей, какъ въ брошюрѣ „*Китай и мы*“.

Въ ней неизвѣстный авторъ совершенно открыто, безъ всякаго стыда предлагаетъ введеніе рабства въ Россіи.

На страницѣ 20 онъ такъ прямо и говоритъ: „*да, это будетъ рабство, но не пора ли намъ перестать смотреть на это слово, какъ на жупель*“.

А „положенія для этого плана должны быть слѣдующія“: ¹⁾

Глава I.

Положенія:

„При взятіи части Китая его населеніе переселить въ губерніи Европейской Россіи, гдѣ живетъ сплошное православное русское народонаселеніе, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Во всѣхъ вышеупомянутыхъ губерніяхъ, въ каждомъ уѣздномъ городѣ устроить казенныя конторы, въ которыхъ бы можно было заказывать и получать китайскихъ рабочихъ.

¹⁾ Мы приводимъ эти рабовладѣльческія „положенія“ съ небольшими лишь пропусками.

2) Всякій русскій православный крестьянинъ, владѣющій, сверхъ надѣльной, своей собственной землей въ количествѣ до сорока десятинъ, *имѣетъ право купить* у казны одно китайское семейство, а владѣющій сверхъ сорока дес. на каждыя пятьдесятъ десятинъ *можетъ покупать еще по одному семейству.*

3) Всякій русскій князь, графъ, а также потомственный дворянинъ православнаго вѣроисповѣданія, родъ котораго записанъ въ дворянскихъ родословныхъ книгахъ не менѣе какъ въ трехъ предыдущихъ поколѣнiachъ его предковъ, и владѣющій до 21 десят. земли, *имѣетъ право купить у казны одно китайское семейство,* а владѣющій сверхъ 21 дес. на каждыя 36—можетъ покупать еще по одному китайскому семейству.

Примѣчаніе. (Ко 2 и 3 пунктамъ). Каждый вышеупомянутый крестьянинъ, дворянинъ могутъ *покупать* и не полное китайское семейство, но только *обязательно равное количество какъ мужского, такъ и женскаго пола китайцевъ.*

4) Полный составъ китайскаго семейства долженъ состоятъ изъ 3-хъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, отъ 15 до 40 лѣтъ и отъ 40 до 55 л. и 3-хъ женщинъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, отъ 15 до 35 лѣтъ и отъ 35 до 50 лѣтъ.

Въ составъ полнаго китайскаго семейства обязательно должны входить всѣ три возраста какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

5) *Казенная цѣна* мужчинъ-китайцевъ: младшаго—100 руб., средняго—400 руб., и старшаго возраста 100 руб., а женщинъ младшаго—50 руб., средняго—200 руб., старшаго возраста 50 руб., *Итого стоимость полнаго китайскаго семейства* 900 руб.

6) Всякій желающій купить китайцевъ, при записи въ своей уѣздной конторѣ, вносить наличными деньгами *половину стоимости его заказа,* а другую половину онъ уплачиваетъ при полученіи заказанныхъ имъ китайцевъ.

7) *Лица, купившія китайцевъ,* не могутъ ихъ безъ земли никому *перепродавать,* а съ землею на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ продаетъ ихъ казна, *могутъ перепродавать* только тоже тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ право на покупку китайцевъ, т. е. перечисленнымъ въ пунктахъ 2 и 3.

8) *Весь приростъ,* получившійся отъ купленныхъ семействъ китайцевъ, поступаетъ въ полную и неотъемлемую собственность купившихъ ихъ хозяевъ.

9) Новое поколѣніе отъ купленныхъ у казны китайцевъ *можетъ быть продаваемо ихъ владѣльцами и безъ земли* только тѣмъ лицамъ и на тѣхъ же условіяхъ, которыя перечислены въ пунктахъ 2 и 3.

10) *Лица, купившія китайцевъ,* могутъ отдавать ихъ въ наемъ только въ сельско-хозяйственныя работы. У отдавашаго въ наемъ китайцевъ въ какую другую работу, они должны быть отбираемы въ казну и вновь ею продаваемы.

11) *Всякій, владѣющій китайцами, имѣетъ право надъ ними жизни и смерти.*

М о т и в и р о в к а :

„Къ пункту 2-му: Всякій русскій крестьянинъ, получивъ срокъ лѣтъ тому назадъ личную волю отъ Государя, и съ тѣхъ поръ своимъ трудомъ выбившись изъ рабской зависимости нашей общины, настолько потрудился въ потѣ лица своего, что съ полной справедливостью *можетъ получить въ награду китаевладѣнiе*. Могущее явиться опасенiе, что крестьянинъ будетъ слишкомъ жестоко обращаться съ китайцами, не выдержитъ критики *въ виду того, что всякій крестьянинъ слишкомъ дорожитъ каждымъ своимъ рублемъ*, чтобы онъ, истративъ его на покупку китайца, не берегъ бы его потомъ, какъ дорого имъ самимъ оплаченную рабочую силу.

Къ пункту 3-му: Совершенно слѣдуетъ исключить изъ права китаевладѣнiя баронскій титулъ, какъ ничего общаго съ коренной Россiей неимѣющей, гдѣ только и можно допустить владѣнiе китайцами, также и потому, что если дѣйствительно въ данной мѣстности ожажется баронъ-русскій, потомственный дворянинъ, то онъ можетъ сдѣлаться китаевладѣльцемъ на общемъ дворянскомъ положенiи.

Къ пункту 4-му: Казнѣ слѣдуетъ переселять и продавать подобнаго возраста и состава китайскiя семейства для того, *чтобы не явился исключительно спросъ на какой-либо возрастъ или полъ*, который бы весь и былъ раскупленъ, и тогда съ оставшимся безъ спроса казна не знала бы, куда дѣваться. Также и въ дальнѣйшемъ будущемъ, *въ цѣляхъ полученiя правильнаго приплода китайскаго населенiя*, такое распределенiе семействъ будетъ самымъ нормальнымъ.

Къ пункту 10-му: Это необходимо установить какъ для того, *чтобы китайцы были только употребляемы для самаго тяжелаго, дающаго менше всего комфорта, труда земледѣльческаго и, чтобы высокая цѣна рабочаго труда фабрично-заводскаго доставалась всецѣло въ руки нашимъ русскимъ рабочимъ, такъ и для того, чтобы насколько возможно суживать кругъ всякихъ знанiй китайцевъ, чтобы они по своему интеллектуальному развитiю стояли гораздо ниже кореннаго населенiя, и были бы въ полномъ смыслѣ слова на положенiи илотовъ.*

Къ пункту 11-му: *Несмотря на весь вопль, который эта мѣра можетъ возбудить среди нашей либеральствующей клики, она необходима по слѣдующимъ причинамъ.* Во-первыхъ, она одна съ гораздо большимъ успѣхомъ замѣнитъ цѣлую армию, которую безъ нея надо будетъ постоянно имѣть на военномъ положенiи для содержанiя въ покорности китайцевъ, во-вторыхъ, въ случаѣ возникновенiя какого-нибудь китайскаго бунта, мѣра эта, примененная въ самомъ началѣ надъ однимъ или нѣсколькими китайцами, будетъ въ концѣ концовъ несравненно гуманнѣе, чѣмъ, если китайцы перерѣжутъ нѣсколько десятковъ русскихъ

и потомъ, усмиряя ихъ войсками, придется перестрѣлять нѣсколько сотенъ, а можетъ быть, и тысячъ“.

Во второй главѣ російскій рабовладѣлецъ излагаетъ планъ переселенія россіянъ на территорію завоеваннаго Китая, откуда населеніе куплено православными крестьянами и дворянами. Но мы приведемъ лишь два пункта этой главы:

Глава II.

Положенія:

„1) Каждая уѣздная казенная контора черезъ земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ земскія и городскія управы предлагаетъ записываться въ ней желающимъ переселиться въ Китай.

2) Сколько въ контору прибыло китайцевъ, столько же данная контора можетъ отправлять русскихъ въ Китай, согласно очередной записи и свѣдѣній о возможности движенія“.

Мотивировка:

„Къ пункту 2-му: Это необходимо установить для того, чтобы взаимное переселеніе русскихъ и китайцевъ не ломало рѣзко существующій порядокъ и строй, чтобы не было большаго отлива, чѣмъ прилива населенія данной мѣстности, и наоборотъ, а чтобы ушедшіе люди немедленно замѣнялись прибывшими и такимъ образомъ полевая работа не только не останавливалась, но и не задерживалась. По статистическимъ свѣдѣніямъ настоящаго времени наше переселенческое движеніе по сибирской дорогѣ достигаетъ ежегодно трехсотъ тысячъ душъ. При этомъ надо забывать, что все это движеніе происходитъ по желѣзной дорогѣ исключительно въ одну сторону—отъ центра къ окраинѣ, а назадъ къ центру перевозятся пустые вагоны, что и ложится такимъ огромнымъ дефицитомъ на нашъ государственный бюджетъ. Перевозя же въ Китай русскихъ, а изъ Китая китайцевъ, и привозъ тѣхъ и другихъ оплачивая деньгами, полученными отъ продажи китайцевъ, казнѣ легко будетъ даже въ первый годъ довести переселеніе до милліона душъ. Тогда сибирская дорога будетъ давать не дефицитъ, а барышъ, и тогда откроется на казенной службѣ въ переселенческихъ конторахъ такая масса мѣстъ, куда свободно помѣстится весь нашъ интеллигентный пролетаріатъ, который теперь съ голода и отъ бездѣлья занимается преимущественно только политическими авантюрами“.

Въ концѣ концовъ російскій проповѣдникъ рабства говоритъ:

„Если наши доктринеры будутъ говорить, что подобный строй только послужитъ къ нашему разложенію, то пусть обратятся къ исторіи и вспомнятъ, что Римское государство съ такимъ строемъ просуществовало больше тысячелѣтія, а вотъ мы съ настоящимъ

нашимъ строемъ чувствуемъ себя все хуже и хуже. Покоренныя нами народности, разбогатѣвъ и разжирѣвъ на нашъ счетъ, нами же теперь недовольны и мечтаютъ насъ выгнать вонъ, а въ коренной Россіи баринъ и мужикъ оказываются оба разоренными и оба попавшими въ новую форму рабства. Рабство физическое у насъ замѣняется рабствомъ жидовскаго капитала и народъ при немъ сталъ несравненно болѣе безнравственнымъ, чѣмъ былъ при первомъ, несмотря на мертвую доктрину народнаго образованія и просвѣщенія.

Рабство силы вырабатывало въ народѣ величіе духа, а рабство капитала вырабатываетъ и культивируетъ въ народѣ самыя низменныя инстинкты погони за наживой.

При физическомъ рабствѣ были слуги, шедшіе за своихъ господъ на смерть, а теперь всякій слуга броситъ своего хозяина за лишній рубль.

Пока еще нашъ народъ силенъ своими прежними традиціями, но съ каждымъ днемъ и онъ дѣлается все слабѣе и слабѣе и уже недалеко то время, когда онъ могутъ совсѣмъ изсякнуть, а взамѣнъ ихъ мы не видимъ ни малѣйшихъ средствъ и цѣли къ развитію нашей государственной мощи и народнаго богатства.

Шумиха свободы, равенства и братства остается шумихой, а народъ все разоряется и разлагается.

Одно намъ спасеніе возстановить въ новыхъ формахъ старыя государственныя идеалы, которымъ тысячелѣтіе прожили русскій народъ.

Кликните кличъ русскому народу итти войной на Китай для его покоренія и порабоженія, и онъ пойдетъ съ несравненно большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ для освобожденія насъ же поносящихъ и надъ нами же издѣвающихся братушекъ“.

Познакомившись съ вышеназваннымъ, читатели, надѣюсь, согласятся съ тѣмъ, что сказано мною вначалѣ: съ начала существованія русскаго языка, послѣдній не утилизировался для выраженія столь гнусныхъ мыслей.

И. П. Бѣлоконскій.

О нашихъ направлєніяхъ.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушнкова. С.-Петербургъ. 1904 г.

I.

Умъ человѣческій стремится обобщить всю совокупность извѣстныхъ ему процессовъ и явленій, подвести имъ итоги, охватить ихъ въ двухъ-трехъ положеніяхъ.—Однако, склонность всюду искать „начала“, тогда какъ мы познаемъ явленія лишь въ дѣйствіи, нерѣдко далеко обгоняетъ естественный ходъ науки. Безконечное размышленіе о „началахъ“ ослѣпило схоластиковъ... И если социологія, еще недавно—область предположеній и догадокъ, нынче осуществила смѣлую мечту—созданіе социальной динамики, открыла законъ, управляющій общественнымъ развитіемъ, то она этимъ обязана полному разрыву съ метафизикой. Всякій реализмъ начинается лишь тамъ, гдѣ мы побѣждаемъ въ себѣ эту склонность, изслѣдуемъ явленія въ ихъ дѣйствіяхъ, въ ихъ развитіи, ибо только представленіе о развитіи создано нами на почвѣ фактовъ...

Идея марксизма стала теперь общественно-литературной модой, какой прежде было русское народничество, окрашивавшее даже такіе органы русской мысли, какъ „Вѣстникъ Европы“, „Недѣля“... „Уже многіе—повторимъ мы слова небезызвѣстнаго русскимъ читателямъ Людвигу Штейна—начинаютъ ухаживать за этой модной красавицей и не прочь заключить съ ней брачный союзъ“... ¹⁾ Теперь приходится отстаивать марксизмъ не отъ оппонентовъ, которые возводили мнѣнія противниковъ

¹⁾ Людвигъ Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Пер. Николаева. Изд. Солдатенкова. Москва, 1900 г.

въ квадратъ, а отъ... самихъ „марксистовъ“: слишкомъ снисходительны стали „марксисты“ къ такимъ удивительнымъ соединеніямъ словъ и понятій, какъ соціаль-аристократы, соціаль-консерваторы, соціаль-либералы... Гений Маркса нуженъ былъ не только для созданія самой системы, но и для того, чтобы неизмѣнно углублять и расширять ее...

Вышедшія года полтора тому назадъ „Проблемы идеализма“ есть яркій продуктъ того „кризиса“, который такъ шумѣлъ въ буржуазныхъ слояхъ западной Европы, а у соотечественниковъ извѣстнаго лагеря породилъ воинственныя мечты о возвращеніи къ семидесятымъ годамъ... Годы индифферентизма и унынія, восьмидесятыя годы подготовили ликвидацію этого всеильнаго общественнаго міросозерцанія. Сама жизнь разбила шагъ за шагомъ иллюзію народничества, доказавъ самой логикой фактовъ, что эта гуманная, эта научная на первый взглядъ идеологія отжила свой вѣкъ. Новыя вѣянія проникли во всѣ скважины отечественнаго зданія, отражаясь на его поверхности, въ литературѣ и общественныхъ теченіяхъ, расколомъ старыхъ мнѣній, образованіемъ новыхъ, той оживленной полемики, которая вотъ уже десять лѣтъ не сходитъ со страницъ печати. Но новое направленіе, быстро завоевавшее себѣ положеніе, *принятое* всей интеллигенціей, *усвоено* было далеко не всѣми ея элементами. Противорѣчіе, первое время не обращающее на себя вниманія, выступило наружу лишь тогда, когда отжившій авторитетъ былъ сломанъ, и отъ боевыхъ споровъ предстояло перейти къ боевому творчеству. Тутъ только въ нашу литературу хлынулъ потокъ „критики“. У г. Вулгакова оказалась своя фантазія, у г. Бердяева—своя. Одни „подошли“ къ Лотце, другіе къ Гегелю, третьи къ Вл. Соловьеву. Нѣтъ, кажется, вопроса, къ которому не стали бы подходить съ аршиномъ Берштейна, Вемъ-Баверка, Штамлера въ рукахъ;—нѣтъ, кажется, того буржуазнаго построенія, съ которымъ бы не стали мирить марксизмъ... Такъ—антиномія за антиноміей—пошли сложные вопросы упраздненія, дополненія, сокращенія (не въ специальныхъ органахъ, нѣтъ, на страницахъ самыхъ распространенныхъ журналовъ), важные, нужные, обставленные—по выраженію г. Ф. Берсенева—такой неудобоваримой для мозговъ обыкновеннаго рядового читателя словесной артиллеріей, что профанамъ оставалось только „уподобиться той несчастной пташкѣ, которую очковая змѣя однимъ своимъ взглядомъ окончательно лишаетъ способности двигаться самостоятельно, чтобы затѣмъ съ гѣмъ большимъ удобствомъ проглотить ее со всѣми потрохами“ 1). „Проблемы идеализма“ и явились послѣднимъ словомъ этого „поворота“. Въ

1) Рус. Мысль, 1901 г., іюль. Ф. Берсенева. Нѣчто о „критеріи истины“.

сборникъ, не лишениомъ, безъ сомнѣнія, и программной окраски, еще недавно весьма видные новословцы сливаются съ представителями философскаго идеализма, ничега общаго не имѣющими съ духомъ „Новаго Слова“...

Естественно, сборникъ, имѣвшій столь свѣжую связь съ столь популярнымъ теченіемъ русской жизни, вызвавшій рядъ статей о нашихъ направленіяхъ и въ столичныхъ органахъ нашей журналистики, и въ разнообразныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, пробудилъ и тѣ страсти, которыя, казалось, оставили на время страницы нашихъ изданій. Не будемъ говорить о нерѣшительныхъ, неяркихъ голосахъ, которые не осмѣлились взять прямой тонъ по отношенію къ новоявленнымъ метафизикамъ—въ такихъ голосахъ русскихъ интеллигентовъ никогда не бываетъ недостатка... Изъ шести-семи нашихъ руководящихъ изданій лишь одинъ значительный органъ обнаружилъ симпатію къ идеалистамъ, да и то въ умѣренной формѣ. Другіе отнеслись скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Наконецъ, „Проблемы идеализма“ задѣли оппозиціонное движеніе, не ограничившееся страницами „Образованія“ и „Правды“, противопоставившее „Проблемамъ идеализма“ самостоятельную работу. Мы имѣемъ въ виду появившійся новый сборникъ, рядъ статей о философіи жизни и позитивной эстетикѣ, обществѣ правовомъ и обществѣ трудовомъ, о капитализмѣ и земледѣліи, объ идеалистическихъ теченіяхъ и ихъ социальныхъ основахъ и пр. ¹⁾ „Наша задача—читаемъ мы—состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю понятіе о той концепціи реализма, которая, по нашему глубокому убѣжденію, является единственно истинной для современнаго міра. Будетъ время—ее смѣнитъ новая, высшая точка зрѣнія,—но возникнетъ именно *изъ нея*, какъ ея родное дитя, какъ новая, болѣе полная и совершенная реализація тѣхъ же самыхъ жизненныхъ тенденцій. Познаніе побѣждаетъ природу на пути реализма, и съ этого пути оно не свернетъ. Вѣрный путь къ побѣдѣ надъ природою — это и есть истина“ ²⁾.

Книга заслуживаетъ особаго вниманія какъ въ виду послѣдовательности и цѣльности проводимыхъ въ ней социальнo-философскихъ идей, такъ въ виду той юношеской энергіи, которой согрѣты многія отдѣльныя статьи, стремящіяся сочетать научное пониманіе дѣйствительности съ реальнымъ *практическимъ* идеаломъ.

Есть значительная разница между идеологической жизнью Европы, строго дифференцированной, строго антогонической, гдѣ каждый обще-

¹⁾ Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Спб. 1904 г.

²⁾ Ibid. Предисловіе.

ственный классъ, разрѣшая тотъ или иной кругъ вопросовъ, осуществляетъ, въ мѣру своего разумѣнія, свою справедливость, свою правду—съ Россіей, гдѣ еще столько задачъ, общихъ различнымъ общественнымъ классамъ. У насъ очень мало людей цѣльнаго міровоззрѣнія, цѣльнаго настолько, чтобы время отъ времени не „занимать у эклектики, этой легкомысленной особы, дерзко лакомящейся въ саду жизни“, давать всегда прямой, всегда выдержанный отвѣтъ на вопросы жизни... Но если у насъ есть кучка лицъ, ставшая въ уровень европейской цивилизаціи, то лежащіе передъ нами „Очерки“ встрѣтять въ ней заслуженный пріемъ. Книга какъ будто написана вчера, потому что отвѣчаетъ на вопросы дня. Но въ то же время она ея старая знакомая. Книга заставляетъ насъ заглядывать въ то будущее, въ которое еще недавно любили заглядывать нынѣшніе ех-марксисты. Правда, тутъ есть односторонность, столь естественная въ моментъ сильнаго возбужденія одной идеей, у людей трудной общественной минуты, людей, которымъ жизнь не даетъ сдѣлаться людьми дѣла, и безпокойный умъ не хочетъ знать примиренія. Но развѣ въ „примиреніи“ воспитательное значеніе критики? Развѣ сила критики не въ томъ, чтобы возбуждать остроту анализа? Односторонность необходима, когда нужно пробить брешь и, слѣдовательно, бить въ одну точку. Правда, преслѣдуя очередныя темы, авторы „Очерковъ“ и расположили свой матеріалъ довольно случайнымъ образомъ. Но люди дѣйствительные, реальные, живущіе пишутъ по событіямъ—они являются не съ готовыми планами и идеалами, не съ запасомъ готовыхъ сентенцій, чтобы вѣчно держаться за нихъ, а только съ жизненными стремленіями, которыя никогда ихъ не оставляютъ. Оттого-то живучее перо не можетъ заостенѣть ни въ идеализмъ, ни въ филистерствѣ. Оттого-то вы чувствуете, что авторы съ вами. Умѣйте только понимать ихъ... Такіе люди по очереди переживутъ цѣлыхъ десять „кризисовъ“—лишь бы Богъ далъ вѣку—и не остановятся на какомъ-либо предыдущемъ періодѣ, чтобы сдѣлаться врагомъ послѣдующаго...

Указывая на связь реалистовъ съ прогрессивнѣйшимъ идейнымъ движеніемъ, я буду имѣть въ виду не теоретическій обликъ авторовъ, а практическое содержаніе и направленіе ихъ мысли.

II.

Существуетъ историко-критическій пріемъ, пишетъ г. Шулятиковъ, согласно которому смѣна литературныхъ школъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ данный моментъ данная школа оказывается высказавшей все, что могла сказать. Наступаетъ литературный кризисъ. Зарождается

новое течение, опирающееся на противоположные предпосылки ¹⁾. Именно такъ объясняется у насъ „конецъ марксизма“.

За какой же наукой приходится идти недоумѣвающему читателю,— да что!— „всей находящейся въ замѣшательствѣ русской интеллигенціи“?— вопрошало „Русское Богатство“. Развѣ доморощенные марксисты не напоминаютъ собою крокодиловъ, которые на глазахъ изумленнаго путешественника съѣли другъ друга цѣликомъ, за исключеніемъ хвостовъ? Хвосты представляютъ изъ себя обрывки когда-то гордыхъ утверждений, что русскій марксизмъ призванъ освѣтить нашу умственную и общественную жизнь. „Увлечение“ прошло, прошло „скорѣе, чѣмъ можно было ожидать“. И если эта „дерзкая попытка“ вывести изъ одного начала экономики законы и всѣхъ иныхъ отношеній и нынѣ важна, то лишь въ смыслѣ отрицательномъ—какъ примѣръ ученія, когда-то гордаго своей объективностью, и потому такъ скоро превратившагося въ свою противоположность... Не менѣе исторично пониманіе гг. идеалистовъ. По словамъ г. Булгакова, марксизмъ поддерживался вѣрой въ скорое наступленіе новаго строя. Но практика и наука указали, что новый строй скоро не наступитъ, и вѣра ослабѣла. Образовалась пустота, которую можетъ заполнить лишь „вѣчное сіяніе абсолюта“. Очевидно, кризисъ, переживаемый марксизмомъ „не экономического и политическаго, но моральнаго, скажу даже, религіознаго характера“... ²⁾. Народники взглянули на отступленіе ортодоксін съ военной точки зрѣнія; этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать о гг. идеалистахъ; послѣдніе очень долго носились со своими „родственными“ симпатіями... Нѣтъ почвы болѣе удобной, чѣмъ почва чисто философская для того, чтобы сгладить конкретныя разграниченія, превратить живое явленіе въ безжизненную абстракцію, создать иллюзію „беспартійной мысли“. Въ метафизическомъ туманѣ исчезаютъ всякія реальныя очертанія, и чѣмъ скорѣе вопросъ ведетъ изъ области абстракцій въ область живой жизни, тѣмъ лучше. Идеалисты выступили, конечно, въ области абстракцій.. Смыслъ явленія, безъ сомнѣнія, затемненъ и тѣмъ, что тѣ самые главари марксизма, которые одержали столько побѣдъ надъ „субъективными старичками“, и ушли подъ знамя „полный ходъ назадъ“..

Однако, даже въ періодъ вліянія „Критическихъ замѣтокъ“, были люди, ясно предвидѣвшіе дальнѣйшую судьбу новаго направления. „Матеріалы къ экономическому развитію Россіи“ съ необыкновенной ясностью вскрыли

1) „Очерки“, стр. 585.

2) Проблемы идеализма. С. Н. Булгаковъ. Основные проблемы теоріи прогресса. Изд. моск. псих. общества.

эклектизмъ мысли, заключавшійся въ „Замѣткахъ“. Аналогичныя предсказанія можно встрѣтить и на страницахъ „Новаго Слова“. Разумѣется, всякому прогрессивному теченію приходится отвоевывать себѣ позицію. Противъ русскаго марксизма стояло міросозерцаніе, всесильное въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. А въ моментъ борьбы такъ живо чувствуется крѣпость объединенія! Скептики являлись исключеніемъ въ то время... Но такъ не могло продолжаться долго. Чѣмъ прочнѣе утверждалось новое направленіе, чѣмъ больше выяснялось, какія разнородныя теченія борются подъ однимъ знаменемъ, тѣмъ чаще стали раздаваться голоса о размежеваніи. „Жизнь“, на страницахъ которой еще недавно помѣщали свои статьи авторы „проблемъ идеализма“, беретъ рѣзко-ортодоксальный тонъ. Тѣ самыя „марксисты“, которые еще недавно считались ея сотрудниками, вступаютъ съ ней въ рѣзкую полемику. Естественно, съ прекращеніемъ „Жизни“ почва спора всецѣло стала опредѣляться новоявленными критиками: приходилось отвѣчать „письмами въ редакцію“, въ постороннихъ изданіяхъ, подобно г. Берсеневу, выступившему со своимъ отвѣтомъ г. Вердяеву на страницахъ „Русской Мысли“¹⁾. Догма марксизма временно исчезла со страницъ русскихъ изданій... Теперь дѣло рѣзко измѣнилось, и съ появленіемъ „Очерковъ“ расколъ долженъ считаться рѣшеннымъ въ совершенно опредѣленную сторону.

„Многія прекрасныя и возвышенныя души, получившія свое интеллектуальное крещеніе въ купели марксизма, — читаемъ мы — прийдя въ возрастъ, возстали противъ него, возмущенныя его узостью, грубостью, его исключительной приверженностью къ землѣ и земнымъ интересамъ, его скептической ироніей надъ всякими потусторонними пареніями духа“²⁾. Это — интеллигенты, повертывающіе назадъ, сжигающіе принятыя ими предпосылки чуждой имъ идеологіи. Идя въ продолженіе полемическаго періода съ „ортодоксальнымъ“ теченіемъ, развивая отдѣльныя его стороны, работая вмѣстѣ съ нимъ надъ критикой народничества, они въ положительную минуту оставили это теченіе. Въ нихъ заговорило существо опредѣленнаго психическаго склада. Когда они стояли передъ немногочисленными еще рядами союзниковъ, когда рѣчь шла еще не столько о соизданіи, сколько о ломкѣ, это существо дремало. Но оно заговорило, какъ только эти люди оказались передъ положительной программой. Передъ этой программой они почувствовали себя чужими, людьми иного пониманія, иной психической организаціи. Насколько причина „упраздне-

1) „Русская Мысль“, 1901 г.—№ 7. „Нѣчто о критеріи истинны. Письмо въ редакцію“.

2) „Очерки“, стр. 252. Ст. Базарова „Авторитарная метафизика и автономная личность“.

ній“ кроется въ личностяхъ упраздняющихъ, а не въ ученіи, подвергнутомъ „упраздненію“, видно изъ другихъ признаній. Г. Булгаковъ имѣлъ въ виду защиту доктрины Маркса, но... пришлось признать, что самый идеалъ марксизма дается не наукой, а „жизнью“, является, слѣдовательно, „вѣдучнымъ или не-научнымъ“. Этотъ выводъ для „научнаго“ социализма, гордящагося именно научностью своего идеала, показался г. Булгакову „довольно убійственнымъ“. „Совершенно помимо моей воли и даже вопреки ей, выходило такъ, что, стараясь оправдать и утвердить свою вѣру, я непрерывно ее подрывалъ и, послѣ каждой подобной попытки, чувствовалъ себя не укрѣпившимся въ своемъ марксизмѣ, а только еще болѣе пошатнувшимся“¹⁾. Точно такъ же „почва уходила изъ подъ ногъ“ и у г. Туганъ-Барановскаго. „Я никогда не былъ правовѣрнымъ ученикомъ Маркса,—заявляетъ онъ—но еще очень недавно чувствовалъ себя гораздо ближе къ марксистамъ, чѣмъ теперь. Я избѣгалъ называть себя марксистомъ, но общественное мнѣніе признало меня таковымъ,—и я не протестовалъ противъ этого“²⁾. Конечно, все это говорится заднимъ числомъ заднимъ числомъ нетрудно преувеличить свои предвидѣнія. Но—не можетъ быть сомнѣнія: тѣ люди, на мгновеніе увлекшіеся марксизмомъ, были случайные перебѣжчики, взявшіеся за защиту доктрины совершенно чуждаго общественнаго класса... Еще Энгельсъ, предвидя возможность разногласій вслѣдствіе наплыва гг. Булгаковыхъ и Туганъ-Барановскихъ, отнесся не вполнѣ дружелюбно къ этому элементу...

„Кризисъ“ существуетъ, „кризисъ“ опредѣленно выражается — отрицать этого нельзя. Но реалисты совершенно правы: связывать со словомъ „кризисъ“ какое бы то ни было представленіе о пораженіи „ортодоксальнаго“ марксизма нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Быть можетъ, если съ точки зрѣнія академика, упивающагося однимъ процессомъ мышленія, гораздо болѣе занятого самимъ зобой, чѣмъ своими читателями, это и покажется такъ. Но литературныя теченія тѣсно связаны съ обществомъ, за литературными теченіями стоятъ теченія самой жизни... Есть читатели, которые, иначе чувствуя, иначе думая, чѣмъ чувствовали и думали до сихъ поръ, мѣняются, такъ сказать, стихійно, не подъ вліяніемъ той или иной книги, той или иной личности, а подъ давленіемъ новыхъ условій существованія. До теорій они самостоятельно дойти не въ состояніи, но они какъ бы психологически являются носителями новыхъ понятій и взглядовъ. Вопросъ о выводахъ, которые съ такой легкостью предомляются въ головѣ академика, не абстрактный вопросъ для нихъ, а вопросъ жизни

1) С. Булгаковъ. Отъ марксизма къ идеализму.

2) Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Изданіе журнала „Міръ Божій“. Предисловіе, стр. V.

нужный, насущный. Вотъ съ этой то точки зрѣнія представляетъ ли „кризисъ“ что-либо страшное? Нѣтъ, каждый день говоритъ намъ, что здѣсь вѣра въ „ортодоксію“ велика, что здѣсь она не подорвана, что всѣ „упраздненія и сокращенія“ существуютъ сами по себѣ, а „ортодоксія“ сама по себѣ, что непримиримое примирить нельзя... Если гг. идеалисты и внесли путаницу въ умы, неспособные разобраться въ сложной сѣти общественныхъ направлений, то это не относится къ тому читателю, о которомъ мы говоримъ. Оппортунистическія теченія не разъ проникали и къ нему—что и говорить! Но практика показываетъ, что эти теченія всякій разъ были отвергаемы, не могли надолго задержать выясненіе истиннаго смысла этой путаницы въ глазахъ социальныхъ носителей извѣстныхъ международныхъ завѣтовъ... Надо быть отрѣзаннымъ отъ живой жизни, надо не желать ея знать для того, чтобы говорить о крокодилахъ, которые на глазахъ гг. народниковъ, празднующихъ возвращеніе къ семидесятымъ годамъ, съѣли другъ друга цѣликомъ, за исключеніемъ хвостовъ, о буржуазной эволюціи марксизма. Надо подъ понятіе всего современнаго движенія подставить блѣдный идейный отпрыскъ, выразителемъ котораго считаетъ себя г. Булгаковъ, чтобы говорить о кризисѣ „моральнаго, скажу даже, религіознаго характера“. Давно извѣстно, что русскій интеллигентъ имѣетъ склонность такъ же тщательно копаться въ собственныхъ настроеніяхъ, какъ мало отдавать вниманія психологіи массъ, являющихся объектомъ этихъ настроеній...

Нѣтъ, не драму журнальныхъ статей, тѣхъ теоретическихъ разогласій, которыя и бьютъ въ глаза русскому интеллигенту, видимъ мы—это драма цѣлой эпохи. Страна наша переживаетъ, очень важное время. Крѣпостные остатки даютъ, не даютъ выхода. Творческія силы растутъ, рвутся наружу, но нѣтъ того, что обезпчиваетъ возможность творчества. Всѣ почти общественные слои,—какъ они ни различаются между собой,—чувствуютъ сознаютъ это; всѣ несутъ ту степень активности, на какую способны. Но параллельно общности ближайшихъ практическихъ нуждъ—рѣче и рѣче выступаетъ противоположность цѣлей, конечныхъ цѣлей, привлекающихъ къ себѣ интеллигентовъ. Она становится все острѣе, все ожесточеннѣе, распространяется въ ширь и глубь. Вотъ почему нѣтъ утопичнѣе мнѣнія, будто какая-то доктрина вновь объединяетъ въ настоящую минуту русскую интеллигенцію... Это единство утрачено... Разслоеніе, не исключющее задачъ, ради которыхъ различные классы могутъ идти рука объ руку, и есть главнѣйшая причина „кризиса“ марксизма. Обращаясь къ этому разслоенію, мы прежде всего наталкиваемся на рядъ явленій чисто экономическаго свойства... Вотъ почему не только нѣтъ пораженія—этотъ „кризисъ“ служитъ именно любопытнымъ симптомомъ побѣды. Подъ фла-

гомъ кабалистическихъ формулъ совершается весьма реальная переимѣна фронта, имѣющая не философскій, а чисто социологическій смыслъ, переимѣна, вскрывающая передъ нами не что иное, какъ совершившійся воочию процессъ окрашиванія передовыхъ группъ въ цвѣтъ марксизма... Такъ еще недавно эти группы были окрашены въ цвѣтъ народничества... Разумѣется, ни марксизмъ, ни народничество не обязываютъ къ послѣдовательности... Обиліе толковъ и есть симптомъ побѣды новаго направленія...

III.

Марксизмъ очень нетрудно свести къ культуртрегерству, этому дѣтищу просвѣщенныхъ буржуа—стоитъ только отнять у него съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ то настроеніе, которое ему сообщено авторомъ „Капитала“. Такъ именно и поступаютъ гг. идеалисты. Элементъ борьбы, столь характерный для социологическихъ взглядовъ Маркса, въ изложеніи идеалиста ступсывался... Если въ его лицѣ мы имѣемъ союзника, съ которымъ до извѣстнаго пункта должны идти вмѣстѣ, то это союзъ, отъ котораго легче проиграть, чѣмъ выиграть. Реалисты это разъ навсегда выяснили себѣ, чтобы не плодить лишнихъ недоразумѣній. „Въ исторіи были періоды,—пишетъ г. Базаровъ—когда надзвѣздный абсолютъ бралъ въ свои руки знамя социальнаго прогресса и порою даже довольно ярко окрашенное знамя. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Событія послѣднихъ вѣковъ сильно скомпрометтировали потустороннее начало въ роли прогрессивнаго вождя, и въ настоящее время имя абсолютъ обыкновенно выкрикиваютъ не для того, чтобы зажечь сердца усталыхъ борцовъ огнемъ новаго энтузіазма, а для того, чтобы пролить на израненныхъ, разбитыхъ, а то просто дряблыхъ, трусливыхъ сердца бальзамъ цѣлительнаго спокойствія ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ неодеализмъ не является идеологіей новаго ублюдочнаго типа движенія?

Было время—буржуазія была молода. Она жаждала схватокъ. Чувствовалось вѣяніе разрушающаго духа исторіи... Все призывалось къ оцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей... Вы видите и превозглашеніе правъ человѣка, и успѣхи науки... И рухнули старые боги... Отчего же теперь ничего такъ не жадеть буржуазія, какъ реабилитаціи старыхъ боговъ? Оттого, что ненавидитъ „ортодоксію“—не за ея фатализмъ, не за ея матеріализмъ (на самомъ дѣлѣ ортодоксія не обнаруживала ни того, ни другого), а за формулировку общественныхъ отношеній съ точки зрѣнія объективизма, наибольше ненавистнаго буржуазіи. Ея прежній идеалъ былъ рожденъ въ борьбѣ.

¹⁾ «Очерки». стр. 253—254.

Теперь это—цѣль міроздавiя, даже самого „абсолюта“. Такъ какъ, кромѣ эмпирической, есть еще метафизическая личность, которую надо чтить въ каждомъ человѣкѣ, значить всѣ люди братья по „духу“, значить, не зачѣмъ и воевать... Средневѣковье съ его грубыми неподвижными порядками—говорятъ ея лидеры—пришло повсюду разбивать силою. И мы его разбили. Но отношенiя современнаго общества именно тѣмъ и отличаются отъ тѣхъ, что они „гибки и доступны перемѣнамъ и ризвитiю“. Ихъ нѣтъ надобности разбивать... Ихъ надо лишь развивать. Классовая „диктатура“... Независимо отъ вопроса объ осуществимости, развѣ не шагъ назадъ, не политическiй атавизмъ самая мысль о томъ, будто переходъ современной цивилизаціи къ высшей долженъ совершиться по образцу эпохи, которой не были знакомы ни современные законы, ни современные учрежденiя? Такъ лидеры буржуазiи подходятъ къ „брату по духу“, склонному къ возвеличенію силы и узкаго классового эгоизма... Академики труда, за спиной которыхъ не стоитъ настоящая жизнь, которые только тогда стануть за вашъ интересъ, когда вы его искусно подкрасите, всегда шли на такіе призывы. Единственнымъ орудiемъ борьбы лицъ, занятыхъ интеллигентными профессiями, является идейное воздѣйствiе. Понятно, какъ велико тяготѣніе ихъ къ идеализму въ минуты оголенныхъ отношенiй... „Жизненные бури и грозы производятъ на интеллигенцію тяжелое, угнетающее дѣйствiе; и если при этомъ она сразу не находитъ для себя твердой опоры въ окружающей средѣ—читаемъ мы въ „Очеркахъ“—или грежня опора оказывается не подходящей къ ея стремленiямъ и интересамъ, то бѣгство отъ жизни—въ практикѣ и познанiи—становится среди интеллигенціи общимъ явленiемъ“¹⁾. Все это у насъ на глазахъ. Мы не колеблемся заявить,—раздались на западѣ голоса перебѣжчиковъ—что считаемъ буржуазію здоровой не только въ экономическомъ, но и въ нравственномъ отношенiи. Развѣ она не признала критики капиталистическаго строя въ значительной степени правильной, право труда на организованную самозащиту, даже идею всеобщей коопераціи? Наоборотъ, кто сталкивается съ дѣйствительнымъ рабочимъ, видитъ, что отсутствiе тѣхъ качествъ, которыя пролетарію, вышедшему изъ буржуазiи, кажутся буржуазными, цѣнится тамъ весьма мало, что тамъ съ нравственнымъ пролетаріатствомъ носятся весьма мало, а, напротивъ, стремятся изъ пролетаріа выйти въ буржуа. Такъ къ чему же оружіе? Пролетаріатъ, восходящій въ исторiи, долженъ обладать здоровой нравственностью. Рисуетъ ли онъ себѣ конечную цѣль—не имѣетъ, въ сущности, значенiя. Пусть онъ съ энергiей преслѣдуетъ свои ближайшія цѣли. Демократiя станеть

1) Ibid. Предисловіе.

принципіальнымъ уничтоженіемъ классового господства, если она фактически уже не знаетъ этого. Въ этомъ отношеніи нѣтъ принципіальной разницы между континентомъ и Англійей. Какъ будто есть партійная мысль! Если посмотрѣть поближе, $\frac{9}{10}$ элементовъ социализма заимствованы изъ сочиненій буржуазныхъ экономистовъ: социализмъ не только хронологически, но и по своему духовному содержанію является законнымъ наследникомъ либерализма.

Признаемъ же, что благодаря Шульце-Геверницу, равно какъ и другимъ экономистамъ, вышедшимъ изъ школы Brentano, мы обратили вниманіе на множество фактовъ, которые раньше видѣли лишь „отчасти“. Признаемъ же, что кое-что узнали и изъ книги Юліуса Вольфа „Социализмъ и социалистическій строй“. Такъ слилось правое крыло марксизма съ лѣвымъ либерализма, метафизическій идеализмъ однихъ съ гармоніей интересовъ другихъ... Такъ обстоитъ дѣло на Западѣ...

Но развѣ наши ex-марксисты оригинальны? Почему повторять мнѣнія Бернштейна значить обнаруживать „критическую струю“, а проводить точку зрѣнія Маркса—быть ортодоксомъ? Одно изъ двухъ: или и критики, и ортодоксы проявляютъ критическую струю, но разница въ томъ, у кого берутся исходные пункты; или и ортодоксы ортодоксальны по отношенію къ той точкѣ зрѣнія, до которой пострадались, и критики ортодоксальны... по отношенію къ ублюдочному типу европейской мысли, о которой у насъ сейчасъ шла рѣчь. Безспорно, наши „критики“—въ силу особыхъ условий общественнаго развитія Россіи—въ извѣстномъ смыслѣ не могутъ не быть названы „передовой“ группой. Они говорятъ о свободѣ, о гарантіяхъ личности. Вышнія правовыя нормы,—говорятъ они—не безразличны для нашихъ цѣлей. Отъ качества этихъ нормъ зависитъ, находитъ ли человѣкъ въ данной средѣ возможность или невозможность развитія своихъ силъ. Но—даже эти представленія гг. критиковъ отражаютъ на себѣ то предочтеніе трезвой мысли гашиша метафизики, которое такъ характерно для ревизионистовъ Запада. „Свобода не отрицательное понятіе, какъ это утверждаютъ буржуазные мыслители, для которыхъ она есть только отсутствіе стѣсненій — пишетъ г. Бердяевъ — свобода понятіе положительное, она синонимъ всего внутренняго духовнаго творчества человѣческой личности... Быть свободнымъ человѣкомъ значить сознать свою нравственную разумную природу, выдѣлить свое „нормальное“, идеальное „я“ изъ хаоса случайнаго эмпирическаго сѣвленія фактовъ... И я думаю, что можно поставить знакъ тождества между внутренней нравственной свободой и тѣмъ духовнымъ „я“, которое мы положили въ основаніе этики“¹⁾ Итакъ,

¹⁾ Проблемы идеализма. Бердяевъ. Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма. Изд. моск. психол. общества.

Пусть насъ тяжкая цѣль безпощадно гнететь,
 Да за то нѣтъ для грезы границы:
 Что ей цѣль? 1)

Свобода въ насъ, внутри нашего „я“... Вотъ свобода, которую такъ любить защищать мракобѣсы всѣхъ народовъ?

Подобно ех-марксистамъ Запада, наши ех-марксисты несутъ „нравственную силу и религиозный энтузіазмъ“ для „практическихъ требованій современнаго соціального движенія“. Цѣль, которую они ставятъ себѣ, не есть „эмпирическое“ счастье людей, а идеальное нравственное совершенство... Идеаль „аристократа духа“ дразнить ихъ воображеніе, „духовныя вершины аристократической интеллигенціи прошлаго“, „болѣе близкой къ будущему“, заключающей въ себѣ болѣе высокія психическія черты, чѣмъ интеллигенція капиталистическаго вѣка, съ ея анти-идеалистическимъ духомъ²⁾. Интеллигентъ, — говорятъ они—не имѣетъ прямой связи съ той или иной экономической группой. Онъ живетъ прежде всего интересами разума. Духовный голодъ его преобладающая страсть... Именно такой аристократіи, возвышающейся надъ всякой классовой нравственностью (а не миллионамъ рукъ, не людямъ труда, безъ котораго не было бы и „аристократіи“) должны принадлежать первые толчки къ прогрессу... Безъ „аристократіи“ наступило бы „царство застоя и бѣдности“...³⁾ Гг. критики произносятъ красивыя гнѣвные фразы по адресу Вернштейна. О, они не намѣрены „уступить или понизить хотя одно изъ практическихъ требованій современнаго соціального движенія“. Жаловъ тотъ,—читаемъ мы—кто въ наше время неспособенъ видѣть слияніе абсолюта „въ сердцахъ людей, отдающихъ себя на помощь пролетаріату въ его борьбѣ за человѣческое достоинство“, кто не усмотритъ его въ скучныхъ и прозаическихъ параграфахъ фабричнаго закона. На „головѣ классовомъ интересѣ“ можно воспитать только буржуазію, но нельзя основать великаго историческаго движенія⁴⁾. Развѣ изъ экономическаго положенія класса и его отношенія къ другому можно вывести хотя бы политическую идеологію? Всякая политическая программа „опирается на анализъ взаимодействія всѣхъ классовъ, на ихъ отношеніе ко всему обществу и культурѣ, т. е. предполагаетъ преодоленіе классовой ограниченности. Въ стремленія пролетаріата необходимо внести идеальное содержаніе, которое не можетъ и не должно быть классовымъ, внести со стороны — „всякій идеаль“ приносится въ

1) Надсонъ. Стихотворенія.

2) Вердяевъ. Борьба за идеализмъ. Миръ Божій, 1901 г., июнь.

3) Вердяевъ. „Этическая проблема“. Проблемы идеализма. Также „Критика историческаго матеріализма“. Миръ Божій, 1903 г., № 10.

4) Булгаковъ. Отъ идеализма къ марксизму.

групповое движеніе со стороны. „Онъ коренится въ идеальныхъ сторонахъ интеллигентной души“... ¹⁾ Въ противномъ случаѣ, пролетаріату угрожаетъ „нравственная болѣзнь, нравственное убожество, протекающее уже отъ богатства, а не отъ бѣдности“... ²⁾ Но—довольно, читатель... Это ли не вѣра буржуа, желающаго насъ увѣрить, что его программа не „классовая“, что всѣ братья „по духу“. Программа „общая“, слѣдовательно, шире, больше, практичнѣ узкой ограниченной программы марксистовъ... Это-ли не гашишъ? Это ли не бернштейниада? Къ чему же это высокоуміе?

Даже въ томъ теченіи, борьбѣ съ которымъ отдавали свои силы и ех-марксисты, общественный элементъ играетъ большую роль, чѣмъ въ требованіяхъ идеализма... Конечно, много общаго у обоихъ. Оба—типичныя интеллигентскія настроенія... „Русское Богатство“ неблагосклонно къ идеалистамъ. Но Н. К. Михайловскій былъ въ этикѣ метафизикомъ... При начавшейся „эволюціи русскаго марксизма“, представители ея сами обратились къ постановкѣ, ланной русской философіи Н. К. Михайловскимъ. Ихъ связываетъ тотъ же субъективизмъ... Разумѣется, идеалистъ видитъ, что, несмотря на всѣ усилія, ему не удастся превзойти своихъ предшественниковъ въ построеніи „формуль“... Итти по проложенной тропѣ идеалистъ уже не можетъ... И онъ выступилъ на новый путь... Старички-субъективисты слабы по части философіи—идеалисты глубже и ученѣе. Ну, и пошли поминать Канта, Фихте, Гегеля... Смѣшеніе вѣры и знанія... Не говоримъ уже о такихъ общихъ пристрастіяхъ, какъ свобода, гарантія личности... Однако—исторія „Русскаго Богатства“ за послѣдніе годы представляетъ поучительную эволюцію. Нельзя отрицать, что часть народниковъ идетъ къ социальнымъ визамъ... Такъ или иначе, это люди жизни, люди изслѣдованія. Значитъ, можно съ ними говорить... Но какъ говорить съ метафизикомъ, который не отстаиваетъ свое право на существованіе *рядомъ* съ позитивизмомъ, который рѣшительнымъ образомъ его хоронитъ? Не спорить съ нимъ надо, а характеризовать...

Читателю теперь ясенъ реалистическій взглядъ на причины появленія ех-марксистовъ. Для реалиста это—драма, выражающаяся борьбой буржуазныхъ и небуржуазныхъ элементовъ русской мысли. Союзъ, основанный на почвѣ отрицанія народническаго ученія, не могъ не распасться, когда нечего было отрицать. Только на сцену выступила положительная программа—началось „плодотворное“ внесеніе тѣхъ „странностей“, которыми наши рыцари, по собственному ихъ признанію, отличались съ самаго начала...

¹⁾ Бердяевъ. „Критика историческаго матеріализма“. Миръ Божій, 1903 г. № 10.

²⁾ Булгаковъ. Отъ идеализма къ марксизму.

Итакъ, прочь досужія выдумки, будто „во всякомъ случаѣ критическое направленіе въ марксизмѣ есть движеніе впередъ!“ Будто нужна большая степень критицизма для того, чтобы критиковать „ортодоксовъ“ съ точки зрѣнія ех-марксистскаго либерализма, чѣмъ для того, чтобы—по остроумному выраженію Маркса — „бороться съ либерализмомъ, не дѣлаясь въ то же время другомъ абсолютизма“—теперь, въ дни серьезнаго общественнаго подъема, когда есть на чемъ отдохнуть глазу, когда жизнь говоритъ за себя лучше всякихъ ораторовъ и декламаторовъ...

IV

Мы подошли къ самымъ реалистамъ.

Реалисты ничего не имѣютъ противъ критики. Ученіе, рожденное въ дыму и пламени, носящее яркую печать партій, должно быть поставлено на очную ставку съ современностью. Критика старыхъ поколѣній, критика привычекъ мысли необходима дѣйствующему человѣку. Выступать противъ нея значить выступать противъ проявленія мысли. Но критика, не нарушающая духа марксизма, критика, являющаяся, понятно, исключительно дѣломъ реалистовъ, проникнутыхъ настроеніемъ Маркса...

Начнемъ съ „общаго.“ Какъ мы видѣли, социальное сближеніе, въ глазахъ реалистовъ, и возможно, и необходимо въ настоящій моментъ, переживаемый Россіей. Но—сближеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не равносильно блужданію въ потемкахъ. Малѣйшее замѣшательство на рынкѣ, явившееся слѣдствіемъ частной спекуляціи, можетъ быть, въ самой отдаленной области, обнаруживаетъ природу такъ называемаго сближенія. Интересы, казавшіеся общими, противопологаются на разныхъ полюсахъ. И это относится не только къ классу, какъ таковому, но и къ отдѣльнымъ частямъ его, поскольку классъ не организовать, не можетъ быть организованъ... Явленія капиталистическаго міра съ его бездушнымъ рычагомъ—конкуренціей представляютъ прямое продолженіе чисто зоологической борьбы за существованіе... Идеаль „права,“ составляющій самое „общее“, до чего додумались передовыя наши общественныя группы, не прельщаетъ реалиста. Въ самомъ правѣ онъ не видитъ ничего абсолютнаго. „Правовой“ концепціи общества онъ противопоставляетъ трудовую, которая видитъ въ социальной жизни коллективно - трудовой процессъ борьбы людей за жизнь и развитіе, въ правѣ—только организующія приспособленія, выработанныя въ этомъ трудовомъ процессѣ, имѣющія лишь условное и временное значеніе. Правовыя нормы облегчаютъ прогрессивное развитіе общественно-трудового процесса, но исканіе этихъ нормъ должно происходить въ свѣтѣ

иного социального идеала, чѣмъ чисто-правовой. 1) Неужели изъ-за того, что въ „ближайшихъ цѣляхъ“ даннаго индивидуума и меня удобно обозначить однимъ общимъ именемъ, изъ-за того только этого личность, какъ таковая, должна стать высшей задачей моей жизни? Нѣтъ, не того ищеть въ товарищѣ групповой человѣкъ. Онъ ищеть въ немъ поддержки для *своихъ* цѣлей. Но, очевидно, на почвѣ ближайшихъ нуждъ эта задача мало осуществима. „Только въ томъ случаѣ, если близкій мнѣ человѣкъ оцѣниваетъ каждый мой актъ по скалѣ собственнаго масштаба цѣнностей, я могу рассчитывать на его помощь въ моментъ затрудненія“ 2).

Интеллигенція, занимающая промежуточное мѣсто среди сильныхъ общественныхъ классовъ, часто колеблющаяся въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, совершила извѣстную работу. Но какъ она удалена отъ жизни, какъ теоретична, какъ мало говоритъ нерѣдко уму и сердцу общественныхъ группъ! Реалисты слишкомъ сознаютъ, слишкомъ чувствуютъ всю гигантскую силу дѣйствительности, чтобы поднимать глаза вверхъ, когда они столь нужны здѣсь. Не до фантазій, не до большого анализа маленькихъ фактовъ... Тутъ стоны, тутъ слезы возмущенно-хлокоущей груди... Вотъ почему не въ абсолютныхъ высотахъ, не въ аристократической вѣрѣ, а въ цифрахъ и фактахъ, за которыми кроются эти стоны, [реалисты ищутъ разгадки человѣческой жизни, бѣгущей впередъ и впередъ... Г. Струве такъ хорошо доказывалъ при помощи самой лучшей терминологіи и даже особыхъ схемъ, что нѣтъ никакихъ препятствій къ притупленію противорѣчій, но жизнь... она поступаетъ съ г. Струве такъ же, какъ она поступила съ Бернштейномъ, когда онъ нашель, что нѣтъ достаточныхъ основаній ожидать новыхъ общихъ кризисовъ промышленности. Она отвѣтила на это именно такимъ кризисомъ и кризисомъ громаднымъ... Ех-марксисты какъ бы не могутъ понять, что классъ не индивидъ, а группа, что съ точки зрѣнія среднихъ промежуточныхъ формъ ни одно опредѣленіе не можетъ выдержать критики. Классъ, какъ классъ, принципиально антагонистиченъ другому классу. И это противорѣчіе не идея, не принципъ, какъ это хотять представить наши ревизионисты, а простой эмпирической фактъ, лежащій въ основѣ современныхъ общественныхъ отношеній. Всѣ попытки пожертвовать имъ ради „ближайшихъ цѣлей“, въ какія бы „схемы“ онъ ни радились, есть попытки затушевать истинную природу вещей, сузить „ортодоксію“ до теоріи малыхъ дѣлъ гг. „улучшателей“ и „социальныхъ демократовъ“... Тѣ же факты подносятъ реалисты эпигонамъ нашего народничества, которые—подъ вліяніемъ „кризиса“—тоже подняли голову и въ

1) „Очерки“ Н. Корсака. Общество правовое и общество трудовое.

2) *ibid.* Базаровъ. Авторитарная метафизика и автономная личность.

свою очередь заговорили о сокращающихся размѣрахъ внутренняго рынка, объ отсутствіи вѣшняго, котораго нѣтъ возможности завоевать, о томъ, что капитализмъ ведетъ у насъ не къ обобществленію производства, не къ развитію производительныхъ силъ въ городѣ и деревнѣ, а къ „дезорганизаціи“, „остановкѣ“, „замедленію.“ „Догматическое ученіе неомарксизма (читай: ортодоксальнаго марксизма)—возвышаетъ свой голосъ г. В. В. въ 1902 г.,—быстро теряетъ власть надъ умами, а беспочвенность новѣйшихъ успѣховъ индустриализма сдѣлалась повидимому совершенно очевидно даже для официальныхъ его апологетовъ... Въ первомъ десятилѣтіи XX-го вѣка мы возвращаемся, такимъ образомъ, къ той самой постановкѣ вопроса экономическаго развитія Россіи, какая была завѣщена своимъ преемникамъ поколѣніемъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія“¹⁾. Новыя данныя, сгруппированныя въ очеркахъ, касающіяся самаго послѣдняго періода экономическаго развитія Россіи, даютъ должный отпоръ и этимъ эпитомамъ, давно похороненнымъ и жизнью и литературой. Это въ особенности относится къ статьѣ г. П. Румянцова, представляющей очень цѣнный анализъ совершенно сырыхъ матеріаловъ...

Выставляя принципъ соціально-политическаго реализма, проводя осязаемый извѣстнымъ опытомъ способъ дѣйствій, „Очерки“ вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаютъ тотъ духъ, тотъ темпераментъ, который такъ рѣдко имѣетъ мѣсто въ нашей литературѣ. Приучить человѣка спокойно относиться къ трагическому—писать г. Луначарскій—испытывать красоту ужаса, борьбы, умѣть цѣнить въ страданіяхъ героевъ ихъ героизмъ—великая задача. Не равнодушіе хотѣлъ бы онъ посѣять въ сердцахъ читателей, а умѣнье цѣнить борьбу за ея силу, за интенсивность жизни въ ней... Конечно, люди, не умѣющіе жить въ будущемъ, „будутъ уходить съ той площади, гдѣ медленно воздвигаютъ величественный храмъ жизни, гдѣ поколѣніе трудится вслѣдъ за поколѣніемъ, но гдѣ пока видна лишь груда камней, ямы съ цементомъ, стропила, листы желѣза, очеркъ фундамента на землѣ, гдѣ общій планъ едва набросанъ на бумагѣ, гдѣ все общаешь, но мало что уже радуешь взоръ. Люди торопливые будутъ уходить отсюда, они осудятъ медленную работу, какъ бесплодную, они укажутъ на воду, подмывающую фундаментъ, на скалы, которыя надо взорвать, на ограниченность силъ человѣка, и предпочтутъ строить изъ облаковъ живописныя воздушныя замки.“ Но—мы можемъ оглянуться на нихъ съ улыбкой. Если „даромъ ничто не дается — судьба жертвъ искупительныхъ проситъ,“ то жертвы надо оцѣнивать съ точки зрѣнія прогресса мощи человѣчества... „Жизнь красивая, т. е. полная, могучая, богатая можетъ быть куплена цѣною ги-

¹⁾ Народное Хозяйство. 1902 г., октябрь. Цит. по „Очеркамъ.“

безъ другихъ жизней. Узко эстетическая точка зрѣнія, требующая красоты немедленно, въ настоящемъ, можетъ запереть двери идеалу. Часто надо пожертвовать меньшею красотю въ настоящемъ для большей красоты въ будущемъ.“ „Если мы станемъ на точку зрѣнія узко моральную,—продолжаетъ авторъ,—то можемъ дойти до того, что признаемъ преступленіемъ всю культуру, и изъ боязни разрушить чье-либо жалкое мѣщанское счастье остановимъ наше шествіе впередъ. Только высшая точка зрѣнія, точка зрѣнія требованій полноты жизни, наибольшаго могущества и красоты *всего* рода человѣческаго, жажды того будущаго, въ которомъ справедливость станетъ само собою разумѣющимся базисомъ красоты, даетъ намъ руководящую нить: все, что ведетъ къ росту силъ въ человѣчествѣ, къ повышенію жизни, есть красота и добро неразрывныя и единыя, все, что ослабляетъ человѣчество, есть зло и безобразіе. Можетъ казаться, что въ томъ или другомъ случаѣ прогрессъ культуры несправедливъ по отношенію къ тѣмъ или инымъ жертвамъ: противорѣчіе кажущееся, если этимъ прогрессомъ покупается высшее счастье вида. Можетъ казаться, что жертвы цѣлымъ народомъ для роскоши горсти тунеядцевъ есть прогрессъ культуры, и что требовать низверженія такого порядка значитъ пожертвовать красотой во имя справедливости: противорѣчіе кажущееся: свободный народъ создаетъ красоту безконечно болѣе могучую и высокую.“¹⁾

Такихъ страницъ, проникнутыхъ обаяніемъ жизни, огромной вѣрой въ свои силы, частицы этой жизни, не мало и въ другихъ статьяхъ... Въ глазахъ реалистовъ, и познаніе есть одно изъ проявленій жизни. Полная и сильная жизнь есть жизнь цѣлостная и гармоничная. Если жизнь—море, и надо умѣть плавать, то и мысль должна быть такъ-же текуча, какъ море, по которому человѣкъ плыветъ. Усвойте себѣ „абсолютную“ формулу, эмпирическаго или потусторонняго характера, и изъ нея уже легко составить цѣлый рядъ сужденій о всевозможныхъ явленіяхъ. Реалисты не даютъ такихъ формулъ. „Они даютъ только методъ. Покончить съ эклектизмомъ въ послѣднихъ его убѣжищахъ, поставивъ его на очную ставку съ реальной жизнью и точными методами науки, такова одна изъ главныхъ задачъ современнаго реализма въ общественной наукѣ“²⁾. Съ однимъ методомъ въ рукахъ нельзя составить себѣ ни одного готоваго сужденія, но... изучайте, наблюдайте! Вы стоите на точкѣ зрѣнія Маркса? Такъ показывайте намъ не выдуманная, а реальныя пружины той „общественности“, которая прикрываетъ собой зоологическіе интересы, зоологическую борьбу въ ея исправленномъ и дополненномъ изданіи. Вѣдь, если въ обыденной жизни различаютъ между тѣмъ, что человѣкъ думаетъ и

¹⁾ „Очерки“. Луначарскій. „Основы позитивной эстетики.“

²⁾ Ibid. Предисловіе.

1904 г. № 8. Отд. III.

говорить о себѣ, и тѣмъ, что онъ есть и дѣлаетъ на самомъ дѣлѣ, то еще болѣе слѣдуетъ различать въ исторической борьбѣ между фразами и иллюзіями партій и ихъ дѣйствительнымъ организмомъ, между ихъ представленіями о себѣ и ихъ реальной природой. Такъ учить Марксъ. И реалисты не знаютъ другого ученія, которое бы заставляло своихъ адентовъ относиться ко всему съ большей критикой, чѣмъ марксизмъ.

Все течетъ, все движется, все развивается...

Мы не сомнѣваемся — мировоззрѣніе, исповѣдуемое реалистами, есть центральное умственное движеніе нашего времени. Вдумчивый, болѣющий вопросами жизни, наблюдатель ни въ коемъ случаѣ не рѣшится говорить о „разгромѣ“, о его „хвостахъ“ и т. п. сказкахъ. Вліяніе ученія не учтено и не будетъ учтено нашей статистикой. Но нужно ли говорить тѣмъ, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, что прочія теченія русской жизни не могутъ быть даже сравниваемы съ фактическимъ вліяніемъ марксизма. Тѣмъ менѣе въ переживаемый моментъ имѣетъ шансы на успѣхъ,—мы говоримъ о возможномъ будущемъ—идеализмъ, несущій „нравственную силу и религиозный энтузіазмъ“ для „практическихъ требованій современнаго соціального движенія“... Если бы ех-марксисты занялись имъ въ кабинетахъ, ради интересовъ отечественной „науки“, то—кто знаетъ?—можетъ быть они бы и озарили ее свѣтомъ своего идеала... Но наши жрецы претендуютъ на „практическія требованія“. А „практическія требованія“ у насъ такъ остры... такъ настраиваютъ мысль на „позитивный“ ладъ... Вліяніе марксизма мѣняетъ только формы и способы. Вѣдь, марксизмъ не сказалъ еще послѣдняго слова... Онъ будетъ развиваться. Но развиваться и развиваться, а не искажаться и искажаться къ легкой радости его старыхъ и новыхъ враговъ...

Л. Клейнбортъ.

Новые матеріалы для характеристики современнаго земства.

(Изъ земской и городской жизни).

I.

Вопросъ о роли служилой интеллигенціи въ земской средѣ, составляющій центральный пунктъ опубликованнаго недавно отчета товарища министра внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Зиновьева о результатахъ правительственной ревизіи земскихъ учреждений Московской губерніи, уже въ теченіе нѣсколько лѣтъ привлекаетъ вниманіе общества и правительства. Первая формулировка этого вопроса принадлежитъ, какъ извѣстно, самарскому вице-губернатору г. Кондонди и относится еще къ 1900 году. „Въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія,—говорилъ г. Кондонди, открывая губернскаго собраніе,—съ давнихъ поръ принимаютъ участіе лица правительственныя и представители помѣстныхъ обывателей... Высшій надзоръ, рѣшеніе и отвѣтственность за успѣшность его возложены на администрацію; инициатива въ большинствѣ случаевъ мѣропріятій и выполненіе такихъ лежитъ на обязанности представителей мѣстныхъ сословій. Ясно представляется, что этимъ двойнымъ составомъ... вполнѣ исчерпывается необходимый контингентъ дѣятелей по мѣстному хозяйственному управленію... Между тѣмъ, позволяю себѣ обратить вниманіе земскаго собранія, что за послѣднее время все болѣе и болѣе усматривается въ мѣстной жизни участіе новаго, третьяго элемента. Признаюсь, я отказываюсь назвать или вполнѣ точно очертить положительными признаками этотъ новый элементъ, однако, убѣжденъ, что большинство здѣсь присутствующихъ не отразитъ мнѣ въ признаніи справедливости моихъ словъ. Иные съ пріивѣтствіемъ, другіе съ неудовольствіемъ, но тѣ и другіе согласятся со мною, что въ

земской жизни усматривается участие новаго фактора, не принадлежащаго ни къ администраціи, ни къ числу представителей мѣстных сословій. Нельзя не отдать должной справедливости этому фактору, онъ состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ теоретическихъ познаній, которыя поднимають и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвѣченному принципу надъ практическими данными. Случается, что представители сословій безъ достаточно провѣренныхъ основаній внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученія газетныхъ и журнальныхъ писателей. Виѣшній видъ этихъ словъ въ большинствѣ случаевъ заманчивъ, но внутренній—чревать опасностью... Грезы лицъ, не принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ представителямъ сословій въ земствѣ, носятъ лишь фантастическій характеръ, но могутъ, допустивъ въ основаніе политическія тенденціи, имѣть и вредную сторону...“¹⁾ Послѣ г. Кондонди тѣ же мысли высказалъ вскорѣ и вятскій губернаторъ г. Кнингенбергъ. Но и первый, и второй оставались на почвѣ общихъ положеній и разсматривали земскую интеллигенцію виѣ связи съ конкретною земскою жизнью, какъ чуждый ей продуктъ, привнесенный въ мѣстную работу какою-то злою волею. Большинство журнальныхъ и газетныхъ статей, въ обиліи вызванныхъ рѣчью г. Кондонди, также разсматривала земскую интеллигенцію, виѣ исторической ея формы, или какъ добраго генія, или какъ злого духа по идейнымъ побужденіямъ сошедшаго въ среду земскихъ людей. Материалъ, собранный правительственной ревизіей Московскаго земства, позволяетъ, наконецъ, опредѣлить дѣйствительное значеніе разночинной интеллигенціи въ мѣстной жизни. Всеподданнѣйшій рапортъ тайнаго совѣтника Зиновьева съ полнымъ основаніемъ объединяетъ вопросъ о земской интеллигенціи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ губернскаго и уѣзднаго земства и, такимъ образомъ, даетъ возможность составить болѣе или менѣе полное представленіе не только о разночинной интеллигенціи, какъ одномъ изъ элементовъ земской организаціи, но даже и о всемъ современномъ земствѣ, какъ одномъ изъ выдающихся явленій русской общественности.

II.

Данныя, приведенныя тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что разночинная интеллигенція завоевала себѣ почетное мѣсто и крупное вліяніе среди выборныхъ земскихъ

¹⁾ „Русск. Вѣдомости“. 18 января 1900 г. Цитируемъ по книгѣ г. Пѣшехонова „На очередныя темы“. Стр. 323.

представителей. Врачи, учителя, агрономы, статистики не ограничились предданными имъ исполнительными функциями, но организовали съ достаточнымъ успѣхомъ свое участіе и въ творческой, руководящей области земской дѣятельности. Формою такого участія послужили различные совѣщательные органы, при управахъ, такъ называемые совѣты: экономическій, школьный, санитарный и другіе. Какъ члены этихъ совѣтовъ, земскіе интеллигенты получили возможность въ широкой степени вліять на характеръ и содержаніе тѣхъ мѣропріятій, которыя имъ приходилось осуществлять. Г. Зиновьевъ ставитъ увеличеніе значенія земской интеллигенціи въ непосредственную связь съ возникновеніемъ централистическихъ тенденцій въ земствѣ, съ развитіемъ преобладанія губернскаго земства надъ уѣздными. Это объясненіе вполне вѣрно улавливаетъ внѣшнюю сторону явленія, но оно нисколько не раскрываетъ его общихъ причинъ. Между тѣмъ, и централистическія тенденціи губернскихъ земствъ, и развитіе „земской бюрократіи“ представляютъ только послѣдствія глубокаго историческаго процесса, отражавшагося и въ земской средѣ. Дореформенное мѣстное управленіе крѣпостной Россіи было въ значительной степени феодальнымъ, сословнымъ управленіемъ. Дворянскій-помѣщикъ въ уѣздѣ пользовался почти неограниченною властью; уѣздная администрація избиралась дворянствомъ, судебныя власти — также; по отношенію же къ крестьянамъ помѣщикъ былъ наследственнымъ и безмезднымъ судьей и администраторомъ. Эта патріархальная система управленія покоилась на патріархальномъ крѣпостномъ строѣ и неразрывно была связана съ наличностью земельной аристократіи. Реформы шестидесятыхъ годовъ разрушили ветхое зданіе русскаго феодализма. Правда, онѣ не сравняли его съ землей, но окончательное уничтоженіе привилегій взялъ на свою долю процессъ экономической эволюціи, которая пошла быстрымъ темпомъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ гнета крѣпостнаго права. Вовлеченная въ круговоротъ всемірнаго капиталистическаго производства, Россія не могла сохранить отжившія формы мѣстной и центральной власти. Выполненіе задачъ современнаго высословнаго государства услугами наследственныхъ ста тысячъ полицеймейстеровъ, по выраженію Николая Перваго, является совершенно невозможнымъ.

И самое умноженіе функцийъ власти, составляющее отличительный признакъ современнаго государственнаго развитія, и измѣненія въ составѣ дореформенныхъ правящихъ классовъ требуютъ новой организаціи управленія. „По мѣрѣ того, какъ, въ силу наивнѣвшихся условій политической и народно-хозяйственной жизни, аристократія теряетъ свое преобладающее въ государствѣ и обществѣ значеніе; по мѣрѣ того, какъ на первое мѣсто выдвигаются средніе классы, для которыхъ государственная служба не

можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ оплачиваемою государствомъ профессію, аристократическій характеръ государственной службы смѣняется новымъ, бюрократическимъ“¹⁾),—говоритъ г. В. Гессенъ. Этотъ процессъ смѣны привилегированныхъ классовъ средними, помѣстнаго дворянства—буржуазіей и составляетъ содержаніе пореформенной эволюціи Россіи. Онъ ясно отражался и отражается на развитіи русскаго государственнаго строя. Но здѣсь надо замѣтить одну важную особенность. Земская реформа шестидесятыхъ годовъ передала часть государственныхъ задачъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ общественныхъ учреждений. Основанія для раздѣленія мѣстныхъ и общихъ дѣлъ были приняты чрезвычайно шаткія и неопредѣленныя, но фактически трудъ общественныхъ и центральныхъ учреждений распредѣлился такимъ образомъ, что на долю земскаго и городского самоуправления достались, прежде всего и больше всего, культурныя задачи государства, а на долю правительственныхъ учреждений—задачи по охранѣ внутренней и вѣшной безопасности государства. Взаимныя отношенія между правительственными и общественными органами государственной власти оказались, вслѣдствіе несовершенства законодательства, до крайности спутанными, но, въ общемъ, указанное раздѣленіе труда выдерживалось съ достаточною строгостью. Слѣдовательно, и предъ правительствомъ и предъ обществомъ, призваннымъ къ участию въ дѣлахъ управленія, раскрывалась необъятная работа, въ особенности трудная для общества. Ему нужно было создавать народную школу, народную медицину, страхованіе, создавать даже самую русскую культуру изъ хаоса вѣковой крѣпостной тьмы. Правительственная организація быстро приспособилась къ требованіямъ новой жизни. Съ паденіемъ сословнаго государства, съ постепеннымъ исчезновеніемъ помѣстнаго дворянства, правительство безпрепятственно переходило къ системѣ бюрократическаго управленія, соответствующей современному бессословному государству. Мы не входимъ въ оцѣнку тѣхъ формъ, которыя приняла, подъ вліяніемъ историческихъ условій, русская бюрократія. Мы хотимъ только отмѣтить, что самый процессъ бюрократизаціи находитъ полное объясненіе и оправданіе въ неизбежныхъ требованіяхъ преобразованія феодальнаго государства въ современное. Въ общественныхъ учрежденияхъ совершался тотъ же процессъ, что и въ правительственныхъ, но съ значительными осложненіями. Въ то время, какъ правительство твердо и опредѣленно отказалось отъ пользованія въ своей области сословными пережитками, въ области государственныхъ задачъ, ввѣренной мѣстнымъ выборнымъ людямъ, законодательство сохранило принципъ опеки, свойственной ликвидированному феодальному строю. И первое земское „Поло-

1) В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. Стр. 9.

женіе“ и, въ особенности, второе проникнуто явнымъ стремленіемъ спасти сословныя привилегіи и опекунскую власть помѣстнаго дворянства хотя бы въ тѣсной области земской жизни. Эта тенденція законодательства сильно задерживала и задерживаетъ развитіе русскаго земства и служитъ почвой для проявленія реакціонныхъ мечтаній нѣкоторой группы земскихъ дѣятелей, но, какъ попытка повернуть назадъ колесо исторіи, она не могла осуществиться на практикѣ. Мобилизація дворянскаго землевладѣнія лишила помѣстное дворянство возможности воспользоваться своимъ преимуществомъ. Какъ показываютъ цифровыя данныя о земскомъ представительствѣ, дворянство отдаетъ всѣ силы мѣстному управленію, но ихъ не оказывается въ достаточномъ количествѣ для пополненія нормальнаго числа гласныхъ отъ дворянъ. Ежегодно, въ періодъ земскихъ выборовъ, газеты приносятъ извѣстія изъ разныхъ угловъ Россіи, что дворяне, собравшіеся для выбора земскихъ гласныхъ, за малочисленностью, самозабраніемъ признали себя гласными и, тѣмъ не менѣе, не составили требуемаго закономъ комплекта. Эти извѣстія, какъ и многочисленныя статистическія данныя, ясно показываютъ, что отъ былого помѣстнаго дворянства, остаются на землѣ только тѣ, кто приспособляется къ новымъ условіямъ производства, кто изъ сословія переходитъ въ классъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, со дна [народной массы поднимаются дѣти пореформенной эпохи—представители разночиннаго капитала, представители промышленной и земельной буржуазіи, лишены пока юридическаго участія въ государственномъ управленіи. Ихъ силы земское самоуправленіе оставляетъ неиспользованными. Не только мелкая, но даже крупная буржуазія, въ значительной своей части, обречена на роль простаго зрителя при рѣшеніи насущныхъ вопросовъ мѣстной жизни. Если бы жизнь шла тѣмъ путемъ, который указанъ юридическими нормами, то результатомъ такого положенія было бы полное безсиліе мѣстныхъ общественныхъ учреждений. Но, къ счастью, неудачное законодательство можетъ только затормозить, затруднить жизненное теченіе, но не можетъ остановить его. Какъ сильный потокъ, жизнь находитъ другое русло, если не можетъ пробить плотины. Не имѣя силъ осуществить подвѣдомственныя ему отрасли государственной работы путемъ сословно-патріархальнаго управленія, земство все болѣе и болѣе переходитъ къ современнымъ бюрократическимъ формамъ, соответствующимъ буржуазному строю мѣстной жизни.

Крайняя ограниченность количественнаго состава земскихъ собраній и отсутствіе мелкихъ земскихъ единицъ ускоряютъ и усиливаютъ этотъ процессъ. Вольнонаемный трудъ дѣлается все болѣе и болѣе необходимымъ съ развитіемъ земской дѣятельности; его примѣненіе растетъ во всѣхъ отрасляхъ земской жизни, и вольнонаемныя служащіе, по справедливому наблюденію тайнаго совѣтника Зиновьева, иногда даже оттѣсняють выбор-

ныхъ земскихъ людей на второй планъ. Это явленіе объясняется только тѣмъ, что земская служащая интеллигенція опирается на реальную общественную силу, что она является не предусмотрѣннымъ закономъ представителемъ тѣхъ классовъ населенія, которыхъ игнорируетъ земское избирательное право, но которые обладаютъ слишкомъ значительнымъ вліяніемъ въ мѣстной жизни, чтобы не найти доступа къ дѣламъ мѣснаго управленія. Земская служащая интеллигенція представляетъ, такимъ образомъ, естественный продуктъ всего развитія русскаго земства, неизбежное послѣдствіе возрастающаго значенія среднихъ классовъ и необходимый жизненный коррективъ погрѣшностей формально-юридической земской организаціи. Какъ и правительственная бюрократія, она порождена историческою смертью сословно-почетливой системы управленія и умноженіемъ функцийъ власти. Таковы объективныя причины возникновенія и роста земской интеллигенціи. Но для ея оцѣнки намъ необходимо коснуться и тѣхъ субъективныхъ настроеній, волны которыхъ сформировали земскаго интеллигента, какъ общественный типъ опредѣленнаго содержанія.

III.

Существуетъ мнѣніе, будто земская интеллигенція зародилась въ героической періодъ исторіи русскаго разночинца, въ эпоху массоваго хожденія въ народъ. Въ июльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за этотъ годъ г. Д. Рихтеръ, подводя итоги трудамъ русскихъ земскихъ статистиковъ, высказываетъ, между прочимъ, мысль, что „широкая свобода дѣйствія, предоставленная поступившимъ на службу земства, не могла не привлечь къ земскому дѣлу массы русской интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что время расцвѣта земства совпало со временемъ героической поры въ жизни нашей интеллигентной молодежи, съ такъ называемымъ хожденіемъ въ народъ“. Это не совсѣмъ точно. Въ то время, когда русскій разночинецъ признавалъ себя критически-мыслящею личностью, призванною творить исторію, земской интеллигенціи, какъ особой соціально-политической разновидности, еще не было, да и не могло быть.

Земскія учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ они появились, вообще, вызвали горькое разочарованіе и неудовольствіе общества. „Новыя Положенія“, — писалъ въ февралѣ 1864 года одинъ изъ современниковъ, — до такой степени мизерны, неискренни, скудны, сшиты на живую нитку изъ французскихъ лохмотьевъ, сбивчивы, жалки, тощи, пусты, что удивилъ самого Каткова. Срывая свою мысль подъ тяжелою доктринерскою галдяущею, онъ все-таки высказалъ, что уставъ нигде не годится, и заключить, по руководству берлинскихъ профессоровъ, когда они недовольны

королемъ—сиплымъ, беззвучнымъ „ура!“ , послѣ чего онъ безжалостно сослалъ „Положенія“ изъ главнаго листа въ „Современную Лѣтнюю“ ¹⁾ рядомъ съ довосомъ на коммунизмъ „Современника“... Впрочемъ, гдѣ Каткова не оригиналенъ. Вся журналистика какъ-то сконфужена земскими „Положеніями“. Совершеннѣйшее fiasco, самое полное... Печенныя яблоки летать стовсюду, разумѣется, приправленные всякаго рода сахаромъ, даже со всякихъ уѣздныхъ обѣдовъ и елокъ“... Если съ такимъ пренебреженіемъ новорожденное земство было встрѣчено благоразумнымъ „обществомъ“, то „критически-мыслящая“ интеллигенція, мечтавшая въ то время о созданіи новаго свѣтлаго міра, и подавно не могла питать какое-либо уваженіе къ земству, въ которомъ она, въ лучшемъ случаѣ, видѣла только либерально-дворянскую организацію. Разночинецъ тогда вѣрилъ въ народъ, шолный, по его мнѣнію, нетронутой духовныхъ богатствъ, и только на народъ возлагалъ свои лучшія надежды, а поэтому, и шелъ непосредственно къ народу съ своимъ, а не земскимъ словомъ. Земство, конечно, и тогда уже чувствовало потребность въ интеллигентномъ трудѣ, въ пованіяхъ специально-образованныхъ служащихъ. Въ интересныхъ „Воспоминаніяхъ стараго земца“, напечатанныхъ въ прошломъ году „Вѣстникомъ Европы“ и относящихся къ семидесятымъ годамъ, авторъ остроумно рассказываетъ, какъ ему, въ качествѣ предсѣдателя земской управы, пришлось искать „варяговъ“ для разныхъ отраслей земскаго дѣла. Но тѣ же воспоминанія говорятъ и о томъ, какъ неохотно шли „варяги“ на земскую службу, и какъ они отличались отъ нынѣшняго „третьяго поколѣнія“. Въ большинствѣ случаевъ, „варягъ“ того времени былъ просто неудачникомъ, пріютившимся, наконецъ, подъ земской кровлей, или человекомъ, еще не опредѣлившимъ своей дороги, и черезъ короткое время бросившимъ службу въ земствѣ. Вывали, несомнѣнно, и исключенія. Но, во всякомъ случаѣ, героическая разночинная интеллигенція съ земствомъ не имѣла ничего общаго. Она шла большою, хотя и тернистою, дорогою и не терпѣла отклоненій отъ намѣченной дѣли. Земскій интеллигентъ появляется на скромной мѣстной нивѣ уже по ликвидаціи героическаго періода, когда вѣра въ народъ была утрачена, и разночинецъ возвратился на лоно общества, возвратился, правда, съ демократическими идеями своей среды и народолюбіемъ предшествующаго періода своей исторіи. Это былъ періодъ „малыхъ дѣлъ“ и „незамѣтныхъ героев“, и относится онъ уже къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка.

Разбитый въ столкновеніи съ суровою дѣйствительностью, интеллигентъ спасался въ тихой пристани мирной культурной работы, тѣмъ болѣе, что

1) Т. е. изъ „Русскаго Вѣстника“ въ приложеніе къ нему. Н. I.

рость средних классовъ уже давалъ въ это время опору минимальнымъ требованіямъ успокоившагося разночинца, а развивавшаяся земская жизнь открывала необозримое поле для приложенія интеллигентныхъ силъ. „Врагъ общества“ и „потрясатель основъ“, такимъ образомъ, искренне и чисто-сердечно примирился съ существующимъ строемъ обществѣ, хотя, въ глубинѣ души, и продолжалъ считать себя „героемъ“, украшая свою позицію старымъ словеснымъ оружіемъ. „Земство, — писали земскіе служащіе Москвы въ адресѣ по случаю юбилея Н. К. Михайловскаго, — представляетъ единственное учрежденіе, въ которомъ по нашимъ русскимъ условіямъ можетъ проявиться общественная самодѣятельность, и оно же оказывается почти единственнымъ легальнымъ убѣжищемъ для проявленія практической дѣятельности критически-мыслящей личности“¹⁾. Мы не хотѣли бы, чтобы наши слова были истолкованы въ смыслѣ желанія умалить заслуги разночинной интеллигенціи. Наша цѣль заключается исключительно въ томъ, чтобы воздать „кесарю — кесарю“ и освободить „третій элементъ“ отъ приписываемыхъ ему чужихъ качествъ, такъ какъ, очевидно, что „критически-мыслящая личность“ семидесятихъ годовъ, въ историческомъ значеніи этого типа, не имѣетъ ничего общаго съ „критически-мыслящею личностью“ 1899 года, скромно расположившеюся въ „единственномъ легальномъ убѣжищѣ“. Разночинецъ „героическаго“ періода, по словамъ его поэта, „ни въ чемъ середины не зналъ“ и „на все безразсудно держалъ“, разночинецъ же „земскаго“ періода, прежде всего, подыскивалъ „середину“, да еще старался „обозначить“ склонность слегка держаться правой стороны. Онъ всей душою отдавался своему маленькому дѣлу и, постоянно заботясь о спасеніи хрупкой постройки, готовъ былъ на очень большіе компромиссы. Какъ говоритъ компетентный знатокъ земской интеллигенціи, г. Пѣшеховъ: „Здѣсь больше всего дѣйствовала привычка, выработанная въ насъ годами безвременья, изъ-за деревень не видать дѣла, изъ-за маленькаго дѣла жертвовать, хотя и въ маленькихъ дозахъ, но въ итогѣ очень большими интересами“²⁾. Земскій разночинецъ былъ умѣреннымъ и аккуратнымъ работникомъ, но онъ былъ очень маленькимъ общественнымъ дѣятелемъ. Объ этомъ весьма и весьма не мѣшаетъ вспомнить теперь, когда, подъ влияніемъ обстоятельствъ, земскіе труженики увѣнчиваются неожиданными для нихъ героическими лаврами. Но, при всемъ томъ, оживляющая работа разночинной интеллигенціи, собравшейся подъ земскою кровлею, принесла громадную пользу въ смыслѣ пробужденія обывательской сознательности, въ смыслѣ внесенія идейнаго содержанія въ глухую провинціальную жизнь. Хожденіе въ земство недаромъ было „одной изъ маленькихъ струекъ, на

1) Пѣшеховъ. На очередныя темы. Стр. 320.

2) Ibid. Стр. 330.

которая принуждена была разбиться волна большого движения“, „одной из немногих узеньких тропок, которыми пришлось довольствоваться вмѣсто широкой дороги къ народу“¹⁾). Земская демократическая интеллигенція внесла присущія ей черты въ земскую работу и во всю мѣстную жизнь. „Демократически настроенная, опираясь, съ одной стороны, на силу и обаяніе ума, знанія, таланта и нравственнаго благородства, а съ другой— на выборныхъ своихъ представителей и представительство крестьянское,— она успѣла оказать замѣтное вліяніе также на общее направленіе земскаго дѣла, способствуя усилению въ немъ демократическихъ тенденцій. Умножившись же въ своей численности, она явилась замѣтнымъ и внѣ земства факторомъ мѣстной жизни, принимая дѣятельное участіе въ культурныхъ обществахъ, мѣстной и столичной печати и т. д., подчеркивая всюду правовыя, экономическія и культурныя нужды народа“²⁾). Эти черты земской интеллигенціи подтверждаются и данными правительственной ревизіи Московскаго земства. По словамъ отчета, „Клинскій санитарный совѣтъ обсуждалъ вопросъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, Звенигородскій проектировалъ учрежденіе въ земствѣ консультаціи для населенія по судебнымъ дѣламъ на томъ основаніи, что лица, получившія поврежденія на фабрикахъ, часто обращаются къ врачамъ за совѣтомъ. Въ одномъ санитарномъ совѣтѣ разсматривался отчетъ мѣстнаго общества потребителей на томъ основаніи, что оно занимается продажою съѣстныхъ припасовъ, а вопросы питанія входятъ въ область гігіены“. „Примѣру врачей стремятся слѣдовать и ветеринары. Малочисленность не даетъ имъ возможности сплотиться въ обширную корпорацію, но право баллотировки лицъ, вступающихъ на ветеринарную службу земства, они уже отвоевали. Въ будущемъ можно ожидать, что и они предъявятъ требованія о расширеніи пока очень скромнаго круга своей дѣятельности, такъ какъ, по мысли ветеринарнаго бюро губернской управы, въ область ветеринаріи должно входить обезпеченіе крестьянъ отъ утраты скота вслѣдствіе конокрадства и даже вслѣдствіе продажи за недоимки и т. п.“ Земская интеллигенція простираетъ свое вліяніе и на школы „подъ видомъ заботы о школьной гігіенѣ, въ область которой включаетъ вопросы о примѣненіи въ школахъ наказаній, обсужденіе пригодности, съ точки зрѣнія гігіены, тѣхъ или другихъ учебниковъ и школьныхъ принадлежностей, устройство школьныхъ поѣздокъ и т. п.; нѣкоторые врачи прямо признаютъ даже педагогіку частью гігіены“. Кроме того, постоянно стараясь создать выборное представительство учителей, земская интеллигенція выработала для объединенія ихъ дѣятельности новую функцію завѣдыванія хозяйственною частью

¹⁾ Пѣшеховъ. На очередныя темы. Стр. 309.

²⁾ Ibid. Стр. 321.

училищъ. Одинъ изъ этихъ земскихъ инспекторовъ въ напечатанномъ докладѣ губернскому земскому собранію формулировалъ свои педагогическія идеи очень опредѣленно. „Въ основу народныхъ школъ,—писалъ онъ,— должно быть положено свободное самодѣтельное развитіе человѣческой личности, и такое развитіе нравственной личности человѣка можетъ успѣшно итти только въ свободной школѣ“. Затѣмъ, земскіе служащіе, разумѣется, энергично заботились объ улучшеніи условій вольнонаемнаго труда въ земскихъ учрежденіяхъ. „На одномъ изъ собраній, состоявшемъ преимущественно изъ акушеровъ, поднять былъ даже вопросъ о матеріальномъ и правовомъ положеніи служителей при больницахъ“. Насколько, чисто съ практической точки зрѣнія, работа разночинной земской интеллигенціи была полезна для земства и населенія, видно изъ общаго отзыва тайнаго совѣтника Зиновьева о положеніи земскаго хозяйства въ Московской губерніи. По словамъ отчета, дѣятельность Московскаго земскаго самоуправления „получила широкое и всестороннее развитіе“. „Въ числѣ отраслей земскаго хозяйства, по размѣру расходовъ, занимаетъ первое мѣсто медицинская часть, на которую тратится до 30 процентовъ всего бюджета... Въ губерніи имѣется, кромѣ лечебницы для умалишенныхъ на 585 кроватей, свыше 90 лечебницъ съ 1.500 кроватями. На развитіе средствъ народнаго образованія расходуется до четверти бюджета, и въ настоящее время имѣется свыше 800 школъ съ 50 слишкомъ тысячами учащихся“... Школы „обезпечены болѣею частью хорошими помѣщеніями, трудъ учителей достаточно оплачивается, и сами они, по сообщенію учебнаго и губернскаго начальства, за немногими исключеніями, соответствуютъ своему назначенію. Преподаваніе и, вообще, учебно-воспитательная часть... ведутся правильно“. „Далѣе, шоссировано 1.180 верстъ дорогъ, что, вмѣстѣ съ переданными въ вѣдѣніе земства 498 верстами казенныхъ шоссе, составляетъ общую для губерніи сѣтъ шоссированныхъ путей въ 1.678 верстъ. Земствомъ организованъ, затѣмъ, сравнительно достаточный ветеринарный надзоръ, страхованіе отъ огня поставлено вполне удовлетворительно и даетъ земству крупныя средства... Наконецъ, въ послѣднее, сравнительно, время земство обратило вниманіе и на улучшеніе общихъ экономическихъ условій быта сельскаго населенія. Разумѣется, и въ дѣятельности Московскаго земства ревнція обнаружила рядъ недостатковъ, но они являются только частными погрѣшностями, неизбежными, къ сожалѣнію, во всякомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ“. Въ общемъ же, совершенно неопровержимо установлено, что Московское земство не только прилагаетъ всѣ усилія, чтобы удовлетворить многочисленныя нужды и потребности населенія, но и достигаетъ въ этомъ направленіи крупныхъ, если не блестящихъ, результатовъ. При такомъ итогѣ можно спокойно смотрѣть на

отдѣльные промахи и недочеты, съ увѣренностью ожидая ихъ устранения въ непрерывномъ прогрессѣ плодотворной работы. Практическіе результаты оправдываютъ сотрудничество мѣстныхъ людей съ демократической интеллигенціей. Но практическая точка зрѣнія, при всей кажущейся простотѣ, слишкомъ неопредѣлена, чтобы удовлетворить различные элементы русскаго общества. Въ этомъ и заключалась трагедія земской интеллигенціи...

IV.

Разночинецъ приобрѣлъ вліяніе только тогда, когда въ земской средѣ выросла группа, чуждая сословныхъ предразсудковъ и объединенная исключительно классовымъ интересомъ. Съ обыкновенною въ такихъ случаяхъ широтою и расплывчатостью стремленія этой группы формулируются въ приводимыхъ тайнымъ совѣтникомъ Зиновьевымъ словахъ бывшего предсѣдателя Московской губернской земской управы г. Шипова: „ни дворянство, ни купечество, ни крестьянство, отдѣльно взятая, не могутъ претендовать на руководящую роль въ общественной жизни. Такая роль можетъ принадлежать только всесословной интеллигенціи не какъ особому какому-либо классу, а какъ совокупности людей, наиболѣе просвѣщенныхъ, наиболѣе сознающихъ долгомъ обязанность общественнаго служенія“. Группа, которую г. Шиповъ считаетъ единственною претенденткою на руководство земскою жизнью, конечно, не можетъ состоять ни изъ кого другого, какъ изъ буржуазіи. Самое выставленіе ея кандидатуры показываетъ, что она приобрѣла уже серьезное значеніе въ провинціальной жизни. Но она еще не поглотила остальныхъ группы. Подъ защитою устарѣвшихъ юридическихъ нормъ въ земствѣ живутъ и дѣйствуютъ послѣдніе отряды нѣкогда сильной арміи. Сама по себѣ эта часть земской среды, защищающая осужденныя историческимъ развитіемъ позиціи, не представляетъ сколько-нибудь серьезной силы, но, поддерживаемая извнѣ, она оказывается способною причинить значительныя затрудненія представителямъ новыхъ вѣяній въ земской жизни и, прежде всего, третьему элементу, какъ выразителю демократическихъ интересовъ. Исторія русскаго земства сохранить потомству такіе факты, какъ аутодафе статистическихъ описаній Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ, уничтоженіе „Итоговъ“ изслѣдованія Курской губерніи, удостоенныхъ самаринской преміи московскаго университета, многочисленные конфликты между интеллигенціей и земскими выборными людьми. Однако, чѣмъ болѣе разночинецъ сближался съ либерально-демократической частью земства, чѣмъ болѣе онъ становился на твердую почву реальныхъ классовыхъ интересовъ, тѣмъ труднѣе становилась борьба противъ него внутренними средствами. Разночинная интеллигенція постаралась оградить себя отъ

черезчуръ произвольныхъ воздѣйствій мѣстныхъ людей и сосредоточилась почти исключительно въ губернскомъ земствѣ. Это вызвано было различными причинами. Съ одной стороны, задачи губернскаго земства законодательствомъ установлены были въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ задачи уѣздныхъ земствъ, съ другой—составъ губернскихъ земскихъ собраній отличался болѣе культурностью и, слѣдовательно, болѣею чуткостью и отзывчивостью къ запросамъ момента. По даннымъ, собраннымъ г. Русовымъ, въ Черниговской губ., напримѣръ, образовательный уровень губернскихъ гласныхъ отличался болѣею высотой, чѣмъ уѣздныхъ: изъ 379 человекъ уѣздныхъ гласныхъ съ высшимъ образованіемъ было 26,6 процентовъ (101 чел.), со среднимъ—25,9 проц. (98 чел.) и съ низшимъ или безъ всякаго образованія—47,5 проц. (180 чел.); тогда какъ въ губернскомъ земскомъ собраніи гласныхъ съ высшимъ образованіемъ было 52 проц., со среднимъ 34 проц. и съ низшимъ 14 проц. Кроме того, въ средѣ губернскаго земскаго собранія болѣе молодыхъ силъ; гласные въ возрастѣ 25—35 лѣтъ составляли въ губернскомъ собраніи 34,7 проц., тогда какъ въ уѣздныхъ только 29 проц.¹⁾ Группируя въ себѣ наиболѣе живыя и культурныя силы земской среды и въ самой широтѣ своихъ задачъ почерпая новую энергію и широту взглядовъ, губернскія земства сдѣлались оплотомъ и прибѣжищемъ разночинной интеллигенціи. Цѣлый рядъ земскихъ функцій сосредоточился, такимъ образомъ, въ рукахъ губернскаго земства. Поскольку эти функціи не затрогивали матеріальныхъ и общественныхъ интересовъ уѣздныхъ гласныхъ, они охотно примирялись съ централизаціей земскаго дѣла. Но такъ какъ развитіе дѣятельности губернскаго земства все болѣе и болѣе отражалось и на уѣздныхъ карманахъ, то вскорѣ въ уѣздныхъ собраніяхъ поднялся настоящій вопль противъ централизаціи и бюрократизаціи земской работы и противъ „третьяго элемента“, какъ воплощенія этихъ началъ, а затѣмъ и противъ губернскаго земства, какъ проводника новыхъ теченій. Люди, привыкшіе считать себя вершителями уѣздныхъ судебъ, не могли примириться съ появленіемъ разночинцевъ, не обращающихъ вниманія на лица и не считавшихся съ приходскими предразсудками. По жалобѣ предсѣдателя Московской уѣздной управы, Рихтера, земскіе служащіе осмѣливаются критиковать дѣйствія земскаго начальства и, вообще, стремятся сѣсть управѣ на шею. Они не желаютъ считаться съ мѣстными людьми, и, если не будетъ положенъ предѣлъ ихъ самовластію, то лучше земскіе люди могутъ быть поставлены въ необходимость оставить земскую дѣятельность. Практическимъ выводомъ

¹⁾ Цитируемъ по статьѣ г. Авинова „Объ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Саратовск. Земск. Недѣля. 1904 г. кн. 4.

изъ подобныхъ жалобъ является требованіе ограниченія власти губернскаго земства, несмотря на то, что, по закону, губернское земство никакой властью, въ собственномъ смыслѣ слова, не обладаетъ, и его вліяніе основывается только на авторитетности его постановленій и возможности финансовой поддержки уѣздныхъ земствъ. Но въ борьбѣ не церемонятся и не разбираютъ средствъ. Атакка противъ губернскаго земства, какъ противъ сообщника демократическихъ тенденцій, ведется очень энергично и до послѣдняго момента обѣщала закончиться успѣхомъ реакціонныхъ вождѣвнѣй. „Вѣсти. Права“ опубликовалъ даже проектъ преобразованія губернскихъ земствъ, по которому они лишались собственного бюджета и превращались въ канцеляріи безъ опредѣленнаго назначенія. Въ настоящій моментъ чрезвычайно трудно сказать, каковы шансы этого проекта. Быть можетъ, онъ и не получитъ осуществленія. Но борьба съ земскою демократіею и теперь обрисовывается вполне ярко.

Она ведется повсюду и ведется въ самой примитивной формѣ: изгнанія нежелательнаго элемента съ земской нивы. Фактъ безусловно печальный, но необходимый поскольку классовая борьба проникаетъ за сословную изгородь земскаго избирательнаго права, и, главнымъ образомъ, поскольку она осложняется внѣшними вліяніями. Изгнаніе демократическихъ элементовъ изъ земства показываетъ, что ихъ приспособленіе къ дѣлу строительства, къ дѣлу мирнаго положительнаго созиданія жизненныхъ формъ оказалось преждевременнымъ. Другіе элементы и другія вліянія обнаружили достаточно силы, чтобы выбить, хотя временно, разночинца изъ занятыхъ имъ позицій. И разночинецъ удаляется съ земской нивы. „Критически мыслящая личность“ покидаетъ свое послѣднее легальное убѣжище, по выраженію московскихъ земскихъ служащихъ. Куда она направитъ свои стопы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ покрытъ туманомъ неизвѣстнаго будущаго, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что изгнанный разночинецъ, разставшись съ потеряннымъ раемъ правящихъ классовъ, снова, хотя отчасти, возвратится къ народу.

Ник. Іорданскій.

Хроника русской жизни.

(Застой въ промышленности и торговлѣ.—Результаты урожая.—Убійство А. Ф. Андреева въ Аджиентѣ и В. К. фонъ-Плеве въ Петербургѣ.—Новые законы о печати въ Финляндіи.—Военно-окружной судъ въ Саратовѣ.—Пребываніе праха А. П. Чехова въ Петербургѣ).

Вліяніе войны на экономическую жизнь Россіи сказывается все яснѣе и яснѣе. Газеты полны этого рода извѣстіями. Въ Польшѣ, напр., по сообщенію „Сѣверо-Западнаго Края“, вліяніе войны отозвалось съ самаго ея начала отсутствіемъ наличныхъ денегъ и сокращеніемъ кредита. Хотя центромъ промышленности всего края является Лодзь, но центръ денежный находится въ Варшавѣ, которая, благодаря своимъ многочисленнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, снабжала деньгами обширные районы. Сама Варшава, въ свою очередь, въ значительной степени получала денежное питаніе изъ-за границы, пользуясь широкимъ кредитомъ заграничныхъ банковъ. И вотъ, съ началомъ войны этотъ кредитъ закрылся. Варшавскіе банки сдѣлали то же самое—и въ результатѣ крупныя фирмы, сами лишеныя кредита, отказали въ немъ и своимъ кліентамъ. Отсюда повсемѣстный въ Польшѣ застой въ дѣлахъ. Многіе фабриканты сократили производство, многіе совершенно прекратили работы, большое количество фабрикъ и заводовъ бездѣйствуетъ. Извѣстія объ экономическомъ кризисѣ идутъ изъ самыхъ разнообразныхъ концовъ Россіи. „Въ нашей мѣстности давно уже не замѣчалось такого безденежья, какъ теперь,—пишутъ „Кіевлянину“ изъ Нѣжина... Во всей здѣшней мѣстности замѣченъ застой въ дѣлахъ, въ особенности въ торговлѣ“... Изъ Екатеринослава пишутъ въ „Русь“: „съ каждымъ днемъ торгово-промышленный кризисъ проявляется сильнѣе. На дняхъ тайно ликвидировала свои дѣла одна изъ крупнѣйшихъ мануфактурныхъ фирмъ и обширный магазинъ общества потребителей. Вслѣдъ за крупными

идутъ мелкія и общія жалобы вы слышите вездѣ. Въ связи съ этимъ застоємъ въ торговлѣ замѣчается и общій застой. Екатеринославъ—молодой городъ: всего 4-5 лѣтъ, какъ онъ началъ обстраиваться. Теперь всѣ постройки остановились, а съ ними упали страшно цѣны на рабочія руки плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ. На продовольственномъ пунктѣ сильное скопленіе безработныхъ рабочихъ... То же скопленіе замѣчается и на базарахъ"... Изъ Вердичева пишутъ въ „Кіевскую газету“: „мѣстныя ювелирныя мастерскія, обслуживающія своими издѣліями даже самыя отдаленныя губерніи Россіи, въ настоящее время совершенно ликвидировали свои дѣла, за отсутствіемъ спроса на рынкѣ. То же произошло съ цвѣточниками, съ заготовщиками, съ крупными фабриками гвудой мебели. Фабриканы механической обуви, понизивъ сперва заработную плату за пару ботинокъ съ 15 до 10 копеекъ, тоже прекратили производство на своихъ фабрикахъ и лишь въ вѣкоторыхъ, наименѣе значительныхъ мастерскихъ, работа заканчивается. О каменщикахъ, плотникахъ и чернорабочихъ и говорить нечего, такъ какъ строительный сезонъ у насъ не начался и ужъ, конечно, не начнется вовсе въ этомъ году. У портвыхъ и сапожниковъ, работающих „по заказу“, работы хватаетъ на 2-3 дня въ недѣлю, а у вѣкоторыхъ всего на 2-3 часа въ день. Сотни рабочихъ со своими семьями рѣшительно не знаютъ, куда имъ и къ чему руки приложить“. Въ Рязанской губерніи произведенъ на войну наборъ людей и лошадей. „Вліяніе той и другой мобилизаціи,—пишутъ по этому поводу изъ Рязани въ „Русскія Вѣдомости“,—сказывается особенно чувствительно для крестьянскаго хозяйства въ двухъ уѣздахъ, въ которыхъ сельское населеніе мало занимается земледѣліемъ, уходя въ отхожіе промыслы на большую часть года. Благодаря этому, въ этихъ уѣздахъ встрѣчаются селенія, изъ которыхъ взято почти все взрослое надличное населеніе и всѣ лошади, что, разумѣется, должно тяжело отразиться на мѣстномъ хозяйствѣ“.—„Оригинальную картину представляетъ теперь ваша земская управа, — пишутъ изъ Лебедина въ „Новое Время“,—толпы бабъ съ грудными ребятами осаждаютъ ежедневно и предсѣдателя, и членовъ управы просьбами, жалобами, претензіями—все по поводу выдачи пособій. Это—жены запасныхъ, которыхъ отправилось на службу около 2.400 человекъ“. Какое вліяніе оказала война на экономическую жизнь Сибири, объ этомъ не трудно догадаться. „Во всѣхъ нерчинскихъ селахъ и деревняхъ, — пишетъ корреспондентъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ изъ Нерчинска, — въ настоящее время замѣчается полвѣйшая безхлѣбница. Съ раняго утра и до поздняго вечера бѣдняки толпятся во дворѣ какого-нибудь продавца, выпрашивая продать полпуда яричной муки и давая ту цѣну, какую продавецъ заблагоразсудитъ назначить. Часто случается, что самыя усерд-

ныя просьбы остаются безъ всякаго вниманія. Людей безъ хлѣба вездѣ очень много, а съ хлѣбомъ почти нѣтъ. Подвоза ждать неоткуда, и если такъ будетъ продолжаться, то передъ картиной будущаго, на основаніи настоящаго, невольно ужасаешься. Въ воображеніи рисуются сухіе люди съ пустыми желудками и масса больныхъ“. Корреспонденціи изъ другихъ мѣстностей Сибири рисуютъ совершенно такія же картины.

* * *

Тяжесть вышенарисованной картины усугубляется вѣстями о состояніи урожая во многихъ мѣстахъ Россіи. Вотъ что пишутъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“:

„По газетнымъ извѣстіямъ, наиболѣе пострадали въ губерніяхъ: Херсонской—Александрійскій и Тираспольскій уѣзды; въ Бессарабской—Акерманскій, Бендерскій, Измаильскій, Кишиневскій и отчасти Оргеевскій уу.; въ Таврической—Мелитопольскій и Евпаторійскій уу.; въ Полтавской—Зенковскій, Константиноградскій, Лохвицкій, Миргородскій, Полтавскій и въ Харьковской—Харьковскій. Нѣкоторымъ уѣздамъ угрожаетъ голодовка“.

Изъ Ананьевского и Елисаветградскаго уѣздовъ Херсонской губ. пишутъ „Одесскому Листку“, что съ 22—23-го іюня на болѣе песчаныхъ почвахъ мелкіе хозяева приступили къ уборкѣ ячменя и озимой ржи, созрѣвшихъ, благодаря стоящей жарѣ и засухѣ, равнѣ срока. Зерно этого хлѣба оказывается чрезвычайно щуплымъ и легковѣснымъ. Яровая пшеница въ большинствѣ случаевъ сгорѣла, не успѣвъ даже выбросить колоса; выгоны и даже перелогі превратились въ совершенно обнаженные, черныя и покрытыя тонкимъ слоемъ пыли пространства, на которыхъ не только крупный но даже и мелкій скотъ не находитъ себѣ никакой пищи. Чтобы спасти его отъ голодной смерти, хозяева, не имѣющіе запасовъ старой соломы или сѣна, косятъ выгорающій хлѣбъ и даютъ его своимъ домашнимъ животнымъ. Въ Тираспольскомъ уѣздѣ, какъ сообщаетъ „Югъ“, населеніе снимаетъ низкорослый недозрѣлый хлѣбъ подъ кормъ; весь этотъ уѣздъ постигъ крупный недородъ; такая же печальная уборка идетъ въ Александрійскомъ уѣздѣ, гдѣ озимые позѣвы, по словамъ „Одесскихъ Новостей“, скошены на траву. Въ Одесскомъ уѣздѣ мѣстами виды на урожай озямыя и яровыхъ настолько плохи, что на поля пустили скотъ.

Въ Бессарабской губерніи послѣднія сообщенія уѣздныхъ управъ о состояніи хлѣбовъ и травъ въ уѣздахъ, по словамъ „Бессарабца“, окончательно констатируютъ фактъ неурожая и безкормицы въ губерніи, за исключеніемъ нѣсколькихъ уѣздовъ. Неурожай грозитъ тяжелымъ бѣдствіемъ, особенно со стороны прокормленія скота, который за полнымъ отсутствіемъ

подножного корма и запасовъ сбывается за безцѣнокъ. Такъ, по словамъ „Одесскаго Листка“, пара лошадей, еще въ апрѣлѣ стоившая 180—200 р., продается теперь за 70—80 руб.; корова же, стоившая въ апрѣлѣ 40—45 руб., продается за 12—15 руб.; птица, разведенная весной, идетъ за безцѣнокъ вслѣдствіе отсутствія корма.

Полный недородъ ожидается и въ Таврической губерніи. Предстоящее бѣдствіе должно тяжело отозваться на благосостояніи населенія, такъ какъ это уже пятый недородъ; за исключеніемъ прошлаго года, въ теченіе послѣднихъ 6—7-ми лѣтъ. Особенно сильно пострадали, по словамъ корреспондента „Одесскихъ Новостей“, яровые, которые во многихъ мѣстахъ совершенно повыгорали, не выбросивъ даже колоса. Озимые еще держатся, но ихъ портятъ черви, и они сильно заражены зоной. Особенно печальныя вѣсти идутъ изъ Мелитопольскаго, Перекопскаго и части Днѣпровскаго уѣздовъ, гдѣ населеніе безъ продовольственной помощи ни въ какомъ случаѣ не перезимуетъ. „Крымскій Вѣстникъ“ относительно Перекопскаго уѣзда сообщаетъ, что урожай въ уѣздѣ оказался до того плохимъ, что три волости цѣлостью: Акшеихская, Вогемская и Воинская будутъ нуждаться въ продовольственной и сѣменной земской ссудѣ. Населеніе этихъ трехъ волостей едва получить обратно сѣмена, при чемъ въ лучшемъ случаѣ жатва обезпечитъ продовольствіе не болѣе, чѣмъ на нѣсколько мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ наступитъ форменная нужда какъ въ продовольствіи для людей, такъ и въ сѣменахъ для озимыхъ посѣвовъ и корма для скота. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по словамъ корреспондента „Руси“, гдѣ посѣвы еще не совсѣмъ сгорѣли, ихъ снимаютъ на кормъ скоту, который приходится съ поля голоднымъ, не находя себѣ пищи въ сожженной солнцемъ степи; покамѣстъ же скотъ питается прошлогодней соломой, трухой“.

* * *

Въ разсматриваемый промежутокъ времени общественное вниманіе было дважды приковано къ политическимъ убійствамъ: въ Аджиентѣ убитъ елисаветпольскій вице-губернаторъ А. Ф. Андреевъ, а въ Петербургѣ министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Объ убійствѣ Андреева „Тифлисскій Листокъ“ сообщаетъ слѣдующія подробности.

Около 6 часовъ вечера Андреевъ вышелъ на обычную прогулку. Не доходя до губернскаго правленія, на поворотѣ къ Нижнему Анджиану, къ Андрееву подошелъ прилично одѣтый въ туземный костюмъ человекъ и сталъ почти въ упоръ стрѣлять въ него изъ револьвера. Такихъ выстрѣловъ онъ произвелъ шесть, которыми Андреевъ и былъ убитъ наповалъ. За убійцей погнались разные лица, но онъ, угрожая револьверомъ, бросился бѣжать къ датѣ Форера, вошелъ въ садъ и затѣмъ скрылся въ

лѣсу. По словамъ лицъ, которыя шли чай въ гостиницѣ Фарера, убійца удалялся съ мѣста преступленія и, когда только погнались за нимъ, обратился въ бѣгство. Вскорѣ задержано и заключено въ тюрьму пять чело- вѣкъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ убійствѣ Андреева. О мотивахъ этого преступленія газеты ничего не сообщаютъ.

Впечатлѣніе отъ убійства Андреева было скорѣ совершенно вытѣснено впечатлѣніемъ отъ убійства В. К. Плеве. Мы приведемъ подробности этого событія въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ русскихъ газетахъ. Вотъ что гласила посланная во всѣ газеты изъ Петербурга телеграмма Торговаго Телеграфнаго Агентства:

„15-го іюля, въ 9 ч. 50 м. утра, убить злоумышленникомъ, имя котораго еще не установлено, министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь В. К. Плеве. Министръ ѣхалъ къ вокзалу Балтійской жел. дороги для слѣдованія въ Красное Село, и когда карета его поровнялась съ подъѣздомъ „Варшавской“ гостиницы, находящейся на углу Измайловскаго проспекта и Обводнаго канала, изъ подъѣзда гостиницы выскочилъ молодой чело- вѣкъ, лѣтъ 23—24-хъ, въ фуражкѣ желѣзнодорожнаго агента; въ рукахъ у него была бомба, принятая сидѣвшею у подъѣзда торговкой за кочанъ капусты. Стремительно подбѣжавъ къ каретѣ, онъ бросилъ подъ нее бомбу. Раздался оглушительный взрывъ, отъ котораго окна во всемъ пятиэтажномъ зданіи гостиницы и по фасаду и по набережной Обводнаго канала разбились вдребезги. Стекла въ громадномъ окнѣ дебаркадера варшавскаго вокзала тоже посыпались. Находившаяся на проспектѣ полиція и публика бросилась къ мѣсту взрыва и на мостовой нашли министра уже мертвымъ, съ раздробленными черепомъ и челюстью, пробитою грудью, въ изорванномъ мундирѣ. Онъ полулежалъ, обливаясь кровью, на мостовой, окруженный мелкими щепками отъ кареты. Весь кузовъ ея былъ уничтоженъ, остался одинъ лишь ходъ, который израненныя лошади понесли по направленію къ вокзалу. Тяжело раненый кучеръ, свалившійся съ козелъ, запутался въ возжахъ и былъ проташенъ нѣсколько шаговъ, пока не остановили лошадей. Кучера перенесли въ садикъ возлѣ Варшавскаго вокзала, гдѣ онъ скорѣ скончался. Убійца былъ задержанъ сейчасъ же по указанію одного изъ прохожихъ и сознался въ преступленіи, но такъ какъ былъ израненъ, то его отправили въ Александровскую больницу для черно- рабочихъ. Здѣсь по осмотру у него оказалось изранено лицо, ноги, и осколками бомбы прорвана нижняя часть живота, затѣмъ кишечникъ. Преступникъ ничего не говорилъ, но только стоналъ. Въ 3 часа дня приступили къ извлеченію осколковъ. Взрывъ не ограничился смертью министра и его кучера; жестоко пострадалъ случайно ѣхавшій за каретой министра капитанъ гвардіи Семеновскаго полка Свѣцинскій. Осколкомъ ему причи-

женъ сложный переломъ черепа въ двухъ мѣстахъ. Раненый полъ-пути до Александровской больницы сдѣлалъ пѣшкомъ, затѣмъ, прїѣхавъ въ больницу, еще рассказывалъ о происшествіи, но вскорѣ началъ терять сознание. Ему пришлось сдѣлать трепанацію черепа въ двухъ мѣстахъ. Положение его тяжкое. Въ эту же больницу вскорѣ былъ доставленъ крестьянинъ съ женой и ребенкомъ. Прибывъ въ Петербургъ, они съ вокзала шли пѣшкомъ и въ моментъ взрыва очутились возлѣ кареты министра. Крестьянинъ, сваленный съ ногъ, отдѣлался ушибами, жена же его получила раздробленіе ноги; ребенку немного исцарапало лицо. Тѣло покойного министра въ каретѣ „Скорой помощи“ было перевезено въ квартиру. На Варшавскомъ вокзалѣ въ 10 ч. 30 мин. утра по инициативѣ публики была совершена панихида. Семья министра только наканунѣ уѣхала за границу“.

Одинъ изъ очевидцевъ убійства рассказываетъ въ „Новомъ Времени“ слѣдующее: „Въ то время, какъ я шелъ по направленію къ Обводному каналу вдоль зданія Варшавскаго вокзала, раздался оглушительный взрывъ, зазвенѣли осколки стеколъ, ударившихся о мостовую. Звукъ взрыва вполнѣ походилъ на ударъ, происходящій при взрывѣ порохового погреба, свѣтлительнаго газа, бензина. Но всѣхъ, бывшихъ вблизи мѣста преступленія поразила страшная сила взрыва. Я былъ на разстояніи приблизительно 30—40 сажень, но все-таки почувствовалъ ясное сотрясеніе воздуха, при чемъ звукъ, какъ оказывается, былъ переданъ лишь очень недалеко, такъ какъ, напримѣръ, уже на 6 ротѣ Измайловскаго полка обитатели ничего не слышали похожего на пушечный выстрѣлъ. Громадное сотрясеніе воздуха, крупными волнами прошедшее въ окружности взрыва, указываетъ также на тотъ фактъ, что у офицера артиллериста, проходившаго шагахъ въ 30-ти отъ того мѣста, гдѣ разорвалась бомба, лопнула барабанная перепонка въ обонхъ ухахъ. Я поспѣшилъ къ Варшавскому мосту, откуда послышался взрывъ. Еще не доходя до моста, я увидѣлъ огромное облако дыма и пыли, застилавшихъ улицу по ту сторону моста. Великолѣпныя вороныя лошади кареты министра въ изнеможеніи остановились на мосту, у обѣихъ крупы были ранены, кровь струилась по заднимъ ногамъ, скопляясь на мостовой. У одной лошади былъ какъ бы вырванъ кусокъ мяса изъ крупы. Лошади были, очевидно, настолько ошеломлены взрывомъ, что у нихъ уже не было силъ нести съ мѣста, онѣ были въ совершенномъ онѣмѣніи. На лошадяхъ болтались шлейки, остатки сбруи и постромокъ. Тутъ же на мостовой находились 2 колеса съ осью, что-то вроде сидѣнья и нѣкоторое подобіе нижней части остова кареты, верхъ былъ разбитъ вдребезги и отброшенъ на далекое разстояніе. Вся мостовая на нѣсколько десятковъ сажень вокругъ мѣста злодѣянія была усыяна, кромѣ

обломковъ, еще осколками стесколъ, превращенныхъ въ мелкій песокъ. Всѣ стекла на переднемъ фасадѣ Варшавскаго вокзала были разбиты, между тѣмъ, однако, въ домѣ напротивъ Варшавской гостиницы казались болѣе или менѣе въ цѣлости. Это указываетъ на направленіе сотрясенія именно въ сторону Варшавскаго вокзала и можетъ послужить для опредѣленія того, какимъ образомъ была брошена бомба. По словамъ однихъ, бомба разорвалась подъ каретою, по мнѣнію же другихъ, повидимому, болѣе правильному, бомба была брошена сзади вслѣдъ кареты. Направившись дальше, я увидѣлъ, какъ городской усаживалъ на извозчика пожилого крестьянина съ окровавленнымъ лицомъ для доставленія его въ больницу. Здѣсь я узналъ отъ собравшейся публики, что было произведено покушеніе на жизнь министра внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве. Посреди мостовой на голыхъ камняхъ возлѣ рельсовъ конно-железной дороги лежало бездыханное тѣло В. К. фонъ-Плеве, прикрытое офицерской шинелью, которую снялъ съ себя жандармскій офицеръ. Взрывомъ бомбы покойному министру раздробило голову, были раны также на груди и на одной рукѣ вывихнутой силою взрыва. На самомъ углу, передъ зданіемъ Варшавской гостиницы лежало совершенно изуродованное тѣло кучера. На каждомъ шагѣ попадались пострадавшія лица изъ числа проходившихъ и проѣзжавшихъ въ моментъ взрыва мимо Варшавской гостиницы. Число пострадавшихъ доходить до 20. Раненымъ оказался также убійца, схваченный полиціей безъ сопротивленія съ его стороны. Я нашелъ преступника на лѣстницѣ, ведущей въ Варшавскую гостиницу. Онъ лежалъ на ступеняхъ лѣстницы, охраняемый околочнымъ надзирателемъ, при содѣйствіи еще нѣсколькихъ лицъ. Убійца былъ одѣтъ въ железно-дорожную форму, именно форму представителя службы движенія. Въ тотъ моментъ, когда я увидѣлъ его, на немъ не было фуражки и вся голова была въ крови. Запачкано кровью было также его платье. Повидимому, преступникъ былъ тяжело раненъ, такъ какъ черты лица его были сильно искажены и ноги судорожно подергивало. Лицо его, лишенное бороды и усовъ, производило впечатлѣніе непріятное. Убійца молодой человекъ лѣтъ 25, выше средняго роста, довольно худощаваго тѣлосложенія. Кромѣ револьвера, у него нашли 2-ю бомбу, завернутую въ газетную бумагу. Эта послѣдняя была отобрана отъ убійцы офицеромъ-артиллеристомъ.

„Раненый при убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ офицеръ, капитанъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка М. А. Цвѣтинскій торопился къ гоѣзду Варшавской железной дороги, чтобы ѣхать на станцію Преображенское, гдѣ проживаетъ на дачѣ его семья. Едва онъ поровнялся съ Варшавской гостиницей, какъ его обогнала карета. Не успѣла она проѣхать нѣсколько саженъ, какъ раздался взрывъ. Офицеръ соскочилъ съ извозчика и бро-

сился къ мѣсту взрыва, но тутъ почувствовалъ, что ояъ раненъ въ голову, о чемъ сообщилъ встрѣтившимся офицерамъ измайловскаго полка. Тѣ предложили ему зайти къ нимъ въ полкъ для перевязки, но капитанъ Цвѣтинскій, не догадываясь о серьезности пораненія, поблагодарилъ офицеровъ и предпочелъ отправиться въ Александровскую больницу для черно-рабочихъ. Большинство пути ояъ прошелъ пѣшкомъ и только вблизи больницы взялъ извозчика. Въ больницѣ ояъ курилъ и разсказалъ о происшествіи. Рана его оказалась крайне опаснымъ сложнымъ переломомъ черепа, нужна трепанація въ двухъ мѣстахъ, какъ заявилъ хирургъ, а раненый между тѣмъ началъ терять сознаніе. Немедленно же была сдѣлана трепанація черепа“.

Приведемъ еще нѣкоторыя подробности убійства, помѣщенныя въ газетѣ „Русское Слово“.

„Убійство совершено въ 9 ч. 50 мин. утра, когда министръ ѣхалъ на Балтійскій вокзалъ. Убійца быстро выбѣжалъ, по однимъ разсказамъ, изъ-за угла „Варшавской“ гостиницы съ Обводного канала, по другимъ— изъ гостиницы и почти вплотную подбѣжалъ къ каретѣ, но вдругъ его оттѣснилъ велосипедистъ, и убійца бросилъ бомбу близъ кареты. Это было дѣло одного момента. Раздался страшный взрывъ. Облако пыли поднялось и заволочло улицу на большомъ пространствѣ. Послышался звонъ падающихъ стеколъ, крики и стоны раненыхъ. Всѣ бросились къ каретѣ министра. Вся верхняя часть кареты была раздроблена, и куски ея разлетались на 30—40 сажень, попадая въ проѣзжавшую и проходившую публику. Отъ кареты остались только телѣжка и колеса. Задняя часть лошадей ободрана. Кучера перебросило черезъ лошадей и убило на мѣстѣ. Министръ былъ мертвъ.

„Первымъ къ мѣсту взрыва подбѣжалъ мѣстный приставъ графъ Татищевъ; ояъ снялъ съ себя шинель и прикрылъ обезображенное тѣло убитаго министра.

„Лошади были оставлены околочнымъ надзирателемъ. Смертельно раненый кучеръ свалился съ козель.

„Злоумышленникъ, отброшенный силою взрыва и раненый въ лицо, лежалъ тутъ же и былъ немедленно арестованъ. Ояъ выше средняго роста, плотный и одѣтъ въ желѣзнодорожную форму.

„Тѣло министра было сильно изуродовано взрывомъ: вся грудь изорвана мелкими пулями, а нижняя часть лица отъ носа до шеи совершенно оторвана.

„Немедленно вся мѣстность была оцѣплена, были вызваны кареты

скорой медицинской помощи, и раненые перевезены въ ближайшія больницы“.

Извѣстіе объ убійствѣ министра облетѣло Петербургъ, и къ мѣсту происшествія стало стекаться много народа. На Измайловскомъ проспектѣ, начиная съ 7-й роты, видны слѣды злодѣянія: мостовая и тротуары сплошь усыяны измельченными стеклами. Во всѣхъ домахъ выбиты окна. Особенно пострадалъ угловой домъ, въ которомъ помѣщается „Варшавская“ гостиница. Въ первомъ этажѣ всѣ стекла совершенно уничтожены; во второмъ, какъ съ Обводнаго канала, такъ и съ Измайловскаго проспекта, остались кое-гдѣ осколки. Вывѣска гостиницы разломана, панель густо усыяна стеклами. Въ домѣ напротивъ такой же видъ. За мостомъ весь стеклянный фасадъ Варшавскаго вокзала разбитъ. Уцѣлѣла только какимъ-то чудомъ часовенка. Слѣды разрушенія на вокзалѣ видны даже на противоположной стѣнѣ. На самомъ мѣстѣ происшествія — грустный, тяжелый видъ. На мостовой бросается въ глаза уцѣлѣвшій верхъ форменнаго пальто министра, кусокъ красной ленты; рядомъ съ пальто — кучерская шапка; ключья зеленой матеріи отъ сидѣнья и само изодранное сидѣнье; отдѣльно — деревянный четырехугольникъ, вѣроятно, отъ козелъ; ключья волосъ, которыми было набито каретное сидѣнье; часть фартука, куски кожи и масса щепы отъ кареты, буквально искрошенной. Посрединѣ лужа крови; вторая лужа на Обводномъ каналѣ, у самой гостиницы — это кровь лошадей, у которыхъ совершенно ободраны и пзуродованы задъ.

О задержаніи убійцы передается:

„Когда произошелъ взрывъ, и всѣ бросились къ мѣсту происшествія, велосипедистъ, указывая на окровавленнаго молодого человѣка въ желѣзно-дорожной фуражкѣ, крикнулъ:

— Держите его, онъ убійца!

„Убійца не сопротивлялся и далъ себя арестовать, сознавшись въ преступленіи. По доставленіи въ больницу у него оказалось израненнымъ осколками лицо, ноги и одинъ изъ осколковъ проникъ въ животъ. Къ извлеченію осколка изъ живота приступлено въ 3 ч. пополудни. Убійца ничего не говорилъ и только стоналъ“.

О моментѣ столкновенія убійцы съ велосипедистомъ газета „Русская Правда“ передаетъ такъ:

„Карету министра внутреннихъ дѣлъ сопровождалъ на велосипедѣ полицейскій агентъ. Замѣтивъ молодого человѣка, бросившагося изъ ресторана на улицу, державшаго въ обѣихъ рукахъ тяжелый ящикъ цилиндрической формы, 6—8 вершковъ длиной, и готовившагося бросить послѣдній въ окно кареты министра внутреннихъ дѣлъ, агентъ подлетѣлъ къ нему и упалъ на землю вмѣстѣ съ нимъ. Но послѣдній держался такъ твердо

что не выпустилъ изъ рукъ снаряда и предохранилъ его отъ взрыва, а въ завязавшейся борьбѣ одержалъ верхъ. Поднявшись на ноги, огъ бросилъ снарядъ вслѣдъ кареты министра и попалъ прямо въ кузовъ“.

Фамилія убійцы до сихъ поръ еще не открыта.

* * *

Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему представленію Финляндскаго генераль-губернатора, 8 іюля 1904 года въ измѣненіе и дополненіе Высочайшаго постановленія 31 мая 1867 года о печати въ Финляндіи Высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее постановленіе:

1) Принадлежація по закону о печати финляндскимъ гражданамъ права по изданію повременныхъ произведеній печати, а также и по содержанію типографій, книжныхъ лавокъ, библиотекъ, кабинетовъ для чтенія и т. п. предоставляются на одинаковыхъ съ финляндскими гражданами основаніяхъ всѣмъ русскимъ подданнымъ.

2) Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ пунктами 7 и 8 § 12 Высочайшаго постановленія отъ 31 мая 1867 года въ редакціи законовъ 18 іюля 1891 года и 29 января 1900 года, главному управленію по дѣламъ печати и генераль-губернатору предоставляется: 1) объявлять повременному изданію въ лицѣ его отвѣтственнаго редактора предварительное предостереженіе, которое изданіе должно помѣстить во главѣ перваго, имѣющаго послѣ того выйти въ свѣтъ № безъ всякихъ добавленій; 2) требовать перемены отвѣтственнаго редактора, подѣ условіемъ прекращенія изданія въ случаѣ неисполненія сего требованія въ назначенный срокъ; 3) прекращать въ повременномъ изданіи печатаніе частныхъ объявленій на срокъ до 8 мѣсяцевъ или на тотъ же срокъ воспрещать розничную продажу отдѣльныхъ номеровъ такого же изданія; 4) приостанавливать изданіе временно или прекращать его навсегда.

3) Произведенія печати объемомъ болѣе 5 печатныхъ листовъ представляются подлежащему цензору для просмотра не позже, какъ за три недѣли до выпуска въ свѣтъ.

4) На каждомъ экземплярѣ печатнаго произведенія, выпускаемаго въ свѣтъ съ одобренія цензуры, должна быть поставлена на оборотѣ заглавнаго листа отиѣтка о дозволеніи печатать означенное произведеніе, выражаемая словами: „Дозволено цензурою. Число, мѣсяць, годъ и мѣсто“.

5) Къ производству торговли произведеніями печати въ разность доускаются только лица, получившія на сіе разрѣшеніе губернатора.

6) Разрѣшеніе на публичныя представленія драматическихъ произведеній дается во всѣхъ мѣстностяхъ края главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати.

7) Когда въ доставленномъ изъ-за границы произведеніи печати предосудительными оказываются только нѣкоторыя части, произведеніе можетъ быть допущено къ обращенію, за исключеніемъ такихъ частей посредствомъ вырѣзыванія отдѣльно страницъ или наложенія клейма на предосудительныя мѣста.

8) Главному управленію по дѣламъ печати предоставляется воспрещать ввозъ въ край иностранныхъ повременныхъ изданій, кои постоянно обнаруживаютъ вредное направленіе.

* * *

Интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло разбиралось въ Саратовскомъ военно-окружномъ судѣ. Суду были преданы нижніе чины 6 резервной артиллерійской бригады: Матвѣенко, Шмыревъ, Григорьевъ, Чеусовъ, Махаевъ, Васильевъ, Иванищевъ, Корть, Филипповъ и Богачевъ въ произведеніи безпорядковъ на Московской площади въ Саратовѣ 8 апрѣля 1903 года.

Отчетъ объ этомъ дѣлѣ, напечатанный въ „Саратовскомъ Листкѣ“, гласитъ слѣдующее:

„На основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія поименованные выше нижніе чины 6 резервной артиллерійской бригады обвинялись въ томъ, что 8 апрѣля 1903 г., около 8 ч. вечера всѣ они находились въ толпѣ солдатъ около 30 человекъ на Московской площ. въ то время, когда толпа эта на требованіе полицейскаго пристава Попова разойтись не только не разошлась, а отвѣчала на требованіе свистками и ругательствами, а послѣ задержанія полиціей Васильева и Матвѣенко сидюю пыталась освободить арестованныхъ, нанося удары полиціи, казакамъ и самому приставу, при чемъ нѣкоторые изъ солдатъ обнажали пашки, размахивая ими, пугая лошадей и нанося даже легкіе удары ими какъ полицейскимъ, такъ и казакамъ и лошадямъ ихъ, и также бросали въ нихъ камнями. При этомъ Васильевъ и Матвѣенко подстрекали остальныхъ солдатъ, возбуждая ихъ противъ полиціи въ то время, когда полиція требовала, чтобы толпа разошлась, а послѣ арестованія ихъ Васильевъ, вырвавшись изъ рукъ полицейскихъ, выхватилъ у казака нагайку и сталъ ею наносить удары полицейскимъ, а Матвѣенко сопротивлялся приставу Попову, вырываясь отъ него и упираясь ему руками въ грудь. Вѣлоусовъ

схватил пристава за воротникъ, а Корхъ первый крикнулъ: „вынимай шашки, бей ихъ!“; остальные же изъ числа перечисленныхъ подсудимыхъ силою освобождали арестованныхъ вмѣстѣ съ другими нижними чинами, слѣдствіемъ обнаруженными, что предусмотрено въ отношеніи Матвѣенко, Вѣлюсова, Васильева и Корха 263 ст. улож. о наказ. уг. и испр. (рѣш. общ. собр. сен. 1877 г. № 40), а относительно Чеусова, Богачева, Григорьева, Шмырева, Филиппова, Стеценко, Махаева и Иваничева 266 ст. того же закона.

„По выслушаніи обвинительнаго акта судъ постановилъ перейти къ допросу свидѣтелей. Всѣхъ свидѣтелей вызвано обѣими сторонами пятьдесятъ два.

„Первымъ допрашивается полковникъ Молнаръ“ саратовскій уѣздный воинскій начальникъ. Полковникъ, въ виду событій, имѣвшихъ мѣсто наканунѣ, былъ 8 апрѣля на Московской площади и ничего особенно тревожнаго не замѣтилъ; патрули на площади въ этотъ день были домашніе (посылавшіеся отъ пѣхотныхъ частей безъ ружей). Черезъ $\frac{1}{4}$ ч. послѣ возвращенія его, полковника, домой за нимъ пріѣхалъ пом. пристава Милгородокій и сообщилъ ему о происходящихъ на площади безпорядкахъ. Вмѣстѣ съ чинами полиціи полковникъ, явившись въ батареи, осматривалъ солдатъ, на которыхъ указывала полиція, и искалъ на нихъ слѣдовъ отъ ударовъ нагайкой. „Легкая нагайка нашихъ уральскихъ казаковъ, по словамъ полковника, оставляетъ слѣдъ въ видѣ розовой полосы“. Впрочемъ, слѣды, видѣнные на спинахъ солдатъ, могли происходить и не только отъ ударовъ нагайки. На вопросъ зач. Насальчука свидѣтель признаетъ, что чины полиціи при опознаніи и осмотрѣ солдатъ сильно колебались и что только на одного указывали многіе. На вопросъ защиты, знаютъ ли нижніе чины, что приставъ можетъ забрать ихъ въ часть за буйство, свидѣтель констатируетъ, что въ уставѣ внутренней службы объ этомъ ничего нѣтъ, а особаго приказа по этому поводу не было. Съ чего начались безпорядки, свидѣтель не знаетъ, но помнитъ только, что, когда онъ, свидѣтель, былъ на площади, то видѣлъ тамъ въ сильномъ волненіи, между прочимъ, переодѣтаго въ штатское платье околочнаго надзирателя Логвинова, который, по словамъ свидѣтеля, „сильно раздувалъ дѣло, бѣгалъ, подслушивалъ, доносилъ“... Подсудимый Филипповъ заявляетъ, что полосы, констатированныя у него при осмотрѣ, отъ рожденія и до сихъ поръ имѣются на тѣлѣ.

„Свидѣтель Логвиновъ—околот. над. въ моментъ безпорядковъ и помощникъ пристава въ настоящее время—былъ на площади въ штатскомъ платьѣ. Ему поручено было „слѣдить за настроеніемъ публики“ особенно потому, что „раньше разбрасывалось много брошюръ“. Слѣдить специально

за солдатами официально ему не поручалось. Свидѣтель слышалъ, какъ въ одной кучкѣ солдатъ говорилъ: „скоро мы ихъ на ура бросимъ“, но кто здѣсь имѣлся въ виду—не слышалъ. Тогда свидѣтель донесъ „объ этомъ“ находившемуся неподалеку приставу. Въ этомъ мѣстѣ показанія по просьбѣ защиты читается показаніе свидѣтеля на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ сказано, что свидѣтель самъ взялъ одного изъ солдатъ и подвелъ его къ приставу, (Послѣ взятія этого солдата и начались собственно безпорядки). Далѣе свидѣтель заявляетъ, что онъ опозналъ пятерыхъ солдатъ, на предварительномъ же слѣдствіи показывалъ, что опозналъ восемь. Попытки защиты и предсѣдателя выяснить, почему собственно свидѣтель пошелъ доносить приставу, результатовъ не даютъ. Предсѣдатель спрашиваетъ свидѣтеля: „Что вы видѣли преступнаго въ этихъ словахъ: „мы ихъ бросимъ на ура“? Кого—ихъ? А если они просто солдатъ хотѣли покачать?“—Свид.: „Да я ничего здѣсь такого не видѣлъ, но“...

„Свидѣтель помощникъ прист. Богородицкій опозналъ подсудимаго Матвѣенко, съ котораго сорвалъ на площади фуражку, чтобы уличить его; по просьбѣ же защиты указать среди подсудимыхъ Матвѣенко, указываетъ на другого, прибавляя при этомъ, что, можетъ быть, и спуталъ. Съ другой стороны, при оглашеніи протокола предъявленія свидѣтелю подсудимыхъ на предварительномъ слѣдствіи оказывается, что свидѣтель тогда заявлялъ: „узнаю Матвѣенко, Васильева, Корха; они кричали: „бей, вынимай шашки!“.—„Теперь я не помню“,—заявляетъ послѣ чтенія свидѣтель.—Задержалъ солдатъ именно онъ, свидѣтель; сдѣлалъ онъ это по указанію околоточнаго надзирателя Логвинова. Свидѣтель, между прочимъ, оттягивалъ во время свалки лежавшаго на землѣ пристава, но не видѣлъ, чтобы солдаты били его. Не видѣлъ также, чтобы кто-нибудь подстрекалъ солдатъ бить полицію. Конная полиція и казаки, по показанію свидѣтеля, били нагайками и тѣхъ солдатъ, что бѣжали на свалку, и тѣхъ, что бѣжали въ казармы. Переписали ли казаковъ, бывшихъ солдатъ, свидѣтель не знаетъ.—Что касается въ частности Матвѣенко, то свидѣтель слышалъ, что онъ „что то произносилъ про полицію“, о чемъ онъ, свидѣтель, доложилъ приставу. На вопросъ—что же именно говорилъ Матвѣенко, свидѣтель отвѣчаетъ, что не помнитъ.

„Свидѣтель штабсъ-капитанъ Вундерлихъ присутствовалъ при осмотрѣ солдатъ въ казармѣ. Чины полиціи при опознаніи, по словамъ свидѣтеля, сильно колебались, и между ними по этому поводу „все время шли препреканія“.

„Вечернее засѣданіе въ понедѣльникъ и утреннее во вторникъ были также посвящены допросу свидѣтелей.

„Помощникъ пристава Милгородскій показываетъ, что ему именно Логвиновъ донесъ на Васильева, и что самъ же Логвиновъ задержалъ Васильева и вывелъ его изъ группы. Въ виду явнаго противорѣчія въ показаніяхъ Логвинова и Милгородскаго ихъ сводятъ на очную ставку. Милгородскій продолжаетъ настаивать на томъ, что самъ же Логвиновъ вывелъ Васильева изъ группы. Если бы Логвиновъ не донесъ,—прибавляетъ Милгородскій,—никакого ареста и не произошло бы.

„Васильевъ былъ арестованъ, и свидѣтелю, околоточному надзирателю Юдину было поручено отвезти его въ часть. По показанію свидѣтеля, за нимъ шли человѣкъ 5 солдатъ и просили отпустить Васильева. Затѣмъ, когда раздались тревожные свистки, исходившіе отъ окруженнаго солдатами пристава Попова, Васильевъ вырвался и убѣжалъ. Свидѣтель побѣжалъ туда, гдѣ былъ приставъ, и видѣлъ, что солдаты хватили послѣдняго за грудь, но и только, въ чемъ показаніе этого свидѣтеля расходится съ показаніемъ околот. надзир. Богородицкаго, показывавшаго, что пристава силою свалили на землю, били и т. д.

„Въ присутствіи свидѣтеля околот. надз. Демина пристава солдаты хватили за грудь и бороду и прижали его къ барберу, о побояхъ же свидѣтель не говоритъ. Онъ, свидѣтель, удержалъ Матвѣенко, но въ отвѣтъ на просьбу указать послѣдняго среди подсудимыхъ указываетъ на Корха.

„Тотъ же промахъ у свидѣтеля полицейскаго Гривченко: говоря о томъ, что Матвѣенко бросалъ камнями, указываетъ на Бѣлоусова. „Я не знаю, говоритъ онъ, когда ему указали на его ошибку; у меня въ повѣсткахъ значится Матвѣенко. А если это Бѣлоусовъ, то Богъ съ нимъ, пусть будетъ Бѣлоусовъ. Городовой Брянкинъ его за руку укусил“...

„Городовой Брянкинъ говоритъ, что одинъ солдатъ схватилъ пристава, и, только укусивъ схватившаго за руку, онъ, свидѣтель, выручилъ пристава. Вынимали ли солдаты пашки, свидѣтель не видѣлъ. Былъ онъ въ самой свалкѣ.

„По просьбѣ защитника Кальмановича, судъ осматриваетъ руку Бѣлоусова. Защитникъ предлагаетъ экспертизу, чтобы удостовѣрить, что шрамъ очень старый, но судъ, заявивъ, что сомнѣній по этому пункту не встрѣчается, нужды въ экспертизѣ не призналъ.

„Свидѣтель Бобичевъ видѣлъ, какъ „пайка казаковъ нагайками разгоняла солдатъ“, и какъ „солдаты отмахивались отъ нихъ пашками“. Свидѣтель Кирѣевъ также показываетъ, что казаки били солдатъ плетями, солдаты же бѣжали отъ нихъ къ конному базару. У свидѣтеля, казака Деревягина, солдаты вырвали нагайку, когда онъ, свидѣтель, „началъ очень уничтожать ихъ, солдатъ“. Свидѣтель видѣлъ обнаженныя пашки.

„Свидѣтель, фельдфебель-артиллеристъ, показываетъ, что и солдаты, и полицейскіе были пьяны. Свидѣтель осматривалъ на другой день Вѣлюсова, но слѣдовъ укуса на рукѣ не нашелъ. Что касается подсудимаго Степенко, то онъ, по словамъ свидѣтеля, въ день безпорядковъ на площади не былъ, а былъ у земляка и пришелъ въ казарму уже во время повѣрки, а его при осмотрѣ чины полиціи признали за участника въ безпорядкахъ.

„Свидѣтель, казакъ Винокуровъ, утверждаетъ, что казаки только защищались отъ солдатъ. Въ протоколѣ же прошлаго года значится такое показаніе этого же свидѣтеля: „артиллеристы обнажили штыки послѣ того какъ казаки начали разгонять ихъ нагайками“.—Свидѣтель Саньковъ кучеръ пристава Попова, присутствовалъ при свалкѣ, но не видѣлъ, чтобы приставъ били. На приставѣ все было дѣло, только шинель у ворота немного была изорвана. Свидѣтель Соймановъ, проходя наканунѣ безпорядковъ по Московской площади, встрѣтилъ вучку солдатъ-пѣхотинцевъ и слышалъ, какъ одинъ изъ солдатъ сказалъ: „завтра мы и карусель, и балаганы разнесемъ“. Свидѣтель рассказалъ объ этомъ стражнику, причѣмъ рассказъ его слышалъ пом. прист. Милгородскій.

„Сообщаемъ приговоръ, вынесенный судомъ:

„Васильевъ и Матвѣенко приговорены за буйство на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, съ увеличеніемъ пребыванія на 6 мѣс. въ разрядъ штрафованныхъ; остальные 10 подсудимыхъ оправданы“.

* * *

Умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ! Велика, страшно велика потеря эта для русскаго народа! Удивительный художникъ, тонкій психологъ, проливавшій именно „сквозь зримый міру смѣхъ незримыя міру слезы“, писатель—вотъ кто былъ Чеховъ и вотъ какой огромной силы лишились въ немъ русское общество и русская литература. Здѣсь не мѣсто, разумеется, давать оцѣнку литературной дѣятельности покойнаго художника,—на это существуютъ другіе отдѣлы журнала,—но, прежде, чѣмъ поставить точку на этихъ строкахъ, намъ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ по поводу кратковременнаго пребыванія праха Чехова въ Петербургѣ. Тяжелая сама по себѣ картина эта дѣлается еще тяжелѣе отъ факта почти полнаго отсутствія у гроба Чехова его читателей и почитателей. И чтобы ни говорили о томъ, что Петербургъ въ это время былъ пустъ, что некому было взять на себя инициативу организаціи послѣдняго „прости и прощай“ останкамъ почившаго писателя, что о прибытіи этихъ останковъ въ Петербургъ никто не зналъ и пр. и пр., все это мало убѣдительно,

ибо главная причина отсутствия общества у гроба Чехова лежит не здесь, а в нашей общей пассивности. Конечно, мы не последуем за каким-нибудь г. Бабецким, обвиняющим уже давно несуществующий „Союз писателей“ в том, что Союз этот не организовал надлежащей встречи на Николаевском вокзалѣ праха Чехова („Гражданин“ № 60), ибо что было бы и дѣлать на свѣтѣ невѣжеству, если бы къ его услугамъ не были всегда готовы головы Бабецкихъ, но фактъ остается, тѣмъ не менѣе, фактомъ: пребываніе праха Чехова въ Петербургѣ прошло совершенно незамѣченнымъ, т. е. произошло явленіе, которое не могло имѣть мѣста ни въ одной цивилизованной странѣ въ мірѣ. Это также необходимо занести въ лѣтописи нашей жизни.

Симонъ В. Блюмъ
Союзъ писателей
Сентъ-Петербургъ

Общественно-литературныя замѣтки.

Выразители общественнаго мнѣнія.

Разговоры о томъ, что „толстые журналы“ наши отжили свой вѣкъ и должны уступить мѣсто газетамъ, какъ болѣе живымъ и отзывчивымъ органамъ печати—не рѣдкость въ нашей литературѣ. Для многихъ газетныхъ сотрудниковъ это, можно сказать, одна изъ любимѣйшихъ темъ. Выходъ въ свѣтъ двухъ беллетристическихъ сборниковъ книгоиздательства „Знаніе“, въ которыхъ приняли участіе талантливые молодые беллетристы, далъ новый поводъ въ старымъ толкамъ. Беллетристы уходятъ изъ журналовъ, смерть которыхъ неминуема... Эти некрологическія газетныя статьи, видимо, смутили „Русскую Мысль“, и она устами г. В. Г. спѣшитъ опровергнуть толки о близкой гибели „журналовъ“.

Замѣчу *прежде всего*,—пишетъ г. В. Г.,—что ежемѣсячныя обзорѣнія нисколько не утратили своего значенія въ странахъ съ болѣе высокой культурой, чѣмъ наше отечество,—въ Англіи, Германіи, Франціи, Италіи. Конечно, при теперешней быстро текущей жизни на первое мѣсто не могла не выдвинуться ежедневная газета; но журналъ, мнѣ кажется, остается ея необходимымъ дополненіемъ. Статьи ежемѣсячниковъ даютъ политическимъ, экономическимъ и научно-философскимъ вопросамъ болѣе обстоятельное разъясненіе, чѣмъ это можетъ сдѣлать газетный листъ“.

Итакъ, первый доводъ, какъ и во всякой обстоятельной объяснительной запискѣ къ департаментскому докладу,—это ссылка на примѣръ Западной Европы. Читатель ждетъ втораго довода. Но его нѣтъ, и „прежде всего“ остается безъ „послѣ того“. „Послѣ того“, впрочемъ, слѣдуетъ признаніе, что изданіе „талантливыми беллетристами“ своихъ сборниковъ „дѣйствительно можетъ повредить распространенію журналовъ“, такъ какъ „вкругъ образованныхъ людей, живо интересующихся общественными и научными

вопросами, у насъ еще не великъ, и журналъ часто привлекаетъ къ себѣ романами и повѣстями“. „Какія соображенія заставляютъ молодыхъ беллетристовъ нарушать практику Гончарова и Достоевскаго, Тургенева и Толстого?“ —спрашиваетъ г. В. Г. и даетъ молодымъ беллетристамъ такой совѣтъ: „Если имъ въ журналѣ тѣсно отъ направленства и ярлыковъ, то кто же будетъ возражать противъ образованія партіи *дикихъ* (курсивъ В. Г.) по парламентскому словоупотребленію?“

Позволю себѣ возразить почтенному автору по всѣмъ пунктамъ. Приведенные имъ примѣры не убѣдительны. Достоевскій и Толстой печатали въ послѣднее время свои произведенія въ Катковскомъ „Русскомъ Вѣстникѣ“, журналѣ богатомъ, хорошо оплачивавшемъ статьи, но для русскаго „толстаго журнала“ не характерномъ. Направленіе романовъ Достоевскаго и Толстого, какъ оно раскрывается теперь, имѣло не много общаго съ катковскимъ духомъ, и извѣстно, что Л. Н. Толстой взялъ изъ „Русскаго Вѣстника“ обратнo послѣднюю часть „Анны Карениной“, не соглашаясь на измѣненія, требовавшіяся Катковымъ, недовольнымъ рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ Толстого къ „славянскимъ симпатіямъ“ 1877—1878 годовъ. Сотрудничество Гончарова и Тургенева въ „Вѣстникѣ Европы“ объясняется тѣми же причинами, т. е. и матеріальнымъ вознагражденіемъ, и тѣмъ, что въ этихъ журналахъ наши художники не чувствовали стѣсненія.

Въ наше время взгляды на искусство русскаго общества значительно расширились и прояснились. Надо полагать, что талантливому художнику едва ли придется много терпѣть отъ направленства. Бѣда только въ томъ, что не всегда и талантливые беллетристы пишутъ талантливыя вещи, не всегда блескъ имени искупааетъ недочеты произведенія, не всегда у журнала имѣется достаточно средствъ, чтобы оплатить талантливаго и моднаго беллетриста. Изданіе молодыми беллетристами своихъ сборниковъ — фактъ частный и личный, общественнаго значенія не имѣющій. А русскій „толстый журналъ“ — очень характерное общественное явленіе, и удивительно, какъ В. Г. этого не замѣтилъ. Въ Россіи нерѣдки примѣры быстрого роста журнала вѣ связи съ качествомъ его беллетристики. Наши толстые журналы весьма мало похожи на заграничныя „ежемѣсячныя обзорнія“.

Благодаря особенностямъ нашей жизни, толстый журналъ сталъ у насъ знаменемъ, подъ которымъ собираются единомышленники, какъ для борьбы съ врагомъ, такъ и для саморазвитія, для установленія и укрѣпленія своихъ отношеній къ жизни и людямъ. Толстый журналъ замѣняетъ намъ и прочно-организованную партію съ ея традиціями и устоями, и общественное собраніе съ его пылкой злободневной

полемикой, жаркими боевыми схватками. Жизнь движется, мѣняется строение и отношеніе общественныхъ силъ и соотвѣтственно этому одни журналы падаютъ, другіе занимаютъ ихъ мѣсто, третьи, снесенные вихремъ, ночезаютъ съ поля битвы. Сравните судьбу хотя бы *Revue des Deux Mondes* или *Revue de Paris* съ судьбой нашихъ „Современника“, „Русскаго Слова“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Новаго Слова“ — мало найдете тутъ общаго. У насъ журналъ безъ „направленія“ или, точнѣе, безъ „міровоззрѣнія“ не возможенъ. Когда журналъ теряетъ свою опредѣленность, превращается въ сборникъ—онъ неизбежно погибаетъ и никакіе талантливые беллетристы, хотя бы изъ партіи „дѣлкихъ“, его не спасутъ. Наоборотъ, каждое направленіе, каждая идея, какъ только она болѣе или менѣе прочно нащупаетъ для себя почву въ обществѣ, стремится приобрести журналъ. Г. Вулгаковъ, напримѣръ, совершенно справедливо видитъ одинъ изъ признаковъ общественной слабости нашего „идеализма“ въ томъ, что у этого направленія до сихъ поръ нѣтъ своего журнала. „Міръ Божій“ качнулся, было, въ сторону „идеализма“, но, не ощутивъ подъ собой твердой опоры, такъ и остался на стадіи маятникообразнаго движенія. Для идейнаго состоянія русскаго общества чрезвычайно характерно и значительно то обстоятельство, что у насъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ не можеть народиться ни консервативный, ни реакціонный приличный журналъ. Возникаютъ нерѣдко литературныя охранныя отдѣленія, печально кончающія своей вѣтъ, но консервативныхъ „толстыхъ журналовъ“ нѣтъ и быть не можеть, ибо въ русскомъ обществѣ нѣтъ для сего творческихъ идейныхъ силъ, а безъ нихъ журнала не создашь.

Наибольшимъ вниманіемъ русской читающей публики пользовался всегда тотъ журналъ, который отвѣчалъ самому сильному, ясно сознающему цѣли и средства, теченію общественной мысли, мысли не только чисто теоретической, но и практической, направленной на разрѣшеніе какой либо очередной и основной задачи Россіи. Такой задачей было въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ возможно болѣе полное освобожденіе крестьянъ съ землею,—и вліяніе „Современника“ основывалось на томъ, что онъ понималъ „слово“ эпохи. Такой задачей казалась въ 70-хъ годахъ возможность и необходимость прегражденія доступа въ Россію капитализму и основанія экономическаго быта страны на началахъ общинно-артельныхъ. Эту задачу во главу угла своей дѣятельности ставили „Отечественныя Записки“.

Наше время тоже выдвинуло свою задачу: окончательную ликвидацію всѣхъ до-реформенныхъ остатковъ, полное высвобожденіе русской личности для того, чтобы она могла приняться за прочное устройство своей общественной жизни, чтобы могла свободно развѣвать свои умственные силы, экономическія и со-

ціальныя средства. Само собою разумѣется, что эта задача, такъ сказать, переходная, но переходнымъ моментомъ было и освобожденіе крестьянъ, за которымъ неизбежно должны были подняться и вопросы объ устройствѣ быта освобожденныхъ. Но какъ тогдашняя, такъ и нынѣшняя, задачи настолько важны и велики сами по себѣ, что онѣ имѣютъ право на полное всезахватывающее вниманіе публики впредь до своего разрѣшенія. Допустимъ даже, что это разрѣшеніе наступитъ очень скоро, въ теченіе трехъ, пяти, десяти лѣтъ. Тогда, конечно, предъ умственнымъ взоромъ русскихъ людей откроются нныя задачи, въ странѣ обнаружится иное распредѣленіе общественныхъ силъ. Но въ теченіе этихъ трехъ, пяти, десяти лѣтъ, когда будетъ совершаться процессъ разрѣшенія указанной задачи, она неизбежно будетъ главенствовать надъ всѣми другими, хотя бы по существу, безотносительно къ переживаемому историческому моменту, болѣе важными. И такъ какъ по литературно-общественнымъ причинамъ идейная жизнь въ Россіи по-старому еще и нынѣ должна обращаться къ „журналу“, а не къ орудію болѣе легкому и подвижному, къ газетѣ, то и въ наше время наибольшимъ вниманіемъ публики будетъ пользоваться тотъ журналъ, который ярче выдвинетъ указанную задачу, полиѣе и практичнѣе ее обрабатываетъ, укажетъ не только на цѣль, но и на средства и приемы ея достиженія, или говоря „матеріалистическимъ“ языкомъ, на тѣ общественные элементы, которые разрѣшатъ историческую задачу.

Часто говорятъ, что для достиженія указанной цѣли необходимъ „союзъ“ всѣхъ подходящихъ силъ, хотя бы не во всемъ другъ съ другомъ солидарныхъ. Это — справедливо, но этотъ „союзъ“ все же не можетъ быть простымъ временнымъ механическимъ соединеніемъ. Для прочности и активности „союза“ необходимо предоставить въ немъ видную роль лицамъ, отлично сознающимъ не только значеніе поставленной задачи, но и всю трудность и сложность ея разрѣшенія, готовымъ посвятить ей всѣ свои, какъ теоретическія, такъ и практическія силы, пока, наконецъ, измѣнившіяся условія не дадутъ возможности личности приняться за свободное осуществленіе идеаловъ соціального творчества. У насъ много говорятъ о „моментѣ“ ликвидаціи, толкуютъ, что до этого „момента“ всѣ могутъ идти рука объ руку, держась даже разныхъ убѣжденій. Такое представленіе, какъ мнѣ кажется, грѣшитъ извѣстнымъ утопизмомъ. „Моментъ“ — понятіе математическое, исторія же знаетъ только „процессы“ всегда трудные, нерѣдко очень длительные. Передъ нами не „моментъ“, а „процессъ“, и въ теченіе этого „процесса ликвидаціи“ могутъ дружно идти вмѣстѣ лишь тѣ, у которыхъ не только общія цѣли, но имѣются и нѣкоторыя общія теоретическія убѣжденія, т. е. лица, принадлежащія къ близкимъ другъ другу общественнымъ группамъ.

Вопросъ въ томъ, существуетъ ли уже въ настоящее время въ Россіи значительная общественная группа, для которой освобожденіе личности отъ моральныхъ путъ крѣпостническихъ пережитковъ, для которой права личной неприкосновенности, свобода слова и совѣсти являются необходимыми условіями существованія? А если такая группа существуетъ, то достигла ли она высокой степени самосознанія, однимъ изъ вѣдшихъ признаковъ котораго у насъ въ Россіи и по сію пору является основаніе „журнала“. Журналъ же этотъ при всей ясности и опредѣленности своихъ задачъ неизбѣжно будетъ настолько широкъ, что и въ наше индивидуалистическое время сможетъ объединить подъ одной кровлей интеллигентовъ, расходящихся въ нѣкоторыхъ эстетическихъ и философскихъ вопросахъ, но проникнутыхъ общимъ настроеніемъ. „Молодые талантливые беллетристы“, ярче и болѣе огражающіе это общее настроеніе, въ такомъ „журналѣ“ не будутъ страдать отъ „направленства“ и охотно туда пойдутъ. Не слѣдуетъ забывать, что „толстые журналы“ издаются почти исключительно для образованной части общества, что массѣ они недоступны. Литературныя задачи „толстаго журнала“ поэтому совсѣмъ иныя, чѣмъ задачи литературы для народа, для массы. „Толстый журналъ“ въ томъ видѣ, какъ онъ созданъ въ Россіи, не можетъ, конечно, отразить всю жизнь. Издавайте при настоящихъ условіяхъ самый „правовѣрный“, „ортодоксальный“ журналъ и дайте его въ руки наиболѣе развитому рабочему, не оставившему своей профессіи, онъ едва ли все-таки его одолѣетъ. Журналы издаются пока для „интеллигенціи“, къ ней обращаются, на нее воздѣйствуютъ. Такое ограниченіе круга дѣйствія,—словъ нѣтъ,—огорчительно, но пока что оно—фактъ, съ которымъ необходимо считаться.

Годъ тому назадъ Е. А. Соловьевъ опубликовалъ въ одной провинціальной газетѣ свой разговоръ со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ о нашихъ толстыхъ журналахъ. Л. Н. подвергъ ихъ жестокой критикѣ. Кое-что изъ его замѣчаній было справедливо, но въ общемъ Л. Н. Толстой какъ бы совершенно не призналъ тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ такой журналъ. Главное его замѣчаніе сводилось къ тому, что журналы совершенно недоступны массѣ читателей, говорятъ о непонятныхъ и неинтересныхъ для нея предметахъ, непонятнымъ для нея языкомъ. Это—справедливо, но только наполовину. Нельзя сказать, что вопросы и предметы, затрагиваемые журналами, неинтересны для массы, но что въ журнальномъ изложеніи они въ большинствѣ случаевъ для нея непонятны—фактъ неоспоримый, но для всякаго безпристрастнаго человѣка ясно, что только въ такомъ „непонятномъ“ видѣ и могутъ у насъ писаться журнальныя статьи по самымъ интереснымъ и важнымъ вопросамъ. Въ ту минуту, когда объ этихъ вопросахъ можно будетъ писать понятнымъ

для всѣхъ языкомъ, наши толстые журналы въ ихъ теперешнемъ видѣ теряютъ смыслъ и исчезнутъ со сцены. Затѣмъ общественная мысль найдетъ свое полное выраженіе или въ устномъ словѣ, съ кафедръ, съ трибуны, въ собраніяхъ, или непосредственно въ дѣйствіяхъ людскихъ свободныхъ союзовъ, или въ ежедневныхъ, боевыхъ, отзывающихся на каждую злобу дня, газетахъ. Тогда-то рядомъ съ ними для удовлетворенія различныхъ спеціальныхъ потребностей будутъ и у насъ существовать „ежемѣсячныя обзрѣнія“, по справедливому замѣчанію „Русской Мысли“, „не утратившія своего значенія“ и въ Западной Европѣ. Теперешніе же наши „толстые журналы“ вовсе не „ежемѣсячныя обзрѣнія“ въ западно-европейскомъ смыслѣ, какъ наши газеты тоже не газеты въ европейскомъ смыслѣ слова, такъ какъ совершенно не отражаютъ нашего общественного мнѣнія.

Нужны доказательства? Война доставляетъ ихъ сколько угодно. Всякая война, вызывающая огромное напряженіе силъ и чувствъ, есть въ нѣкоторомъ родѣ кризисъ, переломъ. Война указываетъ, къ чему привели предшествовавшія условія мирной жизни, а теченіе войны является лучшимъ показателемъ предусмотрительности, энергіи, честности и знаній. Война концентрируетъ и доводитъ до высокой напряженности чувства народа и общества, и естественно, что въ печати, полно отражающей народную жизнь, непременно раздадутся громкіе голоса, разъясняющіе народу смыслъ происходящихъ событій, умно и сознательно выражающіе народное чувство, отдающіе себѣ ясный отчетъ въ происходящемъ и въ желательномъ будущемъ.

Что же мы видимъ у насъ? Раздался ли за 5 мѣсяцевъ войны хоть одинъ громкій голосъ, приковавшій къ себѣ общественное вниманіе, давшій яркое выраженіе не вполне сознаннымъ мыслямъ и чувствамъ благороднѣйшихъ элементовъ націи? Появилась ли въ Россіи, въ нашихъ газетахъ хоть одна статья, обратившая на себя вниманіе смѣлостью, продуманностью, честностью мысли? Ничего подобнаго. Въ „Новомъ Времени“ выступилъ, было, нѣкій господинъ, скрывшійся подъ инициалами С. Т., котораго редакція выдавала за глубокаго знатока предмета. Въ длинномъ, напыщенно написанномъ предисловіи г. С. Т., дѣйствительно, старался увѣрить насъ, что онъ имѣетъ право говорить о дальне-восточномъ вопросѣ, такъ какъ основательно изучилъ его, и что онъ будетъ говорить прямо и открыто, всю правду, ничего не скрывая, разъяснить намъ и смыслъ происходящихъ событій, и причину недружелюбнаго къ намъ отношенія западныхъ державъ. Прочли мы предисловіе и обрадовались... но вотъ прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, а г. С. Т. и вѣсти о себѣ не подаетъ, точно онъ на какомъ-либо броненосцѣ затонулъ. Такъ мы и оста-

лись при одномъ предисловіи. Почему? Потому ли, что знаній „знатока“ больше, чѣмъ на предисловіе, не хватило, или по какой-другой причинѣ, про то вѣдаетъ одинъ Суворинъ.

Мы, читающая газетная публика, попрежнему бродимъ въ темнотѣ. Кто же на самомъ дѣлѣ насъ просвѣтитъ? Самъ ли г. Суворинъ, про котораго даже князь Мещерскій остритъ, что онъ держится такой политики: „каждое утро я прежде всего отворяю форточку, высовываю голову и нюхаю: откуда вѣтеръ подуесть, а затѣмъ по вѣтру и иду“? Недавно, напримѣръ, г. Суворинъ не мало удивилъ и насмѣшилъ всю читающую публику своимъ планомъ союза съ Англіей. А давно ли онъ на столбцахъ того же „Новаго Времени“ разрабатывалъ проектъ похода на Индію? Кто не помнитъ, какъ до войны г. Суворинъ въ своихъ „Маленькихъ Письмахъ“ довольно зло критиковалъ дальне-восточную политику, со слезами на глазахъ говорилъ объ оскудѣніи центра, умолялъ о томъ, чтобы средства, тратящіяся на окранны, обращены были на нужды центра, на поднятіе земледѣлія, народнаго образованія, при чемъ доходилъ даже до дерзости, требуя сто-милліоннаго бюджета для просвѣтительнаго вѣдомства, настаивая на открытіи университетовъ и въ Смоленскѣ, и въ Орлѣ, и въ Нижнемѣ, и въ Саратовѣ, и въ Воронежѣ, даже чуть ли не въ Чухломѣ? Кто же повѣритъ теперь тому же самому г. Суворину, когда онъ начинаетъ въ смутныхъ и нервно-трепещущихъ статьяхъ увѣрять насъ, что наша будущность на Дальнемъ Востокѣ, на „границахъ міровъ“, что судьба велитъ намъ насаждать культуру среди китайцевъ, японцевъ, корейцевъ и проч.?...

А. С. Суворина все же хоть пріятно читать потому, что онъ, какъ ни какъ, человекъ талантливый и умный. А остальные его сотрудники? Умнѣйшій изъ нихъ, честолюбивый карьеристъ г. Сигма-Сыромятниковъ, до войны проповѣдывавшій союзъ съ Японіей (а впрочемъ, и съ другими державами, если начальству будетъ угодно), скрылся со столбцовъ Суворинской газеты и занимается, кажется, дипломатическими разговорами въ не читаемомъ у насъ французскомъ Journal de St.-Petersbourg ¹⁾. Кто же остается? М. О. Меньшиковъ? Полжительно, этотъ человекъ какъ бы нарочно создавъ для иллюстраціи правдивости геніальнаго Щедринаго типа Іудушки (Порфирія Головлева). Какъ-нибудь на досугѣ надо будетъ привести параллельно рядъ цитатъ изъ „Писемъ къ ближнимъ“ г. Меньшикова и изъ писемъ и изреченій Іудушки. Читатель будетъ пораженъ сходствомъ и въ тонѣ, и въ мысляхъ, и въ словахъ, и въ оттѣнкахъ выра-

¹⁾ Какъ теперь выяснилось, г. Сигма-Сыромятниковъ совершенно ушелъ изъ „Новаго Времени“. Это, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ честь писателю...

женій. Поразительно, до чего одинаково оба эти паука, какъ говорилъ Щедринъ про Іудушку, ткутъ свою паутину. Приведу одинъ маленькій примѣръ.

У матери Головлевыхъ, Арины Петровны, умерла дочь, о чемъ она и написала сыновьямъ своимъ Павлу и Порфирію. Первый отвѣчалъ кратко: „Извѣстіе о кончинѣ сестры, погибшей жертвою, получилъ. Впрочемъ, надѣюсь, что Всевышній успокоитъ ее въ Своихъ сѣняхъ, хотя сіе и неизвѣстно“. Порфирій же отвѣчалъ цѣлымъ письмомъ... „къ ближнимъ“. „Извѣстіе о кончинѣ любезной сестрицы и доброй подруги дѣтства Анны Владиміровны—писалъ онъ—поразило мое сердце скорбію, каковая скорбь еще болѣе усилилась при мысли, что вамъ, милый другъ маменька, посылается еще новый крестъ въ лицѣ двухъ сиротъ-малютокъ. Ужели еще недостаточно, что вы, общая наша благодѣтельница, во всемъ себѣ отказываете и, не щадя своего здоровья, всѣ силы къ тому направяете, дабы обезпечить свое семейство не только нужнымъ, но и излишнимъ? Право, хоть и грѣшно, но иногда невольно поропщешь. И единственное, по моему мнѣнію, для васъ, родная моя, въ настоящемъ случаѣ убѣжище—это сколько чаще припоминать, что вытерпѣлъ самъ Христосъ“.

Перечитывала—говоритъ Щедринъ—Арина Петровна эти письма сыновей и все старалась угадать, который изъ нихъ ей злодѣемъ будетъ. Прочтеть письмо Порфирія Владимірыча, и кажется, что вотъ онъ-то и есть самый злодѣй.—Ишь, вѣдь, какъ пишетъ! ишь какъ языкомъ-то вертитъ!—воскликнула она:—не даромъ Степка-балбесъ Іудушкой его прозвалъ! Ни одного то, вѣдь, слова вѣрнаго нѣтъ! Все то онъ жлетъ! И „милый дружокъ маменька“, и про тягости то мои, и про крестъ то мой... ничего онъ этого не чувствуетъ!

Перечтите писанія г. Меньшикова, и вы убѣдитесь, что „письма къ ближнимъ“ точно сколокъ съ писемъ Іудушки. Во главѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія поставленъ генераль, и г. Меньшиковъ пишетъ объ учителяхъ, какъ гимназическихъ воспитателяхъ, о военной дисциплинѣ, какъ краеугольномъ камнѣ хорошей школы. Назначенъ былъ бы морякъ—и „ближніе“ прочли бы проектъ необходимости перенесенія школъ на пароходы. Длинно, медоточиво и чувствительно, описывалось бы море или безконечная гладь рѣки, убаюкивающія волны, мѣсяцъ и звѣзды, свѣтящіяся въ водѣ, вліяніе всѣхъ этихъ предметовъ на впечатлительную душу ребенка, которая на пароходѣ сливалась бы съ природой, училась терпѣнію и послушанію, пріучалась бы чувствовать свое ничтожество передъ природой, Богомъ и начальствомъ. Оказался бы во главѣ инженеръ, естествоиспытатель, классикъ—для всѣхъ г. Меньшиковъ нашелъ бы подходящія слова, для всѣхъ выткалъ бы онъ свою паутину. И каждый изъ нихъ, чи-

тая, все же говорилъ бы: „ни одного то, вѣдь, слова вѣрнаго нѣтъ! все-то онъ лжетъ! ничего онъ этого не чувствуетъ!“ Само собою разумѣется, что такой человѣкъ не можетъ стать выразителемъ національнаго чувства, особенно въ минуту кризиса. Г. Меньшиковъ, безспорно, національный типъ, но въ ту минуту, когда мы только допустимъ мысль о возможности поставить Іудушку во главѣ духовной, идейной жизни великаго народа, мы должны поставить крестъ надъ этимъ народомъ.

Чѣмъ ниже мы спускаемся въ нововременское подполье — тѣмъ хуже чувствуемъ себя. Мы дошли до Энгельгардта, до бездарнаго, самолюбиваго, искусственно взвнчивающаго себя писателя, стыдящагося своей нерусской фамиліи, а потому изъ кожи лѣзущаго, чтобы доказать свой славизмъ и руссизмъ. Дальше—остается Юрій Вѣдяевъ...

Такова наша „первая“ газета, нашъ „Таймс“. За нею слѣдуютъ несчастные лгуны второго порядка, изъ „Новостей“, „Виржевыхъ Вѣдомостей“ съ ихъ пресловутымъ Демчинскимъ, по части лжи побившимъ рекордъ и опередившимъ даже Немировича-Данченко, хотя, конечно, Демчинскому далеко до наивной простодушности и яркой красочности корреспондента московскаго „Русскаго Слова“.

Остается редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Грингмутъ, непонимающій, очевидно, какимъ кошунственнымъ комизмомъ отдадутъ въ его устахъ вѣчныя упоминанія о православіи и русской національности, представляющій русско-японскую войну актомъ борьбы христіанства съ язычествомъ, довольствующійся громкими и страшными словами, исключаящими, по его мнѣнію, потребность въ мысляхъ. Мы не говоримъ о руководителѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ г. Столыпинѣ, не лишенномъ остроумія и даже юмора, потому, что этому журналисту, запутавшемуся въ сѣтяхъ собственной дипломатіи, писателю безъ опредѣленныхъ плановъ и идей съ одними лишь настроеніями и инстинктами, грозитъ серьезная опасность превратиться въ комическую фигуру въ нашей журналистикѣ¹⁾. Князь Мещерскій—человѣкъ не глупый, иногда жестоко искренній по отношенію къ своимъ союзникамъ, но напрасно стали бы вы искать у него какой-либо государственной программы. Если она и есть, то она сводится только къ бюрократизаціи дворянства и закрѣпощенію послѣднему иныхъ сословій. Но, вѣдь, это мечты, бесплодность которыхъ понимаетъ самъ редакторъ „Гражданина“, литературная дѣятельность котораго вдохновляется бюрократическими интригами и личными мотивами. Внимательные читатели „Гражданина“ помнятъ, что писалъ въ свое время князь Мещерскій о „Дальнемъ Востокѣ“, о статьяхъ издававшагося при намѣстничествѣ въ

¹⁾ Теперь г. Столыпинъ, кажется, уже либо самъ ушелъ изъ „С.-Петербургскихъ Вѣд.“, либо вынужденъ былъ уйти.

Портъ-Артуръ „Новаго Края“, о многомъ другомъ. Нонятно, что теперь князю Мещерскому особенно расписываться не приходится, и онъ проводитъ въ „Дневникахъ“ только одну свою любимую идею, о необходимости союза съ Германіей.

Объ уличныхъ листкахъ, прямо сѣющихъ злобу и ненависть, то нагло высокомерныхъ, то унижительно заклинающихъ, стоитъ ли говорить? Они творятъ бесспорно злое дѣло, развращаютъ народную душу, усугубляютъ невѣжество и держатся на немъ дикіе инстинкты толпы. День за днемъ, не встрѣчая нигдѣ противодѣйствія, эти листки отравляютъ народное самосознаніе и, полной рукой разсѣвая сѣмена оголѣлаго высокомерія и злобнаго націонализма, готовятъ въ будущемъ странѣ много тяжелыхъ и страшныхъ минутъ, намекъ на которыя даютъ намъ и кишиневское „злое дѣло“, и эпидемія ловли „шпіоновъ“ по всей Руси, и дикіе взрывы недовѣрія ко всякому образованному, культурному человѣку, отказавшемуся отъ вѣковыхъ предразсудковъ.

Но есть, вѣдь, печать и другого типа, не похожая ни на уличные листки, ни на органы, въ которыхъ подвизаются Суворины, Мещерскіе, Меньшиковы. Конечно, есть: двѣ-три газеты въ столицахъ, два-три десятка въ провинціи. Анализъ этихъ газетъ лучше всего и обнаружитъ хроническую и ужасную болѣзнь, которой давно страдаетъ наша газетная печать и которая можетъ стать для нея роковой. Уличные листки и газеты Суворинско-Мещерскаго толка при всей своей общественной вредоносности, выгодно отличаются отъ болѣе честной печати тѣмъ, что говорятъ и пытаются говорить о жгучихъ вопросахъ минуты, яко бы отзываться на событія, обсуждать явленія политической и національной жизни, глубоко интересующія общество. Какъ они отзываются, что они говорятъ, какими при этомъ руководятся мотивами—вопросъ другой, для образованныхъ и честныхъ людей очень ясный, двухъ отвѣтовъ недопускающій. Но тѣмъ не менѣе эти газеты пытаются хоть отвѣчать своему назначенію. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся газеты болѣе приличнаго толка. По цѣлымъ мѣсяцамъ вы не встрѣтите тамъ ни одного отклика на жгучія, животрепещущія темы, о которыхъ постоянно говорятъ въ обществѣ. Конечно, я не обвиняю въ этомъ журналистовъ, ибо слишкомъ хорошо знаю, отчего сіе происходитъ, и очень хорошо понимаю и чувствую, что при настоящихъ обстоятельствахъ иной порядокъ веденія газеты и недопустимъ. Но читатель газетный, массовой, во-первыхъ, большею частью, ничего не знаетъ и не понимаетъ, во-вторыхъ—и совершенно справедливо—даже признавая смягчающія обстоятельства, газетой не удовлетворяется и либо ищетъ отвѣтовъ на свои настоятельнѣйшіе запросы въ иномъ мѣстѣ (нерѣдко и на страницахъ мещерско-суворинской прессы), либо ничего не ищетъ. От-

сюда маловліятельность, отрѣшенность отъ жизни лучшихъ, по своимъ на-мѣреніямъ, газетъ. Онѣ обращаются въ складочное мѣсто фактовъ, при чемъ наиболѣе совѣстливые изъ руководителей газетъ стараются хоть непо-мѣщеніемъ фактовъ, непонятныхъ безъ разъясненій, и отрѣненіемъ фак-товъ положительныхъ, человѣческихъ, воздѣйствовать на сознание читателя, направляя его мысль и чувство въ желательную сторону. Но и это удается очень рѣдко. Мѣсяца два тому назадъ на страницахъ петербург-скихъ газетъ молодые люди завели разговоръ о вредѣ направленства, о необходимости дать извѣстный просторъ различнымъ мнѣніямъ, изъ столк-новенія которыхъ на столбцахъ одной и той же газеты читатель ее и долженъ воспринять истину. Если это мнѣніе до нѣкоторой, весьма, впро-чемъ, ограниченной, степени справедливо по отношенію къ „толстымъ жур-наламъ“, обращающимся, большею частью, къ читателямъ, чувства кото-рыхъ вполне опредѣлились и которые только ищутъ фактовъ и идей, и оплодотворяютъ ихъ, такъ сказать, своимъ чувствомъ, то для массоваго газетнаго читателя предложенный рецептъ никуда не годится. Если еще къ читателю „толстыхъ журналовъ“ вы можете подойти съ иными изъ своихъ недоумѣній и колебаній, можете пригласить его къ совмѣстному исканію истины, то такого рода обращеніе къ массовому читателю—легко-мысленная и злая затѣя. Съ массой можетъ говорить только тотъ, кто твердо знаетъ, о чемъ онъ хочетъ говорить, у кого есть отвѣты на всѣ вопросы, кто недостатокъ точныхъ знаній можетъ возмѣстить пылкимъ творческимъ воображеніемъ, горячей вѣрой въ свои слова. Только за та-кими людьми пойдетъ масса, только ихъ она будетъ слушать, не обращая никакого вниманія на колеблющихся и сомнѣвающихся. Газеты, издаваемые для массоваго читателя—а почти всѣ для него и издаются—не могутъ быть безъ строго-выдержаннаго, опредѣленнаго направленія. Только не-знакомство съ дѣломъ, отсутствіе жизненнаго опыта, а пожалуй, и глу-бокой вдумчивости въ факты быстро-текущей жизни, могли привести мно-гихъ честныхъ и талантливыхъ молодыхъ людей къ мечтаніямъ о газетахъ безъ направленія.

При нормальныхъ условіяхъ, статьи, комментирующія факты, и являются главнымъ средствомъ обнаруженія направленія газеты, ибо въ передачѣ фак-товъ при возможности ихъ полнаго освѣщенія каждая честная газета будетъ стремиться къ безпристрастію. При иномъ положеніи вещей, статьи, являясь необходимой принадлежностью газеты, теряютъ, однако, почти всякое свое значеніе и перерождаются, превращаясь въ „сонное бормотаніе“ по на-мѣченному заранѣе шаблону. Создаются разъ на всегда опредѣленные формы съ ихъ обычными, опошленными выраженіями, предназначенными для того, чтобы сквозь строй словъ провести намекъ на мысль, опять

таки вполнѣ шаблонную, держащуюся въ предѣлахъ, считаемихъ терпимыми. Въ такомъ шаблонѣ статьи, съ ея сакраментальными указаніями на постановленія тѣхъ или иныхъ комиссій, на выраженія того или иного лица, на обремененность того или иного административнаго учрежденія и т. д., не можетъ, конечно, сказаться ни горячее чувство человѣка, говорящаго отъ имени своихъ согражданъ, ни оригинальная глубокая мысль публициста и общественнаго дѣятеля, указывающихъ родинѣ „пути ко спасенію“.

И сами газеты въ такихъ случаяхъ превращаются не въ органы общественнаго мнѣнія, а въ своеобразныя учрежденія, постепенно приобрѣтающія канцелярскій характеръ. Такое то перерожденіе, какъ мнѣ кажется, и наблюдается въ нашихъ газетахъ. Онѣ становятся удивительно похожими на канцелярскія учрежденія. Создается нѣчто обособленное отъ жизни, прямою связью съ ней не соединенное, а лишь въ предѣлахъ возможнаго отмѣчающее, что въ жизни происходитъ, и по сему поводу предающееся, большею частью, празднымъ разсужденіямъ. Разныя, вѣдь, бываютъ учрежденія. Одни злопыхательствуютъ, все время ищутъ, кого поглотить. Другія относятся къ жизни болѣе терпимо, не прочь проявить иногда даже благодушіе. Приличныя газеты напоминаютъ учрежденія втораго типа. Въ одной повѣсти Е. Чirikова, напечатанной въ „Жизни“, въ „Чужестранцахъ“, вѣрно и тонко очерченъ этотъ типъ хорошей провинціальной газеты, и не безъ мягкаго юмора описавъ этотъ крохотный островокъ, неожиданно объявившійся въ губернскомъ городѣ.

Конечно, я далекъ отъ мысли въ чемъ либо упрекать честныхъ и идейныхъ тружениковъ провинціальной печати и отлично знаю, что не по ихъ винѣ печатаемые ими на русско-иностраннымъ діалектѣ статьи либо понятны только для незначительной кучки образованныхъ людей, интересующихся отвлеченными соціологическими вопросами, либо представляютъ казенныя отписки по мѣстнымъ и житейскимъ вопросамъ, составленныя по опредѣленнымъ шаблонамъ. Въ силу какихъ бы тамъ ни было причинъ, но фактъ остается фактомъ, и печать наша подергивается все болѣе и болѣе толстымъ слоемъ бюрократизма. Бюрократизація, а слѣдовательно, и омертвѣніе въ конечномъ счетѣ различныхъ сторонъ нашей открытой общественной жизни—составляетъ вообще одно изъ крупнѣйшихъ явленій російской дѣйствительности. Очевидно, одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ въ разныхъ отрасляхъ жизни. Возьмемъ органы нашего мѣстнаго самоуправленія. Безпристрастный наблюдатель не станетъ отрицать, что они все болѣе и болѣе бюрократизируются, и крестьянинъ, напримѣръ, едва ли отличитъ земскую управу отъ всякаго другаго казеннаго учрежденія. О. ганамъ нашего самоуправления,

благодаря цѣлому ряду настойчиво дѣйствовавшихъ причинъ, почти не удалось до сихъ поръ выработать типъ иныхъ отношеній къ народной массѣ, какъ бюрократическихъ. Образуется учрежденіе, въ которыхъ сидятъ пишущіе люди, „народъ“ же со стороны приходитъ въ эти учрежденія за справками, подаетъ прошенія, ходитъ за отвѣтами. Такого типа учрежденій, „служащихъ“ которыхъ не сидѣли бы въ центральныхъ зданіяхъ, а постоянно находились бы въ „народѣ“, занимались бы организаціей его для хозяйственно-общественныхъ цѣлей, учили бы его, живя среди него и жизнью для него близкой и понятной, такихъ учреждений, за немногими исключеніями, нашимъ органамъ земскаго и городского самоуправления создать не удалось. Мы утверждаемъ, что исключенія такіа существуютъ, что тамъ, гдѣ управы не встрѣчали препятствій въ приглашеніи на земскую службу идейныхъ учителей, врачей, агрономовъ, что тамъ, гдѣ эти лица въ своей дѣятельности не встрѣчали препятствій со стороны управы или другихъ лицъ, тамъ, несмотря на невѣжество и подозрительность косной деревенской массы, удавалось положить начало другимъ, истинно-общественнымъ отношеніямъ, которыя при существованіи мелкой земской единицы могли бы принести богатые плоды. Въ большинствѣ же мѣстныхъ учреждений принципъ самоуправления подрывается дѣйствующимъ извнѣ и изнутри бюрократическимъ принципомъ.

Само собою разумѣется, что „бюрократизмъ“, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ тою „земской бюрократіей“, съ которой уже нѣсколько лѣтъ борется наша печать. Подъ „земской бюрократіей“ „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“ подразумѣваютъ активную роль губернскихъ земствъ въ дѣлѣ устройства школъ и обезпеченія народнаго здравія во всей губерніи, для чего ими приглашается на земскую службу много интеллигентныхъ сельъ. Реакціонная печать ничего не имѣла бы противъ „земской бюрократіи“, т. е. всѣхъ этихъ служащихъ, если бы они не были „распущены“, имѣли бы „понятіе о дисциплинѣ“ и „здравыя идеи о народныхъ потребностяхъ“, т. е. о необходимости розги, земскаго начальника и суевѣрій. Мы же думаемъ, что именно старанія земскихъ Родзянкохъ, Харченковъ, Карповыхъ и проч. (ихъ за послѣдніе годы стало много) водворить „дисциплину“ и „здравыя понятія“ и является одной изъ сильныхъ причинъ проникновенія бюрократизма въ земскую дѣятельность ¹⁾.

¹⁾ Слово „бюрократизмъ“ въ послѣднее время начало пріобрѣтать двусмысленный отгѣнокъ. Имъ очень охотно оперируютъ реакціонеры, когда надо ограничить независимый судъ, подчинить его администраціи или уничтожить земскихъ дѣятелей изъ „третьяго элемента“. Создалось

Отношенія служащихъ къ обслуживаемому населенію покоились до сихъ поръ у насъ на началахъ либо чисто-бюрократическомъ, либо бюрократически-буржуазномъ. Въ первомъ случаѣ служащій совершаетъ извѣстныя дѣйствія, внѣ всякаго прямого отношенія къ населенію, а просто исполняя волю старшихъ служащихъ, отъ которыхъ ждетъ для себя богатыхъ милостей. „Нѣтъ гражданъ, есть начальство и его воля“—таковъ принципъ. Во второмъ случаѣ служащій работаетъ потому, что сама эта работа доставляетъ ему выгоду отъ тѣхъ, для кого она предназначена. При извѣстной правильной общественной организаціи честная и скорая работа служащихъ бываетъ выгодна и для нихъ. Но возможенъ и третій видъ общественно-служебныхъ отношеній, основанный ни на бюрократическомъ, ни на буржуазномъ началѣ. Возможно, что человекъ желаетъ работать потому, что по своему умственному и нравственному развитію, по общественной своей натурѣ онъ не можетъ жить особнякомъ отъ ближнихъ, замкнувшись въ свою конуру, не можетъ спокойно переносить вида окружающихъ его неустройствъ и злоупотребленій, а потому вмѣшивается въ окружающую жизнь, „въ самую гущу“ ея, по Горьковскому выраженію, и, обезпечивъ себѣ средства существованія, всѣ свои силы посвящаетъ улучшенію общественныхъ условій, отлично понимая, что общее благо будетъ въ то же время и его благомъ. Полная свобода устной и печатной критики дѣйствій такихъ лицъ, вынужденныхъ находиться въ постоянномъ взаимодействіи съ обслуживаемымъ населеніемъ, что, конечно, вовсе не влечетъ за собой обезличенія и потворства всякимъ фантазіямъ и предразсудкамъ толпы, способствуетъ быстрому теченію общественныхъ дѣлъ, непрерывному прогрессу. Общественныя учрежденія должны устроить свои отношенія къ народу на такихъ началахъ, приглашая для этого подходящихъ лицъ, предоставляя имъ разумную свободу дѣйствій. Отсутствие такихъ, единственно правильныхъ отношеній, неизбѣжно влечетъ за собой торжество бюрократизма.

И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ онъ быстро проникаетъ у насъ во всѣ области общественной жизни. О школѣ нечего и говорить. Еще недавно положеніе школьной реформы вызвало на столбахъ академически-холодныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ такія горячія жалобы (см. № 178 отъ 28 іюня 1904 г.):

даже интересное сказаніе о чиновникѣ, призванномъ спасти „мѣстное самоуправленіе“ отъ „земской бюрократіи“. Но смущаться этимъ нечего. Во Франціи реакціонеры и не такіе фокусы продѣлываютъ съ популярнымъ словомъ „socialiste“. Отказываться отъ употребленія термина „бюрократическій“, имѣющаго вполне опредѣленный смыслъ, нѣтъ оснований.

Школьный вопрос поднять обществомъ, существующая система осуждена съ точки зрѣнія идеаловъ общественности, отъ новой школы ожидается служеніе обществу, между тѣмъ вершителями школьной реформы являются исключительно чиновники, духъ въ школѣ царитъ канцелярскій, и школа сама по себѣ остается попрежнему чисто бюрократическимъ учрежденіемъ.

„Россіи нужны чиновники, и мы чиновниковъ воспитываемъ“,— такъ говорятъ понимающіе суть дѣла официальные педагоги. И въ самомъ дѣлѣ, рассмотрите жизнь гимназиста, его обликъ,—и вы увидите подрастающаго чиновника. Внѣшняя нивелировка является однимъ изъ сильныхъ средствъ нивелировки духовной, выработки корректнаго чиновничьяго благообразія и благоприличія. Въ классъ гимназистъ идетъ, какъ чиновникъ на службу, зная, что такъ нужно, сознавая, что между его личными интересами и интересами служебными нѣтъ ничего общаго, но не видя въ этомъ ничего страннаго. Гимназистъ преспокойно читаетъ на урокъ постороннюю книгу, если не ожидаетъ, что его спросятъ; и точь-въ-точь такъ же любой чиновникъ въ сторонѣ отъ начальственнаго глаза пробѣгаетъ свѣжій номеръ газеты, засунутый въ синюю папку „дѣла“ за №. „Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай“, это чисто-чиновничье правило, имѣетъ всю свою силу и для нашего школьника, отбывающаго учебу потому, что она дастъ ему аттестатъ, безъ котораго онъ не можетъ получить привилегированнаго положенія, того чиновничьяго комфорта, къ какому онъ привыкъ иногда даже и въ родительскомъ домѣ. Печать спорить о преимуществахъ естественвѣдѣнія передъ латынью, а, въ сущности, это почти все равно для школьника. Интересуясь проблемами биологій, онъ можетъ именно вслѣдствіе этого интереса не выучить урока по учебнику естественвѣдѣнія и наскочить на переэкзаменовку; точно такъ же его наставникъ, увлекшись новѣйшими педагогическими идеями, можетъ заслужить репутацію неисполнительнаго чиновника, если онъ перестанетъ выставлять отмѣтки; и точно также любой чиновникъ можетъ оказаться не на высотѣ своего канцелярскаго призванія, если вздумаетъ за цифрами и графами искать живыхъ людей.

Даже столь нѣжный, казалось бы, цвѣтокъ, какъ „женскій вопросъ“— и тотъ необыкновенно скоро приобрѣлъ у насъ бюрократическую окраску, превратившись въ стремленіе къ школамъ „съ правами“ и къ занятію чиновничьихъ должностей наравнѣ съ мужчинами. Неудивительно, что допущеніе женщинъ къ занятію всѣхъ должностей на почтово-телеграфной государственной службѣ, возможность при заслугахъ повышенія во всѣ разряды почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, — привѣтствовалось у насъ, какъ побѣда „женскаго движенія“...

Подъ воздѣйствіемъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ все сильнѣе проникаетъ бюрократизмъ и въ прессу, дѣлая изъ газетъ особнякомъ отъ жизни стоящія учрежденія. Не мало журналистовъ, когда-то горячихъ, честныхъ и идейныхъ людей, уставъ отъ вѣчной, кропотливой, мелочной борьбы, изойдя въ бесплодныхъ попыткахъ высказать накопившееся на душѣ, свои дѣйствительныя мысли и чувства, кончали тѣмъ, что, махнувъ на все рукой и приговаривая себѣ въ утѣшеніе, что „жить надо, кормиться надо, жена, дѣти“, принимались за писаніе условнымъ и для читателей непонятнымъ языкомъ общихъ фразъ въ предѣлахъ дозволеннаго, съ намеками и безъ оныхъ...

Русскія передовыя интеллигентныя силы должны бороться противъ бюрократизма не только, какъ противъ установившейся системы, но и какъ противъ настроенія, какъ противъ особаго психическаго склада, который, въ силу продолжительнаго дѣйствія опредѣленныхъ общественно-историческихъ условий, такъ крѣпко присталъ къ натурѣ русскаго человѣка, что освободиться отъ него очень нелегко. Ростъ и освобожденіе личности, а слѣдовательно, и развитіе индивидуализма—наиболѣе громкая нота современности. Индивидуализмъ вполнѣ законенъ, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ влечетъ за собой подъемъ сознанія собственнаго достоинства, нарастаніе чувства личности, требующаго гарантій для своей неприкосновенности и возможности свободнаго проявленія своихъ силъ,—онъ является теченіемъ прогрессивнымъ. Но индивидуализмъ не долженъ заслонять отъ насъ необходимости развитія въ Россіи общественности, усиленія совмѣстной товарищеской работы. Только такая товарищеская работа, товарищеское общеніе могутъ ослабить бюрократическій складъ, столь рѣзко связывающійся въ духовномъ обликѣ русскаго человѣка. Та группа нашего общества, надъ которой бюрократическій духъ имѣетъ менѣе всего власти, наша „учающаяся молодежь“ тѣмъ и отличается отъ другихъ слоевъ, что въ ней наиболѣе развиты разнаго рода товарищескіе союзы для различныхъ цѣлей. Людямъ болѣе взрослымъ не худо бы взять примѣръ съ своихъ младшихъ товарищей. Конечно, я никогда никому не посоветую замкнуться въ свой тѣсный кружокъ, жить мелкими кружковыми интересами, такъ легко превращающимися въ сплетни и соперничество вожаковъ. Нѣтъ, давно пора русскимъ интеллигентнымъ людямъ выйти на широкую открытую дорогу, вмѣшаться въ жизнь, не воображаемую, а въ реальную, сходиться и сближаться, находить общія точки соприкосновенія со всѣми слоями русскаго народа и въ городѣ, и въ деревнѣ. А такія общія точки существуютъ и порождены онѣ ростомъ личности, начинающей тосковать по правамъ, тяготиться своей приниженностью, невѣжественностью, безправіемъ, невозможностью выявить свои внутреннія силы. Но всякую практическую работу надо приучаться дѣлать вкупѣ съ товарищами, безъ всякаго іерархическаго порядка, при которомъ одинъ приказываетъ, другіе подчиняются. Надо приучиться къ внутренней общественной дисциплинѣ безъ приказаній, воспитать въ себѣ желаніе работать на общественной почвѣ и поддерживать работу другихъ, а не мѣшать имъ, не бросать палки подъ колеса изъ-за мельчайшихъ, часто и надуманныхъ размогласій...

О национальной обособленности евреевъ.

Моя статья о еврейскомъ вопросѣ („Двадцативѣковая трагедія“. „Образованіе“ 1903 г. № 10) вызвала суровую отповѣдь со стороны г. Вл. Жаботинскаго и г. Вруцкуса на страницахъ № 3 „Еврейской Жизни“, недавно возникшаго, но имѣвшаго большой успѣхъ органа молодыхъ демократовъ-сіонистовъ. Моими оппонентами затронуто много очень важныхъ темъ; къ сожалѣнію, говорить о нихъ теперь не мѣсто и не время, а потому коснусь лишь вкратцѣ важнѣйшаго. Прежде всего о „древне-еврейской культурѣ“, о тѣхъ „еврейскихъ традиціяхъ“, которыя обособляютъ и отличаютъ этотъ народъ отъ другихъ.

Каутскій требуетъ ассимиляціи евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, для чего они должны „порвать съ традиціями еврейства“. Я указалъ, что ассимиляція—процессъ двусторонній и состоитъ, во первыхъ, изъ отказа отъ того, что обособляетъ, и, во вторыхъ, изъ воспріятія того, съ чѣмъ должно слиться. Первый процессъ для современнаго еврея неизбеженъ и мы, дѣйствительно, видимъ, что „евреи, втянутые въ водоворотъ современной жизни, теряютъ свой специфическій внѣшній обликъ, мало-по-малу отступаютъ отъ законовъ о ритуальной чистотѣ, отказываются даже отъ субботы“. Гораздо сложнѣе и труднѣе второй процессъ, такъ какъ еврей не можетъ довольствоваться *только* національной культурой того народа, съ которымъ ассимилируется, а вносить въ нее общечеловѣческія черты, идеи международнаго братства. Ясно, что, говоря о еврейской культурѣ, я имѣлъ въ виду только то, что обособляетъ и отдѣляетъ евреевъ отъ другихъ людей.

Г. Жаботинскій моими словами очень недоволенъ. Ему даже „неловко“ передъ читателемъ доказывать, что „еврейская культура и еврейскія традиціи“ вовсе не сводятся къ „лацсердаку, трэфу и субботѣ“. Вооружившись сочиненіемъ антисемита Мориса Мюре, г. Жаботинскій доказываетъ мнѣ, что еврейскія традиціи сводятся вотъ къ чему: „мятежная ненависть ко всякому догмату, заставляющая евреевъ подвергать разрушительной критикѣ все освященное традиціей; мечта о всемірномъ братствѣ, мечта, во имя которой евреи являются принципиальными противниками войны, наконецъ, стремленіе установить царство Божіе на землѣ въ противность арійскому идеалу царства Божія въ загробномъ мірѣ—и, какъ слѣдствіе этого стремленія, склонность къ социальнымъ преобразованіямъ“. Далѣе, конечно, приводятся имена Гейне, Брандеса, Спинозы, Маркса, Дизраэли-Виконсфильда и т. д. И приводятся совершенно напрасно, такъ какъ всѣ они вышли и ушли изъ еврейства, совершили тотъ процессъ, вѣрнѣе, даже два процесса ассимиляціи, о которомъ говорилось выше. Конечно, въ свою

дѣятельность они внесли черты, объясняющіяся ихъ еврейскимъ происхожденіемъ, но Виконсфильдъ—является все же типичнымъ англичаниномъ и работалъ не для евреевъ, а для Англій; Гейне и Маркъ служили, во первыхъ, германскому народу, съ которымъ ассимилировались, обогатили не еврейскую, а германскую культуру, а во вторыхъ, служили всему міру и ихъ примѣръ очень ярко подтверждаетъ мою мысль, что при ассимиляции еврей не можетъ довольствоваться воспріятіемъ только національныхъ чертъ другой культуры, а ищетъ общечеловѣческихъ. Еврейской массѣ, милліонамъ евреевъ, существовавшихъ и существующихъ обособленно отъ другихъ людей, указанныя историческія личности не только чужды, но даже перѣдко очень антипатичны. Что же касается указываемыхъ г-мъ Жаботинскимъ, вслѣдъ за Мюре, національныхъ еврейскихъ чертъ, то объ этомъ, право же, „неовко“ серьезно говорить. Указанныя черты присущи передовымъ умамъ всѣхъ народовъ. „Мятежная ненависть ко всякому догмату“—искать ее надо не у средневѣковыхъ талмудистовъ, а у древнегреческихъ софистовъ, у Юма, Вольтера, у энциклопедистовъ, у Ницше. Не зачислить ли ихъ всѣхъ на этомъ основаніи въ еврей? Критика „догмата“, и критика страшная, дана Кантомъ—не еврей ли онъ? Мечта о всемірномъ братствѣ—неужели же объ этомъ мечтаютъ только еврей? Стремленіе водворить царство Божіе здѣсь на землѣ и склонность къ социальнымъ преобразованіямъ. Если признать это стремленіе характернымъ для евреевъ, то въ ихъ число придется зачислить и Платона, и Томаса Мора, и Кампанеллу, Фурье, Суэна, Пьера Леру, Льва Толстого и многихъ, многихъ.

Совершенно напрасно г. Жаботинскій съ такимъ презрѣніемъ толкуеть о „лапсердакѣ, трэфѣ и субботѣ“. Ему то, какъ націоналисту и сіонисту, совсѣмъ не пристало такъ легкомысленно говорить о вещахъ, которыя для подлиннаго, а не выдуманнаго еврейства, для милліоновъ евреевъ, являются очень и очень важными, сосредоточіемъ той культуры, которая отдѣляетъ ихъ отъ другихъ народовъ. Лапсердакъ—это особенность вѣшняго облика еврея, быть можетъ, не важная, но трэфъ, т. е. ученіе о ритуальной чистотѣ, и суббота—являются огромными социальными институтами, огромную важность которыхъ въ исторіи евреевъ можетъ не видѣть только слѣпой. Вся работа талмудистовъ и ихъ продолжателей раввиновъ, направленная къ тому, чтобы обособить евреевъ отъ другихъ народовъ, не дать еврейству погибнуть безъ территоріи и слиться съ иными племенами, свелась къ развитію ученій о „ритуальной чистотѣ“ и „субботѣ“, сковавшихъ въ концѣ концовъ всю жизнь еврея плотной и густой сѣтью, несмотря на отсутствіе территоріи, а позднѣе, и языка.

Г. Жаботинскій можетъ заподозрить мой авторитетъ: откуда, молъ, я

знаю, что „трефъ и суббота“ для евреевъ столь важны. Но я сошлюсь на дѣйствительный авторитетъ, на г. Переферковича, благодаря переводамъ котораго предъ русской публикой раскрылись тайны Талмуда. Г. Переферковичъ-то уже знаетъ, а онъ говорить о работѣ талмудистовъ: „На все наложена печать служенія Богу... По незнанію исполняющей всѣхъ тонкостей закона покрывается презрѣніемъ и подлежитъ особымъ ограниченіямъ... Правила ритуальной чистоты сдѣлали невозможнымъ всякое общеніе между лицами ея несоблюдающими (невѣждами, самарянами, язычниками) и благочестивыми евреями“. Впрочемъ, что г. Переферковичъ! Я могу сослаться на авторитетъ для г. Жаботинскаго болѣе значительный: на самого г-на Жаботинскаго. На стр. 187 № 3. „Евр. Жизни“ онъ пишетъ: „инстинктъ національнаго самосохраненія послѣ потери *естественнаго* (курсивъ Вл. Ж.) изолирующаго средства—національной территоріи, заставилъ еврейство *искусственно* (курсивъ его-же) оградить себя отъ слиянія съ другими народами *стѣною религіознаго догмата*“ (мой курсивъ). Г. Жаботинскій полагаетъ, что теперь, когда „просвѣщеніе безповоротно осудило догматъ на гибель, и искусственная стѣна пала“, тотъ же „инстинктъ“ породилъ сіонизмъ, который вернетъ евреямъ территорію, естественное изолирующее средство, спасетъ еврейство, еврейскую національность и культуру. Что сдѣлаетъ сіонизмъ, спасетъ ли онъ еврейскую національность—объ этомъ можно только гадать. Но что въ прошломъ обособленность національнаго существованія еврейства поддерживалась „стѣною религіознаго догмата“—въ этомъ, оказывается, мы съ г. Жаботинскимъ сходимся. При чемъ же тутъ характерная черта еврейской культуры—„мятежная ненависть ко всякому догмату“? По крайней мѣрѣ, въ теченіи двадцати протекшихъ вѣковъ эта черта не проявлялась...

Г. Жаботинскій бросаетъ упрекъ мнѣ, что, стоя какъ будто на научной почвѣ, исповѣдая всеобщую причинность, я въ то же время и не задавался даже вопросомъ, чѣмъ объясняется „такой феноменъ, какъ почти двадцативѣковая борьба небольшого безземельнаго племени за свою національную обособленность, какъ будто эта двухтысячелѣтняя мученическая самооборона не имѣла подъ собой никакого солиднаго императива и была чуть ли не плодомъ недоразумѣнія, человеческой глупости“. Упрекъ несправедливъ. Странно, какъ г. Жаботинскій, читавшій будто бы внимательно мою статью, не замѣтилъ, что отвѣтъ на интересующій его вопросъ въ ней данъ, быть можетъ, отвѣтъ невѣрный, но сформулированный вполне ясно. Г. Жаботинскій сводитъ дѣло къ „инстинкту національнаго самосохраненія“. Я такого инстинкта не знаю, а фактъ національнаго самосохраненія еврейства объясняю слѣдующимъ образомъ.

Когда евреи лишились своей территоріи и пошли въ изгнаніе, у нихъ

Уже была значительная, богатая буржуазія, накопившая крупные денежные капиталы. Уже задолго до того изъ Палестины шла въ другія страны эмиграція евреевъ, но не земледѣльцевъ, ищущихъ земли, а ремесленниковъ, торговцевъ, капиталистовъ. Въ то же время у евреевъ существовала обширная и вліятельная группа интеллигенціи, ученыхъ, поддерживавшаяся буржуазіей. Когда наступило изгнаніе, интеллигенція, какъ я доказывала довольно подробно, и задумала сохранить націю безъ земли, для чего и соорудила цѣлую огромную систему, обособившую евреевъ отъ другихъ народовъ. Но эта работа оказалась бы бесплодной, если бы социальныя условія жизни еврейства въ изгнаніи не создали почвы для ея процвѣтанія. Евреи были денежнымъ народомъ въ странахъ, гдѣ остальное населеніе жило въ стадіи натурального хозяйства подъ господствомъ феодализма. Благодаря этому, евреи и могли жить совершенно самостоятельно отъ другихъ людей, приходя съ ними во внѣшнія отношенія, но не смѣшиваясь въ производственномъ процесѣ. Это и дало возможность еврейской интеллигенціи осуществить свою обособляющую работу. Но какъ только денежное хозяйство начинаетъ глубже проникать въ европейскія общества и перестраивать ихъ социальное сложеніе, сохраненіе еврейской самобытности дѣлается все болѣе и болѣе труднымъ. У городского населенія оказывается много точекъ соприкосновенія съ евреями, у евреевъ появляется болѣе тѣсное отношеніе къ производственному процессу. Огромное талмудическое зданіе зашаталось—это, какъ мы видѣли, признаетъ и г. Жаботинскій. Еврейскій вопросъ и еврейская исторія въ эпоху господства натурального хозяйства и въ эпоху развитія денежнаго — имѣютъ другъ съ другомъ немного общаго. Поэтому то я и считаю, что окончательное *рѣшеніе еврейскаго вопроса* можетъ послѣдовать только при устраненіи денежнаго хозяйства и замѣны конкуренціи гармоническимъ общественнымъ строемъ, поэтому то я не думаю, чтобы при господствѣ денежнаго хозяйства возможно было рассчитывать на сохраненіе еврейской націи, лишенной территоріи и своего языка.

Таковъ мой отвѣтъ. Можетъ быть, онъ неудовлетворителенъ и невѣренъ, но онъ достаточно ясенъ и не находится въ противорѣчіи съ общими основами моего міросозерцанія.

Отрицая возможность сохраненія особой еврейской національности, я, однако, допускаю, что сіонистамъ съ громадными усиліями удастся въ томъ или другомъ мѣстѣ для нѣсколькихъ тысячъ евреевъ (всего ихъ свыше 10 милліоновъ) устроить „правоохранное убѣжище“ при помощи разумной, планомѣрной колонизаціи. Мало того, я даже нахожу возможнымъ сочувствовать этому плану, какъ смѣлому социальному опыту. Это обстоятельство приводитъ въ большое недоумѣніе моего второго оппонента

г. Вруцкуса. Онъ видитъ тутъ противорѣчіе, отказъ отъ прежнихъ убѣжденій, констатируетъ, что у меня доброе сердце, а сіонизмъ такъ силенъ, что покоряетъ себѣ даже принципиальныхъ противниковъ.

Нѣтъ, кажется, нужды особенно подробно разъяснять г. Вруцкусу его ошибку. Евреямъ живется очень плохо и еще долгое время будетъ житься плохо. Эмиграція является, поэтому, хотя и печальной, но неизбежной необходимостью. Нѣтъ ничего законнѣе и естественнѣе мысли упорядочить эту эмиграцію, сдѣлать попытку устроить жизнь эмигрантовъ на разумныхъ, цѣлесообразныхъ началахъ, дать имъ возможность сложиться въ самоуправляющуюся общину, однимъ словомъ, создать для нихъ „правоохраненное убѣжище“, а будетъ ли это въ Сіонѣ, Угандѣ или въ другомъ мѣстѣ,—съ указанной точки зрѣнія безразлично. Г-нъ Вруцкусъ думаетъ, что въ этомъ „правоохраненномъ убѣжищѣ“ евреи сохраняютъ свою національность, будутъ развивать свою самобытную национальную культуру и прочее и прочее. Я этихъ мыслей не раздѣляю, но спорить о будущемъ несуществующаго не стану. Враждовать же съ планами лицъ, мечтающихъ о „правоохраненномъ убѣжищѣ“, пока они на практикѣ сводятся къ организаціи еврейской эмиграціи, нужды не вижу. Но есть стороны въ сіонизмѣ и въ дѣятельности сіонистовъ, противъ которыхъ необходимо протестовать. Таковы стремленія „ортодоксальныхъ сіонистовъ“, вражда сіонистовъ къ другимъ группамъ еврейской демократіи и т. д.

Печальное положеніе евреевъ тяжело отзывается и на ихъ физической природѣ, влечетъ за собой слабосиліе и даже вырожденіе. Поэтому, не вѣря въ возможность самобытнаго и самостоятельнаго существованія еврейской націи, полагая, однако, что радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса въ силу хода исторіи неотдѣлимо отъ коренной общественной реформы, я въ видѣ палліативовъ для улучшенія положенія евреевъ вслѣдъ за признаніемъ ихъ полного гражданскаго равноправія указалъ на смѣшанные браки и занятіе земледѣліемъ. И тутъ г. Вруцкусъ, конечно, нашелъ противорѣчіе. „Удивительны,—пишетъ онъ,—такія симпатіи къ земледѣлію у послѣдователей Маркса. Вѣдь, по ихъ взглядамъ, во главѣ прогресса должны стоять промышленные рабочіе, ростъ общества требуетъ перехода отъ земледѣлія на фабрику; почему же евреямъ вдругъ пойти наперекоръ исторіи, становиться въ ряды реакціоннаго крестьянства?“ (стр. 212).

Пора бы, наконецъ, бросить эту далеко не умную легенду, будто Марксъ и его послѣдователи являются какими то врагами „земледѣлія“ и не могутъ питать къ нему никакихъ „симпатій“? Можетъ быть, современемъ люди и будутъ хлѣбъ изъ воздуха дѣлать, но пока что—безъ „земледѣлія“ при добываніи хлѣба не обойдешься. Въ идеальномъ обществѣ Маркса и его послѣдователей гармоническое единство земледѣлія и

промышленности играет первостепенную роль. Маркс могъ находить, что извѣстные социальные условия и виды хозяйства превращаютъ лица, занимающихся „земледѣлемъ“ въ реакціонные элементы, но отсюда до отрицанія „земледѣлія“ еще очень далеко. Марксъ едва ли бы возражалъ противъ превращенія части городскихъ рабочихъ въ земледѣльцевъ, особенно при созданіи для ихъ труда разумной общественной обстановки. Въ Англіи много земель пустоуетъ подъ охотничьими парками и пастбищами. Распахвка подъ хлѣбъ части этихъ земель привлекла бы къ земледѣлію нѣкоторыя группы рабочихъ. Кто могъ бы усмотрѣть въ этомъ регрессъ? Въ Австраліи и Новой Зеландіи образованіе земледѣльческихъ колоній для рабочихъ входитъ въ программу рабочей партіи.

Переходъ части еврейства къ земледѣлію нисколько не былъ бы поэтому реакціонной мѣрой, хотя, конечно, не разрѣшилъ бы еврейскаго вопроса. Такая мѣра при удачномъ ея проведеніи можетъ только улучшить положеніе нѣкотораго количества евреевъ. Г. Брудкусъ признаетъ возможнымъ толковать о еврейскомъ земледѣліи только при существованіи еврейскаго государства, такъ какъ послѣднее безъ перваго немислимо. Фантомъ несуществующаго государства ослѣпляетъ глаза сіонистовъ, и имъ навбно кажется, что столь тяжко дающееся теперь при обычной колонизаціи превращеніе горожанина въ земледѣльца станетъ легко осуществимымъ, какъ только будетъ поднято еврейское національное государственное знамя...

А. С. Изгоевъ.

Р. С. Въ № 6 „Русскаго Богатства“ г. Эль-Эмъ обрушивается на меня за статью о Н. К. Михайловскомъ. Мои грѣхъ: во первыхъ, я заподозрилъ „идейную искренность и боевую прямоту“ покойнаго публициста, и во вторыхъ, совершивъ подтасовку, невѣрно истолковалъ ученіе Н. К. Михайловскаго объ общественной однородности, приравнявъ его къ „аракчеевскому ранжиру“.

На это отвѣчу. Ни въ чемъ я Н. К. Михайловскаго не заподозрилъ, а указалъ только на общезвѣстный фактъ, что съ середины 80-хъ годовъ Н. К. Михайловскій пересталъ говорить о своихъ положительныхъ идеалахъ и съ этого момента вы не найдете у него ни одного указанія на судьбу въ Россіи артелей, капитализма и проч. вмѣсто произнесенія жалкихъ словъ г. Эль-Эмъ лучше бы привелъ тѣ статьи покойнаго послѣ 86 года, въ которыхъ эти вопросы разбираются. Несомнѣнно, Н. К. Михайловскій отказался отъ многихъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но положительно объ этомъ нигдѣ не заявлялъ.

Второе обвиненіе столь же неосновательно. Утверждать, что подъ „однородностью общества“ Н. К. Михайловскій разумѣлъ только „одна-

ковыя условія и права“, можетъ лишь человѣкъ, совершенно незнакомый съ ученіями покойнаго соціолога. Это говорится о писателѣ, который даже раздѣльнополое существо считалъ „низшимъ типомъ“ сравнительно съ гермафродитскимъ, который идеаль свой видѣлъ въ *тиль* икѣозавра, общины, организованной на простомъ сотрудничествѣ и т. д.!! Подумайте, г. Эль-Эмъ, что Вы пишете. Про „аракчеевскій ранжиръ“ у меня, понятно, не сказано ни слова—Это все г. Эль-Эмъ самъ выдумалъ.

Приведя мои слова, что „формула прогресса Н. К. Михайловскаго расколота на двѣ части и между ними нѣтъ *моста*“, г. Эль-Эмъ ставитъ послѣ подчеркнутаго слова знакъ вопроса. Тутъ онъ правъ и совершенно вѣрно отмѣтилъ опечатку: слѣдуетъ читать „*моста*“.

Въ заключеніе, выражаю увѣренность, что моя открытая и честная критика Н. К. Михайловскаго, проникнутая къ нему полнымъ и искреннимъ уваженіемъ, гораздо достойнѣе памяти покойнаго публициста, чѣмъ странная (по своему тону и содержанію) защита г. Эль-Эмъ. Я думаю, что редакція „Русскаго Богатства“ это тоже понимаетъ...

А. С. Изгоевъ.

Родныя картины.

О г. Львѣ Тихоміровѣ и о его теоріи „мирнаго гнѣнія“ и „полезныхъ кровопусканій.“— О гг. Меньшиковѣ и Менделѣевѣ и о „всемѣрномъ размноженіи,“ какъ политической программѣ.—Какъ поступать съ плѣнными японцами?—Мнѣніе по этому вопросу „Московскихъ Вѣдомостей“.—О сестрахъ милосердія и г-жѣ Лухмановой.—Неосновательные процессы.—Провинціальная юстиція.—Дѣло Безсалова.—Новый способъ пьянства.—Война и печать.—Мелочи.

Недавно мнѣ привелось слышать премиленькій рассказъ изъ дѣтской жизни. Четырехлѣтняго мальчика Гришу какъ-то спросили:

- Гриша, ты умѣешь пѣть? Спой что-нибудь.
- Да, я могу „потъ.“
- Что же ты можешь?
- „Козлика“ могу „потъ.“
- Ну, спой „козлика.“

Гриша отставилъ ножонку впередъ, [закинулъ голову и началъ дѣтскимъ басомъ:

- „Чи-жикъ, чи-жикъ, гдѣ ты былъ?“

Этотъ забавный эпизодъ изъ жизни дѣтвора пришелъ мнѣ на память, когда я пробѣгалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ длинную серію статей г-на Льва Тихомірова подъ общимъ заглавіемъ „О смыслѣ войны“. Задавшись дѣлью поговорить о русско-японскомъ столкновеніи и доказать, что Россія, помимо своего желанія, должна была принять вызовъ врага, г. Тихоміровъ увлекся и, нечувствительно для самого себя, сталъ говорить о пользѣ кровопролитій вообще и о войнѣ, какъ творческомъ началѣ въ жизни народовъ. То есть поступилъ точь-въ-точь, какъ мальчишкѣ Гришѣ: общалъ спѣть „Козлика,“ но не замѣтилъ и спѣлъ „жилика.“

Конечно, къ этой ошибкѣ г. Тихомірова можно было бы отнести

вполнѣ снисходительно—мало ли, въ самомъ дѣлѣ, какихъ нечаянностей не случается съ газетными тенорами? Но все дѣло въ томъ, что „чижикъ“ г-на Тихомірова отличается слишкомъ ужъ разнузданной кровожадностью: это не „чижикъ“, а скорѣе какая-то пѣсня каннибаловъ надъ только что освѣжеваннѣмъ трупомъ плѣнника. Вотъ неудобно ли обратить вниманіе, какіе ругалы выводитъ, напримѣръ, „чижикъ“ о преимуществахъ войны передъ „мирнымъ развитіемъ“:

„Можно ли радоваться,—вопрошаетъ онъ,—долговременному „мирному развитію?“

— „Можетъ-быть, люди, не имѣющіе смысла жизни, и скажутъ „да.“ Но, полагаю, ни одинъ человѣкъ, горячо служащій какому-либо идеалу, не отвѣтитъ такъ просто. Онъ скажетъ: зависитъ отъ того, что кроетъ въ своемъ содержаніи это „мирное развитіе“. Во-первыхъ, есть ли это—*развитіе*, а не просто мирное, неподвижное гніеніе? Во-вторыхъ, если нѣчто дѣйствительно развивалось, то что именно? Если развивалось нѣчто хорошее, всякій порадуетса. А если мирно развивалось нѣчто злое, то—да погибнетъ такой „миръ“!

„Итакъ, все сводится къ содержанію факта, и въ отношеніи войны—мы радуемся не потасовкѣ самой по себѣ, а *тому доброду*, что война создаетъ.“

Что касается содержанія этого „добраго“, то по этому вопросу „чижикъ“, къ сожалѣнію, ничего опредѣленнаго объяснить не можетъ: „доброе“ онъ толкуетъ то какъ „повышающее вліяніе войны“, то какъ „подвигъ самоотверженія воиновъ“, то, наконецъ, просто какъ „гармонизирующій элементъ.“

„Война, говоритъ онъ, есть борьба двухъ обществъ за ихъ общественные интересы. Солдатъ даже не опредѣляетъ, что за интересъ его общества. Онъ просто отдаетъ за него жизнь. Онъ борется за отечество, за то добро, которое въ немъ, за то чѣмъ живетъ отечество.“

„Это „добро“ есть всегда во всякой націи. Всякая страна жива только тѣмъ высокимъ гармонизирующимъ элементомъ, который въ ней есть. И если бы его не было, то не было бы общества. И вотъ, не за частный какой-либо интересъ отдаетъ свою жизнь солдатъ, а за самую суть отечества.“

Очень можетъ быть, что если бы г. Тихоміровъ не выходилъ изъ предѣловъ своей первоначальной программы, т. е. пѣлъ, согласно обѣщанію, только „козлика“, то онъ не договорился бы до „гармонизирующаго элемента“ и не поставилъ бы себя въ смѣшное положеніе защитника войны для войны. Но такъ какъ программа была нарушена и новый „номеръ“ пришлось пѣть экспромптомъ, то получился сплошной курьезъ и ничего

Больше. Судите сами, не смѣшно ли это: захотѣлъ человѣкъ поговорить о пользѣ войны вообще (можетъ быть, даже получилъ заказъ на этотъ товаръ отъ своего хозяина г. Грингмута), и ничего, рѣшительно ничего, кромѣ гнилыхъ словъ, не въ состояніи придумать: „гармонизирующій элементъ“, „повышающее вліяніе“, элементъ, вліяніе, вліяніе, элементъ...

Ну, а дальше, дальше-то что же: гдѣ же „чижикъ“ былъ? что же „чижикъ“ пилъ? Но г. Тихоміровъ и на этотъ разъ ничего о времяпрепровожденіи своего чирика объяснить не можетъ. Такъ что, глядя на его потуги, невольно вспоминается извѣстная малороссійская поговорка-шутка: „тынды-рынды—на грошь маку“.

Комизмъ положенія, въ которое самъ себя поставилъ г. Тихоміровъ, увеличивается еще больше оттого, что свою политическую доктрину о пользѣ кровопусканій онъ преподноситъ съ самымъ серьезнымъ видомъ и совсѣмъ не замѣчаетъ, что если стать на его точку зрѣнія, то можно будетъ отыскать свою „пользу“ и въ холерѣ, и въ чумѣ, и въ пожарахъ. И даже не только отыскать, но и приличествующее случаю „тынды-рынды“ произнести. Я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь, что если бы г. Грингмутъ поручилъ г. Тихомірову написать передовую статью о пользѣ деревенскихъ пожаровъ, то г. Тихоміровъ не задумался бы ни на одну минуту и съ легкимъ сердцемъ приготовилъ бы на эту тему блистательнѣйшее „тынды-рынды“.

„Деревенскіе пожары—полезны ли они для возлюбленнаго отечества?“ глубокомысленно спросилъ бы онъ и немедленно же отвѣтилъ бы: „Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что не только полезны, но положительно благотѣльны. Вѣдь, еще въ древности огонь справедливо считался наилучшимъ очистительнымъ средствомъ и не даромъ же многія племена обожествляли эту стихію, образуя цѣлыя секты огнепоклонниковъ“.

А затѣмъ, послѣ такого приступа и историческихъ справокъ полились бы жалкія слова о мужицкомъ смиреніи передъ промысломъ Неба, о школѣ терпѣнія, которому учить мужика „красный пѣтухъ“, въ заключеніе, быть можетъ, явился бы даже „гармонизирующій элементъ“: „извѣстно, молъ, что послѣ визитовъ краснаго пѣтуха, наши православные мужички имѣютъ обыкновеніе ходить по міру, а Львы Тихоміровы имѣютъ обыкновеніе подавать имъ грошики „на погорѣлое“. Но позволительно спросить, какимъ же образомъ Львы Тихоміровы упражняли бы присвоенную имъ отъ казны добродѣтель, если бы сбылись мечты либераловъ и „красный пѣтухъ“ навѣки улетѣлъ бы изъ нашей деревни? Вѣдь, тогда погибло бы одно изъ нашихъ исконныхъ, чисто русскихъ началъ, выражающееся въ старинныхъ словахъ „ходить по міру“, а съ нимъ вмѣстѣ

приблизился бы къ роковому концу и „гармонизирующей элементъ“, скрѣпляющей сословія узами христіанскихъ чувствъ“.

Какъ можетъ судить читатель, предложенные мной „тынды-рынды“ о пользѣ деревенскихъ пожаровъ ничуть не хуже тихоміровскаго „тынды-рынды“ о пользѣ международныхъ войнъ; быть можетъ, даже мое лучше, потому что пожары не сопряжены съ большимъ количествомъ человѣческихъ жертвъ, а стало быть, и похвальное слово въ честь пожаровъ придумать легче.

Впрочемъ, что касается человѣческихъ жертвъ, то г. Тихоміровъ на этотъ счетъ не только не стѣсняется, но даже упрекаетъ соотечественниковъ, что они предаются бессмысленному накопленію крови въ своихъ организмахъ и дрожать надъ этой кровью, какъ Скупой Рыцарь надъ червонцами.

„Я спрашиваю, говоритъ онъ, каждого порядочнаго человѣка, то-есть всякаго человѣка въ минуту, когда онъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ, что онъ не „скотъ“, а человѣкъ... Зачѣмъ ему нужна его кровь, эти соки его организма, эта жизнь его? Желаетъ ли онъ ихъ тратить на что-нибудь? Или онъ желаетъ ихъ просто безцѣльно накапливать и сохранять, какъ „Скупой рыцарь“ бесполезныя деньги?“

Въ другомъ мѣстѣ своей статейки г. Тихоміровъ говоритъ, что „кровь есть красная жидкость артерій“ и ничего больше, а потому, дескать, нечего и печалиться, если время отъ времени люди поливаютъ этой жидкостью землю—была бы только польза отъ такой поливки...

Какъ видите, это уже нѣчто совершенно неподражаемое по наивной наглости тона: начавши съ невиннаго „козлика“, г. Тихоміровъ незамѣтно договорился до принципиальныхъ кровопусканій—вотъ что называется служить своему хозяину не токмо за страхъ, но и за совѣсть! Впрочемъ, мы еще далеко не увѣрены, что г. Грингмутъ останется доволенъ работой своего „личарды“: ужъ очень „личарда“ „перелакеилъ“. До такой степени „перелакеилъ“, что положилъ подъ ноги хозяина и здравый смыслъ, и поскребки своей умирающей совѣсти, и уваженіе къ истинѣ. Для меня лично остается загадкой, съ какой цѣлью г. Тихоміровъ предпринялъ свою диссертацию о кровопусканіяхъ. Что онъ хотѣлъ подслужиться—это несомнѣнно, но кому и въ какомъ смыслѣ? Вѣдь, ни для кого же не секретъ, что и нашъ народъ, и правительство всегда считали и продолжаютъ считать войну бѣдствіемъ, и даже въ церковныхъ возношеніяхъ священнослужители молятся объ избавленіи страны „отъ глада, труса и нашествія иноплеменниковъ“. Спрашивается, откуда же эти гимны въ честь войны, какъ творческаго начала, откуда эти афоризмы, что безъ войны человѣкъ „оподляется“, а общественная жизнь загниваетъ и разлагается? Повторяю, единственно, что

можно предположить—это желаніе г. Тихомірова заслужить любовь хозяйна: вѣдь, былъ же у Островскаго такой герой, который не зналъ, тѣмъ угодить предмету своей страсти и все повторялъ: „дозвольте я для васъ какую-нибудь подлость сдѣлаю“.

Кромѣ г. Тихомірова, предлагаетъ „сдѣлать подлость“ и г. Меньшиковъ изъ „Новаго Времени“. Онъ тоже, еще съ самаго начала войны неутомимо расписываетъ узоры о пользѣ періодическихъ кровопусканій. Но такъ какъ кредитъ г. Меньшикова упалъ у читающей публики до нуля, то теперь этотъ господинъ почти не появляется въ своей аудиторіи въ одиночку, а всегда беретъ подъ руку какого-нибудь почтеннаго старца и отъ его имени начинаетъ налагать свои афоризмы. Чаще всего въ роли такого предохранительнаго старца выступаетъ г. Менделѣевъ, а г. Меньшиковъ излагаетъ передъ публикой его взгляды на войну, на Россію, на русскій прогрессъ и пр. и пр. Но при этомъ часто случается, что предохранительный старецъ какъ бы играетъ роль граммофона, только повторяющаго слова г. Меньшикова. Такая штука случилась, напримѣръ, какъ разъ съ г. Менделѣевымъ, когда г. Меньшиковъ началъ излагать его наставленія русскимъ людямъ о необходимости всемірно размножаться:

„Намъ загода надо,—цитируетъ г. Меньшиковъ слова своего старца,—во-первыхъ, устраивать такъ свои достатки и всѣ внутренніе порядки, чтобы размножаться быстрѣе своихъ сосѣдей и всего человѣчества... а во-вторыхъ, намъ необходимо, помимо всего, быть на-чеку, не расплываться въ миролюбіи, быть готовыми встрѣтить внѣшній напоръ. Россія, говоритъ онъ, должна быть „страною, всегда готовою къ отпору всякому на насъ посягательству, т.е. страню, прежде всего военною“. Вотъ что проповѣдуетъ этотъ престарѣлый ученый.“

Но, если помнить читатель, какъ разъ ту же мысль высказывалъ не только „престарѣлый ученый“, но и самъ г. Меньшиковъ, и эту проповѣдь всемірнаго размноженія я уже имѣлъ честь отмѣчать на страницахъ „Родныхъ Картинъ“, когда говорилъ о новыхъ теченіяхъ среди нововременскихъ „Гальтиморовъ“. Но спрашивается, однако, тѣмъ же объяснить такое странное совпаденіе, и кто у кого позаимствовалъ идею о необходимости перещегоолять всѣхъ сосѣдей по Гальтиморской части: Меньшиковъ у Менделѣева, или Менделѣевъ у Меньшикова? Во всякомъ случаѣ, такое совпаденіе политическихъ программъ не дѣлаетъ чести нашему великому химику и его соціальной прозорливости...

А впрочемъ, и то сказать, съ русскими людьми это часто случается: сидитъ человѣкъ въ своемъ кабинетѣ лѣтъ сорокъ, сидитъ безвыходно и, когда совершенно одряхлѣетъ и отстанетъ отъ жизни,—вдругъ появляется на свѣтъ Божій и предъявляетъ политическую программу: „господа! раз-

множайтесь! размножайтесь всѣми правдами и неправдами—и да будутъ благословенны ваши усилія въ этомъ направленіи!“

Къ большому сожалѣнію, съ проповѣдями подобнаго рода выступаютъ иногда люди съ огромными научными именами, которыхъ знаетъ и цѣнить весь міръ. Но ихъ имена въ данномъ случаѣ служатъ только лишней обузой, такъ какъ ослѣпляютъ толпу и мѣшаютъ ей разглядѣть, что въ роли политическаго учителя выступаетъ передъ нею не кто другой, какъ генералъ посторонняго вѣдомства. Взять хотя бы того же г. Менделѣва: въ химіи это великанъ, но въ политикѣ—карликъ. Онъ на сто лѣтъ отсталъ отъ политической науки, онъ понятія не имѣетъ о политической исторіи, онъ на тысячу верстъ отстоитъ отъ политическихъ идеаловъ своихъ современниковъ,—но все это не мѣшаетъ ему предпринимать комическіе выходы и подъ руку съ гг. Меншиковыми забираться на кафедру политическихъ учителей. На первый взглядъ, такіе выходы могутъ, разумѣется, показаться только смѣшными, но именно на первый взглядъ. Въ дѣйствительности же, печальная сторона такихъ проповѣдей состоитъ въ томъ, что къ большимъ именамъ постороннихъ генераловъ всегда присасывается цѣлая шайба журнальныхъ шарлатановъ въ родѣ гг. Меншиковыхъ, которые навьючиваютъ на плечи генерала свои шарлатанскія идеи и въ такомъ видѣ гонятъ его въ публику: „смотрите, молъ, господа, не только я, Меншиковъ, говорю, что политическая программа Россіи должна заключаться въ словахъ „всемирное размноженіе“, но и генералъ Менделѣвъ то же самое рекомендуетъ. Не правда ли, генералъ? Подтвердите, что мы съ вами солидарны“. И генералъ шамкающимъ ртомъ подтверждаетъ: „да, да, да, господа, размножайтесь, я васъ очень прошу. И главное, постарайтесь превзойти вашихъ сосѣдей, чтобы вы оказались первыми. Я, господа, надѣюсь на васъ“...

Чтобы покончить съ газетными теоретиками русскаго милитаризма, возвратимся еще на одну минуту къ г. Грингмуту и К^о. Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ, какой шумъ подняли наши столпы охранительной печати, когда съ театра военныхъ дѣйствій пришло неprovѣренное и официально неподтвержденное извѣстіе о насліяхъ и издѣвательствахъ японцевъ надъ русскими ранеными и убитыми. Больше всѣхъ и громче всѣхъ кричалъ г. Грингмутъ: онъ требовалъ международнаго суда, вопіялъ о варварствѣ азіатовъ, настаивалъ на нравственномъ отмщеніи и пр. и пр. Но вотъ газетные разговоры о японскомъ варварствѣ стали затихать и г. Грингмутъ выступилъ, подъ шумокъ, съ предложеніемъ *добывать раненныхъ враговъ и умерщвлять плѣнныхъ*. Вотъ его поданными слова на этотъ счетъ:

„Для того, чтобы побѣдить, не достаточно побѣдить,—необходимо еще

уничтожить врага. Наша борьба съ Японіей напоминаетъ борьбу человѣка съ ядовитою гадиною; недостаточно обратить гадину въ бѣгство и дать ей возможность укрыться въ кустахъ, а надо ее уничтожить. Это не жестокость, а необходимость“.

„И мы должны сдѣлать это въ силу необходимости, не обращая вниманія на то, понравится ли это тетенькѣ англичанкѣ и международно-еврейской плутократіи. Обременять и безъ того обремененную Россію тысячами японскихъ плѣнныхъ,—распространяющихъ дизентерію, тифъ и холеру среди русскаго населенія,—хотя и гуманно, но далеко не разумно. Мы могли еще церемониться съ нашимъ вѣковымъ, но честнымъ врагомъ—турками, давъ у себя пріютъ десяткамъ тысячъ плѣнныхъ во время турецкой войны; но японцы такого великодушія не заслуживаютъ. Пардону живымъ не давать, плѣнныхъ не брать!“

Выраженіе „не давать пардону живымъ и не брать плѣнныхъ“ исключаетъ всякую возможность сомнѣваться въ истинномъ значеніи словъ г-на Грингмута, тѣмъ болѣе, что на языкѣ военныхъ „не брать плѣнныхъ“—значить приканчивать ихъ (вспомните „Войну и Миръ“ Толстого и казака Денисова, который проповѣдывалъ эту теорію).

Надо, однако, сказать правду, никто, рѣшительно никто изъ нашихъ журналистовъ, не исключая и самыхъ оголтелыхъ, до сихъ поръ не отваживался выступать съ такими змѣиными, съ такими неслыханно-позорными предложеніями! Г-нъ Грингмутъ пробилъ въ этомъ отношеніи брешь... Но, чтобы читатель могъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о нравственной красотѣ этой личности, я приведу выдержку изъ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ съ горькой ироніей, въ пику „либераламъ-самооплевателямъ“, говорится о мнимой русскаго отсталости:

„Мы, русскіе, дѣйствительно отсталые, мы некультурные!.. У насъ всегда и на первомъ планѣ челоуколюбіе и гуманность, у насъ уваженіе ко врагу, кто бы этотъ врагъ ни былъ. У насъ личность плѣннаго, а тѣмъ паче раненаго, врага признается неприкосновенною, мы ухаживаемъ за ранеными, какъ и за своимъ братомъ, стараемся облегчить его участь... Это ли не отсталость?“

„Вѣдь, въ культурныхъ странахъ давнымъ-давно забыты самыя элементарныя понятія о челоуколюбіи и гуманности.“

„Вспомните войну англичанъ съ бурами! Просвѣщенные мореплаватели показали свою культуру во всемъ величій: они яростно добывали всѣхъ раненыхъ, они, сдаваясь въ плѣнъ, убивали своихъ плѣнителей, отбравшихъ у нихъ оружіе, они морили голодомъ, въ концентраціонныхъ лагеряхъ, ни въ чемъ не повинныхъ бурскихъ женщинъ и дѣтей, да мало ли въ чемъ еще проявлялась ихъ культура...“

„0! Какъ вы жалки и ничтожны, наши культурно-либеральные проповѣдники; какъ жалка и ничтожна ваша проповѣдь!..“

* * *

На задворкахъ газетной литературы уже давно подвизается пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама—г-жа Лухманова. Это и феминистка, и модернистка, и бонопартистка, и аболіціонистка, и все, что вамъ угодно. Но чаще всего уличные листки приглашаютъ г-жу Лухманову, такъ сказать, на ампулу классной дамы, которая преподаетъ читательницамъ правила хорошаго тона, слѣдитъ за ихъ поведеніемъ и наставляетъ, какъ жить, какъ любить, какъ обращаться съ прислугой, съ родителями, съ мужемъ, съ посторонними кавалерами и пр. и пр.

Особеяно охотно эксплуатируетъ г-жа Лухманова сюжеты матримоніальные: тутъ она чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, и можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ такого винтика въ матримоніальномъ дѣлѣ, о которомъ въ свое время она не рассказала бы читательницамъ.

Вотъ на выдержку нѣсколько ея темъ, которыя она разрабатывала частью въ „Петербургской Газетѣ“, частью въ своихъ публичныхъ лекціяхъ:

1. Какимъ образомъ, при сравнительно небольшихъ средствахъ, можно скоро, хорошо и прилично выйти замужъ. (Руководство для невестъ изъ Перинной линіи).

2. Какимъ образомъ можно распознать, не прохвостъ ли женихъ и въ какой мѣрѣ можно на него, подлеца, положиться. (Краткое наставленіе для матерей всѣхъ званій съ приложеніемъ классификаціи жениховъ средняго класса).

3. Какимъ образомъ безъ вымогательства, однако, и безъ излишняго послабленія, можно добиться, чтобы родители выдали дочери приличествующее ихъ званію приданное. (Рекомендуются исключительно мѣры словеснаго понужденія: вы, дескать, дорогіе родители, бобовъ не разводите, а говорите прямо: сколько вы даете движимаго и недвижимаго и будетъ ли, чортъ побери, столовое серебро?)

4. Какимъ образомъ можно надолго сохранить вѣжность мужа и какому изъ существующихъ на сей предметъ секретовъ слѣдуетъ отдавать преимущественное вниманіе?

Таковы излюбленные, наиболѣе разработанные сюжеты г-жи Лухмановой. Но въ свободное отъ матримоніальной практики время она еще любитъ писать и говорить о проституціи и о г. Розановѣ. Проститутокъ г-жа Лухманова ненавидитъ до глубины души и называетъ ихъ „презрѣнными тварями“, а на г-на Розанова строчить донесенія по начальству и жалуется, что онъ ее развращаетъ: дескать, что хотите, со мной дѣлайте, но я больше не могу, я не въ состояніи слушать разговоры г. Розанова

о религіи: онъ меня развращаетъ, ахъ, какъ онъ меня развращаетъ! И, кромѣ того, развѣ г. Розановъ священникъ, что онъ позволяетъ себѣ говорить о вѣрѣ?...

Въ качествѣ классной дамы, г-жа Лухманова имѣла большой и неоспоримый успѣхъ въ купеческомъ сословіи: обремененные дочерьми лабазники высоко цѣнили ея авторитетъ и совѣтывались съ ней, какъ съ родной матерью, а праздныя и глупенькія барыньки даже считали ее знаменитой писательницей. Но, несмотря на „славу,“ г-жа Лухманова, съ началомъ военныхъ дѣйствій, оставила амплу классной дамы и уѣхала на Дальній Востокъ не то въ качествѣ военной корреспондентки, не то въ качествѣ „дѣвицы-кавалериста“. Надо думать, впрочемъ, что скорѣе въ качествѣ „дѣвицы-кавалериста“, потому что ея письма съ театра войны являютъ собой образецъ простыхъ бабьихъ сплетенъ и врядъ ли могутъ представлять большой интересъ даже для самыхъ захудалыхъ редакцій. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ состоятъ эти письма, а пока скажемъ только, что, расставаясь со своими барыньками, которымъ она столько лѣтъ преподавала правила хорошаго тона, г-жа Лухманова обратилась къ нимъ съ прощальнымъ словомъ на тему о томъ, какъ уважающая себя дамочка должна держаться съ плѣнными японскими офицерами. (Объ этомъ „словѣ“ г-жи Лухмановой мнѣ ужъ приходилось упоминать въ другомъ мѣстѣ, и потому сейчасъ я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями). Признавая, что милосердіе должно составлять лучшее украшеніе всякой молодой дамы, г-жа Лухманова тѣмъ не менѣе заклинаетъ своихъ читательницъ, чтобы и въ самомъ милосердіи онѣ сумѣли найти тотъ предѣлъ, за которымъ уже начинается нарушеніе основного дамскаго патриотизма. Поэтому, рекомендуя участіе къ раненымъ врагамъ, г-жа Лухманова настаиваетъ, чтобы это участіе не шло далѣе цвѣтовъ и конфетъ, и чтобы не было такихъ недоразумѣній, какъ въ русско-турецкую войну, когда послѣ третьяго букета, презентованнаго турецкому воину, дамочка восклицала: „ахъ, я ничего не помнила, я сама не знаю, какъ это случилось!“ Вотъ именно, во избѣжаніе такихъ случайностей, которыя въ особенности нежелательны въ военное время, г-жа Лухманова и предложила своимъ барынькамъ коротенькую формулу надлежащаго отношенія къ раненымъ: „цвѣты—да, конфеты—да, но основной патриотической фондъ—вещь незыблемая!“

Выше я сказалъ, что письма г-жи Лухмановой съ театра войны, по своему содержанію, очень напоминаютъ вульгарныя бабьи сплетни. И, строго говоря, этому нельзя удивляться: за долгіе годы своей матримоніальной практики, эта газетная дама такъ привыкла шутковаться со своими читательницами и такъ вошла во вкусъ полуклубичныхъ разговоровъ о прав-

ственности (примѣръ соединенія „клубнички“ и нравственности въ одно цѣлое читатель можетъ найти хотя бы въ только что указанномъ прощальномъ словѣ г-жи Лухмановой), что для нея просто *недоступны* никакіе другіе сюжеты. А если къ этому еще прибавить, что г-жа Лухманова долгое время занималась переводами и передѣлками порнографическихъ пьесъ для театра Шабельской, то станетъ вполне понятнымъ, что и на театрѣ военныхъ дѣйствій она должна была сохранить свой аромать въ полной мѣрѣ, и что попрежнему статьи ея должны были сплетаться изъ клубнички и нравственности. Вотъ, напримѣръ, какъ начинается г-жа Лухманова свой фельетонъ въ „Южномъ Краѣ“ о сестрахъ милосердія:

„Я не могу писать исторію сестры милосердія потому, что пока у меня слишкомъ мало на это данныхъ,—но я попытаюсь оправдать современную сестру милосердія отъ тѣхъ злыхъ нападокъ, которыя ее преслѣдуютъ. Я постараюсь распутать „тѣ исторіи“, которыя слагаются теперь кругомъ этого имени“.

Пробѣжавъ эти строки, ошеломленный читатель, который привыкъ думать, что сестры милосердія пользуются у насъ глубокимъ уваженіемъ всего народа, невольно спросить: что же такое случилось? какія такія „злые нападки“, какія „исторіи“? кто преслѣдуетъ сестеръ? Но, разумеется, на повѣрку окажется, что никакихъ „исторій“ не существуетъ и что сестеръ никто не преслѣдуетъ, а что просто г-жа Лухманова задумала по клубничной части фельетонъ написать и съ этой цѣлью принялась за единственныхъ дамъ на войнѣ—сестеръ милосердія.

По словамъ г-жи Лухмановой, въ Харбинѣ теперь только тѣмъ и занимаются, что „вездѣ травятъ“ сестру, которая положительно сдѣлалась „причиной (объектомъ?) злоязычья, клеветы и милліона безсовѣстныхъ инсинуацій“. Харбинцы будто бы даже устроили за всѣми сестрами нѣчто въ родѣ негласнаго надзора, такъ что каждый шагъ сестры вызываетъ цѣлый водопадъ сплетенъ... Мы, однако, думаемъ, что въ сплетняхъ виноваты не столько харбинцы, сколько сама г-жа Лухманова, которая эти сплетни собираетъ и публикуетъ ихъ въ газетѣ г. Юсифовича. Правда, г-жа Лухманова дѣлаетъ это тонко и осторожно: передать сплетню, и сейчасъ же эту сплетню блистательно опровергнуть. Бѣхала, молъ, сестра милосердія на извозчикѣ съ офицеромъ, и харбинцы смели про нее Богъ знаетъ что,—но на повѣркѣ оказалось, что офицеръ былъ братъ, родной братъ этой сестры. Шла сестра милосердія на вокзалъ подъ руку съ генераломъ, и опять харбинцы сочинили цѣлый романъ,—но въ дѣйствительности оказалось, что генералъ былъ дядя сестры, родной дядя по матери. Поцѣловалась сестра милосердія съ увѣжающимъ штабсъ-капитаномъ, и харбинцы закричали „караулъ“,—но оказалось, что штабсъ-капитанъ

былъ мужъ, родной мужъ сестры, котораго она провожала въ походъ. Такими „ужасами“ наполненъ весь фельетонъ г-жи Лухмановой, и каждый изъ „ужасовъ“ эта дама сопровождаетъ приличествующими случаю комментаріями: дескать, что же это такое, наконецъ? Неужели бѣлая косынка сестры не позволяетъ ей поцѣловать мужа, отправляющагося на поле брани? Неужели, вмѣстѣ съ костюмомъ, сестра надѣваетъ на себя и объѣтъ — отречься отъ всѣхъ родственныхъ и даже общественныхъ отношеній?

Мы, съ своей стороны, можемъ вполне успокоить г-жу Лухманову и торжественно выражаемъ нашу полную солидарность съ ней: да, сестра милосердія имѣетъ полное право поцѣловать мужа, равно какъ ѣздить съ братомъ — офицеромъ на извозчикахъ и гулять съ дядей — генераломъ на вокзалѣ. Но мы не можемъ понять вотъ чего: если харбинскія г-жи Лухмановы сплетничаютъ, то ради чего и съ какими побужденіями наша петербургская г-жа Лухманова эти сплетни такъ тщательно собираетъ и публикуетъ ихъ потомъ въ газетахъ? Неужели только изъ страсти къ клубничнымъ сюжетамъ, неужели только для того, чтобы пошутиться со своими барыньками-читательницами о тѣхъ „романахъ“, которые сочиняются грязнымъ воображеніемъ харбинскихъ Лухмановыхъ?

Во всякомъ случаѣ г-жа Лухманова, хотя и думаетъ, что защищаетъ сестеръ отъ пошлыхъ сплетенъ, но въ дѣйствительности оказываетъ имъ плохую услугу, такъ какъ барыньки-читательницы — тѣ самыя, напримѣръ, которымъ она же преподавала правила милосердія по отношенію къ японскимъ офицерамъ — ни за что не повѣрятъ, что генералъ, съ которымъ харбинская сестра шла подъ руку, былъ ея родной дядя. И даже не только не повѣрятъ, но и соответствующее заключеніе выведутъ: „знаемъ, молъ, мы такихъ дядей: у насъ, у самихъ есть дяди въ этомъ родѣ“...

* * *

Давно извѣстно, что наша мировая юстиція положительно завалена князными дѣлами: неосновательные протоколы, нелѣпыя жалобы и недобросовѣстные обвиненія — составляютъ едва ли не половину мирового дѣлопроизводства. Вотъ, напримѣръ, какое „дѣло“ разбиралось въ камерѣ прилуцкаго городского судьи.

„Недавно, свидѣтельствуютъ „Кіев. Откл.“, городскимъ судьей гор. Прилукъ Полтавской губ. было рассмотрѣно дѣло по обвиненію купеческаго сына Фраткина по 3 ст. Уст. о нак. Основаніемъ къ обвиненію послужилъ слѣдующій протоколъ уѣзднаго исправника Калиновича: „1904 г., 19-го апрѣля, явился въ присутствіи прилуцкаго уѣзднаго полицейскаго управленія по вызову, по дѣламъ, касающимся ихъ табачныхъ фабрикъ: куп. Рабиновичъ, куп. сынъ Фраткинъ, мѣщ. Радомышельскій, куп. Розенбергъ. По входѣ въ присутственную комнату Фраткинъ поспѣшно взялъ

стоявшій у стола стулъ, предназначенный на основаніи 7 ст. общ. губ. учр. для особъ VI класса и выше, имѣющихъ орденъ св. Владимира, поставилъ тотъ стулъ возлѣ Рабиновича, отнеся въ сторону, къ шкафу, и предложилъ ему сѣсть. Я, исправникъ, замѣтилъ Фраткину, что онъ—не хозяинъ въ присутствіи полиціи и не долженъ распоряжаться приглашеніемъ сѣсть, а я, какъ начальникъ полиціи, самъ знаю, кого пригласить сѣсть. На это Фраткинъ съ неудовольствіемъ возразилъ, уважая на Рабиновича: „Онъ—старый человекъ“. Я ему повторилъ, что это—правительственное учрежденіе, а не частный домъ, и распоряжаться здѣсь онъ не можетъ. Фраткинъ, оставшись недовольнымъ такимъ замѣчаніемъ моимъ, отошелъ назадъ къ шкафу и оперся о него нижнею частью тѣла, а лицомъ обратившись къ столу, у котораго занимался я и помощникъ исправника, на отдѣльномъ же столѣ занимался секретарь. Указавъ Фраткину, что и такое его положеніе у шкафа въ комнатѣ присутствія не можетъ допускаться, пригласилъ его стать въ порядкѣ, за что Фраткинъ, повысивъ голосъ, сказалъ, что онъ не намѣренъ больше быть въ полиціи, и началъ удаляться въ выходную дверь, изъ присутствія въ приемную комнату и, раскрывши дверь туда, неоднократно громко повторялъ: „Я оставаться здѣсь не хочу...“ Усматривая въ дѣйствіяхъ и поведеніи Фраткина неуваженіе къ присутственному мѣсту, нарушеніе въ комнатѣ порядка, остановившее занятія, и нарушеніе благочинія, что сдѣлано Фраткиннмъ, очевидно, по кичливости его, я, уѣздный исправникъ, призвалъ необходимымъ составить протоколъ для преслѣдованія Фраткина за поступки его.“ Исправникъ лично явился въ судъ поддерживать обвиненіе и просилъ подвергнуть Фраткина отвѣтственности въ высшей мѣрѣ. Указанные г. Калиновичемъ свидѣтели—пом. испр. Медяновъ и секретарь полиціи Дроздовскій, допрошенные по просьбѣ обвиняемаго Фраткина подъ присягой, въ общемъ, подтвердили изложенное въ протоколѣ; однако, по ихъ словамъ, Фраткинъ голоса не повышалъ. Противъ свидѣтеля Рабиновича, выставленнаго обвиняемымъ, исправникъ заявилъ отводъ, на томъ, между прочимъ, основаніи, что Рабиновичъ—компаньонъ Фраткина. Допрошенный безъ присяги, Рабиновичъ показалъ, что онъ по старости лѣтъ слабъ ногами, въ день вызова онъ былъ боленъ, и стоять ему было трудно. Остальные свидѣтели Фраткина, Розенбергъ и Радомышельскій, также подтвердили изложенное въ протоколѣ, но, по ихъ словамъ, Фраткинъ голоса не возвышалъ, дверью не хлопалъ и стулъ подаль не тотчасъ, какъ вошелъ въ присутственную комнату, но нѣкоторое время спустя: исправникъ сидѣлъ и что-то писалъ, а свидѣтели вмѣстѣ съ Фраткиннмъ стояли и ждали, когда ихъ спросятъ. Исправникъ обратился къ нимъ уже послѣ того, какъ Фраткинъ подаль старику стулъ. Городской судья не нашелъ въ дѣйствіяхъ Фраткина ни

нарушенія общественной тишины, ни иного уголовного преступленія и постановилъ признать его по суду оправданнымъ.“

Такимъ образомъ, при помощи городского судьи, добродѣтель, можно сказать, вполнѣ восторжествовала.

Но если посмотрѣть на этотъ процессъ не съ точки зрѣнія торжества добродѣтели, то картинка получится чрезвычайно типичная: больной человекъ сѣлъ на стулъ, а въ результатъ—цѣлая судебная процедура: въ камеру судьи вызвано пять человекъ свидѣтелей, вызванъ исправникъ—обвинитель и купецъ—обвиняемый, вызванъ и священникъ для привода свидѣтелей къ присягѣ. Такимъ образомъ, считая вмѣстѣ съ судьей, въ процессѣ принимали участіе девять человекъ, и всѣ эти девять человекъ разбирали „дѣло о стулѣ, на которомъ сидѣлъ Рабиновичъ.“

* * *

А вотъ и еще эпизодъ изъ той же области неосновательныхъ процессовъ. Какъ сообщаетъ „Южн. Россія“, въ Николаевѣ въ отдѣленіи окружнаго суда разбиралось слѣдующее дѣло:

„Потомственный почетный гражданинъ А. Любомудровъ обвинялся передъ окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей въ оскорбленіи полиціи во время исполненія ею служебныхъ обязанностей и въ нанесенія двумъ городovýmъ ранъ. 9-го февраля прошлаго года обвиняемый, будучи въ нетрезвомъ видѣ, пріѣхалъ домой и не пожелалъ платить извозчику. Послѣдній началъ настаивать, и между ними завязалась ссора, перешедшая въ драку. На шумъ подошелъ городской Ст. Осовнякъ, который, узнавъ, въ чемъ дѣло, предложилъ Любомудрову прекратить шумъ и уплатить извозчику. Любомудровъ не обратилъ на это вниманія и бранилъ извозчика и Осовняка. Тогда городской предложилъ Любомудрову отправиться въ полицію, но тотъ не согласился и намѣревался драться. Осовнякъ не могъ справиться съ обвиняемымъ и позвалъ на помощь другого городского. Въ то-же время на свистки Осовняка подошли сторожа. Сильно разсердившійся Любомудровъ неожиданно для всѣхъ выхватилъ ножъ и нанесъ ударъ Осовняку въ руку, а затѣмъ ранилъ также и другого городского. Тогда сторожа при помощи городскихъ и извозчика силой усадили его на дрожки и доставили въ участокъ. Любомудровъ не призналъ себя виновнымъ. Не отрицая возможности нанесенія ранъ, онъ объяснял это полнымъ безпамятствомъ, до котораго довели его сильные побои, наносимые городowymi и сторожами. Будучи приведенъ въ изступленіе побоями нѣсколькихъ человекъ, онъ, не отдавая себѣ отчета, вынулъ ножъ и ранилъ кого-то изъ нападавшихъ. Возбужденіе было такъ сильно, что онъ совершенно не помнитъ, какъ это произошло. Предъявленный ему на судѣ,

6*

какъ вещественное доказательство, перочинный ножъ съ перламутровой ручкой подсудимый призналъ за свой. Послѣ допроса свидѣтелей и заключенія прокурора, наставившаго на примѣненіи къ подсудимому наказанія, предусмотрѣннаго закономъ, защитникъ Любомудрова г. Варшаверъ, не отрицая факта нанесенія его кліентомъ ранъ, обращалъ вниманіе судей на обстоятельства, вызвавшія это преступленіе. Изъ представленнаго подсудимымъ медицинскаго свидѣтельства видно, что на тѣлѣ его буквально не было живого мѣста, при чемъ во многихъ мѣстахъ имѣются слѣды, происшедшіе, несомнѣнно, отъ ударовъ палками. „Если, какъ показали свидѣтели, Любомудровъ дрался съ извозчикомъ, то откуда у послѣдняго могла быть палка, и какъ могъ одинъ человѣкъ избить все тѣло другого, когда почти тотчасъ-же на мѣсто явилась полиція? Несомнѣнно, что Любомудрова били нѣсколько человѣкъ разомъ. А если это такъ, то что-же обыкновеннаго въ томъ, что избиваемый, движимый инстинктомъ самосохраненія, началъ защищаться ножомъ? Выбирать средствъ защиты ему было не изъ чего, онъ безотчетно воспользовался первой пришедшей въ голову мыслью пустить въ дѣло ножъ, что онъ и сдѣлалъ.“ Въ заключеніе защитникъ просилъ судъ оправдать его кліента, въ противномъ-же случаѣ примѣнить къ нему наименьшую мѣру наказанія. Судъ удалился для совѣщанія и, спустя нѣсколько минутъ, вынесъ резолюцію, которой А. Любомудровъ признавъ виновнымъ и приговоренъ къ аресту при тюрьмѣ на 7 дней.“

* *
*

„Сарат. Дн.“ передаетъ слѣдующую поучительную исторію изъ области провинціальной юстиціи.

„Вотъ уже нѣсколько дней аткарское общество волнуется незауряднымъ событіемъ, которое стряслось надъ однимъ крупнымъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, пользующимся большой извѣстностью какъ у насъ въ уѣздѣ, такъ и въ Тамбовской губерніи.

„14 іюня въ д. Щербиновку къ мѣстному землевладѣльцу А. С. П.—ву пріѣзжаетъ становой приставъ со стражникомъ и передаетъ ему, что ему велѣно привести его въ Аткарскъ. Г. П.—овъ на вопросъ свой, какъ понимать такое распоряженіе—доставить его въ Аткарскъ, получилъ въ отвѣтъ, что онъ арестованъ, и на требованіе объяснить причину—отвѣта получить не могъ, такъ какъ у пристава никакой бумаги не было, а распоряженіе отъ исправника—доставить въ Аткарскъ—получилъ словесное.

„Г. П.—въ протестовать не сталъ и наскоро пообѣдалъ и поѣхалъ въ Аткарскъ. Въ полицейскомъ управленіи исправникъ ему объявилъ, что пригласилъ его въ Аткарскъ, чтобы немедленно заключить подъ стражу, на

что у него имѣется предписаніе судебного слѣдователя новочеркаскаго окружнаго суда 2-го уч.

„Послѣ чего г. П. прочитали бумажку, написанную на установленномъ для слѣдователей бланкѣ, такого содержанія: „Прошу васъ немедленно арестовать А. С. П—ва, проживающаго въ своемъ имѣніи, при д. Щербиновкѣ, обвиняемаго въ очень тяжкомъ преступленіи, при чемъ денежныхъ залоговъ и поручительствъ отъ него не принимать, родныхъ и знакомыхъ къ нему не допускать и съ первымъ этапомъ выслать его къ слѣдователю“.

„Трудно себѣ представить изумленіе г. П. Онъ никогда въ Новочеркасскомъ уѣздѣ не былъ, никакихъ дѣлъ тамъ не имѣеть, ничего за собой не знаетъ, что могло бы повлечь за собой такое распоряженіе. Далѣе, придя въ себя и вчитавшись въ эту ужасную бумагу, онъ объявлялъ ее подложной и приведеніе ея въ исполненіе незаконнымъ. Всякій слѣдователь прежде, чѣмъ кого-либо арестовать, дѣлаетъ постановленіе, обстоятельно мотивированное съ ссылками на статьи закона, чего здѣсь совершенно нѣтъ. Еще разъ протестуетъ и требуетъ наведенія справокъ за его счетъ телеграммой. Ему отказываютъ и отправляютъ въ тюрьму. Здѣсь ему, послѣ долгихъ усилій, на другой день удается добиться приглашенія судебного слѣдователя г. Бабушкина. Тотъ пріѣхалъ, расспросилъ, въ чемъ дѣло, просмотрѣлъ у исправника эту бумагу, показавшуюся и ему подозрительной, послѣ чего вызвалъ товарища прокурора г. Надеждина. Они оба пришли къ заключенію, что по этой бумагѣ, дѣйствительно, арестовывать г. П—ва не было никакихъ основаній, и у нихъ тоже явилось подозрѣніе, что она подложна и есть не что иное, какъ чья-то злая шутка. Справившись по списку, по фамиліи слѣдователя, подписавшаго бумагу, не нашли. При всемъ этомъ бумага написана очень безграмотно. Даже, если бы допустить, что, за отсутствіемъ слѣдователя, обязанность его исполнялъ кандидатъ на судебныя должности, то и самый неопытный кандидатъ не можетъ сдѣлать такого распоряженія. Принимая все это во вниманіе, они сдѣлали постановленіе о немедленномъ освобожденіи г. П. и объ этомъ сообщили прокурору окружнаго суда.

„Г. П., освободившись изъ тюрьмы, немедленно уѣхалъ самъ разузнать—въ чемъ дѣло, на мѣстѣ и возбудить преслѣдованіе противъ виновныхъ въ этой печальной для него исторіи“.

* *
*

Приблизительно такая же исторія рассказана и въ „Вост. Обзорѣніи“, съ той только разницей, что дѣйствующимъ лицомъ въ ней является тулунскій врачъ г. Кавенскій ¹⁾.

¹⁾ Цитируемъ этотъ фактъ въ изложеніи „Юриста“.

„Въ одинъ прекрасный день врачъ этотъ получаетъ повѣстку отъ мѣстнаго мирового судьи г. Языкова явиться въ его камеру въ качествѣ обвинителя по дѣлу о кражѣ у него вещей.

„Прочитавъ съ должнымъ вниманіемъ и оборотную сторону повѣстки и усмотрѣвъ изъ приведенной на ней цѣликомъ ст. 135 уст. уг. суд., что обвинитель можетъ безъ всякихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій не являться въ камеру судьи, г. Кавенскій рѣшился воспользоваться этимъ благодѣтельнымъ для него правомъ, предоставленнымъ ему самимъ закономъ. Къ тому же онъ не желалъ никого обвинять въ кражѣ вещей. Велико, должно быть, было удивленіе г. Кавенскаго, когда онъ, два дня спустя послѣ засѣданія по дѣлу о кражѣ у него вещей, получилъ отъ мирового судьи „бумагу“, извѣщавшую его о наложеніи на него этимъ судьей штрафа въ размѣрѣ 10 руб. за неявку въ качествѣ свидѣтеля.

„Г. судья разсматривалъ г. Кавенскаго то въ качествѣ обвинителя, то въ качествѣ свидѣтеля. Остановиться на одной какой-нибудь квалификаціи этотъ жрецъ Фемиды такъ-таки и не сумѣлъ. Одновременно съ означенной „бумагой“ о наложеніи штрафа, онъ прислалъ все тому-же доктору новую повѣстку—вторично явиться въ камеру въ качествѣ... „обвинителя“ по тому-же самому дѣлу. Предполагая во всей этой „перепискѣ“ какое-то недоразумѣніе, докторъ, имѣвшій несчастье столкнуться съ „правосудіемъ“, написалъ мировому судѣ, что повѣстки вручены ему, какъ обвинителю, и что поэтому, на основаніи вышеприведенной 135 ст., онъ имѣетъ право въ судъ не являться. Не такъ, повидимому, разсуждалъ тулунскій судья. Но здѣсь мы предоставляемъ слово самому г. Кавенскому.

„4 мая въ 11-мъ часу утра—пишетъ онъ—ко мнѣ на пунктъ явился полицейскій урядникъ съ 2-мя городовыми. Зайдя въ больничныи хирургическій баракъ, гдѣ я въ это время приступалъ къ операціи, урядникъ показалъ мнѣ бумагу отъ мирового судьи съ требованіемъ немедленно (не позже 11 часовъ) явиться къ нему въ сопровожденіи урядника „для отвѣта“ по дѣлу о кражѣ моихъ вещей; притомъ урядникъ на мой отказъ, мотивированный невозможностью оставить больницу, объявилъ мнѣ, что, по порученію мирового судьи, онъ обязанъ на основаніи какой-то статьи закона доставить меня силой.

„Не желая подвергаться физическому насилию, я видѣлъ себя вынужденнымъ исполнить незаконное требованіе мирового судьи и отправился въ его камеру, конвоируемый сзади урядникомъ.“

„Читатель можетъ подумать, что какія-нибудь вѣскія соображенія руководили г. судьей, когда онъ рѣшился подвергнуть приводу, конечно, въ качествѣ свидѣтеля, г. Кавенскаго.

„Быть можетъ, страдали интересы обвиняемаго? Можетъ быть, невинно заподозрѣнный томился въ заключеніи?“

„Нѣтъ, образъ дѣйствій тулуискаго судьи носилъ характеръ какого-то издѣвательства надъ правами частнаго лица. Когда г. Кавенскій подъ конвоемъ урядника предсталъ передъ этимъ представителемъ судебной власти, онъ получилъ утѣшительное отъ него разъясненіе. Дѣло, по которому вызванъ былъ врачъ при помощи столь энергическихъ мѣропріятій со стороны судьи, подлежало прекращенію за отсутствіемъ лица, на коего падало бы подозрѣніе въ кражѣ. Изъ-за чего же было копыя ломать и совершать всѣ эти судебные эксцессы? Въ довершеніе всѣхъ прелестей тулуискаго судопроизводства, г. Кавенскій получилъ отъ г. мирового судьи указанье, что онъ могъ быть вызванъ и въ качествѣ свидѣтеля, но соотвѣтствующихъ повѣстовъ въ канцеляріи не оказалось. Поэтому вызывался онъ какъ обвинитель, но обходились съ нимъ, какъ со свидѣтелемъ, при этомъ слишкомъ сурово.“

„Врачъ не могъ, конечно, удовольствоваться объясненіями г. судьи и, помимо того, что произведенное надъ нимъ насиліе сдѣлалось достояніемъ общественнаго мнѣнія, довелъ о немъ до свѣдѣнія, кого слѣдуетъ“.

* * *

Новый институтъ „сельскихъ стражниковъ“ все больше и больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе печати. Такъ, саратовскій корреспондентъ „С.-Пет. Вѣд.“ свидѣтельствуетъ, что „съ учрежденіемъ института сельскихъ стражниковъ не только не улучшились тишина и порядокъ въ деревнѣ, но даже, наоборотъ, частенько приходится быть свидѣтелемъ большихъ скандаловъ, чѣмъ прежде,—иногда только потому, что стражникъ выказываетъ излишнее усердіе.“

„Въ праздничный досугъ вздумаетъ деревенская молодежь въ хоробы поиграть. Сказано—сдѣлано. Веселье въ самомъ разгарѣ: пѣсни, шутки смѣхъ... Старьки только головами покачиваютъ, вспоминая свою молодость. Никому не тѣсно, никто не обиженъ, что кому за дѣло: пусть молодость предается невиннымъ забавамъ. Но не такъ думаетъ стражникъ.“

— Сказано вамъ, такіе сякіе, чтобы не собираться въ кучи,—кричитъ онъ, придерживая шапку.—Пшли всѣ прочь! Нынѣ японка воетъ, христіанская кровь, значить, протекаетъ, а вы, пустопясы, за пѣсни! Пшли, а то сейчасъ протоколь, и въ кутузку...

„Парни и дѣвки, какъ скворцы, разлетятся. Откуда-нибудь изъ-за угла кричатъ.“

— Бутарь, селедка! Чортъ паршивый!

„Стражникъ, въ свою очередь, выкладываетъ весь свой лексиконъ отборѣйшихъ словъ по адресу молодежи.

„Въ результатѣ—нѣсколько протоколовъ, и съ пятокъ юнцовъ могутъ предстать передъ волостнымъ судомъ по обвиненію въ оскорбленіи власти“.

* * *

Выѣздной сессіей московской судебной палаты разбиралось дѣло по обвиненію бывшаго помощника мѣстнаго полицеймейстера Безсалова въ нанесеніи оскорбленія словами и дѣйствіемъ члену городской управы Хомутильникову и двумъ нижнимъ чинамъ городской пожарной команды. Сущность дѣла очень несложная. Во время пожара бывший помощникъ полицеймейстера Безсаловъ разбилъ двумъ пожарнымъ служителямъ въ кровь физиономіи и толчкомъ сбиль съ ногъ члена городской управы Хомутиникова. Защитнику г. Безсалова мѣстному присяжному повѣренному Рябинцеву выпала на долю неблагоприятная и вмѣстѣ съ тѣмъ несложная задача попросить у суда, если послѣдній не согласится съ формальной казуистической защиты, снисхожденія и пощады для кліента. Присяжный повѣренный Рябинцевъ видоизмѣнилъ свою задачу и дѣло о побитыхъ физиономіяхъ окрасилъ легкимъ „политическимъ“ флеромъ. Конечно, онъ примѣнилъ къ защитѣ г. Безсалова всѣ тѣ средства, какими вооружило присяжнаго повѣреннаго практическое знакомство съ судебными уставами, но, кромѣ того, онъ прибавилъ къ нимъ нѣчто новое, къ чему ни судебные уставы, ни самая нестрогая мораль не могутъ относиться иначе, какъ только отрицательно. По словамъ „Костр. Листка“, „горячую рѣчь свою защитникъ заключаетъ патетической укоризной, брошенной обществу. „Я долженъ сказать вамъ, гг. судьи, что общество радо настоящему случаю. Вѣдь, на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ полицейскій чинъ! Радо общество тому, что, наконецъ то, судятъ представителя власти“.

Приведенный отчетъ „Костр. Листка“ мы перепечатаваемъ не потому, чтобы столкновение гг. Хомутиникова и Безсалова имѣло въ нашихъ глазахъ особый общественный интересъ (какой же пожаръ на Руси обходится безъ крѣпкихъ словъ и мордобитія?), а единственно для того, чтобы подчеркнуть въ этомъ процессѣ роль присяжнаго пов. Рябинцева. Къ большому сожалѣнію, гг. адвокаты, выступающіе въ полицейскихъ процессахъ, усвоили себѣ чрезвычайно странную систему защиты: въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вмѣсто того, чтобы говорить по существу дѣла и предъявлять тѣ или другіе доводы въ пользу своего кліента, они считаютъ какъ бы своимъ долгомъ обливаться помоями свидѣтелей, или же раздражаются смѣшными и, въ сущности, крайне глупенькими филиппиками противъ общества.

— Скажите, свидѣтель,—побѣдоносно вопрошаетъ такой защитникъ,— вы хорошо помните, что обвиняемый укралъ сто казенныхъ полушубковъ.

— Очень хорошо помню.

— А скажите, свидѣтель, вы состоите въ разводѣ съ вашей супругой?

— Да, состою въ разводѣ.

— И вину вы приняли на себя?

— Да, на себя, — но извините — при чемъ же здѣсь мой разводъ, когда рѣчь идетъ только о краденыхъ полушубкахъ?

— Я въ свое время объясню: *при чемъ*, а пока прошу отвѣчать только на мои вопросы. Скажите, въ вашемъ паспортѣ имѣется отмѣтка, что вы состоите въ званіи „явнаго прелюбодѣя“?

Надо сказать правду, что такими и подобными вопросами гг. защитники совершенно ошеломляютъ свидѣтеля и, какъ бы ни останавливались ихъ предсѣдатель, но, въ концѣ-концовъ, они ухитряются таки оплывать посторонняго человѣка. А потомъ, въ своей защитительной рѣчьхъ адвокаты этого сорта пустятъ, разумѣется, дешевенькую гражданскую слезу и постараются въ этой слезѣ не только утопить всѣ сто украденныхъ полушубковъ, но еще будутъ украдкой кивать на общество, которое, дескать, въ лицѣ явныхъ прелюбодѣевъ радуется и торжествуетъ, что полушубки похищены не партикулярными людьми, а именно бывшимъ полицейскимъ.

* * *

„Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ изъ Полтавы:

„У насъ, какъ, надо полагать, и въ другихъ мѣстностяхъ, родился и размножился до значительныхъ размѣровъ особый типъ газетнаго читателя-любителя сенсационныхъ извѣстій съ театра войны. На этой почвѣ мѣстной газетѣ „Полт. Вѣсти.“ съ самаго начала пришлось пережить не мало неприятныхъ исторій. Услышавъ гдѣ-нибудь на сторонѣ—небывалую, конечно—сенсационную новость, произведеніе коллективной обывательской фантазіи,—такой „читатель“ спѣшитъ найти эту новость въ газетѣ или въ отдѣльномъ выпускѣ послѣднихъ телеграммъ. Конечно, сообщенной ему небывалой новости онъ не находитъ, отсюда быстро заключеніе: непременно изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей редація интересныя телеграммы припрятала у себя. Сдѣлавъ такое заключеніе, любитель головокружительныхъ сенсаций врывается въ редакцію и наноситъ рядъ оскорбленій, начиная съ редактора и кончая редакціоннымъ сторожемъ, не желая выслушивать никакихъ резонныхъ доводовъ неосновательности своихъ

требуемой. Въ первые дни войны редакция просто съ ногъ сбивалась, не зная, что дѣлать съ цѣлою толпою подобнаго рода „читателей“, осаждавшихъ помѣщеніе редакция съ утра до поздняго вечера. Былъ, напримѣръ, такой случай: съ утра по городу распространилось извѣстіе, что въ редакціи должна быть получена телеграмма о потопленіи нашими чуть-ли не двухъ десятковъ японскихъ военныхъ кораблей. Не найдя этой телеграммы среди агентскихъ телеграммъ, выпущенныхъ редакціей „Полт. Вѣсти.“ дневнымъ прибавленіемъ, публика толпой атаковала помѣщеніе редакция и внутри, и снаружы, настойчиво добиваясь напечатанія фантастической телеграммы. Положеніе редакция становилось въ высшей степени трагикомическимъ: хоть садись да сочини собственную сенсаціонную телеграмму!..

Съ теченіемъ времени, когда первыя впечатлѣнія военныхъ событій нѣсколько поулеглись, толпа стала менѣе требовательна въ смыслѣ сенсацій, но отдѣльные любители сенсацій еще не разъ и послѣ этого устраивали шумныя исторіи въ помѣщеніи редакция, требуя выдать „припрятанныя“ редакціей новости. Одна изъ подобныхъ исторій сдѣлалась недавно предметомъ судебного разбирательства въ камерѣ городского судьи. Нѣкто дворянинъ Кулябко-Корецкій услышалъ гдѣ-то, что редакціей „Полт. В.“ получена агентская телеграмма о потопленіи чуть-ли не десятка японскихъ броненосцевъ. Купивъ по дорогѣ у разносчика отдѣльный выпускъ телеграммы, г. Кулябко-Корецкій не замѣтилъ, очевидно, нужной ему телеграммы, такъ какъ, во-первыхъ, она состояла всего изъ двухъ-трехъ строкъ и, во-вторыхъ, въ ней сообщалось лишь о потопленіи нашей эскадры всего двухъ японскихъ транспортовъ. И то—сообщалось, какъ слухъ. Не сообразивъ, видимо, что это и есть та самая „сенсаціонная“ телеграмма, о которой ему сообщали гдѣ-то на сторонѣ, г. Корецкій прибѣгаетъ въ редакцію и учиняетъ тамъ цѣлый дебошъ, называя редактора и мошенникомъ, и шантажистомъ, и эксплуататоромъ, и тому подобными сильными словечками. Когда оказалось, что собственными усиліями редакция остановить буяна нельзя было, то пришлось обратиться къ содѣйствию полиціи. Составленъ былъ протоколъ,—и дѣло на-дняхъ разбиралось у городского судьи. Г. Кулябко-Корецкій былъ приговоренъ къ штрафу въ 20 руб. съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, 5 сутками ареста.“

* * *

Одинъ изъ тамбовскихъ педагоговъ, нѣкто г. Краснодарскій, потребовалъ въ „Тамб. Губ. Вѣд.“ розогъ, коими предлагаетъ драть „нѣкоторые общественные элементы“.

„Слово „драный“ въ селѣ—ужасное слово. Ни одна дѣвушка не выйдетъ замужъ за „дранаго“ парня, ему на-вѣки закрыта дорога во вся-

кую „честную компанію“, пято разъ пережитаго позора остается на немъ до могилы. Съ этой стороны розга пока необходима, *необходима, какъ уда для сдерживанія дикихъ страстей нѣкоторыхъ общественныхъ элементовъ* (курс. подл.). Это, можетъ быть, жестоко, но, вѣдь, и общество должно же гарантировать чѣмъ-нибудь свой покой и безопасность.

„Защищаетъ розгу—омерзительнѣйшее изъ человѣческихъ наказаній, а еще педагог!“—скажутъ многіе изъ читателей. Пусть будетъ. И тѣмъ не менѣе я твердою рукою подписываю настоящую статью полною своею фамиліею“.

Кого именно хочетъ пороть г. Краснодубскій, понять мудрено, но нельзя не признать, что выраженіе „нѣкоторые общественные элементы“ отличается большой неопредѣленностью: этакъ, вѣдь, и самъ г. Краснодубскій рискуетъ попасть подъ лозу, если только въ Тамбовѣ его сочтутъ за общественный элементъ.

* * *

Въ нашихъ западныхъ губерніяхъ довольно широко распространено употребленіе сѣрнаго эфира (вмѣсто водки).

„Еще годъ тому назадъ—читаемъ въ „Сѣв.-Зап. Словѣ“—не приходилось слышать о развитіи этой пагубной привычки у жмудяковъ, а теперь жмудяки уже узнали вкусъ „капель“ (мѣстное названіе сѣрнаго эфира). Въ волостномъ правленіи корреспондентъ „Зап. Вѣст.“ видѣлъ одного мужика съ деревяннымъ выраженіемъ лица, съ стекляннымъ взглядомъ. Его поразили также сильный запахъ эфира, распространявшійся отъ этого субъекта.—Что съ нимъ?—спросилъ онъ у старшины.—Онъ вчера выпилъ много „капелекъ“,—отвѣтилъ тотъ.—На вопросъ: многіе ли пьютъ эти „капли“, онъ отвѣтилъ, что знаетъ одну деревню, гдѣ почти всѣ предаются этой страсти. „Они всѣ очень плохо и бѣдно живутъ“, прибавилъ онъ. Видъ эфиромана положительно страшный. Лицо не носитъ выраженія мысли, руки мокры и трясутся, на лбу холодный потъ и т. д.“.

„Южная Россія“, перепечатывая это извѣстіе „Сѣверо-Зап. Слова“, указываетъ въ то же время на странное поведеніе фельетониста „Либ. Вѣст.“, который отъ эфирнаго отравленія перескочилъ къ отраднымъ выводамъ о могущественномъ вліяніи печати.

„Въ заключеніе, рапортуетъ фельетонистъ, сообщая для интересующихся читателей, что поднятый нашей печалью вопросъ о прогрессивно увеличивающемся въ средѣ мѣстнаго населенія края (въ особенности Привислянскаго) употребленіи сѣрнаго эфира и искусственнаго (кунценовскаго)

бальзама и бывшего въ Юрьевѣ отравленія имъ 13 челов. со страницъ нашей печати перешель въ столичныя газеты („Н. В.“) и не остался безъ результатовъ. По словамъ газеты „St.-Pet. Ztg.“, прокуроромъ рижскаго окружнаго суда лично ведется въ настоящее время разслѣдованіе по поводу многочисленныхъ случаевъ отравленія „Кунценовскимъ“ бальзамомъ во время сбора запасныхъ нижнихъ чиновъ. Невольно изъ груди вырывается легкій вздохъ, когда воочию убѣждаешься въ значеніи нашей „шестой державы“—печати, которая, хотя и медленно, но настойчиво кричитъ надорваннымъ крикомъ общественныхъ язвъ и аномальныхъ явленій текущей жизни. Результаты все-таки сказываются, и съ печатью считаются“.

Очень можетъ быть, что фельетонистъ „Либ. Вѣсти.“ кричитъ какъ разъ „надорваннымъ крикомъ общественныхъ язвъ“. Но было бы весьма желательно, чтобы онъ или совсѣмъ не кричалъ, или кричалъ, по крайней мѣрѣ, грамотно, ибо „нѣтъ зрѣлища печальнѣе на свѣтѣ“, если одно и то же перо слагаетъ гимны въ честь „шестой державы“ и въ то же время ниспровергаетъ синтаксисъ. Притомъ же и самые гимны либавскаго фельетониста отличаются рѣдкой недоброкачественностью, такъ что мы даже не понимаемъ, какимъ образомъ изъ груди его могъ вырваться „легкій вздохъ“: вѣдь, литература и прокуратура преслѣдуютъ совершенно разныя задачи и то обстоятельство, что прокуроръ обратилъ вниманіе на газетную замѣтку и вывелъ изъ нея свои прокурорскія заключенія, еще не даетъ основанія испускать „легкіе вздохи“.

* * *

Мы какъ-то говорили уже о предпримчивомъ редакторѣ газеты „Югъ“ г-нѣ Гошкевичѣ, который три раза въ день побѣждаетъ японцевъ и столько же разъ выпускаетъ „сенсационныя“ телеграммы, уловляя читательскіе пятки. По теперь этотъ расторопный мужчина пошелъ еще дальше и фигурируетъ уже передъ лицомъ мировыхъ судей по дѣламъ о недоброкачественныхъ расчетахъ съ сотрудниками.

„21-го іюля, говоритъ херсонскій корреспондентъ газеты „Южная Россія“, тѣсная камера городского судьи г. Власяновича собрала въ стѣнахъ своихъ довольно необычную публику. Это были вее лица, состоявшія прежде болѣе или менѣе продолжительное время сотрудниками мѣстной газеты, были тутъ нѣкоторые изъ теперешнихъ сотрудниковъ „Юга“ и даже изъ состава конторы этой газеты. Всѣхъ ихъ привлекъ сюда общій интересъ къ разбиравшемуся дѣлу, но, помимо того, иные изъ нихъ фигурировали въ качествѣ свидѣтелей. Дѣло само по себѣ было весьма несложное. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ „Юга“, работавшій въ газетѣ

около 6 лѣтъ, г. Блюменфельдъ, предъявилъ къ редактору-издателю газеты г. Гошкевичу искъ объ уплатѣ ему мѣсячнаго жалованья, ссылаясь на существовавшій между сотрудниками и г. Гошкевичемъ словесный договоръ, въ силу котораго редакторъ-издатель обязанъ удовлетворить мѣсячнымъ жалованьемъ сотрудника, оставляющаго работу не по своей винѣ. Рядомъ свидѣтельск. показаній выяснилось, что г. Гошкевичъ самовольно мѣнялъ построчное вознагражденіе на мѣсячное жалованье или наоборотъ; что хотя дѣйствительно существовалъ вышеупомянутый словесный договоръ объ уплатѣ впередъ за мѣсяцъ жалованья сотруднику, увольняемому г. Гошкевичемъ, но тѣмъ не менѣе г. Гошкевичъ не считалъ нужнымъ исполнять этотъ договоръ. Благодаря этому, нѣкоторые изъ сотрудниковъ добились исполненія договора путемъ суда. Любопытно и самое возникновеніе договора. Однажды г. Гошкевичъ выписалъ изъ какого-то сѣвернаго города своего товарища г. Свѣтова въ качествѣ сотрудника „Юга“. Тотъ уже нѣкоторое время проработалъ въ газетѣ и успѣлъ понравиться редактору-издателю, который даже самъ предложилъ ему выписать семью что и было исполнено. Но едва прошелъ мѣсяцъ, какъ редакторъ объявилъ своему товарищу, что больше въ его услугахъ не нуждается. И вотъ г. Свѣтовъ, больной, обремененный семьей, очутился безъ копейки, не будучи въ состояніи выбраться изъ Херсона. Такой образъ дѣйствій побудилъ весь составъ сотрудниковъ дать понять г. Гошкевичу, что такъ поступать нельзя, и настоять на выдачѣ уволенному необходимой суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіи остальныхъ отъ подобнаго обращенія. Такимъ образомъ, былъ выработанъ вышеупомянутый договоръ, который, однако, г. Гошкевичемъ не разъ былъ нарушаемъ. Судья постановилъ искъ г. В—да удовлетворить (въ суммѣ 130 р.)“.

* * *

Въ печать очень рѣдко проникаютъ извѣстія о томъ, какъ кормятъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ, но и то, что проникаетъ, прямо ужасно. Вотъ, наиримѣръ, какое дѣло разбиралось въ Солигаличѣ.

Учитель духовнаго училища Вороновъ въ своемъ докладѣ правленію училища о дурныхъ условіяхъ квартирной ученической жизни, указалъ, между прочимъ, что на квартирѣ Вѣгаева учениковъ кормили ковиной. Вѣгаевъ, профессионально держащій квартиры для учениковъ духовнаго училища, усмотрѣлъ въ этомъ докладѣ клевету и привлекъ Воронова къ ответственности у городского судьи.

Обѣ стороны вызвали около 22 свидѣтелей, въ томъ числѣ значительную часть администраціи педагогическаго персонала училища, а также и учениковъ, жившихъ на квартирѣ Вѣгаева (9 чел.).

Ученики показали, что, дѣйствительно, передъ масленицей (въ по-

слѣднихъ числахъ января), имъ на квартирѣ Вѣгаева подавали какое-то странное, жесткое, противное по вкусу и по запаху мясо, зеленоватого цвѣта... Наваръ отъ этого мяса былъ какой-то синеватый съ пѣной...

За день до появленія на столъ этого блюда, мальчики видѣли, что къ хозяину привезли на салазкахъ конскую тушу. Одинъ мальчикъ показалъ судѣ, что видѣлъ даже лошадиный хвостъ. Отъ туши была затѣмъ отдѣлена задняя часть, и Вѣгаевъ разрубилъ ее въ амбарѣ на мелкіе куски.

Хозяину своему и инспекціи ученики, какъ они показываютъ на судѣ, жаловаться на дурную пищу не рѣшились.

На судѣ выяснились характерныя подробности того разслѣдованія, которое произведено было послѣ доклада Воронова особой комиссіей. Изслѣдуя вообще условія жизни учениковъ на квартирахъ, комиссія занялась опросомъ ихъ въ такой формѣ.

Членъ комиссіи, г. Вѣляевъ спросилъ у одного мальчика, хороша-ли была пища на прежней его квартирѣ. Тотъ отвѣчаетъ, что пища была не хороша.

— Врешь, подлецъ, хороша!

Слѣдуетъ спросить, — тепло ли было тамъ? Ученикъ полагаетъ, что на прежней квартирѣ не было тепло. И снова:

— Врешь, подлецъ, тепло!..

Такъ производила „изслѣдованія“ комиссія!

Свидѣтель, кр. Морозовъ, вообще занимающійся продажей конскихъ тушъ, подтвердилъ, что передъ масленицей имъ было продано $\frac{1}{2}$ пуда конины Вѣгаеву (цѣна—10 коп. за пудъ, „по знакомству“).

Діаконъ Островскій разсказалъ на судѣ, что, когда онъ навѣстилъ своихъ дѣтей въ послѣднихъ числахъ января, онъ былъ пораженъ блѣднымъ, изможденнымъ видомъ. Тогда же они жаловались ему, что кормятъ ихъ плохо, подаютъ къ столу невыразимо отвратительную конину, послѣ которой они испытывали тошноту и рѣзь въ животѣ...

Судья вынесъ обвиняемому Воронову оправдательный приговоръ, встрѣченный продолжительными сочувственными аплодисментами со стороны публики. („Южн. Кр.“).

Конечно, это очень отрадно, что справедливый приговоръ мирового судьи былъ встрѣченъ аплодисментами публики. Но если приглядѣться къ этому тяжелому дѣлу поближе, то придется, пожалуй, признать, что аплодисменты были нѣсколько преждевременны. Вѣдь, въ сущности, публика выражала свое удовольствіе только по поводу того, что честный человѣкъ г. Вороновъ не подвергся уголовному наказанію. Но развѣ суть дѣла въ этомъ и развѣ не обидна для общества самая постановка такого вопроса! Вѣдь, логическая схема этого процесса такова: порядочный человѣкъ сдѣ-

лалъ хорошее дѣло, а мировой судья не нашелъ возможнымъ посадить подрядочнаго челоуѣка въ кутузку.—Спрашивается, однако, гдѣ же основанія для аплодисментовъ? А между тѣмъ мы аплодируемъ и не можемъ не аплодировать, хотя сознаемъ, что конина, голодающіе ученики и „особая комиссія“—все это осталось въ полной неприкосновенности. Короче говоря, мы довольны уже тѣмъ, что при помощи мирового судьи намъ удалось показать пальцемъ на конину и громко сказать: „полюбуйтесь, православные христіане!“

* * *

Какъ передаетъ „Тат. Вѣст.“, управленію Екатеринбургской жел. дор. циркулярно сообщено министерствомъ путей сообщенія, что, несмотря на законъ, запрещающій служащимъ чиновникамъ входить въ подряды и поставки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они служатъ, или участвовать въ такихъ подрядахъ черезъ подставныхъ лицъ, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ числѣ поставщиковъ находятся инженеры путей сообщенія и другія лица, состоящіа на государственной службѣ по министерству путей сообщенія. Въ виду этого министерствомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣмъ подрядчикамъ и поставщикамъ, состоящимъ на службѣ по министерству, было предложено подать прошенія объ увольненіи въ отставку отъ службы съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ они будутъ уволены безъ прошенія.

Если не ошибаемся, это новый порядокъ въ преслѣдованіи чиновниковъ-поставщиковъ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстны случаи изъ практики недавняго прошлаго, когда такіе „подрядчики-зайцы“ не изгонялись со службы, а лишь переводились въ Маньчжурію, вѣроятно для укомплектованія легионовъ знаменитыхъ „маньчжурцевъ“.

Александръ Яблоновскій. .

Со стороны.

Люди ли матери?

На дняхъ я прочла „Критическія замѣтки“ А. Б. въ апрѣльской книгѣ „Міра Божія“. Мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читающей публикой, среди которой есть, конечно, не мало чуткихъ, много думавшихъ и много страдавшихъ людей, тѣми горькими чувствами и мыслями, которыя вызвали во мнѣ эти „критическія замѣтки“ почтеннаго автора.

Въ апрѣльскихъ „Критическихъ замѣткахъ“ г. А. Б. разбираетъ типы женщинъ, выведенныхъ въ очеркѣ Вересаева „Проѣздомъ“, повѣсти Дмитріевой „Тучки“, романѣ Е. Белау „Полуживотное“ и И. Фрапанъ „Трудъ“, при чемъ оказывается, что Юзефина („Трудъ“) и Изольда („Полуживотное“) — люди, т. к. и та, и другая выше всего въ мірѣ ставятъ свою человѣческую личность, отстаиваютъ ея права и достоинство, несмотря ни на что и въ борьбѣ этой оказываются жизнеспособными, проносятъ черезъ всю жизнь свою человѣческую душу, еще болѣе расцвѣтшую и окрѣпшую въ борьбѣ. Марья же Сергѣевна, жена доктора, („Проѣздомъ“) и Евгенія Ивановна („Тучки“) *никогда людьми и не были*, (курс. нашъ) т. е. изъ яко-бы общественныхъ типовъ, яко-бы интеллигентокъ, съ огромными запросами отъ жизни, превратились „скоро и незамѣтно для себя“ въ „экономку и няньку“, „мать троихъ дѣтей—и только“.

Отчего же погибло, куда дѣвалось все цѣнное, что было раньше? „Можетъ быть, инымъ это покажется жестоко, но мы думаемъ, что тутъ ничего и не было, ничего въ сущности цѣннаго не погибло. Были, пожалуй, мечты, преувеличенная оцѣнка себя, столь свойственная молодости вообще, когда „міръ кажется тѣсень“ и отъ накопившихся силъ кажется

человѣкъ себѣ чуть не титаномъ. А только столкнулся съ горькой цѣлительностью—и титанъ превратился въ самаго обыкновеннаго сѣраго мытника. Была, словомъ, обычная молодая иллюзія, но цѣннаго ядра, существа человѣческаго, гордой силы—не было“. (стр. 37, М. В., апр.) Далѣе: „Не жертвовать собою, своею личностью надо, а всегда быть самимъ собою. Вотъ тогда и скажется то, что было въ насъ и что не должно погибнуть. Конечно, на повѣрку очень часто оказывается, что ничего и не было въ душѣ, кромѣ иллюзіи, а подчасъ и прямой дрянности, только прикрытой громкими словами, какъ, смѣемъ думать, и случилось съ несчастной женой нашего доктора. На голодѣ она чувствовала себя превосходно, въ воронежской бібліотекѣ и того превосходнѣе.

„Почему? Потому, что боролась, помогала, учила.

„Но что же ей помѣшало и дальше бороться? Мужъ и дѣти? Странно это слышать. Если велика была въ ней потребность борьбы, мужъ и дѣти только усилили бы эту потребность, послужили бы новымъ толчкомъ, новымъ стимуломъ для борьбы съ жизнью, съ тѣмъ же голодомъ физическимъ и духовнымъ, съ тѣми условіями, которыя создаютъ этотъ голодъ. Но вышло совсѣмъ иное, и вмѣсто борца предъ нами вислая дама, изливающая свои „горя“ предъ первымъ встрѣченнымъ, дама, какихъ тысячи. Всѣхъ ихъ, въ сущности, жаль, но и слезы, и жалобы ихъ—пустое занятіе. Отъ нихъ ни имъ, ни окружающимъ не становится легче. Только скучно и имъ самимъ, и съ ними.“ (стр. 38).

Вотъ этотъ-то жестокій и, думается мнѣ, глубоко несправедливый разговоръ надъ Марьей Сергѣевной и, значитъ, надъ всѣми матерями ея типа и вызвалъ во мнѣ тѣ безотрадныя чувства и мысли, на которыя я хотѣла бы услышать какой-нибудь откликъ.

Неужели правъ г. А. В., что докторша и теперь только „полуживотное“, и никогда не была человѣкомъ? За что, какое преступленіе совершила она, что отнимается у нея ея единственное сокровище—сознаніе, что она человѣкъ? Почему каторжникъ, человѣкъ, убившій человѣка, совершившій какое-нибудь гнусное преступленіе—въ нашихъ глазахъ человѣкъ, только человѣкъ несчастный, заблудшій, споткнувшійся на трудномъ жизненномъ пути, но не переставшій все же быть человѣкомъ; для того, чтобъ объяснить себѣ, какъ онъ могъ дойти до своего преступления, мы роемся въ обстоятельствахъ его жизни, мы говоримъ, что жизнь его такъ давила, калѣчила, что всѣ обстоятельства такъ сложились, такую безвыходную цѣпью опутали его, что онъ запутался и упалъ; мы винимъ общество, его дурной строй въ томъ, что человѣку такъ тѣсно, такъ тяжело, голодно, холодно, одиноко было жить, что онъ былъ такъ теменъ, неразвѣтъ нравственно; мы говоримъ, что общество же должно и помочь ему под-

ваться. Какъ бы ни было велико его преступленіе, мы не рѣшимся сказать, что онъ могъ совершить его потому, что никогда и не былъ человѣкомъ, мы говоримъ, что надо измѣнить строй нашей жизни, надо, чтобъ одинъ помогалъ и любилъ другого—и тогда человѣкъ не споткнется, не упадетъ, а не бросаемъ этому несчастному въ лицо: „никто не виноватъ, кромѣ васъ самихъ“, какъ то хочется сдѣлать г. А. В. въ случаѣ, если обратится къ нему съ жалобой на свою загубленную жизнь несчастная женщина-мать, въ юности кормившая голодающихъ, работавшая въ народныхъ бібліотекахъ, жившая общественными интересами и чувствовавшая тогда себя счастливою, живущею полною жизнью, а теперь обратившаяся въ „мать троихъ дѣтей—и только“, и чахущая, и гибнущая именно оттого, что она мать—и только, а не общественный работникъ. Неужели это большее преступленіе, тѣмъ убійство, насильничанье, развратъ? А между тѣмъ, ни одинъ преступникъ, ни одна проститутка, вѣроятно, не получила бы отъ г. А. В. такого краткаго, яснаго и безошаднаго приговора.

Наконецъ, самая тоска Маріи Сергѣевны, ея раздраженіе, которое А. В. приписываетъ бессоннымъ ночамъ, т. е. она не оставляетъ дѣтей на няню и ночью (кстати, совершенно непонятно для меня, что видитъ дурного въ этой заботѣ о дѣтахъ г. А. В. и почему отъ бессонныхъ ночей онъ переходитъ къ компромиссамъ со своей совѣстью ради дѣтей), ея оживленіе и счастливый видъ при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ она работала когда-то на общественной нивѣ, ея любовь къ этимъ воспоминаніямъ и, благодаря имъ, усиленное недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ—развѣ все это не говоритъ о томъ, что это человѣкъ, но человѣкъ несчастный, несчастный именно оттого, что нѣтъ выхода его богатымъ духовнымъ силамъ, нѣтъ никакой возможности продолжать дорогу ему, соответствующую его нравственному складу общественную работу, человѣкъ, давнымъ жизнью, запутавшійся въ ея миллионѣ мелочей, ничтожныхъ, незамѣтныхъ, никому, повидимому, не нужныхъ, но безъ которыхъ не проживешь и которыя всею тяжестью обрушиваются на женщину-мать. При современномъ намъ укладѣ жизни вся тяжесть семейной жизни, вся расплата за „семейное счастье“, конечно, приходится на долю женщины: беременность, во время которой ни одна женщина не можетъ считаться волягъ нормальной, кормленіе, всѣ мелочи ухода за ребенкомъ, такія неважныя для посторонняго наблюдателя и такія существенныя для жизни и здоровья того, кому женщина дала жизнь и по отношенію къ кому она больше всего имѣетъ повтому обязанностей, постоянная тревога за него, за его здоровье, самую жизнь, бессонныя ночи, проводимыя у его колыбели—вотъ тѣ радости, которыя даетъ семейная жизнь женщинѣ, на-

чаяная съ перваго года брака и часто вплоть до тѣхъ поръ, пока не уйдетъ безвозвратно молодость, не подорвутся силы во всѣхъ этихъ нудныхъ заботахъ и надоедливыхъ, но неизбежныхъ для матери мелочахъ, пока не искалѣчатся душа въ вѣчномъ страхѣ, тревогѣ, безумномъ отчаяннн за дѣтей.

И всѣ эти десятки лѣтъ бѣдная мать рвется отъ пеленокъ къ широкой жизни, душа ея болитъ и кровью исходитъ оттого, что тамъ гдѣ-то борьба, тамъ дружная плодотворная работа ея прежнихъ друзей и соратниковъ, а ей на долю досталось купать, пеленать, кашку варить, пеленки стирать и т. п., а ей и книгу почитать некогда, она даже и не слыхала совѣсть о новой книгѣ, новомъ направленнн, которую „всѣ“ знаютъ, которыми „всѣ“ интересуются!

„Проходить жизнь, печальна и пуста, въ мечтаньяхъ объ нномъ,—а гдѣ-то блескъ, и счастье бьетъ ключемъ, и жизнь, и красота!“

Гдѣ же выходи? „Что же мѣшало ей во-время уйти отъ „мягкотѣлаго интеллигента“ и поискать иной дороги, иныхъ задачъ?“ (стр. 48). Тутъ, мнѣ кажется, не въ мягкотѣломъ интеллигентѣ дѣло, отъ него она, пожалуй, и ушла бы, но куда уйдешь отъ дѣтей, что же будетъ съ ними, когда мать ихъ броситъ? Благо тѣмъ, у кого есть такой отецъ, какъ у Иовѣяны („Трудъ“), который могъ замѣнить дѣтямъ ея и мать, и отца, а ей далъ тѣмъ самымъ возможность учиться, работать на благо людей, искать новыхъ путей, выполнить свой долгъ передъ собою и въ глаза своей совѣсти глядѣть спокойно, такъ какъ и передъ дѣтьми она не нарушила своихъ обязанностей. Благо такимъ счастливицамъ, шире имъ дорогу!

Но что дѣлать матери, сознающей, что уйти отъ дѣтей она права не имѣеть, такъ какъ безъ нея они погибнуть и физически, и морально?

„Не надо жертвовать своею личностью изъ жалости къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было. Человѣческая личность—такое высокое достоянн, что погубить ее въ себѣ—грѣхъ противъ Св. Духа“ (стр. 42). А если сохранить эту человѣческую личность въ полной неприкосновенности, зажить полною и яркою жизнью мать можетъ, только бросивъ дѣтя, отдавши его въ чужія руки, довѣривши его глупой, безграмотной, злой нянѣтѣ, если вступить въ эту полную богатую жизнь можно, только переступивъ черезъ трупики своего ребенка, повиннаго только въ томъ, что онъ родился и такимъ образомъ связалъ руки матери-человѣчку? Если вся эта жизнь, яркая, полная плодотворной, радостной работы, радостной потому, что она по душѣ женщицѣ-человѣчку, что всѣ ея запросы удовлетворены, что она чувствуетъ себя полезнымъ членомъ общества—эта жизнь если будетъ отравлена стономъ, плачемъ ребенка, оди-

покаго, покинутого, не видящаго ласки, быть может, больного, благодаря отсутствию заботы, вниманія?

Нѣтъ, не въ такомъ рѣшеніи вопроса нуждаются Марья Сергѣевны. Что онѣ сами виноваты, благодаря своей дряблости, въ своей загубленной искалѣченной жизни—это неправда. Неправда и то, что все прежнее свѣтлое, хорошее, честное, бывшее въ нихъ до замужества и материнства, было наносное, которое потому и слетѣло такъ легко.

Что оно не слетѣло легко и незамѣтно, что нелегко досталась ей эта метаморфоза изъ борца въ няню своихъ дѣтей—и только, въ „кислую даму“, какъ говоритъ г. А. Б., „слезы и жалобы которой—праздное занятіе“—объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорятъ именно эти слезы и жалобы, отъ которыхъ „ни имъ самимъ („кислымъ дамамъ“), ни окружающимъ не становится легче. Только скучно и имъ самимъ, и съ ними“, какъ говоритъ г. А. Б. Конечно, здоровому, полному радужныхъ надеждъ, чужому, равнодушному человѣку только скучно со всякимъ больнымъ, несчастнымъ, умирающимъ да еще смѣющимъ жаловаться на свою искалѣченную жизнь, любящимъ распространяться о томъ времени, когда и онъ, умирающій, былъ такъ же жизнерадостенъ, какъ и его посѣтитель, „ибо силушка по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась“. Посѣтитель даже не вѣритъ, глядя на это задыхающееся, кашляющее кровью, облитое холоднымъ липкимъ потомъ существо, что и оно было когда то человѣкомъ съ здоровыми легкими, съ румянцемъ на щекахъ, съ бодрымъ взглядомъ и свѣтлыми рѣчами, что это и теперь человѣкъ, но человѣкъ много пережившій, надорвавшійся въ одинокой непосильной работѣ и мучѣ.

Вотъ эта-то одинокая непосильная работа (ибо носить, кормить и нянчить одновременно—это непосильная работа), эта тоже одинокая и непрестанная мука за беззащитное дитя, брошенное жизнью на усталыя, часто неумѣлыя, неопытныя руки матери, неподготовленной своею дѣвической жизнью къ исполненію тѣхъ обязанностей, сложныхъ, трудныхъ, требующихъ знаній, чуткости, выносливости, которыя приходятъ къ ней вмѣстѣ съ ребенкомъ и о которыхъ она даже часто и не подозрѣвала, связывая свою жизнь съ жизнью любимаго человѣка—вотъ истинное проклятiе материнства.

Какъ иллюстрацію сказаннаго приведу отрывокъ изъ письма одной молодой матери.

„Мнѣ кажется по собственному горькому-горькому опыту, что съ появленіемъ ребенка вся жизнь женщины,—хочетъ она того или не хочетъ,—круто мѣняется, центромъ этой жизни становится онъ, этотъ „звѣрушка“, требующій непрерывныхъ мелкихъ утомительныхъ заботъ о каждой мель-

чайшей подробности его существованія, постоянного чуткаго и неусыпнаго вниманія, чтобы во-время замѣтить какую-нибудь оплошность свою въ уходѣ за нимъ, чтобы предотвратить какую-нибудь подстерегающую его болѣзнь или опасность: вѣдь, эти враги такъ и ждутъ, такъ и караулятъ когда мать оцуетитъ на секунду усталыя руки, чтобы завладѣть беззащитной, безпомощной крохотной жертвой. Хорошо, если дитя отъ природы крѣпкое, здоровое, организмъ выносливый: тогда, конечно, и ему лучше, и всѣхъ мелочей въ уходѣ за нимъ меньше, и жизнь матери легче, не ложится все это такимъ гнетомъ на ея душу. Но если дитя хворааетъ, если это тянется долго, если натура у матери горячая, страстная, если для нея любить значить беззавѣтно отдаваться тому, что или кого она любить, если всѣ ея труды, старанія, весь уходъ не ведетъ ни къ чему—тогда пропалъ человѣкъ, погибъ общественный дѣятель, исказилась, изуродовалась душа въ немъ. Скажите, можно ли радоваться въ такомъ случаѣ появленію этого новаго существа, которое убило жившаго раньше него и давашаго ему жизнь хорошаго человѣка, обратило его въ трущъ, да и само еще неизвѣстно, выживетъ ли, а если и выживетъ, то замѣнитъ ли обществу того, другого, уничтоженнаго имъ человѣка? Правда, не всѣ дѣти и не всегда бываютъ больны. Не всѣ матери такъ относятся къ дѣтамъ. Но не дай Богъ, если мать окажется именно такого типа! Я вотъ какъ разъ все это испытала, я теперь „бывшій“ человѣкъ. И, вѣдь, не потому это, чтобы не было у меня иныхъ идеаловъ, чтобы не рвалась моя душа къ ширн и свѣту Божьяго міра, а только потому, что вотъ ужъ 3 года скоро, какъ я дрожу отъ страха за сына, какъ онъ постоянно хворааетъ, какъ я не сплю ни минуты, вотъ ужъ 3 года, какъ я ежесекундно думаю, что такой-то симитомъ болѣзни—это начало конца, какъ я не имѣю ни секунды покою отъ возни съ нимъ, ни секунды отдыха для души отъ мучительной думы о немъ, о томъ, что онъ таетъ, что онъ уменьшается въ вѣсѣ, блѣднѣетъ... И эта мучительная тоска о немъ вытѣсняетъ изъ души всѣ иные чувства, которыя по немногу, отъ долгаго употребленія въ дѣло, атрофируются, и я съ ужасомъ сознаю, какъ ничто общественное, что прежде являлось для меня всѣмъ, не трогаетъ меня глубоко, какъ все это, что прежде было моимъ, роднымъ мнѣ, теперь стало мнѣ чужимъ, а въ концѣ концовъ оказывается, что жизнь ео-во-всѣмъ обезцвѣтилась, душа опустѣла, такъ какъ хотя бы вмѣсто прежняго общественного содержанія ее наполнило личное, уютъ своего гѣбада, какъ это бываетъ у многихъ, а то даже и того нѣтъ: я такъ устала душою за эти годы отъ этихъ думъ и страданій и неудовлетворенности жизнью, что даже и любви къ тому же сыну уже во мнѣ нѣтъ, нѣтъ никакого интереса къ своей жизни, къ той, которая теперь идетъ. А, вѣдь, не такая

я была всего 3—4 года назадъ, когда гимназію кончала, когда была учительницей въ В., когда на курсахъ училась!.. Тогда я была живою душою, тогда жизнь была полна для меня смысла, и смыслъ этотъ лежалъ именно въ жизни для людей и среди людей. Что же случилось за эти годы? Въ жизни внѣшней очень мало—только новый ребенокъ родился, а въ жизни внутренней все, все испорчено, искалѣчено, изломано на вѣки“...

Вотъ какую драму переживаютъ Марья Сергѣевны, г. А. В.! „Не придумать вамъ казни мучительнѣй!“ Чѣмъ же помочь имъ? Вѣдь, это человекъ погибаетъ! И пока каждая мать будетъ одинока—она можетъ только проклинать свою судьбу, чахнуть и гибнуть. Ждать поддержки и помощи отъ мужчины ей нечего: мужчина не можетъ, даже напрягая всю силу своего воображенія, представить себѣ, что такое для женщины всѣ стадіи ея материнства, сколько оно вноситъ въ ея душу новаго и выжигаетъ стараго, а не умѣя поставить себя на мѣсто матери, не имѣя возможности пережить и перечувствовать ничего изъ того, что ежечасно, ежеминутно терзаетъ ея сердце,—онъ, конечно, не можетъ и понять, не можетъ и помочь. Вѣдь, сытый голодаго не разумѣетъ! Ему будетъ „только скучно“, онъ не разглядитъ, результатомъ какихъ мукъ явилось ея невмѣшательство въ общественную жизнь, чего стоитъ ей ограничить себя только дѣтской и кухней—и жалобу ея на загубленную жизнь назоветъ „нытьемъ“, а ее— „мокрой курицей“, „насъдкой“, „кислой дамой“,—эпитеты, на которые не скупились г. А. В.

Нѣтъ, помощи, поддержки женщина-мать можетъ ждать только отъ женщины же и притомъ только отъ другой матери, т. е. большинство нашихъ дѣвушекъ невсматривается и не вдумывается въ семейную жизнь знакомыхъ имъ женщинъ и, подобно мужчинамъ, судятъ по тѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ этой жизни, надъ которыми и задумываться нечего: мать, не участвующая ни въ какихъ проявленіяхъ общественной жизни,— „насъдка“, мать, жалующаяся на то, что не можетъ участвовать, что семья одолеваетъ, отнимаетъ всѣ силы, все время,— „насъдка“ да еще и „нытикъ“, „кислая дама“, съ которой скучно, виновата въ ея неудавшейся жизни только ея „дряблость“, отсутствіе въ душѣ горлой силы человека; если прежде она отдавалась работѣ общественной беззавѣтно, то это былъ только порывъ и самая беззавѣтность эта ей же ставится въ укоръ: „она всю жизнь жила по чужой указкѣ, сама же ничего своего не вносила въ жизнь. Сначала эта указка заключалась въ „умной книгѣ“, въ „новомъ направленіи“, которому она беззавѣтно отдавалась. Непременно беззавѣтно, т. е. безъ критики, безъ думы о томъ, насколько оно отвѣчаетъ ея личности, ея силамъ и запросамъ. Чужія мысли, чужія настроенія она принимала за свои, съ тѣмъ большей охотой, что

это страшно облегчало жизнь: вѣдь, такъ трудно выработать свое, становить его и тѣмъ паче проводить на практикѣ. Да такъ ли, г. А. В? Быть можетъ, эта беззавѣтность, эта страстность, глубина натуры, эта ея цѣльность—это-то и есть то цѣнное ядро, которое именно и дѣлаетъ человека, быть можетъ, оно-то теперь, въ ея новомъ положеніи, на ея новомъ трудномъ пути и является тѣмъ тормазомъ, который дѣлаетъ ее такъ несчастной, заставляя ее со всею страстностью, глубиною и беззавѣтностью отдаваться новымъ обязанностямъ, страшнымъ и безгранично труднымъ, быть можетъ, будь она мельче душою, гляди она на жизнь легче, относись къ своимъ обязанностямъ легкомысленнѣе—она нашла бы золотую середину, совместила бы и материнство, и работу общественную, исполняя и то, и другое не вполнѣ добросовѣстно, но кому же это бросалось бы въ глаза? Кто, кромѣ ея совѣсти, могъ бы упрекнуть ее за то, что она не всей душой отдается своимъ общественнымъ обязанностямъ, или за то, что отъ безукоризненнаго исполненія ею своего долга предъ обществомъ страдаютъ, растутъ уродами и гибнуть ея дѣти?

Итакъ, мнѣ думается, что женщина-мать до тѣхъ поръ не сможетъ освободиться отъ своихъ цѣпей, вырваться на волю изъ своей тюрьмы, въ которой она заживо погребена, пока другая мать, находящаяся въ такомъ же положеніи, пережившая и перечувствовавшая все то же, что и она сама, и такъ же, какъ и она, неудовлетворенная, рвущаяся къ болѣе широкой жизни и работѣ,—пока другая мать не подастъ ей руки, пока десятки, сотни, тысячи такихъ матерей не сплотятся въ одинъ великій союзъ, задачей котораго станетъ—работать вмѣстѣ, дружно, облегчая, помогая, уравнивающая, исправляя работу другъ друга, работу великую, разумную, работу общественную, т. е. онѣ, эти матери-союзницы, будутъ готовить изъ своихъ и чужихъ дѣтей, находящихся подъ ихъ совместнымъ вліяніемъ, будущихъ гражданъ, при чемъ работа эта будетъ и плодотворнѣе и легче для каждой изъ нихъ, ибо знанія одной будутъ находить себѣ поддержку въ педагогическомъ тактѣ и опытности другой, кротость одной вмѣстѣ съ твердой волей и настойчивостью другой будутъ благотворно вліять на всѣ лучшія стороны дѣтской природы; воспитываемый въ обществѣ товарищей ребенокъ вырастетъ человекомъ-гражданиномъ, а многія эгоистическія наклонности его, съ которыми такъ часто и безуспѣшно борются современные матери, не найдутъ вовсе почвы для развитія, наконецъ, всѣ мелочи ухода за малютками будутъ раздѣлены между десятками рукъ и потому станутъ и менѣе надоедливы и утомительны, и болѣе правильны. Только тогда, когда воспитаніе дѣтей съ самыхъ пеленокъ станетъ общественнымъ,—Марьи Сергѣевны освободятся отъ того гнета, который лежитъ на ихъ душахъ и давить ихъ, не давая имъ

расцвѣтъ, только тогда докажутъ онѣ, была ли въ нихъ искра живого огня, не потухнувшая и во время ихъ безрадостнаго одинокаго материнства, или же онѣ были пустоцвѣтомъ?

Теперь же довольно-таки жестоко и несправедливо бросать въ нихъ камнемъ, клеймить ихъ именемъ „полуживотнаго“, отнимать у нихъ счастье сознанія, что и онѣ—люди, люди безгранично несчастные, т. е. жизнь ломаетъ ихъ, калѣчитъ и несется дальше, а онѣ могутъ только тосковать по тому человѣческому счастью, по той работѣ, которая имъ теперь недоступна, ибо семья беретъ у нихъ всѣ соки, не давая взамѣнъ даже радости отъ сознанія хорошо выполненнаго долга, ибо какъ часто изъ дѣтей вырастаютъ нравственные уроды. И вотъ, даже эту послѣднюю радость—сознанія своего человѣческаго достоинства—и ее отнимаютъ у матери типа Марьи Сергѣевны, заявляя ей, что и это иллюзія. Это безчеловѣчно, т. е. иной матери, которая уже не разъ переживала минуты сомнѣнія въ себѣ и безпросвѣтнаго отчаянія, Вы, г. А. В., произносите этимъ смертный приговоръ. „Туда ей дорога!“ скажете Вы: „это только еще разъ докажетъ ея дряблость и ничтожество!“ Но, думается, мы ушли уже отъ той морали, которая требовала сверженія со скалы слабого ребенка; у насъ, напротивъ, всѣ силы направляются къ тому, чтобъ хилое дитя выжило и стало здоровымъ человѣкомъ.

И жизнь оправдываетъ нашу заботу о слабыхъ, т. е. изъ хилыхъ и болѣзненныхъ, неприспособленныхъ къ борьбѣ съ жизнью дѣтей вырастаютъ часто великіе таланты, выдающіеся мыслители, гениі, друзья и руководители человѣчества.

Неужели же несчастная мать, не находящая выхода изъ своего тяжелого семейнаго положенія, рвущаяся всей душой къ свѣту, къ счастью работы для людей и съ людьми, но не имѣющая возможности удовлетворить свои общественныя стремленія,—неужели она не заслуживаетъ ни помощи, ни участія, ни любви?

„Марья Сергѣевна“.

Изъ области знаній.

Электричество въ газахъ.

(Катодные лучи, Рентгеновскіе лучи и радіо-активныя вещества).

Въ послѣднее десятилѣтіе всеобщее вниманіе какъ ученыхъ специалистовъ, такъ и большой публики привлекали явленія разряда черезъ разряженные газы. Загадочная область электрическихъ явленій въ газахъ уже давно открыта, но богатое развитіе какъ по количеству накопившагося матеріала, такъ и по широтѣ теорій, предложенныхъ учеными всѣхъ странъ для ихъ объясненій, совершилось на нашихъ глазахъ. Не такъ давно явленія этой области стояли совершенно особнякомъ и въ объясненіи электрическихъ явленій почти никакой роли не играли. Въ настоящее время электрическія явленія въ газахъ приобрѣли огромное значеніе для пониманія электрическихъ явленій вообще, они приковали къ себѣ всеобщее вниманіе, какъ центральная часть вселенной картины современнаго естествознанія, потому что въ этой области наблюдаются такія явленія, которыхъ до сихъ поръ не могли найти при изученіи электрическаго состоянія тѣлъ жидкихъ или твердыхъ. При наблюдении явленій разряда черезъ газы мы наталкиваемся на электромагнитныя явленія въ земрѣ, которыя по своей связи съ электромагнитной теоріей свѣта приобретаютъ особое значеніе и даютъ новые пути изслѣдованія вопроса о строеніи матеріи, а можетъ бытъ и ея сущности.

Систематическія наблюденія явленій разряда въ разряженныхъ газахъ начинаются съ 1858 г., когда профессоръ университета въ Воннѣ Плюккеръ (Plücker), приготовивъ стеклянную трубку съ двумя впаянными въ нее платиновыми проволоками и разрядивъ находящійся въ ней газъ, соединилъ ее съ источникомъ электричества и получилъ свѣченіе этого газа.

Окраска этого свѣченія различна и зависитъ отъ природы газа, именно: фіолетовая—въ азотѣ, блѣдно-желтая—въ кислородѣ, розовая—въ водородѣ и т. д. Пользуясь услугами талантливаго механика и артиста-стеклодува Гейслера (Geissler), Пюккеръ изготовлялъ трубки разнообразной формы и возможно большей по тому времени степени разрѣженія. Газъ въ трубкѣ Пюккера начинаетъ свѣтиться только въ томъ случаѣ, если количество оставшагося послѣ выкачиванія газа не болѣе $\frac{1}{20}$ первоначальнаго его количества. При такомъ разрѣженіи замѣчается только одна тонкая свѣтлая линія, похожая на гибкую свѣтящуюся нить. При дальнѣйшемъ выкачиваніи газа свѣтлый столбикъ, начинающійся у анода *a* (мѣста, гдѣ токъ входитъ въ трубку), становится шире и при разрѣженіи примѣрно до $\frac{1}{500}$ онъ наполняетъ всю трубку и, если въ трубкѣ былъ газъ не совершенно чистый, разбивается на цѣлый рядъ тонкихъ колеблющихся и мерцающихъ, нѣсколько изогнутыхъ слоевъ, перпендикулярныхъ къ оси трубки и перемежающихся съ темными полосами (стратификація или слоистость), какъ на рис. 1 и 2.

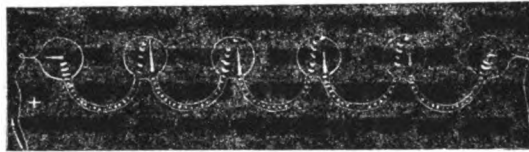

Рис. 1.

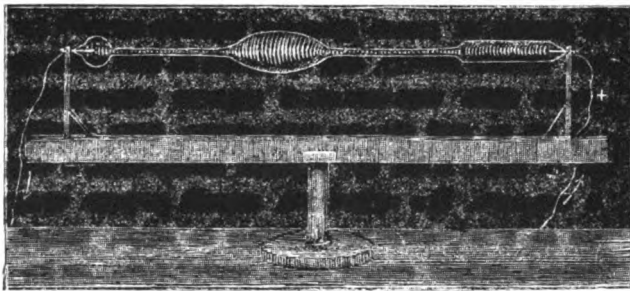

Рис. 2.

При этомъ свѣтящаяся оболочка влѣзугъ катода *k*, т. е. того мѣста трубки, черезъ которое токъ выходитъ изъ нея, становится больше и отдѣляется отъ мерцающаго слоистаго столба, равно какъ и отъ самаго катода, темнымъ пространствомъ, которое и называется *темнымъ катоднымъ*

пространствомъ. Если оставить въ трубкѣ только $\frac{1}{50000}$ часть первоначально находившагося въ ней воздуха, то прежде свѣтвишійся столбъ обратится въ нѣсколько туманныхъ клочковъ, темное катодное пространство значительно увеличится, распространяется до противоположнаго конца трубки и та часть стѣнки ея, въ которую какъ бы уларется эта темная полоса, начинаетъ свѣтиться желтовато-зеленымъ свѣтомъ, что впервые наблюдалъ Гитторфъ, и явленіе представляется такъ, какъ будто катодъ испускаетъ пучекъ лучей, распространяющихся прямолинейно и вызывающихъ флюоресценцію ¹⁾ стекла тамъ, гдѣ они встрѣчаютъ стѣнку трубки. Въ этомъ состояніи трубка начинаетъ давать такъ называемыя *катодныя лучи*. При дальнѣйшихъ трудно достижимыхъ разряженіяхъ, когда гдѣ трубка остается, напримѣръ, одна или двѣ миллионныхъ доли первоначально находившагося въ ней воздуха, картина разряда черезъ него еще болѣе измѣняется. Всѣ мерцающіе клочки исчезаютъ, трубка кажется совершенно пустой, за то само стекло ея ярко свѣтится красивымъ золотисто-зеленымъ свѣтомъ.

Обыкновенными металлическими насосами нѣтъ возможности достигнуть болѣе или менѣе совершенной пустоты. Для достиженія тѣхъ высокихъ степеней разряженія газа, какія необходимы для того, чтобы получить явленіе флюоресценціи вещества трубки, приходится пользоваться специальными ртутными насосами. Первый ртутный насосъ былъ построенъ Германомъ Шпренгелемъ (Sprengel) въ 1865 г. и затѣмъ видоизмѣненъ въ 1874 г. Вильямомъ Круксомъ (W. Crookes) ²⁾ при его замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ явленій разряда въ газахъ. Дѣйствіе этого прибора можно себѣ представить слѣдующимъ образомъ. Ртуть находится въ резервуарѣ, при поднятіи котораго она перегоняется въ насосъ, а при опусканіи опустѣвшій резервуаръ ею наполняется. Насосъ состоитъ изъ системы спаянныхъ другъ съ другомъ стекляныхъ трубокъ. Ртуть, проходя по нимъ, въ видѣ капель падаетъ черезъ одну очень узкую трубку, при чемъ каждая капля ртути, падая, дѣйствуетъ, какъ маленький поршень, толкая впереди себя воздухъ, и такимъ образомъ постепенно разряжаетъ его въ слѣдующемъ колѣнѣ насоса, соединенномъ съ резервуаромъ, въ которомъ желательно достигнуть большаго разряженія.

Электрическій разрядъ въ газахъ, разряженныхъ до высокой сте-

¹⁾ Флюоресценціей называется свѣченіе тѣла, происходящее во время освѣщенія его лучами солнца или электрическаго свѣта.

²⁾ В. Круксъ—англійскій физикъ и химикъ—родился 1832 г. въ Лондонѣ, издатель двухъ журналовъ—„Chemical News“ и „Quarterly Journal of sciences“.

пени, возможенъ только при сильномъ напряженіи тока ¹⁾, во всякомъ случаѣ во много разъ большемъ того, которое имѣется въ тогѣ, питающемъ обыкновенныя лампочки накаливанія. Очень часто работаютъ подъ напряженіемъ въ 30—50 тысячъ вольтъ ²⁾. Для получения столь высокаго напряженія въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно пользоваться сложной электрофорной машиной, т. е. съ большимъ числомъ стеклянныхъ круговъ и дающей иногда до 100.000 вольтъ; но чаще всего для работъ этого рода употребляются или общезвѣстная катушка Румкорфа ³⁾ или трансформаторы ⁴⁾ переменнаго тока, какъ болѣе дешевые источники электричества.

Возвратимся теперь къ катоднымъ лучамъ, какъ ихъ называлъ Е. Видеманъ (Wiedemann). Катодные лучи были открыты нѣмецкимъ физикомъ Гитторфомъ въ 1869 г., который много работалъ надъ изслѣдованіями прохожденія электрическаго тока черезъ жидкости и газы (Poggend. Annal. t. 136). Онъ замѣтилъ, что въ трубкахъ съ сильно разрѣженнымъ пространствомъ, при соединеніи ихъ электродовъ *a* и *k* съ концами вторичной обмотки катушки Румкорфа изъ отрицательнаго электрода—*k* (катода) исходятъ особые видимые глазомъ лучи и дѣйствуютъ на стекло трубки, заставляя то мѣсто ея, куда они падаютъ, свѣтиться желтовато-зеленымъ свѣтомъ. Только черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1879 г., Круксъ занялся изслѣдованіемъ катодныхъ лучей и приготовлялъ трубки, полу-

¹⁾ Подъ напряженіемъ тока понимается величина силы, возбуждающей этотъ токъ.

²⁾ Вольтъ есть практическая единица электро-возбудительной силы. О величинѣ ея можно судить по электро-возбудительной силѣ общезвѣстнаго элемента Лекланше, обыкновенно употребляемаго въ цѣли комнатныхъ звонковъ. Электро-возбудительная сила элемента Лекланше равна 1,4 вольта.

³⁾ Катушка Румкорфа была изобрѣтена въ 1854 г. механикомъ Румкорфомъ, именемъ котораго она и названа. Изобрѣтеніе ея доставило ея автору премію имени Вольта въ 50.000 франковъ. Назначеніе ея—превращать токъ малаго напряженія, получаемый отъ гальваническихъ элементовъ или отъ аккумуляторовъ, въ токъ высокаго напряженія. Принципъ ея устройства заключается въ слѣдующемъ. На стержнѣ мягкаго желѣза, лежащемъ въ деревянной катушкѣ, навиты двѣ обмотки изолированной проволоки; внутренняя (первичная) обмотка небольшого числа витковъ изъ толстой проволоки соединяется съ источникомъ электрическаго тока (элементы или аккумуляторы), а наружная (вторичная) обмотка изъ тонкой проволоки большой длины, доходящей иногда до 450 километровъ, соединена съ приборомъ, потребляющимъ токъ высокаго напряженія, который и возбуждается во вторичной обмоткѣ при замыканіи и размыканіи первичнаго тока въ толстой обмоткѣ.

⁴⁾ Устройство трансформаторовъ основано на томъ же принципѣ, что и катушка Румкорфа.

чившія названіе Круксовыхъ, съ катодами, имѣвшими форму плоскаго или слабо вогнутаго диска, отъ котораго лучи устремляются къ аноду *a* (рис. 3). На явленіе катодныхъ лучей Круксъ смотрѣлъ, какъ на дока-

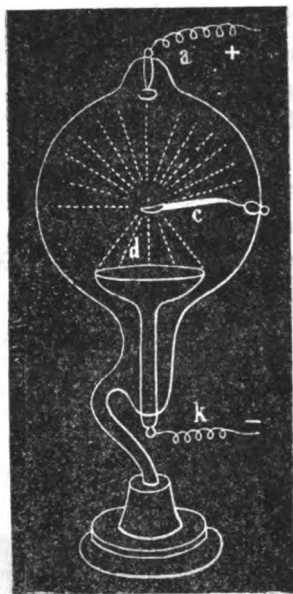

Рис. 3.

зательство существованія особаго 4-го состоянія матеріи, болѣе тонкаго чѣмъ обыкновенный газъ или паръ, и счѣталъ ихъ потокомъ отрицательно наэлектризованныхъ матеріальныхъ частицъ, отдѣляющихся отъ вещества отрицательнаго электрода подѣ влияніемъ сильнаго электрическаго дѣйствія катушки Румкорфа. Онъ назвалъ этотъ потокъ „радіантной“ (лучистой) матеріей ¹⁾. Противъ этого названія, придуманнаго еще Фарадеемъ, возражали особенно нѣмецкіе физики и отвѣселись къ Круксу крайне пронически, называя его чуть не еретикомъ отъ науки за его предположеніе вещественной природы катодныхъ лучей, какъ не согласное съ общепринятой нематеріальностью электрическаго тока, и мы впоследствии увидимъ, кто изъ нихъ былъ болѣе правъ съ точки зрѣнія современныхъ взглядовъ на явленія разряда въ газахъ.

Круксъ, изучая катодные лучи, нашель, ²⁾ что они обладаютъ

¹⁾ Nature, XX, p. 419 et 436. Annales de chimie et de physique, 5, XIX p. 195.

²⁾ C. R. t. 88 p. 283. 1879.

нѣсколькими замѣчательными свойствами, для изслѣдованія которыхъ англійскими физиками были сдѣланы опыты, ставшіе теперь классическими. Во многихъ тѣлахъ катодные лучи вызываютъ фосфоресценцію ¹⁾ и флюоресценцію въ степени невѣдомой до того времени. Продолжительность фосфоресценціи для нѣкоторыхъ веществъ довольно значительна, напримеръ, іенское стекло свѣтится, правда слабо, даже нѣсколько минутъ послѣ прекращенія тока и теряетъ эту способность по Ebert'у только при температурѣ = + 230° Ц. Очень большое число минераловъ, помѣщенныхъ на пути распространенія катодныхъ лучей, ярко свѣтятся каждый своимъ характернымъ свѣтомъ. Рубины свѣтятся алымъ болѣе интенсивнымъ свѣтомъ, чѣмъ тотъ, какой они испускали-бы при красномъ каленіи. Алмазы свѣтятся зеленымъ свѣтомъ, мѣль — оранжевымъ, урановое стекло — зелено-желтымъ, двойная соль платино-синеродистаго барія — также зелено-желтымъ, хрусталь — голубымъ и т. д.

Если пучокъ катодныхъ лучей встрѣчаетъ препятствіе, то на флюоресцирующей поверхности трубки появляется тѣнь ¹⁾. Представимъ себѣ трубку грушевидной формы, куда помѣщена металлическая пластинка, имѣющая видъ мальтійскаго креста и служащая въ то же время анодомъ (рис. 4).

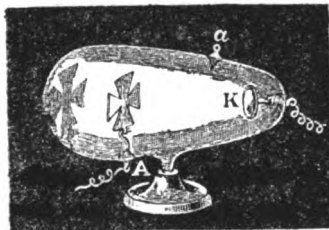

Рис. 4.

При пропусканіи тока стекло трубки свѣтится характернымъ золотисто-зеленымъ свѣтомъ, за исключеніемъ того мѣста, которое защищено отъ лучей крестомъ. Если измѣрить размѣры этой тѣни, то можно убѣдиться въ томъ, что она соотвѣтствуетъ источнику прямолинейныхъ лучей, рас-

¹⁾ Фосфоресценціей называется свѣченіе тѣлъ, невызываемое соотвѣствующимъ повышеніемъ ихъ температуры, вслѣдствіе предварительнаго освѣщенія ихъ какимъ-нибудь источникомъ свѣта и остающееся на нѣкоторое время послѣ прекращенія освѣщенія.

²⁾ Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Sciences; t. 88. p. 378 C. R. t. 88. p. 283. C. R. t. 488. p. 73.

положенному въ центрѣ катода, изъ каковой точки въ дѣйствительности и выходитъ наибольшая часть лучей; чистота тѣни и доказываетъ, что источникъ лучей близокъ къ точкѣ. Теперь посредствомъ особаго приспособленія въ родѣ шарнира, которымъ снабженъ анодъ, можно привести крестъ въ горизонтальное положеніе, тогда катодные лучи проходятъ свободно до противоположнаго конца трубки, на которой замѣтимъ блестящій крестъ на мѣстѣ бывшей здѣсь тѣни, гдѣ свѣченіе стекла окажется болѣе интенсивнымъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ трубки. Объясненіе этого эффектнаго явленія заключается въ слѣдующемъ. Подъ дѣйствіемъ катодныхъ лучей стекло нагрѣвается и поэтому, какъ раньше было сказано, его способность свѣтиться уменьшается, а при $+ 230^{\circ}$ Ц. совсѣмъ исчезаетъ. Часть трубки, защищенная отъ катодныхъ лучей крестомъ, остается холоднѣе смежныхъ, потому что стекло—плохой проводникъ тепла, слѣдовательно, теперь она оказалась болѣе воспримчивой къ катоднымъ лучамъ и поэтому свѣтящейся интенсивнѣе.

Если придать катоду форму вогнутого диска d (рис. 3), то катодные лучи, распространяющіеся въ видѣ конуса, пересѣкаются въ нѣкоторой точкѣ, лежащей внутри трубки; помѣтивъ вблизи нея платиновую пластинку c , замѣтимъ, что она сильно накаляется, т. е. электрическая энергія, переносимая катодными лучами, преобразуется въ тепловую, при чемъ, въ опытѣ Крукса эта пластинка не только нагрѣвалась, но и дѣлалась все тоньше въ точкѣ паденія катодныхъ лучей, какъ бы углублялась отъ цѣлаго ряда ударовъ. Навысшая температура, достижимая въ этомъ случаѣ, неизвѣстна, но Круксу удавалось нагрѣваніемъ брилліантовъ въ потокѣ катодныхъ лучей ихъ обугливать; позже Муассанъ (Moissan) показалъ, что этотъ черный продуктъ былъ графитъ, а слѣдовательно температура была около 3,600 градусовъ. Повидимому, это только низшій предѣлъ возможнаго максимума.

Если препятствіе, стоящее на пути катодныхъ лучей, подвижно, то оно перемѣщается, удаляясь отъ катода. Это явленіе Круксъ иллюстрировалъ слѣдующимъ опытомъ. Мельничное колесо съ слюдяными крыльями своей осью лежитъ на двухъ параллельныхъ стеклянныхъ стерженькахъ, вставленныхъ въ цилиндрическую трубку съ плоскими электродами на концахъ. При пропусканіи тока мельничка подъ давленіемъ катодныхъ лучей приходитъ въ быстрое вращательное движеніе, приближаясь къ аноду $+ A$ Мѣняя направленіе тока, тѣмъ самымъ измѣнимъ и направленіе движенія мельнички на обратное (рис. 5).

Очень важное свойство катодныхъ лучей состоитъ въ томъ что они отклоняются магнитомъ, причемъ дѣйствіе, испытываемое ими отъ

магнитнаго поля ¹⁾, однаково съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое оказываетъ также поле на соответственн о образованный потокъ матеріальныхъ частичекъ, заряженныхъ отрицательно и движущихся по тому же направлению, по какому распространяются катодные лучи.

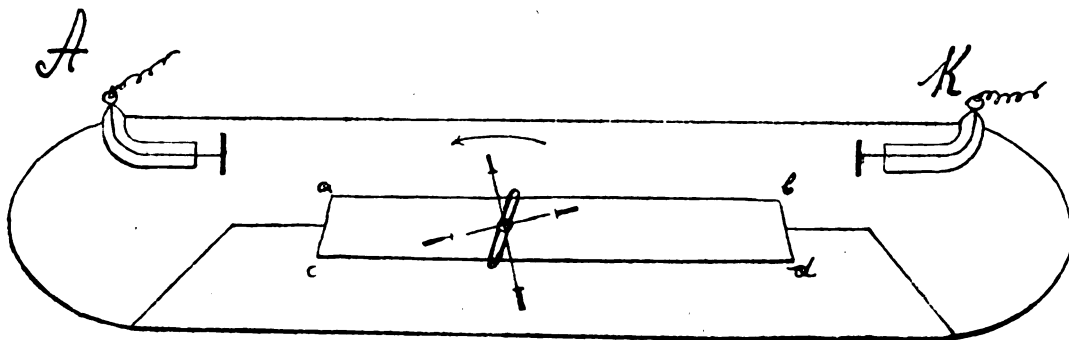

Рис. 5.

Отклоненіе катодныхъ лучей подѣ влияніемъ магнита происходитъ такъ, какъ происходилъ-бы изгибъ идеально гибкой пластинки, закрѣпленной однимъ концомъ въ катодѣ. Для иллюстраціи этого явленія помещаютъ въ цилиндрической трубкѣ вблизи катода слюдяной экранъ съ узкой щелью по срединѣ. Когда катодные лучи проходятъ черезъ эту щель, они имѣютъ видъ тонкой пластинки, параллельной оси трубки. Приближая магнитъ къ трубкѣ, замѣтимъ, что лучи изгибаются, уклоняясь отъ горизонтальной оси трубки сообразно съ положеніемъ магнита въ ту или другую сторону (рис. 6).

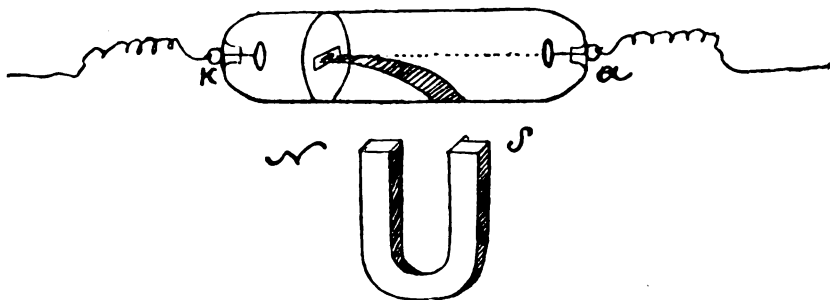

Рис. 6.

Пользуясь этимъ свойствомъ катодныхъ лучей, Флемингъ произвелъ слѣдующій опытъ съ трубкой (см. рис. 4), въ которой крестъ служитъ анодомъ. Если приближать къ трубкѣ соленоидъ, т. е. проволоку, изогнутую

¹⁾ Магнитнымъ полемъ называется пространство, въ которомъ дѣйствуютъ магнитныя силы.

въ видѣ спирали, по которой идетъ токъ, а еще лучше соленюидъ съ желѣзнымъ стержнемъ внутри, то подѣ дѣйствіемъ магнитнаго поля, здѣсь образующагося, тѣнь креста начинаетъ вращаться на своей оси, уменьшаясь въ то же время въ объемѣ и, совершивъ полный оборотъ, превращается въ темную точку. Когда она исчезаетъ, на ея мѣстѣ появляется новая большая вращающаяся тѣнь.

Долго думали, что катодные лучи могутъ существовать только въ трубкѣ и при томъ только въ случаѣ большого разрѣженія, находящагося въ ней воздуха. Но въ 1894 г. Ленарду удалось доказать опытнымъ путемъ, что катодные лучи могутъ быть выпущены изъ Круксовой трубки наружу. Для этого Ленарду служила трубка, въ которой противъ катода было сдѣлано отверстіе, герметически закрытое очень тонкимъ листочкомъ алюминія въ 0,003 миллиметра толщиной. Сквозь такое алюминиевое окошечко катодные лучи проникали наружу и могли быть изслѣдованы внѣ трубки. Эти лучи, названные Ленардовыми лучами, оказались со всѣми признаками потока отрицательно-наэлектризованныхъ частичекъ. Лучи Ленарда обладаютъ всѣми свойствами катодныхъ лучей, т. е. они отклоняются магнитомъ, обладаютъ способностью производить химическое дѣйствіе на фотографическую пластинку, проникать сквозь различныя вещества, что изслѣдовалось при помощи фосфоресцирующаго экрана и разряжать электроскопъ, заряженный положительнымъ электричествомъ. Хотя работа Ленарда осталась не замѣченной публикой, но въ глазахъ физиковъ она имѣла очень важное значеніе, выразившееся въ ноябрѣ 1895 года открытіемъ, которымъ наука обязана профессору Вюрцбургскаго университета Конраду Рѣнтгену (K. Roentgen).

Открытіе Рентгена заключалось въ слѣдующемъ: Круксова трубка, находясь въ ящикѣ, непрозрачномъ для обыкновеннаго свѣта, заставляла фосфоресцировать экранъ, покрытый солью платино-сиенеродистаго барія, и оказывала химическое дѣйствіе на фотографическую пластинку. Послѣ нѣсколькихъ дней предварительныхъ опытовъ онъ опредѣлилъ главные свойства полученнаго явленія, которое онъ назвалъ x—лучами (якъс—лучами), но, вѣроятно, за нимъ всегда останется названіе лучей Рентгена. Они не поддаются вліянію магнита, т. е. имъ не отклоняются, какъ катодные, въ высокой степени обладаютъ способностью возбуждать люминисценцію ¹⁾ и проникать черезъ тѣла, не прозрачныя для обыкновеннаго свѣта.

Падая на наэлектризованное тѣло, они разряжаютъ его почти моментально, безразлично, будетъ ли то зарядъ положительный или отрицатель-

¹⁾ Люминисценціей называется самосвѣченіе тѣла безъ замѣтнаго повышенія его температуры.

ный, и окружающий воздух, в обычных условиях—хороший изолятор, дѣлаютъ проводникомъ электричества ¹⁾).

Свѣтовое явленіе, открытое Рентгеномъ, названо „лучами“, но эти „лучи“ не обладаютъ свойствами, присущими свѣтовымъ лучамъ в общепринятомъ смыслѣ этого слова, хотя бы и невидимымъ, какъ зафіолетовые. Лучомъ называется то направленіе, по которому распространяется колебательное движеніе частицъ свѣтового зенра. Такіе лучи могутъ отражаться отъ полированной поверхности, преломляться, проникая изъ одной среды въ другую и подвергаться поляризаціи и интерференціи. Лучи же Рентгена этими свойствами не обладаютъ и хотя отражаются, но неправильно, т. е. не такъ, какъ отражаются лучи тепловые, видимые и невидимые (зафіолетовые) свѣтовые.

Дѣйствіе лучей Рентгена увеличивается какъ при возрастаніи силы пучка катодныхъ лучей, такъ и при увеличеніи разрѣженія в трубокѣ, в которой упругость оставшагося газа измѣняется обыкновенно миллионными долями атмосфернаго давленія ²⁾).

Лучи Рентгена, повидимому, образуются вслѣдствіе разрушенія катодныхъ лучей. Они возникаютъ в томъ мѣстѣ Круксовой трубки, гдѣ пучокъ катодныхъ лучей ударяется объ ея поверхность или еще лучше о какой-нибудь твердый металлъ, какъ, напримѣръ, платина. Поэтому в современныхъ Рентгеновскихъ трубкахъ, приблизительно в центрѣ, помещается платиновая пластинка Т, которая называется антикатодомъ и служитъ источникомъ распространенія x —лучей (рис. 7).

Относительно природы Рентгеновыхъ лучей было сдѣлано нѣсколько предположеній. Самъ Рентгенъ, какъ и большинство нѣмецкихъ физиковъ, предполагалъ, что x —лучи состоятъ изъ колебаній зенра, подобныхъ свѣтовымъ, но съ чрезвычайно малою длиною волны, именно, по измѣреніямъ Хага и Виндъ, впоследствии, однако, не подтвердившимся, около одной десятиллионной доли миллиметра; тогда какъ видимые свѣтовые лучи имѣютъ длину волнъ отъ 4 (фіолетовые) до 8 (красные) десятитысячныхъ долей миллиметра.

На родинѣ же Крукса установилось представленіе объ этомъ явленіи, какъ о потокѣ весьма тонкой заряженной матеріи, отлетающей отъ катода, и англійскій физикъ Стокесъ (Stokes), придерживаясь матеріальной теоріи какъ катодныхъ, такъ и x —лучей, усматриваетъ в лучахъ Рентгена распространеніе в пространствѣ электрическихъ импульсовъ, воз-

¹⁾ Наэлектризованное тѣло теряетъ свой зарядъ и подъ дѣйствіемъ зафіолетовыхъ лучей свѣта, но только в томъ случаѣ, если оно заряжено отрицательно.

²⁾ За нормальную величину атмосфернаго давленія принимается давленіе барометрическаго столба ртути в 76 сантиметровъ высоту.

буждающихся вслѣдствіе потери катодными лучами при столкновеніи ихъ съ поверхностью трубки или антикатада свойственной имъ электромагнитной энергіи.

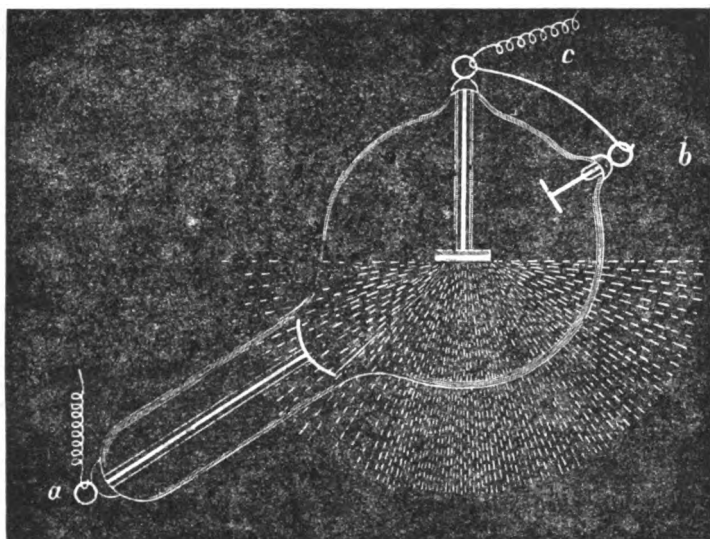

Рис. 7.

Исслѣдованія, произведенныя съ цѣлью выясненія природы χ —лучей, привели въ началѣ 1896 г. французскаго ученаго Беккереля ¹⁾ (Henry Becquerel) къ открытію новаго рода лучей, названныхъ его именемъ. Онъ нашелъ, что уранъ и его соли испускаютъ лучи, обладающіе способностью дѣйствовать на фотографическую пластинку, закрытую листомъ черной бумаги или алюминія, даже при полной темнотѣ, разсѣивать зарядъ электроскопа, проникать черезъ непрозрачныя тѣла, отклоняться магнитомъ и вызывать фосфоресценцію. Последнее свойство лучей Беккереля особенно замѣчательно. Это явленіе не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенной фосфоресценціей, которая проявляется у тѣлъ съ опредѣленнымъ химическимъ составомъ, послѣ ихъ освѣщенія лучами солнца или подъ влияніемъ химическихъ процессовъ. Напримѣръ, сѣрный цинкъ фосфоресцируетъ только въ томъ случаѣ, если онъ приготовленъ въ опредѣленныхъ условіяхъ; достаточно его подвергнуть окисленію и онъ теряетъ способность фосфоресцировать. Иначе дѣло происходитъ съ ураномъ. Онъ сохраняетъ свою радіо-активную способность при всякихъ условіяхъ

¹⁾ С. R. t. 122 pp. 420, 501, 550, 680, 762, 1086.

и во всякихъ соединеніяхъ, и интенсивность радіаціи зависитъ только отъ его количества.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи лучей Беккереля оказалось, что они по своимъ свойствамъ ближе къ катоднымъ лучамъ, чѣмъ къ лучамъ Рентгена, и вышеупомянутый Стоксъ считаетъ ихъ явленіемъ промежуточнымъ между x —лучами и обыкновенными свѣтовыми. Эвирныя колебанія, производимыя молекулами урана, по выраженію Стокса, „достаточно неправильны, чтобы пройти сквозь черный картонъ, и достаточно правильны, чтобы обнаружить свойство преломленія“.

Послѣ цѣлаго ряда изслѣдованій надъ радіоактивностью урана супругамъ—физикамъ Кюри (Curie) удалось изъ урановой смоляной руды выдѣлать препараты солей висмута и барія, своею радіоактивностью превосходящія радіоактивность урана въ 50.000 разъ ¹⁾. Тѣ гипотетическіе элементы, которые сопровождаютъ полученные такимъ образомъ висмутъ и барій и обладаютъ столь высокой степенью излученія, Кюри назвали полоніемъ и радіемъ, изъ которыхъ полоній сопутствуется висмутомъ, а радій—баріемъ. Въ связи съ этими работами находится изслѣдованіе Дебьерна ²⁾ (Debiègne), который получилъ препаратъ, сопровождаемый окисью торія и обладающій также большой радіоактивностью (въ 5000 разъ больше урана). Онъ предположилъ въ немъ существованіе новаго активнаго элемента, который онъ назвалъ актиніемъ, но новизна его въ качествѣ простаго химически неразложимаго тѣла еще не доказана. Характеръ лучей радія особенно поразителенъ главнымъ образомъ потому, что онъ обнаруживаетъ громадный расходъ энергій, а источникъ ея представляеть до сихъ поръ полную загадку.

Радій получаетъ въ видѣ хлористаго и бромистаго соединеній, о которыхъ только дальше и говорится. Радій принадлежитъ къ той же группѣ металловъ, какъ кальцій, стронцій и барій. Его атомный вѣсъ, по изслѣдованіямъ Рунге и Прехта ³⁾ (Runge und Precht), вѣроятно, около 258. Столь огромнаго атомнаго вѣса химія до сихъ поръ не знала. Если же принять атомный вѣсъ радія по опредѣленію супруговъ Кюри за 225, что, повидимому, ближе къ истинѣ, то въ извѣстной таблицѣ Д. И. Менделѣева радій помѣстится въ одномъ столбцѣ съ кальціемъ, стронціемъ и баріемъ и въ одномъ рядѣ съ ураномъ и торіемъ. Такимъ образомъ этотъ послѣдній рядъ составляетъ какъ бы особое семейство радіоактивныхъ веществъ. Число 225, принятое французскими физиками, какъ разъ соотвѣтствуетъ свободному мѣсту въ періодической системѣ Д. И. Менделѣева; слѣдова-

¹⁾ C. R. t. 127 p. 175, p. 1205. (1898 года).

²⁾ C. R. t. 129 p. 593. (1899 года).

³⁾ Phys. Zeitschr. 4. S. 285 (1903 года).

тельно, радій какъ бы предусматривался системою нашего знаменитаго химика. Элементарность радія строго доказывается также и спектральнымъ анализомъ, такъ какъ спектръ солей его ¹⁾ даетъ нѣсколько новыхъ линій, прежде не наблюдавшихся, изъ которыхъ 3 линіи принадлежать къ характернымъ: 2 красныхъ и одна синія.

Полученіе чистаго радія чрезвычайно затруднительно, о чемъ можно судить по тому обстоятельству, что изъ одной тонны (61 пуд.) урановой смоляной руды (Pechblende) можно добыть только 2 дециграммовъ чистаго радія. За послѣдніе четыре года со времени его открытія добыто бромистаго радія во всемъ мірѣ не болѣе 500 граммовъ. Этимъ обуславливается его громадная стоимость — одинъ фунтъ его стоитъ около полутора милліона рублей.

Многочисленныя изслѣдованія солей радія опредѣленно установили, что онъ испускаетъ разные лучи. Прежде всего отмѣтимъ свѣтовые лучи; вслѣдствіе этого радій свѣтится на подобіе ивановскихъ червячковъ, но только слабѣе. Большее значеніе представляютъ его Беккерелевскіе лучи, которые по своимъ свойствамъ могутъ быть раздѣлены на 3 рода, обозначаемые по предложенію американскаго физика Рудерфорда (Rutherford) ²⁾ греческими буквами α , β и γ . Общія свойства, принадлежащая всемъ тремъ группамъ лучей, состоятъ въ томъ, что 1) они, подобно лучамъ катоднымъ и Рентгеновскимъ, разряжаютъ наэлектризованныя тѣла, 2) производятъ химическое дѣйствіе на фотографическую пластинку и проходятъ черезъ среды, непрозрачныя для обыкновеннаго свѣта, и 3) вызываютъ фосфоресценцію нѣкоторыхъ тѣлъ.

Въ концѣ 1899 года Мейеръ и Швейдлеръ ³⁾ въ Германіи и Беккерель ⁴⁾ во Франціи нашли свойства, обнаруживаемыя лучами радія въ сильномъ магнитномъ полѣ и состояція въ томъ, что каждая группа лучей отклоняется въ особую сторону. Это позволяетъ легко отличить одну группу отъ другой и даже фиксировать ихъ на фотографической пластинкѣ.

Если свинцовую чашечку *P* (рис. 8), содержащую радій *R*, внести въ сильное магнитное поле, направленное перпендикулярно къ плоскости чертежа, то одна часть лучей отклоняется совершенно такъ, какъ отклонились бы катодные лучи въ тѣхъ же условіяхъ; это β —лучи. Другая часть отклоняется гораздо слабѣе и въ противоположную сторону; они называются лучами— α . Наконецъ, третій сортъ лучей, которые подобно лучамъ Рентгена совсѣмъ не отклоняются, называются γ —лучами. Если подъ со-

¹⁾ С. R. t. 129. p. 716. 1899.

²⁾ Phys. Zeits. 4. № 8. S. 285. 1903.

³⁾ Phys. Zeitschrift. № 10. S. 113. 1899.

⁴⁾ С. R. t. 129. pp. 996, 1201. 1899.

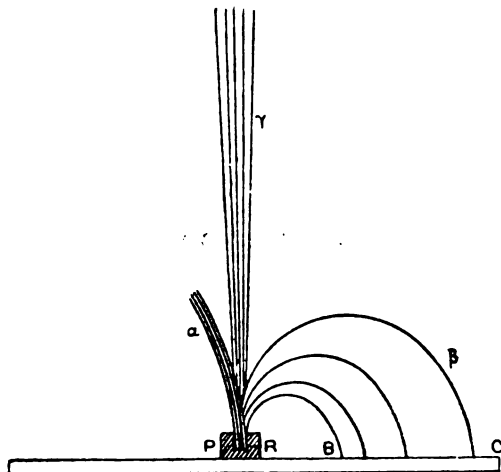

Рис. 8.

судякъ *P* положимъ фотографическую пластинку, то на части ея *BC* β —лучи оставляютъ слѣдъ, между тѣмъ какъ α —лучи будутъ поглощены воздухомъ и до пластинки не дойдутъ.

Лучи этихъ трехъ сортовъ, отличаемые по дѣйствию на нихъ магнитнаго поля, различаются также и по степени поглощенія ихъ тонкими металлическими листочками. Такъ, пластинка алюминія въ 0,05 миллиметра толщиною полностью поглощаетъ α —лучи и часть β —лучей, но совершенно пропускаетъ γ —лучи. Въ силу этого пластинка алюминія толщиною даже въ 2 миллиметра гораздо прозрачнѣе для послѣднихъ изъ нихъ, чѣмъ самое „прозрачное“ (на обычномъ языкѣ) стекло въ 1 дюймъ толщиною.

Такимъ образомъ, радій, благодаря своему свойству дѣйствовать на фотографическую пластинку, можетъ успѣшно конкурировать съ другими подобными же активными дѣятелями, но съ той разницей, что вольтова дуга, активная своими зафіолетовыми лучами, и Рентгеновская трубка— x —лучами, требуютъ затраты громаднаго количества энергій, а радій даетъ ее самопроизвольно, помимо нашей воли, проникая сквозь дерево, металлы, картонъ и тому подобныя тѣла и тѣмъ разрушая установившіяся понятія о непрозрачности ихъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ трехъ группъ лучей отдѣльно.

Лучи— α обладаютъ малою способностью проникать сквозь тѣла, сильно поглощаются стекломъ, слюдою, воздухомъ и т. п. и состоятъ изъ потока матеріальныхъ частицъ, заряженныхъ положительнымъ электричествомъ. Последнее обстоятельство позволяетъ ихъ считать подобными лучамъ Гольд-

штейна, такъ называемымъ, закатоднымъ (Cathalstrahlen, les rayons-cathodiques) ¹⁾.

Лучи— β , обладая всеми общими свойствами урановыхъ лучей Беккереля, обнаруживаютъ ихъ въ меньшей степени, чѣмъ α —лучи; только способность ихъ проникать черезъ тѣла значительнѣе. Они представляютъ собою потокъ вещественныхъ частицъ, заряженныхъ отрицательно, и этимъ свойствомъ приближаются къ катодному потоку, возникающему естественно и существующему постоянно безъ видимой затраты какой-либо энергіи. Каждая изъ частицъ, составляющихъ этотъ потокъ, по своимъ размѣрамъ почти въ 1000 разъ меньше водороднаго атома, который можно представить себѣ въ формѣ шара съ радіусомъ въ одну стомилліонную долю миллиметра.

Наконецъ, γ —лучи обладаютъ въ высокой степени способностью проникать черезъ тѣла и не отклоняются магнитомъ. Чтобы прослѣдить ихъ, употребляется слѣдующій способъ, примененный впервые Villard'омъ: отводить лучи— β магнитомъ въ сторону, а лучи— α поглощаютъ соответственнымъ экраномъ; дѣйствіе наружу сохраняютъ при подобныхъ условіяхъ только γ —лучи. Они по преимуществу обладаютъ свойствомъ создавать благоприятныя условія для разряда заряженныхъ тѣлъ черезъ искру.

Таковы свойства, присущія Беккерелевскимъ лучамъ, которые испускаютъ радиоактивные элементы—уранъ, торій, ²⁾половій и радій. На основаніи своихъ наблюденій Беккерель пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

уранъ	испускаетъ	лучи β и γ ,
торій	„	„ α и β ,
половій	„	только лучи α ,
радій	„	лучи α , β и γ .

Биологическое дѣйствіе лучей радія очень разнообразно. Подъ вліяніемъ ихъ листья желтѣютъ, а зерна теряютъ свою способность произрастать. Дѣйствіе на эпидерму бываетъ очень опасно и аналогично дѣйствію на нее лучей Рентгена. Въ томъ мѣстѣ кожи, на которой падали лучи, черезъ нѣкоторое время (различное, смотря по ея чувствительности) появляется краснота; недѣли черезъ двѣ образуется глубокая рана, трудно поддающаяся заживленію. Два случая, бывшіе въ Петербургѣ, требовали около 6 мѣсяцевъ настойчиваго леченія. Еще болѣе рѣшительное вліяніе

¹⁾ Закатодные лучи представляютъ собою потокъ положительно заряженныхъ матеріальныхъ атомовъ того газа, который находится въ Круксовой трубкѣ, направленный въ сторону, противоположную движенію катодныхъ лучей. Это обнаруживается при употребленіи катода со сквозными въ немъ отверстиями (Philosophical Transaction of Royal Society, 1901, vol. 196 p. 525).

лучи радія оказываютъ на нервную систему, напр., мышей и крысъ, вызывая параличи и убивая ихъ меньше, чѣмъ въ сутки.

Крайне интересны дѣйствія радія на глаза. Чашечка съ радіемъ, помещенная въ совершенно непрозрачную картонную коробочку и приложенная къ виску, вызываетъ свѣтовое ощущеніе. Въ глазахъ не получается отчетливаго изображенія и чашечка не видна, но онъ какъ бы наполняется свѣтомъ. Прикладывать ее прямо къ глазу, конечно, опасно.

Убийственное дѣйствіе Беккерелевскихъ лучей на бактеріи извѣстно уже давно. Въ послѣднее же время былъ установленъ одинъ въ высшей степени важный фактъ: лучи радія разрушаютъ ядъ собачьяго бѣшенства. Какъ извѣстно, ядъ бѣшенства скопляется, главнымъ образомъ, въ мозгу спинномъ и головномъ. Если привить кусочекъ пораженнаго бѣшенствомъ мозга здоровымъ животнымъ, то у нихъ появляется бѣшенство. Если же куски эти подвергнуть предварительно дѣйствію лучей радія, то послѣ прививки ихъ нормальнымъ животнымъ послѣдніе не заболѣваютъ.

Лучи радія дѣйствуютъ на цѣлый рядъ органическихъ веществъ. Этимъ объясняется его примѣненіе въ леченіи злокачественныхъ опухолей—волчанки и рака. Число удачныхъ случаевъ заживленія язвъ, сопровождающихъ эти болѣзни и отличающихся упорствомъ, со дня на день увеличивается, и радій ескорѣ, вѣрнѣе, приобрететъ все права гражданства въ практической медицинѣ.

Среди свойствъ радія необычайно интересно самопроизвольное выдѣленіе имъ теплоты. Насколько накаливаніе металловъ въ Круксовой трубкѣ, подъ дѣйствіемъ катоднаго потока, сопровождается очевидной для насъ затратой электрической энергіи, настолько необъяснимо тепловое дѣйствіе радія, вслѣдствіе котораго его температура всегда выше температуры окружающаго воздуха примѣрно на $1,5^{\circ}$ Ц. Изъ калориметрическихъ измѣреній Кюри и Лаборда (Curie et Laborde), которые и открыли это безпримѣрное въ физикѣ явленіе, слѣдуетъ, что количество бромистой соли радія, заключающее 1 граммъ чистаго радія, развиваетъ 100 малыхъ калорій въ часъ, т. е. такое количество тепла, которое въ продолженіе одного часа въ состояніи нагрѣть 1 граммъ воды отъ 0° до кипѣнія (100° Ц.). Изъ всѣхъ явленій, вызываемыхъ лучами радія, развитіе имъ столь громаднаго количества тепловой энергіи представляется, можетъ быть, наиболѣе замѣчательнымъ какъ по величинѣ ея, такъ и по неожиданности ея появленія. Такое выдѣленіе тепла не сопровождается никакими химическими измѣненіями тѣла, или же это измѣненіе, если оно существуетъ, совершается столь медленно, что недоступно наблюденіямъ одного экспериментатора: человеческая жизнь слишкомъ коротка, чтобы подобное измѣненіе могло быть замѣчено. Это явленіе не имѣетъ ничего себѣ аналогич-

наго въ исторіи развитія науки, которую теперь болѣе, чѣмъ когда-либо нельзя считать законченною.

Остается указать еще на одно удивительное явленіе, чрезвычайно важное для пониманія радиоактивности веществъ.

Многія неактивныя тѣла (металлы, стекло, кожа, бумага, вода, газы и даже листья растений), находясь нѣкоторое время въ одномъ сосудѣ съ солями радія (равно какъ торія и полонія) или даже только вблизи ихъ, сами становятся временно радиоактивными, т. е. испускаютъ луча, дѣйствующіе на фотографическую пластинку ¹⁾, снимающіе зарядъ съ электроскопа и т. д. ²⁾. Радиоактивность, полученная неактивнымъ веществомъ черезъ соприкосновеніе или освѣщеніе лучами вещества активнаго, называется индуцированной радиоактивностью. Если тѣло, получившее такую радиоактивность, держать въ закупоренномъ сосудѣ, то оно теряетъ половину своей активности только черезъ четверо сутокъ, а въ открытомъ воздухѣ—черезъ полчаса. Условія возникновенія наведенной (вторичной) активности таковы, что Рудзерфорду, изучавшему это явленіе на торіи, пришлось для объясненія его предположить существованіе особой формы энергіи, присущей радиоактивнымъ веществамъ. По мнѣнію Рудзерфорда, эта энергія связана съ какимъ-то дѣятельнымъ выдѣленіемъ, имѣющимъ характеръ газа и названнымъ по его предложенію эманацией ³⁾. Эманации радія въ извѣстныхъ условіяхъ сами могутъ свѣтиться и вызывать свѣченіе другихъ тѣлъ, каковы, напримѣръ, фосфоресцирующіе экраны платино-сине-

1) С. В. t. 129. p. 714.; С. В. t. 132. p. 548.

2) Изъ всѣхъ свойствъ лучей, испускаемыхъ радиоактивными веществами, наилучше изучена ихъ способность дѣлать воздухъ проводникомъ электричества и вслѣдствіе этого разряжать заряженный электроскопъ. Это объясняется тѣмъ, что самые малые электрическіе заряды поддаются очень точному измѣренію. Поэтому въ настоящее время этимъ свойствомъ данныхъ лучей и пользуются всегда для опредѣленія степени радиоактивности.

3) Эманация (по латински—истеченіе)—философскій терминъ, означающій происхожденіе и развитіе низшаго изъ высшаго, болѣе простаго изъ болѣе сложнаго. Въ примѣненіи къ радиоактивнымъ явленіямъ подъ эманацией стали разумѣть явленіе, состоящее въ отщепленіи отъ радиоактивнаго вещества какаго-то сильно летучаго выдѣленія и походящее на испареніе металловъ при обыкновенной температурѣ, вслѣдствіе котораго мы чувствуемъ, напримѣръ, запахъ мѣди. При этомъ явленіе эманации отличается отъ лучеиспусканія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова тѣмъ, что эманации распространяются не только прямолинейно, какъ лучи, а проникаютъ въ пространство какъ-бы посредствомъ диффузіи, свойственной матеріальнымъ частицамъ. (Philosophical Magazine; серия 5-я; № 49 стр. 161, Journal of Chemical Soc. London. № 81 стр. 321.).

роднатога барія или сѣрнистаго цинка (экранъ Sidot). Это явленіе самосвѣченія при обыкновенной температурѣ представляетъ собою непонятные до сихъ поръ физико-химическіе процессы, возбуждаемые эманацией радія. Эманации оказываютъ химическое вліяніе на различныя тѣла и даже на стекло трубки, въ которой препаратъ радія содержится. Стекло окрашивается въ красноватый, а затѣмъ фіолетовый цвѣтъ и, наконецъ, совсѣмъ чернѣть. Подобныя явленія дали Рулзерфорду право заключить о матеріальности эманаций и объяснить явленіе наведенной радиоактивности тѣмъ, что эманации радія, свободно распространяясь въ пространствѣ, какъ тоичайшія газы, осаждаются на окружающихъ тѣлахъ и поглощаются ими.

Опытами установлено, что наведеніе радиоактивности на какомъ-либо тѣлѣ усиливается, если оно заряжено отрицательнымъ электричествомъ. Рядомъ интересныхъ опытовъ Elster и Geitel ¹⁾ показали, что воздухъ, которымъ мы дышемъ, особенно въ погребахъ и подвалахъ, радиоактивенъ. Большою радиоактивностью обладаетъ также воздухъ, взятый непосредственно изъ почвы съ глубины 2—3 метровъ. Своею радиоактивностью онъ, очевидно, обязанъ радиоактивнымъ веществамъ, содержащимся въ нѣдрахъ земли. Находясь въ постоянномъ общеніи съ надпочвеннымъ воздухомъ, онъ сообщаетъ радиоактивность и окружающей насъ атмосферѣ, что и было обнаружено слѣдующимъ опытомъ вышеозначенныхъ экспериментаторовъ—Эльстера и Гейтеля. Для этой цѣли была натянута проволока длиною около 20 метровъ и въ теченіе трехъ часовъ поддерживалась сильно заряженной отрицательнымъ электричествомъ. Послѣ этого ее подвергли испытанію и она обнаружила такія же явленія, какъ и радиоактивная урановая смола съ поверхностью въ нѣсколько квадратныхъ сантиметровъ. Громадное научное значеніе этихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что они указываютъ на возможность полученія радиоактивной энергіи изъ доступнаго для всѣхъ неисчерпаемаго источника.

Матеріальный характеръ эманаций радиоактивныхъ веществъ можно показать слѣдующимъ простымъ опытомъ, произведеннымъ итальянскимъ ученымъ Селла (Sella). Воздухъ, замкнутый въ сосудѣ, онъ подвергалъ въ теченіе долгаго времени дѣйствію эманаций торія и воздухъ становился радиоактивнымъ. Если же его профильтровать черезъ вату, то онъ теряетъ свою радиоактивность, но за то ее пріобрѣтаетъ вата. При сжиганіи ея получается радиоактивная зола. Разъ допускается матеріальность эманационныхъ частицъ, казалось бы возможнымъ прямое опредѣленіе потери вѣса, которую претерпѣваетъ вещество, излучающее эманации, но всѣ произведенныя до настоящаго времени наблюденія не даютъ достаточнаго

¹⁾ Wied. Annal. 4. Folge. 2. S.425. 1900.

основанія съ увѣренностью говорить о замѣтныхъ измѣненіяхъ его. Есть сообщеніе Гейдвейлера (Heydweiller) ¹⁾, стоящее до сихъ поръ особнякомъ, что 5 граммовъ радиоактивнаго вещества (смѣси хлористаго барія съ хлористымъ радіемъ), находившіеся въ запаянной трубкѣ, терали въ своемъ вѣсѣ въ теченіе 24 часовъ около 0,02 миллиграмма. Однако, Рудзерфордъ предполагаетъ, что эта потеря могла происходить не только отъ дѣйствительнаго уменьшенія вѣса самого радія, но и отъ уменьшенія вѣса трубки подъ влияніемъ химическаго процесса, происходящаго въ стеклѣ ея и проявляющагося ея почернѣніемъ.

Относительно химической природы эманаций Рудзерфордъ ²⁾ пришелъ къ заключенію, что онѣ представляютъ газообразныя вещества одного порядка съ аргономъ, геліемъ и другими элементами аргонной или нулевой группы въ періодической системѣ проф. Д. И. Менделѣева ³⁾.

Химическое изученіе эманаций, произведенное Рамзаемъ, показало, что дѣйствія ихъ сходны съ тѣми, которыя вызываются солями радія; напр. если заключить смѣсь эманаций радія съ кислородомъ въ стеклянную трубку, то стекло ея по истеченіи нѣсколькихъ часовъ получаетъ фіолетовую окраску, а затѣмъ чернѣетъ и при этомъ было замѣчено, что степень пустоты въ трубкѣ понижается (Кюри).

При очень низкой температурѣ, напримѣръ, въ присутствіи жидкаго воздуха (-190° Ц.), эманация радія уплотняется и посредствомъ насоса особеннаго устройства можно ихъ выкачивать изъ сосуда, въ которомъ онѣ находятся, при чемъ въ темной комнатѣ видно простымъ глазомъ ихъ движеніе въ трубкѣ насоса.

Спектральныя изслѣдованія газовъ, выделяющихся изъ воднаго раствора бромистаго радія (Рудзерфордъ, Содди, Рамзай, Демарсэ, сэръ Гэггинсъ и лэди Гэггинсъ) дали извѣстный уже спектръ гелія, содержащій, кромѣ всѣхъ соответствующихъ этому газу линій, еще три неизвѣстныя линіи, въ настоящее время приписанныя радію; на основаніи этого было сдѣлано смѣлое предположеніе, что гелій, можетъ быть, представляетъ собою продуктъ распада атомовъ радія. Мысль, что въ радиоактивныхъ веществахъ можно усмотрѣть медленное и самопроизвольное распаденіе атомовъ, появилась вскорѣ послѣ открытія Беккерелевскихъ лучей и возникла изъ идей Крукса о лучистомъ состояніи матеріи по аналогіи съ явленіемъ электролиза ⁴⁾.

¹⁾ Physikal. Zeitschr. 4. № 2. S. 81. 1902.

²⁾ Proceedings of Chemical Society № 18 p. 2—5.

³⁾ Къ этой группѣ, кромѣ аргона и гелія, отнесены недавно открытыя въ атмосферномъ воздухѣ газы—неонъ, ксенонъ и криптонъ.

⁴⁾ Электролизомъ называется разложеніе химически сложнаго вещества при прохожденіи черезъ него электрическаго тока. Такое названіе

Гелий (отъ ἥλιος—солнце) представляет собою одинъ изъ самыхъ легкихъ газообразныхъ элементовъ. Онъ былъ открытъ въ 1868 г. Локайеромъ въ фотосферѣ солнца и его нахожденіе на землѣ не предполагалось. Однако, спустя много лѣтъ, Рамзай въ 1895 г. нашелъ его въ минералѣ клеверитѣ, въ составъ котораго входитъ уранъ. А нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ тотъ же Рамзай въ сотрудничествѣ съ Содди, изучая спектръ эманаций радія, видѣлъ, какъ въ изслѣдуемомъ имъ спектрѣ появились спектральныя линіи гелія, т. е. одно вещество превратилось на его глазахъ въ другое. Это наблюденіе произвело въ ученomъ мѣрѣ большую сенсацию тѣмъ болѣе, что открытіе Рамзая было скоро подтверждено крупнѣйшимъ современнымъ авторитетомъ по спектральному анализу, предсѣвателемъ Лондонскаго Королевскаго общества, сэромъ Гэггинсомъ. Въ настоящее время на эманации радія обращены взоры всѣхъ естествоиспытателей и изслѣдованія ведутся съ лихорадочною скоростью. Огромное значеніе этого открытія состоитъ въ томъ, что оно даетъ экспериментальное основаніе новѣйшихъ представлений о природѣ химическихъ элементовъ и, можетъ быть, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на источникъ энергіи, обнаруживаемой радиоактивными явленіями.

Фактъ выдѣленія радіемъ эманаций и еще болѣе происхожденіе изъ него гелія доказываютъ мысль, высказанную Круксомъ еще въ 1887 году, что атомы не обладаютъ той устойчивостью, какая имъ приписывалась до послѣдняго времени атомистическою теоріею строенія вещества. Такою неустойчивостью атомовъ отличаются именно элементы съ большими атомными вѣсами ¹⁾, какъ уранъ (атомный вѣсъ его—240), торій (атомный вѣсъ—232) и радій (атомный вѣсъ—225), а это и суть наиболѣе типичныя радиоактивные элементы. Природою атомовъ опредѣляются химическія свойства элементовъ. Пока атомы ихъ не расщепляются на меньшія части, измѣненіе свойствъ простыхъ тѣлъ немисливо, такъ какъ распаденіе атомовъ лишаетъ продукты распада свойствъ того простого тѣла, отъ котораго они взяты. Повидимому, такое распаденіе и происходитъ въ радиоактивныхъ веществахъ, т. е. отъ тяжелыхъ атомовъ радиоактивныхъ тѣлъ самопроизвольно отщепляются матеріальныя частицы еще болѣе мелкія, тѣмъ сами атомы, и въ видѣ потоковъ „лучистой (радіантной) матеріи“, о которой

было дано этому явленію Фарадеемъ, открывшимъ его въ 1832 г. Разлагаемое вещество онъ назвалъ—электролитомъ, продукты разложенія молекулъ электролита—ионами.

¹⁾ Согласно атомистической теоріи атомные вѣса суть числа, выражающія взаимныя вѣсовыя отношенія атомовъ. Независимо же отъ какой бы то ни было теоріи это суть числа, показывающія, въ какихъ вѣсовыхъ отношеніяхъ (или ихъ кратныхъ) соединяются между собою элементы („Основы химіи“ проф. Менделѣева).

говорилъ Круксъ 25 лѣтъ тому назадъ ¹⁾, устремляются въ окружающее пространство. Эту лучистую матерію видятъ также и въ продуктахъ эманаций радія.

Съ этой точки зрѣнія гелій, можетъ быть, представляетъ только переходную стадію въ общемъ процессѣ распаденія атомовъ простого тѣла. Многочисленные опыты Дж. Дж. Томсона и другихъ ученыхъ привели его къ заключенію, что физическія свойства лучистой матеріи общи всякому веществу и при той небольшой плотности, какая свойственна ей, въ результатъ этого процесса получаютъ продукты, не имѣющіе ничего общаго съ элементами, которые служатъ источникомъ наблюдаемыхъ эманаций. Поэтому идея Крукса о сложности химическихъ элементовъ, состоящихъ изъ какой-то первичной матеріи („протила“), какъ будто, находитъ себѣ нѣкоторыя основанія и она ожидаетъ лишь того времени, когда ей дадутъ опредѣленное развитіе.

Теперь перейдемъ къ выясненію того, что происходитъ при расщепленіи атомовъ. Прежде всего замѣтимъ, что подобное-же явленіе происходитъ при расщепленіи молекулъ электролита на іоны. Между этими двумя аналогичными явленіями существуетъ слѣдующая разница. При электролизѣ затрачивается опредѣленное количество электрической энергій въ видѣ тока и продукты электролиза, т. е. іоны, сохраняютъ всѣ свойства тѣхъ веществъ, которыя входятъ въ составъ электролита. Въ радиоактивныхъ явленіяхъ ничего этого нѣтъ. Аналогія же заключается въ томъ что изъ электрически нейтральнаго вещества, какъ, напр., вода, при прохожденіи черезъ нее тока получаютъ заряженныя электричествомъ частицы газовъ—водорода и кислорода, при чемъ водородъ заряженъ положительно и выдѣляется на катодѣ, а кислородъ заряженъ отрицательно и выдѣляется на анодѣ.

Продукты распада радіевыхъ атомовъ также являются носителями одновременно и матеріи (тончайшее летучее вещество въ явленіяхъ эманаций), и энергій (катодный потокъ, накаливающій платину и вращающій мельничку). Такимъ образомъ, явленіе неизвѣстное нѣсколько освѣщается его сходствомъ съ явленіемъ, хорошо изученнымъ.

Для дальнѣйшаго выясненія процесса, происходящаго при распаденіи атомовъ простого тѣла, обратимъ вниманіе на способность радиоактивныхъ веществъ сообщать электропроводность такимъ тѣламъ, какъ воздухъ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ служатъ изоляторами, т. е. электричества не проводятъ. Это явленіе происходитъ, повидному, такъ, какъ

¹⁾ См. въ февральской книгѣ нашего журнала рѣчь Крукса „о строеніи вещества“ (стр. 103—111).

будто эманации радиоактивныхъ веществъ несутъ съ собою электрическіе заряды и отдають ихъ тѣламъ, на которыя онѣ осаждаются, вслѣдствіе чего эти тѣла и пріобрѣтають свойство проводимости. Но эманации радиоактивныхъ веществъ разсматриваются, какъ продукты распада ихъ атомовъ. Отсюда возникаетъ мысль, что, можетъ быть, эти продукты, называемые электронами, и являются носителями электрической энергіи. Стоней, который ввелъ это названіе, разсматриваетъ электронъ, какъ атомъ электричества, т. е., по его мнѣнію, въ явленіяхъ, напримѣръ, электролиза по отношенію къ электричеству электронъ играетъ ту же роль, какую въ явленіяхъ химическихъ исполняетъ по отношенію къ матеріи атомъ. Игакъ, электронъ представляетъ собою нѣчто, не имѣющее химической природы и по ничтожности своей массы не показываемое никакими самыми совершенными вѣсами. Электронъ съ точки зрѣнія электролиза есть зарядъ іона ¹⁾.

Согласно электронной гипотезѣ строенія вещества, предложенной Оливеромъ Лоджемъ ²⁾, химическіе атомы состоятъ изъ отрицательно заряженныхъ электроновъ, соединенныхъ съ обыкновеннымъ нейтральнымъ атомомъ, получившимъ названіе коэлектрона (Флемингъ). Когда отрицательные электроны подъ влияніемъ какого либо дѣятеля отщепляются отъ коэлектрона, то оставшаяся часть заряжается положительно.

Количество отрицательныхъ свободныхъ и неуравновѣшенныхъ электроновъ атома не велико и состоитъ изъ одного, двухъ, трехъ и т. д., сообразно съ химическою атомностью тѣла; а главная часть атома, т. е. коэлектронъ состоитъ изъ парныхъ группъ положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ поровну, почему эта часть и оказывается нейтральною.

Такой взглядъ въ настоящее время является преобладающимъ въ современныхъ гипотезахъ о строеніи вещества.

Отъ представленной точки зрѣнія, въ радиоактивныхъ веществахъ дѣйствительно происходитъ самопроизвольное расщепленіе атомовъ: отъ нихъ отрываются отрицательно заряженные электроны, устремляются въ пространство съ необычайною скоростью и наблюдаются нами въ видѣ или катоднаго потока или β — лучей. Остаточныя тяжелыя части атомовъ, получившія, вслѣдствіе отдѣленія отъ нихъ отрицательныхъ электроновъ,

¹⁾ Этотъ зарядъ равенъ числу кулоновъ, представляемому единицей, подѣленной на 10 съ 19 нулями, или иначе о величинѣ этого заряда можно судить по тому, что по угольку 16-свѣчной электрической лампы въ каждую секунду пробѣгаетъ число электроновъ равное 5 съ 18 нулями

²⁾ On electrons by sir Oliver Lodge (The Electrician). На русскомъ языкѣ взгляды Лоджа по этому предмету изложены въ журналѣ „Электричество“ за 1903 г.

положительный зарядъ и представляющія собою электролитическіе іоны, образуютъ или закатодные лучи Гольдштейна, или α — лучи.

Скорость движенія частицъ, составляющихъ α лучи, примѣрно въ 1000 разъ меньше скорости свѣта ¹⁾, между тѣмъ какъ скорость электроновъ составляетъ не меньше $\frac{1}{5}$ скорости свѣта и не больше $\frac{1}{8}$ ея.

Такая точка зрѣнія позволяетъ объяснить нѣкоторые факты изъ приведенныхъ раньше. Напримѣръ, разницей въ подвижности отрицательно заряженныхъ электроновъ и положительныхъ частицъ и объясняется происхожденіе темнаго пространства возлѣ катода въ Круксовой трубкѣ.

Іоны и электроны образуются, главнымъ образомъ, у электродовъ Круксовой трубки, т. е. у концовъ тѣхъ металлическихъ проволокъ, которыя въ нее впаяны. При этомъ электроны образуются у катода, благодаря приходящимъ сюда отъ анода положительнымъ частицамъ, которыя, продолжая свое движеніе далѣе, т. е. за катодъ, даютъ начало закатодному потоку. Сами же положительные іоны образуются у анода вслѣдствіе ударовъ прилетѣвшихъ сюда отрицательныхъ электроновъ. Вслѣдствіе разности въ скоростяхъ происходитъ неравномѣрное распредѣленіе матеріальнаго потока въ трубкѣ, обнаруживаемое нашимъ глазомъ въ видѣ темнаго катоднаго пространства ²⁾.

Признаніе матеріальности какъ катодныхъ лучей, такъ и лучей, испускаемыхъ радиоактивными веществами, обязываетъ допустить, что электроны, составляющіе эти потоки, обладаютъ нѣкоторой массой. Необходимость такого допущенія выждется на слѣдующихъ основаніяхъ. При прохожденіи тока черезъ электролитъ противоположныя по знаку электричества переносятся матеріальными частицами. А если это такъ, то явленіе электролиза доказываетъ, что матерія можетъ вступать въ соединеніе съ электричествомъ, а слѣдовательно, и электронами.

Другое основаніе вытекаетъ изъ явленія, открытаго въ 1896 году Зеemannомъ. „Явленіе Зеemана“ заключается въ томъ, что въ сильномъ магнитномъ полѣ качество свѣта, испускаемаго накаленными парами какаго-либо металла, измѣняется; именно: спектральныя линіи пара подъ вліяніемъ магнитнаго поля удваиваются или утраиваются, смотря по направлению линіи зрѣнія. Это явленіе просто объясняется, если разсматривать атомъ состоящимъ изъ двухъ частей—сравнительно большаго положительнаго ядра и очень маленькой частицы, заряженной отрицательно. Изъ данныхъ опыта опредѣляются какъ масса, такъ и зарядъ послѣдней,

¹⁾ Скорость свѣта измѣряется 300.000 километровъ въ секунду.

²⁾ J. J. Thomson. Les décharges électriques dans les gaz. Ouvrage traduit de l'anglais par Barbillon. 1900.

при чемъ оказывается, что зарядъ ея равняется заряду электрона, а масса—въ 1.800 разъ меньше массы атома водорода. Такимъ образомъ подтверждается, между прочимъ, возможность существованія массъ меньшихъ, чѣмъ атомы, а также и мнѣніе, что происхожденіе химическихъ соединеній связано съ электрическими дѣйствіями.

Хотя названіе электрона дается какъ отщепляемой массѣ, такъ и ея заряду, противорѣчія въ этомъ нѣтъ, потому что многіе опыты говорятъ въ пользу допущенія только „кажущейся“ массы электрона, инерція которой, какъ существенное свойство матеріи, есть инерція электрическаго тока, обнаруживающаяся особымъ явленіемъ, называемымъ самоиндукціей.

Воздухъ въ обычныхъ условіяхъ представляется средой, непроводящей электричества. Подъ дѣйствіемъ же ультрафиолетовыхъ лучей, которыми изобилуетъ солнечный свѣтъ, лучей радія или α — лучей, воздухъ становится проводникомъ. Проводимость воздуха уподобляется электролізу газа, который въ такомъ состояніи называется ионизированнымъ. Явленіе іонизаціи газа состоитъ въ томъ, что не только его молекулы распадаются на атомы, но и сами атомы расщепляются на отрицательные электроны и положительно заряженные матеріальныя ядра. Поэтому, если въ воздухѣ подѣ влияніемъ какого-нибудь іонизирующаго агента, какъ радій или α — лучи, происходитъ подобное расщепленіе, то электроскопъ, будетъ ли онъ заряженъ положительно или отрицательно, разряжается. Если электроскопъ заряженъ положительно, то онъ притягиваетъ отрицательные электроны, если же — отрицательно, то — положительныя ядра и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ вещество дѣлается электрически нейтральнымъ, разряжается. Эту теорію математически обосновалъ Д. Д. Томсонъ и въ послѣднее время онъ высказалъ мнѣніе, что проводимость металла, въ которомъ онъ предполагаетъ элементъ съ характеромъ газа, можетъ быть, также объясняется движеніемъ электроновъ, возникающихъ изъ него.

Такимъ образомъ, электроны, какъ мельчайшія составныя частицы вещества, играютъ важную роль въ тѣлахъ всѣхъ состояній и во всѣхъ явленіяхъ какъ электрическихъ, такъ оптическихъ и химическихъ. Если бы когда-нибудь удалось замѣтить проявленіе электроновъ и при отсутствіи видимыхъ электрическихъ или оптическихъ воздѣйствій, т. е. найти прямое доказательство ихъ непрерывнаго существованія и самопроизвольнаго образованія, то это имѣло бы важное значеніе для современныхъ представлений о строеніи матеріи.

Одинаковый характеръ радіацій, излучаемыхъ различными радиоактивными веществами, заставляетъ предполагать, что процессы іонизаціи могутъ происходить въ атомахъ всѣхъ веществъ, что источникъ ихъ энергіи одинъ и тотъ же и лежатъ въ самомъ же веществѣ, т. е. въ

атомахъ, его составляющихъ ¹⁾. Отсюда можно придти къ заключенію, что радиоактивностью могутъ обладать въ той или иной мѣрѣ всѣ тѣла, что и подтверждается явленіемъ индуктированной радиоактивности. Мысль эта была впервые высказана Густавомъ Лебономъ (Le Bon), который еще въ 1897 году, говоря о лучахъ Беккереля, опредѣленно утверждалъ ²⁾, что „свойства урана представляютъ собой только частный случай общаго закона“ ³⁾ „Развитію этой идеи Лебонъ посвящаетъ свою статью въ №№ 16—19 журнала „Revue Scientifique“ за октябрь 1903 г. Онъ обнаружилъ простыми опытами у многихъ тѣлъ испусканіе невидимыхъ лучей подѣ влияніемъ самыхъ разнообразныхъ агентовъ, какъ зафіолетовые лучи, свѣтъ солнца, солнечный спектръ и др. Лучеспусканіе изслѣдовалось посредствомъ электроскопа, такъ какъ всѣ лучи, получаемые при разложеніи матеріи (ионизаціи), обладаютъ способностью разряжать его. Поэтому Лебонъ признаетъ радиоактивность общимъ свойствомъ матеріи, которое проявляется совершенно новой формой энергіи, столь же распространенной въ природѣ, какъ электричество и теплота. Но далеко не всѣ тѣла обладаютъ такимъ усиленнымъ самопроизвольнымъ расщепленіемъ атомовъ, какъ радій и ему подобныя радиоактивныя вещества. Въ этомъ заключается причина, почему не каждое тѣло обнаруживаетъ свою внутреатомную (intraatomique) энергію съ такою силою, какъ эти послѣднія. Поэтому и кажется, что они надѣлены неизсякаемой самонарождающейся энергіей.

Съ цѣлью объясненія вышеописанныхъ явленій и рѣшенія вопроса объ источникѣ энергіи радиоактивныхъ веществъ былъ предложенъ цѣлый рядъ гипотезъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не лишены общаго интереса.

Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что радиоактивныя вещества накопляютъ въ себѣ необходимую для происходящихъ въ нихъ процессовъ энергію, приобрѣтая ее извнѣ путемъ поглощенія незвѣстныхъ еще солнечныхъ лучей, которые, постоянно пронизывая пространство, совершенно свободно проникаютъ во всѣ тѣла природы и потому остаются до сихъ поръ неудовными ни при какихъ изслѣдованіяхъ.

Болѣе вѣроятной представляется другая гипотеза. Съ ея точки зрѣнія матерія не постоянна и находится въ состояніи медленной эволюціи, со-

¹⁾ Rutherford. Philosophical Magazine 1903. May. p. 587. „Internal Energy of the chemical Atom“.

²⁾ Comptes rendus. 1897. p.p. 755, 892.

³⁾ По мнѣнію Томсона, высказанному въ журналѣ „The Electrician“ отъ 17 ноября 1902 г., эта идея не нова и принадлежитъ французскому ученому Nierce de Saint-Victor, 50 лѣтъ тому назадъ занимавшемуся радиоактивностью тѣхъ же солей урана, что и Беккерель.

стоящей въ тончайшихъ физико-химическихъ процессахъ, происходящихъ внутри атомовъ и на счетъ энергій, въ нихъ самихъ содержащейся. Радиоактивныя тѣла отличаются отъ остальныхъ лишь болѣе быстрою эволюціею, въ силу которой атомы претерпѣваютъ измѣненія въ своемъ строеніи, переходя постепенно изъ одного состоянія, менѣе устойчиваго, въ другое, болѣе простое, а потому и болѣе устойчивое.

Какая бы гипотеза ни принималась за наиболѣе достовѣрную, фактъ открытія радиоактивныхъ веществъ и свойствъ, ими обнаруживаемыхъ, имѣетъ огромное научное значеніе. Радиоактивныя явленія, природа которыхъ загадочна и безусловно интересна, сыграетъ выдающуюся роль въ дальнѣйшемъ развитіи физики. Они, можетъ быть, и не объяснятъ, что такое матерія, тѣмъ не менѣе открытіе ихъ представляетъ собою шагъ въ совершенно неизвѣстныя области физико-химическихъ наукъ, которыя дадутъ возможность установить новыя связи между уже ранѣе намъ извѣстными формами энергій и заставятъ еще разъ пересмотрѣть основныя представленія о строеніи вещества.

А. Н.

На Западъ.

(Изъ Германіи).

Изъ галлерей политическихъ сномороховъ.

Лѣтъ 20 тому назадъ казалось, что антисемитизму, какъ будто предстоитъ сдѣлаться очень важнымъ политическимъ факторомъ въ Германіи. Люди съ общепризнанной ученой репутаціей, какъ профессоръ Трейчке и Вагнеръ, дали ему свою санкцію. Влестящіе ораторы предоставили въ его распоряженіе свои таланты. Народныя массы стекались подъ его знамя. Изъ года въ годъ росли его голоса и мандаты. Антисемитическія газеты множились какъ грибы. Старыя и вліятельныя партіи, какъ консервативная, настолько убоялись популярности движенія, грозившаго сферѣ ихъ вліянія, что поспѣшили внести въ свои программы спеціальныя антисемитическіе пункты.

То была заря антисемитизма. Но, увы! она освѣщала лишь его ранній конецъ. Онъ носилъ въ себѣ зародыши неизлечимой болѣзни, только маскируемой яркими красками. Ему недоставало жизненной силы, которая дается только ясною и положительною программой. Нѣкоторое время массы рукоплескали ораторамъ, изображавшимъ евреевъ какъ „королей нашего времени“, и призывавшимъ къ борьбѣ съ золотымъ тельцомъ. Нѣсколько лѣтъ зачитывались газетами, на разные лады варіировавшими то положеніе, что „евреи наше несчастье“ или что „соціальный вопросъ есть еврейскій вопросъ“. Но постепенно и слушатели, и читатели начали спрашивать: гдѣ же исходъ, гдѣ же настоящее,—по ѣдкому выраженію Бисмарка,—самое вѣрное средство отъ клоповъ?.. И тутъ-то антисемитическіе герои заннудились. Ставить діагнозы,—по своему, конечно,—на это ихъ еще хватало, но опредѣлить настоящую медицину они были еще менѣе въ состояніи, чѣмъ пресловутый докторъ Эйзенгартъ.

На этомъ пунктѣ антисемитизмъ сталъ терять крушенія какъ поли-

тическая система. Этому содѣйствовала не столько высота культурнаго уровня нѣмецкаго народа, сколько то простое и трезвенное соображеніе, что быть антисемитомъ есть не болѣе какъ платоническое удовольствіе, разъ не умѣешь указать пути исцѣленія золъ, яко-бы создаваемыхъ одними евреями. Поносить евреевъ и изощрять надъ ними остроуміе—это не можетъ на долго удовлетворять даже самыхъ невзваскательныхъ людей какъ главное содержаніе партійной программы. И вотъ, политически организованные антисемиты начали постепенно вносить въ свою программу требованія, которыя рѣшительно ничего общаго съ антисемитизмомъ не имѣли. Но каждое новое положительное требованіе означало новый шагъ на пути разложенія. До тѣхъ поръ, покуда приходилось, главнымъ образомъ, доказывать, что среди евреевъ есть очень дурные элементы, господа Либерманы-фонъ-Зоненберги, Циммерманы, Раабы, Альвардты, Беккели, Келеры и tutti quanti, были согласны между собою, до тѣхъ поръ шли рука объ руку аристократы съ демократами, христіане съ атеистами, энтузіасты средняго сословія съ сторонниками социальныхъ реформъ. Но какъ только вздумали прійти къ какимъ нибудь положительнымъ пунктамъ, такъ тотчасъ обнаружались самыя глубокия внутреннія противорѣчія.

Начиная съ общихъ выборовъ 1898 года, къ внутреннему разложенію антисемитизма присоединился еще вѣншіи его упадокъ. Въ избирательныхъ округахъ, объявленныхъ ранѣе неприступными твердынями партіи, антисемиты даже не попали въ перебаллотировку. Другіе округа были удержаны лишь благодаря любезной поддержкѣ—въ цѣлу социаль-демократіи—со стороны разныхъ партій вплоть до „пропитаннаго еврейскимъ духомъ“ свободомыслія. Часть наиболѣе прочнаго достоянія партіи была утеряна; въ Гессенѣ, напримѣръ, этой колыбели антисемитизма, число антисемитическихъ голосовъ быстро понизилось. Антисемитическая пресса и по числу своихъ органовъ и по количеству подписчиковъ сильно сократилась. Въ довершеніе ко всему этому произошелъ еще и оффиціальныи расколъ „Нѣмецкой социаль-реформенной партіи“ на двѣ половины: нѣмецко-соціальную подъ главенствомъ Либермана фонъ-Зоненберга и реформенную подъ руководствомъ Циммермана. А рядомъ съ этими двумя крылами образовалось множество другихъ антисемитическихъ направленій: какъ „Нѣмецкій народный Союзъ“ господъ фонъ-Моша, Феретера и Веккеля, далѣе—партизанскія группы пресловутаго „ректора всѣхъ нѣмцевъ“ Альвардта, сторонниковъ Евгенія Дюринга, группа, имѣвшая своей спеціальной задачей провести въ парламентъ издателя берлинскаго антисемитическаго Монитера „Staatsbürgerzeitung“ г. Бруна, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, кого забавляетъ пестрота политическихъ впечатлѣній,

для того нѣтъ ничего забавнѣе калейдоскопа антисемитическихъ партійныхъ направленій.

Можно сказать, что только для самихъ антисемитовъ ихъ партійная жизнь и дѣятельность не представляли ничего забавнаго. И не удивительно: все антисемитическое движеніе въ Германіи есть сплошной рядъ переходящихъ успѣховъ, все болѣе частыхъ неудачъ, безконечныхъ внутреннихъ дрягъ, публичныхъ и парламентскихъ скандаловъ. Это неизбежно вело къ самому циническому ослепленію собственнаго дѣла, къ взаимному ослепленію вождей, къ отреченію отъ картинъ наиболѣе порядочныхъ и добросовѣстныхъ ея элементовъ и къ полному дискредитированію всего движенія. Въ какой другой партіи мыслимы такія, напр., милыя отношенія:

Дрезденскій вождь Циммерманъ въ своей газетѣ полемизируетъ съ Беккелемъ и, употребляя упомянутое выше выраженіе Бисмарка, заявляетъ, между прочимъ, что „народный союзъ Ф.-Моша владѣетъ патентомъ на единственновѣрное средство противъ клоповъ“.

Либерманъ фонъ-Зоненбергъ дѣлаетъ разныя некрасивыя разоблаченія насчетъ гешефтмахерскихъ приѣмовъ берлинской антисемитической газеты „Staatsbürgerzeitung“. Эта послѣдняя называетъ образъ дѣйствія Либермана „еврейскимъ“ и грозитъ ему закономъ о недобросовѣстной конкуренціи.

Послѣ упомянутаго раскола антисемитовъ антисемитическая газета въ Галле пишетъ: „Одно не подлежитъ сомнѣнію, что въ антисемитической партіи трусость, своекорыстіе, невѣжество и карьеризмъ оспариваютъ пальму первенства у глупости.“

Противъ Альвардта его бывшіе политическіе друзья писали впоследствии: „Противъ попытокъ Альвардта тянуть деньги изъ кармановъ нашихъ единомышленниковъ мы можемъ лишь предостеречь: Taschen zu! (руки къ карманамъ!).“

Руководители „Народнаго Союза“ упрекаютъ „Staatsbürgerzeitung“ и ея издателя Вруна въ гешефт-антисемитизмъ. На это газета отвѣчаетъ, что именно руководители Союза „исходятъ изъ того убѣжденія, что антисемитическая агитація должна прокормить своихъ слугителей.“

Литераторъ Вильбергъ, хвалящійся тѣмъ, что служитъ антисемитическому движенію 16 лѣтъ, судить о немъ слѣдующимъ образомъ: „Ни одна партія не имѣла въ своихъ рядахъ столькихъ скомороховъ, какъ наша, и ни одна партія не дастъ себя такъ вести за носъ разными фразерамъ и спекулянтамъ, какъ антисемитическая.“

Недавно умеръ извѣстный антисемитическій публицистъ Вильгельмъ Марръ. Лѣтъ 25 тому назадъ онъ опубликовалъ книжку „Побѣда еврейства надъ германствомъ“, очень много содѣйствовавшую разгару антисе-

митического движенія въ Германіи. Впослѣдствіи Марра потеряли изъ виду. И не удивительно: оказалось, что ему пришлось испытать очень много горькаго въ обществѣ его единомышленниковъ. Въ письмѣ къ своему другу онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ антисемитическую атмосферу:

„Мнѣ очень жаль ту часть нашей нѣмецкой молодежи и нашего средняго сословія, которая, благодаря нынѣшнимъ партійнымъ проискамъ, попадаетъ изъ семитическаго огня въ гешефтъ-антисемитическое полымя... Современный антисемитизмъ—гесте жульнически-гешефтмазерскій антисемитизмъ—потерялъ для меня всякій смыслъ. Онъ обманываетъ самого себя, чтобы обмануть и надуть другихъ. Онъ надувается какъ лягушка въ свазкѣ и, подобно лягушкѣ, лопнетъ. Пусть ему земля будетъ какъ можно болѣе тяжела, чтобы онъ не такъ скоро воскресъ.. Я старый третій партійный человѣкъ, но я нигдѣ еще не нашелъ такой шельмовской банды, какъ среди современныхъ гешефтъ-антисемитовъ. Объ одномъ можете вы отъ моего имени заявить, что послѣ 80 лѣтней борьбы съ еврействомъ я теперь съ отвращеніемъ, граничащимъ со рвотой, отворачиваюсь отъ всего нынѣшняго надувательски-гешефтмазерскаго антисемитизма. Я, старѣйшій изъ антисемитическихъ писателей нашего времени, отрекаюсь нынѣ отъ антисемитическаго движенія..“

Въ это тяжелое безвременье для нѣмецкаго антисемитизма объявился ему года два-три тому назадъ новый „вождь“, точно задвѣшійся цѣлью „увѣнчать зданіе“ антисемитическаго изувѣрства. Имя ему графъ Пюклеръ, владѣтель рыцарскаго помѣстья „Кl.-Tschirne.“ Одни называютъ его бестіей въ буквальномъ смыслѣ слова, другіе просто считаютъ идіотомъ. Но и онъ можетъ похвалиться извѣстной популярностью и своеобразнымъ успѣхомъ.

Чтобы монять тайну пюклеровскихъ успѣховъ, не лишне знать, чѣмъ онъ былъ и что онъ есть.

Графу Пюклеру теперь съ небольшимъ 40 лѣтъ. Еще лѣтъ 10 тому назадъ онъ былъ ретивымъ гусарскимъ офицеромъ. Въ его семьѣ замѣчаются кое-какіе піетистскіе элементы. Такъ, напримѣръ, хорошо извѣстенъ жившій въ Берлинѣ графъ Пюклеръ, котораго называли „слезливымъ графомъ“—Tränengraf, потому что онъ не могъ промолвить ни одной религіозной рѣчи безъ того, чтобы не разрыдаться. Піетизмъ же антисемитическаго графа развился въ его помѣщичью пору, когда онъ купилъ себѣ имѣніе „Малое Чирне“ и женился на внучкѣ богатаго гамбургскаго судовладельца. Молодая графиня съ ревностью принялась за „обращеніе“ своей дворни. Она основала „дѣвичій ферейнъ“ и произносила тамъ молитвы. Дочери пюклеровской дворни являлись къ господскому богослуженію, но вскорѣ научились сокращать эту процедуру, такъ какъ достаточно имъ

было заявить, что онъ чувствуютъ въ себѣ просіаніе Св. духа, и тогда онѣ могли удалиться. Необращенныя должны были оставаться долѣе. И самъ графъ вскорѣ былъ охваченъ такой же религіозной миссіей. Часто случалось, что онъ во время жатвы прискачетъ было верхомъ на конѣ, скомандуетъ, чтобы прекратили работу, и подъ открытымъ небомъ скажетъ душеспасительную рѣчь. На ряду съ религіознымъ просвѣтленіемъ его рабочихъ онъ очень пекся объ ихъ военно-патріотическомъ воспитаніи. Для этой цѣли онъ образовалъ форменную лейбъ-гвардію, одѣвалъ ее въ мундиры, сажалъ на коней и продѣлывалъ всевозможные маневры. Особенное попеченіе прилагалъ онъ къ образованію своего оркестра трубачей и музыкантовъ. Вскорѣ графъ съ своимъ отрядомъ сталъ самой популярной персоной во всей округѣ. На разстояніи трехъ миль въ окружности не было ни одного города и поселка, куда бы онъ днемъ или ночью не забирался во главѣ своей конницы съ гикомъ, шумомъ и звонкой музыкой. Противъ этого безчинства власти боролись денежными штрафами, но богатый графъ съ легкостью платилъ штрафы и еще съ большимъ азартомъ продолжалъ свои безчинства и набѣги.

Съ ростомъ „популярности“ графа росло и его честолюбіе. Онъ возмнилъ себя политикомъ и сталъ въ деревенскихъ трактирахъ проносить политическія рѣчи. Онѣ были направлены исключительно противъ евреевъ. Антисемитизмъ графа имѣлъ тройкій корень: религіозный фанатизмъ; печальныя приключенія нѣкоторыхъ его друзей съ еврейскими ростовщиками и, прежде всего, чтеніе антисемитическихъ произведеній. Успѣхъ, выпавшій на долю его антисемитическихъ рѣчей передъ публикой, которая встрѣчала евреевъ лишь въ очень рѣдкихъ экземплярахъ, побудила графа къ большимъ подвигамъ. Онъ началъ выступать въ городахъ. Газеты стали приводить отчеты о его рѣчахъ. На него обратили вниманіе берлинскіе антисемиты, которые со времени паденія Альвардта не могли предложить своей публикѣ ничего пикантнаго. Они нуждались въ сенсациі,—и Пюклеръ пришелся имъ какъ нельзя болѣе кстати. Вѣдь—какъ ни какъ—графъ, владѣтель рыцарскаго помѣстья и къ тому же богатъ. Чего же больше!..

Около графа Пюклера сгруппировались соединенные элементы, такъ называемаго „скандальнаго антисемитизма“ (Radau-Antisemitismus) съ антисемитизмомъ гешефтъ-магерскимъ (Geschäfts-Antisemitismus). Компания берлинской „Staatsbürgerzeitung“, уже давно страдающей отъ недостатка объявленій и подписчиковъ, поспѣшила выписать графа въ Берлинъ и стала почти ежедневно пускать его на подмостки народныхъ собраній. Каждое такое собраніе давало изрядный доходецъ, такъ какъ слушать графа полагалось лишь за входную плату, которая хотя и не обознача-

лась на плакатахъ, но обычнымъ порядкомъ установлена была въ размѣрѣ не менѣе 20 пфенниговъ съ персоны. У входа размѣщалось нѣсколько ражикъ молодцовъ, которые съ свирѣпой настойчивостью выскивали по 20 пфенниговъ, столь же свирѣпо устраяя каждого, кто вздумалъ бы посмотреть спектакль за нѣсколько пониженную плату. Аппеляцій не допускается, всякій протестъ противъ гнуснаго вымогательства кончается гнусной расправой антисемитическихъ выпибалъ.

Кто слушалъ Пюклера, тотъ, не будучи вполне ослѣпленъ, не могъ не воскликнуть: и это преемникъ Альвардта!.. Вѣдь Альвардтъ, какъ ни какъ, былъ очень хорошимъ ораторомъ, какъ народный ораторъ, даже сильно превосходившимъ Штеккера, потому что онъ прямѣе, непосредственнѣе, и не отличается изустствомъ и противной елейностью богобоязненнаго пастора. Онъ къ тому же очень остроуменъ и находчивъ. Мнѣ помнятся даже такія рѣчи Альвардта, въ которыхъ не было ни одного упоминанія о евреяхъ и ни одной антисемитической выходки. Это было то время, когда Альвардтъ рядомъ съ лозунгомъ: „долой евреевъ!“ поднималъ также кличъ: „долой конкеровъ!“ Способность заполнить вечеръ и занять многолюдное собраніе безъ обычныхъ аксессуаровъ жидотрепанія,— это, вѣдь, свидѣтельствовало объ извѣстномъ интеллектуальномъ цензѣ „ректора всѣхъ нѣмцевъ“.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ этотъ графъ съ фізіономіей конюха. Мнѣ случалось его встрѣчать на улицахъ городской окраины—Шарлоттенбурга. Его сопровождало обыкновенно нѣсколько псовъ, въ рукахъ держалъ онъ связку ременныхъ поводовъ и плетъ. Съ этими „орудіями убѣжденія“ въ рукахъ онъ, погруженный въ себя, какъ будто складывалъ свою ближайшую рѣчь. Глядя на него, я невольно вспоминалъ центральную формулу его рѣчей: „Dreschen, dreschen, dreschen bis die Schwarte knackt! Колотить до тѣхъ поръ, покуда шкура не треснетъ!...“ Отсюда и кличка „Dreschgraf“, подъ которой онъ сталъ извѣстенъ всему Берлину и которою онъ самъ себя величалъ на публичныхъ собраніяхъ.

Если бы я не слушалъ и не читалъ рѣчей графа, то не повѣрилъ бы, что изъ приведенной формулы и ея многочисленныхъ варіацій можно составить превосходное ампула „народнаго“ оратора. На самомъ дѣлѣ это такъ. Рѣчи Пюклера построены безъ всякой системы, въ отношеніи формы чрезвычайно монотонны, безъ фактическаго содержанія, безъ мало-мальски оригинальной мысли. Только въ одномъ онъ неподражаемый виртуозъ: въ области ругательствъ и всяческаго сквернословія. Среди нѣмецкихъ антисемитовъ есть большіе ругатели и сквернословы; взять хотя бы депутата Либермана фонъ-Зюценберга. Но этотъ грубіякъ умѣетъ пересыпать свою

руганъ блестящими своего поэтическаго дарованія (онъ пишетъ стихи и недурной журналистъ) и бурными вспышками патріотическаго энтузіазма, что до извѣстной степени затушевываетъ наготу его ругательства. У графа же эта нагота выступаетъ во всей ея неприглядности и идіотскомъ цинизмѣ такъ какъ и формальная, и идейная обстановка его центральной формулы до крайности тривіальна и безцвѣтна. Но есть въ немъ и черты скомороха, способныя очень позабавить и насмѣшить публику.

Это скоморошество и виртуозность ругателя служатъ главными причинами юклеровскихъ успѣховъ. А ругаетъ графъ подчасъ не однихъ только евреевъ. Вѣдь, какъ хотите, есть что-то необычное въ томъ, что такая титулованная особа всходитъ на публичную трибуну и передъ двухъ трехтысячной аудиторіей говорить вещи, которыя изъ страха передъ уголовщиной не рѣшится даже за пивнымъ столомъ сказать самый храбрый антисемитъ. Это, конечно, чрезвычайно импонируетъ публикѣ. Но у графа прѣвходитъ еще одинъ моментъ: религіозный. Между двумя ругательствами имѣется всегда нѣсколько библейскихъ цитатъ. Когда онъ призываетъ смерть на всѣхъ евреевъ для пробужденія нѣмецкаго народа къ истинной вѣрѣ и религіозности, то онъ несомнѣнно убѣждаетъ въ тѣсной зависимости обонхъ фактовъ. У трезваго слушателя по меньшей мѣрѣ является сострадательная улыбка отъ такого чудовищнаго сопоставленія, но на массу участниковъ юклеровскихъ собраній такое смѣшеніе юдофобства съ религіознымъ изступленіемъ дѣйствуетъ фанатизирующимъ образомъ. Эта „масса“ впрочемъ, если хотя бы взять данныя избирательной статистики, представляетъ довольно ничтожную цифру въ составѣ столичнаго населенія. Однако, нѣмецкая полиція и нѣмецкіе суды въ многочисленныхъ процессахъ, возбуждавшихся противъ графа по обвиненію въ подстрекательствахъ къ ненависти, насиліямъ и т. п., ломали себѣ голову насчетъ того, какъ отнестись къ его рѣчамъ: принимать ли ихъ въ серьезъ, признавать ли за ними какое-либо опасное дѣйствіе на слушателей или считать ихъ безвреднымъ гаерствомъ. Полицейскіе комиссары большею частью показывали, что публика не принимаетъ въ серьезъ графское краснорѣчіе; адвокаты графа, выставляя его пламеннымъ патріотомъ, объясняли его крѣпкія выраженія особенной „образностью“ его языка; нѣмецкіе суды въ большинствѣ случаевъ склонялись къ среднему рѣшенію и приговаривали графа къ денежнымъ штрафамъ и къ непродолжительнымъ срокамъ тюремнаго заключенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе идутъ слушать графа все равно какъ въ какой-нибудь потѣшный балаганъ. Такими мотивами, между прочимъ, руководятся и многіе изъ среды берлинскаго рабочаго населенія, что служить для графа поводомъ спекулировать на его симпатіи и почтѣ

въ каждой своей рѣчи дѣлать лирическія отступленія въ сторону „дорогихъ братьевъ-соціалистовъ“. Вотъ для образчика нѣсколько такихъ отступленій:

„Подымитесь и вы, соціалисты, люди изъ-подъ краснаго знамени. И вы должны быть въ нашихъ побѣдоносныхъ рядахъ, когда мы перейдемъ къ послѣдному рѣшительному и страшному штурму. Развѣйте ваши знамена, сомкнитесь въ тѣсно сплоченные батальоны и идите съ нами въ священную борьбу. Вы должны теперь шествовать патрулями по улицамъ города, поражать врага и съ тылу и съ фланга и все готовить къ рѣшительной схваткѣ. Трубите во всю мощь въ горы, трубите такъ, чтобы услышали васъ во всемъ Берлинѣ, чтобы улицы задрожали, дома поколебались, стѣны затрещали, чтобы у старой Сары появились судороги, чтобы у краснаго Манассы шкура лопнула, чтобы красный Изидоръ свалился съ своего трона, чтобы весь еврейскій Берлинъ былъ объятъ страхомъ“...

Графъ упрекаетъ далѣе своихъ „красныхъ братьевъ“ за то, что они посылаютъ въ парламентъ не только германцевъ, но и многихъ „азиатовъ“. Ваяли бы лучше вмѣсто Зингера и прочихъ азиатовъ нѣсколько крѣпкихъ кулаками кузнецовъ; эти, по крайней мѣрѣ, умѣютъ хорошенко „dreschen“, да и интересы рабочихъ были бы у нихъ въ хорошихъ рукахъ.

„Въ вашей фракціи,—прибавляетъ онъ,—есть несомнѣнно и довольно хорошіе люди. Это, прежде всего, Бебель. У него есть мужество и рѣшимость. Онъ одинъ изъ немногихъ людей, которые порой говорятъ нашему правительству всю правду. А это очень необходимо, потому что нынѣ правленіемъ называютъ то, что есть не болѣе какъ одна глупая канитель, передъ которой нельзя имѣть никакого респекта. Жаль только, что у Бебеля нѣтъ нѣсколько болѣе истинно библейской набожности и патриотизма, а то бы онъ былъ парень на славу. Засѣдай я въ рейхстагѣ, я бы навѣрное, очень облизился съ Бебелемъ. Да и странно: почему бы не итти графу рука объ руку съ представителемъ рабочаго класса!

„Вся суть въ томъ, что хочешь этимъ достигнуть. Мы, т. е. Бебель и я, въ этомъ случаѣ стали бы самымъ энергичнымъ образомъ наступать на правительство и нѣкоторымъ господамъ отъ зеленаго стола трубили бы правду съ такой силой и настойчивостью, что они попадали бы подъ столы, или шкура бы у нихъ затрещала, или бы они совсѣмъ сбѣжали безъ вѣсти, что было бы самое лучшее. Тогда мы съ Бебелемъ забрали бы правленіе въ свои руки, и будьте увѣрены, господа, это было бы славное правленіе для германцевъ и ужасное для евреевъ. Итакъ, кланяйтесь, братья, Бебелю, моему другу, и передайте ему, что я буду очень радъ, если онъ такъ-же энергично будетъ бороться противъ евреевъ. Какъ только мы одержимъ побѣду, я приглашу Бебеля на бутылку шампанскаго, и

ы будемъ гулять и пить такъ, что стѣны затрещать и столы будутъ мгнутья...“

Только что приговоренный къ 300 маркамъ штрафа за подстрекательство къ классовой ненависти, графъ Пюклеръ, послѣ нѣкоторой паузы, снова предсталъ передъ берлинской публикой. Около трехъ десятковъ полицейскихъ регулируютъ массовый притокъ слушателей къ обширной залѣ „Согласія“. Графъ будетъ говорить о „всемогуществѣ евреевъ.“ Встрѣченный шумными аплодисментами онъ привѣтствуетъ своихъ „милыхъ берлинцевъ,“ къ которымъ онъ уже неоднократно обращался съ увѣщеваніемъ о томъ, какъ серьезна и священна борьба съ еврействомъ и какъ не слѣдуетъ бросать этой борьбы, откуда это чужеземное племя не будетъ сокрушено въ конецъ...

Но многократными увѣщеваніями насчетъ „всемогущества евреевъ“ можно набить оскомину даже такой невзыскательной публикѣ, какъ „милые берлинцы“ графа Пюклера. Поэтому графъ, игнорируя объявленную тему, старается занять слушателей личными приключеніями. А приключилась съ нимъ „странная и невѣроятная исторія.“ Онъ, видите ли, какъ то провнесъ въ Саксонію публичную рѣчь, въ которой дрезденская прокуратура усмотрѣла подстрекательство къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ „judisches Gesindel“, вслѣдствіе чего было возбуждено противъ графа судебное преслѣдованіе. Но онъ не счелъ нужнымъ явиться въ судъ, который поэтому распорядился объ его заарестованіи...

... „Слушайте, слушайте!“—возмущаются июклеровскіе берлинцы неслыханной наглостью суда. Но графъ хочетъ разсказать все подробно и повѣствуетъ на потѣшномъ берлинскомъ діалектѣ:

Утромъ въ 7 часовъ явились къ нему мѣстный чирненскій приставъ и судебный служитель изъ Дрездена, заявивъ ему, что они должны его арестовать и употребить силу, если онъ не послѣдуетъ добровольно... Я былъ совершенно ошеломленъ. Какъ! арестовать меня, рыцарскаго владѣтеля и графа! Я все-таки пошелъ, сказавъ судебному служителю: Слушайте, милѣйшій, вѣдь это колоссальное безстыдство, что вы меня, графа Пюклера, задумали арестовать. Собственно говоря, я долженъ бы теперь васъ запереть въ темный погребъ моего замка!... Служитель поблѣднѣлъ... Да, да, запереть бы васъ я долженъ, чтобы вы тамъ съ недѣлку провели въ обществѣ моихъ мышей и крысъ. Тогда у васъ пропала бы охота арестовывать прусскаго рыцаря и графа!.. Мой служитель все болѣе блѣднѣлъ.. Ахъ, нѣтъ, господинъ графъ, вы бы этого не сдѣлали со мной.. Какъ, не сдѣлалъ? Жаль мнѣ только васъ... Я приказалъ запретъ экипажъ, и мы отправились къ вокзалу. На вокзалѣ я рѣшительнымъ образомъ заявилъ: Служитель, я ѣду, конечно, въ первомъ классѣ, а вы, конечно, поѣдете

въ третьемъ, въ противномъ случаѣ я вообще не поѣду.. Но, позвольте, графъ, взмолился служитель; вѣдь такъ нельзя... Ахъ, что вы плетете—нельзя; вы что воображаете, что я поѣду съ вами въ третьемъ классѣ?—Ну, тогда я поѣду съ вами въ первомъ, замѣтилъ служитель... Я, конечно, расхохотался: нѣтъ, сударь, не могу же я, прусскій рыцарь, ѣхать съ вами въ первомъ классѣ; какъ вы могли объ этомъ и подумать!... Ничего не оставалось: онъ сѣлъ въ третій, я въ первый классъ—и мы отправились въ путь. Довхавъ до Герлица, я позвалъ къ себѣ судебного служителя и заявилъ ему: Слушайте, я намѣренъ теперь предпринять энергическую попытку къ побѣгу!.. Мой служитель вскрикнулъ отъ страха: помируйте, вѣдь, это невозможно, я потеряю свою службу!.. Я снизошелъ, и мы поѣхали дальше. Въ Дрезденѣ я взялъ извозчика, и мы отправились въ „Европейскую гостиницу“, гдѣ я всегда останавливаюсь. Когда ко мнѣ явился оберъ-келльнеръ отеля, я ему сказалъ: Оберъ, я арестованъ, а вотъ здѣсь человѣкъ, меня арестовавшій. Не правда, какая чудовищная наглость—арестовать меня, прусскаго рыцаря и графа!.. Отдохнувъ, я со служителемъ отправился въ окружной судъ. Долженъ вамъ сказать, что судебное разбирательство мнѣ совсѣмъ не понравилось. Предсѣдатель суда тотчасъ спросилъ меня: признаете ли вы, что вы въ своей рѣчи сказали: каждый еврей долженъ получить колотушки?—Да, сказалъ я.—Признаете ли вы также, что вы сказали: каждого встрѣчнаго еврея нужно до смерти заколотить дубинами и цѣпами?—Да, сказалъ я.—Признаете ли вы наконецъ, что сказали: мы не желаемъ убивать евреевъ, но бить ихъ слѣдуетъ, такъ бить, чтобы шкура трещала?—Да, сказалъ я.—Ну, этого достаточно, замѣтилъ предсѣдатель. И впрямь этого было вполне достаточно, чтобы присудить меня къ 300 маркамъ штрафа. Я тотчасъ же хотѣлъ созвать публичное собраніе въ Дрезденѣ, но дрезденцы испугались и не хотѣли собраться. Я поэтому уѣхалъ, такъ какъ съ людьми, знающими страхъ, я не могу имѣть ничего общаго...

Пюклеръ вслѣдъ за этимъ рассказываетъ о другомъ своемъ дѣлѣ, разбившемся въ Берлинѣ, и горько жалуется на обращеніе съ нимъ предсѣдателя суда.. Эти господа,—замѣчаетъ онъ,—даже не понимаютъ, какъ обходиться съ подсудимыми моего ранга. Какъ прусскій владѣтель рыцарскаго помѣстья, какъ графъ и патриотъ, я требую респекта и уваженія къ моей персонѣ, и чортъ побери того, кто мнѣ отказываетъ въ этомъ уваженіи! Я стою теперь на той точкѣ зрѣнія, что нашимъ властямъ и воимъ господамъ за зелеными столами слѣдуетъ энергичнымъ и варварскимъ образомъ говорить всю правду, такъ говорить, чтобы всѣ эти людишки повалились съ своихъ мѣстъ. Не правда, какое было бы забавное зрѣли-

ще: всѣ судьи лежать подъ столомъ, а я, точно испавецъ, гордой по-ступью оставляю залъ!?

Рѣчь „графа и патриота“ то и дѣло сопровождается одобрителными вскрикиваніями слушателей, которые при послѣдней „забавной“ картинѣ приходятъ въ неописуемый восторгъ. Полицейскій комиссаръ, наблюдающій за собраніемъ, подымается съ мѣста и предлагаетъ оратору умѣрить свой-тонъ. Пюклеръ продолжаетъ: Да, да, такъ со мной обошлись судьи. И почему? Только потому, что я въ собраніи сказалъ, что слѣдуетъ выки-нуть вонъ изъ нашего отечества всю еврейскую банду и пустить ей вслѣдъ нѣсколько залповъ, чтобы она разбѣжалась, какъ зайцы. Я, конечно, ра-зумѣлъ это въ юмористическомъ смыслѣ, долженъ вамъ, однако, сказать: имѣй я власть повелѣвать изъ моего замка въ Маломъ Чирне, я бы декретировалъ: § 1. Каждый еврей можетъ быть избить; § 2. Каждый еврей можетъ быть выброшенъ и избить цѣпомъ; § 3. Каждый особенно-наглый еврей можетъ быть даже повѣшенъ... Ну, вотъ, вы смѣтаете и принимаете это за шутку. Точно также и мнѣ слѣдовало смѣяться надъ судебными приговорами, если бы въ нихъ не было печальнаго при-знака страха передъ евреями. Наши власти, точно помѣшанныя, бѣгаютъ за евреями и...

Полицейскій комиссаръ обрываетъ въ этомъ мѣстѣ оратора, покрыва-етъ голову каской, произноситъ: *Silentium!*—и объявляетъ собраніе распушеннымъ. Собравшіеся съ шумомъ подымаются съ мѣстъ, затяги-ваютъ гимнъ: „*Deutschland, Deutschland über alles!*“ и съ гнѣиемъ оставляютъ залъ...

Уже изъ собственнаго разсказа графа Пюклера видно, что его жалобы на обращеніе съ нимъ суда слишкомъ преувеличены, что бы не сказать, лишены всякаго основанія. Эпизодъ съ судебнымъ посыльнымъ служить тому явнымъ доказательствомъ. У посыльнаго, очевидно, не было строгой инструкціи доставить графа такъ, какъ доставляются всякіе иные аре-станты такъ называемаго образованнаго класса. Припомнимъ, напримѣръ, что въ Пруссіи на арестованныхъ журналистовъ и редакторовъ въ такихъ случаяхъ не стѣсняются накладывать наручники и приковывать къ раз-нымъ уголовнымъ преступникамъ, если они погрѣшили противъ „каучуко-образныхъ“ законовъ о печати. Только благодаря усиленнымъ протестамъ писательскихъ организацій и заступничеству въ парламентѣ, высшія су-дебныя власти издали въ послѣдніе годы рядъ циркуляровъ, смягчающихъ такую жестокую процедуру. Нашему же графу и патриоту ужъ совѣтъ не-пристало жаловаться на недостаточный респектъ къ его персонѣ со сто-роны судей. Это, между прочимъ, наглядно иллюстрируется и слѣдующимъ разборомъ, въ которомъ судьи проявили совершенно необычную толерант-

ность. Графъ Пюклеръ обвинялся въ томъ, что съ помощью нѣсколькихъ своихъ рабочихъ разнесъ „въ дребезги“ подвѣздной путь на землѣ, отданной имъ въ аренду одному сельскому хозяину. Графъ поступилъ такимъ образомъ потому, что за что-то обозлился на своего арендатора. Онъ считалъ это сущими пустяками и заявлялъ на судѣ, что не имѣлъ въ виду погрѣшить противъ § 305 уголовного уложенія... „Я полагалъ, что это только небольшое поврежденіе, на которое пускай себѣ жалуется арендаторъ.

Предсѣдатель суда: Вѣдь легко могло произойти несчастіе, которое лишь случайно было предотвращено однимъ рабочимъ. Вы считали себя въ правѣ разрушать подвѣздной путь?

Графъ Пюклеръ: Да.

Предсѣдатель:—Если бы вы были арендаторомъ, вы бы помирились съ такого рода дѣйствиємъ?

Графъ (смѣясь): Ну, что же? Я бы сказалъ: давай построимъ новый путь, и дѣло было бы въ шляпѣ. Я это считалъ за шутку, хотѣлъ только пошутить надъ арендаторомъ.

Предсѣдатель:—Вы сами были юристомъ?

Графъ: Да, я былъ одно время референдаромъ, но все же считалъ это шуткой безъ всякаго юридическаго значенія. Я полагаю, что въ моемъ характерѣ вообще есть что то насильственное. Къ тому же я занимаюсь теперь политикой.

Четверо рабочихъ, помогавшихъ графу разнести путь, заявляютъ суду, что слѣдовали приказанію графа, такъ какъ онъ хозяинъ и они боялись потерять заработокъ.

Графъ: Эти люди привыкли дѣлать, что я приказываю. Я единственно отвѣтственный редакторъ (смѣхъ). Я беру все на себя...

Прокуроръ предлагаетъ по формальнымъ основаніямъ оправдать подсудимаго, въ случаѣ же несогласія судей съ его мнѣніемъ подвергнуть состояніе умственныхъ способностей графа экспертизѣ.

Предсѣдатель спрашиваетъ графа, не имѣетъ ли онъ еще что-нибудь замѣтить... „Да,—отвѣчаетъ подсудимый,—я прошу васъ принять въ соображеніе мое общественное положеніе и мою дѣятельность какъ политическаго вождя, какъ вождя національныхъ партій“...

Послѣ небольшого перерыва судъ постановляетъ выслушать показанія эксперта, тайнаго санитарнаго совѣтника, д-ра Неймана. На вопросъ предсѣдателя о его мнѣніи, экспертъ, 70-лѣтній старикъ, заявляетъ, что, судя по газетнымъ отчетамъ о рѣчахъ графа и по самымъ его рѣчамъ онъ считаетъ подсудимаго нѣсколько страннымъ субъектомъ... Пюклеръ обрываетъ эксперта и съ раздраженіемъ обращается къ судьямъ: „Поз-

вольте, зготъ господинъ кажется намѣренъ изслѣдовать степень моей вмѣняемости! Я это разсматриваю какъ личное оскорбленіе, я очень хорошо знаю, что мнѣ дѣлать и чего не дѣлать"... Предсѣдатель нѣсколько разъ проситъ графа успокоиться, но тотъ не перестаетъ кричать: „Итакъ, я заявляю, что считаю это личнымъ оскорбленіемъ и прошу съ этимъ сообразоваться... Да, за личное оскорбленіе потому, что я принадлежу къ вождямъ политическихъ партій. Я прошу васъ, господа, взвѣсить послѣдствія вашего образа дѣйствій"... Экспертъ наконецъ заявляетъ: „Я не знаю, страдалъ ли графъ раньше какой нибудь болѣзнію, или въ его семьѣ были какіе либо умственные изъяны (графъ взываетъ: никогда, никогда!), или же онъ одержимъ какимъ нибудь наследственнымъ порокомъ (графъ: нѣтъ, никакимъ!); одно лишь могу сказать: въ немъ замѣчается что-то въ родѣ маніи величія. Одна изъ его недавнихъ рѣчей была такова, что можно удивляться, какъ человѣкъ, бывший офицеромъ, изучавшій право и принадлежащій къ высшему общественному кругу, можетъ прибѣгать къ такимъ чудовищнымъ выраженіямъ"... „Эти выраженія были вполне умѣстны!“—вставляетъ графъ... Экспертъ продолжаетъ: „Признаки маніи преслѣдованія замѣтны и въ той рѣчи, гдѣ графъ рассказываетъ про исторію отравленія“. Графъ кричитъ: „Такъ оно было! Хотѣлъ бы я посмотреть, если бы вамъ пришлось проглотить отраву!“... Экспертъ видитъ въ этой исторіи признаки ненормальности графа, на что послѣдній кричитъ: „Въ такомъ случаѣ и вы, милостивый государь, ненормальны и я вамъ пришлю своихъ секундантовъ!..“ Экспертъ предлагаетъ помѣстить графа на шесть недѣль въ больницѣ для душевно больныхъ въ интересахъ точнаго изслѣдованія его умственныхъ способностей. Графъ кричитъ „Это скандалъ, это неслыханный скандалъ! Меня, графа. патріота, уже три года борющагося за спасеніе отечества!..“

Приговоръ суда гласитъ, что графъ владѣетъ нормальными способностями, и потому подлежитъ за разрушеніе подѣздного пути шести недѣлямъ тюремнаго заключенія. Его рабочіе оправданы.

„Единственно отвѣтственный редакторъ“, столь самоотверженный на словахъ, однако, очень не любитъ нести послѣдствія своего „образнаго“ краснорѣчія на дѣлѣ и обыкновенно подъ разными предлогами уклоняется отъ наказанія, какъ и отъ суда. Приговоренный по одному изъ предыдущихъ процессовъ къ нѣсколькимъ недѣлямъ заключенія, онъ даже рѣшилъ „энергически“ сбѣжать въ Швейцарію, чтобы хоть на нѣкоторое время отдохнуть отъ преслѣдованій неблагодарнаго отечества. Но тамъ-то именно и приключилась съ графомъ та странная и загадочная исторія, которая послужила для эксперта однимъ изъ основаній считать „вожда національныхъ партій“ маниакомъ преслѣдованія и величія. Изъ ненадежнаго убѣ-

жища графъ успѣшилъ вернуться на родину и немедленно созвалъ своихъ милыхъ берлинцевъ. Хотя тема собранія на громаднѣхъ плакатахъ гласила „Нѣмецкій народъ на краю могилы“, но въ дѣйствительности графъ разсказывалъ о своемъ собственномъ чудесномъ спасеніи. Это случилось въ швейцарскомъ кантонѣ Тургау, въ горной деревнѣ Гауптвилѣ, гдѣ графъ собиралъ силы для отсидки. И тутъ-то въ ресторанахъ „Zum Löwen“ онъ чуть было не сдѣлался жертвой отравленнаго супа!..

Но предоставимъ слово бѣдной жертвѣ: Въ названномъ ресторанѣ, — такъ разсказывалъ графъ своимъ изумленнымъ слушателямъ, — съѣлъ онъ за обѣденный столъ вмѣстѣ съ рестораторомъ и еще однимъ субъектомъ. Рестораторъ произвелъ на него самое отвратительное впечатлѣніе; онъ имѣлъ фізіономію преступника въ буквальномъ смыслѣ слова. Рядомъ же съ нимъ помѣстился наглый еврей; такого рода субъекты постоянно бѣгутъ за нимъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Хлѣбнувъ первую ложку супа, онъ тотчасъ замѣтилъ, что супъ отравленъ, и съ возмущеннымъ крикомъ „проклятая дрянь!“ онъ выплюнулъ супъ. Если бы онъ съѣлъ весь супъ, то навѣрное обратился бы въ трупъ, а такъ онъ, къ счастью, отдѣлался сильными желудочными болями. Онъ, конечно, тотчасъ же оставилъ эту ужасную мѣстность. Рестораторъ—это, несомнѣнно, подкупленный евреями негодяй, это—предатель, согласившійся за нѣсколько тысячъ франковъ гнуснымъ образомъ погубить жизнь истиннаго германца, это—каналья, которую слѣдовало бы замучить до смерти на пылающемъ кострѣ. Да и всѣ вообще швейцарцы—сбродъ отравителей, мошенниковъ, мерзавцевъ, жуликовъ, воровъ и разбойниковъ...

Это ужасное приключеніе было подъ заглавіемъ „Нѣмецкій народъ на краю гибели“ отпечатано въ мѣстной антисемитической газетѣ и сверхъ того, въ особыхъ летучихъ листкахъ за собственной отвѣтственностью графа. Швейцарская нація отнеслась, конечно, съ совершеннымъ невниманіемъ къ пюклеровскому обличенію, но швейцарскій рестораторъ почувствовалъ себя задѣтымъ въ своемъ коммерческомъ реномѣ и своихъ насущныхъ матеріальныхъ интересахъ. Сообща со своимъ служителемъ, котораго Пюклеръ принялъ за предательскаго еврея, онъ возбудилъ противъ графа процессъ и, добившись его оштрафованія въ размѣрѣ 450 марокъ, судебнымъ порядкомъ восстановилъ свою репутацію добропорядочнаго и гостепріимнаго швейцарскаго трактирщика.

На этихъ дняхъ въ берлинскихъ газетахъ сообщалось, что графъ Пюклеръ съ нѣкотораго времени служитъ предметомъ психіатрическихъ наблюденій. Его состояніе приняло такія сомнительныя формы, что вскорѣ предстоитъ его помѣщеніе въ одну изъ лечебницъ для душевно больныхъ. Ухудшенію его состоянія содѣйствовала, очевидно, жара, не мѣшавшая ему,

однако, говорить по два-три раза въ недѣлю. Последнія его рѣчи обнаруживали несомнѣнные признаки помѣшательства. Но полицейскіе комиссары давали ему полную свободу, вѣроятно для того, чтобы собрать необходимый матеріалъ для удостовѣренія болѣзни графа и его немедленнаго помѣщенія въ больницу.

Не знаю, насколько вѣрно это сообщеніе. Вѣрно, однако, то, что съ нѣкотораго времени графъ исчезъ съ горизонта, а берлинская *Staatsbürgerzeitung*,“ выжавъ изъ него все, что могла, еще раньше перестала печатать отчеты о его собраніяхъ.

Г. Гроссманъ.

Критика и библиографія.

- К. Д. Бальмонтъ.** Собраніе стиховъ. Томъ второй. Горяція зданія. Будемъ, какъ солнце. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Москва. 1904 г. Цѣна 3 р.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. 1904 г. Цѣна 2 р.

Книгоиздательство „Скорпіонъ“ продолжаетъ знакомить публику съ образцовыми произведеніями россійской декадентской музыки, неожиданно поселившейся въ до сихъ поръ литературно-консервативной Москвѣ. Авторы проходятъ предъ нами во всемъ блескѣ своей кружковой обособленности и во всемъ сіяніи давно уже отмѣченныхъ и навсегда зарегистрированныхъ отрицательныхъ чертъ. Попрежнему на московскомъ Парнасѣ царитъ К. Д. Бальмонтъ, два послѣднихъ сборника котораго выходятъ уже вторымъ изданіемъ. Поэтъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо, въ правѣ воскликнуть (стр. 70):

О, да, я—Избранный, я—Мудрый, Посвященный,
Сынъ солнца, я—поэтъ, сынъ разума, я—царь,

потому что вокругъ его засіяли теперь мизернымъ блескомъ всякія бедности и тусклости, отгнѣная тѣмъ сильнѣе талантливое версификаторство своего первоучителя.

Объемистому тому стихотворенію (въ него вошли двѣ прежде изданныя книги) предпослано три предисловія—два въ стихахъ, одно въ прозѣ. Въ первомъ—прозаическомъ, датированномъ 1899-мъ годомъ, авторъ говоритъ:

„Въ предшествующихъ своихъ книгахъ... я показала, что можетъ сдѣлать съ русскимъ стихомъ поэтъ, любящій музыку. Въ нихъ есть ритмы и перезвоны благозвучій, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнетъ новое.

„Въ воздухѣ есть скрытыя теченія, которыя пересоздаютъ душу.

„Если мои братья утомились смотрѣть на бѣлыя облака, бѣгущія въ голубыхъ пространствахъ, если мои враги устали слушать звуки струнныхъ инструментовъ, пусть и тѣ, и другіе увидятъ теперь, умѣю-ли я ковать желѣзо и закалывать сталь“.

Это, какъ и всегда у г. Бальмонта, скромно выраженное признаніе является отраженіемъ присущаго ему самоидолопоклонства, капризнаго самофетишизма, которымъ поэтъ кокетничаетъ съ наивностью институтки добраго, стараго времени и которымъ плѣняется теперь развѣ наивныхъ пошелоуцевъ, боящихся страшныхъ словъ, въ родѣ:

Я хочу горящихъ аданій,
Я хочу кричащихъ бурь...
...Я хочу кинжальныхъ словъ
И предсмертныхъ восклицаній!..

или:

О, мой братъ! Поэтъ и царь, сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ!

И все кованье желѣза и закалыванье стали сводится къ „перезвонамъ благозвучій“, среди которыхъ встрѣчаются, какъ мы не разъ отмѣчали, и переливы благоглупостей, и перлы истинной поэзій.

Въ третьемъ предисловіи, наполненномъ также наборомъ фразъ, мы находимъ и искреннее признаніе поэта, выражаемое имъ въ такомъ самоопредѣленіи: „маятникъ влѣво, маятникъ вправо“, т. е. то, что Чеховъ называетъ „недотѣпа“.

Раскачиваясь со стрекозинымъ легкомысліемъ во всѣ стороны, даровитый поэтъ въ конечномъ результатѣ остается „вправо“ отъ насъ и дѣлается тѣмъ болѣе „вправо“, чѣмъ болѣе и болѣе звучитъ въ его прекрасномъ стихѣ изломанность неврастеника, сытость эпикурейца и самолюбленность ушедшаго въ самолюбованье эгоиста.

Среди московскихъ упадочниковъ г. Вячеславъ Ивановъ,—несомнѣнно, неунывающий россиянинъ. Первый сборникъ его курьезныхъ стихоплетеній мы уже отмѣчали. Но если въ „Кормчихъ звѣздахъ“ авторъ прикрывалъ свое художественное худосочіе фиговыми листочками приверженности къ рхивному классицизму и не выходилъ, поэтому, изъ предѣловъ всѣмъ надобѣвшей мнѣологіи, то въ своей „Прозрачности“ поэтъ дѣлаетъ рѣши-

тельный шагъ къ современности и не безъ добродушія весьма рельефно фотографируетъ свою прозрачную бездарность...

Здѣсь что ни слово, то стилистическій или логическій курьезъ..

Стр. 3.

Мы (т. е. поэты) всплески рдяной пѣны
надъ блѣдностью морей.
Покинь земные плѣвы,
возсядь среди царей!..

Стр. 4.

Прозрачность! Купелью кристалльной
ты твердь улегчила, и тонетъ
луна въ среброзорности сизой..

Стр. 10.

Въ часъ, какъ отсвѣтомъ ночи небесъ свѣтло
влажное стекло
въ сумракъ сонномъ ивъ!..

Стр. 30.

Голговы храмовыя—
первины холмныхъ главъ,
и дѣйства лицевыя
въ удолияхъ дубравъ,
мысы разсвѣтныхъ гимновъ
и башни въ полѣ звѣздъ,
скиты скитальныхъ скимновъ
и скалы орлихъ гнѣздъ!..

Стр. 49.

Волей всеодержной
нудили раалуку
и хватали руку
изъ руки удержной.

Стр. 90.

Художники, пасите
грезъ вашихъ табуны.

Стр. 152.

Вадыбились космы снѣговыя
въ мѣдяномъ маревѣ гребней.

И т. д.

Подобными нелѣпостями усыяна, какъ „башнями звѣздъ“ вся „Прозрачность“ г. Иванова, пытающагося воскресить времена блаженной памяти Тредьяковского подъ маской якобы созданія новаго русскаго стиля. Напрасный трудъ: бездарность слишкомъ прозрачна... И всѣ эти „улыбки распути“ (стр. 9), „зеленовѣйныя прохлады“ (стр. 23), „дыханьемъ свирѣлей возвѣянныя ночи“ (стр. 27), „голубѣющая печаль“ (стр. 92), „солнцевидный глазъ“ (стр. 101), „дхнудъ“ (стр. 131), „стоомутная

мрачность“ (стр. 104),—все это останется только печальнымъ курьезомъ литературно-скорпионной одичалости.

Если въ партіяхъ есть своя крайняя лѣвая, то у скорпионной литературы есть своя крайне-нелѣпая. Къ ней-то г. Ивановъ и примыкаетъ, удивляя міръ злодѣйствомъ своего таланта. Ближе вправо, къ г. Балмонту, тяготѣетъ г-нъ Андрей Вѣлый, этотъ, кажется, enfant gâté московскихъ взаимовосхваляющихъ другъ друга въ критикѣ поэтовъ. Г-нъ Андрей Вѣлый считается въ Китай-городѣ знаменитостью, звѣздой первой величины, несмотря на юность и студенческій мундиръ, въ которомъ онъ фигурируетъ въ рекламныхъ объявленіяхъ, помѣщающихся въ Коранѣ московскихъ уподобниковъ—„Вѣсахъ“. И странное впечатлѣніе производитъ книга г-на Вѣлаго „Золото въ лазури“. Читаешь эту довольно объемистую книгу и хочется ласково сказать юношѣ: „да, полноте, перестаньте позировать и гасить неуклюжей позой тѣ искры святого огня, что, несомнѣнно, горятъ у васъ: вѣдь, вы ихъ продаете за чечевичную похлебку мишураго тщеславія“... И, дѣйствительно, у г-на Вѣлаго мелькаютъ красивыя страницы въ стихахъ и прозѣ, проводятъ минутное впечатлѣніе чего-то свѣжаго и теплаго, а затѣмъ и красивыя страницы, и минутныя впечатлѣнія свѣжести исчезаютъ, вытѣсняемыя неуклюжимъ, громоздкимъ выражаясь поэтическимъ языкомъ г-на В. Иванова „табуномъ“ неуклюжихъ и громоздкихъ образовъ, словъ, сравненій... Что-то вымученное, насильственно протянутое, что-то до смѣшного претенціозное замѣняетъ искреннее настроеніе и непосредственность душевнаго творчества. Поэтъ живетъ головой, откуда вытаскиваетъ неимоверными усиліями то, что ему кажется оригинальнымъ, „своимъ“. Но все это производитъ впечатлѣніе именно надутой важностью искусственности. Въ его поэзіи нѣтъ Бога правды и искренности, какъ и во всей поэзіи „скорпионнаго“ кружка.

И вотъ какъ г. Вѣлый опредѣляетъ поэзію.

О, поэтъ—говори
о неслышномъ полетѣ столѣтій.
Голубые восторги твои
ловятъ дѣти.
Говори о безумьи міровъ,
завертѣвшихся въ танцахъ,
о смѣющейся грусти вѣковъ,
о пьянящихъ багранцахъ.
Говори о полетѣ столѣтій.
Голубые восторги твои
чутко слышатъ притихшія дѣти.
.....
Хоть тѣ же все люди кругомъ,
ты—вѣчный, свободный, могучій.

О, смѣйся и плачь: въ голубомъ,
 какъ бисеръ, разсыпаны тучи.
 Закать догорѣль полосой,
 огонь тамъ для сердца не нуженъ:
 тамъ матовой, узкой каймой
 протянута нитка жемчужинъ.
 Тамъ матовой, узкой каймой
 протянута нитка жемчужинъ.

Все это красиво, но словечка не сказано въ простотѣ: все съ ужим-
 кой, и разбираться въ этомъ tutti frutti, для выясненія идейнаго ба-
 зиса, который признается даже г. Валеріемъ Брюсовымъ, могутъ, повиди-
 мому, лишь талантливѣйшіе критики „Новаго Пути“.

Есть, какъ мы сказали, у г. Андрея Бѣлаго свѣжія и теплыя
 страницы.

Былъ тихій часъ. У ногъ шумѣлъ прибор.
 Ты улыбулась, молвивъ на прощанье:
 „мы встрѣтимся... До новаго свиданья“...
 То былъ обманъ. И знали мы съ тобой,
 что навсегда въ тотъ вечеръ мы прощались.
 Пунцовымъ пламенемъ зардѣлись небеса.
 На корабль надулись паруса.
 Надъ моремъ крики чаекъ раздавались.
 Я вдаль смотрѣлъ, щемящей грусти полнъ.
 Мелькалъ корабль, съ зарею уплывавшій
 среди нѣжныхъ, изумрудно-пѣнныхъ волнъ,
 какъ лебедь бѣлый, крылья распластавшій.
 И вотъ его въ безбрежность унесло.
 На фонѣ неба блѣднозолотистомъ
 вдругъ облако туманное вошло
 и запылало яркимъ аметистомъ.

Рядомъ съ нимъ другое, также свѣжее произведеніе:

Милая,—знаешь-ли—вновь
 видѣлъ тебя я во снѣ?
 Въ сердцѣ проснулась любовь.
 Ты улыбалася мнѣ.
 Гдѣ-то въ далекихъ лучахъ
 вѣтеръ вдохнулъ обо мнѣ.
 Степь почивала въ слезахъ.
 Ты замечталась во снѣ.
 Ты улыбалась, любя,
 помня о нашей веснѣ.
 Благословляя тебя,
 Былъ я весь день, какъ во снѣ.

Полонъ своеобразнаго изящества рядъ силуэтовъ прошлаго въ отдалѣ.

„Прежде и теперь“; богаты выдумкой и некоторыя прозаическія стихотворенія, но всё эти плюсы исчезают въ морѣ позерскаго манерничанья, заставляющаго опасаться, что за нимъ скрыта ординарность, вооруженная техникой стихосложенія.

Ник. Ашешовъ.

Мих. П. Чеховъ. Синій чулокъ. Повѣсть. С.-Петербургъ. 1904 годъ
Цѣна 50 коп.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный, съ виду тихій и простой. Звали его Зарѣчнымъ. По профессіи былъ докторомъ,—идейнымъ земскимъ врачомъ и притомъ безспорно умнымъ. Жила съ нимъ по сосѣдству умная и красивая дѣвица Софья Михайловна Игнатьева. Молодые люди влюбились сильно и хорошо. Тихій и простой рыцарь никакой деклараціи чувствъ не дѣлалъ, чѣмъ весьма смущалъ нетерпѣливую, какъ всё влюбленныя, Софію: и однажды эта милая и славная дѣвушка сказала мило и славно Зарѣчному:

— Николай Николаевичъ, возьмите меня замужі...

Умный и чуткій рыцарь, глубоко влюбленный, „вскочилъ, засуетился, посмотрѣлъ на часы, и стараясь сдѣлать видъ, будто не слышалъ, вдругъ собрался (стиль!) домой.

— А мнѣ, однако, уже пора...—заговорилъ онъ.—Какъ хорошо поютъ на деревнѣ! До свиданья, Софья Михайловна! Кланяйтесь мамѣ!..“ Ничего умнѣе умный рыцарь не могъ придумать. Понятно, что послѣ такого вступленія и автору, и героямъ пришлось запутаться въ психологіи и нагородить цѣлую башню глупостей.

Умный Зарѣчный заподозрилъ бѣдную Софію въ тайномъ вождѣльнѣи уловить хорошаго женишка. И убоясь сѣтей коварной нимфы, докторъ трусливо сбѣжалъ въ командировку. Страданье отъ незаслуженной нравственной пощечины заставляетъ Софію кое-что передумать въ своей жизни: и она ѣдетъ на акушерскіе курсы, чтобы подготовитъ себя къ полезной дѣятельности въ деревнѣ. Въ Москвѣ она заболѣваетъ тифомъ и лишается своихъ роскошныхъ волосъ. Затѣмъ, когда вслѣдствіе семейныхъ передрагъ, къ Софѣ прѣзжаетъ мать, и онѣ поселяются вмѣстѣ на одной квартирѣ, происходитъ новое осложненіе: къ нимъ подбрасываютъ грудного младенца, и милая Софья не рѣшается отдать его на „фабрику ангеловъ“ и оставляетъ у себя.

Изъ этого произстекли нижеслѣдующія трагическія послѣдствія.

При новой встрѣчѣ умный и чуткій герой сдѣлалъ такія умовазаключенія: Софья остриглась, слѣдовательно, пожелала поддѣлаться подъ идей-

ный тонъ доктора. Она поступила на курсы, следовательно, она желала приобрести еще одинъ шансъ въ глазахъ идейнаго доктора. Это—новая система улавления жениха. Наконецъ, у нея на квартирѣ ребенокъ—значитъ ея ребенокъ.

И умный докторъ, наговоривъ тысячу подобныхъ гадостей милой дѣвухѣ, уѣзжаетъ. Софья рѣшаетъ, что она отнынѣ—синій чулокъ.

Рекомендуемъ книжицу г. Мих. Чехова добродѣтельнымъ маменькамъ и ихъ дѣвцамъ средняго и старшаго возраста. Выводы изъ нея глубоко поучительны и блещутъ небывалой нравственной высотой, чистотой и глубиной: Не дѣлай первая предложенія никому, даже самому плѣнительному мужчине, ибо сдѣлавшія предложенія не вступаютъ въ бракъ и обращаются въ синіе чулки; не поступай на курсы—ибо курсистки лишаются брака и становятся синими чулками; не стриги коротко волосъ, даже при болѣзни, ибо кратковласіе осуждено еще нашими бабушками, жившими 50 лѣтъ тому назадъ; нарушающія сіе—лишаются брака; и, наконецъ, не бери младенцевъ на воспитаніе, а, буде несчастіе подкинуто приключится, отправляй оныхъ на фабрику ангеловъ; иначе вмѣсто брака обратишься въ синій чулокъ.

Таковы заповѣди дѣвцамъ, диктуемыя г. Мих. Чеховымъ и его героемъ. Впрочемъ, этого героя напрасно авторъ столь нарядно разукрасилъ: намъ кажется, что онъ скорѣе подозрительный ипакъ-неврастеникъ, либеральничавшій на ломаный грошъ, чѣмъ тотъ положительный типъ, предъ которымъ должны преклониться женщины.

Ник. Ашешовъ.

Полное собраніе сочиненій Гекриха Ибсена. Пер. съ датскаго А. и П. Ганзенъ, т. V и VI, изд. С. Скирмунта.

Прекрасная печать, хорошая бумага, своеобразно-декадентская обложка съ ключомъ—таковы вѣншія черты новаго изданія сочиненій Г. Ибсена въ переводѣ г. А. и П. Ганзенъ. Относительно внутреннихъ качествъ,—въ пользу ихъ краснорѣчиво говорятъ приложенныя къ 6-му тому выдержки изъ хвалебныхъ рецензій на предыдущій 5-й томъ. Изъ этихъ выдержекъ мы узнаемъ, что „внѣшнему изящному виду изданія“—соотвѣтствуютъ достоинства самого перевода; что „языкъ пьесъ простъ и ясенъ“. Изъ другого органа печати мы узнаемъ, что „у насъ до сихъ поръ не было удовлетворительнаго перевода пьесъ знаменитаго скандинавскаго драматурга“;

а также—что „ния супругов Ганзенъ, посвятившихъ себя *знакомленію* (?) русскихъ читателей съ литературными трудами скандинавскихъ странъ, служить полнымъ ручательствомъ достоинства ихъ перевода пьесъ Ибсена“ и пр. и пр.

Дѣйствительно, гг. Ганзены извѣстные переводчики, но тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ ознакомленіи съ переводомъ V и VI т. соч. Ибсена, бросаются въ глаза нѣкоторые довольно серьезные недостатки. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе стремленіе къ оригинальности какъ въ начертаніи согласныхъ звуковъ (желаніе найти какой-то срединный звукъ между *z* и *x*), такъ особенно въ стилѣ. Напр. Гина, жена фотографа,—говорить: *колимдоръ, акуратъ, кажнаго, левольверъ, прынцасса, непримтно, ужасти* ¹⁾ и т. п.—руссизмы, которые рѣжутъ ухо и производятъ впечатлѣніе искусственности и фальши. Въ той же пьесѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣд. обороты рѣчи. На стр. 31 г. Верле, приглашая гостей выпить, говоритъ—„не давайте же стаканамъ заставаться, господа!“—На стр. 91 встрѣчается слѣд. діалогъ. Яльмаръ, открывъ измѣну жены, упрекаетъ ее: „И ты могла скрывать отъ меня *подобное!*“ ²⁾ Гина „Да, я все это *нескладно* сдѣлала“... Яльмаръ. „Ты сразу же должна была связать мнѣ!.. Я бы зналъ тогда, какова ты“. Гина. „А кто же *себя самому* (!) врагъ?..“ Стр. 98. Фру Сербю... „Онъ, такой цвѣтущій мужчина, *какимъ* онъ былъ прежде... только и слушалъ однѣ нотаци“.—Стр. 109. Гина... „всякіе сумасброды суются тутъ совсѣмни *интриганскими* требованіями“.

На стр. 127-й Яльмаръ, заламывая руки, *кричитъ вверхъ*: „О, Ты тамъ!.. Если Ты есть!.. Зачѣмъ Ты допустилъ это!“ На стр. 58 Эвдаль говорить „*полу-во снѣ*“. На стр. 90 Гина замѣчаетъ, говоря о своей безпринципной матери, что „она была совсѣмъ не такая *правильная* (?) женщина“.

Такіе же образчики русской литературной рѣчи разсыпаны и въ остальныхъ пьесахъ 6-го тома въ переводѣ А. и П. Ганзенъ. Напр. на стр. 145 г. Ганзенъ, обрасывая съ себя иго общепринятыхъ грамматическихъ правилъ, говоритъ въ приводимой имъ статьѣ Шленгера—„соскучившись но *великомъ* ничто“. А на стр. 246—„Приходитъ неизвѣстный, который нѣкогда вмѣстѣ съ Эллидой, *сочетался морю*“.—На стр. 150 („Росмерсгольмъ“) читаемъ: *Ребекка*. „Вы тутъ долго *держитесь* за своихъ покойниковъ“. М-мъ *Гельсетъ*. „А, по моему, такъ покойники долго *держатся* за Росмерсгольмъ“. Стр. 153 *Ребекка*... „вы довольно таки энергично *отгрызаетесь*“ (!).

¹⁾ Излюбленное выраженіе г. Ганзена.

²⁾ Стр. 51, 55, 71, 72, 92, 111 и т. д.

Въ драмѣ „Дочь Моря“ читаемъ стр. 258: *Баллестадъ*... „*Съ позволенія спросить,— ждете гостей сегодня?*“—На стр. 307-й Эллида обращается къ мужу, „*бурно (!) прижимаясь къ нему*“. Стр. 362 *Берти*... „*Вотъ ужъ ни думала я, ни гадала, что изъ нихъ съ нашимъ кандидатомъ выйдетъ парочка*“.—Стр. 393: *Браккъ*... „*Какъ тогда въ сущности понять это?*...“ *Гедда* „*Что изъ насъ съ Йоргеномъ Тесманомъ мила пара, хотите вы сказать?*“

На стр. 393 Гедда говоритъ—„*Тесманъ служилъ мнѣ провожателемъ съ вечероу прошлымъ лѣтомъ*“... Въ заключеніе, не можемъ не указать на весьма неизящныя восклицанія, попадающіяся въ литературной рѣчи г. Ганзена. Стр. 328: *Эллида*. „*Но Гильда же!*“ Стр. 371: *Тесманъ*. „*Но, Гедда же!*“ Стр. 442: *Гедда*: „*Но Теа... Теа же!*“

Да не подумаетъ читатель, что приведенные неуклюжіе обороты рѣчи сколько нибудь помогаютъ передать подлинника.

Тѣ же отличительныя черты—потуги оригинальности рядомъ съ проявленіемъ независимости относительно грамматическихъ правилъ,—характеризуютъ и 5-й томъ переводовъ гг. А. и П. Ганзенъ, появленіе коего приѣхтовалъ самъ переводчикъ, а также упомянутые г. рецензенты. Иллюстраціи можно бы привести безъ числа, но, въ виду размѣра рецензіи, ограничимся лишь немногими. На стр. 23-й („*Столпы Общества*“): *Фру Руммель*. „*Этой бѣлоручкѣ, видно, не въ привычку было работать. Кинулось (?) на грудь, и она умерла*“.—Стр. 61: *Лона*. „*Итакъ, ты спасъ фирму Берлика за счетъ женщины?*“—Стр. 156 (Кукольный домъ). *Нора*... „*Терпѣть васъ не могла за всёъ ваши холодныя придирки, которыя вы дѣлали, хотъ и знали, въ какой опасности мой мужъ*“. Стр. 350 („*Врагъ Народа*“) *Говстадъ* „*Я хорошо зналъ, что это назовутъ подстрекательствомъ съ моей стороны и т. под. именами*“. Стр. 366: *Фру Стокманъ*. „*Ахъ, да ничего ты ровно не добьешься. Коли не захотѣтъ, такъ они и не захотятъ*“. Невѣрно: въ оригиналѣ стоитъ—„*paar de ikke vil sa vil de ikke*“,—т.-е. „и если не захотятъ, такъ и не захотятъ“.

На стр. 383: Аслаксенъ говоритъ бургомистру, что докторъ Штокманъ идетъ въ типографію. Бургомистръ на это замѣчаетъ у г. Ганзена: „*Какъ это неудачно*“. Въ подлинникѣ—„*Fatalt*“, т.-е. какъ *непріятно, некстати* и т. п. Стр. 391: *2-й Рабочій*. „*Иль ты не знаешь Виллинга? Тотъ сморчокъ работаетъ на газету Аслаксена*“. Въ подлинникѣ—„*Det er jo den Billingen, som gaar fos Aslaksens avis*“—„это тотъ Виллингъ, что работаетъ для газеты Аслаксена“: слово *сморчокъ*—прибавка отъ переводчика...

Желательно было бы, чтобы подобные изъяны перевода были избѣгнуты въ слѣдующихъ томахъ новаго изданія сочиненій Ибсена.

Н. М.

А. Стриндбергъ. Отецъ. Драма въ 3 д. Пер. съ шведскаго А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Сквирмунта. Москва. 1904 г.

Если присмотрѣться къ произведеніямъ новѣйшей западно-европейской литературы, нетрудно замѣтить, что въ нихъ отношенія между полами освѣщаются далеко не такъ, какъ въ произведеніяхъ добраго стараго времени.

Между тѣмъ какъ раньше мужчина считался сильнѣе женщины, теперь, наоборотъ женщина изображается сильнѣе мужчины. Между тѣмъ, какъ прежде мужчина былъ порабителемъ женщины, теперь, напротивъ, женщина является порабительницей мужчины. Между тѣмъ, какъ раньше женщина видѣла въ мужчинѣ недруга, теперь, наоборотъ, мужчина считаетъ женщину врагомъ.

Причины, вызвавшія въ концѣ XIX вѣка этотъ новый взглядъ на отношенія между полами, распадаются на социальныя и психологическія, хотя и эти послѣднія сводятся въ конечномъ итогѣ точно также къ социальнымъ факторамъ.

Въ наше время женщина является для мужчины конкурентомъ на всѣхъ поприщахъ жизни. Статистика показываетъ, что за послѣдніе годы женщина начинаетъ вытѣснять мужчину съ рынка. Если въ 1881 г. на 100 лицъ, занятыхъ въ разныхъ отрасляхъ труда, приходилось въ Англіи мужчинъ 70, а женщинъ 30, въ Германіи мужчинъ 71, женщинъ 29, то въ 1891 г. въ Англіи мужчинъ 68, женщинъ 32, въ Германіи мужчинъ 70, женщинъ 30. Женщины являются для мужчинъ особенно опасными конкурентами потому, главнымъ образомъ, что, будучи менѣе требовательными, онѣ довольствуются меньшимъ окладомъ: онѣ получаютъ обыкновенно вдвое или втрое меньше мужчинъ (См. извѣстную книгу Л. Браунъ).

Передовая европейская женщина соперничаетъ съ мужчиной не только въ сферѣ экономіи, но также въ области политики. Она стремится завоевать не только право на одинаковый трудъ, но и мѣсто въ законодательныхъ собраніяхъ. Враждебное въ ней чувство мужчинъ, вызванное экономической конкуренціей, еще усилилось естественно подъ влияніемъ ея стремленія къ политической равноправности. Разросшійся въ силу указанныхъ причинъ антагонизмъ между полами вспыхнулъ неожиданно и подъ кровлей домашняго очага. Замужняя женщина была на западѣ долгое время лишена всякихъ имущественныхъ и юридическихъ правъ. По мѣрѣ того, какъ развивалось женское движеніе, замужнія женщины проникались все больше сознаниемъ своего безправнаго положенія, мыслью о необходимости борьбы. Послѣ упорной агитаціи имъ удалось, наконецъ, вырвать изъ рукъ мужей наиболѣе важныя ихъ привилегіи. Такъ образовалась посте-

пенно особая атмосфера, располагавшая мужчину смотреть на женщину, как на врага.

Европейская интеллигенция конца вѣка состояла, далѣе, въ очень значительной степени изъ пассивно-чувствительныхъ, чрезмерно впечатлительныхъ, слабовольныхъ неврастениковъ. Неспособные бороться съ впечатлѣніями и ощущениями, навѣваемыми окружающей дѣйствительностью, они были также безсилы бороться съ впечатлѣніями, исходящими отъ женщины. Они влюблялись съ перваго, случайнаго взгляда. Когда на ихъ горизонтѣ появлялась новая женщина, они ради нея немедленно покидали прежнюю возлюбленную. Въ любви, по ихъ мнѣнію, вся отвѣтственность падаетъ на женщину, потому что она съ самаго начала играетъ активную роль, а мужчина только пассивную роль. Женщина могла дѣлать съ этими чувствительными и безвольными людьми все, что она хотѣла. Она ихъ такъ гипнотизировала, что они ничего не видѣли, ничего не слышали, а только подчинялись. Она ихъ поработила своей любовью до полного уничтоженія въ нихъ всякой личности. Она становилась содержаніемъ ихъ мовга. Они ничѣмъ другимъ ужъ не могли интересоваться, ни о чемъ другомъ ужъ не могли думать. Любовь была для нихъ своего рода вихремъ или водоворотомъ. Женщина становилась для нихъ существомъ, одареннымъ сатанинской силой, откровеніемъ судьбы, фатумомъ. Словомъ, чувствительному и слабовольному интеллигенту конца вѣка женщина казалась сильнѣе его самого, сильнѣе, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ. Такъ именно изображаются отношенія между полами въ произведеніяхъ Лангмана, Гауптмана, Пшибышевскаго, Шляфа и др.

Совершенство указанныхъ соціальныхъ и психофизиологическихъ факторовъ и создала проникній въ литературу новый взглядъ на женщину, какъ на врага и пеработительницу мужчины.

Драма шведскаго писателя Стриндберга „Отецъ“ является однимъ изъ яркихъ документовъ этой вражды половъ.

Между мужчиной и женщиной существуетъ, по его мнѣнію, какая-то „расовая ненависть“. Можно подумать, что они произошли отъ „двухъ разныхъ породъ обезьянъ“. Обнаруживаясь уже въ любви, которая есть не что иное, какъ „борьба“, эта ненависть выступаетъ еще ярче въ бракѣ. Всю жизнь мужъ и жена борются за „власть“. Въ этой борьбѣ всѣ выгоды на ея сторонѣ. Женщина всегда твердо знаетъ, что она мать своихъ дѣтей. Это сознаніе даетъ ей силу. Мужчина же никогда не можетъ быть увѣреннымъ, что онъ отецъ своихъ дѣтей. Вѣчныя сомнѣнія на этотъ счетъ должны надломить его боевую энергію. Женщина, далѣе, всегда „нигилистично подла“. Она не отсиается въ выборѣ средствъ. Она постарается внушить мужу, что ихъ дѣти, быть можетъ, не его дѣти. Она

возстановить дочь противъ родного отца. Она будетъ перехватывать корреспонденцію мужа, чтобы изъ-за угла пользоваться его интимными признаніями. Она объявитъ его помѣшаннымъ, чтобы лишить его права на собственность и на дѣтей.

Такъ именно поступаетъ въ пьесѣ Стриндберга Лаура съ мужемъ. Ихъ семейная жизнь похожа скорѣе всего на поле битвы, гдѣ только и раздаются слова: „врагъ“ „пораженіе“, „сдаваться“, „условія мира“.

Во что превратились въ воображеніи современнаго писателя семейныя отношенія, лучше всего видно изъ слѣдующаго коротенькаго, но достаточно краснорѣчиваго діалога.

Ротмистръ: Я чувствую, одинъ изъ насъ долженъ пасть въ этой борьбѣ.

Лаура: Кто?

Ротмистръ: Слабѣйшій, конечно.

Лаура: А сильный останется правымъ.

Ротмистръ: Всегда, разъ сила на его сторонѣ.

Лаура: Такъ я права.

Затравленный и побѣжденный соединенными усиліями жены, дочери и кормилицы, ротмистръ раздражается страстнымъ проклятіемъ по адресу всѣхъ женщинъ, въ которомъ слышится, какъ часто въ репликахъ дѣйствующихъ лицъ у Стриндберга, его собственный голосъ:

— Всѣ вы мнѣ враги. Собственная мать, не желавшая моего рожденія... Сестра, когда учила меня, что я долженъ подчиняться ей во всемъ. Даже дочь стала мнѣ врагомъ, когда ей пришлось выбрать между мной и тобой. А ты, моя жена, была моимъ смертельнымъ врагомъ и не выпустила меня изъ своихъ рукъ, пока не превратила въ трупъ.

В. Фриче.

Евг. Ляцкий. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904. Стр. 269. Цѣна 2 р.

Въ русской критикѣ со времени Бѣлинскаго и Добролюбова прочно утвердился взглядъ, что Гончаровъ является наиболѣе объективнымъ среди русскихъ писателей. Его даже называютъ „корифеемъ объективнаго романа“. Но самъ Гончаровъ совершенно иначе смотрѣлъ на свое творчество. Въ своей авторской исповѣди „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ онъ заявляетъ, что въ созданныхъ имъ типахъ „сквозитъ много близкаго и родного автору и замѣтно пробивается кровная любовь къ нимъ“. Эти слова представляютъ какъ бы отвѣтъ Бѣлинскому, писавшему, что у Гон-

чарова „нѣтъ ни любви, ни вражды къ созданнымъ имъ лицамъ“. Въ концѣ той же исповѣди Гончаровъ еще опредѣленнѣе говоритъ, что въ „Обломовѣ“ и въ „Обрывѣ“ уложилась вся его собственная жизнь: „Я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ — словомъ, писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней прирастало“ (курсивъ Гончарова). Приведенныя слова появились въ печати въ 1879 году, но имъ мало повѣрили, и послѣ смерти Гончарова писалось, что „какъ только вы попробуете подойти поближе къ таланту Гончарова и разложить его на составные его элементы, — спокойствіе, равнодушіе, объективность этого таланта прежде всего представляются вашимъ глазамъ“ (Протопоповъ). Очевидно, заявленія Гончарова о его „кровной любви“ къ своимъ типамъ показались маловѣроятными, а его разсужденія на эту тему — малолубительными.

Г-нъ Ляцкій не раздѣляетъ господствующаго мнѣнія объ основномъ свойствѣ гончаровскаго таланта. „Изученіе творчества Гончарова въ его цѣломъ—говоритъ онъ—приводитъ насъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что передъ нами одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для которыхъ раскрытіе своего „я“ было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной имъ общественной жизни“ (с. 34). Для доказательства этой мысли и написана г. Ляцкимъ цѣлая книга. Авторъ настолько убѣжденъ въ „преобладающе-біографическомъ характерѣ“ гончаровскаго творчества, что пользуется продуктами этого творчества, чтобы „дополнить сухія внѣшнія данныя о жизни Гончарова раскрытіемъ нѣкоторыхъ внутреннихъ сторонъ его личности—и какъ человѣка, и въ особенности какъ художника“ (с. 36). „Романы Гончарова—по мнѣнію г. Ляцкаго—многое доскажутъ изъ того, что можетъ быть названо исторіей образованія личности, выработки характера и міросозерцанія. Безъ этого драгоценнаго матеріала самыя яркія воспоминанія, именно по отношенію къ Гончарову, были бы всегда слишкомъ недостаточны и характеризовали бы только внѣшнія черты его натуры“ (с. с. 86—87).

Въ книгѣ указывается цѣлый рядъ „параллелей“ въ жизни Гончарова и его героевъ, начиная съ Адуевыхъ и кончая Райскимъ. Дѣтство Александра Адуева, Обломова и Райскаго—это дѣтство самого Гончарова. Пансіонъ Штольца — пансіонъ священника, гдѣ учился самъ Гончаровъ. Мать Адуева и Обломова—мать Гончарова. Далѣе, Гончаровъ заставляетъ Райскаго читать тѣ же книги, которыми онъ самъ увлекался въ молодости, надѣляетъ его собственной своей страстью къ путешествіямъ и обожаніемъ Пушкина. Не ограничиваясь подобными параллелями, г. Ляцкій прямо заявляетъ, что „Обыкновенная исторія“ — „скорѣе художественный

мемуаръ съ самонаблюденіемъ на первомъ планѣ, тѣмъ романъ“. Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ называетъ этотъ романъ „художественной автобіографіей“, въ которой „разсказана выработка формально-дѣловой, житейско-практической стороны міросозерцанія Гончарова“ (с. 94). Что касается Обломова, то, вопреки довольно распространенному мнѣнію, г. Ляцкій отказывается отождествлять его съ самимъ авторомъ, потому что, „кромѣ склонности къ неподвижности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, рѣзнящихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ“ (с. 99). Вообще, „Гончаровъ безконечно цѣлостяѣе и шире, и по отношенію къ нему Обломовъ только часть, близкая, кровная, но не важѣйшая“ (с. 104). Но зато въ романѣ „Обломовъ“ отразился „домашній обиходъ“ Гончарова, „отвѣчавшій его склонности къ мечтательному покою и ревнивому обереганію личной жизни отъ толчковъ и вторженій извнѣ“ (с. 159). Наконецъ, „въ образѣ Райскаго — по мнѣнію г. Ляцкаго—нашелъ себѣ выраженіе наиболѣе важный и возвышенный элементъ — воплощеніе художественской натуры писателя“ (с. 160).

Указанія г. Ляцкимъ параллели и сдѣланныя имъ отождествленія въ большинствѣ случаевъ являются удачными и убѣдительными. Но въ отдѣльных случаяхъ онъ далеко хватаетъ черезъ край и на основаніи литературныхъ произведеній Гончарова дѣлаетъ выводы довольно рискованные. Такъ, напримѣръ, Гончаровъ разсказываетъ, что Райскій, учась въ Московскомъ университетѣ, утра посвящалъ лекціямъ и прогулкамъ по кремлевскому саду, по воскресеньямъ бывалъ въ Никитскомъ монастырѣ у обѣдни, любилъ взглянуть на разводъ и полакомиться въ кондитерскихъ. „Нѣтъ основанія думать — говорить г. Ляцкій — чтобы распредѣленіе дня и самого Гончарова устраивалось по какому-либо иному плану“ (с. 64). Но почему же „нѣтъ основанія“? Неужели, напримѣръ, московскій театръ не игралъ никакой роли въ жизни Гончарова - студента? Далѣе, въ „Обрывѣ“ приводится написанный Райскимъ разсказъ „Наташа“, повѣствующій о его юношеской любви. Эпизодъ этотъ очень характеренъ для Райскаго, но г. Ляцкому этотъ разсказъ кажется не вяжущимся съ общимъ ходомъ романа и ненужнымъ для характеристики Райскаго. „Читатель—по словамъ г. Ляцкаго—не задумается ни на минуту отнести къ самому автору то, что онъ говоритъ о Борисѣ Райскомъ. Не Райскій, а самъ Гончаровъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ въ этомъ очеркѣ“. Но читатель скорѣе удивится такой подстановкѣ и спроситъ г. Ляцкаго, на какомъ основаніи Гончаровъ въ данномъ случаѣ отождествленъ съ Райскимъ. Можетъ быть, г. Ляцкій пришелъ къ такому отождествленію на основаніи устныхъ сообщеній о Гончаровѣ, упоминаемыхъ въ предисловіи

къ его книгѣ, но для читателя, незнакомаго съ этими сообщеніями, указанное отождествленіе кажется крайне произвольнымъ.

Приведенные примѣры свидѣтельствуютъ о томъ, какъ послѣдовательно старается г. Ляцкій провести свой взглядъ о „преобладающе-біографическомъ характерѣ“ творчества у Гончарова. Въ погонѣ за параллелизмами и обобщеніями онъ иногда забываетъ, что Гончаровъ, по собственному его признанію, старался создавать „типы, т. е. зеркала, отражающія въ себѣ безчисленные подобія“, и что въ этихъ зеркалахъ отразилась не одна его жизнь, а *много* и другихъ жизней: уже одного этого заявленія Гончарова достаточно, чтобы отнестись съ сомнѣніемъ къ „преобладающе-біографическому характеру“ его творчества. Правда, г. Ляцкій старается показать, что „специально-субъективное отношеніе Гончарова къ изображаемому выразилось у него и въ картинахъ чужой жизни“ (с. 175). Но едва ли въ данномъ случаѣ субъективность у Гончарова больше, чѣмъ у другихъ русскихъ писателей. Гончаровъ, по словамъ г. Ляцкого, значительно суживаетъ понятіе „чужая жизнь“. „Для него — это та жизнь, которая „приростала“ къ его личной жизни, и прежде всего тѣ люди, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе“... Но, вѣдь, всякій художникъ-реалистъ изображаетъ ту жизнь, которая ему лучше извѣстна, къ нему ближе. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не представляетъ исключенія среди другихъ представителей реального романа.

Вообще, было бы гораздо осторожнѣе говорить не о преобладаніи, а о присутствіи въ творествѣ Гончарова біографическаго и субъективнаго элементовъ, наличие которыхъ не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію. Къ сожалѣнію, г. Ляцкій, опровергая установившійся взглядъ на объективность Гончарова, не удержался отъ уклоненія въ противоположную крайность. Но это до нѣкоторой степени понятное увлеченіе не мѣшаетъ книгѣ г. Ляцкого занять почетное мѣсто въ литературѣ о Гончаровѣ. Это первая серьезная книга, посвященная его личности и литературной дѣятельности.

С. Ашевскій.

Книга мудрости. Мысли, наблюденія и характеристики, извлеченныя изъ литературъ разныхъ эпохъ и народовъ. Собралъ и составилъ М. Л. Винштокъ. Спб. 1904 г.

Мы представляемъ себѣ потребность у тѣхъ или иныхъ просвѣщающихся людей—знать, кому принадлежать наиболѣе распространенныя или безусловно удачныя „крылатыя“ слова, когда и гдѣ они произнесены. Понимаемъ мы, пожалуй, и отыскываніе цѣннаго и яркаго афоризма для

подрывленія, для украшенія, если хотите, собственной рѣчи. Сборникъ, столь задорно и, прямо сказать, рекламно названный г. Вияшто-вомъ—не даетъ почти никакихъ указаній на литературу своихъ извлеченій. Съ точки зрѣнія чисто виѣшней, несомнѣнно, составитель положилъ очень не мало труда: сообразите только, что „мысли“ „Книжки мудрости“ разбиты на 7 частей: Часть 1. Богъ. Вѣра. Природа. Часть 2. Человѣкъ. Часть 3. Жизнь и смерть. Часть 4. Женщина. Любовь. Бракъ. Часть 5. Искусство. Философія. Наука. Часть 6. Общество. Государство. Народы. Часть 7. Смѣсь. И въ каждомъ такомъ отдѣлѣ имѣются *рубрики*, напр.: „Сердце“, „Лесть“, „Время“, „Богатство“ и пр., можетъ быть, около 200 дѣленій! Внутреннее же содержаніе книги большихъ похвалъ не вызоветъ: видимо, не продуманы и самые разряды, слишкомъ случайны и „извлеченія“. Вдобавокъ замѣтно преобладаютъ афоризмы съ подписями: „Подслушанное“, В. П. Крачковскій. Составитель заявилъ, что „онъ тщательно старался избѣгать общихъ мѣстъ“. А между тѣмъ его книга часто не свободна отъ нихъ, какъ напр.: „Библия — гораздо большее чудо, чѣмъ всѣ чудеса, въ ней рассказываемыя“. „Мудрецъ, изучая прошлое, думаетъ о будущемъ“. „Не думайте, что со священникомъ можно говорить только о просфорахъ и о колоколахъ, а съ военнымъ только о пушкахъ“. „Мудрый и сны видитъ мудрые, дуракъ и во снѣ ведетъ себя, какъ дуракъ“. „Хорошій афоризмъ долженъ занимать не болѣе одной, двухъ строчекъ—вотъ, какъ, напр., этотъ“.

Книга издана очень прилично, въ ней 374 страницы, и стоитъ она 2 рубля.

А. П. Нахимовъ.

А. Ѳ. Кони. *Федоръ Петровичъ Гаазъ* Биографическій очеркъ. Съ портретомъ, 4 факсимиле Ѳ. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рисунками *Е. П. Самокишъ-Судковской*. Изд. 3-е, дополненное. С.-Пб. Изд. А. Ф. Маркса. Стр. 184. Цѣна 3 р.

Теплѣ на душѣ и свѣтлѣ вокругъ становится при чтеніи этой книги. Весь обликъ доктора Ѳ. П. Гааза, истиннаго и дѣятельнаго „идеалиста жизни“ во весь ростъ вырисовывается здѣсь, написанный кистью вдумчиваго, талантливаго и любящаго художника. Глубоко правъ авторъ, когда говоритъ, въ концѣ своей книги, что между поэзіей вымысла и поэзіей жизни нѣтъ въ сущности внутренней разницы, внутренняго противорѣчія: истинная поэзія есть и въ нашей дѣйствительности, и только трудно бываетъ отыскать, нащупать ее въ сложной запутанности житейскихъ отношеній. Вся жизнь

доктора Гааза, цѣликомъ отданная самоотверженному служенію ближнему, представляетъ собой рѣдкой красоты художественное произведеніе. Ө. П. Гаазъ (1780—1853) былъ отъ 1829 до 1853 года главнымъ врачомъ московскихъ тюремныхъ больницъ, но заботы о больныхъ составляли лишь небольшую часть его дѣятельности: въ качествѣ члена Московскаго Попечительнаго о тюрьмахъ комитета онъ настойчиво добивался всѣми силами возможнаго облегченія участи заключенныхъ и особенно — пересылаемыхъ изъ Москвы „по Владиміръ“ арестантовъ. Онъ не ограничивался заботой объ улучшеніи матеріальныхъ условій ихъ быта, онъ несъ свое большое, любящее сердце—навстрѣчу сердцу арестантовъ, несъ имъ духовное облегченіе и отраду. „Справедливое отношеніе къ виновному, дѣятельное состраданіе къ несчастному, призрѣніе больного“ (стр. 43)—вотъ чего неустанно требовалъ и добивался Гаазъ. Въ книгѣ приводится много трогательныхъ эпизодовъ изъ жизни этого „утрированнаго филантропа“, какъ называлъ Гааза командиръ отд. корпуса внутренней стражи, ген. Капцевичъ. Что всего цѣннѣе въ этой обаятельной фигурѣ „человѣколюбца“—такъ это его страстная, неудержимая настойчивость въ борьбѣ съ тысячами препятствій, шедшихъ изъ глубины канцелярской трясины и бездушнаго формализма. Какъ отрѣшался Гаазъ, борясь за правое дѣло, отъ своего самолюбія, отъ своего „я“, показываетъ хотя бы такой небольшой фактъ, рассказываемый г. Кони. Однажды предсѣдатель тюремнаго комитета, князь Голицынъ, въ общемъ, всегда сочувствовавшій Гаазу и отстаивавшій его, былъ раздраженъ шумными протестами „безпокойнаго“ доктора противъ какаго-то постановленія комитета и сказалъ ему тутъ-же: „Если вы будете продолжать, то я прикажу жандармамъ васъ вывести“. На это Гаазъ, улыбаясь, отвѣтилъ: „Вы ничего не выиграете отъ этого, князь; я вернусь черезъ окно“. Заставъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности въ Москвѣ, варварскій способъ отправленія по этапу „на прутъ“ (тяжелая желѣзная палка съ прикованными къ ней короткими цѣпами для шестерыхъ арестантовъ) онъ упорнымъ трудомъ добился хоть частичнаго облегченія ихъ участи: этапныхъ стали пересылать безъ прута и на болѣе длинной цѣпи, изобрѣтенной самимъ Гаазомъ; по этому поводу въ Москвѣ рассказывали, что губернаторъ Сенявинъ, приѣхавъ однажды къ Гаазу по дѣлу, засталъ его „непрерывно ходящимъ, пѣлъ аккомпаниментъ какаго-то лягга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ... съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои „облегченные“ кандалы и прошелъ въ нихъ разстояніе, равное первому этапному переходу“ отъ Москвы до Богородска, чтобы „знать, каково имъ идти въ такихъ кандалахъ“ (стр. 85). Не поддаваясь искушенію дѣлать изъ книги г. Кони большія и многочисленныя выписки, мы отсылаемъ читателя къ самой

книгѣ; она можетъ доставить много истиннаго наслажденія. Напечатанный когда-то въ „Вѣстникѣ Европы“ біографическій очеркъ г. Кони выходитъ теперь уже третьимъ отдѣльнымъ изданіемъ, и этому можно, конечно, только порадоваться. Написанная прекраснымъ языкомъ, книга украшена, кромѣ того, массой превосходныхъ рисунковъ г. Самокишъ-Судковской, и вся въ цѣломъ проникнута необыкновенно-любвинымъ отношеніемъ къ Гаазу. Посвященъ очеркъ харьковскому профессору—гуманисту Л. Л. Гиршману, тоже великому человѣколюбцу и „учителю жизни“. Пишущій эти строки былъ однимъ изъ учениковъ харьковскаго профессора, и свято хранить въ душѣ нравственное обаяніе этого рѣдкаго человѣка. Лучшаго посвященія нельзя было придумать, и можно пожелать, чтобы нынѣ живущій харьковскій „Гаазъ“ нашелъ когда-нибудь такого-же талантливаго и любящаго біографа, какъ А. Ф. Кони. И что еще важнѣе, можно пожелать, чтобы „Гаазы“ встрѣчали благоприятныя условія для работы, не тратили своихъ богатыхъ силъ на борьбу съ канцелярскою „гидрой“ и, умирая, не должны были, какъ Ѳ. П. Гаазъ, быть похороненными на счетъ „полицейскихъ суммъ г. Москвы“...

Врачъ Л. Василевскій.

В. Ѳ. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. М. 1903. in 8-vo. Стр. XXIV+306. Ц. 1 руб. 25 коп.

Русская исторія была и все еще продолжаетъ оставаться падчерицей русской научно-популярной литературы... Она курьезна даже въ такихъ произведеніяхъ, авторамъ которыхъ нельзя отказать ни въ искреннихъ желаніяхъ, ни въ серьезныхъ стремленіяхъ приблизить изложеніе русскаго прошлаго къ современнымъ научнымъ и практическимъ потребностямъ. Къ стыду нашей литературы надо признать, что нѣтъ у насъ ни общаго курса русской исторіи для средней публики („Очерки“ П. Н. Милюкова и „Курсъ“ В. О. Ключевского требуютъ отъ читающихъ нѣкоторой подготовки и по русской исторіи, и по части умѣнья владѣть серьезною книгой), ни сколько-нибудь приличнаго учебника.... Никакихъ пробѣловъ не восполняетъ въ русской литературѣ и книжка г. Икономова: она написана безъ опредѣленнаго плана, виѣ какой-либо системы, мѣстами неопредѣленно, мѣстами въ формѣ обильнаго пропусками и недомолвками каталога, зато на всемъ протяженіи утомительно и скучно. Правда, критика была бы несправедливой, если бъ она не отгѣнила рѣзко намѣренія г. Икономова занять вниманіе читающихъ серьезными темами въ области отечественнаго прошлаго, а равно несомнѣннаго знакомства автора и съ литературою предмета,

и съ новѣйшими запросами исторической любознательности. Книжка г. Икономова, если хотите, по своему содержанію шире поставленнаго на ней заголовка, а этототъ послѣдній не соотвѣтствуетъ поставленной авторомъ задачѣ. Мы не видимъ у г. Икономова цѣльныхъ „очерковъ“, а лишь нѣсколько главъ, матеріалъ которыхъ подобранъ механически и далеко не всегда стройно и логически разбитъ по нимъ. Попробуемъ перечислить эти главы: I—„Границы московскаго государства въ XVII вѣкѣ, почва, климатъ, растительность, животный міръ, население, города“ (стр. 60—69); II—„Классы и сословія русскаго общества“ (стр. 70—94); III—„Устройство управления, судоустройство, судопроизводство и законодательство“ (стр. 95—143); IV—„Устройство церковнаго управленія, религиозный бытъ народа и расколъ въ русской церкви“ (стр. 144—175); V—„Государственное и народное хозяйство“ (стр. 176—200); VI—„Устройство народной обороны“ (стр. 201—212); VII—„Сношенія съ иностранными государствами и положеніе иностранцевъ въ московской Руси“ (стр. 213—233); VIII—„Образованность русскаго общества“ (стр. 234—265) и, наконецъ, IX—„Домашній бытъ и нравы“ (стр. 266—306). Первая глава— всего въ десять страничекъ—обширна по своей темѣ, укладывающейся при желаніи въ цѣлую толстую книгу; читатель узнаетъ изъ нея, что уже въ XVII вѣкѣ по Россіи протекала Волга и что уже тогда существовали города Тверь съ Тамбовомъ. Кстати авторъ два, три слова говоритъ о народной оборонѣ, а между тѣмъ этой послѣдней темѣ посвящена особая глава, тоже въ десять страничекъ! Только какъ разъ въ ней ничего не говорится ни о засѣчной, ни о сторожевой службѣ. Авторъ даетъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о дворянской помѣстной конницѣ и о роли иностранцевъ въ устройствѣ полковъ иноземнаго строя. Но служилый классъ занимаетъ еще разъ читателя во второй главѣ, а иностранцы—въ седьмой. Въ тому же свѣдѣнія, сообщаемыя г. Икономовымъ въ шестой главѣ, мало говорятъ воображенію читателя и не приведены въ надлежащую связь съ будущей петровской реформой. Вытъ, культура русскаго народа въ XVII вѣкѣ, понимая это выраженіе въ узкомъ смыслѣ, разсортированы у автора по нѣсколькимъ главамъ, такъ что никакой картины, никакого „очерка“ не получается: названная тема чисто внѣшнимъ образомъ трактуется и въ IV-ой, и въ VII-ой, и въ двухъ послѣднихъ главахъ. Для чего въ самомъ дѣлѣ г. Икономовъ о церковномъ управленіи говоритъ въ IV-ой, а не въ III-й главѣ, или какъ можно говорить о расколѣ въ русской церкви въ IV-й главѣ, когда образованность русскаго общества излагается много дальше, въ VIII-ой главѣ, или еще чѣмъ можно объяснить, что религиозный бытъ затронутъ въ одной главѣ, а нравы совѣмъ въ другой? Изложеніе, такимъ образомъ, находится въ состояніи полного хаоса, а механи-

ческое соединеніе разнообразныхъ темъ въ отдѣльныхъ главахъ производить въ головѣ читателя полный сумбуръ, не давая никакихъ картинъ или выразительныхъ образовъ. Надо замѣтить, что авторъ удивительно смѣль въ своихъ безличныхъ и ничего не выражающихъ построеніяхъ. Такъ указаннымъ девяти главамъ предшествуетъ *введеніе* (стр. 1—59), называющее ни много, ни мало какъ семь вѣковъ русской исторіи на шести десяткахъ страницъ разгонистой печати. Само собою разумѣется, что читатель „Очерковъ“ г. Икономова ровнио ничего не можетъ вынести изъ такого введенія, особенно если признать, что при ограниченномъ количествѣ страницъ авторъ умѣетъ повторяться, быть расплывчатымъ и иврѣдеа возвышаться до эпитетовъ и лирическихъ замѣчалій. Языкъ книги далеко не всегда ясенъ, конкретная иллюстрація отсутствуетъ, юридическія опредѣленія туманны и сбивчивы, терминологія вполне либеральная! Все это недостатки непростительные для научно-популярной книги, претендующей на живое и выпуклое изображеніе, на попытку дать читателю высшій синтезъ допетровской эпохи. У автора были въ распоряженіи очень хорошіе источники: видно знакомство съ „Исторіей Россіи“ С. М. Соловьева, съ „Курсомъ русской исторіи“ В. О. Ключевского, съ „Очерками по исторіи русской культуры“ П. Н. Милюкова, съ трудами И. Е. Забѣлина и Н. И. Костомарова, но умѣнья пользоваться литературными пособіями, умѣнья во время заглянуть въ первоисточники у г. Икономова или вовсе нѣтъ, или же онъ не хотѣлъ вскрыть передъ читателями это умѣнье. Въ какомъ искаженномъ видѣ трактуется, напр., во введеніи очередной порядокъ княжескаго владѣнія, хотя авторъ выписалъ у г. Ключевского даже слова „передвижка.“ Г. Икономовъ препарируетъ по-своему свой источникъ и, препарируя, искажаетъ его основной тонъ и часто смыслъ, какъ будто недозволительно или плохо брать изъ хорошаго источника полтинныя цитаты. Особенно, по нашему мнѣнію, трудно пересказывать оригинальное изложеніе В. О. Ключевского, у котораго... ну, словомъ, изъ пѣсни слова не выкинешь!

Мы не будемъ загромождать нашъ отзывъ соответственными выдержками изъ книжки г. Икономова; прочитавшіе введеніе къ ней надо думать, не двинутся дальше. Позвольте, однако, отмѣтить двѣ, три частности. Въ началѣ III-ей главы авторъ неожиданно говоритъ о Грозномъ, „передъ которымъ всѣ трепетали“. „Но это былъ больной царь,“ прибавляетъ г. Икономовъ (стр. 95). Династія „скоро умерла,“ а вмѣстѣ съ тѣмъ „замутилась земля русская, все въ ней запаталось,“ когда „смута прекратилась,“ московское правительство „охотно приглашало въ Москву совѣтныхъ людей на земскіе соборы.“ Это—образчикъ авторскаго перехода къ вопросу о земскихъ соборахъ! О смутѣ и ея прекращеніи вновъ чита-

емъ въ началѣ VI-ой главы и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Это— переходъ къ изложенію особенностей московскаго войска! Въ концѣ VII-ой главы совершенно неожиданно встрѣчаемъ панегирикъ Петру I. Въ одномъ мѣстѣ авторъ сообщаетъ, что „въ 1550 году былъ изданъ Судебникъ, т. е. сводъ законовъ,“ а въ другомъ, что „была издана Уложенная книга или Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ сведены воедино и согласованы между собою отдѣльные статейные списки или уставы.“ Изъ такихъ опредѣленій трудно что-нибудь понять неопытному читателю, но подобныя опредѣленія въ книгѣ г. Икономова не мало. Не мало можно отмѣтить въ ней и прямыхъ неточностей.

Авторъ въ правѣ попрекнуть насъ тѣмъ, что мы предъявляемъ къ его книгѣ, весьма старательно составленной и въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворительной, нѣсколько преувеличенныя требованія. Едва ли этотъ попрекъ будетъ справедливымъ. Книга г. Икономова составляетъ XXVII-ой выпускъ „Библиотеки для самообразованія,“ издаваемой товариществомъ И. Д. Сытина. „Библиотека для самообразованія“ имѣетъ очень опредѣленную фязіономію. Мы привыкли всрѣчать въ ней научно-популярныя работы въ собственномъ смыслѣ этого слова; она рассчитана на читателя, ищущаго научнаго образованія путемъ домашняго чтенія. Книга г. Икономова представляетъ въ „Библиотеку для самообразованія“ печальное исключеніе, съ чѣмъ согласится, конечно, и самъ авторъ; она совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ читательскимъ требованіямъ, какія предъявляются въ „Библиотеку для самообразованія.“ У послѣдней есть извѣстная репутация и она напрасно ее портитъ, вводя въ заблужденіе читателя и ставя въ неловкое положеніе автора. Еще хуже, что неосмотрительность редакціи „Библиотеки для самообразованія“ ставитъ въ странное положеніе и „Комиссію по организаціи домашняго чтенія“ въ Москвѣ. Рецензентъ „Журнала для всѣхъ“ (февраль, стр. 125) приписалъ книгу г. Икономова надательской дѣятельности названной Комисіи, вѣроятно, по той причинѣ, что при изданіяхъ „Библиотеки для самообразованія“ прилагаются объявленія Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и помѣщаются предисловія, изъ которыхъ можно заключать о связи между „Библиотекой“ и „Комиссіей.“ Эти предисловія давно надо переработать, ибо упомянутая сейчасъ связь превратилась въ поэтическую мечту, а книги г. Икономова Комиссія не рассматривала, а слѣдовательно, не рекомендовала. Утвержденіе рецензента „Журнала для всѣхъ“ представляется, такимъ образомъ, совершенно не соотвѣтствующимъ дѣйствительности и лишь вводящимъ въ заблужденіе читателей. Для извѣстнаго круга элементарныхъ русскихъ читателей книга г. Икономова, при условіи полной ея переработки, могла бы быть полезной.

Вас. Никлаевъ.

В. В. Авчинникова: Проституція и проф. В. М. Тарновскій. С.-Петербургъ. 1904. Цѣна 30 коп.

Брошюра г-жи Авчинниковой, прочитанная раньше въ видѣ публичной лекціи, посвящена тому же вопросу, какъ и вышедшая въ прошломъ году книга А. Елистратова: „О прикрѣпленіи женщины къ проституціи“. Г-жа Авчинникова—убѣжденная аболіціонистка. Она старается доказать, что врачебно-полицейскій надзоръ за проститутками прежде всего бесполезенъ, такъ какъ имъ не достигается вовсе уничтоженіе сифилиса. Въ Петербургѣ и Москвѣ на дома терпимости падаетъ 39 и 38% всѣхъ случаевъ заболѣваемости. Регламентация проституціи не только бесполезна, она прямо вредна. Большинство заболѣвшихъ дѣвушекъ преднамѣренно не лѣчится изъ одной боязни получить желтый билетъ. Врачебно-полицейскій надзоръ нелѣзъ уже по одному тому соображенію, что изъ него изъяты мужчины, которымъ предоставляется, такимъ образомъ, полное право разносить кругомъ заразу. За уничтоженіе регламентации говоритъ краснорѣчиво то обстоятельство, что въ странахъ, гдѣ ея нѣтъ, процентъ сифилитиковъ сравнительно ничтоженъ, напримѣръ, въ Англии, Америкѣ, Дании и Норвегіи.

Вооружаясь противъ регламентации, г-жа Авчинникова должна естественно возстать и противъ проф. Тарновскаго, главнаго ея защитника у насъ въ Россіи. Въ своей книгѣ „Проституція и аболіціонизмъ“ проф. Тарновскій доказывалъ, какъ извѣстно, что регламентированная проституція является полезнымъ государственнымъ учрежденіемъ, давая пылкимъ юношамъ возможность безъ вреда для „общества“ расходовать накопившіяся страсти. Правда, она предполагаетъ эксплуатацію десятковъ тысячъ несчастныхъ дѣвушекъ. Однако, этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію профессора, не слѣдуетъ особенно смущаться, такъ какъ проститутки, какъ несомнѣнныя дегенератки, не настоящіе люди. Г-жа Авчинникова вскрываетъ довольно удачно какъ логическія противорѣчія, такъ и нравственную беззащитность въ аргументации профессора. Достаточно вспомнить, что 89% нашихъ проституткокъ—сароты, чтобы понять всю неосновательность ученія Ломброзо-Тарновскаго о проституціи, какъ результатъ вырожденія. Полемика автора съ профессоромъ—лучшая часть брошюры. Г-жа Авчинникова вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Читатель, несомнѣнно, проникнется презрѣніемъ къ ученому, отдавшему науку на служеніе принципу эксплуатаціи. Къ сожалѣнію, онъ не проникнется особенной симпатіей и къ его оппоненту. Г-жа Авчинникова удѣляетъ въ своей брошюрѣ слишкомъ много мѣста своей особѣ. Она рассказываетъ читателю, что окончила парижскій университетъ и читала

свою лекцію съ разрѣшеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Она съ необычайной добросовѣстностью отличаетъ въ своей брошюрѣ всѣ тѣ мѣста, которыя вызвали въ аудиторіи аплодисменты, смѣхъ или движеніе. Читатель узнаетъ, что ей въ концѣ была устроена овація. Все это напечатано рекламой, къ которой наша публика, посѣщающая лекціи и читающая книги, къ счастью, еще не привыкла. Г-жа Авчинникова скромно сравниваетъ себя въ одномъ мѣстѣ (стр. 7) съ „ничтожнымъ комаромъ“, нападеніе котораго пройдетъ совершенно незамѣченнымъ для такого „льва“, какимъ является проф. Тарновскій. Однако, читатель все время выноситъ такое впечатлѣніе, что она ему говоритъ: „Ротъ, мошь, какая я умная и ученая“.

Кто уже знакомъ съ литературой, посвященной на западѣ и у насъ вопросу объ аболіціонизмѣ, тотъ не найдетъ въ брошюрѣ г-жи Авчинниковой ни новыхъ мыслей, ни новыхъ данныхъ, но она можетъ быть полезна для тѣхъ, кто хотѣлъ бы получить предварительное представленіе о томъ, все развивающемся движеніи противъ регламентаціи проституціи, которое извѣстный французскій публицистъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ аболіціонистовъ, Ивъ Гюйо назвалъ нѣсколько высокопарно— „крестовымъ походомъ въ защиту женщины“.

В. Фриче.

Д-ръ А. И. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Вопросъ о распространеніи сифилиса и мѣрахъ борьбы съ нимъ является вопросомъ не только узко медицинскимъ, какъ ранѣе на него смотрѣли, но и общественнымъ, а слѣдовательно, и успѣхъ борьбы съ нимъ можетъ быть отъ совмѣстныхъ усилій врачей, общества и правительства. Сифилисъ разрушаетъ и физическое, и нравственное, и матеріальное благосостояніе не только самого больного, но и народа, постепенно ведя его къ вымиранію. Чтобы успѣшнѣе бороться съ такимъ бѣдствіемъ, необходимо знать, что такое сифилисъ, какими путями онъ распространяется и т. д. Съ этой стороны трудъ д-ра Розенквиста, составленный на основаніи личныхъ наблюденій и многочисленныхъ литературныхъ данныхъ, можетъ оказать немаловажную услугу интересующимся даннымъ вопросомъ. Въ основу своего очерка авторъ положилъ тѣ мѣропріятія, которыя были выработаны первымъ сифилитологическимъ съѣздомъ и, дополнивъ ихъ имѣющимися литературными данными, старается доказать, насколько въ дѣйствительности жизненны тѣ принципы, которые заложены въ основѣ

постановленій указаннаго сѣзда, что изъ этихъ постановленій такъ или иначе проведено въ жизнь и что замѣчено къ осуществленію.

Вось трудъ автора, кромѣ введенія, заключенія и указателя литературы за послѣдніе года, распадается на слѣдующія четыре главы: обнаруженіе сифилитиковъ и ихъ регистрація, во второй говорится объ опредѣленіи путей и способовъ распространенія сифилиса въ населеніи; въ третьей—мѣры, предупреждающія распространеніе сифилиса въ населеніи, и въ послѣдней—объ организаціи врачебной помощи. Составивъ все эти данныя какъ сѣзда, такъ и другихъ авторовъ, освѣтивъ ихъ надлежащимъ образомъ, авторъ приходитъ къ выводу, что усилѣніи борьбы съ сифилисомъ, пустившимъ глубокіе корни у насъ не только въ городскомъ, но и сельскомъ населеніи, возможенъ при условіяхъ, когда само населеніе будетъ ознакомлено съ сущностью болѣзни, будетъ сознавать всю опасность сифилиса, предохраняя себя отъ заболѣванія—словомъ, „когда степень культуры нашего народа въ нравственномъ, умственномъ и материальномъ отношеніи будетъ повышена“. Эти принципы заложены въ основы постановленій сѣзда. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ они не проводятся и далеки еще отъ осуществленія. Далѣе авторъ много мѣста удѣлилъ проституціи (42—74) и борьбѣ съ нею, мимоходомъ упоминая о распространеніи сифилиса среди рабочихъ и учащейся молодежи.—Нельзя не указать на приводимыя авторомъ интересныя свѣдѣнія о лечившихся отъ сифилиса въ Московской Мясницкой больницѣ съ цѣлью выясненія вопроса о цѣлесообразности амбулаторнаго леченія сифилитиковъ—по вопросу поднятому д-мъ Шляевымъ. Книга читается съ интересомъ.

Д. Никольскій.

W. Бонаровскій. Изъ народной медицины. Лечение нефтью и скипидаромъ. СПб. 1904; Стр. 16. Ц. 1 р. (!)

Кто онъ, этотъ таинственный и могущественный г. W. Бонаровскій черезъ „w“. Несомнѣнно, не врачъ—такъ говоритъ онъ самъ, а еще больше его недѣльная книжечка—листовка, за которую онъ милостиво проситъ всего только одинъ рубль. Это страшно дешево—за листовку, напечатанную самимъ г. А. С. Суворинымъ и содержащую, вдобавокъ, вѣрное средство отъ столькихъ болѣзней: и воспаленіе легкихъ, и ревматизмъ, и лишай, и чесотка, и черви (тоже болѣзнь?), и холерина, и брюшной тифъ, и грибы (?). По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что авторъ—любовообильный помѣщикъ, помогающій больнымъ пейзажамъ; несомнѣнно, онъ въ близкомъ родствѣ съ генеральшей-героиней чеховскихъ „Симулянтовъ“,“

но лечить не легкомысленной гомеопатией, а средствами „народной медицины“—нефтью и скипидаромъ. Авторъ и не подозреваетъ, что онъ ломится въ давно открытыя двери: скипидаръ издавна занимаетъ прочное мѣсто въ научной медицинѣ. Въ книжкѣ курьезовъ не оберешься: авторъ скорбятъ о томъ, что для медицины пропадаютъ лечебныя тайны знахарства, и совѣтуетъ, поэтому, устроить въ столицѣ центральный „институтъ народной медицины.“ Этотъ институтъ черезъ своихъ агентовъ долженъ вести переговоры о покупкѣ у знахарей секретовъ, а затѣмъ лечить,—вотъ и все. Книжка обнаруживаетъ невѣжество, поразительное не только для цѣлителя: мухи кладутъ въ раны яички, а изъ яичекъ получаются черви (стр. 11); лишай бываетъ преимущественно двухъ видовъ: сухіе и мокрые (стр. 9); ревматизмъ бываетъ суставный и простой (стр. 7—8). Случай „излечения“ изложенъ бездоказательно, безтолково и безграмотно. Вообще у автора „отъ избытка чувствъ уста глаголютъ,“ и вся книжка—предпріятіе, говоря мягко... смѣлое.

Врачъ Л. Василевскій.

Изданія „Посредника“ №№ 477, 478, 481, 483, 485, 486, 488, 491, 492, 501, 511.

Въ приведенной серіи изданій „Посредника“ мы опять встрѣчаемъ нѣсколько рассказовъ, касающихся войны. Всѣ они представляютъ собой переводы и передѣлки иностранныхъ авторовъ. Полная мира и счастья „деревушка Благодатная“ въ брошюрѣ того же названія (№ 478, по Уйду наложила О. Н. Забѣлло) исчезаетъ съ лица земли, залитая кровью и огнемъ пожара, благодаря войнѣ между двумя культурными народами Европы. Гибнетъ также въ рассказѣ „Подъ выстрѣлами“ (№ 486, съ нѣмецкаго переводъ А. Веселовской) веселый, жизнерадостный юноша, только что, какъ ребенокъ, забавлявшійся разукрашенной елочкой и подарками, присланными ему изъ роднаго дома, а дома сердце матери облилось кровью отъ предчувствія рокового удара. Въ маленькомъ рассказѣ Мопассана „Калѣвка“ та же война превратила красиваго, стройнаго юношу, съ увлеченіемъ когда-то танцовавшаго въ кругу молодежи, въ безногаго калѣку и разрушила его личную жизнь, съ тѣмъ, впрочемъ, онъ сумѣлъ примириться съ полнымъ достоинствомъ.

Другой рассказъ Мопассана „Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца“ (№ 491) касается вопроса семьи и официальной морали, при чемъ Мопассанъ рисуетъ только картинку жизни, ни однимъ словомъ не высказываясь противъ этой морали, отравляющей жизнь и ни въ чемъ неповинному ребенку, и его честной и мужественной матери. Въ той же брошюрѣ напечатанъ и извѣстный маленькій рассказъ „Дитя стрѣлочника“ о томъ, какъ стрѣ-

дочникъ, ради спасенія цѣлаго пассажирскаго поѣзда, пожертвовалъ жизнью своего собственнаго ребенка.

Финскій рассказъ Піэтари Пэйверинта „Загубленная жизнь“ (№ 481) и „Лихой врагъ“, Э. С. Вульфсона (№ 477) написаны на одну и ту же тему, на тему о томъ, какъ губить человѣка злоупотребленіе спиртными напитками, какъ они калѣчатъ его и разрушаютъ его семейную жизнь. Въ рассказѣ Пэйверинта такой погибшій человѣкъ, подъ влияніемъ словъ ободренія и духовной поддержки, снова возрождается къ жизни.

Въ русскомъ же рассказѣ Вульфсона нѣтъ и не предполагается этого примиренія съ жизнью, какъ нѣтъ надежды вернуть молодому парню отнятую у него ногу. Все было свѣтло и радостно кругомъ, когда вышелъ Илья калѣкой изъ больницы, все стремилось жить, только у него было смутно и темно въ душѣ, „словно въ глухую, осеннюю полночь“. Пренній веселый, разбитной парень навсегда исчезъ.

Болѣе общественный характеръ носятъ слѣдующіе рассказы: „Два ребенка“, Ф. Горностаева (№ 492), „Учительница“, его же (№ 488), „Докторъ Рашко“, С. Васюкова и „Голосъ совѣсти“, съ украинскаго, по В. Гринченко (№ 511). Первые три рисуютъ намъ свѣтлыя фигуры людей, беззавѣтно отдающихъ себя на служеніе человѣчеству: тутъ докторъ, оставляющій своего собственнаго умирающаго сына и идущій спасать чужого ребенка, тамъ маленькая учительница, вложившая все свое великое сердце въ дѣло помощи ближнему; затѣмъ опять докторъ — Рашко — про котораго поселяне съ гордостью говорили: „Это нашъ докторъ!“ Всѣ три рассказа повѣствуютъ объ интеллигенціи, несущей свои званія въ темныя массы народа.

Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ брошюра „Голосъ совѣсти“. Авторъ, повидимому, всѣми силами старается вселить въ читателей популярной литературы священное отношеніе къ институту частной собственности и приводитъ героя своего рассказа чуть не къ самоубійству изъ-за того, что онъ, въ минуту безысходной нужды и въ виду чуть не голодной смерти жены и ребенка, взялъ изъ общественнаго магазина тайно три мѣшка зерна. „Не съ голоду же помирать, право!“ — резонно разсуждаетъ онъ передъ совершеніемъ своего поступка. — „Вѣдь, мое добро, не чье-нибудь! Вѣдь, я же въ магазинъ ссыпалъ, а теперь, какъ ѣсть нечего, такъ и не мое стало. Гдѣ же тутъ правда? Вѣдь, для того и ссыпалъ, чтобы на черный день было!“... И дѣйствительно, для того и должны существовать общественныя запасы зерна, „чтобы на черный день было,“ и если ихъ не выдаютъ умирающему съ голоду человѣку, то только лишь благодаря бюрократической неурядицѣ.

Унизительнаго для человѣческаго достоинства и, если хотите, преступнаго,

въ поступкѣ героя разсказа есть только его тайна. Трудящійся человѣкъ долженъ сознательно относиться къ своему праву на результатъ своего труда.

На обложкѣ брошюры „Нередникъ“ (№ 483, разсказъ крестьянина С. Ф. Егорова) нарисованъ онъ самъ,—сѣдой старикъ, въ изступленіи посылающій проклятія Волгѣ, унесшей всѣ его труды, все его богатство. Разсказъ какъ мы видимъ, написанъ крестьяниномъ; онъ страдает нѣкоторыми длиннотами, но зато въ немъ ясными и простыми словами рисуется передъ читателемъ вся драма безпросвѣтной, трудовой жизни крестьянина. „Да, вездѣ пратѣсняютъ нашего брата“,—думаетъ про себя нередникъ Евсеечъ,—„всѣ норовятъ сѣзлить на нашей шеѣ. И что мы, въ самомъ дѣлѣ, за несчастные людишки, что каждому желательно поживиться насчетъ нашихъ каторжныхъ трудовъ? И все это оттого, что людямъ извѣстна наша бѣдность: безжалостные, знаютъ они, что намъ жрать нечего и волей-неволей будешь кланяться да просить заработка. Ни ѣсть, ни топить избу, ни одежды, ни обуви, нѣтъ ничего! а гдѣ взять? Посѣялъ—не уродилось. На глиняхъ пожгло, на пескѣ повынесло, а хорошая земля все также во власти какого-нибудь Липатича же“.... И вотъ ко всѣмъ обычнымъ его врагамъ и эксплуататорамъ его рабочей силы присоединяется еще новый—сама природа. Терпѣніе старика порвалось, и онъ послалъ грозное проклятiе этому своему новому врагу, но затѣмъ скоро опомнился и только горько заплакалъ,—передъ нимъ опять та же полная безконечнаго и одинокаго терпѣнія жизнь, только теперь еще болѣе обремененная тяжелой нуждой.

Маленькая брошюра „Вѣлая одежда“ (№ 485) есть сказка, основная мысль которой состоитъ въ томъ, что „сильнаго можно подкупить, хитраго перехитрить, но ничѣмъ нельзя побѣдить праведнаго“. Сказка написана довольно занимательно.

„Индійскій мудрецъ Сидарта-Будда“ (№ 501) представляетъ собой еще одно изъ популярныхъ изложеній буддійскаго ученія и притомъ очень обстоятельное для такой маленькой книжки. Начинается брошюра описаніемъ Индіи, ея населенія, исторіи древнихъ индусовъ, ихъ религій и нравовъ, а затѣмъ слѣдуетъ біографія Будды и изложеніе его ученія.

Въ концѣ брошюры авторъ ея знакомитъ читателей съ распространеніемъ буддизма и краткой его исторіей.

Въ интересахъ распространенія хорошей книжки еще разъ нельзя не пожалѣть, что брошюры „Посредника“ такъ плохо сброшюрованы, что рассыпаются при первомъ же чтеніи. Правда, такимъ невзрачнымъ видомъ книжки достигается необыкновенная дешевизна ея, но зато каждая отдѣльная брошюра не можетъ имѣть много читателей и скоро исчезаетъ

въ употребленіи. Нѣкоторыя же брошюры, какъ, напримѣръ, „Нередики“, напечатаны еще слишкомъ мелкимъ шрифтомъ. Этимъ она можетъ много терять и при чтеніи, и при распространеніи, что было бы очень жаль.

В. Величкина.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Изд. Вятскаго Т-ва И. Данилинъ. Насловіе. Разсказъ. Цѣна 6 коп. С. Елпатовскій. Гекторъ. Разсказъ. Цѣна 5 коп. А. Барановъ. Макарычъ. Разсказъ. Цѣна 2 коп. В. Дмитриева. Баба-Иванъ и ея крестникъ. Цѣна 15 коп. Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка. Разсказъ. Цѣна 2 коп. Танъ. Авдотья и Ривка. Цѣна 8 к. И. Данилинъ. Панкратычъ. Цѣна 3 коп. Е. Волкова. Первый русскій печатникъ. Истор. разсказъ. Цѣна 6 коп. Сборники избр. произв. русск. и иностр. поэт. вып. 2-й „Несчастные“ цѣна 6 коп. Выпускъ 3-й сказки и легенды. Цѣна 12 коп. Выпускъ 4-й Крестьянскія дѣти. Цѣна 7 коп. Выпускъ 5-й. Женская доля, цѣна 10 коп. I. А. В-въ. Какъ защищать свои имущественныя права на судѣ. Цѣна 10 коп. I. А. В-въ. О томъ, какъ защищать себя на судѣ. Цѣна 15 к.

Изданіе М. В. Пирожкова. А. Де-Морсье. Права женщины. Ц. 50 к. М и х. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, 1859 — 1865 г. Ц. 3 руб. Л. Гуревичъ. Сѣдокъ и другіе разсказы. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изданіе А. Ф. Маркса. И. Н. Потапенко. Счастье по неволѣ. Ц. 1 р. 50 к. т. I. И. Н. Потапенко. Побѣда. Ц. 1 р. 50 к. т. V.

Изд. Акціон. О-ва „Брокгаузъ-Ефронъ“. В. Стасовъ. Венеціанскій купецъ Шекспира.

Изд. Н. Глаголева. Танъ. Очерки и разсказы. Томъ третій. Ц. 1 рубль. Танъ. Пашенькина смерть. Разсказъ. Цѣна 7 коп. Танъ. Черный студентъ. Разсказъ. Цѣна 4 коп. Танъ. Кто первый пролилъ на землѣ кровь. Очеркъ. Цѣна 4 коп. Танъ. Очерки и разсказы т. 4. 2-ое изд. Цѣна 1 руб.

Изд. О. Н. Поповой. А. Щетинскій. Практическое руководство къ собранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Цѣна 50 коп.

Изд. газ. „Промышленный міръ“. А. С. Залшупина. Энциклопедія Ванковаго Дѣла. Ц. 3 р.

Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. И. Д. Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Ц. 60 к.

Изд. Л. Ф. Пантелеева. А. Комба-дра. Дѣтская нервозность. Ц. 50 к. Японія съ приложеніемъ карты. Корея и Манджурія. Война Россіи и Японіи.

Отчетъ о дѣятельности Народной безпл. бібліотеки-читальни, въ им. С. И. Никифорова въ Луговѣ Сиб. уѣзда.

Отчет общества для распространения просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1903 г.

Александръ Новиковъ. Единственная повѣсть Каценбогена. Цѣна 15 коп.

Дмитрій Язиковъ. Августѣйшія поѣтъ (К. Р.) Критико-біографическій очеркъ. Федоръ Антоновичъ Туманскій. Цѣна 20 к. Князь Владиміръ Федоровичъ Одоевскій. Цѣна 20 коп. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Цѣна 20 коп. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Цѣна 20 коп.

Н. Карфевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 5-е. Ц. 50 к. Письма къ учащейся молодежи. Изд. 8-е. Ц. 50 к.

Ф. Софроновъ. Механика общественныхъ идеаловъ. Цѣна 50 к.

Е. Н. Любичъ. Тѣни жизни. Цѣна 50 к.

Гетте. Зоологія. Съ 66 рисунками. перев. подъ ред. П. Сушкина. М. 1904. Ц. 40 к.

Библиотека для всѣхъ. Н. Гаринъ. На практикѣ. Цѣна 5 коп. С. Елпатовскій. Апельсины. Цѣна 3 коп. О. Кирилъ. Цѣна 5 к. Служащій. Цѣна 10 коп. Ив. Наживинъ. Дымъ, изъ жизни Париза. Ц. 1 к. Два старика. Ц. 3 коп.

В. Э. Денъ. Задачи экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. Цѣна 40 коп.

П. Первовъ. Международная школьная переписка.

Вл. Воморгъ. Слезы Ангела. Цѣна 75 коп.

Николай Лавровъ. Разказы „Въ нефть“. Цѣна 1 рубль.

Д-ръ А. В. Розенбаумъ. Мальтузианизмъ и дѣторожденіе. Цѣна 1 рубль.

Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. 3 изд. Цѣна 60 к.

Эдуардъ Мейеръ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Цѣна 50 коп.

В. А. Готвальтъ. Краткія свѣдѣнія изъ неорганической химіи.

Н. Е. Оичуковъ. Печорскія былинны. Цѣна 2 р. 50 коп.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня 1898—1903. Ц. 2 р. Библиот. „Общественной Пользы“.

Г. В. Голлоссъ. Письма изъ Берлина. Ц. 2 руб. Вибл. „Общественной Пользы“.

А. Берло. Учебникъ Русской грамматики. Цѣна 40 к.

М. А. Арнольдъ. Сапъ съ 1894 г. 1901 г.

М. Коцюбинскій Fata-morgana. Ц. 15 к.

Отчетъ Харьковскаго общества взаимопомощи трудящихся жѣнщинъ 1903 г.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности общества по устройству народныхъ чтеній.

XXIV годовою отчетъ о дѣятельности убѣжища для неизлечимыхъ взрослыхъ слѣпыхъ учр. въ пам. докт. мед. Р. Ф. Блессига 1903 г.

Отчетъ Нижегород. город. обществен. библиотеки за 1903 г.

Изд. Л. А. Мунасѣева. Мире. Жизнь. Цѣна 1 руб.

Изд. К. И. Тихомирова. Виноградовъ. Арифметика на счетахъ. Цѣна 20 коп. Ф. Борисовъ и В. Саратовъ. Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для нач. нар. учил. Цѣна 10 коп. В. Н. Саровъ. Сборникъ

грамматическихъ упражненій по русскому правописанію. Вып. 1. Цѣна 5 коп.

Изд. Д. С. Горшкова. А. А. Мануиловъ. Очерки по крестьянскому вопросу. Вып. 1-й. Цѣна 1 руб. 25 коп. А. Дамашке. Задачи городского хозяйства. Цѣна 1 руб. 50 коп.

И. И. Вазлова. Донатъ. Раціи. Докладъ, читанный въ Берлинѣ, въ обществѣ „Уранія“. Цѣна 30 коп.

Изд. Т-ва Донская ртуть. Ф. Поступаевъ. Пѣсни рабочей жизни. Цѣна 10 коп.

Изд. П. П. Сойкина. В. А. Глѣбовскій. Императрица Екатерина II и ея царствованіе. Цѣна 30 коп.

Я. Чимишлійскій. Женскіе типы въ произведеніяхъ Вербицкой. Ц. 30 к.

А. К. Сизова. Новгородскіе новольники XIII вѣка. Цѣна 50 коп.

Ф. С. Красиленниковъ. Малороссія и малороссы. Цѣна 25 коп.

М. Д. Рывкинъ. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Цѣна 1 руб.

Н. П. Стрелмоухова. Въ Бухару. Цѣна 75 коп. Разсказъ-быль. Докторъ Кейра. Извращеніе половой идеи. Цѣна 10 коп.

Вл. Гобчанскій. Какъ рѣшить вопросъ о подготовкѣ преподавателей средней школы.

И. Тенеромо. Катастрофа. Повѣсть. Цѣна 25 коп.

С. А. Козловскій. Сборникъ 200 задачъ, служивъ въ 1873—1903 гг. темами на экз. зрѣл. въ гимн. Цѣна 80 коп.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза.

Складовская-Кюри. Радій и радиоактивными вещества. Цѣна 1 руб.

Изд. С. А. Козловскаго. К. Б. Пеніонжковичъ. Систематическій сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Цѣна 70 коп.

Изд. А. Ф. Маркса. Ad. Fedorow. Die Firma Vogt et Meier Leitfaden für den Deutschen Unterricht. Preis 1 Rubel.

С. Л. Величко. Японская покушка. Изъ № 21-го „Южныхъ Записокъ“ 2-го мая 1904 г.

Г. Шерръ. Всеобщая Исторія Литературы. Вып. V. Книга третья Англія. Вып. VI Книга третья. Англія—Германія. Вып. VII. Книга третья Германія. Вып. VIII. Книга третья. Германія (окончаніе). Нидерланды. Скандинавія. 2-е Изд.

К. Аненниковъ. Система Русскаго Гражданскаго права. Томъ IV Отдѣльными обязательства. Цѣна 4 руб.

Н. И. Карѣевъ. Историческое Обзорѣніе. Томъ XIII.

С. А. Венгеровъ. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. въ двѣнадцат. том. Томъ VII. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. Цѣна 2 руб. 50 коп

Петръ Татаринъ. нар. учит. Ариѳметическій задачникъ. Цѣна 30 к.

Ив. Чистяковъ. Образование народа во Франціи. Эпоха третьей республики (1870—1902). Цѣна 3 руб.

К. Флеровскій. Критика Основныхъ идей естествознанія. Цѣна 2 руб. 50 коп.

А. И. Томсонъ. Реформа въ ущербъ грамотности и правосудію. Цѣна 30 коп.

Изд. Еврейскаго колонизацион. Общ-ва. Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи Евреевъ въ Россіи. Томъ I. и II. Цѣна 6 руб.

Научный Архивъ Виленской окружной лечебницы. № № 1 и 2.

Записки Иваново-Вознесенскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1904 г. Вып. 1-й.

Пятилѣтній опытъ Воронежскаго Губернскаго земства по устройству яслей-пріютовъ.

Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и на читальнъ за 1901 г.

Изд. Нѣмецко-Русское Издательское Общ-во. Путеводитель по Берлину, Западно-Европейскіе курорты и лечебницы.

Изд. В. В. Думнова, В. Гречушкинъ. Краткая географія. Цѣна 30 к.
С. И. Гречушкинъ. Миръ Божій. Третья и четвертая книга для чтенія въ начальн. двухкл. и воскр. школ. Цѣна 80 коп.

Изд. *Wilson Conan Doyle*—Adventures of Sherlock Holmes. Цѣна 50 коп.

Политехн. музей Учеб. отд. Отчетъ о дѣятельн. комиссіи по составл. коллекцій тѣневыхъ картинъ за 1903 г.

очеркъ. 4-е изданіе К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1904. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „Назаревскій, В. Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. IV выпускъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1903. Стр. 127. Цѣна не обозначена.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть. Изданіе 5-е ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 207. Цѣна 65 коп.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп.“

— „Острогорскій, Викторъ. Изъ народнаго быта. Изданіе 6-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 45. Цѣна 10 коп.“

— „Свободинъ, М. Скворцы. Изданіе С. Курнинъ и К°. М. 1903 Стр. 20. Цѣна 15 коп.“

— „Семеновъ, С. Т. Изъ дѣтскихъ лѣтъ крестьянина. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 62. Цѣна 20 коп.“

— „Сергѣенко, П. А. Сестра милосердія. Повѣсть. 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 132. Цѣна 40 коп.“

— „Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ). I. Екатерина Великая и Волгъ. II. Что крѣпче? Два историч. разсказа для дѣтей. Изданіе автора С. Пб. 1903. Стр. 25. Цѣна 25 коп.“

— „Т., Е. Юрій Милославскій. По роману М. Н. Загоскина. изд. ред журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 280. Цѣна 30 коп.“

— „Тиличеева, М. В. Алена или Гдѣ же счастье? (съ французскаго). М. 1904. (Школьная библіотека). Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „Юрьева, М. Въ морѣ житейскомъ. Исторія одного семейства Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 289. Цѣна 1 р.“

— „Федоровъ-Давыдовъ, А. А. Разсказы и сказки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“

Г) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки ¹⁾:

— „I. Братъ милосердія. Повѣсть. II. Ворота настѣжь! или Необыкновенный постоялый дворъ. Быль. № 143. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „Булгаковскій, Д. Г. Противъ пьянства. 2-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній)

¹⁾ Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

- „Буше, Е. Давайте рисовать Легкія упражненія въ рисованіи (Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1902. Стр. 8+21+64 листа рисунковъ. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 1 р.“
- „Варлихъ, В. К. Важнѣйшія болязни нашихъ культурныхъ растений, причиняемыя паразитными грибами. Изданіе А. Ф. Девріена. I. Болѣзни хлѣбныхъ злаковъ. С.-Пб. 1897. Стр. IV+37. Цѣна 50 коп.—II. Болѣзни плодовыхъ деревьевъ. С.-Пб. 1898. Стр. X+140. Цѣна 1 р. 50 коп.“
- „Васинъ, Н. Разказы объ оборонѣ Севастополя. Сборникъ очерковъ и разказовъ. Изданіе М. В. Клюкина (Историческая библиотека). М. 1904. Стр. 88. Цѣна 20 коп.“
- „Верещагинъ, В. П. Народные разказы. Изданіе К. Тихомирова. Слѣзы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Переводъ съ англ. М. А. Железевой. Изданіе 2-е, О. Н. Половой. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+272 Цѣна 1 р. 20 коп.“
- „Горностаевъ, Ѳ. Друзья сельскаго хозяина. Изданіе т-ва И. Д. Ситина. (Библиотека сельскаго хозяина). М. 1903. Стр. 108 III Цѣна 25 коп.“
- „Зандъ, Жоржъ. Великанъ Іеусъ. Сказка. Переводъ М. Д. Никоновой. 2-е изданіе, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 55. Цѣна 2 коп.“
- „Зандъ, Жоржъ. Крылья мужества. Сказка. Переводъ М. Д. Никоновой. 2-е изданіе, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 98. Цѣна 20 коп.“
- „Коропчевскій, Д. А. Первые уроки этнографіи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 176. Цѣна 75 коп.“
- „1) Корея. Исторія ея, политическое устройство, экономическое положеніе, торговля и промышленность. С.Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—2) Карта театра Русско-Японской войны. Цѣна 5 коп. Обѣ—изданія ред. „Новаго Журнала иностранной литературы“.“
- „Кочетковъ, В. Въ чемъ польза травосѣянія и почему оно быстро распространяется? (Деревенское хозяйство. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 30-й). М. 1903. (Стѣнной плакатъ).“
- „Кравчинскій, Дм. Лѣсовозращеніе. Основанія лѣсохозяйственнаго растеніеводства. 2-е изданіе, измѣн., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+273. Цѣна 2 р. 25 коп.“
- „Кругловъ, А. В. Варуль и Онуфрій. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“
- „Лейкинъ, Н. А. Дачные страдальцы. 5 юмористическихъ разказовъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. 244. Цѣна 60 коп.“
- „Дермонтовъ, М. Ю. Ангель и другія стихотворенія. № 290. М. 1903. Стр. 30. Цѣна 1½ коп.“
- „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Кара-ханымъ. (Дешевая библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“
- „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 1) Хитрый нѣмецъ. Стр. 23. Цѣна 5 коп.—2) Дорогой камень. Стр. 48. Цѣна 10 коп.—3) Дѣдушкино

золото. Стр. 40. Цѣна 10 коп.—4) Въ глуши. Стр. 23. Цѣна 7 коп. (Всѣ 4-изданія ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903).“

— „М а м и н ь - С и б и р я к ь, Д. Н. По Уралу. Разказы и очерки 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 185. Цѣна 50 коп.“

— „М и т р о п о л ь с к і й, И. Король камышей. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 86. Цѣна 30 коп.“

— „На что и кладъ, коли въ семьѣ лады. Сборникъ для взрослыхъ про семейную жизнь. № 172. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Контрабандисты. Изданіе 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 206. Цѣна 1 р.“

— „О ж е ш к о, Э л и з а. Въ зимній вечеръ. Переводъ съ польскаго М а р і и Т р о п о в с к о й. № 337. М. 1900. Стр. 103. Цѣна 3 коп.“

— „О р л о в с к і й, С е р г ѣ й. Фредъ. (Школьная библиотека). М. 1904. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „О р л о в ь, Н. Н. Деревенскія бесѣды о житѣ-бытѣ. Выпускъ 1-й. М. 1901. Стр. 121. Цѣна 10 коп.“

— „О с е т р о в ь, З. Б. Деревенская свадьба. Разказъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библиотека). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“ (съ условіемъ пониженія цѣны ея до 3 коп.)

— „О с е т р о в ь, З. Б. Подъ огнемъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библиотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 коп.“

— „О с е т р о в ь, З. Б. Сиротская копейка. Изданіе П. П. Сойкина (Народная библиотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 коп.“

— „О ш а н и н ь, И. А. Общее положеніе о крестьянахъ. Изданіе неофициальное. Рыбинскъ. 1903. Стр. 140. Цѣна 75 коп.“

— „Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Изданіе А. Ф. Девриена. Томъ IV. Картофелекопатели—Ленъ. С.-Пб. 1901. Стр. 1282.—Томъ V. Летучіе пески—Образованіе почвъ. С.-Пб. 1901. Стр. III+1280+4.—Томъ VI. Образованіе сельскохозяйственное—Питомникъ плодовой. С.-Пб. 1902. Стр. 1292.—Томъ VII. Пихта—Пчеловодство въ Россіи. С.-Пб. 1902. Стр. 1280. Цѣна каждому тому 7 р. 50 коп.“

— „Р а д и ч ь, В. А. На стражѣ православія. Изданіе П. П. Сойкина С.-Пб. 1903. Стр. 205. Цѣна 50 коп.“

— „Р у с а н е в и ч ь, А. 1) Сельскія богадѣльни для престарѣлыхъ и одинокихъ крестьянъ. Изданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 коп.—2) Сельскія попечительства или комитеты для организаціи въ деревняхъ благотворительности. Изданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 22. Цѣна 15 коп.—3) Внѣшкольное просвѣщеніе народа въ связи съ разумными его развлеченіями. Екатеринославъ. 1903. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „Самоотверженные. Сборникъ разказовъ. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 224. Цѣна 50 коп.“

— „С е м е н о в ь, С. Алексѣй заводчикъ. Разказъ № 334. М. 1899. Стр. 90. Цѣна не обозначена.“

- „Семеновъ, С. Т. 1) Баська. № 388. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.—2) Дядя Ойрсай. № 461. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“
- „Семеновъ, С. Т. 1) Невѣста. № 463. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.—2) Настасья Большенина. Разсказъ. (Для взрослыхъ) № 181. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“
- „Семеновъ, С. Т. Недруги, Разсказъ. № 378. М. 1900. Стр. 36. Цѣна не обозначена.“
- „Сизова, А. К. Добрый бояринъ стараго времени. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 43. Цѣна 15 коп.“
- „Соболевъ, Алексѣй. Посадка деревьевъ для защиты построекъ отъ пожара. С.-Пб. 1903. Стр. V+113. Цѣна 60 коп.“
- „Старинцынъ, Дм. Крестьянское хозяйство. 2-е изданіе. К. И Тихомирова. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“
- „Толстой, Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 71. Цѣна 80 коп.“
- „Ульяновъ, А. Вакса и Скрипка. Изданіе торг. дома С. Курнннъ и К^о. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 40 коп.“
- „Чеховъ, А. П. Каштанка. Разсказъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Стр. 93. Цѣна 2 р. 50 коп.“
- „Шмулевичъ, Я. М. Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изданіе 4-е, перераб. и доп., А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1904. Стр. XV+364. Цѣна 3 р.“
- „Эберсъ, Георгъ. Человѣкъ бо есмь. Переводъ съ нѣм. Д. И. Котляръ. Изданіе О. Н. Поповой. (Библіотека „Другъ“). С.-Пб. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“
- „Эллиотъ, Джорджъ. Братъ и сестра или Мельница на флосъ. Переводъ съ англ. В. Толстой. № 449. М. 1903. Стр. 504. Цѣна 43 коп.“
- „Юрѣева, М. Пріемншъ. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 88. Цѣна 40 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

- „Гольдманъ, Л. Б. Русское пѣніе. Сборникъ русскихъ гимновъ, народныхъ и военныхъ пѣсенъ. Для трехъ однородныхъ голосовъ. Изданіе 3-е, значит. дополн. С.-Пб. 1903. Стр. 154. Цѣна 1 р.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).
- „Крижъ, В. О. 1) Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. 3-е изданіе И. О. Жиркова. М. 1903. Стр. 124. Цѣна 25 коп.—2) Азбука для сельскихъ школъ. Церковно-славянская азбука. Изданіе И. О. Жирковъ. М. 1902. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы книги, при слѣдующемъ изданіи, были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Покровский, М. Послѣ азбуки. С.-Пб. 1903. Стр. 61. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ). (Повторяется, въ виду неправильно напечатанной, въ октябрьской книжкѣ 1903 г., цѣны книжки).

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Булгаковскій, Д. Г. Первая русская хрестоматія съ подборомъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Изданіе 3-е, М. В. Книжина. М. 1903. Стр. 160. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— „Японскія народныя сказки. Въ переводѣ А. А. Ѳедорова и Давыдова. Изд. ред. журн. „Святлячокъ“ и „Путеводный огонекъ“. М. 1904. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранены недостатки книги).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Двѣ картины, подъ общимъ заглавіемъ: „Война 1853—1856 годовъ Оборона Севастополя. Изданіе газеты „Русское чтеніе“. С.-Пб. 1904. Цѣна за обѣ картины 1 руб.“—допустить къ вывѣшиванію на стѣнахъ классныхъ комнатъ внѣшнихъ учебныхъ заведеній, а также и въ помѣщеніяхъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Изданіе „Пчеловодство. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый подъ ред. С. К. Красноперова. Вятка. Цѣна съ дост. и перес. на домъ 1 р.“—внести въ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: „Ределниъ, Марія. Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 339. Цѣна 1 р. 40 к., въ переп. 2 р.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, включивъ ее также въ каталогъ пособій по домоводству.

— Книгу: „Бильзе, лейтенантъ. Въ маленькомъ гарнизонѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Березовскаго. (Бесплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ“ за 1904 г.). С.Пб. 1904. Стр. 183.“—не допускать въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: *).

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Войновъ, А. Прямолінейная тригонометрія. Изданіе 5-е. М. 1903. Стр. 100 Цѣна 70 коп.“

— „Герасимовъ, М. Русская грамматика для начальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. II+146. Цѣна 25 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „Гессау, Г. Нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Изданіе 5-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 101 Цѣна 35 коп.“

— „Гешель, К. Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Рига. 1903. Стр. VIII+116. Цѣна 40 коп.“

— „Ивановъ, К. А. Востокъ и мнѣм. С.Пб. 1904. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“ (для III класса).

— „Ивановъ, К. А. Элементарный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. С.-Пб. 1904 Стр. 148. Цѣна 60 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „Карскій, Е. Ѳ. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнит. съ русскимъ. 11-е изданіе. Варшава. 1904. Стр. IV+100. Цѣна 50 коп.“

— „Кильдюшевскій, Н. П. Прямолінейная тригонометрія. Казань. 1903. Стр. 124. Цѣна 75 коп.“

— „Кленце, Бернардъ. Курсъ французскаго языка. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. 1-я часть. Начальный курсъ. Изданіе 9-е. Стр. XVIII+200. Цѣна 75 коп.—2-я часть. Курсъ среднихъ классовъ. Изданіе 7-е. Стр. XIX+360. Цѣна 1 р. 40 коп.“

— „Красногорскій, П. Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе 6-е, испр. и доп. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+110. Цѣна 40 коп.“

— „Никольцевъ, П. Арметика. Изданіе 7-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+271. Цѣна 70 коп.“

— „Острогорскій, М. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. 7-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. IV+140. Цѣна 60 коп.“ (для III класса женскихъ гимназій и прогимназій, а также для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Петровъ, Конст. Федор. Русскій языкъ. Этимологія въ образцахъ, 9-е изданіе. С.Пб. 1904. Стр. 2+120. Цѣна 40 коп.—Синтаксисъ въ образцахъ. 10-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“ (также и для низшихъ учебныхъ заведеній).

*) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1904 г. № 5.

— „Пржевальскій, Е. Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 6-е, испр. и доп. М. 1903. Стр. 284. Цѣна 1 р. 35 коп.“

— Чекала, С. Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Этимологія. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. Стр. IV+70. Цѣна 40 коп.“ (съ условіемъ пониженія продажной цѣны ея до 30 коп.).

— Чекала, С. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Курсъ 2-ой. Изданіе 17-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VII—196. Цѣна 80 коп.“

— Шадландъ, А. Полный курсъ французскаго языка. 1-й годъ. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1904. Стр. 111. Цѣна 50 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Вояновъ, А. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе 4-е изданіе М. 1903. Стр. 153. Цѣна 75 коп.“

— „Генкель, А. 1) Школьный ботаническій атласъ. 3-ій выпускъ. Біологія растений. Изданіе подвижнаго музея учебныхъ пособій при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ. 12 таблицъ. С.-Пб. 1903. Цѣна 4 р.—2) Текстъ въ нему. С.-Пб. 1903. Стр. 36.“ (въ качествѣ класснаго учебнаго пособия).

— „Глаголевъ, А. Н. Сборникъ арифметическихъ задачъ. М. 1904. Стр. 295. Цѣна 70 коп.“

— „Картинъ по физической географіи. Изданіе магаз. Гросманъ и Кнебель М. 1903. 20 картинъ въ листахъ. Цѣна 2 руб.“ (въ качествѣ класснаго пособия, съ условіемъ пониженія продажной цѣны до 1 р. 50 коп.“

— „Koch, Arthur. Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. II Teil. Für die unteren Klassen. St. Pbg. 1904. VI+384 S. Preis geb. 1 Rbl. 30 Kop.“ (для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ).

— „Максимовъ, Я., и П. Глушинъ. Родная пчелка. Книга для чтенія. Изданіе 2-е, Г. Я. Юревича. С.-Пб. 1902. Стр. 218. Цѣна 50 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „Модели геометрическихъ тѣлъ (для вырѣзыванія и склеиванія). Изданіе Вл. А. Попова, въ Москвѣ. 12 листовъ. Цѣна 50 коп.“ (также для учительскихъ институтовъ и семинарій и для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Повѣсти и рассказы новѣйшихъ нѣмецкихъ авторовъ. Томъ I. Объяснитъ и снабдитъ словаремъ. Р. Бертольдъ. Изданіе Эггерсъ и К°. С.-Пб. 1904. Стр. 136. Цѣна 50 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— „Biehl W., H. Kulturhistorische Novellen. (Л. К. Якобсонъ Школьные изданія нѣмецкихъ авторовъ, вып. 4) С.-Пб. 1904. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Россия въ картинахъ. Изданіе магаз. Гросманъ и Кнебель. Москва. 8 картинъ. Цѣна не обозначена.“

— „Сальниковъ, А. Н. Учебная хрестоматія по русской словесности. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Часть I. (Курсъ V класса) Стр. III+154+VI. Цѣна 1 р.—Часть II. (Курсъ VI класса). Стр. III+163+V. Цѣна 1 р. 50 коп.—Часть III. (Курсъ VII класса). Стр. V+442+VI. Цѣна 2 р.“

— „Сиповскій, В. Л. Исторія древней Греціи въ рассказахъ и картинахъ. (Историческая бібліотека для учащихся). Изданіе 3-е. С.-Пб. 1903. Стр. 60. Цѣна 75 коп.“ (для мужскихъ гимназій, а также въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть III. Время отъ Карамзина до Пушкина. Изданіе 10-е. А. Я. Панафидина. М. 1904. Стр. IV+535. Цѣна въ перепл. 1 р. 40 коп.“

— „Чекала, С. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Курсъ 3-й. Изданіе 11-е, В. Думнова. М. 1904. Стр. 192. Цѣна 80 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы на заглавномъ листѣ книги исправлено было заявленіе о допущеніи книги ученымъ комитетомъ „въ качествѣ руководства (als Leitfaden)“, такъ какъ книга допускается ученымъ комитетомъ въ качествѣ учебнаго пособія).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Авенаріусъ, В. П. Создатель русской оперы, Михаилъ Ивановичъ Глинка. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 241. Цѣна 1 р. 50 коп., въ папѣ 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 25 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Блохманъ, Р. Воздухъ, вода, свѣтъ и тепло. 8 общедост. лекцій по химіи. Перевелъ съ нѣмец. Владиміръ Вольфсонъ. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1900. Стр. 112. Цѣна 40 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Бухаревъ. Толкованіе на евангеліе отъ Іоанна. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 277+8+III. Цѣна 75 коп.“

— „Ганъ, И. К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Изданіе 8-е. Вильна. 1903. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“

„Грунмахъ, Л. и Е. Розенбоомъ. Силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и технику. Полный переводъ съ IX нѣм. изданія, подъ ред. Н. А. Гезехуса. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». (Промышленности и техника. Томъ II). С.-Пб. 1902. Стр. XXV+843. 10 выпусковъ по 50 коп., въ роск. полукож. перепл. 6 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.)

— „Гюитеръ, С. Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шмидтъ. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+283. Цѣна 1 р. 25 коп., въ папѣ 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Дари, Жоржъ. Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ.

Перевелъ и дополнилъ К. И. Дебу. Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы“. С.-Пб. 1903. Стр. 448. Цѣна 2 р. 50 коп., въ перепл. 3 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Двигубскій, Н. П. Живенные вопросы. (По сочиненію Фомы Франка). Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 182. Цѣна 50 коп.“

— „Дѣдловъ, В. Л. Кіевскій Владимірскій соборъ и его художественные творцы. Изданіе книжн. магаз. Гросманъ и Кнебель. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 25). М. 1901. Стр. 86. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Ивановъ, Ив. Ив. Разказы о старинѣ. Халдеи. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Кондрашова, Е. Н. Дѣти Солдцевыхъ. Изданіе 2-е, А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. 287. Цѣна не обозначена.“ (для средняго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Лоджъ, Оливеръ. Современные взгляды на матерію. Переводъ А. И. Бачинскаго, просмотрѣнный Н. А. Умовымъ. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Львовъ, В. Н. Первое знакомство съ природой. Вып. IV. Деревья и кустарники. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1904. Стр. 68. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ).

— „Львовъ, Владиміръ. Въ нефтяномъ царствѣ. (Школьная бібліотека). М. 1904. Стр. 60. Цѣна 20 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Мижуева, О. М. Луи Пастеръ и его научныя открытія. Изданіе М. М. Ледерле. (Нашему юношеству разказы о хорошихъ людяхъ № 19). С.-Пб. 1896. Стр. 79. Цѣна не обозначена.“

— „Паренсовъ, П. Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Изданіе В. Березовскаго. Часть 1-я. На войнѣ. С.-Пб. 1901. Стр. VII+444. Цѣна 3 р.—Часть 2-я. Ужасные дни. Часть 3-я. Затѣшье. С.-Пб. 1904. Стр. XIV+8+491+4+110. Съ прилож. плановъ на 7 отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 6 р.“ (для старшаго возраста).

— „Патканова, Е. Н. Курсъ практической стенографіи. С. Пб. 1903. Стр. 41+11 табл. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Птиде-Жюльвилль, Л. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. (1800—1900 гг.). Переводъ съ франц. подъ ред. Ю. В. Веселовскаго, со вступительной статьей А. Н. Веселовскаго. Томъ I. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. VI+824. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста).

— „Рескинъ, Джемъ. Сочиненія. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. Серія I. Книжка 9. Законъ Фіезоло. Полный переводъ, просмотр. Л. П. Никифоровымъ. М. 1904. Стр. IX+152. Цѣна 80 коп.—Книжка 10. Орлиное гнѣздо. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1903. Стр. 144. Цѣна 50 коп. Подписная цѣна ва I серію 5 р.“ (для старшаго возраста, а также въ бібліотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго и подъ ред. В. П. Семенова. Томъ XVIII. Киргизскій край. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. VIII+478. Цѣна 2 р. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 коп., въ перепл. 3 р.“ (для старшаго возраста и для выдачи учащимся въ видѣ награды, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Рубакинъ, Н. А. Въ пампасахъ. (Народы и страны. Географическая библіотека. Вып. X). Изданіе П. П. Гершунина и Ко. С.-Пб. 1903. Стр. 188. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Рубакинъ, Н. А. Среди мусульманъ. (Народы и страны. Географическая библіотека. Вып. VIII). Изданіе П. П. Гершунина и Ко. С.-Пб. 1903. Стр. 234. Цѣна 65 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Рюминъ, В. В. Элементарная техническая минералогія. Харьковъ. 1904. Стр. 68+II. Цѣна 75 коп.“ (съ условіемъ пониженія продажной цѣны до 40 коп.).

— „Segret, I. A. Тригонометрія. Полный переводъ Владислава Вроблевскаго подъ ред. И. Иванова. С.-Пб. 1902. Стр. 320. Цѣна 1 р. 15 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Смайльсъ, Самуилъ. 1) Бережливость (Thrift). Переводъ В. Тимирязева. 2-е изданіе. Стр. 4+344+1. Цѣна 75 коп.—2) Характеръ Переводъ Н. Страхова. 2-е изданіе. Стр. 4+351+1. Цѣна 75 коп. (Объ—изданія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903).“ (также и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Человѣкъ. Изображеніе его строенія на 5 таблицахъ съ объяснительнымъ текстомъ д-ра Фета. Переводъ съ нѣм. В. П. Гольдингера 2-е изданіе І. Кнебель. М. 1904. Стр. 31+табл. Цѣна не обозначена.“ (для реальныхъ училищъ, а также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „Чижевъ, Е. Желѣзное царство. Разказы про старое и новое время. Изданіе Е. И. Чижова. М. 1903. Стр. 142+1. Цѣна 30 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Шмейль, О. Очерки изъ жизни растений. Переводъ съ нѣм. С. Г. Григорьева, Л. Д. Синицаго и С. В. Чефранова. М. 1903. Стр. XII+2+508. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (также для выдачи учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ награды, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Ворисгоферъ, С. Изъ Лондона въ Австралію. Переводъ съ нѣм. Е. Святловскаго. Изданіе В. Н. Звонарева. С.-Пб. 1902. Стр. 236. Цѣна 2 р.“ (для средняго и младшаго возраста, а равно и въ без-

платныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были устранены замѣченные въ книгѣ недостатки).

— „Въ досуужій часть. Дѣтскій альманахъ. Подъ ред. А. А. Федорова-Давыдова. Годъ 3-й. Изданіе Н. Лидертъ. М. 1903. Стр. 161+1 Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Зауэръ, Ад. Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24 хромолитографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1904. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи переводъ объяснительнаго текста былъ исполненъ болѣе удовлетворительно).

— „Боганъ, П. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Изданіе С. Скварунта. М. 1903. Стр. IX+432. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (съ условіемъ исправленія въ слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Погодинъ, А. А. Боги и герои Элады. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 232. Цѣна 1 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены недостатки).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: Лѣтопись войны съ Японіей. Издается на время войны выходитъ по воскресеньямъ. Редакторъ-издатель Дубенскій. Подписная цѣна съ дост. и перес. за каждыя 3 мѣсяца 3 р.—допустить къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и, кромѣ того, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Чегныхъ-Миней св. Дмитрія Ростовскаго. Изданіе Московской синодальной типографіи. Книга 2-я М. 1902 Стр. 642—Книга 3-я. М. 1902. Стр. 830.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Приборъ В. Ф. Гербста: „Солнечный треугольникъ. Цѣна 16 р.“—допустить для приобрѣтенія въ физическіе кабинеты среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: Конавъ-Дойль, А. 1) Красное по бѣлому. Переводъ съ англ. Н. Облеухова. Изданіе 2-е Д. П. Ефимова. М. 1903 Стр. 208. Цѣна 60 коп.—2) Знакъ четырехъ. Переводъ Н. Д. Облеухова. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 202. Цѣна 60 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства на роднаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги.

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ

— „Тихомировъ, Д. И. Вѣсніе всходы. 1-я послѣ азбуки книга для класснаго чтенія. Изд. 32-е М. 1903. Стр. 171. Цѣна 30 коп.—2-я книга. Изд. 27-ое. М. 1903. Стр. 255. Цѣна 40 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. Вѣсніе всходы. 3-ья и 4-ая книги для класснаго чтенія. 16-е изд. М. 1902. Стр. 424. Цѣна 60 коп.“ (также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.)

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Петри, Э. Ю. Методы и принципы географіи. Изд. 2-е, ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. (Учительская бібліотека). М. 1900. Стр. VII+316 Цѣна 1 р.“ (для городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Соколовъ, Ае. Ф. Методика начальнаго обученія церковно-славянскому языку. Изд. 3-е, испр. и значит. доп. М. 1903. Стр. 191. Цѣна 75 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Тихомировъ, Д. И. Вѣсніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й, 2-ой и 3-ей книгамъ для класснаго чтенія. (Учительская бібліотека). 8-е изд. М. 1902. 172+3. Цѣна 40 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній *)

— „Вудъ трезвъ. Письмо къ брату. № 457. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 1½ коп.“

— „Бѣлоусовъ, Ив. Крылатые друзья. Сборникъ стихотвореній Изд. „Дамскаго Комитета для борьбы съ жестокими модами и для защиты птиц“. М. 1903. Стр. 63. Цѣна 25 коп.“

— „Гофманъ, М. Какъ украсить елку. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. 21. Цѣна 15 коп.“

— „Ифантьевъ, П. П. Зауральскіе рассказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 84. Цѣна 25 коп.“ (для городскихъ училищъ.)

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Капитанъ Январь. Съ англ. перевела Е. Б. (Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 82 Цѣна 35 коп.“

— „Киплингъ. Рассказы. Книжка 1-я. Съ англ. А. Н. Рождественской. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1903. Стр. 183. Цѣна 50 коп.

— „Коропчевскій, Д. А. Времена года. Географическія картинкы. 2-е изд. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. 163. Цѣна 45 коп.“

— „Лебедевъ, В. П. Великія сердца. Повѣсти и рассказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова), М. 1903. Стр. 82. Цѣна 20 коп. (для городскихъ училищъ).

„Линденманъ. К. Э. О настѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукъ въ амбарахъ. Изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). М. 1903. Стр. 31 Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Лукашевичъ, Блaвдія. Очерки изъ обороны Севастополя. Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сыгина. 1) Осада Севастополя. М. 1903. Стр. 71. Цѣна 5 коп.—2) На бастіонахъ Севастопольскихъ. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—3) Тяжелая зима въ Севастополѣ. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—4) Первое бомбардированіе Севастополя и смерть адмирала Корнилова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 к.—5) Два памятныхъ дня. Памяти генерала Хрулева. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—6) Малаховъ курганъ. Памяти генерала Хруцова и адмирала Истомина. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—7) Четвертый бастіонъ. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—8) Богатыри Севастопольскіе. Вице-адмиралъ Корниловъ. М. 1904. Стр. 53. Цѣна 5 коп.—9) Севастопольскіе герои. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—10) Вылазки. Матрость Кошка. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—11) Инкерманское сраженіе. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—12) Помощь родивъ. М. 1903. Стр. 70. Цѣна 5 коп.“

— Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 1) Бѣлоз золото. Повѣсть. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 143. Цѣна 50 коп.—2) Зарницы. 2-й сборникъ рассказовъ для старшаго возраста. 4-е изд. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. 182. Цѣна 75 коп.“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Рассказы и сказки. Томъ 2-ой. 2-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека „Для семьи и школы“). М. 1904. Стр. 232. Цѣна 1 р.“

— „Назаревскій, В. Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. V выпускъ. Изданіе комисіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904 Стр. 125. Цѣна не обозначена.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. И. В. Поднебесный аулъ, 3-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова). М. 1903. Стр. 256. Цѣна 75 коп.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. И. В. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп.“

— „Нем и ров и чъ-Данченко, Вас. Ив. Оедька рудокопъ. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). 3-е изд. М. 1902. Стр. 146. Цѣна 50 коп.“

— „Праведный старецъ. Повѣсть № 176. М. 1901 Стр. 107. Цѣна 6 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Рабо, Шарль. Огвенная земля (по Отто Норденшельду). Переводъ съ фран. Н. Н. Южаковой. Подъ ред. и со вступительной статьей Д. А. Корочевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. XIX+65+1 карта. Цѣна 40 коп.“

— „1) Россія и Дальній Востокъ. I. Русско-японская война. П. Корея и корейцы. (Дешевая иллюстрированная библиотека). С.-Пб. 1904. Стр. 64 Цѣна 6 коп.—2) Русско-японская война. (Россія и Дальній Востокъ) Японія и японцы. (Дешев. иллюстр. библ. № 3). С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 6 коп.“

— „Сетонъ-Томпсонъ, Э. Жизнь сѣраго медвѣдя. Переводъ съ англ. Н. Шишкова. (Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1903. Стр. 97. Цѣна 40 коп.“

— „Сетонъ-Томпсонъ, Э. I. Маленькій герой. П. Бенгуровая крыса. III. Уличный пѣвецъ. Съ англ. Съ перевела Е. Б. (Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.) М. 1904. Стр. 67 Цѣна 30 коп.“

— „Сетонъ-Томсонъ, Э. Сѣрый медвѣдь Бабъ. Съ англ. А. П. Рождественской. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „Смирновъ, Петръ, Прославленіе святыхъ въ церкви христіанской православной. С.-Пб. 1903. Стр. 122. Цѣна 30 коп.“

— „Сно, Евгений. Цыгане. Очеркъ (Изд. Харьк. общ. грам.) № 115. Харьковъ. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „Стамиковичъ, К. Антошка. Изданіе ред. журн. „Всходы“ С.-Пб. 1903. Стр. 274. Цѣна 80 коп.“

— „Чистяковъ, М. Приключеніе бѣднаго мальчика. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 93, Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „Шаховскій, И. К. Все страны свѣта въ разказахъ маленькаго москвича. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 133. Цѣна 50 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и библиотекы *).

— „Апостоловъ, А. Запорожье. Страна и народъ. (Изд. Ком. Харьк. общ. грам.) № 107. Харьковъ. 1903. Стр. 1351 Цѣна не обозначена“.

*) Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библиотекы, считаются допущенными также въ учительскія библиотекы низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библиотекы среднихъ учебныхъ заведеній.

- „Б-скій, М. На берегу моря. 2 издание П. О. Жиркова. № 4, М. 1899. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“
- „Бѣлоусовъ, И. А. Божья воля. 2-е издание И. О. Жиркова. № 10, М. 1898. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“
- „В-тъ. Что такое чума? Изданіе О. И. Митюрникова. С.-Пб., 1903. Стр. 24. Цѣна не обозначена.“
- „Въ приемной врача. Переводъ съ франц. Н. П. Щапова. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. Подъ ред. А. М. Коровина. № 1. М. 1903. Стр. 14. Цѣна 5 коп.“
- „Горбуновъ-Посадовъ, И. Англійскій король Кануть и другіе притчи и рассказы. № 395. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“
- „Дѣатель. Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ. Годъ VIII Казань. 1903. №№ 1—14. Подписная цѣна за годъ 2 р.“
- „Жирковъ, Ив. Нѣтъ худа безъ добра. 3-е изд. И. О. Жиркова. № 3. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“
- „Караваева, Е. Сказаніе о прекрасной Женевиѣ, герцогинѣ Брабантской, о мужѣ ея, сильномъ и славномъ, графѣ Зигфридѣ и о зломъ оруженосцѣ его Голо. Съ нѣмецкаго. № 444. М. 1903. Стр. 106. Цѣна 7 коп.“
- „Киплингъ. Рассказы. Книжка 2-я. Съ англ. А. Н. Рождественской. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы. подъ ред. Д. И. Тихомирова). М. 1903. Стр. 147. Цѣна 40 коп.“
- „Коломбо. Бѣдная невѣста или Въ рисовыхъ поляхъ. Переводъ съ итальянскаго. Изд. 2-е. № 278. М. 1903. Стр. 161. Цѣна 15 коп.“
- „Крестьянская реформа въ Екатеринославской губерніи. Изданіе Екатеринославскаго губернскаго статист. ком. подъ ред. Я. Гололобова. Екатеринославъ. 1903. Стр. IV+313. Цѣна 1 р.“
- „Крестьянскія работы и деревенская жизнь по мѣсяцамъ года. № 355. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“
- „Литвиненко, П. Волки. Рассказъ. Изданіе 2-е. книгоиздательства „Для дѣтей“. М. 1904. Стр. 31. Цѣна 30 коп.“
- „Львова, Л. Н. Ярко Хабаровъ, Амурскій герой. Историческій романъ изъ XVII-го столѣтія. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 162. Цѣна 75 коп.“
- „Магдалина. Переводъ съ франц. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. Подъ ред. А. М. Коровина. № 4. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“
- „Мацкевичъ, В. Дурная болѣзнь. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 19. Цѣна 4 коп.“
- „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. На далекомъ сѣверѣ Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 189. Цѣна 50 коп.“
- „Орловскій, С. Жизнь Диккенса, рассказанная дѣтямъ. (Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 65. Цѣна 25 коп.“
- „Орловъ, М. А. Какъ дѣлается поташъ? Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“
- „П., М. Углекисл. № 421. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“

— П и м е н о в а, Э. К. Австралія и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой. (Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 91. Цѣна 30 коп.“

— „Р у н о в а, О. Дикіе подарки. № 89. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 1½ к.“

— „Спутникъ здоровья. Общедоступный еженедѣльный журналъ для семьи. Въ годъ 52 №№ журнала. 12 книжекъ „Домашній врачъ“ и 24 книжки „Полезной бібліотеки“. Изданіе т—ва „Народная польза“. Редакторъ А. О. Дукать. Цѣна съ пересыл. и дост. въ годъ 5 р. Годъ IV С.-Пб 1902. №№ 1—52.—Годъ V. 1903. №№ 1—36.“

— „Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, Въ обработкѣ для русскіхъ читателей А. Аеанасьева-Чужбинскаго. Изданіе т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. X+377. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— Т ю т ч е в ъ, Ф. Ф. Одинъ день на полѣ сраженія. 3-е изд. И. Ф. Жиркова. № 11. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 3 коп.“

— „Хотымскій П. І. Гришка. П. Добытчикъ. Разказы. № 387. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „Хотымскій, П. І. Мать. П. Сестра бѣленькая. 2 разказа. № 381. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— Ш м и д т ъ, П. Ю. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой. (Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 108. Цѣна 40 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ класному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Утушкинъ, Д. Записки по естественной исторіи для двухклассныхъ училищъ. Екатеринбургъ. 1903. Стр. 276+IV. Цѣна 60 коп.“ (Для сельскихъ 2-классныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведений:

— „333 загадки. Сборникъ для дѣтей. Изданіе И. О. Жиркова. М. 1903. Стр. 44. Цѣна 15. коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

в) бесплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— „Герасимовъ, М. Элементарная анатомія, физиологія и гигиена. 6-е изд., испр. и дополн. С.-Пб. 1904. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы исправленія согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

— „Кассовичъ, М. Не давайте ни капли алкоголя дѣтямъ. Переводъ съ нѣм. А. М. Коровина. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. № 3. 1903. Стр. 8. Цѣна 3 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при

21. **ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.** Выразители общественнаго мнѣнія.—О національной обособленности евреевъ.—Post-scriptum. **А. Изгоева.** . . . 48— 70
22. **РОДНЫЯ КАРТИНЫ.** О Львѣ Тихоміровѣ и его теории „мирнаго гніенія“ и „полезныхъ кровопусканій“. О гг. Меньшиковѣ и Менделѣевѣ и о „всемірномъ размноженіи“ какъ политической программѣ. Какъ поступить съ плѣнными японцами? Мнѣніе по этому вопросу „Московскихъ Вѣдомостей“. О сестрахъ милосердія и г-жѣ Лухмановой. Неосновательные процессы. Провинціальная юстиція. Дѣло Безсалова. Новый способъ пьянства. Война и печать. Мелочи **Александра Яблоновскаго.** 71— 95
23. **СО СТОРОНЫ.** Люди-ли матери? (По поводу „Критическихъ замѣтокъ“ г. А. Б—въ журн. „Мірѣ Божій“). „**Марьи Сергѣевны**“. 96—104
24. **ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ.** Электричество въ газахъ (съ 9 рис.). **А. Н.** 105—131
25. **НА ЗАПАДѢ.** (Изъ Германіи). Изъ галлерей политическихъ скомороховъ. **Г. Гроссмана.** 132—146
26. **КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.** 1. К. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ.—В. Ивановъ. Прозрачность.—А. Бѣлый. Золото въ лазури. **Н. Ашешова.** 2. М. Чеховъ. Синій чулокъ. **Н. Ашешова.** 3. Г. Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. **Н. М.** 4. А. Стриндбергъ. Отецъ. **В. Фриче.** 5. Е. Ляцкій. И. А. Гончаровъ. **С. Ашевскаго.** 6. М. Бинштокъ. Книга мудрости. **А. Налимова.** 7. А. Кони. Ө. П. Гаазъ. **Л. Василевскаго.** 8. Ө. Икономовъ. Наканунъ реформормъ Петра Вел. **В. Николаева.** 9. В. Овчинникова. Проституція и проф. Тарновскій. **В. Фриче** 10. Д-ръ А. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ. **Д-ра Д. Никольскаго.** 11. W. Бонаровскій. Изъ народной медицины. **Л. Василевскаго.** 12. Изданія „Посредника“. **В. Величкиной.** Книги поступившія въ редакцію. 147—176
27. Книжный листокъ. 49— 64

ВЫШЛО **НОВОЕ** ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНИЕ“:

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Фр. Паульсена,

профессора Берлинскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго *Г. Гроссмана.*

Цѣна 1 р. 50 к. in 8, 412 стр.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Продолжается подписка на 1904 г.
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„Образованіе“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода—3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 38.
Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у П. Печковской.
Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образованіе“ (Ришельевская).

1) *Рукописи*, присылаемые въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе *полугода* и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа *каждаго мѣсяца*, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, *кроме праздниковъ*, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ *ежедневно отъ 11 до 1 часу, кроме праздничныхъ дней*.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

Вышло новое изданіе редакціи журнала „Образованіе“:

«ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ»

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Т. ГЕРЦЛЯ.

переводъ съ нѣмецкаго А. Даманской.

ЦѢНА 1 р.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

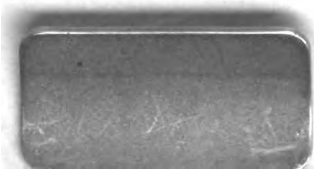
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

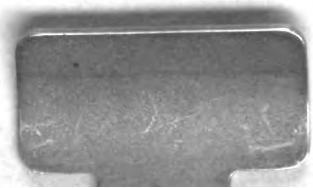
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

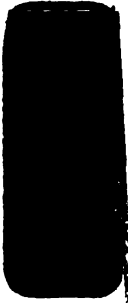
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

~~LIBRARY USE~~ MAR 3 '86
~~SENT ON FILE~~

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

~~LIBRARY USE~~ MAR 3 '86
~~SENT ON ILL~~

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
~~SENT ON ILL~~

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

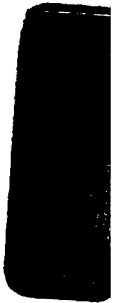
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

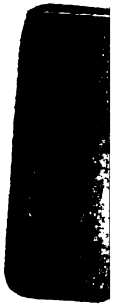
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE, MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE, MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

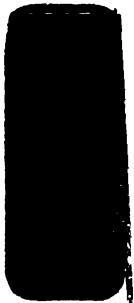
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE, MAR 3 '86
SENT ON ILL

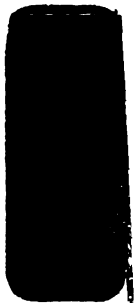
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

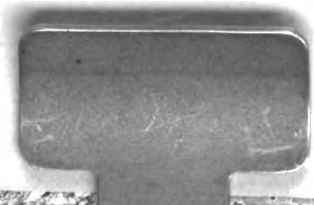
MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

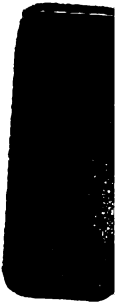
MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

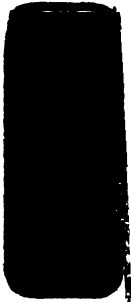
MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

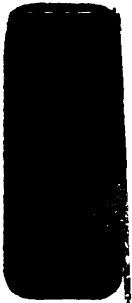
MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

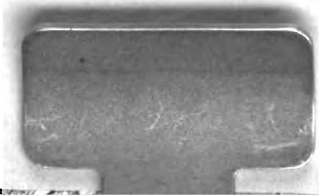
MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
~~SENT ON ILL~~

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 2 4 1993

U. C. BERKELEY

JUL 2 2 1998

MAR 1 8 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

емъ въ началѣ VI-ой главы и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Это—переходъ къ изложенію особенностей московскаго войска! Въ концѣ VII-ой главы совершенно неожиданно встрѣчаемъ панегирикъ Петру I. Въ одномъ мѣстѣ авторъ сообщаетъ, что „въ 1550 году былъ изданъ Судебникъ, т. е. сводъ законовъ,“ а въ другомъ, что „была издана Уложенная книга или Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ сведены воедино и согласованы между собою отдѣльные статейные списки или уставы.“ Изъ тавихъ опредѣленій трудно что-нибудь понять неопытному читателю, но подобныхъ опредѣленій въ книгѣ г. Икономова не мало. Не мало можно отмѣтить въ ней и прямыхъ неточностей.

Авторъ въ правѣ попрекнуть насъ тѣмъ, что мы предъявляемъ къ его книгѣ, весьма старательно составленной и въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворительной, нѣсколько преувеличенныя требованія. Едва ли этотъ попрекъ будетъ справедливымъ. Книга г. Икономова составляетъ XXVII-ой выпускъ „Библиотеки для самообразованія,“ издаваемой товариществомъ И. Д. Сытина. „Библиотека для самообразованія“ имѣетъ очень опредѣленную фizioномію. Мы привыкли встрѣчать въ ней научно-популярныя работы въ собственномъ смыслѣ этого слова; она рассчитана на читателя, ищущаго научнаго образованія путемъ домашняго чтенія. Книга г. Икономова представляетъ въ „Библиотекѣ для самообразованія“ печальное исключеніе, съ чѣмъ согласится, конечно, и самъ авторъ; она совершенно не соответствуетъ тѣмъ читательскимъ требованіямъ, какія предъявляются въ „Библиотекѣ для самообразованія.“ У послѣдней есть извѣстная репутация и она напрасно ее портить, вводя въ заблужденіе читателя и ставя въ неловкое положеніе автора. Еще хуже, что неосмотрительность редакціи „Библиотеки для самообразованія“ ставитъ въ странное положеніе и „Комиссію по организаціи домашняго чтенія“ въ Москвѣ. Рецензентъ „Журнала для всѣхъ“ (февраль, стр. 125) приписалъ книгѣ г. Икономова издательской дѣятельности названной Комисіи, вѣроятно, по той причинѣ, что при изданіяхъ „Библиотеки для самообразованія“ прилагаются объявленія Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и помѣщаются предисловія, изъ которыхъ можно заключать о связи между „Библиотекой“ и „Комиссіей.“ Эти предисловія давно надо переработать, ибо упомянутая сейчасъ связь превратилась въ поэтическую мечту, а книги г. Икономова Комиссія не разсматривала, а слѣдовательно, не рекомендовала. Утвержденіе рецензента „Журнала для всѣхъ“ представляется, такимъ образомъ, совершенно не соответствующимъ дѣйствительности и лишь вводящимъ въ заблужденіе читателей. Для извѣстнаго круга элементарныхъ русскихъ читателей книга г. Икономова, при условіи полной ея переработки, могла бы быть полезной.

Вас. Николаевъ.

В. В. Авчинникова: Проституція и проф. В. М. Тарновскій. С.-Петербургъ. 1904. Цѣна 30 коп.

Брошюра г-жи Авчинниковой, прочитанная раньше въ видѣ публичной лекціи, посвящена тому же вопросу, какъ и вышедшая въ прошломъ году книга А. Елистратова: „О прикрѣпленіи женщины къ проституціи“. Г-жа Авчинникова—убѣжденная аболіціонистка. Она старается доказать, что врачебно-полицейскій надзоръ за проститутками прежде всего бесполезенъ, такъ какъ имъ не достигается вовсе уничтоженіе сифилиса. Въ Петербургѣ и Москвѣ на дома терпимости падаетъ 39 и 38% всѣхъ случаевъ заболѣваемости. Регламентация проституціи не только бесполезна, она прямо вредна. Большинство заболѣвшихъ дѣвушекъ преднамѣренно не лѣчится изъ одной боязни получить желтый билетъ. Врачебно-полицейскій надзоръ нелѣпъ уже по одному тому соображенію, что изъ него изъяты мужчины, которымъ предоставляется, такимъ образомъ, полное право разносить кругомъ заразу. За уничтоженіе регламентации говоритъ краснорѣчиво то обстоятельство, что въ странахъ, гдѣ ея нѣтъ, процентъ сифилитиковъ сравнительно ничтоженъ, напримѣръ, въ Англіи, Америкѣ, Давіи и Норвегіи.

Вооружаясь противъ регламентации, г-жа Авчинникова должна естественно возстать и противъ проф. Тарновскаго, главнаго ея защитника у насъ въ Россіи. Въ своей книгѣ „Проституція и аболіціонизмъ“ проф. Тарновскій доказывалъ, какъ извѣстно, что регламентированная проституція является полезнымъ государственнымъ учрежденіемъ, давая пылкимъ юношамъ возможность безъ вреда для „общества“ расходовать накопившіяся страсти. Правда, она предполагаетъ эксплуатацію десятковъ, тысячъ несчастныхъ дѣвушекъ. Однако, этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію профессора, не слѣдуетъ особенно смущаться, такъ какъ проститутки, какъ несомнѣнныя дегенерантки, не настоящіе люди. Г-жа Авчинникова вскрываетъ довольно удачно какъ логическія противорѣчія, такъ и нравственную беззащитность въ аргументации профессора. Достаточно вспомнить, что 89% нашихъ проституткокъ—сироты, чтобы понять всю неосновательность ученія Ломброзо-Тарновскаго о проституціи, какъ результатъ вырожденія. Полемика автора съ профессоромъ—лучшая часть брошюры. Г-жа Авчинникова вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Читатель, несомнѣнно, проникнется презрѣніемъ къ ученому, отдавшему науку на служеніе принципу эксплуатаціи. Къ сожалѣнію, онъ не проникнется особенной симпатіи и къ его оппоненту. Г-жа Авчинникова удѣляетъ въ своей брошюрѣ слишкомъ много мѣста своей особѣ. Она рассказываетъ читателю, что окончила парижскій университетъ и читала

свою лекцію съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Она съ необычайной добросовѣстностью отличаетъ въ своей брошюрѣ всѣ тѣ мѣста, которыя вызвали въ аудиторіи аплодисменты, смѣхъ или движеніе. Читатель узнаетъ, что ей въ концѣ была устроена овація. Все это пахнетъ рекламой, къ которой наша публика, посѣщающая лекціи и читающая книги, къ счастью, еще не привыкла. Г-жа Авчинникова скромно сравниваетъ себя въ одномъ мѣстѣ (стр. 7) съ „ничтожнымъ комаромъ“, нападеніе котораго пройдетъ совершенно незамѣченнымъ для такого „льва“, какимъ является проф. Тарновскій. Однако, читатель все время выноситъ такое впечатлѣніе, что она ему говоритъ: „Ротъ, молю, какая я умная и ученая“.

Кто уже знакомъ съ литературой, посвященной на западѣ и у насъ вопросу объ аболіціонизмѣ, тотъ не найдетъ въ брошюрѣ г-жи Авчинниковой ни новыхъ мыслей, ни новыхъ данныхъ, но она можетъ быть полезной для тѣхъ, кто хотѣлъ бы получить предварительное представленіе о томъ, все развивающемся движеніи противъ регламентаціи проституціи, которое извѣстный французскій публицистъ, одинъ изъ наиболее видныхъ аболіціонистовъ, Ивъ Гюйо называлъ нѣсколько высокопарно — „крестовымъ походомъ въ защиту женщины“.

В. Фриче.

Д-ръ А. И. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Вопросъ о распространеніи сифилиса и мѣрахъ борьбы съ нимъ является вопросомъ не только узко медицинскимъ, какъ ранѣе на него смотрѣли, но и общественнымъ, а слѣдовательно, и успѣхъ борьбы съ нимъ можетъ быть отъ совмѣстныхъ усилій врачей, общества и правительства. Сифилисъ разрушаетъ и физическое, и нравственное, и матеріальное благосостояніе не только самого больного, но и народа, постепенно ведя его къ вымиранию. Чтобы успѣшнѣе бороться съ такимъ бѣдствіемъ, необходимо знать, что такое сифилисъ, какими путями онъ распространяется и т. д. Съ этой стороны трудъ д-ра Розенквиста, составленный на основаніи личныхъ наблюденій и многочисленныхъ литературныхъ данныхъ, можетъ оказать немаловажную услугу интересующимся даннымъ вопросомъ. Въ основу своего очерка авторъ положилъ тѣ мѣропріятія, которыя были выработаны первымъ сифилитологическимъ съѣздомъ и, дополнивъ ихъ извѣствующимися литературными данными, старается доказать, насколько въ дѣйствительности живяныи тѣ принципы, которые заложены въ основѣ

постановленийъ указаннаго съѣзда, что изъ этихъ постановленийъ такъ или иначе проведено въ жизнь и что замѣчено къ осуществленію.

Весь трудъ автора, кромѣ введенія, заключенія и указателя литературы за послѣдніе года, распадается на слѣдующія четыре главы: обнаруженіе сифилитиковъ и ихъ регистрація, во второй говорится объ опредѣленіи путей и способовъ распространенія сифилиса въ населеніи; въ третьей—мѣры, предупреждающія распространеніе сифилиса въ населеніи, и въ послѣдней—объ организаціи врачебной помощи. Сопоставивъ всѣ эти данныя какъ съѣзда, такъ и другихъ авторовъ, освѣтивъ ихъ надлежащимъ образомъ, авторъ приходитъ къ выводу, что усилѣніе борьбы съ сифилисомъ, пустившимъ глубокіе корни у насъ не только въ городскомъ, но и сельскомъ населеніи, возможно при условіяхъ, когда само населеніе будетъ ознакомлено съ сущностью болѣзни, будетъ сознавать всю опасность сифилиса, предохраняя себя отъ заболѣванія—словомъ, „когда степень культуры нашего народа въ нравственномъ, умственномъ и материальномъ отношеніи будетъ повышена“. Эти принципы заложены въ основы постановленийъ съѣзда. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ они не проводятся и далеки еще отъ осуществленія. Далѣе авторъ много мѣста удѣлилъ проституціи (42—74) и борьбѣ съ нею, мимоходомъ упомяная о распространеніи сифилиса среди рабочихъ и учащейся молодежи.—Нельзя не указать на приводимыя авторомъ интересныя свѣдѣнія о лечившихся отъ сифилиса въ Московской Мясницкой больницѣ съ цѣлью выясненія вопроса о цѣлесообразности амбулаторнаго леченія сифилитиковъ—по вопросу поднятому д-мъ Шляевымъ. Книга читается съ интересомъ.

Д. Никольскій.

W. Бонаровскій. Изъ народной медицины. Леченіе нефтью и скипидаромъ. СПб. 1904; Стр. 16. Ц. 1 р. (!)

Кто онъ, этотъ таинственный и могущественный г. W. Бонаровскій черезъ „w“. Несомнѣнно, не врачъ—такъ говоритъ онъ самъ, а еще больше его нелѣпая книжечка—листовка, за которую онъ милостиво проситъ всего только одинъ рубль. Это страшно дешево—за листовку, напечатанную самимъ г. А. С. Суворинымъ и содержащую, вдобавокъ, вѣрное средство отъ столькихъ болѣзней: и воспаленіе легкихъ, и ревматизмъ, и лишай, и чесотка, и черви (тоже болѣзь?), и холерина, и брюшной тифъ, и грибы (?). По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что авторъ—любвеобильный помѣщикъ, помогающій больнымъ пейзамамъ; несомнѣнно, онъ въ близкомъ родствѣ съ генеральшей-героиней чеховскихъ „Симчлятовъ“,“

но лечить не легкомысленной гомеопатіей, а средствами „народной медицины“—нефтью и скипидаромъ. Авторъ и не подозреваетъ, что онъ ломится въ давно открытыя двери: скипидаръ издавна занимаетъ прочное мѣсто въ научной медицинѣ. Въ книжкѣ курьезовъ не оберешься: авторъ скорбитъ о томъ, что для медицины пропадаютъ лечебныя тайны знахарства, и совѣтуетъ, поэтому, устроить въ столицѣ центральный „институтъ народной медицины.“ Этотъ институтъ черезъ своихъ агентовъ долженъ вести переговоры о покупкѣ у знахарей секретовъ, а затѣмъ лечить,—вотъ и все. Книжка обнаруживаетъ невѣжество, поразительное не только для цѣлителя: мухи кладутъ въ раны яички, а изъ яичекъ получаютъ черви (стр. 11); лишай бываетъ преимущественно двухъ видовъ: сухіе и мокрые (стр. 9); ревматизмъ бываетъ суставный и простой (стр. 7—8). Случаи „излечения“ изложены бездоказательно, безтолково и безграмотно. Вообще у автора „отъ избытка чувствъ уста глаголютъ,“ и вся книжка—предпріятіе, говоря мягко... смѣлое.

Врачъ Л. Василевскій.

Изданія „Посредника“ №№ 477, 478, 481, 483, 485, 486, 488, 491, 492, 501, 511.

Въ приведенной серіи изданій „Посредника“ мы опять встрѣчаемъ нѣсколько рассказовъ, касающихся войны. Всѣ они представляютъ собой переводы и передѣлки иностранныхъ авторовъ. Полная мира и счастья „деревушка Благодатная“ въ брошюрѣ того же названія (№ 478, по Уйду изложила О. Н. Забѣлло) исчезаетъ съ лица земли, залитая кровью и огнемъ пожара, благодаря войнѣ между двумя культурными народами Европы. Гибнетъ также въ рассказѣ „Подъ выстрѣлами“ (№ 486, съ нѣмецкаго переводъ А. Веселовской) веселый, жизнерадостный юноша, только что, какъ ребенокъ, забавлявшійся разукрашенной елочкой и подарками, присланными ему изъ роднаго дома, а дома сердце матери облилось кровью отъ предчувствія рокового удара. Въ маленькомъ рассказѣ Мопассана „Калѣвка“ та же война превратила красиваго, стройнаго юношу, съ увлеченіемъ когда-то танцовавшаго въ кругу молодежи, въ безногаго калѣвку и разрушила его личную жизнь, съ тѣмъ, впрочемъ, онъ сумѣлъ примириться съ полнымъ достоинствомъ.

Другой рассказъ Мопассана „Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца“ (№ 491) касается вопроса семьи и официальной морали, при чемъ Мопассанъ рисуетъ только картинку жизни, ни однимъ словомъ не высказываясь противъ этой морали, отравляющей жизнь и ни въ чемъ неповинному ребенку, и его честной и мужественной матери. Въ той же брошюрѣ напечатаны и извѣстный маленькій рассказъ „Дитя стрѣлочника“ о томъ, какъ стрѣ-

дочинѣзъ, ради спасенія дѣлаго пассажирскаго поѣзда, пожертвовалъ жизнью своего собственнаго ребенка.

Финскій рассказъ Піэтари Пэйверинта „Загубленная жизнь“ (№ 481) и „Лихой врагъ“, Э. С. Вульфсона (№ 477) написаны на одну и ту же тему, на тему о томъ, какъ губить человѣка злоупотребленіе спиртными напитками, какъ они калѣчатъ его и разрушаютъ его семейную жизнь. Въ рассказѣ Пэйверинта такой погибшій человѣкъ, подъ влияніемъ словъ ободренія и духовной поддержки, снова возрождается къ жизни.

Въ русскомъ же рассказѣ Вульфсона нѣтъ и не предполагается этого примиренія съ жизнью, какъ нѣтъ надежды вернуть молодому парню отнятую у него ногу. Все было свѣтло и радостно кругомъ, когда вышелъ Илья калѣкой изъ больницы, все стремилось жить, только у него было смутно и темно въ душѣ, „словно въ глухую, осеннюю полночь“. Прежній веселый, разбитной паренъ навсегда исчезъ.

Болѣ общественный характеръ носятъ слѣдующіе рассказы: „Два ребенка“, Ф. Горностаева (№ 492), „Учительница“, его же (№ 488), „Докторъ Рашко“, С. Васюкова и „Голосъ совѣсти“, съ украинскаго, по Б. Гринченко (№ 511). Первые три рисуютъ намъ свѣтлыя фигуры людей, беззавѣтно отдающихъ себя на служеніе человѣчеству: тутъ докторъ, оставляющій своего собственнаго умирающаго сына и идущій спасать чужого ребенка, тамъ маленькая учительница, вложившая все свое великое сердце въ дѣло помощи ближнему; затѣмъ опять докторъ — Рашко — про котораго поселяне съ гордостью говорили: „Это нашъ докторъ!“ Всѣ три сказа повѣствуютъ объ интеллигенціи, несущей свои знанія въ темныя массы народа.

Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ брошюра „Голосъ совѣсти“. Авторъ, повидимому, всѣми силами старается вселить въ читателей популярной литературы священное отношеніе къ институту частной собственности и приводитъ героя своего рассказа чуть не къ самоубійству изъ-за того, что онъ, въ минуту безысходной нужды и въ виду чуть не голодной смерти жены и ребенка, взялъ изъ общественнаго магазина тайно три мѣшка зерна. „Не съ голоду же помирать, право!“ — резонно разсуждаетъ онъ передъ совершеніемъ своего поступка. — „Вѣдь, мое добро, не чье-нибудь! Вѣдь, я же въ магазинъ ссыпалъ, а теперь, какъ ѣсть нечего, такъ и не мое стало. Гдѣ же тутъ правда? Вѣдь, для того и ссыпалъ, чтобы на черный день было!“... И дѣйствительно, для того и должны существовать общественные запасы зерна, „чтобы на черный день было,“ и если ихъ не выдаютъ умирающему съ голоду человѣку, то только лишь благодаря бюрократической неурядицѣ.

Унизительнаго для человѣческаго достоинства и, если хотите, преступнаго

въ поступкѣ героя разсказа есть только его тайна. Трудящійся человѣкъ долженъ сознательно относиться къ своему праву на результатъ своего труда.

На обложкѣ брошюры „Передникъ“ (№ 483, разсказъ крестьянина С. Ф. Егорова) нарисованъ онъ самъ,—сѣдой старикъ, въ изступленіи посылающій проклятія Волгѣ, унесшей всѣ его труды, все его богатство. Разсказъ какъ мы видимъ, написанъ крестьяниномъ; онъ страдаетъ нѣкоторыми длиннотами, но зато въ немъ ясными и простыми словами рисуется передъ читателемъ вся драма безпросвѣтной, трудовой жизни крестьянина. „Да, вездѣ пратѣсняютъ нашего брата“,—думаетъ про себя передникъ Евсеичъ,—„всѣ норовятъ сѣздить на нашей шеѣ. И что мы, въ самомъ дѣлѣ, за несчастные людишки, что каждому желательно пожитья насчетъ нашихъ каторжныхъ трудовъ? И все это оттого, что людямъ извѣстна наша бѣдность: безжалостные, знаютъ они, что намъ жрать нечего и волей-неволей будешь кланяться да просить заработка. Ни ѣсть, ни топить избу, ни одежки, ни обувки, нѣтъ ничего! а гдѣ взять? По-сѣяль—не уродилось. На глинѣ пожгло, на пескѣ повынесло, а хорошая земля все также во власти какого-нибудь Липатича же“.... И вотъ ко всѣмъ обычнымъ его врагамъ и эксплуататорамъ его рабочей силы присоединяется еще новый—сама природа. Терпѣніе старика порвалось, и онъ послалъ грозное проклятіе этому своему новому врагу, но затѣмъ скоро опоминился и только горько заплакалъ,—передъ нимъ опять та же полная безконечнаго и одинокаго терпѣнія жизнь, только теперь еще болѣе обремененная тяжелой нуждой.

Маленькая брошюра „Бѣлая одежда“ (№ 485) есть сказка, основная мысль которой состоитъ въ томъ, что „сильнаго можно подкупить, хитраго перехитрить, но ничѣмъ нельзя побѣдить праведнаго“. Сказка написана довольно занимательно.

„Индійскій мудрецъ Сидарта-Будда“ (№ 501) представляетъ собой еще одно изъ популярныхъ изложеній буддійскаго ученія и притомъ очень обстоятельное для такой маленькой книжки. Начинается брошюра описаніемъ Индіи, ея населенія, исторіи древнихъ индусовъ, ихъ религій и нравовъ, а затѣмъ слѣдуетъ біографія Будды и изложеніе его ученія.

Въ концѣ брошюры авторъ ея знакомитъ читателей съ распространеніемъ буддизма и краткой его исторіей.

Въ интересахъ распространенія хорошей книжки еще разъ нельзя не пожалѣть, что брошюры „Посредника“ такъ плохо сброшюрованы, что рассыпаются при первомъ же чтеніи. Правда, такимъ невзрачнымъ видомъ книжки достигается необыкновенная дешевизна ея, но зато каждая отдѣльная брошюра не можетъ имѣть много читателей и скоро исчезаетъ

въ употребленіи. Нѣкоторыя же брошюры, какъ, напримѣръ, „Передникъ“, напечатаны еще слишкомъ мелкимъ шрифтомъ. Этимъ она можетъ много терять и при чтеніи, и при распространеніи, что было бы очень жаль.

В. Величкина.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Изд. Вятскаго Т-ва И. Данилинъ. Наслоевіе. Разсказъ. Цѣна 6 коп. С. Елпатьяевскій. Гекторъ. Разсказъ. Цѣна 5 коп. А. Барановъ. Макарычъ. Разсказъ. Цѣна 2 коп. В. Дмитриева. Баба-Иванъ и ея крестникъ. Цѣна 15 коп. Гусевъ-Оренбургскій. Кахетинка. Разсказъ. Цѣна 2 коп. Танъ. Авдотья и Ривка. Цѣна 8 к. И. Данилинъ. Панкратычъ. Цѣна 3 коп. Е. Волкова. Первый русскій печатникъ. Истор. разсказъ. Цѣна 6 коп. Сборники избр. произв. русск. и иностр. поэт. вып. 2-й „Несчастные“ цѣна 6 коп. Выпускъ 3-й сказки и легенды. Цѣна 12 коп. Выпускъ 4-й Крестьянскія дѣти. Цѣна 7 коп. Выпускъ 5-й. Женская доля, цѣна 10 коп. 1. А. В-въ. Какъ защищать свои имущественныя права на судѣ. Цѣна 10 коп. 1. А. В-въ. О томъ, какъ защищать себя на судѣ. Цѣна 15 к.

Изданіе М. В. Пирожкова. А. Де-Морсье. Права женщины. Ц. 50 к. М и х. Л е м к е. Эпоха цензурныхъ реформъ, 1859 — 1865 г. Ц. 3 руб. Л. Гуревичъ. Сѣдокъ и другіе разсказы. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изданіе А. Ф. Маркса. И. Н. Потапенко. Счастье по неволѣ. Ц. 1 р. 50 к. т. 1. И. Н. Потапенко. Побѣда. Ц. 1 р. 50 к. т. V.

Изд. Акціон. О-ва „Брокгаузъ-Ефронъ“. В. Стасовъ. Венеціанскій купецъ Шекспира.

Изд. Н. Глаголева. Танъ. Очерки и разсказы. Томъ третій. Ц. 1 рубль Танъ. Пашенькина смерть. Разсказъ. Цѣна 7 коп. Танъ. Черный студентъ. Разсказъ. Цѣна 4 коп. Танъ. Кто первый пролилъ на землѣ кровь Очеркъ. Цѣна 4 коп. Танъ. Очерки и разсказы т. 4. 2-ое изд. Цѣна 1 руб.

Изд. О. Н. Поповой. А. Щетинскій. Практическое руководство въ собранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Цѣна 50 коп.

Изд. газ. „Промышленный міръ“. А. С. Залшунна. Энциклопедія Банковаго Дѣла. Ц. 3 р.

Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. И. Д. Ивановичъ Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Ц. 60 к.

Изд. Л. Ф. Пантелъса. А. Комба д-ра. Дѣтская нервность. Ц. 50 к. Японія съ приложеніемъ карты. Корея и Манджурія. Война Россіи и Японіи.

Отчетъ о дѣятельности Народной безпл. бібліотеки-читальни, въ им. С. И. Никифорова въ Лиговѣ Спб: уѣзда.

Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1903 г.

Александръ Новиковъ. Единственная повѣсть Каценбогена Цѣна 15 коп.

Дмитрій Язковъ. Августѣйшій вѣстѣ (К. Р.) Критико-биографическій очеркъ. Федоръ Антоновичъ Туманскій. Цѣна 20 к. Князь Владиміръ Федоровичъ Одоевскій. Цѣна 20 коп. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Цѣна 20 коп. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Цѣна 20 коп.

Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 5-е. Ц. 50 к. Письма къ учащейся молодежи. Изд. 8-е. Ц. 50 к.

Ф. Софроновъ. Механика общественныхъ идеаловъ. Цѣна 50 к.

Е. Н. Любичъ. Тѣни жизни. Цѣна 50 к.

Гетте. Зоологія. Съ 66 рисунками. перев. подъ ред. П. Сушкина. М. 1904. Ц. 40 к.

Библиотека для всѣхъ. Н. Гаринъ. На практикѣ. Цѣна 5 коп. С. Елпатовскій. Апельсинчикъ. Цѣна 3 коп. О. Кирилль. Цѣна 5 к. Служащій. Цѣна 10 коп. Ив. Наживинъ. Дымъ, изъ жизни Париза. Ц. 1 к. Два старика. Ц. 3 коп.

В. Э. Денъ. Задачи экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. Цѣна 40 коп.

П. Первовъ. Международная школьная переписка.

Вл. Воморгъ. Слезы Ангела. Цѣна 75 коп.

Николай Лавровъ. Разказы „Въ нефть“. Цѣна 1 рубль.

Д-ръ А. В. Розенбаумъ. Мальтузіанизмъ и дѣторожденіе. Цѣна 1 рубль.

Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. 3 изд. Цѣна 60 к.

Эдуардъ Мейеръ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Цѣна 50 коп.

В. А. Готвальтъ. Краткія свѣдѣнія изъ неорганической химіи.

Н. Е. Оячуконъ. Печорскія былинны. Цѣна 2 р. 50 коп.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревни 1898—1903. Ц. 2 р. Библиот. „Общественной Пользы“.

Г. Б. Голлоссъ. Письма изъ Берлина. Ц. 2 руб. Вибл. „Общественной Пользы“.

А. Берло. Учебникъ Русской грамматики. Цѣна 40 к.

М. А. Арнольдъ. Сапъ съ 1894 г. 1901 г.

М. Коцюбинскій *Fata-morgana*. Ц. 15 к.

Отчетъ Харьковскаго общества взаимопомощи трудящихся женщинъ 1903 г.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности общества по устройству народныхъ чтеній.

XXIV годовоі отчетъ о дѣятельности убѣжища для неизлечимыхъ взрослыхъ слѣпыхъ учр. въ нам. докт. мед. Р. Ф. Блессига 1903 г.

Отчетъ Нижегород. город. обществен. библиотеки за 1903 г.

Изд. Л. А. Мунасѣева. Мире. Жизнь. Цѣна 1 рубль.

Изд. К. И. Тихомирова. Виноградовъ. Арифметика на счетахъ. Цѣна 20 коп. Ф. Борисовъ и В. Саратовъ. Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для нач. нар. учил. Цѣна 10 коп. В. Н. Саровъ. Сборникъ

грамматическихъ упражненій по русскому правописанію. Вып. 1. Цѣна 5 коп.

Изд. Д. С. Горькова. А. А. Мануиловъ. Очерки по крестьянскому вопросу. Вып. 1-й. Цѣна 1 руб. 25 коп. А. Дамашке. Задачи городского хозяйства. Цѣна 1 руб. 50 коп.

И. И. Вазлова. Донатъ. Радій. Докладъ, читанный въ Берлинѣ, въ обществѣ „Уранія“. Цѣна 30 коп.

Изд. Т-ва Донская ртуть. Ф. Поступаевъ. Пѣсни рабочей жизни. Цѣна 10 коп.

Изд. П. П. Сойкина. В. А. Глѣбовскій. Императрица Екатерина II и ея царствование. Цѣна 30 коп.

Я. Чимшильскій. Женскіе типы въ произведеніяхъ Вербницкой. Ц. 30 к.

А. К. Сизова. Новгородскіе новольники XIII вѣка. Цѣна 50 коп.

Ф. С. Красильниковъ. Малороссія и малороссы. Цѣна 25 коп.

М. Д. Рывкинъ. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Цѣна 1 руб.

Н. П. Стрелюхова. Въ Бухару. Цѣна 75 коп. Расскажь-быль. Докторъ Кейра. Извращеніе половой идеи. Цѣна 10 коп.

В. Л. Гобчанскій. Какъ рѣшить вопросъ о подготовкѣ преподавателей средней школы.

И. Тенеромо. Катастрофа. Повѣсть. Цѣна 25 коп.

С. А. Козловскій. Сборникъ 200 задачъ, служив. въ 1873—1903 гг. темами на экз. зрѣл. въ гимн. Цѣна 80 коп.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза.

Складовская-Кюри. Радій и радиоактивныя вещества. Цѣна 1 руб.

Изд. С. А. Козловскаго. К. Б. Пеніонжквичъ. Систематическій сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Цѣна 70 коп.

Изд. А. Ф. Маркса. Ad. Fedorow. Die Firma Vogt et Meier Leit-faden für den Deutschen Unterricht. Preis 1 Rubel.

С. Л. Величко. Японская покушка. Изъ № 21-го „Южныхъ Записокъ“ 2-го мая 1904 г.

Г. Шерръ. Всеобщая Исторія Литературы. Вып. V. Книга третья Англія. Вып. VI Книга третья. Англія—Германія. Вып. VII. Книга третья Германія. Вып. VIII. Книга третья. Германія (окончаніе). Нидерланды. Скандинавія. 2-е Изд.

К. Анениковъ. Система Русскаго Гражданскаго права. Томъ IV Отдѣльныя обязательства. Цѣна 4 руб.

Н. И. Карѣевъ. Историческое Обзорѣніе. Томъ XIII.

С. А. Венгеровъ. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. въ двѣнадцат. том. Томъ VII. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI. Цѣна 2 руб. 50 коп

Петръ Татаринъ. нар. учнт. Ариметическій задачникъ. Цѣна 30 к.

Ив. Чистяковъ. Образование народа во Франціи. Эпоха третьей республики (1870—1902). Цѣна 3 руб.

К. Флеровскій. Критика Основныхъ идей естествознанія. Цѣна 2 руб. 50 коп.

А. И. Томсонъ. Реформа въ ущербъ грамотности и правосознанию. Цѣна 30 коп.

Изд. Еврейскаго колонизацион. Общ-ва. Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи Евреевъ въ Россіи. Томъ I. и II. Цѣна 6 руб.

Научный Архивъ Виленской окружной лечебницы. № № 1 и 2.

Записки Иваново-Вознесенскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1904 г. Вып. 1-й.

Пятилѣтній опытъ Воронежскаго Губернскаго земства по устройству яслей-пріютовъ.

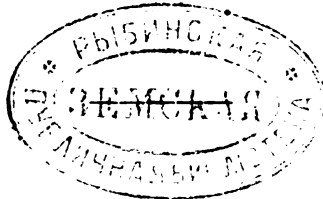
Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и на читальнъ за 1901 г.

Изд. Нѣмецко-Русское Издательское Общ-во. Путеводитель по Берлину, Западно-Европейскіе курорты и лечебницы.

Изд. В. В. Думнова, В. Гречушкинъ. Краткая географія. Цѣна 30 к.
С. И. Гречушкинъ. Міръ Вождй. Третья и четвертая книги для чтенія въ началн. двухл. и воскр. школ. Цѣна 80 коп.

Изд. *Wilson. Conan Doyle*—Adventures of Sherlock Holmes. Цѣна 50 коп.

Политехн. музей Учеб. отд. Отчетъ о дѣятельн. комиссіи по составл. коллекцій тѣневыхъ картинъ за 1903 г.

очеркъ. 4-е издание К. Тихомирова. (Библиотека народныхъ книгъ). М. 1904. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „Назаревскій, В. Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. IV выпускъ. Изданіе комиссін по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1903. Стр. 127. Цѣна не обозначена.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть. Изданіе 5-е ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 207. Цѣна 65 коп.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е издание ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп.

— „Острогорскій, Викторъ. Изъ народнаго быта. Изданіе 6-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 45. Цѣна 10 коп.

— „Свободинъ, М. Скворцы. Изданіе С. Курнннъ и К°. М. 1903. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“

— „Семеновъ, С. Т. Изъ дѣтскихъ лѣтъ крестьянина. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 62. Цѣна 20 коп.“

— „Сергѣенко, П. А. Сестра милосердія. Повѣсть. 2-е издание ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 132. Цѣна 40 коп.“

— „Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ). I. Екатерина Великая и Волгѣ. II. Что крѣпче? Два историч. разсказа для дѣтей. Изданіе автора С. Пб. 1903. Стр. 25. Цѣна 25 коп.“

— „Т., Е. Юрій Милославскій. По роману М. Н. Загоскина. ред. ред журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 230. Цѣна 30 коп.“

— „Тиличьева, М. В. Алека или Гдѣ же счастье? (съ французскаго). М. 1904. (Школьная библиотека). Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „Юрьева, М. Въ морѣ житейскомъ. Исторія одного семейства Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 289. Цѣна 1 р.“

— „Федоровъ-Давыдовъ, А. А. Разсказы и сказки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки¹⁾:

— „I. Братъ милосердія. Повѣсть. П. Ворота настезь! или Необыкновенный постоялый дворъ. Быль. № 143. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „Булгаковскій, Д. Г. Противъ пьянства. 2-е издание. С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній)

¹⁾ Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки, считаются допущенными также въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Буше, Е. Давайте рисовать Легкія упражненія въ рисованіи (Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1902. Стр. 8+21+64 листа рисунковъ. Цѣна 70 коп., въ пакѣтѣ 1 р.“

— „Варлихъ, В. К. Важнѣйшія болѣзни нашихъ культурныхъ растений, причиняемыя паразитными грибами. Изданіе А. Ф. Девриена. I. Болѣзни хлѣбныхъ злаковъ. С.-Пб. 1897. Стр. IV+37. Цѣна 50 коп.—II. Болѣзни плодовыхъ деревьевъ. С.-Пб. 1898. Стр. X+140. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Васинъ, Н. Разказы объ оборонѣ Севастополя. Сборникъ очерковъ и разказовъ. Изданіе М. В. Клюкина (Историческая библиотека). М. 1904. Стр. 88. Цѣна 20 коп.“

— „Верещагинъ, В. П. Народные разказы. Изданіе К. Тихомирова. Слѣды о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Переводъ съ англ. М. А. Железовой. Изданіе 2-е, О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+272 Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „Горностаевъ, Ѳ. Друзья сельскаго хозяина. Изданіе т-ва И. Д. Ситина. (Библиотека сельскаго хозяина). М. 1903. Стр. 108 III Цѣна 25 коп.“

— „Зандъ, Жоржъ. Великанъ Іеусъ. Сказка. Переводъ М. Д. Никоновой. 2-е изданіе, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 55. Цѣна 2 коп.“

— „Зандъ, Жоржъ. Крылья мужества. Сказка. Переводъ М. Д. Никоновой. 2-е изданіе, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 98. Цѣна 20 коп.“

— „Коропчевскій, Д. А. Первые уроки этнографіи. Изданіе К. П. Тихомирова. М. 1903. Стр. 176. Цѣна 75 коп.“

— „1) Корея. Исторія ея, политическое устройство, экономическое положеніе, торговля и промышленность. С.Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—2) Карта театра Русско-Японской войны. Цѣна 5 коп. Обѣ—изданія ред. „Новаго Журнала иностранной литературы“.“

— „Кочетковъ, В. Въ чемъ польза травосѣянія и почему оно быстро распространяется? (Деревенское хозяйство. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 30-й). М. 1903. (Стѣнной плакатъ).“

— „Кравчинскій, Дм. Лѣсовозращеніе. Основанія лѣсохозяйственнаго растеніеводства. 2-е изданіе, измѣн., А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+273. Цѣна 2 р. 25 коп.“

— „Кругловъ, А. В. Варуль и Онуфрій. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“

— „Лейкинъ, Н. А. Дачные страдальцы. 5 юмористическихъ разказовъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. 244. Цѣна 60 коп.“

— „Лермонтовъ, М. Ю. Ангель и другія стихотворенія. № 290. М. 1903. Стр. 30. Цѣна 1½ коп.“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Кара-ханымъ. (Дешевая библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 1) Хитрый вѣмецъ. Стр. 23. Цѣна 5 коп.—2) Дорогой камень. Стр. 48. Цѣна 10 коп.—3) Дѣдушкино

золото. Стр. 40. Цѣна 10 коп.—4) Въ глуши. Стр. 23. Цѣна 7 коп. (Всѣ 4—изданія ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903).“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. По Уралу. Разказы и очерки 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 185. Цѣна 50 коп.“

— „Митропольскій, И. Король камышей. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 86. Цѣна 30 коп.“

— „На что и владѣ, коли въ семьѣ ладѣ. Сборникъ для взрослыхъ про семейную жизнь. № 172. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „Немировичъ-Данченко, В. с. Ив. Контрабандисты. Изданіе 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 206. Цѣна 1 р.“

— „Ожешко, Элиза. Въ зимній вечеръ. Переводъ съ польскаго Маріи Троповскои. № 337. М. 1900. Стр. 103. Цѣна 3 коп.“

— „Орловскій, Сергій. Фредъ. (Школьная библиотека). М. 1904. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „Орловъ, Н. Н. Деревенскія бесѣды о житьѣ-бытьѣ. Выпускъ 1-й. М. 1901. Стр. 121. Цѣна 10 коп.“

— „Осетровъ, З. Б. Деревенская свадьба. Разказъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библиотека). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“ (съ условіемъ пониженія цѣны ея до 3 коп.)

— „Осетровъ, З. Б. Подъ огнемъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библиотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 коп.“

— „Осетровъ, З. Б. Сиротская копѣйка. Изданіе П. П. Сойкина (Народная библиотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 коп.“

— „Ошанинъ, И. А. Общее положеніе о крестьянахъ. Изданіе неофициальное. Рыбнскъ. 1903. Стр. 140. Цѣна 75 коп.“

— „Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Изданіе А. Ф. Девриена. Томъ IV. Картофелекопатели—Лень. С.-Пб. 1901. Стр. 1282.—Томъ V. Летучіе пески—Образованіе почвъ. С.-Пб. 1901. Стр. III+1280+4.—Томъ VI. Образованіе сельскохозяйственное—Питомникъ плодовой. С.-Пб. 1902. Стр. 1292.—Томъ VII. Пчелы—Пчеловодство въ Россіи. С.-Пб. 1902. Стр. 1280. Цѣна каждому тому 7 р. 50 коп.“

— „Радичъ, В. А. На стражѣ православія. Изданіе П. П. Сойкина С.-Пб. 1903. Стр. 205. Цѣна 50 коп.“

— „Русаневичъ, А. 1) Сельскія богадѣльни для престарѣлыхъ и одинокихъ крестьянъ. Изданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 коп.—2) Сельскія попечительства или комитеты для организаціи въ деревняхъ благотворительности. Изданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 22. Цѣна 15 коп.—3) Виѣшкольное просвѣщеніе народа въ связи съ разумными его развлеченіями. Екатеринославъ. 1903. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „Самоотверженные. Сборникъ разказовъ. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 224. Цѣна 50 коп.“

— „Семеновъ, С. Алексѣй заводчикъ. Разказъ № 334. М. 1899 Стр. 90. Цѣна не обозначена.“

- „Семеновъ, С. Т. 1) Баська. № 388. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.—2) Дядя Ойсай. № 461. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“
- „Семеновъ, С. Т. 1) Невѣста. № 463. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.—2) Настасья Большенина. Разсказъ. (Для взрослыхъ) № 181. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“
- „Семеновъ, С. Т. Недруги, Разсказъ. № 378. М. 1900. Стр. 36. Цѣна не обозначена.“
- „Сизова, А. Е. Добрый бояринъ стараго времени. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 43. Цѣна 15 коп.“
- „Соболевъ, Алексѣй. Посадка деревьевъ для защиты построекъ отъ пожара. С.-Пб. 1903. Стр. V+113. Цѣна 60 коп.“
- „Старинцынъ, Дм. Крестьянское хозяйство. 2-е изданіе. К. И Тихомирова. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“
- „Толстой, Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 71. Цѣна 80 коп.“
- „Ульяновъ, А. Вакса и Скряпка. Изданіе торг. дома С. Курнинъ и К^о. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 40 коп.“
- „Чеховъ, А. П. Каштанка. Разсказъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Стр. 93. Цѣна 2 р. 50 коп.“
- „Шмидевичъ, Я. М. Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изданіе 4-е, перераб. и доп., А. Ф. Девриѣна. С.-Пб. 1904. Стр. XV+864. Цѣна 3 д.“
- „Эберсъ, Георгъ. Человѣкъ бо есмь. Переводъ съ нѣм. Д. И. Котляръ. Изданіе О. Н. Поповой. (Библиотека „Другъ“). С.-Пб. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“
- „Эллиотъ, Джорджъ. Братъ и сестра или Мельница на флосъ. Переводъ съ англ. В. Толстой. № 449. М. 1903. Стр. 504. Цѣна 43 коп.“
- „Юрьева, М. Пріемышъ. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 88. Цѣна 40 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Гольдманъ, Л. Б. Русское пѣніе. Сборникъ русскихъ гимновъ, народныхъ и военныхъ пѣсень. Для трехъ однородныхъ голосовъ. Изданіе 3-е, значит. дополн. С.-Пб. 1903. Стр. 154. Цѣна 1 р.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Крижъ, В. О. 1) Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. 3-е изданіе И. Ф. Жиркова. М. 1903. Стр. 124. Цѣна 25 коп.—2) Азбука для сельскихъ школъ. Церковно-славянская азбука. Изданіе И. Ф. Жирковъ. М. 1902. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы книги, при слѣдующемъ изданіи, были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Покровский, М. Послѣ азбуки. С.-Пб. 1903. Стр. 61. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ). (Повторяется, въ виду неправильно напечатанной, въ октябрьской книжкѣ 1903 г., цѣны книжки).

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Булгаковскій, Д. Г. Первая русская хрестоматія съ подборомъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Изданіе 3-е, М. В. Ключина. М. 1903. Стр. 160. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— „Японскія народныя сказки. Въ переводѣ А. А. Федорова-Давыдова. Изд. ред. журн. „Святлчочъ“ и „Путеводный огонекъ“. М. 1904. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранены недостатки книги).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Двѣ картины, подъ общимъ заглавіемъ: „Война 1853—1856 годовъ Оборона Севастополя. Изданіе газеты „Русское чтеніе“. С.-Пб. 1904. Цѣна за обѣ картины 1 руб.“—допустить къ вывѣшиванію на стѣнахъ классныхъ комнатъ низшихъ учебныхъ заведеній, а также и въ помѣщеніяхъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Изданіе „Пчеловодство. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый подъ ред. С. К. Красноперова. Вятка. Цѣна съ дост. и перес. на домъ 1 р.“—внести въ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: „Ределинъ, Марія. Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 339. Цѣна 1 р. 40 к., въ переп. 2 р.“—допустить въ ученическія бібліотеки среднихъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, включивъ ее также въ каталогъ пособій по домоводству.

— Книгу: „Билъзе, лейтенантъ. Въ маленькомъ гарнизонѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Березовскаго. (Бесплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ“ за 1904 г.). С.-Пб. 1904. Стр. 183.“—не допускать въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: *).

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Воиновъ, А. Прямолинейная тригонометрія. Изданіе 5-е. М. 1903. Стр. 100 Цѣна 70 коп.“

— „Герасимовъ, М. Русская грамматика для начальныхъ училищъ Изданіе 2-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. II+146. Цѣна 25 коп.“ (для пригготовительныхъ классовъ).

— „Гессау, Г. Нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Изданіе 5-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 101 Цѣна 35 коп.“

— „Гешель, К. Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Рига. 1903. Стр. VII+116. Цѣна 40 коп.“

— „Ивановъ, К. А. Востокъ и мнѣм. С.Пб. 1904. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“ (для III класса).

— „Ивановъ, К. А. Элементарный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ С.-Пб. 1904 Стр. 148. Цѣна 60 коп.“ (для реальныхъ училищъ).

— „Карскій, Е. Ѡ. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнит. съ русскимъ. 11-е изданіе. Варшава. 1904. Стр. IV+100. Цѣна. 50 коп.“

— „Кильдюшевскій, Н. П. Прямолинейная тригонометрія. Казань. 1903. Стр. 124. Цѣна 75 коп.“

— „Кленце, Бернардъ. Курсъ французскаго языка. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. 1-я часть. Начальный курсъ. Изданіе 9-е. Стр. XVII+200. Цѣна 75 коп.—2-я часть. Курсъ среднихъ классовъ. Изданіе 7-е. Стр. XIX+360. Цѣна 1 р. 40 коп.“

— „Красногорскій, П. Синтаксисъ русскаго языка. Иданіе 6-е, испр. и доп. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+110. Цѣна 40 коп.“

— „Никульцевъ, П. Арифметика. Изданіе 7-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+271. Цѣна 70 коп.“

— „Острогорскій, М. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. 7-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. IV+140. Цѣна 60 коп.“ (для III класса женскихъ гимназій и прогимназій, а также для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Петровъ, Конст. Федор. Русскій языкъ. Этимологія въ образцахъ, 9-е изданіе. С.Пб. 1904. Стр. 2+120. Цѣна 40 коп.—Синтаксисъ въ образцахъ. 10-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“ (также и для низшихъ учебныхъ заведеній).

*) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1904 г. № 5.

— „Пржевальскій, Е. Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 6-е, испр. и доп. М. 1903. Стр. 284. Цѣна 1 р. 35 коп.“

— Чекала, С. Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Этимологія. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. Стр. IV+70. Цѣна 40 коп.“ (съ условіемъ пониженія продажной цѣны ея до 30 коп.).

— Чекала, С. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Курсъ 2-ой. Изданіе 17-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VII—196. Цѣна 80 коп.“

— Шлагландъ, А. Полный курсъ французскаго языка. 1-й годъ. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1904. Стр. 111. Цѣна 50 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— Воиновъ, А. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе 4-е изданіе М. 1903. Стр. 153. Цѣна 75 коп.“

— Генкель, А. 1) Школьный ботаническій атласъ. 3-ій выпускъ. Біологія растений. Изданіе подвижнаго музея учебныхъ пособій при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ. 12 таблицъ. С.-Пб. 1903. Цѣна 4 р.—2) Текстъ къ нему. С.-Пб. 1903. Стр. 36.“ (въ качествѣ класснаго учебнаго пособия).

— Глаголевъ, А. Н. Сборникъ ариметическихъ задачъ. М. 1904. Стр. 295. Цѣна 70 коп.“

— Картины по физической географіи. Изданіе магаз. Гросманъ и Кнебель М. 1903. 20 картинъ въ листахъ. Цѣна 2 руб.“ (въ качествѣ класснаго пособия, съ условіемъ пониженія продажной цѣны до 1 р. 50 коп.“

— Koch, Arthur. Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. II Teil. Für die unteren Klassen. St. Pbg. 1904. VI+384 S. Preis geb. 1 Rbl. 30 Kop.“ (для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ).

— Максимовъ, Я., и П. Глушинъ. Родная пчелка. Книга для чтенія. Изданіе 2-е, Г. Я. Юревича. С.-Пб. 1902. Стр. 218. Цѣна 50 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „Модели геометрическихъ тѣлъ (для выпрѣзыванія и склеиванія). Изданіе Вл. А. Попова, въ Москвѣ. 12 листовъ. Цѣна 50 коп.“ (также для учительскихъ институтовъ и семинарій и для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Повѣсти и рассказы новѣйшихъ нѣмецкихъ авторовъ. Томъ I. Объяснилъ и снабдилъ словаремъ. Р. Бертольдъ. Изданіе Эггерсъ и К°. С.-Пб. 1904. Стр. 136. Цѣна 50 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— Biehl W., H. Kulturhistorische Novellen. (Л. К. Якобсонъ Школьные изданія нѣмецкихъ авторовъ, вып. 4) С.-Пб. 1904. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Россія въ картинахъ. Изданіе магаз. Гросманъ и Кнебель. Москва. 8 картинъ. Цѣна не обозначена.“

— „Сальниковъ, А. Н. Учебная хрестоматія по русской словесности. Изданіе П. П. Соѣкина. С.-Пб. 1903. Часть I. (Курсъ V класса) Стр. III+154+VI. Цѣна 1 р.—Часть II. (Курсъ VI класса). Стр. III+163+V. Цѣна 1 р. 50 коп.—Часть III. (Курсъ VII класса). Стр. V+442+VI. Цѣна 2 р.“

— „Сиповскій, В. Л. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. (Историческая бібліотека для учащихся). Изданіе 3-е. С.-Пб. 1903. Стр. 60. Цѣна 75 коп.“ (для мужскихъ гимназій, а также въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть III. Время отъ Карамзина до Пушкина. Изданіе 10-е. А. Я. Панафидина. М. 1904. Стр. IV+535. Цѣна въ перепл. 1 р. 40 коп.“

— „Чекала, С. Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Курсъ 3-й. Изданіе 11-е, В. Думнова. М. 1904. Стр. 192. Цѣна 80 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы на зглавномъ листѣ книги исправлено было заявленіе о допущеніи книги ученымъ комитетомъ „въ качествѣ руководства (als Leitfaden)“, такъ какъ книга допускается ученымъ комитетомъ въ качествѣ учебнаго пособія).

в) въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Авенаріусъ, В. П. Создатель русской оперы, Михаилъ Ивановичъ Глинка. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 241. Цѣна 1 р. 50 коп., въ папѣ 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 25 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Блоханъ, Р. Воздухъ, вода, свѣтъ и тепло. 8 общедост. лекцій по химіи. Перевелъ съ нѣмец. Владиміръ Волгѣсонъ. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1900. Стр. 112. Цѣна 40 коп.“ (также въ учебныя бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Бухаревъ. Толкованіе на евангеліе отъ Іоанна. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 277+8+III. Цѣна 75 коп.“

— „Ганъ, И. К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Изданіе 8-е. Вильна. 1903. Стр. 80. Цѣна 30 коп.“

„Грунмахъ, Л., и Е. Розенбоомъ. Силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и технику. Полный переводъ съ IX нѣм. изданія, подъ ред. Н. А. Гезехуса. Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». (Промышленности и техника. Томъ II). С.-Пб. 1902. Стр. XXV+343. 10 выпусковъ по 50 коп., въ роск. полукож. перепл. 6 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.)

— „Гюнттеръ, С. Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шмидтъ. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+283. Цѣна 1 р. 25 коп., въ папѣ 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „Дари, Жоржъ. Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ.

Переведъ и дополнилъ К. И. Дебу. Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы“. С.-Пб. 1903. Стр. 448. Цѣна 2 р. 50 коп., въ перепл. 3 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Двигубскій, Н. П. Жизненные вопросы. (По сочиненію Томы Франка). Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 182. Цѣна 50 коп.“

— „Дѣдловъ, В. Л. Кіевскій Владимірскій соборъ и его художественные творцы. Изданіе книжн. магаз. Гросманъ и Кнебель. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 25). М. 1901. Стр. 86. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Ивановъ, Ив. Ив. Разказы о старинѣ. Халден. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни).

— „Кондрашова, Е. Н. Дѣти Солицевыхъ. Изданіе 2-е, А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. 287. Цѣна не обозначена.“ (для средняго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Лоджъ, Оливеръ. Современные взгляды на матерію. Переводъ А. И. Бачинскаго, просмотрѣнный Н. А. Умовымъ. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Львовъ, В. Н. Первое знакомство съ природой. Вып. IV. Деревья и кустарники. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1904. Стр. 68. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „Львовъ, Владиміръ. Въ нефтяномъ царствѣ. (Школьная библіотека). М. 1904. Стр. 60. Цѣна 20 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Мижуева, О. М. Луи Пастеръ и его научныя открытія. Изданіе М. М. Ладерле. (Нашему юношеству разказы о хорошихъ людяхъ № 19). С.-Пб. 1896. Стр. 79. Цѣна не обозначена.“

— „Паренсовъ, П. Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Изданіе В. Березовскаго. Часть 1-я. На войнѣ. С.-Пб. 1901. Стр. VII+444. Цѣна 3 р.—Часть 2-я. Ужасные дни. Часть 3-я. Затншье. С.-Пб. 1904. Стр. XIV+8+491+4+110. Съ прилож. плановъ на 7 отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 6 р.“ (для старшаго возраста).

— „Патканова, Е. Н. Курсъ практической стенографіи С. Пб. 1903. Стр. 41+11 табл. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Птиде-Жюльвилль, Л. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. (1800—1900 гг.). Переводъ съ франц. подъ ред. Ю. В. Веселовскаго, со вступительной статьей А. Н. Веселовскаго. Томъ I. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. VI+824. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста).

— „Рескинъ, Джонъ. Сочиненія. Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. Серія I. Книжка 9. Законъ Фіезоло. Полный переводъ, просмотръ. Л. П. Никифоровымъ. М. 1904. Стр. IX+152. Цѣна 80 коп.—Книжка 10. Орлиное гвѣздо. Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1903. Стр. 144. Цѣна 50 коп. Подписная цѣна въ I серію 5 р.“ (для старшаго возраста, а также въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго и подъ ред. В. П. Семенова. Томъ XVIII. Киргизскій край. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. VIII+478. Цѣна 2 р. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 коп., въ перепл. 3 р.“ (для старшаго возраста и для выдачи учащимся въ видѣ награды, а также въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Рубакинъ, Н. А. Въ пампасахъ. (Народы и страны. Географическая бібліотека. Вып. X). Изданіе П. П. Гершунина и Ко. С.-Пб. 1903. Стр. 188. Цѣна 50 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Рубакинъ, Н. А. Среди мусульманъ. (Народы и страны. Географическая бібліотека. Вып. VIII). Изданіе П. П. Гершунина и Ко. С.-Пб. 1903. Стр. 234. Цѣна 65 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „Рюминъ, В. В. Элементарная техническая минералогія. Харьковъ. 1904. Стр. 68+II. Цѣна 75 коп.“ (съ условіемъ пониженія продажной цѣны до 40 коп.).

— „Segret, I. A. Тригонометрія. Полный переводъ Владислава Вроблевскаго подъ ред. И. Иванова. С.-Пб. 1902. Стр. 320. Цѣна 1 р. 15 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Смайльсъ, Самуилъ. 1) Бережливость (Thrift). Переводъ В. Тимирязева. 2-е изданіе. Стр. 4+344+1. Цѣна 75 коп.—2) Характеръ Переводъ Н. Страхова. 2-е изданіе. Стр. 4+351+1. Цѣна 75 коп. (Объ—изданія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903).“ (также и въ бесплатныя народныя читальни).

— „Человѣкъ. Изображеніе его строенія на 5 таблицахъ съ объяснительнымъ текстомъ д-ра Фета. Переводъ съ нѣм. В. П. Гольдингера 2-е изданіе І. Клебеля. М. 1904. Стр. 31+табл. Цѣна не обозначена.“ (для реальныя училищъ, а также въ ученическія бібліотеки городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „Чижевъ, Е. Желѣзное царство. Разсказы про старое и новое время. Изданіе Е. И. Чижова. М. 1903. Стр. 142+1. Цѣна 30 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— Шмейль, О. Очерки изъ жизни растений. Переводъ съ нѣм. С. Г. Григорьева, Л. Д. Сницкаго и С. В. Чефранова. М. 1903. Стр. XII+2+508. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (также для выдачи учащимся въ среднихъ учебныя заведенія въ видѣ награды, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныя заведеній:

— „Ворисгоферъ, С. Изъ Лондона въ Австралію. Переводъ съ нѣм. Е. Святловскаго. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Пб. 1902. Стр. 236. Цѣна 2 р.“ (для средняго и младшаго возраста, а равно и въ без-

платныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были устранены замѣченныя въ книгѣ недостатки).

— „Въ досужій часъ. Дѣтскій альманахъ. Подъ ред. А. А. Ѳедорова-Давыдова. Годъ 3-й. Изданіе Н. Лидертъ. М. 1903. Стр. 161+1 Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Зауэръ, Ад. Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24 хромофотографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1904. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи переводъ объяснительнаго текста былъ исполненъ болѣе удовлетворительно).

— „Коганъ, П. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Изданіе С. Сквармунта. М. 1903. Стр. IX+432. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (съ условіемъ исправленія въ слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Погодинъ, А. А. Боги и герои Эпикъ. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 232. Цѣна 1 р.“ (также въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены недостатки).

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденныя г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: Лѣтопись войны съ Японіей. Издается на время войны выходитъ по воскресеньямъ. Редакторъ-издатель Дубенскій. Подписная цѣна съ дост. и перес. за каждыя 3 мѣсяца 3 р.—допустить къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и, кромѣ того, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Чегныхъ-Миней св. Дмитрія Ростовскаго. Изданіе Московской синодальной типографіи. Книга 2-я М. 1902 Стр. 642—Книга 3-я. М. 1902. Стр. 830.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Приборъ В. Ф. Гербста: „Солнечный треугольникъ. Цѣна 16 р.“—допустить для приобрѣтенія въ физическіе кабинеты среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: Конанъ-Дойль, А. 1) Красное по бѣлому. Переводъ съ англ. Н. Облеухова. Изданіе 2-е Д. П. Ефимова. М. 1903 Стр. 208. Цѣна 60 коп.—2) Знакъ четырехъ. Переводъ Н. Д. Облеухова. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 202. Цѣна 60 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги.

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ

— „Тихомировъ, Д. И. Вѣшніе всходы. 1-я послѣ азбуки книга для класснаго чтенія. Изд. 32-е М. 1903. Стр. 171. Цѣна 30 коп.—2-я книга. Изд. 27-ов. М. 1903. Стр. 255. Цѣна 40 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. Вѣшніе всходы. 3-ья и 4-ая книги для класснаго чтенія. 16-е изд. М. 1902. Стр. 424. Цѣна 60 коп.“ (также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.)

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Петри, Э. Ю. Методы и принципы географіи. Изд. 2-е, ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. (Учительская бібліотека). М. 1900. Стр. VII+316 Цѣна 1 р.“ (для городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Соколовъ, А. Ф. Методика начальнаго обученія церковно-славянскому языку. Изд. 3-е, испр. и значит. доп. М. 1903. Стр. 191. Цѣна 75 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Тихомировъ, Д. И. Вѣшніе всходы. Руководство для учителя къ 1-й, 2-ой и 3-ей книгамъ для класснаго чтенія. (Учительская бібліотека). 8-е изд. М. 1902. 172+3. Цѣна 40 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній *)

— „Вудъ трезвъ. Письмо къ брату. № 457. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 1¹/₂ коп.“

— „Вѣлоусовъ, Ив. Крылатые друзья. Сборникъ стихотвореній Изд. „Дамскаго Комитета для борьбы съ жестокими модами и для защиты птицъ“. М. 1903. Стр. 63. Цѣна 25 коп.“

— „Гофманъ, М. Какъ украсить елку. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. 21. Цѣна 15 коп.“

— „Ифантьевъ, П. П. Зауральскіе рассказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 84. Цѣна 25 коп.“ (для городскихъ училищъ.)

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Капитанъ Январь. Съ англ. перевела Е. Б. (Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 82 Цѣна 35 коп.“

— „Киплингъ. Разказы. Книжка 1-я. Съ англ. А. Н. Рождественскій. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1903. Стр. 183. Цѣна 50 коп.“

— „Коропчевскій, Д. А. Времена года. Географическія картинкы. 2-е изд. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. 163. Цѣна 45 коп.“

— „Лебедевъ, В. П. Великія сердца. Повѣсти и разказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова), М. 1903. Стр. 82. Цѣна 20 коп. (для городскихъ училищъ).

„Линденманъ. К. Э. О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукамъ въ амбарахъ. Изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библиотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). М. 1903. Стр. 31 Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Лукашевичъ, Клавдія. Очерки изъ обороны Севастополя. Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сыгина. 1) Осада Севастополя. М. 1903. Стр. 71. Цѣна 5 коп.—2) На бастионахъ Севастопольскихъ. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—3) Тяжелая зима въ Севастополѣ. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—4) Первое бомбардированіе Севастополя и смерть адмирала Корнилова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 к.—5) Два памятныхъ дня. Памяти генерала Хрулева. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—6) Малаховъ курганъ. Памяти генерала Хруцова и адмирала Истомина. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—7) Четвертый бастионъ. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—8) Богатыри Севастопольскіе. Вице-адмиралъ Корниловъ. М. 1904. Стр. 53. Цѣна 5 коп.—9) Севастопольскіе герои. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—10) Вылазки. Матросъ Кошка. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—11) Инкерманское сраженіе. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—12) Помощь родивъ. М. 1903. Стр. 70. Цѣна 5 коп.“

— Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 1) Бѣлоз золото. Повѣсть. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 143. Цѣна 50 коп.—2) Зарницы. 2-й сборникъ разказовъ для старшаго возраста. 4-е изд. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. 182. Цѣна 75 коп.“

— „Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Разказы и сказки. Томъ 2-ой. 2-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека „Для семьи и школы“). М. 1904. Стр. 232. Цѣна 1 р.“

— „Назаревскій, В. Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. V выпускъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904 Стр. 125. Цѣна не обозначена.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Поднебесный аулъ, 3-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова). М. 1903. Стр. 256. Цѣна 75 коп.“

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп.“

— „Нем про вичъ-Данченко, Вас. Ив. Оудька рудокопъ. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). 3-е изд. М. 1902. Стр. 146. Цѣна 50 коп.“

— „Праведный старецъ. Повѣсть № 176. М. 1901 Стр. 107. Цѣна 6 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Рабо, Шарль. Огненная земля (по Отто Норденшельду). Переводъ съ фран. Н. Н. Южаковой. Подъ ред. и со вступительной статьей Д. А. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. XIX+65+1 карта. Цѣна 40 коп.“

— „1) Россія и Дальній Востокъ. I. Русско-японская война. П. Корея и корейцы. (Дешевая иллюстрированная библиотека). С.-Пб. 1904. Стр. 64 Цѣна 6 коп.—2) Русско-японская война. (Россія и Дальній Востокъ) Японія и японцы. (Дешев. иллюстр. библ. № 3). С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 6 коп.“

— „Сетонъ-Томпсонъ, Э. Жизнь сѣраго медвѣдя. Переводъ съ англ. Н. Шишкова. (Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова). М. 1903. Стр. 97. Цѣна 40 коп.“

— „Сетонъ-Томпсонъ, Э. I. Маленькій герой. П. Кенгуровая крыса. III. Уличный пѣвецъ. Съ англ. Съ перевела Е. Б. (Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.) М. 1904. Стр. 67 Цѣна 30 коп.“

— „Сетонъ-Томсонъ, Э. Сѣрый медвѣдь Бабъ. Съ англ. А. П. Рождественской. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „Смирновъ, Петръ, Прославленіе святыхъ въ церкви христіанской православной. С.-Пб. 1903. Стр. 122. Цѣна 30 коп.“

— „Сно, Евгений. Цыгане. Очеркъ (Изд. Харьк. общ. грам.) № 115. Харьковъ. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „Стаилюковичъ, К. Антошка. Изданіе ред. журн. „Всходы“ С.-Пб. 1903. Стр. 274. Цѣна 80 коп.“

— „Чистяковъ, М. Приключеніе блднаго мальчика. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 93, Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „Шаховскій, И. К. Всѣ страны свѣта въ разказахъ маленькаго москвича. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 133. Цѣна 50 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки *).

— „Апостоловъ, А. Запорожье. Страна и народъ. (Изд. Ком. Харьк. общ. грам.) № 107. Харьковъ. 1903. Стр. 1351 Цѣна не обозначена“.

*) Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

- „Б-скій, М. На берегу моря. 2 издание П. О. Жаркова. № 4, М. 1899. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“
- „Бѣлоусовъ, И. А. Божья воля. 2-е издание И. О. Жиркова. № 10, М. 1898. Стр. 31. Цѣна 3 коп.“
- „В-тъ. Что такое чума? Издание О. И. Митюрникова. С.-Пб., 1903. Стр. 24. Цѣна не обозначена.“
- „Въ приемной врача. Переводъ съ франц. Н. П. Шапова. Издание первого Московскаго общества трезвости. Подъ ред. А. М. Коровина. № 1. М. 1903. Стр. 14. Цѣна 5 коп.“
- „Горбуновъ-Посадовъ, И. Англійскій король Кануть и другіе притчи и рассказы. № 395, М. 1903. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“
- „Дѣятель. Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ. Годъ VIII Казань. 1903. №№ 1—14. Подписная цѣна за годъ 2 р.“
- „Жирковъ, Ив. Нѣтъ худа безъ добра. 3-е изд. И. О. Жиркова. № 3. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“
- „Караваева, Е. Сказаніе о прекрасной Жемевьевѣ, герцогинѣ Брабантской, о мужѣ ея, сильномъ и славномъ, графѣ Зигфридѣ и о зломъ оруженосцѣ его Голо. Съ нѣмецкаго. № 444. М. 1903. Стр. 106. Цѣна 7 коп.“
- „Киплингъ. Рассказы. Книжка 2-я. Съ англ. А. Н. Рождественской. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библиотека для семьи и школы. подъ ред. Д. И. Тихомирова). М. 1903. Стр. 147. Цѣна 40 коп.“
- „Коломбо. Бѣдная невѣста или Въ рисовыхъ поляхъ. Переводъ съ итальянскаго. Изд. 2-е. № 278. М. 1903. Стр. 161. Цѣна 15 коп.“
- „Крестьянская реформа въ Екатеринославской губерніи. Издание Екатеринославскаго губернскаго статист. ком. подъ ред. Я. Гололобова. Екатеринославъ. 1903. Стр. IV+313. Цѣна 1 р.“
- „Крестьянскія работы и деревенская жизнь по мѣсяцамъ года. № 355. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“
- „Литвиненко, П. Волки. Рассказъ. Издание 2-е. книгоиздательства „Для дѣтей“. М. 1904. Стр. 31. Цѣна 30 коп.“
- „Львова, Л. Н. Ярко Хабаровъ, Амурскій герой. Историческій романъ изъ XVII-го столѣтія. Издание А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. 162. Цѣна 75 коп.“
- „Магдалина. Переводъ съ франц. Издание первого Московскаго общества трезвости. Подъ ред. А. М. Коровина. № 4. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“
- „Мацкевичъ, В. Дурная болѣзнь. Издание К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 19. Цѣна 4 коп.“
- „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. На далекомъ сѣверѣ. Издание П. П. Софкина. С.-Пб. 1903. Стр. 189. Цѣна 50 коп.“
- „Орловскій, С. Жизнь Диккенса, рассказанная дѣтямъ. (Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 65. Цѣна 25 коп.“
- „Орловъ, М. А. Какъ дѣлается поташъ? Издание П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“
- „П., М. Углекомы. № 421. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“

— Пименова, Э. К. Австралія и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой. (Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 91. Цѣна 30 коп.“

— Рунцова, О. Лихіе подарки. № 89. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 1½ к.“

— „Спутникъ здоровья. Общедоступный еженедѣльный журналъ для семьи. Въ годъ 52 №№ журнала. 12 книжекъ „Домашній врачъ“ и 24 книжки „Полезной бібліотеки“. Изданіе т—ва „Народная польза“. Редакторъ А. О. Дукагъ. Цѣна съ пересыл. и дост. въ годъ 5 р. Годъ IV С.-Пб 1902. №№ 1—52.—Годъ V. 1903. №№ 1—36.“

— „Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, Въ обработкѣ для русскихъ читателей А. Аванасьева-Чужбинскаго. Изданіе т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. X+377. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— Тютчевъ, Ф. Ф. Одинъ день на полѣ сраженія. 3-е изд. И. Ф. Жиркова. № 11. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 3 коп.“

— „Хотымскій П. І. Гришка. П. Добытчикъ. Разказы. № 387. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— „Хотымскій, П. І. Мать. П. Сестра бѣленькая. 2 разказа. № 381. М. 1900. Стр. 36. Цѣна 1½ коп.“

— Шмидтъ, П. Ю. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой. (Разказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 108. Цѣна 40 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ класному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Утушкинъ, Д. Записки по естественной исторіи для двухклассныхъ училищъ. Екатеринбургъ. 1903. Стр. 276+IV. Цѣна 60 коп.“ (Для сельскихъ 2-классныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „333 загадки. Сборникъ для дѣтей. Изданіе И. О. Жиркова. М. 1903. Стр. 44. Цѣна 15. коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніемъ ученаго комитета).

в) бесплатныя народныя читальни и бібліотеки:

— „Герасимовъ, М. Элементарная анатомія, физиологія и гигиена. 6-е изд., испр. и дополн. С.-Пб. 1904. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы исправленія согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Кассовичъ, М. Не давайте ни капли алкоголя дѣтямъ. Переводъ съ нѣм. А. М. Коровина. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. № 3. 1903. Стр. 8. Цѣна 3 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при

21. *ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.* Выразители общественнаго мнѣнія.—О національной особенности евреевъ.—Post-scriptum. **А. Изгова.** 48— 70
22. *РОДНЫЯ КАРТИНЫ.* О Львѣ Тихоміровѣ и его теоріи „мирнаго гнѣнія“ и „полезныхъ кровопусканій“. О гг. Меньшиковѣ и Менделѣевѣ и о „всемірномъ размноженіи“ какъ политической программѣ. Какъ поступить съ плѣнными японцами? Мнѣніе по этому вопросу „Московскихъ Вѣдомостей“. О сестрахъ милосердія и г-жѣ Лухмановой. Неосновательные процессы. Провинціальная юстиція. Дѣло Безсалова. Новый способъ пьянства. Война и печать. Мелочи **Александра Яблоновскаго.** 71— 95
23. *СО СТОРОНЫ.* Люди-ли матери? (По поводу „Критическихъ замѣтокъ“ г. А. Б.—въ журн. „Міръ Божій“). „**Марьи Сергѣевны.**“ 96—104
24. *ИЗЪ ОБЛАСТИ ЗНАНІЙ.* Электричество въ газахъ (съ 9 рис.). **А. Н.** 105—131
25. *НА ЗАПАДѢ.* (Изъ Германіи). Изъ галереи политическихъ скомороховъ. **Г. Гроссмана.** 132—146
26. *КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.* 1. К. Бальмонтъ. Собраніе стиховъ.—В. Ивановъ. Прозрачность.—А. Бѣлый. Золото въ лазури. **Н. Ашешова.** 2. М. Чеховъ. Синій чулокъ. **Н. Ашешова.** 3. Г. Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. **Н. М.** 4. А. Стриндбергъ. Отець. **В. Фриче.** 5. Е. Ляцкій. И. А. Гончаровъ. **С. Ашевскаго.** 6. М. Бинштокъ. Книга мудрости. **А. Налимова.** 7. А. Кони. **Ө. П. Гаазъ. Л. Василевскаго.** 8. **Ө. Икономовъ.** Наканунъ реформъ Петра Вел. **В. Николаева.** 9. В. Овчинникова. Проституція и проф. Тарновскій. **В. Фриче** 10. Д-ръ А. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ. **Д-ра Д. Никольскаго.** 11. W. Бонаровскій. Изъ народной медицины. **Л. Василевскаго.** 12. Изданія „Посредника“. **В. Величкиной.** Книги поступившія въ редакцію. 147—176
27. Книжный листокъ. 49— 64

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНИЕ“:

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Фр. Паульсена,

профессора Берлинскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго **Г. Гроссмана.**

Цѣна 1 р. 50 к. in 8, 412 стр.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Продолжается подписка на 1904 г.
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„Образование“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода — 3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 38.
Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у П. Печковской.
Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образование“ (Ришельевская).

1) Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть четко переписаны, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ стаций желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разорчкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно отъ 11 до 1 часу, кромѣ праздничныхъ дней.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

Вышло новое изданіе редакціи журнала „Образование“:

ОБНОВЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

Т. ГЕРЦЛЯ.

переводъ съ нѣмецкаго А. Даманской.

ЦѢНА 1 р.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

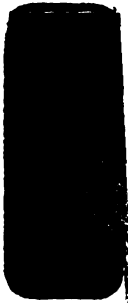
MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

MAR 18 2006

YC 84275

